

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

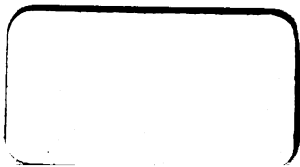
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929239 5

(Alma)
3051

*QCA

100

АЛЕКС. П.

BIBLIOTEKA DLYA
CHTENIYA

* 100

**БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.**

IX.

48 16

БИБЛОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ

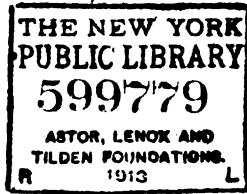
книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

№ 9

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
зурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1835 года Февраля 27 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

О Р Л А В Л Е Ш И Е

ДЕВЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣсни западныхъ Славянъ. А. С. Пушкина.	
Виднѣе Короля. — Янко Марнавичъ. — Битва у Зеницы Великой. — Феодоръ и Елена. — Влакъ въ Венециѣ. — Гайдукъ Хризанчъ. — Похоронная пѣсня, Маглановича. — Марко Якубовичъ. — Бонапарть и Черногорцы. — Соловей. — Пѣсня о Георгіѣ-Черномъ. — Воевода Милошъ. — Бурдалакъ. — Сестра и братья. — Янышъ Королевичъ.....	5.
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. А. С. Пушкина.....	111.
Прощаніе съ Петербургомъ. П. Ершова.....	117.
Тревожное раздумье. И. И. Козлова.....	120.
Пѣсни Закубанскихъ горцевъ. М. Венедиктова.....	122.
Орель. А. Майкова.....	123.
Старый Русскій замокъ. А. Якубовича.....	124.
Невѣста, элегія И. И. Козлова.....	126.

ПРОЗА.

Imbroglіo. Изъ записокъ путешественника. Кн. В. Ѳ. Одоевскаго.....	35.
Эбсамбуль. II. Посвященіе храма. Пикъ-пикъ. Лотарей. Барона Брамбеуса.....	69.
Пригожая казначейша, Сцены уезднаго городка. А. В. Шидловскаго.....	127.
Поездка на Гебридскіе Острова. А. С. Джумковскаго.....	148.
Двѣ Всемирныя Исторіи, Письмо изъ Швейцаріи. В. А. Жуковскаго.....	168.
Сказка о нуждѣ, о счастіи и о правдѣ. Казака Луганскаго.....	177.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Старикъ Горіо, Романъ Г. Бальзака. Часть вторая....	1.
Вашингтонъ Ирвингъ.....	107.
Сказаніе о поединкѣ между Ирландскимъ помѣщикомъ, Бобомъ Боркомъ, и прапорщикомъ 48-го пѣхотнаго полка, Теди Бреди. А. Ситниковой. Изъ Blackwood's Magazine.....	120.

Жена солнца. Счатья Г. Юлія Жанена. Изъ *Courrier du beau monde*..... 152.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Первобытный видъ и источники Несторовой летописи. <i>М. П. Погодина</i>	1.
Кювье.....	19.
Русское посольство во Францію и Испанію въ 1687 году. <i>Д. И. Языкова</i>	45.
Германская Философія.....	83

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Старыя и новыя понятія о сельскомъ хозяйствѣ. <i>Д. П. Шелехова</i>	1.
О козьемъ пухѣ. Доктора <i>Далля</i>	17.
Описаніе превосходно устроеннаго сельскаго хозяйства съ зерновымъ трехпольнымъ полеводствомъ, въ селѣ Латышинѣ княгини С. С. Мещерской, и его примѣненіе къ плодoperемвнному пяти-польному. <i>Д. П. Шелехова</i>	28.
Способъ приготовления вкуснѣйшаго и отличнѣйшаго кофе. <i>Н. П. Филипова</i>	41.
Составъ аргентина, или новаго серебра (<i>Neu-Silber</i>), называемаго также Китайскимъ (<i>Pak-fong</i>), <i>его же</i>	44.
Вѣрное средство гасить загорѣвшуюся въ трубѣ сажу.....	47.
Ванильный сыропъ.....	48.

V.

КРИТИКА.

✓ Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ», въ 1826—1829 годахъ, флота капитаномъ <i>Θ. Литке</i>	1.
Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго боя.....	33.
Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ—Шуйскій, драма. Г-на <i>Н. К.</i> — Роксолана, драма Г-на <i>Н. К.</i>	44.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1835. Новыя книги.....	1.
Мартъ, 1835. Новыя книги.....	25.
Разныя извѣстія.....	55.

VII.

СМѢСЬ.

МАРТЪ.

Королевскій Институтъ въ Лондонѣ:

Открытія Г. Меллонн.....	1.
Галлеева комета.....	4.
Вліяніе отравленій умственныхъ на тѣлесныя.....	7.
Долина Пещеръ на Островѣ Св. Михаила.....	10.
Зодчество мухолововъ.....	11.
Ночлегъ ласточекъ въ Америкѣ.....	13.
Медвѣжье чадолюбіе.....	15.
Лѣсные пожары въ Сѣверной Америкѣ.....	16.
Іерусалимъ въ 1831 году.....	19.
Пышность Ренджитъ-Сина.....	22.
Бременскій городской погребъ.....	24.
Примѣръ супружескаго самоотверженія.....	27.
Чудеса и дивы:	
1. Отличная ясновидящая.....	29.
2. Музыкальные старики.....	30.
3. Подземная рѣка.....	31.
4. Морской змѣй.....	—
5. Паровыя повозки съ деревяннымъ прикащикомъ.....	32.
6. Домовой.....	33.
Самостараніе дерева.....	35.
Характеристика Француженокъ.....	—
Первый изобрѣтатель паровыхъ машинъ. Письмо ма- шиньки Делормъ къ Сень-Марсу.....	37.
Количество воды, проливаемое Невоею въ море.....	39.
О томъ, какъ Г. Густавъ Планшъ отдѣлалъ Г. Виктора Гюго.....	40.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
Elle est folle. Les Pages de Bassompierre. La Tour de Ganges. Au clair de lune. Les deux Nourrices. Le fils de Triboulet. Le bal des Variétés.....	42

Словесность во Франціи.....	47.
Словесность въ Англіи.....	50.
Новыя книги, Французскія и Англійскія.....	52.
Моды (съ картинкою).....	53.

А П Р Е Л Ъ .

Королевское Азіатское Общество въ Лондонѣ :	
Новѣйшія извѣстія о Бирманяхъ.....	55.
Новое объясненіе сввернаго сіянія.....	58.
Небесное явленіе въ Ярославль.....	59.
Температура въ отношеніи къ животной и растительной жизни.....	59.
Новѣйшія муміи, человѣческія и деревянныя.....	60.
Ново-Голландскія собаки.....	61.
Преимущество ослѣпоты предъ глухотою.....	62.
Умственные способности обезьянъ :	
1. Павіаны.....	63.
2. Орангъ-утанги.....	65.
3. Последняя война между Англіею и обезьянами.....	71.
Мадагаскарскіе очерки.....	72.
Потомки древнихъ Македонцевъ въ Индіи.....	79.
Древній Сидонъ.....	81.
Торговля Мокскимъ кофеемъ.....	84.
Исторія ситцевъ и кисей.....	84.
О томъ, какъ любятъ женщины.....	88.
Французы, Англичане, Италіяны и Свверо-Амери- канцы.....	90.
Одно изъ новѣйшихъ самоубійствъ во Франціи.....	95.
Выставка произведеній Изыщныхъ Художествъ въ Парижѣ.....	96.
Французскій театръ въ Парижѣ :	
Chatterton, драма Альфреда де Виньи. La Juive, опера Скриба и Галеви. Aimer ou mourir, воде- вилъ Скрива. Les Gants jaunes, водевилъ Баяра. La Marquise. La Nonne sanglante. Fich-tong-kang. Le Bal aux avant-postes. Farinelli. Richelieu, etc... 100.	
Словесность во Франціи.....	126.
Словесность въ Англіи.....	128.
Словесность въ Германіи.....	129.
Новыя книги: Французскія. Англійскія. Нѣмецкія.....	137.
Моды (съ картинкою).....	143.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н И

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

1.

ВІДЪНІЕ КОРОЛЯ.

Король ходитъ большими шагами
Взадъ-и-впередъ по палатамъ;
Люди спать — королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаеть,
Голову отсвчъ ему грозитъ
И въ Стамбуль отослать ее кочеть.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
Не услышитъ-ли какого шума?
Слышитъ, востъ ночная птица,
Она чуетъ бѣду неминучу,

Скоро ей искать новой кровля
Для своихъ птенятъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключь-Градъ,
Не лула Ключь-Городъ озарлетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце,
Но великую творить онъ молитву
И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостъ валяются трупы,
Между ями хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ шагая черезъ трупы,
Кровь по щиколку ему достягаетъ...

Горе! въ церкви Турки и Татары
И предатели враги *Богумилы*.
На амвонъ самъ Султанъ безбожный
Держитъ онъ на голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукоятки.

Короля незапный обуялъ холодъ:
Тутъ-же видитъ онъ отца и брата
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа
Упуженно стоя на козлахъ,

Подаетъ ему свою корону;
Сѣва, также стоя на коѣнгахъ,
Его сынъ, Радивой окаленный,
Бусурманскою чалмою покрытъ
(Съ тою самою веревкою, котѣрой
Удвиль онъ несчастнаго старца),
Край помы у Султана цѣлуеть,
Какъ холопъ наказанный *фалангой*.

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гуръ-христіанъ беглербеемъ.
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнувъ,
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою!
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»
Басурмане на короля наскочили,
До пага всего его раздѣли,
Атаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуя!
«Плоть мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Иисусе!»

При семь имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло, —
Все исчезло — будто не бывало.

И король ошупье въ потемкахъ
 Коё-какъ до двери добрался,
 И съ молитвою на улицу вышелъ.
 Было тихо. Съ высокаго неба
 Городъ бѣлый луна озарила.
 Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,
 И пошли бусурмане на приступъ.

=

2.

ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъездахъ Бей Янко Марнавичъ?
 Что ему дома не сидится?
 Отчего двухъ почей онъ сряду
 Подъ одною кровлей не почуветь?
 Али недруги его могучи?
 Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
 Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
 Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
 Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,
 И были по Богу братья;
 Но Кирила несчастливый умеръ
 Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселѣе было пированье,
 Много пили меду и горьлки;
 Охмѣляли, обезумили гости,
 Два могучіе бей побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистола,
 Но рука его пьяная дрожала.

Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродить,
Словно воль ужаленный змією.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьєю,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко.
Видишь ли церковь Спаса отсель?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ,
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонёчикъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіяніе,
Близится оно къ нашему дому.»
Бѣй вдохнулъ, и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.

Радивой поднялъ желтое знамя:
 Опъ идетъ войпой на бусурмана.
 А Далматы, завидя наше войско,
 Своя длинныя усы закрутили,
 На бекрень надѣли свои шапки,
 И сказали: «Возьмите насъ съ собою:
 Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ прииалъ
 И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Стали жечь Турецкія деревни,
 А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.
 Беглербей со своими Бошняками
 Противъ насъ пришелъ изъ Баняловки;
 Но лишь только заржали ихъ кони,
 И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
 Засверкали у Зеницы-Великой,
 Разбѣжались измѣнники Далматы;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ тобою
 И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ.»
 Стали биться мы тогда жестоко,
 Всякъ изъ насъ троиухъ воиновъ стоилъ;
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острія по самой рукояти.
 Но когда черезъ рѣчку стали
 Тѣсной кучкою мы переправляться,
 Селихтаръ съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
 «Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
 «Намъ управиться съ ними невозможно.

«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 «И спасайся тамъ отъ Селхитара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою,
 Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣе
 На коня моего вороного;
 Черезъ рѣчку вплавъ переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь съѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ враги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

=

4.

ФЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

.....

 Стамати былъ старъ и безсиленъ,
 А Елена молода и проворна;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ охая да хромая.
 По дѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба! отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ жиду лиходею приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.
 Жидъ сказалъ: «Ступай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходит Стамати,
 Отыскавъ подъ каменьями жабу,
 И въ горшкѣ жиду ее приноситъ.
 Жидъ на жабу проливаетъ воду,
 Нарекаетъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ Христіанское имя
 Нарещи такой поганой твари!).
 Они жабу всю потомъ искололи,
 И ее — ея жъ кровью наполни;
 Напивши, заставили жабу
 Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
 «Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
 Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
 Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
 А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
 Показалось бѣдной молодицѣ,
 Что змія у ней въ животѣ шевелится.
 Испугалась молодая Елена;
 Она кликнула сестру свою меньшую.
 Та ее молокомъ наполнила,
 Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
 Стали баять: Елена брюхата.
 Каково-то будетъ ей отъ мужа,
 Какъ воротится онъ изъ-за моря!
 И Елена стыдится и плачетъ,
 И на улицу выдти не смѣетъ,
 День сидитъ, ночью ей не спится.
 Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
 «Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и — Феодоръ
 Воротился на свою сторонку.

Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой, — и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань Елена,» говоритъ Θεодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я невиновата,
Испортили меня злые люди.»

Но Θεодоръ женѣ не повѣрилъ :
Онъ отсккъ ей голову по плечи.
Отсккши, онъ самъ себѣ молвилъ :
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить,
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ! — на мѣсто милаго дѣтяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Θεодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну :
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,

И мертвѣя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старыи Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Феодоръ Стамати зарывалъ,
А жиды убили какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ папихиду.

=

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦИИ.

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далмать пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро тамъ ты разбогатѣешь,
И воротись въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой каменной лодкѣ,

Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволею какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвию;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу — Здравствуй Дмитрій Алексичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

=

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменяхъ
Притаялся храбрый Гайдукъ Хризичъ.
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына,
Ихъ нельзя изъ пещеры выдти,
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Когда чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»

И упала мертвая на землю.
 Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
 Сыновья плакать при немъ не смѣли;
 Они только очи отирали
 Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
 Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался.
 Закричалъ онъ старшему брату:
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моею кровью,
 А умремъ мы голодною смертью,
 Станемъ мы выходить изъ могилы
 Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.»
 Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
 «Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
 И всѣ трое со скалы въ долину
 Сбѣжали какъ бѣшенныя волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣлелъ;
 Головы враги у нихъ отсекли
 И на колья свои насадили, —
 А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
 Такъ имъ страшнѣе было Хризичъ съ сыновьями.

=

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

І А К Н И Ф А М А Г Л А Н О В И Ч А.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Съ Богомъ! нынѣ въ честь твою,

Помолясь усердно Богу,
Кубокъ я прощальный пью.

Пуля легче лихорадки;
Волею умеръ ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдется какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ, — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣть Атаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ, — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Съ Богомъ! нынѣ въ честь твою,
Помолясь усердно Богу,
Кубокъ я прощальный пью.

=

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
Т. IX. — От. I.

А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
 Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
 Просить онъ напиться, ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.
 Вотъ, напившись, говорить онъ Маркъ:
 «Это что подъ горою тамъ видно?»
 Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое»
 Говоритъ незнакомый прохожій:
 «Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
 Тутъ широкій розвилъ онъ поясъ,
 Кажеть Маркъ кровавую рану.
 «Три дня, молвилъ, пошу я подъ сердцемъ
 Бусурмана свинцовую пулю.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою явой.»
 И со мной положи мою саблю,
 Потому что я славный былъ воинъ.

Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко сталъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 «Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
 Поддержать гостя нашего долъ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко съѣлъ на коня вороного,
 Взялъ съ собою мертвое тѣло,
 И повхалъ съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокую вырыли могилу,
 И съ молитвой мертвеца схоронили.
 Вотъ проходитъ педѣлъ, другая,

Сталъ худѣть сыночкѣ у Марка;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу Калуерьъ приходитъ, —
 Посмотрѣлъ на ребенка, и молвилъ:
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзнію;
 Посмотри на бѣлую его шею:
 Видишь ты кровавую ранку?
 Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
 Отправилась тотчасъ на кладбище;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видать, — трупъ румяный и свѣжій, —
 Ногти выросли какъ вороньи когти,
 А лицо обросло бородою, —
 Алой кровью вымазаны губы, —
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
 Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
 Онъ бѣжалъ быстрее чѣмъ лошадь
 Стременими острыми лязвима;
 И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
 А суки деревъ такъ и трещали,
 Ломаясь какъ замерзлыя прутья.

Калуерьъ могильною землею
 Ребенка больнаго всего вытеръ,
 И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
 На закатъ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
 Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыла,
 Отворилась дверь сама собою,
 И вошелъ великанъ, наклонившись,

Съѣзъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
 Потолка головою касаясь.
 Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
 Неподвижно глядѣлъ на него Марко
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ ;
 Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
 Запалилъ кипарисную вѣтку,
 И подулъ дымъ на великана.
 И затрясся Вурдалакъ проклятый,
 Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
 Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту же пору
 Песъ залаялъ, дверь отворилась,
 И вошелъ человекъ незнакомый.
 Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
 Съѣзъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
 Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый, —
 Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
 Но сверкали у него змыя глазки.
 И старикъ въ третій разъ его погналъ,
 И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

=

9.

БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
 Бонапарта спросилъ:
 «Правда ль: это племя злое,
 «Не боятся нашихъ силъ?»

«Такъ раскается жъ пахалы:
 «Объявить ихъ старшинамъ,

«Чтобы ружья и книжалы
«Всѣ несли къ намъ погамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ, —
Вотъ они вступили, въ горы,
Истребляя все кругомъ.

.....
.....

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ, смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не падите жъ никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притааясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: -- «Это что?»

Удивясь, они сказали:
«Эхо, что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человекъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустились въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу не значай.

=

10.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни,
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота,
Рано молодца женили;
А вторая-то забота, —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Размучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,

Такъ сплетутъ себѣ вѣночки.
 Пойдутъ мимо стары люди,
 Такъ воды себѣ зачерпнуть.

=

II.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
 Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
 Старый Петро сына укоряетъ:
 «Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
 Не боишься ты Господа Бога,
 Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
 Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
 Аль о двухъ головахъ ты родился?
 Пропадай ты себѣ, окаянный,
 Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»
 Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
 «Изъ ума старикъ, видно, выжилъ,
 Коли лаетъ безумныя рѣчи.»
 Старый Петро пуще осердился,
 Пуще онъ бранится, бушуетъ.
 Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
 Туркамъ выдать ослушнаго сына,
 Объявить убѣжище Сербовъ.
 Онъ изъ темной пещеры выходитъ ;
 Георгій старика догоняетъ:
 «Воротися, отецъ, воротися!»
 Отпусти мнѣ невольное слово.»
 Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
 «Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
 Слышъ ему впередъ забѣгаетъ,
 Старику кланяется въ ноги.

Не взглянул на сына старый Петро.
 Догоняет вновь его Георгій,
 И хватается за сивую косу.
 «Воротись, ради Господа Бога:
 Не введи ты меня въ искушенье!»
 Отпихнул старикъ его сердито,
 И пошелъ по Българской дорогъ.
 Горько, горько, Георгій заплакалъ,
 Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
 Взвелъ курокъ, да и выстрѣлялъ тутъ же.
 Закричалъ Петро, зашатавшись:
 «Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И упалъ на дорогу бездыханенъ.
 Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
 Его мать вышла ему на встрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
 Отвѣчаетъ Георгій сурово:
 «За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
 И заснулъ на Българской дорогъ.»
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богомъ проклять ты, черный,
 Коль убилъ ты отца роднаго!»
 Съ той поры Георгій Петровичъ
 У людей прозывается Черный.

=

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
 Завѣдаютъ насъ волки Янычары!
 Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
 Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
 Сымовай въ неволю забираютъ,
 Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку

Распѣвать зазорныя пѣсни
 И плясать басурманскія пляски.
 Старыи даже съ нами согласны:
 Унимать насъ они перестали, —
 Ужъ и имъ пестерпимо насилье.
 Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
 Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
 Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
 Или вы ужъ не Сербы, — Цыганы!
 Или вы не мужчины, — старухи?
 Вы бросайте ваши бѣлые дома,
 Уходите въ Велійское ущелье, —
 Тамъ гроза готовится на Турокъ,
 Тамъ дружинну свою собираетъ
 Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

=

13.

ВУРДАЛАКЪ.*

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
 Разъ онъ поздною порой,
 Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
 Черезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ,
 Спотыкаясь, чуть бредетъ
 По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ, —
 Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ; — шагнуть не можетъ.
 Боже! думаетъ бѣднякъ,
 Это вѣрно кости гложетъ
 Красногубый вурдалакъ.

* Вурдалакъ, Вудкодлакъ, Упырь (vampire).

Горе! малый я не сильный;
 Съестъ Упырь меня совсѣмъ,
 Если самъ земли могильной
 Я съ молитвою не съѣмъ.

Что-жь? вместо Вурдалака —
 (Вы представьте Вани злость!)
 Въ темнотѣ предъ нимъ собака
 На могилѣ гложетъ кость.

=

14.

СЕСТРА И БРАТЪЯ.

Два дубочка выросли рядомъ,
 Между ими тонковерхая елка.
 Не два дуба рядомъ выросли,
 Жили вмѣстѣ два брѣтца родные:
 Одицъ Павелъ, а другой Радула,
 А межъ ими сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всякую ей оказывали милость;
 Напоследокъ ей ножъ подарили
 Золоченый въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говорить она Радуловой любѣ:
 «Невѣстухка, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зелія такова,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя:
 «По Богу сестра моя, невѣстка,
 Я не знаю зелія такова;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказада;
 И меня братья мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»

Вотъ пошла Павлиха къ водоною,
Да заръзала коня воронаго,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечерамъ поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая.
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка.
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтлицу:

На перинѣ Елица почивала,
 Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
 Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ, —
 Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
 «Ой сестра, убей тебя. Боже!
 Извела ты коня воропаго,
 И въ саду сокола заколола;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!
 Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
 Выведи меня въ чистое поле,
 Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
 Пусть они мое бѣлое тѣло
 Разорвутъ на четыре части.»
 Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алые цвѣточки;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
 Прошло малое послѣ того время,
 Захворала молодая Павлиха:
 Девять лѣтъ Павлиха все хвораеть, —
 Выросла трава сквозь ея кости,
 Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится
 Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
 Люто страждетъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся.»
 Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,

И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, молодая Павлиха,
 Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то молодая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди меня къ бывшему дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любви послушался Павелъ,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросло тамъ тернье да кропива;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 На томъ мѣстѣ озеро провалило.
 Воронъ конь по озеру выплываетъ,
 За конемъ золоченая люлька,
 На той люлкѣ сидитъ соколъ птица,
 Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
 Рука матери у него подъ горломъ,
 Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

=

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ Янышъ королевичъ
 Молодую красавицу Елицу.
 Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
 Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любусъ, Чешской королевнѣ.
 Съ прежней любовью идетъ онъ проститься.
 Ей приносить съ червонцами чересь,
 Да гремучія серги золотыя,

Да жемчужное тройное ожерелье.
 Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
 Навязалъ на шею ожерелье,
 Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
 Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
 И повхалъ своею дорогою.
 Какъ одна осталася Елица,
 Деньги наземь она пометала,
 Изъ ушей выдернула серги,
 Ожерелье на двое разорвала,
 А сама кинулась въ Мораву.
 Тамъ на днѣ молодая Елица:
 Водяною царицей очнулась,
 И родила маленькую дочку,
 И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
 Королевичъ ѣздить на охотѣ,
 Ѣздить онъ по берегу Моравы;
 Захотѣлъ онъ коня воропаго
 Напоить студеною водою.
 Но лишь только запявненную морду
 Сунулъ конь въ студеную воду,
 Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
 Хвать коня за узду золотую!
 Конь отдернулъ голову въ испугъ,
 На уздѣ виситъ Водяница
 Какъ на удѣ пойманная рыбка, —
 Конь кружится по чистому лугу,
 Потрясая уздой золотою;
 Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
 Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
 Чуть сдержалъ коня воронова,
 Осадивъ могучею рукою.
 Говоритъ ей Янышь королевичъ:
 «Разскажи, какое ты творенье:
 Женщина ль тебя породила,

Иль Богомъ проклятая Вила?»

Отвѣчаетъ ему Водяница:

«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовуть меня Водяницей.»

Королевичъ при такомъ отвѣтѣ

Соскочилъ съ коня воронова,

Обнялъ дочь свою, Водяницу

И слезами заливался, молвилъ:

«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?»

Я слыхалъ, что она потонула.»

Отвѣчаетъ ему Водяница:

«Мать моя царица водяная;

Она властвуетъ надъ всеми рѣками,

Надъ рѣками и надъ озерами;

Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,

Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»

Водяницѣ молвилъ королевичъ:

«Такъ иди же къ водяной царицѣ,

И скажи ей: Янышъ королевичъ

Ей поклонъ усердный посылаетъ,

И у ней свиданія просить

На зеленомъ берегу Моравы.

Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»

Они послѣ того расстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,

Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;

Вдругъ изъ рѣчки, по былымъ груди,

Поднялась царица водяная,

И сказала: «Янышъ королевичъ,

У меня свиданія просилъ ты:

Говори, чего еще ты хочешь?»

Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,

Разгорѣлся снова въ немъ желанья,

Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.

«Люба ты моя, млада Елица,

Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаеть,
Не внимаеть, головою киваеть:
«Нѣтъ, не выду, Янышь королевичъ,
Я къ тебѣ на земный берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышь королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣеть,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

А. ПУШКИНЪ.

П Р О З А.

IMBROGLIO.

(Изъ записокъ путешественника.)

=

Одинъ изъ моихъ пріятелей сообщилъ мнѣ описаніе страннаго приключенія, случившагося съ нимъ во время его путешествія по Италіи. Мой пріятель не авторъ, и не умѣетъ разсказывать красно и витіевато; желаю, чтобы интересъ самаго происшествія замѣнилъ для моихъ читателей красоту разсказа. Повторяю, мой пріятель не авторъ, но простой путешественникъ, туристъ, для очистки совѣсти принявшійся за перо.

Солнце уже заходило. Пароходъ нашъ летѣлъ стрѣлою. Неаполитанскій заливъ открывался во всемъ своемъ величіи. Пассажиры бросились на палубу. Хотя мы уже седьмой день все больше и больше подвигались подъ Италіянское небо, но при видѣ берега оно показалось намъ еще прекраснѣе. Я не буду описывать нашихъ восклицаній, нашихъ восхищеній, нашей радости: надобно испытать ее.

Дымъ изъ пароваго котла, какъ-будто сердца въ долгое заключеніе, съ шипѣніемъ и брызгами выскокилъ изъ трубы, колеса замерли; насъ окружили тысячи лодокъ. Путешествуя безъ слуги, я взвалилъ на плеча свой маленькій чемоданчикъ, и бросился въ одну изъ нихъ.

— Alle crocelle, а Santa Lucia, сказалъ я гребцу, справившись съ своимъ Guide du Voyageur: какой трактиръ всѣхъ дешевле.

— Si, signore, отвѣчалъ лодочникъ, и сильно взмахнулъ веслами.

Добравшись до трактира, я занялъ первую мнѣ попавшуюся комнату, сбросилъ скорѣе съ плечъ мою котомку, отдалъ мои бумаги трактирщику, и со всѣмъ нетерпѣніемъ сѣвернаго жителя, выбѣжалъ на улицу, чтобъ насладиться роскошною Италіанскою ночью и величественной картиной, бывшею у меня передъ глазами. Долго бродилъ я по улицамъ, и не чувствительно дошелъ до Villa-reale, на берегъ моря. Все поражало меня, все приковывало мое вниманіе,—и архитектура зданій, и новая для меня одежда, и черты лицъ опаленныхъ солнцемъ. Я прислушивался къ пѣнію рыбаковъ, къ повѣстямъ ихъ разскащиковъ, заходилъ въ церкви, заглядывалъ въ окошки домовъ, словомъ наслаждался вполне, какъ только можетъ наслаждаться человекъ, внезапно черезъ море перенесенный изъ далекаго сѣвера въ поэтическое отечество Тасса. Въ этомъ наслажденіи я не замѣчалъ времени, какъ вдругъ небо потемнѣло; тутъ я вспомнилъ, что въ южныхъ странахъ не бываетъ сумерекъ, и что мнѣ, иностранцу, легко можно заблудиться: впрочемъ другихъ опасностей я не предвидывалъ. Время романтическихъ приключеній прошло и для Италіи; грозныхъ поэтическихъ разбойниковъ уняла полиція; кому жъ мой небогатый шарядъ, и еще менѣе богатый кошелекъ, не могли обратить на себя корыстолюбиваго вниманія. Я подумалъ, и рѣшился повѣрить мой органъ мѣстной памяти, — добратся до ночлега, никого не спрашивая. Признаюсь, мнѣ почти хотѣлось не найти моего трактира, чтобы цѣмъ случай провести ночь подъ открытымъ небомъ. Не успѣлъ я пройти нѣсколько шаговъ, какъ почувствовалъ, что двѣ сильныя руки схватили меня сзади; въ ту же минуту другія двѣ руки накинули мнѣ платокъ на лицо, и затянули такъ крѣпко, что я не могъ даже закричать, не только видѣть, кому вздумалось такъ забавляться надо мною.

Но было не до шутокъ, когда я почувствовалъ, что мнѣ связали руки и ноги, и потащили Богъ-знаетъ куда, съ большой быстротою. Всякое сопротивленіе было тщетно; я позволилъ дѣлать съ собою все, что было угодно моимъ насильщикамъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки этого страннаго приключенія. Наконецъ мы остановились. Я услышалъ шумъ весель, и скоро почувствовалъ, что пахожусь въ лодкѣ. Это меня нѣсколько успокоило. «Если бы я былъ взятъ разбойниками, подумалъ я, то они не стали бы столько со мною церемониться». Но тутъ мнѣ пришли въ голову рассказы о людяхъ, которые были задержаны шайкою воровъ, и могли освободиться только посредствомъ большаго выкупа, въ ожиданіи котораго і bravi занимаются обрѣзываніемъ носовъ и ушей жертвъ своихъ. Отъ этой мысли дрожь у меня пробѣжала по членамъ: попятіе о богатствѣ Русскихъ, которое имѣютъ въ Италіи; мое слишкомъ недостаточное состояніе; увѣренность, что я не легко могу освободиться отъ бездѣльниковъ, и что можетъ-быть очень горькая участь меня ожидаетъ, — все это стѣснилось въ головѣ моей, и рисовало картину ужасную. Но тутъ я вспомнилъ, что никогда не слыхано о подобныхъ приключеніяхъ въ Неаполѣ, и снова началъ теряться въ догадкахъ. Тщетно хотѣлъ я прислушаться къ разговору моихъ товарищей: они хранили глубокое молчаніе. Наконецъ лодка причалила къ берегу, снова мои проводники подняли меня на руки, пронесли нѣсколько шаговъ, — я услышалъ скрипъ дверей, и почувствовалъ, что меня тащутъ по лѣстницѣ. Послышались звуки нѣсколькихъ голосовъ ближе, ближе; наконецъ сильная рука схватила меня за грудь и грубый, задыхающійся отъ гнѣва голосъ, проговорилъ: — Scelerato! Между-тѣмъ развязали мнѣ ноги, протащили еще нѣсколько шаговъ, и раздался крикъ женщины. Въ эту минуту повязка, закрывавшая мое лицо, была сорвана, и я увидѣлъ себя въ комнатѣ,

обитой чернымъ сукномъ, — передъ собой молодую прекрасную женщину въ черномъ платьѣ, которая бросилась въ мои объятія, и вдругъ отступила, стала на колѣни, и съ радостнымъ крикомъ начала благодарить Бога. Возлѣ меня стоялъ человекъ пожилыхъ лѣтъ, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, и еще другой, уже постыдѣвшій.

— Тщетно ты хочешь обмануть насъ, сказалъ первый по-Италіянски, обращаясь къ молодой женщинѣ: вмѣсто этихъ сценъ лучше спиши проститься съ нимъ; его послѣдняя минута наступила.

Молодая женщина ничего не отвѣчала: она смотрѣла на меня, и, казалось, была въ нерѣшимости. Наконецъ она какъ-бы превозмогла себя и вскричала: — Судьба обманула васъ; это не онъ.

Тутъ я постарался вспомнить всѣ слова, которыя слыхалъ въ Италіянскихъ операхъ, и, запинаясь каждую минуту, сказалъ почти слѣдующее:

— Я вижу, милостивые государи, что я здѣсь жертва какого-то недоразумѣнія, и что вы меня принимаете за другаго. Я не буду говорить вамъ, какъ противно чести нападать на безоружнаго человека.....

— Тутъ не о чести дѣло, вскричалъ старикъ съ гнѣвомъ.

Однако жъ мой иностранный выговоръ, казалось, поразилъ ихъ: я видѣлъ на ихъ лицѣ недоумѣніе.

— Я иностранецъ, милостивые государи, продолжалъ я.

— Не правда! вскричали оба.

— Я сейчасъ только съ парохода.

— Это мы знаемъ.

— Я офицеръ Русской службы.

— И это мы знаемъ; мы знаемъ всѣ твои обстоятельства.

— Если такъ, милостивые государи, то я уже рѣшительно не понимаю, зачѣмъ я здѣсь. Я никогда не бывалъ въ Италіи, даже не имѣю здѣсь ни одного знакомаго. Я Русскій, милостивые государи, повторяю вамъ; и прибавлю, что мое правительство не потерпитъ, чтобы мнѣ была нанесена какаля-нибудь обида.....

Мои странныя фразы, мой иностранный выговоръ, видимо поражалъ ихъ; они смотрѣли въ нерѣшимости то другъ на друга, то на молодую женщину, которая, сидя въ креслахъ, спокойно ожидала окончанія нашего разговора.

— Покажите ваши бумаги? сказалъ мнѣ одинъ изъ незнакомецъ.

Тутъ я вспомнилъ, какъ неосторожно поступилъ я, оставивъ свои бумаги у трактирщика, и не побывавши прежде у нашего посланника. Какъ-бы упавшій съ неба посреди людей, мнѣ совершенно незнакомыхъ, въ странѣ иноземной, незнаемой ни кѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, я былъ въ полной власти моихъ гонителей.

— Мои бумаги остались въ трактирѣ, отвѣчалъ я. Вы можете объ нихъ справиться.

— Прекрасная выдумка! Вы знаете, что мы не можемъ объ нихъ справиться.

Съ этими словами незнакомецъ разстегнулъ мой фракъ, безъ церемоніи опустилъ руку въ карманъ и вынулъ изъ него случайно оставшуюся въ немъ записку одного изъ моихъ пріятелей, писанную по-Русски.

— Языкъ, на которомъ писана эта записка, сказалъ я, можетъ вамъ доказать, что я не тотъ, за кого вы меня принимаете.

— Эта записка ничего не доказываетъ, мы повторяемъ: намъ извѣстно, что вы пріѣхали изъ Россіи. Скажите, если вы въ самомъ дѣлѣ иностранецъ, что заставило васъ остановиться не въ такомъ трактирѣ, гдѣ обыкно-

вечно только остававливаются иностранцы? что васъ заставило такъ поспѣшно выскочить изъ парохода? зачѣмъ вы бѣгали по улицамъ? чего вы смотрѣли въ окошкахъ?

Кровь моя взволновалась; но я постарался скрыть свою досаду.

— На эти вопросы, сказалъ я, можетъ, должно было бы мнѣ отвѣчать вамъ также вопросомъ, — какое вы имѣете право требовать отъ меня отчетовъ. Но въ положеніи, въ которомъ нахожусь, я скажу вамъ, что всѣ эти по-видимому странныя обстоятелства легко объясняются нетерпѣніемъ путешественника, изъ дальней страны въ первый разъ попавшему въ Неаполь, гдѣ, признаюсь, онъ не ожидалъ себѣ такого пріема.

— Это все выдумки, вскричали незнакомцы. Мы не ребята; насъ обмануть трудно, и это вы сейчасъ увидите.

Съ этими словами старикъ вышелъ изъ комнаты. Прошло нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи; мои руки все еще были связаны, и младшій изъ незнакомцевъ все стоялъ подлѣ меня съ обнаженнымъ кинжаломъ. Онъ примѣчалъ каждое мое движеніе. Тяжка была для меня эта минута; я задыхался отъ различныхъ чувствованій, волновавшихся въ моемъ сердцѣ. Если бъ это состояніе еще нѣсколько продолжилось, я бы не вытерпѣлъ, и, несмотря на неровность силъ, постарался бы, хоть съ потерей жизни, выйти изъ моего страннаго положенія; но дверь отворилась, и лице, какъ мнѣ казалось, старой женщины, закрывавшейся платкомъ, выставилось изъ-за двери.

— Это не онъ, сказала она, взглянувъ на меня, и скрылась.

Крикъ досады вырвался изъ груди двухъ мужчинъ; они отошли въ сторону, и начали тихо разговаривать между собою. Мало-по-малу голосъ ихъ воз-

вышелся, и изъ словъ, отражавшихся отъ сводовъ залы, могъ я заключить, что я слишкомъ много зналъ для нихъ безопасности. Бездѣльники спорили, что будетъ лучше, — оставить ли меня въ живыхъ, или бросить въ море.

Минута была рѣшительная, и я сказалъ имъ:

— Вы, кажется, увѣрились теперь, господа, что я не тотъ, кого вамъ надобно. Какъ ни обидно мнѣ то положеніе, въ которое вы меня поставили, и какъ бы ни хотѣлъ я потребовать у васъ отчета въ вашихъ со мною поступкахъ, но я вхожу и въ ваше положеніе: я могу дать вамъ слово, что, если вы отпустите меня, то я сохраню все происшедшее въ непорушимой тайнѣ: она умретъ вмѣстѣ со мною.

Они посмотрѣли на меня, снова отошли въ сторону, и снова заспорили.

— Я долженъ вамъ напомнить, продолжалъ я, что для вашей же собственной пользы вамъ гораздо безопаснѣе положиться на честное слово благороднаго человѣка, нежели скрыть это происшествіе новымъ преступленіемъ. Я не имѣю ни какого интереса узнавать ваши тайны, и черезъ нѣсколько дней оставлю Неаполь, разумеется, навсегда. Смерть моя рано или поздно можетъ довести до открытія тайны; мои бумаги вѣроятно уже извѣстны полиціи; мои соотечественники, пріѣхавшіе со мною на пароходъ, Русское посольство употребятъ, увѣрю васъ, всѣ возможныя средства для открытія истины. Я оставляю вамъ на судъ, что для васъ выгоднѣе.

Эти слова, кажется, произвели надъ ними нѣкоторое дѣйствіе: они снова отошли въ сторону, но разговоръ ихъ былъ гораздо спокойнѣе. Наконецъ молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ:

— Дѣйствительно, милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, мы озиблись. Странный случай открылъ

вамъ до нѣкоторой степени тайну нашего семейства. Собственная наша безопасность заставляла бы насъ прибѣгнуть къ самому вѣрному средству для сохраненія этой тайны; но мы хотимъ лучше вѣрить вашему честному слову. Мы рѣшились отпустить васъ, милостивый государь; но знайте, что съ этимъ происшествіемъ связана участь знатнѣйшихъ фамилій Италіи; что малѣйшая ваша нескромность будетъ въ ту же минуту наказана смертію. Случившееся съ вами сегодня можетъ показать вамъ, что мы имѣемъ всѣ нужные для того способы. Вы должны намъ поклясться всѣмъ, что для васъ есть святаго въ жизни, — вашей родиной, — вашими родными, — вашей честью, — что вы нигдѣ, никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни на исповѣди, ни въ терзаніяхъ пытки, ни словомъ, ни движеніемъ, не только не откроете всего съ вами происшедшаго, но даже не будете искать объяснить его себѣ, даже встрѣчаться съ кѣмъ: либо изъ насъ.

Дѣлать было нечего — я поклялся.

— Теперь вы свободны, сказалъ молодой человекъ: васъ сію минуту отвезутъ на вашу квартиру; но вы извините насъ, если мы принуждены будемъ принять прежнюю предосторожность и завязать вамъ глаза. Руки ваши останутся свободны; мы полагаемся на ваше благородство, и вѣримъ, что вы не сдѣлаете ни малѣйшаго усилія поднять повязку.

Я позволилъ имъ дѣлать все, что имъ было угодно.

— Съ этой минуты, продолжалъ молодой человекъ, мы какъ будто-бы никогда не существовали другъ для друга. Старайтесь, советую вамъ для вашей пользы, истребить изъ памяти даже черты лицъ нашихъ. Мы дѣлаемъ для васъ великую жертву; умѣйте цѣнить ее.

Двѣ сильныя руки снова взяли меня подъ мышки, снова мы сошли нѣсколько ступеней лѣстницы; снова

заскрытъми двери, снова я услышалъ шумъ весель, и почувствовалъ качаніе лодки. Мои проводники попрежнему погрузились въ глубокое безмолвіе.

Уже довольно долго продолжалось наше плаваніе; я уже думалъ, что приближается минута моего освобожденія, какъ вдругъ, между мной проводниками, я замѣтилъ нѣкоторое движеніе.

— Здѣсь кто-то есть, сказалъ шепотомъ одинъ голосъ.

— Это свернутый парусъ отвѣчалъ другой.

— Нѣтъ, здѣсь что-то живое, возразилъ первый.

Послѣ минуты безмолвія, я услышалъ крикъ, — шелестъ скользящаго кинжала, — слабый стонъ умирающаго.

— Стой! стой! закричали вокругъ насъ нѣсколько голосовъ.

Это было уже слишкомъ: я не вытерпѣлъ, сорвалъ съ себя повязку. Луна свѣтила, — у ногъ моихъ лежалъ окровавленный трупъ! Я еще не могъ притти въ себя при видѣ ужаснаго зрѣлища, какъ лодка, на которой я находился, была примкнута крючьями къ другой, изъ которой въ то же мгновеніе выскочили незнакомые мнѣ люди, по мундирамъ которыхъ я догадался, что это должны быть полицейскіе служители. Проводниковъ моихъ уже въ лодкѣ не было; нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ солдатами, заставили меня заключить, что мои прежніе знакомые бросились въ море.

Новые мои знакомцы не оставили мнѣ ни минуты на размышленіе, не дали мнѣ выговорить ни слова, а безъ церемоній связали мнѣ руки и положили въ полицейскую барку. На вопросъ мой, куда они везутъ меня! — Туда отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ сборовъ, куда обык новенно возятъ такихъ храбрыхъ молодцевъ какъ ты.

Въ этомъ отвѣтъ не было для меня ничего утѣшительнаго. На всѣ мои слова, на всѣ доказательства, что я ничего не понимаю въ этомъ происшествіи, мнѣ отвѣчали, что это не ихъ дѣло, и что завтра разберутъ все по порядку.

Лодка причалила къ берегу; мы вышли, и, прошедши недалеко по какимъ-то переулкамъ, остановились передъ большимъ зданіемъ, возлѣ котораго стояли часовые. Огромныя желѣзныя двери поворотились на своихъ версяхъ передо мною, но едва подвели меня къ нимъ, какъ не знаю кто-то сунулъ мнѣ въ руку небольшую бумажку: я машинально сжалъ ее въ рукѣ, и продолжалъ слѣдовать за провожатыми, думая, что наконѣцъ встрѣчу кого-нибудь, съ кѣмъ можно будетъ объясниться; но мое ожиданіе было тщетно. Провожатые поворотили въ маленькой корридоръ, открыли небольшую низенькую дверь, втокнули меня въ нее, дверь захлопнулась, — за мной заперли нѣсколько дверей. Тщетны были бы всѣ мои крики: я рѣшился терпѣливо ожидать конца моей участи. Я посмотрѣлъ вокругъ себя: то была маленькая четверугольная комната, безъ постели, безъ стула, даже безъ оконъ; небольшое отверстіе, сажени двѣ отъ полу, съ желѣзною рѣшеткою, пропускало въ комнату свѣтъ отъ фонаря находившагося снаружи. Когда вокругъ меня воцарилось совершенное безмолвіе, прерываемое иногда шагами часоваго, а иногда стенами, какъ-бы выходившими изъ сосѣдственныхъ комнатъ, я рѣшился подойти къ свѣтлому кругу, производимому отраженіемъ тускаго фонаря; развернулъ записку, и съ трудомъ разобралъ въ ней слѣдующія слова: «Не забывайте даннаго вами обѣщанія, и будьте спокойны.»

Признаюсь, эта записка мало меня порадовала. Я видѣлъ въ ней только страшную цѣнь, которая привля-

звала меня къ кровавой тайнѣ; второй половинѣ записки я довѣрялъ мало.

И грустно мнѣ было, и досадно, и холодно; я не могъ даже ходить по моей Итальянской квартирѣ: полъ былъ вымощенъ плитою, я безпрестанно поскользился отъ находившейся на немъ сырости. Удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе, сырость проникала члены, и холодный потъ лился съ меня градомъ.

Вся твердость меня оставила: въ отчаяніи, я приклонился къ стѣнѣ, покрытой плесенью, и горькія размышленія взволновали во мнѣ душу.

Вотъ судьба человѣческая! думалъ я. Какихъ препятствій не долженъ былъ я преодолѣть для этого путешествія? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я трудился, откладывалъ деньги, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы сохранить небольшую сумму, — все для того, чтобы видѣть Италію; съ этою мыслию засыпалъ и просыпался; наконецъ достигъ желаемой цѣли, оставилъ отечество, родныхъ, друзей, все милое моему сердцу.... Для чего? Чтобы едва не лишиться жизни, испытать все возможное уничтоженіе отъ какихъ-то бездѣльниковъ; чтобы, мнѣ, отворачивавшемуся отъ порѣзаннаго пальца, видѣть у ногъ своихъ человѣка, плавающего въ крови, и въ заключеніе, попасть въ тюрьму, быть почти обвиненному въ уголовномъ преступленіи и провести первую ночь въ Италіи на голую полъ, подъ заплесневѣлымъ сводомъ.... И кто знаетъ, что еще ждетъ меня? Мысли мои дѣлались часъ-отъ-часу мрачнѣе; я понималъ защитниковъ исправительной системы, которые совѣтуютъ запираеть преступника въ темную комнату, и удалять его отъ всякаго сообщенія съ людьми: ничто такъ не погружаетъ человѣка въ самого себя, ничто такъ не переноситъ его въ міръ отвлеченныхъ понятій, какъ одиночество, темнота, безмолвіе. Я, веселый, беззаботный житель столицы, для котораго наемъ квартиры былъ самую

отвлеченною въ жизни идеей, — я вдругъ обратился въ философа, и неожиданно дошелъ до самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческой жизни, которыми заниматься мнѣ до-сихъ-поръ казалось пустымъ педантизмомъ или мечтами, ни къ чему не ведущими.

Скоро усталость, однообразные шаги часоваго, погрузили меня въ родъ дремоты. Мысли мои часъ-отъ-часу мѣшались болѣе, соединяясь съ полугрезами: то холодныя руки хватили меня за плеча, то ледяная гора скользила по моимъ щекамъ, то являлись безжизненные, свинцовыя лица, — и изъ глазъ ихъ, по синимъ бороздамъ, катились кровавыя слезы, — растлгивались, и паутиною обвивались вокругъ меня; то мнѣ казалось, что я былъ прикрѣпленъ къ маятнику огромныхъ часовъ, и при каждомъ взмахѣ тщетно старался прицѣпиться за скользящую стѣну: я просыпался и засыпалъ безпрестанно. Не знаю, какъ долго находился я въ этомъ состояніи: когда я пришелъ въ себя, то очень удивился, что шаги часоваго, единственный признакъ жизни въ этомъ ужасномъ безмолвіи, прекратились. Вѣроятно, это самое обстоятельство заставило меня и проснуться. Но мое удивленіе еще увеличилось, когда я почувствовалъ, что стѣна за мною шевелится. Сначала я подумалъ, что это мечта разстроеннаго воображенія; но привставши, явственно увидѣлъ, что кирпичи въ стѣнѣ шевелятся. Невольное чувство заставило меня къ нимъ прикоснуться. Я очень легко вынулъ одинъ изъ нихъ; и едва я его вынулъ, какъ въ отверстіи показался желѣзный ломъ. Незнакомый голосъ шепотомъ говорилъ мнѣ по-Итальянски — «Русскій, Русскій.» Въ просонкахъ, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчета въ своихъ мысляхъ, я, по невольному движенію и по естественному, сильному

желанію вытти изъ темницы, схватился за ломъ и началъ обрушивать остальные кирпичи; но въ самую эту минуту двери моей темницы съ шумомъ отворились, изъ отверстія раздался крикъ, слышались выстрѣлы, тревога. Я увидѣлъ себя окруженнаго тюремщиками. Тутъ уже мнѣ говорить было нечего: ломъ былъ въ моихъ рукахъ!.... Желаніе убѣжать — явно!.... И я, въ совершенномъ ослабленіи силъ, позволилъ себя связать, не говоря ни слова. Изъ этой комнаты меня перевели въ другую, еще ужаснѣйшую первой: въ ней была едва сажень въ длину и ширину. Меня бросили на пукъ гнилой соломы, и приковали къ ввернутой въ стѣну цѣпи. Эта комната не имѣла никакого отверстія, кромѣ небольшой скважины въ двери, въ которую безпрестанно выставлялось лицо часоваго. Нѣсколько часовъ провелъ я въ этомъ ужасномъ состояніи; мысль, что я, своимъ побѣгомъ далъ себѣ видъ преступника, безпокойное положеніе, въ которомъ я находился, не позволили мнѣ свести глазъ ни на одну минуту. Наконецъ я замѣтилъ какой-то блѣсоватый свѣтъ въ отверстіи двери, по которому догадался, что наступило утро.

Этотъ свѣтъ былъ большимъ для меня услажденіемъ. Чѣмъ бы это ни кончилось, думалъ я, по крайней-мѣрѣ я выйду изъ мучительнаго положенія! Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени послышался шумъ, дверь отворилась, вошедшіе сбирьы отперли поясъ, приковывавшій меня къ стѣнѣ, и окруживъ меня, съ обнаженными саблями, вывели изъ тѣснаго ночлега; мы прошли нѣсколько корридоровъ, и очутились на внутреннемъ дворѣ тюремнаго замка. Солнце всходило, легкій вѣтерокъ обвѣвалъ меня теплымъ воздухомъ, и я понялъ то чувство, которое ощущаютъ люди, выходящіе изъ долгаго заключенія на свѣтлое небо.

Скоро мой провожатые ввели меня въ комнату, гдѣ за столами сидѣли писцы. Мы прошли мимо ихъ; они едва подняли головы, — вѣроятно, имъ были въ привычку такія явленія. Наконецъ, провожатые ввели меня въ комнату, гдѣ за большимъ столомъ сидѣлъ человекъ, въ черномъ фракѣ, довольно тучный, который, прищуривая свои маленькіе глазки, спросилъ мое имя. Я сказалъ ему имя, и прибавилъ, что нахожусь въ такомъ страшномъ положеніи, которое могу объяснить только Русскому посланнику. Въ ту же минуту мой новый знакомецъ отправилъ чиновника за моими бумагами, и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Желанье ваше видѣть Русскаго посланника будетъ исполнено, если, разумѣется, онъ согласится на вашу просьбу. Но я долженъ васъ предупредить, что если вы и въ самомъ дѣлѣ тотъ, за кого вы себя выдаете, то вашъ посланникъ не будетъ имѣть права, и даже не захочетъ вмѣшиваться въ дѣло смертоубійства. Во всякомъ случаѣ вы будете судимы по законамъ той земли, въ которой вы находитесь, и никто на свѣтѣ не будетъ въ состояніи спасти васъ отъ участи, ожидающей смертоубійцу. Одно добровольное ваше признаніе, и — если вы назовете вашихъ соумышленниковъ, возможно нѣсколько смягчить строгость законовъ.

— Смертоубійцу? вскричалъ я: соумышленниковъ? Но, именемъ Бога, кого же умертвилъ я?

— Вы знаете, что васъ застали надъ трупомъ полицейскаго чиновника, который былъ отправленъ для наблюденія за приготовлявшимся злодѣяніемъ.

— Милостивый государь! отвѣчалъ я: я не могъ убить никого, потому что самъ находился плѣнникомъ на той же лодкѣ, на которой меня застала полиція.

— Пляшникомъ? Но чѣмъ вы это докажете?

— Тѣмъ, милостивый государь, что я сидѣлъ въ лодкѣ съ завязанными глазами.

Судья взялъ лежавшій на столѣ кусокъ полотна, въ которомъ я узналъ бывшую на мнѣ повязку; приложилъ ее къ моему лицу, стараясь сохранить отгибки, на ней оставшіеся, и дѣйствительно увидѣлъ, что они приходились мнѣ по мѣркѣ.

— Это доказательство, правда, нѣсколько служитъ подтвержденіемъ вашихъ словъ; но зачѣмъ и какимъ образомъ вы попались на эту лодку?

— Этого я не могу сказать вамъ. Я далъ страшную клятву честнаго человѣка никому не открывать этой тайны.

— Вы можете сами разсудить, сказалъ мнѣ судья, что это обстоятельство увеличиваетъ подозрѣніе правосудія, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнюю ночь было сдѣлано покушеніе освободить васъ. Это не могло быть сдѣлано безъ вашего согласія, — что впрочемъ доказывается и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ васъ застали.

Я старался объяснить сколько могъ, что я не имѣлъ понятія о людяхъ, желавшихъ освободить меня; старался объяснить то невольное чувство, которое, въ минуту пробужденія отъ сна, заставило меня противъ собственной моей воли способствовать неизвѣстнымъ мнѣ освободителямъ — но я самъ чувствовалъ, что всѣ слова мои были темны. Между-тѣмъ принесены были мои бумаги; посмотрѣвъ ихъ, судья сказалъ мнѣ:

— Дѣйствительно, по вашимъ бумагамъ я вижу, что вы иностранецъ, вчера только вечеромъ пріѣхавшій въ Неаполь, и что не вѣроятно предполагать въ васъ убійцу неизвѣстнаго полицейскаго чиновника; но вы согласитесь сами, что обстоятельства дѣла вашего такъ странны, что правительство не будетъ въ состо-

яниі оправдать васъ, если вы не дадите пужныхъ объясненій. Напишите письмо къ вашему посланнику : можетъ-быть, онъ убѣдитъ васъ быть откровеннѣе.

Я благодарилъ судью за его участіе во мнѣ, и поспѣшилъ написать письмо. Когда я его окончилъ, судья сказалъ мнѣ :

— Ваше письмо будетъ сію минуту отправлено ; въ ожиданіи отвѣта, вы извините насъ, если мы должны соблюсти мѣры предосторожности, которыя обыкновенно принимаются въ такихъ случаяхъ.

Меня отвели въ прежнюю мою комнату, но цѣпей уже болѣе не надѣвали.

Черезъ нѣсколько минутъ, я получилъ позволеніе явиться къ посланнику, однако жъ въ сопровожденіи жандарма. Посланникъ принялъ меня какъ-нельзя лучше, и, имѣя уже обо мнѣ свѣдѣніе какъ по письмамъ, такъ и по словамъ моихъ товарищей на пароходѣ, вошелъ совершенно въ мое положеніе ; понялъ то чувство чести, которое воспрещало мнѣ открыть всю тайну, однако жъ сказалъ мнѣ, что все, что онъ можетъ сдѣлать въ мою пользу, — это засвидѣтельствовать передъ Неаполитанскимъ правительствомъ о моемъ званіи и о моемъ поведеніи. Онъ присовокупилъ, что все прочее онъ долженъ будетъ предоста-вить на произволъ туземныхъ судилищъ.

Все это, признаюсь, мало меня утѣшало, особливо, когда при выходѣ отъ посланника, я былъ приглашенъ жандармскимъ офицеромъ въ прежнюю карету. « Чортъ возьми ! » думалъ я : « за дѣломъ я пріѣхалъ въ Неаполь. Прекрасное леченіе, — ходить для здоровья подъ обнаженными шпагами и дышать заплесневѣлымъ воздухомъ тюремныхъ замковъ ! » По возвращеніи въ мою печальную квартиру, мнѣ отвели комнату нѣсколько получше прежней. На этотъ разъ всѣ предосторожности ограничились лишь моимъ честнымъ словомъ, что я не предприму ничего предо-

судительнаго до рѣшенія моея участи. Въ такомъ положеніи я провелъ день до вечера, и одно захожденіе солнца напомнило мнѣ, что уже болѣе сутокъ у меня ничего не было въ желудкѣ: такъ сильное движеніе чувствъ можетъ побѣдить въ человѣкѣ физическія потребности! Но едва я вспомнилъ объ этомъ, какъ въ ту же минуту почувствовалъ жесточайшій голодь, и принесенные запачканнымъ сборомъ нѣсколько волоконъ макаронъ показались мнѣ самымъ вкуснымъ блюдомъ, которое когда-либо мнѣ попадалось въ продолженіе жизни. Таковъ былъ мой первый обѣдъ въ Неаполѣ. Я не успѣлъ еще окончить скуднаго пиршества, когда снова вошелъ ко мнѣ полицейскій офицеръ.

— Вашъ посланникъ, сказалъ онъ, принялъ васъ на свое поручительство; съ сей минуты вы свободны, но потрудитесь прежде подтвердить подписью ваши словесныя показанія передъ судьей нынѣшнимъ утромъ, равно и подписать обѣщаніе по первому позыву являться въ судъ.

Я подписалъ все чего хотѣли, и, внѣ себя отъ радости, выскочилъ изъ мѣста своего заключенія. Я не хотѣлъ болѣе оставаться въ томъ трактирѣ, который былъ виною моего несчастнаго приключенія, и въ тотъ же день переѣхалъ, или лучше сказать, перенесъ мою котомку въ другой, *alla Vittoria*, у самыхъ воротъ прелестной *Villa-reale*. Не успѣлъ я отдохнуть, какъ вошедшій трактирщикъ подалъ мнѣ небольшой свертокъ.

— Отъ кого? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Признаюсь, съ большимъ неудовольствіемъ развернулъ я этотъ свертокъ, — такъ я былъ напуганъ всякою таинственностью.

Въ сверткѣ находился перстень старинной работы, на которомъ изображены были какія-то, какъ мнѣ

казалось, Египетскія фигуры, — змѣя съ львиной головою, какой-то сосудъ, непонятные знаки и буквы. При перстнѣ находилась записка:

«Вы сами, не зная того, спасли жизнь одной особы. Люди, которые одолжены вами, боялись оскорбить васъ денежною платою; но они надѣются, что вы не откажетесь принять въ знакъ памяти, прилагаемый при семъ перстень. Онъ когда-нибудь можетъ вамъ пригодиться; сверхъ того, какъ вы сами можете замѣтить, этотъ перстень принадлежитъ къ числу такихъ рѣдкостей, которыми дорожатъ ваши соотечественники и которыя не приобретаются деньгами. Однако жъ до извѣстнаго времени вы хорошо сдѣлаете, если никому не будете его показывать. Мы боимся снова нарушить ваше спокойствіе.»

Мало знакомый съ древностями, я едва обратилъ вниманіе на чудесный перстень и чуть не бросилъ его изъ окошка, — такъ одна мысль обо всемъ относившемся къ моему приключенію обдавала меня холодомъ; однако, по нѣкоторомъ размышленіи, я положилъ перстень въ свой бритвенный ящичекъ.

Я провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи, ожидая новаго посѣщенія полицейскаго чиновника, но онъ не являлся: не знаю, ходатайство ли посланника, интриги ли моихъ незнакомыхъ друзей-враговъ, были причиною тому, что меня оставляли въ покоѣ? Наконецъ я ободрился. Журналы, которые приносилъ мнѣ трактирщикъ, толковали о новой пѣвицѣ, приводившей въ восхищеніе весь Неаполь. Я рѣшился отправиться въ Санъ-Карло. Сходя съ лѣстницы трактира, я замѣтилъ спешаго съ верхняго этажа низенькаго старика, въ черномъ фракѣ, напудреннаго: во всей его особѣ было какое-то странное безпокойство; переступая ступени, онъ весь шевелился; его руки, ноги, носъ, глаза, все было въ какомъ-то движеніи. Смотря на него, можно было подумать, что онъ чему-то разъ въ жизни удивился, и навѣкъ застылъ въ этомъ положеніи. Всѣ эти наблюденія я уже сдѣлалъ впоследствии, а въ ту минуту, взглянулъ на него съ тѣмъ равнодушнымъ любопыт-

ствомъ, съ какими смотришь на сосѣда, ибо, по разговору его со встрѣтившимся трактирщикомъ, я догадался, что мой старикъ живѣтъ со мною въ одномъ домѣ. Не желая заводить новаго знакомства, я пошелъ своею дорогою. Прошедши нѣсколько улицъ, я оборотился, и къ чрезвычайному моему удивленію увидѣлъ, что мой старикъ слѣдуетъ за мною. Напуганный всѣмъ, со мною случившимся, я очень былъ не доволенъ этимъ сообществомъ. Желая избавиться отъ моего провожатаго, я подошелъ къ первому встрѣтившемуся человѣку, и просилъ его указать мнѣ ближайшую дорожку въ Санъ-Карло. Въ эту минуту старичекъ догналъ меня, и, услышавъ мой вопросъ, сказалъ съ чрезвычайною быстротою: «Вы идете въ Санъ-Карло? Вы вѣрно иностранецъ? Вы не знаете дороги? Я иду туда же.... угодно вамъ идти вмѣстѣ со мною?»

Отказаться было не возможно. Въ продолженіе дороги, мой старикъ говорилъ безпрестанно; закидалъ меня вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ; успѣлъ мнѣ разсказать, что онъ большой любитель древностей, имѣетъ большое собраніе монетъ, живетъ со мной въ одномъ домѣ; что сегодня на театрѣ будетъ играть пѣвица, которая давно уже не являлась на сценѣ; что въ Россіи должно быть очень холодно; что въ нашемъ трактирѣ столъ не всегда хорошъ; что у синьоры Грандини въ голосѣ двѣ или три ноты фальшивыхъ; что онъ самъ умѣетъ дѣлать прекрасные макароны.....

Все это чуднымъ образомъ мѣшалось въ разговорѣ Г. Амброзіа Беневоло: такъ назывался мой новый знакомецъ.

Мы вошли въ театръ, и заняли рядомъ два порожнія мѣста. Давали Анну Болену, Донцетти. Пораженный великолѣпиемъ спектакля, я не сводилъ глазъ съ него. Но вообразите мое удивленіе, когда въ при-

мэдоннѣ я узналъ ту женщину, которую видѣлъ въ первую ночь моего прїѣзда въ Неаполь. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: во всякомъ случаѣ выйти вонъ было бы смѣшно, и могло только возбудить подозрѣніе моихъ гонителей. Между-тѣмъ мой товарищъ выходилъ изъ себя отъ восхищенія, всѣ рулады пѣвицы, онъ повторялъ всѣмъ своимъ тѣломъ, а передъ каденцею спускалъ съ себя башмаки, складывалъ руки, удерживалъ дыханіе, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, и въ концѣ трели въ полномъ безпамятствѣ вскакивалъ съ мѣста безъ башмаковъ, выкрикивалъ нѣсколько междометій и билъ въ ладоши изо всей силы. Во время речитатива онъ успокоивался, и снова очень хладнокровно обращался ко мнѣ съ вопросами: много ли шубъ носить въ Россіи? есть ли у меня собраніе медалей? какъ мнѣ нравятся *frutti di mare*? Но едва начиналась новая арія примадонны, снова Беневоло выходилъ изъ себя, спускалъ башмаки и билъ въ ладоши. Во всякое другое время, меня, холоднаго сѣвернаго жителя, оченьбы забавляло это превращеніе, тѣмъ болѣе, что подобныя судорожныя движенія я замѣчалъ во многихъ другихъ мѣстахъ залы. Но теперь много развлекало меня мое странное свиданіе съ примадонною; во мнѣ боролись—желаніе, спросить объ ней что-нибудь у новаго знакомаго, и страхъ, не будетъ ли это нарушеніемъ моей клятвы; мнѣ показалось даже, что примадонна узнала меня, и что часто ея глаза несколько поворачивались въ мою сторону. Я почти не смѣлъ смотрѣть на нее: сцена суда съ ея гробовою музыкой такъ живо напомнила мнѣ мои приключенія, что я почти задыхался.

Беневоло посматривалъ на меня изъ-подлобья, однако жъ не сказалъ ни слова. Я не могъ навѣрное узнать, замѣтилъ ли онъ мое смущеніе или нѣтъ. Несмотря на то, невольное чувство привлекало меня къ синьорѣ Грандини: она была прекрасна на сценѣ;

нѣсколько рѣзкія черты лица ея смягчались отдаленіемъ; въ голосъ ея было что-то провицательное, что-то трогательное, — онъ не былъ совершенно чистъ и ясенъ, но звученъ и мягокъ, какъ-будто подернуть бархатомъ. Однако жъ, признаюсь, я очень былъ радъ, когда занавѣсъ опустился.

На другой день проснувшись, я увидѣлъ на своемъ столѣ записку, но писанную новою для меня рукою:

«Люди, желающіе вамъ добра, не совѣтуютъ вамъ ходить въ театръ Санъ-Карло.»

Признаюсь, это меня взорвало: я видѣлъ себя привязаннымъ къ интригѣ, которая накладывала цѣпь на всѣ мои поступки, и отъ которой я никакъ не могъ освободиться. Въ тотъ же день я рѣшился оставить Неаполь. Я еще былъ въ размышленіи о своихъ планахъ, когда у дверей моихъ услышалъ, что кто-то трепещущимъ голосомъ напѣваетъ — *Cerca un lido, dove sicuro.....* Дверь открылась: то былъ Беневоло. Онъ тотчасъ подскочилъ ко мнѣ съ распросами, — какъ провелъ я ночь? какъ мнѣ понравился театръ Санъ-Карло? пилъ ли я шеколадъ? что я думаю о Доницетти, о Беллини? — и перемѣшивалъ свои вопросы восклицаніями — *Stupendo, stupenda!*..... нельзя было догадаться, къ чему они относились, къ музыкѣ, къ Доницетти, къ Беллини или къ шеколаду.

Я не успѣвалъ отвѣчать на его вопросы: да Амброзіо и не дожидался отвѣта; онъ принесъ мнѣ цѣлую кучу монетъ, медалей, показывалъ мнѣ каждую поодиначкѣ, восхищаясь надъ каждою, и предлагалъ мнѣ мѣнять ихъ на Русскія деньги, какія у меня случились. Это было искусное приглашеніе купить у него нѣкоторыя изъ его рѣдкостей. Чтобъ отвязаться отъ докучливаго старика, я промѣнялъ нѣсколько десятковъ Русскихъ рублевиковъ, бывшихъ со мною, на его рѣдкости, и поспѣшилъ отправиться къ послан-

нику, за паспортомъ и моими другими бумагами. Въ посольствѣ мнѣ сказали, что прежде нежели мнѣ выдадутъ паспортъ, посольству необходимо будетъ снестись съ Неаполитанскимъ правительствомъ: это должно было замедлить мой отъѣздъ на нѣсколько дней.

Съ тѣхъ поръ я не выходилъ болѣе никуда. Беневоло не забывалъ посѣщать меня; каждый день приносилъ онъ мнѣ по прежнему медали, камни и забавлялъ меня, снимая съ нихъ слѣпки съ величайшимъ проворствомъ. Однажды онъ мнѣ принесъ позеленѣвшій и почти стертый отъ времени Русскій рубль, и много и долго говорилъ мнѣ объ его древности, о своихъ догадкахъ, какимъ образомъ за триста лѣтъ передъ этимъ могъ онъ быть занесенъ въ Италію. Я прекратилъ его диссертацию замѣчаніемъ, что за триста лѣтъ не существовало въ Россіи круглой монеты. Это замѣчаніе его нѣсколько смутило. Въ другой разъ, принесъ онъ мнѣ нѣсколько мѣшковъ разныхъ медалей, и просилъ меня, на нѣсколько времени оставить ихъ у меня въ комнатѣ, говорил, что онъ имѣетъ подозрѣніе на нѣкоторыхъ любителей древности, которые хотятъ украсть у него его сокровище, и которые вѣрно не пойдутъ искать ихъ въ моей комнатѣ, тѣмъ болѣе, что я никуда не выхожу отъ себѣ. Я позволилъ дѣлать, что было ему угодно, чтобы только отъ него отвязаться.

Наконецъ, къ величайшей радости, я получилъ извѣстіе отъ одного изъ моихъ пріятелей, служащихъ при посольствѣ, что я завтра могу получить мой паспортъ. Я не хотѣлъ медлить ни минуты, началъ вотюрина, и принялся собирать мой небольшой гардеробъ: въ этомъ занятіи засталъ меня Беневоло: «Вы уже собираетесь! Куда вы ѣдите? вѣрно въ Римъ? Не забудьте остановиться въ Миланѣ въ Амвросіевской Библіотекѣ..... Тамъ много рѣдкостей..... на театрѣ новая пьвида..... въ трактирѣ dal Basalà пре-

красный столъ», и прочая, и прочая. Я продолжалъ мои занятія, отвѣчая старiku одними междометіями. Не знаю какъ, перебирая бритвенный ящикъ, я выронилъ мой таинственный перстень; онъ покотился по полу; я нагнулся и столкнулся съ Беневоло; онъ было также протянулъ руку за перстнемъ, и когда я, не показывая своей рѣдкости, сжалъ ее между пальцами, Беневоло поблѣднѣлъ. Въ жизнь мою не забуду его фигуры въ эту минуту: онъ весь пошелъ ходенемъ, локти его приросли къ бокамъ, и между-тѣмъ онъ махалъ обѣими руками, подымалъ то одну ногу, то другую, раскрывалъ ротъ, мигалъ глазами и вытягивалъ шею.

— Продайте мнѣ этотъ перстень, говорилъ онъ мнѣ, задыхаясь.

— Нѣтъ, не продамъ, отвѣчалъ я.

— Позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ снять съ него слѣпокъ.

— И этого не могу.

— Покажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ его.

— И этого не могу. Приѣзжайте за нимъ въ Россію, тогда, пожалуй, я вамъ даже подарю его.

— Въ Россію, въ Россію! сказалъ Беневоло: это не возможно. Да почему вы здѣсь не можете мнѣ его показать? Развѣ къ вашему перстню привязана какая-нибудь тайна.

— Да! тайна, отвѣчалъ я.

— Хороша тайна! вскричалъ Беневоло. Хотите ли я расскажу вамъ, что изображено на вашемъ перстнѣ: на немъ сосудъ, эмѣя съ львиною головою, мумія съ птичьимъ носомъ, кругомъ слова Iao,—не такъ ли?

— Можетъ быть; но все таки я вамъ не могу показать перстня.

— Это странно! говорилъ Беневоло, прыгая по комнатѣ: очень странно! чрезвычайно какъ странно!....

Такъ вы не хотите дать мнѣ перстня? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не могу, отвѣчалъ я съ нѣкоторою досадою.

— Рѣшительно не хотите?

— Рѣшительно.

— Нѣтъ, скажите правду! Вы въ самомъ дѣлѣ никакъ не можете показать мнѣ перстня?

Я отвортился отъ него молча.

Неотвязчивый старикъ почелъ это знакомъ нерѣшимости: онъ забѣжалъ ко мнѣ съ другой стороны, уперъ локти въ бока, и проговорилъ мнѣ съ видомъ превеличайшаго подобострастія:

— Вамъ, кажется, можно показать мнѣ перстень.

— Вы выводите меня изъ терпѣнія, сказалъ я ему наконецъ грознымъ голосомъ и притопнулъ ногой.

Беневоло сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ по комнатѣ, вышелъ, и уже болѣе ко мнѣ не являлся.

Вечеру, когда я ложился спать, въ сладкой надеждѣ выѣхать наконецъ изъ этого несчастнаго для меня города, трактирщикъ снова явился ко мнѣ съ запискою.

— Что еще? спросилъ я съ гнѣвомъ: кто тебѣ отдалъ эту записку?

— Незнакомый мнѣ человекъ, отвѣчалъ онъ.

Содержаніе записки имѣло все право разсердить меня, въ ней были только слѣдующія слова:

«Друзья ваши советуютъ вамъ, если вы дорожите своею жизнію, не выѣзжать изъ Неаполя въ продолженіи нѣкотораго времени.»

Я проклялъ моихъ друзей отъ чистаго сердца. Сперва я подумалъ, что это была штука Беневоло, но почеркъ руки былъ одинаковый съ тою запискою, которую я получилъ еще до знакомства съ нимъ; однако жъ, несмотря ни на что, я рѣшился, во что бы то ни стало, выѣхать изъ Неаполя и даже изъ Италіи, которая уже мнѣ опротивѣла.

На другой день я поспѣшилъ за моимъ паспортомъ,

но, едва вошелъ въ канцелярію посланника, меня тотчасъ позвали къ нему въ кабинетъ. Посланникъ принялъ меня съ такимъ видомъ, который не на шутку испугалъ меня.

— Къ величайшему моему сожалѣнію, сказалъ онъ, я не могу вамъ выдать вашего паспорта. Напротивъ я долженъ пригласить васъ явиться въ здѣшній судъ. Ваше дѣло запуталось новыми обстоятельствами; оно такъ странно, что я не могу вѣрить вашему въ немъ участию, и вмѣстѣ такъ важно, что не могу отказать здѣшнему правительству. Вамъ можетъ-быть уже извѣстно, что одна изъ пѣвицъ здѣшняго театра, Евмалія Грандинн, пропала безъ вѣсти. Она была очень любима здѣшнею публикою, и общее безпокойство объ ея участіи заставляетъ полицію принимать строжайшія мѣры.

— Я такъ мало выходилъ изъ дому, что даже въ первый разъ слышу объ этомъ.

— Однако жъ у васъ видѣли кольцо или перстень, принадлежавшій этой актриссѣ, сказалъ мнѣ посланникъ, устремивъ на меня пронизательный взоръ.

Я невольно смутился, однако жъ собравъ всѣ свои силы, рѣшился открыть посланнику ту часть тайны, въ сохраненіи которой я не былъ обязанъ честнымъ словомъ.

— Дѣйствительно, сказалъ я: я получилъ какой-то перстень, но не знаю, отъ кого.

— Съ какими-то мистическими знаками и съ надписью Iao, сказалъ посланникъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ я.

— Это очень странно; по бумагамъ я вижу, что этотъ перстень принадлежалъ какому-то тайному обществу, которое очень дорожило имъ, и котораго члены подвергаются теперь преслѣдованіямъ правительства.

Я объяснилъ посланнику, какимъ образомъ достался мнѣ этотъ перстень.

— Дѣйствительно, сказалъ онъ мнѣ, здѣшнее правительство предполагаетъ какую-то связь между этимъ обстоятельствомъ и похищеніемъ Грандини, какъ равно и съ умерщвленіемъ полицейскаго офицера. Этого мало, продолжалъ посланникъ: васъ обвиняютъ въ связи съ какимъ-то Амброзіо Беневоло, подозрѣваемымъ въ дѣланіи фальшивой монеты.

Руки у меня опустились.

— Я увѣренъ, продолжалъ посланникъ, что вы оправдаетесь отъ взводимыхъ на васъ обвиненій, но долгъ мой заставляетъ меня выдать васъ Неаполитанскому правительству. Не пеняйте на меня за это; поставьте самого себя на мое мѣсто, — вы бы поступили также. Я имѣю все нравственное убѣжденіе въ вашей невинности, но юридическаго, благодаря вашей скромности, ни какого.

Я благодарилъ посланника за его истинно отеческое во мнѣ участіе, но съ твердостью повторилъ, что я лучше подвергнусь всѣмъ возможнымъ непріятностямъ, нежели измѣню торжественно данному мной честному слову.

Посланникъ, какъ я уже сказалъ, былъ человекъ благородный; онъ совершенно понялъ меня, обѣщалъ употребить все съ своей стороны, чтобы вывести меня изъ моего непріятнаго положенія, и засимъ... предложилъ мнѣ снова сообщество жандармскаго офицера.

Я не буду болѣе вамъ скучать разговоромъ о моихъ переговорахъ съ допрашивавшими меня судьями: это было бы повтореніе почти тѣхъ же обстоятельствъ, которые вы уже знаете; прибавлю только, что всѣ разспросы ни мало не объяснили мнѣ самому моей тайны.

Ясно было одно, что дѣло хотѣли кончить ни чѣмъ: всѣ предложенные мнѣ вопросы были какъ-будто лишь приговорительные, неопредѣленные, поверхностные, иногда странные до невѣроятности; меня распрашивали о всѣхъ мелочахъ моей частной жизни, въ кото-

ромъ часу я встаю, что я дѣлаю поутру, что вечеромъ, знаю ли я древніе языки, умѣю ли рисовать..... Изъ всего этого я однакоже понялъ, что Беневоло былъ на меня донощикомъ: но какимъ образомъ онъ самъ попался въ обвиненные? Между тѣмъ прошло болѣе трехъ недѣль; каждый день я приготовлялся къ чему-нибудь рѣшительному, и наконецъ, къ несказанному моему удовольствію и удивленію, объявили мнѣ, что я свободенъ. Мнѣ возвратили мои вещи, которыя были у меня забраны въ продолженіе процесса, за исключеніемъ перстня: объ немъ я мало сожалѣлъ, и, что всего для меня было усладительнѣе, я получилъ наконецъ позволеніе выѣхать изъ Неаполя.

Съ тѣхъ поръ я почти годъ провѣднлъ по Италіи совершенно спокойно, и наконецъ, среди разсѣянной жизни путешественника, почти забылъ о моемъ Неаполитанскомъ приключеніи.

Однажды въ Венеціи, на балѣ у графини Граціани, я увидѣлъ женщину въ голубомъ платьѣ, которая промелькнула мимо меня въ другомъ контрадансѣ. Лице ея мнѣ показалось знакомымъ: я спросилъ объ ея имени у танцовавшей сомной дамы. Эти предосторожности необходимы для путешественника: такъ много встрѣчаешь лицъ, такъ быстро являются и исчезаютъ они передъ глазами, что всегда рискуешь заговорить съ незнакомою дамою и пройти мимо той, у которой бывалъ въ домѣ.

— О, эта знаменитая графиня Лукенсини!

— Знаменитая! Почему? спросилъ я.

— Это женщина большаго характера, отвѣчала она.

Берегитесь попасть въ ея сѣти. Она пятнадцати лѣтъ умѣла выйти замужъ за своего учителя; между-тѣмъ обѣщать свою руку другому молодому человѣку; въ продолженіе шести лѣтъ скрывать свой бракъ; обмануть опекуна; наконецъ развестись съ своимъ мужемъ и не выйти за другаго, и все носить имя своего мужа.

— Но какъ же? сказалъ я моей дамѣ: развѣея учителемъ былъ графъ Лукенсини?

— Такъ точно, отвѣчала мнѣ дама. Графъ Лукенсини былъ сынъ того Лукенсини, который, какъ можетъ-быть вы слышали, погибъ на эшафотѣ; имѣніе его было конфисковано, и сынъ принужденъ былъ давать уроки.

— Нельзя однако жъ обвинять бѣдную графиню, сказала другая дама, вслушавшись въ нашъ разговоръ: мать ея была женщина страннаго нрава, который сдѣлался несноснѣе отъ ея безпрестанной болѣзни; бѣдная графиня до самой ея смерти принуждена была жить совершенною затворницею; единственные люди, которыхъ она видала, были ея учителя: мудрено ли, что она влюбилась въ того изъ нихъ, который былъ молодой, прекрасенъ, и въ тѣсныя сношенія учителя съ ученицею умѣлъ внести всѣ очарованія свѣтскаго человѣка? Онъ влюбился въ нее, она въ него. Но какъ мать никогда бѣ не согласилась на бракъ ея съ такимъ человѣкомъ, то что удивительнаго, что она рѣшилась обвиняться съ нимъ тайно?

Контрадансъ кончился, я раскланялся съ моей дамой, и невольно обратилъ глаза на графиню, чтобы вспомнить, кого она мнѣ напоминала. Сверхъ-того, взоръ мужчины всегда невольно останавливается на женщинѣ, имѣвшей довольно твердости духа, чтобы презрѣть мнѣніе общества: она возбуждаетъ любопытство, смѣшанное съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ. Умъ невольно вспоминаетъ о борьбѣ, которую должна была претерпѣть эта женщина съ самой собою и со всѣмъ ее окружающимъ, а сердце воображаетъ тѣ страданія, которыя пришлось ей перенести, чтобы избавиться отъ другихъ, еще жесточайшихъ страданій.

Всѣ эти мысли толпились въ головѣ моей, когда я смотрѣлъ на графиню, и мнѣ показалось, что я обратилъ на себя ея вниманіе. Дѣйствительно, она также

стала всматриваться въ меня, и когда я проходилъ мимо ея, она мнѣ сказала:—Signore!....

Я остановился: голось ея поразилъ меня.

— Вы, кажется, не узнаете меня, продолжала она.

Я отступилъ шагъ назадъ, ибо мнѣ показалось, что передо мною стояла синьора Грандини. Минуты волненія, въ которыя я ее видѣлъ, вмѣстѣ съ прической,— тогда только дамы начали поднимать волосы вверхъ,— помѣшало мнѣ узнать ея въ первое мгновеніе.

— Я не знаю, сказалъ я, долженъ ли я узнать васъ.

— О, будьте спокойны! отвѣчала мнѣ графиня съ улыбкой. Тѣ, которые назожили на васъ страшную клятву, почти не существуютъ. Я имѣю полное право разрѣшить васъ отъ всѣхъ вашихъ клятвъ. Если хотите узнать больше, то приѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ. Надобно, чтобъ вы были награждены за то унижительное положеніе, въ которомъ вы находились по моей милости. Кстати продолжала она: скажите, пригодился ли вамъ мой перстень?

— Вашъ перстень? съ мистическими знаками? Онъ остался въ рукахъ Неаполитанскаго правительства.

— Вѣрно этотъ бездѣльникъ Беневоло имъ воспользовался.

— Такъ вы знали Беневоло?

— Беневоло? повторила она съ улыбкой. Завтра вамъ все объяснится.

На другой день въ назначенный часъ я поспѣшилъ къ графинѣ Лукенсини, и сначала былъ очень удивленъ, когда швейцаръ сказалъ мнѣ, что графиня не принимаетъ; но когда я назвалъ себя, швейцаръ немедленно позвонилъ въ колокольчикъ, и двери отворились передо мной. Я прошелъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ, роскошно и совкусомъ убранныхъ. Графиня ожидала меня въ павильонѣ, находившемся на концѣ дома, и котораго балконъ выходилъ съ одной стороны на

Canal-grande, а съ другой на пустую площадку. Она сидѣла въ легкомъ кисейномъ платьѣ на диванѣ, окруженномъ цвѣтущими померанцами, и показала мнѣ мѣсто подлѣ себя.

— Вы должны знать, что вы мой избавитель, сказала она.

— Вашъ избавитель? повторилъ я.

— Да; безъ васъ я бы можетъ-быть должна была распрощаться съ жизнью. Вы, сами того не зная, развязали узелъ въ моемъ существованіи. Я думаю, уже вамъ рассказали мою исторію прежде. Ее всѣ рассказываютъ съ разными нелѣпыми прибавленіями. Я не буду оправдывать себя передъ вами. Скажу вамъ только одно слово: мнѣ не лъзя было не выйти замужъ за Лукенсини; потому что меня преслѣдовалъ тотъ самый Беневоло, котораго вы знаете. Пользуясь болѣзнію моей матери, живя въ нашемъ домѣ, гдѣ онъ занималъ должность сначала учителя, потомъ маіордома Амброзіо не давалъ мнѣ минуты покоя. Лукенсини былъ молодъ и прекрасенъ. Беневоло былъ почти всегда такимъ, какъ вы его видѣли. Я предпочла перваго. Долго мнѣ рассказывать вамъ мою исторію; на моего тайнаго мужа пало подозрѣніе, которому причиною были связи его отца. Желая открыть себѣ какую-нибудь дорогу, онъ, послѣ женитьбы, отправился искать счастья въ Россіи. На мѣсто его явился ко мнѣ новый обожатель: мой дальній родственникъ Леонардо Амати. Вамъ ужъ вѣрно рассказывали, что я обѣщала ему выйти за него замужъ. Это правда; но вотъ какъ это случилось. Съ помощію хитраго своего отца и матушкина духовника, онъ успѣлъ до того довести мою матушку, физически и нравственно разстроенную, что она при послѣднемъ издыханіи потребовала отъ меня, чтобы я вышла за Леонардо. Въ минуту горести, я ей все обѣщала; матушка скончалась, и въ оставленномъ ею завѣщаніи она назначила Винченцо Амати, отца Леонардова, опекуномъ

моимъ надо мною и надъ всѣмъ моимъ огромнымъ имѣ-
ніемъ. Послѣ первой горести, произведенной во мнѣ
кончиной матушки, Леонардо сталъ мнѣ напоминать о
моемъ обѣщаніи. Я рѣшительно объявила, что я уже
замужемъ. Это открытіе взбѣсило Леонардо и отца
его, которые надѣялись посредствомъ брака завладѣть
навсегда моимъ имѣніемъ; они употребили всѣ воз-
можныя средства, чтобы заставить меня расторгнуть
бракъ съ Лукенсини. Одаренная отъ природы харак-
теромъ рѣшительнымъ, я убѣжала изъ Венеціи, пере-
мѣнила имя, и сеньора Грандини явилась на разныхъ
театрахъ Италіи, при шумѣ рукоплесканій и — окру-
женная толпою обожателей. Большія деньги, которыя
я получала моимъ талантомъ, доставляли мнѣ средство
уничтожить всѣ происки Аматіи для расторженія моего
брака. Между-тѣмъ мой родъ жизни мнѣ такъ понравил-
ся, что я скоро забыла моего мужа; да и онъ, ка-
жется, забылъ обо мнѣ. Мой опекунъ, послѣ тщет-
ныхъ исканій, нашелъ меня наконецъ въ Неаполь: я
тогда еще не достигла до совершеннолѣтія, и опекунъ
сохранялъ еще всю власть надо мною; онъ выхлопо-
талъ ложное свидѣтельство о кончинѣ моего мужа, и
настоятельно требовалъ исполненія моего обѣщанія. Я
знала, что это не правда, потому что почти въ то же вре-
мя получила письмо отъ графа, въ которомъ онъ увѣ-
домлялъ меня, что наконецъ ему удалось увѣрить прави-
тельство въ своей невинности и что онъ возвращает-
ся въ Италію. Я притворилась, будто вѣрю моимъ го-
чителямъ, надѣла на себя черное платье вдовы, поз-
волила обить мою комнату чернымъ сукномъ для того
только, чтобы выиграть время, потому что уже не дол-
го оставалось до моего совершеннолѣтія; но хитрый
Аматіи угадалъ мое притворство, и узналъ въ то же вре-
мя, что Лукенсини находился на первомъ пароходѣ,
который долженъ былъ пріѣхать въ Неаполь. Для А-
матіи это была минута рѣшительная; онъ видѣлъ, что

я ускользала отъ него, но не хотѣлъ заставить меня торжествовать безъ отомщенья; можетъ-быть, онъ надѣялся, что по смерти мужа я буду къ нему благосклоннѣе; можетъ-быть также хотѣлъ онъ испугать насъ обоихъ и дать намъ на выборъ смерть или замуство съ Леонардомъ. Я никогда не могла хорошо понять его намѣренія: можетъ, это было просто внушеніе его дикаго Калабрскаго характера. Вамъ извѣстно средство, которое онъ употребилъ для достиженія своей цѣли. Отдаленный домъ, въ которомъ мы жили, подкупленные слуги, — все, казалось, должно было имъ способствовать, но Провидѣніе употребило васъ средствомъ для уничтоженія этаго замысла. Когда, послѣ нашего съ вами свиданія, онъ увезъ васъ съ собою, я рѣшилась, во что бы то ни стало, выйти изъ подъ власти моихъ мучителей. Такъ какъ мое имѣніе было главнѣйшею причиною ихъ преслѣдованія, я воспользовалась смущеніемъ стараго Аматі, и предложила ему въ родъ выкупа все мое имѣніе. Онъ безъ труда согласился. Не доставало двухъ дней до моего совершеннотія, и я подписала переднимъ числомъ бумагу, въ которой, изъявивъ благодарность Аматі за прекрасное управленіе моимъ имѣніемъ, объявляла себя ему должною въ значительной суммѣ денегъ. Между-тѣмъ возвратился Леонардо въ изодраномъ платьѣ, весь мокрый и въ величайшемъ волненіи. Онъ согласился на все. Я тогда замѣтила въ немъ что-то странное, но еще не могла узнать, что съ нимъ случилось, потому что въ ту же минуту оставила ихъ, и явилась снова на сценѣ. Уже впоследствии, когда разнесся слухъ объ убійствѣ полицейскаго чиновника, мнѣ пришла въ голову мысль, что въ этомъ случаѣ долженъ былъ участвовать Леонардо. Дѣйствительно, мѣсяцъ спустя, одинъ изъ слугъ его объявилъ все правительству. Леонардо погибъ на эшафотѣ, отецъ его умеръ съ отчаянія. Полицейскій служитель попалъ въ это приключеніе.

ченіе по несчастному случаю. Въ нашей сторонѣ были разные воровства; замѣтивъ въ лодкѣ Леонарда что-то подозрительное, полицейскій чиновникъ, увлекаемый ревностью къ своему ремеслу, рѣшился скрыться подъ парусомъ, чтобы узнать что-нибудь вѣрное. Все это я узнала въ послѣдствіи; когда до меня дошли слухи объ арестованіи Леонардо — я боясь быть замѣшанною въ этой исторіи, поспѣшно скрылась изъ Неаполя.»

Графиня остановилась.

— Я вамъ рассказала, продолжала она, все, что было любопытнаго для васъ въ моей исторіи. Прибавлю вамъ только то, что мое имѣніе снова возвратилось ко мнѣ: мы свидѣлись съ графомъ и оба замѣтили другъ въ другъ такое равнодушіе, что безъ труда рѣшились разстаться. Опъ хлопочетъ теперь въ Римъ объ уничтоженіи нашего брака.

— Благодарю васъ, графиня; но для меня въ исторіи осталось еще лице непонятное, — Беневоло.

— Беневоло! повторила съ важнымъ видомъ графиня: на это ничего не могу вамъ сказать въ сію минуту. Если вы хотите что-нибудь узнать объ немъ, то выйдите изъ моего дома, пройдите по всѣмъ комнатамъ, сядьте въ лодку, возвратитесь сюда этимъ переулкомъ и войдите ко мнѣ черезъ этотъ балконъ: вамъ будетъ спущена лестница.

Я былъ въ нерѣшимости; но графиня такъ улыбнулась, съ такимъ видомъ подала мнѣ руку, что я не могъ отказать ей.

Я исполнилъ въ точности всѣ ея предписанія; но признаюсь, сердце мое было не совсѣмъ намѣсть, когда я сталъ взбираться по веревочной лѣстницѣ, спущенной мнѣ съ балкона. Я засталъ графиню въ томъ же легкомъ платьѣ; она встрѣтила меня съ улыбкою, и показала мнѣ дверь небольшого кабинета. Вошедши въ него, я увидѣлъ всѣ принадлежности мужскаго

ночного туалета и не замедлил ими воспользоваться. Когда я выглянулъ изъ двери, графиня захохотала и показала мнѣ мѣсто на диванѣ возлѣ себя, позвонила въ колокольчикъ и положила на столъ пару пистолетовъ.

— Что это значить? спросилъ я у нея.

— Это необходимо, сказала мнѣ графиня важнымъ тономъ.

Я задумался, и невольно осмотрѣлъ курки пистолетовъ.

Дверь отворилась, Беневело вбѣжалъ въ комнату.

— Амвросіо! сказала ему графиня: знаешь ли ты этого человѣка?

Беневело затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Ты видишь, Амвросіо, я оставила одного мужа, отказалась отъ другаго, вотъ у меня третій, а все не ты! Бѣдный Амвросіо! Но теперь дѣло не о томъ: ты знаешь все, что ты сдѣлалъ противъ этого молодаго человѣка; онъ требуетъ у меня отмщенія; твоя послѣдняя минута наступила, — признавайся. Допрашивайте его, графъ, сказала она, обратившись ко мнѣ.

Я не могъ смотрѣть безъ смѣха на Беневело; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ возбуждалъ во мнѣ невольное сожалѣніе.

Графиня замѣтила во мнѣ это чувство, и сказала:

— О, какъ вы добры, графъ, вы еще объ немъ жалѣете! Вы не знаете, что онъ за человѣкъ! Этого мало, что онъ осмѣлился влюбиться въ меня, — нѣтъ! взбѣшенный неудачею, онъ перешелъ на сторону моихъ враговъ, онъ помогалъ Амати, онъ былъ отъ нихъ подосланъ къ вамъ шпиономъ, писалъ къ вамъ записки; онъ препятствовалъ мнѣ видѣться съ вами, потому что Леонардо боялся, чтобы наше свиданіе не открыло его преступленія. Этого мало: когда онъ узналъ, что

у васъ находится мой перстень, котораго онъ долгое время отъ меня добивался, онъ рѣшился взвести на васъ нелѣпый доносъ въ моемъ похищеніи, чтобы между судейскими интригами воспользоваться этою рѣдкостію..... Въдь вы вѣрно знаете,— онъ любитель древности!

— Онъ, кажется, замѣтилъ я, больше любитель денегъ, нежели древности: онъ самъ былъ остановленъ за дѣланіе фальшивой монеты.

— О, нѣтъ! сказала графиня: на это у него и не достало бы духу. Правда, онъ дѣлалъ фальшивую монету, только не новую, а древнюю; онъ занимался самымъ невиннымъ ремесломъ, выдумывалъ небывалыхъ царей, или дѣлалъ подражанія рѣдкимъ медалямъ, и приводилъ въ отчаяніе антикваріевъ.

Амврозію трясся всѣмъ тѣломъ и только изрѣдка проговаривалъ — *Pregiati mia signora!... Signor conte!* Наконецъ, когда графиня замолчала, онъ вскричалъ со слезами на глазахъ:

— Все это правда, совершенная правда; вспомните, что я спасъ жизнь Русскаго графа.

— Да; это правда. Помните лице, которое выглянуло изъ-за двери въ первое наше свиданіе: за это, кажется, можно простить его, графъ, — какъ вы думаете?

Мнѣ такъ былъ жалокъ бѣдный Амврозію, что я сталъ просить графиню окончить эту шутку.

— Благодари графа и ступай вонъ, сказала синьора: а завтра поутру сочини мнѣ стихи на это приключеніе.

Беневоло бросился къ ней въ ноги, и выскочилъ изъ комнаты.

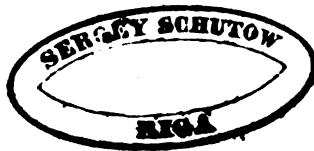
— Онъ добрый старикъ, продолжала графиня, обр аться ко мнѣ: то есть, пока его держишь въ рукахъ. Онъ досихъ-поръ влюбленъ въ меня безъ памяти; я сама при-

выкла къ нему, какъ къ постельной собачкѣ. Онъ безпрестанно рисуеть мои силуеты, пишеть въ честь моихъ стихи, и бываетъ внѣ себя отъ восхищенія, когда я ему позволю поцѣловать мой пальчикъ. Я хотѣла, графъ, доставить вамъ это маленькое удовольствіе, ибо никогда бы не простила себѣ, чтобъ за меня благородный человѣкъ подвергся оскорбленію и остался неотмщеннымъ. Если бы Леонардо былъ живъ, я бы непременно доставила вамъ съ нимъ свиданіе; но это, къ сожалѣнію, невозможно. Теперь ваша роль кончилась. Прощайте!

— Какъ! сказалъ я графинѣ: мнѣ опять итти одѣваться? Опять спускаться съ балкона въ эту темную, дождливую ночь?.....

Ревель

В. ВЕЗГЛАСНЫЙ.

ЭБСАМБУЛЪ.

НУБІЙСКІЯ СЦЕНЫ.

=

II.

ПОСВѢЩЕНІЕ ХРАМА. ПИКЪ-ПИКЪ. ЛОТОРЕЯ.

=

Ночь летѣла тихо въ хрустальномъ воздухѣ, дыша на Нубію сномъ чистымъ и свѣжимъ, сметая съ умовъ крыломъ своимъ весь соръ дневныхъ мыслей и рождая въ нихъ изъ своего совинаго клева пестрыя, причудливыя грезы, которыя воображеніе усыпленнаго подхватываетъ съ такой жадностью, чтобы играть ими на этомъ отрадномъ досугѣ хлопотливой животной жизни, — разноцвѣтные мыльные пузыри, выдуваемые кѣмъ-то въ темнотѣ изъ испареній нашей памяти и, къ сожалѣнію, лопающіе отъ перваго свѣтлаго луча дѣйствительности. Наступающее утро обѣщало быть обильнымъ будущностью: ожиданія, любопытство, общая склонность къ потѣхѣ, стеченіе характеровъ разнородныхъ, живописныхъ, странныхъ, заклеяменныхъ каждый печатью какого-нибудь притязанія, — въ путешествіяхъ всякой превращается въ особенный родъ оригинала, — могли разрешиться бездною забавныхъ случаевъ. Какъ бы не такъ! каждый изъ насъ надѣялся, что его пріятель или сосѣдъ сдѣлаетъ первый какую-нибудь глупость, надъ которой всѣ мы посмѣемся еще до завтрака! Глупость, но порядочная глупость, — была намъ необходима для того, чтобы соединиться въ одноцѣлое и образовать изъ себя правильное просвѣщенное общество, для котораго на Нубійскомъ пескѣ лежали всѣ нужные матеріалы, и только не доставало основанія. Глупость должна быть одарена магнитнымъ свойствомъ: бросьте ее въ толпу Европейцевъ, совершенно чуждыхъ, даже незнакомыхъ

другъ другу, и она тотчасъ станеть притягивать къ себѣ ихъ умы и увеличиваться въ объемъ, покрываясь самыми блестящими частицами ихъ мысли; она постепенно привлечеть, сблизить и сольеть ихъ въ одну массу, которая наконецъ сзернуется вокругъ нея въ кристалъ дружескаго и пріятнаго общества. Эта теорія обществъ начертана крупными іероглифами на каждомъ Египетскомъ и Эѳіопскомъ памятникѣ: жаль только, что такъ мало людей умѣютъ читать іероглифы. Но кто изъ насъ сдѣлаеть первую глупость? кто будетъ такъ великодушенъ, чтобы пожертвовать собою для блага общаго? Увы, никто добровольно! Въ такихъ обстоятельствахъ обыкновенно случай бросаетъ жребій, и назначаетъ жертву.

Утро открыло намъ новыя сокровища общественности. Синьоръ Д — чи пріѣхалъ ночью, и раскинулъ свои палатки на самомъ берегу Нила. Безцѣнный синьоръ Д — чи! онъ заслуживалъ быть произведеннымъ въ великіе хранители погреба Нубійскаго царя, если бъ въ Нубіи былъ царь, за совѣстливое сбереженіе своего шампанскаго. Подлѣ него, еще двѣ барки, прибывшія поутру, выгружали путешественниковъ: одна изъ нихъ, съ Сардинскимъ флагомъ, принадлежала доброму моему пріятелю, товарищу по горной лихорадкѣ и страданіямъ, вмѣстѣ претерпѣннымъ въ Сиріи, и котораго пріѣздъ чрезвычайно меня обрадовалъ; другая пожилому, Англичанину. Оба они были изъ числа самыхъ странныхъ путешествующихъ характеровъ, но совершенно противоположныхъ. Одинъ странствовалъ уже пятый годъ; осмотрѣлъ всѣ углы Европы, неисключая даже Лапландіи, посѣтилъ Сибирь и Америку, и все помнилъ; другой блуждалъ пятнадцать лѣтъ по Западу и Востоку, и ничего не удерживалъ въ памяти. Одинъ путешествовалъ систематически, по книгѣ, съ печатнымъ собраніемъ вопросовъ, которые аккуратный странникъ

долженъ предлагать жителямъ обозрѣваемой земли о всѣхъ возможныхъ предметахъ ея статистики, географіи, этнографіи, правленія, нравовъ и обычаевъ; читалъ по порядку эти вопросы первому попавшемуся туземцу, отбиралъ отъ него показанія, грабилъ всѣ бесѣды, разорялъ своимъ любопытствомъ всѣ терпѣнія, записывалъ каждое слышанное слово, и могъ сказать безъ запинки цѣну огурцевъ, моркови и говядины въ Торнео, Тобольскѣ, Бруссѣ и Лиссабонѣ, такъ же хорошо какъ характеристическіе анекдоты обо всѣхъ примѣчательнѣйшихъ лицахъ, тамъ живущихъ. Другой, ища только новыхъ зрѣлищъ, не помнилъ даже того, на какой живетъ онъ планетѣ, и если, машинально переезжая изъ одной страны въ другую, въ теченіе лѣтъ пятнадцати ни однажды не попалъ обратно въ свое отечество, то единственно оттого, что, забывъ о существованіи Англии, никогда не подумалъ, что онъ еще не бывалъ на родинѣ. Первый былъ графъ В—уа, молодой Пьемонтзецъ, родившійся со страстью къ путешествіямъ, какъ иные рождаются со страстью къ охотѣ: онъ путешествовалъ трудолюбиво, строго, мучительно, какъ только можно путешествовать въ наказаніе, и умеръ потомъ на островѣ Явѣ, оставивъ за собою во всѣхъ четырехъ концахъ свѣта безконечный слѣдъ своего любопытства, услышанный вопросительными знаками, и у своихъ знакомцевъ память милого и благороднаго челоуѣка, «но ужаснаго распрашивателя.» Второй былъ иистеръ Б—къ, общій нашъ знакомецъ по Каиру, старикъ угрюмый и своенравный, и котораго, признаться, мы не очень любили за его разныя притязанія и постоянную склонность къ ссорамъ: лишенный вовсе силъ памяти, иногда посѣщалъ онъ городъ или государство во второй и въ третій разъ, и былъ увѣренъ, что видитъ его впервые. Я имѣлъ удовольствіе повстрѣчаться съ нимъ въ Смирнѣ въ двѣ различныя

эпохи; при вторичномъ свиданіи, гуляя со мной по набережной залива, онъ однако жъ сказалъ мнѣ, въ одномъ изъ свѣтлыхъ проблесковъ своей памяти:

— Какъ это мѣсто похоже на гавань одного города, который я гдѣ-то видѣлъ!

И очень справедливъ: онъ уже въ четвертый разъ былъ въ Смирнѣ! Но какъ бы то ни было, а это новое приумноженіе нашего сборища случилось весьма кстати: намъ именно не доставало такого оригинала, каковъ былъ мистеръ Б — къ. Не знаю, кто выдумалъ первый, только съ появленія его на берегу, по всѣмъ палаткамъ распространился проектъ — мистифицировать почтеннаго путешественника, удостовѣривъ его, что онъ уже во второй разъ въ Эбсамбуль, и что его видѣли здѣсь въ прошедшемъ году. Заговоръ составлялся быстро, и находилъ всюду ревностныхъ сообщниковъ; даже тѣ, которые, изъ важности или по особеннымъ причинамъ, не хотѣли въ немъ участвовать, дали слово не мѣшать потѣхѣ. Дѣятельность вдругъ проявилась въ нашемъ станѣ: бѣгали, предостерегали другъ друга, совѣщались о томъ, что и какъ говорить, и скоро все собраніе было связано узломъ одной тайны. Общество учредилось! Глупость одного изъ насъ подобныхъ, — или быть-можетъ наша собственная, — сдѣлалась его сердцемъ, котораго бѣнія долженствовали стройно отражаться во всѣхъ членахъ новаго тѣла, — такъ, какъ это и было написано іероглифами на фасадѣ Эбсамбульскаго храма. Египетская мудрость неисповѣдима!

Съ тѣхъ поръ уже всѣ стали короткими знакомцами. Все должно быть обще! — Что теперь дѣлать? — Отрывать входъ во храмъ на общій счетъ! — А послѣ? — Послѣ пикъ-никъ: будемъ обѣдать всѣ вмѣстѣ, и пригласимъ Б-ка! Каждый доставитъ потребное коли-

чество лучших своих припасовъ; снести всю посуду въ одну ставку и избрать распорядителей!—Предложеніе было принято съ радостью. Общество одушевилось жизнію. Огонь веселости сталъ кружить по жиламъ, потерявшимъ уже Европейскую свою упругость въ мягкомъ бездѣйствіи Востока. Безъ Б—ка мы вѣроятно объедали бъ каждый въ своей палаткѣ, и личная важность всякаго поразила бы холодностью нашихъ сообщенія.

— Что жъ не отрываютъ храма?

— Скоро придутъ люди, отвѣчалъ одинъ изъ толмачей: мы уже два раза ходили въ деревню, да есть маленькое затрудненіе.

Расположеніе къ веселости еще усилилось, когда мы узнали о родѣ затрудненія. Съ ранняго утра лордъ Д—и и сиръ Генри С—тъ вели жаркіе переговоры съ мѣстными поселянами о томъ, чтобы работники, которые будутъ расчищать фасадъ, и мѣстные зрители, желающіе присутствовать при обозрѣніи памятника, явились непременно въ длинныхъ своихъ рубахахъ, потому что Его Милость желаетъ показать Эбсамбульскій храмъ миссъ Марін, своей благородной дочери. *Шейхъ-ль-беледъ*¹, староста деревни, какъ человекъ съ высшими взглядами и въ новой синей рубахъ, превосходно постигалъ глубокую нравственную мысль лорда, по находилъ ее неудобноисполнимою, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, рубаха есть парадный мундиръ Нубійскаго гражданина, и его подчиненные не согласятся копать землю въ праздничныхъ своихъ нарядахъ; во-вторыхъ, вся деревня, отъ мала до велика, захочетъ быть при вскрытіи храма, въ качествѣ работниковъ или зрителей, такъ какъ она еще никогда не видала столь значительнаго стеченія *милордовъ* и философовъ; а между-тѣмъ не всѣ жители имѣютъ рубахи, — да дѣвицамъ и неприлично являться

передъ людьми въ рубашкахъ, какъ-то Его Милости должно быть навѣстно! Въ самомъ дѣлѣ обстоятельство было столько же затруднительное, сколько забавное. Многіе хотѣли помочь лорду въ его переговорахъ, и своими предложеніями сдѣлали вопросъ еще сложнее. Споры съ представителями деревни длились безъ пользы и слѣдствія. Нѣкоторые вздумали-было пожертвовать частію своего бѣлья и одѣть Берберовъ въ наши Европейскія рубашки: опытъ былъ сдѣланъ на двухъ или трехъ туземцахъ, и представилъ неудобства еще важнѣйшія, чѣмъ совершенное отсутствіе одежды. Наши короткія и бѣлыя рубашки, надѣтыя на ихъ дюжія черныя туловища, придавали имъ уморительную наружность: ихъ товарищи не могли смотрѣть на нихъ безъ хохота. Надобно было прибѣгнуть къ покровительству Сева: какъ бей и полковникъ наши, одинъ онъ могъ бросить тяжесть Турецкой власти на вѣсы нашихъ переговоровъ съ Эбсамбульскими поселенцами, и, при его шумномъ посредничествѣ, мигомъ былъ заключенъ трактатъ съ Нубійскими нравами объ охраненіи правъ Великобританской стыдливости миссъ Марин. Главнѣйшія условія этого знаменитаго въ исторіи Дипломатіи трактата состояли въ слѣдующемъ: I. Вся находящаяся налице въ Эбсамбулѣ новыя и старыя рубахи будутъ собраны и принесены къ фасаду храма. II. Наслѣдники славы и величія древнихъ Эѳіоповъ, нынѣшніе подданные Его Высочества Египетскаго паши, предоставляютъ себѣ право раскапывать землю и производить все нужныя въ томъ мѣстѣ работы согласно стариннымъ обычаямъ ихъ богохранимаго государства, безъ всякихъ Европейскихъ церемоній и отягощенія себя излишнимъ платьемъ. III. Когда входъ будетъ открытъ и Франкскіе милорды и философы явятся съ своими философами, все находящіяся здѣсь потомки гордыхъ Фараоновъ надѣнутъ рубахи, а тѣ, для кого ихъ не достанетъ, спрячутся за

гору. IV. Такъ какъ замужныя женщины всѣ носятъ шерстяныя простыни, то онѣ могутъ присутствовать въ своихъ обыкновенныхъ нарядахъ, съ тѣмъ только, чтобы старались тщательнѣе закутывать въ нихъ тѣло чѣмъ лице; что касается до прекрасныхъ Нубійскихъ барышень, то Франкскіе милорды и философы, уважая съ одной стороны врожденное ихъ полулюбопытство, и съ другой не желая нарушать принятыхъ приличій, существенно классическихъ, позволяютъ имъ приходять въ мѣстномъ неглижѣ, будучи впрочемъ увѣрены, что онѣ по-крайней-мѣрѣ опоянуты всѣ безъ исключенія и безъ различія возрастовъ своими херразами, или ремешками бахрамами съ украшеніемъ изъ мелкихъ раковинъ, которыя придаютъ имъ столько прелести.

Прочія статьи договора относились къ исключенію дѣтсей изъ собранія, и къ цѣнѣ, которую слѣдовало заплатить поселянамъ за работу и за всѣ эти уступки непостижимымъ прихотямъ пріятелей паши, гяуровъ. Черезъ полчаса явилась многочисленная толпа Берберовъ съ лопатами, и песчаная гора, закрывающая фасадъ памятника, начала осуваться къ Нилу.

Археологическія изысканія прекраснаго Европейскаго пола въ Нубіи, конечно, встрѣчаютъ важную преграду въ недостаточномъ количествѣ бѣлья у жителей этого края, но она кажется важною только издали, и одно притворство можетъ почитать ее за непреодолимую. Чтобъ постигнуть странность мѣрѣ, принятыхъ изысканнымъ цѣломудріемъ лорда Д.— и, довольно пробыть однѣ сутки въ такой землѣ, гдѣ употребленіе платья не составляетъ перваго условія общежитія. Если бѣ даже глазъ путешественника не привыкалъ къ этому постепенно, по мѣрѣ приближенія пути къ ея предѣламъ, то и въ такомъ слу-

чаѣ вы поражаетесь необыкновенностью вида только въ первое мгновеніе, очутясь неожиданно среди чернаго и обнаженнаго общества: черезъ нѣсколько часовъ вы уже не обращаете вниманія на его наготу, и не чувствуете ни какого различія между вашимъ и его нарядомъ. Таково могущество всеобщаго обыкновенія. Въ странахъ, обитаемыхъ поколѣніемъ безобразнымъ, равнодушіе посторонняго зрителя принуждено бороться долѣе съ впечатлѣніями, которымъ оно подвергается; но въ Нубіи глазъ Европейца свѣкается весьма скоро, встрѣчая всюду формы пріятнымъ и живописныя. Нубійское племя, древнее племя *Нуба*, сообщившее въ послѣдніе вѣка имя свое прежней Сѣверной Эѳіопіи, по-истинѣ одно изъ прекраснѣйшихъ на землѣ, и составляетъ примѣчательное изытіе въ Естественной Исторіи чловѣка: оно черно, и между тѣмъ не принадлежитъ къ породѣ негровъ, сохраняя черты и сложеніе тѣла совершенно Европейскія. Овальныя ихъ лица отличаются отъ нашихъ только легкою толстотою губъ, которая впрочемъ не имѣетъ ничего непріятнаго, и даже цвѣтъ ихъ кожи не похожъ на рѣзкую, лоснящуюся черноту негра, образуя особенный отливъ, который описать весьма трудно, но который, по мнѣнію моему, неподражаемо выразилъ Птоломей, назвавъ его — *крема мелас*, «тихо-чернымъ.» Въ этомъ краю, можно постигнуть причину неизмѣримаго превосходства древней Греческой скульптуры передъ нашею: тамъ, гдѣ постоянная теплота неба дозволяетъ чловѣку освободить свои члены отъ лишнихъ покрововъ, — тамъ онъ переноситъ въ свое тѣло то чувство изящности, которое мы сосредоточиваемъ все въ платьѣ и въ наружныхъ украшеніяхъ особы. Нубіецъ щеголяетъ своимъ тѣломъ; онъ добровольно принимаетъ такія благородныя и живописныя положенія, какихъ изобрѣтеніе сдѣлало бы у насъ честь творческому гению первѣйшаго художни-

ка; онъ вполне чувствуетъ красоту формъ, которыми природа выразила его существованіе, и если бъ рука его повиновалась чувству, онъ былъ бы Праксительемъ. Древнѣйшіе Греки были полунагіе, и внутри своихъ домовъ часто обходились безъ одежды: членны ихъ, естественно, располагались съ изящностью; глаза ихъ были наполнены красотой человѣческаго строенія, и такъ же тонко замѣчали ея оттѣнки, какъ мы теперь покроемъ одежды и самыя мелкія подробности наружныхъ ея особенностей. Въ этомъ обстоятельстве таится источникъ понятія идеальной красоты, которую умѣли они придавать своимъ изваяніямъ боговъ и смертныхъ. Для насъ оно не существуетъ: поэтому плѣнительная чистота и благородство формъ и линий тѣла, которыми отличалось древнее Искусство, потеряны для нашихъ вдохновеній, и покупаются у насъ только цѣною подражательства; поэтому и общій недостатокъ новѣйшаго художества человѣческаго тѣла — манерность, какъ въ формѣ членовъ такъ и въ положеніяхъ, переходящая въ грубость отъ излишества животности, какъ у Рубенса, или въ болезненное изнѣженіе отъ перехитренной утонченности, какъ у Кановы. Мы уйдемъ далеко эффектами перспективы, свѣто-тѣни и колорита; но главнаго изящнаго, — идеальной красоты тѣла нашего поколѣнія, уже никогда не превратимъ мы для себя въ живое, бьющееся чувство: источникъ его изсякъ подъ нашими платьями. Оно всегда останется для насъ идеей, отвлеченною и холодною. Помощію этого понятія объ его началѣ, я легко отдаю себѣ отчетъ въ неизмѣримой разности между изяществомъ статуй и изяществомъ произведеній плоскаго рисунка у древнихъ Египтянъ и Эѳіоповъ, и, вопреки мнѣнію многихъ, заключаю, что художество этихъ народовъ не выходило изъ дѣтства. Ихъ статуи и колоссы, сравнительно, прекрасны: это простое слѣдствіе чувства изящности

известныхъ формъ и положеній тѣла, — чувства столь сильнаго и столь естественнаго всюду, гдѣ половина населенія большею частію является безъ платья; это — матеріальное осуществленіе первѣйшаго понятія объ изящномъ. Ихъ плоскій рисунокъ неуклюжь и хуже Китайскаго, — потому что для рисунка потребны высшія соображенія искусства и ученое наблюденіе природы.

Красота Нубійскаго поколѣнія представляется въ Физиологій въ видѣ очень любопытнаго вопроса; и хотя наша самонадѣянность придумала уже нѣсколько прекрасныхъ способовъ истолковать ее естественнымъ образомъ, однако жъ всѣ до-сихъ-поръ предложенныя гипотезы только обходятъ фактъ, а не открываютъ его причину. Не входя въ споръ о томъ, по которую сторону Нила жили древніе Нубы, или Нобаты, можно быть увѣреннымъ, основываясь на согласномъ свидѣтельствѣ Греческихъ и Римскихъ писателей, что они жили далеко внутри пустыни, гораздо южнѣе нынѣшней Нубіи, и принадлежали къ настоящей породѣ негровъ. Въ концѣ третьяго вѣка, императоръ Діоклеціанъ, по словамъ Прокопія, поселилъ ихъ въ Эѳіопіи, назначивъ имъ жилища отъ Мухарраки почти до вторыхъ пороговъ. Между Мухарракою и первыми порогами, или границею Египта, жила около того же времени часть народа Блеміевъ, известнаго уже со временъ Эратосѣена, и который также не состоялъ изъ красавцевъ: по-крайней-мѣрѣ Плиній и Помпоній Мела, которые помѣщаютъ ихъ вмѣстѣ съ Сатирами, Эгипанами и другими чудовищами, увѣряя, что они твари безъ головъ, съ однимъ глазомъ въ серединѣ груди, не имѣли высокаго понятія о пріятности ихъ наружнаго вида. Нубы занимаютъ по-сю-пору мѣста, отведенныя имъ Римлянами; нынѣшніе жители первыхъ пороговъ Нила, или такъ называемые Шеллани, которыхъ поселенія про-

стираются почти до Мухарраки, безъ всякаго сомнѣнія суть потомки Блеміевъ: они другаго происхожденія, другаго цвѣта, и говорятъ языкомъ различнымъ отъ Нубійскаго, хотя это еще и не всѣмъ антикваріямъ извѣстно. Что жъ? какъ тѣ, такъ и другіе теперь отличаются совершенною правильностью лица, и чертами удивительно похожи на изображенія, представляющія, на памятникахъ, древнихъ жителей Египта и Эѳіопіи, съ которыми они однако жъ исторически не имѣютъ ничего общаго, потому что, когда Римляне оставили нѣнѣшнюю Нубію въ концѣ Швѣка, она была уже пуста. Я готовъ допустить, вмѣстѣ съ нѣкоторыми объяснителями этого чудеснаго превращенія, что смѣшеніе Нубовъ и Блеміевъ съ остатками прежняго Эѳіопскаго населенія могло произвести въ здѣшнемъ участкѣ Нильской долины существенное измѣненіе въ устройствѣ ихъ лицеваго угла и цвѣта ихъ кожи, хотя эти остатки повидному были очень не значительны и ужъ конечно не многимъ было новыихъ поселенцевъ: самое названіе *aethiops*, употребляемое Геродотомъ, Эратосѣеномъ и Птолемеемъ, показываетъ, что классическіе Эѳіопы, несмотря на сходство языка ихъ съ Египетскимъ, были чернаго цвѣта, а послѣдній изъ трехъ писателей даже опредѣлялъ его отливъ. Но Нубійцы живутъ не въ одной только Нубіи: поселенія ихъ простираются далеко къ югу за Вади-Халфою; Семнааръ занятъ также ими, и въ горахъ Кордуфана обитаютъ поколѣнія того же языка и имени. Всюду, гдѣ они или другіе негры перешли на берега Нила, черты ихъ быстро исправлись и цвѣтъ сталъ нѣжнѣе: тѣ, которые остались въ прежнихъ своихъ жилищахъ, по сіе время сохраняютъ безобразіе и черноту первобытной своей породы. Кордуфанскіе Нубы заняли Семнааръ въ концѣ XVI вѣка. Понсетъ, посѣщая эту страну въ 1695 году, зналъ ихъ еще неграми. Брусь, во второй поло-

впнѣ прошедшаго столѣтія, нашелъ уже удивительную переѣну въ ихъ фizioноміи, которая своей правильностью и красотой напоминала ему людей Кавказскаго, или Европейскаго колѣна. Нынче Сеннаарцы славятся уже стройностью своего сложенія, и кожа у нихъ темно-бронзоваго цвѣта, тогда какъ ихъ Кордуфанскіе соплеменники и теперь похожи на обезьянъ, совершенно черны, съ приплюснутымъ носомъ и шерстію на головѣ. Брусь, въ своемъ удивленіи, приписывалъ этотъ необычайный переворотъ вліянію Нильскаго климата: фizioлоги надъ нимъ смѣялись, и порѣшились на томъ, что тутъ была примѣсь бѣлой породы. Откуда? Того никто не знаетъ! Ни Понсетъ, ни Брусь, ни Камльо, бывшіе въ Сеннаарѣ каждый въ иномъ столѣтіи, не видали тамъ бѣлыхъ: напротивъ, всѣ прибрежные народы Нила безпрестанно пополняются невольниками изъ внутренней части Африки, и этотъ постоянный приливъ чистой черной породы долженствовалъ бы еще усилить сходство ихъ съ неграми. Прибавьте къ тому, что и въ самомъ Египтѣ фizioномія негровъ, привозимыхъ изъ Бурну и другихъ юго-западныхъ областей, видимо измѣняется во второмъ и третьемъ поколѣніи, и красныя, Европейскіе очерки лицъ у черныхъ невольниковъ, рожденныхъ на берегахъ Нила, изумять въ Каирѣ всякаго внимательнаго наблюдателя, который приметъ на себя трудъ поговорить съ ними и узнать объ ихъ происхожденіи. Незнаніе мѣстнаго языка путешественниками обыкновенно скрываетъ отъ ихъ вниманія самыя существенныя частности, и приводитъ ихъ къ несбыточнымъ теоріямъ, которыя однако жъ снимаютъ себя послѣдователей, потому что объясняютъ загадку какимъ-нибудь принятымъ афоризмомъ, освобождающимъ отъ хлопотъ изслѣдованія. Брусово предположеніе, быть-можетъ, не такъ смѣшно, какъ оно кажется многимъ: существенный его недостатокъ

въ томъ, что оно выражено слишкомъ просто и не-искусно.

Мы долго говорили объ этомъ съ лордомъ Д—и, за завтракомъ у сирь Г. С—та. Его Милость согласился со мною, что Нубійцы въ самомъ дѣлѣ люди очень достойные любопытства, но былъ того мнѣнія, что все-таки лучше, чтобъ они надѣли рубахи.

Между-тѣмъ почтенный мистеръ Б—къ на другомъ концѣ лагеря всѣми силами оборонялся отъ шалуновъ, которые его морочили и исторгали у него удовольствіе увидѣть здѣсь что-нибудь новаго. Каждый встрѣчалъ его условленнымъ привѣтствіемъ: — А, мистеръ Б—къ! вы опять въ Эбсамбуль? — Какъ, вы уже второй разъ здѣсь? — Старикъ сначала хладнокровно увѣрялъ вопрошателей, что онъ никогда не бывалъ въ Нубіи; потомъ разсердился; наконецъ сталъ самъ спрашивать тѣхъ, къ которымъ имѣлъ довѣріе, слышали ли они отъ кого-нибудь, чтобъ онъ въ прошломъ году ѣздилъ въ Эбсамбуль; но двусмысленные ихъ отвѣты поставили еще въ большую неизвѣстность, и онъ уже не зналъ, что о себѣ думать. Вдругъ является староста съ нѣсколькими поселянами, и произносить ему длинную рѣчь по-Арабски.

— Чего они хотятъ? вскричалъ мистеръ Б—къ. Что это за люди? Подите прочь, негодяи!

— Они пришли къ вамъ, сказалъ одинъ изъ толмачей, поздравить съ благополучнымъ къ нимъ возвращеніемъ. Шейхъ-эль-беледъ изъясняетъ, отъ имени всѣхъ жителей, что съ тѣхъ поръ какъ вы изволили уѣхать отсюда, они не могли ни ѣсть, ни спать, не видали солнца, и совершенно изсохли отъ любви къ вамъ и отъ пламеннаго ожиданія, не пріѣдете ли вы еще разъ озарить ихъ долину блескомъ своего лица. Они говорятъ, что ввѣкъ не видали такого щедраго и великодушнаго мѣлорда, и что никогда васъ не забудутъ.

Б — къ принужденъ былъ подарить имъ нѣсколько Египетскихъ пастровъ: они уже были заплачены за эту продѣлку однимъ изъ его соотечественниковъ, который всегда преслѣдовалъ его своею насмѣшливой изобрѣтательностью. Но это обстоятельство поколебало его до основанія: онъ сталъ убѣждаться, что, въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто нѣсколько ему знакомо, — къ чему безъ-сомнѣнія помогло много и общее сходство видовъ здѣшняго края. Молча проводилъ онъ испытующій взоръ по всемъ лицамъ, но ни одно изъ нихъ не измѣняло тайнъ: всѣ превосходно выдерживали свои роли, и, казалось, отнюдь не занимались его недоумѣнiемъ. Б — къ ушелъ съ явною досадою въ свою палатку, и, спустя не много, отправился къ сирѣ Генри С — ту, въ надеждѣ узнать съ достовѣрностью изъ его разговора, который разъ онъ въ Эбсамбулѣ. Но холодный дипломатъ — антикварiй завелъ съ нимъ рѣчь о трехъ способахъ приготовленія мумiй у древнихъ, и не входилъ ни въ какiе распросы касательно его путешествiя. Потерявъ терпѣнiе, Б — къ спросилъ самъ, можетъ ли это быть, чтобы онъ, себѣ невѣдомо, попалъ сюда вторично.

— Я думаю, это съ вами часто случается, сказалъ С — тъ съ важною улыбкою. Что касается до третьяго способа приготовленія мумiй, о которомъ говорить и Геродотъ.....

Б — къ посмотрѣлъ ему въ глаза, и замолкъ. Онъ былъ совершенно разстроенъ этимъ отвѣтомъ, послѣ котораго ему уже нельзя было сомнѣваться. Онъ призналъ себя чистосердечно стариннымъ посѣтителемъ Эбсамбула, и, вышедъ отъ С — та, превращенный въ мумiю въ растворъ его Египетской учености, удивлялся только тому, какой онъ разсѣянный, что забылъ подобное обстоятельство, хотя память у него, слава Богу, превосходная. Онъ объявилъ, къ большой потѣхѣ сочи-

нителѣй мистификаціи, что впередъ будетъ вести дневникъ своимъ путешествіямъ и съ особеннымъ вниманіемъ записывать мѣста, которыя посѣщаетъ.

Пріятель синьора Д — чи, выѣхавшій позже всѣхъ насъ изъ Каира, привезъ Англійскія и Французскія газеты и письма къ разнымъ путешественникамъ, полученные изъ Европы. Д — чи, который не показывался съ самаго пріѣзда, разослалъ ихъ по палаткамъ, и нашъ станъ испыталъ одно изъ тѣхъ странныхъ пробужденій, которымъ подвергаются общества, когда средь ихъ упадутъ вѣсти важныя и неожиданныя. Газеты говорили о переворотахъ въ политическомъ мірѣ, письма о происшествіяхъ внутри семействъ нашихъ, отъ которыхъ многіе изъ насъ болѣе года не получали извѣстій. Мгновенная перемѣна декорацій послѣдовала во всѣхъ головахъ: муміи, обелиски, храмы, колоссы, старая и новая Нубія, съ своими черными обществами и желтыми горами, умчали за края зрѣлища, и новые кулисы, — наши богатые города, наши прекрасныя дороги, величественные лѣса, пышная зелень луговъ, вся наша пестрая, блестящая Европа, съ своими странными теоріями, съ своимъ безпокойнымъ движеніемъ, съ своей роскошью золота, словъ, наукъ и сумасбродствъ, высунулись и обставили сцену, въ серединѣ которой мелькнули наши дома: здѣсь мать выглядываетъ въ окошко, направляя взоръ, полный любовію и благословеніемъ, къ дальней, неизвѣстной ей Африкѣ, — тамъ свадебныя гирлянды окружаютъ юную сестру вѣнцомъ счастья и навсегда отнимаютъ ее у брата, — индѣ быть-можетъ докторъ сидитъ у постели добраго родителя, — управитель васъ обкрадываетъ, — тлутся похороны друга, — въ знакомой ролицѣ, по той же дорожкѣ какъ и за два года, гуляетъ молодая дѣвушка, не думая о тѣхъ, которые теперь въ Нубіи!..... Грузъ нѣжныхъ семейныхъ чувствованій! Двѣ революціи на югъ! Конгрессъ въ центрѣ

мечтательнато материка! И зловьщіе крики газетъ, отъ которыхъ уши наши нѣсколько было поотвыкли! Этого ужъ слишкомъ для бѣдной Нубійской поляны, не говоря уже о письмахъ отъ добрыхъ пріятелей, забытыхъ вами по разнымъ городамъ, — письмамъ, начинающихся извиненіемъ, что давно къ вамъ не писали, и, подобно Перкинсову паровому ружью, стрѣляющихъ по двѣсти анекдотовъ на минуту. Все это разразилось надъ поляною. Все это произвело такой взрывъ пересказовъ, толковъ, междометій и умозаключеній, что едва Африка не потряслась. Политическія извѣстія изъ всѣхъ концовъ свѣта, сплетни изъ всѣхъ Европейскихъ столицъ, глупости изъ-подъ всѣхъ географическихъ широтъ, оперлись на песчаной площадкѣ нашего лагеря и превратили ее въ гостиную клуба: кто рассказываетъ забавный случай съ общимъ его и другихъ знакомцемъ или приключеніе съ извѣстною актрисою; кто изумленъ и опечаленъ переворотомъ въ своемъ отечествѣ; тотъ бранить, тотъ радуется; о каждомъ событіи столько же противоположныхъ системъ, сколько присутствующихъ разноплеменныхъ народностей; одни шутятъ, другіе ссымаются на газеты, иные важно рассуждаютъ, — и вѣтеръ тутъ же разметаешь по обнимъ пустынямъ ихъ политическія теоріи, опасенія и надежды, наши народныя вражды, и печальные факты общей нашей образованности, вмѣстѣ съ газетными объ нихъ толками. Если пустыни хорошо слушали, и поняли все, что и какъ дѣлается, говорится и пишется въ земляхъ, имѣющихъ счастье быть населенными, то онѣ вѣрно сказали себѣ: — Такъ лучше жъ намъ быть пустынями.

Эта Европа въ глухомъ уголку Нубіи, — настоящая Европа! — не прежде прекратилась, какъ по полученіи извѣстія, что входъ въ храмъ расчищенъ. Насъ вдругъ перебросило съ послѣдней почты въ глубочай-

шую древность. Политическія системы превратились въ іероглифы. То было въ два часа по полудни.

Событія быстро слѣдовали одинъ за другимъ въ этотъ день, обильный для насъ событіями. Новаго рода суматоха раздалась въ станѣ. Каждый желалъ быть первымъ свидѣтелемъ дива, возвращеннаго дневному свѣту: эта прихоть въ дѣлѣ любопытства имѣетъ почти прелесть запрещеннаго плода по другой части. Всѣ торопливо вооружались вонтиками, портфелями, рисовальными досками, карандашами, складными футами, и свѣшили выступить на поляну, чтобъ вмѣстѣ идти во храмъ, какъ скоро дамы будутъ готовы. Сиръ Генри, великій жрецъ Эбсамбульскій, долженствовалъ управлять обрядомъ заклатія скотьяны ученаго любопытства на жертвенникъ забытаго народами божества, и правильное исполненіе этого жертвоприношенія имѣло для насъ въ ту минуту почти религіозную важность. Мы были проникнуты такимъ же благоговѣніемъ къ пустопорожнему святилищу, съ какимъ приближались къ нему Дэюпы, когда оно еще заключало въ себя таинства нхъ неба и сокровища земной мудрости. Рота археологовъ стояла подъ зонтиками, и обливалась потомъ. Жара была ужасная.

— Севъ! что жъ Италіанка-то?

— Ст!... Я скажу вамъ послѣ. Тутъ происходятъ забавныя вещи. Она, я думаю, теперь выйдетъ изъ палатки, и вы ее увидите..... Посмотрите на Л-на! Онъ на себя не похожъ.

Въ самомъ дѣлѣ нашъ молодой, розовый живописецъ былъ блѣденъ, разстроенъ, задумчивъ. Онъ, видно, провелъ ночь въ мучительной безсонницѣ. Помните ли удивительное своей простотою и вѣрностью выраженіе Гомера, — но вы, господа, нынче его не читаете! — одно изъ тѣхъ выраженій первичнаго наблюденія свѣжей еще природы, какихъ мы уже не изобрѣтаемъ, — *peri gynaiка paschein*, «страдать женщиною»? Бѣд-

ный Л—нъ, съ жалкимъ видомъ, поодаль отъ другихъ, державшій въ одной рукъ зонтикъ, въ другой, подъ мышкою, свой рисовальный приборъ, былъ очевидно — болѣнь женщиною!

Въ это время явились наши Англичанки, — миссъ Марія, спрятанная подъ огромнымъ кисейнымъ покрываломъ, — мистриссъ У—ё въ Турецкомъ женскомъ плащѣ и съ чернымъ на лицѣ ситомъ, по послѣдней Каирской модѣ. Италіянка не приходила. Синьоръ Д—чи одинъ присоединился къ намъ. Д—чи былъ съдой, пизепькій, боченоватый весельчакъ, очень потышной наружности, но пріятнаго характера: притомъ отличный хлѣбосоль. Всѣ его знакомцы бросились къ нему съ поздравленіями, съ шутками, съ запросами. Онъ выдержалъ за свою неожиданную гостью грозу пріятельскихъ эпиграммъ, не измѣнивъ своей веселости, но никакъ не хотѣлъ признаться, что она его невѣста, и даже сердился, когда ему доказывали противное. Онъ увѣрялъ, что мать ея родственница его пріятелю, и что онъ путешествуютъ съ нимъ для своего удовольствія.

— Она открыла сегодня въ Нубіи любопытную древность, сказала мистриссъ У—ё одному изъ насъ, обозрѣвая синьора Д—чи и душась отъ смѣху подъ ситомъ.

— Вы ужасно взыскательны, возразилъ ей мой товарищъ, Петръ Ивановичъ. Синьоръ Д—чи можетъ еще нравиться дамамъ.

Мы двинулись къ Нилу цѣлой ватагой, которую еще увеличила толпа служителей несшихъ наши ружья. Черезъ пять минутъ мы уже стояли передъ храмомъ, по лодыжки въ песокъ и окруженные сотнею Эбсамбульцевъ обоего пола, для которыхъ наши лица и наряды составляли такую же рѣдкость, какъ для насъ ихъ памятникъ. Мужчины, по трактату, были всѣ въ рубахахъ.

— Не примѣчали ли вы, сударыня, важно спросилъ мой товарищъ Г-жу У— ё: носить ли здѣшнія дѣвушки Англійскіе корсеты?

— Вы человекъ безстыдный, возразила строгая пуританка, не зная куда дѣваться отъ этихъ барышень, которыя тѣснились вокругъ нея и указывали пальцами на ея бѣлые чулки.

Если кому-нибудь еще неизвѣстно, что Эбсамбульскій храмъ не построенъ подъ открытымъ небомъ, а нѣсвѣченъ въ гору, то я готовъ сказать это ему за новостъ. Ливійская цѣпь, состоящая въ этой сторонѣ изъ желтаго, очень мягкаго песчаника, выгнулась здѣсь колыномъ, которое почти упирается въ рѣку. Скатъ его довольно отлогъ. Онъ срезанъ отвѣсно въ одномъ мѣстѣ, такъ, что оставшіяся по сторонамъ части ската приняли видъ двухъ каменныхъ отводовъ, какъ бы подпирающихъ гору. Этотъ отрѣзъ есть именно фасадъ храма, — очень простой въ архитектурномъ отношеніи, потому что тутъ ничего болѣе не сдѣлано, кромѣ высокихъ дверей, ведущихъ внутрь зданія, и четырехъ огромныхъ колоссовъ, опертыхъ спинами о фасадъ и извалинныхъ изъ уничтоженной массы ската, по два съ каждой стороны входа. Песокъ, накопившійся въ теченіе многихъ вѣковъ въ углу колына, обращенномъ къ пустынѣ, образовалъ тамъ сугробъ, который уже поровнялся съ вершиною горы. При сильномъ западномъ вѣтрѣ, песчаная волна, несущаяся въ пустынѣ подобно нашему сухому снѣгу въ полѣ, взлетаетъ по отлогости этого сугроба на гору, переходитъ черезъ ея вершину, и струится съ ней по отрѣзу ската. Такимъ образомъ, у подешвы фасада возникъ другой сугробъ песку, который засыпалъ двери гораздо выше верхней ихъ перекладки и четыре колосса по самую шею. Нѣтъ ничего забавнѣе вида этихъ исполинскихъ головъ, торчащихъ изъ песку и улыбающихся зрите-

лю тою жирной, сладостной улыбкой, которую Египтяне придали толстымъ губамъ почти всѣхъ своихъ колоссовъ: четыре великана сидятъ, кажется, въ ваннѣ и счастливы тѣмъ, что имъ жарко! Но должно сказать, что только трое изъ нихъ наслаждаются этою отрадою въ раскаленномъ пескѣ сугроба: четвертый обрушился, и утонулъ въ своей купальнѣ. Само собою разумѣется, что песокъ, заваливъ и наполнивъ двери, пустилъ другую отлогость своего холма внутрь зданія, отъ перекладки до пола, и что эта покатоность должна быть гораздо стремительнѣе наружной, простирающейся отъ верхней части фасада до самаго берега Нила. Чтобы проникнуть во храмъ, надобно раскопать песокъ надъ дверями, и прорыть подъ перекладившую нору, въ которую потомъ антикварское любопытство, съ портфелемъ подъ мышкою, влѣзаетъ, согнувшись четверо и утопая въ пескѣ на каждомъ шагу. Прибывающій сюда путешественникъ долженъ всегда нанимать Берберовъ для изготовленія ему такого прохода, потому что нору его предшественника, если не скоро заноситъ пескомъ, поселяне засыпаютъ сами, чтобъ не лишиться удовольствія оказать новому гостю услугу за его деньги. Наши условія съ ними были гораздо прихотливѣе тѣхъ, какія обыкновенно заключали они съ другими посѣтителями. Мы требовали, во-первыхъ, чтобы проходъ былъ въ чловѣческой ростъ; и, во-вторыхъ, чтобы они отрыли намъ одинъ колоссъ весь до основанія, въ южномъ углу фасада, потому что мы хотимъ его измѣрить. Колоссъ этотъ былъ уже отрытъ однажды лордомъ Валенсіа, за нѣсколько лѣтъ до нашего посѣщенія, но опять погрузился въ песокъ до половины. Второе условіе исполнили гораздо лучше перваго, рассчитавъ, что вѣтеръ не скоро задѣлаетъ большое отверстіе въ дверяхъ, и что имъ будетъ стоить большаго труда помогать ему.

Глаза наши устремлялись на каменнаго гиганта, возставшаго изъ могилы во всемъ своемъ могуществѣ. Онъ поразителенъ, даже для тѣхъ, кто видѣлъ Сфинкса у пирамидъ въ Джизе и Фивскаго Мемнона съ супругою. Эбсамбульскіе колоссы представлены сидящими на стулахъ, и, подобно Мемнону, держать руки на колѣняхъ. Ширина ихъ плечъ три сажени; вышина девять сажень. Въ нихъ особенно замѣчательны лица, прекрасно сохранившіяся въ климатѣ, который ничего не разрушаетъ. Они, какъ и лица всѣхъ прочихъ Нубійскихъ истукановъ, носятъ легкій отпечатокъ поколѣнія негровъ, отнюдь не противный Европейскому глазу, но отдѣлка ихъ превосходна и выраженіе весьма пріятно. Мы удивлялись сходству ихъ чертъ съ физиогноміею бывшихъ тутъ Берберовъ, хотя послѣдніе совсѣмъ различнаго происхожденія съ древними строителями храма. Остальныя части тѣла отдѣланы съ Египетскою неловкостью.

Какъ мы ни горѣли нетерпѣніемъ увидѣть внутренность храма, но проходъ оказался слишкомъ неудобнымъ для нашихъ спутницъ. Нубійцы доказывали намъ, что онъ неподобенъ и что лучше быть не можетъ. Споръ продолжался уже нѣсколько минутъ, какъ одно слово Турецкаго полковника, Сева, вдругъ перемѣнило ихъ образъ мыслей, и они поклялись своими глазами, что мигомъ можно будетъ проѣхать въ *бирбе* на верблюды. Они схватили лопаты, въ одно мгновеніе окасорвали съ себя рубахи, бросили ихъ на песокъ, и усердно принялись углублять отверзтіе. Трактатъ былъ уничтоженъ, и съ такой быстротою, что не было возможности остановить въроломства, неволью вырвавшася изъ глубины этихъ черныхъ сердець. Лордъ Д — и сердился и кричалъ имъ по-Италіянски; сирь Генри кричалъ на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ; прочіе смѣялись. Берберы, не понимавшіе ни того, ни другаго, закричали также на своемъ нарѣчій, и ту же

минуту высыпала изъ-за горы, съ лопатами, толпа ихъ одноплеменниковъ, занимавшихъ эту позицію за нижніемъ рубахъ. По счастью, миссъ Марія ничего не видала сквозь кисею. Ея надзирательница быстро отвернулась въ сторону, и, какъ наблюдательная женщина, замѣтила Г-ну М - ку, что вода въ Нилъ очень черна. Она хотѣла сказать — желта.

Мы заслонили прекрасныхъ путешественницъ стѣною изъ зонтиковъ, и съ тѣхъ поръ онѣ были въ совершенной безопасности. Лордъ Д- и казался очень благодаренъ намъ за эту остроумную выдумку. Между-тѣмъ собраніе представляло самое забавное зрѣлище. Наше общество было перемѣшано купами туземцевъ по всемъ направленіямъ; путешественники одни сохраняли свое народное платье, другіе были одѣты по образцу разныхъ восточныхъ поколѣній; иные ни по какому образцу: наряды Турецкіе и мамлюкскіе, фракы и бедуинскіе одѣяла, Египетскія фуфайки, Арнаутскіе куртки и Европейскіе сюртуки переплетаются съ кожею мѣстныхъ хозяевъ; бѣлыя и черныя лица, соединенныя въ группы, образуютъ пестрыя и живописныя массы головъ; бѣлые и черные нравы глядятъ другъ на друга съ удивленіемъ; и тутъ же, рядомъ стоятъ стыдливость тщательно закутанная и стыдливость нагая, гордая той чистотою, которая дозволяетъ ей еще не прятаться подъ покровы. Сиръ Александръ С***, ставъ на грудь песку, доказывалъ передъ фасадомъ Эбсамбульскаго храма, что нарядъ Нубійской дѣвицы гораздо скромнѣе бальнаго вырѣзнаго платья Европейки, — но сиръ Александръ былъ извѣстенъ въ цѣлой Нубіи своими парадоксами! Одинъ изъ бывшихъ съ нами живописцевъ сдѣлалъ со скуки очень умный скиццъ нашей разнородной толпы въ ту минуту, — и этотъ скиццъ остался у меня.

Покуда поселяне работали, путешественники разхаживали, разсуждали, спорили, сидѣли на обломкахъ горы или придумывали разныя потѣхи въ Эѳіопскомъ вкусѣ. Одни заставили Берберовъ плясать. Другіе бились объ закладъ въ томъ — кто пробѣжитъ по Нубійскому песку на солнцѣ двадцать шаговъ босыми ногами? Тѣ, которые были одѣты въ восточное платье, поочередно скидали туфли, и пытались извѣдать чувствительность своихъ подошвъ къ жару, — ни кто не могъ сдѣлать десяти шаговъ. Предложили Берберамъ двадцать Египетскихъ піастровъ за тотъ самый подвигъ, и, изъ многихъ соревнователей, одинъ молодой негръ изъ Дарфура выигралъ призъ при громгласномъ одобреніи всего чернаго общества. На последнемъ шагу, онъ упалъ спиною наземь, и вздернулъ ноги вверхъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ боли, что жалко было на него смотрѣть.

Я подошелъ къ дамской группѣ, постоянно обведенной услужливыми зонтиками. Миссъ Марія и ея надзирательница любовались на большія, красивыя яблока, которыми былъ осыпанъ кустъ колокинты, росшій на самомъ берегу Нила. Палевый цвѣтъ этого горькаго плода, пустаго въ серединѣ, когда онъ достигнетъ зрѣлости, и прелестныя красныя жилки, правильно исписывающія его сухую, гладкую какъ атласъ поверхность, долго восхищали обѣихъ путешественницъ, и онѣ просили срѣзать для нихъ нѣсколько яблоковъ. Налюбовавшись, всѣ отвернулись отъ куста, ища другаго предмета для своего вниманія. Намъ занялъ огромный крокодилъ, вышедшій изъ воды грѣться на солнцѣ на маленькомъ островку, возникшемъ, отъ убывающей воды, почти на серединѣ рѣки. Невинныя опасенія зрительницъ при видѣ крокодила тотчасъ разсѣялись, какъ скоро имъ объяснили, что высота отвѣсно усѣченнаго берега, на которомъ мы

стояли, защищаетъ насъ отъ всѣхъ посяганій алчнаго сосѣда.

— Пафъ!!!.....

— Ахъ!

— Ахъ!..... Кто выстрѣлилъ?

Путешественницы ужасно перепугались. Кто-то невзначай выстрѣлилъ подлѣ насъ изъ карманнаго пистолета. Да и многіе изъ насъ были нѣсколько встревожены. Берберы хохотали.

Одинъ изъ толмачей, типъ Каирскаго толмача, подошелъ, и доложилъ, почтительно извиняясь передъ нами, что выстрѣлило-то колокинтовое яблоко на кустъ. Когда яблоко совершенно созрѣло, то, — извините, господа! — оно лопаеъ съ трескомъ какъ-бы пистолетнаго выстрѣла, — извините, сударыни! — и распыскиваетъ зерна свои очень далеко во всѣ стороны, — покорнѣйше прошу извинить меня, сударыни!

Онъ со страху побросали наземь собранныя для нихъ яблока, опасаясь, что они станутъ стрѣлять въ ихъ мѣшечкахъ и взорвутъ ихъ на воздухъ.

Почтительный толмачъ подобралъ яблока, и поднесъ обратно дамамъ, удостовѣряя, что какъ скоро ихъ срѣжешь съ куста, то, — извините сударыни! — они больше не стрѣляютъ, потому что, — извините, господа! — изъ зернъ этихъ яблоковъ аптекари дѣлаютъ слабительное, — покорнѣйше прошу извинить, милостивые государи и государыни!

Посмѣявшись надъ этимъ приключеніемъ, мы тоже просили нашихъ собесѣдницъ извинить насъ и позволить намъ поохотиться за крокодиломъ. Сиръ Александръ С***, одинъ изъ Нѣмецкихъ натуралистовъ и я, взявъ двуствольныя ружья, условились всадить ему три пули въ желудокъ, метя всѣ трое въ одно

мѣсто, и, когда послѣ перваго выстрѣла онъ будетъ уходить въ воду, стараться поймать его въ голову изъ другаго ствола. Мы подошли къ самой водѣ, и выстрѣлили. Одна пуля, видно, задѣла его за чувствительное мѣсто, потому что онъ вспрыгнулъ на-мѣсть и бросился въ воду. Второй залпъ не произвелъ никакого слѣдствія. Мы скорѣе взобрались на берегъ.

Черезъ минуту, голова чудовища показалась внизу изъ воды, насупротивъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Всѣ схватили ружья, но чуть принялись метить, онъ нырнулъ въ воду. Вниманіе цѣлой толпы было теперь устремлено на дерзкаго гада: мы держали ружья на прикладѣ, ожидая, что онъ снова появится, чтобъ привѣтствовать его ту же минуту двумя десятками пуль. Онъ дѣйствительно показался еще разъ, и вышелъ до половины на сушу, но уже въ другомъ мѣстѣ, и на такомъ отъ насъ разстояніи, что пока мы подбѣжали къ нему на ружейный выстрѣлъ, уродъ скрылся. Староста съ нѣсколькими поселянами принялись объяснить намъ, что мы напрасно его преследуемъ: онъ хитеръ, — онъ дядя всѣхъ здѣшнихъ крокодилей, — и такъ его не уходишь; а надобно удить его. Если для этого мы пожелаемъ имъ лопатку баранины, то, *иншаллахъ!* «по милости Аллаха», къ вечеру они его поймаютъ. Этотъ родъ рыбной ловли чрезвычайно понравился нашимъ Англичанамъ, которые вообще большіе охотники удить, и они обѣщали поселянамъ тридцать шястровъ за «дядю». Приготовленія были сдѣланы въ нѣсколько минутъ: изъ лагеря принесли большой кусокъ мяса; Берберы отыскали большой желѣзный гвоздь, согнули его, привязали къ длинной веревкѣ изъ пальмовыхъ волосъ, продѣли въ баранину и бросили въ рѣку. Въ Англии, рыбная ловля сдѣлалась однимъ изъ пріятнѣйшихъ удовольствій свѣтской жизни: составляютъ неболь-

шія общества изъ десяти и болѣе человекъ мужчинъ и молодыхъ женщинъ, и ѣдутъ лѣтомъ на отдаленныя рѣки и озера, въ живописныя мѣста Шотландіи или Ирландіи, по-времени даже въ Норвегію, — удить рыбу. Занимательность этихъ кочевыхъ эпизодовъ длинной мелодрамы осыдлаго быта увеличивается маленькими приключеніями дороги, забавными случаями на-мѣсть, наблюденіями надъ странною и нравами жителей, веселостью и остроуміемъ самихъ рыбаковъ и милыхъ рыбачекъ.воротясь въ столицу кто-нибудь изъ общества, опишетъ все это съ своими примѣчаніями, и публика получитъ милую и умную книгу: такимъ образомъ возникъ тамъ особый, очень пріятный родъ легкой литературы, *Angling Literature*, «Рыболовная Словесность», которой нѣтъ у другихъ народовъ. У насъ столько создателей, которые все создаютъ, подражая, — а никто не подумаетъ о созданіи Русскаго рыболовнаго романа. Пора, пора удить и намъ! Вотъ я сдѣлаю предложеніе охотникамъ до веселой жизни: вмѣсто того, чтобъ ѣхать на дачи, соберемтесь нынѣшней весною человекъ двадцать, тридцать, дамъ и мужчинъ, и отправимся въ Верхній Египетъ удить крокодилей. По возвращеніи, мы напишемъ книгу, и будемъ удить читателей. Надобно жъ сдѣлать начало!

Намъ нѣкогда было наблюдать далѣе за удою нашихъ Берберовъ: входъ во храмъ достаточно былъ уже расчищенъ, и всѣ мы бросились взбираться на сугробъ. Но они поймали его часа черезъ два.

Сиръ Генри, какъ предводитель, и лордъ Д-ни первые вошли въ отверзтіе. За ними, миссъ Марія и мистрисъ У-ѐ. С*** подаль руку послѣдней, я имѣлъ удовольствіе поддерживать ея робкую воспитанницу въ многотрудномъ бореніи съ сыпучимъ пескомъ, осу-

вавшимися подъ нашими ногами и въ которомъ мы часто погружались по колѣни. Прочіе ползли за нами. Приходилось падать и приподниматься почти на каждомъ шагу, и, когда приподнимаясь, упирались мы рукою въ песокъ, она вязла въ немъ глубже ногъ, и увлекала насъ въ новое паденіе. Это мучительное шествіе сопровождалось общимъ хохотомъ, который издали гремѣлъ глухимъ эхомъ въ пустынномъ святилищѣ Озириса. Толщина стѣны образуетъ въ дверяхъ довольно длинный корридоръ; свѣтъ, вторгающійся снаружи, постепенно въ немъ ослабѣваетъ, и глаза ваши, раздраженные солнечнымъ блескомъ, наполняются чернымъ мракомъ. Мы были вдругъ застигнуты совершенною темнотою, и ощупью брели въ песокъ, часто ударяясь головами въ потолокъ глубокой двери, какъ вдругъ послышалось подлѣ пронзительное—Ай!!!... Прежде чѣмъ я постигъ смыслъ этого междометья, миссъ Марія произнесла другое—Ай! Мы отнюдь не подумали о томъ, что песчаный холмъ, заваливающій двери, долженъ имѣть внутри храма опасную покатошь, и не знали, что уже стоимъ на краю пропасти. Песокъ вдругъ обрушился лавиной подъ прелестною Англійскою ножкою моей спутницы, которая крѣпко, обвиви ручками, держалась за мою руку; она упала на меня бокомъ, я опрокинулся навзничъ, и мы сперва поѣхали внизъ вмѣстѣ, на кучу песку, потомъ покатались поодиначкѣ по стремительному скату внутренней части сугроба. Слава Богу, что было темно. Ушибиться тутъ невозможно, потому что полъ первой залы усыпанъ очень далеко пескомъ, который чрезвычайно мягокъ и пріятенъ при вставаніи.

Всѣ, шедшіе за нами, подвергались тому же приключенію, и громкій смѣхъ стоявшихъ уже на земли, который потолоки зданія повторяли грубымъ пещернымъ басомъ, знаменовалъ каждое новое низверженіе

путешественника. Археологи падали съ потолка храма какъ груши съ дерева. Наконецъ упалъ Б-къ, и представленіе кончилось. Въ отверстіи начали появляться Берберы, которые, зная мѣстоположеніе, спускались оченъ покойно. Теперь они были въ рубахахъ.

Удивленіе наше росло, по мѣрѣ того, какъ зрочки, сжатые первымъ впечатлѣніемъ темноты, расширились и привыкали къ мраку. Мы очутились посреди грозной толпы великановъ! Два ряда черныхъ колосовъ, выстроенныхъ вдоль зданія по сторонамъ входа, опертыхъ объ огромные пиластры, поддерживающія потолокъ величественной палаты, производятъ здѣсь неописанное дѣйствіе надъ зрителемъ. Ни какая кисть не въ состояніи дать понятія о волшебствѣ этого зрѣлища. Въ глубинѣ храма господствуетъ темнота. Въ отверстіе, прорытое высоко въ дверяхъ, мчится волна яркаго цвѣта, насыщенная близною пескомъ, и свѣтистыми брызгами разражается объ это могучее каменное народонаселеніе, которое достойно родиться и обитать только въ нѣдрахъ горъ. Одна сторона колосовъ освѣщена полуденнымъ днемъ, другая залита самою черною ночью. Сложенныя на груди руки, въ которыхъ держатъ они обыкновенныя эмблемы Озириса, придаютъ имъ выраженіе священнаго смиренія, какъ-бы напоминающаго зрителю присутствіе божества въ храмѣ. Вамъ становится страшно между этими неподвижными незнакомцами, въ этой борьбѣ дневнаго свѣта съ таинственнымъ, зловѣщимъ мракомъ, въ этой тишинѣ, одаренной такимъ громкимъ эхомъ: вы приказываете подать факеловъ, — и вы все потеряли. Тогда видите вы только изваянный камень. Тогда вы разсматриваете барельефныя картины, которыми покрыты стѣны, считаете отдѣленія подземнаго чертога, удивляетесь его обширнымъ заламъ, — пожалуй, можете даже ихъ измѣрить. Вы будете знать навѣрное, что онъ больше всего вамъ извѣстнаго; но

это знает каждый, читающій книги. Вы станете искать любопытнаго въ подробностяхъ, чудесь по угламъ, и потеряете единственное чудо, какое есть въ Эбсамбуль,—это его освѣщеніе. Если когда-нибудь вамъ случится быть въ этомъ удивительномъ памятникѣ, послушайте меня, не зажигайте факеловъ,—смотрите на него только при свѣтѣ, бьющемъ изъ норы, которую Нубійцы для васъ пророютъ, и, наполнивъ взоры этимъ видомъ, уѣзжайте скорѣе, чтобъ на васъ не нашла охота разстроить волшебство мелочнымъ любопытствомъ. Тогда у васъ останется въ душѣ на всю жизнь единственная картина чудеснаго жилища духовъ, представленіе фантастическое, высокое, невообразимое, которое будетъ ваша исключительная собственность,—потому что вы никогда не передадите ея другому ни церомъ, ни кистью.

Чтобъ вамъ не вздумалось посмотреть со свѣчкою, что такое находится на стѣнахъ и по угламъ зданія, и вносить нищій огонь въ эту пышную, великолѣпную темноту, я напередъ скажу вамъ, что тамъ такое. Тамъ есть десять комнатъ, расположенныхъ различнымъ образомъ вокругъ этой заколдованной залы, и вѣдьми не примѣчательныхъ для того, кто уже знаетъ другіе Египетскіе и Нубійскіе храмы. Самая зала имѣетъ шестьдесятъ футовъ длины и тридцать вышины. Колоссы, поставленные на высокихъ пьедесталахъ, заключаютъ въ себѣ три человѣческихъ роста: числомъ, ихъ восемь, по четыре съ каждой стороны. Всѣ они одинаковы, и изображаютъ Озириса. Выходя отсюда въ двери, противоположныя входу, вы проникаете въ большую комнату, гдѣ находится жертвенникъ: потомъ прямо въ другую, или самое святилище. Тутъ сидятъ на скамьѣ рядомъ пять различныхъ истукановъ, не одинаковой величины, очень хорошо сохранныхъ. Вся длина подземнаго зданія,

отъ входа до этого мѣста, двадцать сажень. Остальныя восемь комнатъ, находящіяся по сторонамъ, совершенно пусты. Стѣны главной залы покрыты іероглифами и барельефами, изображающими воинскіе подвиги царей. Огромнаго роста герой, одѣтый кожею тигра, стоитъ на колесницѣ, и напрягаетъ лукъ, между-тѣмъ какъ пущенныя имъ стрѣлы пронзаютъ по нѣскольку крошечныхъ враговъ вдругъ: онъ беретъ приступомъ замокъ, лежащій на скалѣ; уstraшенный гарнизонъ изъ пигмеевъ, стоя на колѣняхъ, молить его о помилованіи; испуганный пастухъ бѣжитъ отъ него съ своимъ стадомъ. Далѣе тотъ самый молодецъ убиваетъ одного воина копьемъ, а другаго топчетъ ногами. Далѣе, схвативъ за волосы по нѣскольку миниатюрныхъ плѣнныхъ, всѣмъ имъ вдругъ отскачетъ онъ головы коротенькою съкирою. Жрецъ стоитъ за нимъ съ жертвеннымъ ножомъ. Связанные плѣнники стоятъ за жрецомъ. Все та же исторія, которую вы сто разъ видали въ Фивскихъ дворцахъ и разныхъ храмахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что самая масса камня, мягкая и крупнозернистая, не позволяла здѣсь художнику отличиться чистотою отдѣлки. Тѣ, которые почитаютъ подобныя картины за историческія и современныя самимъ событіямъ, обрѣтаются, я думаю, въ пріятномъ заблужденіи, изъ котораго и исторгать не должно. Ихъ повсемѣстное сходство доказываетъ, что это только принятыя украшенія, общія статьи орнаментальной архитектуры, въ родѣ поэтическихъ помысловъ, красующихся на нашихъ потолкахъ, и подъ которыми жрецы или сами художники произвольно подписывали собственныя имена прежнимъ числомъ. Теперь ужъ не знаешь съ которой стороны и ударить, чтобъ поколебать мнѣніе, получившее прочность стали отъ безпрестанныхъ ударовъ молота, которымъ неразмышляюще валяютъ брошенную имъ идею: кто-то сказалъ первый, и за нимъ всѣ повто-

ряютъ, будто выдолбленные въ горахъ храмы принадлежать къ глубочайшей древности, и что они — первыя архитектурныя произведенія стараго міра, потому что напоминаютъ собою пещеры. Въ такомъ случаѣ, они бы должны были по крайней мѣрѣ быть похожи видомъ на пещеры, а не представлять вылитую съ одного разу идею того, что разнородный трудъ, отдѣльныя художества, собираютъ отвсюду по частямъ для украшенія жилища, воздвигаемаго подъ открытымъ небомъ. Отчего находите вы во всѣхъ этихъ изсѣченіяхъ не пещерные своды, но плоскіе потолки, опертые на двухъ рядахъ пиластровъ, какъ въ Фивскихъ дворцахъ, гдѣ вся ширина потолка покрыта тремя большими плитами? Я постигаю нужду и естественное начало пиластровъ въ зодчествѣ, складывающемъ зданіе свое изъ отдѣльныхъ брусевъ, но не вижу ни какой надобности выдумывать ихъ въ долбящей архитектурѣ: вѣдь гора не обрушится отъ того, что вы, для своей заны, вынули изъ нея двѣсти кубическихъ сажень камня. Въ той самой Ливійской цѣпи есть пещеры, которыхъ пустота во сто разъ больше. Отчего окружности этихъ изсѣченій нигдѣ не являютъ круглыхъ формъ природныхъ горныхъ полостей, отъ которыхъ, какъ всѣ говорятъ, онѣ происходятъ, но прямые углы и линіи архитектуры, укрѣпляющей кубъ на кубъ и связывающей отдѣльные параллелограммы между собою? Согласитесь, что истуканы дѣлались изъ дерева и валяющихся на земли глыбъ камня, переносились съ мѣста на мѣсто, и стояли гдѣ-нибудь въ комнатахъ у пиластровъ гораздо прежде, нежели какъ человѣку могла прійти въ голову сложная мысль — изваять ихъ вдругъ вмѣстѣ съ пиластрами и съ комнатой, которую хотѣлъ онъ выдолбить внутри камня. Я вижу въ идеѣ архитектуры долбящей обратный оттискъ идеи архитектуры строящей, и въ ея подробностяхъ, какъ здѣсь, такъ и въ Индіи, рабское подражаніе тому,

что уже воздвигнуто подъ открытымъ небомъ. Это отвлеченность, это роскошь, развратъ искусства, разбогатѣвшаго и поднимающагося на странныя прихоти, на диковинки, а не первые его опыты. Безъ Оивскихъ чертоговъ ни Эбсамбуль, ни Гирше, не могли бы существовать: они бь не имѣли себѣ образца, чтобы изсѣчь изъ цѣльнаго куска то, что тамъ сдѣлано изъ нагроможденныхъ брусьевъ, — а это очевидно была идея строителя какъ здѣшняго храма, такъ и всѣхъ имъ подобныхъ. Поэтому я смѣю считать Эбсамбульскій памятникъ, вопреки всѣмъ возгласамъ объ его неслыханной древности, очень не многимъ древнѣе Дендеры, несмотря даже на гіероглифическія его надписи, которымъ я не вѣрю, потому что онѣ явно общія мѣста, — да притомъ, кромѣ собственныхъ именъ, мы ничего не умѣемъ разобрать въ нихъ съ достовѣрностью. Не странное ли дѣло, что этотъ чудесный памятникъ, которому нѣтъ ничего равнаго во всей Нильской долинѣ, совершенно неизвѣстенъ древнимъ писателямъ? Мы не можемъ подобрать нынѣшнему Эбсамбулу ни одного названія во всей Эіюпской географіи. Геродотъ не зналъ его, онъ никогда объ немъ не слыхивалъ, хотя очень хорошо слыхалъ о «священномъ Тальмисѣ», который не стоитъ Эбсамбула, и который уже, за старостью лѣтъ, разрушился. Вся загадка, быть-можетъ, состоитъ въ томъ, что во времена Геродота еще его начинали.

Но оставимъ это: въ храмъ такъ жарко, что нельзя выдержать. Жара этого подземелья превосходитъ даже духоту пирамидъ въ Джизе; и царь Русской бани показался бы въ сравненіи съ нею суровымъ сѣвернымъ климатомъ. Потъ лился изъ насъ потокомъ. Я хотѣлъ срисовать внутренній видъ чертога, освѣщеннаго факелами: пѣть возможности! Наклеенная на доскѣ бумага была въ одно мгновеніе потоплена крупными каплями пота. Миссъ Марія, которая прелестно ри-

сова, принялась также за карандашъ, и онъ выпалъ тотчасъ изъ ея розовыхъ пальчиковъ, лишившихся упругости. Многіе другіе пытались сохранить въ своихъ альбомахъ собственноручный очеркъ зрѣлища, приводившаго ихъ въ такое восхищеніе, и принуждены были оставить. Наши живописцы сдѣлали для насъ кой-какіе «Внутренніе виды Эбсамбула». Впоследствии, я видѣлъ множество рисунковъ, подъ которыми эти слова были подписаны, и ни на одномъ не узналъ предмета. Мы блуждали по обширному зданію, осматривая съ огнемъ всѣ стѣны. Мистеръ Солмонъ давно уже наплевалъ и ушелъ. Бѣдный Б—къ упалъ въ обморокъ. Лордъ Д— и едва тащился. Сиръ Генри, мужчина дородный и полнокровный, лежалъ на пескѣ, пыша и восхищаясь.

Староста, покуривая свою коротенькую трубку, съ важностью подошелъ къ Его Милости, и началъ толковать ему что-то съ сильнымъ убѣжденіемъ. Тотъ не понималъ его, и звалъ своего переводчика. Многіе собрались съ любопытствомъ вокругъ блѣднаго и измученнаго лорда, который былъ въ большомъ затрудненіи.

— Non star bono, мусью! Мушу тайебъ! Харръ шедидъ! Мушу тайебъ!.....

— Что онъ говоритъ? Чего этотъ болванъ хочетъ?.....

— Харръ шедидъ, signor!

— Да что такое онъ толкуетъ? Гдѣ жъ переводчикъ?..... Джованни! Джованни!

— Мушу тайебъ! Харръ шедидъ! Тетмаррадъ. Биддакъ бтензаа этъ тоубъ, эль камисъ.

— Джованни! Джованни! Ахъ, вотъ вы здѣсь очень кстати! сказалъ мнѣ лордъ, увидѣвъ, что я присоединился къ ихъ купъ. Объясните, Бога ради, объ чемъ онъ хлопочетъ.

— Онъ говоритъ, что здѣсь очень жарко; что это не

хорошо, — вы будете больны, милордъ. Онъ вамъ крайне совѣтуетъ, чтобы вы.....

— Ну, что такое?

— Чтобы вы скинули платье и рубашку.

Всѣ расхохотались, и самъ лордъ не могъ удержаться отъ смѣха. Мудрый староста прекрасно догадался, къ кому обратиться съ совѣтомъ!

Однако жъ наставленія его не были для насъ безполезны. Онъ увѣрялъ насъ, что, вышедъ отсюда, мы простудимся на воздухъ, какъ бы ни было жарко на дворѣ. Мы послали въ палатки за шинелями, и предосторожность оказалась очень умѣстной. Тѣ, которые не послѣдовали нашему примѣру, продрогли при 25° Реомюра. Въ Нубіи, привыкшіе къ одеждѣ, одеваются ночью въ шубы, хотя тамъ никогда не бываетъ меньше 12° тепла.

Для перваго разу было довольно. Въ пять часовъ мы начали расходиться. Севъ, окруженный нѣсколькими человѣками путешественниковъ, рассказывалъ имъ на берегу Нила какую-то исторію, которая ихъ сильно тѣшила.

— Что такое, Севъ? Что такое? Расскажи, пожалуй.

— Мы толковали о Д — чи и его невѣсть. Я все узналъ. Кажется, что они очень не понравились другъ другу. По-крайней-мѣрѣ, она приняла его холодно, и это его взбѣсило. Онъ примѣтилъ, что Л — нъ за ней приволакивается, и что она его не отвергаетъ... Мать сказала еще какую-то глупость, и Д — чи крайне не доволенъ.

Такъ что жъ? Вотъ ты вчера хотѣлъ на ней жениться: теперь и дѣло въ шляпѣ. Предложи ему сдѣлку.....

— Ба! Я не дуракъ. Л — нъ не въ шутку въ нее влюбился, и просидѣлъ у ней вечеръ, когда мы уже спали. Этотъ юноша очень нравится и матери и дочери: такъ тутъ ужъ я не совайся. Да Богъ съ ними!.... Вотъ

о чемъ мы смѣялись: пріятель нашего Д — чи хочеть скорѣе здать ихъ жениху и ѣхать далѣе, а Д — чи, которому она не понравилась по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, разсердился на него за то, что онъ привезъ ихъ сюда, и объявилъ ему, что онъ можетъ везти ихъ, куда угодно. Д — чи, вы знаете, упрямя. Пріятель въ отчаяніи! Онъ говоритъ, что бросить ихъ здѣсь на берегу, и уѣдетъ.

— Какъ? Неужто?

— Ну, этого не будетъ! Разумѣется, что Д — чи долженъ взять ихъ съ собою. Въ нужномъ случаѣ, я самъ вступлюсь за этихъ бѣдныхъ женщинъ. Нельзя жъ бросать ихъ здѣсь, отдавать бѣленькую, пригожую дѣвушку на съядніе этимъ чернымъ уродамъ. Однако жъ это любопытно!.... А она, право, красавица!... Но что мы здѣсь толкуемъ? Вѣдь я одинъ изъ распорядителей обѣда: милостивые государи, прошу собираться ровно въ половинѣ шестаго, я иду дѣлать вамъ салатъ изъ индиго.

Мы пошли перемѣнить бѣлье и очистить себя немного отъ песку и отъ сажи, которою покрылись, присвѣчивая себѣ факелами. Въ половинѣ шестаго собралось все общество. Три большія палатки были соединены вмѣстѣ, и образовали столовую. Обѣдъ, благодаря искусству повара лорда Д — и и заботливости распорядителей, былъ превосходный, — обѣдъ эклектической, — энциклопедической, — столько же примѣчательный по выбору блюдъ Европейскихъ, Азіатскихъ и Африканскихъ, сколько по составу общества, мѣсту, въ которомъ происходилъ, и искренней веселости, царствовавшей во все его продолженіе. У насъ были бифтекъ изъ газели, жаренныя горлицы, и на десертъ, кромѣ свѣжихъ, превосходныхъ финиковъ, благовонныя Нубійскіе бананы, — гастрономическія рѣдкости, въ которыхъ самъ Апицій могъ бы намъ позавидовать. Севъ господствовалъ за столомъ: его десертъ

ный характеръ ярко сіялъ уже до жаркаго, и развернулся въ полной силѣ своей проказливости, когда досталъ онъ въ руки неоткупоренную бутылку съ шампанскимъ.

— Ахъ, сударыня! вскричалъ испуганный сосѣдь миссъ Маріи, порываясь со стула: по вашему платью бѣгаетъ скорпіонъ.

Она хотѣла вскочить тоже, но сирь Генри схватилъ ее за руку, и приковалъ къ мѣсту, произнеся повелительнымъ голосомъ: — Не трогайтесь, сударыня!

— Не шевелитесь, сударыня! отозвались уstraшенные голоса съ разныхъ сторонъ стола. Бога ради, сидите покойно! Если вы сдѣлаете малѣйшее движеніе, онъ тотчасъ васъ ужалитъ! Позвольте ему бѣгать!

Многіе оставили свои мѣста, и столпились около ея стула. Отчаяніе отца, ужасъ Г-жи У — ѳ, были раздражающіи. Всѣ старались ихъ успокоивать и ободряли мужество бѣдной дѣвушки, которая измѣнялась въ лицѣ, дрожала всѣмъ тѣломъ. Послушная наставленіямъ собесѣдниковъ, она сидѣла неподвижно какъ Эбсамбульскій идолъ, но когда отвратительное животное съ рукава взбѣжало на ея шею, когда она ощутила на своей нѣжной кожѣ быстрое и холодное прикосновеніе тонкихъ ногъ опаснаго гада, лице ея сдѣлалось сине, ледовитаго цвѣта, глаза наполнились слезами, дыханіе пресѣклось на побѣлѣвшихъ устахъ. Съ шеи скорпіонъ направилъ путь свой на другой рукавъ, по которому промчался онъ на руку омертвѣлой страдальцы, лежавшую на столѣ. Тутъ его одинъ изъ насъ ловко накрылъ стаканомъ.

— Онъ плѣнникъ! — Вы геронья! — Вы спасены единственно вашей твердостью! — Поздравляемъ васъ, сударыня, вы избѣгнули ужаснаго приключенія.

Она ожила, и мало-по-малу розовалъ кровь начала сверкать въ жилкахъ ея блѣднаго, милашкаго личика. Радость родителя была свѣше всякаго описанія.

Мистриссъ У — ѳ обнимала ее, и плакала. Обыскали весь шатеръ, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли гдѣ гнѣзда скорпионовъ. Но мѣсто подь ставкою и ея окрестности были совершенно чисты и безопасны. Върно кто-нибудь принесъ гостя изъ храма въ складкахъ своего платья. Это замѣчаніе возвратило умаъ спокойствіе и обычную беззаботность: впрочемъ въ Нубіи нечего обращать вниманія на скорпионовъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста. Севъ опять взялъ бутылку въ руки, и началъ ловко обрѣзывать проволоку, сопровождая это дѣйствіе своими прибаутками и проводя испытующій взоръ по лицамъ всѣхъ объѣдающихъ. Глаза его, казалось, остановились на бывшемъ съ нами квакрѣ, который сидѣлъ въ другомъ концѣ стола, и не трогался съ мѣста во все время суматохи, какъ-будто ни онасность, ни избавленіе дѣвушки, все до него не касались. Хладнокровный Американецъ разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ рисунокъ попавшей ему тарелки. Французскій гусаръ все болталъ и мастерилъ подь столомъ бутылку.

— Пафъ!

— О? вскричалъ испуганный гражданинъ Новаго Свѣта.

— Извините, сударь! сказалъ Севъ. Я въ отчаяніи отъ своей неловкости.

Выстрѣлившая пробка попала прямо въ носъ безчувственному квакру. Онъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ ударомъ, и представлялъ самую потышную фигуру среди хохочущихъ гостей. Тѣ, которымъ искусство Сева было извѣстно, съ радостью растолковали миссъ Маріи, что она имъ отомщена.

— Здоровье миссъ Маріи!

Тостъ былъ принятъ съ восторгомъ, и осушенъ съ тѣмъ наслажденіемъ, какое поражается только общимъ живѣйшимъ участіемъ въ особѣ и мыслию — вкушать шампанское въ Нубіи. Вторая рюмка, по пра-

ву, принадлежала чувству благодарности, и была посвящена Г-ну Д-чи. Дамы хотѣли удалиться.

— Минутку, сударыни! вскричалъ сирь Александръ С***. За страхъ, который вы испытали, должны вы по-крайней-мѣрѣ насладиться забавнымъ зрѣлищемъ, и быть свидѣтельницами самоубійства. Эй, жаровню!

Миссъ Марія смотрѣла на него въ остолбенѣніи, но оно было непродолжительно. Принесли жаровню, построили на тарелкѣ круглый валь изъ красныхъ горящихъ угольевъ, вынули виновника ея страха изъ-подъ стакана и положили его въ середину. Тѣсная площадка, обведенная огненною стѣною, была теперь его узилищемъ. Жаръ сильно дѣйствовалъ на него отвсюду. Скорпіонъ долго ходилъ по кружку, и, не видя средствъ къ побѣгу, сталъ предаваться отчаянію. Безславная смерть ожидала его въ этомъ мѣстѣ: ему предстояло быть сжареннымъ, и онъ рѣшился на великую мѣру. Вооружась философіей Вертера, онъ распустилъ кольца своего хвоста, приподнялся, и пронзилъ себя въ грудь ядовитымъ жаломъ. Онъ упалъ замертво. Миссъ Марія была тронута его великодушіемъ, и уходя, сказала намъ, что мы жестоки. Женщины готовы плакать и о несчастномъ скорпіонѣ.

Смерть его подала поводъ къ большой диссертациіи о скорпіонахъ, псиллахъ, и искусствѣ нѣкоторыхъ Нубійцевъ лечить отъ уязвленія этимъ гадомъ. Во времена Геродота такіе врачи были очень многочисленны. Но во времена Геродота, для каждой болѣзни былъ особый врачъ, и онъ говоритъ, что доктора составляли почти половину Египетскаго населенія.

— Господа! вскричалъ кто-то: мы всѣ были въ Египтѣ, и многіе изъ насъ конечно издадутъ свои наблюденія. Мы нынче чрезвычайно просвѣщены и учены. Мы большіе писаки. Но кто изъ насъ въ состояніи написать такое дѣльное, занимательное, превосходное

путешествіе по Египту, какова вторая книга Геродота, «Евтерпа»?

Одинъ изъ натуралистовъ улыбнулся.

— Вы напрасно улыбаетесь, съ жаромъ сказалъ сиръ Александръ: Геродотъ былъ первый естествоиспытатель и геологъ, какъ первый историкъ и антикварій, и его система физическаго строенія Египта право не хуже всѣхъ системъ нынѣшней Геологін.

— За здоровье Геродота Галикарнасскаго, отца всѣхъ Египетскихъ путешественниковъ!

Севъ схватилъ бутылку. Пробка попала въ лобъ натуралисту.

— За здоровье Геродота!

— Вивать, Геродотъ, умнѣйшій изъ путешественниковъ!

— Hur, hur, hur, hurttгаааh!

Оба берега Нила прогремѣли шумнымъ тостомъ, черезъ двадцать два столѣтія провозглашеннымъ въ честь челоуѣку, безвѣстному въ Греціи, въ свое время непримѣченному въ Египтѣ, и котораго каждый шагъ въ этой странѣ сдѣлался лучемъ свѣта для отдаленнаго потомства, каждое слово спасло или низвергло какую-нибудь славу. Это волшебное могущество ума, владычущаго литературными орудіями, заслуживало рюмки шампанскаго, послѣ которой лордъ Д—и и многіе другіе путешественники вышли изъ шатра гулять по полянѣ. Остались только пріатели и знакомцы синьора Д—чи, которымъ дружба къ нему давала большее право на его бутылки. Бокалы долго еще шипѣли огненною влагою, — единственнымъ напиткомъ, которымъ умственной образованности напиться не стыдно.

— Д—чи! сказалъ сиръ Генри, одушевленный дивною веселостью: чортъ возьми, да мы забываемъ тостъ, который всѣхъ важнѣе. Какъ же это мы не пи-

ли за здоровье одной особы, которая, говорятъ, очень близка вашему сердцу?

— Моему сердцу? Какая жъ это особа? спросилъ Д-чи.

— Полно притворяться, сказалъ С***. Всѣ знаютъ, что сюда прѣехала ваша невеста.

— Эти двѣ таинственныя Италіянки, сказалъ М-къ.

— Какая она моя невеста! Перестаньте, Бога ради.

— Однако жъ, сказалъ Севъ, она вмѣстѣ съ вами поѣдетъ отсюда въ Капръ.

— Со мной? Кто вамъ сказалъ это? Отнюдь не сомной.

— Такъ съ кѣмъ же?

— Per Vasso! Пусть ѣдетъ съ кѣмъ угодно.

— Знаете ли, синьоръ Д-чи, сказалъ М-къ, что если вы предоставляете ихъ кому угодно, такъ между нами найдется много охотниковъ, готовыхъ предложить имъ мѣсто на своемъ суднѣ. Мы имѣли удовольствіе встрѣтить ее поблизости этого мѣста, возвращаясь изъ храма: она очень хороша собою.

— Что, вы изъ числа этихъ охотниковъ? сказалъ Д-чи.

— Почему знать! сказалъ М-къ. Я готовъ подняться на великій подвигъ вѣжливости, и уступить имъ свою каюту, чтобъ только пользоваться всю дорогу сообществомъ такой миленькой спутницы.

— Ну, такъ рѣшитесь.

— Извольте! Я готовъ. Вы уступаете мнѣ свои права?

— Я ни какихъ правъ не имѣю. Но вы мнѣ окажете большую услугу. Мой пріятель, который привезъ этихъ дамъ сюда, Богъ знаетъ за чѣмъ, навязываетъ мнѣ ихъ, а у меня на баркѣ даже нѣтъ для нихъ мѣста.

— Ого, господа! сказалъ Севъ. Вы рѣшаете дѣло слишкомъ скоро. Я не вижу, почему другіе будутъ исключены изъ права сдѣлать одолженіе Г-ну Д-чи и доказать свою вѣжливость къ дамамъ.

— Безъ-сомнѣнія! вскричали многіе, смѣясь.

— Такъ учредить конкурсъ для охотниковъ, сказалъ сиръ Генри.

— Я на все согласенъ, сказалъ Д-чи.

— Ежели дѣлать глупости, такъ ужъ дѣлать ихъ основательно! вскричалъ Севъ. Я надѣлалъ ихъ много въ свою жизнь, и знаю весь порядокъ. С***, давай свою фуражку! Мы тотчасъ разыграемъ ихъ въ лотерею.

— Браво, Севъ!

— Хорошо! въ лотерею!

— Вотъ карандашъ и бумага, сказалъ сиръ Александръ, вынимая изъ кармана портфель, въ которомъ находились бумажки, приготовленныя для записыванія отмытокъ въ путешествіяхъ. Пишите имена. Сиръ Генри, хотите ли участвовать?

— Пожалуй. Я знаю, что я не выиграю. Я ужасно несчастенъ.

Д-чи взялся самъ писать билеты, по среди шума и смѣха.

— Кто болѣе?

— Я! — Я! — Я! — И я!

— Пять человѣкъ.

— Д-чи долженъ взять билетъ тоже.

— Извольте.

— Шесть человѣкъ. Хорошо! Теперь написать на одной бумажкѣ названіе разыгрываемой вещи. Какъ имя?

— Italiana in Algeri!

— Ха, ха, ха, ха!

— Нѣтъ, пишите Italiana in Nubia.

— Italiana in Nubia! Italiana in Nubia!

— Но тотъ, кто выиграетъ, не имѣетъ права отказаться.

— Да! да!

С*** смѣшалъ билеты, и поднесъ ихъ въ двухъ фуражкахъ сиръ Генри С-ту. Тотъ вынулъ бумажку

изъодной урны, и прочиталъ вслухъ свое имя. Любопытство предстоявшихъ возрасло до высочайшей степени, когда онъ, положивъ руку во вторую фуражку, долго размѣщивалъ въ ней билеты. Наконецъ онъ вынулъ одинъ свитокъ, развернулъ его и расхохотался.

— Что такое? что такое?

— Italiana in Nubia!

— Bravo! bravo!

И общій взрывъ веселости возбужденной столь страннымъ случаемъ, заключилъ эту лотерею, которая сама по себѣ была еще страннѣе случая, испославшаго важному дипломату, глубоко-ученому антикварію, двухъ предприимчивыхъ Итальянокъ, изъ которыхъ одна молодая и хорошенькая.

— А вы говорили, сиръ Генри, что вы несчастливы?

Д-чи! сказалъ онъ: надѣюсь, что вы по-крайней-мѣрѣ представите меня моему выигрышу.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Шампанскаго!

Это обстоятельство доставило намъ на весь вечеръ обильный предметъ разговоровъ и соображеній. Мы пробыли еще три дня въ Эбсамбуль, занимаясь изученіемъ подробностей большаго и меньшаго храмовъ, списываніемъ видовъ, вырѣзкою нашихъ именъ на орбитѣ глаза одного изъ наружныхъ колоссовъ, охотою и бесѣдою.

На третій день, поутру, встрѣтили мы Сиръ Генри С-та гуляющаго при рѣкѣ съ дамою въ черномъ левантиновомъ плащѣ, и съ черною вуалью на головѣ.

— Вы еще долго здѣсь пробудете, сиръ Генри?

— Имѣю честь представить вамъ мою супругу, отвѣчалъ онъ. Надѣюсь, господа, что вы будете у насъ на свадьбѣ, въ Каирѣ?

— Ну, онъ рѣшительно несчастливъ въ лотарѣ! сказалъ сиръ Александръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С К А З К А

З О Л О Т О М Ъ П Ъ Т У Ш К Ъ .

Нѣгдѣ, въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Дадонъ:
Съ молоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подѣ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ,
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали;
Но никакъ не успѣвали.
Ждутъ, бывало, съ юга, — глядь,
Анъ съ востока лѣзетъ рать!
Справятъ здѣсь, — лихіе гости
Идутъ отъ моря: — со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.

Т. IX. — Отд. I.

10

Что и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ, онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу,
 Звездочету и скопцу:
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ, мудрецъ передъ Додономъ
 Сталь, и выпуль изъ мѣшка
 Золотаго пѣтушка.
 «Посади ты эту птицу,»
 Молвилъ онъ царю, «на спицу:
 Коль повсюду будетъ мирно,
 Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
 Но лишь-чуть со стороны
 Ожидать тебѣ войны,
 Иль набѣга силы бранной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
 Приподыметъ гребешокъ,
 Закричитъ, и встрепенется
 И въ то мѣсто обернется.»
 Царь скопца благодарить,
 Горы золота сулить.
 «За такое одолженье,»
 Говорить онъ въ восхищеньи,
 «Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы,
 Сталь стеречь его границы:
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ сосна
 Шевельнется, встрепенется,
 Къ той сторонкѣ обернется,
 И кричить—Кири-ку-ку!
!.....
 И сосѣди присмирѣли,

Воевать уже не смели :
Таковой имъ царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ!

Годъ, другой, проходитъ мирно;
Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
Вотъ, однажды царь Дадонъ,
Страшнымъ шумомъ пробужденъ :
«Царь ты нашъ! отецъ народа!»
Возглашаетъ воевода :
«Государь! проснись! бѣда!»
— Что такое, господа?
Говоритъ Дадонъ, звая :
А?... Кто тамъ?... Бѣда какая? —
Воевода говоритъ :
«Пѣтушокъ опять кричитъ ;
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
Царь къ окошку, — анъ на спиць,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медлить нечего: «Скорѣ!
Люди, на конь! Эй, живѣ!»
Царь къ востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ, и царь забылся.

Вотъ, проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять.
Кличетъ царь другую рать ;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова.
Пѣтушокъ опять утихъ.

Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ!
 Снова восемь дней проходить;
 Люди въ страхѣ дни проводятъ,
 Пѣтушокъ кричитьъ опять:
 Царь склякаетъ третью рать,
 И ведетъ ее къ востоку, —
 Самъ не зная, быть ли проку!

Войска идутъ день и ночь:
 Имъ становится не въ мочь;
 Ни побоища, ни стана,
 Ни надгробнаго кургана,
 Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
 «Что за чудо?» мыслятъ онъ.
 Вотъ, осьмой ужъ день проходить,
 Войско въ горы царь приводитъ,
 И, промежъ высокихъ горъ,
 Видитъ шелковой шатеръ:
 Все въ безмолвіи чудесномъ;
 Вкругъ шатра, въ ущелья тѣсномъ,
 Рать побитая лежитъ.
 Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ.....
 Что за страшная картина!
 Передъ нимъ его два сына,
 Безъ шоломовъ и безъ латъ,
 Оба мертвые лежатъ,
 Мечъ вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средь луга
 По притоптанной травѣ,
 По кровавой муравь.....
 Царь завылъ: «Охъ дѣти, дѣти!
 Горе мнѣ! Попались въ сѣти
 Оба наши сокола!
 Горе! смерть моя пришла.»
 Всѣ завыли за Дадономъ;
 Застонала тяжкимъ стономъ

Глубь долинъ, и сердце горь
Потряслось. Вдругъ шатеръ
Распахнулся..... и двинца,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обонхъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась, — и съ поклономъ
Его за руку взяла,
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала;
Уложила отдыхать
На парчевую кровать.
И потомъ, недѣлю ровно, —
Покорясь ей безусловно, —
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ, и въ путь обратной,
Со своею силою ратной
И съ двинцей молодой,
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ:
Всѣ бѣгутъ за колесницей,
За Дадономъ и царицей;
Всѣхъ приветствуетъ Дадонъ.....
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сарачинской шапкѣ бѣлой,

Весь какъ лебедь посвѣдливый,
 Старый другъ его, скопецъ.
 «А, здорово, мой отецъ?»
 Молвилъ царь ему: «что скажешь?
 Подъ поближе! Что прикажешь?»
 — Царь! отвѣтствуетъ мудрецъ :
 Разочтемся наконецъ.
 Помнишь? за мою услугу
 Общался мнѣ, какъ другу,
 Волю первую мою
 Ты исполнить какъ свою.
 Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую царицу. —
 Крайне царь былъ изумленъ.
 «Что ты?» старцу молвилъ онъ :
 «Или бѣсъ въ тебя ввернулся?
 Или ты съ ума рехнулся?
 Что ты въ голову забралъ?
 Я, конечно, общалъ,
 Но всему же есть граница!
 И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
 Полно, знаешь ли, кто я?
 Попроси ты отъ меня
 Хоть казну, хоть чинъ боярской,
 Хоть коня съ конюшни царской,
 Хоть полъ царства моего!»
 — Не хочу я ничего!
 Подари ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую царицу,
 Говорить мудрецъ въ отвѣтъ. —
 Плюнулъ царь : «Такъ лихъ же! Нѣтъ,
 Ничего ты не получишь.
 Самъ себя ты грѣшникъ мучишь:
 Убирайся, цѣль пока!
 Оттащите старика!»
 Старичокъ хотѣлъ заспорить;

Но съ инымъ накладно вздорить :
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу, — тотъ упалъ ничкомъ ,
 Да и духъ вонъ. Вся столица
 Содрогнулась; а двица —
 Хи хи хи! да — ха ха ха!
 Не боится, знать, грѣха.
 Царь , хотъ былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно.
 Вотъ, въѣзжаетъ въ городъ онъ:
 Вдругъ раздался легкой звонъ ,
 И, въ глазахъ у всей столицы,
 Пѣтушокъ споркнулъ со спицы ;
 Къ колесницѣ полетѣлъ,
 И царю на темя сълъ,
 Встрепенулся, клюнулъ въ темя ,
 И взвился; и, въ то же время,
 Съ колесницы палъ Дадонъ!
 Охнулъ разъ,—и умеръ онъ.
 А царица вдругъ пропала ,
 Будто вовсе не бывало.

.....

.....

А. ПУШКИНЪ.

ПРОЩАНІЕ

СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

=

Сокрылось солнце за Невою,
 Роскошно розами горя.
 Въ послѣдній разъ передо мною
 Горишь ты, Невская заря!

Въ послѣдній разъ въ тоскѣ глубокой
 Я твой привѣтствую восходъ:
 На небѣ родины далекой
 Меня другое солнце ждетъ.
 О, не скрывай, заря, такъ рано
 Волшебный блескъ твоихъ лучей,
 Во мглѣ вечерняго тумана,
 Во тмѣ безмѣсячныхъ ночей!
 О, дай насытить взоръ прощальный
 Твоимъ живительнымъ огнемъ,
 Горящимъ въ синевѣ хрустальной,
 Блестящимъ радужнымъ взномъ!
 Но вѣтъ!.... румяный блескъ слабѣтъ
 Зари вечерней; въ слѣдъ за ней,
 Печальный сумракъ хладомъ вѣтъ,
 И тушить зарево огней.
 Сквозь ткани ночи гробовыя,
 На недоступныхъ высотахъ
 Мелькають искры золотыя,
 И небо въ огненныхъ цвѣтахъ.
 И стихнулъ вѣтеръ въ снѣжномъ полѣ;
 И спитъ престольный градъ Царя....
 О, не видать тебя мнѣ болѣ,
 Святая Невская заря!
 О, дай насытить взоръ прощальный
 Твоимъ живительнымъ огнемъ,
 Ты вновь одвнешь западъ хладный
 Огнями вечера; но, ахъ,
 Не для меня ихъ свѣтъ отрадный
 Заблещетъ въ розовыхъ вѣнцахъ!
 Не для меня!.... Въ странѣ далекой,
 Питомецъ бурей и снѣговъ,
 Блуждать я буду одинокой
 Въ глуши подоблачныхъ лѣсовъ.
 Прими послѣднее прощанье!....

.....

.....

.....
Прости и ты, о градъ державный,
Твердыня сѣверныхъ морей,
Вънецъ отчизны православной,
Жилище пышное Царей,
Петра державное творенье!
О, кто бь, въ великую борьбу,
Кто бь угадалъ твое рождение,
Твою высокую судьбу!
Подъ шумомъ бурь грозы военной,
По гласу мощному Петра
Въ лѣсахъ страны иноплеменной
Воздвиглась Русская гора.
На ней возсѣлъ орелъ двуглавый, —
И кликъ побѣдный огласилъ
Поля пустынные Полтавы,
И груды вражескихъ могилъ.
И вновь бѣдой неотвратимой
Надъ дерзкимъ Галломъ прошумѣлъ, —
И палъ во прахъ непобѣдимый,
И мѣръ свободой возкипѣлъ.
О, сколько доблестныхъ дѣяній
Вписала сѣверная сталь
Въ дневникъ твоихъ воспоминаній,
Въ твою гранитную скрижалъ!
Въ твоихъ священныхъ храмахъ вѣютъ
Народной славой знамена,
И на гробахъ твоихъ свѣтлѣютъ
Героевъ Русскихъ имена.
Вотъ Онъ, — зиждитель твой чудесный,
Твой полунощный Прометей!
Но тотъ похитилъ огонь небесный;
А сей носилъ въ душѣ своей.
Россія при дверяхъ могилы:
Ее держалъ Татарскій сонъ.
Явился Петръ, — и въ мертвы жилы
Дыханье жизни вдунулъ онъ.

Она возстала — Русь святая,
 Могуща, радостна, свѣтла,
 И, юной жизнью разцвѣтая,
 Годами вѣки протекла.
 Заря чудеснаго рожденья
 Въ тебѣ блеснулъ въ началѣ свѣтъ;
 Ты былъ предтечей воскресенья,
 И первымъ вѣстникомъ побѣдъ.
 Лѣтами юный, ветхій славой,
 Величья Русскаго залогъ, —
 Прости Петрополь величавый,
 Невы державной полубогъ!
 Цвѣти подъ радужнымъ сіяньемъ
 Твоей блистательной весны,
 И услаждай воспоминаемъ
 Поэта пламенные сны.

П. ЕРШОВЪ.

ТРЕВОЖНОЕ РАЗДУМЬЕ.

=

Море синее, море бурное!
 Вѣтеръ воющій, необузданный!
 Ты, звезда моя полупочная!
 Ахъ, отдайте мнѣ друга милаго!

Гдѣ онъ, гдѣ? Скажи мнѣ, море!
 Чѣмъ въ далекой сторонѣ
 Онъ свое лелѣветъ горе?
 Все ли помнить обо мнѣ?

Днемъ меня ли ищутъ очи?
Я ль одна въ его мечтахъ?
И меня ль, во мракъ ночи,
Видитъ онъ въ тревожныхъ снахъ?

Ты всегда, вездѣ летая,
Вѣтеръ, вѣтеръ, знаешь все.
Заставалъ ты, какъ вздымая
Шепчетъ имя онъ мое?
Какъ, въ раздумьи и печальный,
Жадный взоръ стремить къ волнамъ,
И мой доконъ, даръ прощальный,
Жметъ къ пылающимъ устамъ?

Свѣтлой другъ тоски мятежной,
Полуночная звезда!
Будь вождатою надежной,
Нашей радостью всегда.
Ты предъ нимъ святой красою
Знакомъ будь любви моею....
Если жъ онъ пламенъ другою,
О звезда, затмись скорѣй!

Скоро годъ уже промчится,
Какъ со мной разстался онъ;
А въ разлукъ часто снится
По неволѣ страшный сонъ.
Духъ сомнѣнье сокрушило:
Мнѣ ль измѣну пережить?
Лучше то, что сердцу мило,
Потерять, а не думать.

Но я вѣрю, я мечтаю,
Что я съ нимъ соединюсь;
Я волненье думъ стѣсняю,
Я измѣны не боюсь.

Чуть коснется страхъ случайный,
 Я маню надежду вновь....
 Есть у сердца вѣстникъ тайный, —
 Не обманетъ онъ любовь!

Море свнее, море бурное!
 Ввтеръ воюющій, необузданный,
 Ты, звезда моя полуночная!
 Ахъ, отдайте мнѣ друга милого!

И. КОЗЛОВЪ.

П Ъ С Н Я

ЗАКУБАНСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

=

Не тигръ съ гѣною сдружился, —
 На гибель нашу, супостать,
 Могучій Зассъ вооружился,
 И съ нимъ коварный Джембулатъ.
 Проникнувъ къ намъ, какъ духи змеи,
 Какъ грѣшнымъ людямъ Божій страхъ,
 Враги Ислама заклѣтые
 Мутятъ спокойствіе въ горахъ.
 Услышь, о Аллахъ, правовѣрныхъ молитвы!
 Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы.

Какъ вихрь внезапно налетая,
 Какъ воръ прокрадываясь къ намъ,
 Гремятъ, аулы истребляя,
 И ночью рыщутъ по горамъ.
 Жилища въ пепель превращаютъ,
 Не внемлютъ воплямъ матерей;

Въ пльнѣ нечестивый умлекають

И женщинъ нашихъ и дѣтей.

Услышь, о Аллахъ, правовѣрныхъ молитвы!

Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы.

Стрѣлой ихъ кони мчатся въ свѣчу,

Ихъ пули прямо въ сердце бьютъ.

Огонь ли пустимъ имъ на встрѣчу, —

Они огонь перешагнуть.

Займемъ ли дружными рядами

Кубани быстрой берега, —

Но не удержишь и волнами

Набѣга грознаго врага.

Услышь, о Аллахъ, правовѣрныхъ молитвы!

Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы.

Мы на присошки лишь припали,

Чтобъ путь имъ кровью наводнить, —

Они мгновенно наскочили:

Мы не могли остановить.

Напрасны были всѣ препоны,

Ихъ Зассъ расторгъ, развѣялъ въ прахъ, —

И наши дѣти, наши жены,

Остались въ вражескихъ рукахъ!

Услышь, о Аллахъ, правовѣрныхъ молитвы!

Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы!

М. ВЕНЕДИКТОВЪ.

О Р Е Л Ъ.

=

Когда пернатыхъ царь стремится
Въ безоблачны страны парить,

Кавказъ его подножемъ зрится, —
 Кто смветъ съ нимъ себя сравнить?
 Могучимъ, быстрымъ крыль размахомъ
 Къ зениту простираетъ путь ;
 Ничто объять не можетъ страхомъ
 Его безтрепетную грудь.
 Онъ къ солнцу близиться дерзаетъ,
 Предъ нимъ, онъ вѣжды не смыкаетъ,
 Пьетъ взоромъ блескъ его лучей ;
 А тамъ, перупомъ вооруженный,
 Своимъ величьемъ упоенный,
 Онъ вержется, стрѣлы быстрый,
 На долъ съ превыспреннихъ зыбей.

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

СТАРЫЙ РУССКІЙ ЗАМОКЪ.

Гдѣ волной серебряно-шумной
 Бьетъ Нарова о гранить, —
 Тщетно въ ярости безумной,
 За волной волну клубить, —

На горѣ есть замокъ древній;
 Мечъ и времени рука,
 Истребивъ окрестъ деревни,
 Пощадили старика.

Старецъ, что ты мраченъ пылъ?
 Вкругъ тебя кипитъ народъ,
 И какъ прежде по ложбинѣ
 Рвчка свѣтлая течеть.

Иль грустишь ты, замокъ старый,
О мипувшихъ временахъ?
Иль еще звучать удары
Шведскихъ ядеръ на стѣнахъ?

«Я гляжу печальнымъ окомъ
На изнѣженный народъ.
Я въ раздуміи глубокомъ:
Ихъ мой взоръ не узнаетъ!

«Не совсѣмъ зажили раны,
Хоть отжилъ я грозный вѣкъ:
Ночью, въ нихъ гнѣздятся враны,
Днемъ, обходить человекъ.

«Я завидую Наровъ,
Хоть она меня старѣй:
Каждый годъ ей по обновъ
Шлетъ Нептунъ, отецъ морей.

«И старушкою забыто,
Что унесъ мипувшій годъ;
Все нечистое — ей смыто;
Все поитъ она народъ.

«Я же, хилый, время трачу,
Жизнь полезную губя;
Но на жребій мой не плачу:
Гибну, родину любя.»

Л. ЯКУВОВИЧЪ.

НЕВѢСТА.

Э. Л. Е. Г. Л.

Вольное подражаніе Андрею Шенье.

=

О что сбылось съ тобой, невѣста молодая?
Увы, погибла ты о радости мечтая!

Она уже въ тотъ край несется кораблемъ,
Гдѣ ждетъ ее любовь съ ей милымъ женихомъ,
Гдѣ пѣсенъ свадебныхъ услыша хоры;
Онъ встрѣтилъ бы ея павнителные взоры;
Заботливой рукой подѣ ключъ положено
Въ узорныхъ кружевахъ ночное полотно,
И дивный ароматъ для локоновъ вѣбрежныхъ
И радужный жемчугъ для персей бѣлоснѣжныхъ.
Въ раздумьи сладостномъ и нѣгой смущена,
Прелестная стоитъ на палубѣ одна,
Плывяся яркихъ волнъ блестящей синевою,
И полуночныхъ звѣздъ таинственной красою
Но вихрь вдругъ налетѣлъ и, вѣся, въ пеленахъ
Схватилъ ее, помчалъ, — она уже въ волнахъ!
Она уже въ волнахъ невѣста молодая!
Ужъ надъ прекрасною шумитъ волна морская!
Одинъ лишь тихій стопъ, былъ вѣстью роковой,
О жадкой участи любви ея земной;
И волны подняли клубяся вой унылой
Надъ раннею ея холодною могилой.

Увы, желанныхъ дней прекрасной невидать!
Невѣста!... жениху тебя ужъ не встрѣчать!
Утратилъ онъ съ тобой любви своей надежду,
Не наряжалась ты во брачную одежду,
Не билась грудь твоя подѣ свѣтлымъ жемчугомъ,
И не украсила ты локоны вѣнцомъ.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

=

П Р О З А.

ПРИГОЖАЯ КАЗНАЧЕЙША.

СЦЕНЫ УЪЗДНАГО ГОРОДА.

Ребятишки и женщины толпятся передъ окнами заседательскаго дома, ворота растворены настежь, и у подъезда горитъ разбитый фонарь. На крыльцѣ, за стаканами пуншу, съ трубками въ зубахъ, сидятъ секретари и повытчики, важно трактуя о ходѣ дѣлъ и продѣлокъ, о пріѣздѣ губернатора, и о прочемъ.

Въ сѣняхъ, на опрокинутыхъ кадахъ, на ящичкахъ, мѣшкахъ, боченкахъ, стульяхъ, скамьяхъ, торчатъ заседатели, ихъ родственники канцелярскаго ранга, два отставныхъ капитана, частный приставъ и другіе, всѣ съ трубками, всѣ за стаканами. Дымъ, спертый въ сѣняхъ, какъ непроницаемый Лондонскій туманъ, густою нитью тянется на дворъ. Уединенная свѣча, засыпанная табакомъ, мелькаетъ въ углу, на кадкѣ. На очагѣ разложенъ огонь; у очага клопочетъ самоваръ; подлѣ самовара суетится кухарка. Собесѣдники, довольные собою и судьбою, румяные, кормные, здоровые, ведутъ живой и отчасти острый разговоръ о предстоящей ревизіи присутственныхъ мѣстъ его превосходительствомъ; повремениамъ слышатся бѣглые споры и отрывистыя, безконечныя жалобы на худыя времена.

Но музыка рѣзкая, дикая, нестройная, заглушаетъ ихъ интересные разговоры. Она, вмѣстѣ съ произи-

тсльнымъ визгомъ дѣтей, стукомъ сапоговъ, шарканьемъ башмаковъ, повелительными голосами матушекъ, дѣвственнымъ хохотомъ дочекъ и молодецкимъ гарканьемъ уѣздныхъ *кавалеровъ*, грохочеть за дверью, въ залъ. Тамъ кипитъ Флегетонъ, тамъ завываетъ Тартаръ, тамъ жидовскій кагалъ!... Тамъ, было душно, темно, жарко, шумно, дико, нестройно. Танцовали *лакасеэ*. Пыль, смѣшанная съ табачнымъ дымомъ, стоитъ столбомъ; три свѣчи нагорѣвшія освѣщаютъ залу. У дверей сидятъ странствующие жида музыканты, рыжіе, косматые, засаленные, вонючіе. Безъ складу, безъ ладу, они гудятъ, режутъ, гремятъ на цимбалахъ, на бубнахъ и скрипкѣ. Рядомъ съ ними сидитъ городничій, держа въ одной рукѣ трубку, въ другой стаканъ; за нимъ стряпчій, лекаръ, судья, исправникъ; далѣе, въ углу, казначей, — вся уѣздная аристократія, все что пишетъ другъ ко другу отношенія, все что ссорится или готово поссориться при первомъ случаѣ. Разряженные уѣздныя барыни дуются насупротивъ жидовъ. Скромныя, томныя, романтическія дочки пестрятъ смѣсью модъ всѣхъ вѣковъ и націй. Въ другой комнатѣ толпятся дѣти: они кричатъ, шумятъ, возятся, плачутъ, дерутся, и съ воплемъ прибѣгаютъ къ разряженнымъ маменькамъ, къ глубокомысленнымъ папенькамъ.

— Скажите, пожалуйста, Пафнутій Степановичъ, что это за ступа толчется? тихо сказалъ лекаръ, взоромъ указавъ на одну дѣвицу.

— Да это долговязая дочка нашего хозяина, сказалъ стряпчій. Она, вотъ видите, воспитывалась гдѣ-то въ большомъ домѣ, выросла на модныхъ сказкахъ. Видите, какъ она умильно на всѣхъ посматриваетъ.... словно филинъ глазами хлопаетъ.

— А это?

— А, батинька! Не проглядѣли же! Эта наша модница казначейша!

— Какая хорошенькая, скромненькая!

— Право? Ну что въ ней хорошаго? Глаза большіе, каріе, рѣсницы густы, длинны, а волосы свѣтлорусые. Ну, что же тутъ хорошаго? То-то молодость!...

— Но она тутъ лучше всѣхъ!

— Тише, тише! Осторожно. Не говорите такъ громко подобныхъ вещей. Барыни чутки на похвалы другимъ: онѣ васъ съ свѣта сживуть за подобную ересь.

— Какъ? Неужели онѣ не могутъ видѣть ея наружныхъ достоинствъ?

— Видѣть?... Онѣ видятъ.

— Такъ для чего же не сознаются?

— Для того... для того... вотъ для того, что....

Стряпчій пустился въ метафизику, въ мудреные толки о составѣ и свойствахъ душъ женскихъ; изъяснялъ различіе души дѣвичей, женской и старушечей, а лекаръ между-тѣмъ наблюдалъ движенія ногъ, рукъ и взоровъ очаровательной казначейши, плавно какъ бѣлая лебедь носившейся по шероховатому полу. Она въ то время танцевала съ застѣвателемъ уѣзднаго суда.

— Такъ вы видите, почтеннѣйшій Кондрать Кондратовичъ, торжественно присовокупилъ стряпчій, оканчивая свой трактатъ и дергая за руку лекаря: что въ женщинахъ либо вовсе нѣтъ ни какой самостоятельной души, либо она есть. Жаль только....

— Прекрасно, Пафнутій Степановичъ! Зачѣмъ вы не профессоръ? Вы бы сдѣлали переворотъ въ трансцендентальной философій.

— А вы будто слышали, что я говорилъ?

— Разумѣется!

— Полноте меня морочить! Вы такъ и впелись глазами въ нашу модницу..... Нечего сказать, чудо какъ хороша!... Жаль только.....

— Что такое?

— Жаль только, говорилъ стряпчій, понизивъ голосъ: что у ней мужъ такой неудалой. Живеть скупо!

— Видно, не изъ чего тянуться.

— Не изъ чего? Онъ получаетъ полторы тысячи жалованья, а я полтора ста? А исправникъ? А судья? А заседатели?... А все-таки живемъ, не заѣдаемъ въкъ своихъ женъ.

— Ну, да ваше другое дѣло, возразилъ лекаръ, улыбаясь.

— Хе, хе, хе, батинька! Да кому и жить какъ не казначею! Самъ сытъ и казна цѣла.... Ихъ доходы текущїе, безотвѣтныя, не то что наши горькіе, да плаканыя.

— Да можетъ-быть онъ и не пользуется.

— Нашли простяка! Смотрите на него.... Всякой куеть деньгу, какъ совладѣеть!

— Да у него ничего не видно.

— Въ томъ-то и сила, что денегъ на показъ не выставляютъ! Онъ себѣ на умъ: клжеть, да поклевываетъ, да зобокъ набиваетъ; а какъ наклюется до сыта, тихомолкомъ и прочь отойдетъ. Это старыи воробей. Видали мы такихъ! Правда, ихъ и не такъ-то много: бѣольшая часть скоро зазнаются и силой ломаются въ уголовную.... Вотъ, нашъ заморскїи сычъ, исправникъ: прїѣхалъ зимой, на перекладной жену привезъ; былъ ниже воды, тише травы; передъ всякимъ жался, мился, плакался на свою бѣдность, на свои недостатки; а какъ понабилъ карманъ, такъ и задралъ носъ. Ужъ ему и чортъ не братъ, а просто свать. Смотрите, какъ дуется, какъ важничаетъ!... Да погоди, голубчикъ! какъ напустимъ на тебя губернскихъ ястребовъ, будешь ты и въ потьмахъ узнавать старыи прїятелей.

Лакасець кончился; жида умолкли, и молчанїемъ

своими заставили стряпчача прервать душеспасительныя сужденія. Только шарканье кавалеровъ и звонкое щебетанье барынь раздавалось въ комнатахъ. Въ это время пригожая казначейша подошла къ своему мужу, сидѣвшему въ углу.

— Ахъ, какъ душно здѣсь! сказала она, обмахиваясь платкомъ, вмѣсто опахала; грудь ея сильно волновалась подъ розовымъ ситцевымъ платьемъ; круглое личико ея пылало; каштановыя локоны рассыпались отъ танцевъ; большіе черные глаза горѣли огнемъ удовольствія; дыханье было отрывисто.

— Отойди отъ окна, душинька, сядь здѣсь, отдохни, заботливо сказалъ казначей, почти насильно сажая ее подлѣ себя.

— Не правда ли, другъ мой, что онъ хорошо танцуетъ?

— Кто, душинька?

— Ну, тотъ молодой засѣдатель, что сперва танцовалъ съ повѣреншей, а потомъ со мною!

— А я право не видалъ.

— Такъ что же ты дѣлалъ, сидя одинъ въ углу?

— Смотрѣлъ на тебя, да зѣвалъ отъ скуки.

Казначейша съ негодованіемъ отвернулась отъ грубіяна, и ни слова. Безъ вниманія прислушалась она къ разговору дамъ, тихому, но внятному, — и поблѣднѣла.

— Пойдемъ, душинька, пойдемъ; пора домой; я устала, торопливо сказала она мужу.

— Погоди немного: нельзя же подняться намъ первымъ, равнодушно отвѣчалъ послѣдній.

Но пригожая казначейша настояла. Сквозь зубы распрощалась она съ хозяйкою и почти насильно увела мужа, собиравшагося отдать почтеніе разряженной судьи.

Какъ разошлись прочіе, лѣтописи молчать: въ нихъ только просто сказано: «Лѣта 18** Іюня 17 дня, бысть «пирь велій и дивный зѣло у застѣдателя нижня зем- «ска суда, Онуфрія Макаровича Цапенкова, полу- «чающа въ годъ жалованья двѣ гривны серебра, си- «рѣчь, двѣсти рублей; и куриша вси табакъ Грецкій «въ трубкахъ Турскихъ и Нѣмецкихъ, и пиша тамо «вина заморскіи и водки крѣпкіи, оковитки и налив- «ки, даже до успенія языковъ.» Последняя фраза значительно измѣнена въ другомъ новѣйшемъ спискѣ, гдѣ сказано напротивъ: «даже до ели можаху». Но оба эти выраженія есть явное подражаніе Византийцамъ. Сверхъ того, доказано, что всѣ наши лѣтописи подложны, и что даже ихъ сочинители никогда не существовали. Мѣстное преданіе гласитъ, что одного секретаря понесли на рукахъ, а другой выползъ самъ за ворота, и проспалъ тамъ всю ночь на чистомъ воздухѣ. Другіе присовокупляютъ, что ретивый частный приставъ, оступившись на крыльцѣ, вывихнулъ ногу. Но строгая и безпристрастная критика не должна основывать своихъ сужденій на преданіяхъ. «Страсть удѣлъ поэта, а не историка.» И такъ, заключимъ съ достовѣрностью, что исторія этого пира вовсе намъ неизвѣстна.

Николай Лаврентьевичъ, казначей, сидѣлъ подь окномъ, въ спальнѣ, и въ разсѣяніи поглядывалъ то на проходящихъ, то на плакавшую жену. По-временамъ онь поднимался, закуривалъ трубку и, садясь снова, гасилъ ее. Николай Лаврентьевичъ очевидно былъ не въ духѣ.

Мужчина лѣтъ сорока или болѣе, плотный, видный, съ лицомъ правильнымъ, но безъ всякаго выраженія, безстрастный какъ синяя ассигнація, труженикъ, сидѣльн канцелярскій, онь былъ угрюмъ въ бесѣдахъ, неповоротливъ въ движеніяхъ, неловокъ въ приемахъ,

1

сухъ и отрывистъ въ рѣчахъ. Происходя изъ простаго званія и на мѣдный грошъ выучившись грамотъ, отправился онъ въ чужія земли, — то есть, въ другую губернію, искать счастья. Тутъ онъ достигъ значенія. Нравы его никогда не выступали изъ предѣловъ бухгалтеріи, его помыслы всѣ были форменные. Миръ его былъ — уѣздъ; губернія казалась ему необъятною вселенной; честолюбіе доходило только до девятаго класса. Губернскій казначей, губернскій контролеръ, были для него Геркулесовыми Столбами на поприщѣ службы. Далѣе не заносились его мечты, спутанныя указомъ 1809 года. Контроль, министерство финансовъ, департаменты, были ему извѣстны только по наслышкѣ, какъ Финикійскому мореходцу острова безпредѣльнаго океана, подернутаго таинственною мглою. Онъ писалъ четко и красиво безъ Грамматики, считалъ вѣрно безъ Ариѳметики, и велъ книги свои въ совершенной исправности. Какъ чиновникъ дослужившійся до *pes plus ultra* уѣздныхъ чиновъ и почестей, онъ подписывался кудряво.

Пріѣхавъ въ губернскій городъ, покровительствуемый своими единоземцами, Николай Лаврентьевичъ скоро былъ опредѣленъ писцомъ въ казенную палату. Тамъ проходилъ онъ всю свою службу, прослылъ ревностнѣйшимъ и точнѣйшимъ чиновникомъ, и получилъ мѣсто казначея въ уѣздномъ городкѣ. Богатый уѣздъ обѣщаль большія выгоды, но протѣякъ не хотѣлъ или не умѣлъ ими пользоваться, и довольствуясь однимъ жалованьемъ, жилъ пополамъ съ горемъ. Тѣмъ хуже для него! Николай Лаврентьевичъ скоро потерялъ милость и довѣріе лицъ, имѣвшихъ на него ближайшее вліяніе, и частенько сталъ получать выговоры. Товарищи его, чины уѣздные, были къ нему холодны, недоувѣрчивы: онъ былъ имъ какъ бѣльмо на глазахъ. Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ неприяностямъ, получивъ, по мнѣнію его, прочное

мѣсто, онъ хотѣлъ упрочить еще свое благосостояніе и блаженствовать на землѣ: въ слѣдствіе сего, онъ женился на пригоженькой, семнадцати-лѣтней дочери палатскаго ассессора, издавна выгнаннаго изъ службы. Словомъ, положеніе Николая Лаврентьевича было вовсе незавидно. Настоящее представлялось ему въ черномъ видѣ; а что касается до будущаго, — онъ не опереживалъ самого себя. Онъ грустилъ только о настоящемъ.

— Душинька, сказалъ онъ: пора бы объѣдать.

— Объѣдай, когда хочешь; я не буду, сказала Анна Степановна, сидя на кровати.

— Помилуй, Аннушка, что это съ тобою?

— Ничего! Я сыта моими слезами.

— Но скажи, ради Бога, объ чемъ ты цѣлый день проплакала? Такъ ли разгавливаются добрые люди?

Глубокій вздохъ былъ единственнымъ отвѣтомъ. Супругъ наморщилъ свое лоснившееся чело, насунилъ сѣрые глаза, и съ лвною досадою принялся выколачивать недокуренную трубку. Анна Степановна молча плакала.

— Да перестань, ради Бога, плакать! Ну скажи, чего тебѣ хочется?

— Ахъ, Николай Лаврентьевичъ!...

— Ну, что такое? Что за горе у тебя, душа моя!

— Неужели ты и до-сихъ-поръ не понимаешь, не видишь и не знаешь нашего общаго горя?

— Право, нѣтъ. Скажи, матушка.

— Ахъ, Боже мой! Подумай, вчера у Онуфрія Макаровича я была одѣта хуже послѣдней повытчицы. Послушалъ бы ты, какъ онъ надъ нами смѣялись. О, это нестерпимо!

— И, душинька, пустяками-то огорчаешься! Ты всѣхъ ихъ была краше и пригоже.

— Пустяками? Развѣ тебѣ любо, когда критикуютъ твою жену?

— А по мнѣ такъ право ничего! Пускай ихъ! Собака лаесть, вѣтеръ носить.

Анна Степановна расплакалась еще пуще, видя явную холодность мужа къ ея горьчайшему горю. Долго ухаживалъ за нею Николай Лаврентьевичъ. Наконецъ, онъ потерялъ терпѣніе, взялъ шапку, накинулъ шинель, и, выходя изъ комнаты, такъ сильно хлопнулъ дверь, что окна задрожали. Въ недоумѣніи, въ испугѣ, Анна Степановна соскочила съ кровати, подбѣжала къ окну, и ясно увидѣла, что раздраженный супругъ, не оглядываясь, бѣжалъ черезъ улицу.

— Такъ этакъ-то? прошептала она, кусая губы.

Глаза ея засверкали; на лицѣ вспыхнулъ румянецъ.

— Малашка!

— Что прикажете, сударыня!

— Дай мнѣ умыться: гость идетъ.

Она умылась ключевой водою; привела въ порядокъ локоны; накинула на грудь аленькій левантинный платочекъ; посмотрѣлась мимоходомъ въ зеркало, поправилась, пріосанилась, улыбнулась.

Замокъ въ дверяхъ щелкнулъ. Анна Степановна съѣла на диванѣ, смутилась, вздрогнула, привстала.

— Съ праздникомъ честь имѣю васъ поздравить, Анна Степановна! сказалъ засѣдатель уѣзднаго суда, Никита Ивановичъ Завзятченко.

— Покорно благодарю! И вамъ того же.

Вѣжливый Никита Ивановичъ подошелъ къ ручкѣ. Казначейша смѣшалась, и, когда цѣловала его въ щеку, легкій румянецъ вспыхнулъ на ея лицѣ. Она потушила взоры, отступила, сдѣлала книксъ, съѣла, попросила садиться, замолкла.

Никита Ивановичъ, арміи отставной поручикъ, засѣдатель уѣзднаго суда, и прочая, и прочая, былъ не старѣе тридцати лѣтъ. Онъ хорошо танцевалъ, пріятно кланялся, былъ красивъ, ловокъ и развязенъ въ обращеніи. Прибытіе его въ уѣздный городокъ сдѣлало эпоху. Батюшки, матушки захопотали вокругъ его; дочки выпрямлялись, разжеманились, начали закидывать глазки, приходитъ въ томное раздумье, строить воздушные замки, *романцуя* по своимъ огородамъ. Въ единственной красной лавкѣ не было отбоя отъ прозорливыхъ и экономныхъ матушекъ, отъ хлопотливыхъ и тороватыхъ дочекъ. Цѣны вдругъ поднялись. Все это по поводу Никиты Ивановича. Но и онъ былъ непромахъ! Понявъ свою знаменательность въ глуши уѣздной, — дворянское достоинство и классную должность, — онъ съвысока принималъ торопливость матушекъ, дочекъ, ходилъ почти всегда въ мундиръ, и говорилъ протяжно. Онъ досадовали, бѣсились. Онъ не обращалъ вниманія, и терпѣливо выжидалъ побѣды надъ какой-нибудь помѣщицъей дочерью, съ душами, землями, угодьями и деньгами. Но его скоро разгадали: увидали, что онъ *неглижируетъ* городскими невѣстами; вызнали его насмѣшливость и безпредѣльную гордость; подмѣтили, что онъ попираетъ святѣйшіе законы уѣзднаго міра, ругается надъ его обычаями, и, что хуже всего, осмѣливается за стаканомъ пуншу дерзко разсуждать о честолюбивыхъ спорахъ судьихи съ исправницею и *критиковать* всѣхъ дамъ безъ изъятія. Дѣло пошло не на шутку: поклонницы возстали на своего идола! Его начали взвѣшивать, обсуживать, подмѣчать, и наконецъ соединенными силами подмѣтили, рѣшили и возгласили, что онъ, рѣченный засѣдатель, Никита Ивановъ сынъ Завязятченко, безбожникъ, волтеріанецъ, картежникъ и пьяница, выгнанный изъ службы за дурное поведеніе. Въ такихъ случаяхъ достаточно вѣрить, только

вполовину! Разумѣется, что всѣ эти титула давали ему въ его отсутствіи, а лично его вездѣ принимали съ особенною ласкою и дружелюбіемъ. Въ такомъ случаѣ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ живутъ люди образованные!

Пригожая казначейша все-еще мялась, жалась, мѣшалась, краснѣла, перебирала концы своего платочка и робко поглядывала на знаменитаго своего гостя, ловко разкинувшагося на кожаныхъ креслахъ.

— А Николай Лаврентьевичъ? Вѣрно отдыхаетъ.

— Его нѣтъ дома-съ?

— И давно онъ ушелъ?

— Еще до обѣда-съ?

— И вамъ нескучно однѣмъ?

— Теперь, нѣтъ-съ.

Засѣдатель улыбнулся и погладилъ свои черные, густые бакенбарды. Длинное безмолвіе. Гость и хозяйка изрѣдка поглядываютъ другъ на друга.

— Довольны ли вы прошедшимъ баломъ? робко спросила казначейша.

— Помилуйте! Можно ли эту сбродную вечеринку назвать баломъ? Духота, темнота, толкотня, давка. Признаюсь откровенно, если бы не вы, я съ тоски бы умеръ въ этой сборной избѣ. Однѣ вы...

Никита Ивановичъ далѣе не сыскалъ словъ, и умильнымъ взоромъ досказалъ остальное.

Казначейша поймала налету умильный взоръ, и покраснѣла.

— Вы шутите-съ! сказала она принужденно улыбаясь.

— Помилуйте-съ! Это истина!

Они опять замолкли.

Самолюбіе Анны Степановны разгорѣлось отъ словъ уѣзднаго франта: она почти неволью улыбулась, и заглянула въ зеркало. Но, къ чести ея, она скоро замѣтила несомвѣстность своего положенія: она долго

уже молчала наединѣ съ молодымъ и любезнымъ мужчиною, и могла подвергнуться острѣю уѣздныхъ языковъ, если кто-нибудь изъ прохожихъ заглянетъ къ ней въ окно. Это очень опасно. Окна въ домахъ уѣзднаго города дѣлаются не для того, чтобы смотрѣть изъ комнатъ на улицу, но для того, чтобы съ улицы можно было заглядывать въ чужія комнаты. Поэтому, безпокойство отъвѣнилось на лицѣ Анны Степановны. Молчаніе разрѣшилось разговоромъ о погодѣ, который былъ скоро погребенъ въ молчаніе.

— Вѣрно я не дождусь Николая Лаврентьевича! сказалъ гость, вставая и раскланиваясь.

— Право не знаю-съ, куда онъ пошелъ! отвѣчала хозяйка, улыбаясь.

— И такъ, позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и пожелать добраго здоровья! сказалъ онъ, подходя къ ручкѣ.

Аннѣ Степановнѣ показалось, что температура поцѣлуя милаго гостя примѣтно была выше противъ перваго, — онъ былъ горячѣе, продолжительнѣе, крѣпче. Она сказала:

— Какой милый засѣдатель!

Никита Ивановичъ, выходя изъ комнаты и еще разъ взглянувъ на нее, шопотомъ проговорилъ:

— Какая милочка!

Онъ вышелъ, а она въ одно мгновеніе очутилась въ спальнѣ у окна, и далеко проводила его взорами.

Что жъ вы заключаете изъ этой сцены? Что она холодна? Въ нашемъ уѣздѣ сценъ жарче этого не бываетъ. Она очень пламенна и чувствительна. Послѣ такихъ сценъ въ деревянномъ городкѣ идутъ прямо въ церковь и женятся; онъ рѣшаютъ цѣлыя уѣздныя будущности.

Вскорь пришелъ и Николай Лаврентьевичъ. Онъ былъ похожъ на сомнамбула : шелъ и спалъ Московскими Вѣдомостями , которыя читалъ у повѣреннаго. Николай Лаврентьевичъ обрадовался , нашедъ жену въ лучшемъ расположеніи духа , и отъ души благословилъ приходъ Никиты Ивановича.

Скоро сказка сказывается , да не скоро дѣло дѣлается. Дни идутъ за днями. Казначей отъ зари до обѣда просиживаетъ въ казначействѣ ; считаетъ и переписываетъ тысячи , сводитъ счеты да отчеты. Работы казначею не стать искать : деньги приходятъ , деньги уходятъ черезъ его руки ; есть надъ чѣмъ поработать. А казначейша между-тѣмъ сидитъ дома , стряпаетъ , прибираетъ , гладитъ , моетъ : а какъ придетъ вечеръ да мужъ , то она въ зеленъ-садъ гулять уходитъ. Мужъ не нарадуется , что жена его начинаетъ свыкаться съ уѣздною жизнію и перестаетъ жаловаться на свою долю и счастье. Миръ и доброе согласіе посѣтили ихъ. Добрый Николай Лаврентьевичъ любитъ на нее : попригожьла , пополнѣла , разцвѣла какъ маковъ-цвѣтъ. Углубясь въ контрольную бездну , въ преисподнюю бухгалтерію , за счетами писаными и деревянными , сидитъ казначей , — днемъ въ казначействѣ , вечеромъ дома. Между-тѣмъ пригоженькая казначейша по садику гуляетъ , подъ бѣлою березою вечера просиживаетъ , гонитъ думу за думою , любуясь полнымъ мѣсяцомъ , считая ясныя звѣздочки. А береза та была почти у самаго забора ; за заборомъ пустырь , — и кропивою поросъ.

Ходитъ дозоръ по городу , не полицейскій , не военный , — нѣтъ ! въ нашемъ городѣ живетъ народъ благочестивый , смиренный ; военного дозора тамъ и старики не запомнятъ : есть одна инвалидная команда , живая Патологія въ лицахъ : ужъ куда ей ходить дозоромъ по городу , — съ однимъ острогомъ не сладить , — по семеро одного стерегутъ ! — а ходилъ дозоръ по городу ,

самый зоркій, — судыха со стряпчихой, да съ двумя засѣдательшами, да со всѣми малыми дѣтками. Ходили онѣ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, прошли мимо казначейства, заглянули на пустырь. Видятъ, — подъ березою сидитъ казначейша. Чуть не зачурались, чуть не попятились, — руки подняли, — крестъ сотворили. Глядѣли, разглядывали; разглядѣли, подошли къ забору, разцѣловались съ казначейшею, сказали слова по два, и назадъ пошли. Молча вышли онѣ на большую улицу, и частенько оглядывались назадъ.

— Ахъ, мать моя! воскликнула судыха: то-то, Матрена Карповна, не должно вѣрять.....

— Что такое? быстро подхватила стряпчиха, съ живѣйшимъ участіемъ взглянувъ на свою подругу.

— Да развѣ вы ничего не видали?

— Нѣтъ, а что такое?

— Ну, а на пустырь то?.....

— Кропива.

— Да не все кропива; есть и дорожка.

Какъ громомъ пораженныя ахнули барыни. — Дорожка! повторили онѣ въ одинъ голосъ, закусили губы и построились въ густую колонну. — Слово «дорожка» какъ молнія осѣнила ихъ нечаянностью, осветила имъ темный путь въ лабиринтѣ догадокъ. Ружья были на взводѣ, пистоны лопнули при словѣ «дорожка,» и бѣглый огонь злорѣчія разлился на устахъ барабанною дробью. Толкамъ, догадкамъ и восклицаніямъ не было конца.

Въ это самое время, у Николая Лаврентьевича, углубленнаго въ указъ казенной палаты, крѣпко чесался лобъ, и онъ потиралъ его жирною, мягкою ладонью. Я вѣрю въ сочувствіе!

Натолковавшись досыта, въ одиннадцатомъ часу барыни разбрелись по домамъ и съ торжественною

радостью передали мужьямъ свои чрезвычайныя открытія. Угрюмые дѣти Оемиды слушали новости своихъ половинъ, и улыбались.

— Вотъ, Макаръ Макаровичъ! вотъ тебѣ и скромница! вотъ тебѣ и смиренница! торжественно возгласала судыха, обращаясь къ своему мужу, валявшемуся на диванъ съ трубкою въ зубахъ.

— Что такое, мать моя! сказалъ судья.

— Такъ, ничего! сказала судыха. Нашей смиреннице нечего ходить къ людямъ: къ ней самой протоптали дорожку.

Судыха изложила свое открытіе ясно, кратко и убедительно. Мужъ съ умиленіемъ слушалъ свою жену, и столько же удивлялся новости ли открытія, сколько сходству ея краснорѣчія съ краснорѣчіемъ трещетки.

— Такъ то, заключила она, изволятъ умничать и смиренничать эти модныя губернскія вѣтренницы! Вотъ вамъ и пригожая казначейша! Но погоди ты мнѣ, проказница! Непременно открою глаза дураку — мужу.

— Ну, вотъ нужда мѣшаться въ чужія дѣла! возразилъ Макаръ Макаровичъ. Не нами началось, не нами и кончится! Пусть ихъ какъ знаютъ, такъ и вѣдаются: наше дѣло сторона.

— Какъ, сторона! Да не обидно ли намъ было смотреть, какъ весь нижній судъ съ ней одной танцевалъ на последнемъ балѣ, а наши дочки просидѣли цѣлый вечеръ безъ кавалеровъ? Да не на твой ли счетъ поддакивалъ стряпчему у повѣреннаго этотъ дуракъ, казначей? Не хохоталъ ли онъ, когда стряпчій называлъ меня коровою? Итъ, Макаръ Макаровичъ! во что бы то ни стало, я имъ докажу себя, я ихъ выведу на свѣжую воду, я ихъ уличу на дѣлъ..... Видишь, въ какія ереси они пустились! Но я имъ!.....

Новость, безславившая казначейшу, разнеслась по городу установленнымъ порядкомъ. Судьиха почти-тельнымъ изустнымъ отношеніемъ увѣдомила исправницу; та приступила къ немедленному исполненію, и черезъ два часа открытіе, рассказанное «по секрету,» было опубликовано изустными циркулярами.

Молва идетъ, какъ рѣка течетъ: чѣмъ далѣе, тѣмъ шире, глубже, тише. Идетъ молва недобрая про добрую казначейшу: и старъ и малъ, — всѣ про нее какъ въ трубу трубятъ. У всѣхъ, на языкъ и на умъ, одна грѣховодница казначейша. Всѣ вопіютъ, день и ночь, про ея дѣла незаконныя. А молодыя старушки? А пожилыя вдовушки? А неутѣшныя дѣвушки? Онѣ соборъ изъ себя собрали, и казначейшу отлучали; онѣ никакъ не могли простить вины, которую принимали за злѣйшую обиду общему и своему цѣломудрію. Пустырь почти дѣлается гульбищемъ; туда подъ вечерокъ бѣгутъ барыни съ дочерьми взрослыми и съ малыми дѣтками; тамъ шопотомъ шепчутся маменьки, мигая одна другой; тамъ задумчиво поглядываютъ дочки на таинственную березу, и со вздохомъ потушаютъ взоры, воспламененныя, быть-можетъ, сладостною мыслию о чужомъ счастьи. Малютки бѣгаютъ по кропивѣ, жжетъ ихъ кропива, какъ побѣда казначейши жжетъ ихъ сердобольныхъ родительницъ: они плачутъ и дерутся. Чудны уѣздные нравы!

Однажды, къ толпѣ присоединилась Марѳа Кирилловна со всею своею семьею, — съ маленькимъ, толстеннымъ мужемъ, съ плечистыми, взрачными дѣтками, — пятью молодцами, да съ шестью дочерьми: всѣ они, какъ рекруты новобранцы, росли и шли «безъ ранжира»; они не похожи ни на отца, ни на мать, — кто рыжій какъ жидъ, кто бѣлъ какъ Чух-

на, кто черенъ какъ Цыгань, — въ дочкахъ свои стати, — словомъ, сводный полкъ: каждый въ своей формѣ, въ своей отличкѣ.

Смерклось. Почти ночь. Пришли на пустырь: подъ березою съ кѣмъ-то сидитъ Анна Степановна. Наблюдательницы стали приглядываться. Хотѣли всѣ подойти ближе; но судьиха ихъ остановила: какъ опытная командирша знаменитой фаланги, она ихъ поставила въ боевомъ порядкѣ, на горь, за угломъ забора, а сама отважно пустилась на опасную рекогносцировку. Кралась, кралась, — все ближе и ближе, — но никакъ не могла узнать, съ кѣмъ сидитъ казначейша.

— Ахъ, другъ мой, что это ползеть за заборомъ? ужъ не воръ ли? тихо прошептала Анна Степановна сидѣвшему съ нею мужчинѣ, указавъ на судьиху.

— Да; похоже на то! вполголоса отвѣчалъ онъ, всматриваясь на пустырь.

— Подойду еще ближе, подумала себѣ судьиха: притаюсь, подслушаю все, и потомъ выведу ихъ на чистую воду. — Видишь какъ шепчутся! сказала она, пробираясь по кропивѣ, къ забору, которая жгла жирныя ея колѣни. — Видишь, какъ *романцуютъ!* прибавила она, почесывая.

Судьиха притаилась въ кропивѣ. Судья съ дѣтьми и знакомыми между-тѣмъ стоялъ на горь. Всѣ въ нерѣшимости глядятъ другъ на друга. Казначейшѣ опять что-то страшное почудилось, она робко прижалась къ своему собесѣднику, а онъ нѣжно и громко поцѣловалъ ее. Судьиха не выдержала, — ахнула!

— Уйдемъ, другъ мой, уйдемъ скорѣе! говорила пригожая казначейша: мнѣ право страшно становится.

— Не бойся, милая; не уходи.

— Ага! знать завидѣла голубушка! Попались! Вотъ явамъ!..... бормотала въ кропивѣ судьиха.

Собесѣдникъ еще разъ поцѣловаль казначейшу, — еще разъ содрогнулась Мароа Кириловна, считая ихъ святотатственные поцѣлуи, и, увидѣвъ, что онъ встаетъ, совсѣмъ присѣла въ кропиву.

Осторожно взявъ попавшуюся палку, таинственный другъ казначейши на цыпочкахъ крадется къ забору. Страхъ оковаль Мароу Кириловну: она притаила дыханіе, прищурила глаза, и сидѣла ни живая, ни мертвая. Съ горяча она никакъ не могла распознать его. Онъ подошелъ къ самому забору, приподнялся, сколько могъ, занесъ увѣсистую палку, и не давъ опоминуться блюстителниці супружеской вѣрности, со всего плеча отвѣсилъ ей ударъ вдоль спины.....

Съ пронзительнымъ визгомъ ринулась судьяха въ кропиву. Изъ-за угла высыпаль резервъ. Раздался вой, крикъ, шумъ, пискъ, визгъ. Анна Степановна ахнула въ свою очередь. Собесѣдникъ ея остолбенѣлъ съ поднятою палкою, какъ Ахиллъ обманутый Апполономъ.

— Съ нами крестная сила! вскрикнулъ онъ. Вы ли это, Макаръ Макаровичъ?

— Такъ это вы, Николай Лаврентьевичъ? воскликнула вся толпа.

— Да, я! Я сидѣлъ подъ березою съ женою.

— Исковую подамъ! безчестье сдеру по табели о рангахъ! кричалъ судья, увиваясь вокругъ пораженной героини.

— Я, право, ни въ чемъ не виновать, Макаръ Макаровичъ! говорилъ смущенный казначей.

Бѣдная Мароа Кириловна едва поднялась на ноги, едва перевела дыханіе, едва разогнула спину. Стоны и вздохи ея оглашали пустырь. Казначей стоялъ неподвижно и протиралъ глаза. Маленькіе дѣти ревели; взрослые суетились около матери; толпа ахала, восклицала, и съ трудомъ удерживалась отъ смѣха.

— Жену высокоблагороднаго чиновника бить на убой! Это неслыханное злодѣйство!

— Да помилуйте, я ли виновать, что онѣ попали въ пропаву? Я ли виновать, что онѣ крались воровски въ мой садъ?

— И подлинно, матушка! подхватилъ судья: прилично ли тебѣ, высокоблагородной дамѣ, воровски подслу....

Громкая, звонкая, отчетистая оплеуха заградила уста витии и заключила высокопарную рѣчь его. Мужъ озлобился, хотѣлъ отвѣчать на ея рѣшительный вызовъ, и опустилъ руки.

— Мало тебѣ досталось, проворчалъ онѣ сквозь зубы, и тихо побрелъ на гору.

— Ради Бога не погнѣвайтесь, матушка, на мою оплошность!

— Хороша оплошность! Спины не разогну!.... Ну, батька, Николай Лаврентьевичъ! ну мой голубчикъ! дождалась я отъ тебя чести: свѣта божьяго не взвидѣла....

— Ей, и въ голову не приходило, чтобы это вы были! Попуталъ лукавый.....

— Еще и не такъ попутаетъ. Охти, мнѣ спина! Мой Макарь раздвѣляется съ тобою другимъ порядкомъ. Онѣ тебя выучить глядѣть въ оба.

Такъ угрожала Марѣа Кириловна, удаляясь съ пустыря съ изувѣченной спиною и съ волдырями на лбу, происшедшими отъ кропивы. Долго еще слышался ея голосъ; наконецъ онѣ затихъ. Тогда только опомнился Николай Лаврентьевичъ, и пошелъ къ женѣ, сидѣвшей, по обыкновенію, подъ березой. Она хохотала отъ всей души и, довольный судьбою мужъ, вторилъ ей отъ всего сердца.

*

Исправница, получивъ экстренное донесеніе о столь достославномъ происшествіи, съ радости чуть не умерла, чуть не уморила своего мужа своимъ хохотомъ. Лукерья Трифонова хохотала до истерики, хохотала даже во снѣ, такъ сильно, такъ рѣзко, что исправникъ бѣжалъ въ уѣздъ.

Бѣдная Марѳа Кириловна съ недѣлю пролежала въ постели, съ мѣсяцъ никуда не показывала глазъ, а Макарь Макаровичъ, въ ожиданіи губернаторскаго приѣзда, писалъ жалобы, подводилъ законы, и составлялъ сильную партію противъ казначея.

Невинность Анны Степановны была торжественно признана городомъ, и все толки, все сплетни обратились на голову зачищицы. Кумушки, сватьяшки большею частію перешли на сторону исправницы. Она, принявъ подъ особенное покровительство Анну Степановну, чтобы тѣмъ нанести рѣшительный ударъ могуществу судьи. Но и Марѳа Кириловна не дремала: она воспламеняла ревность своего мужа и дѣйствовала черезъ своихъ пріятельницъ на враговъ исправника и казначея. Наконецъ, все уѣздные чины перессорились между собою; не чернила, но желчь текла въ ихъ отношеніяхъ; они приготовили доносы другъ на друга, и, ожидая появленія губернатора, вооружились толстыми палками для личной безопасности на улицѣ. Ожесточеніе достигло высшей степени. Все дѣла запутались:

Быть тутъ чуду! быть тутъ чуду!

Въ одно утро, когда въ уѣздномъ городѣ солнце сіяло съ необыкновеннымъ блескомъ, воздухъ былъ чистъ и тихъ, на деревьяхъ ни одинъ листокъ не шевелился, Никита Ивановичъ Завятченко неожиданно получилъ предписаніе о перемѣщеніи своемъ въ

другой, отдаленный уездъ. Часа черезъ два, его уже не было въ городѣ.

Черезъ два часа не стало и пригожей казначейши!

Всѣ изумились, — въ томъ числѣ и мужъ, Николай Лаврентьевичъ.

— Ну что, Макаръ Макаровичъ? сказала судьяха судья. Не говорила ли я тебѣ? Не основательны ли были мои подозрѣнія?

— Да, матушка! Ты была совершенно права.

— Такъ зачѣмъ же я пострадала?

— Ты пострадала совсѣмъ несправедливо.

— Но какимъ образомъ сидѣлъ тамъ мужъ въ это время?

— Онъ, матушка, повидимому, правилъ тогда должность Никиты Андреевича, который былъ въ откомандировкѣ на слѣдствіи.

— Теперь я докажу исправницѣ, какова была ея казначейша! вскричала Марѳа Кириловна съ жаромъ, схватила свой салопъ и побѣжала на улицу.

Война уездная, нѣсколько поутихшая до этого происшествія, возгорѣлась съ новою силою. Губернаторъ, который вскорѣ сюда пріѣхалъ, цѣлую недѣлю мирилъ враждующіе народы, и спокойствіе возстановилось не иначе, какъ перемѣщеніемъ всѣхъ ихъ въ другіе уезды.

А. ШИДЛОВСКІЙ.

=

ПОЪЗДКА

НА ГЕБРИДСКІЕ ОСТРОВА.

=

Къ разсвѣту вѣхали мы, полусонные, въ богатый городъ Глазго: мой товарищъ, хорошо знавшій эту вторую столицу Шотландіи, заранѣе приказалъ почталіону везти насъ на Георгіевскую Площадь въ Royal Hotel. Звукъ почтоваго рожка въ одно время вызвалъ къ дверцамъ нашей кареты услужливаго хозяина, и разбудилъ насъ, дремавшихъ отъ спокойной качки перекладнаго Шотландскаго экипажа. Мы нашли здѣсь прекрасную комнату и обильный ужинъ, въ которомъ первую роль играла дичина, запрещенный плодъ Великобританскаго рая: съ какимъ дерзкимъ аппетитомъ нарушали мы здѣсь законы «старой Англій»! Хозяинъ казался очень доволенъ тѣмъ, что на его куропатокъ и бекасовъ набхали такіе рѣшительные законопреступники. Мой пріятель совѣтовалъ мнѣ воспользоваться хорошою погодою и, не останавливаясь въ Глазго, отправиться въ сѣверную часть Шотландіи или посѣтить нѣкоторые изъ Гебридскихъ Острововъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, вошли мы къ пристани, называемой Бромло. На широкой, прекрасной рѣкѣ, Клайдѣ, нѣсколько пароходовъ разной величины готовились къ отплытію: шкипера и матрозы приглашали проходящихъ воспользоваться отплытіемъ судовъ, и каждый восхвалялъ превосходство своего парохода передъ другими, обращая вниманіе охотниковъ на дешевизну цѣны, быстроту хода и другія важныя удобства. Ихъ голоса сливались съ шумомъ колесъ и клокотаніемъ воды отходящихъ и пристающихъ пароходовъ, и гулъ осо-

беннаго рода, производимый этою смѣсью мертвыхъ и живыхъ звуковъ, весьма хорошо вторилъ безпорядку, въ какомъ пассажиры спѣшили съ разной стороны и носильщики непрерывно сталкивались съ зрителями, прохаживавшимися бѣзъ пристани. Картина дѣятельности поразительная для иностранца, — хотя я уже привыкъ-было къ подобнымъ сценамъ въ многолюдномъ Лондонѣ.

Дѣла моего пріятеля призывали его въ Ирландію; но онъ случайно узналъ отъ Г. В***, одного изъ своихъ Глазговскихъ знакомцевъ, что нѣсколько молодыхъ людей намѣреваются ѣхать на Гебридскіе Острова, чтобъ осмотрѣть мѣста, воспѣтыя Оссіаномъ, и предложилъ меня имъ въ сопутники. Я весьма обрадовался случаю, и онъ тутъ же представилъ меня Г-ну В***, который пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, обѣщавъ познакомить меня съ будущими моими спутниками. Между-тѣмъ пошли мы вмѣстѣ отыскивать судно, на которомъ бы могли совершить нашу романтическую поѣздку. Два небольшіе парохода, *The Highlander*, «Горецъ», и *The Hyland-chieftain*, «Предводитель Горцевъ», отправлялись въ ту сторону. Шкипера совѣтовали намъ торопиться, потому что въ концѣ сентября такая погода въ Шотландіи рѣдкость и въ бурные дни, которые скоро наступятъ, они не стануть рисковать свои судна между Гебридскими скалами. Мы наняли для себя «Горца», такъ какъ онъ былъ стговорчивѣе на счетъ цѣны, позволяя впрочемъ шкиперу брать и другихъ пассажировъ и завозить во всѣ мѣста на пути, и въ пять часовъ пошли обѣдать къ Г-ну В***. Онъ жилъ въ прекрасномъ отдѣльномъ домѣ, въ небольшой улицѣ *Bath-street*. Хозяинъ представилъ меня своей супругѣ и двумъ бывшимъ тутъ молодымъ людямъ, съ которыми мнѣ придется завтра ѣхать на пароходѣ. Одинъ изъ нихъ былъ Англійскій адвокатъ, путешествовавшій для

своего удовольствія, а другой Эдинбургскій студентъ, Шотландецъ, весьма веселый малый. За простымъ, но обильнымъ обѣдомъ, который былъ приправленъ занимательнымъ для меня разговоромъ о предстоящей поѣздкѣ и о нашей святой Руси, время быстро протекло до девятого часу: намъ объявили, что дамы ожидаютъ насъ уже за чайнымъ столикомъ. Этотъ Англійскій обычай, сидѣть послѣ обѣда, когда дамы встанутъ, по нѣскольку часовъ за бутылкою, еще наблюдается въ Шотландіи во всей точности, хотя въ Англии уже выводится. Мнѣ предложили попробовать народнаго Шотландскаго напитка, *виски*, — родъ нашей сивушки, только почище и перегнанной изъ ячменя, а не изъ ржи. Всѣ небогатые Шотландцы, тотчасъ послѣ обѣда, вмѣсто Португальскаго или Французскаго вина, пьютъ виски, смѣшанный съ кипяткомъ и сахаромъ: это питье называется *тодди*. Между десертомъ подаютъ печенья изъ овсяной муки лепешки, сухія, тонкія почти какъ листъ бумаги: въ Шотландіи очень любятъ и много употребляютъ хлѣбъ этого рода. Я замѣтилъ еще, что къ чаю всегда подаютъ здѣсь, кромѣ хлѣба, разныя сахарныя варенья, чего въ Англии никогда мнѣ не случилось видѣть. Часу въ одиннадцатомъ я отправился въ свой трактиръ, условившись съ новыми своими товарищами явиться къ пароходу.

Настало утро. Ирландскій пароходъ дымился и ждалъ послѣднихъ пассажировъ. Путешественники пожали руки друзьямъ, остающимся на берегу, и судно быстро понеслось внизъ по рѣкѣ. Скоро отыскалъ я моихъ спутниковъ, къ которымъ присоединился еще одинъ помѣщикъ изъ горной Шотландіи, Г. Кембель, и мы четверо, съ чемоданами нашими, заняли каюту «Горца». Около тридцати человекъ мужчинъ и женщинъ, большею частию изъ рабочихъ, которыхъ шкиперъ согласился за малую плату доста-

вить въ разныя мѣста, помѣстившись на носу парохода, и оживили палубу своими разговорами и восклицаніями. Погода была чудесная, — тепло, ясно и тихо; огромныя колеса машины съ шумомъ ломали зеркальныя струи Клайда; дома, корабли, деревья, горы, — все двинулось съ мѣста вмѣстѣ съ нами и, кружась, понеслось въ противоположную сторону. При всемъ искусствѣ и стараніи шкипера, мы долго не могли выбраться изъ лабиринта кораблей, пароходовъ и барокъ, столпившихся у пристани и на рѣкѣ. Другой пароходъ, нашъ спутникъ, успѣлъ въ тѣснотѣ опередить насъ, и поплылъ передъ нами, очищая намъ дорогу.

Рѣка становилась все шире и великолѣпнѣе; понижающіеся берега поспѣшно украшались передъ нами зеленымъ бархатомъ тучныхъ пастбищъ и пестрыми группами загородныхъ домовъ; паровыя машины дѣятельно вырываютъ глыбы земли изъ дна Клайда и углубляли фарватеръ, заносимый пескомъ. Проплывъ сначала миль десять на сѣверо-западъ, гдѣ рѣка вдругъ поворачиваетъ къ западу, мы встрѣтили довольно свѣжій вѣтеръ, и поднявъ паруса, быстро приблизились къ замку Дунбартонъ, передъ которымъ судно остановилось, чтобы высадить нѣсколько палубныхъ пассажировъ и принять другихъ. Издали, этотъ замокъ кажется орлинымъ гнѣздомъ, повѣшеннымъ на утесъ: базальтовая скала, на вершинѣ которой онъ построенъ, раздѣлилась сверху на двое и являетъ видъ величественный. Спутникъ нашъ Кембль объяснилъ намъ, что замокъ Дунбартонъ служитъ защитою и ключемъ входу въ рѣку Клайдъ, и что начало его покрыто мракомъ неизвѣстности: у Оссіана называется онъ Балклута. Укрѣпленный природою и искусствомъ Дунбартонъ считался неприступнымъ; однако жъ въ 1571 году солдаты регента Морри, подъ начальствомъ капитана Крофорда, влѣзли на скалу,

въ темную и бурную ночь, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія гарнизона королевы Марин, завладѣли твердынею, къ которой днемъ ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ бы приблизиться. Полюбовавшись съ полчаса грознымъ Дунбартономъ, мы пустились къ Гриноку на парусахъ. Нѣсколько деревень, кипящихъ народомъ, по обѣ стороны широкаго устья промелькнуло мимо насъ, и мы опять остановились: передъ нами стоялъ торговый городъ Гринокъ, лежащій на южномъ берегу. Здѣсь обыкновенно останавливаются большія суда, прибывшія изъ-за моря, и перегружаются, потому что мелководіе не позволяетъ идти далѣе. Это въ родъ нашего Кронштадта, только городъ построенъ не на островѣ, а на длинной выдавшейся въ морѣ косѣ: мы замѣтили также нѣсколько укрѣпленій, съ коихъ однако жъ пушки были сняты. Гринокъ извѣстенъ тѣмъ, что тамъ родился славный механикъ Джемсъ Ваттъ, который ввелъ въ употребленіе и усовершенствовалъ пароходы. Нѣсколько лодокъ отдѣлилось отъ берега и привезло намъ новыхъ пассажировъ, взявъ отъ насъ тѣхъ, которыхъ путь простирался только до Гринока. Мы опять помчались. Я сидѣлъ на палубѣ, и, закутавшись въ плащъ отъ рѣзкаго вѣтра, смѣлся отъ души приключенію одного джентльмена: онъ имѣлъ надобность взать изъ Гринока въ Глазго; въ торопяхъ, не спросивъ, куда нацѣ пароходъ идетъ, ловко вскочилъ онъ на палубу, и, въ полной увѣренности, что мы плывемъ въ Глазго, началъ преспокойно любезничать съ одною дамою, которая ѣхала изъ Дунбартона въ Дьюнунъ. Черезъ нѣсколько времени ошибка обнаружилась глазамъ его во всей своей наготѣ. Надобно было видѣть досаду и безпокойство несчастнаго денди! Несмотря на всѣ наши утѣшенія, на обещанія высадить его на берегъ при первой возможности, онъ, съ самымъ печальнымъ лицомъ, сказалъ намъ то, что собрался-было въ Глаз-

го на званій объѣдъ, и что тепѣрь — долженъ его лишиться! Мы дѣйствительно увидѣли, что онъ былъ въ бальномъ костюмѣ. Провхавъ миля три, мы были на высотѣ мѣстечка Гурокъ; но оттуда, на бѣду опрометчиваго господина, не выслали ни одной лодки съ пассажирами, и онъ долженъ былъ, по-неволѣ, нестись на парусахъ въ сторону, діаметрально противоположенную званому его объѣду. Онъ бѣсился, кричалъ, топалъ ногами, забавлялъ всѣхъ насъ своимъ нетерпѣніемъ. Время и пароходъ летѣли быстро, и корабельный steward, провіантмейстеръ, уже дважды докладывавалъ, что объѣдъ готовъ. Мы рѣшились наконецъ сойти въ каюту, приглашая и нетерпѣливаго Франта раздѣлить нашу корабельную трапезу и, за стаканомъ Шотландскаго пива, забыть свои гастрономическія надежды, но онъ былъ такъ разгоряченъ, что и слушать насъ не хотѣлъ. Мы сѣли за столъ. Вышедъ опять на палубу, мы узнали, что пароходъ править на сѣверъ въ узкій заливъ, называемый по-Шотландски Лохъ-Лонгъ, «Длинное Озеро», съ тѣмъ, чтобы показать намъ прелестныя виды его береговъ. Дѣйствительно, черныя скалы и холмы, покрытыя яркою зеленою, окружили насъ пѣвнительною и разнообразною панорамою, — но что значило все это въ сравненіи съ живописною, единственною въ мірѣ картиною Франта, игрою жестокой судьбы увлекаемаго, безъ объѣда, въ бальномъ нарядѣ, на утесистыя и мрачныя Гебриды! Мы болѣе занимались имъ, нежели видами Лохъ-Лонга. Бѣдный джентльменъ! Мы не смѣли его высадить на эти пустыя берега, потому что отсюда нѣтъ постояннаго сообщенія съ Глазго, и онъ бы могъ, не-хотя, остаться тамъ на цѣлую недѣлю. Пріятный нашъ спутникъ, Кембль, горный помѣщикъ, хорошо знавшій свое отечество, рассказывалъ намъ исторію здѣшнихъ мѣстъ и соединенныя съ ними преданія, на которыхъ Вальтеръ-Скоттъ и другіе писатели осно-

вали свои повѣсти. Джентльменъ, пропустивъ званый обѣдъ, принужденъ былъ питаться преданіями: онъ узналъ по-крайней-мѣрѣ, что Лохъ-Лонгъ былъ извѣстенъ Норманнамъ подъ именемъ Скипафіурда, и что Гаконъ, король Норвежскій, посылалъ сюда свои ладьи для грабежа, въ началѣ XIII столѣтія. Это очень любопытно. Не желая, чтобы ночь застала насъ въ узкихъ проливахъ, между острововъ, мы приказали перемѣнить курсъ къ югу, и пристали у деревни Дьюнунъ, къ великому удовольствію голоднаго пассажира, который наконецъ ступилъ на землю, и обѣщался быть въ другой разъ осмотрительнѣе. Хотя намъ и весьма хотѣлось засвѣтло пройти Бьютскій проливъ, однако жъ мы не упустили случая взглянуть на развалившійся замокъ Дьюнунъ, лежащій близъ деревни того же имени. Въ немъ жили некогда предки герцога Аргайль, и донынѣ наследники этого дома титулуются коннетаблями королевскаго замка Дьюнуна. Мы только бросили бѣглый взглядъ на это мѣсто, и продолжали плаваніе. Малкъ, устроенный близъ Дьюнуна, мелькнулъ издали, и мы скоро вѣхали въ проливъ между островомъ Бюгъ и берегами графства Аргайльшеръ. На островъ красуется не большой, но прекрасный городъ Ротси, и проливъ, который вдругъ дѣлается уже, получаетъ видъ особенно привлекательный: съ сѣве а утесы Ковала, съ южной стороны крутые берега Бьота, кажется, касаются другъ друга вершинами; въ некоторыхъ мѣстахъ видны курганы, высокія могильныя насыпи Норвежскихъ воиновъ, дѣлавшихъ частые набѣги на эти земли; вдали, къ сѣверо-востоку, синѣетъ покрытая снѣгомъ вершина Бен-Ломона, одной изъ высочайшихъ горъ Шотландіи. Проливъ такъ извилисть, что и опытные лоцманы съ трудомъ пробираются, однако жъ мы благополучно достигли широкаго залива Лохъ-Файнъ,

и только издали взглянули на островокъ Ингмарнохъ, лежащій къ югу. Къ сѣверо-западу подымались безплодные и скалистые берега полуострова Кантайра, и мы осторожно приближались къ нимъ на высоту деревни Тарберта. Здѣсь оканчивается прозябеніе; крокъ скаль, ничего не видно. Далѣе, къ устью Криніанскаго канала, мы проѣхали мимо горы Слямгойль, «Горы любви», на которой, какъ намъ рассказывалъ словоохотный Кембль нашъ, Оссіановъ герой Дерридь, родоначальникъ всѣхъ Кемблевъ, палъ отъ руки врага. Заходящее солнце подарило насъ въ этотъ день послѣднею прелестною картиною, которую скоро стеръ мракъ ночи. Мы остановились ночевать въ одной пристани.

Заунывные звуки любимаго инструмента Шотландскихъ горцевъ разбудили меня весьма рано. Я вышелъ на палубу: утро было прекрасное, розовая заря расцвѣчивала востокъ небосклона, на передней палубѣ горный Шотландецъ, въ полномъ нарядѣ, игралъ на своемъ big-pipe, похожемъ на нашу волюнку. Звукъ этого простаго инструмента имѣеть удивительное вліяніе на горныхъ жителей Каледоніи: коль скоро онъ раздастся, взоры ихъ проясняются и невольная улыбка на устахъ озаряетъ ихъ угрюмыя лица. Уже многіе изъ пассажировъ обоаго пола, пользуясь этою музыкаю и свѣжимъ утромъ, танцовали на палубѣ; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько нашихъ матрозовъ, и составился весьма пріятный танецъ въ родѣ кадрили. Пароходъ между-тѣмъ тихо скользилъ по каналу, въ устьѣ котораго мы провели ночь. Криніанскій Каналь длиною верстъ въ пятнадцать, прорѣзываетъ перешеекъ, соединяющій полуостровъ Кантайръ съ твердою землею Шотландіи: онъ оконченъ лѣтъ за двадцать, и всѣ суда, идущія къ Гебридамъ и далѣе къ сѣверу въ океанъ, юмощію его избавляются отъ опаснаго обхода въ

стодвадцать миль вокругъ. Для проведенія его черезъ перешеекъ, надобно было разсѣкать гранитныя и базальтовыя горы, и инженеры боролись съ немовѣрными трудностями. Нѣсколько шлюзовъ, устроенныхъ на этомъ каналѣ, задерживали наше плаваніе, и мы только черезъ четыре часа, достигли до его конца, и вступили въ Лохъ-Криціанъ. Выбравшись изъ этого залива въ океанъ, цѣлый народъ маленькихъ острововъ, населяющій необъятную синюю равнину, предсталъ передъ глаза наши, которые невольно стремились впередъ, къ каменнымъ великанамъ, господствующимъ надъ ними. Высоты большаго острова Джура, самаго гористаго изъ всѣхъ Гебридъ, ясно видны были отсюда. Вдали рисовались черныя горы Мулла. Мы быстро пролетѣли мимо острововъ Люйна, Истъ-деля и Керрера, — второй изъ нихъ извѣстенъ тѣмъ, что доставляетъ лучшія въ свѣтѣ аспидныя доски, — и часу во второмъ остановились въ прекрасной гавани деревни Обауъ. Обауъ ведетъ обширную торговлю съ островами и Ирландіей. Здѣсь къ намъ присоединились шестеро Англійскихъ путешественниковъ, желавшихъ также посѣтить знаменитую Стаффу. Выходя изъ гавани, мы любовались на величественную картину грозныхъ утесовъ Морвена, гдѣ Оссіановъ Фингалъ доказывалъ свое мужество; проливъ Мулла, отдѣляющій островъ того же имени отъ Морвенскаго берега, близъ котораго мы плыли на сѣверъ, представляетъ удивительныя, единственныя виды. Уже въ десятомъ часу вечера примкнули мы къ мѣстечку Тобермори, чтобы провести тамъ ночь. Я нашелъ въ гостинницѣ чистую комнату, славный чай и милую хозяйку, которая радушно приняла меня, особенно узнавъ, что я пріѣхалъ изъ такой дальней и малоизвѣстной страны, — Россіи! Около полусотни домовъ, построенныхъ въ два ряда на гористомъ берегу, составляютъ

это мѣстечко, какъ мнѣ рассказывала хозяйка, единственное на цѣломъ островѣ Мулла, который хотя и лежитъ въ окружности до трехсотъ миль, но такъ нѣрѣзанъ морскими рукавами и заливами, что самая большая его ширина только двадцать пять миль. Гобериори построены лѣтъ за тридцать Обществомъ Поощренія Рыбной Ловли въ Сѣверныхъ Моряхъ.

Ясное утро предвѣщало благоприятный день, — уже третій нашего путешествія, — и мы, при попутномъ вѣтрѣ, обогнули сѣверную оконечность Мулла. Тайрѣй и Колль были уже въ виду, но отливъ не позволялъ приблизиться намъ къ Стаффъ. Мы направили путь мимо ея къ югу на островъ Айону. Вотъ и Айона! Она начала показываться, какъ-будто выходила изъ воды. Сильный вѣтеръ между этими островами и подводные камни, дѣлали плаваніе наше не безопаснымъ, — но Нентунъ съ нами, такъ кто противъ насъ! Судно остановилось въ некоторомъ разстояніи отъ каменистаго берега и сильнаго буруна, ходившаго близъ него. Нѣсколько лодокъ выѣхали намъ на встрѣчу и высадили насъ на камни, и мы, перепрыгивая съ одного на другой, съ немалымъ трудомъ, но благополучно добрались до берега. Едва ступили мы на землю, какъ толпы полунагихъ ребятишекъ, съ крикомъ, окружили наше общество, предлагая намъ собранныя ими ракушки и камни. Сначала, крикъ и шумъ ихъ насъ забавляли, но это скоро надоело, и мы начали бранить и разгонять ихъ. Тщетный трудъ! Они ни слова не понимали по-Англійски, и не переставали насъ беспокоить.

Настоящее названіе Айоны, «Острова Волнь», есть I (Ай); нѣкоторые писатели называютъ ея *Айколламъ*, правильнѣе *Ай-Колумбъ-киль*, — что на Гальскомъ языкѣ значитъ «островъ Колумбовой кельи». Этотъ малый, но знаменитый островъ былъ некогда свѣ-

тильникомъ холодныхъ странъ Келедоніи; дикіе кланы и кочующіе варвары получали отсюда всѣ блага просвѣщенія и вѣры. Онъ имѣетъ не болѣе трехъ миль длины и одну ширины, и самое большее его возвышеніе около четырехъ сотъ сажень надъ водою. Число жителей обою пола простирается до пяти сотъ душъ. До введенія христіанства, по словамъ преданія, здѣсь обитали Друиды, и имѣли свои храмы и жертвенники, на которыхъ кровь человѣческая неразъ лилась въ честь боговъ ихъ свирѣпой міеологіи. Намъ показывали странныя развалины одного такого храма, полупогребеннаго въ землѣ, поросшаго мхомъ и травою. Въ 565 году прибылъ сюда изъ Ирландіи славный святой, Колумба, для проповѣданія Пиктамъ Вѣры Христовой, устроилъ монашескія кельи, провелъ жизнь въ трудахъ обращенія язычниковъ и умеръ на этомъ островѣ. Насажденная имъ вѣра утвердилась и процвѣла, и его монастырь скоро сталъ посылать проповѣдниковъ, и даже епископовъ въ разныя мѣста. Но въ 807 году Норманны сдѣлали высадку, разграбили монастырь, убили нѣкоторыхъ монаховъ, а прочихъ разогнали. По отбытіи этихъ Варяговъ, монахи другаго ордена заняли развалины Колумбовой обители, исправили, распространили ее, и жили здѣсь спокойно до самой реформаціи. Здѣсь были большая collegія для воспитанія юношества, семинарія и огромная библіотека, въ которой хранились важныя для Шотландіи документы. Въ 1436 году Эней Сильвиусъ, бывшій потомъ папою подъ именемъ Пія II, во время пребыванія своего въ Шотландіи, отыскивалъ тамъ потеряныя книги Тита Ливія, но такъ же безуспѣшно, какъ и дерево, на которомъ, вмѣсто яблоковъ, рождаются красныя дѣвицы и за которымъ прохалъ онъ всю Шотландію. Однимъ словомъ, Айона была убѣжищемъ учености во времена мрака и невѣжества. Сверхъ того служила она мѣстомъ погребенія умер-

шихъ Шотландскихъ королей, и Шекспиръ, въ Макбетъ, называетъ островъ этотъ святою землею, назначенною для принятія тѣла Дупкана:

..... carried to Colm's kill
The sacred storehouse of his ancestors
And gardian of their bones.

Слава Айоны была такъ велика, что, кромѣ Шотландскихъ, здѣсь похоронены тѣла четырехъ Ирландскихъ королей, восьми Норвежскихъ и одного Французскаго, котораго имени я не могъ узнать. Жители досель показываютъ ихъ могилы. Нынче этотъ островъ принадлежитъ герцогу Аргайлъ и славится только хорошими пастбищами. Нѣсколько десятковъ бѣдныхъ, разкиданныхъ хижинъ, мужчины и женщины дикаго вида, полунагіе, въ странныхъ лохмотьяхъ, съ растрепанными волосами, говорящіе Гальскимъ языкомъ, по выходѣ нашемъ на берегъ почти заставили насъ думать, что мы находимся на какомъ-нибудь дикомъ островѣ Южнаго Моря, а не въ Шотландіи. Прошедши темнаго во внутренность острова, увидѣли мы выстѣченный изъ одного куска каменный крестъ футовъ въ десять вышиною съ разными, почти изгладившимися отъ времени, рѣзными фигурами. У креста встрѣтилъ насъ съдой господинъ въ одеждѣ стариннаго покроя, и, объявивъ, что онъ здѣшній школьный учитель, — слѣдственно главный ученый острова, — предложилъ намъ свои услуги съ престранными ужимками и поклонами. Онъ вызывался показать и объяснить всѣ мѣстныя достопримѣчательности. Шкиперъ парохода предупредилъ насъ объ немъ, прибавивъ, что должность Айонскаго чичерона составляетъ доходъ этого оригинала, и мы съ охотою приняли его предложеніе. Приблизясь къ другому подобному кресту, нашъ ученый, съ важнымъ видомъ и трагическою миною, началъ свой разсказъ, вытверженный

имъ наизусть и лѣтъ тридцать повторяемый всѣмъ путешественникамъ. Онъ намъ между прочимъ сказалъ, что подобныхъ крестовъ было на островъ столько, сколько въ году дней, но лишь три уцѣлѣли отъ ярости реформатовъ. Мы шли далѣе, и словоохотный учитель безпрестанно останавливалъ насъ своими разсказами, желая показать свои археологическія свѣдѣнія. Мы прибыли къ развалинамъ женскаго монастыря: однѣ стѣны цѣлы, все прочее исчезло, кромѣ части каменнаго пола и находящихся въ сосѣдствѣ гробницъ. На многихъ надгробныхъ камняхъ видны еще Латинскія надписи. Нашъ чичероне, разсказывая преданія о монахиняхъ, тщательно избѣгалъ Латинскихъ надписей, которыхъ объясненія мы часто съ намѣреніемъ у него спрашивали, между-тѣмъ какъ онъ, будто не замѣчая нашихъ вопросовъ, продолжалъ свой урокъ. Латинскія надписи были истиннымъ камнемъ преткновенія для бѣднаго учителя, и онъ отдѣлывался тѣмъ, что онъ такъ стерты временемъ, что мудрено ихъ разобрать. Отсюда повелъ онъ насъ къ развалившейся капеллѣ монахинь, гдѣ также много гробницъ, и одна хорошо сохранилась; потомъ, къ остаткамъ соборной церкви, которой кровля давно уже не существуетъ, но стѣны еще довольно цѣлы: готическія окна и четвероугольная колокольня во вкусъ того вѣка украшаютъ эту развалину. Два пролома въ стѣнахъ колокольни, по словамъ нашего антикварія, сдѣланы пушечными ядрами Испанской армады, но вѣроятнѣе молніею. Впрочемъ извѣстно и по Исторіи, что изъ многочисленнаго Испанскаго флота, прозваннаго «Непобѣдимой армадою», который отправленъ былъ Филиппомъ II для завоеванія Англіи въ царствованіе королевы Елисаветы, отнесло бурею много кораблей къ сѣвернымъ берегамъ Шотландіи и Ирландіи; что они тамъ погибли, и что, между прочимъ, одинъ огромный ко-

рабль, приближившись къ базальтовымъ утесамъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Испанской Дороги», принялъ ихъ за еретическую крѣпость, началъ ядрами громить эти въковыя столповидныя скалы, былъ увлеченъ теченіемъ на скалы и разбился на полѣ сраженія. Въ углахъ церкви стоятъ колонны съ льпными фигурами, которыя изображаютъ Адама и Евву въ раю, богиню правосудія съ вѣсами, діавола, и прочая. Полъ устланъ надгробными камнями аббатовъ монастыря и предводителей клановъ съверной Шотландіи; надписи на нихъ изрядно сохранились, и имена Мак-Дональдовъ и Мак-Грегоровъ часто здѣсь встрѣчаются. Нѣкоторыя могилы ихъ разрыты: мы видѣли много костей и череповъ этихъ знаменитыхъ вождей, и я нашелъ тутъ родъ пряжки; впрочемъ жители и путешественники вынули уже всѣ вещи, заслуживавшія вниманія. Нашъ проводникъ указалъ на развалившійся нагробный памятникъ, увѣряя, что это могила Св. Колумба: на ней не было ни какого слѣда надписей. Въ мужскомъ монастырѣ видѣли мы остатки объденной залы, коллегии и «Черный камень клятвы», такъ названный потому, что при заключеніи важныхъ условій, обѣ стороны становились на него и произносили клятву о сохраненіи договора: нарушитель подвергался отлученію отъ Церкви. Рассмотрѣвъ ближе этотъ черный камень, я нашелъ, что онъ бѣловатаго цвѣта, изъ роду полевыхъ шпатовъ. Здѣсь есть подземный ходъ, соединяющій этотъ монастырь съ женскими келіями, и частію заваленный. Мы съ улыбкою спрашивали нашего археолога, для какой бы цѣли сдѣлано было это тайное сообщеніе между двумя монастырями. Старикъ весьма смутился отъ нашего нескромнаго вопроса, и объявилъ намъ, что онъ давно думаетъ объ этомъ. Отсюда пошли мы къ гробницамъ королей: онѣ расположены рядами, и совершенно заросли дерномъ;

древнѣйшая изъ нихъ VII столѣтія. Намъ не дозволили разрывать дерна, чтобы отыскать какую нибудь надпись. Погулявъ еще по острову, и наградивъ усерднаго учителя, мы поплыли къ Стаффъ.

Стаффа, это удивительное собраніе базальтовыхъ колоннъ, — огромныхъ кристалловъ камня, возникшихъ изъ дна морскаго и такъ тѣсно соединенныхъ между собою, что изъ нихъ, какъ изъ свай, составилъ цѣлый островъ, подстрекаетъ любопытство всего ученаго свѣта, и особенно минералоговъ, своимъ необыкновеннымъ строеніемъ. Стаффа лежитъ въ восьми миляхъ отъ береговъ Мулла къ западу, имѣетъ видъ неправильный, въ окружности не болѣе трехъ верстъ, а въ вышину сто пятьдесятъ футовъ. Множество подводныхъ и надводныхъ камней окружаютъ этотъ островъ, и дѣлаютъ приближеніе къ нему опаснымъ, а въ бурное время невозможнымъ. Онъ принадлежитъ теперь Шотландскому помѣщику, Г. Рональду Макдональду. Пароходъ нашъ остановился въ открытомъ морѣ; мы перешли на прибывшій къ намъ съ острова Мулла катеръ, и, подѣхавъ ближе къ Стаффъ, увидѣли глубокую впадину: намъ сказали, что это славная «Пещера Фингала». Хотя погода была тихая, но здѣсь волны сильно разбивались о грозные столпы страны истинно Оссіанической. Мы въѣхали въ самую пещеру: во время прилива, глубина воды бываетъ тамъ до восемнадцати футовъ, но въ полую воду нельзя приблизиться къ острову. Ширина пещеры не позволяетъ удобно дѣйствовать веслами: мы правили баграми, и скоро начали по-одиночкѣ выходить осторожно изъ катера, на торчащія изъ воды, подобно древеснымъ пнямъ, низкія, весьма правильныя, осмигранныя колонны. Это кристаллы базальта.

Здѣсь представилось намъ зрѣлище, котораго ни съ чѣмъ сравнить невозможно, — зрѣлище величественное,

глубоко и навсегда запечатлѣвающееся въ памяти того, кто однажды былъ его свидѣтелемъ. Я не могу придать слабому очерку моему той силы мрачнаго, подземнаго могущества, того страшнаго выраженія тѣмой и дѣятельной вѣчности, какими оно меня поразило. Всѣ мы нѣсколько минутъ, въ молчаніи, съ изумленіемъ, смотрѣли на это чудо природы, всѣ не вѣрили глазамъ своимъ, и, какъ-бы желая продлить свое очарованіе, боялись, чтобы оно отъ шума нашихъ словъ не исчезло. Входъ въ пещеру подобенъ готической остроконечной аркѣ, сажень въ семнадцать вышиною: ширина ея семь съ половиною сажень. Дно, покрытое водою, состоитъ какъ-бы изъ обрубковъ колоннъ, насаженныхъ въ землю вертикально, а верхній сводъ, или потолокъ, изъ подобныхъ же колоннъ, висячихъ отвѣсно къ первымъ, такъ, что всѣ ихъ разрѣзы въ точности соответствуютъ разрѣзамъ отрубковъ, находящихся на днѣ пещеры: кажется, какъ-будто невѣдомая волшебная сила разсѣкла цѣлый лѣсъ огромныхъ базальтовыхъ столбовъ пополамъ, параллельно ихъ основанію, и раздвинула части, поднявъ одни вверхъ вмѣстѣ со сводомъ, другія оставивъ на полу. Стѣны сооружены также изъ вертикальныхъ, огромныхъ, семи и осмигранныхъ призмъ, висящихъ болѣею частию полтора аршина въ діаметръ и отъ одной до восьми сажень вышины, и взгроможденныхъ одна на другую съ удивительною правильностію, даже симметриею, такъ, что одиѣ служатъ ступенями для восхода по стѣнамъ на другія. Измѣренная длина пещеры пятьдесятъ три сажени; но чѣмъ далѣе входить, тѣмъ она становится темпѣе и ниже: положеніе ея по компасу сѣверовостоко-восточное. Имѣвъ при себѣ заряженные пистолеты, я выстрѣлилъ изъ одного, и, раздавшійся страшный гулъ, съ глухими отголосками, невольно заставилъ насъ вздрогнуть: къ удоволь-

ствию нашему, онъ скоро слился съ шумомъ плещущихъ волнъ.

Базальтъ, изъ котораго эти столпы вылились въ теченіе вѣковъ, почти чернаго цвѣта, чрезвычайно твердъ, и я съ большимъ трудомъ могъ отбить молоткомъ небольшой кусокъ. Владѣльцемъ строго запрещено брать отсюда образчики базальта, но я осмѣлился нарушить законъ, постановленный его скупостью. Здѣсь кстати рассказать, что кто-то присоветовалъ-было Г. Макдональду, запретить входъ въ пещеру большою желѣзною цѣпью съ замкомъ, и не иначе пускать въ нее любопытство путешественниковъ, какъ съ платою по два рубля съ каждаго. Это истинно, Шотландская расчетливость! Деньголюбивый владѣлецъ чертога, построеннаго природою для своей потѣхи посреди волнъ океана, рѣшился привести эту блистательную мысль въ исполненіе: цѣпь стоила ему болѣе тысячи двухъ сотъ рублей; но не прошло и недѣли, со времени ея укрѣпленія, какъ, къ горю и стыду скупца, украли ее вмѣстѣ съ замками. И по дѣломъ!

Переходя съ колонны на колонну, мы замѣтили, что самыя высокія изъ нихъ находятся на западной сторонѣ пещеры, которую называютъ по-Гальски *Uaimh-Binn*, «Музыкальною Пещерой», или *Uaimh-na-Fion*, «Пещерою Фингала». Нельзя довольно насмотрѣться на эту исполинскую кристаллизацию, въ которой природа хотѣла показать челоуѣку великость средствъ своихъ. Однако жъ время текло: мы выбрались изъ подземелья на островъ, котораго основаніе повидимому состоитъ изъ неправильной массы песчаника съ желѣзною родою: въ этомъ-то песчаникѣ утверждены базальтовыя призмы; ихъ вершины покрыты тою же массою. На поверхности острова, въ разныхъ мѣстахъ, высовываются верхи небольшихъ колоннъ; прочее покрыто хорошею травою, которой зелень составляла разительную смѣсь красокъ съ чернотою ба-

зальта и синсю скатертью моря. Далѣе, къ западу, есть другая пещера, доступная только въ полую воду и называемая «Лодочною», Boat-Cave. На восточной сторонѣ, колонны становятся мельче и не такъ вертикальны, и чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ больше онѣ склоняются, и даже сгибаются; вмѣсто полутора аршина, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ уже въ діаметръ только одинъ футъ, а иныя шесть дюймовъ; въ одной огромной пещерѣ, Clamshell, которую мы тоже посетили, мелкія призмы такъ согнуты и такъ плотно сложены, что подобны ребрамъ корабля: дно устья здѣсь камнями. Противъ этой пещеры, въ морѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, лежитъ удивительный утесъ, называемый «Пастухомъ», Buachaille: онъ состоитъ изъ восьми тысячъ призмъ, ясно видимыхъ, утвержденныхъ въ землю наклонно, одна подле другой, и такъ сложенныхъ, что образуютъ конусъ, котораго діаметръ у основанія равняется вышинѣ.

Вышедши изъ этой пещеры, мы съ трудомъ вскарабкались на вершину Стаффы, гдѣ увидѣли нѣсколько пасущихся овецъ и маленькихъ Шотландскихъ лошадей. Всѣмъ извѣстна эта особенная порода малорослыхъ лошадей: онѣ водятся на Гебридскихъ Островахъ, и преимущественно на тѣхъ, которые принадлежатъ Шотландіи; величиною онѣ съ хорошаго теленка или немного больше, однако жъ есть между ними чрезвычайно стройныя, сильныя и быстрыя. Когда человекъ сидитъ на такой лошади, ноги его часто достигаютъ до земли. Въ Англійи онѣ извѣстны подъ именемъ Shetland pony, и стройнѣйшія изъ нихъ довольно дороги. Вообще онѣ слишкомъ толсты, — что, по увѣренію многихъ, происходитъ и отъ того, что ихъ обыкновенно продаютъ на вѣсъ, и которая лошадь больше вѣситъ, за ту и дороже платятъ: поэтому ихъ стараются откармливать. При продажѣ,

связываютъ имъ ноги, и кладутъ ихъ на вѣсы. Меня увѣряли, что на Шотландскихъ островахъ, самыя статныя и красивыя лошадки происходятъ отъ Испанскихъ лошадей, которыя тамъ остались съ нѣсколькихъ кораблей армады; отъ особеннаго климата и фуража, онѣ постепенно перерождались, и наконецъ дошли до настоящаго роста. Ипотезу эту подтверждаютъ тѣмъ, что и другой домашній скотъ тамъ весьма мелокъ, и что вообще въ горной Шотландіи, и въ горахъ Валлійскихъ въ Англіи, лошади, быки, коровы, овцы очень малорослы.

Островъ Стаффа теперь совершенно необитаемъ: прѣжде былъ здѣсь домикъ для пастуха, который перѣзжалъ сюда въ лѣтнее время; но какъ островъ часто не доступенъ, то опасно было на немъ оставаться, потому что иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не было съ нимъ сообщенія. Однажды, пастухъ чуть не погибъ отъ недостатка жизненныхъ припасовъ.

Расположившись отдохнуть на камняхъ, на самой вершинѣ Стаффы, мы любовались на ея величественныя виды. Къ востоку, за Муллоу, синѣетъ вдали гора Ben-Nevis въ четыре тысячъ триста футовъ вышиною; къ югу, островъ Джура гордо воздымаетъ четырехглавую вершину свою, а на сѣверѣ видны другія Гебриды. Все тихо, — море какъ зеркало, — только пѣнящіяся волны бушуютъ въ Пещерѣ Фингала! Повторяя такъ часто о Фингалѣ, должно прибавить, что Шотландцы и Ирландцы наподхватъ исторгаютъ этого героя другъ у друга: оба народа желаютъ быть его соотечественниками. Первые основываютъ свои доказательства на Оссіанѣ, который называетъ Шотландію мѣстомъ его подвиговъ, но Ирландцы утверждаютъ, что у нихъ и донынѣ есть его потомки, — одна дворянская фамилія, въ которой старшій въ родѣ всегда носитъ титулъ лорда Фингала. Англичане, чтобы примирить ихъ, доказыва-

ють, что Фингалъ и Оссіанъ никогда не существовали.

Въ пятомъ часу оставили мы этотъ примѣчательный островъ, и прибыли въ Тобермари въ десятомъ часу ночи. На слѣдующее утро, 22 Сентября, звукъ вольинки опять раздался на пароходѣ. Прекрасная погода продолжала намъ благопріятствовать. Мы видѣли на скалистыхъ берегахъ нѣсколько орловъ: они весьма сильны и огромны на здѣшнихъ островахъ, и иногда хватаютъ овецъ. Въ каютѣ нашей была небольшая бібліотека отборныхъ книгъ, — всѣ сочиненія Валтеръ-Скотта, и я съ удовольствіемъ прочиталъ «Пирата» и «Робъ-Роя» между Гебридскими скалами: въ послѣднемъ есть много подробностей о кланѣ Макъ-Грегоровъ, который жилъ въ этихъ мѣстахъ. Я узналъ случайно, что нашъ шкиперъ былъ Нѣмецъ изъ ГанOVERA. Онъ весьма обрадовался, когда я началъ говорить съ нимъ по-Нѣмецки, и, въ знакъ своего удовольствія, предложилъ мнѣ, для слѣдующаго ночлега, свою постель, которая была лучше прочихъ. Но вѣжливость добраго Нѣмца не много принесла мнѣ пользы: я не могъ заснуть отъ шума и громкихъ разговоровъ Шотландскихъ бабъ и дѣвокъ, находившихся на передней палубѣ; онѣ почти всю ночь не умолкали. Къ досадѣ, я даже не разумѣлъ ни слова изъ ихъ бесѣды: онѣ говорили по-Гальски. Во всей сѣверной Шотландіи народъ употребляетъ этотъ языкъ, Англійскаго же вовсе не понимаютъ. Гальскій языкъ, называемый у нихъ *gaelic*, *геликъ*, отличается изобиліемъ гортанныхъ звуковъ, и всѣ говорящіе какъ-бы картавятъ.

А. ДЖУНКОВСКІЙ.

=

ДВѢ ВСЕМІРНЫЯ ИСТОРИИ.

=

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ.

=

4/10 Января, 1833.

.....Здоровье мое не худо и не хорошо. Я какъ-будто остановился на одной точкѣ; ийду ни впередъ, ни назадъ. Радуюсь однако, что не побѣхалъ въ Италію, ибо тревожная жизнь путешественника, безъ-сомнѣнія, много бы мнѣ повредила. О климатъ Италіи сожалѣть не имѣю причины: мнѣ удалось поселиться въ самомъ тепломъ и здоровомъ уголкѣ Швейцаріи. Отъ Италіанской зимы вѣроятно страдалъ бы я гораздо болѣе, нежели отъ здѣшней, нежели даже отъ Русской: теперь въ Италіи тепло подъ открытымъ небомъ, но въ домахъ мерзнуть; здѣсь же, гдѣ домъ лучше устроенъ для зимняго времени, нѣтъ почти и признака зимы. Теперь 4 Января (старого стilia), а на дворѣ почти весна; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевского озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышетъ. Сквозь голубой паръ поднимаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры; на горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, выются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ не-

вольно въ трепеть, вдругъ раздается звонъ часоваго колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ: онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышутся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувства спокойствія: тамъ далекій лай собаки, тамъ скрыпъ огромнаго воза, тамъ человѣческой голось. Между-тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть; есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера! Каждый день, смѣняетъ ее другая. Но за этими горами Италія, и мнѣ не видать Италіи. Между-тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли,—до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынночество навело бы наконецъ на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Р*** и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, котораю здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною по полудни, — время нашего общаго обѣда, — я сижу у себя или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лекарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще нѣтъ силъ взбираться на горы. Зато гуляю много по ровному, прекрасному шоссе, всякій день и во всякую погоду. Теперь читаю двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими Берлинскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется — Menzel's Geschichte

unserer Zeit, а другая самую природою, на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. Но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату. Всякій день въ два часа по-полудни я начинаю свое пѣшеходство по Симплонской дорогѣ, которая мимо самаго крыльца моего идетъ по берегу Женевского Озера, разстилающагося широкою равниною между высокихъ береговъ горныхъ. Со стороны Женевы, на дальнемъ горизонтѣ, видна низкая, голубая, однообразная стѣна Юры. Со стороны кантона Вадта, Pays de Vaud, на которой находится моя деревушка, Вернѣ (между Клараномъ и Монтрѣ) поднимаются горы, покрытыя виноградниками, усыпанныя деревнями, замками, хижинами, шалашами: низшія изъ нихъ имѣютъ пріятную круглую форму, (здѣсь посреди виноградниковъ великолѣпныя каштановыя, буковыя и орѣховыя деревья); высшія торчатъ острыми утесами; одни имѣютъ видъ зубчатыхъ стѣнъ, другія форму огромныхъ зубовъ, между которыми самый замѣтный называется Dent-de-jamant. Вершины этихъ утесовъ голы, и истрескались отъ дѣйствія стихій; бока покрыты елями и соснами, между которыми весенніе и осенніе потоки прорыли излучистыя дороги: онѣ теперь наполнены снѣгомъ и кажутся змѣями, замерзнувшими отъ холода и извившимися въ часъ смерти. Напротивной, Савойской сторонѣ, поднимаются горы болѣе огромныя, и представляютъ ужасный хаосъ утесовъ, разорванныхъ, растреснутыхъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ теперь бѣлѣетъ снѣгъ, тогда какъ самые утесы спящія, и отъ словыхъ лѣсовъ, покрывающихъ бока ихъ, имѣютъ видъ необъятаго оцѣпенѣлаго, изрубленнаго трупa. Эти горы, возвышаясь, сходятся съ противолежащими и стѣсняются въ глубокую долину, по которой течетъ Роаа,

впадающая близъ Вильнёва въ Женевское Озеро. Эту долину задвигаютъ наконецъ покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы: впереди подымается великаномъ *Dent-du-midi*; за нимъ конусомъ стоитъ *Mont-Catogne*; изъ-за него, съ одной стороны выглядываетъ *Mont-Velan*, а съ другой *Сенъ-Бернардъ*, знаменитый переходомъ Наполеона и гостепріимствомъ добрыхъ отшельниковъ, которые поселились на высотѣ его съ своими собаками, для спасенія путешественниковъ, теряющихъ дорогу въ снѣгахъ горныхъ. Таковы великолѣпные листы Всемірной Исторіи, которые разгибаются передъ глазами моими въ то время, когда я непримѣтною мошкою крадусь по тропикъ своей, у подошвы этихъ великановъ. И мнѣ было бы весьма душно отъ ихъ ужасающей взоры огромности, когда бъ мнѣ не сопутствовалъ другой великанъ, который можетъ безъ страха съ ними соперничать: этотъ великанъ есть *мысль*, могущая не только въ одну минуту подняться на ихъ неприступныя высоты; но, перелетѣвъ въка и пространство, присутствовать при ихъ рожденіи, въ то время, когда онѣ сами были только прахъ, кипѣвшій въ первобытной водѣ, которая наконецъ, сгустивъ и набросавъ ихъ тѣми огромными горами, въ какихъ онѣ столько вѣковъ стоятъ неподвижно, сама успокоилась, и теперь, тихимъ, таинственнымъ моремъ, окружаетъ нашу цвѣтущую землю, вышедшую изъ хаоса первобытнаго. Какое сходство въ Исторіи этихъ безжизненныхъ великановъ съ Исторіею живаго человѣческаго рода! Что представляла наша земля въ эти первые дни созданія, когда всемогущес Божіе *Гуди* раздалось посреди небытія, и все начало стремиться къ жизни? Каковъ былъ міръ въ то время, когда потопъ за потопомъ разрушалъ землю, и когда изъ страшнаго разрушенія выходило столь же страшное созданіе? когда владыками земли были одни чудовища, которыхъ огромные, окаменѣлыя скелеты, лежащіе въ земной

утробъ, свидѣтельствуя объ отдаленной эпохѣ ихъ существованія, въ тоже время служатъ памятниками минувшаго безпорядка? Чѣмъ все это кончилось? Животворнымъ *шестымъ* днемъ созданія. Потопы утихли, утесы оцѣпнѣли, ихъ страшныя груды покрылись великолѣпнымъ ковромъ плодоносной земли, на которомъ началась цвѣтущая жизнь, — и на эту обновленную землю Создатель привелъ наконецъ Человѣка. Бурный періодъ образованій физическихъ дошелъ до своего предѣла: начинается жизнь человѣческаго рода, и она представляетъ намъ тотъ же хаосъ, въ какой при началѣ своемъ является намъ міръ физическій. Мы видимъ человѣка первосозданнаго; онъ сначала достоинъ своего Создателя, и на землѣ рай; но онъ падаетъ..... Что же представляетъ намъ человѣческое общество послѣ паденія, и что послѣ всемірнаго потопа, уничтожившаго первобытныя роды человѣчскія? Не тотъ же ли безпорядочный бой стихій и массъ физического міра, сквозь которыя съ трудомъ и постепенно пробивалась высшая жизнь? И всѣ эти преданія о древнемъ мірѣ послѣ потопа, всѣ эти памятники огромныхъ минувшихъ царствъ, колоссы Индіи и Египта, завоеванія Сесострисовъ, Кировъ, Александровъ, и самый всемогущій Римъ не то же ли они въ исторіи, — нѣкогда живые, теперь мертвые и окаменѣлые посреди слоевъ (вѣковъ), набросанныхъ временемъ, не тоже ли они, что эти огромныя чудовища, владѣвшія первобытною землею, которыхъ остатки насъ такъ изумляютъ, повѣствуя намъ о томъ, чего давно нѣтъ и чего уже быть не можетъ? Наконецъ и для человѣческаго рода періодъ всеобщихъ бурныхъ переворотовъ дошелъ до своего предѣла, и ужасныя созданія древняго міра одѣлись великолѣпнымъ покровомъ, на которомъ началась новая, высшая жизнь: эта плена болѣе и болѣе развивается; не все еще ею покрыто, — но все когда-нибудь покроется. Волканы,

наводненія, ураганы и многіе грозные феномены свидѣтельствуютъ, что еще не все въ физическомъ мірѣ утихло; но это одни минутныя, частныя явленія: они не производятъ *общаго* измѣненія, и только показываютъ, что сила безпорядка хотя еще и не умерла, но уже издыхаетъ. То же и въ мірѣ нравственномъ: и послѣ пришествія Христова были политическіе разрушительные вулканы; они являются и теперь, но характеръ ихъ болѣе и болѣе измѣняется: теперь они болѣе *образовательны*, нежели прежде. Напримѣръ, въ наше время міровладычество Александра и Рима невозможно, по-крайней-мѣрѣ не прочно. Наполеонъ, у насъ передъ глазами, сдѣлалъ ему опытъ, но быстрое созданіе силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидимъ много потрясеній; но посреди ихъ шума голосъ мира и порядка болѣе и болѣе становится слытенъ. Христіанство, источникъ и хранитель нравственной жизни, неразрушимо, несмотря на бунтующія противъ него страсти; истекающая изъ него образованность медленнымъ, но постояннымъ своимъ дѣйствіемъ все приводитъ въ равновѣсіе; бой добра и зла продолжается, — и можетъ ли быть иначе? Земля не рай, человекъ не ангелъ; но наше время, со всѣми его конвульсіями, лучше прошедшаго. Это *лучшее* само собою истекаетъ изъ зла минувашаго. И это лучшее — не человекъ своею силою производитъ его, но время, покорное одному Промыслу. Поколѣнія исчезаютъ, а время на гробахъ ихъ пишетъ свои истины, которыя читаютъ слѣдующія поколѣнія и обращаютъ въ свою пользу: исчезая, они оставляютъ на гробахъ своихъ другія истины, временемъ написанныя въ пользу другихъ поколѣній. Общій же результатъ одинъ: во всякое время, человекъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ, можетъ совершить все, что онъ какъ человекъ совершить обязанъ; и если бы каждый, не сбиваясь съ пути, слѣдовалъ сему правилу,

то было бы наземль одно царство порядка. Но человекъ созданъ не для тихой, счастливой, а для дѣятельной нравственной жизни; онъ долженъ завоевывать свое достоинство, долженъ пробиваться къ добру сквозь страсти и неразлучныя съ ними заблужденія и бѣдствія. Въ миръ дѣйствуетъ не онъ, а Провидѣніе, которое дѣйствуетъ въ цѣломъ. Жизнь человѣческаго рода можно сравнить съ волнующимся моремъ: буря страстей производитъ эти мнунтныя волны, возстающія, падающія и безпрестанно смѣняемыя другими. Каждая изъ нихъ кажется какимъ-то самобытнымъ созданіемъ; и если бы каждая могла мыслить, то она, въ быстромъ своемъ существованіи, могла бы вообразить, что дѣйствуетъ и созидаетъ для вѣчности. Но она со всѣми своими скоро проходящими товарищами, только принадлежитъ къ одному великому цѣлому: всѣ онъ покорствуютъ одному общему движенію; иногда движеніе кажется бурею; бездна кипитъ; но вдругъ все гладко и чисто; — и въ этомъ, за минуточку столь безобразномъ хаосѣ водъ, спокойно отражается чистое небо. Вотъ вамъ философія здѣшнихъ горъ. То же самое прочиталъ я и въ Менцель, который въ быстрой картинѣ представляетъ намъ происшествія нашего вѣка, столь богатаго великими измѣненіями.

Еще одинъ маленькій отрывокъ изъ той же горной философіи: проѣзжалъ сюда черезъ кантонъ Швицъ, я видѣлъ на прекрасной долинь, между Цирихскимъ и Ловерцкимъ Озеромъ, развалины горы, задавившей за двадцать лѣтъ нѣсколько деревень, и обратившей своимъ паденіемъ райскую область въ пустыню. Это мѣсто называлось тогда Goldau, «золотой лугъ.» За двѣнадцать лѣтъ передъ симъ, я уже видѣлъ его: съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось; тѣ же голые, набросанные горами камни; немногіе покрылись мохомъ; кое-гдѣ пробиваются тощія кусты, но еще почти нѣтъ признака жизни: время невидимо работаетъ, но разруше-

ніе въ полной еще силѣ. Рядомъ съ этимъ хаосомъ каменной, простирается холмистая равнина, покрывающая сочною травою, пышными деревьями, селеніями, хижинами, садами, но бугристая поверхность ея, согласно съ преданіемъ, свидѣтельствуетъ о древнемъ разрушеніи: за нѣсколько вѣковъ и на этомъ мѣстѣ упала гора, задавила нѣсколько селеній, и надлежало пройти сотнямъ лѣтъ, чтобы развалины могли покрываться слоемъ плодородной земли, на которой поселилось новое поколѣніе, совершенно чуждое погибшему. Вотъ исторія всѣхъ революцій, всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, кѣмъ бы онѣ производимы ни были, — бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, — дерзкою ли властію одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостію, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслию, что можно *вдругъ* неплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою, болѣе плодородною. И правда: будетъ земля плодородная, но для кого? и когда? Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше, мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, чего мы хотѣли. Время истинный создатель, мы же въ свою пору были только преступные губители, и отдаленныя благія слѣдствія, заглаживъ слѣды погибели, не оправдываютъ губителей. На этихъ развалинахъ Гольдау, ярко написана истина: «Средства не оправдываются цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благотельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго-возможнаго блага.» Человѣкъ, во всякую настоящую минуту, можетъ быть справедливымъ: въ этомъ его че-

Т. IX. — Огл. I.

ловъческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человеку, для вѣроятной, слѣдственно сомнительной, пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область Провидѣнія. Только, оставаясь въ границахъ человечества, съ свѣтлымъ понятіемъ о справедливости, можемъ мы дѣйствовать благотворно, то есть, нравственно; напротивъ, вступаясь въ дѣло Провидѣнія и надѣясь силою, въ одну минуту, произвести то, что оно медленно созидаетъ временемъ, мы губимъ и гибнемъ. Что же? Должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени, подобно камнямъ, которые, не видя и не зная, что съ ними творится, даютъ ему покрывать ихъ мхомъ и растеніями? Нѣтъ; но для человека довольно собственной дѣятельности и безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ-за-шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего оно требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и переговлять его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ; въ первомъ случаѣ самъ произведешь разрушеніе, въ послѣднемъ не отворишь разрушенія, въ обѣихъ же самъ погибнешь. Но работая безпрестанно, неутомимо, на-ряду со временемъ, отдѣляя отъ живаго то, что оно уже омертвило, питая то, въ чемъ уже таятся зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое или уничтожишь старое обветшалое..... Однимъ словомъ, живи и давай жить; а паче всего блюди Божию правду. Но довольно. Отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлалось горою. Прощайте.

в. жуковский.

С К А З К А

О НУЖДѢ, О СЧАСТІИ И О ПРАВДѢ.

=

Гой нужда-свѣтъ, барыня горемычная! Ты ль съ босой ноги на босу ногу переступаешь, кулаки студеные продуваешь? Щець горячихъ бы и прихлебнула, — да ложки ни плошки нѣтути! А поколъ ложкою скудельною, христа-ради, гдѣ разживешься, такъ и щи давнымъ давно простыми, и собачи ихъ вылакали, горшки вылизали. Аль ты каргатица сивобокая, — отъ нужи и стужи съдина пробивается, — на лысинѣ модный тупей съ зачесомъ, на лаптяхъ снѣжокъ, а въ зобу песокъ? Чего, кумушка-вѣщунья пригорюнилась? Нето чарой зеленѣ вина кто обносилъ тебя? Нето свѣтъ-сосѣдь мимо шелъ, да некланяется? Аль ты звѣрь-чудище о семи ногахъ, что бѣда надъ нимъ прилучилася, — замѣсть хвоста у него хоботъ выросъ, а замѣсть хобота хвостъ крючкомъ? Аль зайчикомъ мохноногимъ по зарямъ прыскаешь, тушканчикомъ, табарганомъ подъ землей живешь? Нето бѣлугою сорока-пудовою, словно кулича Бѣлевская, съ боку на бокъ переваливасься? Тяжело-то оно тяжело, да крикнуть нельзя: водою глотку такъ и заливаешь тебѣ! Нужда, нужда! Кто про нужду на вѣку своемъ не слыхивалъ? И тутъ-то она, и тамъ она; и повсюду ее поминають, и всему она причинна, и всѣмъ она виновата, — а самоё, ни тутъ, ни тамъ, не увидаешь: либо нивидимкой побѣлу свѣту носится, нето затворницею гдѣ въ скитѣ сидитъ. Вѣдь не даромъ же говорится, что нужда и

по воскреснымъ днямъ постится, что нужда научить и калачи печь и Богу молиться.

Ужь не она ль, нужда, въ стужу и вьюгу зимнюю воробышкомъ сѣренькимъ подь застрѣху забивается, да сидитъ тамъ нахохлившись? Да ѣтъ! за чѣмъ же про нужду поють :

Нужда скачетъ, нужда пляшетъ,
Нужда пѣсенки поеть?

Стало-быть, она барыня веселая, — можетъ-статья и пригожая, — а чего добраго, и ласковая, стогворчивая? Опять же говорятъ: нужда послѣднюю копѣйку ребромъ катить! Стало-быть, она же и тороватая хозяйка, и проказница. Нужда свой законъ пишетъ: стало-быть, и сильна, и могуча! Нужда смекаетъ, нужду не проведешь, нужда изъ лычка кроить ремешекъ: такъ она же и досужая художница, коли не чернокнижница! Спроста изъ рогожи, не сдѣлаешь сыромятной кожи. Нужда умъ родить; нужда изъ подь Сызрани да въ Москву пѣша ходила; нужда красно баеть; нужда чутьемъ слышитъ; нужда и плачетъ припѣваючи; нужда котель грызеть; нужда горбится, нужда и прямится.....

— Да что же это за проказница? Какая такая нужда на свѣтъ живетъ? спросилъ богатый молодой баричъ любимаго стременнаго своего.

— Нужда, сударь, птица.

— Да какая же она птица, Игнашка? Гдѣ она проживаетъ, гдѣ водится? Отчего же я ее не видалъ?

— Она, сударь, не скворецъ, по барскимъ дворамъ не водится. Она отъ большихъ господъ, отъ бояръ, до поры до времени, бѣгаетъ; а случается, навяжется, такъ и не отклавнешься отъ нее, не отмолишься. Лучше и не спрашивайте, сударь, про нее: въ ней пути

мало. Она-то, случаемъ, выводитъ нашего брата годъ со днемъ босова да нагова; она и медвѣдя Смургонскаго тебѣ кланяться заставляеть; она первая по свѣту проказница, по ночамъ у мужиковъ утять таскаетъ, бѣду накликаеть, а отъ краснаго солнышка она хоронится.

Баричъ привязался къ стременному своему, къ Игнашкѣ— Покажи, да покажи нужду! хочу видѣть ее! Найди, гдѣ хочешь, веди меня куда знаешь, а покажи!

— Коли гдѣ случится мнѣ увидать ее, отвѣчалъ Игнашка, такъ покажу; а теперъ, баринъ, взять ее негдѣ. Она дается не всегда и не всякому.

И случись однажды, какъ вхалъ баричъ съ Игнашкою, — на охоту ли, съ охоты ли, — а другой взды баричу не было, — сидитъ въ лѣсу, на деревѣ, филинь. Припекло ему солнце красное очи, а слетѣть не знаетъ куда, — невидитъ. Сидитъ, да отщелкивается отъ стаи итакъ и пичугъ, которыя шьютъ и снуютъ вокругъ да около, съ крикомъ, съ шумомъ, съ плачемъ.

— Вотъ Нужда сидитъ, баринъ! сказалъ Игнашка: возьмите ее!

Баричъ пошелъ—было, да Игнашка приостановилъ его. — Пойдите, сударь: вамъ она этакъ не дастся, улетитъ. Вы мерлушечью шапку съмите, да бекешку-то скиньте, чтобъ птица не пугалась и легче было лѣзть вамъ; да разуйтесь, чтобы не слышать ей было поступи, такъ поймаете.

Жилъ былъ, гдѣ-то на барскомъ дворѣ, козелъ дармождъ: сына въ волю ему, а службы и работы нѣтъ ни какой, — развѣ только, по своей охотѣ, проводить лошадей на водопой да съ водопою. Чего бы, кажись, еще? Такъ соскучилось ему, — съ жиру и собака бьется, — пошелъ онъ съ ребятишками съ горки кататься, по льду скользить, да и выломилъ ногу. Такъ

и баричъ нашъ: нечего ему было дѣлать, — хлопотъ и работъ ни какихъ, — такъ пошелъ искать, промыслить себѣ нужды да туги.

Поймалъ баричъ птицу, слѣзъ кой-какъ съ дерева, ободрался весь, — глядь, анъ Игнашка съ лошадыми ускакалъ, а барича, босаго и нагаго, покинулъ. Баричъ кричать, баричъ гукать, баричъ аукать, — нѣтъ Игнашки, и слѣдъ простылъ! Какъ тутъ быть? Взялъ Нужду-птицу подъ мышки, самъ поплелся, проклинающая стременнаго своего, — безъ шапки, безъ шубки, босикомъ, — подувая въ кулаки, да пожимая плечами. Нужда изъ подъ Сызрани въ Москву пѣши ходила!

Такъ вотъ она, нужда, какая бываетъ! сказалъ баричъ, спознавшися съ птицею своего улова, съ которою прозябъ до мозговъ, ознобилъ ноги и руки, и едва только доплелся позднимъ вечеромъ до какой-то деревушки. Онъ постучался въ оконце, — въ другое, — въ третье, — не пускаютъ прохожаго: въ которой избѣ спать мужики, что зарѣзанные, и не достучишься ихъ, не докличешься; въ которой и проснулись знать, да не откликаются, либо не охота съ полатей на морозъ выходить, либо постою бѣятся. «Нечего дѣлать! думаетъ баричъ нашъ: надо подыматься на хитрости. Не даромъ же Нужда со мною! Да не даромъ же и про нужду, догадливую, изворотливую, столько причудъ и чудесъ въ народѣ рассказываютъ! Нужда горбится, нужда и прямится; нужда научить и калачи печь и Богу молиться!»

Онъ подошелъ къ чистой, бѣлой пѣбѣ, одухъ жильяхъ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ; взобрался тихомолкомъ на крытый драпю навѣсъ, подъ которымъ, видно, была хозяйская лавка, гдѣ торговалъ мужикъ лаптями, веревками, дугами, колесами, коврыгами, орѣхами, пряниками, — чему баричъ и догадался, потому что тутъ пахло дегтемъ, а нужда чутьемъ идетъ: влѣзъ и сталъ заглядывать въ окно. Липовый, бѣлый столъ въ кра-

сномъ углу; половина его закрыта посланцемъ узорчатымъ; свѣтецъ со свѣчкою сальнойю на столѣ; а тутъ и всякой харчъ и ѣжа, и вино, и пирогъ, и гусь жареный; а за столомъ молодая, пригожая баба; съ нею рядомъ на лавкѣ молодой парень; и они вмѣстѣ веселятся, потѣшаются, пьютъ да ѣдятъ, смѣются да пробавляются.

«Бабенка эта, подумалъ баричъ нашъ съ Нуждою подъ мышкой, въ окно глядя: бабенка эта хозяйка, — иначе она бы не подчивала гостя своего. А что онъ гость, а не хозяинъ, такъ это видно изъ того, что она подносить ему ласково и кланяется; видно и по рукавицамъ, и по бархатной шапкѣ его, которыя лежать подлѣ на лавкѣ, а не висятъ на своемъ мѣстѣ, на колкѣ. Стало-быть, хозяйина нѣтъ дома, а хозяйюшка безъ него погуливаетъ.» Нужда смѣкаетъ дѣломъ, — нужду не проведешь!

Нужда постучался посохомъ своимъ въ оконницу. Хозяйка вскочила, и спросила — Кто тамъ? — а парень чуть не подавился пирогомъ, и вылупилъ очи на окно. Нужда сказался хозяинномъ, и, оглянувшись не успѣлъ, какъ пирогъ со стола полетѣлъ въ поставецъ, вино за кивотъ на плочку, гусь въ печь, а гость подъ кутникъ, гдѣ хозяйка завалила его рѣшетами, да разнымъ хламомъ и скарбомъ, сама въ попыхахъ и суетахъ приговаривая: — Охъ, голубчикъ-свѣтъ, говорила я, что надо быть нынѣ хозяину! Натолкнулъ же лукавый на грѣхъ! Лежи жь ты, голубчикъ, самъ нишкни, авось минетъ неминучая! — Сама жь хозяйка кинулась отпирать дверь да ворота.

Той порою, — не успѣлъ Нужда соскочить съ навѣсу на свѣгъ, — глядь, сани одноконныя бѣгутъ, — только свѣгъ хруститъ, — и напрямикъ къ бѣлой избѣ о двухъ жильяхъ, — и прямо къ воротамъ досчатымъ подъ щипцомъ на высокихъ столбахъ!

— Отворяй! закричалъ рыжій мужчина съ оклади-

стою бороною, похлопывая руками и слезая съ саней. Отворяй, Кононовна! Хозяинъ прѣхаль!

И Кононовна, отвѣчая—Заразь, заразь, Сидорычъ!—уже возилась у запора. Собакъ, какъ у большой части Великороссійскихъ мужиковъ, на дворъ не было: только встревоженные свиньи хрюкали, да дюжина барановъ блеяли. Заскрыпѣли полотенца на веряхъ, и огарокъ въ рукахъ Кононовны бѣгло освѣтилъ крытый дворъ,— справа ясли, колоды, телѣги и сани, пару копей, коровушекъ, свинокъ и овецъ, — слѣва лѣснику, крылечко на рѣзныхъ столбикахъ, и чугунный умывальникъ съ двумя долгими носочками на желѣзныхъ цѣпочкахъ. Между-тѣмъ Сидорычъ, глянувъ на барича, спросилъ:

— Это кто такой подъ заборомъ стоитъ?

— Пусти, землякъ, въ избу погрѣться, духъ отвести! иззябъ совсѣмъ! отвѣчалъ Нужда. Были мы, вишь, съ бариномъ на охотъ, ѣздили по птицу да по звѣря, да настигла насъ невзгодица, кони нобили, да вотъ, вишь, холоднаго и голоднаго покинули. Пусти, землякъ, отвести душу на теплѣ!

Хлѣбосольный хозяинъ позвалъ Нужду съ собою въ избу, посадилъ у стола, и подчивалъ какъ гостя всѣмъ, что Богъ послалъ. Но Богъ послалъ на этотъ разъ чашку какихъ-то щецъ, по которымъ, какъ говорится, плетью ударишь и пузырь не вскочитъ, — да послалъ еще коврыгу хлѣба ржаного въ пять четвертей съ вершкомъ, — да и только. Хозяйка не ждала, какъ говорить, нынче хозяина, и тужила, что не изготовила ничего получше.

— А что у васъ за птица, прохожій господинъ? спросилъ хозяинъ, поглядѣвъ на толстоглазаго филина, который сидѣлъ рядомъ съ гостемъ на скамьѣ.

— Это Нужда-птица, отвѣчалъ тотъ: умная, расторопная, изворотливая, — все знаетъ, и все видитъ, — и говорить.

— И говорить? подхватилъ хозяинъ, оборотивъ ложку, и положивъ ее на столъ, да утерши ротъ изнанкою руки, да погладивъ бороду и облокотившись на край стола. Да что же она говорить? — продолжалъ онъ, когда Филинъ запыхтѣлъ и щелкнулъ носомъ.

— Такъ, она про себя бормочетъ, отвѣчалъ Нужда. Она говоритъ, что въ поставцѣ у хозяйюшки вашей есть пирогъ.

— Въ поставцѣ пирогъ? спросилъ хозяинъ, оглянувшись: есть, что ли, Кононовна? Такъ поддай!

— Да не знаю, будетъ ли! отвѣчала та. Остатки! Братъ ко мнѣ прѣзжалъ вчера, такъ я про него изготовила, да съѣли весь, — остаточки развѣ....

И подала изъ поставца початой пирогъ.

Нужда толкнулъ филина локтемъ въ бокъ: тотъ опять вымунилъ на него очи, что плошки; запыхтѣлъ, да шелкнулъ.

— А теперь, что онъ говорить изволить, честный господинъ? спросилъ удивленный хозяинъ.

— Да все свое несетъ! отвѣчалъ Нужда: говорить, что вино есть въ скляницѣ, позадь кивота.

— Есть, что ли? спросилъ хозяинъ.

— Да не знаю! отвѣчала испуганная хозяйка: вчера, признаться, было его немного, да ни-какъ все вышло.

Глянула, — и то есть! Подала на столъ его: хозяинъ молча налилъ, и надулся.

— Цыгъ, дура! сказалъ Нужда въ полголоса филину, когда этотъ опять началъ пыхтѣть: молчи! не твое дѣло!

Хозяинъ сталъ допытываться, что онъ опять говорить.

— Да онъ сказываетъ, что въ печи у васъ гусь есть.

— И гусь еще? спросилъ хозяинъ: есть, что ли? И коли нѣтъ, такъ видно, Кононовна, самому мнѣ пошарить придется. Нѣтъ ли у тебя и еще чего?

Хозяйка кинулась къ печи, отодвинула заслонъ, ахнула, и руками всплеснула.

— И гусь есть! Ну, ей же Богу, Сидорычъ, не было и не бывало! Изнать я не знаю, отколъ онъ взялся!

— Послушай, господинъ прохожій! сказалъ хозяинъ: у меня въ домъ давнымъ-давно что-то не ладно. Кабы это дѣдушка, домовой — такъ бы проказы не тѣ были: а это просто сатана, — наше мѣсто свято! Что съдомаго ни припасешь, — съѣдать изъ подъ рукъ, не знаешь кто; мучицы ли пшеничной засыплешь въ засѣку въ вѣсь и въ мѣру, — глядишь, не хватаетъ; орѣховъ ли, черносливу ли моченаго, грушеваго ли квасу поставишь въ лавочку, — все поѣдаютъ да вышиваютъ, — не знаешь на кого поклепать! Что такое это, господинъ честной?

— А коли въ домъ у васъ нечисто, отвѣчалъ Нужда, такъ виноватый скажется птицъ моей. А коли сатана, такъ выживу, съ мѣста не сходя.

— Правъ съ меня, что положишь, сказалъ дозяинъ: ничего не пожалѣю, только выведи концы наружу, да изгони нечистаго!

Нужда велѣлъ хозяину вытти. Хозяинъ въ двери, а хозяйка гостю въ ноги: — Батюшка, не выдавай! Что хочешь, проси, только не выдавай! Хозяинъ убьетъ меня!

И братъ, что вчера пріѣзжалъ да пироги повѣлъ, взмолился подъ рѣшетами, тѣмъ же голосомъ: — Хоть всего оберни, хоть разуй и раздѣнь, только душу выручи!

Нужда вытащилъ его изъ подъ кутника, велѣлъ измараться сажею, надѣть тулупъ изнанкою, рукавицы на ноги, а сапоги на руки; накрылъ ему мокитрой, что табакъ терли, голову, и, посадивъ на то же мѣсто, позвалъ хозяина, и велѣлъ ему стучать метлою по кутнику, а хозяйкѣ шарить помеломъ подъ лавками. Тутъ глядь, — сатана и выскочилъ; и хозяина-то было съ ногъ долой сбиль; и хозяйку-то напугалъ до-смерти; а самъ

въ дверь, съ крыльца, кубаремъ да прямо въ снѣгъ, о землю ударился, — тутъ и сгинулъ, и слѣдъ ему простылъ! А Нужда взялъ, для ровнаго счету, по красненькой бумажкѣ съ хозяина, и съ хозяйки, и съ гостя, съ брата ея, — и всѣмъ угодилъ, и себя не забылъ. «Ай да птица! Правда, что стѣбитъ она дорогова!»

Нужда согрѣлся, наѣлся, выпался, запряталъ три красненькія подальше, и отправился, — куда Богъ велитъ, — искать и допытываться Игнашки. На заработанныя деньги одѣлся онъ и обулся, — день, другой пожилъ, — и вѣсть опять-таки ему нечего. Не Чурилья Игуменья баричъ нашъ, а постничать выучился хоть куда!

Идетъ, идетъ онъ по дорогѣ, что чапура по прѣсной, долгой лужицѣ, — пришелъ опять на какое-то село, и видитъ — народъ собрался въ кучу, у сборной избы; старики съ длинными посохами сидятъ на завалинкѣ; передъ ними истецъ и отвѣтчикъ; крикъ, шумъ, а толку, какъ видно, мало.

— О чемъ, ребята, споръ идетъ у васъ? спросилъ Нужда: чего не порядите? У меня вѣщая птица есть, — все знаетъ, все откроетъ, — виноватаго выдастъ, и за самого чорта не постоитъ. Сказывайте, о чемъ идетъ толкъ?

— А вотъ о чемъ: мужикъ проситъ на мужика, — что онъ-де укралъ у него сиваго мерина. Отвѣтчикъ сиваго мерина привелъ, да говорить: «Лошадь моя, а не его; она у меня уже годовъ съ восемь; въ извозъ ходила, да о Спасовку пропала; коли онъ въ нее вклеивается, такъ стало-быть онъ воръ, а не я.» Теперь, какъ быть? Свидѣтелей нѣтъ, ни у того ни у другаго; истецъ недавно купилъ коня, — никто его еще не опознаетъ; отвѣтчикъ держалъ его, какъ говорить, и долго, да ходилъ съ нимъ въ извозъ, а на селѣ его то жъ никто не знаетъ. Какъ тутъ быть?

— Птица все скажетъ, отвѣчалъ Нужда, накрылъ

полою голову спорной лошади, и прикрикнувъ по бойчѣе на отвѣтника:— Коли-де ты съ меринюмъ своимъ восемь лѣтъ въ извозѣ ходилъ, такъ сказывай скоро, не запинайся, на которое око онъ кривъ?

— На правое! отвѣчалъ мужикъ не заикнувшись, справляя волосы съ лица.

Нужда откинулъ полу кафтана своего и показалъ цѣлому міру, что у мерина правой глазъ живой.

— Промолвился! кричалъ отвѣтникъ, взмахнувъ руками и кинувъ шапку о землю. Какъ Богъ святъ, промолвился! Мнѣ ли не знать сиваго мерина своего? Промолвился, ребята! Конь и о четырехъ ногахъ да спотыкается, а языкъ безъ костей, индѣ и нѣхотя свихнется. Кривъ онъ, меринъ, на лѣвос око, — ей, ей, на лѣвое!

Нужда только того и ждалъ: откинувъ всю полу, закричалъ онъ на весь міръ: — Вретъ онъ, ребята! Вретъ какъ сивой меринъ! Кривъ языкъ у него, а очи у мерина не кривы. Онъ воръ, а не хозяинъ. Меринъ глядитъ въ оба глаза не хуже насъ всѣхъ!

Коня отдали, по приговору мірскому и стариковъ, настоящему хозяину, который охотно напоилъ и накормилъ Нужду за помощь и услугу его, и подарилъ еще кой-чѣмъ въ дорогу.

Нужда собралъ пожитки свои да гостинце, — крупъ, мучицы, хлѣбца, да небольшой котелокъ, — и пошелъ далѣе. Путемъ, дорогою, отмѣривъ верстъ десятка съ полтора, захотѣлось ему погрѣться да поевъ горячаго: онъ развелъ въ чистомъ полѣ огонекъ, нагребъ въ котелокъ снѣжку, растопилъ его, вскипятилъ, — сказано, нужда учить калачи мѣсить! — засыпалъ крупъ, и заварилъ себѣ кашницу: глядь, — анъ ѣдетъ барячъ, такой-же какимъ и онъ самъ недавно былъ; ѣдетъ порошею, маликомъ, съѣзжаетъ зайца. «Дай зашутить шутку!» подумалъ Нужда; поставилъ готовую кашницу свою на пенекъ; затопталъ огонь, загребъ его снѣ-

гомь, и давай плясать въ присядку вокругъ пенька того, да приговаривать — «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ!»

— Что такое дѣлается тамъ? сказалъ баричъ ловчему, не то доѣзжаемъ своему. Скачи-ка туда, да погляди.

Ловчій воротился съ донесеніемъ, что проказникъ-де какой-то на сухомъ, мерзломъ пнѣ кашу варить. — Что за чудо! подумалъ баричъ, хоть онъ думу думать и не больно бывалъ охочь. Что за диво такое! — И подскакалъ самъ глянуть, какъ-де варится каша безъ огня, на пнѣ стоя.

Постоявъ, поглядѣвъ и отвѣдавъ кашицы нашего Нужды, сказалъ онъ — Да это предорогая вещь, въ полъ, для охоты, въ дорогъ! — и сталъ допытываться, въ чемъ тутъ сила, — въ пенькѣ ли, въ пляскѣ ли, аль въ котелкѣ, — и сталъ торговать снарядъ этотъ у проказника за большія деньги.

— Пенекъ вашъ, сказалъ ему Нужда: на вашей землѣ выросъ, его покупать нечего; а вся сила въ пляскѣ, да въ пѣснѣ, да въ котлѣ. — И продалъ его неотвязчивому барченкѣ, и научилъ его плясать въ присядку и приговаривать — «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ!» — деньги тѣ взялъ, а самъ пустился своимъ путемъ, безъ оглядки, во свояси. Много ли каши наварилъ въ котелкѣ этотъ новый хозяинъ его, не знаю: слышалъ только стороною отъ псарей да отъ конюховъ его, что замучилъ онъ и ихъ и себя, постановивъ котелокъ на пень, насыпавъ въ него крупъ, наливъ его водицей, и заставивъ всѣхъ ловчихъ и доѣзжачихъ, поочередно, выплясывать въ присядку около походной кухни своей, пѣть и приговаривать, и наплясавшись самъ вокругъ нее до упаду.

Много ли, нѣтъ ли, и Нужда нашъ прошелъ по дорогѣ, — слышитъ топотъ за собою, крикъ и скачку: догадался онъ, не долго думавъ, что новому повару, звать, котелокъ-самоваръ не полюбился, и что шлетъ

баричъ за тѣмъ кто обманулъ его, погоню. Какъ тутъ быть? Куда кинуться? А поймають, такъ отъ арапниковъ врядъ ли увернуться! Ухватилъ. Нужда хворостину, да посохъ свой дорожный; взмахнулъ ими, да и закинулъ на сосну; а самъ сълъ подлѣ дороги, кафтанъ надѣлъ изнанкой, а жилетъ свой господской сверхъ кафтана, шапку новокупку надвинулъ околышемъ на глаза, — сидитъ, ожидаетъ, что будетъ.

Не прошло и съ эстолько часу, какъ теперь, когда сказываю я вамъ, что такое передъ нами дѣлается и творится, какъ наскакалъ на Нужду нашего вершникъ доброконный, и сталъ спрашивать его, не видалъ ли онъ пѣшаго прохожаго по этой дорогѣ. Нужда отрекся отъ всего: ничего не видалъ и неслыхалъ, знать не знаетъ, вѣдать не вѣдастъ; а кланялся только низко, горько плакалъ, и просилъ милосердой помощи честнаго наѣздника: — Шло, говорилъ онъ, по дорогѣ трое школьниковъ какихъ-то; я, Богомъ убитый калека, плелся, побираясь святою милостынею, на двухъ костыляхъ; набѣжали они на меня, — прости имъ Господь согрѣшеніе ихъ; набѣжали на меня бѣднаго, юродиваго, вырвали изъ рукъ костыли мои, да и закинули, вонъ, на макушку сосну. Честной, богобоязливый, доѣзжачій, смилуйся надо мною, надъ бѣднымъ сиротою! Умереть мнѣ здѣсь голодною и холодною смертію, умереть отъ туги и нужды, коли не сотворишь богоугодное, не скинешь костылей моихъ съ сосны высокой!

Доѣзжачій проворчалъ-было просебя—Нѣкогда! Да баринъ браниться станетъ! Догонять надо вора, обманщика! — но рассчитавъ, что пѣшій отъ коннаго не уйдетъ, и что, подлинно, убогій калека пропадетъ, сгинетъ ни за грошъ, коли онъ не выручитъ его изъ бѣды такой, соскочилъ съ коня, далъ ему, нищему, поддержать его за поводъ, а самъ полѣзъ скорымъ шагомъ на сосну.

Безногой нашъ только и ждалъ того, чтобы доѣзжачій новыше на дерево взобрался; вскочилъ на коня, — катая, валяя его по крутымъ бедрамъ, влѣво и направо, вправо и влѣво, — скрылся изъ виду, покомѣ пѣшій доѣзжачій нашъ успѣлъ образумиться, оправиться и слѣзть съ высокаго дерева. «Нужда и плачетъ сжѣочись!» подумалъ баричъ нашъ, раздобывъ коня, и опознавъ родныя мѣста вокругъ себя, и рассчитавъ, что до дому уже не далеко. Теперь Нужда-птица ему уже лишняя: наскучила и надоѣла, а отвязанныя отъ него не отвязетса. Онъ станетъ, — она тутъ; онъ бѣжитъ, онъ скачетъ, — она за нимъ, на широкихъ крылахъ. Нѣтъ отбою, да и только! — Отвяжись ты, окаянная! бранился баричъ нашъ: я еду теперь домой, на сытый станъ, на мягкую постель, да на приволье, а тебя и знать не хочу! — а Нужда-птица, пощелкивая носомъ, свой разговоръ ведетъ, да не отстаетъ ни на шагъ. «Нужда умъ родить,» подумалъ баричъ: надо съ нею поуправиться!»

— Здравствуй, честный господинъ! Все ли въ добромъ здоровьѣ васъ, благодѣтеля моего, Господь сохраняетъ?

Нужда оглянулся, — несетъ судьба встрѣчу ему, по дорогѣ, на широкихъ розшивилхъ, на парѣ добрыхъ, толстоголовыхъ рыжаконъ, подѣ расписанной и рѣзбою украшенной дугою, съ бубенчиками не менѣе шести-фунтоваго ядра подѣ ушами, — несетъ стараго знаконца его, Сидорыча, блаженнаго супруга Кононовны.

— Долго послѣ вашей милости отбытія, продолжалъ Сидорычъ: долго у меня въ домѣ все было благополучно; ясно и видимо изобличалась сила благодѣтельной помощи вашей; да вотъ, нынѣ, господинъ честной, ни какъ опять кой-что проявляться стало, опять-таки не ладно, — а съ чего притча такая дѣется, не прибегнешь какъ и разуму приложить!

Слово за словомъ, не успѣвъ Сидорычъ напроситься на Нужду-птицу, какъ баричъ радъ-радешенекъ сбить ее съ рукъ, продалъ безъ слова, съ руками отдавъ, и насулилъ съ нее пути, и блага, и добра, съ три кѣроба Будеть-де она жить и служить по прежнему, выкаживать все, что ни дѣется въ домъ, и хозяина своего ни за что въ обиду не дастъ! А сколь она, Нужда-птица, была пользительна новому хозяину своему, это особая статья: довольно вамъ того, что такимъ-то изворотомъ сбывъ баричъ нашъ птицу свою, спознался, и разстался опять съ нуждою, и воротился домой, гораздо порасторопнѣе, чѣмъ выѣхалъ.

— Ну, счастье твое, Игнашка, счастливъ твой Богъ, что помаялъ ты меня не много, да судьба моя, счастье мое, по добру, по здорову, благополучно домой меня привели! Старое въ добрый часъ не поминается. Богъ тебя простить, не хочу на тебя гнѣваться! Счастье и мое и твое, Игнашка, что наше счастье, знать, поумнѣе да подогадливѣе насъ обоихъ, а то бы не бывать изъ этого добру! Аль и подлинно ужъ нужда счастье насилуетъ?

— А что такое счастье? спросилъ въ свой чередъ Игнашка у барина. Я научилъ васъ, сударь, нужду знать, покажите же вы мнѣ счастье!

Баринъ призадумался. — «Счастье убогому алтынъ, богатому миллионъ.» — А подай каждому чего просить, такъ нищій нищему за этотъ алтынъ костьюлемъ голову искостыляетъ, а богатый обанкрутитъ и самъ себя и другихъ за собой, ибо, извѣстное дѣло, что банкротятся не съ пятакомъ, а съ миллиономъ. Такъ гдѣ же тутъ послѣ этого и счастье? — «Счастье, умъ, счастье разумъ.» — Да разумъ, говорятъ, доводитъ до раздумья, умъ до безумья! — «Счастье — златомъ граненые чертоги; счастье слава и могущество. — А холера, сказалъ Игнашка, душитъ всякаго, праваго и виноватаго, убогаго и богатаго! Да еще добро задушить, а какъ ду-

гою поведеть, столбнякъ ошеломить, проказа сатанинская навалится, либо кака я нибудь нечестивая болѣзнь, прости Господи, изнасилуетъ, да сорокъ лѣтъ жить укажетъ, — тогда какъ быть? Да еще каково-то на томъ свѣтѣ доведется отвѣтъ держать, за каждую крупинку, за былинку, за грѣшный сонъ, и за думку съпросонья! Такъ гдѣ же тутъ, баринъ, счастье?... Гой ты, счастье, сударушка, невидимочка, ты скажись родомъ, племенемъ, скажись именемъ, отечествомъ! И по прозванью-цу тебя можно честить, по племени пожаловати! И съпною-то тебя называютъ; и спиной, говорятъ, ко всякойу, кто ни подойди, оборачиваешься; нужда учить, говорятъ, а счастье портить, а сами за счастьемъ, что за мухой съ обухомъ, гоняются. Гдѣ счастье, тамъ и зависть; счастья ищи, а въ могилу ложись; счастье зови, а горе терни: такъ на что же его и звать и что въ немъ толку? Глупому счастье, умному не настѣ: есть и умъ, да пустоумъ, — нѣтъ ума, да туга сума. Кому таланъ, тотъ и атаманъ; кому не поведется, у того и пѣтухъ несется. Стало-быть, ума и не надо, — было бы счастье! А опять говорятъ: счастье безъ ума дырявая сума, — гдѣ найдешь, тамъ и сгубишь. Стало, надо искать и ума? А говорятъ: не родись умень, не родись пригожь, а родись счастливъ. Счастье лучше богатства: съ рожи болванъ, а во всемъ таланъ! Есть у меня, баринъ, на примѣтъ челоуѣкъ, про котораго шла молва, что онъ заманилъ и заловилъ счастье. Хочешь ли выслушать?

— Говори, Игнатушка, молвилъ баричъ.

— Жиль-былъ въ землѣ далекой, промежь Чеховъ да Ляховъ, сказалъ Игнашка, старикъ гусларь да старуха гусларка. Гусларка на гусляхъ-то не играла, — игралъ только гусларь, — да ужъ по шерсти собачкѣ кличка бываетъ! Однако жъ и старухъ прилучилось разъ поиграть на гусляхъ, какъ полѣзла она за рѣшетомъ, да стянула рядкомъ, вмѣсто рѣше-

та, гусли съ полатей: загудѣли, сердечные, сказываютъ; вѣчную память по себѣ заплѣли, да и смолкли!

До этого грѣха, старикъ нашъ кой-какъ съ ломтя на ломоть перебивался: хотя родовое добро его, голосъ молодецкѣй, сталь хлѣтъ и подкашиваться о ту же пору, и зубы, промолловъ съ лихвою два сорока годовъ, начали крошиться и подламываться, но наживное имущество его, гусли, все-еще служили вѣрою и правдою голотемянному, бѣлобородому; утѣшали жителей села Понцихи со приселки и выселки, и кормили старичковъ и сына ихъ, Кузю безталаннаго. Но послѣ того какъ старуха, нехотя, поиграла на нихъ и въ первый и послѣдній, когда сверхъ-этого старички, живучи въ сырой, дряблой землянкѣ, захворали, то пришлось-было имъ пропадать совсѣмъ. Они сложили бритые остатки гуслей своихъ въ мѣшокъ, повѣсили его сыну, бѣдному Кузю, на шею, и послали его собирать подаваніе милосердыхъ любителей музыки. Кузя ходилъ по міру, и пѣлъ подъ оконницами :

Гляньте, загляньте въ дыряву котомку!

Дайте, подайте хлѣбца ломоть!

Тятка — гусларь, моя мама — гусларка.

Гдѣ твои гусли, бѣдный Кузя?

Гляньте, загляньте въ дыряву котомку!

Дайте, подайте хлѣбца ломоть!

Однажды, въ воскресный день, бѣдный Кузя нашъ подошелъ, позднимъ вечеромъ, подъ свѣтлое оконце брусяной, десятской избы, пропѣлъ пѣсенку свою, тряхнулъ осколышами гуслей въ мѣшкѣ, — нѣтъ отвѣту ни привѣту, — а шумъ и тары да бары въ избѣ слышатся большіе! Подошелъ Кузя поближе, вплоть подъ окно; глянулъ, — сидятъ бабы; прислушался, — идутъ у нихъ толки о нечистой силѣ да о Кіевскихъ вѣдьмахъ. Всего, что бѣдный Кузя подслушалъ у окна пересказывать не стоитъ. — Бабы дуры! подумалъ онъ, и самъ, какъ отошелъ, и затянулъ ту же пѣсню свою подъ другимъ окномъ. — Кто бабъ повѣ-

рить, и трехъ дней не прожить! — Но у него долго не выходило изъ головы, какъ бабы клялись и божились, что, коли кто чары творить, да зажать въ это время пальцемъ сучокъ въ стѣнѣ бревенчатой избы, то пересилишь его; да еще, что въдьму, знахаря, колдуна и всякаго, кто только спознался да живетъ съ нечистой силой, можно пригвоздить къ мѣсту и покорить себѣ на животъ и на смерть, коли приколоть булавкой тѣнь его къ землѣ или къ стѣнѣ: бѣдняга пропасть тогда, и съ нечистымъ своимъ! будетъ моргать очами, да повертываться, что на колу, и наконецъ взмолится — *Амань!* — передъ булавкой твоей, какъ Турокъ невѣрный передъ Русскимъ штыкомъ.

Бѣдный Кузя рылся однажды въ золь, въ сору и въ навозъ, собирая кости, которыл онъ жегъ и продавалъ на ваксу и на разныя снадобья какому-то засъвшему въ ближнемъ уѣздномъ городѣ осколышу великой арміи, учителю и воспитателю, и досужему дѣлателью ваксы и помады, — какъ вдругъ къ нему, къ Кузю, подошелъ, отколь ни взялся, Цыганъ ли, Татаринъ ли какой-то; поглядѣлъ на него и присмѣлъ на кучу навоза, будто хотѣлъ стеречи ее отъ суковатой клюки бѣднаго Кузи. Кузя поглядѣлъ на него наискось, продолжалъ разгребать соръ поодаль отъ него, и скоро замѣтилъ, что новый сторожъ, на сору сидючи, задремалъ.

— Кто это? спросилъ тогда Кузя тихонько шальную Мотрю, которая пасла телятъ и свиней.

— Неужли ты этой собаки не знаешь? сказала Мотря шальная: это Будунтай, чортовъ пай, извѣстный переметчикъ. Онъ въ Вяткѣ барсукомъ изъ норы выльзъ, въ свояки семи шаманамъ Сибирскимъ приписался, подъ Чудовымъ въ козла оборотился, въ Вологдѣ свѣчей подавился, — да кабы Казанскіе Татары не сняли съ него шкуры на сафьянъ, такъ бы и свѣтильня за нимъ пропала! Онъ перекинулся въ тройку

бьгуновъ, — а изъ нихъ двѣ лошаденки бѣлыя, а одна голая, — да и ушелъ на три стороны: ищи его! Вотъ онъ за что слыветь у насъ переметчикомъ, что перекидывается, собака, во что ни задумаетъ!

Бѣдный Кузя оглянулся на Будунтая, испугавшись голосистаго крика шальной Мотри, — а уже Будунтая нѣтъ! На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, лежить только камень: а камня того, кажись, прежде не было! Кузя застрогалъ деревянную шпильку, продрался къ камню противъ солнца, и приколомъ тѣнь камня того къ земль. — Что то будетъ? подумалъ онъ. — Долго камень лежалъ, отмалчивался, а Кузя сталъ разгребать подъ нимъ кучу навоза. Тогда гольшъ не утерпѣлъ: онъ перекинулся Пошехонцемъ, въ поршняхъ, въ зипушъ, съ берестовой котомкой за плечами, и началъ просить Кузю, чтобы онъ не ругался надъ бѣднымъ, бездомнымъ поденщикомъ, чтобы не подрывался подъ него суковатою клюкою, и чтобы вынулъ колочекъ, на который легко можно и скотинъ, и прохожему человѣку, заступить и напороть ногу. Тогда Кузя нашъ догадался, что Будунтай не даромъ о комокъ хлопочеть; не вынулъ его, доколъ тотъ не посулилъ ему за волю свою любовь.

— Сокрушилъ меня, злодѣй! проси чего хочешь! сказалъ наконецъ Будунтай въ крайнемъ отчаяннн, снялъ шапку и отеръ потъ съ чела полотенцемъ, съ алыми шитками, да со Владимірскими городочками.

— Выучи меня своему досужеству! просилъ бѣдный Кузя.

— Изволь, отвѣчалъ Будунтай: отпусти же меня!

— Вреть! обманеть, въ лѣсъ уидеть! приговаривала шальная Мотря.

— Дай задатокъ, сказалъ Кузя: мужикъ тонеть, топоръ сулить; вытащать, и топорища жаль.

Будунтай разгребъ, не вставая съ мѣста, подъ собою кучу, досталъ горсть алтына-золота, и высыпалъ его Кузѣ въ котомку.

— Вреть! обманеть, въ лѣсъ уйдеть! приговаривала опять Мотря.

— Все это хорошо, сказалъ Кузя: да этого мало; надо мнѣ тебя затаврить, чтобы ты не ушелъ, да окарнать, для примѣты, одно ухо. Пой пѣсни, хоть тресни, а безъ помѣты не пушу!

Будунтай переметчикъ сталъ молиться и браниться по своему, по-Вятски: — Чего тамы¹ наторащилъ на меня? Чтобъ тебя комуха² въ ромухъ³ свернула! чтобъ тебя, уроса⁴, въ вищу⁵ изсушило, да шоры⁶ и сальки⁷ пупочки съ тебя посклевали! Бери ножъ, сказалъ онъ наконецъ, да рѣжь ухо!

— Нѣтъ у меня ножа, отвѣчалъ Кузя: доставай свой; нето зубомъ грызть стану.

Будунтай снялъ съ пояса складной ножъ, раскинулъ его, подалъ Кузю и поставилъ правое ухо.

— Лѣвое давай, собака! сказалъ Кузя. Не даромъ что-то ты его отворачиваешь!

Будунтай поставилъ и лѣвое. Кузя ухватилъ ухо, перегнулъ его, какъ сгибають сапожный товаръ, когда клюшву выкраивають, вырѣзалъ ускорнячокъ угломъ, положилъ иверень, лоскуть, въ котомку, гдѣ лежали гусли, и выдернулъ изъ земли колышекъ. Будунтай только крикнулъ, всталъ, стряхнулся, въ чернаго пѣтуха обернулся, и приказалъ Кузю придти въ самую полночь за село на распутье, гдѣ дороги разбѣгаются, въ лѣсъ, на водопой въ болото, да на кладбище; самъ взмахнулъ крыльями, перекинулся рябой сорокой, и полетѣлъ, поджимая перелетомъ крылышки подъ мышку,— пошелъ прямо, что изъ лука стрѣла.

Бѣдный Кузя пришелъ домой, высypалъ старикамъ своимъ пригорсть золота; сказалъ, что богатый

¹ Глаза. ² Лихорадка. ³ Тряпница. ⁴ Упрямецъ. Это испорченное Урусъ, Русскій. ⁵ Хворостина. ⁶ Индѣйки ⁷ Цыпята.

человѣкъ беретъ его во услуженіе и въ ученіе и прислалъ имъ задатокъ. Старикъ потужили, и порадовались, сынъ покинулъ имъ оставшіе гусли, и пошелъ въ полночь на перепутье.

Прислонившись къ верстовому столбу, прождалъ онъ за полночь; но видя, что Будунтай неидетъ, сказалъ про себя:—Не даромъ видно Мотря честила тебя, видно знаетъ дружка! Ну, да меня теперь не обманешь и въ лѣсъ не уйдешь! — самъ вынулъ ухо Будунтая и укусилъ его зубами. Столбъ, у котораго стоялъ бѣдный Кузя, взвизнулъ по-верблюжьи, и закачался. Кузя отскочилъ въ сторону, поглядѣлъ на верстовой столбъ.

— Кой чортъ! Ты что ли это, Будунтай!?

— Я. Да за что же ты кусаешься, знакомъ? сказалъ троерябый столбъ. Пойдемъ, что съ тобой дѣлать! Пойдемъ ко мнѣ въ науку. Да только, гляди: теперь ты мнѣ слуга, доколѣ не выучишься всему досужеству моему, отъ аза до ижицы.

— А тамъ что, спросилъ Кузя, какъ выучусь?

— А тамъ, отвѣчалъ Будунтай, на свой пай самъ промышляй: беркутъ пискленка кормить, а орла не кормить.

Будунтай взялъ его, и продержалъ въ наукъ довольно долгое время. Какъ онъ училъ его своему досужеству? Да вотъ такъ: выдернетъ у него руки, ноги, самого въ комъ свернетъ, — вотъ вамъ качанъ капусты; засунетъ ему руку въ глотку, по самое плечо, ухватитъ тамъ за что попало, да и вывернетъ наизнанку, — вотъ вамъ ни то, ни се, ни чортъ-знать что. Такое ученье бѣдному Кузю наскучило и надоѣло, и онъ сталъ проситься домой, увѣряя, что онъ уже всему научился. Будунтай переметчикъ позвалъ стариковъ, родителей его, вывелъ имъ трехъ коней и спросилъ: — Который вашъ сынъ? — Старикъ поглядѣлъ и указалъ на-удачу, среднюю лошадь. — Нѣтъ!

отвѣчалъ Будунтай: знать, сынъ твой не доучился. Поди, и приходи черезъ полгода.

Ждать полгода долго, страхъ долго; а между тѣмъ, оглянись назадъ, — его уже и нѣтъ!

Старикъ пришелъ въ срокъ, и Кузя какъ-то тихо-молкомъ шепнулъ ему, чтобы онъ указалъ на ту лошадь, которая будетъ вертѣть хвостомъ. Но Будунтай вывелъ ему трехъ куцыхъ куропатокъ, и велѣлъ узнавать сына. Старикъ указалъ опять на какую попало, и не угадалъ. Кузя извѣстилъ отца, что въ слѣдующій разъ будетъ опрaвлять носомъ перышки на шейкъ, а Будунтай вывелъ опять трехъ коней. Средній махнулъ хвостомъ, старикъ его узналъ и получилъ выученнаго сына домой.

— Возьми его, сказалъ переметчикъ Будунтай, и слушай: береги его какъ свое; а если понадобится тебѣ деньги, то вели сыну оборотиться въ коня, веди на базаръ и продавай; да только, смотри, уздечки съ него не отдавай, а продавши его, сыми ее, да и носи домой, — такъ и онъ дома будетъ.

Колдунъ вскочилъ на одного коня, на мерина чалаго, махнулъ рукой и пропалъ, а двѣ остальные оборотились въ людей, — рыжая кобыла въ шальную Мотрю, а вороной жеребчикъ въ Кузю безталаннаго.

Старикъ пришелъ съ сыномъ домой, дождался торговаго дня. Кузя оборотился конемъ, отецъ повелъ его на базаръ, продалъ, накупилъ сладкаго и горькаго, квашенаго и соленаго, — а онъ держался Русской поговорки: пей кисло, да ѣшь солono, такъ и на томъ свѣтѣ не сгниешь, — накупивши, пошелъ домой, а сынъ его, Кузя безталанный, дорогою его нагналъ, и они опять оба вмѣстѣ, весело и радостно, какъ ни въ чемъ не бывало, воротились домой.

А ушелъ нашъ Кузя отъ новаго хозяина своего вотъ какимъ дѣломъ. Ржевскій мѣщанинъ, барыш-

никъ, обѣщавшій женѣ своей привезти гостинца, коли она безъ него порядочно подобрѣтъ да разстолстѣтъ, и прїѣхавшій на тотъ базаръ за покупкою лошадей, чтобы гнать ихъ на Лебедянскую ярмарку, сторговалъ и купилъ у старика гусяра караковаго коня, четырехъ лѣтъ, трехъ съ половиною вершковъ, безъ тавра и безъ примѣтъ; поспорилъ-было съ хозяиномъ за то, что онъ, заупрямившись, не хотѣлъ передать ему, какъ водится, поводъ новокупки изъ помы въ полу, да еще и снялъ съ нее вопреки всякаго обычая недоуздокъ, — а извѣстно, что корова покупается съ подошникомъ, конь съ недоуздомъ, — но наконецъ, чтобы не упустить сходной покупки, на все согласился, и заплатилъ гусяру деньги. Не успѣлъ этотъ отойти, а Ржевскій барышникъ оглянуться на бойкую, голосистую торговку, съ которой молодой калмыцкїй жеребчикъ стянулъ зубами головной платокъ, какъ народъ, обступивъ нашего ротозея коновала, сталъ хохотать и указывать на него пальцами. Ржевскїй мѣщанинъ оглянулся назадъ, — у него въ поводу не конь, а человекъ. Что тутъ было шуму, крику, брани, божбы и смѣху! Весь базаръ разходился: казаки отняли у рыжаго коновала бѣднаго Кузю, этого отпустили, а того прозвали полумнымъ. Но это не все, а была еще потѣха вотъ какая: Крымскїй Цыганъ, подкочевавшїй на базаръ съ походною кузней и увидѣвшїй что приключилось со Ржевскимъ коноваломъ, рассудилъ, что Кузькино ремесло не плохой хлѣбъ, и что не худо бы попытаться перенять у него доброе дѣло. Загадано, сдѣлано. Цыганъ продалъ тому же барышнику клячонку свою, а потомъ укралъ ее у него же изъ рукъ, передалъ товарищу, и самъ надѣлъ на себя недоуздокъ. Когда барышникъ нашъ оглянулся, и снова увидѣлъ, что ведетъ въ поводу не коня, а живаго человека, смурого цыгана, то плюнулъ, кинулъ поводъ, перекрестилъ

ся, прочель — «Съ нами крестная сила» и «Помилуй мя, Господи,» — увхаль съ базару, и съ тѣхъ поръ въ Черкаскъ болѣе ни ногой. Ну его, рыжаго, къ семи Семіонамъ! Обойдемся и безъ барышниковъ: только, окаинные, цѣны портятъ; съ чужаго добра сбиваютъ, на свое наносятъ, да набиваютъ, а проку въ нихъ ни на волосъ.

Едва дождавшись другаго базарнаго дня, гуслляръ нашъ опять вывелъ лошаденку на продажу. На грѣхъ навязался какой-то шестипалой проиодоха, подпоялъ нашего старика, закидалъ лясами, да подпустилъ турусы на колесахъ, — купилъ у пьянаго гусляра коня, и увелъ его совсѣмъ, и съ недоуздомъ. Старикъ пришелъ домой, проспался, — да ожидаетъ сына своего чуть ли не понынѣ!

На этотъ разъ купилъ Кузю безталаннаго самъ Будунтай. Первымъ дѣломъ его было отрѣзать у новопушки лѣвое ухо и тѣмъ вынудить Кузю отдать, выкупомъ за него, нверень Будунтаева уха: отнынѣ Кузя, хотя и былъ, попрежнему, мастеромъ науки, въ которой онъ на выучкѣ у Будунтая искусился, но уже не имѣлъ власти надъ учителемъ своимъ, а долженъ былъ ему покориться.

Будунтай, изморивши коня новокупленнаго до бѣла мыла и задавши на немъ концевъ десятокъ пѣго-роду, прыскакалъ домой, — а домъ у него стоялъ на семи столбахъ въ чистомъ полѣ невидимкою, — и привязалъ лошадь подлѣ тыну. Кузя безталаннѣйшій знать наострился: только-что Будунтай въ избу, а онъ, ну чесаться щекою, задравъ голову къ верху; задѣлъ недоуздомъ за колъ плетня, да и стащилъ его долой съ головы, черезъ уши. Мальчишка, сынъ Будунтая, увидѣлъ это, на дворъ стоя, и побѣжалъ сказать отцу. Тотъ, выскочивъ, пустился въ погоню за конемъ. И тутъ-то пошла потѣха: Кузя, видя, что лютѣйшій барсъ его нагоняетъ, ударился объ землю, перекинулся бѣ-

лымъ кречетомъ и взмылъ надъ утесистымъ берегомъ рѣки. Будунтай ударилъ на него сизымъ беркутомъ. Кузя ринулся клубомъ объ берегъ, перекинулся пискаремъ, и соскочилъ въ воду. Будунтай, не измѣняя направленія полета своего, стрѣлою за нимъ грянулся объ воду, распласталъ высокій валъ на двое, и щучкою зубастой сълъ на хвостъ мелькавшаго серебряной чешуйкой пискарика. Кузя, бѣдняга, вынырнулъ стрѣлою изъ воды, сдѣлалъ, собравшись съ послѣдними силами, скачокъ въ маховую сажень, обернулся въ золотое колечко и подкатился подъ ноги, гулявшей на муравкѣ жобережной, дочери владѣльца той земли. Княжна подхватила колечко, надѣла его на пальчикъ, и съ удивленіемъ оглядывалась вокругъ. Будунтай, вынырнувъ гусемъ лапчатымъ изъ воды, выплылъ на берегъ, отряхнулся, оборотился въ купца Кашемирскаго, подошелъ къ княжнѣ, и просилъ убѣдительно отдать ему потерянное имъ колечко. Княжна испугалась черной густой бороды и соколиныхъ карихъ очей да насупленныхъ бровей и огромной чалмы Кашемирца; закричала, и прижала колечко ко груди своей; приспѣшницы набѣжали, окружили младую княжну свою, кинулись всѣ на неотступнаго бородача, и начали его щекотать безъ пощады, до того, что старрй чортъ хохоталъ, кашлялъ и плакалъ и чихалъ, лягался ногами и руками, снопомъ овсянымъ по муравкѣ катался, и все-таки хохоталъ уже хриплымъ, страшнымъ голосомъ. Наконецъ онъ опомнился, мигомъ оборотился въ ежа, отъ котораго дѣвушки, уколовъ алые пальчики свои, чуть-ли не до крови, съ крикомъ отскочили. Пастухъ, прибѣжавшій на крикъ, взмахнулъ долгимъ посохомъ своимъ, и ударилъ свернувшася тугимъ клубомъ ежа: ежъ разсыпался калеными орѣхами; запрыгали орѣшки по землѣ, а дѣвки кинулись ихъ подбирать, — да съ крикомъ отскочили, побросали захваченные въ ручки орѣшки: это были раска-

ленные ядрышки, гасыши,— и барышни пообжигали себѣ пальчики.

Княжна показала царственнымъ родителямъ своимъ ненаглядное колечко свое, испросила позволеніе любить его и не сымать съ пальчика своего. Лишь только осталась она одна, какъ начала играть колечкомъ: она надѣла его на тонкій платочикъ, и, забавляясь, перепускала, покачивая платочкомъ, отъ конца до конца, черезъ весь платокъ; колечко упало, покатилося, разсыпалось,—и казакъ молодецкая душа, Кузя безталанный, стоитъ передъ княжною. Онъ убрался на этотъ разъ въ малиновый бархатъ да въ тонкое синее сукно. Никто въ палатахъ царскихъ не слышалъ разговоровъ его, а княжна вышла ко браному столу, и грустна и радостна, и съ колечкомъ на рукѣ. Она сказала только батюшкѣ, что сегодня, навѣрное опять явится тотъ страшный купецъ, Кашемирская борода, и будетъ просить выдачи колечка, и умоляла не лишать ее этого сокровища. Но, когда дѣйствительно ввечеру явился купецъ, у котораго все-еще не прошла икота, послѣ намеднишняго смѣху; когда пришелъ Кашемирецъ, за потеряннѣмъ будто-бы на берегу рѣки колечкомъ, то царь-отецъ позвалъ дочь свою и приказалъ отдать купцу собственность его. Княжна отвѣчала, что повинуется родителю своему, но не можетъ передать мужчинѣ колечка въ руки,—по этому и кинула его наполь.—Пусть не прогнѣвается, самъ подыметъ!—Но колечко разсыпалось мелкимъ жемчугомъ. Купецъ стряхнулся, перекинулся чернымъ пѣтухомъ, и началъ проворно подбирать жемчужинки: подобравъ мигомъ весь, взлетѣлъ онъ, захопалъ крыльями, и, закричавъ,—Кузя, гдѣ ты?—выпорхнулъ-было въ окно. Но княжна, кинувъ колечко, уронила въ то же время, будто невзначай, платокъ свой, и прикрыла имъ одну, самую крупную жемчужину. Она выкатилась изъ-подъ платка, отвѣчала на вопросъ пѣтуха—А я здѣсь!—ри-

нулась соколомъ изъ окна: грянулъ соколъ съналету, только шикнувъ крыльями по воздуху, — грянулъ клубомъ въ чернаго пѣтуха; подпоролъ ему ногтемъ жилку подъ лѣвымъ крыломъ, и упалъ пѣтухъ замертво въ широкой токъ, и понесло его волной внизъ по рѣкѣ, по зеленой по водѣ. Подрѣзанное лѣвое крыло вскинуло и подняло вѣтромъ, и черное крыло парусило туда же по пути, внизъ по рѣкѣ. Соколъ взмылъ подъ теремомъ царскимъ, вспорхнулъ въ широкое окно, съѣлъ на руку княжны своей, и поглядывалъ на нее ясными очами. Въ это мгновеніе черный пѣтухъ испустилъ дыханіе свое, а ясный соколъ спорхнулъ на полъ и предсталъ въ томъ же видѣ, какъ колечко, давича, передъ княжною. Со смертію Будунтая, Кузя безталанный лишился силы и умѣнья перекидываться и принимать иной образъ, — да и не тужилъ отомъ: живучи въ довольствѣ и въ богатствѣ съ супругою своею, бывшею княжною Милоликою, вскорѣ наслѣдовалъ престолъ царскій, жилъ да княжилъ, правилъ да рядилъ, солоно ѣлъ, да кисло пилъ. — Вотъ вамъ, баринъ, образъ счастья! Такъ судьба ломаетъ людей, которые добиваются у ней денегъ и значенія: словно Будунтай съ безталаннымъ Кузей, — выдернетъ руки, ноги, — кого въ комъ свернетъ, — кому засунетъ руку въ горло, ухватить внутри за что попало, да и вывернетъ его на изнанку. Хорошо; кто выдержитъ такое ученье, и дойдетъ до того, что самъ сдѣлается переметчикомъ, будетъ умѣть прикидываться то верховою лошадыю, то пискаремъ, то золотымъ колечкомъ, либо разсыпаться подъ ногами мелкимъ жемчугомъ, увертываться отъ коварной учительницы, судьбы, которая, испытавъ или прогнѣвавшись, станетъ преслѣдовать своего воспитанника: да и тутъ еще нужно, чтобы княжна Милолика прикрыла молодца своимъ платочкомъ! Ну, а тотъ, кто не выдержитъ?... Надо быть счастливымъ, чтобъ добиваться счастья! Счастливый

на обѣдъ, роковой подь обухъ! Счастливыи о-дву-конь, безсчастныи пивъ и босъ.

— Со счастиемъ и по грибы ходить, сказалъ баричъ: такъ стало быть съ нимъ ужиться можно?

— Да счастье съ несчастьемъ дворъ-обо-дворъ живуть, на одномъ конь ѣздить. Счастью не вѣрь: счастье дымъ,—очи выѣсть. Счастье чадь,—головушку разломить. Счастье, да трастье, кого захочеть, того и ломаетъ. Счастье къ тебѣ, а ты отъ него; голый на Бога плачется, богатый на свое платье. Да кто же оно, счастье это? Счастье тать ночной; счастье миръ святой. Тфу, пропасть!....

Нѣтъ! счастье, сказывалъ мнѣ мудрецъ восточныи, не слѣпо: у него только глазъ одинъ, да и тотъ на самомъ темени, на маковкѣ. Это бѣдная мать, утратившая со времянь незапамятныхъ единое дѣтище свое: она летаетъ быстро по землѣ ловить наудачу всякаго, кто только подь руки попадетъ, — понашему, играетъ, въ жмурки; а кого поймаетъ, того приподымаетъ помалу, потихоньку, выше и выше,—а какъ только вознесетъ выше головы своей, да разглядить, да увидетьъ, что онъ не любимое его дѣтище, а несчастливый, ей чужой, того и перекидаетъ его торчмя головой черезъ себя,—хоть его тутъ, пожалуй, кто хочеть въ ноги топчи,—хоть себя шею выломи, летить сама дальше и не оглядывается!

Баричъ нашъ, призадумавшись, хотѣлъ-было итти искать счастья, спознаться съ нимъ, какъ спознался съ нуждою.—Хочу видѣть его, говорилъ онъ: хочу самъ извѣдать, каково оно, и какъ съ нимъ обживаются, какъ встрѣчаются.

— Пстой, баричъ, сказалъ Игнашка: погоди. За счастьемъ пойдешь, а Богъ-вѣсть что найдешь. Не наткнуться бы опять на нужду! Помнишь ли притчу про царя восточнаго, у котораго была дочь при смерти? Доктора сказали, что одно спасеніе отыскать счастли-

ваго человекѣка и падѣтъ на больную его рубашку. Искали такого человекѣка по всему царству; наконецъ нашли, и привели къ постели больной; да когда спросили о рубахѣ, нашлось, что у блаженнаго счастливица не было сорочки подъ кафтаномъ. Онъ былъ бѣднякъ, и сказывался счастливымъ! Онъ обладалъ счастьемъ, не обладая рубахой. Теперь разгадывайте-ка бобами, что оно такое. Въ потѣхахъ, не оно; въ изобилии не оно. А гдѣ, въ чемъ оно? Этотъ блаженный голышъ не сказалъ; да, чай, и не могъ сказать. Доволенъ судьбою! говорить онъ: ничего мнѣ не надо!... А другіе говорятъ, баринъ, такъ гдѣ правда, тамъ и счастье.

— Правда? А что такое правда? Это что за звѣрь? Птица или рыба?

— Что такое на свѣтѣ правда? Правда вещь совсѣмъ другая: это ни нужда, ни счастье, и не имѣ чета, ни же ровня. Правда мірская, — это вещь потышная! Правда — свѣтлѣе солнца; что правда, то не грѣхъ: да за чѣмъ же правдатлаза колетъ? Правдою жить, съ людьми не знаться; неправдою жить, Бога прогнѣвить: какъ тутъ быть? Стой за правду горой, и Богъ съ тобой; знай Бога, да сказывай правду; кто правдой живеть, тому хорошо: это бы и ладно, да говорятъ — правда по міру ходить! Говорить правду, терять дружбу: а безъ друга жить, самому себѣ постылымъ быть. А это ужъ не ладно! Говорятъ: хлѣбъ ѣшь, а правду рѣжь; говорятъ и такъ: хлѣбъ рѣжь, а правду ѣшь, то есть, самъ глотай, да про себя и знай. Да опять и то сказать, ино правду говорить большому человекѣку, не легче жи: и правдою ину пору подавишься. Сказываютъ, — все на свѣтѣ сгинеть, одна правда останется: да куда же она гѣдится, правда эта? Сами жѣ говорите вы: правда къ добру не доведеть; правдою не обуешься, сытъ не будешь; опять же говорите вы: въ комъ честь, въ томъ и правда. А не вы ли сказывали намедни: глупый да малый говорятъ

правду? Какая же честь, скажите, въ глупомъ да въ маломъ? Грекъ, Жидъ да Армянинъ, скажутъ правду по одному разу въ годъ. Это что? Да развѣ они живутъ хуже нашего? Или они вѣрятъ тому, что сильна правда, да деньга сильнѣй? Такъ за что же, коли такъ, говорится: насыпь правду золотомъ, а она всплыветъ; дороги твои сорокъ соболей, а на правду цѣны нѣтъ? А на что опять вы жъ говорите: хороша правда, годится и ложь? Это что? Или вотъ это: на правду не много словъ пойдетъ; и твоя правда, и моя правда? Все на свѣтъ правда да правда: когда же она, правда эта, вся вымелется? Живи правдой въ людяхъ, живи правдой дома; а между-тѣмъ — не всякую правду женѣ сказывай. Не солгать, такъ и правды не молвить; не будь лжи, не стало бы и правды; умная ложь лучше наглой правды: стало-быть учите вы лгать насъ, сами? А соври кто, хоть одинъ разъ на вѣку своемъ, такъ вы тотчасъ готовы подыскаться поговорочками: кто-де единожды на вѣку своемъ совреть, тотъ вѣку безъ другой неправды не доживетъ; отъ лжи не мрутъ, да впередъ ей вѣры неимутъ! Да коли стародавніе пророки померли, а новые правды не сказываютъ, такъ тогда какъ быть? А между-тѣмъ, что ни говори, а правда надобна; безъ правды вѣку не изживешь: такъ гдѣ же она, правда эта, и гдѣ ее взять? И какая это правда, которая на свѣтъ надобна, безъ которой вѣку изжить нельзя? Эта правда вещь потѣшная.

Жилъ былъ, въ землѣ далекой, иноязычный, ино-вѣрческій пастырь духовный, по-нашему Нѣмецкій попъ. Онъ славился на весь міръ правдою и благочестіемъ и самъ хвалился повседневно, что терпитъ напраслину за одну только правду: а онъ былъ убогъ и скуденъ до крайности.

Однажды, взяло его горе тугое и раздумье бѣдовое. Плачусь я, говорить, Богу: Богъ не слышитъ. Плачусь людямъ: люди вѣры неимутъ, — а голодъ не угарь,

отъ него не переможешься. Что я буду дѣлать, и какъ мнѣ быть? По міру ходить, съ котомкой, грѣшно, да и не велятъ; молотить за хлѣбъ насущный силъ нѣту, дѣло непривычное, жизнь моя духовная, а не тѣлесная. Взаимы взять — никто не даетъ; а дома пропаду я и самъ, замерзнуть да вымрутъ голодомъ и холодомъ ребятишки и дѣтки мои, коли Господь Богъ не смилуется!»

Такъ разсуждалъ, окропивъ черствую краюху хлѣбца горючими слезами, иновѣрческій пастырь, какъ вошелъ къ нему зажиточный мужикъ, перекрестился, поклонился, подошелъ подъ благословенье, и звалъ окрестить новорожденного; другой вошелъ, — хочетъ дочь подъ вѣнецъ вести; третій пришелъ, съ заплаканными очами, — зоветъ хоронить отца. Пастырь произнесъ теплое моленіе къ небесамъ: знать сжалился Господь, послалъ ему за правду его много-ли мало-ли хлѣба насущнаго!

Заморскій отецъ духовный радовался заранѣе, что благодарные міряне надѣлать его нужнымъ, не дадутъ умереть съ голоду. Но думай да гадай, а конца поджидай: на крестинахъ поднесъ ему Нѣмецкій кумъ Нѣмецкихъ лыковыхъ лаптей пару; за вѣнецъ насыпали ему, въ берестовый кошель, смородины да лѣсной малины; а на похоронахъ медомъ напоили, кутьей накормили, да съ тѣмъ и домой спустили. — Не хочужить! сказалъ горемыка. Мнѣ ли домой показаться опять ни съ чѣмъ, и плачь и жалобу слушать споконъвѣку одну и ту же, жалобу горькую, — Хлѣба нѣтъ? Мнѣ ли пропадать и высыхать по каплѣ, что дуплястое дерево, безъ радости, безъ утѣхъ, безъ хлѣба, съ одною правдою?

Пошелъ; дождался ночи; и съ твердою рѣшимостью вышелъ на ростоць побережную, на крутояръ, и видить, — идетъ къ нему, въ тѣни ночной, бѣлобородый старецъ.

— Что дѣлаешь отецъ? спросилъ онъ пастыря.

Отецъ повѣдалъ старцу все, отъ аза до ижицы: вы знаете, что этотъ иновѣрческій іерей любилъ правду. Онъ не утаилъ ни чего; во всемъ признался, что на исповѣди; держалъ отвѣтъ какъ передъ Богомъ.

— Не топись, сказалъ ему старикъ: смерть отъ тебя не уйдетъ, ни же ты отъ нея. И я такой же, какъ и ты, бобыль: станемъ горе мыкать пополамъ. У меня за пазухой ржаная лепешка: уломимъ ее на-полы, что тебѣ, что мнѣ, поровну, да и пойдемъ, куда Господь поведетъ. Утро вечера мудренѣе!

Шли, шли они вмѣстѣ, не день и не два. Старикъ, что заря, что сумерки изъ-за пазухи лепешку тащить, и дѣлить пополамъ. Наконецъ,—не житницы жь Египетскія у старика за пазухою!—ложатся они въ чистомъ полѣ спать: старикъ и досталъ было лепешку, да положилъ опять назадъ.—Послѣдняя, говоритъ: только одна и осталась; ужъ лучше мы на утро ее схоронимъ да и подѣлимся.—Утро красное возшло, старикъ проснулся, Богу помолился.—Ну, говоритъ, одно сумъ, давай подѣлимъ теперь послѣднюю лепешку свою!—Хвать, анъ ея ужъ и нѣтъ!

— Батъка! сказалъ старикъ: ты съѣлъ лепешку?

Нашъ батъка крестится и божится по-Нѣмецки, на чемъ свѣтъ стоитъ: зарекается,— Не я!—Ну, ладно! говоритъ старикъ: не ты, такъ не ты; пойдемъ дальше. Право слово великое: я ему вѣрю и безъ божбы.—Шли, шли они опять, съ утра до поздней ночи. Нѣмецъ голодомъ изнылъ.—Нѣтъ силъ! говоритъ: издохну здѣсь на мѣстѣ.

Старикъ ползъ за пазуху, нашелъ еще лепешку,—а попутчикъ его рукой за нею тянется, да ужъ и слова не вымолвить: уморился на смерть!—Ты, что ли, съѣлъ лепешку? Такъ сказывай: я не взыщу, не бось!—Чтобъ мнѣ на мѣстѣ тутъ же растянуться, коли я! отвѣчалъ тотъ: я безъ вѣдома твоего и крохи насущной

не подбиралъ! — Ну, не ты, такъ ладно! Вотъ тебѣ половина лепешки моей.

И шли они опять, подновивъ силы свои, поколѣ не дошли до рѣки. Старикъ, подобравъ ризы свои по колѣни, пошелъ въ бродъ. Нѣмецъ за нимъ, — и вдругъ началъ тонуть. Захлебываясь и задыхаясь, боролся онъ съ мокрою смертію, и молилъ старика о помощи. — Ты, что ли, съѣлъ лепешку? спросилъ опять старикъ, и снова началъ спутникъ его заклинаться всѣми святыми своей земли, и отрекаться отъ лепешки. — Не ты, такъ не ты! сказалъ старикъ, подалъ ему руку, вытащилъ его, и свелъ за собою на сухой берегъ.

Къ ночи залегли они въ солому, къ мужику на токъ; развели огонекъ, и стали сушиться. Не успѣли они заснуть, какъ пламень обнялъ ихъ со всѣхъ сторонъ: кругомъ ихъ стлался огонь, и дымъ, и жупель, и, съ трескомъ приближаясь, смыкала, пламенною ужицею своею, роковой кругъ тѣсны и тѣсны. Старикъ толкнулъ, и разбудилъ товарища; онъ вскочилъ, и, заламывая пальцы, прощался съ жизнью: лютый огонь пожиралъ уже ризы его. — Не ты ли, отецъ, съѣлъ намѣдни общую нашу лепешку? — Не я! отвѣчалъ Нѣмецъ: отходя отъ міра сего въ царствіе вѣчное, завѣщаю тебѣ, благодѣтелю моему, слово правды: не я! — Коли такъ, сказалъ старикъ, Господь съ тобою! накрылъ его полою ризы своей, и вывелъ изъ огня невредима.

И шли они, доколѣ не пришли въ заморское царство, гдѣ объѣзжали глашатаи царскіе, по градамъ, пригородамъ, селамъ, выселкамъ и слободамъ, и разглашали: «Извѣстно и вѣдомо да будетъ всѣмъ и каждому, «что, буде кто на свѣтѣ живой человекъ найдетъ «свѣдущъ и могущъ въ тайнахъ бытія и смерти, и изъ- «скавъ ключъ жизни, ключъ мертвой и живой воды, «воскресить изъ мертвыхъ двухъ царевенъ, вдохнетъ «въ бранные остатки ихъ жизнь и движеніе, тотъ на- «градится, за каждую, такимъ количествомъ золота

«чеканнаго, каковое, силою мышцъ своихъ поднять и вынести изъ казнохранилища царскаго возможетъ; «буде же кто пустыми и неживотворящими фиглярствами единую токмо безуспѣшную проволочку времени учинить, то таковой неминуемо имѣеть повергнуть главу свою на плаху,» и прочая.

— Пойдемъ, сказалъ старикъ товарищу своему: попытаемся! — Товарищъ золоту и радъ бы, да смерти боится: самъ идетъ, самъ хоронится за старика. Тотъ взялъ хворую, обмершую, нето покойницу, — не знаешь какъ и честить, — положилъ ее въ чанъ, обварилъ кипяткомъ, рознялъ на части, очистилъ косточки, продулъ ихъ, налилъ снова мозжечкомъ, составилъ, одѣлъ живымъ кровянымъ тѣломъ да жилкамъ, одѣлъ и тонкой пеленою кожицею, — дунулъ, и дѣвица, пригожѣ зарі утренняя, встала и пошла. Старику отсыпали мѣшекъ червонцевъ, столько золота, сколько онъ на себѣ унесъ.

— Что же? сказалъ онъ Нѣмецкому попу: берись теперь и за другую царевну. Ты видѣлъ, какъ дѣло дѣлается!

Тотъ подумалъ, и рукой махнулъ. Золото ослѣпило его, оглушило, смутило, отуманило. Онъ взялъ другую обмершую сестру, и распласталъ ее, и на части по суставчикамъ рознялъ, и выскребъ косточки, продулъ и налилъ, и сложилъ, — а духъ и жизнь будутъ, надеялся Нѣмецъ: все дулъ, да подувалъ, да нѣтъ, не оживаетъ царевна!

И пришла Нѣмцу бѣда неминучая: уже его взяли, и засадили, и присудили; уже и вывели на лобное мѣсто, уже и за плахой пошли, а кто сказываетъ, что уже петлю на шею закинули.....

— Ты что-ли, шепнулъ ему старикъ, съѣлъ лепешку-ту? Такъ скажись! Вотъ тебѣ слово мое, что никто за это пальцемъ тебя не тронетъ. — Не я, отвѣчаетъ тотъ, и старикъ опять спасаетъ его отъ бѣдыне

минучей, отъ позорной, поносной смерти. Царевна ожила, встала и пошла, будто ни въ чемъ не бывала, и странникамъ нашимъ опять отмѣрили мѣшокъ чистаго монетнаго золота. Забравъ казну, вышли они изъ города того, и пустились по дорогѣ.

— Ну, сказалъ старикъ: теперь намъ съ тобой пора разставаться. Теперь мнѣ путь предстоитъ одинокій, а ты больше плакаться на меня не будешь, домой пойдешь не безъ копѣйки: а ужъ пора тебѣ припомнить и своихъ! Давай дѣлить казну. — Отъ этого нашъ Нѣмецъ не прочь. — Давай! говоритъ.

И началъ старикъ раскладывать золото на три кучки. — Да для чего же на три, а не на двѣ? кричитъ запальчивый товарищъ его: насъ только двое, а ты же самъ сказывалъ, — все пополамъ. — Постой! отвѣчаетъ тотъ: дай срокъ, дай мнѣ управиться; твое не пропадетъ. Ну, гляди: вотъ эта кучка моя; вотъ эта твоя; а эта пусть достанется тому, кто съѣлъ лепешку.

— Я! крикнулъ спутникъ его, громкимъ и твердымъ голосомъ, накрывъ въ двѣ ладони третью кучу золота.

И такъ вы видѣли, сударь, нужду; спознались, на загадочкахъ, со счастьемъ; а вотъ вамъ и мѣрская правда. Такова-та она въ людяхъ живетъ, такова и въ поговоркахъ ихъ, такова жила она и споконъ-вѣку. Кто божится, клянется, зарѣкается, тотъ, хоть и самъ знаетъ, что вретъ, да въ людяхъ, пополамъ съ грѣхомъ, туда же, за правдою идетъ. Кто самъ надсаживается, трубитъ и вяриво и вѣво, и взадъ и впередъ, о правдѣ своей да о напраслинѣ, тотъ..... Да полно, будетъ! У насъ лежачаго не бьютъ, а каковымъ бываетъ такой трубачъ, такъ это знаете вы сами! И вотъ вамъ правда, безъ которой на свѣтъ вѣку никто не доживаетъ!

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ.

II.

ИНОСТРАНЦАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТАРИКЪ ГОРЮ.

НОВѢЙШЕЕ СОЧИНЕНІЕ Г. БАЛЬЗАКА.

Часть вторая.

Къ концу той же недѣли, Растиньякъ получилъ два письма, одно отъ матери, другое отъ старшей сестры. Они заставили его затрепетать и съ радости и со страху. Въ этихъ двухъ бумажкахъ заключался приговоръ на жизнь и на смерть всѣхъ надеждъ его, всей его будущности. Дрожащими руками распечаталъ онъ письмо отъ матери: она уведомляла, что отправила съ дилижансомъ тысячу двѣсти франковъ, о которыхъ просилъ Евгений, и рассказывала, какихъ трудовъ стоило ей, бѣдняжкѣ, собрать эти деньги, даже при содѣйствіи доброй его тетки.

Растиньякъ заплакалъ. Онъ вспомнилъ о Горю, который ломалъ свое серебро, чтобы уплатить дочернинъ вексель.

— Твоя мать тоже изломала серебро свое! Тетка твоя продала свои старинныя, священныя для нея вещи! Какое же право имѣешь ты проклинать Анастасію? Ты сдѣлалъ для своей себялюбивой будущности то же самое, что она для своего любовника! Кто же изъ васъ лучше? Ты, или она?

Вся внутренность Растиньяка горѣла. Онъ хотѣлъ уже отказаться отъ большаго свѣта, отослать назадъ деньги. Онъ

Т. IX. — Отд. II.

1

испытывалъ тѣ благородныя, тайныя угрызения совѣсти, которыхъ люди не умѣютъ цѣнить, судя о себѣ подобныихъ, но за которыя ангелы небесныя оправдываютъ иногда преступниковъ, осужденныхъ на землѣ.

Растиньякъ распечаталъ письмо сестры и веселыя, милыя выраженія этого письма оживили его сердце. Лора забавно и простодушно описывала, какъ онъ съ сестрою обрадовался, что могли отдать ему сбереженные ими деньги; какъ онъ хитрили, чтобы, потихоньку отъ матери, снести свои триста пятьдесятъ франковъ въ контору дилижансовъ: затѣмъ слѣдовали ихъ желанья, надежды, мечты о блестящей будущности любимаго ихъ брата, и прочая.

— О, да! сказалъ самъ себѣ Евгенийъ: во что бы то ни стало, я долженъ добиться блестящей будущности и богатства! Ни какія сокровища не заплатятъ за эту преданность. Лора совѣтуетъ мнѣ спать на ея деньги бѣлье, она права: у меня бѣлье такое толстое. Странное дѣло! для счастья другаго дѣвушка становится хитрее вора. Невинная для себя, она предусмотрительна для меня. Милая моя! она какъ ангелы, которые прощаютъ земныя проступки, не постигая ихъ.

Растиньякъ воображалъ, что уже весь свѣтъ принадлежитъ ему. Онъ призвалъ портнаго, испыталъ, завоевалъ его. Увидѣвъ Г. Траля, онъ постигъ, какое вліяніе имѣетъ портной на жребій молодаго человека. Тутъ имѣтъ середины: портной или смертельный врагъ, или благодѣтельный другъ, посланный намъ судьбою. Евгенийъ, къ счастью, попалъ на художника въ своемъ родѣ, на человека, который постигалъ всю важность своего назначенія и почиталъ себя рѣшителемъ будущности молодыхъ людей. Зато благородный Растиньякъ прославлялъ этого портнаго одною изъ тѣхъ остроу, на которыя онъ впоследствии былъ такой мастеръ.

— Я знаю два его фрака, говорилъ онъ, которые женились на двадцати тысячахъ годоваго дохода.

Полторы тысячи франковъ и полный гардеробъ! Съ этимъ нашъ Ангулемецъ не боялся уже ничего на свѣтъ, и пошелъ завтракать съ тѣмъ невыразимымъ видомъ, который принимаетъ на себя студентъ, когда у него есть деньги.

Черезъ нѣсколько минутъ явился въ столовую артель-

щикъ изъ конторы дилжансовъ, и подалъ Растиньяку два мѣшка съ деньгами и рассылную книгу. Вотренъ бросилъ на него взглядъ, который какъ кнутъ обвился вокругъ Евгенія.

— Теперь вамъ будетъ чѣмъ заплатить за уроки фехтованья и стрѣлянья, сказалъ онъ.

— Ого! видно корабли пришли, сказала Г-жа Вокё, взглянувъ на мѣшки.

Дѣвица Мишонё не смѣла посмотреть на деньги, боясь обнаружить свою жадность.

— У васъ, видно, добрая матушка, сказала Г-жа Кутюръ.

— У васъ добрая матушка, сказалъ Г. Поарё.

Умъ Г. Поарё состоялъ въ томъ, что онъ переводилъ послѣднія слова того, кто говорилъ передъ нимъ.

— Да видно маленька-то собрала послѣднія свои крохи! сказалъ Вотренъ. Теперь вы можете дурачиться сколько угодно, отличатся въ большемъ свѣтѣ, искать приданныхъ, и танцовать съ графинями. Только послушайте меня, Г. Растиньякъ, учитесь стрѣлать!

И, говоря это, онъ прицѣлился.

Растиньякъ хотѣлъ дать на водку артельщику, но не нашелъ въ карманѣ у себя ничего. Вотренъ бросилъ франкъ посыльному, и сказалъ Евгенію:

— Теперь вамъ можно повзрѣть въ долгъ.

Растиньякъ принужденъ былъ поблагодарить его, хотя съ тѣхъ поръ какъ они поспорили за обѣдомъ о старикѣ Горіо послѣ разговора Евгенія съ Г-жею Босеанъ, этотъ человекъ сталъ ему несносенъ. Всю недѣлю они почти не говорили между собою, и молча другъ друга наблюдали.

Голова Растиньяка была одна изъ тѣхъ, которыя всегда наполнены порохомя, и производятъ взрывъ при первой искрѣ. Умственное его зрѣніе было также ясно и дальновидно, какъ и его рысьи глаза. Притомъ, въ послѣдніе нѣсколько дней, въ немъ развилось множество новыхъ качествъ, дурныхъ и хорошихъ. Дурныхъ требовали отъ него свѣтъ и постепенное исполненіе его возрастающихъ желаній. Въ числѣ хорошихъ его качествъ, была та полуденная живость, которая заставляетъ человека лѣзть прямо на преграду,

чтобы сокрушить ее, и не позволять уроженцу за-Луарскому оставаться въ недоумѣнн или нерѣшимости: жители сѣвера почитаютъ это качество недостаткомъ, помня, что хотя оно послужило къ возвышенію Мюрата, но оно же было и причиною его погибели. Если сынъ полуднаумветъ присоединить хитрость сѣвернаго Француза къ дерзости ладзарона, онъ дѣлается императоромъ Французовъ. Ясно, что Растиньякъ не могъ долго оставаться подъ выстрѣлами батарей Вотрена, не добившись, другъ онъ ему или недругъ. По-временамъ, ему казалось, что этотъ человекъ проникаетъ вся его страсти и безъ запинки читаетъ въ его сердце, между-тѣмъ какъ у него самого все такъ хорошо закрыто, что онъ походилъ на сѣнкса, который все знаетъ и ничего не говоритъ. Евгенийъ безъ денегъ терпѣлъ. Евгенийъ съ деньгами сталъ мятежникомъ.

— Подождите немножко, сказалъ онъ Вотрену, когда тотъ, допивъ свой кофе, всталъ, чтобы идти.

— Зачѣмъ? спросилъ Вотрень, надвывая свою шляпу съ широкими полями, взявъ свою желзную палку, и помахи-вая ею какъ человекъ, который не побоялся бы и подде-сятка разбойниковъ.

— Я расплачусь съ вами, отвѣчалъ Растиньякъ, поспѣшно развязавъ одинъ мѣшокъ и отсчитавъ Г-жѣ Вокѣ сто сорокъ франковъ за столъ и за квартиру.

— Деньги счетъ любятъ, сказалъ онъ ей. Потрудитесь, сударыня, размѣнять мнѣ эти пять франковъ. Я хочу запла-тить долгъ Г. Вотрену.

— Счетъ деньги любятъ, повторилъ переводчикъ Поарѣ, поглядѣвъ на Вотрена.

— Вы какъ-будто боитесь быть мнѣ обязаннымъ! вскри-чалъ Вотрень, запустивъ въ душу Евгения испытующій взоръ свой и бросивъ на него одинъ изъ тѣхъ насмѣшли-выхъ, Діогенскихъ взглядовъ, которые уже неразъ его бь-силн.

— Да, боюсь! отвѣчалъ Растиньякъ, собираясь идти съ мѣшками въ свою комнату.

Вотрень поспѣшно вышелъ въ дверь, ведущую въ гости-ную, а Растиньякъ пошелъ въ другую, которая изъ столо-вой велла на лѣстницу. Они встрѣтились въ сѣняхъ.

— Знаете ли, милостивый государь, маркизъ Растиньякъ, что вы отвѣчали мнѣ не совсѣмъ учтиво! сказалъ Вотренъ, подождая къ студенту, который холодно посмотрѣлъ на него.

Растиньякъ затворилъ дверь столовой, и сказалъ ему: Господинъ Вотренъ, я не маркизъ! Я говорилъ вамъ, что я не маркизъ! Я не люблю шутокъ.

— Они пошли драться, сказала мамзель Мишонъ равнодушно.

— Пошли драться, повторилъ Поарё.

— О, нѣтъ! сказала Г-жа Вокё, пересчитывая свои деньги.

— Однако жъ они пошли въ садъ! вскричала Викторина, вставъ, чтобы посмотрѣть въ окно. А между-тѣмъ этотъ бѣдный молодой человекъ правъ!

— Пойдемъ въ нашу комнату, моя милая, сказала Г-жа Кутюръ: это до женщинъ не касается.

Тутъ Вотренъ вошелъ въ столовую.

— Не пугайтесь, сказалъ онъ Г-жѣ Вокё, если услышите выстрѣлъ. Я хочу попробовать въ саду мои пистолеты.

— Ахъ, не убивайте Евгеніа! вскричала Викторина, сложивъ руки.

Вотренъ отступилъ на два шага, и внимательно посмотрѣлъ на нее. Онъ уже неразъ замѣчалъ нѣжные взгляды, которые бѣдная дѣвушка украдкой бросала иногда на Растиньяка.

— Вотъ новость! вскричалъ насмѣшливымъ голосомъ, который привелъ ее въ краску. А вѣдь онъ не дурень? не правда ли? Постойте, моя милая, мнѣ хорошая мысль пришла въ голову: я обонхъ васъ осчастливаю!

Г-жа Кутюръ взяла питомицу свою подъ руку, и сказала ей на ухо: — Ты сегодня удивительно странна, Викторина!

— Я не позволю у меня стрѣлять, сказала Г-жа Вокё. Вы взбунтуйте всѣхъ сосѣдей, и накликаете ко мнѣ полицію!

— Ну, ну, матушка, не сердись! Мы пожалуй, пойдемъ въ другое мѣсто, отвѣчалъ Вотренъ.

Онъ догналъ Растиньяка и по-пріятельски взялъ его подъ руку.

— Что, если бъ я доказалъ вамъ, что въ тридцати пяти

шагахъ пять разъ сряду всажу пулю въ пикового туза? Я думаю, васъ и это не испугало бы? Вы опрометчивы, молодой человекъ; этакъ васъ, какъ гуся, ни за что убьютъ!

— Вы трусите? сказалъ Евгений.

— Не сердите меня! отвѣчалъ Вотренъ. Следите тутъ подъ деревомъ. Здѣсь насъ никто не услышитъ. Мнѣ надо поговорить съ вами. Вы добрый малой, и я не хочу вамъ зла. Я даже люблю васъ, и сейчасъ скажу, за что я васъ люблю. Положите ваши мышки вотъ тутъ.

Растиньякъ положилъ деньги на скамейкѣ, и свѣлъ, мучимый любопытствомъ въ высочайшей степени по случаю такой внезапной перемены въ человекѣ, который только-что собирался убить его, и вдругъ вздумалъ сдѣлаться его покровителемъ.

— Вамъ бы, вѣрно, очень хотѣлось знать, кто я, что я дѣлаю: что дѣлаю, не правда ли? продолжалъ Вотренъ. Вы слишкомъ любопытны, мой другъ!..... Ну, пу, не сердитесь, будьте похладнокровнѣе; вы еще и не то услышите. Отвѣчать успеете еще и послѣ. Сначала выслушайте. Я перенесъ разныя несчастія. Вотъ вамъ прежняя жизнь моя! Кто я такой? Вотренъ. Что дѣлаю? Что мнѣ вздумается. Теперь дайте. Хотите ли вы знать мой характеръ? Я добръ съ тѣми, которые хороши со мною и которые мнѣ нравятся; имъ все позволено; они могутъ, пожалуй, тузить меня, и я даже не скажу имъ — Мнѣ больно! Но я золъ какъ чортъ съ тѣми, кто меня задираетъ, или кто мнѣ не понутру. Я, сударь мой, изъ тѣхъ, которыхъ вы называете *артистами*. Я дерусь, принявъ нужныя мѣры предосторожности. Бросилъ жеребій, — да и баць: вотъ настоящая дуэль! Я ужъ говорилъ вамъ, что пять пуль сряду могу вколотить въ пикового туза, вгоняя одну другою, да еще въ тридцати пяти шагахъ. Съ этимъ маленькимъ искусствомъ, кажется, можно бы быть увѣреннымъ, что человекъ съумевшъ сдуть съ земли. Что жъ, сударь мой, я страдалъ по одному пріятелю въ двадцати пяти шагахъ, и далъ промахъ! А онъ отъ роду не бралъ въ руки пистолета, и, посмотрите!.....

Тутъ онъ разстегнулъ жилетъ и раскрылъ грудь свою, мохнатую какъ спина медведя, и покрытую каково-то ры-

жеватую шерстью, на которую было отвратительно и страшно смотреть.

— Этотъ молокососъ продырнулъ мнѣ грудь, прибавилъ онъ, положивъ палецъ Растиныка въ ужасный шрамъ, бывший у него на груди. Но въ то время я былъ еще ребенокъ, въ ваши лѣта, двадцати одного года. Я тогда былъ иной, — вѣрилъ женской любви. Мы бы стали съ вами драться. Положимъ, вы бы меня убили. Ну что жъ? Я бы былъ подъ землею, а вы гдѣ? Вы бы принуждены были бѣжать въ Швейцарію и проживать папенькины деньги: а у него ихъ немного! Это не поведетъ васъ къ добру. Лучше оставайтесь здѣсь. Я вамъ сейчасъ объясню ваше положеніе, и сдѣлаю это съ превосходствомъ человека, который размышлялъ о вещахъ. У васъ теперь полторы тысячи франковъ. А знаете ли вы, сколько вамъ надобно для такой жизни, какую начали вести у насъ, въ Парижъ? Милліонъ, сударь, милліонъ! не больше и не меньше. Да притомъ какъ можно скорѣе; иначе вы надѣлаете безчисленное множество глупостей. Такъ и быть, я доставлю вамъ милліонъ, на первый случай.

Онъ остановился и поглядѣлъ на Евгенія.

— Ага, теперь, не бойсь, полно дуться! Вы смотрите на пріятеля Вотрена повеселѣе прежняго. При словѣ «милліонъ» онъ улыбается, какъ дѣвушка, которой ея любезный сказалъ — Я приду къ тебѣ сегодня вечеромъ! Дѣло вотъ въ чемъ. Выбѣдны, семейство вашебѣдно, хотя вашъ папенька-то и баронъ, по старой привычкѣ. Вы честолюбивы, а сапоги у васъ съ заплатками. Вамъ съ родни Босеаны, а вы ходите пѣшкомъ. Вы покушиваете у Г-жи Вокѣ добродѣтельный картофель, а страхъ какъ любилъ-бы гордые обѣды баръ Сень-Жерменскаго Предмѣстья. Вы спите на соломенномъ тюфякѣ, а вамъ бы хотѣлось жить въ палатахъ. Ну, не правдали?... Я не оуждаю вашихъ желаній. Не всякой въ состояніи быть честолюбивымъ. Спросите у женщинъ, какіе мужчины имъ нравятся? Честолюбивые! Честолюбцы сильнѣе другихъ; въ ихъ крови больше желѣза; сердце ихъ бьется скорѣе. Позвольте спросить васъ, — какія средства намѣрены вы припасти для того, чтобы удовлетворить своему честолюбію? Выучитесь Правдѣ. Что жъ? оно прекрасно! Лѣтъ черезъ пятокъ вы

можете надвяться быть адвокатомъ, подъячимъ. Барон Растиньякъ — подъячій! Куда — какъ хорошо! Если на дете протекцію, то лѣтъ въ тридцать будете, м жеть, и прокуроромъ съ тремя тысячами жалованья Плохо!..... Не хотители жениться? Пожалуй, вы можете жениться на какой-нибудь пожилой богачкѣ. Но скверно, знайте! Это значить надѣть себѣ камень на шею. Да пр томъ, если вы женитесь для денегъ, такъ куда жѣ двнутъ ваши правила чести, ваши чувства благородства? Это еще ничего, вресмыкаться змѣею передъ женщиной, мзять ножки матушки и дѣлать низости, которыя опротивили бы свиньѣ. Это все еще ничего: да вы будете несчастливъ съ этой женщиной, какъ камень въ помойной ямѣ. Правильнѣе ужъ лучше бороться съ людьми, чѣмъ со своей женою. Ну вотъ ваша жизнь, молодой человекъ! Выбирайте, да вы ужъ выбрали! Вы были у виконтессы Босанъ, и мглядѣли на роскошь; были у графини Ресто, дочери ншешего Горю, и понюхали Парижанку. Въ этотъ день мвозвратились домой съ надписью на лбу — «Выйти въ люди». Выйти въ люди во что бы то ни стало! Bravo! сказали этотъ молодой человекъ мнѣ нравится. Но для этого вамъ надобно денегъ. Гдѣ жѣ ихъ взять? Вы станете работать и трудиться? Хорошо! съ этимъ подъ старость и вы будемимѣть возможность нанимать у Г-жи Вокѣ двѣ комнаты какъ Поарѣ, который всю жизнь свою былъ въ службѣ и трудился. Въ Парижѣ есть пятьдесятъ тысячъ молодыхъ людей, такихъ же какъ вы, которые то и думаютъ, какъ скорѣе обогатиться и выскочить въ люди. Вы единица этого числа, и можете вообразить, легко ли вамъ будетъ выдираться изъ толпы. Вамъ, господа, надобно будетъ съдаться другъ друга, какъ пауки въ горшкѣ, потому что пятидесяти тысячъ хорошихъ мѣстъ не сыщешь. Знаете ли, чѣмъ выдираются въ Парижѣ изъ толпы? блескомъ генія или прдажностью. Толпа всегда сгибается подъ могуществомъ геніево ненавидятъ, на него клеветуютъ, но ему покоряются. Здѣсь передъ нимъ бросаются на колѣни, тамъ, если удасться, затаптываютъ его въ грязь. Но геніевъ всюду мало, а прдажныхъ, у насъ особенно, очень много, и вы всегда будемоощущать ихъ тайные удары. Въ здѣшнее общество, судамой, надо влетѣть адромъ, или прильпиться къ нему какъ

язва, сдѣлаться его чумой. Я не льщу Парижскому свѣту, но я его знаю; онъ далъ мнѣ право говорить объ немъ такимъ образомъ. Не думайте однако жъ, чтобъ я порицалъ его. Нисколько! я люблю его, потому что умѣю имъ пользоваться. Испытайте себя; подумайте, поглядите размыслите, въ состояніи ли вы выдержать эту ежедневную борьбу, въ которой каждая неудача называется несчастіемъ, каждое изложеніе нищетой. Вы видите, что все это плохо. Но я вамъ предложу нѣчто, отъ чего никто на свѣтѣ не откажется. Слушайте хорошенько. У меня есть мысль, которая меня давно мучитъ. Мнѣ бы хотѣлось вести патриархальную жизнь, посреди большаго помѣстья, тысячь въ сто десятинъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ-нибудь на югѣ. Я заведу плантаціи, накоплю негровъ, накоплю миллионъ долларовъ, продавая быковъ, табакъ!, лѣсъ, и эжживу дѣкимъ царькомъ, да стану вести жизнь, о которой здѣсь люди, прачась въ кирпичныхъ ворахъ, не имѣютъ ни понятія. На эти вещи я великій поэтъ. Теперъ у меня есть пятьдесятъ тысячь франковъ; но на пятьдесятъ тысячь купишь не больше сорока негровъ, а мнѣ надобно тысячь двѣсти, чтобъ имѣть двѣсти негровъ, для удовлетворенія моей страсти къ патриархальной жизни. Съ этимъ чернымъ капиталомъ у меня въ десять лѣтъ будетъ пять миллионновъ франковъ. Если я успѣю, ни кто не вздумаетъ спросить меня — Кто ты? Я буду Г. ванъ-Миллионъ-доллеръ, гражданинъ Новаго Свѣта, и баста! Мнѣ будетъ тогда пятьдесятъ лѣтъ, и я стану веселиться по-своему. Однимъ словомъ, если я вамъ доставлю приданое въ миллионъ, дадите ли вы мнѣ двѣсти тысячь франковъ? Двадцать процентовъ за комиссію: это, право, не дорого! Вы напередъ заставите жену любить себя безъ памяти; черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, вы начнете выказывать безпокойство, и, пожалуй, притворитесь недми на двѣ печальнымъ; потомъ, когда-нибудь, между двухъ поцѣлуевъ, вы сважете жену: Ахъ, душинька, у меня двѣсти тысячь долгу! Этотъ водевилъ играется каждый день самыми отличными щеголями. Молодая, любящая жена не отказываетъ въ деньгахъ тому, кто ее страстно цѣлуетъ. Убытку вамъ тутъ ни какого не будетъ. Вы тотчасъ

приобретете эти двести тысячъ какимъ-нибудь оборотомъ. Съ вашими деньгами и съ вашимъ умомъ вы можете такое имѣніе, какое хотите. Ergo, сударь мой, вы полгода составите свое собственное счастье, потомъ счастье милой женщины, и пріятеля вашего, Вотрена, говоря уже о вашихъ родныхъ, которые, за неимѣніемъ дровъ, дуютъ теперь въ кулакъ. Не удивляйтесь тому, что я вамъ предлагаю, ни тому, чего отъ васъ требую. Изъ шестидесяти богатыхъ женидьбъ въ Парижѣ, сорокъ семь основаны на *таковыхъ* обстоятельствахъ....

— Что-жъ мнѣ надобно дѣлать? вскричалъ съ жадностью Растиньякъ, прерывая Вотрена.

— Почти ничего! сказалъ тотъ, радуясь какъ рыбакъ, который видитъ, что рыба схватилась за удочку. Слушайте хорошенько. Сердце дѣвушки, живущей въ нищету, и несчастнѣе, жаждетъ любви больше всякаго другаго. Эта губка, которая расширится, какъ скоро въ нее упадетъ хотя капля чувства. Волочитесь за дѣвушкой, которая находится въ подобныхъ обстоятельствахъ! Чортъ возьми, да это значить играть на-вѣрняка! На этомъ основаніи вы построите любовь неразрушимую. Теперь, получи эта дѣвушка милліоны,—она броситъ вамъ ихъ подъ ноги, какъ камешки. Возьми, мой милый, возьми, Альфредъ, Адольфъ! Возьми Евгенийъ, — если Альфредъ, Адольфъ или Евгенийъ былъ такъ благоразуменъ, что жертвовалъ собою для нея во-время. Подъ словомъ пожертвованія, я разумю — продать старое свое платье, чтобы полакомить ее или свозить въ театръ — заложить свои часы, чтобы купить ей шаль. Нужно ли еще говорить вамъ о тѣхъ любовныхъ фарсахъ, которые такъ нравятся женщинамъ: напримеръ, будучи въ разлуку съ нею, капнуть на письмо водою, чтобы подумала, будто вы плакали? Вы уже должны знать все это! Парижъ, изволите видѣть, не что иное какъ Американскій лѣсъ, населенный дикими звѣрями, которыхъ зовутъ милліонами; вы охотникъ за милліонами; и чтобы поймать ихъ, вы употребляете обыкновенныя охотничьи хитрости, — капканы, западни, сѣти. Охотиться можно разнымъ образомъ. Одни гоняются за приданымъ; другіе за барышами на биржѣ; третьи ловятъ свалками совѣсти; иные удаятъ подписчиковъ.

Какъ бы то ни было, но если они нажались, то все имъ кланяются, все ихъ уважають, ласкають, принимаютъ въ высшее общество. Парижъ городъ самый снисходительный. Аристократія другихъ Европейскихъ столицъ не приметъ въ свои гостиныя безчестнаго милліонщика; а Парижъ протягиваетъ къ нему руки, вздять къ нему на вечеринки, всть его обеды и чокается съ его срамомъ.

— Да гдѣ жъ найти такую дѣвушку? сказалъ Евгений.

— Вы ее всякой день видите.

— Неужли Викторина?

— Именно.

— Помилуйте!

— Будущая баронесса Растиньякъ и теперь ужъ васъ любитъ.

— Да у ней нѣтъ ни гроша за душою!

— Въ томъ-то и дѣло! Еще два слова и все объяснится.

Отецъ ея, мосѣ Тальеръ, старый негодяй. Онъ, говорятъ, во время революціи, обогатился тѣмъ, что убилъ короткаго своего пріятеля. Онъ банкиръ, главный общникъ въ домѣ Фредерикъ Тальеръ и Комп. У него есть единственный сынъ, которому хочеть онъ оставить все свое имѣніе во вредъ Викторинѣ. Я не люблю такихъ несправедливостей! Я какъ Донъ Кихоть люблю защищать угнетенныхъ. Если бъ Тальеръ лишился сына, онъ взялъ бы къ себѣ Викторину, чтобы имѣть какого-нибудь наследника. Но это дѣло счастья. Викторина мила, любезна; она разомъ привяжетъ къ себѣ старика, и нежными своими чувствованіями заставитъ его вернуться какъ кубарь. Она не забудетъ вашей любви, и тогда вы на ней женитесь. Я во всемъ этомъ берусь заролъ счастья. Я сдѣлаю все, что дѣлають самые счастливые случаи. У меня есть пріятель, человекъ совершенно мнѣ преданный! Онъ старый Наполеоновскій полковникъ и теперь принятъ въ королевскую гвардію. Онъ послушался меня и сдѣлался ультра-роялистомъ. Франческини не изъ тѣхъ глупцовъ, которые обвини руками держатся за свои мнѣнія! Если и у васъ есть мнѣнія, то, ради Бога, продавайте ихъ, мой милый: они въ Парижѣ такой же товаръ, какъ и шерсть. Мнѣ стоить сказать ему только слово. Онъ сейчасъ посорится съ

молодымъ Тальферомъ , который не даетъ сестрѣ ни пяти франковъ, и.....

Вотренъ вскочилъ со скамейки, сталъ какъ фехтмейстеръ, протянулъ руку впередъ, и *выпалъ*.

— И въ сторону! сказалъ онъ.

— Какая мерзость! вскричалъ Евгений. Вы шутите, Г. Вотренъ?

— Ну, ну, будьте покладнокровнѣе, не ребячьтесь! Впрочемъ, пожалуй, если вамъ охота есть, сердитесь, бѣситесь! Ругайте. меня Ну же, ругайтесь, что ли! Я необижусь, не стану на васъ сердиться. Въ ваши лѣта это очень естественно. Я самъ былъ такой же. Только подумайте о моемъ предложеніи. Придетъ время, что вы и хуже этого сдѣлаете. Въ нашемъ любезномъ Парижѣ, тайна всѣхъ большихъ богатствъ безъ видимой причины заключается всегда въ какомъ-нибудь преступленіи, — забытомъ, потому что оно чистенько сдѣлано.

— Молчите, сударь! Я не хочу слушать болѣе ни слова; вы меня заставляете въ самомъ себѣ сомнѣваться. Покуда, вся моя наука заключается въ чувствахъ.

— Какъ вамъ угодно, другъ мой. Ребячьтесь, сколько есть силы. Я право, считалъ васъ рѣшительнѣе. Я не стану убѣждать васъ. Однако жъ еще слово.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Евгенія.

— У васъ въ рукахъ моя тайна, сказалъ онъ.

— Тотъ, кто отказывается отъ подобнаго предложенія, легко и забудетъ его.

— Хорошо! Другой не былъ бы такъ совѣстливъ. Помните, что я говорилъ вамъ. Я вамъ даю двѣ недѣли на размышленіе, а тамъ какъ хотите, принимайте или отказывайтесь.

— Что за ивданный лобъ у этого человека! подумалъ Рас-тиньякъ, видя, что Вотренъ преспокойно уходитъ съ валкою подъ мышкою. Но онъ нѣтъ прямо сказалъ тоже самое, что Г-жа Босанъ говорила съ околичностями. Онъ разди-ралъ мнѣ сердце стальными когтями, и объяснялъ цѣль, для которой я хочу взять къ Г-жѣ Нюсингенъ. Этотъ разбойникъ двумя словами сказалъ мнѣ о жизни болѣе, чѣмъ сколько узналъ я отъ людей и изъ книгъ. Добиваться бо-гатства или величія, значить рѣшиться агать, стибаться, пол-

зять, выпрямляться, льстить, притворяться; значить сдѣлаться слугою тѣхъ, которые лгали, сгибались, ползали; потому, что надобно быть ихъ слугою, если хочешь сдѣлаться со временемъ ихъ товарищемъ. Такъ нѣтъ же, не будетъ этого! Я хочу работать, трудиться честно, благородно; буду работать день и ночь, и своими трудами приобрѣту себѣ состояніе. Конечно, такимъ образомъ наживешься не скоро, но по-крайней-мѣрѣ спишь спокойно, и ни какія тягостныя мысли не будутъ по ночамъ тревожить. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ, взглянувъ на прошедшую свою жизнь, увидѣть, что она чиста какъ лилія! Покаместъ мы съ жизнью—новобрачные..... Вотрѣнь однако жъ показалъ мнѣ, что бываетъ черезъ десять лѣтъ послѣ брака! Чортъ возьми, у меня голова кружится! Не стану ни объ чемъ думать. Сердце лучшій путеводитель, чѣмъ разумъ.

Евгеній былъ выведенъ изъ своихъ размышленій голосомъ толстой Сильвіи, которая кричала, что портной пришелъ. Онъ пошелъ къ нему на встрѣчу, съ двумя мѣшками въ рукахъ, чему, впрочемъ, и былъ очень радъ.

Примеривъ свое вечернее платье, Растиньякъ надѣлъ утренній костюмъ, въ которомъ онъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Право, я стою Г. Траля! Насилу-то я сдѣлался настоящимъ дворяниномъ!

— Вы меня спрашивали, Г. Растиньякъ, гдѣ бываетъ Г-жа Нюсянгенъ! сказалъ Горіо, входя въ его комнату.

— Да; мнѣ бы хотѣлось знать.

— Она будетъ въ понедѣльникъ на балѣ у маршала Кардіяпо. Если вы тамъ будете, то расскажите мнѣ, веселы ли были мои дочери, какъ онѣ были одѣты, все, все.

— Какъ вы это узнали, почтеннѣйшій Г. Горіо? сказалъ Евгеній, усаживая его у камина.

— Горничная ея мнѣ сказала. Черезъ Жозефину и Копстанцію я знаю все, что онѣ дѣлаютъ, прибавилъ онъ съ радостнымъ видомъ.

Бѣдный старикъ походилъ на помятаго влюбленнаго, который радуется счастливой хитрости, что, посредствомъ горничной, успѣлъ прійти въ соприкосновеніе съ любезною, хотя она этого не знаетъ.

— Вы ихъ увидите! Ахъ какъ вы счастливы! сказалъ онъ съ простодушнымъ выраженіемъ печальной зависти.

— Не знаю. Я сейчасъ пойду къ Г-жѣ Босеанъ спросить можетъ ли она ввести меня въ этотъ домъ.

Евгению весело было показаться виконтессѣ въ новомъ своемъ костюмѣ. Видя на себѣ хорошее платье, хороши сапоги, хорошия перчатки, Растиньякъ забылъ добродѣтельную свою рѣшимость. Молодые люди не смѣютъ поглядѣться въ зеркало совѣсти, когда опрокидываются въ стѣну порока, а зрѣлый возрастъ выдвигалъ уже себя въ этомъ положеніи. Вотъ вся разница между этими двумя эпохами жизни человѣческой!

Съ нѣкотораго времени, Евгенийъ и Горіо сдѣлались друзьями. Дружба ихъ происходила отъ тѣхъ же психологическихъ причинъ, которыя породили противоположныя чувствованія между Вотреномъ и Растиньякомъ.

— Какъ вы могли подумать, мой любезный, сказалъ старикъ Евгению на другой день послѣ того, какъ тотъ прѣвсѣхъ говорилъ о дочеряхъ Горіо: какъ вы могли подумать будто Анастасія сердится на васъ за то, что вы при ней произнесли мое имя! О, дочери мои меня очень любятъ. Я отецъ самый счастливый. Только зятя поступаютъ со мною не совсѣмъ хорошо. Я не хотѣлъ, чтобы бѣдняжки мои дочери терпѣли отъ ссоръ моихъ съ ихъ мужьями оттого-то я и выдаюсь съ ними по секрету. Вы не можете вообразить, какія удовольствія доставляетъ мнѣ эта тайная ственность, удовольствія совершенно неизвѣстныя отцамъ которые могутъ видѣть дочерей, своихъ когда имъ вздумается. Я этого не могу, понимаете? Зато, въ хорошую погоду я отправляюсь на гулянье, когда узнаю отъ служанокъ что дочери мои тамъ будутъ. Я поджидаю ихъ; сердце меня бьется, когда ихъ кареты приближаются; я люблю имъ въ нарядѣ; а онѣ, проѣзжая мимо, дарятъ меня улыбочкою, которая разсвѣчиваетъ мнѣ всю природу какъ луна солнца.....

Бѣдный старикъ!

Евгений одѣлся и отправился въ Тюльерійскій садъ, и оживленіи того времени, когда можно будетъ идти къ Г-жѣ Босеанъ.

Эта прогулка была пагубна для Растиньяка. Нѣкоторые женщины замѣтили его. Онъ былъ такъ молодъ, такъ хороши, одѣтъ съ такимъ вкусомъ! Видя, что сдѣлался предметомъ вниманія и чуть не удивленія, онъ забылъ о себѣ, о страхѣ и теткѣ и о своей добродѣтельной совѣстливости. Слова Вотрена, несмотря на цинизмъ ихъ, запали въ сердце Еженія, какъ въ памяти бѣдной дѣвушки запечатлѣвается неблагородный профиль старой коварной торговки порока, которая сказала ей: — Золота и любви, сколько хотите!

Побродивъ безопасно по саду, Растиньякъ часовъ въ пять отправился къ Г-жѣ Босеанъ, и получилъ тамъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ, отъ которыхъ сердца молодыхъ людей ничѣмъ не прикрыты. До-тѣхъ-поръ виконтесса принимала его съ учтивостію, съ той медоточивою прелестью, которую придаетъ знатное воспитаніе; и которая бываетъ истинно воспитательна, ежели происходитъ изъ сердца. Когда онъ вошелъ, Г-жа Босеанъ сдѣлала сухой жестъ, и сказала ему отрывистымъ голосомъ: — Господинъ Растиньякъ, мнѣ сегодня не возможно принять васъ, по-крайней-мѣрѣ теперь: я занята.....

Для наблюдателя, а Еженій очень скоро сдѣлался наблюдателемъ, эти слова, этотъ жестъ, этотъ взглядъ, этотъ звукъ голоса, содержали въ себѣ всю исторію характера и привычекъ цѣлой касты. Онъ увидѣлъ желѣзную руку подъ бархатною перчаткою; тусклый эгонамъ подъ глянцемъ воспитанія; дерево, подъ позолотою. Еженій слишкомъ легко, слишкомъ опрометчиво увѣрился въ благородствѣ женщинъ. Притомъ, онъ добродушно подписалъ воспитательный договоръ, связывающій благодѣтеля съ облагодѣтельствованнымъ, договоръ, котораго между людьми великодушными, первою статьею постановляется совершенное равенство. Благотворительность есть страсть небесная, столь же мало понимаемая, столь же рѣдкая, какъ и истинная любовь. И та и другая не что иное какъ мотовство прекрасныхъ душъ. Еженію непременно хотѣлось ѣхать на балъ къ герцогинѣ Карліяно, и онъ вытерпѣлъ этотъ неучтивый пріемъ.

— Сударыня, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: я бы не осмѣлился беспокоить васъ, если бъ не имѣлъ до васъ бо́ль-

шой надобности. Сдѣлайте милость, позвольте мнѣ прийти попозже; я охотно подожду.

— Такъ приходите ко мнѣ обѣдать, сказала Г-жа Босеанъ, стыдясь нѣсколько суровости своихъ словъ, потому что она была истинно добра.

Евгеній былъ тронуть этою перемѣною, но однако жъ сказалъ самъ себѣ: — Ползай! сноси все на свѣтъ! Чего жъ тебѣ ожидать отъ другихъ, когда лучшая изъ женщинъ въ одну минуту уничтожаетъ всѣ свои дружескія обещанія, и бросаетъ тебя какъ старый башмакъ. Всякой за себя! Съ этими людьми надобно быть, какъ говорить Вотрень, пушечнымъ ядромъ.

Горькія размышленія студента были вскорѣ разсѣяны мыслию объ удовольствіи, котораго онъ ожидалъ отъ обѣда Г-жи Босеанъ. Такъ, и малѣйшія обстоятельства въ его жизни, какъ-будто нарочно увлекали его на поприще, гдѣ, по замѣчанію ужаснаго сфинкса дома Г-жи Вокё, все уподобляется тому, что происходитъ на полѣ сраженія. Когда Евгеній возвратился къ виконтессѣ, она приняла его съ тою добродѣтельной учтивостію, которую всегда ему оказывала. Они вмѣстѣ пошли въ столовую, гдѣ виконтъ уже ждалъ жену, и гдѣ сіяла обѣденная роскошь, которая въ царствованіе Лудвига XVIII была доведена до высшей степени. Г. Босеанъ, пресыщенный удовольствіями, любилъ одинъ только столъ. Обѣдъ его отличался превосходствомъ и содержащаго и содержамаго: никогда еще подобное зрѣлище не поражало взоровъ Евгенія, который только въ первый разъ обѣдалъ въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ почести переходятъ изъ рода въ родъ. При видѣ этого выработаннаго, великолѣпнаго серебра и тысячи изысканностей роскошнаго стола, при видѣ этой прислуги, проворной безъ шума, безъ суматохи, бѣдный студентъ поневолѣ сталъ отдавать преимущество жизни постоянной изысканности передъ жизнью лишенной, на которую осудилъ онъ себя утромъ. Когда мысль его на минуту перелетѣла въ домъ Г-жи Вокё, онъ почувствовалъ такое омерзѣніе, что рѣшился непремѣнно выѣхать оттуда въ январѣ, какъ для того, чтобы перебраться въ другой домъ почище, такъ и для того, что-

бы избѣгнуться отъ Вотрена, желѣзную руку котораго онъ безпрестанно чувствовалъ у себя на плечѣ.

— Не поѣдете ли вы сегодня со мною въ Италіанскій театр? сказала Г-жа Босеанъ мужу.

— Вы знаете, какъ мнѣ пріятно было бы исполнить вашу волю, отвѣчалъ онъ: но, къ несчастію, я обещалъ одной дамѣ проводить ее въ театръ des Variétés.

— Свою любовницу! сказала она про себя.

— Развѣ Ажудо-Пинто съ вами сегодня не будетъ? спросилъ Г. Босеанъ.

— Нѣтъ! отвѣчала она съ досадою.

— Если вамъ непременно надобно кавалера, то возьмите съ собою Г-на Растиньяка.

Виконтесса, улыбаясь, взглянула на Евгенія.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже летѣлъ съ Г-жею Босеанъ въ великолѣпной каретѣ, въ модный театръ, и думалъ, что попалъ въ волшебный свѣтъ, когда, войдя въ ложу, увидѣлъ, что всѣ лорнеты обратились на него и на виконтессу, которая была одѣта прелестно. Онъ переходилъ отъ восхищенія къ восхищенію.

— Вы хотѣли со мной поговорить?.... сказала ему Г-жа Босеанъ. А! посмотрите, вотъ Г-жа Нюсингенъ, черезъ три ложи отъ насъ. А вотъ, на другой сторонѣ, сестра ея съ Г. Тралемъ.

Говоря это, Г-жа Босеанъ глядѣла на ложу Рошгюдовъ, и лице ея вдругъ просветлѣло, — потому что Г. Ажудо-Пинто тамъ не было.

— Она прелестна! сказалъ Евгений, поглядѣвъ на Г-жу Нюсингенъ.

— У ней бѣлыя рѣсницы.

— Но какая ловкая, тоненькая талія!

— У ней толстыя руки.

— Но какіе прекрасные глаза!

— Лице длинное.

— Эта форма лица благороднѣе.

— Счастье ея, что у ней хоть по этому благородная! Посмотрите, какъ она беретъ и опускаетъ свой лорнетъ. Горіо и лобазъ такъ и вглядываютъ во всѣхъ ея движеніяхъ, присовокупила Г-жа Босеанъ, къ величайшему уди-

вденію Евгенія, которому показалось что она не смотрит даже на ея логу.

И действительно, виконтесса смотрѣла въ то время всею въ другую сторону; казалось, будто она не обращала ни малѣйшаго вниманія на Г-жу Нюсингенъ, и за все время она не пропускала ни одного изъ ея движеній. Ея браніе было блистательно. Дельфина Нюсингенъ съ гордостію замѣчала, что обращаетъ на себя все вниманіе мадамо, прекраснаго родственника Г-жи Босеанъ, который смотрѣлъ только на нее и смотрѣлъ.

— Если вы не перестанете обременять ее своими взорами, то обратите на себя глаза всего театра. Когда хотите дѣлать успѣхъ, то не бросайтесь же такимъ образомъ на людей.

— Милая кузина, сказалъ Евгеній: вы уже приняты подъ свое покровительство; такъ довершите жъ еще благодѣанія, окажите мнѣ еще одну услугу, которая для васъ ничего не значитъ, а мнѣ принесетъ большую пользу. Я рѣшительно влюбленъ.

— Такъ скоро?

— Да.

— И въ эту женщину?

— Кто же другая позволитъ мнѣ обожать себя? сказалъ онъ, бросивъ пронизательный взглядъ на Г-жу Босеанъ. Герцогиня Карильяно состоитъ при дворѣ герцогини Беррийской: вы вѣрно у нея бываете? Сдѣлайте милость, знакомьте меня съ нею; возьмите меня съ собою на балъ который дастъ она въ понедѣльникъ. Тамъ будетъ и Нюсингенъ, и я.....

— Съ удовольствіемъ! сказала она. Если вы уже чувствуете къ ней наклонность, то ваше сердце скачетъ отъ почтовыхъ. Вотъ и ея другъ, Г. Марсѣ, въ ложѣ княгини Сусискѣ. Г-жа Нюсингенъ досадуетъ: она терпѣть пытку. Это самая благопріятная минута для знакомства съ женщиною, особенно съ банкиршей. Эти дамы коммерческаго мѣста все охотницы до мщеній.

— Что же бы вы сдѣлали въ подобномъ случаѣ?

— Я!.... Я бы страдала молча.

Въ эту минуту Г. Ажуда вошелъ въ ложу Г-жи Босеанъ.

— Дѣла мои идутъ дурно, сказалъ онъ, и я васъ предвѣдомляю объ этомъ, чтобы не выдавать возвращенія моего къ вамъ за пожертвованіе.

Лице виконтессы заблестало. Тутъ Евгенийъ научился распознавать выраженіе страстной любви и не смѣшивалъ его съ гримасами Парижскаго кокетства. Онъ былъ пораженъ сіяющимъ видомъ Г-жею Босеанъ, замолчалъ и уступилъ мѣсто свое Г-ну Ажуда.

— Какое дивное созданіе женщина, которая такъ пламенно любить! сказалъ онъ самъ себѣ. И этотъ человекъ измѣнилъ ей для куклы!

Въ сердцѣ его кипѣло ребяческое бвшецтво. Онъ хотѣлъ бы взять себѣ Г-жу Босеанъ; онъ желалъ могущества демоновъ, чтобы унести ее въ свое сердце, какъ орелъ, завидѣвъ на лугу ягненка, уносить его въ гнѣздо свое. Ему казалось стыдно, что въ этомъ музеумѣ красота у него одного нѣтъ своей картины, нѣтъ своей любовницы. Имѣть любовницу—значитъ быть въ случай! говорилъ онъ самъ себѣ.

Онъ поглядѣлъ на Г-жу Нюсингенъ, какъ человекъ, получившій обиду, смотреть на своего противника. Виконтесса обернулась къ нему, чтобы однимъ взглядомъ сто разъ возблагодарить его за его скромность. Первое дѣйствіе оперы было кончено.

— Вы вѣдь довольно знакомы съ Г-жею Нюсингенъ, чтобы представить ей Г. Растиньяка? сказала она Г. Ажудѣ.

— Она очень будетъ рада съ нимъ познакомиться, отвѣчалъ маркизь.

Прекрасный Португалецъ всталъ, взялъ студента подъ руку, и черезъ минуту они были въ ложѣ Г-жи Нюсингенъ.

— Баронесса, имѣю честь представить вамъ Г. Растиньяка, родственника виконтессы Босеанъ. Вы производите на него такое живое впечатлѣніе, что я хотѣлъ довершить его благополучіе, приближивъ его къ предмету его восторга.

Эти слова были сказаны съ легкимъ оттенкомъ насмѣшливости, прикрывшимъ наготу мысли. Г-жа Нюсингенъ улыб-

нулась, и предложила Евгению мѣсто своего мужа, который только-что вышелъ.

— Я не смѣю предложить вамъ остаться со мною, сказала она ему: кто можетъ-быть въ ложѣ у Г-жи Босеанъ тотъ не пойдетъ въ другую.

— Но, отвѣчалъ вполголоса Евгений: чтобы угодить вѣконтессѣ, я долженъ остаться съ вами. До прихода маркиза мы говорили о васъ, о вашей красотѣ, объ изысканности вашего наряда, сказалъ онъ вслухъ.

Г. Ажуда ушелъ.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ останетесь у меня? сказала баронесса. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Сестра моя, Г-жа Ресто, возбудила во мнѣ живѣйшее желаніе васъ видѣть.

— А между-тѣмъ, вообразите, она запретила пускать меня къ себѣ!

— Какимъ это образомъ?

— Я, сударыня, скажу вамъ всю правду; но заранѣе прошу извиненія въ моей откровенности. Я живу въ одномъ домѣ съ вашимъ батюшкой, и, не зная, что Г-жа Ресто дочь его, имѣлъ неосторожность заговорить объ немъ у него въ домѣ. Я разсердился этимъ и сестрицу вашу, и Г-на Ресто. Вы не можете вообразить, какъ это отвращеніе отца не понравилось моей кузинѣ и герцогинѣ Ланжѣ. Мы рассказывали имъ эту сцену, и онѣ хотѣли отъ чистаго сердца. Г-жа Босеанъ начала тутъ сравнивать васъ съ вѣшею сестрицею, и говорила объ васъ съ большими похвалами; она рассказывала, какъ вы милы съ моимъ почтеннымъ сосѣдомъ, Г. Горіо. Да и какъ вамъ не любить его! Онъ обожаетъ васъ такъ страстно, что я начиналъ ревновать. Цѣлые два часа говорили мы о васъ сегодня утромъ. Потомъ, помня то, что толковалъ мнѣ вашъ батюшка, сказалъ за обѣдомъ моей кузинѣ: Не можетъ-быть, чтобы Г-жа Нюсингенъ не была такъ же хороша, какъ нѣжна! Оттого то Г-жа Босеанъ, по обыкновенной своей любезности, привезла меня сюда, говоря, что я васъ здѣсь увижу.

— Какъ, сударь? отвѣчала банкирша: я уже обязана вамъ благодарностію! Право, мы скоро сдѣлаемся старинными друзьями.

— Дружба съ вами должна быть чувствомъ очень сладостнымъ; но я никогда не захочу быть вашимъ другомъ.

Эти стереотипныя глупости, заданныя для употребленія начинающихъ, всегда нравятся женщинамъ, и кажутся жалкими только тогда, когда ихъ хладнокровно читаешь въ книгѣ. Жесты, выраженіе голоса, взглядъ молодого чело-вѣка, придаютъ имъ неисчислимую цѣну. Растиньякъ чрезвычайно поправился Г-жв Нюсингеъ; потому, какъ всѣ женщины, которыя находятся въ затрудненіи отвѣчать на вопросъ, слишкомъ искренно предложенный, она заговорила о другомъ.

— Да; сестра моя очень вредитъ себѣ своимъ обхожденіемъ съ батюшкой, который, право, былъ для насъ неопи-санно добръ. Мужъ рѣшительно запретилъ мнѣ принимать его иначе, какъ утромъ, и я тогда только на это согласилась. Я долго объ этомъ плакала. Эти неприятности, случившіяся тотчасъ послѣ первыхъ неудовольствій брака, совершенно разстроили насъ съ мужемъ. Въ глазахъ Парижа я самая счастливая, а на дѣлѣ самая несчастная женщина во всемъ свѣтѣ. Вамъ, можетъ-быть, покажется страннымъ, что я говорю такъ откровенно, но вы знакомы съ батюш-кой: вы мнѣ не чужой, и вѣрно все знаете.

— Во всемъ свѣтѣ вы не найдете челоука, который бы пламенно меня желалъ принадлежать вамъ, сказалъ Евге-ній. Чего ищутъ всѣ женщины? Блаженства! прибавилъ онъ голосомъ, который вливался прямо въ душу. А если для женщины блаженство состоитъ въ томъ, чтобы быть люби-мой, обожаемой, имѣть друга, которому бы можно было вѣ-рять всѣ свои желанія, прихоти, горести и радости, рас-крывать предъ нимъ всю свою душу, со всѣми ея милыми недостатками и превосходными качествами; то вы ни у кого не найдете сердца столь преданнаго, столь пламеннаго, кро-мѣ молодого челоука, который радъ будетъ умереть по первому вашему знаку, который еще не знаетъ свѣта и не хочетъ знать его, потому что весь свѣтъ заключается для него въ васъ. Я, — вы станете смѣяться надъ моею откρο-венностью, — я еще недавно изъ провинціи, новичекъ во всемъ, прекраснаго зналъ однѣ только души, и думалъ не любить. Но я увидѣлъ мою кузину; она слишкомъ прибли-

зяла меня къ своему сердцу, раскрыла передо мною всё сокровища страсти, и я теперь, какъ Херубинъ, — влюблен во всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, покуда еще не нашелъ одной, которой бы стоило посвятить себя. Войдя въ театръ, увидѣлъ васъ, и меня, какъ-будто электрическимъ теченіемъ, повлекло къ вамъ. Я уже такъ много о васъ думаю. Но портретъ вашъ, который я составилъ себѣ въ воображеніи, далеко отсталъ отъ подлинника. Г-жа Босеанъ за претвляла мнѣ смотрѣть на васъ. О, она не постигаетъ, какъ сладостно любоваться прелестными губками, нежнымъ цвѣтомъ лица, обворожительными глазками..... Я говорю вамъ глупости, сударыня, но позвольте мнѣ говорить: не сердитесь на меня!....

Всѣ эти пошлости, повторяю я, очень нравятся женщинамъ, хотя онѣ очень пошлы на бумагѣ и непростительны при свидѣтеляхъ. Но на словахъ и вдвоемъ, самая строгая женщина ихъ слушаетъ, если даже и не хочетъ отвѣчать на нихъ. Начавъ такъ отважно, Растиньякъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, говорилъ глухимъ, страстнымъ голосомъ, и Г-жа Нюсингенъ ободряла его улыбками, посматривая по-временамъ на Г-на Марсѣ, который не выходилъ изъ ложи княгини Сусискѣ. Растиньякъ оставался съ Г-жею Нюсингенъ до тѣхъ поръ, когда мужъ пришелъ, чтобы везти ее домой.

— Я буду имѣть честь быть у васъ, сударыня, до балу герцогини Кариліано, сказалъ онъ.

Она отвѣчала ему прелестнымъ движеніемъ руки и еще примѣтною улыбкою, которую однако жъ онъ хорошо примѣтилъ.

«Дѣла мои идутъ хорошо, подумалъ онъ: она не сердилась, когда я говорилъ ей о любви. О, теперь она моя!» Бѣднякъ и не зналъ, что баронесса была разсвѣдливѣе, что она ожидала отъ Г-на Марсѣ одного изъ тѣхъ рѣшительныхъ писемъ, которыя раздражаютъ душу. Онъ былъ совершенно счастливъ своимъ воображаемымъ успѣхомъ.

Раскланявшись съ Г-жею Босеанъ, бѣдный студентъ возвращался изъ Италіанскаго театра въшкомъ, и мечталъ своихъ планахъ. Онъ очень замѣтилъ, съ какимъ вниманіемъ посматривала на него графиня Ресто и въ ложѣ виконтессы и когда онъ былъ у сестры ея: онъ былъ увѣренъ, что

графиня снова будетъ принимать его. Въ короткое время онъ уже составилъ себѣ въ самомъ высшемъ обществѣ четыре связи, — потому что онъ надѣялся понравиться еще и маршальнѣ Карильяно. Не отдавая себѣ отчета въ средствахъ, которыми будетъ дѣйствовать, онъ уже догадывался, что въ сложномъ механизмѣ свѣта ему удастся ухватиться за какое нибудь колесо, и что тогда онъ будетъ наверху машины.

«Если баронесса Нюсингенъ полюбитъ меня, говорилъ онъ самъ себѣ, я научу ее управлять мужемъ; а какъ онъ превосходно обрабатываетъ дѣла свои, то я помогу мнѣ какъ-нибудь обогатиться.....»

Правда, онъ не говорилъ этого себѣ прямо: онъ еще не успѣлъ сдѣлаться такимъ политикомъ, чтобы обратитъ свое положеніе въ цифры и вычислить его арифметически; но мысли его носились по этому горизонту въ видѣ легкихъ облаковъ, и въ плавильномъ тиглѣ совѣсти оставили бы не слишкомъ чистый королекъ.

Дорогою Растиньякъ совершенно влюбился въ Г-жу Нюсингенъ. Онъ вспоминалъ обворожительность ея влажныхъ глазъ; нежную, шелковистую ткань ея кожи, сквозь которую, какъ ему казалось, видно было обращеніе крови; пріятность ея голоса, прелесть свѣтлорусыхъ волосъ. Онъ шелъ скоро, и это, можетъ-быть, еще болѣе разгорячало его.

Возвратясь домой, онъ постучался въ двери Г. Горіо.

— Любезный сосѣдъ, я видѣлъ Дельонну.

— Гдѣ?

— Въ Италіянскомъ театрѣ.

— Что, она веселилась! Да войдите же?

Старикъ всталъ въ одной рубашкѣ, отперъ дверь, и проворно опять легъ.

— Разкажите же мнѣ что-нибудь объ ней!

Евгеній въ первый разъ былъ въ комнатѣ Горіо: онъ только что удивлялся богатому, изящному наряду дочери, и пришелъ въ ошелбененіе, увидѣвъ, въ какой канурѣ живетъ отецъ. Окно было безъ гардинъ; обои во многихъ мѣстахъ отдѣлились отъ сырыхъ стѣнъ и выказывали закопченную штукатурку; бѣдный старикъ спалъ на соломенномъ тюфякѣ и прикрывался изодранымъ одѣяломъ, а на ноги

кладъ для тепла шитые лоскутки грязныхъ капотовъ Г-жи Вокё. На чердакъ послѣдняго носильщика мебели бывають лучше тѣхъ, которыми хозяйка убрала жилище Горію. При взглядѣ на эту сырую и холодную комнату, дрожь невольна пробѣгала по всему его тѣлу. Къ счастью, Горію не видѣлъ выраженій лица Евгенія: поставивъ свѣчу на столъ, онъ закрылся до самой головы, и повернулся къ нему.

— Ну, которая же вамъ больше нравится, Анастасія или Дельфина?

— Дельфина мнѣ больше нравится, отвѣчалъ Растиньякъ: потому что она больше къ вамъ привязана.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ чувствомъ, старикъ нѣжно пожалъ руку Евгенія.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ тронутымъ голосомъ. Что жъ она говорила вамъ обо мнѣ?

Студентъ повторилъ слова баронессы съ нѣкоторыми прикрасами; бѣднякъ Горію слушалъ съ благоговѣніемъ.

— Милая моя Дельфина! Да, да; она меня очень любитъ. Но не вѣрьте тому, что она говорила вамъ объ Анастасіи. Онъ меня такъ любитъ, что ревнуютъ другъ къ другу. Анастасія тоже ко мнѣ очень привязана, я это знаю. Видите, что значить отецъ со своими дѣтьми: онъ проникаетъ во внутренность сердець и судитъ о намѣреніяхъ! Охъ, если бы у меня были хорошіе зятя: я бы былъ слишкомъ счастливъ! Не понимаю, какъ Дельфина могла выйти за этого толстаго чурбана Альзаеца, который такъ дурно съ нею обходится! Я, почти не въ правѣ сердиться на нее за то, что у ней есть милой другъ: женщина не можетъ обойтись безъ любви.... Но говорить, что этотъ Марсё негодяй. Мнѣ часто приходится охота свернуть ему шею. Боже мой, если бы кто сдѣлалъ мою Дельфину счастливою, если бы онъ любилъ ее какъ она заслуживаетъ, я бы въ состояніи былъ чистить ему сапоги! Я ихъ люблю до безпамятства! Ахъ, если бы я жилъ съ ними! Одно уже то, что я бы зналъ, что онъ тутъ, близко; что слышалъ бы, какъ онъ говорятъ, видѣлъ бы, какъ онъ уезжаютъ, или прѣзжаютъ домой.... Вы не можете вообразить, какъ все это веселило меня, когда онъ

еще жили у меня. Скажите мнѣ, хорошо ли была одѣта моя Дельфина?

— Прелестно. Но скажите мнѣ, ради Бога, мой почтеннѣйшій, какъ вы можете жить въ такой конурѣ, когда ваши дочери замужемъ за такими богачами?

— Да къ чему мнѣ жить лучше? сказалъ онъ съ безпечнымъ видомъ. Я не умѣю вамъ этого объяснить, потому что я не мастеръ говорить.... У меня все тутъ! прибавилъ онъ, указавъ на сердце. Жизнь моя вся въ моихъ дочеряхъ. Если онѣ веселятся, если онѣ счастливы, хорошо одѣты, ходятъ по коврамъ, что за надобность; какое на мнѣ сукно и гдѣ я сплю! Мнѣ не холодно, когда имъ тепло; я не спущаю, если онѣ смѣются. Горюю я только ихъ горемъ, — своего у меня нѣтъ. Вы этого не понимаете теперь, молодой соседъ. Погодите, когда у васъ будутъ дѣти: вы увидите, что это такое. При видѣ вашихъ дѣтей, вы будете, чувствовать, что это нѣчто ваше, чревъ вашего чрева, чистѣйшая капля вашей крови: оно и дѣйствительно такъ! — вамъ будетъ казаться, что вы сами движитесь, когда они ходятъ.....

Въ эту минуту старикъ Горіо казался чѣмъ-то неземнымъ. Евгенийъ еще его не видывалъ освѣщеннаго пламенемъ евоей родительской страсти. Существо самое грубое, выражая чувство истинное и сильное, окружается облакомъ какой-то эфирной жидкости, которая облагороживаетъ энциклопедію, вливаетъ душу въ тѣлодвиженіа, придаетъ радужный цвѣтъ голосу. Оно движется тогда въ свѣтлой сѣрѣ. Въ ту минуту въ жестахъ, въ голосѣ старика Горіо, была сила сообщенія, составляющая великаго актера.

— Такъ вамъ, вѣрно, пріятно будетъ узнать, сказалъ Растиньякъ, что Дельфина скоро поссорится съ Г. Марсѣ. Онъ покидаетъ ее и волочится за нягинею Сусиска. А я сегодня рвниительно влюбился въ Г-жу Нюсангенъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ Горіо.

— Да. Кажется, что и я ей не противенъ. Мы съ ней цѣлый часъ толковали о разныхъ вещахъ, относящихся къ сердцу. Я буду у ней послѣ завтра, въ субботу.

— О, какъ я буду любить васъ, если вы сдѣлаетесь ея другомъ! Вы добры, вы не станете ее мучить. Но если

вы ей извините, я васъ убью! Женщина два раза не любить. Боже мой, я заврался! Прощайте, Г. Растиньякъ, вамъ здѣсь холодно. Не велѣла ли она что-нибудь сказать мнѣ?

— Ничего, подумалъ Евгений. — Она сказала, что посылаетъ вамъ поцѣлуй любящей васъ дочери, продолжалъ онъ вслухъ.

— Прощайте. Спокойной ночи! Мнѣ будетъ всю ночь сниться этотъ поцѣлуй.

«Бѣднякъ! подумалъ Евгений, ложась спать: онъ право тронетъ каменное сердце. Она думаетъ объ немъ столько же, какъ о Турецкомъ Султанѣ.»

Съ этого разговора Горіо почиталъ Евгенія своимъ повѣреннымъ, своимъ другомъ. Между ними установились единственныя соотношенія, какими только Горіо могъ привязаться къ другому человѣку. Онъ воображалъ себя, что сблизится со своею Дельфиною, что она будетъ лучше принимать его, когда Евгений подружится съ нею. Онъ и не думалъ объ ея добромъ имени, забывалъ, что онъ, какъ отецъ, долженъ быть покровителемъ ея добродѣтели..... Правду сказать, уже нечего было и покровительствовать!

На другой день, за завтракомъ, всѣ жильцы Г-жи Вокэ съ удивленіемъ увидѣли, что Горіо подсѣлъ къ Растиньяку, что между ними учредились особенныя отношенія, что физіономія старика, котораго лице обыкновенно походило на старую измятую маску, дышетъ удовольствіемъ и жизнію. Вотренъ, который въ первый разъ видѣлъ Евгенія со времени ихъ совѣщанія, казалось, хотѣлъ прочесть въ душѣ его. Вчера, ложась спать, Евгений измѣрялъ мысленно обширное поприще, открывшееся передъ нимъ; вспомнилъ о предложеніи Вотрена, и думалъ о приданомъ дѣвицы Тальферъ. Теперь, за завтракомъ онъ глядѣлъ на нее, — глядѣлъ такъ, какъ молодой человѣкъ, самый добродѣтельный, невольно смотритъ на богатую наследницу. Глаза ихъ встрѣтились. Евгений, въ своемъ новомъ костюмѣ, очень нравился бѣдной дѣвушкѣ. Взоръ, которымъ они обмѣнялись, былъ довольно значителенъ, и студентъ могъ счесть себя предметомъ тѣхъ неясныхъ желаній, которыя всегда мучатъ молоденькую дѣвушку, и которая она готова сосредоточить на первомъ нѣскольکو миломъ существѣ. Какой-то тай-

ный голосъ кричалъ Растиньяку — Восемь сотъ тысячъ франковъ! Но онъ тотчасъ обратился къ воспоминаніямъ вчерашняго дня, и надвѣлся, что заказная страсть его къ баронессѣ будетъ противодіемъ дурнымъ мыслямъ, которыя невольно приходили ему въ голову.

— Вчера играли, въ Италіянскомъ театрѣ, Севильскаго Цирюльника Россини, сказалъ онъ. Я никогда не слыхивалъ такой восхитительной музыки!

— А какъ вы возвратились изъ театра? спросилъ Вотрень.

— Пѣшкомъ, отвѣчалъ Евгений.

— Этого я не понимаю, сказалъ соблазнитель. Что за радость въ этихъ половинныхъ удовольствіяхъ! По мнѣ, въ театрѣ пріятно быть въ своей ложѣ, прѣхать туда въ своей каретѣ, и возвратиться въ своей, спокойно и удобно. Мой девизъ — Все или ничего!

— Право, славный девизъ! сказала Г-жа Вокѣ.

— Не пойдете ли вы къ Дельфинъ? сказалъ Евгений по тихоньку старику Горіо. Она приметъ васъ съ распростертыми объятіями: ей, вѣрно, пріятно будетъ распросить васъ обо мнѣ. Я слышалъ, что ей очень хотѣлось бы познакомиться съ виконтессою Босеанъ. Не забудьте сказать ей, что я готовъ доставить ей это удовольствіе.

Растиньякъ отправился въ свой юридическій факультетъ. Ему непріятно было оставаться въ классѣ; онъ вышелъ, и сталъ бродить по улицамъ, мучимый лихорадкою, извѣстною всемъ молодымъ людямъ, питающимъ слишкомъ блестящія надежды. Вспоминая слова Вотрена, онъ размышлялъ о Парижской жизни, когда встрѣтился въ Люксембургскомъ Саду съ пріателемъ своимъ Біаншономъ, студентомъ медицины, который всякой день обѣдалъ у Г-жи Вокѣ.

— Что ты такъ задумался? сказалъ Біаншонъ, взявъ Евгения подъ руку, чтобы походить передъ дворцемъ.

— Меня мучатъ разныя мысли.

— Какія это? Отъ мыслей можно вылечиться.

— Какимъ образомъ?

— Передавшись ихъ влеченію.

— Ты шутишь, не зная, въ чемъ дѣло.

— Вообрази, сказалъ Біаншонъ, переходя вдругъ къ другому предмету: я былъ въ Ботаническомъ Саду, на лекціи Кювье; выхожу оттуда и вижу нашу мамзель-Мишонъ Поарё: они сидятъ на лавкѣ и толкують съ какимъ-то чловѣкомъ, который, какъ мнѣ кажется, долженъ быть реодѣтый полицейскій чиновникъ. Надобно присматривать за этой парочкой; я скажу тебѣ послѣ для чего. Прощай покуда. Въ четыре часа мнѣ надобно быть въ факультетѣ на перекличкѣ.

Когда Евгенийъ возвратился домой, старикъ Горіо ждалъ его.

— Посмотрите, письмо отъ нея! Какой хорошенькій почеркъ, не правда ли?

Евгений распечаталъ письмо и прочелъ:

«Батюшка говорилъ мнѣ, что вы любите Италиискую музыку: по вольте мнѣ, предложите вамъ мѣсто въ моей ложѣ. Въ субботу играютъ Г-жа Фодоръ и Пеллегрини; я увѣрена, что для нихъ вы мнѣ не откажете. Мужъ мой, вмѣстѣ со мною, проситъ васъ безъ церемоній сѣсть кушать у насъ. Если вы согласитесь на это, то избавите его отъ тяжкой супружеской обязанности провожать меня въ театръ. Не забудьте чайте мнѣ и привѣжайте.»

Д. Н.

«Порядочная женщина некидается такимъ образомъ на шею къ мужчине! сказалъ про себя Евгенийъ. Вѣрно, она хочетъ употребить меня для того, чтобы ревностью снова привязать къ себѣ Г-на Марсѣ. Этакія вещи дѣлаются только отъ досады.»

— Ну, о чемъ же вы думаете? спросилъ Горіо.

Растиньяку совершенно неизвѣстно было сумасбродство овладѣвшее въ то время извѣстными женщинами: онъ не зналъ, что банкирша готова пожертвовать вѣнцомъ на свѣтъ, чтобы только попасть въ какой-нибудь знатный домъ въ Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстьи. Но недоверчивость его принесла ему пользу: она охладила его, и дала ему несчастную возможность, не принимать условій, а самому поставятъ ихъ.

— Да, да; я пойду, сказалъ онъ.

Теперь одно любопытство вело его къ Г-жѣ Нюстингенъ, а если бы она пренебрегла его, онъ былъ бы увлеченъ

туда страстью. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрашняго дня.

Одвѣвшись весьма изящно, онъ сошелъ въ общую комнату, въ то время какъ всѣ жильцы сидѣли за столомъ. Нарядъ его возбуждалъ тысячу шутокъ; Вотренъ проговорилъ объ его платьѣ длинную и забавную тираду, отъ которой все общество расхохоталось; двѣица Тальферъ бросила на него нѣжный взглядъ и сказала нѣсколько словъ на ухо Г-жѣ Кутюръ; Евгенийъ ушелъ отъ нихъ скорѣе, въ совершенномъ смущеніи.

Онъ отправился въ улицу Св. Лазаря, и пришелъ къ одному изъ тѣхъ легкихъ домиковъ, съ тоненькими колоннами, съ жалкими портиками, которые составляютъ «красивое» въ Парижѣ, — къ настоящему банкирскому домику, наполненному драгоценною изысканностью, мраморомъ и мозаикою. Г-жа Нюсингенъ была въ гостиной, украшенной Итальянскою живописью, но походившей, по своему убранству, на кофейную. Баронесса казалась печальною. Усилія, которыя она дѣлала, чтобы скрыть свою горестъ, тѣмъ болѣе тронули Евгения, что въ нихъ не было ничего притворнаго. Онъ думалъ обрадовать женщину своимъ приходомъ, а между-тѣмъ видѣлъ ее въ отчаяніи. Это оскорбляло его самолюбіе. Понутивъ падъ ея прискорбіемъ, онъ сказалъ:

— Я, конечно, не имѣю ни какихъ правъ на вашу довѣренность, сударыня; но если я вамъ мѣшаю, то надвюсь, что вы мнѣ откровенно скажете.

— О, нѣтъ, нѣтъ, не уходите, отвѣчала она: если вы уйдете, я останусь совершенно одна. Мужъ мой не обѣдаетъ дома, а мнѣ бы не хотѣлось оставаться одной: мнѣ нужно развлеченіе.

— Но что съ вами?

— О, вамъ бы я послѣднимъ это сказала!

— Мнѣ очень бы хотѣлось знать; иначе я могу подумать, что это касается до меня.

— Можетъ быть!.... Нѣтъ; это семейныя неудовольствія, которыя должны быть погребены въ сердцѣ. Я вамъ говорила третьяго-дня, — я очень несчастлива.

Если женщина говорить молодому человѣку, что она несчастлива; если молодой человѣкъ уменъ, хорошо одѣтъ и

чувствуетъ въ своемъ карманѣ полторы тысячи франковъ свободныхъ, то онъ необходимо станетъ думать то же, что говорилъ Евгений.

— Чего вамъ желать! сказалъ онъ. Вы прекрасны, молоды, любимы, богаты.

Она сдѣлала отрицательный знакъ головою.

— Не станемъ говорить обо мнѣ, отвѣчала она. Мы пообедаемъ вдвоемъ, и потомъ поведемъ слушать прелестнѣйшую музыку. По вкусу ли вамъ я одѣта? спросила она, вставая и показывая свое изящно богатое платье изъ бѣлаго кашемира съ Персидскими узорами.

— О, я хотѣлъ бы, чтобъ это чудесное платье съ тѣмъ, что въ немъ содержится, принадлежало мнѣ! сказалъ Евгений. Вы въ немъ прелестны.

— Вы бы владѣли жалкою женщиною, сказала она, печально улыбувшись. Ни что не обличаетъ здѣсь несчастій, а между-тѣмъ я въ отчаяніи. Горе отнимаетъ у меня сонъ. Я скоро подурнѣю.

— О, это невозможно! сказалъ Евгений. Могутъ ли быть печали, которыхъ бы не загладила пламенная преданность друга?

— Если бъ я открыла вамъ мои печали, вы бы меня оставили, потому что вы притворяетесь пламенно преданнымъ только изъ обыкновенной вежливости; а когда бъ вы, по несчастію, истинно любили меня, вы сами были бы отъ этого въ отчаяніи. Вы видите, что я должна молчать. Сдѣлайте милость, станемте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Пойдемте посмотрѣть мои комнаты.

— Нѣтъ, останемтесь здѣсь! отвѣчалъ Евгений, сѣвъ на маленькой софѣ у каминна, подлѣ Г-жи Нюсингенъ и отважно взявъ ее за руку.

Она не противилась, и даже слегка пожала ему пальцы съ однимъ изъ этихъ движеній сосредоточенной силы, которыя обличаютъ глубокое страданіе.

— Послушайте, сказалъ Растиньякъ: если у васъ есть печали, вы должны открыть мнѣ ихъ. Я хочу доказать, что люблю васъ для васъ самой. Или вы мнѣ расскажете ваши огорченія, чтобы я могъ облегчить ихъ, хоть бы для этого

надобно было убить человѣкъ шесть, или я сейчасъ уйду, и никогда больше у васъ не буду.

— Хорошо же! вскричала она, какъ-бы не внушенію отчаянной мысли, и ударивъ себя по лбу. Я сейчасъ испытаю васъ. Да! сказала она сама себѣ: это единственное средство!.....

Она позвонила.

— Барринова карета заложена? сказала она камердинеру.

— Заложена, сударыня.

— Я ее возьму. Баринъ поведетъ въ моей каретѣ. Обѣдать мы будемъ въ семь часовъ.

— Поведите! сказала она Евгенію, который думалъ, что видитъ все это во снѣ, когда очутился подлѣ этой женщины, въ каретѣ барона Нюсингена.

— Въ Палэ-Рояль! сказала она: остановитесь подлѣ Французскаго Театра!

Дорогой она была безпокойна, и Евгеній не зналъ, что думать объ ея безмолвномъ, хладнокровномъ сопротивленіи. «Въ одну минуту она у меня вырвалась! сказалъ онъ про себя.» Когда карета остановилась, баронесса взглянула на Евгенія съ такимъ видомъ, что пресѣкла потокъ безумныхъ словъ его, потому что онъ совершенно вышелъ-было изъ себя.

— Истинно ли вы меня любите? сказала она.

— О, да! отвѣчалъ онъ, скрывая безпокойство, которое неволью имъ овладѣло.

— Вы не станете думать обо мнѣ дурно, чего бы отъ васъ ни потребовала?

— Нѣтъ.

— Согласны ли вы мнѣ повиноваться?

— Слепо, во всемъ что вы прикажете.

— Бывали ли вы когда-нибудь въ игорныхъ домахъ? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Никогда.

— Я очень рада. Следственно вы будете играть счастливо. Вотъ вамъ мой кошелекъ. Возьмите же! Тутъ сто франковъ: болѣе у меня нѣтъ! Подите въ игорную залу. Я не знаю, гдѣ эти залы, но знаю, что онѣ въ Палэ-Рояль. Поставьте эти сто франковъ въ игръ, которую называютъ

рулеткою, и проиграйте ихъ, или выиграйте мнѣ шесть тысячъ франковъ. Тогда я расскажу вамъ мои огорченія.

— Чортъ меня возьми, если я понимаю, что стану дѣлать! Но я исполню вашу волю, прибавилъ онъ съ тайною радостью, которую возбуждала въ немъ мысль: «Она компрометируется со мною; следовательно не можетъ уже ни въ чемъ отказать мнѣ.»

Евгеній взялъ прекрасный кошелекъ, спросилъ, гдѣ игорная зала и побѣжалъ туда. У дверей взяли у него шляпу. Онъ вошелъ, и спросилъ, что такое рулетка. Слуга, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, повелъ его къ длинному столу. Всѣ зрители окружили Евгенія. Онъ хладнокровно спросилъ, гдѣ надо поставить деньги.

— Если вы положите лундоръ на одинъ изъ этихъ тридцати шести нумеровъ, и если онъ выйдетъ, вы выиграете тридцать шесть лундоровъ, сказалъ ему какой-то почтенный съдой старикъ.

Евгеній положилъ свои сто франковъ на № 21, означавшій его лѣва, и не успѣвъ осмотрѣться, какъ раздался крикъ удивленія. Онъ выигралъ, — самъ того не зная.

— Возьмите же ваши деньги. Въ этой партіи два раза выиграть нельзя.

Евгеній взялъ лопатку, которую подавалъ ему тотъ же старикъ, и сгрѣбъ свои три тысячи шесть сотъ франковъ; и опять, не зная что дѣлаетъ, положилъ ихъ на красный квадратъ. Зрители съ завистью на него смотрятъ, полагая, что онъ продолжаетъ еще играть. Колесо повертывается, онъ снова выигрываетъ, и банкومتъ бросаетъ ему еще три тысячи шесть сотъ франковъ.

— Вы выиграли семь тысячъ двести франковъ, сказалъ ему тотъ же старикъ на ухо. Советую вамъ перестать играть; красный выходилъ уже восемь разъ. Если вы великодушны, то, въ награду за добрый советъ, облегчите участь бывшего Наполеоновскаго префекта, который находится теперь въ крайней нищетѣ.

Старикъ беретъ у него десять лундоровъ, и Растищякъ уходить со своими семью тысячами франковъ, ни сколько не постигая, какимъ образомъ онъ ихъ выигралъ, но удивляясь своему счастью.

— Куда же вы меня теперь повезете, сказалъ онъ баронессъ, показывая ей деньги, когда человекъ затворилъ двери кареты.

Дельфина, въ безумной радости обняла его, и поцѣловала съ жаромъ, но безъ страсти.

— Вы мой спешитель! вскричала она, и слезы ручьями потекли по щекамъ ея. Теперь я все расскажу вамъ, другъ мой. Не правда ли, что вы будете моимъ другомъ? Вы думаете, что я богата, живу въ роскоши, ни въ чемъ не терплю недостатка? Знайте же, что Г. Нюсингенъ не позволяетъ мнѣ располагать ни малѣйшей денежкой. Онъ самъ платитъ за всю прислугу, содержитъ мои экипажи, нанимаетъ мои лошади; на гердеробъ мой даетъ онъ мнѣ сумму очень недостаточную, и своей расчетливостью доводитъ меня до тайной нищеты. Я слишкомъ горда, чтобы просить его о чемъ-нибудь. Я была бы презрѣнною тварью, если бъ рѣшилась покупать его деньги за цѣну, которую онъ требуетъ. Какимъ же образомъ я позволила обогатить себя, когда у меня своихъ семь сотъ тысячъ франковъ? Изъ гордости, по негодованію. Мы, несчастныя женщины, такъ молоды, такъ простодушны, когда начинаемъ брачную жизнь! Слова, которыми надобно было просить у мужа денегъ, раздирали мнѣ губы; я никогда не рѣшалась ихъ выговорить; проживала деньги, которыя сберегла, и тѣ, которыя давалъ мнѣ добрый отецъ мой; наконецъ я надѣлала долговъ. Замужество было для меня гнуснымъ обманомъ. Я не могу говорить вамъ объ этомъ. Скажу вамъ только, что я бы бросилась въ окно, если бъ должна была жить съ Г. Нюсингеномъ, иначе какъ въ разныхъ комнатахъ. Я рѣшилась польстить самолюбію одного человека, котораго вы знаете, сказала она. И тотъ обманулъ меня! Онъ безсовѣстно меня покинулъ, хотя великодушно одолжилъ меня въ нуждѣ. Мужчина никогда не долженъ бы покидать той, которой, въ минуты крайности, бросилъ кучу золота..... Вы съ вашей двадцати-лѣтнею душею, съ чистымъ сердцемъ, вы, конечно, не постигаете, какъ можетъ женщина принимать деньги отъ мужчины? Деньги становятся чѣмъ-нибудь только тогда, когда любовь исчезла. Любя, думаешь, что будешь любима вѣчно, и не видишь различія между достояніемъ

своимъ и своего друга. Вы не можете постигнуть, какъ страдала сегодня, когда Г. Нюсингенъ отказалъ мнѣ шести тысячахъ франковъ, а самъ даетъ ихъ осьмой и сляцъ своей любовницѣ, танцовщицѣ! Я хотѣла лишиться жизни. Тысяча сумасбродныхъ идей вертелись у меня въ головѣ. Были минуты, когда я завидовала служанкѣ моей, горничной. Обратиться къ батюшкѣ? Невозможно! Мы съ Анастасіею ограбили его, бѣдняка. Онъ самъ бы себя продалъ дѣвчонкѣ, если бы за него дали шесть тысячъ франковъ. Я бы тогда безъ пользы привела его въ отчаяніе. Вы избавили меня отъ стыда и отъ смерти; я съ ума сходила отъ горести. Я должна была рассказать вамъ все это, потому что поступила съ вами какъ безумная. Когда вы вышли изъ кареты, когда я потеряла васъ изъ виду, я хотѣла бѣжать пѣшкомъ.. Куда! сама не знаю. Вотъ жизнь половины всѣхъ женщинъ въ Парижѣ: снаружи пышность, а въ душѣ отчаяніе! Я знаю женщинъ еще несчастнѣе меня: онѣ принуждены обкрадывать своихъ мужей самымъ безчестнымъ образомъ. Я никогда не рѣшалась на эти низкіе обманы; и у васъ впередъ не буду въ такомъ ужасномъ положеніи. А!! сегодня по-крайней-мѣрѣ Г. Марсѣ не посмѣетъ смотрѣть на меня какъ на женщину, которой онъ платилъ.....

Она закрыла лице руками, чтобы Евгеній не видалъ слезъ; но онъ отнялъ ручки, чтобы посмотреть на нее: она была восхитительна!

— Мѣшать деньги съ нѣжными чувствованіями, это ужасно! не правда ли? О, вы не можете любить меня!

Эта смѣсь гордости, которая такъ облагораживаетъ женщинъ, съ проступками, въ которыя увлекаетъ и общество, смущала Евгенія, и между-тѣмъ онъ говорилъ Дельфинѣ слова кроткія и утѣшительныя, любилъ эту прелестною женщиною, столь откровенною, столь неосторожною въ послѣднемъ изліаніи своей горести.

— Вы не употребите этого во зло противъ меня? сказала она. Общайтесь мнѣ.

— О, сударыня, я неспособенъ къ этому!

Она взяла его руку, и, съ милымъ движеніемъ признательности, положила ее себѣ на сердце.

— Благодаря вамъ, я снова весела и свободна. На мнѣ лежала тяжелая рука. Съ этихъ поръ я стану жить просто, не буду тратить лишняго. Я общаю вамъ это, другъ мой..... Оставьте это у себя, сказала она, взявъ только шесть банковыхъ билетовъ. Я должна еще вамъ двѣ тысячи пять сотъ франковъ, потому что считала васъ въ ловиннѣ съ собою.

Евгеній сначала отказывался, какъ невинная дѣвушка, но баронесса сказала ему: — Если вы не хотите быть моимъ сообщникомъ, то вы мой врагъ. — И онъ взялъ деньги, говоря: — Это будетъ нашъ капиталъ на случай проигрыша.

— Этого-то я и боялась! вскричала она, блѣднѣя. Если вы хотите, чтобы я была чѣмъ-нибудь для васъ, то поклянитесь мнѣ, что вы никогда впередъ не будете въ игровомъ домѣ. Боже мой, мнѣ сдѣлать васъ игрокомъ! Я бы умерла съ горя.

Она пріѣхала. Эта противоположность нищеты съ пышностію поражала и пугала Евгенія.

— Сядьте тутъ, сказала баронесса, войдя въ свой кабинетъ и указавъ ему на маленькую софу, стоящую у камина. Мнѣ надобно написать къ нему письмо, чрезвычайно трудное. Помогите мнѣ.

— Къ чему писать? отвѣчалъ Евгеній: положите билеты въ конвертъ, подпишите, и отправьте съ вашею горничной.

— Да вы золотой человекъ! вскричала она. Вотъ что значить быть хорошо воспитаннымъ! Это совершенно по-Босеановски, прибавила она, улыбаясь.

«Она восхитительна!» сказалъ самъ себѣ Евгеній, тогда какъ Дельфина дергала за колокольчикъ, чтобъ позвать горничную.

— Тереза, снеси это сама къ Г. Марсѣ и отдай ему въ руки. Если ты не застанешь его дома, то принеси письмо назадъ.

Тереза, уходя, бросила лукавый взглядъ на Растиньяка. Обѣдъ былъ готовъ. Евгеній подалъ баронессѣ руку, и она повела его въ прелестную гостиную, гдѣ онъ нашелъ ту же столовую роскошь, которую видѣлъ у Босеановъ.

— Всякой день, когда играютъ Италіяницы, вы должны обѣдать у меня и потомъ ѣздить со мною въ театръ.

— Я бы охотно поддакъ этой блаженной жизни; но бѣдный студентъ, и мнѣ надобно подумать, какъ бы устроиться и приобрести хоть маленькое состояніе.

— Приобрѣтете! сказала она, смѣясь. Вы видите, все уживается. Думала ли я сегодня быть такою счастливою?

Женщины любятъ доказывать, что невозможное возможно.

Когда Г-жа Нюсингенъ и Растиньякъ вошли въ домъ у ней былъ довольный и веселый видъ, который такъ шелъ къ ней, что въ собраніи стали ходить маленькія клеветки и интересные сплетни, невинныя догадки о томъ, какъ прелезла красная баронесса провела свое время между обѣдомъ и театромъ. Кто знаетъ столичныя публички, тотъ не станетъ верить ничему, что въ нихъ говорится во время антрактовъ.

Евгеній непримѣтно взялъ руку баронессы, и они говорили между собою болѣе или менѣе живыми догадками, сообщая другъ другу впечатлѣнія, производимыя на нихъ мимолетною зыкою. Этотъ вечеръ былъ для нихъ уполтеленъ. Они вышли вмѣстѣ, и Госпожа Нюсингенъ захотѣла проводить Евгенія до Новаго Моста, чтобъ имѣть возможность дооспаривать у его наглости одинъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, которые такъ щедро расточала ему въ Пале-Рояль. Она упрекала ее въ этой переувѣчивости.

— Тогда это была благодарность за преданность нежданную, сказала она: теперь это былъ бы залогъ обещанія.

— А вы не хотите обещать мнѣ, неблагодарная!

Дельфина, сдѣлавъ одинъ изъ тѣхъ жестовъ нетерпѣнія, которые такъ нравятся влюбленнымъ, дала ему поцѣловать руку; и онъ взялъ эту руку съ неохотою, восхитившею баронессу.

— Въ понедѣльникъ, на балъ увидимся, сказала она, выпустивъ его изъ кареты.

Идя пѣшкомъ, въ лунную и прекрасную ночь, Евгеній предавался размышленіямъ. Онъ былъ вмѣстѣ и счастливъ и недоволенъ: счастливъ приключеніемъ, котораго вѣроятная развязка доставляла ему обладаніе одною изъ самыхъ прелезныхъ и модныхъ красавицъ во всемъ Парижѣ, к

которой стремился все его желанія; недоволенъ тѣмъ, что все его планы обогащенія рушились. Тогда снова закружились въ головѣ его мысли, которымъ онъ предавался за два дня до того. Неудача всегда показываетъ намъ неумѣренность нашихъ желаній. Чѣмъ болѣе Евгенийъ наслаждался Парижскою жизнью, тѣмъ пуще не хотѣлось ему оставаться бѣднымъ и безвѣстнымъ. Онъ имѣлъ въ карманѣ банковской билетъ, и старался убѣдить себя, что имѣетъ право располагать имъ. Наконецъ онъ пришелъ къ дому Г-жи Вокè, и, всходя по лѣстницѣ, увидѣлъ на верху огонь. Старикъ Горіо оставилъ дверь свою не запертою и не потушилъ свѣчи, чтобы Евгенийъ не забылъ «разсказать ему про дочь его», какъ онъ обыкновенно говорилъ. Евгенийъ ничего не скрывалъ отъ него.

— Охъ! вскричалъ онъ въ припадкѣ ревности: онъ думаютъ, что я разорился? А у меня еще тысяча триста франковъ дохода. Бѣдняжка моя Дельфина! Боже мой, зачѣмъ она не задумала пріѣхать ко мнѣ. Я бы продалъ свои облигаціи, мы бы взяли изъ капитала шесть тысячъ франковъ, а изъ остаткаго я бы составилъ себѣ пожизненный доходъ. Что жъ вы не пришли мнѣ сказать объ этомъ, любезный сосѣдъ? Какъ у васъ достало духу рисковать ея бѣдными, послѣдними ста франками. Вотъ, что значать зятья! Ахъ, если бы они попались мнѣ въ руки, я бы порядкомъ сдавилъ имъ горло.... Боже мой, и плакала! Она плакала?

— Да; лицомъ на моему жилетъ, сказалъ Евгенийъ.

— Ахъ, такъ отдайте жъ мнѣ этотъ жилетъ! вскричалъ Горіо. Какъ? на немъ есть слезы моей дочери, моей милой Дельфины, а она и маленькая не плакала! Не носите больше этого жилета, оставьте мнѣ его, я вамъ куплю другой..... Но имѣніе ея будетъ отдѣлено отъ мужнина. О, я завтра же пойду къ адвокату Дервилю. Я потребую, чтобыея приданое было отдано въ банкъ на сохраненіе. Я знаю законы. Я тертый калачъ; меня не проведешь.

— Послушайте, Г. Горіо, вотъ тысяча франковъ, которую она заставила меня взять изъ нашего выигрыша. Сберегите съ эти деньги вмѣстѣ съ жилетомъ.

Горю взглянул на Евгения, схватилъ его руку, и утонулъ на нее слезу.

— Вы будете счастливы, сказалъ старикъ, потому что Богъ справедливъ! Я знатокъ въ честности! Повѣрьте мнѣ, мадамъ, на свѣтѣ людей, которые бы на васъ походили. Такъ вы хотите быть моимъ милымъ дѣтищемъ? Ступайте, мадамъ, любезный, спать. Вы можете спать, потому что у васъ есть дѣтище..... Она плакала! И я узнаю это теперь; когда она страдала, я спокойно ѣлъ, какъ дуракъ! Но Богъ свидѣтель, я бы готовъ на все, чтобы только которую нибудь изъ нихъ избавить отъ слезъ.

— Право, сказалъ самъ себѣ Евгений, ложась спать: я думаю, что я на всю жизнь останусь честнымъ человекомъ. Слушаться совѣсти очень пріятно.

Быть можетъ, добро дѣлаютъ втайнѣ только тѣ, которые вѣрятъ въ Бога, а Евгений вѣрилъ въ Бога.

На другой день, Растиньякъ отправился передъ баломъ къ виконтессѣ Босеанъ, и она взяла его съ собою къ герцогинѣ Карильяно. Маршальша приняла его чрезвычайно любезно, и онъ нашель у ней Г-жу Нюсингенъ. Дельфини одѣлась прелестно, чтобы, правясь всѣмъ, еще болѣе понравиться Евгению, и съ нетерпѣніемъ ожидала его взгляда; стараясь однако жъ скрыть свое нетерпѣніе. Это минутое чувство восхитительная для человѣка, который умѣетъ угадывать чувства женщины. Кто не забавлялся иногда тѣмъ, что заставляетъ дожидаться своего мнѣнія, что изъ кокетства скрываетъ свое удовольствіе, чтобы находить признанія и причиненномъ безпокойствѣ, и наслаждаться страхомъ, который можетъ разогнать одной улыбкою? Во время этого бала, Растиньякъ понялъ всю важность своего положенія, догадался, что онъ избралъ себѣ родъ жизни, сдѣлавши кузенемъ виконтессы Босеанъ. Ему уже приписывали обаяніе баронессою Нюсингенъ, и это придавало ему столько вѣсу, что всѣ молодые люди бросали на него завистливыя взгляды; и уловивъ нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ

онъ испыталъ первыя наслажденія свѣтскаго, моднаго чело-
вѣка. Потомъ, пробираясь сквозь толпу изъ одной залы въ
другую, онъ слышалъ толки о своемъ благополучіи. Жен-
щины всѣ предвѣщали ему успѣхи. Дельѳина, боясь, что-
бы его не сманили, обѣщала ему поцѣлуй, которымъ по-
скупилась наканунѣ. На этомъ балѣ Растиньякъ приглашенъ
былъ на многіе другіе. Г-жа Босеанъ познакомила его со
многими дамами, у которыхъ собиралось хорошее общество.
Однимъ словомъ, онъ разомъ попалъ въ самый высшій,
самый блестящій кругъ Парижскаго общества. Этотъ вечеръ
имѣлъ для него всю прелесть удачнаго дебюта, и онъ вѣр-
но не забудетъ его до старости, какъ дѣвушка всегда вспо-
минаетъ балъ, на которомъ она торжествовала.

На другой день, когда онъ за завтракомъ рассказывалъ
старикѣ Горіо при всѣхъ жильцахъ свои успѣхи. Вотрѣнъ
принялся дьявольски улыбаться.

— И вы воображаете себя, вскричалъ этотъ суровый, без-
лощадный софистъ, что модной молодой челоувѣкъ можетъ
жить въ Новой Улицѣ Св. Женевьевы, въ домѣ Г-жи Вокè,—
домъ конечно, во всѣхъ отношеніяхъ весьма почтенномъ, но
ли сколько не фешенебельномъ? Любезный другъ, если вы
хотите блистать въ большомъ свѣтѣ, то вамъ надобно имѣть
трехъ лошадей на конюшнѣ, тюльбюри для утреннихъ ви-
здовъ, карету для вечернихъ; вы должны платить въ годъ
портному три тысячи франковъ, шляпнику триста франковъ,
сапожнику триста франковъ и тратить шесть сотъ франковъ
въ годъ на прачку. Модные молодые люди обязаны какъ можно
болѣе заботиться о бѣльѣ: это въ нихъ всего чаще разгля-
дываютъ. Сосчитавъ порядочно, найдемъ, что вамъ надобно
проживать двадцать пять тысячъ франковъ въ годъ; ина-
че вы шлепаетесь въ грязь, затмите свою свѣтлую будуш-
ность, лишитесь успѣховъ и любовницъ. Да! я еще за-
былъ камердинера и грума. Вѣдь не Христофоръ же бу-
детъ разносить ваши любовныя записки. И пельзя жъ вамъ
писать ихъ на бумагѣ, на которой дѣлаются отѣтки на лек-
ціяхъ: это значило бы просто зарѣзаться, безвозвратно по-
губить себя. Повѣрьте челоувѣку опытному, прибавилъ онъ,
сдѣлавъ басомъ своимъ *rinforzando*. Я самъ велъ эту жизнь

я знаю, что она стоитъ. Переселитесь на добродетельный чердакъ и обвѣчайтесь тамъ съ работою, или изберите другія средства.

Тутъ Вотренъ мигнулъ на Викторину Тальеръ, чтобы этимъ заключать рѣчь свою и напомнить Егению оемена, которыя онъ незадолго передъ тѣмъ вѣсылялъ въ его сердцацъ.

Прошло много дней въ которые Растиньякъ велъ жизнь самую разсвѣнную. Онъ почти всегда вздѣлъ съ Г-жею Нюсингенъ на обѣды и вечеринки. Онъ возвращался домой часа въ три или четыре за полночь, вставалъ въ полдѣнь, одѣвался и отправлялся въ хорошую погоду гулять съ Дельфиною, и безопасно тратилъ драгоценное время. Онъ игралъ въ большую игру; проигрывалъ и выигрывалъ много, и совершенно привыкъ къ безпутной жизни Парижскихъ молодыхъ людей. Изъ перваго выигрыша онъ отправилъ къ матери и сестрамъ полторы тысячи франковъ и небольшіе подарки. Хотя онъ давно уже объявлялъ, что намеренъ выѣхать изъ дома Г-жи Вокé, но въ концѣ января жилъ еще тамъ, и не зналъ, какъ оттуда выбраться. Молодые люди почти всегда покоряются закону, который съ перваго взгляда кажется непопулярнымъ, но который происходитъ отъ самой ихъ молодости и бышеной страсти къ удовольствіямъ. У нихъ всегда есть деньги на прихоти, а никогда нѣтъ ихъ на нужное. Кошелескъ Растиньяка былъ всегда пустъ для Г-жи Вокé, всегда полонъ для удовлетворенія тщеславію своего владѣтеля, и имѣлъ какіе-то лунатическіе успѣхи и неудачи, никогда не соответствовавшіе настоящимъ срокамъ платежей, чтобы выѣхать изъ этого неблагогоднаго, нечистаго, вонючаго дома, надобно было расплатиться съ хозяйкою, купить мебели для новой квартиры, а этого онъ никогда не въ состояніи былъ сдѣлать.

Около этого времени Растиньякъ проигрался и надѣлалъ долговъ. Онъ начиналъ понимать, что ему не возможно продолжать этого образа жизни, не имѣя вѣрнаго дохода. Но вполне чувствуя по-временамъ всѣ неудобства своего положенія, онъ не имѣлъ силы отказаться отъ заманчивыхъ наслажденій этой жизни, и хотѣлъ продолжать ее, во что бы то ни стало. Счастливые случаи, на которые онъ надѣлся, обращались въ мечты, а существенныя препятствія

выросла. Эта жизнь, снаружи пышная, но съдаемая молдо угрызений совести; эти мимолетныя удовольствія, отравляемыя постоянными заботами, сдѣлались для него привычными; онъ сроднился съ этой жизнью, и, какъ Разсѣянный Лабрюера, дожидаясь спать въ грязи оврага, по так же, подобно Разсѣянному, марадъ покуда еще одно только платье.

— Что, братъ, видно уже предался влеченію своихъ мыслей, чтобы отъ нихъ выдѣлаться? сказалъ ему однажды Біаншонъ, выходя изъ-за стола?

— Нѣтъ еще, но, кажется, это скоро будетъ.

Біаншонъ принялъ это за шутку, а между-тѣмъ это была печальная истина. Евгенийъ, который, послѣ долгаго времени, снова пришелъ обѣдать за общій столъ, былъ очень задумчивъ. Въместо того, чтобы, по обыкновенію своему, за десертомъ встать, онъ остался въ столовой, сидѣлъ подлѣ двинцы Тальферъ, и по-временамъ бросалъ на нее выразительныя взгляды. Нѣкоторые изъ жильцевъ сидѣли еще за столомъ и ѣли орехи; другіе ходили по комнатамъ и разговаривали. Они расходились одинъ за другимъ. Зимую рѣдко случалось, чтобы столовая очистилась прежде восьми часовъ вечера; и тогда-то четыре женщины вознаграждали себя за молчаніе, которое почти всегда хранили въ этомъ мужскомъ собраніи. Пораженный задумчивостію Евгения, Вотренъ показалъ, будто спѣшитъ уйти, но остался въ столовой и наблюдалъ за нимъ такъ, что тотъ не замѣчалъ его. Онъ догадывался, что въ душѣ Растиньяка происходитъ переломъ.

Евгенийъ дѣйствительно находился въ непріятномъ расположеніи духа, которое большая часть молодыхъ людей знаютъ. Любила ли его Г-жа Нюсингенъ или только кокетничала, но она искусная въ женской Парижской дипломатіи, она провела его по всемъ ступенямъ страсти. Выказывая публично любовь къ нему, чтобы привязать къ себѣ родственника виконтессы Босанъ, она не рѣшалась еще даровать ему правъ, въ которыхъ всѣ ему завидовали. Въ первое время ихъ связи, Евгенийъ едва не сдѣлался полнымъ властителемъ, но потомъ она мало-по-малу взяла верхъ надъ нимъ съ помощію различныхъ уловокъ, которыми возбуж-

дала всё, и хорошія и дурныя чувствованія и наклонности трехъ или четырехъ человекъ, заключающихся въ Парижскомъ молодомъ человекѣ. Неужели это былъ расчетъ Нэтъ. Женщины всегда истинны, даже и въ самомъ коварствѣ, потому что онѣ всегда повинуются какому-нибудь естественному чувству. Очень натурально, что женщина увлекаемая страстію, передъ самымъ своимъ паденіемъ, старается испытать сердце человекъ, которому вѣрять свое будущее. Всѣ надежды Г-жи Нюсингенъ были уже однажды обмануты, и вѣрность ея къ молодому эгоисту признана. После этого она имѣла полное право быть невѣрчивою. По какимъ бы причинамъ то ни было, она шутила страстію Евгенія, и не боялась забавляться ею, она была увѣрена, что онъ любитъ ее истинно, и знала, что можетъ утѣшить и осчастливить его, какъ скоро ей вздумается. Весь Парижъ воображалъ, что онъ счастливъ съ Г-жею Нюсингенъ, а дѣла его ни сколько не подвинулись съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее во второй разъ. Не зная еще, что иногда наслажденія, доставляемая любовію женщины не такъ пріятны какъ удовольствія, производимыя ея кокетствомъ, онъ предавался иногда глупому бѣшенству. Иногда оставаясь безъ денегъ, онъ, вопреки своей совѣсти, помышлялъ о предложеніи Вотрена и о возможности обогатиться посредствомъ брака съ дѣвницею Тальферъ. Въ этотъ день, голосъ нищеты заговорилъ въ немъ такъ громко, что онъ почти невольно поддался хитростямъ ужаснаго сонника котораго взгляды наводили на него обаяніе.

Когда Поарё и дѣвица Мишонё ушли, Растиньякъ думая, что кромѣ ихъ двоихъ остаются въ комнатѣ только Г-жа Вокё и Г-жа Кутюръ, которая, дремля у камина, вала себя шерстяныя рукава, поглядѣлъ на Викторину такъ близко, что она потупила глаза.

— Вы что-то печальны, Г. Растиньякъ, сказала Викторина.

— У кого нѣтъ своего горя, сударыня! отвѣчалъ онъ. Впрочемъ мы, молодые люди, вѣроятно никогда бы не печалились, если бы могли быть увѣрены, что насъ любятъ съ преданностію, которая-бы наградила насъ за наши жертвованія.

Вмѣсто отвѣта Викторина бросила на него взглядъ, который былъ не двусмысленъ.

— Напримѣръ вы, сударыня, вы увѣрены въ своемъ сердцѣ сегодня: но можете ли вы ствѣчать за него навсегда?

На устахъ бѣдной дѣвушки появилась улыбка, какъ — бы лучъ вырвавшійся изъ души, и лице ея такъ просвѣтлѣло, что Евгений испугался произведши столь сильный взрывъ чувства.

— Если бы вы, напримѣръ, получили завтра огромное, неожиданное наследство, неужели-бы вы попрежнему любили бѣднаго молодого человѣка, который правился вамъ во время вашего бѣдственнаго положенія?

Она мило кивнула головкой.

— Молодого человѣка очень бѣднаго и несчастнаго!

Она повторила тотъ же знакъ.

— Что вы за вздоръ тутъ говорите? вскричала Г-жа Вокё.

— Оставьте насъ въ покоѣ, отвѣчалъ Евгений, мы другъ друга понимаемъ.

— О, такъ баронъ Евгений Растиньякъ вступаетъ въ бракъ съ дѣвицею Викториною Тальферъ! сказалъ Вотренъ грубымъ своимъ голосомъ, явившись вдругъ въ дверяхъ столовой.

— Фу, какъ вы меня испугали! сказали вмѣстѣ Г-жа Вокё и Г-жа Кутюръ.

— Что жъ! выборъ былъ бы, я думаю, не дуренъ, сказалъ смѣясь Растиньякъ, на котораго голосъ Вотрена произвелъ самое жестокое ощущеніе, какое онъ въ жизнь свою испыталъ.

— Эти шутки не приличны, господа, сказала Г-жа Кутюръ. Викторина, пойдемъ въ нашу комнату.

Г-жа Вокё пошла за своими жилищами, чтобы сберечь свѣчу, проведя вечеръ у нихъ, а Евгений остался лицомъ къ лицу съ Вотренемъ.

— Я знаю, что у васъ до того дойдетъ, сказалъ онъ, сохраняя неизмѣнное хладнокровіе. Но послушайте: я совѣстенъ какъ и другой. Я не хочу принуждать васъ. Не рѣшайтесь тотчасъ; вы не въ спокойномъ расположеніи духа. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы не страсть, не отчаяніе, а раз-

судокъ заставлялъ бы васъ сблизиться со мною. Не надобно ли вамъ, можетъ-быть, нѣсколько тысячъ франковъ? Хотите, я дамъ вамъ ихъ?

Демонъ соблазнитель вынулъ изъ кармана портфеля взялъ изъ него три банковыхъ билета, и показалъ ихъ Евгенію. Растиньякъ былъ тогда въ самомъ жестокомъ положении. Онъ долженъ былъ Г. Ажудэ и Г. Тралю двѣ тысячи франковъ, проигранныхъ на слово, и, не имѣя ихъ, не смѣлъ взять на вечеръ къ графинѣ Ресто, гдѣ его ожидали. Это былъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ вечеровъ, на которыхъ только пьютъ чай и ѣдятъ пирожки, а проигрываютъ въ вистъ по десяти тысячъ франковъ.

— Г. Вотренъ! сказалъ Евгений, съ трудомъ скрывая судорожную дрожь, пробѣжавшую по всемъ его членамъ. Вы можете вообразить, что послѣ того, что вы мнѣ говорили, мнѣ непріятно было бы считать себя обязаннымъ вамъ.....

— Сказать ли вамъ правду? Мнѣ бы досадно было, если бы вы отвѣчали иначе. Вы прекрасный молодой человекъ, благородный, гордый какъ левъ и кроткій какъ красная девица. Вы были бы вкуснымъ глоткомъ для чорта. Я люблю въ молодыхъ людяхъ это качество. А вы видно считаете меня негодяемъ, когда вамъ совѣстно быть мнѣ обязаннымъ? Нужды нѣтъ. Между-тѣмъ человекъ, который былъ честенъ не менѣе того, какимъ вы себя считаете, Тюренъ не совѣстлся имѣть дѣла съ разбойниками. Вы не хотите быть мнѣ обязаннымъ? Ну такъ вотъ, сказалъ онъ, улыбаясь и вынимая изъ кармана гербовую бумагу: напишите тутъ: «Я нижеподписавшійся занялъ у такого-то три тысячи сѣчи пятьсотъ франковъ,—обязуюсь уплатить оныя въ теченіе одного года, безъ процентовъ», — и подпишите чистое слово. Проценты здѣсь включены, и довольно велики для того, чтобы успокоить вашу совѣсть. Такимъ образомъ вы можете называть меня жидомъ, и ни сколько не считать себя обязаннымъ мнѣ. Я даже позволяю вамъ покуда презирать меня: я знаю, что вы современемъ будете меня любить!

— Что жъ вы за человекъ? Вы, кажется, рождены на то, чтобы меня мучить, сказалъ Евгений.

— Нить, я только хочу забрызгаться грязью, для того, чтобы вы были защищены от нея на всю остальную жизнь вашу. Вы спросите меня: что жь это за непостижимая преданность? Когда-нибудь я скажу вамъ это по секрету. Я сначала испугалъ васъ; но это пройдетъ, какъ страхъ рекрута на полъ сраженія. Странное только дѣло, что я предлагаю вамъ богатство за одинъ знакъ головою, и вы не решаетесь на этотъ знакъ. Какой нынче странный вѣкъ!

Евгеній написалъ расписку, и взялъ банковые билеты.

— Ну, теперь поговоримъ толкомъ, сказалъ Вотренъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ бы хотѣлось отправиться въ Америку, сажать табакъ: я вамъ приплю сигаръ. Если у меня дѣтей не будетъ,—что, впрочемъ, вѣроятно, я вамъ откажу все свое имѣніе. Видана ли этакая дружба? Что дѣлать! Я страхъ люблю васъ. У меня страсть жертвовать собою другимъ. Я ужь это неразъ дѣлалъ. Дѣло въ томъ, что я парю въ сторонѣ болѣе возвышенной, чѣмъ другіе. На дѣла я смотрю какъ на средства, и думаю объ одной только дѣли. Человѣкъ для меня или все или ничего. Онъ меньше чѣмъ клопъ, если онъ Поврѣ. Но онъ существо возвышенное, когда походитъ на васъ; онъ уже тогда не машина, обтянутая кожей; онъ театръ, на которомъ движутся самыя прекраснѣйшія чувствованія, а я живу только для чувствованій.

Вотренъ ушелъ, чтобы не дать времени Евгенію отвѣтить отрицательно. — Дѣлай онъ что хочетъ, а я не женюсь на Викторинѣ! сказалъ про себя Растиньякъ.

Помучившись внутреннею лихорадкою, которую причинила ему мысль, что онъ вступилъ въ связь съ этимъ человѣкомъ, котораго гнушался, но которому самый пріизмъ идей его придавалъ необыкновенное выраженіе, Евгеній одѣлся, послалъ за каретой, и поехалъ къ графинѣ Рестѣ. Съ нѣкотораго времени Анастасія становилась чрезвычайно ласковою къ молодому человѣку, котораго каждый шагъ въ большемъ свѣтѣ былъ новымъ успѣхомъ, и который, какъ она полагала, долженъ пользоваться современемъ чрезвычайно сильнымъ вліяніемъ. Онъ расплатился съ Гг. Ажудою и Тралемъ, провелъ часть ночи за вистомъ, и отыгрался. Суевѣрный, какъ большая часть людей, которымъ надобно

пробить себѣ дорогу въ свѣтъ и которые все болѣе или менѣе фаталисты, онъ воображалъ, что судьба награждаетъ его счастьемъ за то, что онъ еще не совратился съ истиннаго пути. На другой день утромъ онъ спросилъ у Вотрена свое заемное письмо, и расплатился съ нимъ, изъясняя очень естественное удовольствіе.

— Все идетъ хорошо! сказалъ Вотренъ.

— Но я не сообщникъ вашъ, возразилъ Евгений.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Вотренъ, прерывая его. Вы еще рѣбачитесь, затрудняетесь пустяками.

Для черезъ два послѣ того, Г. Поарѣ самецъ мамзель Мишонд, и мамзель Мпшоно, самка Г-на Поарѣ, погулявъ, по обыкновенію своему въ Ботаническомъ Саду, сидѣли на солнцѣ въ одной уединенной аллеѣ, и толковали съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который не напрасно казался Біаншону подозрительнымъ.

— Не понимаю, сударыня, говорилъ Г. Гондюро, чего тутъ совѣститься. Его превосходительство.....

— О, какъ скоро его превосходительство!... какъ скоро его превосходительство.... такъ это дѣло совсемъ другое....!

— Вы слышите, сударыня, какъ здраво судить вашъ пріятель, которому вы очень можете повѣрить. Ну, такъ его превосходительство теперь совершенно увѣренъ, что вашъ Вотренъ не кто иной какъ убѣжавшій изъ Гулона каторжникъ, Жакъ Коленъ. Это человѣкъ необыкновенный и весьма опасный: товарищи прозвали его — *Надуль-Смерть*, потому что онъ всегда умѣетъ вернуться отъ гильотины, какъ бы ни проказничалъ. Впрочемъ, нѣкоторые даже уважали его за тотъ поступокъ, по которому онъ былъ приговоренъ къ каторгѣ.....

— Такъ онъ, видно, честный человѣкъ, сказалъ Поарѣ.

— Честный по своему. Онъ принялъ на себя чужое преступленіе, подлогъ, сдѣланный однимъ молодымъ Италіянцемъ, котораго онъ очень любилъ. Этотъ Италіянецъ былъ страстный игрокъ; онъ послѣ вступилъ въ военную службу и выслужился; онъ теперь полковникъ, и большой другъ Вотрену.

— Но если его превосходительство увѣренъ, что Вотренъ

точно тотъ самый Надуль-Смерть, или Жакъ Колленъ, какъ же ему надобность во мнѣ? сказала Мишонд.

— Да! прибавилъ Поарё: если его превосходительство, какъ вы изволили говорить, совершенно убѣдены, что его смерть надула....

— Убѣдены нельзя сказать; мы только догадываемся, полагаемъ. Жакъ Колленъ пользуется полною довѣренностью всѣхъ каторжниковъ. Онъ ихъ агентъ и банкиръ. Это доставляетъ ему большіе барыши. Каторжники ввѣряютъ ему свои капиталы, Вотренъ бережетъ ихъ, отлагаетъ на проценты, и выплачиваетъ тѣмъ, которымъ удастся убѣждать съ каторги, или ихъ семействамъ по завѣщаніямъ, или ихъ любовницамъ. Вы понимаете, сударыня, что правительству весьма нужно овладѣть этимъ незаконнымъ банкомъ, въ которомъ, говорятъ, хранятся большія суммы. У Коллена очень много денегъ, потому что онъ хранитъ не только деньги каторжниковъ, но и капиталы Десяти Тысячъ....

— Десяти тысячъ разбойниковъ! вскричалъ испуганный Поарё.

— Нѣтъ, Общества Десяти Тысячъ: оно компанія вышедшихъ воровъ, людей, которые занимаются важными дѣлами и не вмѣшиваются въ предпріятія, въ которыхъ нельзя добыть десяти тысячъ франковъ. Общество это состоитъ изъ всѣхъ порядочныхъ негодяевъ, подлежащихъ вѣднію уголовныхъ судовъ. Они очень хорошо знаютъ законы, и распоряжаются такъ, чтобы смертная казнь на нихъ не простиралась, если бы имъ случилось попасть въ руки полиціи. Колленъ ихъ совѣтникъ и позеренный. Располагая огромными средствами, онъ составилъ себѣ собственную свою полицію, и имѣетъ чрезвычайно обширныя связи, которыя прикрываетъ глубочайшею тайною. Съ годъ уже какъ мы окружили его шпионами, но до-сихъ-поръ не можемъ подстеречь. Касса этого человѣка платитъ цороку, доставляетъ капиталы преступленію, и содержитъ цѣлую армію негодяевъ, которые состоятъ въ безпрерывной войнѣ съ публикой. Захватить молодца Надуль-Смерть и овладѣть его банкомъ, значить пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. Зато, это теперь дѣло государственное, дѣло высшей политики, которое принесетъ величайшую честь тому, кто будетъ содѣй-

ствовать благополучному его окончанию. Если бы вы помогли намъ, сударь, то могли бы снова вступить въ службу, сдѣлаться, на примѣръ кварталнымъ секретаремъ при полиціи, не теряя между-тѣмъ и своей пенсіи.

— Да что жъ этотъ Надуль-Смерть не убавить съ своей кассой? сказала Г-жа Мишоно.

— Какъ это можно! Да за нимъ вездѣ будетъ слѣдовавшая какой-нибудь членъ ихъ общества, который наконецъ убьетъ его. Притомъ кассу увезти не такъ легко, какъ двушку. Да кромѣ того, Колленъ никогда не захочетъ обезчестить себя подобнымъ поступкомъ.

— И точно, сударь, онъ никогда не захочетъ обезчестить себя подобнымъ поступкомъ, сказалъ Поарѣ.

— Я все таки не понимаю, почему вы просто не захватите его, сказала двица Мишоно.

— Я сейчасъ вамъ объясню это. Жакъ Колленъ хитеръ, онъ притворяется порядочнымъ человѣкомъ; его всѣ уважаютъ, и потому его нельзя тронуть, не одумавшись. Если бы мы ошиблись, если бы Вотренъ былъ не Колленъ, а мы бы между-тѣмъ его взяли, все торговое сословіе и общественное мнѣніе поднялись бы противъ его превосходительства; газеты подняли бы ужаснѣйшій шумъ, и враги его превосходительства воспользовались бы этимъ случаемъ, чтобы столкнуть его съ мѣста. Здѣсь надобно поступить точно такъ же, какъ въ дѣлѣ Коньяра, ложнаго графа Сентъ-Эленскаго. Хороши бы мы были, если бы оказалось, что онъ точно графъ Сентъ-Эленскій! Чтобы не ошибиться, надобно было подвести справку. Мы подвели справку посредствомъ одной женщины.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, они условились на томъ, что мамзель Мишоно, за три тысячи франковъ подведетъ справку, точно ли Вотренъ тотъ самый Жакъ Колленъ-Надуль-Смерть; только напередъ она пойдетъ посоветоваться съ своимъ пріятелемъ, аббатомъ, и дастъ Г-ну Гордиору отвѣтъ въ назначенномъ имъ мѣстѣ, позволить ли ей аббату приняться за это дѣло.

Бианшонъ въ это время шелъ съ лекціи Г. Кювье и услышалъ — «Надуль-Смерть», — послѣднія слова знаменитаго начальника сыщиковъ, Г. Видока, который выдавалъ се

ба за Гондюро. Это странное названіе чрезвычайно его поразило. Онъ рѣшился разспросить объ немъ у мамзель Мишонд, при первомъ свиданіи съ ней за обѣдомъ.

— Что жъ вы съ нимъ не рѣшились? сказала Поарё двѣица Мишоно. Вѣдь три тысячи франковъ, это триста франковъ пожизненнаго дохода!

— Объ этомъ надобно еще подумать! отвѣчала Мишоно. Если Г. Вотренъ точно Жакъ Коленъ, то можетъ быть выгоднѣе сдѣлаться съ нимъ, чѣмъ съ полиціей. Впрочемъ, если я его предуведомлю и потребую съ него денегъ, онъ, пожалуй, убѣжить даромъ. Это было бы жестоко!

— Да хоть вы его и предуведомите, сказала Поарё, такъ вѣдь этотъ господинъ говорилъ намъ, что за нимъ присматриваютъ. Тогда его все-таки поймутъ, а вы ничего не получите.

— Притомъ же, подумала двѣица Мишонд, я и не люблю его. Этотъ человекъ не скажетъ мнѣ учтиваго слова!

Въ домъ Г-жи Вокё происходила въ тоже время другая занимательная сцена. Въ это утро Г-жа Нюсингенъ совершенно привела Растиньяка въ отчаяніе. Въ душѣ онъ уже предался Вотрену, не размышляя ни о причинахъ дружбы къ нему этого человека, ни о будущности, которую готовитъ ему подобная связь: только чудо могло извлечь его изъ пропасти, въ которую онъ ступилъ уже одной ногою. Въ это самое время онъ обвинялся съ двѣицею Тальферъ самыми невѣжными обещаніями. Викторина воображала, что слышитъ голосъ ангела; небо для нея разверзлось; домъ Г-жи Вокё покрывался блестящими красками, которыми декораторы рисуютъ дворцы; она любила и была любима: такъ, по-крайней-мѣрѣ, она думала. И какая бы женщина на ея мѣствъ этого не подумала, видя Растиньяка, слушая его въ продолженіе цѣлаго часа, потаенно отъ своихъ домашнихъ аргусовъ? Въ борьбѣ съ своею совѣстью, зная что дѣлаетъ дурно, увѣряя себя, что выкупить этотъ грѣхъ, осчастлививъ Викторину, Евгенийъ украсился своимъ отчаяніемъ, и сіялъ всеми огнями ада, кипѣвшаго въ душѣ его. Къ счастью его, чудо действительно случилось. Вотренъ вдругъ вошелъ съ веселымъ видомъ въ комнату, и однимъ взглядомъ проникъ въ душу Евгения и Викторины;

но разогнал ихъ благополучіе, запывъ своимъ грубымъ, смѣшлывымъ голосомъ:

Мила моя Фаншетта,

Въ обычной простотѣ....

Викторина убѣжала, унося въ душѣ столько блаженствъ, сколько вытерпѣла во всю жизнь свою злополучія. Бѣда дѣвушка! Пожатіе руки, прикосновеніе волосъ Растиньякъ къ щекамъ ея, нѣсколько словъ, сказанныхъ такъ близко ея уха, что она чувствовала жаръ губъ Евгенія, поцѣлы въ шею, были залогомъ ея страсти, залогомъ тѣмъ бо драгоцѣнными, что Сильвія, которая была подлѣ въ стѣнѣ вой, могла каждую минуту войти и помѣшать имъ.

— Дѣло слажено! сказалъ Вотренъ Евгенію. Наши молы сошлись. Все обдѣлано какъ нельзя лучше; они поприли изъ-за политическихъ мнѣній. Голубѣкъ нашъ осмѣлъ моего сокола. Они завтра дерутся въ Клиньянку. Въ половинѣ девятаго, Викторина наследуетъ и любовь богатства своего отца, покуда она, дурочка, будетъ тутъ жать сухари въ молоко. Это, право, презабавно. Говорятъ, молодой Тальферъ славно дерется на шпагахъ; нужды нѣтъ ему все таки кровь пустать, Я изобрѣлъ одну штуку фектованья: надобно приподнять шпагу своего противника и колотъ его прямо въ лобъ. Я вамъ покажу это, оно жеть пригодиться при случаѣ.

Растиньякъ слушалъ ея какомъ-то остоленія, и могъ вымолвить ни слова. Въ это время пришли старыя Горіо, Біамшонъ и нѣкоторые другіе жильцы.

— Такъ-то мнѣ и хотѣлось, чтобы вы были! сказалъ Вотренъ. Вы теперь знаете, что дѣлаете. О, молодой человекъ, вы пойдете далеко, потому что у васъ душа сильная и рѣшительная. Я истинно васъ уважаю.

Вотренъ хотѣлъ пожать ему руку; но Растиньякъ съ ужасомъ ее отдернулъ, и, блѣднѣя, упалъ на стулъ: ему казалось, что у ногъ его лужа крови.

— Э! вы все еще ребенокъ. Вѣдь у папеньки-то три миллиона; я справлялся.

Растиньякъ принялъ добродѣтельное намѣреніе. Онъ рѣшился идти въ тотъ же вечеръ предупредить всѣмъ Г. Тальфера и его сына. Въ эту минуту Вотр

отощалъ, и Горіо сказалъ ему на ухо: — Вы что-то печальны, мой милый Евгений! Пойдемте со мною, я васъ развеселю.

Онъ зажегъ фонарь, и они вышли вмѣстѣ.

— Пойдемте въ вашу комнату, сказалъ Горіо, взявъ у Сильвіи ключъ.

— Я нашелъ прелестную квартирку, въ улицѣ Артуа, близехонько отъ улицы Св. Лазаря, гдѣ живетъ моя Дельфина. Мы уже умеблировали эту квартиру; въ ней есть довольно мѣста для васъ и для меня. Все это ничего не будетъ вамъ стоить; не спрашивайте какимъ образомъ, этого я вамъ не скажу. О, намъ тамъ будетъ очень хорошо!

Евгений не говорилъ ни слова, и, сложивъ руки на груди, прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ. Горіо воспользовался минутой, когда онъ былъ къ нему спиною, и поставилъ на каминъ красный сафьянный футляръ съ золотымъ гербомъ Растиньяка.

— Вы не можете вообразить, сколько мнѣ было хлопотъ съ этимъ. Но зато какъ я буду счастливъ! Живя съ вами, я буду иногда видѣть мою Дельфину, и сверхъ того буду знать, что она дѣлаетъ: вы всякой день станете разсказывать мнѣ объ ней... Боже мой, какъ мнѣ сегодня было весело! Вдѣ мы ходили вмѣстѣ! Были въ лавкахъ, вездѣ, вездѣ! Потомъ я проводилъ ее домой. Ужъ дѣтъ десять, какъ я не хаживалъ ни съ одной изъ дочерей моихъ. Но теперь мы сблизимся съ моею Дельфиной....

И беднякъ старикъ плакалъ съ радости.

— Вдѣ вамъ иногда надобно же будетъ кого-нибудь для прислуги; а я всегда тутъ. Охъ, если бъ этотъ проклятый Альзанцъ умеръ; если бъ его подагра догадалась забратъ-ся въ желудокъ! Вы бы женились на моею Дельфинѣ, и она была бы счастлива, и мы жили бы вмѣстѣ.... Боже мой, Боже мой..... какъ это было бы хорошо! Всю дорогу она только о васъ и толковала: «Не правда-ли, батюшка, что онъ хорошъ? Не правда-ли, батюшка, что у него доброе сердце?» Ну, только и слышишь отъ нея! Я ей разсказалъ, что вы отдали мнѣ на сохраненіе тотъ билетъ-то, въ тысячу франковъ: это ее до слезъ тронуло.....

*

Да что это у васъ на каминѣ? сказалъ наконецъ Горіо, садясь, что Растиньякъ не замѣчаетъ подарка.

Евгеній смотрѣлъ на него, какъ полоумный. Дуэль, которой говорилъ Вотренъ, и вмѣстѣ предложеніе добра старика, казались ему тяжкимъ сномъ. Онъ обернулся камину, увидѣлъ футляръ, раскрылъ его, и нашелъ тамъ прелестные Брегетовскіе часы, завернутые въ бумажку, которой было написано:

«Я хочу, чтобы вы каждую минуту обо мнѣ думали, потому что
Дельфина.»

Последнія слова, видно, содержали въ себѣ намѣкъ какую-то сцену, происходившую между ними, потому что Евгеній былъ тронутъ. Гербъ его былъ превосходно выдѣланъ эмалью на спинкѣ часовъ. Онъ восхищался, Горіо блаженствовалъ. Онъ, вѣрно, обѣщалъ рассказать дочери, какое дѣйствіе произведетъ на Евгенія ея подарокъ. Онъ любилъ Растиньяка и за себя и за нее.

— Ступайте къ ней сегодня вечеромъ. Она ждетъ васъ. Она, бѣдняжка, одна одиноконька. А! говорятъ, что мужъ ея очень сконфузился, когда адвокатъ мой сталъ говорить съ нимъ о приданомъ. Онъ началъ увѣрять, что обожаетъ дочь мою! Такъ вы возьмете меня къ себѣ жить?

— Я охотно къ вамъ переѣду! Вы знаете, что я люблю васъ.

— О, да: вы не стыдитесь меня! Дайте мнѣ обнять васъ. И онъ заключилъ его въ свои объятія.

— Ну, что же? пойдете что ли вы къ ней.

— Пойду, непременно пойду. Только мнѣ надобно сегодня сходить еще въ другое мѣсто по весьма важному дѣлу.

— Не могу ли я что-нибудь для васъ сдѣлать?

— Въ самомъ дѣлѣ, вы можете оказать мнѣ большую услугу. Я пойду къ Г-жѣ Нюсингенъ, а вы, между-гмъ, потрудитесь сходить къ старику Тальеру, и попросите его, чтобы онъ принялъ меня сегодня вечеромъ. У меня есть до него дѣло, крайне пужное.

— Что это значитъ? вскричалъ Горіо, изменившись въ лицѣ. Неужели правда, что эти дураки тамъ толкуютъ? Неужели вы любите.....

— Клянусь вамъ, что я люблю только одну женщину на свѣтѣ, сказалъ Растиньякъ. Но сынъ Г. Тальфера дерется завтра на дуели, и я слышалъ, что онъ будетъ убитъ....

— Да вамъ-то какая надобность? сказалъ Горіо.

— Непремѣнно надобно ему сказать, чтобы онъ не ходилъ въ.... вскричалъ Евгений.

И въ эту минуту послышался голосъ Вотрена, который, появившись вдругъ въ дверяхъ его комнаты, пѣлъ:

Ричардъ, о мой король!

Шокнуть всми ты.....

Брумъ! брумъ, брумъ, буруррррумъ!

Я долго по свѣту шатался,

Вездѣ вездѣ перебывалъ.....

Тра-ла-ла-ла тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла!

— Господа! закричалъ Христофоръ, кушать готово.

— Послушай, сказалъ Вотренъ, возьми бутылку моего Бордосскаго вина.

— А каковы часики? спросилъ Горіо.

Вотренъ, Горіо и Растиньякъ, сошли вмѣстѣ въ общую комнату, и какъ всѣ уже были за столомъ, то они принуждены были сѣсть рядомъ. Евгений во весь обѣдъ былъ съ нимъ очень холоденъ, хотя Вотренъ, котораго Г-жа Вокè находила столь любезнымъ, никогда не бывалъ такъ веселъ и забавенъ. Всѣ хохотали. Это хладнокровіе Вотрена приводило Евгения въ отчаяніе.

— Что съ вами сегодня случилось? сказала Г-жа Вокè: вы веселы какъ козлепокъ.

— Я всегда веселъ, когда удачно сладилъ какое-нибудь дѣло, отвѣчалъ Вотренъ.

— Какое дѣло? сказалъ Евгений.

— Да; я поставилъ товары, и получу порядочные проценты за комиссію. Мамзель Мишонд! сказалъ онъ, замѣчая, что она за нимъ присматриваетъ: что вы на меня такъ косятся? Или лице мое вамъ не нравится? Пожалуй, я переѣхую его, вамъ въ угоду. Слышишь, Поарé, ты на меня не разсердишься?

— Что вы не пойдете въ натурщики? сказалъ молодой живописецъ: съ васъ бы хорошо писать Геркулеса.

— Пожалуй, пиши; только съ тѣмъ, чтобы манзель шонó позволила списать съ себя Венеру.

— Венера! Венера! закричали студенты, хохоча.

— Все это хорошо, сказала Г-жа Вокё съ досадою: а все бы было, если бъ вы поподчивали насъ вашимъ бодосскимъ. Оно и приятно, и здорово для желудка.

— Господа! вскричалъ Вотренъ: госпожа президентша поминаетъ намъ о соблюденіи порядка. Г-жа Кутюръ и въ эта юная добродѣтельная дѣвица не сконфузятся отъ вашихъ вольныхъ рѣчей зарюмкой; но не заставляйте краснѣть Г. Горію. Имѣю честь предложить вамъ бутылку Бордосскіи вина, извѣстнаго подъ именемъ Г. Лафитта, по въ котору нѣтъ ни малѣйшаго духа оппозиціи, ни либерализма. Эй, чело! сказалъ онъ, смотря на Христофора, который и двигался. Слышишь, Христофоръ! Развѣ ты не знаешь о его имени? Давай сюда напитокъ!

— Вотъ они, сударь, сказалъ Христофоръ, подавая бутылку.

Наполнивъ стаканы Евгенія и Горію, онъ налилъ съ нѣсколько капель, понюхалъ вино, попробовалъ, ожидая чтобы сосѣди его выпили, и потомъ вскричалъ: — Фуй, смрадъ пахнетъ пробкой! Возьми его себѣ, Христофоръ. Да поведи въ мою комнату; знаешь, тамъ, на право: насъ шестьдесятъ человекъ; такъ принеси восемь бутылокъ.

— Коль такъ, вскричалъ живописецъ, такъ я плачу сотню каштановъ.

— Bravo! — Славно! — Лихо!

Восклипанія взлетѣли какъ ракеты.

— Ну, матушка! сказалъ Вотренъ Г-жѣ Вокё: двѣ бутылочки шампанскаго.

— Шутка! Да вѣдь это двѣнадцать франковъ. Гдѣ ихъ взять? Но если Г. Растиньякъ за нихъ заплатитъ, такъ ладно, пожалуй....

— Согласенъ, сказалъ Растиньякъ: плачу.

Бутылки начали ходить вокругъ стола; всѣ развеселились; гости зашумѣли. Грубый хохотъ раздавался въ комнатѣ. Между-тѣмъ кто-то вздумалъ закричать какъ разнощикъ, въ одну минуту раздалось со всѣхъ сторонъ: — Ножи т...

читать! — Кошкѣмъ ѣсть! — Старога мѣха продать! — Бутылки, штосы продать! — Рыба свѣжая! — По вишню, по ягоду!...

Побѣда осталась за Біаншономъ, который самымъ гнуснымъ голосомъ прокричалъ: — Птицы пѣвчія!

Шумъ былъ ужасный. Плоскости и шутки сыпались со всѣхъ сторонъ. То была настоящая опера, которою диржировалъ Вотренъ, наблюдая между-тѣмъ за Евгеніемъ и Геріо. Они оба, казалось, уже опьянѣли. Прислонившись къ спинкѣ стульевъ, они молча смотрѣли на этотъ необычайный беспорядокъ, и пили мало. Оба думали о томъ, что имъ надобно сдѣлать въ этотъ вечеръ, и между-тѣмъ оба чувствовали, что уже не могутъ приподняться. Вотренъ искоса на нихъ поглядывалъ, и, когда уже глаза Евгенія смыкались, онъ нагнулся къ его уху и сказалъ ему: — Нѣтъ, мой миленькой, тебѣ не перехитрить Вотрена! Да притомъ, я слишкомъ люблю тебя, чтобы позволить тебѣ надѣлать глупостей. Если ужъ я на что-нибудь рѣшился, то мнѣ никто въ мірѣ не помѣшаетъ! А! ты хотѣлъ предостеречь старика Тальфера. Нѣтъ, любезный, печь истоплена, тесто готово, — на лопату, да и въ печку: завтра станемъ прикусывать, да похваливать; а ты-было вздумалъ помѣшать мнѣ. Не безпокойся, все будетъ исправно; полковникъ Франнесини завтра же кончикомъ шпаги доставитъ Викторинѣ наследство отъ брата. Материнское имѣніе ихъ составляетъ болѣе трехъ сотъ тысячъ франковъ: такъ у ней будетъ и безъ того около пятнадцати тысячъ дохода. А ты, спи себѣ покуда!...

Евгеній слышалъ все это, но не могъ отвѣчать; языкъ его не ворочался, и сонъ одолевалъ его. Столъ и гости казались ему въ какомъ-то туманѣ. Шумъ утихъ и гости, одинъ за другимъ, разошлись. Потомъ, когда въ комнатѣ остались только Г-жа Вокѣ, Г-жа Кутюръ, Викторина, Вотренъ и Геріо, Растиньякъ видѣлъ еще какъ-будто во снѣ, что Г-жа Вокѣ начала сливать остатки вина въ одну бутылку.

— Экіе весельчаки! что за шумливый народъ говорила она.

Это были послѣднія слова, которыя Евгеній слышалъ и цѣнилъ.

— Ужь правду сказать, Г. Вотренъ на эти штуки мистерь! сказала Сильвія. Посмотрите-ка, ради Бога, Христфоръ спитъ какъ сурокъ.

— Прощайте, матушка-голубушка, сказалъ Вотренъ Г-жу Вокè. Я иду въ театръ. Хотите со мной? За всѣхъ плач

— Я съ вамъ! вскричала Г-жа Вокè.

— Э, голубчики, угомонились! сказалъ Вотренъ, поглядывая на Горіо и Растиньяка.

Онъ положилъ голову Евгенія на спинку стула, съ жромъ поцѣловалъ его въ лобъ, и заплъ:

Спи, мой милый, почивай,
Глазъ своихъ не открывай!....

— Я боюсь, не боленъ ли онъ? сказала Викторина.

— Ну такъ, постерегите его, сказалъ онъ. Это обязанность доброй жены, прибавилъ онъ, нагнувшись къ ея уху. Онъ васъ обожаетъ и я предсказываю, что вамъ непременно быть за нимъ. Наконецъ, сказалъ онъ въ слухъ, «Онъ пользовались всеобщимъ уваженіемъ, жили долго и счастливо и оставили много дѣтей!» Такъ кончаются всѣ старинныя романы.

— Ну, матушка! сказалъ онъ, обнимая Г-жу Вокè: оденьтесь-ко поскорѣе; платье съ цвѣтами, шляпку съ перьями, кушакъ съ узорами. Ну же, скорѣе; а я сложу поку за извощикомъ.

И онъ ушелъ, напѣвая:

Солнце красное, солнце красное!
На твоихъ лучахъ зрѣють яблочки!...

— Господи, Боже мой! сказала Г-жа Вокè, обращаясь къ Г-жѣ Кутюръ: съ этимъ человѣкомъ и на чердакъ не скучишься. Ну, прибавила она, взглянувъ на Горіо: онъ ужъ протанулся. Этотъ старой чортъ ни въ жизнь меня въ театръ не воживалъ. Да вѣдь онъ, пожалуй, со стула свалится! Сильвія, стащи его къ нему на постель.

Сильвія взяла старика подъ руки, свела его кой-какъ въ его комнату, и бросила какъ снопъ поперекъ постели.

— Бѣдняжка! сказала Г-жа Кутюръ, расправляя волосы Евгенія, упавшіе ему на глаза. Онъ, какъ красная дѣвушка не можетъ лишней рюмки вышить.

— То ужъ, правду сказать, вскричала Г-жа Вокè: вот

ужь тридцать одинъ годъ какъ я пускаю къ себѣ жильцевъ; много молодыхъ людей видывала, а такого милого право еще не знавала. Экой онъ хорошенькой, когда спитъ! Положите жъ его голову къ себѣ на плечо. Ба, да онъ и самъ свалился на плечо Викторины. Догадливъ? А то бы онъ раскрылъ себѣ голову объ стулъ. А что! вѣдь они парочка бы хоть куда.

— Какъ можно этакія вещи говорить! сказала Г-жа Кутюръ.

— Ба! да вѣдь онъ не слышитъ. Сильвія, пойдемъ, одѣнь меня. Я надѣну большой корсетъ.

— Большой корсетъ? послѣ объѣда-то! Нѣтъ, сударыня, я не стану васъ шнуровать; я не хочу быть вашей убійцей. Вѣдь этотъ корсетъ можетъ васъ и въ гробъ сложить.

— Нужды нѣтъ! Я должна принарядиться для Г. Вотрена.

— Да что вы хлопочете: для своихъ наследниковъ?

— Ну же, Сильвія! полно умничать. Пойдемъ.

Храпѣнье Христофора раздавалось по всему дому; оно составляло совершенную противоположность съ тихимъ сномъ Евгенія, который спалъ мило какъ младенецъ. Радуясь, что можетъ позволить себѣ одно изъ тѣхъ добрыхъ дѣлъ, въ которыхъ изливается вся нѣжность женщины, и чувствовать, безъ нарушенія стыдливости, бѣненіе сердца Евгенія, Викторина сидѣла смиренно, и смотрѣла на него съ видомъ матери, которая имѣетъ своего ребенка. Посреди нѣжныхъ мыслей, раздавшихся въ ея сердцѣ, трепеть сладости, возбуждаемый прикосновеніемъ милого, пробѣгалъ по ея жиламъ.

— Бѣдняжка! сказала Г-жа Кутюръ, пожимая ей руку.

Старуза любовалась милымъ, но болѣзненнымъ лицомъ Викторины, которое сіяло блаженствомъ. Дѣвица Тальферъ походила на одну изъ тѣхъ картинъ старинныхъ живописцевъ, которые пренебрегали подробностями и сберегали все свое искусство для изображенія лица, обыкновенно пѣсколко желтоватаго, но какъ-будто отражавшаго золотые отбѣски неба.

— Онъ, вѣдь, маменька, выпилъ не больше двухъ рюмокъ! сказала она, расправляя волосы Евгенія.

— Онъ не привыкъ къ пылству, моя милая, а то бы могъ выпивать столько же какъ и другіе. Это дѣлаетъ ему честь что онъ такъ пьянъ.

На улицѣ послышался стукъ кареты.

— Маменька, сказала Викторина: это Г. Вотренъ! Снимите съ меня голову Евгенія. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ видѣлъ меня въ этомъ положеніи: этотъ человекъ мараетъ душу своими шутками.

— Ты несправедлива къ нему, сказала Г-жа Кутюръ. Вотренъ человекъ простой, но добрый. Онъ немножко въ роде моего покойнаго мужа.

Вотренъ вошелъ потихоньку въ комнату, и остановился, чтобы полюбоваться на эту картину.

— Эта сцена внушила бы нѣсколько прекрасныхъ картинъ Бернардену-де-Сень-Пьеру, автору «Павла и Виргинія» сказалъ онъ. Какъ юность мила! Спи, Евгенийъ, спи; счастье иногда приходитъ во снѣ. Вы не можете вообразить, какъ я люблю этого молодого человека! прибавилъ онъ, обращаясь къ Г-жѣ Кутюръ: и люблю потому, что душа ея такъ же прекрасна, какъ и лице. Этотъ, право, стоитъ любви. Если бъ я былъ женщина, я бы хотѣла умереть, нѣтъ жить для него. — Когда я смотрю на нихъ, сударыня, сказалъ онъ, нагнувшись къ уху Г-жи Кутюръ, мнѣ приходитъ въ голову, что они созданы другъ для друга. — Путя Провидѣнія! пейсховѣдимы! прибавилъ онъ вслухъ. Вы соединены между собою, мои милые, одинаковою чистотою всѣми прекрасными чувствованіями сердца человѣческаго. Невозможно, чтобы будущность разлучила васъ. Богъ спровѣдливъ. — Мнѣ помнится, что я какъ-то видѣлъ у васъ руки линіи благополучія, продолжалъ онъ, обращаясь къ Викторинѣ. Дайте мнѣ вашу ручку, не бойтесь. Боже мои какія прекрасныя линіи! О, повѣрьте мнѣ, что вы въ скоромъ времени будете одною изъ самыхъ богатыхъ наследницъ во всемъ Парижѣ; вы очастливите человека, который васъ любитъ; батюшка возьметъ васъ къ себѣ; вы выйдете замужъ за молодого человека изъ хорошей фамиліи и прекраснаго, и который васъ обожаетъ.

Тяжелые шаги старой кокетки Вокэ прервали предсказанія Вотрена.

— Фу, ты, Господи, какъ разрядилась! вскричалъ онъ, и, подошедши къ ней, задылъ пальцемъ за торчащій на мелудкѣ концы желѣзной полоски корсета, такъ, что упругій металлъ произвелъ отголосокъ хлопнушки. Не тѣсненько ли, шушка? Бѣда, вѣдь! какъ заплачете въ театрѣ, пожалуй и лопнете какъ бомба. Но я подберу осколки съ тщательностію антикварія.....

— Вотъ человекъ, который еще придерживается старинной Французской любезности съ дамами! прошептала Г-жа Вокё, на ухо Г-жѣ Кутюръ.

— Прощайте, дѣти! сказалъ Вотренъ, обращаясь къ Евгению и Викторинѣ. Благословляю васъ! прибавилъ онъ, держа руки надъ ихъ головами. Повъръте мнѣ, сударыня, желанія честнаго человека всегда принесутъ счастье.

— Прощайте, моя милая, сказала Г-жа Вокё своей жинцѣ и потомъ нагнувшись къ ея уху, прибавила: — Какъ вы думаете, не имѣетъ ли Г. Вотренъ на меня намѣреній?

— Быть-можетъ.

— Ахъ, маменька! сказала Викторина, когда онъ остался одинъ съ Г-жею Кутюръ: ахъ, маменька, что если бы Г. Вотренъ сказалъ правду!

— Да что жъ, моя милая! для этого надобно только, чтобы братъ твой упалъ съ лошади, и свернулъ себѣ шею.

— Какъ вамъ не грѣхъ, маменька!

— Конечно, грѣхъ желать кому-нибудь зла. Но, право, я бы съ удовольствіемъ снесла цѣтотъ на его могилу. У него дурное сердце! Онъ не хочетъ попросить за свою мать, а самъ пользуется ея наслѣдствомъ. Покойница сестра была не бѣдна; да къ несчастію въ свадебномъ документѣ не оговорено было, чтобы имѣніе ея перешло къ дѣтямъ отдѣльно отъ отцовскаго.

— Благополучіе мое было бы тяжело мнѣ, если бы оно стоило кому-нибудь жизни, сказала Викторина. Въ такомъ случаѣ я лучше бы хотѣла оставаться всю жизнь здѣсь.

— Пути Провидѣнія непознаваемы, какъ говоритъ и Г. Вотренъ. Мнѣ очень пріятно было видѣть, что онъ не такой безбожникъ какъ другіе.

Г-жа Кутюръ и Викторина, съ помощію Сильвіи перенесли Евгенія въ его комнату, положили на постель, и ку-

харка разстегнула его сюртукъ, чтобы ему было не так душно. Когда Г-жа Кутюръ отвернулась, Викторина, уходя, напечатала поцелуй на чель Евгенія. Она собрала так сказать въ одно цѣлое всѣ счастливыя минуты этого дня, составила изъ нихъ картину благополучія, долго любовалась ею, и наконецъ заснула счастливейшимъ существомъ во всемъ Парижѣ.

Вотренъ напоилъ Евгенія и Горіо виномъ съ опіумомъ. Они одни спали; другіе, не пившіе изъ первой бутылки, были только веселы, когда разошлись всѣ послѣ объѣда. Біашонъ, среди общей радости, забылъ даже спросить мамзель Мишонд о забавномъ прозваніи, слышанномъ имъ въ саду, а мамзель Мишонд, раздраженная насмѣшкою Вотрена, который назвалъ ее Венерою, рѣшилась сыграть съ нимъ неприятную шутку. Она тотчасъ отправилась съ Г. Поре къ Видоку, котораго все еще считала за Гондюрдъ. Знаменитый начальникъ сыщиковъ принялъ ее очень вѣжливо. Условившись съ нею обо всемъ, онъ далъ ей небольшую стекляночку съ какими-то черными каплями, и рассказалъ ей, какъ употребить ихъ. Покуда онъ доставалъ стекляночку мамзель Мишонд, ей пришло въ голову, что полиція, можетъ-быть старается такъ усердно о задержаніи Вотрена потому, что надѣется найти у него много денегъ. Она, съ хитрою улыбочкою, намѣкнула объ этомъ Видоку.

— Нѣтъ! вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ. Намъ нужно задержать Жака Колена потому, что онъ лучшая голова и всѣхъ воровъ и мошенниковъ. Они это очень знаютъ. Онъ ихъ предводитель, совѣтникъ, наставникъ, ихъ Бонапартъ. Этотъ человекъ никогда не оставитъ своего *отрубка* плахъ. Онъ смѣется надъ нами, и надъ *вдовушкой* *. Затѣмъ если намъ случается ловить такого молодца, то мы въ случаѣ сопротивленія убиваемъ его безъ церемоній. Оно гораздо короче и меньше стоитъ, чѣмъ судить. Такимъ образомъ мы избавляемъ общество отъ опаснаго члена, и предупреждаемъ множество преступленій. Мы съѣдаемъ это и съ нимъ.

Слѣдующій день долженствовалъ сдѣлаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дней исторіи дома Г-жи Вокё. Досе

* Въ живописномъ языкѣ Французскихъ разбойниковъ, *вдова* означаетъ гильотину, а *отрубокъ*, *tronçon*, человѣческую голову.

самыми важными событіями въ этой мирной обители были появленіе или выбытіе какого-нибудь жильца. Но этотъ день былъ совершенно необыкновенный, и понынѣ служить Г-жѣ Вокѣ неистощимымъ предметомъ разсказовъ. Во-первыхъ Горіо и Растиньякъ проспали до одиннадцати часовъ. Г-жа Вокѣ, возвратившись изъ театра въ двѣнадцатомъ часу, пролежала въ постели до половины одиннадцатаго. Продолжительный сонъ Христофора, который допилъ бутылку, отданную ему Вотренемъ, замедлил приготовленіе завтрака. Поарѣ и дѣвица Мишонѣ не жаловались, что долго не даютъ завтракать. Викторина и Г-жа Кутюръ тоже долго не вставали. Вотрентъ въ осьмомъ часу ушелъ со двора, и возвратился передъ самымъ завтракомъ. Около половины двѣнадцатаго, Христофоръ и Сильвія пошли стучать въ двери и созывать всѣхъ въ столовую. Жильцы собрались не скоро; но Мишонѣ пришла прежде всѣхъ, мелькнула раза два около камина, и влила въ кофе, приготовленный для Вотрена, капли, данныя Видокомъ. Евгенийъ поднялся послѣ всѣхъ, и когда онъ сходилъ съ лѣстницы, артельщикъ подалъ ему письмо отъ Г-жи Нюсингенъ.

«Я ждала васъ вчера цѣлый вечеръ. Такъ-то вы меня любите. Очень видно, что вы еще никого не любили. Что же съ вами случилось? Успокойте меня, объясните мнѣ, отчего вы не приходили послѣ того, что батюшка сказалъ вамъ. Я посержусь и приду васъ. Не больны ли вы? Зачѣмъ вы такъ далеко живете! Ради Бога, отвѣчайте мнѣ, — вы будете ко мнѣ? Если вы заняты, то напишите хоть одно слово — Иду, или Болею. Но если бъ вы были больны, батюшка пришелъ бы сказать мнѣ. Что же такое случилось?....»

— Да! что такое случилось? вскричалъ Евгенийъ, въбѣжавъ въ столовую и смявъ въ рукѣ письмо. Который часъ?

— Половина двѣнадцатаго, сказалъ Вотрентъ, подкладывая сахаръ въ свой кофе.

Онъ бросилъ на Евгенія одинъ изъ тѣхъ холодныхъ, оцѣпняющихъ взглядовъ, которыми люди, одаренные въ высокой степени магнетической силою, умирняютъ, какъ говорятъ, даже бѣшенство сумасшедшихъ. Евгенийъ затрепеталъ всѣми членами. Вслѣдъ за тѣмъ на улицѣ послышался стукъ коляски, и человекъ въ ливреѣ Г. Тальфера въбѣжалъ запылавшись въ комнату.

— Батюшка васъ требуетъ, сударыня! сказалъ онъ поспѣшно Викторинѣ. У васъ случилось несчастіе. Молодой баринъ былъ сегодня утромъ на дуели, и смертельно раненъ щпагою въ лобъ. Врядъ-ли вамъ удастся проститься съ нимъ; онъ лежитъ безъ чувствъ.

— Бѣдный молодой человекъ! вскричалъ Вотренъ. Какъ можно выходить на дуель, когда имѣешь тридцать тысячъ ливровъ дохода? Молодежь нынче совсѣмъ не умѣетъ вести себя.

— Вотренъ! закричалъ ему Евгений.

— Ну, что? Экой ребенокъ! Въ Парижѣ всякой день дуели!..... Говоря это, онъ хладнокровно допивалъ свой кофе, и старая дѣвица Мишондъ съ такимъ вниманіемъ слѣдовала за его движеніями, что какъ-будто и не слышала вѣсти, которая поразила всѣхъ прочихъ.

— Я повѣду съ тобою, Викторинна! вскричала Г-жа Кутюръ.

И обѣ онѣ убѣжали безъ шалей и безъ шляпокъ. Уходя Викторина бросила на Евгенія взглядъ, которымъ какъ будто хотѣла сказать: Я не думала, чтобы наше благополучіе могло стоить мнѣ слезъ!

— Да вы, видно, колдунъ! сказала Г-жа Вокѣ Вотреню.

— Я все, что хотите, отвѣчалъ онъ.

— Не странно ли это! продолжала она, панизуя безчисленное множество пошлыхъ фразъ объ этомъ происшествіи. Смерть приходитъ не сказавшись! Иной и молодъ, да умираетъ, другой и старъ, да живетъ! и прочая, и прочая. Какое счастье для Викторинны! Вѣдь она теперь будетъ наследницей.

— Да! сказалъ Вотренъ, поглядывая на Евгенія: вчера у ней не было ни гроша за душою, а сегодня пѣсколько милліоновъ.

— Эге, Г. Растипякъ, да и вы видно угадываете, гдѣ раки-то зимуютъ!

— Сударыня, сказалъ Евгений, обращаясь къ Г-жѣ Вокѣ съ выраженіемъ какого-то ужаса и отвращенія, которое чрезвычайно удивило всѣхъ присутствующихъ: я ни за что въ свѣтъ не женюсь на дѣвицѣ Тальферъ!

— Не кланитесь, вскричалъ Вотрена: Италіянецъ сказалъ бы — *Col tempo!*

— Ответа не будетъ? сказалъ Растиньяку человекъ, при- сланный отъ Г-жи Нюсингенъ.

— Скажи, что сейчасъ буду.

Артельщикъ ушелъ. Евгений находился въ состояніи силь- наго раздраженія, которое отнимало у него все благополу- чіе.

— Что дѣлать? говорилъ онъ вслухъ самому себѣ: дока- зательствъ нѣтъ!

Вотрена принялся улыбаться. Въ эту минуту, допивъ свой кофе, онъ хотѣлъ встать, но вдругъ ужасно измѣнился въ лицѣ. Ему сдѣлалось очень дурно. Но онъ былъ такъ здоровъ и силенъ, что могъ еще бодро встать со стула, взглянулъ на Евгенія, и сказалъ ему глухимъ голосомъ: — Молодой человекъ! счастье иногда во снѣ приходитъ.

И онъ упалъ замертво.

— О!.... Вожеское правосудіе! вскричалъ Евгений.

— Что это съ нимъ сдѣлалось?

— Параличъ! равнодушно сказала Г-жа Мишопо.

— Сильвія, бѣги скорѣе за докторомъ, примолвила Г-жа Вокё. Ахъ, Г. Растиньякъ, сбѣгайте поскорѣе къ Г. Биан- шопу, она не найдетъ Г. Гримпеля.

Растиньякъ, радуясь, что имѣетъ предлогъ убѣжать изъ этого вертепа, поспѣшно вышелъ.

— Христофоръ, бѣги скорѣе въ аптеку, спроси чего-ни- будь отъ паралича.

Христофоръ ушелъ.

— Г. Горіо, да помогите же намъ снести Г. Вотрена въ его комнату.

Они всѣ вмѣстѣ подняли его, благополучно проманеври- ровали съ нимъ по лѣстницѣ, и положили его на постель.

— Я вамъ ни на что не гожусь, сказалъ Горіо; я пой- ду къ дочерн.

— Экой эгоистъ! вскричала Г-жа Вокё. Ужъ я тебѣ про- рочу, что ты самъ околвешь какъ собака!

— Поищите, пѣтъ ли у васъ эиру, сказала Г-жа Мишо- по Г-жѣ Вокё, а сама между-тѣмъ съ помощію Поарё, раз- стегивала платьѣ Вотрена.

Г-жа Вокё побѣжала въ свою комнату, и оставила мамзель Мишонё обладательницею поля сраженія.

— Да ну-же! снимите съ него поскорѣ рубашку, да переверните его! Неужели вы и на это негодитесь? Мнѣ вѣдь непристойно раздѣвать его. Вы стоите какъ истуканъ!

Вотрена перевернула, двѣнц. Мишонё сильно ударила его по плечу ладонью, и роковыя литеры ТФ, которыми клеймятъ каторжниковъ, означились бѣлымъ на покраснѣвшей кожѣ. Справка подведена!

— Какъ вы проворно выработали свои три тысячи франковъ! сказалъ Поарё, поддерживая Вотрена, пока Мишонё надѣвала на него рубашку. Уфъ, какой тяжелой! прибавилъ онъ.

— Не кричите! Не здѣсь ли его касса? сказала старая двѣвка, проворно обозрѣвая всю комнату сіяющими своими глазами. Нельзя ли подъ какимъ-нибудь предлогомъ отпереть это бюро?

— Да хорошо ли это будетъ? сказалъ Г. Поарё.

— Что за бѣда! Деньги украденныя не принадлежать никому. Но теперь уже нѣкогда; Г-жа Вокё идетъ.

— Вотъ эфиръ! кричала она издали. Господи Боже мой, какія все сегодня приключенія случаются! Да онъ не боленъ, вскричала она: посмотрите, онъ бѣлъ какъ цыпленокъ. Онъ умеръ.

— Онъ умеръ! повторилъ Поарё.

— Нѣтъ; онъ только въ параличѣ, сказала Мишонё, зная, что данныя ею капли должны произвести только кровавой ударъ, не смертельный, но между-тѣмъ довольно сильный для того, чтобы человекъ лишился чувствъ.

— Сердце у него бьется ровно, сказала Г-жа Вокё, положивъ руку ему на сердце.

— Ровно? сказалъ удивленный Поарё.

— Онъ какъ-будто спитъ! Посмотрите-ко, Г-жа Мишонё, онъ нюхаетъ спиртъ. Э! да это видно у него просто спазмы. Пульсъ хорошъ. Странно, что парикъ-то держится на головѣ..... Парикъ-то приклеенъ; а волосы у него рыжіе. Какая грудь! Онъ дожъ какъ Татаринъ, — сто лѣтъ проживеть. Рыжіе, говорятъ, или всѣ очень добры, или всѣ очень злы. Эготъ, видно, изъ очень добрыхъ.

— Добрый какъ разбойникъ, сказалъ Поарё.

— Что вы это говорите? вскричала двяцца Мишонё. Добрый какъ дитя! Ступайте съ Богомъ, Г. Поарё. За больными ходить женское дѣло. Да вы ни на что не годитесь! Мы и одиъ съ Г-жею Вокё посмотримъ за бѣднымъ нашимъ больнымъ. Идите гулять!

Поарё ушелъ смирнехонько, какъ собака, которой господинъ ея далъ лямка ногою.

Растиньякъ вышелъ только для того, чтобы проходиться, освѣжиться чистымъ воздухомъ, потому что онъ задыхался. Онъ хотѣлъ предупредить это преступленіе, совершенное въ назначенный часъ. Ему не удалось. Что жъ онъ долженъ былъ теперь дѣлать? Онъ трепеталъ при мысли, что сдѣлался сообщникомъ въ преступленіи. Хладнокровіе Вотрена его ужасало.

Онъ торопливо ходилъ по аллеямъ Люксембургскаго Сада, какъ-будто за нимъ гналась стая собакъ, и ему казалось, что онъ слышитъ лай ихъ.

— Послушай, Растиньякъ, кричалъ ему Біаншонъ еще издали: читалъ-ли ты сегодня «Пилота». Тамъ разсказываютъ замѣчательныя вещи. Сынъ Гальфера дрался на дуели съ полковникомъ Франкессини, и тотъ воткнулъ ему шпагу на два дюйма въ лобъ. Теперь Викторина одна изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ во всемъ Парижѣ. Чортъ возьми, когда бы знать это заранѣе! Правда ли, что она къ тебѣ не равнодушна?

— Молчи, Біаншонъ! я никогда не женюсь на ней. Я люблю одну милую женщину, любимъ ею, и....

— Ты говоришь это какъ-будто всеми силами крѣпясь, чтобы не измѣнить ей. Гдѣ ты найдешь женщину, которой бы стоило пожертвовать имѣніемъ Викторины?

— Весь адъ противъ меня вооружился! вскричалъ Растиньякъ въ отчаяніи.

— Что съ тобой? Ты точно какъ сумасшедшій. Дай-ка мнѣ пощупать твой пульсъ. Да у тебя лихорадка!

— Бѣги къ Вокё, сказалъ Евгений: мерзавецъ Вотренъ упалъ за-мертво.

— А! сказалъ про себя Біаншонъ, уходя отъ Растиньяка: ты подкрывляешь мои подозрѣнія, и я пойду, повѣрю ихъ.

Продолжительная прогулка Евгения была торжеством. Он так сказать осматривал свою совесть. Он волновался, не рывался, но на этот раз честность его вышла страшной борьбы цѣла и невредима, какъ желѣзная полоса, которая выдержала всѣ пробы. Онъ вспомнилъ что ворилъ ему Горіо, вспомнилъ, что ему предлагали новую квартиру, въ улицѣ Артуа, недалеко отъ Дельфинны. Схвативъ ея письмо, снова прочелъ его и поцѣловалъ.

— Эта любовь будетъ моею спасительницею! сказалъ онъ. Старикъ Горіо много страдалъ сердцемъ. Онъ не разсчитываетъ своихъ огорченій: но кто ихъ не угадаетъ? Я старался объ немъ, какъ объ отцѣ моемъ; сдѣлаю для него жизнь наслажденіемъ. Если она любитъ меня, то будетъ часто прѣвзжать къ намъ. Графиня Ресто ужасная женщина; она рада бы опредѣлить отца куда-нибудь въ дворняжку. Милая моя Дельфина! она гораздо лучше съ нимъ. Стоитъ любви.

Онъ вынулъ часы свои, и любовался ими.

— Все мнѣ удастся. Мы любимъ другъ друга, и любимъ навсегда: такъ мы можемъ помогать одинъ другому; я правъ принять это. Притомъ я непременно буду со временемъ богатъ, и заплачу ей вдесятеро.

Борьба Растиньяка съ самимъ собою была продолжительна. Побѣда оставалась еще на сторонѣ юношескихъ добродѣтелей, но между-тѣмъ около половины пятого любопытство привлекло его въ домъ Г-жи Вокё, который онъ намѣревался навсегда оставить. Ему хотѣлось знать, живъ ли еще Вотренъ.

Бланшонъ далъ больному рвотное, и отослалъ въ гошпиталь то, что изъ него вышло, для того, чтобы изслѣдовать это химически. Мамзель Мишонё настаивала, чтобы бросить это, и поведеніе ея утвердило подозрѣнія Бланшона, тѣмъ болѣе, что Вотренъ тотчасъ выздоровѣлъ. Привлеченный вѣстью о дуэли молодого Тальфера, посѣтителя Г-жи Вокё, желая узнать подробности этого происшествія и вліяніе которое оно произвело на судьбу Викторины, собрали раньше обыкновеннаго, за исключеніемъ одного Горіо. Когда Евгенийъ вошелъ въ комнату, Вотренъ стоялъ у камина, и взоры ихъ встрѣтились. Взглядъ этого необыкновеннаго

веннаго человека проникъ такъ далеко въ думу Растиньяка, что онъ затрещалъ.

— Ну, любезнѣйшій, сказалъ бѣглый каторжникъ: видно смерти не скоро со мной справиться; говорятъ, что я выдержалъ ударъ, который бы свалилъ быка.

Потомъ, угадывая мысли Евгенія, онъ сказалъ ему на ухо: — Вы, кажется, жалуете, что я не умеръ? Я не думалъ, чтобы вы такъ далеко зашли!

— Да! вчера мамзель Мишонн, сказалъ Бланшонъ, именно толковала о какомъ-то человѣкѣ, котораго прозвали «Надуль-смерть». Вотъ имя, приличное вамъ, Г. Вогренъ!

Это имя было громовымъ ударомъ для Вотрена. Онъ поблѣднѣлъ и зашатался. Магнетическій взглядъ его упалъ какъ лучъ солнца на старую Мишонн, и подкосилъ ей ноги. Она опустилась на стулъ. Поарѣ бросился между нею и Вотреномъ, понявъ, что она находится въ опасномъ положеніи,—такъ злобно сдѣлалось лице разбойника, когда онъ сбросилъ съ себя ласковую свою личину. Всѣ присутствующіе были въ изумленіи, не постигая тайны этой драмы. Но въ эту минуту послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ и стукъ солдатскихъ ружьевъ о мостовую. Колена машинально озиралъ окна, какъ-бы ища средства спасенія, какъ въ дверяхъ явились четыре человека. Первый изъ нихъ былъ начальникъ сыщиковъ, извѣстный прозванный Директоромъ судебной полиціи; трое остальныхъ полицейскіе офицеры. Мишонн отдохнула: Поарѣ прогулялся не даромъ!

—Отъ имени короля и законовъ, сказалъ одинъ изъ офицеровъ. И за этими словами послышался ропотъ удивленія. Но тотчасъ воцарилось молчаніе. Посвѣтители разступились, чтобы пропустить полицейскихъ, которые все держали въ карманѣ зараженный пистолетъ. Два жандарма стали у дверей, двое другихъ на лестницѣ. Шаги солдатъ и стукъ ружьевъ слышались кругомъ всего дома. Надуль-Смерти не было ни какого спасенія. Видокъ подошелъ прямо къ нему, и ударилъ его по головѣ такъ сильно, что парикъ слетѣлъ, и голова Колена явилась во всей своей отвратительности. Короткіе, темно-рыжіе волосы придавали лицу его страшный характеръ силы и хитрости, и оно заблестало огнями ада. Въ эту минуту всякой понялъ всего Вотрена.

его прошедшую и настоящую жизнь, его будущность, ужасныя правила, могущество придаваемое ему рѣшительнымъ цинизмомъ, силу его души и тѣла, ко всему привычныхъ. Кровь поднялась ему въ голову, и глаза его блистали какъ у тигра. Онъ затрясся, и испустилъ та ужасный звукъ, что всѣ присутствующіе со страха закричали. При этомъ лвиномъ движеніи, полицейскіе вытисли свои пистолеты. Коленъ мгновенно постигъ всю опасность своего положенія, и вдругъ явилъ опытъ величшаго человѣческаго благоразумія. Ужасное и между-тѣмъ величественное зрѣлище! Въ физиономіи его сдѣлалась рѣзкая, схожая съ явленіемъ, происходящимъ въ котлѣ кипучимъ паромъ, который могъ бы взорвать цѣлыя горы и утихаетъ отъ одной капли холодной воды. Капля, охладившая бышенство Вотрена, была размысленіе, — быстрое какъ молнія. Онъ улыбнулся, и поглядѣлъ на парикъ своего

— Ты сегодня ужъ черезчуръ неучтивъ, сказалъ онъ доку.

Онъ протянулъ къ жандармамъ руки, и сдѣлалъ знакъ головою, чтобы они подошли.

— Ну же, господа, надѣвайте на меня кандалы, или жите меня веревками. Свидѣтельствуюсь всеми присутствующими, что я не сопротивляюсь.

Въ залѣ раздался говоръ удивленія, возбужденный строгою, съ которою лава и пламя появились и скрылись въ этомъ человѣческомъ вулканѣ.

— Что, братъ, не удалось? спросилъ Коленъ насмѣшливо, поглядывая на знаменитаго начальника сыщиковъ.

— Раздѣвайся, сказалъ Видокъ презрительно.

— Къ чему? Здѣсь есть дамы, а я ни въ чемъ не стѣснюсь.

— Онъ остановился, и поглядѣлъ на присутствующаго какъ ораторъ, который собирается сказать нѣчто удивительное.

— Ну, братъ Лашапель, пиши же, сказалъ онъ одному старику, который сѣлъ къ столу, и вынулъ изъ ленаго портфеля протоколъ задержанія арестанта. Писаю: я какъ Коленъ, по прозванію Надуль-Смерть, поговоренный къ каторжной работѣ на двадцать лѣтъ, сейчасъ доказалъ вамъ, что не напрасно ношу это про

не. Если бы я только приподнялъ руку, мерзавцы раз-
можили бы мнѣ голову, сказалъ онъ, обращаясь къ жиль-
цамъ. Эти господа надвѣялись поддѣть меня. Не вамъ меня на-
дуть, голубчики!

Мадамъ Вокѣ чуть не упала въ обморокъ.

— Боже мой! сказала она Сильвін: а я вчера была съ нимъ
въ театрѣ!

— Э, не тревожьтесь, матушка! Эка бѣда, что вы были
въ моей ложѣ! Чѣмъ вы лучше другихъ? Самый добродетель-
ный изъ васъ не устоялъ противъ моихъ убѣждений.

Взоры его остановились на Растиньякѣ, и на лицѣ его
появилась ласковая улыбка, составлявшая совершенную про-
тивоположность съ недавнею еще его суровостью.

— Договоръ нашъ все таки существуетъ, любезнѣйшій;
разумѣется, если третья сторона его приметъ. Помнишь?

— Онъ запѣлъ :

Мила моя Фаншетта!

Въ обычной простотѣ.....

— Не безпокойся, я получу что мнѣ слѣдуетъ. Меня не
посмѣютъ надуть.

Растиньякъ потупилъ глаза, и принялъ эту дружбу въ
наказаніе за свои порочныя мысли.

— Кто изъ васъ меня предалъ? вскричалъ онъ, повода
ужасный взглядъ свой по всему собранію, и потомъ, оста-
новивъ его на дѣвицѣ Мишонѣ, прибавилъ: — Ахъ, ты Вене-
ра! Это ты, старая ворона? Мнѣ стоитъ только сказать два
слова, чтобы тебѣ черезъ недѣлю пилдой отпилили голову.
Но я тебя прощаю; я добрый. Притомъ продала меня
не ты. Но кто жъ это?... — Ага! вы тамъ трудитесь, сказалъ
онъ, услышавъ, что полицейскіе обыскиваютъ его комнату.
Напрасно, господа; птички еще вчера улетѣли. Вы ничего
не узнаете: коммерческія мои книги всѣ здѣсь, прибавилъ
онъ, ударивъ себя по лбу. — А! теперь я знаю, кто меня
продалъ. Некому кромѣ Трипѣ! — Послушай, пріятель, ска-
залъ онъ Видуку: мы съ тобой старые знакомые; признай-
ся откровенно — онъ что ли? Скажите, господа, что вы да-
ли за меня Мишонеткѣ-то? Чай, нѣсколько тысячъ. Я боль-

ше этого стою. Экая ты дура, Венера! сказала бы мнѣ, такъ я бы тебѣ вдвое далъ. Что, не бось, теперь жалко: не догадалась! Да; правду сказать, далъ бы шесть тысячъ франковъ, чтобы избавиться отъ обратнаго путешествія въ Тулонъ. Добро бы они тотчасъ отправили меня туда: я бы какъ-разъ сюда опять явился; а то затаскаютъ по судамъ. Всѣ наши, — а ихъ есть шесть сотъ человекъ, — отдадутъ себя на растерзаніе, чтобы только помочь убѣжать своему предводителю, своему доброму Коллеву.

— Послушай ты, секретарь палача, пріятель красной едо-
сы! сказалъ онъ, обращаясь къ Видоку. Признайся откровенно: Триво, что-ли, меня продалъ? Вѣдь онъ черезъ нѣсколько дней будетъ подъ землею, а мнѣ бы не хотѣлось наказывать невиннаго. Это было бы несправедливо!

Полицейскіе, обыскивавшіе комнату Вотрена, вошли въ столовую, и сказали что-то вполголоса Видоку. Протоколъ былъ конченъ.

— Господа! сказалъ Коллеву, обращаясь къ прежнимъ своимъ товарищамъ: теперь они уведутъ меня. Прощайте. Вы всѣ были очень милы со мною. Я этого никогда не забуду. Позвольте мнѣ приелать вамъ Прованскихъ вишневыхъ ягодъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и обернулся, чтобы взглянуть еще разъ на Растиньяка.

— Прощай, дражайшій Евгеній! сказалъ онъ печальнымъ и ласковымъ голосомъ, который составлялъ совершенную противоположность съ грубымъ тономъ прежнихъ речей его. Я оставляю тебѣ преданнаго друга!

Несмотря на кандалы, онъ сталъ въ позитурѣ ехтовальщика, и вскричалъ: — Разъ! два! и *сильяль*.

— Если случится тебѣ быть въ нуждѣ, адресуйся къ нему. И онъ самъ, и деньги его, къ твоимъ услугамъ.

Эти слова понятны были только для него и Растиньяка. Когда жандармы ушли, Сильвія, оттиравшая укусомъ госпожу свою, сказала, посмотрѣвъ на жильцевъ: — Вотъ былъ удалецъ! — Это восклицаніе прекратило оцѣмьненіе, какъ-бы волшебствомъ наведенное на всѣхъ предъидущею сценою. Жильцы поглядѣли другъ на друга и потомъ всѣ въ одно время взглянули на дѣвицу Миньондъ.

Она сидѣла, прижавшись къ камину и потупивъ глаза. Изъ всѣхъ усть раздался одинаковый, согласный ропотъ. Мишоннѣ слышала его, и сидѣла, какъ прикованная. Біаншонъ первый нагнулся къ сосѣду, и сказалъ ему вполголоса: — Я не намѣренъ сюда ходить, если она будетъ съ нами обѣдать.

Всѣ, за исключеніемъ Поарѣ, единодушно приняли предложеніе Біаншона, и онъ подошелъ къ пріятелю старой Мишоннѣ.

— Вы съ нею дружны: посоветуйте ей убраться отсюда сейчасъ же.

— Сейчасъ же! вскричалъ Поарѣ, и сказалъ мамзель Мишоннѣ нѣсколько словъ на ухо.

— Да я заплатила впередъ! отвѣчала она вслухъ, бросивъ змѣинный взглядъ на присутствующихъ. Я здѣсь за свои деньги.

— За этимъ дѣло не станеть, сказалъ Растиньякъ: мы сложимся, и отдадимъ вамъ то, что вы заплатили уже Г-жѣ Вокѣ.

— Вы, сударь, кажется, вступаетесь за Коллена? отвѣчала она, бросивъ на него испытующій взглядъ разъяренной змѣи. Не мудрено угадать отчего!

Евгеній вскочилъ со стула, какъ-будто хотѣлъ задушить сыщицу.

— Оставь ее! закричали ему студенты: не стойтъ рукъ марать!

Растиньякъ сложилъ руки, и не сказалъ ни слова.

— Однако жъ надобно кончить съ этой шпионкой, сказала молодой живописецъ. Мадамъ Вокѣ, если вы сейчасъ же не выгоните ея изъ дому, мы перестанемъ ходить къ вамъ, и будемъ вездѣ говорить, что у васъ живутъ шпионы и каторжники. Въ противномъ случаѣ, мы общаемся молчать объ этомъ происшествіи, которое, впрочемъ, можетъ случиться вездѣ, пока каторжниковъ не стануть клеймить въ лобъ.

Шумъ и явное раздраженіе всѣхъ молодыхъ людей привудили Мишоннѣ ретироваться. Она встала, и, переговоривъ съ Г-жею Вокѣ въ полголоса, сказала вслухъ: — Я переѣзжаю къ Г-жѣ Бюно, вашей....

— Да перевезжайте куда вамъ угодно! вскричала Г-жа Вокс оскорбленная выборомъ дома ея соперницы. Перевезжайте пожалуй, къ Бюнд. Она будетъ васъ кормить тухлымъ мясомъ и пить кислымъ виномъ.

Въ эту минуту вошелъ артельщикъ, и подалъ Г-жѣ письмо: она прочла его, и въ отчаяніи упала на стулъ.

— Боже мой, пропала я, грѣшная! Молодой Тальферъ умеръ въ три часа. Госпожа Кутюръ и Викторина теряютъ своихъ вещей. Онѣ остаются жить у старика. Четверть квартиры пустая! Пятью жильцами меньше! Что за несчастье сегодня на меня опрокинулось?

Она готова была плакать. На улицѣ раздался стукъ тарелки.

— Опять какія-нибудь штуки! вскричала Сильвія.

Въ комнату въѣхалъ Г. Горіо, съ свѣтлымъ лицомъ, выраженіемъ истиннаго благополучія во всей физиономіи.

— Горіо пріѣхалъ въ фіакръ? вскричали жильцы. Вѣдь конецъ свѣта пришелъ.

Горіо подошелъ прямо къ Евгенію, который сидѣлъ, думавшись, въ углу. Старикъ взялъ его за руку.

— Поѣдьте! вскричалъ онъ ему съ радостнымъ видомъ.

— Вы не знаете, что случилось? сказалъ Растыпьякъ. Насъ Вотренъ былъ бѣглый каторжникъ; молодой Тальферъ умеръ.

— Какая намъ до этого надобность! Наша новая квартира готова. Дельфина съ нами обѣдаетъ. Поѣдьте скорѣе!

Онъ схватилъ Евгенія за руку, потащилъ его, и ушелъ, какъ любовницу.

— Обѣдать! вскричалъ живописецъ.

Всѣ сѣли. Г-жа Воке не имѣла силы сказать ни слова, и только дѣлалъ, что за столомъ десять человекъ, вмѣсто осьмнадцати. Всякой старался утѣшить ее и развеселить. Разговоръ снавѣдывалъ о Вотренѣ и необыкновенныхъ происшествіяхъ, случившихся въ этотъ день; потомъ, какъ обыкновенно, началъ и кончался, струнться, зѣваться, обратился на дуэли, на торжнюю работу, на тюрьмы, на судебную часть, на зѣванья; потомъ уже совсѣмъ перемѣнился: о Колленѣ, Викториинѣ и ея братѣ не было и помину. Гостей было тогда десятеро, и они кричали за двадцатерыхъ. Обыкновенно

безпечность эгонстическаго свѣта восторжествовала надъ другими чувствами, и сама Г-жа Вокè стала слушать голосъ надежды, говорившей устами Сильвіи.

Для Евгенія этотъ день долженствовалъ быть волшебнымъ до самаго вечера. Сидя въ фіакрѣ подлѣ старика Горіо, онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается и не могъ собраться съ мыслями. Ему казалось, что онъ во снѣ слышитъ, что говорилъ ему Горіо, который былъ чрезвычайно веселъ.

— Сегодня все кончено. Мы объедаемъ вмѣстѣ, встроимъ; понимаете ли, вмѣстѣ. Боже мой, вотъ ужъ четыре года какъ я не объедалъ съ моей Дельфиною. Она пробудетъ у насъ цѣлый вечеръ. Мы ужъ съ утра на нашей новой квартирѣ. Уфъ, какъ я работалъ! Самъ помогалъ таскать мебели. Вы не знаете, какъ она мила за столомъ! Она будетъ заниматься мною: «Возьмите еще кусочекъ, батюшка! покушайте! Это очень хорошо!» А тутъ я и не могу встать!

— Да сегодня весь свѣтъ вверхъ-дномъ! сказалъ Евгеній.

— Какое вверхъ-дномъ? Напротивъ. Только и видишь веселыя лица. Я примѣтилъ, что на улицахъ всѣ чему-то радуются, обнимаются; всѣ эти люди счастливы, какъ-будто собирались объесть у своей дочери.... Она сама при мнѣ заказывала кушанье. Увидите, какъ она будетъ меня подчивать!.... О, Боже мой, да съ ней и черствый хлѣбъ показался бы мнѣ райскою манною!

Растиньякъ вошелъ въ небольшую, но прекрасноремонтированную квартиру, гдѣ роскошь, изящность и удобство соединили всѣ усилія, чтобъ хорошо принять молодого человека на новосельѣ и пріятно жить съ нимъ впоследствии холостымъ семействомъ. Баронесса Нюсингенъ уже ихъ тутъ ожидала, и встрѣтила — отца прелестнымъ поцѣлуемъ, — его пріятеля, торжественною улыбкою счастья. Она называла эти покои квартирою батюшки. Горіо называлъ ихъ квартирою Евгенія. Евгеній покраснѣлъ, — или по крайней-мѣрѣ долженъ былъ покраснѣть, несмотря на свое восхищеніе, — при мысли, что онъ поступаетъ въ распоряженіе этой женщины. Но какъбыто ни было, они всѣ трое провели вечеръ въ упоеніи: они объдали, смѣялись, рассказывали. Горіо цѣловалъ ноги своей дочери и прыгалъ съ радости; дочь нѣжно пожимала руку Евгенія, который смотрѣлъ ей въ

глаза огнемъ и пламенемъ. Они разошлись довольно поздно. Баронесса ушла домой; Горіо и Евгений воротились мадамъ Вокё, условившись перебраться послѣ завтра новую квартиру.

На другой день, около полудня, Растиньякъ получилъ письмо въ красномъ конвертѣ и съ гербомъ Босеановъ печати. Въ немъ было приглашеніе господину и госпожѣ Нюсингенъ на большой балъ къ виконтессѣ, о которомъ уже съ мѣсяць говорили. Съ билетомъ была записка Евгению.

Я увѣрена, что вы охотно примете на себя передать Г-жѣ Нюсингенъ мое приглашеніе; мнѣ очень пріятно будетъ видѣть у себя милую сестру графини Ресто. Посылаю вамъ билетъ. Постарайтесь только, чтобы она не овладѣла всею вашею привязанностью, потому что вы и мнѣ должны сколько-нибудь ея за мое къ вамъ расположенію.

Виконтесса Босеанъ.

— Однако жъ она довольно ясно говорить, сказалъ Растиньякъ, перечитывая записку: что ей бы не хотѣлось видѣть у себя господина Нюсингена!

Онъ побѣждалъ къ Дельфинѣ, радуясь, что можетъ доставить ей удовольствіе, за которое, конечно, послѣдуетъ награда; Г-жа Нюсингенъ была въ ваннѣ. Растиньякъ остался въ будуарѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ очень естественнымъ въ молодомъ человѣкѣ, который готовится принять въ первый разъ во владѣніе женщину любимую, предметъ его дѣтскихъ желаній.

— Барыня въ своей комнатѣ, сказала ему черезъ нѣсколько времени Тереза.

Онъ затрепеталъ отъ радости. Дельфина небрежно лежала на софѣ у камина. Она была покрыта волнами кисей, ея нельзя было не сравнить съ однимъ изъ тѣхъ Индійскихъ растений, которыхъ плодъ находится въ самомъ цвѣтѣ къ.

— Такъ это вы? сказала она съ чувствомъ.

— Угадайте, что я вамъ принесъ! сказалъ Евгений, съ поклономъ нею на софу и поцѣловавъ ея руку.

Г-жа Нюсингенъ вздрогнула отъ радости, взглянувъ на приглашеніе. Она обратила на Евгениа наполненные слезами

зами глаза, и обвилась руками вокругъ его шеи, чтобы привлечь его къ себѣ, въ восторгѣ удовлетвореннаго тщеславія.

— И это вы? (ты, сказала она ему на ухо: но будь остороженъ, Тереза въ той комнатѣ). Вы доставили мнѣ это счастье? Я вамъ обязана болѣе, чѣмъ жизнью. Никто до-сихъ-поръ не хотѣлъ представить меня въ этомъ заколдованномъ свѣтѣ. Я вамъ должна казаться очень мелочною, очень вѣтренною, совершенною Парижанкою; но я готова всѣмъ для васъ пожертвовать, и мнѣ хочется быть въ большомъ свѣтѣ всего болѣе потому, что вы тамъ живете.

— Не правда ли, госпожа Босеанъ, какъ-будто говорить, что она не хочетъ, чтобы вашъ мужъ былъ у нея на балѣ?

— Кажется! Эти женщины одарены гениемъ для наглостей. Нужды нѣтъ. Я знаю. Я знаю, что сестра моя тамъ будетъ, и что она приготовила себѣ платье, усыпанное брилліантами. Она вдесть туда, чтобы разсвѣтъ ужасныя подозрѣнія. Вы не знаете, какіе слухи ходятъ объ ней по городу! Г. Нюсингенъ сказывалъ мнѣ сегодня утромъ, что вчера въ Коммерческомъ Клубѣ объ этомъ говорили вслухъ. Боже мой, отъ кого зависитъ честь женщины и семействъ! Мнѣ было больно за сестру. Увѣряютъ, что Г. Трааль надавалъ векселей на сто тысячъ, что сроки ихъ почти всѣ вышли, и что ихъ хотятъ подать ко взыскаіію. Въ этой крайности сестра моя продала свои брилліанты, прекрасные брилліанты, которые достались ей отъ матери ея мужа. Два дня только объ этомъ и толкуютъ. Разумѣется, что на балѣ она будетъ залита въ брилліантахъ, чтобы не оправдать толковъ. Но я не хочу отстать отъ нея. Она всегда старалась унижить меня; она никогда не была добра ко мнѣ, хотя я часто оказывала ей услуги. У меня всегда были деньги, когда ей была нужда. Но оставимъ свѣтъ. Сегодня я хочу думать только о моемъ благополучіи.

Въ часъ по полуночи Растиньякъ былъ еще у Г-жи Нюсингенъ. При прощаньи, которое было тягостно, она сказала ему съ задумчивымъ видомъ: — Я ужасная трусиха, оуевѣрка или что вы хотите: я страхъ боюсь, что за мое благополучіе должна буду заплатить какимъ-нибудь несчастіемъ.....

— Ребенокъ! вскричалъ Евгений.

— Да; сегодня я была настоящей ребенокъ! сказала она смѣясь. Евгений возвратился въ домъ Г-жи Вокё, и дорогой прѣдался восхитительнымъ мечтамъ, которыя всегда веселятъ молодыхъ людей, когда вкусъ блаженства у нихъ еще губахъ.

— Ну что? сказалъ ему старикъ Горіо, когда Растиньякъ проходилъ мимо его дверей.

— Завтра я все вамъ расскажу, отвѣчалъ Евгений.

— Смотрите-же, все! Ложитесь! Съ завтрашняго дня и проживемъ счастливо.

На другой день Растиньякъ, уложивъ всѣ свои вещи, поручилъ старикъ Горіо перевезти ихъ вмѣстѣ съ его вещами, и самъ отправился на лекцію. Онъ не долго оставался въ классѣ. Вспомнивъ, что забылъ спрятать что-то въ сумку, онъ ускользнулъ скорѣе послѣ переклички, и побѣжалъ на старую квартиру. Въ домъ, кромѣ Сильвіи и старика Горіо, ровно никого не было. Едва онъ вышелъ какъ улицѣ раздался стукъ экипажа, останавливающагося у самой дверей дома Г-жи Вокё. Изъ кареты выскочила Г-жа Нюсиенгенъ, и, спросивъ, тутъ ли еще отецъ ея, побѣжала прямо въ комнату отца. Евгений былъ въ своей комнатѣ, хотѣлъ Горіо и не зналъ этого. Двери обѣихъ комнатъ были открыты въ корридоръ.

Баронесса, узнавъ, что можетъ смѣло говорить вслухъ потому что всѣ ушли со двора, бросилась въ объятія отца и вскричала, что она несчастна, что все потеряно. Евгений сталъ прислушиваться къ ихъ разговору, который вполнѣ объяснилъ ему затруднительное положеніе его возлюбленной. Преслѣдуемый адвокатомъ старика Горіо, который требовалъ разлуки супруговъ относительно къ имѣнію и вѣнчанію въ банкъ приданого Дельфины на собственное ея имѣніе. Г. Нюсиенгенъ пришелъ поутру къ жепѣ съ двумя огромными книгами, показалъ ей откровенно состояніе своихъ дѣлъ, и присовокупилъ, что, если она съ отцемъ стѣнуетъ понуждать его внести приданое, онъ неминуемо доженъ будетъ объявить себя несостоятельнымъ. Онъ употребилъ ея приданое на разныя спекуляціи; черезъ два и

три года онъ принесутъ ему большія выгоды, и тогда онъ охотно возвратитъ ей всю полученную за ней сумму; но въ эту минутту, испытавъ большія потери въ своихъ оборотахъ, онъ находится въ такомъ положеніи, что малѣйшее противное обстоятельство вовлечетъ его и ее въ конечное разореніе. Если она не хочетъ лишиться всего своего приданаго, то должна еще нѣсколько лѣтъ жить съ нимъ благовидно, и довольствоваться тѣми деньгами, которыя онъ будетъ отпускать ей только на необходимыя издержки. Чтобы не уронить своего кредита, имъ не остается другаго средства, какъ выказывать наружно достатокъ, но зато внутри семейства соблюдать строжайшую бережливость. Вотъ тайна, почему онъ былъ такъ скупъ для ней въ послѣднее время! Онъ, изъ экономіи, отпустилъ даже свою актрису, и совѣтуетъ ей подражать его умѣренности; а что касается до прочаго, то она можетъ считать себя совершенно свободною.....

Старикъ Геріо бѣсился, и кричалъ, что онъ свернетъ шею этому мошеннику; Дельфина плакала, и говорила, что надобно подчиниться жестокой необходимости; въ оледвломъ умѣ Евгенія всѣ его красныя мечты о богатствѣ, обещанномъ любовію, постепенно блѣднѣли, рѣдѣли и исчезали, какъ призраки въ глазахъ духовидца, которому пустили кровь изъ обѣихъ рукъ.

Еще карета остановилась у дома Г-жи Вокè, и на лѣстницѣ послышался голосъ графини Ресто, которая спрашивала Сильвію, дома ли батюшка. Это обстоятельство спасло Евгенія: Дельфина только-что хотѣла войти въ его комнату, и онъ собрался уже броситься на постель, чтобы показать, будто онъ спалъ и не слышалъ разговора Г-жи Нюсингенъ съ отцемъ. Дельфина вдругъ остановилась.

— Ахъ, батюшка! сказала она, услышавъ голосъ сестры: вы ничего не слышали объ Анастасіи? Говорятъ, что и у ней въ домѣ дѣлаются странныя вещи.

— Что такое? Вы меня сгубите! Я не вынесу двойнаго несчастія.

— Здравствуйте, батюшка! сказала Г-жа Ресто, входя въ комнату. Ахъ, ты здѣсь, Дельфина?

— Это тебя удивляет? Я всякой день бываю у батюшки.
 — Съ которыхъ поръ?
 — Если бь ты сама бывала здѣсь, то знала бы это.
 — Не сердн меня, сказала графиня жалостнымъ голосомъ.
 Я очень несчастлива! Я погибла, батюшка. Охъ, я теперь
 уже рѣшительно погибла!

— Что съ тобою, Настинка? вскричалъ Горіо. Скажи
 мнѣ откровенно. Боже мой, она блѣднѣетъ! Дельфина, по-
 моги ей. О, люби ее, Дельфина, я за это тебя буду лю-
 бить, если можно, еще больше.

— Бѣдная Анастасія! сказала Г-жа Нюсингенъ, сажая се-
 стру. Говори; никто не любить тебя такъ какъ мы двое;
 на насъ ты можешь всегда положиться.....

Она дала ей понюхать спиртъ, и графиня пришла въ себя.

— Это меня уходитъ, сказалъ Горіо. Подойдите сюда,
 продолжалъ онъ, подвигаясь къ камину. Мнѣ что-то хо-
 лодно. Что съ тобою случилось, Анастасія? Говори скорее,
 ты меня убиваешь.....

— Батюшка! мужъ мой все знаетъ!..

Она рассказала ему, что Г. Ресто узналъ не только объ
 ея связи съ графомъ Тралемъ, но и о томъ, что она зало-
 жила Госбеку фамильные брилліанты, чтобъ заплатить дол-
 ги любовника. Г. Ресто тайно выкупилъ эти брилліанты у
 ростовщика, овладѣлъ любовною ея перепискою, уличилъ,
 исторгъ у ней признаніе, которое изъ ихъ дѣтей принадле-
 жить ему непосредственно, и предоставилъ ея выбору, или
 тотчасъ перевести все свое приданое на имя этого ребенка
 и кончить дѣло безъ огласки, безъ срама для другихъ дѣ-
 тей ея, или итти съ нимъ въ судъ, потерять собствен-
 ность своего достоянія законнымъ порядкомъ и покрыть
 безчестіемъ себя и свое вѣдомство.

— Не переводи приданого! кричалъ Горіо въ отчаяніи:
 не переводи! Я убью этого мерзавца, который смѣетъ оби-
 жать дочь мою, будь онъ Ресто сто сорокъ тысячъ разъ!

Г-жа Ресто прибавила, рыдая, что не здѣсь еще предѣлъ
 ея бѣдствій: она теперь и не смѣетъ просить денегъ у
 мужа, а ей между-тѣмъ крайняя нужда въ деньгахъ. У своей
 горничной заняла она тысячу франковъ, чтобъ заплатить
 за платье на балъ виконтессы Босеанъ, а тутъ еще не до-

стать двѣнадцати тысячъ для уплаты векселей Мюксина, — и его завтра посадятъ въ тюрьму!.... Нѣтъ ли у батюшки двѣнадцати тысячъ? Старикъ сказалъ печально:

— У меня нѣтъ ихъ, Настинька! Ничего, ровно ничего нѣтъ! Боже мой, конецъ свѣта наступилъ!... Постой, у меня есть мои серебряныя пряжки и шесть серебряныхъ приборовъ, первые, которые я въ жизнь свою купилъ. Сверхъ-того, у меня только и есть, что тысяча двѣсти франковъ пожизненно....

— Куда же дѣвались ваши Непрерывные доходы?

— Я ихъ продалъ, оставивъ себѣ только скудное пожизненное содержаніе. А вотъ еще теперь тринадцать тысячъ франковъ нужны были для того, чтобы убрать комнаты, по желанію Дельфинны.

— У тебя дома? сказала Г-жа Ресто сестрѣ.

— Какая тебѣ надобность! отвѣчалъ Горіо. Дѣло въ томъ, что мои послѣднія тринадцать тысячъ истрачены.

— О, я угадываю! сказала графиня. Для Г. Растиньяка! Ахъ, Дельфина, остановись! Посмотри, до чего я дошла!

— Г. Растиньякъ не такой человекъ, чтобы разорять свою любезную.....

— Очень благодарна тебѣ, Дельфина! Я надѣялась, что ты не станешь обижать меня, когда я въ несчастіи. Но ты всегда была такова; ты никогда меня не любила.

— О, нѣтъ, нѣтъ, она тебя очень любитъ! вскричалъ Горіо. Мы сейчасъ только о тебѣ говорили; она утверждала, что ты прекрасна, а она только что хороша.

— (Бѣдный старикъ жметъ! сказалъ про себя Растиньякъ.)

— Она! отвѣчала графиня. Она настоящая льдина! Она никого не любитъ.

— А если бъ и такъ, Анастасія! вскричала Дельфина, покраснѣвъ. Вспомни только, какъ ты со мною поступала. Ты не хотѣла знаться со мною, ты заперла для меня всѣ дома, въ которыхъ мнѣ хотѣлось быть. Ты никогда не пропускала ни малѣйшаго случая огорчить меня! Я не выманивала у батюшки, какъ ты, по тысячъ франковъ, всего что у него было, и не я довела его до нищеты. Это все ты сдѣлала. Я не указывала батюшкѣ дверей, и не приходила потому лезать ему руки, когда нужна была въ немъ надобность.

Я не выпрашивала у него послѣдняго гроша. Я совсѣмъ и не знала, что батюшка истратилъ свои послѣднія тринадцатъ тысячъ..... для меня.

— Она лжетъ! подумалъ Растиньякъ.

— Ты была счастливѣе меня. Г. Марсѣ богатъ, въ состояннн самъ тратить деньги для своихъ возлюбленныхъ, и ты это знаешь по опыту. Прощай; у меня нѣтъ ни сестры, ни.....

— Молчи! вскричалъ старикъ.

— Только, такая сестра, какъ ты, можетъ повторять то, чему и свѣтъ давно уже не вѣрить! Ты чудовище! сказала Дельфина.

— Фифинька! Настинька! вскричалъ Горю въ отчаяннн. Молчите; ради Бога, молчите! Или я при васъ зарѣжусь!..

— Анастася! я прощаю тебя, ты въ несчастнн, сказала Дельфина. Я добръе тебя. Сказать это въ такую минуту, когда я хотѣла пособить тебѣ, когда я готова была на все для тебя, рѣшилась бы даже просить своего мужа, чего я не дѣлала ни для себя, ни для....! О, это достойно прежнихъ твоихъ поступковъ со мною!

— Дѣти мои, милыя дѣти, обнимитесь; ради Бога, обнимитесь! вскричалъ Горю.

— Нѣтъ, батюшка; нѣтъ, отвѣчала Г-жа Ресто, отталкивая отца, который обнялъ ее, чтобы подвести къ Дельфинѣ. Она со мной безжалостнѣе моего мужа.

— Пусть ужъ лучше думаютъ, что я должна Г. Марсѣ, сказала баронесса: чѣмъ говорить, что Г. Траль стоятъ мнѣ болѣе двухъ сотъ тысячъ.

— Дельфина!! вскричала графиня, подойдя къ ней.

— Ты на меня клеветашь, а я говорю тебѣ правду, отвѣчала хладнокровно баронесса.

— Дельфина! знаешь, кто ты такая....

Старикъ вскочилъ, и зажалъ ей ротъ рукою.

— Охъ! сказалъ онъ, садясь опять на свое мѣсто: вы раздраете мнѣ сердце. Я скоро умру, мои дѣтки. Голова у меня горитъ, какъ-будто въ ней были раскаленные угли. Будьте добры, любите другъ друга! Иначе вы меня погубите. Дельфина, Настинька, полноте! Ну, вы обѣ правы, обѣ виноваты. Послушай, Фифинька: ей надобно двѣнадцать ты-

сятъ франковъ. Не можешь ли ты какъ-нибудь сыскать ихъ?.. Не смотрите такъ другъ на друга?

Она стала предъ Дельфиною на колѣни.

Дельфина, ангелъ мой! попроси у ней прощенія, если ты меня любишь: она несчастнѣе тебя!

— Настинька! сказала Г-жа Нюсингенъ, усмотревъ какое безумное выраженіе горести на лицѣ отца: я виновата передъ тобою; обними меня.....

— О, Богъ тебя наградить за это, Дельфина!.... Но ей надобно двѣнадцать тысячъ франковъ. Гдѣ взять ихъ? Я наймусь за кого-нибудь въ рекруты.

— Батюшка! что вы говорите? вскричали объ дочери.

— Богъ наградить васъ за эту мысль, сказала Дельфина: нашей жизни на это не станеть.

— Это была бы капля въ моръ, прибавила графиня.

— Такъ развѣ уже и кровь моя ни на что не годна? вскричалъ старикъ отчаянно. Я отдаюся душою и тѣломъ тому, кто спасетъ тебя, Настинька. Если нужно, я убью за него человека. Я поступлю какъ Вотренъ, пойду за него въ каторгу. Я.....

Онъ остановился, какъ-будто пораженный громомъ.

— У меня ничего не осталось! вскричалъ онъ, вырывая свои волосы. Если бъ я зналъ, гдѣ украсть!... Невозможно. Для этого надобно и проворство, и время. Нечего думать, надобно умереть; мнѣ остается только умереть. Я ни къ чему уже не гожусь. Я больше не отецъ! Дочь у меня просить, а мнѣ нечего дать! Я уже не отецъ! Ты думалъ о себѣ, злодѣй, вскричалъ онъ, ударивъ себя въ грудь: а ты забылъ, что у тебя есть дочери! Теперь умирай, околывай, какъ собака; ты хуже всякой собаки!... Боже мой, я съ ума схожу, голова у меня горить!....

— Но, батюшка! вскричали объ дочери, держа его, чтобы не дать ему удариться головой объ стѣну: батюшка, будьте благоразумнѣе, успокойтесь!

Онъ рыдалъ. Евгеній, слышавшій все это изъ другой комнаты, выхватилъ изъ бумагъ своихъ вексель, возвращенный ему Вотреномъ, написалъ на немъ 13,000 вмѣсто 3,000, на которые былъ онъ выданъ, и молніей влетѣлъ въ комнату Геріо.

— Вот пужилы вамъ деньги, сударыни! сказалъ онъ, давая бумагу госпожѣ Ресто. Я спалъ въ моей комнатѣ; разговоръ вашъ разбудилъ меня, и такимъ образомъ я узналъ, чѣмъ обязанъ Г-ну Горіо, и сколько долженъ. Вотъ вексель: не угодно ли вамъ продать его за плачу въ срокъ.

— Нѣсколько мгновений, графиня, молча и неподвижно держала вексель, вбитый ей въ руки Растиньякомъ.

— Дельфина! сказала она блѣднѣя и дрожа отъ гнѣва, свѣщенства, отъ ярости. Богъ свидѣтель, что прежде тебя все простила; но это..... Это ужъ слишкомъ! Онъ былъ тутъ, ты это знала, и ты унизилась до того, отождѣляла мнѣ, предавъ ему все мои тайны, мою жизнь, жизнь дѣтей моихъ, мой стыдъ, мое безчестіе!... Ты сестра мнѣ. Я тебя ненавижу; я проклинаяю тебя; а жизнь буду мстить тебѣ!.....

Гнѣвъ пресѣкъ ея голосъ; въ горлѣ у ней засохло.

— Но онъ сынъ мой, онъ дитя мое, мое любимое дитя твой братъ, твой спаситель! кричалъ Горіо. Обними Настинька! Смотри, какъ я его обнимаю, сказалъ онъ, и судорожнымъ движеніемъ прижалъ Евгенія къ груди. Я буду отцемъ твоимъ, всемъ на свѣтѣ для тебя! Если это было въ моей власти, я бы весь свѣтъ бросилъ къ ногамъ твоимъ! Поцѣлуй же его, Настинька: это не чужбѣ, — ангелъ, настоящій ангелъ!.....

— Оставьте ее, батюшка; она теперь съумасшедшая, зала Дельфина.

— Съумасшедшая? А ты кто такая?... вскричала Дельфина.

— О, я умру, если вы не перестанете! вскрикнулъ Горіо упавъ на постель, какъ-будто пораженный пулею.

— Онъ меня убилъ, сказалъ онъ самъ себѣ.

Графиня взглянула на Евгенія, который стоялъ недвижимъ, пораженный ужасною сценою.

— Вы, сударь...? сказала она, вопрошая его жесткимъ взглядомъ, выраженіемъ голоса, пока Дельфина разстегивала жилетъ отца, который упалъ въ обморокъ.

— Графиня, я заплачу, и никто ничего не узнаетъ, началъ онъ, не дожидаясь отвѣта.

— Ты убила батюшку! сказала Дельфина, указывая сестрѣ на отца.

Графиня убѣжала.

— Я не сержусь на нее, сказалъ старикъ, открывъ глаза: положеніе ея ужасно; она хоть кого съ ума сведеть. Утѣшай Настиньку; будь добра къ ней; обвѣщай это умирающему отцу, сказалъ онъ, пожимая руку Дельфины.

— Но что съ вами, батюшка? спросила испуганная баронесса.

— Ничего, ничего, это пройдетъ; у меня голова болитъ; это вѣрно мигрень. Бѣдная Настинька! что ее ожидаетъ въ жизни?

Въ эту минуту графиня возвратилась, и упала передъ отцемъ на колѣни.

— Батюшка, простите меня! вскричала она.

— Охъ теперь ты мнѣ дѣлаешь еще больше вреда, сказалъ онъ.

— Извините меня, сударь! сказала она, обращаясь къ Растиньяку, со слезами на глазахъ, и протянувъ къ нему руку: горесть сдѣлала меня несправедливою.

— Настинька! сказала Дельфина, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ: милая моя Нини! забудемъ нашу ссору.

— О; нѣтъ, сестрица! я никогда не забуду, что я была передъ тобою виновата.

— Какіе ангелы! Милыя мой, вы меня оживляете, вскричалъ Горіо: обнимитесь еще разъ:

— Ну, что жъ, Нини, поможешьли тебѣ этотъ вексель?

— Я надѣюсь. Батюшка! только вы не его подписали?

— Ахъ, я дуракъ! Я и забылъ, что надобно надписать на оборотѣ: не сердись на меня, душепѣка. Мнѣ было очень дурно. Извѣсти меня по-крайней-мѣрѣ, что хлопоты твои кончились. Или лучше я приду къ тебѣ... Нѣтъ, нѣтъ, я не приду къ тебѣ; я не могу видѣть твоего мужа; я бы задушилъ его на мѣстѣ. Ступай скорѣе домой, душа моя: только скажи Г. Тралю, чтобы онъ впередъ такъ не проматывался; у меня уже ничего нѣтъ.

Евгеній стоялъ какъ околдованный.

— Анастасія всегда была вспѣльчива; но она добра, сказала Г-жа Нюсипгенъ.

— Она возвратилась только для того, чтобы заставить отца сдать необходимую надпись на вексель, сказал Евгений Дельфинъ на ухо.

— О! Неужели?

— Я бы хотѣлъ этого не думать, но дѣло очевидно. Не вѣрьтесь ей, примолвилъ онъ, поднявъ глаза, какъ-будто передавая небу мысли, которыхъ не хотѣлъ высказать.

— Правда, что она всегда была большая комедіантша. А батюшка во всемъ ей вѣрить!

— Каково вамъ теперь? сказалъ Растиньякъ старнику.

— Мнѣ спать хочется, отвѣчалъ онъ.

Евгений помогъ ему лечь. Онъ заснулъ, держа Дельфинну за руку. Они ушли.

— Увидимся въ Италіянскомъ театрѣ, сказала она: ты мнѣ скажешь тогда каково ему. Завтра вы, сударь, должны переехать на свою новую квартиру. Покажи-ка мнѣ твою прежнюю комнату.

— О, какъ тебѣ тутъ было скверно! вскричала она, входя въ комнату Растиньяка. Хуже чѣмъ у батюшки! Евгений, ты хорошо поступилъ. Я бы стала любить тебя послѣ этого еще больше, если бѣ только было возможно. Но, послушай, мой милый: если ты хочешь быть когда-нибудь богатымъ, то не надобно бросать такимъ образомъ по тринадцати тысячъ за окно. Г. Траль игрокъ. Сестрица не хочетъ этого видѣть.... Онъ бы могъ достать тринадцать тысячъ тамъ, гдѣ выигрываетъ и проигрываетъ золотыя горы.

Стопъ, вырвавшийся у старика, заставилъ ихъ возвратиться къ нему. Повидимому онъ спалъ; но подходя къ нему, Евгений и Дельфина услышали слова:

— Онъ не знакомы со счастіемъ, бѣдняжки!

Эти грустные звуки такъ поразили Г-жу Нюсингенъ, что она нагнулась къ отцу, и поцѣловала его въ лобъ.

— Это ты, Дельфина? спросилъ онъ, открывая глаза.

— Каково вамъ, батюшка? "

— Хорошо, сказалъ онъ. Не безпокойся, душенька. Я сейчасъ пойду со двора. Прощайте, дѣти мои; будьте веселы.

Евгеній проводилъ Дельфину домой, но, безпокоясь о Г-нѣ Горю, не остался у ней обедать. Возвратясь въ домъ Г-жи Вокё, онъ нашель старика въ столовой. Біаншонъ пристально разсматривалъ лице страдальца; потомъ махнулъ рукою.

— Сядь ко мнѣ, Біаншонъ, сказалъ Растиньякъ: что съ нимъ?

— Плохо! Вѣрно онъ испыталъ какое-нибудь сильное потрясеніе, потому что съ нимъ скоро случится параличъ. Видишь, нижняя часть лица довольно спокойна, а верхнія черты, противъ его воли, стягиваются ко лбу, и глаза находятся въ состояніи, которое показываетъ, что сукровица изливается въ мозгъ. Не правда ли, что они какъ-будто наполнены мелкою пылью? Завтра могу сказать тебѣ болѣе.

— Есть ли какое-нибудь средство спасти его?

— Ни какого. Можно замедлить ударъ, прозведя противодѣйствіе въ оконечностяхъ; но если завтра къ вечеру эти признаки не измѣнятся, бѣдняку не быть въ живыхъ. Не знаешь ли ты, отчего это съ нимъ сдѣлалось? Ему никакъ нанесли сильный душевный ударъ, противъ котораго сложеніе его не устояло.

— Да; у него были неприятели; отвѣчалъ Растиньякъ, вспомнивъ съ ужасомъ, какъ жестоко объ дочери поражали сердце бѣднаго родителя. «По-крайней-мѣрѣ, говорилъ самъ себѣ Евгеній, Дельфина любить отца!»

Вечеромъ въ театрѣ, Растиньякъ, говоря Г-жѣ Нюсингенъ о состояніи отца ея, принялъ нѣкоторыя предосторожности, чтобъ ея не испугать. Но при первыхъ словахъ его, она сказала:

— Ахъ, не бойтесь за батюшку! Онъ здоровъ и силенъ; это пройдетъ. Сегодня утромъ мы его немножко потрясли. Наши живнія въ опасности. Вы можете вообразить, какъ это ужасно! Право, если бъ меня не подкрѣпляла твоя привязанность, я бы не выдержала этого адскаго безпокойства. Теперь я боюсь только одного, — лишиться любви, которая показала мнѣ счастье жизни. У меня теперь нтъ другаго чувства: ко всему остальному я совершенно равнодушна, и кромѣ тебя, другъ мой, не люблю ничего на

свѣтъ. Если мнѣ хотѣлось бы быть богатой, то это тогда для того, чтобы больше нравиться тебѣ.

Евгеній молчалъ, тронутый или испуганный этимъ выжесемъ чувства пламеннющаго Госпожа Нюсингенъ не зналъ какъ объяснить это молчаніе.

— Объ чемъ вы задумались? сказала она.

— Я еще слушаю, что вы мнѣ говорили. До-сихъ-по-ра я думалъ, что люблю васъ болѣе, чѣмъ вы меня.

Она улыбнулась, но постаралась скрыть свою радость, чтобы удержать разговоръ въ обыкновенныхъ границахъ приличія. Она никогда не слыхивала искреннихъ, доходящихъ до сердца выражений любви юной, и не въ состояніи бы была владѣть собою, если бы Евгеній сказалъ еще нѣсколько словъ.

— Вы видно не знаете, что въ свѣтъ дѣлается? сказала она, перемѣняя разговоръ. Весь Парижъ будетъ завтра Г-жу Босеанъ. Ропигюды и Ажуда сговорились ничего не руглашать, но завтракороль утверждаетъ ихъ свадебный договоръ, а кузина ваша ничего не знаетъ. Виконтесса не захотѣла жить своего бала, а Г. Ажуда у ней не будетъ. Въ городѣ только объ этомъ и говорятъ.

— И есть люди, которыхъ смѣшить подлость?..... Завтра убьютъ Г-жу Босеанъ!

— Нѣтъ, не убьютъ. Вы не знаете этихъ женщинъ! прачка совокупила Дельфина, улыбаясь. Но весь Парижъ у ней въ рукахъ, и все меня тамъ увидятъ. И я вамъ обязана этимъ благополучіемъ!

— Но, можетъ-быть, это пустой слухъ?

— Завтра мы все узнаемъ.

Опера кончилась. Не знаю, гдѣ ночевалъ Евгеній. На другой день онъ пришелъ въ обѣденное время къ Г-Вокѣ, и не нашелъ въ столовой ни Горіо, ни Біаншона. Имъ сказали, что старикъ очень боленъ и что студентъ медіцины сидитъ у него. Евгеній пошелъ наверхъ.

— Добрый мой Біаншонъ! Мы вмѣстѣ будемъ ходить за нимъ.

— Я уже призывалъ старшаго врача нашего госпиталя.

— Ну что жъ?

— Онъ скажетъ что-нибудь рѣшительное завтра вечеромъ. Онъ обещалъ мнѣ прійти, по окончаніи занятій своихъ по службѣ. Къ несчастію, старикъ сдѣлалъ сегодня утромъ какую-то неосторожность, и не хочетъ признаться. Онъ упрямъ какъ козель. Когда я его спрашиваю, онъ притворяется, будто не слышитъ и спитъ, чтобы не отвѣчать мнѣ, а если лежитъ съ открытыми глазами, то принимается стонать. Поутру, онъ ходилъ куда-то пѣшкомъ, и бралъ съ собою все, что у него есть порядочнаго. Видно онъ это продалъ, и ходьбою изнурилъ себя. Одна изъ дочерей была здѣсь.

— Графиня? спросилъ Растиньякъ: высокая, стройная, брюнетка, съ блестящими глазами?

— Да, да.

— Оставь меня съ нимъ. Я его допрошу. Мнѣ онъ все скажетъ.

— А я покуда пойду пообѣдаю. Только, не тревожь его: покуда еще есть надежда.

— Будь спокоенъ.

— Онъ завтра повеселятся, мой милый, сказалъ Горіо, когда они остались одни съ Евгеніемъ. Они будутъ на большомъ балѣ.

— Что жъ это вы сегодня утромъ надѣлали, что теперь принуждены лежать въ постели?

— Ничего.

— Анастасія была у васъ? спросилъ Растиньякъ.

— Да.

— Пожалуйста не скрывайте отъ меня ничего. О чемъ она еще васъ просила.

— О! сказалъ Горіо, собираясь съ силами, чтобы въ состояніи быть говорить: она бѣдняжка очень несчастна. Съ тѣхъ поръ какъ она продала брилліанты, она совсѣмъ безъ денегъ. Для этого бала она заказала себѣ богатое платье, шитое золотомъ и брилліантами. Она, я думаю, будетъ хороша въ немъ какъ ангелъ! Денегъ, занятыхъ у горничной, было мало; негодная модистка не хотѣла вернуть ей въ долгъ восемь сотъ франковъ, узнавъ объ ея разрывѣ съ му-

жемъ. Бѣдная Настинька! до чего она дошла! Балъ завтра, платье готово: вы можете вообразить, въ какомъ отчаяніи была Анастасія. Она хотѣла занять у меня мои серебряные приборы, чтобы заложить ихъ. Она мучилась какъ въ аду. Мужъ непременно хотѣлъ, чтобы она шла на балъ вся въ алмазахъ, чтобы показать *клеветникамъ*, что фамильные брилліанты у нея, а не проданы. Какъ же она могла сказать этому чудовищу, что — и должна еще около тысячи франковъ, — и просить, чтобы онъ заплатилъ за нее? Не возможно! Я тотчасъ это понялъ. Приѣхалъ, принарядился, и отъправился со двора. Продалъ за шесть сотъ франковъ мои приборы и пряжки, заложилъ Гобсеку на годъ за четырехста франковъ мой послѣдній билетъ непрерывнаго дохода, и вотъ тысяча франковъ у меня подъ подушкой. Мнѣ, право, какъ-то теплѣе отъ того, что у меня подъ головою подарокъ, который обрадуетъ мою Настиньку. Завтра мнѣ будетъ хорошо: Анастасія пріѣдетъ часовъ въ десять. Я не покажу, что я боленъ; иначе онъ не поѣдутъ на балъ и захотятъ остаться со мною. Анастасія обниметъ меня какъ своего ребенка; я выздоровѣю отъ одного этого. Вѣдь я же заплатилъ бы тысячу франковъ аптекарю; лучше же отдать ихъ моей воскресительницѣ, Настинькѣ. По-крайней-мѣрѣ она, бѣдняжка, весело проведетъ вечеръ. Мнѣ ужъ и то вчера было больно, что я не могъ дать ей дрянныхъ тринадцати тысячъ. Но я скоро буду опять богатъ. Я снова примусь за торговлю, поѣду въ Одессу, закуплю пшеницы, которая тамъ втрое дешевле чѣмъ у насъ; превращу ее въ крахмалъ и ввезу во Францію. Эти господа, которые пишутъ законы, запрещающаго ввозъ иностраннаго хлѣба, ничего не сказали о ввозѣ иностраннаго крахмалу, а того не знаютъ, что изъ хлѣба можно сдѣлать крахмалъ, а изъ крахмалу муку. Вы видите, что я еще сдумѣю вести свои дѣла?.....

— Бѣднякъ потѣшался! сказалъ самъ себѣ Евгеній.

На другой день Горіо было нѣсколько лучше. Графиня Ресто не пріѣзжала: она прислала своего человѣка.

— Я думалъ, что она сама пріѣдетъ, сказалъ Горіо. Но, оно впрочемъ и лучше: бѣдняжка стала бы безпокоиться, прибавилъ онъ, показывая, будто радъ этому.

Часовъ въ семь вечера Тереза привезла Евгению письмо отъ Дельфинны.

«Что съ тобою сдѣвалось, другъ мой? Мы еще такъ недавно знакомы, а ты уже забываешь меня! О, вѣтъ; душа твоя такъ прекрасна, что ты не въ состояніи измѣнить. Не забудь, я жду тебя, чтобы ѣхать на балъ къ виконтессѣ Босеанъ. Бракъ Г. Ажуды точно утвержденъ сегодня утромъ, и бѣдная Г-жа Босеанъ узнала объ этомъ только въ два часа. Вечеромъ весь изящный Парижъ столпится около нея, какъ простой народъ на Гревской Площади, когда кого-нибудь казнить. Не ужасно ли ѣхать смотрѣть, какъ она сноситъ свое отчаяніе, и хорошо ли она умираетъ! Я бы никакъ не повѣхала къ ней сегодня, если бы когда-нибудь была у ней; но она, вѣрно, уже не станетъ принимать, и тогда всѣ мои усилія останутся безъ пользы. Я совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ другіе. Да притомъ, я ѣду туда и для тебя тоже. Я жду тебя. Если ты часа черезъ два не будешь, я не знаю, прошу ли тебѣ это когда-нибудь.»

Растиньякъ сейчасъ взялъ перо и написалъ:

«Я жду доктора, чтобы узнать, останется ли батюшка вашъ въ живыхъ. Онъ при смерти. Я приду сказать вамъ, что рѣшить докторъ. Я очень боюсь, что принужденъ буду сказать вамъ печальную вѣсть. Тогда вы сами рѣшите, можете ли ѣхать на балъ.»

Докторъ пріѣхалъ въ половинѣ девятаго и сказалъ, что положеніе больного очень опасно, но что онъ проживетъ еще, можетъ-быть, двое сутокъ. — Для него лучше было бы, если бъ онъ теперь же умеръ, сказалъ врачъ. — Евгений поручилъ несчастнаго попеченіямъ БIANШОНА, и отправился къ госпожѣ Нюсингенъ, чтобы сообщить ей вѣсти, которыя, по его мнѣнію, должны были сдѣлать забавы невозможными.

— Скажите ей отъ меня, чтобы она непременно ѣхала на балъ, вскричалъ Горіо, который, повидимому былъ въ усиленіи, но привсталъ и съѣлъ, когда Растиньякъ уходилъ.

Евгеній пріѣхалъ къ Дельфинѣ въ глубокой горести, а она была уже причесана и обута; ей оставалось надѣть только бальное платье.

— А вы еще и не одѣты? сказала она.

— Но, сударыня, вашъ батюшка.....

— Что вы меня наставляете? вскричала она, прерывая его: я знаю мои обязанности въ отношеніи къ батюшкѣ. Ни сло-

ва, Евгений; я слушать ничего не хочу, пока вы не будете одеты. Возьмите мою карету, ступайте и призывайте скорые назад. Мы поговоримъ о батюшкѣ дорогою, когда пойдѣмъ на балъ; надобно вѣхать пораньше, потому что если карета наша попадетъ въ ряды, то намъ и въ одиннадцать часовъ не удастся войти въ комнаты.....

— Сударыня.....

— Позжайте! Ни слова больше.

Она побѣжала въ уборную за своими брилліантами.

— Да ступайте же, сударь! Вы, право, разсердите барыню, сказада ему горничная.

Онъ цѣлхалъ одѣваться, дѣлая самая горестныя размышленія. Ему казалось, что это общество какъ океанъ грозы, въ который человекъ совершенно погружается, коль скоро ступить въ него ногою. Онъ распозналъ уже сердце Дельфинны; онъ очень видѣлъ, что она въ состояніи пройти на балъ по трупу отца. Потомъ началъ онъ толковать самъ себѣ слова врача; началъ думать, что Горіо, можетъ быть, не такъ боленъ; всадчески старался увѣрить себя, что Дельфинна еще очень извинительна. Она не знаетъ, въ какомъ состояніи находится отецъ ея; да если бъ и побѣжала къ нему, то онъ самъ пропалъ бы ея на балъ.

— Ну что жъ? каковъ батюшка? спросила Дельфинна, когда Евгений возвратился въ бальномъ костюмѣ.

— Очень опасенъ; и если вы хотите доказать, что любите меня, то поведемте къ нему.

— Хорошо, поведемъ, сказала она: но только послѣ бала. Любезный мой Евгений, будь умница, не дѣлай мнѣ нравоченій; поведемъ скорѣе.

Они отправились. Евгений молчалъ почти всю дорогу.

— Что вы молчите? сказала она.

— Мнѣ слышится смертное хрипѣніе вашего батюшки, отвѣчалъ онъ съ сердцемъ.

И онъ принялся рассказывать съ пламеннымъ краснорѣчіемъ юноши звѣрскій поступокъ, къ которому тщеславіе побудило графиню Ресто; смертельный переворотъ, произведенный этимъ въ болѣзни Горіо, и чего будетъ стоить платье Анастасіи. Дельфинна плакала. — «Я подурнѣю отъ этого,» подумала она, — и слезы ея осушились.

— Я повѣду послѣ бала къ батюшкѣ, и не отожду уже его постели, сказала она.

— А! вотъ ты теперь такая, какою мнѣ хотѣлось тебя видѣть, вскричалъ Растиньякъ.

Фонари пяти сотъ каретъ освѣщали окрестности дома Боссеановъ. Посвятителей собралось столько, что въ комнатахъ нижняго этажа трудно уже было пройти, когда Дельонна и Евгенийъ пріѣхали. Прелестнѣйшія женщины загромаждали залы цвѣтами и самыми изящными нарядами. Знатнѣйшіе придворные, министры, посланники, извѣстнѣйшіе люди во всѣхъ родахъ, испещренные звѣздами, крестами, лентами всѣхъ цвѣтовъ, толпились вокругъ виконтессы. Оркестръ оглашалъ очаровательными звуками раззолоченные покои этого дворца, для нея пустаго. Она стояла въ первой гостиной, чтобы принимать мнимыхъ друзей своихъ. Она была въ бѣломъ платьѣ и безъ всякихъ украшеній, въ волосахъ, просто зачесанныхъ. Она казалась спокойною, не обнаруживала ни горести, ни гордости, ни притворной веселости. То была мраморная Ніоба. Улыбка, которою встрѣчала она самыхъ короткихъ своихъ пріятельницъ, была нѣсколько насмѣшлива; но она показала всѣмъ точно такую же, какою была всегда, даже и въ то время, когда блаженство украшало ее своими лучами. И самыя нечувствительныя удивлялись ей, какъ юныя Римлянки, рукоплескающія гладиатору, который и умирая улыбался. Модный свѣтъ, казался, собрался въ праздничномъ нарядѣ, чтобы проститься съ одною изъ своихъ повелительницъ.

— Я боялась, что вы не пріѣдете, сказала она Растиньяку.

— Зато я послѣдній отсюда уѣду, сказалъ онъ разстроеннымъ голосомъ, принимая эти слова за упрекъ.

— Хорошо, сказала она, пожавъ ему руку: вы, можетъ быть, единственный человекъ, которому я могу здѣсь вѣрится. Другъ мой, любите ту женщину, которую вы можете всегда любить, и не покидайте ее!

Она подала ему руку, и съѣла съ нимъ на капане въ той залѣ, гдѣ играли.

— Позжайте, сказала она, къ Г. Ажудѣ. Камердинеръ мой, Жакъ, свезетъ васъ туда, и отдастъ вамъ письмо къ нему. Я требую отъ Г. Ажуды моихъ писемъ. Надѣюсь, что онъ

отдасть вамъ ихъ всё. Если вы получите мои письма, то пройдите прямо въ мою комнату. Мнѣ придется сказать.

Она встала, чтобы пойти на встрѣчу лучшей своей пріятельницѣ, герцогинѣ Ланжѣ, которая тоже пріѣхала посмотреть на нее. Растиньякъ повѣхалъ къ Г. Рошгюду, спросилъ Г. Ажуда. Маркизь повезъ его къ себѣ, отдавъ ему ящичекъ съ письмами и сказалъ: — Они все тутъ.

Онъ, казалось, хотѣлъ поговорить съ Евгениемъ, для того ли, чтобы разспросить его о балѣ виконтессы, или для того, чтобы признаться ему, что онъ въ отчаяніи отъ того, что ее убиваетъ; но въ глазахъ его блеснула молнія гордости, и у него достало духа затанць въ сердцахъ свои чувствованія.

— Не говорите ей ничего обо мнѣ, мой любезный Евгений!

Онъ пожалъ руку Растиньяка съ горестно-ласковымъ выраженіемъ, и знакомъ показалъ ему, чтобы онъ вѣхалъ. Евгений возвратился къ Босеанамъ, и его ввели въ комнату виконтессы, гдѣ онъ увидѣлъ приготовленія къ отъезду. Онъ сѣлъ къ камину, поглядѣвъ на свой кедровый ларчикъ и погружился въ глубокую задумчивость. Г-жа Босеанъ казалась ему женщиною въ размѣрѣ богинь Иліады!!!

— Ахъ, другъ мой! сказала виконтесса, вопедши въ комнату и положивъ руку на плечо Растиньяка.

Онъ оглянулся, и увидѣвъ Г-жу Босеанъ въ слезахъ, съ поднятыми къ небу глазами, съ безжизненно-опущенными руками. Она схватила ящичекъ, бросила его въ каминъ и смотрѣла, какъ онъ горитъ.

— Они танцуютъ! Они все пріѣхали въ назначенное время, а смерть придетъ поздно..... Ст! другъ мой, сказала она, положивъ палецъ на ротъ Растиньяка, который хотѣлъ говорить. Я никогда уже не увижу ни Парижа, ни свѣта. Въ пять часовъ утра я ѣду, и живая погребусь въ Нормандіи. Съ трехъ часовъ послѣ обѣда я принуждена была собираться, подписывать бумаги, приводить въ порядокъ разныя дѣла; я никого не могла послать къ.....

Она остановилась.

— Разумется, что вы нашли его у.....

Она опять остановилась, обезсиленная горестью. Въ подобныя минуты все дѣлается причиною страданія, и есть слова, которыхъ не возможно произнести.

— Я надѣялась на васъ, сказала она: я была увѣрена, что вы окажете мнѣ эту послѣднюю услугу. Я бы хотѣла оставить вамъ что-нибудь въ память нашей дружбы. Я часто буду о васъ думать, потому что нашла въ васъ добраго, благороднаго и прямодушнаго молодого человѣка посреди свѣта, въ которомъ эти качества такъ рѣдки.

Потомъ, посмотрѣвъ вокругъ себя, она сказала: — Возьмите этотъ ларчикъ: я въ немъ держала перчатки. Всякой разъ, какъ, отправляясь на балъ или въ театръ, брала я отсюда пару, я чувствовала, что я хороша, потому что я была счастлива, и я всегда оставляла тутъ какую-нибудь пріятную мысль. Тутъ много моего: тутъ цѣлая Г-жа Босеанъ, которая уже не существуетъ! Я велю снести этотъ ящичекъ къ вамъ. Госпожа Нюсингенъ очень хороша сегодня: вы можете любить ее. Мы уже не увидимся съ вами, другъ мой; но будьте увѣрены, что я всегда буду желать вамъ счастья: вы были добры ко мнѣ. Пойдемте въ залы; не хочу, чтобы они знали, что я плачу. Передо мною открывается вѣчность; я буду въ ней одна, и никто не потребуетъ отъ меня отчета въ слезахъ моихъ. Позвольте мнѣ еще разъ взглянуть на эту комнату.....

Она закрыла рукою глаза, потомъ обтерла ихъ, освѣжила холодною водою, взяла Евгенія подъ руку, и сказала: — Пойдемте!

Растиньякъ, изумленный величіемъ этой колоссальной женской души, никогда еще не чувствовалъ ощущенія столь горестнаго, какъ то, которое произвело въ немъ прикосновеніе скорби, такъ великодушно удерживаемой и скрываемой.

* Хотя этотъ романъ, сокращенный черезъ очищеніе его отъ общаго мѣста и длиннотъ, и весьма передѣланъ въ переводѣ, въ которомъ большею частію старались мы выразить не то, что говоритъ авторъ, но то, что онъ долженъ былъ бы говорить, если бъ чувствовалъ и разсуждалъ правильно; хотя мы гораздо болѣе уважаемъ здравый смыслъ вашихъ читателей, и его удовольствіе, нежели неприкосновенность плодовъ пера, одареннаго талантомъ, но поверхностнаго и слишкомъ легко-

Возвратясь въ парадныя комнаты, Г-жа Восеантъ обошла ихъ подъ руку съ Евгениемъ, — новый и послѣдній знакъ вниманія этой павнительной женщины. Въ танцевальной галлерей Евгений съ изумленіемъ увидѣлъ одну изъ тѣхъ паръ, которыя становятся поразительнымъ явленіемъ отъ сближенія въ себѣ всѣхъ красотъ человѣческихъ. Ему еще никогда не случалось любоваться на такое совершенство. Мужчина — живой Антиной, и манеры его не разрушали впечатлѣнія, производимаго красотой тѣла. Дама — настоящая фея: она восхищала взоры, очаровывала душу, раздражала чувства самыя холодныя. Всѣ съ наслажденіемъ на нихъ смотрѣли и завидовали блаженству, которое проявлялось въ отличномъ согласіи ихъ взглядовъ и движеній.

мысленнаго; хотя и направленіе, и даже ходъ повѣсти измѣнены здѣсь существенно, однако мы сохранили часть этой сцены въ подлинной ея видѣ, нарочно для обожателей ума Г. Бальзака. Одна изъ основныхъ идей этого романиста, проявляющаяся почти во всѣхъ его твореніяхъ, состоитъ въ томъ, что женщина тогда только бываетъ истинно велика, когда она обманываетъ своего мужа, гордо конируетъ свои обязанности и смѣло предается пороку. Какъ скоро удалось ему осуществить эту чудесную мысль, заимствованную по всей вѣроятности изъ логики лакейскихъ, и вывести на сцену супругу порочную, но твердую любовницу, — онъ безъ памяти отъ удивленія ея характеру; онъ становится передъ ней на колѣни, и, — скоро увидите, — онъ еще поставитъ передъ ней на колѣни и своего героя Растиньяка. Это великая менция Г. Бальзака, онъ выходитъ также очень интереснымъ когда отецъ способствуетъ пороку своей дочери, и когда молодой чѣловѣкъ продаетъ себя женщинѣ, и прочая. Само собою разумеется, что съ этими жалкими понятіями опрокинутой нравственности и потеряннаго самоуваженія поступлено въ переводѣ по ихъ заслугамъ, точно такъ же, какъ съ философическими разсужденіями автора, составленнымъ изъ избитыхъ пошлостей, выражаемыхъ языкомъ высокопарнымъ и изысканнымъ. Изъ философіи Г. Бальзака, — которую намъ очень хочется назвать философіей, выжатой изъ туалетной губки, — можно иногда получить замѣчанія хорошія и согласныя со здоровымъ разсудкомъ, сказавъ діаметрально противоположное тому, что онъ утверждаетъ. Мы во многихъ мѣстахъ его повѣсти употребили этотъ легкій способъ быть освѣдательными. Истинный и неотъемлемый талантъ Г. Бальзака заключается въ его повѣствовательномъ искусствѣ, и это достоинство автора «Старика Горіо» мы сочли долгомъ поставить въ самомъ лучшемъ свѣтѣ.

— Боже мой, кто эта женщина? спросилъ Растиньякъ.

— О, это неоспоримо самая прекрасная женщина! отвѣчала виконтесса. Это Леди Брандонъ. Она всѣмъ пожертвовала этому молодому человеку.....

— А онъ кто таковъ?

— Какъ, вы не знаете полковника Франкесини?

— Неужели это тотъ самый, который дрался.....

— Да, да; дня три назадъ. Его вызвалъ на дуэль сынъ какого-то банкира. Франкесини хотѣлъ только ранить его, и, по несчастію, убилъ.

— А!!!...

— Что съ вами? Вы трепещете?

— Ничего! отвѣчалъ Растиньякъ.

Холодный потъ выступилъ на тѣлѣ Евгенія. Вотренъ явился передъ нимъ со своимъ мѣднѣмъ лицомъ. Герой каторжниковъ и герой балльных танцоровъ, идущіе въ живую руку объ руку, измѣнили для него весь видъ Парижскаго общества. Тотчасъ послѣ этого, онъ увидѣлъ графиню Ресто и баронессу Нюсингенъ. Графиня блистала бриллиантами, которые, конечно, жгли ее, потому что были на ней въ послѣдній разъ. Она съ трудомъ выносила взгляды своего мужа. Это зрѣлище не могло развеселить мыслей Растиньяка. Если въ Итальянскомъ полковникѣ предсталъ передъ него Вотренъ, то въ-подъ бриллиантовъ обнѣхъ сестеръ должно было выглануть лице умирающаго Геріо. Задумчивый видъ его обманулъ виконтессу, и она оставила его руку, сказавъ: — Я не хочу лишать васъ удовольствія забавъ.

Дельфина тотчасъ подозвала его къ себѣ; она восхищалась производимымъ ею впечатлѣніемъ, и хотѣла повергнуть къ ногамъ своего любезнаго обожаніе свѣта, въ которомъ надвѣялась быть принята.

— Какъ вы находите Настиньку? спросила Дельфина.

— Она танцуетъ въ счетъ жизни отца своего, отвѣчалъ Растиньякъ.

Часовъ около четырехъ утра, залы начали пустѣть. Вскофъ послѣ того и музыка перестала играть. Герцогиня Ланжѣ и Растиньякъ одни остались въ большой залъ. Виконтесса, думая застать одного Евгенія, пришла туда, простивъ-

шись прежде съ своимъ мужемъ, который пошелъ сказать ей: — Ты, право, напрасно ѣдешь! Какъ можешь твой лѣтъ похоронить себя въ Нормандію? Останься съ нами.

Увидѣвъ герцогиню, госпожа Босанъ не могла удержаться отъ восклицанія.

— Я угадала твое намѣреніе, Клара, сказала герцогиня, ты ѣдешь, съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возвращаться, но прежде всего ты должна меня выслушать. Надобно, чтобы мы другъ друга поняли.

Она взяла виконтессу подъ руку, увела въ другую комнату, и тамъ, поглядѣвъ на нее со слезами на глазахъ, сказала ей въ своихъ объятіяхъ, и поцѣловала въ обѣ щеки.

Я не хочу разстаться съ тобою холодно, сказала она: ты бы оставило мнѣ слишкомъ тяжелое раскаяніе. Ты можешь полагаться на меня какъ на самую себя. Сегодня ты бы была истинно велика! Я почувствовала, что должна быть достойною тебя, и хочу доказать тебѣ это. Я часто бываю виновата передъ тобою; не всегда поступала, какъ бы следовало. Прости меня, моя милая; я отрекаюсь отъ всего, что могло оскорбить тебя въ моихъ словахъ; хотѣла взять ихъ назадъ. Одинакая горестъ соединяла наши души, но не знаю, кто изъ насъ будетъ теперь несчастнѣе. Гдѣ Монривъ сегодня здѣсь нѣтъ? Ты понимаешь. Кто сегодня тебя видѣлъ, Клара, тотъ никогда тебя не забудетъ! Я мѣрена сдѣлать съ моимъ послѣднее усиліе. Если оно удастся, я пойду въ монахини. А ты куда ѣдешь?

— Въ Нормандію. Въ Курсель. Любилъ, молись, въ твоихъ поръ, пока Богъ возьметъ меня изъ этого свѣта. Прощай, стиньякъ!

Евгеній преклонилъ колѣно, взялъ ея руку, и поцѣловалъ съ умильніемъ *.

* *Risum te peatis, amici!* Не смѣйтесь, потому что авторъ хотѣлъ здѣсь быть возвышеннымъ и трогательнымъ. Изъ числа всѣхъ подобныхъ мы удержали одну эту сцену, съ намѣреніемъ, — чтобы показать, какъ ложныя и смѣшныя вещи находятъ въ подлинникѣ, и чтобы не поселить ни въ комъ сожалѣнія о томъ, что выпущено или передѣлано. Это величкіе женщины, измѣняющихъ долгу супругъ, клятвы, и чести, и храбрости, удаляющихся, одна въ деревню, другая въ монастырь, для того, чтобы плакать о своихъ любовникахъ, неподражаемо! Сцена впрочемъ была бы хороша безъ этихъ жалкихъ натяжекъ поддѣльнаго глубокомыслия.

— Прощай, Антуанетта, будь счастлива! А вы, мой милый Евгений, вы счастливы, потому что вы молоды и еще можете вѣрить людямъ. Я довольна: удаляюсь отъ свѣта, и меня провожаютъ, какъ умершую, прежніе враги и искреннее чувство добраго друга.

Растиньякъ ушелъ въ пять часовъ, когда госпожа Богсанъ съѣла въ дорожный берлинъ; со слезами съ нимъ простившись. Пышкомъ, въ сырую и холодную погоду, возвратился онъ въ домъ Вокё. Воспитаніе его приходило къ концу.

— Намъ не спасти бѣдняка Горіо, шепнула ему Бланшонъ, когда онъ вошелъ въ комнату больного. Онъ завернуть весь въ горчицу, наложенную на простыню, но и это уже не помогаетъ. Мы истратили кучу лѣкарствъ.

— Другъ мой! отвѣчалъ онъ Бланшону, посмотрѣвъ сначала на умирающаго: не старайся измѣнить скромнаго назначенія, которымъ ограничиваются твои желанія. Будь докторомъ, — ты будешь счастливъ. А я, — я въ аду, и долженъ въ немъ остаться! Сколько ни говорятъ дурнаго о больномъ Парижскомъ свѣтѣ, но, повѣрь мнѣ, нѣтъ Ювенала, который былъ бы въ состояніи вполне изобразить всю его гнусность, прикрытую золотомъ и драгоценными камнями.

Ни у Горіо, ни у Евгенія не было денегъ. Бланшонъ ушелъ, чтобы поручиться въ аптеку за всѣ лекарства, набранныя и которыя еще придется взять. Евгений остался одинъ у постели больного.

— А? это ты, мой милый, сказалъ Горіо, узнавъ его.

— Лучше ли вамъ? спросилъ Растиньякъ, взявъ его за руку.

— Да; голова у меня была какъ въ клещахъ; теперь полегче. Видѣли ли вы дочерей моихъ? Онъ скоро прѣвдуть, лишь только узнаютъ, что я боленъ. Онъ такъ ходилъ за мною, когда мы жили въ улицѣ Жюсьенъ! Боже мой, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ комната моя была почище: совѣстно, право, принимать ихъ. Да какой-то молодой человекъ сжегъ все мое корье: имъ будетъ здѣсь холодно.

— Вотъ идетъ Христофоръ, сказалъ Евгений: онъ несетъ дрова, которые присылаетъ намъ этотъ добрый Бланшонъ.

— Хорошо. Да чѣмъ мнѣ заплатить за эти дрова? У меня ничего нѣтъ, ровно ничего; я все отдалъ; я нищій. Хо-

рошо ли по-крайней-мѣрѣ было платье Настиньки! (Ой, мнѣ больно!) Спасибо тебѣ, Христофоръ. Богъ тебя надѣлитъ, любезный другъ; у меня ничего нѣтъ..... (Ай, ай)

— Я заплачу и тебѣ и Сильвіи, сказалъ Евгений Христофору на ухо.

— Дочери мои сказали тебѣ, что онъ скоро будутъ; правдали, Христофоръ? Сходи, братъ, къ нимъ еще разъ и тебѣ дамъ пять франковъ. Скажи имъ, что я нездоровъ, что мнѣ хотѣлось бы еще разъ посмотреть на нихъ, обнять ихъ передъ смертію. Скажи имъ это. Только, ради Бога, поосторожьтесь; не пугай ихъ.

Растиньякъ сдѣлалъ знакъ Христофору, и тотъ ушелъ.

— Онъ скоро будутъ, продолжалъ старикъ. Я знаю! Какъ будетъ печалиться бѣдная Фифи, если умру! Да и Настинька тоже. Мнѣ бы не хотѣлось умирать, чтобы не заставлятъ ихъ плакать. Умереть, мой милый Евгений, значить уже никогда не видать ихъ. Охъ, я бы очень скучать! Для отца адъ тогда, когда онъ остается безъ дѣтей: я испыталъ это съ тѣхъ поръ, какъ онъ замужемъ. Боже мой, какъ я былъ счастливъ, когда мы жили въ улицѣ Жюсьенъ! Тамъ-то былъ рай для меня. (Ой, ой! я стоко страдаю.) Мнѣ кажется, будто я ихъ и теперь вижу такими же, какъ онъ были въ улицѣ Жюсьенъ. Каждый вечеръ онъ приходили въ мою комнату: «Здравствуй, папа!» Я бралъ ихъ на колѣна, цѣловалъ ихъ, игралъ, шалилъ съ ними; онъ сами, миленькія, ко мнѣ ласкались. Каждый день мы вмѣстѣ завтракали, вмѣстѣ обѣдали; ну да вообще былъ отцемъ, я наслаждался дѣтьми своими. (Гел! ге!) Когда мы жили въ улицѣ Жюсьенъ, онъ еще не разсуждалъ, не имѣли ни какого понятія о свѣтѣ; онъ очень меня любилъ. (Ой, ой!) Боже мой, зачѣмъ онъ и теперь не миленькія! (Охъ, какъ мнѣ больно! голова такъ и трещить.) Исподти, если бъ я только могъ взять ихъ за руки, мнѣ бы было право, стало легче. Чтожъ это онъ не ѣдутъ. Христофоръ такъ глупъ! Мнѣ бы надобно было пойти самому. Онъ и не увидитъ. (Ой, ай!) Вы вчера были на балъ: не правдали, онъ не знали, что я боленъ? Онъ бы не стали тащить, если бъ могли угадать, что мнѣ такъ дурно. Нѣтъ, не могу, я не хочу умирать. Дѣла ихъ запутаны. Я не...

нѣвно долженъ поправить ихъ состояніе. Я знаю, гдѣ взять денегъ. Поѣду въ Одессу. О, тамъ наживу я милліоны. О Боже мой, какъ эта голова меня мучитъ! Право, хоть кричать: а я, кажется, привыкъ страдать!.....

Горіо замолчалъ и, казалось, крѣпился, чтобы не вскрикнуть.

— Если бѣ онѣ были тутъ, я бы не сталъ жаловаться. Я бы былъ здоровъ.....

Онѣ забылся, и пробывъ довольно долго какъ бы въ усыпленіи. Христофоръ пришелъ назадъ. Растиньякъ, думая, что Горіо спитъ, не мѣшалъ человеку рассказать вслухъ всю исторію своего посольства.

— Я, сударь, пошелъ сначала къ графинѣ. Ея я не видалъ; мнѣ сказали, что она занята съ мужемъ важными дѣлами. Я сталъ приставать. Графъ вышелъ самъ и сказалъ мнѣ: «Г. Горіо умираетъ! Что за бѣда! Лучше этого онѣ ничего не можетъ сдѣлать. Графиня теперь не можетъ къ нему ѣхать. Мы должны окончить съ нею важныя дѣла. Послѣ она, коли захочетъ, поѣдетъ.» Такой сердитой! Потомъ я пошелъ къ баронессѣ. Тутъ другія штуки. Я ея не видалъ, и не могъ говорить съ ней. Горничная сказала мнѣ: «Она, братъ, пріѣхала съ бала въ пять часовъ, и теперь спитъ. Барыня станетъ гнѣваться, если я разбудю ее прежде двѣнадцати. Когда она позвонитъ, я, пожалуй, скажу, что батюшкѣ ея стало хуже. Непріятное всегда успѣешь сказать.» Я просилъ, просилъ.... Не тутъ-то было. Барона спросилъ; того дома нѣтъ. Такъ я и пришелъ ни съ чѣмъ.

— И ни одна изъ его дочерей не пріѣдетъ? вскричалъ Растиньякъ. Я сейчасъ напишу къ обѣмъ.

Христофоръ ушелъ.

— Ни одна! повторялъ старикъ, вдругъ приподнявшись, и сѣвъ на постели. Онѣ заняты, онѣ спятъ, онѣ не пріѣдутъ! Я такъ и думалъ! (Ой! ой!) Надобно умирать, чтобы узнать, что такое дѣти. Ахъ, другъ мой Евгений, не жнитесь, чтобы не имѣть дѣтей! Вы имъ дадите жизнь, она

васъ убиваютъ. Вы ихъ вводите въ свѣтъ; они васъ вынимаютъ оттуда. (Ой, ой, о Боже мой, какъ я страдаю!) Нѣтъ, онѣ не прїѣдутъ. Я ужъ это десять лѣтъ знаю. Да мнѣ не хотѣлось этому вѣрить!

Слѣзы покатались по щекамъ его. Онъ упалъ на подушку какъ камень. Онъ страдалъ тѣлесно и сверхъ-того былъ отчаянінъ.

— О, если бъ я былъ богатъ! Тогда онѣ бы прїѣхали. Сидели бы тутъ, съ мужьями, съ дѣтьми. Онѣ бы плакали, терзались. (Ай! ай!) Деньги даютъ все на свѣтѣ даже и дочерей. Если бъ я поберегъ что-нибудь себѣ, держалъ ихъ въ уздѣ, этого бы не было. (Ой, какъ мнѣ дурно!) Мерзавки!... онѣ достойнымъ ихъ образомъ доводятъ свое десятилѣтнее дѣло. Если бъ вы знали, какъ онѣ ухаживали за мною въ первое время замужства! Да какъ было не уважать меня: я имъ далъ почти по восемь тысячъ, и у меня сверхъ-того были деньги!..... напишите къ нимъ, что у меня есть двѣсти тысячъ, спешите танныхъ у..... Нѣтъ, лучше умирать въ нищетѣ. Теперь я по-крайней-мѣрѣ знаю, что есть одинъ человекъ на свѣтѣ, который любитъ меня безкорыстно. Вы, мой добрый Елизавета!..... А потомъ, когда у меня не стало денегъ, онѣ мнѣ (Охъ, больно!) онѣ меня понемножку удаляли, просто выгоняли. Теперь, не хотятъ даже прїѣхать проститься со мною. Сидятъ виноваты! Я ихъ слишкомъ любилъ; онѣ поступали со мной безчеловѣчно, а я, посердившись, опять возвращалъ имъ свое сердце, опять предавался родительской страсти. Я былъ какъ игрокъ, который (Ой!) не въ силахъ удержаться..... Дочери составляли мой порокъ; другаго я не зналъ. Гдѣ онѣ?..... Доктора! доктора! Мнѣ больно, я умираю. Анастасія, Дельфина? Пошлите за ними городовыхъ, требуйте ихъ черезъ полицію; пусть ихъ приведутъ съ жандармами. Правительство и законы должны въ этомъ случаѣ защищать меня! Я имѣю полное право требовать помощи; я отецъ; отечество погибнетъ, когда дѣти не будутъ уважать своихъ родителей. Въ Уложеніи написано, дѣти должны приходять къ одру отца и матери. Дайте мнѣ мой, напишите къ нимъ, что у меня есть деньги, цѣ-

милліонъ: я ихъ знаю! Онъ тотчасъ прїѣдутъ, какъ скоро скажешь имъ — деньги! Да, у меня еще будетъ для нихъ милліонъ: я поѣду въ Одессу, наживу большое состояніе, и отдамъ имъ..... Онъ несчастны! Онъ несчастны!.....

— Хорошо, я напишу, лишь только воротится Біаншонъ. Я самъ за ними поѣду.

— Нѣтъ, онъ не прїѣдутъ! Онъ знаютъ, что у меня ничего нѣтъ..... Но я хочу ихъ видѣть. Давайте мнѣ моихъ дочерей! Я требую своихъ дочерей! онъ мой, моя кровь, моя собственность.... Я могу сдѣлать съ ними что хочу..... Я!.....

Онъ быстро приподнялся и свѣлъ на постели, показывая Евгению свои растрепанныя сѣдины, которыя вмѣстѣ со сверкающими послѣднію жизнію глазами выражали самую страшную угрозу, какую только можно выразить безмолвно.

— Мерзавки! вскричалъ онъ хриплымъ голосомъ, упавъ опять на постель: онъ мнѣ много зла надѣлалъ. Я ихъ ненавижу.... Про....кливаю!

— Успокойтесь, почтенный другъ; выпейте это лекарство.

— Вы еще любите вашихъ родителей!... Свѣтъ еще не вырвалъ изъ васъ корня семейныхъ радостей!... Охъ, любите, другъ мой, вашихъ отца и мать! Ужасно быть покинутымъ отцемъ, умирать въ презрѣніи отъ тѣхъ, въ кого перелили вы жизнь свою. Ужасно!... Мои негодныя дочери!.. (Ой!) Поѣзжайте за моими дочерьми! Не поѣдутъ добровольно, привезите ихъ насильно. Кликните въ помощь гвардію и армейскіе полки, и притащите непременно. (Ой!) Онъ должны быть здѣсь, когда я умираю!

— Но вы уже ихъ проклинали.

— Проклялъ? проклиналъ? вскричалъ Горіо въ изступленіи. Кто это сказалъ? О, нѣтъ! (Ай, ай!) я люблю ихъ..... я ихъ обожаю.....

Онъ снова приподнялся, и тотчасъ упалъ на постель.

— Христофоръ, бѣги за Біаншономъ, и приведи мнѣ извозчика, закричалъ испуганный Евгений.

— Бѣги, мой другъ! прибавилъ Горіо слабымъ, но умоляющимъ голосомъ. Мнѣ нечего дать тебѣ за твои труды!.... Даю тебѣ благословеніе умирающаго отца, отъ котораго отреклись родныя дочери!....

Христофоръ встрѣтилъ Біаншона на дорогѣ. Растиньякъ просилъ его заложить часы, подаренные въ память Г-жею Нюсингенъ, чтобы было чѣмъ заплатить извозчику и за лекарства, а самъ поѣхалъ къ Ресто. Его съ трудомъ допустили до зятя и до дочери обѣднѣвшаго старика. Графъ Ресто сказалъ, что Горіо сдѣлалъ его несчастіе, и что онъ ни объ чѣмъ знать не хочетъ. Графиня приняла Растиньяка съ заплаканными глазами по поводу ссоры съ мужемъ, который настаивалъ, чтобы она ту же минуту кончила съ нимъ дѣло: она сухо объявила Евгению, что въ это мгновеніе ей надобно думать о себѣ и о своихъ дѣтяхъ; что она придетъ, какъ скоро будетъ свободна; что она сама несчастна..... Онъ отправился къ Г-жѣ Нюсингенъ. Дельфина лежала въ постели.

— Я больна, Евгений, сказала она. Я простудилась вчера послѣ бала, и жду доктора.

— Если бѣ вы были при смерти, то и тогда должны бы доташиться къ вашему батюшкѣ! Онъ при последнемъ издыханіи, и зоветъ васъ. Если бѣ вы могли услышать его крики, вы бы забыли, что вы нездоровы.

— Евгений! батюшка, можетъ-быть, не такъ дуренъ, какъ вы воображаете. Да притомъ, онъ и самъ бы не захотѣлъ, чтобы я поѣхала, если бѣ зналъ, что это для меня вредно. Впрочемъ, я поѣду, если только докторъ позволить.... А гдѣ жѣ ваши часы? спросила она, увидавъ, что у него нѣтъ цѣпочки. Неужели вы такъ скоро.....? О, это было бы непростительно!

Евгений покраснѣвъ, нагнулся къ постели, и сказалъ ей на ухо: — Батюшкѣ вашему не на что купить саванъ, въ которомъ его надобно будетъ вечеромъ положить. Часы ваши въ закладѣ. У меня больше ничего нѣтъ.

Дельфина вскочила съ постели, побѣжала къ своему бюро, вынула оттуда кошелекъ, отдала его Евгенію, и вскричала: — Бѣгите, бѣгите!..... Дайте мнѣ одѣться.... Я сейчасъ буду..... О, я несчастная!.. Тереза! Тереза! скажите барону, чтобы онъ бросилъ все, и пришелъ сію минуту сюда.

Горіо былъ уже безъ чувствъ, когда Евгенийъ пріѣхалъ назадъ. На лицѣ его изображалась послѣдняя борьба жизни со смертію; но онъ уже не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

— Онъ можетъ пребыть въ этомъ состояніи еще нѣскольکو часовъ, сказалъ Біаншонъ.

Черезъ минуту, на лѣстницѣ слышались шаги запыхавшейся женщины.

— Поздо уже! сказалъ Растиньякъ.

Это была не Дельфина, а ея горничная, Тереза.

— Баринъ съ барыней поссорились, сударь, сказала она Евгенію: оттого, что барыня просила денегъ. Бѣдняжка упала въ обморокъ. Надобно было послать за докторомъ, пустить ей кровь. Она кричала: «Батюшка умираетъ! батюшка умираетъ! пустите меня къ нему!....» Страхъ, право, слушать! Сердце надрывается....

— Теперь ужъ ей пріѣзжать не зачѣмъ, сказалъ Евгенийъ: отецъ уже безъ чувствъ.

— Я вамъ не нужна теперь, сказала Сильвія: я пойду накрывать на столъ; ужъ пятого половиня.

Она пошла, и въ дверяхъ столкнулась съ Г-жею Ресто. Появленіе графини было ужасно. Она взглянула на смертную постель отца своего, едва освѣщенную сальнымъ огаркомъ; увидѣла лице его, по которому еще пробѣгали по временамъ послѣднія содроганія жизни; залилась слезами, и упала на колѣна. Біаншонъ вышелъ.

— Батюшка! батюшка! простите меня. Я много зла вамъ надѣлала. О, я преступница! Я, я васъ убила!..... Батюшка! батюшка! простите меня, благословите меня! Нѣтъ, возьмите меня съ собою: вы одни на свѣтѣ меня любите; я всѣми брошена, всѣми покинута; даже дѣти будутъ меня ненавидѣть.

Она схватила его руку, и обливала ее слезами.

— Все несчастія вдругъ на меня обрушились, сказалъ Евгению. Г. Траль, надѣлавъ долговъ, скрытно ушелъ за границу. Мужъ никогда меня не проститъ. Дети остались безъ куска хлѣба. Графъ принудилъ меня продать все мое имѣніе старшему сыну..... Вотъ одинъ лодырь, который любилъ меня истинно; и я отвергла его, оттолкнула отъ себя!... Я не умѣла цвѣить его привадами!

— Онъ это зналъ.

Въ это время глаза Горіо, дѣйствиємъ судорогъ, закрылись. И эти безжизненные, помертвѣлые глаза, и этотъ страшный крикъ графини, были равно ужасны. Г-жа Ресто захотѣла остаться одна съ умирающимъ. Растиньякъ шелъ въ низъ. Онъ получилъ отъ Біаншона нѣсколько франковъ за часы, заложенные въ ломбардъ; вручилъ деньги для аптекаря за лекарства, заплатилъ Г-жѣ Ресто долгъ за квартиру старика, и на остальные двадцать франковъ купилъ у ней бѣлья на послѣднюю для него одежду. Она торговалась съ нимъ за всякую бездѣлицу съ отчаянною жадностью. Сердце молодого человѣка при этомъ омерзвѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ въверху раздался крикъ графини: — Онъ умеръ!

При этомъ ужасномъ крикѣ, Растиньякъ, Біаншонъ и Сильвія взбѣжали на лѣстницу. Г-жа Ресто лежала въ обморокѣ. Приведя графиню въ чувство, Евгенийъ посадилъ ее въ фіакръ, и велѣлъ Терезѣ ѣхать съ нею къ Г-жѣ Сингенъ.

Закрывъ покойнику глаза, Евгенийъ и Біаншонъ съ религиознымъ умиленіемъ положили его на одръ, и надѣли на шею найденный въ постели подлѣ трупа медальонъ, въ которомъ были двѣ связки тонкихъ волосъ съ надписью «Анастасія — Дельфина». По качеству этихъ волосъ можно было узнать, что они были срѣзаны еще въ детствѣ благодарныхъ дочерей, — еще въ то время, когда *онъ не разсуждалъ*. Пусть по-крайней-мѣрѣ это споминаніе ихъ невинности утѣшаетъ его въ могилѣ!... сошла въ столовую.

— Господа, милости просимъ садиться! весело сказала Г-жа Вокэ: сунь простынь.

Обѣдъ шелъ по обыкновенному. Присутствующіе, кромѣ Растиньяка и Біаншона, смѣялись и шутили надъ странно-стями скончавшагося.

Вечеромъ, Растиньякъ писалъ къ графу Ресто и барону Нюсингену, чтобы они прислали кого-нибудь похоронить приличнымъ образомъ ихъ тестя. Они не прислали. На другой день онъ побѣхалъ къ нимъ; ему сказали швейцары: — Господа никого не принимаютъ; батюшка изволилъ скончаться, они чрезвычайно огорчены его смертію.

Растиньякъ не могъ даже проникнуть до Дельфины. Неумолимый привратникъ объявилъ, что не приказано принимать никого. — Дельфина тоже боится меня видѣть! вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ. — Шестидесять франковъ, которые носились въ прелестномъ кошелькѣ баронессы Нюсингенъ, были издержаны на покупку мѣста на кладбище и наемъ могильщиковъ. Біаншонъ и Растиньякъ заложили свое платье, купили простой, некрашенный гробъ, и повезли покойника на кладбище. Дорогой пристали къ похоронамъ двѣ кареты съ гербами графа Ресто и барона Нюсингена, но въ каретахъ никого не было. На могилу пришли только ихъ люди, и одинъ добрый священникъ прибѣжалъ безъ приглашенія прочесть безвозмездно молитву надъ усопшимъ. Трогнутые словами молитвы, Біаншонъ и Растиньякъ условились, какъ скоро разбогатѣютъ, соорудить несчастному скромный памятникъ съ надписью: «Здѣсь покоится прахъ отца «графини Ресто и баронессы Нюсингенъ, погребеннаго «иждивеніемъ двухъ бѣдныхъ студентовъ». Они это исполнили. All is true! все правда!

Въ шесть часовъ гробъ былъ опущенъ въ яму.

Когда два могильщика, засылавъ и приколовивъ землю лопатою, попросили на вино, Евгений обыскалъ все свои карманы, и не нашелъ въ нихъ ничего: онъ долженъ былъ запясть для нихъ франкъ у Христофора. Это обстоятельство, само по себѣ столь незначущее, произвело въ Растиньякъ страшный припадокъ унынія. День клонился къ исходу, сумракъ раздражалъ нервы сырýmъ своимъ холодомъ: онъ взглянулъ на могилу, и похоронилъ въ ней свою по-

слѣдную слезу юноши, — слезу выжатую святыми
неніями сердца чистаго, — одну изъ тѣхъ слезъ, кото
съ земли, куда онъ упадутъ, брызжутъ до самого неба.
сложилъ руки на груди, и сталъ всматриваться въ об
Біаншонъ удалился еще до засыпанія ямы; скор
Христофоръ ушелъ домой, и онъ остался одинъ.
прошелъ нѣсколько шаговъ по кладбищу, и увидѣл
рижъ, извиристо прилегшій на берегахъ Сены, въ н
ромъ начинали мелькать огни. Глаза его жадно при
лись къ массѣ крышъ, сваленныхъ между колонною
домской Площади и куполомъ Церкви Инвалидовъ, ку
сту, гдѣ живетъ тотъ изящный, золоченный свѣтъ,
который онъ хотѣлъ-было забраться. Въ немъ снова вспы
ли желанія, съ которыми онъ боролся такъ долго съ
режничивымъ счастіемъ. Онъ бросилъ на этотъ жужж
улій такой взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ зар
высосать изъ него весь медъ, и произнёсъ это ро
восклицаніе:

— Теперь мы съ тобой раздѣляемся!

Онъ пошелъ въ Парижъ: дорогой, онъ еще колеба
направлять ли шаги свои къ красному жилищу въ ул
Артуа, или къ прежней, грязной квартирѣ у мадамъ Во
и очутился у дверей дома Г-на Тальфера. Тамъ Вот
привела его къ этому дому, и положила руку его на
мокъ. Онъ зажмурилъ глаза, чтобъ ея видѣть. Онъ ис
еще въ своемъ сердцѣ и въ своей нищетѣ честнаго ш
лога. Викторина такъ нѣжно любила своего отца!...

Растиньякъ спросилъ Г-жу Кутюръ. Теперь онъ мил
щикъ, и гордъ какъ баронъ.

=

ВАШИНГТОНЪ ИРВИНГЪ

=

Для всѣхъ ли народовъ равно доступна литературная слава и творческій гений? Этотъ вопросъ еще подлежитъ спору и рѣшенію. Нѣтъ сомнѣній, что въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ обитаетъ народъ образованный, происходящій отъ самаго гениальнаго народа повѣйшихъ временъ: языкъ его очень обработанъ; онъ еще наследовалъ великолѣпную Словесность своего первобытнаго отечества, превосходнѣйшую изъ Словесностей нашей части свѣта; онъ пользуется всеми умственными богатствами Европы, не выходя изъ своего природнаго нарѣчія. Между-тѣмъ этотъ самый народъ, несмотря на то, что въ числѣ его областей есть цѣлая провинція, въ которой только то и дѣлаютъ, что пишутъ стихи да романы, — этотъ народъ не произвелъ до-сей-поры ни одного великаго писателя, кромѣ Ирвинга, или Вашингтона Ирвинга: Вашингтонъ — имя, данное ему при крещеніи. Но и самъ Ирвингъ происходитъ, по отцу и матери, отъ Европѣецвъ, и принадлежитъ Америкѣ только по мѣсту своего рожденія. Единственный соперникъ его сивы есть извѣстный Куперъ, отецъ морскаго романа, писатель, котораго одушевленіе столь же сыро и утомительно какъ море, по которому онъ плаваетъ со своими героями. До нихъ, Сѣверо-Американскіе Штаты могли противопоставить извѣстному Годвину только одного романиста: Брокденъ Броунъ, сочинитель «Виланда», «Эдгара Гонтли» и прочая, могъ выдержать сравненіе съ авторомъ «Калеба Вильяма». Вашингтонъ Ирвингъ былъ первый, котораго провозгласили оригинальнымъ писателемъ Сѣверной Америки; и, конечно, онъ — писатель одаренный гениемъ: мысль его обширна, разнообразна, остроумна; слогъ его уди-

вительно звученъ и строенъ. Сами Англичане находятъ въ слогъ Ирвинга воскреснувшій слогъ Аддисона и Гольдсмита, — слогъ, котораго никто кромѣ его не отыскалъ, — утраченное между писателями XIX вѣка преданіе, которое снова утратилось, потому что Ирвингъ уже не существуетъ. Англійскіе журналы доносятъ объ его кончинѣ.

Это безплодіе генія въ отношеніи къ изящному можно, кажется, приписать всепожирающей алчности Сѣверо-Американцевъ, — страсти, которая засушаетъ въ нихъ источники вдохновенія, расплавляя въ своемъ алхимическомъ тиглѣ міръ, и вещественный и нравственный, для превращенія всего въ звонкій металлъ. Но великіе писатели и великіе художники были даже между Жидами? У Американцевъ ихъ не было.

Вашингтонъ Ирвингъ — меньшей сынъ Шотландскаго купца, поселившагося въ Нью-Йоркъ. Мать его, Англичанка, занялась его первоначальнымъ воспитаніемъ. Впослѣдствіи, его учителями Словесности были его старшіе братья, пользовавшіеся уже именемъ образованныхъ людей, когда Вашингтонъ Ирвингъ учился еще читать. Въ молодомъ ихъ воспитанникѣ замѣтна была задумчивость, подходившая къ меланхоліи, и вмѣстѣ съ тѣмъ прорывались неожиданныя остроты, находимыя и въ его сочиненіяхъ. Онъ охотно предавался дѣтскимъ шалостямъ, пренебрегаемымъ скороспѣлыми дѣтьми, которыхъ геній возвращенъ съ парникахъ, и которыхъ надменность подавляетъ всякое простосердечное влеченіе. Онъ учился, и не производилъ ничего. Вмѣсто того, чтобы преждевременно налагать на дѣтскую его слабость обязанность и внушать важность зрѣлыхъ лѣтъ, его приготавливали быть человекомъ. Этимъ способомъ его дарованія развились непринужденно: онъ созрѣлъ медленно, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочіе. Зато его дѣт-

смія воспоминанія были ему всегда драгоцѣнны; нѣкоторыя изъ его прелестнѣйшихъ вдохновеній заимствованы имъ отсюда.

Тогдашняя Нью-Йоркская молодежь была счастливое поколѣніе. Нью-Йоркъ не имѣлъ еще столичной фязіономіи: это былъ раждающійся городъ, гдѣ всѣ пріятности растущаго благосостоянія, отъ рады, домашняго избытка, соединялись еще со сладостною беззаботностью и съ неподкупными удовольствіями почти сельской жизни. Выгодное положеніе Нью-Йоркской гавани привлекало въ сундуки тамошнихъ купцевъ кучи драгоцѣнныхъ металловъ. Торговые обороты пребывали нераздѣльно въ ихъ рукахъ, потому что жители прочихъ штатовъ еще не спѣшили поселиться на этомъ прибыльномъ побережьѣ съ требованіемъ и своего участка выгодъ. Между-тѣмъ старожилы, видя вдругъ торговую манну падающею для нихъ съ небесъ, болѣе думали о наслажденіи настоящими благами, нежели заботились о будущемъ; они еще не сознавали необходимости вкоренять въ своихъ дѣтяхъ привычку къ порядку, труду и предусмотрительности. Страсть копить, порождаемая прибыткомъ, тѣсный эгоизмъ совмѣстничества, еще не изсушали сердца. Еще можно было найти въ этихъ быстро обогатившихся семействахъ патріархальныя права; тамъ еще вѣрили домашнему счастью; тамъ дѣтей своихъ не предоставляли въ теченіе десяти часовъ попеченіямъ наемнаго воспитателя; страшлись для нихъ душной школьной атмосферы; находили время воспитывать ихъ сами; посылали ихъ въ поля, за городъ, — и окрестности Нью-Йорка дивно соответствовали этому способу воспитанія. Нѣсколько минутъ пути приводили городскихъ дѣтей къ бархатнымъ лугамъ, тѣнистымъ рощамъ, къ зеркальнымъ водамъ, зимою покрытымъ льдомъ, и заманивавшимъ «по звонкому льду нестися на бы-

стрихъ какъ вѣтеръ конькахъ, и съ гордой улыбкой другихъ передить»: это была наследственная забава Голландцевъ, ихъ праотцевъ. Нью-Йоркъ, въ то время занималъ самое живописное мѣстоположеніе: въ Европѣ одинъ только Единбургъ могъ оспоривать у него преимущество въ этомъ отношеніи. Его дикія окрестности теперь болѣе не существуютъ: вымощенныя улицы, кирпичныя зданія замѣнили зелень; каменьщикъ прогналъ садовника; чугунная дорога сгладила даже прохладныя гроты Обокена.

Молодой Ирвингъ плѣнился въ особенности природными красотами острова Мангатана. Въ разныхъ его сочиненіяхъ часто проявляются слѣды этихъ первыхъ впечатлѣній; но замѣьте ложный стыдъ образованности: намѣревался изобразить время минувшей молодости, онъ былъ утраченъ мыслію, что если бы заговорилъ о томъ отъ своего собственнаго лица, то современники его, занятые исключительно прибытками и денежными соображеніями, укоряли бы его въ излишней мечтательности. Онъ вложилъ въ уста вымышленнаго лица выраженія своихъ поэтическихъ сожалѣній.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Нью-Йоркъ представлялъ странное зрѣлище множества породъ людей, различныхъ происхожденіемъ, характеромъ, физиономіей, и всѣ онѣ между собою соперничествовали, домогаясь ребяческаго первенства. Время уничтожило многія вздорныя распри, обнаруживавшія смѣшныя стороны людей: всѣ оттънки первобытныхъ народонаселеній наконецъ слились въ одинъ; но въ то время Американецъ выходецъ изъ Голландіи соблюдалъ какъ святыню свое наследственное нарѣчіе, свое озлобленіе противъ побѣдителей, хоть и ослабляемое его природнымъ добродушіемъ. Къ Голландцамъ присоединялись Французскіе протестанты, изгнанные Нантскимъ эдиктомъ, и согрѣвали Голландское хлад-

нокровіе Французскою живостью. За ними слѣдовали джентльмены и конюшіе старой Англійи, гордые своими родословными, непрерывно припоминавшіе своихъ предковъ, водворившихся въ Нью-Йоркской области въ то время, когда Голландская колонія была завоевана, обращена въ Англійскую провинцію и отдана Карломъ II во владѣніе брату его, герцогу Йоркскому. Потомъ выступали Ново-Англичане, или собственно Американцы, которыхъ въ издѣвку называютъ Янки, отличающіеся дѣятельностію и духомъ предпріимчивости. Они вступили съ Голландцами въ борьбу, которая кончилась почти совершеннымъ исчезновеніемъ родовыхъ именъ старыхъ бургомистровъ съ надписей, украшавшихъ торговыя улицы Нью-Йорка. Наконецъ послѣдніе, малочислѣннѣйшіе въ этомъ смѣшанномъ народонаселеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительнѣйшіе по нажитымъ богатствамъ и торговому вліянію, Шотландцы, составляли семью, или кланъ людей хитрыхъ, расчетливыхъ, предпріимчивыхъ, присоединявшихъ къ своему умѣнью и бережливости гостепріимные нравы и склонность къ продолжительнымъ обѣдамъ. Ирвингъ, привыкшій съ дѣтства въ родительскомъ домѣ къ особенностямъ ихъ характера, былъ или менѣе пораженъ его отличительными чертами, или сыновьямъ почтительность воспретила ему осмѣять ихъ въ сатирическихъ описаніяхъ своей «Исторіи Нью-Йорка». Теперь все эти различія изглажены.

При наступленіи двадцатаго года, у Вашингтона Ирвинга стали обнаруживаться нѣкоторые чахотные припадки. По счастью опасенія оказались напрасными; но его родные были этимъ такъ встревожены, что по совѣту врачей принудили его отправиться въ южную Европу. Онъ сѣлъ на корабль, плывшій въ Бордо, поѣхалъ въ Римъ черезъ Тулузу, Монпелье, Марсель, Ниццу, Генуу, Ливор-

но и Флоренцію. Здоровье его скоро возстановилось, но охота къ путешествіямъ пережила въ немъ причину, заставившую предпринять ихъ. Покинувъ Римъ, онъ отправился въ Неаполь; оттуда онъ поѣхалъ въ Сицилію; пробылъ нѣсколько времени въ Палермо; потомъ, воротясь на твердую землю, онъ объѣздилъ Италію и Швейцарію; наконецъ захотѣлось ему видѣть Парижъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, посѣщая библіотски, учебныя заведенія и литературныя общества. Безвѣстный Американецъ былъ вездѣ принятъ съ внимательностію и въжливостію: ему отворило повсюду входъ его благовоспитанное обращеніе. Послѣ Парижа онъ захотѣлъ видѣть Нидерланды; наконецъ изъ Голландіи, которую объѣздилъ по каналамъ, онъ отправился на шлюпкѣ въ Лондонъ.

Страны, которыя онъ обозрѣлъ, занимали его любопытство; но въ Англии все пробуждало въ немъ истинное сочувствіе. Здѣсь каждый говорилъ его роднымъ языкомъ; ему казалось, что онъ узнаетъ тѣ мѣста, о которыхъ такъ часто рассказывала ему въ дѣтствѣ мать; самыя ничтожныя повидимому предметы производили въ немъ живѣйшее впечатлѣніе: онъ впрочемъ никогда и не думалъ подавлять эти естественныя чувствованія къ колыбели своихъ родныхъ предразсудками враждебной народности. Ирвингъ, обогащенный многоразличными свѣдѣніями и поэтическими сравненіями, возвратился послѣ двухъ-лѣтней отлучки на родину. Вскорѣ по своемъ прибытіи въ Америку онъ издалъ первый нумеръ «Сальмигонди». Тѣ, которые нынче впервые читаютъ это остроумное сочиненіе, съ трудомъ могутъ себѣ представить восторгъ, съ какимъ были приняты послѣдовательные выпуски этой періодической сатиры. Въ ней уже примѣтно дарованіе, которое впоследствии доставило автору имя; но чтобы объяснить необыкновенный успѣхъ этой

книги, должно перенестись въ тѣ обстоятельства, при которыхъ она появилась, и понять многочисленныя призмѣненія и удачныя черты тонкой сатиры, которая придаетъ ей всю ѣдкость личности, никого не называя по имени. До того времени болтовня о мѣстной или общей политикѣ почти исключительно занимала Американскую Словесность; еще не поступала пора созданій вымысла. Самъ Брокденъ Броунъ стяжалъ славу лишь за гробомъ.

Джемсъ Пальдингъ, задушевный другъ Ирвинга, былъ его сотрудникомъ въ «Сальмигонди», и находили, что въ статьяхъ Пальдинга было болѣе ѣдкости, болѣе сарказмовъ, нежели въ Ирвинговыхъ. Но должно думать, что въ дружескомъ сотрудничествѣ, котораго «Сальмигонди» былъ плодомъ, статьи одного изъ авторовъ всегда подвергались разсмотрѣнiю другаго, съ предоставленiемъ ему полной власти прибавлять или убавлять по своей волѣ.

Джемсъ Пальдингъ, родившійся въ деревнѣ Гринбургъ, провелъ первыя свои лѣта въ сельскихъ занятiяхъ среди лѣсовъ и прекрасныхъ окрестностей Гудсонова Залива. Одинъ изъ его родственниковъ, званiемъ мызникъ, доставилъ ему главныя черты оригинальнаго лица *дядя Иванъ*, во второмъ номерѣ этого изданiя. Пальдингъ одаренъ живописнымъ воображенiемъ; онъ превосходитъ въ граціозныхъ описанiяхъ; у него вырываются тѣ счастливыя и нечаянныя изрѣченiя, которыя избавляютъ рассказъ отъ однообразiя; однимъ словомъ: онъ былъ сотрудникъ, достойный Ирвинга. Приводить диковинное доказательство общей вѣрности ихъ портретовъ, между которыми очень замѣчательно лице Тома Стребля, забавнаго типа Англійскихъ путешественниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Ямайкѣ появилась сатирическая брошюрка, за которую одинъ Англійскiй путешественникъ позвалъ автора въ уголовный судъ, какъ оскорбителя его лично-

сти. Обвиненный явился въ присутствіе съ книгою «Сальмигонди» въ рукѣ. — «Милостивые государь, сказалъ онъ судьямъ: этотъ почтенный господинъ узнаеть себя въ описаніи, котораго авторъ безъсознательно никогда и не слыжалъ объ немъ. Авторъ — не я только у него заимствовалъ: прочтите и сравните. Похищеніе было сдѣлано съ буквальной точностью изъ «Сольмигонди», и Англійскій путешественникъ такъ хорошо угаданный Ирвингомъ, взялъ назадъ свою жалобу.

Второе литературное произведеніе Ирвинга было «Исторія Нью-Йорка», приписанная нмъ Дюдриху Нейкербокеру. Кажется, что мысль къ этому юмористическому сочиненію подана ему учрежденіемъ въ Нью-Йоркѣ историческаго общества, которое объявило, что одинъ изъ его членовъ займется собраніемъ летописей колоніи со времени ея основанія. Ирвингъ, ознакомившись въ языкъ и идеи потомка первыхъ Голландскихъ поселенцевъ, пзложилъ всѣ чувствованія и вѣдомыя насльдственные предразсудки этого племенн съ видомъ такой важности и такого правдоподобія, что всякой не предваренный читатель могъ бы обмануться. Публика была приготовлена искусными объявленіями, и обманъ былъ совершенный. Но тѣ, которые возвратили книгу, ничего не подозревая, примѣтили, прочтеніи нѣсколькихъ главъ, что насмѣшливый мистификаторъ соблюдалъ не слишкомъ строгую бдительность. Нынѣшнее Американское общество, столь странное, столь смѣшное, столь алчное и столь суетное увидѣло себя совсѣмъ своими недостатками подъ личиною старыхъ бургомистровъ. Въ основѣ этой жестокой игры ума было столько благородной ироніи и тонкаго простодушія, что нельзя было не простить за нее автора. Но нельзя было и не удивляться раздирающей трогательности нѣкоторыхъ главъ и портретамъ, исполненнымъ одушевленія и силы

описаніямъ, достойнымъ кисти Клодь-Лоррена. Усмѣхъ этой вымышленной исторіи Нью-Йорка распространился и за предѣлы мѣстности: она произвела большое впечатлѣніе въ Англіи. Обработанный и чистый слогъ автора открылъ Единбургскимъ и Лондонскимъ критикамъ, что, между-тѣмъ какъ превосходные образцы вѣка королевы Анны пренебрегались туземными писателями девятнадцатаго столѣтія, они находили върнѣйшихъ подражателей по ту сторону Атлантическаго Океана. Замѣчаніе это было сдѣлано, и Американцы ухватились за него обѣими руками. Провозгласивъ Ирвинга своимъ Аддисономъ и Гольдсмитомъ, они только повторили неосторожное признаніе, вырвавшееся у аристарховъ метрополіи. Впрочемъ Ирвингъ изъявилъ свою признательность за этотъ безпристрастный отзывъ при изданіи въ послѣдствіи своихъ *Sketch-book* и *Bracebridge-Hall*. Онъ пропустилъ еще нѣсколько лѣтъ, пока посвятилъ себя исключительно литературному поприщу. Первые свои сочиненія написалъ онъ для развлеченія себя отъ должностныхъ занятій: онъ былъ стряпчимъ. Скоро однако онъ покинулъ ябеду, и вошелъ участникомъ въ торговый ходъ подъ фирмою своихъ братьевъ въ Нью-Йоркъ. Во время послѣдней войны между Англіею и Сѣверо-Американскими Штатами, Ирвингъ вступилъ въ военную службу, и былъ адъютантомъ при Нью-Йорскомъ губернаторѣ. Онъ издавалъ въ то же время журналъ — *Analytic Magazine*, въ которомъ помѣщенъ рядъ біографій, сочиненныхъ имъ самимъ и замѣчательныхъ по своему слогу. Торговля дѣла братьевъ понудила его въ 1815 году снова отправиться въ Англію, гдѣ онъ осматривалъ съ большимъ вниманіемъ всѣ историческія мѣста, всѣ прекрасныя виды и развалины, прославленные поэтами и романистами. Не забывая своихъ торговыхъ дѣлъ, онъ велъ памятные записки. По несчастію

для него, разстройство дѣлъ ихъ дома принудило его посвятить себя рѣшительно литературѣ. Нью-Йоркская торговля понесла убытки, которымъ въ особенности подвергся домъ Ирвинговъ. Тогда эти памятные записки сдѣлались для него драгоценнымъ пособіемъ. Разсчитавъ по-купчески литературную спекуляцію, Ирвингъ рѣшился издать свой Sketch-book вдругъ и въ Лондонѣ и въ Нью-Йоркѣ. Предпріятіе его увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ въ обѣихъ полушаріяхъ свѣта. Это собраніе очерковъ, портретовъ и лицъ такъ известно, что нѣтъ нужды объ немъ распространяться. Сочиненіе это тотчасъ ввело автора въ кругъ литературныхъ знаменитостей Великобританіи, и отворило ему входъ во всѣ лучшія Лондонскія общества. Столь заслуженный и столь благородно достигнутый успѣхъ внушилъ ему мысль продолжать первоначальную идею и въ другомъ сочиненіи, Bracebridge-Hall. Это эпизодическій романъ, болѣе описательный, нежели драматическій, и посвященный также изображенію нравовъ и обычаевъ старой Англіи. Однако критика приняла это новое произведеніе, свидѣтельствовавшее плодovitость и разнообразность Ирвингова дарованія, съ большею строгостью. Впрочемъ и тутъ нашли, что онъ ниже только самого себя. Авторъ между-тѣмъ понялъ, что для сохраненія благосклонности публики ему надлежало въ послѣдующемъ сочиненіи перемѣнить и образцы и раму: въ 1822 году онъ поѣхалъ въ Германію. Налюбовавшись на берега Рейна, наглядѣвшись на его утесы, поросшіе замками и на его пещеры, прославленныя въ лѣтописяхъ знаменитаго Тайнаго Судилица, онъ посѣтилъ Нѣмецкіе города, высмотрѣлъ лѣса и горы, славныя по древнимъ легендамъ. Онъ пробылъ нѣсколько времени въ Прагѣ, и зимовалъ въ Дрезденѣ, гдѣ былъ представленъ старому королю и королеви, сдѣлавшихъ ему такой пріемъ, о которомъ онъ лю-

билъ вспоминать всю жизнь. По возвращеніи въ Англію, Ирвингъ издалъ «Разказы путешественника». Эти разказы суть большею частію Нѣмецкія легенды; но онъ изложилъ ихъ по-своему; часто Американскій повѣствователь удерживаетъ только одно какое-нибудь обстоятельство изъ первоначальнаго разсказа, и на немъ основываетъ небольшую драму, оригинальную и формой и подробностями. Успѣхъ этого новаго творенія поудержалъ его и лѣтомъ 1824 года въ Лондонѣ. Въ 1825 онъ прибылъ въ Парижъ, и оставался тамъ до-поры до-времени. Онъ приготовлялся къ путешествію въ Испанію, но прежде хотѣлъ обозрѣть Гасконію и садъ Франціи, Турень.

Талантъ Ирвинга, сдѣлавшись собственностью Англійскихъ и Американскихъ издателей, сталъ потомъ посредствомъ переводовъ извѣстнымъ во Франціи, Испаніи, Германіи и Италіи. Намѣреваясь отправиться въ Испанію, онъ желалъ оправдать всеобщую благосклонность, оказываемую его имени, какимъ-нибудь болѣе серіознымъ сочиненіемъ. Онъ домогался славы историка, и выбралъ себѣ героя великаго челоуька, которому Европа обязана открытіемъ Америки. Этотъ выборъ показываетъ смѣлость Ирвинга, готовившагося войти въ состязаніе съ однимъ изъ славнѣйшихъ историковъ новѣйшаго времени, Робертсономъ. Ирвингова «Исторія Христофора Колумба» отличается отъ всѣхъ своихъ предшественницъ многочисленными изысканіями, для ней сдѣланными, и родственнымъ восторгомъ автора къ своему герою; прелесть ея слога заслужила наиболѣе удивленія. Ирвингъ не удовольствовался тѣмъ, что перерылъ историческія библіотеки, въ которыхъ сокрыты драгоцѣнные, неизданные документы: познаніе почти всѣхъ Европейскихъ языковъ умножило его матеріалы, потому что, владея этимъ пособіемъ, онъ могъ выправить множество басней, существовав-

шихъ насчетъ Колумба. Что касается до той части исторіи, въ которой описаны подвиги товарищей великаго мореплавателя, то это лѣтопись, исполненная поэзіи; чудеса рыцарскихъ романовъ слиты въ ней съ занимательностью исторіи. Нѣтъ ничего привлекательнѣе, полнѣе огня и эгонизма, какъ приключенія этихъ странствующихъ морскихъ рыцарей, смѣлаго Охеды, несчастнаго Накуесы, храбраго и легковѣрнаго Понтія Леонскаго, и изъ всѣхъ самаго смѣлаго и самаго несчастливаго Васко-Нунесъ-де-Бальбоа. Это не сподвижники благочестиваго Энея: герои Ирвинговы воскрешаютъ память о безстрашныхъ Нормандскихъ графахъ, съ горстію воиновъ домогавшихся завоеванія цѣлаго міра.

Для такого писателя, каковъ Ирвингъ, одинъ предметъ служить указаніемъ другаго: собирая матеріалы для исторіи Колумба, онъ сообразилъ планъ своей «Лѣтописи покоренія Гренады» и еще нѣчто въ родъ Испанскаго Sketch-bookъ подъ названіемъ «Алгамбрскихъ Повѣстей». Колумбъ, принужденный слѣдовать за дворомъ королевы Изабеллы какъ проситель, пока дозволили ему повергнуть къ стопамъ королей Леона и Кастиліи новый свѣтъ, находился при осадѣ Гренады. Ирвингъ почелъ обязанностью разыскать малѣйшіе слѣды Колумба въ различныхъ описаніяхъ похода противъ Мавровъ. Его лѣтопись есть сокращенный сводъ выписокъ и замѣчаній объ этомъ рыцарскомъ походѣ; но чтобы ближе выразить современныя мнѣнія, онъ предположилъ, что его повѣствованіе переведено съ записокъ стараго Іеронимитскаго монаха, Антона Агапиды: сочинитель сдѣлалъ его посредникомъ между собою и читателями, и приписалъ ему все, что только въ этихъ двухъ его книгахъ находится суевѣрнаго и сомнительнаго.

«Алгамбрскія Повѣсти» непосредственнѣ принадлежатъ вымыслу; но съ романтическими преданіями тамъ смѣшаны путевыя воспоминанія, въ которыхъ и та же свѣжесть и та же прелесть, что въ описаніяхъ Sketch-book.

Ирвингъ находился еще въ Гренадѣ, какъ въ Іюль 1829 онъ получилъ увѣдомленіе о своемъ назначеніи секретаремъ Американской миссіи въ Мадридъ. Потомъ онъ былъ переведенъ въ Лондонское посольство. Оксфордскій университетъ поднесъ ему, и съ большимъ торжествомъ, докторскій дипломъ. Е. В. король Вильгельмъ IV и вся королевская фамилія обласкали его съ удивительной благосклонностью, не скрывая того, что на столь лестный приѣмъ даютъ ему право гораздо болѣе его творенія, нежели его дипломатическое званіе. Въ 1832 Ирвингъ воротился въ Америку, и ариѳметическая, антилитературная атмосфера ея, кажется, рѣшительно подавила его геній. Несмотря на восхищеніе, съ которымъ купцы, полагаясь на за-Атлантическую его славу, приняли его въ Нью-Йоркѣ, эти биржевые восторги не внушили ему ни одной плодотворной идеи. Онъ тотчасъ поѣхалъ осматривать водопадъ Лагары, озеро Эри, берега Огайо и величественное теченіе Миссиссипи; наконецъ видѣли его занимающагося спекуляціями, — заведеніемъ новыхъ колоній и разработкою новыхъ земель; а минувшее лѣто провелъ онъ съ отрядомъ конныхъ охотниковъ, на земляхъ воинственнаго поколѣнія Пони, дивясь пустынному великолѣпію Сѣверо-Американскихъ лѣсовъ и полей.

=

СКАЗАНИЕ

О ПОЕДИНКѢ МЕЖДУ БОБОМЪ БОРКОМЪ И ПРАПОРЩИКОМЪ 48-го ПѢХОТНАГО ПОЛКА, ТЕДИ БРЕДИ.

=

ГЛАВА I

О ТОМЪ, КАКЪ ИРЛАНДСКІЙ ДВОРЯНИНЪ БОБЪ БОРКЪ БЫЛЪ ВЛЮБЛЕНЪ ВЪ МНССЪ ТЕОДОСІЮ МАКНАМАРА.

Въ то время, когда 48-й пѣхотный полкъ квартировалъ въ Малло, въ Ирландіи, я былъ тамъ въ гостяхъ у одного изъ помѣщиковъ, занимающихся свиноводствомъ, которыхъ превеликое множество въ той части свѣта; и, будучи шестнадцатю или семнадцатю годами моложе нынѣшняго, думалъ, что имѣю полное право влюбиться въ мнссъ Теодосію Макнамара. Она, знайте, была плотная, прекрасная дѣвушка, — кровь съ молокомъ, — вышины по-крайней-мѣрѣ два аршина семь вершковъ, когда обута, — отличная во многихъ отношеніяхъ и чинно выступавшая на своихъ копытцахъ. Признаться, она была немножко крикунья, потому что на гуляньи голосъ ея былъ слышенъ отъ одного конца аллеи до другаго. Мнѣ сказывали, что теперь, какъ она поустарѣла, въ ней открылись и разные другіе пороки, но тогда они были закрыты, и я ихъ не примѣчалъ, а о крикливости ни мало не заботился: я никогда не имѣлъ склонности къ вашимъ чопорнымъ молодымъ дѣвушкамъ, у которыхъ ротки всегда сжаты съ иглиное ушко. Я всегда подозреваю, что такія барышни имѣютъ весьма опасныя намѣренія противъ всего рода человѣческаго.

Она жила тогда въ Малло, съ тѣмъ, чтобы принять тамошнія минеральныя воды, — у нее, какъ утверждали, была чахотка; но я отвѣчаю за то, что ея

легкія были въ отличномъ состояніи. Я никогда не примѣчалъ въ ней ни какихъ признаковъ этой пожирающей болѣзни, кромѣ только въ обѣденное время, когда точно въ ней обнаруживалось что-то пожирающее. Мать ея была очень милая женщина, среднихъ лѣтъ, — урожденная О'Реганаккуллокбокъ, — отличная дама въ обращеніи, съ краснымъ, весьма достопримѣчательнымъ носомъ, что приписывала она простудѣ: каковую простуду и непрерывно лечила она разными бальзамическими снадобьями, принимаемыми внутрь. Мать ея, говорю, я утверждала, что бѣдненькая дышнѣшка, — такъ называла она дочь свою, — была пренѣжнаго сложенія, которое непременно требовало Маллоскаго воздуха и Маллоскихъ водъ, и что онѣ прѣехали туда для возстановленія ея здоровья. Прелестная миссъ Θεодосіа, — такъ нареченная въ честь какой-то древней императрицы, — или, какъ мы обыкновенно звали ее, Досинька, была, примѣрно сказать, полнокровна; волосы ея могли бы назваться русыми, но назывались какъ-то иначе; носъ у нее былъ вздернутый, — говорятъ, какъ у Клеопатры; а ея ротикъ, который всегда въ чемъ-нибудь полезно упражнялся, — потому что безъ отдыха или кушалъ, или пилъ, или кричалъ, или смѣялся, — былъ порядочный ротикъ, — ротъ нѣкоторой величины. Глаза ея, какъ бурава, такъ и свермили сердце, — но немножко вкось, — потому что имѣли нѣкоторое расположеніе коситься. Кожица ея была гладка, — такъ гладка, какъ мои плисовые панталоны, — а цвѣтъ лица уподоблялся первымъ лучамъ весенней денницы, пробивающейся сквозь лѣтнее облако..... Если хотите, поищите себѣ какого-нибудь другаго сравненія въ стихотворныхъ книгахъ: я помню, что одинъ молодой человекъ, который въ нее влюбился и воспѣлъ ее въ стихахъ, уподоблялъ ее чему-то вышесказанному, только не помню чему. Стихи были прекрасны, но я ихъ забылъ. Я никогда не

могъ удержать ни срока долгашъ, ни стиховъ, въ своей памяти! Досинькина маменька говорила, что краска въ ея лицѣ была чахотная: но чахотка видно была не изъ блѣдныхъ, потому что румянецъ бѣдой двушки, которая страдала ею, могъ бы сдѣлать честь самой здоровой молошницѣ.

Простите мнѣ, господа, эти подробности; но согласитесь сами, что всякому пріятно вспоминать о своей первой любви. Протекли эти дни, — и ужъ болѣе не возвратятся! Милая Досинька, сколько разъ шутили мы съ тобою!.... Вижу ее, какъ теперь, передъ собою! Красные волосы, спущенные на плеча изъ подъ шляпки, — въ зеленомъ платьѣ гореховаго цвѣта, — съ рѣзкимъ кнуромъ въ рукѣ погоняетъ, бывало, Судьиху, черную лошадь, которая взвезла бы шестнадцатифунтовую пушку на шести-аршинную стѣну; — скачетъ, сердечная, слѣдомъ за собаками на охотѣ у Вилляма Риксона, по пятнадцати миль въ часъ, припѣваючи — *Go it, my trumps*. Да! такія воспоминавія неволью заставляютъ прослезиться! Надо выпить стаканъ пуншу.

=

ГЛАВА ІІ

О томъ, какъ англійскій прапорщикъ Теди Бреди пошелъ пить чай къ миссъ Феодосіи Макнамара.

Въ самый день этой охоты, зародился поединокъ мой съ какимъ-то Теди Бреди. Этотъ Теди Бреди былъ одинъ изъ тѣхъ длинныхъ, хвастливыхъ, неуклюжихъ прапорщиковъ, какихъ въ пѣхотѣ очень много, — настоящей ротозѣй, который смыслилъ объ охотѣ не болѣе носорога. Онъ ѣхалъ верхомъ на довольной красивой лошади, которую купилъ, какъ-то послѣ объѣда, у моего родственника, Фильпота, за пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ въ лучшіе свои годы она и десяти не стоила: а Теди Бреди далъ ему вексель на

три мѣсяца, вмѣсто денегъ. Но, какъ послѣ okaza-лось, мой прапорщикъ ничего не смыслилъ и въ лошадахъ, а мой родственникъ также мало зналъ толкъ въ векселяхъ: ни гроша не получилъ онъ уплаты въ счетъ пятидесяти фунтовъ и до сей поры! Такъ, они оба надули другъ друга, — и это конечно могло послужить имъ утѣшеніемъ, вмѣсто выгоды.

Лошадь была караковая, и прапорщикъ Теди Бреди ничего не умѣлъ изъ нее сдѣлать; но тутъ, чтобъ доказать свою ловкость и услужливость, вздумай онъ скакать черезъ ровъ, черезъ который миссъ Θεодосія хотѣла перепрыгнуть. Къ чести его надобно сказать, что онъ доскакалъ до рва, — это, конечно, былъ не малый подвигъ; но здѣсь лошадь его споткнулась, и Теди Бреди полетѣлъ, съ головою и ногами, въ лужу стоячей грязи, покрытой такою красивою, зеленою плесенью, что нельзя было на нее наглядѣться. Онъ окунулся въ ней по всей формѣ, и вышелъ оттуда, — какъ вы можете себѣ вообразить, — умора!... несмотря на его жалкое положеніе. Но ему нѣкогда было долго думать о своемъ плачевномъ приключеніи: едва успѣлъ онъ подняться на ноги, вдругъ, кому же наскочить прямо на него, какъ не моей Досинькѣ самой, которая славно перепрыгнула на Судьихъ черезъ ровъ и зеленую лужу, и — еще на аршинъ за лужу. Теди Бреди нырнулъ опять, и тѣмъ избѣжалъ лошади, считая вторичную окраску гораздо меньшимъ неудобствомъ, нежели какъ имѣть мозгъ свой выбитымъ изъ головы, если у него сколько-нибудь было мозгу. Однако, несмотря на эту мѣру предосторожности, все-таки не избѣжалъ онъ сильнаго удара камнемъ, которымъ Судьиха швырнула въ него изъ-подъ копыта. Камень такъ исправно попалъ ему прямо въ ротъ, что одного изъ его глазныхъ зубовъ, — не помню котораго, — какъ не бывало! Бреди захватилъ ротъ свой рукою, и закричалъ, — какъ бы и всякому слу-

чилося на его мѣстѣ,—но такъ громко, что миссъ одосіа остановила Судьиху на минуту, хотѣла по нуть назадъ, и тутъ увидѣла нашего пріятеля дя ющаго ужаснѣйшія въ мірѣ рожи. Изъ рта его кр лилась ручьемъ, а самъ онъ, весь зеленый съ го вы до ногъ, былъ, казалось, въ кафтанѣ изъ вязк ила. — Это господинъ, черезъ котораго вы сейч изволили перескочить, миссъ Феодосіа! сказали подѣхавъ къ ней: и, какъ кажется, онъ въ нѣко ромъ замѣшательствѣ.—«Мнѣ было бы очень совѣс подумать, сказала она, что я могла обидѣть кн нибудь въ мірѣ, переѣхавъ черезъ его голову. мнѣ теперь нѣкогда останавливаться. Поклонит ему отъ меня, Бобъ, и скажите, что я очень буду да видѣть его сегодня у насъ за чаемъ, въ шесть совѣ вечера, но въ другомъ нарядѣ.» — Тутъ она по каала дальше, а я возвратился назадъ съ ея поруч емъ,—по милости котораго-то меня и выключили списка возлюбленныхъ, — и повѣрите ли, что эт невѣжа сказалъ?... Нѣтъ, да я не хочу повторять т что онъ сказалъ. Слова его насчетъ миссъ Феод были въ высочайшей степени неучтивы, чтобл сказать осквернительны; но, можетъ статься, до но нѣсколько извинить его въ этомъ, по случаю р каго въ Исторіи его положенія. Не извѣстно, что хотъ и Юпитерь, самый вѣжливый дамскій присл уникъ древняго міра, сказалъ, въ первую минуту, гда, упавъ съ лошади въ зеленую лужу, и вставт выбитымъ глазнымъ зубомъ, со ртомъ наполненнымъ грязію и кровію, его бы стали приглашать на ча

Однако онъ, — не Юпитерь, а Бреди, — прин это приглашеніе, потому что, возвратясь въ жил Досиньки, мы нашли тамъ трехъ-угольную запис чудесно раздушенную, въ которой прапорщикъ из влялъ свою благодарность за ея лестную объ немъ мять, и просилъ ее не заботиться о бездѣльномъ его п

ключеніи. Онъ присовокуплялъ, что не можетъ понять, какъ это съ нимъ случилось, потому что лошадь его, до того дня, никогда подъ нимъ не падала, — что, конечно, было справедливо: онъ въ первый разъ въ жизни сѣлъ на нее въ этотъ день, — тѣмъ болѣе, говорить, что она была имъ самымъ куплена на прошлогодней лошадиной выставкѣ графа Дарлингтона, за двѣсти гиней. Онъ писалъ еще, что эта лошадь была большая любимица графа, который часто ѣзжалъ на ней верхомъ, и что она была на скачкѣ въ Донкестерѣ подъ именемъ «миссъ Руссель.» Все это не вполне было истинно, но и то надо сказать, что, когда дѣло идетъ о лошадяхъ, никто изъ насъ не обязанъ говорить правду слово въ слово. Иначе не было бъ и возможности бесѣдовать о лошадяхъ!

Въ шесть часовъ прапорщикъ явился къ чаю, умытый, вычищенный, и совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ вынырнулъ изъ лужи. Онъ былъ одѣтъ въ полной офицерской формѣ 48-го пѣхотнаго Его Королевскаго Величества полка. Ярокъ былъ алый цвѣтъ его мундира, — густъ голубой отливъ обшлаговъ его и ланпасовъ!

Досинька, должно быть, весьма хорошо знала, черезъ кого она перескочила, потому что нарядилась въ свой красный атласный спенсеръ съ бѣлою юбкою, — что всегда надѣвала, когда хотѣла быть обворожительною. Волосы ея, въ длинныхъ кольцахъ, играли по прекрасной ея шеѣ, — прекрасной, какъ лебединая, клянусь честью, и столь же величавой, — безъ прибавки. Да! Досинька Макнамара была божественна въ этотъ вечеръ.

Однако, нѣтъ нужды. Чай принесла служанка, и этотъ чай былъ такой же, какъ и всѣ чай на свѣтѣ были и будутъ. Онъ былъ чай фамильный, — или чай цвѣточный, — или полуторный, — *хы-сынь-ченъ-тю-мы, юнь-сунъ-чо-дзи*, или какойнибудь другой, —

одинъ изъ тѣхъ Китайскихъ чаевъ, которыхъ имена печатають въ чайныхъ афишкахъ: навѣрно не знаю, и въ это не входилъ, потому что, объдавъ у нихъ въ домъ, я мѣшалъ у окна уже пятый свой стаканъ пуншу, какъ принесли чай, и мнѣ было нѣсколько трудно встать съ мѣста, чтобы перейти къ чайному столику. Госпожа Макнамара просила меня не тревожиться; а какъ я очень почиталъ госпожу Макнамара, то и согласился не тревожиться; но меня взманилъ бывший на чайномъ столикъ Ирландскій картофельный пирогъ: тѣсто въ вершокъ толщиною, а самъ—аршинъ въ поперечникъ; притомъ, госпожа Макнамара шепнула мнѣ, что онъ былъ испеченъ ея дочерью, послѣ охоты.

— Бѣдный цыпленокъ! сказала она: если не достаетъ у ней силы, зато ужъ доброй воли много! Но она такого нѣжнаго, такого слабаго сложенія! Если бъ вы видѣли, мистеръ Боркъ, какъ она справлялась съ картофелями сегодня!

— Сударыня, отвѣчалъ я съ нѣжностью, положивъ руку на сердце: какъ желалъ бы я быть картофелемъ!

=

ГЛАВА III.

О ТОМЪ, КАКЪ ПРАПОРЩИКЪ ТЕДИ БРЕДИ УДИВИЛЪ ТУЗЕМЦЕВЪ
ЗА ЧАЕМЪ У МИССЪ ФЕОДОСИИ МАКНАМАРА.

Я думалъ, что мое желаніе, быть картофелемъ миссъ Феодосіи, было необыкновенно сильно и пламенно, и совершенно во вкусъ Персидскаго стихотворца Гафиза; но едва я произнесъ его, какъ прапорщикъ Теди Бреди, принимая чашку чаю изъ рукъ Досиньки и взглянувъ на меня съ какимъ-то снисхожденіемъ, объявилъ, что я долженъ быть счастливѣйшій изъ смертныхъ, потому что желанія

исполняются прежде, нежели я ихъ задумаю. Я готовился отвѣчать прапорщику, но миссъ Θεодосія захохотала такъ громко, что я не могъ выговорить ни слова, и принужденъ былъ проглотить свой отвѣтъ. Прапорщикъ воспользовался своею побѣдою безъ милосердія.

— Заговоривъ о картофель, миссъ Θεодосія, продолжалъ онъ, поглядывая на меня: я вспомнилъ о трюфляхъ. Знаете ли, что вашъ отменный пирогъ очень похожъ на Французскіе паштеты съ трюфлями. Клянусь честью! Бывало, полковникъ Торитонъ, сиръ Генри Миллисентъ, лордъ Мортгеджшеръ, этотъ почтенный Дикъ Селленджеръ, и я, — какъ, бывало, мы объедались трюфлями, когда квартировали въ 1815 году въ Парижъ! Мортгеджшеръ — уморительный весельчакъ: я обыкновенно звалъ его Морт, — онъ называлъ меня Бред, — мы были съ нимъ на такой ногъ! А жили мы вмѣстѣ въ улицъ de la Paix, — чудесной улицъ, — у самой Вандомской Площади, — гдѣ колонна. Вы бывали въ Парижъ, миссъ Макнамара? спросилъ прапорщикъ, откусивъ полфунта картофельнаго пирога.

Досинька призналась, что никогда не путешествовала по чужимъ краямъ, кромѣ королевства Керри, что въ Ирландіи. Тотъ же вопросъ былъ обращенъ и ко мнѣ, и я также долженъ былъ признаться, что нахожусь въ томъ же разрядѣ.

Бреди торжествовалъ.

— Большая потеря для человѣка, сказалъ онъ, не побывать въ Парижъ! Я хорошо знаю этотъ городъ, — и нельзя же иначе, — но сколько надѣлалъ я тамъ шалостей!

— О, фуй! воскликнула госпожа Макнамара.

— Охъ, сударыня! продолжалъ Бреди: не моя вина что Парижскія дамы, слишкомъ баловали насъ, Англичанъ. Когда я говорю, насъ Англичанъ, я разу-

мѣю въ томъ числѣ Шотландцевъ и Ирландцевъ. Однако, мнѣ кажется, что ваши Ирландцы были счастливые жители прочихъ двухъ острововъ.

— Прочихъ двухъ острововъ? Въ моей географіи, перебила Досинька, сказано, что Англичане и Шотландцы живутъ на одномъ и томъ же островѣ, который состоитъ изъ Англіи, столичный городъ Лондонъ, на Темзѣ къ югу, и Шотландіи, столица Эдимбургъ, на Фордѣ, къ сѣверу; народонаселеніе.....

— По чести, вы правы! прервалъ Теди Бреди: совершенно правы, миссъ Макнамара! Да вы настоящій профессор! Какъ сейчасъ видно отличное воспитаніе!..... Но, какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать, почти не возможно видному изъ себя Англійскому офицеру избѣжать Французскихъ барынь. Притомъ же, я игралъ шибко, — однако, вообще, могу сказать, остался въ выигрышѣ. Мортгеджшеръ и я, мывыиграли въ одинъ вечеръ сто тысячъ франковъ въ банкъ, — и пятьдесятъ четыре тысячи въ рулетку. Вы бы посмотрѣли на банкометовъ! они чуть не упали въ обморокъ; рвали на себѣ волосы съ досады. Однако деньги эти не долго побыли у насъ въ карманѣ, — мы не умѣли ихъ беречь. Что касается до вина, то оно тамъ за безцѣнокъ и такое, какого въ Англіи вы не достанете. Напримеръ, я пилъ у Вери шамбертенъ — родъ ротвейну, — по три франка два су бутылка, несравненно лучше того, какимъ подчивалъ меня герцогъ Дивоншеръ мѣсяца два тому назадъ, хотя Его Милость очень чванится своимъ виномъ. Когда я сказалъ ему, что пивалъ лучшее въ Парижѣ, онъ сталъ поить меня изъ заповѣдной бутылки, изъ заповѣднаго погреба. Изъ учтивости, я хвалилъ вино герцога; но увѣряю васъ честно, — только не желалъ бы, чтобъ это до него дошло, — его вино никакъ не могло сравниться съ виномъ Вери, — ни на волосъ.

Такъ разливался Англійскій прапорщикъ Теди

еди передъ туземцами острова Ирландіи, въ про-
иженіе почти двухъ часовъ. *Тулери*, — какъ назы-
тъ онъ Тюилерійской дворець; Лувръ, съ его кар-
нами, которыхъ вывозъ изъ Парижа онъ строго
рачивалъ, увѣряя насъ, что употребилъ все свое
яніе надъ княземъ Метернихомъ и герцогомъ Вел-
нгтономъ, для отклоненія этой Вандальской мѣры, но
расно; бульвары, оперы, театры, Елисейскія Поля,
сскія горы, — все по-порядку перебралъ онъ, для
цншаго удивленія и то уже изумленной миссъ Тео-
сіи. Тутъ онъ пошелъ въ Лондонъ, гдѣ принадле-
лъ къ безчисленному множеству клубовъ, и пред-
авлялъ отличнѣйшую фигуру въ модномъ свѣтѣ.
тъ часто бывалъ у регента, и увѣрялъ честию, что
в разсказы объ этомъ принцѣ, — даже исторія о джи-
и, который будто-бы употреблялъ принцъ вмѣсто
ды, были совершенно ложны: но онъ долженъ былъ
мчать о приключеніи въ Карльтонъ-гоузъ, потому
о Его Высочество требовалъ отъ всѣхъ, кого прини-
малъ въ свое общество, строгаго обѣщанія не разгла-
ать ничего, что у него дѣлалось, — за несоблюденіе
го и Бруммель подвергся исключенію. Что до прин-
ссы регентши, то ужъ онъ не хотѣлъ и говорить
ей.

И такъ далѣе.

Въ тѣ дни моей невинности, когда я пивалъ только
десяти стакановъ пуншу въ сутки, я вѣрилъ этимъ
сказаніемъ отъ чистаго сердца, хотя все время про-
иналъ несноснаго разскащика, видя, какое впе-
тлѣніе дѣлаетъ онъ на Досинькѣ, которая, сидѣла
розинутымъ ротикомъ отъ удивленія, и глотала
ова его, точь-въ-точь какъ индѣйка глотаетъ шары
тъ тѣста. Но времена очень перемѣнились. Послѣ
го я видѣлъ и Парижъ и Лондонъ: знаю объ эти
ревушки такъ же хорошо, какъ тотъ, кто ихъ по-
роилъ, и могу васъ увѣрить, что во всей его исто-

рии не было ни одного слова правды. Въ Парижѣ, куда попалъ шесть или восемь мѣсяцевъ послѣ Ватер-лоскаго сраженія, онъ жилъ въ пятидесятомъ этажѣ, въ какой-то собачьей норѣ, на самой дрянной улицѣ, между извозчиками и тому подобными народами; а въ Лондонѣ, я открылъ, что главная его квартира всегда находилась на Кругломъ Рынкѣ, у пирожника Дудфильда. Ближайшій доступъ его ко двору былъ, клянусь вамъ, только въ то время, когда его однажды посадили на дворцовую гауптвахту. Какой я былъ осель, что могъ повѣрить подобной чепухѣ! Впрочемъ и досей-поры съ деревенщинами тоже случается. Англійскіе прапорщики, забравшись въ Ирландію, врутъ на чемъ свѣтъ стоитъ, и всѣ маменьки, всѣ барышни, имъ вѣрятъ.

Что до меня касается, то я былъ совершенно уничтоженъ превосходствомъ прапорщика Теди Бреди, и не могъ не замѣтить, что миссъ Феодосія дѣлала между нами сравненія довольно для меня невыгодныя, когда, съ его наряднаго мундира, взглядывала на мое платье, сшитое Маллоскимъ портнымъ, помощію, какъ я теперь соображаю, вилы или заступа. Мнѣ кажется, что съ виду, я былъ лучше Теди Бреди.... Хорошо, хорошо, смѣйтесь, пожалуй! Я не красавецъ, — я это знаю; но посудите сами, что тому прошло лѣтъ шестнадцать, и болѣе. Развѣ вы ставите тридцать девять тысячъ стакановъ пуншу, выпитыхъ въ разныхъ видахъ, за ничто?

Хорошо! Однако жъ я все-таки думалъ, что я виднѣ моего соперника, и очень досадовалъ на его побѣду. Я рѣшился пересидѣть его, и, хотя онъ сидѣлъ довольно долго, но, будучи знакомъе его въ домѣ, я остался послѣ него. Остался, — только, чтобъ слышать похвалы ему.

— Очень милый молодой человѣкъ! сказала госпожа Макнамара.

— Чрезвычайно милый молодой человек! сказала мисс Феодосія.

— Настоящий джентльменъ въ своемъ обращеніи. Онъ мнѣ очень напоминаетъ дядю моего, покойнаго Джона О'Реганаккуллокбокъ, продолжала госпожа Макнамара.

— Совершенный джентльменъ во всѣхъ отношеніяхъ, продолжала мисс Феодосія.

— Онъ очень много видѣлъ на свѣтъ, для такихъ молодыхъ лѣтъ, подхватила госпожа Макнамара.

— И бывалъ въ самыхъ лучшихъ обществахъ! подхватила мисс Феодосія.

— Большая выгода для молодаго человека путешествовать, прибавила госпожа Макнамара.

— И большой вредъ для молодаго человека все сидѣть дома, прибавила мисс Феодосія, взглянувъ на меня: кто ничего не видалъ, тотъ никогда не можетъ показать въ себѣ, при случаѣ, столько ловкости, сколько мы сейчасъ видѣли въ Г-нѣ Бреди.

— Что до меня касается, возразилъ я, то я совсѣмъ не нахожу въ немъ большой ловкости. Вспомните, сударыня, каковъ онъ былъ, когда вынырнулъ изъ зеленой лужи сегодня поутру?

— Мистеръ Боркъ, возразила она: такой случай могъ бы встрѣтиться со всякимъ. Вы сами были сброшены съ лошади, сегодня недѣля тому, когда перескакивали черезъ заборъ такъ вамъ нечего разсуждать о Г-нѣ Бреди.

— Извините, сударыня, возразилъ я: это былъ самый молодецкій скачокъ, какой только можно сдѣлать. Я былъ ужъ опять на лошади вполонинѣ прыжка. Никто, въ цѣлой Ирландіи, не перескочилъ бы лучше черезъ заборъ. И вы сами.....

— Хорошо, хорошо, прервала она: не стану съ вами спорить. Мнѣ очень спать хочется; пора лечь въ постель.

— Поди, бѣдный цыпленокъ! сказала госпожа Манама, наира сладкимъ голосомъ: а Бобъ, мой милый, желала, чтобъ ты имѣлъ средства ѣхать путешествовать, и видѣть Булери и Тулевары, и все прочее, тогда бы и ты могъ сдѣлаться, со-временемъ, такъ занимателенъ, какъ прапорщикъ Бреди.

— Аааууу!..... такъ вздохнула миссъ Дози, и сказала: путешествуйте, Бобъ, путешествуйте.

— Да! да! отвѣчалъ я отрывисто, и въ ту же минуту, ни съ кѣмъ не простившись, выбѣжалъ домой, поручая мысленно прапорщика Теди Бреди бенному вниманію чорта.

=

ГЛАВА IV.

О ТОМЪ, КАКЪ БОБЪ БОРКЪ, ПОСЛѢ СВИДАНІЯ СВОЕГО
БАРНАБОЮ ПУЛЬВЕРТАФТОМЪ, УДОСТОВѢРИЛСЯ, ЧТО ОНЪ ВЪ
ОТЧАЯННО ВЛЮБЛЕНЪ ВЪ МИСЪ ОЕОДОСИЮ МАКМАМАРА.

Оставивъ Досинькину квартиру, я началъ разрабатывать состояніе моего сердца. — Неужели въ самомъ дѣлѣ я такъ влюбленъ, спрашивалъ я самъ себя, что потерю спокойствіе духа, если этотъ прапорщикъ завладѣетъ ея сердцемъ? Право, я очень влюбленъ въ нее! Или я самъ себя не понимаю?.... Первой любви никакъ, вѣдь, не ругаешься!..... Однимъ словомъ, влюбленъ ли я, или нѣтъ? — Мудрено было отвѣчать на такой вопросъ. Куривъ сигару, я сталъ ходить взадъ и впередъ по аллеѣ большаго гульбища: ходилъ съ четверть часа, но не могъ рѣшить задачи. Наконецъ, именно въ эту минуту, какъ погасла моя сигара, я замѣтилъ свѣтъ въ окошкѣ Барнабы Пульвертафта, стряпчаго по имени Дѣламъ, — «старой приказной строки,» какъ обыкновенно его называли. Я зналъ, что онъ былъ повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ семейства Макма-

ровъ; и какъ онъ же производилъ шестнадцать тяжбъ въ пользу моего батюшки, то я счелъ себя въ правѣ осведомиться у него о супружескихъ качествахъ Досиньки. Я слыхалъ, что у ней было въ виду какое-то наслѣдство, но никогда дотолѣ не вздумалъ распросить о существѣ, и надежности ея ожиданій. Видя, что старикъ не спитъ, я рѣшился войти къ нему, и нашелъ его окруженнаго судебными бумагами, хотя было уже не рано: подлѣ него стояла широкая, полная кружка пуншу, или лучше сказать, только вполонину полная, потому что Приказная-Строка писалъ съ большимъ жаромъ. Парикъ его, табачнаго цвѣта, сбить на бокъ, — изношенные панталоны продраны на колѣняхъ, — галстука не бывало, — рубашка разстегнута, — чулки спали съ тощихъ ногъ, всунутыхъ въ шерстяныя туфли: какъ видите, дряхлый стряпчій изготовился-было ко сну, но все-еще держалъ перо въ рукахъ, чтобъ не потерять участливаго вдохновенія ябеды.

— Я списываю копии съ судейскихъ опредѣленій, мистеръ Боркъ, сказалъ онъ: это легкая и пріятная работа; для вечера нѣтъ ничего лучше. Тутъ есть кой-кто и изъ вашихъ пріятелей въ этой книгѣ.... Что привело васъ такъ поздно? Но сынъ вашего батюшки всегда мнѣ пріятель. Ахъ, мало такихъ людей, каковъ былъ вашъ отецъ! Онъ во всю жизнь въ тяжбахъ не мирился, — всегда доводилъ ихъ до конца, — переносилъ изъ суда въ судъ. Если проигрывалъ, ну что жъ, тѣмъ хуже! Но ужъ никогда не осердится. Если жъ выиграетъ, то выжметъ весь сокъ изъ противной стороны, не проститъ ни одной денежки, разоритъ въ конецъ отвѣтчика. Ахъ, онъ былъ добрый, честный, прямой человекъ! Желалъ бы я имѣть сотню такихъ довѣрителей. Такъ и быть, выпьемъ въ память ему.

Приказная-Строка имѣлъ полное право пить въ па-

мать моего батюшки, потому что по случаю стоишь, имъ восхваленныхъ, большая часть пр краснаго помѣстья нашего, Бадлиборка, перешла руки подъячихъ; но я, только изъ дѣтской любви согласился на его приглашеніе: притомъ я зналъ опыту, что онъ мастерски дѣлалъ пуншъ. И когда мы разговорились о старинѣ, о батюшкиныхъ традиціяхъ, о великомъ искусствѣ и чрезвычайной ловкости въ дѣлахъ самого Барнабы Пульвертафта; когда с крикъ крѣпко развеселился, вспоминая старые годы и допивая остатки второй кружки, — я рѣшился, всею осторожностью, коснуться до предмета моего посѣщенія. Но какъ ни завелъ я рѣчь издалека, съ рѣшительной пронырой сейчасъ меня понялъ.

— Нѣтъ! заикнулся онъ: нѣтъ, Бобъ! Это не годится. Я не такой человекъ. Я никогда не рассказываю тайны по моей части. Хоть знаю, чего ждетъ она, все, послѣдней копейки. Такъ ты за невольчишься? Ахъ Бобъ, то-то кусочикъ! Да отъ меня не выйдетъ словечка. Нѣтъ, никогда! Никогда не измѣнялъ отъ твоему, не измѣню и твоей любезной. Боже, упокой душу его, — достойный былъ человекъ!

При этомъ воспоминаніи о достоинствахъ моего родителя, стряпчій заплакалъ. Однако, вопреки воле его рѣшимости не говорить ни слова о дѣлахъ миссисъ Θεодосіи, — отъ могущества ли испитой влаги, или отъ дружбы къ умершимъ, — я скоро узналъ все, что хотѣлъ. Состояніе Досиньки, въ этомъ мірѣ, простиралось не свыше двухъ сотъ фунтовъ, а мать ничего не имѣла, кромѣ пожизненнаго годоваго дохода, который долженъ былъ уничтожиться вмѣстѣ съ нею, но за Досинькинымъ дядей, съ отцовской стороны Михайломъ Макнамара, было имѣніе, приносящее въ крайней-мѣрѣ пятьсотъ фунтовъ въ годъ *. Это имѣніе

* Двѣнадцать тысячъ пятьсотъ рублей.

ніе переходило къ ней, въ случаѣ, если бѣ онъ умеръ бездѣтенъ. Кромѣ того, онъ накопилъ кучу денегъ, потому что дядя Макнамара, говори краснорѣчивымъ языкомъ пріятеля моего, стряпчаго, былъ человекъ, который бы съ блохи снялъ шкуру на продажу. Эти деньги, десять тысячъ фунтовъ, или что-то въэтакоемъ возвышенномъ родѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, доставались тоже миссъ Θεодосіи. Пятьсотъ фунтовъ годового дохода были уже укрѣплены за нею завѣщаніемъ. А какъ дядь было восемьдесятъ четыре года отъ роду, и онъ никогда не былъ женатъ, и притомъ находился въ послѣднемъ градусѣ паралича, то надежды миссъ Θεодосіи показались бы всякому, кто только умѣеть расчитывать, вѣрнѣе самого банка.

— Да да, прибавилъ Приказная-Строка: это-э-это ужъ только по дов-вѣр-вѣрѣнности моей къ тебѣ. Не-не говори объ этомъ ни слова. Я бы не долженъ этого ска-ска-зывать, — но ты, со-собака, все изъ меня выманилъ. Да я ничево не мо-могу отказать сыну такого отца. Ты похожъ на него, какъ двѣ капли во-во-воды. Вотъ такъ си-сиживалъ и онъ ско-ско-лько разъ въ этихъ самыхъ кр-креслахъ. Но ты ни-никогда не-не будешь имѣть тв-твердости его въ дѣ-ѣлахъ. Вонъ, напримѣръ, земли въ Арри-арри-арри-балли-балли-би-бел-клок-клофмакд-де-дуаф... проваль возьмиэтакія имена! Земли въ Аррибаллибегклофмак-дуафоръ, — отмѣниѣйшее бо-болото во всемъ око-колоткѣ, — онъ ва-ваши, — но нѣтъ! у тебя нѣтъ тв-твердости ходить за этимъ въ судѣ, какъ бы сдѣлалъ твой достойный ба-батюшка. Боже, упокой его душу! За-дуи дру-другую свѣ-свѣчу, Бо-объ: я ненавижу лиш-нихъ издержекъ.

— Всего одна свѣча въ комнату, отвѣчалъ я.

— Такъ, поэтому, ты хочешь сказать, что я пь-пь-я-янь? проикнулъ онъ. Хорошо, хорошо, мо-молодые лю-люди; хорошо! Я вамъ иг-игрушка. Однако, вѣдь

кр-кружка-то пуста, такъ отъ того ты и ша-шатае
ся..... Кто рано ложится и рано встаетъ, тотъ....
Постой-ка, дай мнѣ руку, пр-проводи меня на
верхъ: что-то кр-крыльцо очень ск-скользко сегод

Проводивъ моего бѣднаго стряпчаго въ его сп
ню, я благополучно уложилъ его въ постель, п
онъ, все заикаясь, продолжалъ твердить похвалы
ему батюшкѣ, и упрекать меня въ недостаткѣ
шимости, препятствовавшемъ мнѣ вести тяжбу,
чатую за двѣнадцать лѣтъ о сотнѣ десятинъ въ
лотъ, которыхъ цѣна не вознаградила бы издерж
на дѣло. Уложивъ ябеду въ постель, я побрелъ дом
волнуемый различными чувствованіями.

Какъ сладостна любовь, когда она впервые ов
дѣтеть молодымъ сердцемъ! Передъ ея благодѣ
нымъ вліяніемъ исчезаютъ всѣ расчеты самолю
всѣ низкія страсти. Чистая и возвышенная, ду
стремится превыше самой себя, и сливаетъ всѣ по
тія собственнаго своего существованія съ желані
заимствовать все свое блаженство отъ обожаемой
бы. Вся грудь проникнута восторгомъ; пламень с
ный и священный разливается по всѣмъ жила
трепещешь при каждомъ біеніи пульса. О блажен
періодъ жизни! кратковременный, но обогащен
драгоценными воспоминаніями такого счастья, к
рое уже никогда не возвратится.....

Когда я достигъ аллеи, луна взошла высоко н
ко свѣтила въ небѣ, изливая потоки тихаго бл
на деревья. Звѣзды сверкали сафирнымъ огнемъ
безоблачномъ пространствѣ ээира. Ни малѣйшее
новеніе вѣтерка не прерывало глубокой и ясной
ши. Я былъ одинъ. Я мечталъ о любви своей,
чемъ другомъ могъ я мечтать? Все, что я слышалъ
тотъ вечеръ, возжгло еще болѣе страсть мою къ
жественной Θεодосіи, и обратило меня въ пылаю
костерь.—Да! громко вскричалъ я: я точно люблю

Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ангела, ей подобнаго. Какія прелести! какая невинность! какая мастерица ѣздитъ верхомъ! Пять сотъ фунт..... У ней предоброе сердце! Десятьтысячъ фунтовъ въ ожиданіи..... Что за глаза! Мы будемъ вмѣстѣ ѣздить на охоту. Я выкуплю свои земли, выстрою и заведу псарню, и буду наслаждаться чистѣйшимъ счастьемъ въ ея объятіяхъ..... То есть, въ объятіяхъ моей Досиньки, а не псарни. О милая, несравненная Θεодосія, какъ я обожаю тебя! Я застрѣлю, этого Бреди,— застрѣлю какъ зайца! Какъ смѣетъ онъ вмѣшиваться тамъ, гдѣ моя привязанность такъ неизмѣнно упрочена?

Таковы были мои мечтанія. Увы, какъ мы жалко измѣняемся, послѣ долгаго обращенія въ свѣтъ! Грудь, нѣкогда отверзавшаяся всѣмъ нѣжнымъ впечатлѣніямъ, жестка теперь какъ камень. Теперь я не люблю, — я только играю въ вистъ. Самое сладостное ощущеніе въ этой отцвѣтшей, увядающей жизни, — когда тузъ на вскрышѣ! Пуншъ и котлеты заняли мѣсто цѣпей любви, а векселя замѣнили любовныя записки. Вотъ печальныя послѣдствія лѣтъ! Но тогда я не зналъ ихъ, и продолжалъ мечтать, предаваясь самымъ плѣнительнымъ надеждамъ. Между тѣмъ луна закатилась за небосклонъ, и звѣзды погасли.

Когда утро смѣнило ночь, я проснулся и увидѣлъ, что благодаря забвенію, въ которое погрузили меня мечтанія о прекрасной миссъ Θεодосіи Макнамара, я избралъ себѣ постелью нижнюю ступень крыльца у дверей стараго Барнабы Пульвертафта. Сонъ мой былъ прерванъ его служанкою, которая, опораживая свою помойную лаханку, вылила все, что въ ней было, на меня и на мою любовь.

=

ГЛАВА V.

КАКЪ БОБЪ ВОРКЪ, ПОСЛѢ СОВѢЩАНІЯ СЪ ВЕДДИ ДЕРЕВЯННОГО
НОГОЮ, ВЫЗВАЛЪ НА ДУЭЛЬ ПРАПОРЩИКА ТЕДИ БРЕДИ, ЗА
ОБЕДОСИЮ МАКНАМАРА.

Съ вечера я заснулъ съ звѣрскою рѣшимостью истребить Теди Бреди съ лица земли; но вмѣстѣ съ прохладою утра, пришли и хладнокровныя разсужденія, сдѣлавшіяся еще холоднѣе послѣ претерпѣннаго мною окропленія. Какъ могъ я драться съ такимъ врагомъ? спрашивалъ я самъ себя, когда онъ не подавалъ ни малѣйшаго къ тому повода? Конечно, известность имени, слава Богу, не мудрено за что бы то ни было въ Ирландіи; но тутъ надобно еще и торопиться, а то онъ можетъ такъ далеко забраться въ милосердіе миссъ Θεодосіи, — которая, да будетъ вамъ известно, была удобосгараема какъ трутъ, — что хоть и застрѣлишь лишь его, не много будетъ пользы. Притомъ, и онъ можетъ меня застрѣлить!..... Я думалъ, что въ семь часовъ утра совсѣмъ не чувствую въ себѣ той твердой рѣшительности, которая такъ сильна во мнѣ въ полночь. Однако, я приехалъ домой, одѣлся, выбрился, умылся, и опять вышелъ изъ дому. — Всего лучше, подумалъ дорогою: лучше пойти посоветоваться съ Ведди-Деревяннотогою: онъ встанетъ рано, и я его застаю. — Въ три часа, сдѣлано. Черезъ пять минутъ, я уже гулялъ съ Ведди-Деревяннотогою, въ саду его, за его плечомъ, по берегу Блаквотера.

Ведди служилъ когда-то въ 401-мъ пѣхотномъ полку, служилъ много, и гдѣ-то, потерялъ одну ногу, которую получалъ пенсію, кромѣ половиннаго жалованья, — что давало ему средство жить въ Милло въ довольствѣ и даже изобиліи. Ведди былъ большой мастеръ устраивать дуэли, а въ то утро, я посѣтилъ его, онъ курилъ изъ своей пѣпки

рубки, и гулялъ взадъ и впередъ по саду, въ старомъ халатѣ и въ мѣховой шапкѣ на головѣ. Я пошелъ ему добраго утра; онъ кивнулъ мнѣ вмѣсто отвѣта, и затянулся табачнымъ дымомъ.

— Ну, братъ Деревянная-Нога, сказалъ я ему: я пришелъ поговорить съ тобой о такомъ дѣлѣ, которое близко до меня касается.

На это онъ опять кивнулъ, и опять пустилъ клубъ дыму.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ я, что есть прапорщикъ Бреди, въ квартирующемъ здѣсь 48-мъ полку, на котораго я имѣю все право сердиться, и хочу его вызвать. Я пришелъ посоветоваться съ тобою, стрѣляться ли мнѣ съ нимъ, или нѣтъ. Онъ сильно повредилъ мнѣ, втершись между меня и дѣвушкою, которую я люблю. Что дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Стрѣляться съ нимъ, непременно! отвѣчалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Но вотъ затрудненіе: онъ не сдѣлалъ мнѣ никакой обиды, къ которой бы я могъ придраться; мы даже не ссорились, и онъ за дѣвушкою еще не волочится; мы съ нимъ едва знакомы, — и я право не знаю, какъ это уладить съ надлежащимъ приличіемъ. Что жъ дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Не стрѣляться съ нимъ, ни подъ какимъ видомъ, отвѣчалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Однако жъ съ намѣреніемъ или нѣтъ но онъ втерся между насъ, и это для меня такъ же обидно, какъ бы и сильнѣйшее оскорбленіе моей чести. Такъ что жъ мнѣ дѣлать?

— Стрѣляться съ нимъ, непременно! отвѣчалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Но я боюсь, что ежели вызову его по какой-нибудь пустой придиркѣ, то потеряю благосклонность дѣвушки; мои пріятели стануть надо мною

смяться, и всё сочтуть меня сварливымъ и покойнымъ человѣкомъ.

— Такъ не стрѣляйся съ нимъ, ни подь какъ видомъ, сказалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Но онъ военный, и долженъ знать эти въ этихъ дѣлахъ, — и поэтому долженъ хорошо понимать и чувствовать, что онъ оскорбилъ меня: а не военнаго человѣка, въ чинѣ и званіи дворянина, не можетъ быть пренебрежено безъ стыда.

— Стрѣляйся съ нимъ, непременно, отвѣчалъ ди-Деревянная-Нога.

— Но я назвалъ его дворяниномъ, — и это право, что онъ служитъ офицеромъ въ 48-мъ пѣхотномъ Его Величества полку: да отецъ-то его не что и не какъ продавецъ рыболовной сбруи, и держитъ лачную, копѣчную лавочку, гдѣ вы можете купить сыру, и поярковую шляпу, и пару башмаковъ и фунтъ бурога мыла, и аршинъ выбойки..... какъ всѣмъ извѣстно, происхожу отъ чистой крови Борковъ, въ прямой линіи отъ самихъ Боргосовъ, потомковъ Аннибала, котораго когда-то пріѣхали въ Ирландію съ Кароагенянами, — и когда объ этомъ подумаю, то право нѣтъ охоты встрѣчаться съ какимъ-нибудь Теи Бреди.

— Такъ не стрѣляйся съ нимъ, ни подь какъ видомъ! сказалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Что жъ ты, другъ, Деревянная-Нога? сказалъ наконецъ: вѣдь это мы какъ-будто играемъ въ лапъ или въ мячъ? Я бросаю къ тебѣ одной рукой, а ты отбрасываешь назадъ другою. Нутка, скажи лучше, что мнѣ дѣлать?

— Хорошо! отвѣчалъ Деревянная-Нога, вынулъ пѣхотную трубку изо рта: вотъ, пусть рѣшитъ это грошъ. Бросимъ его въ воздухъ, и если онъ упадетъ на землю лицомъ — ты стрѣляешься, если же спиной — нѣтъ. Ничто не можетъ быть вѣрнѣе!

Я согласился. Грошъ взвился на воздухъ, и мы съ безпокойствомъ ожидали сошествія его на землю, какъ вдругъ, къ несчастію, онъ застылъ въ кустъ крыжевника.

— Вотъ этого не люблю! сказалъ Ведди. Худой знакъ! Нутка, опять.

Опять мѣдъ полетѣла на воздухъ, и упала къ нашимъ ногамъ, — *лицежь*.

— Поздравляю тебя, другъ мой! сказалъ Ведди: ты будешь драться. Это было мое мнѣніе во все продолженіе нашего разговора, но я не хотѣлъ его обнаруживать. Я могу ссудить тебя парюю безподобнѣйшихъ дуэльныхъ пистолетовъ, какіе только когда-нибудь бывали въ рукахъ челоуѣка, — Вогденновы, клянусь честью! Последній разъ, какъ были въ дѣлѣ, они растянули этого добраго Джона Броура такъ замертво, какъ мертвъ твой предокъ Аннибалъ де Боргосъ.

— Будешь ли ты моимъ секундантомъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, никакъ не могу, отвѣчалъ Деревянная-Нога: этотъ мерзавецъ шерифъ взялъ съ меня подписку жить смирно, — по совершенно пустому случаю, — за то, что я размозжилъ своей старою деревянною ногою голову какому-то окаянному приказному, который пришелъ взыскивать долгъ по векселю съ моего пріятеля. Но могу сейчасъ достать тебѣ секунданта. Племянникъ мой, маіоръ Мегъ, только-что пріѣхалъ ко мнѣ въ отпускъ на нѣсколько дней, и какъ онъ ничѣмъ не занятъ, то еще радъ будетъ такому развлеченію. Взгляни, вонъ, на его окошко: видишь, онъ брѣется?

Въ скоромъ времени маіоръ явился къ намъ, одѣтый со всею утонченностью военного щегола: ни пылинки на голубомъ сюртукѣ его, — ни волоска, кромѣ опрятныхъ усовъ, на плотно выбритомъ лицѣ. Шляпа лоснилась отъ чистоты, а сапоги бле-

стали какъ черный стеклярусъ. Мы поклонились другъ другу, и маіоръ скоро узналъ, въ чемъ состоитъ дѣло. Ведди замѣтилъ, что едва-ли есть причины къ поединку.

— Не согласенъ! возразилъ маіоръ Мегъ: рывительно, причины очень достаточныя. Я никогда жизни не видывалъ дѣла яснѣе этого, а былъ первымъ или секундантомъ въ двадцати семи дуэляхъ. Если я хорошо понимаю вашу исторію, Г. Боронъ далъ вамъ грубый отвѣтъ на охотъ, и тѣмъ оказавъ чрезвычайное непочтеніе къ любимой вѣдвицѣ, сдѣлалъ личную обиду вамъ самимъ.

— Конечно, онъ рѣзко отвѣчалъ мнѣ, сказалъ, но я тогда этого не замѣтилъ, и, какъ кажется, ма дѣвушка ни сколько на него не осердилась, потому что весь тотъ вечеръ обращалась съ нимъ довольно жески.

— До этого дѣла нѣтъ, возразилъ маіоръ Мегъ: что вы думаете или что она думаетъ. Дѣло теперь въ моихъ рукахъ, и я долженъ быть вашимъ проводителемъ. Прежде всего, надо написать къ ней письмо. Пошлите за бумагою, — она должна быть лотообрѣзная, — дядя Ведди, чтобъ дѣло дѣлать какъ можно приличнѣе. Я вамъ продиктую, Г. Боронъ, если позволите.

Онъ началъ. Если хорошо помню, записка бы слѣдующаго содержанія:

«Малло, 3 Іюня, 1820.»

Восемь часовъ утра.

«Милостивый государь!

«Любовь къ тишинѣ и спокойствію, всегда руководствующая моими поступками, не допустила меня просить вчера у васъ объясненія въ рѣзкомъ и непочтительномъ отвѣтѣ, сдѣланномъ вами, для передачи молодой дѣввицѣ, которой имени не хочу вмѣшивать въ нашу переписку. Но теперь какъ я могу объясниться съ вами на свободѣ, то до

жесть сказать вамъ, что ваши слова и порученіе совершенно неприличны офицеру и джентльмену, и ни сколько не совмѣстны съ узаконеніями охоты за зайцами.

«Имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорный слуга,

Робертъ Боркъ.

«P. S. Эту записку вручить вамъ пріятель мой, маіоръ Мегъ, 5-го Остъ-Индскаго пѣхотнаго полка, и я надвюсь, что вы усмотрите необходимость дать ему приличнаго товарища, безъ малѣйшаго замедленія.»

— Кажется, это ясно! сказалъ маіоръ. Теперь запечатайте, Г. Боркъ, и запечатайте вашимъ гербовникомъ. Вотъ такъ! Теперь, надпишите адресъ.

— Господину прапорщику Бреди?

— Нѣтъ, нѣтъ! Настоящій адресъ въ такихъ случаяхъ вотъ какъ: «Господину Бреди, прапорщику 48-го пѣхотнаго полка», по обычай дозволяетъ прибавить «и кавалеру». Вотъ это такъ:—«Милостивому Государю, Господину Теди Бреди, прапорщику 48-го пѣхотнаго Е. К. В. полка и кавалеру, въ Маллоскихъ казармахъ.» Это будетъ у него въ рукахъ менѣе нежели черезъ четверть часа.

Маіоръ сдержалъ слово, и не болѣе какъ черезъ полчаса, возвратился къ намъ съ отвѣтомъ. Онъ рассказывалъ, что прапорщику чрезвычайно не хотѣлось драться; что, по его мнѣнію, онъ не сдѣлалъ мнѣ ни какой обиды; что даже не помнилъ словъ своихъ, и предлагалъ спросить саму миссъ Макнамара, подозреваетъ ли она въ немъ какую-нибудь мысль, которая бы не была чрезвычайно для нея лестна и почтительна.

— Надо правду сказать, продолжалъ маіоръ: онъ сперва отказалъ драться, наотрѣвъ; но я скоро убѣдилъ его быть разсудительнѣе. «Милостивый государь, сказалъ я ему: вы или соглашаетесь драться, или отказываетесь драться. Въ первомъ случаѣ, дѣло кончено къ общему удовольствію, и тогда нечего

разсматривать, была ли ваша противная сторона жена вами или нѣтъ; во второмъ случаѣ, вашъ казнь уже самъ собою есть обида, за которую Г. Бо имѣеть все право васъ вызвать. Следовательно, кія бы ни были причины, вамъ все-таки надо др ся. Но, какія причины, для меня все равно; а то прошу васъ назвать мнѣ, по имени, вашего секунд та, потому что я слишкомъ почитаю мундиръ, торый вы носите, чтобы предполагать какой-ни другой конецъ этому дѣлу.» Что, какво? Мои с образумили молодца, и онъ назвалъ мнѣ капи Кодда, одного съ нимъ полка, что чрезвычайно порадовало, потому что Коддъ искренній мнѣ тель, — мы съ нимъ имѣли дуэль, года три тому задъ, въ Фальмутъ, — причемъ я потерялъ кон воть этого мизинца, а онъ свой лѣвый усъ. Мн былъ выстрѣлъ!..... О, это честнѣйшій человекъ кой только когда-нибудь ходилъ поземлѣ въ мунд и я увѣренъ, что онъ точно такъ же не спустить съ мѣста, пока дѣло совсѣмъ не кончится, ка л самъ.

Признаюсь, мнѣ не очень нравилась такая т достъ въ нашихъ секундантахъ; но я слишкомъ да зашелъ, чтобъ отступать. Иногда мнѣ казалось, что сипька доставалась мнѣ слишкомъ дорогою цѣно ворчать было уже и поздно и бесполезно. Маіоръ П объявилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что смотръ, на кото прапорщику непременно надобно было присут вать въ то утро, мѣшалъ намъ съѣхаться вмѣстѣ п де вечера: «но, пробавилъ онъ, въ такое время это ничего. Теперь свѣтло до девяти; однако значилъ семь часовъ. Между-тѣмъ вы можете бавиться стрѣлянїемъ въ цѣль изъ пистолета.»

Объщавъ слегка закутить со мною въ пять час маіоръ ушелъ, оставивъ меня не въ слишкомъ селомъ духъ. Тутъ я сълъ писать письмо къ родст

нику моему, Филиппу Пурдону. Описавъ, что со мною дѣлается, я начерталъ ему наставленіе, какъ поступить въ случаѣ моей смерти; жаловался на мою горькую участь, готовившуюся скосить меня въ цвѣтъ лѣтъ моихъ; завѣщалъ ему послѣ себя три пары лосиныхъ охотничьихъ панталоновъ, и каялся въ грѣхахъ моихъ. Отправивъ это письмо съ нарочнымъ, я началъ еще съ полдюжины другихъ, наполненныхъ разными вѣжностями и разнообразной сентиментальностью; для отдачи, по принадлежности, послѣ плачевной моей кончины. День проходилъ очень быстро, — слишкомъ быстро, увѣряло насъ, для человѣка, ожидающаго смерти. Въ пять часовъ, маіоръ и Ведди вошли ко мнѣ въ большихъ попыхахъ.

— Вотъ, дитя мое, сказалъ Ведди, подавая мнѣ пистолеты: на, вотъ тебѣ двѣ флейточки! Да ужъ скажу тебѣ, что музыка-то отъ нихъ будетъ славная.

— Что жъ касается до объѣда, сказалъ маіоръ Мегъ, то я не очень о немъ забочусь; однако, Г. Боркъ, я думаю, что объѣдъ долженъ быть готовъ, а я довольно голоденъ. Мы пообедаемъ слегка, и не станемъ много пить. Если выйдемъ изъ дѣла съ распушенными знаменами, тогда можемъ тамъ-и-сямъ распить по бутылочкѣ. Въ случаѣ, если вы застрѣлите Бреди, я уже все приготовилъ такъ, чтобъ намъ просидѣть въ неизвестности, пока это дѣло вспыхнетъ и погаснетъ. Если онъ васъ застрѣлитъ, я присмотрю за вашими похоронами. Разумѣется, вы, передъ смертью, не потребуете ничего неприличнаго, — ни слѣдствія, ни тяжбы по этому предмету. Нѣтъ! А я постараюсь, чтобъ извѣстіе о вашей кончинѣ и о вашемъ великодушіи было напечатано въ газетахъ, — гдѣ будетъ сказано, что Робертъ Боркъ, конюшій, встрѣтилъ смерть съ благородною твердостью, увѣряя несчастнаго своего против-

ника, что онъ прощаетъ ему отъ всего сердца и желаетъ ему всякаго счастья и неизмѣннаго здоровья.

— Скажу вамъ, подхватилъ Ведди, что слухъ объ этомъ дѣлѣ уже разнесся по всему городу, и, вѣроятно, всѣ жители Малло будутъ на мѣстѣ свидѣтелями поединка. Миксъ Теодосія также знаетъ объ немъ, и — въ восхищеніи! Она говоритъ, что непременно выйдетъ замужъ за того изъ двухъ, который останется въ живыхъ. Я просилъ шерифа не ходить по вечеру въ ту сторону, и хотя онъ говоритъ, что черезъ то лишится большаго удовольствія, однако обѣщаль ъхать объѣдать за пять миль отсюда и ничего не знать, что здѣсь дѣлается. Но вотъ обѣдъ! Будемте веселы.

Не могу похвастать, чтобъ я въ этотъ день такъ же мастерски управлялъ ножомъ и вилкою, какъ обыкновенно, и чтобы вполнѣ раздѣлялъ расчеты гостей моихъ, которые, передавая другъ другу бутылки съ большимъ усердіемъ, уговаривали меня, притомъ — не пить. Наконецъ, маіоръ посмотрѣлъ на свои часы, лежавшіе передъ нимъ на столѣ съ самаго начала обѣда, — вскочилъ со стула, — потрепалъ меня по плечу, — и, объявивъ, что недостаетъ только шести минутъ и тридцати пяти секундъ до назначеннаго часа, потащилъ меня съ собою на условленное мѣсто, въ поле, близъ стараго замка.

Тутъ мы нашли очень разнообразное сборище всѣхъ Маллоскихъ жителей, любопытныхъ видѣть нашъ поединокъ. Они окружили насъ, какъ пѣтуховъ, выпущенныхъ изъ мѣшка на бой, и дѣлали между собою заклады о томъ, кто изъ насъ котораго убьетъ, и въ какую именно часть тѣла попадетъ выстрѣлъ. Одинъ бился, не знаю за какую сумму,

что верхняя челюсть моя будет прострелена как мишень; другой былъ столько милостивъ, что ограничивалъ споръ свой моимъ коленомъ. Общее мнѣніе, казалось, остановилось на томъ, что одинъ изъ насъ долженъ быть убитъ, — и мало ли было отпущено самыхъ веселыхъ шутокъ между зрителями, въ то время какъ они рѣшали, который изъ насъ будетъ положенъ на мѣсть! Какъ я былъ вдвое толще моего противника, то сдѣлался явно ихъ любимцемъ, предназначеннымъ на убой. Я услышалъ вплотъ подлѣ себя слѣдующія слова: «Ставлю три противъ двухъ что Боркъ будетъ застрѣленъ первый! Десять пенсовъ вкладу!»

Бреди и Коддъ явились вскорѣ, и предварительныя условія были установлены со всею точностью между нашими секундантами, которые громко превозносили благородство другъ друга въ устройствѣ дѣлъ этого рода. Бреди едва держался на ногахъ отъ страха. Признаюсь, что и я чувствовалъ себя не совсѣмъ-то какъ Гекторъ Троянскій. Наконецъ, шаги отмѣрены, — назначенъ барьеръ, — пистолеты вручены сражающимся, — знакъ носовымъ платкомъ поданъ: бацъ! — пуля пролетѣла на палецъ отъ моего уха, и, — кракъ! — мой выстрѣлъ полетѣлъ прямо въ жилетный карманъ прапорщику Бреди. По какой-то неизяснимой причинѣ, въ самомъ этомъ карманѣ случился кусокъ очень сухаго сыру, и пуля моя застряла въ сырѣ, между темъ какъ Бреди скорчился вдвое, испустивъ ужасный визгъ, который могъ быть слышенъ за милю. Толпа зрителей такъ была внимательна, что приветствовала меня громкими восклицаніями за мой успѣхъ.

Коддъ подбѣжалъ къ прапорщику, который коверкался, какъ-будто у него было десять тысячъ су-

дорогъ; но вскорѣ удостовѣрились, что пуля не причинила ему ни какого вреда.

— Какъ вы думаете, маіоръ? спросилъ онъ моего секунданта: что намъ теперь дѣлать?

— Такъ какъ не пролито еще ни капли крови, и не сломано ни одной кости, отвѣчалъ маіоръ: то я думаю, что этотъ выстрѣлъ надо считать за ничто!

— Согласенъ съ вами! сказалъ капитанъ Коддъ.

— Если ваша сторона будетъ просить извиненія, сказалъ маіоръ Мегъ, я сведу своего пѣтуха съ поля.

— Конечно, отвѣчалъ капитанъ Коддъ: вы совершенно въ правѣ, маіоръ, требовать извиненій, но вы знаете, что мой долгъ отказать вамъ.

— Ваша правда, капитанъ, сказалъ маіоръ: и потому я формально требую, чтобы Г. прапорщикъ Бреди просилъ извиненія у Г. Борка!

— А я также формально въ томъ отказываю! отвѣчалъ капитанъ Коддъ.

— Слѣдственно, намъ надо сдѣлать еще по выстрѣлу, сказалъ маіоръ.

— Другой выстрѣлъ, непременно! сказалъ капитанъ.

— Капитанъ Коддъ! сказалъ маіоръ: вы показали себя въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ обстоятельствахъ вашей жизни, человѣкомъ благороднымъ, настоящимъ джентльменомъ!

— Кто осмѣлился бы сказать, подхватилъ капитанъ, что маіоръ Мегъ не одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ войска Его Величества, тотъ былъ бы подлецъ!

Наши секунданты раскланялись, поподчивали другъ друга табакомъ, и стали опять заряжать пистолеты. Ни Бреди, ни мнѣ, не нравились всѣ эти взаимныя привѣтствія, и если бъ насъ оставили на свободу, утѣрю васъ, не бывать бы второму выстрѣлу. Но тутъ казался онъ неизбежнымъ.

Уже заряданіе пистолетовъ приходило къ концу, какъ вдругъ явился передъ нами родственникъ мой, Филиппъ Пурдонъ, къ которому я отправилъ письмо поутру. Онъ издали гремѣлъ по мостовой, погоняя свою черную лошадь изо всей силы. Завидя насъ, онъ закричалъ:

— Мнѣ надо переговорить съ однимъ изъ стрѣляющихъ! Мнѣ надо поговорить съ тобою, Бобъ Боркъ.

— Невозможно, сударь! сказалъ маіоръ Мегъ.

— Никакъ невозможно! повторилъ капитанъ Коддъ.

— Возможно или не возможно, мнѣ до этого дѣла нѣтъ! вскричалъ Пурдонъ. Бобъ, я *долженъ* говорить съ тобою.

— Это противно всѣмъ законамъ, сказалъ маіоръ.

— Совершенно противно, повторилъ капитанъ.

Однако Филиппъ Пурдонъ настаивалъ, и наконецъ подошелъ ко мнѣ. — Я получилъ твою записку, и прилетѣлъ верхомъ: ты дерешься за Досиньку Макнамару? спросилъ онъ меня въ полголоса.

— Да, отвѣчалъ я.

— И, какъ я слышалъ, она должна выйти замужъ за того изъ двухъ противниковъ, который останется въ живыхъ?

— Мнѣ такъ сказывали, отвѣчалъ я.

— Ступай же прочь, Бобъ! Ступай прочь, заклинаю тебя. Нечего тебѣ за нею гнаться. Ты видно не знаешь того, что старый Милайо Макнамара женился?

— Женился? вскричалъ я.

— Тише! сказалъ онъ. Да; я самъ и свадебный договоръ сочинялъ. Онъ женился тайно на своей ключницѣ, двѣнадцатилѣтней осемнадцати, и....

Тутъ онъ сталъ шептать мнѣ на ухо.

— Какъ? вскричалъ я: и она.....? Уже шесть мѣсяцевъ?

— Шесть мѣсяцевъ, повторилъ онъ: и это вѣрно, безъ всякой ошибки.

— Г. прапорщикъ Бреди! сказалъ я, подошедъ къ нему: между нами было какое-то странное недоразумѣніе. Объявляю здѣсь, въ присутствіи всего почтеннаго собранія, что вы во всемъ поступили какъ честный человѣкъ и настоящій джентльменъ, и что вы оставляете это мѣсто безъ малѣйшаго пятна для вашей чести.

Бреди вспрыгнувъ на аршинъ съ четвертью отъ радости при столь неожиданномъ освобожденіи. Онъ забылъ весь этикетъ, и, подбѣжавъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку.

— Любезный Боркъ, сказалъ онъ, конечно это была ошибка: поклянемся другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

— Навѣки! отвѣчалъ я: и, въ добавокъ, уступаю вамъ миссъ Феодосію!

— Вы слишкомъ великодушны! вскричалъ онъ: по я конечно не употреблю этого великодушія во зло.

— Неслыханный поступокъ! ворчалъ майоръ Мегъ. Впередъ, боюсь, никогда въ жизни не буду секундантомъ *рябшки*.

— Моя сторона оставляетъ поле съ честью! сказалъ капитанъ Коддъ, но съ весьма печальнымъ видомъ.

— Ммъ! хрюкнулъ Ведди Деревянная-Нога, закуривая свою пѣнковую трубку.

Толпа разошлась недовольною, и я опасаюсь, что моя храбрость не очень возвысилась во мнѣніи зрителей. Не менѣе того, я послѣдовалъ за Пурдономъ въ Кармичелевъ трактиръ, допивать начатую имъ кружку, а Бреди отправился хвастать собою къ До-

сниськѣ. Слава его геройства покорила ея сердце. Что до меня касается, то надобно признаться, что я низко упалъ въ ея мнѣніи. Въ тотъ же вечеръ Теди Бреди открылся въ любви своей, и былъ принятъ. Госпожа Макнамара захотѣла-было поспорить, но краснѣйшій мундиръ взялъ верхъ надъ ея упрямствомъ.

— Онъ можетъ дослужиться до генеральскаго чина, сказала Досинька: и быть пожалованъ въ баронеты, и тогда я буду — леди Бреди.

— Или если отецъ мой будетъ сдѣланъ графомъ и перомъ Англіи; ангельская Θεодосія, подхватила прапорщикъ: тогда еще скорѣе вы будете леди Тедди Бреди.

— Прелесть, маменька! вскричала дочь: леди Тедди Бреди! Какое милое названіе!

Но къ чему излѣваться надъ воспоминаніями о несчастной любви моей? Досинька вышла замужъ за прапорщика, прежде чѣмъ женитьба ея дяди сдѣлалась имъ извѣстною; и, если, вѣроятно, они не были счастливы, — такъ что жъ? вы и я можемъ быть счастливые ихъ! У нихъ было одиннадцать человѣкъ дѣтей, и, какъ я слышалъ, Бреди содержитъ теперь очень порядочный трактиръ въ Бристолѣ....

Таковъ былъ поединокъ мой съ прапорщикомъ 48-го пѣхотнаго полка, Тедди Бреди.

АННА СЕТИНKOBA.

Blackwood's Magazine.

ЖЕНА СОЛНЦА.

=

СТАТЬЯ Г. ЮЛІА ЖАНЕНА.

=

Подъ Парижа, въ Монмартръ, въ заведеніи доктора Бланша, неутомимаго цѣлителя всѣхъ родовъ сумасшествія, находилась женщина, которой помѣшательство было странно и привлекательно. Женщина эта, еще молодая, съ пріятнымъ лицомъ, съ улыбкою полною прелести, воображала, что она обручена съ солнцемъ, которое давно на ней сваталось: они дали обѣтъ другъ другу въ прекрасный осенній день, и съ тѣхъ поръ она принадлежала ему, а оно ей. Солнце было ея радостью, ея славою, ея торжествомъ, бѣдняжки! Она просыпалась съ первыми лучами своего пламеннаго супруга; она смотрѣла, какъ вставалъ могучій мужъ ея, и привѣтствовала его взоромъ, какъ птички привѣтствовали его пѣснями, какъ рѣка ропотомъ струй, какъ роза благоуханіемъ. Чѣмъ прекраснѣе была природа на его восходѣ, тѣмъ счастливѣе чувствовала себя безумная. Не божественный ли супругъ ея разливалъ всюду свѣтъ и теплоту? Не царь ли онъ вселенной? Не провела ли она цѣлой восхитительной ночи въ его объятіяхъ? Душа міра была ея душою. Въ непрерывномъ восторгѣ слѣдила она каждый его шагъ, и чѣмъ выше всходило солнце, тѣмъ больше возрастало въ ней поэтическое изступленіе. Едва могли уговорить ее къ принятію обыкновенной пищи, — такъ овладѣла этой женщиной небесная страсть. Чтobъ склонить ее къ этому, надобно было повторять, что самъ супругъ ея зарумянилъ и приправилъ эти плоды, что самъ онъ позолотилъ эту пшеницу, выростилъ этотъ виноградъ, и что она имѣетъ полное право сѣсть за обширный столъ, который солнце уставляетъ яствами на пути своемъ. Когда огнистый лучъ склонялся къ западу и утопалъ далеко въ извилинахъ Сены, пѣжная супруга солнца была въ такомъ же безпокойствѣ, какъ жена бѣднаго рыбакова, у которой мужъ два мѣсяца не возвращался домой, а сердитое

море бушуетъ подъ ухомъ.—Что будетъ съ моимъ мужемъ? говорила безумная. Онъ долженъ изъ такой дали притти ночевать въ нашей комнаткѣ! Господи, только бы не ушибся онъ дорогою!—Мало-по-малу солнце погружалось за горизонтъ: тогда бѣдная женщина складывала руки на груди, и таинственнымъ, сладкимъ голосомъ говорила супругу:—Я тотчасъ буду! я тотчасъ буду!—Потомъ поспѣшно уходила въ свою комнату, чтобъ не заставить солнце долго ждать себя.

Странное и счастливое помѣшательство! Милое безуміе! Чувствовать, что душа привязана къ чему-то лучемъ солнца! Боятся только, чтобъ грозныя облака не подернули возлюбленнаго светила! Быть счастливой всегда, когда счастлива природа! Впрочемъ у ней было столько же горя, какъ и у не-безумныхъ. Когда наступала зима и солянце блѣднѣло, дрожало подъ снѣгомъ, несчастная несла бремя тягчайшей грусти. Спокойствіе, улыбка, пѣсни, все исчезало: не было праздника ея душѣ! Взгляните сами, какъ мерзнуть и дрожить ея супругъ, какъ приклоняетъ онъ утомленную голову на обледѣнныя горы? Какъ скучны и продолжительны казались ей зимніе дни! Чѣмъ возвышеннѣе въ мірѣ былъ тотъ, кого она любила, тѣмъ несноснѣе казалось ей бѣдствіе видѣть его униженнымъ, помраченнымъ, дрожащимъ, побѣжденнымъ и въ неволѣ. Но упадокъ солнца только временный. Скоро пробьется оно сквозь самыя густыя тучи; скоро выступитъ побѣдителемъ, — вотъ оно! Весною, когда помѣшанная встрѣчала своего супруга въ прежнемъ блескѣ, когда листья сверкали отъ него на деревьяхъ какъ искры изъ-подъ кузнечнаго молота, сердце ея наполнялось дивною радостью: она сбрасывала трауръ, одѣвалась въ самое яркое, блестящее платье, и пѣла самыя сладостныя гимны. — Радуйтесь, светила тверди, радуйтесь; и вы, волны рѣки, люди и духи, радуйтесь! мужъ мой, солнце, былъ боленъ и выздоравливалъ! Онъ былъ въ отсутствіи и воротился! — И дѣйствительно вся природа повиновалась безумной, — вся природа радовалась возврату ея мужа.

Это помѣшательство оставалось десять лѣтъ неизлечимымъ. Но бѣдная женщина была такъ счастлива! зачѣмъ лечить ее отъ счастья? Жена солнца умерла тому три года, и смерть ея была такъ же трогательна, какъ и жизнь. Это случилось

въ прекрасный осенній день. Былъ полдень. Кроткое и спокойное солнце проливало на землю и на жену свои чистейшіе лучи. Жена его сидѣла на муравѣ; подѣ большую лблоней, и взоромъ провожала въ небѣ величественнаго супруга. Никогда сердце ея не было такъ полно любви, никогда взглядъ ея не былъ такъ нѣженъ, никогда сонъ не подходилъ такъ близко къ дѣйствительности. Они такъ такъ хорошо понимали другъ друга! Она такъ зорко смотрѣла на него, а онъ на нее! Онъ шелъ медленно по лазуревому полю,— вѣрно для того, чтобъ насмотрѣться, какъ она стоитъ передъ нимъ на коленяхъ. И вдругъ, увы, могущественный лучъ природы остановился и гаснетъ! Солнце скрылось не попрержнему, не исподоволь, не на берегу рѣки, не отрянувъ блестящей пыли съ ногъ и съ одѣянiя. Оно вдругъ остановилось совершенно. Оно исчезаетъ; его не видно! Гдѣ оно? — Да, да! мужъ мой у моей соперницы. Онъ мнѣ измѣняетъ! Онъ ушелъ отъ меня днемъ, и не воротится къ вечеру!—Она только и жила для того, чтобъ любоваться имъ во время дня, ожидать его ночью, привѣтствовать его на зарѣ, вослѣвать его весною, дивиться ему лѣтомъ, благословлять его осенью, оплакивать зимою, и любить—всегда; она видѣла, что онъ исчезъ внезапно, неожиданно; не знала, куда ушелъ, когда воротится, и не пережила — затмѣнiя! Она умерла, — умерла отъ ревности, отъ любви, съ отчаянiя.

И только успѣла она кончить жизнь, солнце разошлось съ луною самымъ невпнымъ образомъ, и спокойно продолжало путь свой. Но было уже поздно. Драма кончилась, и безсмертный супругъ, бывшій еще за одинъ мигъ предметомъ самой пламенной страсти, рассыпалъ теперь лучи свои на холодныя, сомкнутыя вѣжды смертной своей супруги. Да! видно ужъ умерла бѣдная женщина, когда не оживилъ ея этотъ печальный лучъ, остановившійся на ней какъ-бы для того, чтобъ выпросить себѣ прощение.

Courrier du beau monde.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ВИДЪ

и

ИСТОЧНИКИ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

=

Въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись Нестора? Обще-господствующее мнѣніе состоитъ въ томъ, что лѣтопись Несторова дошла до насъ искаженная и обезображенная, украшенная и подновленная, распространенная и сокращенная позднѣйшими переписчиками, со множествомъ вставокъ и пропусковъ, новыхъ сказокъ и басенъ, отъ которыхъ должно очищать ее Критикъ, — словомъ, совершенно не въ томъ видѣ, какой далъ ей сочинитель.

«На почтеннаго Нестора,» говоритъ Шлёцеръ, «бросились всѣ; начали перемѣнять его слогъ, выкидывать слова, прибавлять, сокращать, вводить свое, толковать; пріятную простоту его изуродовали какимъ-то краснорѣчіемъ; повѣствованія его, въ которыхъ нѣтъ ничего посторонняго, завалили разсужденіями. Но это еще не все. Какъ въ первомъ столѣтіи онъ очень кратокъ, потому, что будучи честнымъ и умнымъ человѣкомъ, повѣствуетъ только то, что знаетъ, и пишетъ только о томъ, что принадлежитъ къ его исторіи, то его начинили выписками изъ Византійцевъ, а наконецъ и глупыми бреднями, которыя не прежде XV столѣтія перешли въ Москву отъ сосѣдей и утвердились Степенною Книгою. И эти такъ

жалко искаженные временники, все еще назывались Несторовымъ Временникомъ *.

Всѣ наши позднѣйшіе изслѣдователи повторяли эти слова, такъ или иначе. Они сдѣлались какъ-бы общими мѣстами, и встрѣчаются во всякомъ изслѣдованіи, относящемся до Русской Исторіи.

Мнѣ было бы очень легко, удобно и безопасно повторить ихъ здѣсь, и такимъ образомъ уклониться отъ объясненія всѣхъ противорѣчій и несообразностей, отвѣтить однимъ разомъ на всѣ возраженія, прошедшія, настоящія и будущія, обратить всѣ вины на позднѣйшихъ переписчиковъ, и провозгласить торжественно: Въ Несторѣ, точно, есть множество вещей мудреныхъ, но онъ безъ всякаго сомнѣнія принадлежать не ему, и слѣдовательно никакъ не могутъ возбуждать недовѣрчивости къ его лѣтописи. Это было бы для меня безопасно, — подъ хоругвею всѣхъ нашихъ критиковъ, высшихъ и низшихъ, безъ исключенія; легко, — потому что однимъ вѣрнымъ ударомъ разрубилъ бы я всѣ Гордіевы узлы; удобно, — потому что я избавлялся бы отъ всѣхъ новыхъ разысканій и толкованій. «Вотъ происшествіе, котораго Несторъ не могъ знать,» сказали бъ мнѣ противники. Несторъ и не зналъ объ немъ, отвѣчалъ бы я, а оно прибавлено переписчикомъ. «Вотъ переводъ изъ писателя, о которомъ Нестору слышать было невозможно.» Такъ что жъ? переводъ сдѣланъ послѣ, и вставленъ въ лѣтопись. «Вотъ слово пятнадцатаго столѣтія.» Да; оно и попало въ лѣтопись въ XV столѣтіи, а Несторъ, разумѣется, объ немъ и не думалъ. Все, что вы говорите теперь, было уже предусмотрѣно, обдуманно и сказано прежде васъ, гораздо яснѣе и сильнѣе, Шлецеромъ. Напрасно полагаете, что вы открыли что-то но-

* Шлецерь, Нест. I. — Во всѣхъ пяти частяхъ, онъ повторяетъ безпрестанно то же.

вое. Прочтите слова его, приведенныя въ началѣ, и согласитесь, что вы стали теперь спрашивать о томъ, на что уже давно сдѣланъ былъ отвѣтъ въ исторіи критической литературы.

Послѣ того, я могъ бы спокойно продолжать свои изслѣдованія, основываясь на Несторовой Лѣтописи. Но я ищу истины, не могу скрывать тѣхъ затрудненій, которыя нашелъ на пути разысканій, хоть-бы ихъ и не видали противники, подвергаю себя новымъ возраженіямъ, завожу новое дѣло. Можетъ-быть теперь-то именно я долженъ буду уступить и проиграть тяжбу: за то выиграетъ истина.

Нельзя ссылаться со Шлецеромъ на переписчиковъ, нельзя обвинять вставщиковъ, со всеми нашими изслѣдователями: лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ, что касается до происшествій и ихъ послѣдовательности.

Да; повторяю, лѣтопись въ сущности дошла до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Возьмите извѣстные списки лѣтописи—Лаврентьевскій, на пергаментѣ, который писанъ въ 1377 году: замѣтимъ, что первые сорокъ листовъ въ немъ писаны другимъ почеркомъ, древнѣйшимъ, сплошь, не монахомъ Лаврентіемъ, какъ утверждалъ Г. Тимковскій, и что Г. Востоковъ опечеркъ свидѣтельствуешь то же: Лаврентій вѣрно только приписывалъ къ первой древнѣйшей тетради; — Троицкій, тоже на пергаментѣ, который принадлежит XV вѣку, если не XIV; — Ипатьевскій XIV вѣка, Хлѣбниковскій XV вѣка, Радзивилловскій XVI вѣка, по свидѣтельству Карамзина; — прочіе списки, младшіе, какъ-то Новгородскіе, съ приписками лицъ XI столѣтія, Татищевскіе, Щербатовскіе, сколько объ нихъ судить можно по звѣ-

стіямъ этихъ писателей; — наконецъ отдѣльныя лѣтописи Псковскую, Кіевскую, Волинскую, которыя всѣ начинаются Несторомъ.

Выньте изъ всѣхъ этихъ списковъ начало, то есть, до 1110 года. Что мы увидимъ?

Совершенное сходство въ главныхъ чертахъ. Всѣ извѣстія идутъ однимъ порядкомъ: древняя космографія; описаніе земель и народовъ во время лѣтописателя, ближнихъ и дальнихъ, по происхожденію ихъ отъ сыновъ Ноевыхъ; Вавилонское столпотвореніе, разсѣланіе народовъ; первое пришествіе Славянъ съ Дуная; переселеніе Славянъ въ нашу сторону; возможное судоходство моремъ и рѣками въ Русь и изъ нея, и кругомъ южной Европы въ Русь и Константинополь; путешествіе Св. Апостола Андрея въ Русь; начало города Кіева; племена народныя въ Руси, и такъ далѣе, какъ въ оглавленіи Шлецеровомъ къ Нестору *.

Слѣдовательно, эти извѣстія находились въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ спискахъ, съ которыхъ списки сдѣланы.

Мы можемъ судить и о тѣхъ, хотя приблизительно.

Они, разумѣется, были древнѣе своихъ копій, до насъ дошедшихъ. Къ этому прибавить должно слѣдующія соображенія: Лаврентьевскій оканчивается 1305 годомъ; слѣдовательно, подлинникъ его, который бы то ни было, принадлежалъ къ началу XIV вѣка. Монахъ Лаврентій былъ человекъ добросовѣстный: онъ оставлялъ даже мѣста для тѣхъ словъ, которыхъ не могъ разобрать въ своемъ подлинникѣ. Такъ, онъ не смѣлъ поставить Новагорода при разсказѣ о мѣстѣ прибытія Рюрика, «занеже книги ветшаны, а оумъ

* Въ новѣйшихъ спискахъ, напримѣръ Никоновскомъ, также, кромѣ распространеній и украшеній.

молодь недошелъ.» Достаточное доказательство, что подлинникъ, или кака-либо часть его, была очень древняя: пергаментъ не скоро ветшаетъ.

Подлинникъ Радзивиловскаго списка, также который бы то ни было, принадлежалъ къ началу XIII столѣтія: списокъ оканчивается 1206 годомъ.

Подлинникъ Ипатьевскаго принадлежалъ къ концу XIII столѣтія: Ипатьевскій списокъ оканчивается 1296 годомъ.

Воскресенскій списокъ, несмотря на свою новизну, указываетъ на древній подлинникъ своими особенными прибавленіями, въ которыхъ заключаются несомнѣныя истинны.

Подлинникъ Софійскаго временника, съ котораго дошло до насъ такъ много списковъ, принадлежитъ къ концу XII и къ началу XIII столѣтія. Издатель этого списка затруднялся, къ какому времени отнести его, не зная, кто были Александръ и Исаакъ, до которыхъ обещалъ рассказывать лѣтописатель въ началъ своего труда словами: «Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и вся порядку извѣстно да скажемъ, отъ Михаила Царя до Александра и Исакія.» — «Стоитъ только разыскать,» говоритъ издатель въ предисловіи, «кто были сіи послѣдніе, чтобы узнать время, въ которое жилъ лѣтописатель.» И потомъ: «Нельзя точно опредѣлить времени, до котораго временникъ сей продолжался, ибо онъ не дошелъ до насъ въ видѣ отдѣльномъ; приводимые же выше Александръ и Исаакъ должны покаместъ остаться неизвѣстными.» Въ замѣчаніи издатель догадывался, не посадники ли это Новгородскіе. Нѣтъ, они были не посадники Новгородскіе, а Византійскіе императоры, какъ и Михаилъ, съ котораго лѣтописатель начиналъ свое сочиненіе. Это давно рѣшено уже Добровскимъ и принято Шлецеромъ, который говоритъ въ приложеніи къ пятой части подлинника и къ третьей

перевода его Нестора (стр. 681): «Александръ и Исаакъ здѣсь разумѣются Алексій Ангелъ и отецъ его: слѣдственно, до сего мѣста — относится къ 1203 году.»

Я не говорю здѣсь о родоначальникѣ списковъ, въ которыхъ Василій, современникъ Василька и внуковъ Ярославовыхъ и Нестора, говоритъ о себѣ отъ перваго лица, принадлежавшемъ къ началу XII столѣтія, какъ и самый подлинникъ Несторовъ; о родоначальникѣ списковъ, въ которыхъ повторяется Сильвестрова приписка *, принадлежавшемъ къ тому же времени.

Не говорю также о спискахъ Татищева, изъ которыхъ одинъ оканчивался 1197, другой 1239, третій 1198 годовъ, и прочая, и о спискахъ Щербатовскихъ.

И такъ всѣ главныя извѣстія, которыя мы находимъ въ нашихъ спискахъ XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ, находились точно также, кромѣ частныхъ отмѣнъ, и въ ихъ подлинникахъ тринадцатаго, двѣнадцатаго и даже одиннадцатаго вѣковъ.

Впрочемъ и безъ этихъ соображеній мы можемъ, даже по нашимъ спискамъ, сходнымъ между собою, сдѣлать точно то же заключеніе о первыхъ подлинникахъ.

Что же слѣдуетъ заключить изъ этого сходства? — Ларчикъ открывается просто! — Что всѣ эти извѣстія принадлежать подлиннику подлинниковъ, то есть, самому Нестору.

Какія мѣста считаются вставками по правиламъ исторической Критики? Тѣ особенно, которыя находятся въ нѣкоторыхъ только спискахъ того или другаго древняго сочиненія, принадлежащихъ къ одному ряду, при другихъ, разумѣется, признакахъ подло-

* Къ сожалѣнію я не могу указать, въ какихъ именно спискахъ есть эта приписка. Когда же опишутся по крайней мѣрѣ наши списки? — А почему въ другихъ спискахъ нѣтъ этой приписки, почему въ однихъ спискахъ Василій говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, а въ другихъ нѣтъ перваго лица? спрошу я критиковъ.

га. А какъ можно назвать вставкою такое мѣсто на-
примѣръ, которое рѣшительно находится во всѣхъ
его спискахъ?

Мнѣ не понятно, какимъ образомъ наши критики,
изъ которыхъ многіе были очень проницательны, не
сдѣлали этого замѣчанія, необходимаго, неизбежна-
го? Я думаю, что они слишкомъ много смотрѣли на
слова, на буквы, а не довольно смотрѣли на все сочи-
неніе сполна.

Точно, мы находимъ много разницы въ словахъ,
предложеніяхъ, строкахъ: одинъ переписчикъ напри-
мѣръ написалъ *изъ Руси*, другой *къ Руси*; одинъ не
разобралъ *Юни*, и написалъ *Онію*, а другіе *отъ нихъ*;
одинъ написалъ *Норци*, другой *Норицы*, третьи *Ино-
рици*, а четвертый *Иновърицы*. Одинъ, не разобравъ сло-
ва, оставилъ для него мѣсто, другой написалъ сплошь
слѣдующее слово, третій перемѣнилъ съ умысломъ*.
Но, въ цѣломъ, содержаніе и теперь то же, что было все-
гда. Цѣлое сочиненіе можетъ быть иногда такъ перепи-
сано, что во всякомъ словѣ будетъ заключаться ошиб-
ка, и слѣдовательно, несмотря на подлинность и пол-
ноту, нельзя употребить его въ дѣло. Однако, и это-
го замѣчанія не должно примѣнять къ нашей лѣто-
писи, въ которой, по сличеніи списковъ, можно до-
браться смысла, и добраться его тогда, какъ намъ
понадобятся частности.

Да; въ большихъ грѣхахъ нельзя винить перепис-
чиковъ. Всѣ такъ называемыя значительныя вставки
принадлежать самому Нестору. Это заключеніе необ-
ходимо слѣдуетъ, повторяю, изъ сходства всѣхъ спис-
ковъ въ цѣломъ.

Съ этой лишь точки можно дѣлать возраженія на
Нестора, и представлять сомнѣнія по-крайней-мѣръ
правдоподобныя, благовидныя, если не истинныя.

* Надъ этимъ-то и должна трудиться критика, и трудиться много.

Вотъ бремя, которое я самъ кладу на себя, и которое мнѣ можетъ-быть тяжело будетъ нести. но пойдѣмъ далѣе.

Мы сдѣлали заключеніе, глядя, такъ сказать, поверхностно на списки Несторовой летописи. Теперь всмотримся въ нихъ пристальнѣе.

На четвертой страницѣ (взгляните по Лаврентьевскому, древнѣйшему, списку) рѣчь начинается словами: «Поляномъ же жившимъ особъ,» — и потомъ описывается путь изъ Варягъ въ Греки.

На слѣдующей страницѣ опять: «Подемъ же жившемъ особъ,» и потомъ описывается Кіевъ.

Еще черезъ страницу, опять: «Подемъ же живущемъ особъ», — и потомъ описываются разныя племена.

Здѣсь непременно должны быть вставки; нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ писаны вѣрно другимъ челоувкомъ.

Сюда же относится и безпорядокъ, въ которомъ слѣдуютъ нѣкоторыя извѣстія, напримѣръ за описаніемъ племень Славянскихъ въ нашей сторонѣ, слѣдуетъ описаніе сообщенія по рѣкамъ, потомъ путешествіе Св. Апостола Андрея, потомъ говорится о Кіевѣ, опять о племенахъ, потомъ о Болгарахъ, Уграхъ, Обрахъ, и опять о племенахъ, о обычаяхъ разныхъ народовъ, и такъ далѣе.

Сюда же относится и слогъ различный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: извѣстія о нѣкоторыхъ происшествіяхъ при Олегѣ, Святославѣ писаны гораздо простѣе, чѣмъ житіе Феодосія или благочестивыя размышленія.

Слѣдовательно вставки есть. Въ этомъ должно быть совершенно увѣреннымъ.

Но вотъ два различныя, кажется, противорѣчащія заключенія! Однако жъ онѣ должны быть вѣрны, если вѣрны мои посылки.

Вставокъ не было послѣ Нестора, говорю я, и вставки есть въ Несторѣ. Должно непременно разрѣшить это недоумѣнiе. Я и принимаю оба эти положенія за посылки, и вывожу новое слѣдствiе. Вотъ оно:

Самъ Несторъ вставлялъ.

Я думаю, что у Нестора были какія-нибудь записки, церковныя ли, или монастырскія, или домашнія, но подобныя запискамъ, которыя ведутся нашими провинціальными помѣщиками въ календаряхъ, подобно Новгородскому лѣтописцу, напечатанному въ Москвѣ, и состоящему изъ самыхъ краткихъ, простыхъ извѣстій.

Нестору попались эти записки, и онъ вставлялъ въ нихъ, что слышалъ по преданію, что зналъ самъ, что показалось ему любопытнымъ изъ чужихъ временниковъ; и новому сочиненію своему, которое увеличилось безъ всякаго сравненія съ основнымъ текстомъ, далъ форму Греческихъ лѣтописей, и по справедливости прослѣлъ первымъ лѣтописателемъ.

Вставки свои часто онъ дѣлалъ не кстати; но отъ монаха Печерскаго въ XI столѣтіи мы и не можемъ требовать ни какой ученой обдуманности, отчетливости, послѣдовательности; напротивъ, чѣмъ больше бы имѣлъ онъ достоинствъ этого рода, тѣмъ больше мы имѣли бы права подозрѣвать его подлинность.

Несторова лѣтопись нимало не пострадаетъ въ общемъ мнѣніи отъ того предположенія, и останется драгоценнымъ памятникомъ XI столѣтія.

Что Несторъ имѣлъ авторскую замашку, любилъ поговорить при случаѣ и распространяться, мы видимъ это въ житіи Св. Феодосія, которое такъ рѣшительно всѣ ему приписываютъ и которое написать, по моему мнѣнію, гораздо труднѣе, чѣмъ лѣтопись.

Карамзинъ думалъ о церковныхъ запискахъ, хотъ мимоходомъ, хотъ предположеніемъ, если не заключеніемъ. Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ, говорить онъ въ Примѣчаніи СХХVII, Несторъ началъ дни преставленія нѣкоторыхъ древнихъ Князей. Миллеръ, кажется, думалъ тоже.

Точно, если Ярославъ велѣлъ вырыть кости своихъ дядей, Ярополка и Олега, умершихъ въ язычествѣ; если Даниилъ, современникъ Несторовъ, записывалъ имена князей, ему современныхъ въ поминаньяхъ Іерусалимскихъ, то безъ всякаго сомнѣнья, дома, были хотъ такія же поминанья о нашихъ христіанскихъ князьяхъ. Вспомнимъ, что въ IX столѣтіи, со временъ Аскольда и Дира, были у насъ христіане; что при Игорѣ была церковь; что у княгини Ольги былъ священникъ.

Наконецъ, извѣстіе въ лѣтописи объ уродѣ, найденномъ рыболовами въ Кіевѣ, никакъ не могло принадлежать Нестору: оно рассказываетъ подъ годомъ 1063, а Несторъ, незадолго передъ тѣмъ только-что родился (противники Нестора не замѣтили этого анахронизма).

Я могъ бы прибавить здѣсь еще: безъ подобныхъ записокъ нельзя было бы Нестору назначить времени происшествіямъ, начавшимся за двѣсти лѣтъ до того. Конечно, есть лѣтописатели, которые рассказываютъ, что было за тысячу лѣтъ до нихъ, но нашъ добросовѣстной нейдетъ въ сравненіе съ ними, и, для меня, трудно вѣрить Шлецеру и Карамзину, чтобы онъ назначилъ эти годы наугадъ, приравливая свою хронологію къ хронологіи Византійской.

Приведемъ къ одному, общему заключенію всѣ сужденія наши, изложенныя въ этомъ журналѣ въ прошломъ году, и въ нынѣшнемъ.

Древняя Русская Исторія достоверна.

Начало Русскихъ лѣтописей достоверно.

Русскія лѣтописи начинаются съ XI столѣтія.

Нестора должно считать первымъ лѣтописателемъ.

Лѣтопись его дошла до насъ въ томъ видѣ, какой данъ ей былъ сначала, кромѣ словъ.

Прежде Нестора непременно были какія-нибудь краткія записки.

Но всееще намъ любопытно знать, откуда Несторъ могъ почерпнуть тѣ извѣстія, въ достовѣрности которыхъ мы уже не смѣемъ сомнѣваться. Мы будемъ еще спокойнѣе, если разрѣшимъ себѣ удовлетворительно этотъ вопросъ, хотя, впрочемъ, и въ противномъ случаѣ мы можемъ только изъяснить свое сожалѣніе, но никакъ не имѣемъ права отрицать. Сколько сомнѣній въ послѣднее время наведено было на Геродота касательно его сказаній объ Египтянахъ, Финикіянахъ, Вавилонянахъ, Персахъ, Скиѣахъ, а онъ мало-по-малу оправдывается! Откуда почерпнулъ онъ то или другое извѣстіе? твердили многіе знаменитые критики. Откуда бы то ни было, но оно вѣрно, отвѣчаютъ путешественники: слова его доказываются нашими открытіями.

Источники Несторовой лѣтописи суть:

Прежнія записки, о которыхъ говорили мы выше.

Собственное удостовѣреніе. О княженіяхъ Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича въ Кіевѣ (1078—1112) онъ писалъ какъ современникъ и очевидецъ.

Извѣстія современниковъ, которые могли разсказывать ему о княженіяхъ Ярослава и Изяслава (1019—107), на примѣръ Янъ, игравшій въ продолженіи ихъ значительную роль, и умершій въ 1106 году девяноста лѣтъ отъ роду. Янъ въ свою очередь могъ слышать отъ современниковъ о княженіи Святаго Владиміра.

Болгарскія лѣтописи, или извѣстія. Едва-ли кто предполагалъ у насъ этотъ источникъ, а мнѣ онъ кажется особенно важнымъ, можетъ-быть потому, что

мнѣ прежде всѣхъ попалъ на мысль. Обращаю на него вниманіе нашихъ изслѣдователей. Грамота началась между Болгарами за триста лѣтъ до Нестора: мудро ли, что между ними уже задолго до него появились лѣтописатели, переводчики, которые перевели на Болгарское, то есть, наше церковное нарѣчіе, разныя Греческія, историческія и богословскія книги? Мудрено ли, что Болгарскіе духовные приходили къ намъ въ Кіевъ, имѣвшій частое и непрерывное сообщеніе съ Константинополемъ и самою Болгарією, — даже съ цѣлю распространить у насъ Христіанскую Вѣру, точно такъ, какъ къ нимъ лѣтъ за триста пришли безсмертные Кирилль и Меѳодій? Мудрено ли, что они принесли съ собою свои книги, которыми Несторъ воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ выписки для своей лѣтописи? Вотъ такъ называемые переводы изъ Византійцевъ! Это — предположеніе, но оно получаетъ нѣкоторую степень достоверности, когда мы обратимъ вниманіе на то, какую роль у Нестора играютъ Болгарскія происшествія, которыми онъ перемежаетъ наши происшествія; когда обратимъ вниманіе на то, что всѣ книги богослужебныя, Евангеліе, Апостоль, Псалтырь, Литургію, мы не могли получить ни отъ кого, кромѣ Болгаръ, нашихъ Славянскихъ единоплеменниковъ, для которыхъ первоначально онѣ были переведены; когда обратимъ вниманіе на то, что первые наши духовные, священники, на примѣръ при Игорѣ у Ольги священникъ Григорій, и при Владимірѣ, были по всему вѣроятію Болгаре, а послѣ и Греческіе митрополиты имѣли даже въ нихъ необходимую нужду для управленія своею паствою; когда обратимъ вниманіе на то, сколько Болгарскихъ несомнѣнныхъ переводовъ дошло до насъ изъ древняго періода, какъ свидѣтельствуєтъ Г. Строевъ въ своемъ указаніи; когда обратимъ вниманіе на то, что древнѣйшія наши рукопи-

ствъ духовнаго содержанія носятъ на себѣ явные признаки южнаго происхожденія, напримѣръ Остромирово Евангеліе*; что въ монастырѣ Печерскомъ, и именно въ Несторово время, были Болгаре; что даже въ 1270 году Кіевскій митрополитъ Кирилль выписалъ изъ Болгаріи списокъ Кормчей Книги, древнѣйшій изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ.

Вотъ моя догадка, которой, признаюсь, я очень дорожу, и которой суда станемъ ожидать преимущественно отъ Г. Венелина.

Можетъ-быть даже Болгарская лѣтопись послужила Нестору основаніемъ, на которомъ построилъ онъ свою.

Греческія лѣтописи. Первые митрополиты наши были Греки. За ними отправлялись наши посланцы. Сношеніе съ Константинополемъ было непрерывное. Въ Несторово время былъ въ Печерскомъ монастырѣ Греческій монахъ Михаилъ, отъ котораго Св. Феодосій получилъ уставъ монастыря Студійскаго, сдѣлавшійся общимъ для всѣхъ монастырей Русскихъ. Почему этотъ Михаилъ, если не другой кто, не могъ сообщить Нестору какого-нибудь Греческаго временника, или даже перевести что-либо для него нужное, какъ переводилъ онъ монастырскій уставъ. Слѣдовательно, если не черезъ Болгарскія руки, то отъ самихъ Грековъ могъ Несторъ узнать то, что помѣстилъ въ своей лѣтописи; узнать не только письменно, но даже изустно, хотябъ самъ не зналъ по-Гречески.

Извѣстія Варяговъ. Какъ первые наши христіане были Варяги, такъ были они и между первыми иноками. Прочтите первоначальную исторію Монастыря Печерскаго: тамъ на каждой страницѣ найдете

* См. Изслѣдованіе А. Х. Востокова о Славянскомъ языкѣ, помѣщенное въ Трудахъ Общества любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, также въ драгоценныхъ для древней бібліографіи приложеніяхъ къ Іоанну Эксарху, К. Ф. Калайдовича.

вы Варяговъ. Первая пещера, по нѣкоторымъ извѣстїямъ, была ископана ими. До сихъ поръ, кажется, какїя-то пещеры называются Варяжскими. Варяги точно такъ могли рассказывать Нестору о своихъ подвигахъ и подвигахъ предковъ, какъ ихъ соотечественники рассказывали дома сочинителямъ сагъ. Варяги то наговорили ему сказокъ, извѣстныхъ также на сѣверѣ, и о колесахъ, на которыхъ Олегъ подъѣхалъ къ Царюгороду, и о змѣѣ, которая ужалила его по предсказанію волхвовъ, и о воробьяхъ съ голубями, которые сожгли Коростень, и другія баснословныя извѣстїя, въ которыхъ есть однако жъ историческое основаніе. Несторъ спокойно помѣстилъ всѣ ихъ рассказы въ свою лѣтопись, какъ и всѣ его товарищи, первые лѣтописатели, сѣверные и южные, восточные и западные. Они же сообщили ему извѣстїя о разныхъ иныхъ племенахъ, жившихъ преимущественно по берегамъ морей Балтійскаго и Нѣмецкаго, столь имъ извѣстнымъ; они же сообщили ему извѣстїе и о пути изъ Варягъ въ Греки, о своемъ Austur-vegi и Vester-vegi. все это и естественно, и вѣроятно.

Извѣстїя о разныхъ племенахъ, обитавшихъ въ внѣшней Россїи, онъ могъ получить отъ самихъ жителей и соседей. Кїевъ былъ средоточіе, особенно послѣ введенїя Христіанской Вѣры, и сборное мѣсто, гдѣ можно было сойтись съ обитателями странъ самыхъ отдаленныхъ. И если Тацитъ, живя въ Римѣ, зналъ объ Эстахъ (Aestui), если Юриандъ, живя въ Равеннѣ, зналъ о Чуди (Thuëdi) и Мордвѣ (Mordens), если Адамъ, живя въ Бременѣ, зналъ о Мери (Merens), если Константинъ Багрянородный, живя въ Константинополѣ, зналъ о Кривичахъ (Κριβιτζιται), Дреговичахъ (Δρογουβιται), и Древлѣнахъ (Δρεβλενιται), то что же мудренаго знать объ нихъ Нестору, соотечественнику, одноязычнику, сосѣду, и умѣстны ли

сомнѣнія въ возможности имѣть ему такія обширныя (!!) географическія свѣдѣнія объ Европѣ?

Вообще преданіе. Замѣчу здѣсь, что въ народѣ безграмотномъ оно бываетъ гораздо живѣе, чѣмъ въ грамотномъ. Общія свѣдѣнія за сто пятьдесятъ, двѣсти лѣтъ были на памяти безъ всякаго сомнѣнія. Нѣкоторые памятники, могилы князей, онъ могъ видѣть самъ, или могъ объ нихъ слышать.

Вотъ какіе источники могъ имѣть Несторъ. Разверните его лѣтопись, и раздѣлите ее на части. Къ каждому извѣстію можно указать правдоподобный источникъ. Это — рѣдкое счастье! Пусть укажутъ хоть на одного лѣтописателя, въ какой бы то ни было литературѣ, котораго правдоподобные источники были бы вѣроятнѣе.

Мы говорили въ прошломъ году, въ этомъ жемѣсть, о достовѣрности лѣтописи. Какое новое доказательство получаетъ она, когда мы видимъ, и видимъ ясно, что Несторъ точно могъ знать то, объ чемъ онъ писалъ, и чему должны вѣрить мы по основательнымъ причинамъ.

Но могъ ли Несторъ пользоваться всеми исчисленными источниками? былъ ли онъ столько грамотенъ, образованъ?

Могъ, и вотъ доказательство: онъ сочинилъ житіе Св. Феодосія, которое всѣ признаютъ за нимъ, по самымъ яснымъ и оцутительнымъ доказательствамъ. Прочтите страницу изъ этого житія и страницу изъ лѣтописи, и вы увидите, что въ десять разъ труднѣе написать первую, чѣмъ вторую.

Да и онъ ли одинъ былъ грамотенъ въ это время? Я указываю на Данила, его современника, который ходилъ въ Іерусалимъ и оставилъ описаніе своего путешествія. Этого описанія не отвергають. И какъ его отвергнуть? Онъ и видѣлъ Балдуна Іерусалимскаго, и говорилъ съ нимъ, и записалъ имена нашихъ кня-

зей въ поминань въ Иерусалимъ*. Если же Давнилово описаніе подлинно, то сомнѣніе о неграмотности того времени, въ отношеніи къ Нестору, уничтожается само собою.

Я укажу на духовную Владиміра Мономаха, — потому только, что ее признають всѣ. Спрашиваю, что объяснить себѣ легче, — сочиненіе ли воинственнымъ княземъ философскаго почти разсужденія, каково въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завѣщаніе, или сочиненіе сухой лѣтописи Печерскимъ монахомъ?

Я укажу на сборники Святослава, также признаваемые, противниками нашей лѣтописи; сборники, которые относятся къ 1073 и 1076 годамъ, и слѣдовательно старше Нестора. Обращаю вниманіе критиковъ на слѣдующія важныя слова въ заключеніи: «Кончя-тся книги сія рукою грѣшнаго Іоана, избрано изъ многѣхъ книгъ княжь.» Въ началѣ: великыи въ князихъ Святославъ въжделаніемъ зѣло въжделавъ държали-

* Кар. II, Прим. 214. «Язь худой и недостойный въ ту пятницу въ 7 часть дни ходихомъ къ князю тому Балдвину и поклонихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ собѣ съ любовію и рече ми: Чтѣ хочещи игумене Русьскы? Позналъ мя быше добръ и любя мя вельми, якоже есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми и не гордить. Язь рекохъ ему: Княже мой, господине! молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язь поставилъ свое кандило на Гробъ Святомъ отъ всея Русьскыя земли. Онъ же съ тщавьемъ и съ любовью повелѣ ми поставити кандило; посла со мною мужа своего, слугу лучшаго.» «Богъ тому послухъ и Святой Гробъ Господень, якъ во всѣхъ мѣствѣхъ святыхъ, не забыхъ именъ князей Русьскыхъ и княгинь, и дѣтей ихъ, и епископъ, и игумень, и бояръ, и дѣтей моихъ духовныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имена князей Русьскыхъ написати въ Лавръ Св Саввы, и нынѣ поминваюся имена ихъ въ ектеніяхъ, и съ женами и съ дѣтьми. Се же имена ихъ: Михаилъ — Святополкъ, Всислій — Владиміръ, Давидъ — Святославичъ, Михаѣль — Олегъ, Панкратій (Святоша) Святославъ, Глѣбъ Мѣнскій (Минскій), и сколько есь помнилъ, опричь всѣхъ князей Русьскыхъ и бояръ, и отпѣхомъ литургію за князей Русьскыхъ, и за вся хресныне 50 литургій, и за усопшія литургію отпѣхомъ.»

выи владыка обавѣти покрывенныя разоумы вглубинѣ многоръпъгъныхъ сихъ книгъ,» и прочалъ.

Я укажу на грамоту Мстислава, почти современную Нестору (1125), и спрошу: дипломъ, актъ officialный, черезъ сколько времени является у всякаго народа послѣ лѣтописи?

Я указываю на отвѣты Нифонта, почти современника Несторова, которые также признаютъ подлинными, и на вопросы Кирака, еще любопытнѣйшіе.

Ясно ли? Но не коротко, замѣтятъ читатели. Предметъ увлекъ меня, — предметъ важный, достовѣрность отечественной исторіи. Зато я избавлю ихъ отъ всѣхъ другихъ доказательствъ, и не стану отвѣчать, если мнѣ скажутъ: — Да помилуйте! все это такъ; но какъ же это? Несторъ!... да на чемъ онъ могъ писать? На пергаментъ? Пергаментъ извѣстенъ былъ, правда, въ Малой Азіи очень давно, и привозился въ Византию: но у насъ?... И притомъ, чѣмъ Несторъ могъ писать? Стилемъ, которые употреблялись у древнихъ! Но гдѣ эти стили? Гдѣ современное свидѣтельство, дурюша, то чему вѣрить Исторія, объ ихъ употребленіи? Ихъ не осталось какъ и мордокъ кунныхъ. Перомъ! Но перья когда вошли въ употребленіе? Шубертъ, академикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и ученый человекъ, написалъ диссертацию о гусиныхъ перьяхъ: прочитайте ее, вы увидите, что перья никакъ не могли быть при Несторѣ. На все нужно матеріалы. Гдѣ ихъ взять? А чернильные орѣшки!.... Кто умѣлъ употреблять ихъ? Вѣдь это все признаки высокаго гражданскаго образованія. Какое же образованіе было у насъ тогда? Мракъ, дичь, кое-гдѣ свѣтитъ писатель иностранный, и то въ XIV столѣтіи. Ну, притомъ, когда Несторъ могъ писать? Все время у него было занято молитвою, присутствіемъ въ церкви, пѣніемъ. Онъ былъ человекъ обзанный службой. Когда было ему заирать справки, необходимыя при

всякомъ ученѣмъ сочиненіи? И сколько вопросовъ еще является здѣсь! Гдѣ онъ могъ писать? Ему безпрестанно мѣшали днемъ; а ночью, — ну ночью потемки! Судите сами: развѣ при трескучей лучинѣ, какъ Исландскіе сказочники? Да еще вотъ что: по всѣмъ вѣроятностямъ такими житейскими дѣлами заниматься чуть-ли позволялось тогда. Развѣ украдкой. Какъ онъ могъ брать на себя такую отвѣтственность! Нѣтъ, воля ваша, какъ вы себѣ хотите, а Несторъ не могъ писать лѣтописи; это не въ порядкѣ вещей; это несообразно со всѣмъ, что мы знаемъ о ходѣ образованія у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Лѣтопись не принадлежитъ ему. И для чего ему писать? Это поддѣлка, сказка, исторія!

Возраженія эти, особенно нѣкоторыя изъ нихъ, очень сильны!

ПОГОДИНЪ.

К Ю В Ъ Е.

=

Когда смерть прекращаетъ усилія людей возвышенныхъ, которыхъ самое это возвышеніе подвергаетъ часто неосновательнымъ толкамъ, тогда долгъ остающихся въ живыхъ — устремить все свое вниманіе на ихъ раннюю дѣятельность, на произведенія ихъ зрѣлыхъ лѣтъ, на мысли и надежды, оживлявшія ихъ до самой кончины. Это одна изъ поучительнѣйшихъ минутъ для человѣчества. Видъ могучей тѣни генія, только-что сбросившаго съ себя тлѣнную плоть въ могилу и еще стоящаго передъ лицомъ того же общества, которое такъ недавно освѣщалъ онъ своими лучами, поражаетъ насъ невольнымъ благоговѣніемъ къ святынь нашей природы, а разсмотрѣніе судебъ его бываетъ для сердца источникомъ длиннаго и сладкаго утѣшенія. Попытаемся изобразить на этихъ страницахъ жизнь и дѣянія одного изъ величайшихъ умовъ нашего времени *.

Кювье родился въ Монбслярѣ, или Мюмпельгартѣ, который былъ тогда главнымъ городомъ княжества, принадлежавшаго герцогамъ Виртембергскимъ. Родители его были очень небогаты: отецъ, уволенный послѣ сорокалѣтней службы офицеромъ съ половинною пенсіею, не могъ дать сыну инаго образованія, кромѣ того, какое обыкновенно получается въ областномъ училищѣ. Пятидесяти лѣтъ женился онъ на

* Основаніемъ этому очерку служатъ три академическія похвальные слова, произнесенныя Гг. Лорильяромъ, Наризѣ и Фураномъ, — *Eloges du baron Georges Cuvier, etc.*, 1833 — 1835; — *Noticé historique sur les ouvrages de M. le baron Cuvier, par G. S. Duvernoy*, 1834; — и *Mémoires sur le baron Cuvrèr, etc.*, par mistress Lee, 1833.

молодой и прекраснѣйшей женщины, которая сдѣлалась матерью Жоржа Кювье и мѣляла его дѣтскіе годы съ нѣжною и разсудительною заботливостію. Ея болѣе нежели материнскія попеченія съ умственнымъ развитіемъ сына дають намъ право подкрѣпить примѣромъ Кювье ту извѣстную истину, что многіе отличные люди обязаны были значительною частію своего величія образованности и характеру умныхъ матерей. Исторія представляетъ множество подобныхъ примѣровъ, и это обстоятельство дѣлается еще любопытнѣе, когда сведемъ его съ другимъ, равномѣрно дознаннымъ фактомъ, что дѣти великихъ людей рѣдко отличались блестящими достоинствами, и были или слабоваты умомъ или скороспѣлы, но притомъ хили сложеніемъ. Можно объяснить это физиологически: потомство людей, достигшихъ славы многотрудными путями, измученныхъ славою, необходимо должно быть несовершенной организаціи. Какъ бы то ни было, мать Кювье достойна была такого сына. Онъ былъ чрезвычайно прилеженъ и смѣшленъ, и на десятомъ году возраста не только читалъ Бюффона съ наслажденіемъ, но очень вѣрно срисовывалъ всѣ картинки и раскрашивалъ ихъ по его описанію. До самаго конца жизни, Кювье сохранялъ нѣжную привязанность къ своей матери: великому философу и утомленному дѣлами министру нельзя было сдѣлать большаго удовольствія, какъ поставивъ къ нему въ комнату тѣ цвѣты, которые она приучила его любить въ младенчествѣ.

Несправедливость, оказанная его отроческимъ достоинствамъ, заставила его удалиться изъ Тюбингена, гдѣ онъ началъ было свое ученіе, и вмѣстѣ оставить намѣреніе посвятить себя духовному званію, къ которому его предназначали. Ему посчастливилось опредѣлиться въ Каролинское Училище, Carlsschule, прѣдлавленное образованіемъ Шиллера и Деннекера

и состоявшее тогда подъ особеннымъ покровительствомъ герцога Карла Виртембергскаго, который былъ его основателемъ. Этотъ принцъ, сперва подражавшій роскоши Лудовика XIV, потомъ посвятилъ большую часть времени успѣхамъ воспитанія, и основалъ въ Штутгардѣ заведеніе, которое хотя и называлось «Военнымъ училищемъ» и было подчинено нѣкотораго рода военному уставу, однако жъ дѣйствительно сдѣлалось для Германіи разсадникомъ гражданскихъ сановниковъ, государственныхъ людей и даже тѣхъ великихъ представителей умственной силы нашего рода, которыхъ слава затмѣваетъ наконецъ всѣ славы и одна остается на землѣ, когда всѣ другія величія уже занесены пескомъ забвенія. Три генія, — Поэзіи, Естественной Философіи и Скульптурѣ, вышли изъ этого училища. Дарованія молодаго Кювье, или лучше, необъятныя его способности, имѣли здѣсь случай развернуться въ изученіи множества предметовъ, общественной и политической экономіи, и ему-то обязанъ онъ тѣмъ, что, неся впоследствии столько разныхъ обязанностей, отличался во всѣхъ основательнымъ знаніемъ дѣла. Однако жъ и въ Штутгардѣ, какъ и прежде и послѣ этого, главнымъ его занятіемъ была Естественная Исторія. Въ свободное время читалъ онъ лучшихъ авторовъ, собиралъ образцы, и рисовалъ насѣкомыхъ, птицъ и растенія.

Но судьба опять его сразила. Неправедливость удалила его изъ Тюбингена, а стѣсненныя обстоятельства семейства вынудили оставить Штутгардъ, прежде чѣмъ онъ могъ получить какое-нибудь мѣсто. Тутъ рѣшился онъ на то, что казалось товарищамъ его отчаяннымъ предпріятіемъ, — рѣшился быть надзирателемъ у сына графа Эрисси въ Нормандіи.

Какъ первое несчастіе не помѣшало развитію его дарованій, такъ и новое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ не могло обречь его бездѣйствію или неизвѣстности. На двадцать первомъ году отъ роду, будучи бѣднымъ домашнимъ наставникомъ въ заходъ Нормандіи, положилъ онъ основаніе той славы, которая должна была наполнить весь міръ. Мѣсто пребыванія графскаго семейства было не далеко отъ моря, и онъ занялся изученіемъ морскихъ животныхъ. Ископаемые остатки, находимые въ окрестности, и тогда уже не были для него только предметами простаго любопытства: онъ и тогда ожидалъ отъ нихъ краснорѣчивыхъ откровеній касательно исторіи древнихъ переворотовъ таинственной нашей планеты. Онъ сраивалъ живыя породы морскихъ животныхъ съ выкапываемыми изъ земли, и разсѣченіе каракатицы повело его къ изслѣдованію анатоміи слизняковъ. Прилежно собирая замѣчанія собственно для себя, онъ исправлялъ уже ошибки и недосмотры знаменитѣйшихъ естествоиспытателей и приводилъ въ ясность сбивчивое дотолъ распределеніе низшихъ формъ животнаго царства.

Посвятивъ себя этимъ тихимъ занятіямъ, между тѣмъ какъ вся Франція волновалась внутренними потрясеніями, Кювье удѣлялъ иногда своего вниманія обществу, составившемуся тогда въ Фекампѣ не для политическихъ преній, а для ободренія земледѣльчества. Около того же времени, именно въ концѣ 1794 года, почтенный авторъ земледѣльческихъ статей въ «Методической Энциклопедіи», чтобъ избѣгнуть грозившихъ ему преслѣдованій революціоннаго тиранизма, принялъ званіе главнаго врача въ Фекампскомъ лазаретѣ. При первой встрѣчѣ съ нимъ въ тамошнемъ обществѣ, Кювье узналъ его по сужденіямъ, и подошелъ къ нему какъ къ аббату Тессье. Тотъ перенугался, но напрасно, потому что нашелъ въ новомъ

знакомца искренняго почитателя и друга. Увидявъ его свѣдѣнія и труды, Тессье писалъ объ немъ къ славному Жюссье въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, пересланы были въ Парижъ нѣкоторыя записки Кювье, и его выбрали въ члены-корреспонденты тамошняго Общества Естественной Истории. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ переехалъ въ столицу, и скоро сдѣлался товарищемъ Г. Мертрю въ преподаваніи Сравнительной Анатоміи, которой кафедра только-что учреждена была при Ботаническомъ Саду. Тутъ поселился онъ уже навсегда, и тутъ достигъ своей безсмертности. Въ краткій промежутокъ отъ прибытія въ Парижъ до полученія мѣста, читалъ онъ въ Филоматическомъ и Естественно-историческомъ Обществахъ разсужденія свои объ анатоміи слизняковъ, насѣкомыхъ и животнорастеній. Разсужденія эти тотчасъ поставили его въ рядъ отличнѣйшихъ естествоиспытателей, и открыли ему путь къ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ занималъ потомъ съ такой честью.

«При появленіи первыхъ его сочиненій, говоритъ Г. Лорильяръ, вѣроятно никто изъ ученыхъ не воображалъ себѣ, чтобъ Зоологія могла еще прославить чье-нибудь имя. Казалось, что Линней, своимъ точнымъ и легкимъ способомъ, что Бюффонъ, своими живыми описаніями, смѣлыми видами и неслыханнымъ дотола соединеніемъ точной науки съ краснорѣчіемъ, совершенно истощили предметъ; но для чловѣка съ гениемъ Природа — неисчерпаемый рудникъ изученія, помысловъ и великихъ открытій. Приложивъ начала естественнаго способа къ распредѣленію животныхъ, Кювье, послѣ Линнея и Бюффона, прошелъ еще такое же обширное зоологическое поприще, какъ и эти два великіе чловѣка.

«До его времени, Сравнительная Анатомія, хотя и занимала Кампера, Блюменбаха, Гунтера, Добантона и Впкъд'Азира, однако жъ была изучаема почти только въ видѣ рѣдкости и какъ предметъ болѣе или менѣе остроумныхъ разсужденій. Кювье превратилъ ее въ науку, которая въ

рукахъ его сдѣлалась основаніемъ Естественной Исторіи и обильнымъ источникомъ физиологическихъ истинъ.

«Труды Соссюра, Делюка, Палласа и Вернера, казались, довели Геологію до высшей степени совершенства; но Кювье, открывъ рядъ памятниковъ, оставленныхъ живою природою во внутренности земли, создалъ новую цѣль идей въ этой наукѣ, и плодотворныя ихъ послѣдствія совершенно измѣнили характеръ ея философій.»

Труды Кювье по части Естественной Исторіи, подъятыя въ этотъ ранній періодъ его Парижской жизни, особенно замѣчательны какъ блестящіе признаки его глубокаго соображенія, отъ которыхъ самыя общепринятыя системы потряслись въ основаніи. Даже и Линнеева оказалась неточною въ первомъ классѣ и совершенно ошибочною въ классѣ насѣкомыхъ и червей, когда ее стали подводить подъ естественный способъ, уже примѣненный Жюссю къ Ботаникѣ.

Обозрѣвая поприще людей, достигшихъ послѣдовательными трудами высшихъ степеней отличія, препятствія, которыя они должны были превозмочь, видимъ мы обыкновенно сквозь блескъ настоящаго ихъ положенія, и оттого важная часть урока бываетъ потеряна для будущихъ искателей, которые, чувствуя гнѣтъ разнородныхъ трудностей и зная, что храмъ славы еще далеко на кругизнѣ, почти неприступной, забываютъ, что тѣ, чьи имена украшаютъ этотъ храмъ, ощущали нѣкогда подобныя томленія и заботы. Многіе любители Естественной Исторіи обрекаютъ себя бездѣйствию только потому, что, живя въ деревнѣ, лишены нѣкоторыхъ пособій. Этимъ людямъ слѣдуетъ припомнить, какъ много сдѣлалъ Кювье въ Нормандіи: онъ узналъ всѣхъ рыбъ тамошняго берега и всѣ раковины въ годину неизвѣстности и безденежья; нашедъ у кого-то въ Фекампѣ собраніе естественныхъ произведеній онъ тщательно срисовалъ ихъ для себя, — и это было истиннымъ основаніемъ его

будущей славы. До отъезда изъ Нормандіи онъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ животнымъ царствомъ и перечитать творенія величайшихъ естествоиспытателей со взглядомъ человѣка, предназначеннаго быть главою науки своего вѣка. Письма его изъ этого убѣжища уже заключаютъ первыя начала великихъ предначертаній, и прежде личнаго знакомства съ Парижскими натуралистами, онъ самъ собою достигъ тѣхъ глубокомысленныхъ видовъ, которыми руководствовался въ распредѣленіи низшихъ порядковъ животныхъ, наперекоръ всѣмъ господствующимъ системамъ того времени. Когда онъ явился въ Парижъ, всѣ слушали его съ удовольствіемъ и убѣжденіемъ; не было конца рукоплесканіямъ и предложеніямъ мѣсть. Но, среди этихъ торжествъ, онъ не переставалъ быть слабымъ и хворымъ: преподаваніе утомляло его, и все вело къ опасенію, что блестящее его поприще заключится преждевременно. Ктому и обстоятельства его были очень затруднительны. Собственнаго состоянія онъ не имѣлъ, а тогдашнее правительство было такъ ненадежно, что ему даже не всегда выплачивали жалованье, которымъ онъ жилъ вмѣстѣ съ престарѣлымъ отцемъ. «Не думай, писалъ онъ въ Страсбургъ къ пріятелю своему Герману, который поздравлялъ его съ выгоднымъ переселеніемъ въ Парижъ: не думай, чтобы здѣсь было намъ слишкомъ хорошо. Ботаническому Саду и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ такъ же, какъ и намъ, не выдано жалованья за цѣлый годъ, и если мы завидуемъ слонамъ, то не въ томъ, чтобы имъ лучше платили, а въ томъ, что, живучи въ долгъ, какъ и мы, они по крайней-мѣрѣ не знаютъ этого и не заботятся о своихъ кредиторахъ. Знаешь, о Французахъ говорятъ, что они поютъ пѣсни, когда у нихъ пусто въ карманѣ; а мы, ученые, какъ плохіе музыканты, вмѣсто пѣсенъ, прибѣгаемъ къ книгѣ, и оно выходитъ

то же. Повѣрь, любезный другъ, эта практическая философія стѣитъ Вольфовой или даже и Кантовой.»

Естественная Исторія можетъ справедливо назваться новозданною наукою. Великое имя Аристотеля почти одно представляется намъ въ древности, и самое зрѣлище рѣдкихъ Азіійскихъ и Африканскихъ животныхъ которыми украшались великолѣпныя торжества Рима, не возбудили въ тамошнихъ философахъ желанія изучать ихъ строеніе и свойства. Только Плиній сдѣлалъ неудачную попытку распределить животныхъ, и прочія естественныя произведенія. Должно перейти длинный рядъ вѣковъ, пока достигнешь времени Реди, Сваммердама, Листера, Вильюби (Willughby) и Рея, когда Естественная Исторія принимаетъ уже видъ систематическій. Линней еще въ молодости замыслилъ смѣлое предпріятіе вновь распределить всѣ естественныя произведенія. Геній этого челоуѣка былъ глубокъ и точенъ; онъ приступилъ къ рѣшенію великой задачи съ тѣмъ самоотверженіемъ, которое всегда должно возвышать душу людей, принимающихъ званіе истолкователей природы, и продолжалъ свои занятія вопреки многочисленнымъ и рѣдкимъ нападеніямъ противниковъ. Пользуясь трудами знаменитыхъ людей, которыхъ мы сейчасъ поименовали, онъ сообщилъ наукѣ еще правильнѣйшую форму.

Блестящій его современникъ, Бюффонъ, придалъ ей очарованіе живой фантазіи, которая облакала ея образы въ такія краснорѣчивыя и удачныя выраженія, что даже превосходная точность его преемниковъ и соперниковъ не могла не увлекаться ихъ могуществомъ. Не обладая подробной точностью Линнея, онъ постигалъ обширнѣйшія, быть-можетъ высшія общности, а недостатки, свойственные умамъ

такого рода, устранялись прилежною внимательностью сотрудника его, Добантона.

Здѣсь не мѣсто исчислять другія славныя имена, явившіяся тогда на этомъ поприщѣ: замѣтимъ только, что обшее распредѣленіе естественныхъ предметовъ, сдѣланное этими двумя учеными, было единственное, котораго всѣ держались, когда Кювье пріѣхалъ въ Парижъ, и что тихіе труды его, предшествовавшіе этому пріѣзду, уже пролагали путь новому раздѣленію, дотога поразительному своей философическою вѣрностью, что его приняли вдругъ всѣ безъ изыятія.

Случайно,—если только это былъ случай,—вниманіе Кювье въ Нормандіи обратилось именно на тѣ части Зоологін, которыя всѣхъ не лучше были изслѣдованы,—на слизняковъ, червей и животнорастенія. Всѣ они включены Линнеемъ въ классъ червей, состоящій у него изъ пяти порядковъ,—кишечныя, или глисты, слизняки, черепокожныя, животнорастенія и наливочныя. Это распредѣленіе, основанное, подобно Рееву, на различіяхъ дыхательной и кровообращательной системы, Кювье измѣнилъ существенно, основавъ свою классификацію на свойствахъ ощущенія и движенія, какъ на главнѣйшемъ отличіи животныхъ. Онъ первый показалъ близкія и общія отношенія между дыхательными органами, силами, движеніями, видомъ остова и мышцами, и между ощущеніями и пищевареніемъ: эти отношенія объемяютъ всецѣлость свойствъ животнаго царства, и введуть къ естественному его раздѣленію. Видя, что системы, основанныя на одномъ какомъ-нибудь органѣ или на явнѣйшихъ различіяхъ наружнаго вида, недостаточны для распредѣленія животныхъ по степенямъ ихъ средства, онъ примѣнилъ къ Зоологін начала естественнаго способа, тогда только введеннаго въ Ботанику и состоявшаго въ размѣщеніи фактовъ науки такимъ поряд-

комъ, чтобъ частныя положенія были подчинены общимъ, въ самой строгой постепенности, и чтобы всѣ вмѣстѣ выражали настоящія отношенія предметовъ. Такимъ образомъ, онъ доказалъ, что системы дыхательная и кровообращательная, со всѣми зависящими отъ нихъ свойствами въ разныхъ порядкахъ животныхъ, подчинены нервной, выражающей основной характеръ каждой живущей твари. Эти виды побудили Кювье, въ самомъ началѣ его поприща; выключить слизняковъ изъ класса червей, вопреки Линнею, и дать имъ первое мѣсто между безпозвоночными, на которое имѣютъ они право по высшей своей организаціи. Впослѣдствіи, замѣтивъ, что нѣкоторыя породы слизняковъ, называвшихся безразлично бѣлокровными, имѣли красную кровь и обращательную систему, онъ совокупилъ ихъ въ отдѣльный классъ кольчатыхъ, и такимъ образомъ почти на первомъ шагу исправилъ двѣ важныя ошибки своихъ предшественниковъ.

Въ 1796 году, когда онъ сдѣлалъ послѣднее изъ этихъ открытій, учрежденъ былъ Національный Институтъ, и Кювье получилъ новое мѣсто при Ботаническомъ Садѣ. Приводя въ порядокъ оброшенные музеи, которые безпрестанно обогащались предметами, доставляемыми изъ завоеванныхъ городовъ, Кювье положилъ основаніе Сравнительной Анатоміи, открылъ древнюю Зоологію, и преобразовалъ новѣйшую. Вмѣсто шести Линнеевыхъ классовъ, именно четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, насѣкомыхъ и червей, онъ установилъ четыре большіе отдѣла, — позвоночныхъ, слизняковъ, кольчатыхъ и лучистыхъ животныхъ, основываясь на измѣненіяхъ органовъ дыханія, кровообращенія и ощущенія.

Черезъ четыре года по опредѣленіи своемъ въ Ботанической Садѣ, началъ онъ «Лекціи о Сравнительной Анатоміи», и въ теченіе пяти лѣтъ неопѣненный

трудъ былъ оконченъ. Эти лекціи читалъ онъ по краткимъ запискамъ, съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ. Искусство его въ рисованіи формъ было такъ велико, и изображенія, дѣлаемыя имъ наскоро и на память, были такъ точны, что слушателямъ его казалось, будто они видятъ передъ собой самые предметы. Приготовляя эти удивительныя лекціи, въ которыхъ онъ разсматривалъ не анатомію каждаго животнаго порознь, а напротивъ каждый отдѣльный органъ въ цѣломъ ряду животныхъ, Кювье занимался и составленіемъ Музея Сравнительной Анатоміи, который всегда пребудетъ однимъ изъ славнѣйшихъ его памятниковъ. Принятый имъ способъ, изслѣдовать каждый органъ въ цѣломъ ряду животныхъ для вывода общей теоріи ихъ отправленій, проложилъ ему путь къ открытію тѣхъ фактовъ, которыми объяснилъ онъ въ послѣдствіи теорію земли. Такимъ-то образомъ достигъ онъ до важнаго заключенія, что ископаемые остатки животныхъ принадлежатъ вымершимъ породамъ, различнымъ съ нынѣ существующими; что различіе это возрастаетъ съ древностью пластовъ земли, въ которыхъ они содержатся, и составляетъ родъ хронологической таблицы самихъ пластовъ, или слоевъ.

До Кювье ни одинъ естествоиспытатель не смѣлъ приступить къ распредѣленію ископаемыхъ костей четвероногихъ, — такъ это казалось затруднительнымъ. Остатки другихъ породъ животныхъ и растительнаго царства были менѣ неполпы, и потому не столько пугали изслѣдователей. Лейбницъ доказалъ по крайней-мѣрѣ, что они принадлежатъ къ породамъ или вовсе неизвѣстнымъ, или невѣдомымъ только въ тѣхъ краяхъ, гдѣ ихъ находили, а Бюффонъ вывелъ отсюда самыя выпреннія, но слишкомъ поспѣшныя, заключенія. Кювье приступилъ къ этому важному предмету гораздо осторожнѣе, и изъ неполныхъ частей ископаемыхъ четвероногихъ успѣлъ извлечь очевидное до-

казательство раннихъ переворотовъ земной поверхности и матерьялы для ея темной, первобытной исторіи. Огромные наносы морскихъ ископаемыхъ, которые были прежде извѣстны наблюдателямъ, свидѣтельствовали только, что поверхности, гдѣ ихъ находили, были некогда дномъ океана. Открытіе ископаемаго четвероногаго въ какомъ бы то ни было пласть доказывало гораздо важнѣйшее обстоятельство, — что этотъ пласть долженствовалъ быть некогда поверхностью материка, и что слѣдственно перемѣны на земномъ шарѣ отнюдь не ограничивались однимъ стокомъ и пониженіемъ водъ. Кювье взялъ на себя рѣшеніе трудной задачи разобрать и описать, или лучше, истолковать эти остатки четвероногихъ, сохранившіеся гораздо хуже морскихъ животныхъ, и представляющіе слабый слѣдъ первобытныхъ породъ, къ которымъ они принадлежали: даже и въ полной своей сохранности они не что иное, какъ остовы животныхъ, различествовавшихъ между собою во всемъ прочемъ столько же, сколько и нынѣшнія породы. Держась одного великаго начала, — естественнаго соотношенія формъ въ органическихъ существахъ, онъ былъ увѣренъ, что при тщательномъ разсмотрѣніи каждая часть должна сдѣлаться показателемъ своего цѣлаго. Если внутренности животнаго, рассуждалъ онъ, устроены для варенія мяса и притомъ парнаго, то челюсти его должны быть таковы, чтобъ оно могло пожирать свою пищу, когти приспособлены къ хватанію и терзанію добычи, а зубы къ тому, чтобы жевать ее; все строеніе его тѣла должно быть принаровлено къ преслѣдованію и лову, всѣ органы чувствъ къ распознаванію издали. Такова общая характеристика плотоядныхъ животныхъ. Какъ общіе типы связаны съ этими общими принаровленіями, такъ и подраздѣленія ихъ должны соответствовать частнымъ устройствамъ: и поэтому наблюда-

тель, никогда не выдавший цѣлаго животнаго, можетъ опредѣлить его классъ, порядокъ, родъ и даже породу. Эти памятники невѣдомой эры земнаго шара Кювье разсматривалъ съ тѣмъ же пристальнымъ вниманіемъ, съ тою же остроумной изыскательностью, какія посвящалъ онъ животнымъ нынѣшняго міра, и такимъ образомъ опредѣлилъ каждой изъ возсозданныхъ имъ тварей принадлежащее ей мѣсто въ вѣчномъ чинѣ природы: онъ сдѣлался великимъ антикваріемъ Земли.

Изслѣдованія его увѣнчались двоякимъ успѣхомъ. Зоологія обогатилась описаніемъ ста шестидесяти восьми ископаемыхъ позвоночныхъ животныхъ, составляющихъ пятьдесятъ родовъ, изъ которыхъ пятнадцать совершенно новые. Что касается до геологическихъ его выводовъ, то вотъ какъ излагаетъ ихъ вратцъ Г. Лорильяръ:

«Такъ называемые первичные пласты, глубочайшіе пласты земной коры, на которыхъ лежатъ все прочіе, не содержатъ ни какихъ остатковъ жизни, и тѣмъ самымъ доказываютъ, что жизнь не всегда существовала на нашей планетѣ. Потому ли, что температура земли была *слишкомъ высока* для этого, или потому, что матерьялы для поддержанія органическихъ существъ не были еще готовы, но было время, когда однѣ мертвыя физическія силы дѣйствовали на сушѣ и на морѣ, гдѣ развились потомъ все чудеса организаціи».

«Не все органическія существа появились въ одно время: растенія повидимому предшествовали животнымъ; слизняки и рыбы явились до пресмыкающихся и пресмы-

* Прিবавьте смѣло — или потому что температура земли была *слишкомъ низка*? Это будь сказано только для полноты невѣдственности причинъ и отнюдь не во гнѣвъ блестящей теоріи о первобытномъ видѣ земли въ бѣлокаленномъ состояніи. На Луавъ явно нѣтъ еще органической жизни, а между-тѣмъ ничто не заставляетъ насъ думать, чтобы температура ея была высока: противное даже вѣроятнѣе.

кающіяся до тѣхъ, которыя зовемъ мы теперь млекопитающими.

«Породы, составлявшія самую древнюю животную населенность, были вдругъ истреблены, и замѣнены другими: это общее избѣненіе движущихся существъ и пересозданіе ихъ въ новомъ, совершеннѣйшемъ видѣ, повторялось нѣсколько разъ, такъ, что нынѣшнія животныя образуютъ можетъ-быть четвертое поколѣніе.

«Геологія обладаетъ наконецъ проводникомъ въ темныхъ лабиринтахъ, которыми ей должно проходить; обладаетъ новымъ способомъ опредѣлять качество пластовъ, которое иногда такъ трудно узнать черезъ химическое разложеніе или черезъ соображеніе порядка ихъ настилки.

«Едва Геологія открыла эту тайну, она тотчасъ успѣла доказать, что наслоенные пласты земнаго черепа можно раздѣлить на два разряда: одинъ образованъ прѣсными водами, другой морскими. Это различеніе, которое могло быть сдѣлано въ собственномъ смыслѣ только Геологіею, само собою повело къ доказательству другаго, не менѣе любопытнаго, факта, именно что разныя части земнаго шара были поочередно затоплены моремъ и прѣсными водами.»

Въ преслѣдованіи всѣхъ этихъ изысканій, которыми достигъ онъ такихъ важныхъ выводовъ, Кювье былъ неутомимъ до чрезвычайности. Онъ не щадилъ ни трудовъ, ни пожертвованій. Изъ огромнаго собранья ископаемыхъ остатковъ, наполняющаго цѣлую комнату въ музей Ботаническаго Сада, многія были ему подарены, но многія куплены имъ за дорогую цѣну, и всѣ безъ исключенія предоставлены публичному собранію. Окруженный этими богатствами, онъ читалъ въ нихъ тайную ихъ исторію, и чтобъ сомнѣвающимся вездѣ могли удостовѣриться въ точности его описаній и взглядовъ, онъ придумалъ дѣлать слѣпки съ главнѣйшихъ предметовъ и разсылать ихъ въ разные Европейскіе музеи, которые платили ему подобными изображеніями своихъ рѣдкостей.

Каждому, кто желает ознакомиться вполне съ пространной областью Естественной Исторіи, должно внимательно читать его превосходное введеніе къ великому труду, въ которомъ описалъ онъ ископаемые остатки бытія, — введеніе, болѣе извѣстное подъ именемъ «Разсужденія о переворотахъ земнаго шара». Здѣсь вы какъ-будто видите Кювье, приступающаго къ рѣшенію великой задачи съ полнымъ сознаниемъ ея объема и бездны дополненій, которыя будущіе изслѣдователи сдѣлаютъ къ собственнымъ его открытіямъ; но вмѣстѣ и съ увѣренностію такого человѣка, который вступаетъ въ темную, глухую сторону, тщательно приготовившись къ путешествію. Онъ съ самаго начала предполагаетъ цѣлію показать отношеніе между исторіей ископаемыхъ костей земныхъ животныхъ и теоріею самой Земли; изложить начала, по какимъ опредѣляется характеръ этихъ костей; объяснить, до какой степени породы животныхъ, которымъ онъ принадлежали, различествуютъ съ нынѣшними; опредѣлить дѣйствіе времени и климата, и такимъ образомъ доказать, что различія долженствовали быть въ винословной связи съ чрезвычайными событіями. На этихъ замѣчаніяхъ создаетъ онъ новую систему древней Земли, не дитя причудливой фантазіи, а слѣдствіе философическаго наведенія изъ фактовъ тщательно объясненныхъ, строгій выводъ, который выдержитъ повѣрку всеми священными и свѣтскими преданіями человѣка.

Отъ наблюденій надъ феноменами повсемѣстными, но описываемымъ съ особеннымъ умѣньемъ и ясностію, возводитъ онъ читателя къ самымъ страшнымъ переворотамъ, которымъ подвергалась наша планета. Онъ показываетъ, что эти перемѣны должны были быть многочисленны и внезапны, что нѣкоторыя изъ нихъ произошли до появленія живыхъ существъ на зем-

номъ шаръ, другія послъ. Разсматривая причины, нынче, измѣняющія его поверхность, онъ выводитъ, что ни одна изъ нихъ не могла произвести переворотовъ, обличаемыхъ настоящимъ его строеніемъ. Кратко обозривая прежнія теоріи, онъ обнаруживаетъ главный ихъ недостатокъ, — ощущение некоторыхъ фактовъ, неразборчивое призваніе другихъ и неизбежную за тѣмъ ложность выводовъ. Отдавая всю справедливость великимъ геологамъ, изучавшимъ минеральный характеръ земнаго шара съ такимъ удивительнымъ тщаніемъ, какъ Соссюръ и Вермеръ, онъ показываетъ, что ни одинъ изъ нихъ не опредѣлялъ ископаемыхъ органическихъ остатковъ въ разныхъ пластахъ съ надлежащей точностью, а тѣ, которые обращали на нихъ болѣе вниманія, по большой части небрегли наблюденіе общихъ законовъ ихъ мѣстности и отношенія извѣстныхъ ископаемыхъ къ извѣстнымъ пластамъ.

Дѣйствительно, для соображенія всего этого требовалась такая совокупность разныхъ отраслей знанія, какаѣ рѣдко встрѣчается въ одномъ человѣкѣ; способность обнимать почти безконечныя подробности и постигать во всей полнотѣ взаимныя ихъ отношенія; наблюдательность естествоиспытателя въ обширѣйшемъ значеніи и глубокомысліе ума самаго философскаго.

Объяснивъ важность ископаемыхъ для Геологіи, и особенно ископаемыхъ костей четвероногихъ, онъ приступаетъ къ весьма ученому изслѣдованію вѣроятностей, существуютъ ли теперь на земномъ шарѣ породы, сходныя съ тѣми, которыхъ мы имѣемъ ископаемыя кости, и не оставляетъ въ читателѣ ни какого сомнѣнія, что всѣ большія животныя Стараго Свѣта, нынче знаемыя, были извѣстны и древнимъ, и что

тъ, которыя хотя и описаны ими, но никогда не попадались новѣйшимъ, рѣшительно баснословны. Доказавъ, что всѣ большія животныя Стараго Свѣта сдѣлались скоро известными не только обитателямъ внутреннихъ земель, но и береговымъ, онъ отнимаетъ надежду, чтобъ вертепы материка Новѣйшаго Свѣта заключали еще невѣдомыя опрощныя породы, сходныя напримѣръ съ мегатеріономъ или мастодонтомъ. Такъ, говоритъ онъ, если будетъ доказано, что ископаемые остатки большихъ породъ четвероногихъ не похожи ни на одну нынѣшнюю, то не слѣдуетъ полагать, что подобныя тѣмъ вѣври скрываются еще въ пустыняхъ, а напротивъ должно допустить, что различіе происходитъ отъ какой-нибудь великой общей причины, достойной наученія.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить, что Кювье открылъ во внутренности земли нѣсколько новыхъ породъ четвероногихъ; но, въ отношеніи къ теоріи земнаго шара, и самъ онъ почиталъ гораздо важнѣйшимъ то, что ему удалось опредѣлить, — въ какихъ именно пластахъ какія находятся породы, и такимъ образомъ вывести общіе законы ихъ положенія.

Когда дѣло идетъ о слѣдахъ міра допотопнаго, тогда естественнымъ образомъ представляется вопросъ, существуютъ ли между ими какіе-нибудь остатки нашей собственной породы. Зная изъ священныхъ преданій, что человекъ жилъ на землѣ до великаго потопа, изслѣдователи видѣли съ удивленіемъ, что между множествомъ ископаемыхъ, открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, не найдено еще ни одной человеческой кости. Не отыскано также и костей обезьяньихъ, и кажется, что вся семья четверорукихъ, наравнѣ съ единственнымъ двурукимъ животнымъ, ис-

ключена изъ древности, обличаемой такимъ множественномъ другихъ остатковъ.

Въ предварительномъ разсужденіи своемъ объ ископаемыхъ, Кювье, съ свойственною ему философическою осторожностью, удостовѣряется, что дѣйствительно ни въ одномъ первичномъ пластѣ не попадались еще человѣческихъ остатковъ; что знаменитый Гарлемскій *Homo diluvii testis*, «Человѣкъ свидѣтель потопа,» былъ не что иное, какъ остатокъ животнаго, а кости, найденные на островѣ Гвадалупѣ, открыты въ новыхъ наносахъ, образовавшихся въ разсѣлинахъ утесовъ или въ пещерахъ, и не могутъ имѣть ни какихъ притязаній на допотопность. Нельзя однако жъ выводить изъ этого, чтобы человѣкъ не существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до извѣстныхъ переворотовъ, испытанныхъ землею: кости его лежатъ вѣроятно на днѣ нынѣшнихъ морей, или современемъ будутъ открыты въ Азій, колыбели его рода, когда Геологія распространитъ на эту часть свѣта свои изслѣдованія. И Моисеевы книги, и повсемѣстныя преданія народовъ согласно утверждаютъ, что человѣкъ существовалъ по-крайней-мѣрѣ до великаго потопа, и тутъ-то сила свѣтлаго ума Кювье оказала важную услугу Религіи, придавъ очевидность факта опытной науки догмату нашей Священной Исторіи, на который всего болѣе нападали враги Христіанской Вѣры. Извѣстно, съ какимъ жаромъ и торжествомъ Философія прошлаго столѣтія относилась великій потопъ за двадцать и тридцать тысячъ лѣтъ назадъ, тогда какъ вдохновенная лѣтопись нашего рода, древнѣйшее письменное свидѣтельство, какое мы имѣемъ, полагаетъ это событіе только за шесть тысячъ лѣтъ до нашего времени. Сколько ни пытайте, сколько ни спрашивайте природу, замѣчаетъ Кювье, она скажетъ вамъ то же самое, что говорить и Библія: своими физическими преданіями

ми, нынѣшнимъ состояніемъ чловѣка, его умственнымъ развитіемъ, свидѣтельствомъ всѣхъ своихъ естественныхъ произведеній, подтвердить она рѣшительно, что настоящее положеніе вещей началось не въ отдаленнѣйшую эпоху. Онъ соглашается съ Гг. Делюкомъ и Доломьё, что если есть что-нибудь достоверное въ Геологіи, такъ это измѣненіе земной поверхности великимъ и внезапнымъ переворотомъ, случившимся за пять или за шесть тысячъ лѣтъ; что тогда исчезли страны, бывшія прежде жилищемъ чловѣка и животныхъ, нынѣ извѣстныхъ; что морское дно того времени превратилось въ сушу и образовало населенныя теперь земли; что только съ той поры остатокъ чловѣческой породы сталъ распространяться по всему свѣту, соединяясь въ болѣе или менѣе многочисленныя общества, и что слѣдственно мы весьма недавніе хозяева нашей планеты. Десятки тысячъ лѣтъ, которыми поносители священныхъ преданій хотѣли считать древность чловѣка на землѣ, мечта пустая и безразсудная. Кювье полагаетъ притомъ, что и обитаемая нынѣ части земнаго шара были когда-нибудь, гораздо прежде великаго потопа, жилищемъ по-крайней-мѣрѣ земныхъ животныхъ, истребленныхъ можетъ-быть еще древнѣйшимъ наводненіемъ, и что эти земли подверглись даже не одному, а двумъ или тремъ такимъ переворотамъ, которыми уничтожено столько же поколѣній животныхъ.

Въ заключеніе труда своего Кювье говоритъ: « Не сомнѣваюсь, что, черезъ нѣсколько лѣтъ, сочиненіе, которое я теперь оканчиваю, и которому посвятилъ столько усилій, будетъ однимъ маловажнымъ очеркомъ, первымъ взглядомъ, брошеннымъ на необъятныя творенія древности. » Оно и дѣйствительно такъ. Въ вѣчной цѣпи чловѣческихъ открытій, изслѣдованія самыхъ даровитыхъ умовъ составляютъ только

звенья, ведущія къ другимъ звеньямъ, которыхъ они не успѣли достигнуть, и которыя должны тянуться черезъ всю нашу будущность. И теперь уже сдѣлалось вѣроятнымъ, что можно иначе ччитать теорію, исторію и хронологію даже первичныхъ пластовъ земли, не только послѣдующихъ. Быть-можетъ, что, относительно къ времени, предѣлы вселенной недоступны человѣческому разумѣнію: надежда постигнуть, не только выпытать, начало и конецъ такого необъятнаго предначертанія кажется несомнѣнною съ отношеніемъ ограниченности человѣческой къ безпредѣльно-вѣчному Существо; однако жъ правда и то, что человѣкъ, употребляя данныя ему на то способности, дознался хотя не многихъ фактовъ, кажущихся достоверными, и какое бы развитіе ни получила со временемъ исписанная исторія нашей планеты отъ дальнѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій, потомство никогда не забудетъ заслугъ Кювье, переведшаго столько важныхъ тайнъ съ темнаго языка этой громадной летописи.

Послѣ ископаемыхъ Кювье приступилъ къ большому сочиненію своему о рыбахъ. Мы не будемъ распространяться здѣсь объ этомъ достопримѣчательномъ трудѣ, о которомъ имѣли уже случай говорить подробно въ статьѣ «Чувства, способности и страсти рыбъ,» помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ Б. для Ч., за 1854 годъ.

Четыре главныя его произведенія, — Сравнительная Анатомія, — Ископаемые остатки, — Царство животныхъ — и Естественная исторія рыбъ, — такъ обширны и требовали такого множества изслѣдованій, что каждое изъ нихъ порознь доставило бы своему автору самое почетное мѣсто между натуралистами; но они составляютъ только малую часть удивительныхъ

трудоу этого неутомимаго челоуька. Сочиненія его такъ многочисленны и касаются такихъ разнообразныхъ предметовъ, что одинъ списокъ заглавій, помѣщенный въ его біографіи, занимаетъ нѣсколько страницъ. Мы можемъ упомянуть только о не многихъ, и въ томъ числѣ во-первыхъ объ «Анатоміи слізнякавъ», которой придавалъ онъ самъ большую важность и посвятилъ много дней и ночей. Сочиненіе это, изданное въ 1817 году, обогащено прекрасными астампами, выгравированными по его собственнымъ рисункамъ.

Въ разсужденіи своемъ о «Питаніи насѣкомыхъ,» онъ показалъ необходимость отдѣльнаго ихъ распредѣленія, и объяснилъ настоящую цѣль страннаго положенія ихъ дыхательныхъ органовъ, равно какъ и особенный образъ ихъ питанія, открывъ, что питательныя частицы, отдѣляемыя пищепріемнымъ каналомъ, непосредственно подвергаются дѣйствию атмосферическаго воздуха, достигающаго ихъ посредствомъ дышалъ, развѣтвленныхъ по всѣмъ частямъ животнаго, и такимъ образомъ дѣлаются способными къ подерживанію ихъ бытія.

Между предметами, которыми занимался онъ въ разныя времена своего поприща, должно упомянуть объ органъ голоса пѣвчихъ птицъ. Сужденіе объ этомъ въ Институтѣ подало поводъ забавному случаю. Кюуе началъ замѣчаніемъ, что физиологи никогда не будутъ несогласны между собою касательнаго механизма челоуьческаго голоса : одни считаютъ его духовымъ, другіе струннымъ инструментомъ. Но на этихъ словахъ его остановили. Одинъ бывшій тутъ знаменитый анатомъ возразилъ ему, что онъ ошибается; что это дѣло рѣшеное и что челоуьчeskій голосъ всѣми признанъ за духовой инструментъ.

Другой на томъ счелъ это величайшимъ заблужденіемъ, пустился доказывать, что органъ голоса всѣми признанъ за чистыя струны, — и такимъ образомъ, къ потѣхъ всего ученаго общества, подтвердилась какъ нельзя лучше справедливость замѣчанія Кювье.

При всей многочисленности своихъ авторскихъ занятій, Кювье былъ еще однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ людей по службѣ. Въ званіи непремѣннаго секретаря Института, онъ не только велъ журналъ еженедѣльныхъ засѣданій, но составлялъ подробные годовые отчеты и произносилъ тѣ краснорѣчивыя похвальныя слова умершимъ членамъ, гдѣ умѣлъ такъ удачно расточать сокровища своихъ разнообразныхъ свѣдѣній. Во время консульства, Наполеонъ избравъ былъ въ президенты Института, и по этому случаю имѣлъ частыя сношенія съ Кювье. Необыкновенныя его способности не могли ускользнуть отъ проницательнаго взора властителя Франціи, и кажется, что онъ удостоивалъ его полной своей довѣренности, нерѣдко возлагая на него весьма важныя особенныя порученія. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ сочинить исторію успѣховъ Естественныхъ Наукъ съ 1789 года, которая занимала его очень долго и окончена уже въ 1826 году: это безспорно драгоцѣннѣйшее прибавленіе къ незабвеннымъ трудамъ Бюффона.

Мы слегка только коснулись его публичныхъ лекцій, а онъ быть-можетъ не менѣ прочихъ занятій требовали ученой дѣятельности, не говоря ужъ объ особенныхъ дарованіяхъ преподавателя. Гдѣ бы и о чемъ бы онъ ни читалъ, — въ Пантеонѣ ли объ Естественной Исторіи, въ Ботаническомъ Садѣ о Сравнительной Анатоміи, въ Collège de France объ исторіи Естественныхъ Наукъ, въ Лицеѣ или въ Атенеѣ о пред-

метахъ, избранныхъ для утонченнѣйшаго круга слушателей, привыкшихъ къ нарядному изложенію Лагарпа, — ни въ чемъ не былъ онъ поверхностенъ, никогда не наводилъ скуки. Его обширное разуміе какъ-будто сообщалось на ту пору слушателямъ, и, безъ малѣйшаго утомленія, онъ постепенно возводилъ ихъ къ самымъ высшимъ взглядамъ на предметы.

Въ 1802 году былъ онъ назначенъ однимъ изъ шести главныхъ инспекторовъ надъ чтеніями, а въ 1808 совѣтникомъ императорскаго университета; въ 1809 и 1810 годахъ ему поручено было преобразование академій въ Итальянскихъ областяхъ, присоединенныхъ тогда къ Французской имперіи; въ 1811 онъ осматривалъ учебныя заведенія въ Голландіи и Нижней Германіи, и наконецъ въ 1813, несмотря на протестантское его вѣроисповѣданіе, посланъ былъ въ Церковную Область для устроенія тамошнихъ училищъ по Французскому образцу. Тутъ пожаловалъ его Наполеонъ въ рекетмейстеры государственнаго совѣта. По восстановленіи Бурбоновъ, Кювье былъ назначенъ председателемъ комисіи народнаго просвѣщенія. Вскорѣ потомъ Лудовикъ XVIII наименовалъ его и членомъ совѣта, и онъ долженъ былъ принять важное участіе въ государственномъ управленіи по званію председателя въ комитетъ внутреннихъ дѣлъ. Разумѣется, что и онъ, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, подвергался толкамъ и нересудамъ Парижскихъ котерій и партій: но возможно ли, чтобъ такой человекъ, какъ Кювье, не отличался и на этомъ поприщѣ свойственнымъ ему глубокомысліемъ, чистотою намѣреній, любовію къ порядку и справедливости? Въ 1832 году нынѣшній король пожаловалъ его въ перы, и онъ нѣсколько разъ говорилъ въ палатѣ съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчіемъ.

Таковъ краткій обзоръ общественной его дѣятельности. Что касается до подробностей частной жизни, то для изображенія ихъ мы позволимъ себѣ заимствовать слова человѣка, бывшаго къ нему въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, Г. Дювернуа.

«Кювье, говоритъ онъ, никогда не бывалъ безъ дѣла; онъ не давалъ уму своему инаго успокоенія, кромѣ какъ во снѣ; единственное отдохновеніе, которое онъ позволялъ себѣ, заключалось въ томъ, чтобъ переходить отъ одного занятія къ другому. Въ продолженіе частыхъ городскихъ выѣздовъ, и еще болѣе въ дальнихъ путешествіяхъ, онъ читалъ и даже писалъ въ каретѣ, гдѣ для большаго удобства зажигалась у него лампа. Ни одинъ авторъ не написалъ столько оригинальныхъ произведеній въ такое короткое время.

«Онъ вставалъ часу въ девятомъ утра, занимался съ полчаса или съ часъ до завтрака, за которымъ пробѣгалъ двѣ или три газеты, не оставляя притомъ и общаго разговора. Потомъ онъ принималъ тѣхъ, кто желалъ съ нимъ говорить, и выѣзжалъ не позже одиннадцати, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ государственный совѣтъ, а по средамъ и пятницамъ въ университетъ. Въ понедѣльникъ, день институтскихъ засѣданій, утро его длилось до полудня и даже до часу. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ онъ возвращался домой обыкновенно только къ обѣду, но если пріѣзжалъ хоть четверть - часа ранѣе, немедленно садился за какое-нибудь учебное сочиненіе, прерванное наканунѣ. Изъ всѣхъ его великихъ свойствъ особенно удивляла меня эта готовность переносить такъ часто всю полноту вниманія съ одного предмета на другой.

«Обѣдалъ онъ часу въ седьмомъ, и если не выѣзжалъ вечеромъ, то удалялся тотчасъ въ свой кабинетъ и работалъ тамъ часовъ до десяти или до одиннадцати: отъ одиннадцати до двѣнадцати ему читали какую-нибудь литературную или историческую книгу.

«Такимъ образомъ онъ только по воскресеньямъ могъ

проводить целый день за одним дѣломъ, и нельзя вообразить, сколько книгъ, дѣловыхъ записокъ, отчетовъ и историческихъ извѣстій успѣвалъ онъ писать въ этотъ день, который для многихъ составляетъ эпоху праздности и разсѣянія, и который онъ особенно посвящалъ тому, чтобы открывать передъ свѣтомъ невѣдомыя чудеса творенія.»

Эта умственная и многотрудная жизнь быть-можетъ и имѣла вліяніе на его здоровье; но по-крайней-мѣрѣ видъ его въ послѣдніе годы не обличалъ ни какой слабости. Должно замѣтить, что онъ еще подвергся одному изъ тѣхъ испытаній, которыя состариваютъ человѣка пуце лѣтъ и занятій: единственная, молодая, прекрасная и нѣжно любимая имъ дочь умерла чахоткою скоро послѣ замужества. Такой ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ, и быть-можетъ Кюве никогда не оправлялся вполне отъ его дѣйствій. Въ расположеніи его духа, въ пріемахъ, во всей наружности, замѣтно было съ тѣхъ поръ что-то особенное. Однако жъ это не помѣшало его занятіямъ. Еще передъ самымъ началомъ послѣдней болѣзни, читалъ онъ во Французской Коллегіи прекрасную лекцію объ успѣхѣ наукъ естественныхъ съ первоначальнаго образованія обществъ.

«Вести умъ человѣческой, — мы заимствуемъ собственные слова Кюве, — къ его высокому предназначенію, познанію истины; разсѣвать во всѣхъ сословіяхъ здравья и общепользныя понятія; извлекать людей изъ подъ ига страсти и предразсудковъ, вотъ существенная цѣль науки», цѣль, которая вполне можетъ быть достигнута одними только правительствами, но которая ожидаетъ и частныхъ усилій ученаго, обѣщая ему за то истинную славу. Погруженный въ этотъ великій предметъ, Кюве жилъ только для труда и изученія; онъ занимался имъ даже въ то время,

когда параличъ наложилъ на него свинцовую руку, и, оставивъ благородный умъ его еще нѣсколько дней неприкосновеннымъ, наконецъ тихо угасилъ въ немъ послѣдній остатокъ жизни. Кювье предался неизбѣжному закону Провидѣнія съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ обыкновенно размышлялъ о мудрыхъ предначертаніяхъ Его въ устройствѣ природы.

=

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО

ВО ФРАНЦІЮ И ИСПАНІЮ

1687 ГОДА.

=

Императоръ Римскій Леопольдъ I склонялъ Русскій дворъ къ союзу съ нимъ противъ Турокъ, которые едва-было не взяли его столицы, Вѣны; но старанія его не имѣли успѣха, и причиною тому было несогласіе Польской республики на удовлетвореніе требованій Россіи. Въ послѣдствіе времени, императоръ склонилъ и короля и республику заключить съ Россіею вѣчный миръ, уступивъ ей Кіевъ, Смоленскъ и нѣкоторые другіе города, а съ нимъ войти въ союзъ противъ невѣрныхъ. Республика согласилась на это тѣмъ легче, что въ 1676 году принуждена была уступить Портѣ важную Каменецкую крѣпость. Въ договорѣ между императоромъ и королемъ положено было, между прочимъ, чтобы обѣ стороны старались склонить къ союзу и Русскихъ государей.

Вѣчный миръ Россіи съ Польшею заключенъ 26 апрѣля 1686 года, а потомъ постановленъ съ нею же, въ пользу Австріи, оборонительный и наступательный союзъ противъ Турокъ, и сверхъ того положено послать посольство въ Англію, Францію, Испанію, Голландію и Данію, съ предложеніемъ вступить въ союзъ, — что Русскій дворъ принялъ на себя.

Тогда отправлены въ Вѣну посланники, — бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и ближній окольничій Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, который изъ Вѣны долженъ былъ проѣхать въ Венецію. Какъ импе-

раторъ такъ и Венеціанская республика приступили къ союзу.

По возвращеніи боярина Шереметева отправлены были послами — въ Англію, Василій Семеновичъ Подсвишковъ; во Францію и Испанію, ближній стольникъ князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій и стольникъ князь Яковъ Ѳимьевичъ Мышецкій; въ Голландію, дьякъ Василій Постниковъ; въ Данію, дьякъ Любимъ Домнинъ; въ Швецію и Бранденбургію, дьякъ Борисъ Протасовъ.

Потомъ многочисленная Русская армія, подъ начальствомъ князя Василя Васильевича Голицына, вступила въ Крымъ, и тѣмъ разрушила весьма опасный для императора союзъ, заключенный въ Адрианополь между Крымскимъ ханомъ, Франціею и Трансильванскимъ княземъ Текеліемъ, котораго Франція обязалась снабдить искусными офицерами и деньгами. Но для Россіи война эта не имѣла ни какой пользы: Татары выжгли на двѣсти верстъ Крымскія степи, и Русское войско принуждено было возвратиться ни съ чѣмъ въ свои границы.

Описанія этихъ посольствъ до сего времени еще не напечатаны. Одинъ почтенный любитель отечественной исторіи сообщилъ намъ копію съ любопытнаго во многихъ отношеніяхъ статейнаго списка посольства князей Долгорукова и Мышецкаго, и мы сдѣлаемъ изъ нея выписку, сохраняя, по возможности, подлинныя выраженія пословъ.

«Въ лѣто 1687 февраля 1, Великіе Государи Цари и
«Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алек-
«сѣевичъ, и Великая Государыня Царевна и Великая
«Княжна Софія Алексѣевна, вельми ближнему столь-
«нику и намѣстнику Симбирскому князю Якову Ѳело-
«ровичу Долгорукову, стольнику и намѣстнику Бол-
«говскому князю Якову Ѳимьевичу Мышецкому и
«дьяку Кириллу Алексѣеву, ѣхать для своихъ государ-

«скихъ дѣлъ къ королямъ Французскому Людовику и Шпанскому Карлусу въ великѣхъ и полномочныхъ послѣхъ.»

Въ посольской свитѣ были — у князя Долгорукова, три стольника, три стряпчихъ и Сибирянинъ Михаилъ Романовъ сынъ Кушиниковъ; у князя Мышецкаго, три жильца; у дьяка, одинъ жилецъ; при посольствѣ для перевода Нѣмецкихъ и Латинскихъ писемъ Товія Мейснеръ, и для письма трое подъячихъ. Посламъ велѣно ѣхать на Великій Новгородъ, Псковъ и Ригу, а оттуда моремъ до Франціи. О вспомога-тельствѣ въ проѣздѣ разными государствами посланы съ ними провѣзжія грамматы за *отворчатыми* печатями.

Послы отправились 26 февраля. Изъ Пскова ссылались они съ Рижскимъ генераль-губернаторомъ о приѣмъ посольства съ надлежащею честію, что и было сдѣлано: при въездѣ ихъ въ городъ стрѣляли изъ пушекъ, а на дворѣ у нихъ поставленъ былъ караулъ. Въ Ригѣ наняли они корабль до Французскаго города Калиса (Calais) за шестьсотъ сѣмковъ, и отправились 13 мая. Но они не могли понасть въ этотъ городъ, боясь «Турецкихъ» корсаровъ, которые въ то время тутъ бродили и захватили многіе Голландскіе корабли: послы узнали объ этомъ, не доѣзжая Калиса двадцать пять миль, и какъ корабль ихъ былъ купеческій, безъ пушекъ, то принуждены были войти въ рѣку Маасъ и пристать къ городу Брилю. Здѣсь пробыли они на своемъ кораблѣ до 17 іюня. Въ этотъ день почтарь изъ города Ротердама привезъ имъ посланную изъ Посольскаго Приказа царскую граммату къ Испанскому королю о помощи денежною казною противъ Турокъ.

Узнавъ въ Бриль, что до Французскаго города Дюнкерка можно доѣхать прокопными рѣками (кана-

лами), послы нашла четыре шкуты, и прибыли на нихъ въ Голландскій городъ Шлюсъ, порубежный съ Фляндскою землею Испанскаго владѣнія, гдѣ наняли другія суда. Они пріѣхали 25 іюня въ Фляндскій городъ Брыгинъ. Здѣсь послали они къ генераль-губернатору сказать, что ѣдутъ посольствомъ къ его королю, и просили его дать имъ до Французскаго порубежнаго города суда или подводы, но получили въ отвѣтъ, что прошенія ихъ нельзя исполнить безъ особаго королевскаго повелѣнія. Несмотря на то, генераль-губернаторъ былъ у нихъ съ визитомъ.

Въ городъ Брыгинъ послы получили донесеніе отъ гонца Никиты Бехтѣева, который по указу Царскаго Величества былъ отправленъ къ королямъ Французскому и Испанскому. Онъ доносилъ имъ, что въ Парижъ прибылъ 10 іюня, и получилъ королевское повелѣніе быть на пріѣздѣ (аудіенціи) въ Версалію, а между-тѣмъ отдать царскую грамоту министру посольскихъ дѣлъ, который, прочитавъ ее, доложитъ королю, и, «ежели доведется, то король вселитъ ему, Бехтѣеву, видѣть свои очи.» Бехтѣевъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ. Послѣ долгаго спора, ему сказали, что, ежели онъ грамоты не отдастъ, король вселитъ отвезти его на границу, откуда онъ пріѣхалъ. Но какъ и за тѣмъ онъ не хотѣлъ исполнить ихъ требованія, то его отвезли на границу, откуда онъ пріѣхалъ въ Голландскій городъ Филиппинъ, гдѣ и остановился.

Послы отправили къ нему подъячаго сказать, чтобы онъ въ точности поступилъ по тому наказу, каковъ ему данъ изъ Посольскаго Приказа. Бехтѣевъ, получивъ это повелѣніе, нанялъ подводы и поѣхалъ обратно въ Парижъ, потому что дорога въ Испанію шла черезъ этотъ городъ.

Нацѣвъ въ Брыгинѣ повозки, послы прїѣхали во Фландрскій городъ Нипортъ, а отсюда на судахъ отправились до Дюнкерка; не добхавъ за милю, послали они къ тамошнему интенданту стольника съ переводчикомъ объявить о своемъ прїѣздѣ и просить о прїемѣ, по обычаю, и отправленїи въ Парижъ немедленно. Интендантъ отвѣчалъ, что приметъ ихъ со всякою достойною честїю; но отпустить въ Парижъ, безъ указа своего государя, не смѣетъ, а будетъ писать о томъ. Интендантъ самъ прїѣхалъ къ посламъ съ каретами, спрашивалъ ихъ о здоровьѣ, и перевезъ ихъ въ городъ, гдѣ встрѣчали ихъ пѣхотные полки.

Юля 1 явились къ посламъ присланные отъ короля приставъ Юна Шторфъ и мушкетеръ Елизарїй Кро, и говорили, что король, узнавъ объ ихъ прїѣздѣ, приказалъ ихъ спросить, «не для какова ль упрямства они прїѣхали и не будутъ ли въ чемъ противны воля Его Величества.» Послы отвѣчали, что столь странное вопрошенїе «зѣло ихъ удивляетъ, понеже они чрезъ обыкновенный чинъ посольства присланы отъ Великихъ своихъ Государей къ Его Королевскому Величеству для любленїя между ими и для общихъ ихъ государскихъ дѣлъ, а не для какого противленїя, и что прежнимъ Царскаго Величества къ королю Французскому посланникамъ необыкновенныхъ вопросовъ не чинено.» Приставъ сказалъ, что онъ будетъ писать о томъ къ королю; потомъ потребовалъ отъ нихъ списка съ проѣзжей грамматы и росписи находящимся при послахъ дворянамъ и прочимъ чинамъ, что послы и исполнили.

Юля 8 приставъ объявилъ посламъ, что король приказалъ ему принять ихъ и ѣхать съ ними въ Парижъ. Черезъ два дня прислано изъ Парижа десять каретъ, и подъ людей верховыя лошади, а подъ рухлядъ телѣги.

Изъ Дюнкерка выѣхали они 12 іюля, и ѣхали на Сентнанъ (St-Aignan), Долянь, Амгенъ и Булонь: вездѣ встрѣчали ихъ съ пушечною пальбою. О пріѣздѣ ихъ въ Дюнкеркъ и отправленіи въ Парижъ донесли они Государямъ черезъ почту. Іюля 17 посольство прибыло «на подходій станъ» въ мѣстечко Св. Діонисія, откуда приставъ поѣхалъ къ королю, и на другой день возвратясь сказалъ, что онъ короля не видалъ, потому что Его Величество поѣхалъ въ мѣстечко Монтеного, а съ нимъ и посольскихъ дѣлъ министръ Крусиць; но что онъ о пріѣздѣ пословъ писалъ и ожидаетъ королевскаго возвращенія въ Версалию къ 22 іюля. Того же числа пріѣзжалъ къ посламъ изъ Парижа гонецъ Бехтѣевъ, и говорилъ, что онъ долгое время домогался видѣть королевскія очи и вручить грамоту, но ему велятъ явиться къ министру посольскихъ дѣлъ и ѣхать въ Версалию въ наемной каретѣ, а королевской не даютъ.

Послы говорили приставу: почему такъ поступаютъ съ Бехтѣевымъ въ умаленіе братской любви между ихъ государями? Они просили доложить королю, чтобы Его Величество дозволилъ ему видѣть свои очи и царскую грамоту принялъ самъ. Черезъ нѣсколько дней приставъ объявилъ имъ, что о словахъ ихъ онъ доложилъ королю, но Его Величество и слышать о томъ не хочетъ.

Іюля 22 пріѣхали къ посламъ «мастеръ церемоній», Боцелій, и товарищъ его Жиро, и королевскимъ именемъ спрашивали ихъ о здоровьѣ, объявивъ, что Его Величество велѣлъ принять ихъ въ Парижъ 24, а на пріѣздѣ (пріемной аудіенціи) быть имъ 26 числа; но притомъ указалъ, чтобы они предварительно были у министра Кольберта и объявили ему дѣла, которыя съ ними отъ Царскаго Величества наказаны, послѣ чего шли бы къ королю. Послы отвѣчали, что они не только этого сдѣлать, но и мыслить о томъ не могутъ, по-

тому что они отъ своихъ государей посланы къ королю, которому и должны прежде «править посольство» и подать грамоту, послѣ чего уже готовы быть въ отвѣтъ, съ кѣмъ король прикажетъ, а прежде нежели увидятъ королевскія очи, они ни у кого быть не могутъ, «потому-де, что ни въ которомъ изъ окрестныхъ, не токмо христіанскихъ, но и босурманскихъ государствъ, не водится того, къ чему ихъ нынѣ принуждаютъ, да и прежде присланнымъ отъ ихъ Царскихъ Величествъ посланникамъ таковыхъ необыкновенныхъ дѣлъ не чинено.» На это мастеръ церемоній сказалъ, будто прежніе Русскіе послы дѣлали это, «а хотя бѣ-де и не дѣлали, то государь его въ волю своей самовластенъ, въ которое время какъ изволитъ, такъ и чинить,» и при дворѣ его всѣхъ государствъ послы, до представленія посольства, бывають у посольскаго министра. Несмотря на то, послы твердо стояли въ своемъ, и мастеръ церемоній наконецъ сказалъ, что онъ донесетъ о томъ королю, «только-де напередъ говорить, что Его Величество сказаннаго объявленія своего никогда не отмѣнитъ.»

Юля 24 приставъ сказалъ посламъ, что король велѣлъ объявить имъ, чтобы они указу его не противили, потому что и прежніе Русскіе послы дѣлали то же, что все записано въ канцеляріи, и въ увѣреніе этого король дастъ имъ письмо за своей подписью. Послы отвѣчали, что такого требованія они никогда не исполнять; что прежніе Русскіе послы къ министру до представленія посольства не хаживали, и что если бы это было такъ, оно было бы извѣстно, и потому и письма за королевскою подписью брать имъ не для чего. На другой день маstra церемоній, пріѣхавъ къ посламъ, объявили, что король своего намѣренія не оставляетъ, и что, если они повелѣнія его не исполнять, Его Величество приказалъ отнять отъ нихъ пристава, караулъ и все принадлежащее къ посольству.

Послы отвѣчали, что въ этомъ воля Его Величества; но имъ никогда и на мысль не придетъ выполнить такія несносныя и трудныя предложенія, «какихъ напередъ сего не бывало, и что они просятъ, чтобы тѣ трудности приказалъ отставить».

Юля 26 мастра церемоній объявили, что король, желая быть съ Русскими Государями въ братской дружбѣ и любви, прежнее свое повелѣніе отмѣнилъ, и велѣлъ принять ихъ въ Парижъ 30 іюля, а посольство править въ Версалии 2 августа. Сверхъ того мастра сказали, что для приѣма ихъ придетъ первый маршалокъ и адмиралъ Детрій, и съ нимъ королевская карета, въ которую сядетъ первый посолъ, по лѣвую у него сторону маршалокъ, а противъ ихъ мастеръ церемоній и приставъ. Въ другой, Дофиновой каретѣ поѣдетъ второй посолъ и дьякъ, а съ ними товарищъ мастера церемоній. Послы сказали, что они отъ своихъ Государей присланы вмѣстѣ, и должны ѣхать вмѣстѣ же въ одной каретѣ; но получили въ отвѣтъ, что во Франціи, обыкновенно, всѣхъ христіанскихъ государей только одинъ посолъ сидитъ въ первой каретѣ, и съ нимъ маршалокъ.

Юля 30 пріѣхалъ адмиралъ съ каретами, и послы, «убрався по посольскому обычаю», отправились описаннымъ порядкомъ. Свита ихъ ѣхала въ другихъ каретахъ, а люди верхомъ. По дорогѣ до Парижа было великое множество любопытныхъ въ каретахъ и на лошадяхъ; также и въ городѣ по улицамъ, которыми они ѣхали. Въ Парижъ поставили ихъ на посольскій дворъ, и три дня готовился для нихъ столъ; подчивалъ ихъ маршалокъ Шарлетъ со многими чиновными дворовыми людьми.

Августа 1, мастра церемоній сказали посламъ, что король приметъ ихъ въ Версалии втораго числа, и того же дня должны они «быть въ отвѣтъ» съ министромъ посольскихъ дѣлъ Кольбертомъ; только-де его

Величество указалъ, что бы они трубъ, литавръ и людямъ сабель имѣть не велѣли. Послы отвѣчали, что первыя двѣ статьи они выполнять; но что касается до третьей, то «такого необыкновеннаго объявленія и безчестія ни въ которомъ государствѣ не только полномочнымъ посламъ, но и посланникамъ не чинится.» На это мастеръ церемоній сказалъ, что государь ихъ въ волю своей самовластень, и что пока послы ея не выполнять, до тѣхъ поръ имъ «на прїѣздъ не быть.» Послѣ многихъ споровъ послы уступили; но просили донести королю, чтобы во время представленія ихъ посольства у короля не было ни какихъ другихъ пословъ, посланниковъ и гонцевъ, Мастеръ церемоній увѣрилъ ихъ, что желаніе ихъ будетъ выполнено.

Августа 2, прїѣхали первый маршалокъ Детрій и мастеръ церемоній съ своимъ товарищемъ, и послы отправились прежнимъ порядкомъ. Въ Версаліи передъдворцемъ стояли на площади на стойкѣ (въ парадѣ) строемъ Швейцарскіе пѣхотные полки. Водворцѣ, ввели ихъ въ посольскія палаты, гдѣ они, «убрався по посольскому обычаю», пошли къ королю. Впереди ихъ, подъячій Волковъ несъ царскую грамоту. Пословъ провожали тотъ же маршалокъ, мастра церемоній и приставъ. У королевскаго крыльца встрѣтилъ ихъ мастеръ церемоній Бленвиль, и пошелъ передъ ними, а у первой королевской комнаты, маршалокъ Люскарбокъ (Luxembourg), который пошелъ также передъ ними. На королевскомъ крыльцѣ стояла его гвардія «съ протазаны, а въ палатахъ съ протазаны и съ карабины.» Король, при входѣ пословъ, всталъ, а они, поклонясь и подступивъ къ мѣсту, «правили отъ Великихъ Государей поздравленіе Его Величеству»: рѣчь говорилъ князь Долгорукій. По окончаніи рѣчи, король вставъ, снялъ шляпу, и сказалъ: «Желаю слышати о здравіи братьей

нашихъ, Великихъ Государей, Ихъ Царскаго Величества, и о счастливомъ ихъ государствованіи.» Послы говорили: «Какъ мы поѣхали отъ братій вашихъ, пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ Великихъ Государей, отъ Ихъ Царскаго Величества, и Божіею милостію пресвѣтлѣйшіе, державнѣйшіе Великіе Государи наши, Цари и Великіе Князи, на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, Россійскаго царствія престолъ, въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, въ добромъ здравіи пребываютъ.» Потомъ, первый посолъ, сказавъ, что Ихъ Царское Величество прислала къ его Королевскому Величеству, брату своему, любительную свою грамоту: онъ взялъ ее у дьяка, и поднесъ королю, который принялъ ее, «вставъ и шляпу снявъ.» Тутъ послы говорили рѣчь, которую началъ первый изъ нихъ. Въ 1684 году, изъяснялъ онъ, цесарь Римскій прислалъ къ Ихъ Царскимъ Величествамъ полномочныхъ пословъ своихъ, Ягана Христофора вольнаго барона Эжирова (изъ Жирова) Жировскаго, да Савостьяна вольнаго жъ барона Зблемберга (De Blemberg), которые, по отправленіи посольства, въ разговорахъ съ ближними боярами, предлагали о обновленіи между ихъ государями братской дружбы и любви, и о учиненіи союза между цесаремъ и королемъ Польскимъ противъ Турецкаго султана и Крымскаго хана. Ближніе бояре сказали имъ, что Ихъ Царскія Величества этого желаютъ, но что они, цесарскіе послы, должны сдѣлать прежде договоръ и совершить постановленіе о вѣчномъ мирѣ между Ихъ Царскимъ Величествомъ и королемъ Польскимъ, а потомъ уже приступить къ разсужденію о союзѣ противъ невѣрныхъ, «понеже тотъ союзъ безъ вѣчнаго мира быти не можетъ.» Австрійскіе послы сказали, что на это они не имѣютъ полномочія, но донесутъ своему государю, съ чѣмъ и отправились изъ Москвы.

Вторый посолъ продолжалъ: «Въ 1686 году король Польскій прислалъ полномочныхъ своихъ пословъ, Христофора Гримултовскаго, воеводу Познаньскаго, и Марціана Александра князя съ Козельска Огинскаго, канцлера великаго княжества Литовскаго, съ товарищи, которые по отправленіи посольства, въ разговорахъ съ ближними боярами, предлагали, что государь ихъ желаетъ быть съ Ихъ Царскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви паче прежняго, и учинить вѣчный миръ и союзъ на враговъ имени Христова, — о чемъ также съ тѣми же послами писали къ Ихъ Царскому Величеству и Ваше Королевское Величество, и Курфирсть Бранденбургскій, да князь и сенатъ Венеційскій: въ слѣдствіе чего, Ихъ Царское Величество, по желанію Римскаго императора и Вашего Королевскаго Величества, взяли съ королемъ Польскимъ вѣчный миръ и союзъ на общаго врага.»

Дьякъ присовокупилъ: «И тотъ вѣчный миръ и союзъ Ихъ Царское Величество въ присутствіи Польскихъ пословъ, а король Польскій при бытности царскихъ пословъ, ближняго боярина Бориса Петровича Шереметева съ товарищи, во Львовѣ, утвердили, и для извѣщенія о семъ Великіе Государи отправили насъ пословъ къ Вашему Королевскому Величеству, и притомъ велѣно намъ объявить о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ.»

Первый посолъ заключилъ: «И Вашему бѣ Королевскому Величеству повелѣть быть съ нами въ отвѣтъ своимъ думнымъ людямъ, и наказанныхъ намъ дѣлъ выслушати и отвѣтъ учинити.»

Король отвѣчалъ, что онъ «Царскаго Величества присылкѣ зѣло благодаренъ, и зѣло радуется о вѣчномъ мирѣ съ королемъ Польскимъ,» а въ отвѣтъ съ ними указалъ быть того жъ числа посольскихъ дѣлъ министру, Кольберту.

Затѣмъ Король допустилъ пословъ къ рукъ, послѣ чего они поднесли ему отъ себя дары, — первый посоль, двухъ кречетовъ, сокола, челикъ соколий, чаалдаръ, четыре сорока соболей, двадцать лисиць черныхъ, десять рысей, бобра, барса, пятнадцать сороковъ горностаевъ, тридцать косяковъ..... мѣхъ Китайскій барсовый, кушакъ золотный, чалму золотную, пять заарбафовъ (кусковъ Персидской парчи) золотныхъ и серебряныхъ, пять атласовъ золотныхъ, пять заарбафовъ по дорогамъ (?), и камку золотную Китайскую; второй посоль, сорокъ соболей, пять косяковъ камокъ лаудановъ, пару соболей и двѣ камки лаудановъ; дьякъ, сорокъ соболей и заарбафъ серебряный, шесть косяковъ камокъ лаудановъ, пару соболей и двѣ камки золотныя Китайскія; племянникъ перваго посла, бывшій въ свитѣ, князь Василій Долгоруковъ, сорокъ соболей, шесть лисиць черныхъ и десять косяковъ камокъ лаудановъ.

Наконецъ послы, ударивъ королю челомъ, пошли, а Его Величество всталъ, шляпу снялъ, и поклонился.

Во время приѣма, при король стояли, по правую сторону Дофинъ, сынъ королевскій; по лѣвую братъ королевскій Дюкъ де Орлеанъ; за ними ближніе и думные люди. Рѣчи посольскія и слова королевскія переводилъ мушкетеръ Елизарій Кро. Послы возвратились въ прежнія палаты, куда черезъ нѣсколько минутъ пришелъ маршалокъ Детрій и звалъ ихъ къ столу, за который съ ними сѣли маршалокъ, мастра церемоній и приставъ: подчивалъ ихъ маршалокъ Шарль съ чиновными людьми. По окончаніи стола Детрій сказалъ посламъ, что король велѣлъ быть имъ въ отвѣтъ того же числа, для того, что Версалія отъ Парижа далеко, чтобы имъ отъ лишней ѣзды не было трудности. Детрій приводилъ ихъ въ посольскую палату, откуда, по приглашенію мастера церемо-

ній, Бонелія, пошли они въ отвѣтную палату, гдѣ въ дверяхъ встрѣтилъ ихъ Кольбертъ-Крусинъ.

По занятіи послами мѣсть въ креслахъ, Кольбертъ сказалъ имъ, что король велѣлъ ему быть съ ними въ отвѣтъ; но какъ поданной ими царской грамматы перевести не кому, то просилъ Латинскаго ея перевода. Послы дали ему Латинскій переводъ, сказавъ, что Великіе ихъ Государи желаютъ съ Его Королевскимъ Величествомъ заключить союзы противъ Турокъ. Министръ отдѣлался общими словами, и кончилъ тѣмъ, что донесетъ объ этомъ королю, и что Его Величество указалъ ему быть съ ними въ отвѣтъ въ другой разъ въ Парижъ, 10 августа, на посольскомъ дворѣ.

По возвращеніи пословъ въ Парижъ пришли къ нимъ мушкетеръ Кро и бывшій у гонца Бехтѣва приставъ Блюндеръ, и за тайну сказали имъ, что 8 августа прибыли въ мѣстечко Шаломтонъ (Charenton?), отъ Парижа за милю, Турецкіе посланники, которыхъ того же числа отвезли къ королю въ Версалию, — а за чѣмъ они пріѣхали, того-де за подлинно не знаютъ, но кажется за тѣмъ, чтобы просить помощи противъ союзныхъ государей. Августа 10 пріѣхалъ къ посламъ мастеръ церемоній Жиро съ объявленіемъ, что король, «уразумѣвъ все изъ перваго ихъ отвѣта», не находитъ уже нужнымъ давать имъ новой конференціи съ министромъ, и приказалъ отпустить ихъ немедленно, и что королевская грамота къ Ихъ Царскимъ Величествамъ будетъ прислана къ посламъ на дворѣ. На это послы сказали, что Его Величеству, по первому ихъ отвѣту, нельзя было выразумѣть воли Великихъ ихъ Государей, потому что въ этомъ отвѣтѣ ни какихъ дѣлъ предложено не было, а что касается до принятія королевской грамматы на посольскомъ дворѣ, то это дѣло небывалое, и они ея не возмутъ. Мастеръ церемоній отвѣчалъ, что еже-

ли они грамматы на дворъ не примуть, то наведутъ на себя великій королевскій гнѣвъ, и что перемъны тому никогда не будетъ.

Послѣ долговременнаго спора послы рѣшительно сказали, что они грамматы на дворъ у себя не примуть ни подъ какимъ видомъ, потому что какъ цесарь Римскій, такъ и всѣ окрестныя великіе государи, отдають грамматы царскимъ посламъ сами на отпускъ, — что дѣлалъ и король Французскій съ прежними Русскими посланниками. Мастеръ церемоній уѣхалъ, и того же числа вечеромъ явился на посольскомъ дворѣ караулъ сверхъ обыкновеннаго караула, съ приказаніемъ никого не спускать и никого не впускать: къ посольской рухляди также поставили караулъ. На вопросъ посольскій объ этомъ необыкновенномъ поступкѣ, приставъ отвѣчалъ, что король приказалъ усилить караулъ для лучшей безопасности, а къ рухляди приставить для того, что въ ихъ землѣ обыкновенно пословъ и посланниковъ всѣхъ государствъ осматриваютъ: какъ ихъ рухляди не осматривали, продолжалъ приставъ, то король велѣлъ сдѣлать съ ними то же, что дѣлается съ прочими, и объявить имъ, чтобы они показали свои вещи. Послы возразили, что караулъ приставленъ не для безопасности, а для ихъ «безчестія.» Осматриваютъ ли во Франціи, или нѣтъ, чужестранныхъ пословъ, этого они не знаютъ, а знаютъ совершенно только то, что прежнихъ Русскихъ пословъ и посланниковъ не осматривали: этого требованія они никогда не исполнять.

Августа 11, пріѣхали мастеръ церемоній Жиро и приставъ Іона съ объявленіемъ, что за отказъ ихъ принять граммату на дворѣ «король вельми яростенъ, общаесть учинить имъ великое безчестіе, и указалъ выпроводить ихъ до Французскаго рубежа до города Дюнкерка.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ принуждали при-

нять грамату. Но послы сказали, что не только королевскій гнѣвъ, но и самая смерть не принудить ихъ принять ее, и что, если король приказалъ отпустить ихъ до рубежа, въ этомъ его воля. Спустя три дня, мастеръ церемоній Бонелій и товарищъ его Жиро привезли къ посламъ королевскіе дары, противъ поднесенныхъ ими даровъ. Но послы изъяснили, что они благодарятъ за милость королевскую, и даровъ не примутъ, «понеже главное ихъ дѣло то, чтобы совершить дѣла Великихъ ихъ Государей, и потомъ принять къ нимъ грамату изъ рукъ Его Королевскаго Величества, по достоинству: да и то-де зѣло ихъ удивляетъ, что король жалуется, присылаетъ къ нимъ дары, а рухлядь ихъ держать за карауломъ, — каковаго дивнаго способа и разсужденіе ихъ объяти не можетъ»; однако жъ они о своей рухляди ни какого прошенія не приносятъ, а просятъ только о томъ, чтобы «Королевское Величество, не нарушая братской дружбы съ ихъ Великими Государями, по обыкновенію всѣхъ христіанскихъ монарховъ, указалъ выслушать наказанныя съ ними дѣла, и отвѣтъ и отпущскъ учинилъ по обыкновенію.»

На это Бонелій сказалъ, что приставленный къ ихъ рухляди караулъ не новизна; что у пословъ всѣхъ земель осматриваютъ пожитки, и что ежели ихъ пожитки не будутъ осмотрѣны, другихъ земель послы будутъ требовать того жъ, и тѣмъ нарушится право королевское: если они не хотятъ показывать своей рухляди, то хоть бы для вида велѣли вскрытъ одинъ ящикъ; послѣ чего караулъ будетъ снятъ тотчасъ. Ежели это кажется имъ неимовѣрнымъ, пусть спросятъ всѣхъ другихъ чужестранныхъ пословъ и посланниковъ, находящихся при Французскомъ дворѣ. Послы отвѣчали, что хотя рухлядь ихъ не тайная и показать ее не трудно, однако жъ «они дѣлать сего неповинны,» для того, что это «чинится

изъ умаленія, а они присланы для умноженія дружбы и любви» между государями, для государскихъ дѣлъ, и отнюдь не въ неволю: спрашивать имъ о томъ иностранныхъ пословъ не для чего, потому что хотя, по ихъ словамъ, всѣхъ чужестранныхъ пословъ осматриваютъ, но прежнихъ Русскихъ пословъ не осматривали, и хоть бы король велѣлъ отнять у нихъ всѣ ихъ пожитки, они не велятъ вскрывать ни одного ящика, потому что не должны ничего дѣлать по принужденію и для умаленія любви и дружбы.

Бонелій просилъ ихъ принять безспорно королевскіе дары, потому что въ противномъ случаѣ учинять Его Величеству великое безчестіе, а на себя навлекутъ великій его гнѣвъ; и ежели они даровъ не примутъ, то поднесенные ими дары пришлются къ нимъ назадъ. Но послы отвѣчали, что они своихъ даровъ обратно не примутъ, и повторили прошеніе быть у короля на отпускъ и получить грамоту изъ его рукъ. Тутъ Бонелій сказалъ, что если они не примутъ, то король приказалъ покласть дары въ возы насильно. Послы примолвили, что король во своей землѣ самовластенъ; но что они не только даровъ, да и возовъ, въ которые они будутъ положены, никогда при себѣ имѣть не будутъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго спора, мастера церемоній повхали; дары понесли за ними.

Августа 17, Бонелій, пріѣхавъ опять съ дарами, сказалъ, что король зело гнѣвснъ за ихъ отказъ, и теперь присылаетъ дары вторично, съ объявленіемъ, что если они ихъ не примутъ, то навлекутъ на себя великій гнѣвъ Его Величества и безчестіе: дары ихъ присланы будутъ назадъ, и ихъ завтра же отпустятъ на рубежъ. Но послѣ многихъ споровъ, послы рѣшительно отказались отъ принятія даровъ, и мастеръ церемоній принужденъ былъ вхать обратно и съ дарами.

Въ тотъ же день пріѣхалъ къ посламъ Греческій митрополитъ изъ Камдіи, бывшій прежде духовникомъ Имеретинскаго царя Арчила. Отъ гоненія Турокъ пріѣхалъ онъ по своимъ дѣламъ въ Парижъ. Онъ сказывалъ посламъ, что король Французскій пріинялъ Турецкихъ пословъ съ великою любовію, и велѣлъ поставить и на томъ дворѣ, на которомъ стоятъ Русскіе послы. Митрополитъ обѣщалъ развѣдать и увѣдомить, зачѣмъ эти Турки пріѣхали. Но къ вечеру митрополитскій слуга пришелъ къ посламъ сказать, что ко двору митрополита приставленъ караулъ, и не велѣно не выпускать ни его, ни людей его. Приставъ объявилъ посламъ, что король приказалъ имъ ѣхать въ мѣстечко Св. Діонисія, гдѣ они получаютъ отвѣтъ отъ Кольберта, — «а то-де мѣстечко отъ Версаліи ближе Парижа, и потому имъ на отпускъ къ королю въ Версалію ѣздить способности.» Послы возражали, что то-де мѣстечко отъ Версаліи не ближе Парижа, и ѣхать туда не для чего; но приставъ отвѣчалъ, что король велѣлъ до-сольскій домъ починивать, ковры и все изъ него обирать.

На слѣдующее утро послы выѣхали съ приставомъ изъ Парижа, и, прибывъ въ мѣстечко Св. Діонисія, услышали отъ своего провожатаго, что король приказалъ отдать имъ, не осматривая, бывшіе за карауломъ ихъ пожитки. Тутъ они изъяснили, что когда пожитки отдаются имъ безъ осмотра, то и они, безъ принужденія, прикажутъ показать ихъ, для того, чтобы Его Величеству не сомнительно было, что если они не хотѣли оказывать своей ружьяди, такъ это не для другой причины кромѣ той, о которой объявляли прежде. Они приказали показать свои вещи. Приставъ имъ отвѣчалъ, что король его есть великій государь и дохода получаетъ около двухъ сотъ милліоновъ; что къ ружьяди ихъ

приставленъ былъ караулъ только по мѣстному праву, и что когда бѣ въ ихъ сундукахъ было запрещенныхъ товаровъ на сто тысячъ, «и то-де во Франціи не великая вещь, и король о такомъ маломъ дѣлѣ и мыслить не изволить.»

Августа 22 прїѣхалъ Кольбертъ, и началась конференція. Послы, вручивъ ему списокъ съ договора о вѣчномъ мирѣ съ Польшею и о союзѣ противъ общаго врага креста Господня, просили, чтобы Его Величество приступилъ къ этому союзу и послалъ войско свое на Турковъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, — чего они ожидаютъ тѣмъ болѣе, что Его Величество, черезъ Польское посольство, бывшее въ Москвѣ, обнадеживалъ «къ благоупотребленію христіанскаго общества во всѣхъ дѣлахъ,» да и прежде писалъ съ посланниками Царскаго Величества, стольникомъ Семеномъ Алмазовымъ и дьякомъ Семеномъ Ипполитовымъ, и словесно наказывалъ, что «тому наступленію на невѣрныхъ съ его стороны помѣшательства не будетъ, и что когда увидитъ онъ соединеніе государей, тогда общаетъ учинить помощь своимъ войскомъ.» Кольбертъ, принявъ бумагу, отвѣчалъ желаніемъ побѣдъ высокимъ союзникамъ, но сказалъ, что государь его приступить къ союзу не можетъ за нѣкоторыми трудностями: онъ уже знаетъ черезъ газеты, что союзники одержали побѣду надъ своими врагами и прїобрѣли себѣ славу, и поэтому если онъ теперь вступить въ союзъ и пошлетъ свои войска, ему будетъ послѣдняя слава, «а онъ-де государь великій, ищетъ коронъ своей собственной славы, и войски его ни подъ чьимъ regimentомъ, кромѣ его, не обрѣтались.» Ему нельзя приступить къ союзу и потому, что, когда въ прошлыхъ годахъ цесарь имѣлъ войну съ Турками и король послалъ ему на вспоможеніе свои войска, имъ «было чинено

великое утѣшеніе»,—ставили ихъ въ поляхъ и въ худыхъ мѣстахъ, безхлѣбныхъ, а въ сраженіяхъ посылали въ первый огонь, отъ чего много ихъ погибло, а славы Его Величеству не причинилось ни какой: вся она досталась цесарю, который не сдѣлалъ за то ни какого воздаянія. Когда Турки подходили подъ Вѣну, Его Королевское Величество хотѣлъ-было послать Австрійское войско на помощь подъ начальствомъ своего генералиссимуса; но цесарь этой помощи не принялъ, не извѣстно для какой причины. Кромѣ того, Его Величество посылаелъ восемь тысячъ человекъ въ помощь Венеціанамъ противъ Турокъ; но и они, «въ военныхъ трудахъ, ихъ выдавали, и чинили имъ великіе налоги, и мало не все они пропали, а воздаянія за то Его Величеству ни какова не учинилось и славы ни какой не выросло.» У Поляковъ мало войска, и въ прошедшую войну съ Турками они много изъ него потеряли, «а у Его Величества войски великія, и онъ можетъ, одною своею особою, одержать надъ Турками побѣду; съ Царями же Русскими имѣеть разстояніе дальное, и войскъ на помощь ни въ которую сторону послать не можетъ, а Русскіе Государи могутъ сами и безъ посторонней помощи одержать надъ Турками побѣду.»

Послы говорили, что по столь малымъ причинамъ, которыя впрочемъ можно устранить черезъ обсылки или посольства, нельзя отклонять такого богоугоднаго дѣла, и что если въ прежнія времена Французскія вспомогательныя войска подверглись трудностямъ, то вѣроятно отъ того, что ихъ было мало: ежели теперь Его Величество, приступивъ къ союзу, пошлетъ многочисленную рать, она будетъ дѣйствовать подъ его именемъ, и слава въ побѣдахъ ни кому, кромѣ его, принадлежать не будетъ. Но Кольбертъ сказалъ, что король велѣлъ объявить имъ, что онъ къ союзу при-

ступить не можетъ потому, что «между нимъ и цесаремъ исконная всегдашняя недружба, а съ Турками всегдашній миръ и крѣпкая дружба; а отъ торговли между обоюдными ихъ подданными въ казны Его Величества дѣлается великое пополненіе; и ежели-де ему съ Турками миръ разорвать, а союзные государи, преодолевъ ихъ, заключать съ ними миръ, тогда-де тотъ босурманъ прежде всего объявитъ войну Его Величеству, и государству его сдѣлается разореніе.» Поэтому, онъ никогда не разорветъ мира съ Турками, которые съ своей стороны общаются сохранять его вѣчно, — «и какой бы разумъ и славу Его Величество оказалъ на весь свѣтъ, если бъ онъ помогаль недругу, а наступаль на друга?» На доказательства пословъ, что Французскому народу гораздо выгоднѣе производить торговлю съ христіанами, чѣмъ съ невѣрными, Кольбертъ возразилъ, что «государь его служить своему государству многія лѣта со всякою славою высокоразумными поступками, а цинь учинилъ бы не такъ разумно, если бы, безо всякой способной и государству своему пожиточной (полезной) причины, разорвалъ миръ съ Турками, и помогаль тому, отъ кого впредь чаеть государству своему всякія противности.» Послы старались объяснить, что Русскіе Государи приступили къ союзу, невзирая на собственную свою выгоду; подняли оружіе единственно за имя Христово, и приглашаютъ Его Величество къ тому же, полагаясь на его грамату, присланную черезъ Польское посольство, и на увѣреніе, данное посланнику Алмазову; но Французскій министръ отозвался, что онъ всегда объявляль подлинное намѣреніе своего государя, и теперь его объявляетъ, а что касается до граматы, то Его Величество писалъ ее только по просьбѣ Польскаго короля, съ которымъ онъ издавна въ дружбѣ; за исполненіе его желанія въ заключеніи вѣчнаго мира, онъ благо-

дарить Русских Царей, но болѣе ничего сдѣлать не можетъ. Послы предлагали, чтобы, если король не желаетъ приступить къ союзу, по-крайней-мѣрѣ обѣщаль не мѣшать союзнымъ государямъ, и Кольбертъ отвѣчалъ имъ, что это исполнится, если только пограничныя съ Франціею государства не подадутъ никакой причины: въ противномъ случаѣ какъ не оборонить своего государства?

Наконецъ Кольбертъ сказалъ, что государь его желаетъ, чтобы Ихъ Царскія Величества дозволили іезуитамъ свободно ѣздить черезъ Россію въ другія государства, потому что они «обыкли ходить въ инныя земли для проповѣди вѣры, а чрезъ Россію свободнаго пути не имѣютъ.» На это послы отозвались, что «Королевскаго Величества посламъ, посланникамъ и гонцамъ путь чрезъ Россію свободенъ, а о пропускѣ инныхъ чиновъ они указа не имѣютъ,» и должны довести о томъ Ихъ Царскому Величеству. Что касается до торговли, то если ему наказано говорить о томъ съ ними, они имѣютъ на этотъ предметъ указъ отъ своихъ государей. Они получили въ отвѣтъ, что Его Величеству это пріятно, и что онъ прикажетъ объявить своимъ подданнымъ, чтобы они ѣздили съ товарами къ городу Архангельску.

Этимъ кончилась конференція.

На слѣдующій день приставъ Іона увѣдомилъ пословъ, что король не изволилъ сдѣлать ни какой перемѣны въ намѣреніи, объявленномъ черезъ министра, и что онъ назначаетъ имъ быть на отпускъ завтра, 24 числа. Послы сказали, что они готовы; только просятъ, чтобы Его Величество приказалъ прислать имъ прежде отпуска списокъ съ своей отвѣтной грамоты, «дабы имъ вѣдомо было, какъ въ ней написано будетъ.» Приставъ доложилъ о томъ, и, возвратясь, сказалъ, что списокъ съ грамоты доставится имъ по пріѣздѣ ихъ въ Версалию, а въ грамотѣ

«именованіе государей ихъ написано будетъ по достоинству, какъ они сами себя описуютъ.» Послы требовали, чтобы списокъ былъ присланъ въ мѣстечко Св. Діонисія, «для того-де, что то вездѣ обыкновенное дѣло, — прежде бытія на отпускъ списки съ грамматъ къ посламъ присылають.» Приставъ возразилъ, что этого сдѣлать нельзя, но что король именемъ своимъ приказалъ ихъ обнадѣжить, что царскія именованія и титулы написаны будутъ исправно.

Августа 24, пріѣхали маршалокъ Дирайскій съ мастрами церемоній, и повезли ихъ въ Версалю въ каретахъ прежнимъ порядкомъ. Тамъ приставъ принесъ къ нимъ списокъ съ королевской грамматы. Послы велѣли ее перевести, нашли, что именованія и титулы прописаны неисправно, и объявили о томъ приставу, сказавъ, что они грамматы не примутъ и на отпускъ къ королю не пойдутъ. Онъ пошелъ съ этимъ отзывомъ. Возвратясь, онъ сказалъ, что король зоветъ ихъ на отпускъ, и требуетъ, чтобы они граммату приняли, такъ какъ царскія титулы написаны въ ней по достоинству, противъ того списка, который сами они подали, бывъ въ отвѣтъ, — въ чемъ Его Величество ихъ удостовѣряетъ. Послы остались при прежнемъ объявленіи. Приставъ отправился опять, и, возвратясь, сказалъ, что король весьма удивляется тому, что они не вѣрятъ его слову, а вѣрятъ списку; что онъ удостовѣряетъ ихъ вторично, что граммата написана исправно, и ожидаетъ немедленнаго ихъ прихода. Послы, полагаясь на королевское слово, пошли.

При входѣ пословъ, король всталъ и поклонился, а потомъ, сидя, говорилъ, что онъ «присылкѣ отъ Царскаго Величества благодаренъ, и съ чѣмъ послы присланы, о томъ выразишь, и союзу христіанскихъ государей радъ,» и желаетъ, чтобы дѣло увын-

чалось благимъ окончаніемъ. Король взялъ изъ рукъ Кольберта грамоту, всталъ, и, снявъ шляпу, продолжалъ: «Посылаеть-де онъ къ любительнымъ своимъ братьямъ и Великимъ Государямъ свою грамоту, и чтобъ они великіе и полномочные послы, пріѣхавъ къ Ихъ Царскому Величеству, отъ Его Королевскаго Величества поклонилися.» Онъ вручилъ грамоту первому послу; потомъ допустилъ всѣхъ къ рукъ, и они, ударивъ челомъ, удалились.

Во время аудіенціи, подлѣ короля стояли — по правую руку братья его дюкъ де Ордеанъ, и сродникъ его, принцъ Кондеушъ, — по лѣвую, королевскій сынъ, Дофинъ.

По возвращеніи въ прежнюю палату, послы тотчасъ велѣли переводчику «на королевской грамотѣ подписи вычестъ и выразишь.» Переводчикъ нашель, что на подписи грамоты написано не исправно, — не написано *Великимъ Государямъ*. Они заявили это приставу, и сказали, что обнадеживаніе Его Величества о исправленіи грамоты не состоялось, и, возвращая грамоту, просили, чтобы она была переписана. Приставъ отправился съ грамотою и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что король приказалъ переписать ее «по достоинству,» и просить, чтобы они ѣхали въ мѣстечко Св. Діонисія, — что они и исполнили. Спустя два дня, прибылъ къ нимъ приставъ, и, вынувъ изъ кафтанной *зепи* (кармана) прежнюю грамоту, сказалъ, что король не велѣлъ ее переписывать; что словъ — *Великимъ Государямъ* не возможно выставить потому, что Его Величество ни къ которому государю такъ не пишетъ; что того же домогается безпрерывно и салтанъ Турскій, однако жъ король не пишетъ, — да и «самъ Его Королевское Величество и себѣ такой титлы не приписуеть.» Послы отвѣчали, что, безъ переписки, они грамоты не примуть, потому что въ грамотѣ, присланной съ ни-

ми отъ ихъ государей къ королю, было написано — Великому Государю. Сверхъ того, въ прошломъ году, король писалъ такъ къ Ихъ Царскому Величеству съ стольникомъ Алмазовымъ, а «вышь такое нарушеніе братской дружбы и любви чинится напрасно, — да и то ихъ зъло удивляетъ, что онъ, приставъ, привезъ королевскую грамату дерзновенно и безопасно, въ зели, а король его государь великій и грамата также къ великимъ государямъ, и такіа граматы принадлежить имъ со вслкимъ достойнымъ почитаніемъ и опасательствомъ.» На это приставъ сказалъ имъ: «Во Франціи-де на такіа причины не взирають, и того-де въ безчестіе не ставятъ, — а какое обыкновеніе въ Русскомъ государствѣ, имъ то не знаемо, — а онъ привезъ грамату по обыкновенію своего государства, и король указалъ ему ту грамату отдать имъ,» и объявить, что она никогда переписана не будетъ. Послы, съ своей стороны объявили, что они никогда ея не примуть. Приставъ положилъ грамату на столъ. Когда послы увидѣли это, они вышли изъ палаты, сказавъ, что не только граматы не примуть, но и въ палату ходить не будутъ.

Съ этимъ отвѣтомъ приставъ отправился въ Версалию. Возвратясь оттуда, онъ объявилъ, что король указываетъ имъ взять грамату, что она никогда не будетъ переписана, что съ Алмазовымъ никогда не писано такъ, какъ они говорятъ, что наконецъ о томъ и въ канцеляріи нѣтъ ни какого свѣдѣнія. На слова пословъ, что у нихъ есть списокъ съ этой граматы, приставъ возразилъ, что король общается своею душею, что такой титулы въ грамату съ Алмазовымъ не писано, — и съ тѣмъ поѣхалъ онъ обратно въ Версалию. Мастра церемоній привезли королевскіе дары; но послы, поблагодаривъ за милость, объявили, что королевскаго жалованья они принять не могутъ, а просятъ о перепискѣ граматы. Присланные изъяснили,

что они не смѣютъ объ этомъ докладывать, и что ежели послы даровъ не примутъ, то навлекутъ на себя великій королевскій гнѣвъ. Когда послы совершенно отъ этого отказались, мастра церемоній, сказавъ, что «Его Величеству ни отъ кого подобныхъ досадительствъ прежде не бывало», повхали назадъ, а дары понесли за ними. На другой день, 28 августа, приставъ возвратился съ объявленіемъ, что король приказалъ, ежели они грамоты не возмутъ, снять съ посольскаго двора караулъ и всѣхъ чиновниковъ: что касается до ея переписки, то Его Величество велѣлъ имъ сказать клятвенно, что какъ бы они долго во Франціи ни жили, она переписана не будетъ, для того, что «то дѣло учинено не безъ размышленія и осмотра». Послы отказались рѣшительно. Караулъ, приставъ и всѣ прочіе ихъ оставили.

Такимъ образомъ, послы жили въ Сенъ-Дени на свой счетъ, и, купивъ лошадей, чтобы ѣхать въ Испанію, послали въ Версаль къ Кольберту просить себя проѣзжаго письма. Посланные воротились съ отвѣтомъ, что король велѣлъ имъ ѣхать въ городъ Гавръ де Грасъ (Havre-de-Grâce) на королевскихъ подводахъ и кормахъ; откуда отвезутъ ихъ на военномъ кораблѣ до Испанскаго рубежа, до города Савостьяна (St.-Sebastien); прямо, сухимъ путемъ, онъ ѣхать имъ не позволяеть; «а что они, послы, бывъ въ Парижѣ и мѣстечкѣ Св. Діонисія, Его Величества персоны и даровъ не приняли, и тѣмъ учинили ему великое безчестіе, понеже Его Величество имѣеть (терпитъ) отъ того великое подозрѣніе отъ постороннихъ народовъ, что тѣ Его Величества персоны по многія времена къ нимъ, посламъ, были присыланы и они ихъ не приняли, и тѣ персоны назадъ отъ нихъ со двора относили, — а королевскаго-де Величества персонъ принося съ двора относить неприлично, — и такова досадительства и безчестія Его Величеству ни-

когда и ни отъ какихъ пословъ не бывало, — за то-де Его Величество вельми гнѣвенъ, и общается учинить имъ великое безчестіе: нѣкогда-де былъ у него посоль Англинскаго короля и, за находящимися тогда причинами, не хотѣлъ принять персоны и даровъ королевскихъ, и Его-де Величество указалъ сказать ему за то казнь.»

Августа 31, мастра церемоній привезли «четыре королевскія персоны съ каменья», и объявили, что государь ихъ прислалъ имъ свое жалованье, по персонѣмъ да князю Василью Долгорукову. Послы, повторивъ причины, по которымъ они *персонъ* не приняли, просили и теперъ донести объ нихъ королю и удовлетворить прежнее ихъ прошеніе: тогда они готовы будутъ принять королевскія персоны съ благодарностію; иначе, просятъ, чтобы ихъ не неволили. На это, присланные имъ сказали, что они не смѣютъ болѣе объ этомъ докладывать, и что имъ приказано извѣстить тотчасъ о принятіи или непринятіи даровъ. «И послы тѣ персоны приняли.»

Послѣ того, явился къ нимъ приставъ для сопровожденія ихъ до Гавра. Они и его просили доложить о перепискѣ грамматы, но онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то ни какого приказанія. Такимъ образомъ послы, въ сопровожденіи пристава Юны Шторфа и мушкетера Кро, отправились въ каретахъ 31 августа, и ѣхали на городъ Руанъ, а 5 сентября прибыли въ Гавръ. На другой день приставъ объявилъ имъ, что король приказалъ вручить имъ его дары, и ежели они ихъ не примутъ, не велѣлъ отправлять ихъ на корабль, а оставить въ этомъ городѣ. Дары состояли въ слѣдующемъ: первому послу пара пистолей, фузея, часы боевые, двое часовъ *зетныхъ* (карманныхъ), шесть ковровъ шелковыхъ, двѣ матеріи золотныя, двѣ матеріи золот-

ныя легкія на подкладки; второму пара пистолей, фузеля, часы боевые, двое часовъ зепныхъ, шесть ковровъ съ золотомъ; дьяку пара пистолей, фузеля, часы боевые, двое часовъ зепныхъ и пять ковровъ шелковыхъ; дворянамъ, переводчику и одному подъячому, по персонъ золотой, а прочимъ подъячимъ по персонъ серебряной.

Послы приняли дары, и отправились 15 сентября на военномъ корабль. Они прибыли 30 того же мѣсяца къ городу Савостьяну, который отъ Французской границы въ двухъ миляхъ, и, не доѣзжая за милю, остановились въ мѣстечкѣ Посажахъ, откуда послали переводчика и подъячаго къ Савостьянскому генералу объявить о своемъ прїѣздѣ, и просить о прїемѣ въ городъ, препровожденіи къ королю и снабженіи ихъ кормомъ и подводами. Посланные принесли отвѣтъ, что генералъ не можетъ ихъ принять безъ королевскаго указа, но что онъ донесетъ Его Величеству немедленно, и отвѣдь пришлетъ къ нимъ черезъ маіора. Этотъ маіоръ дѣйствительно прїѣхалъ на другой день къ посламъ на корабль. Именемъ генерала спрашивалъ онъ ихъ о здоровьѣ, и говорилъ, что его начальникъ не въ правѣ принять ихъ безъ воли государя, но просить, до полученія повелѣнія, остановиться въ городѣ и жить на своихъ проторахъ. Такимъ образомъ, 2 октября сошли они съ корабля, одаривъ капитана и начальныхъ людей. Перваго ноябра прїѣхалъ къ нимъ самъ генералъ, дука де Кансанъ, спросилъ о здоровьѣ, и объявилъ, что отъ короля получено повелѣніе принять ихъ, и отпустить въ Мадридъ со всякою достойною честію. Генералъ прибавилъ, что въ приставахъ у нихъ будетъ капитанъ донъ Михель. Черезъ недѣлю явился къ нимъ приставъ съ тремя *литерами* (*litière*), въ чемъ посламъ вѣхать. Подъ свиту и рухлядь были присланы подводы. Скоро потомъ отправились они изъ мѣстеч-

ка Савостьяна, и ѣхали чрезъ города Витторію, Бервекъ и Бургусъ, а 24 ноября прибыли на подходій станъ въ мѣстечко Алковиндасъ, въ двухъ миляхъ отъ Мадрида. Въ тотъ же день, пріѣхалъ къ нимъ отъ короля посольскій кондукторъ, Карлусъ, и говорилъ, что государь его «по любленію съ Ихъ Царскимъ Величествомъ, жалуя ихъ великихъ пословъ, указалъ ему спросить ихъ о здоровьѣ, и посольству ихъ зело благодаренъ, и пріемлетъ въ великую любовь, а въ Мадридъ приказалъ принять ихъ 26 ноября». Потомъ желалъ онъ видѣть посольскую проезжую грамоту, и уѣхалъ.

Въ назначенный день Карлусъ явился опять съ извѣстіемъ, что король прислалъ за ними три кареты и лошадей подъ свиту. Онъ сказывалъ, что король прислалъ сюда для нихъ кареты «чрезъ обычай (сверхъ обычая), для любленія съ Ихъ Царскимъ Величествомъ и жалуя ихъ, пословъ, а обыкновенно-де королевскія кареты подъ всѣхъ пословъ высылаются только за милю отъ города.» Послы, поблагодаривъ за милость королевскую, убрались по посольскому обычаю, и отправились того же числа. Въ одной каретѣ сидѣли оба посла, а противъ нихъ кондукторъ; дворяне помѣстились въ остальныхъ двухъ; прочіе ѣхали верхомъ.

При въѣздѣ въ Мадридъ видѣли они множество любопытствующихъ людей въ каретахъ и верхомъ. У городскихъ воротъ стояла пѣхота съ мушкетами. Ихъ поставили въ домъ, въ которомъ было двадцать двѣ палаты, обитыя коврами золотными и шелковыми, а въ столовой стояло «мѣсто» съ королевскимъ гербомъ подъ балдахиномъ, вышитое золотомъ и серебромъ. Три дня угощали ихъ столомъ, за которымъ подчивалъ ихъ маршалокъ Делапусль, «съ чиновными королевскими и дворовыми людьми.» На другой день пріѣхалъ кондукторъ, и именемъ ко-

ролевскимъ спрашивалъ ихъ о здоровьѣ. Послы, поблагодаривъ, просили доложить королю, чтобы приказалъ вскорѣ быть имъ у себя съ грамматою. Для черезъ два, кондукторъ донесъ имъ, что король приметъ ихъ 1 декабря. Послы сказали, что они готовы исполнить волю королевскую, только просятъ, чтобы, во время отправленія ими посольства, не было иныхъ государствъ пословъ, посланниковъ и гонцевъ. Въ назначенный день явились маршалокъ маркизъ Делапуэль и кондукторъ съ комнатными дворянами, королевскою каретою и верховыми лошадьми; но тутъ объявили имъ королевское повелѣніе, что всѣ христіанскихъ государей послы, во время отправленія посольства, ѣздить ко двору верхами, а карету взять за ними для почести: поэтому и они должны ѣхать верхомъ, для того-де, что во Шпаніи великая честь ѣхать на посольство къ королю верхомъ. Послы не противорѣчили.

Порядокъ шествія былъ почти тотъ же, какъ въ Парижѣ. На улицахъ и у дворца толпилось множество зрителей. Послы сошли съ лошадей у крыльца. На королевскомъ дворѣ и на крыльцѣ стояла гвардія съ протазаны. При входѣ ихъ въ аудіенцъ-залу, король всталъ, а послы, поклонясь, подступили къ трону и правили посольство. Рѣчь ихъ, по обыкновенію, начиналась полнымъ титуломъ царскимъ; потомъ слѣдовалъ королевскій титулъ, такимъ образомъ: «Королю Кастиліи, Легіонскому (Леонскому), Арагонскому и обоимъ Сициліи, Іерусалимскому, Наварско-«му, Гранацкому, Толецкому, Валенскому, Галецкій-«скому, Маюрицкому (Маіоркскому), Минорицкому; «Испанскому, Сардинійскому, Кордувскому, Корсиц-«кому, Мурцыскому, Гіенецкому, Алхарвискому (Ал-«гарвскому), Гибралтарскому, и Кинарейскихъ Остро-«вовъ, и восточныхъ и западныхъ Индій и остро-«вовъ, и крѣпкія земли, и Окіанскаго моря; Арцы-

«арцуху (Эрцгерцогу) Аустрійскому, Арцуху (Герцогу) Бургунскому, Брабанскому и Медиоланскому, графу Гапшпурскому, Фляндрскому, Тирольскому и Барцинонскому, государю Бискайскому и Молинискому, и иныхъ.» Рѣчь заключалась тѣмъ, что Великіе ихъ Государи велѣли его поздравить, и про свое государское здоровье сказать.

Король, выслушавъ ихъ привѣтствіе, снялъ шляпу и сказалъ: «Братій нашихъ Великихъ Государей, Ихъ Царскаго Величества, о здоровіи и о счастливомъ ихъ государствованіи желаю слышати.» Послы отвѣчали, что «Великіе ихъ Государи, на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, Россійскаго царствія престолѣхъ, въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, въ добромъ здоровіи пребываютъ.» Король сказалъ, что онъ душевно радъ слышать про здоровье Ихъ Царскаго Величества, и въ братской дружбѣ и любви быть съ ними «любительно желаетъ.» Первый посолъ взялъ у дьяка граммату, и поднесъ королю, который принялъ ее, снявъ шляпу. Тогда послы говорили рѣчь, сначала первый, потомъ второй и наконецъ дьякъ. Содержаніе ея состояло въ томъ, что родитель Ихъ Царскихъ Величествъ былъ въ братской дружбѣ и любви и любительныхъ пересылкахъ съ Его Королевскимъ Величествомъ; что, по кончинѣ его, Царь Феодоръ Алексѣевичъ, взошедъ на престолъ, присылалъ къ Его Королевскому Величеству въ 1681 году стольника Петра Потемкина и дьяка Степана Волкова, извѣстить его о томъ, а какъ теперь Всевышній и его отозвалъ къ себѣ, то Цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ послали ихъ объявить о томъ, и сказать, что Ихъ Царскія Величества заключили съ Польскимъ королемъ вѣчный миръ, и такъ же какъ съ императоромъ Римскимъ, вступились нимъ въ союзъ на невѣрныхъ. Рѣчь заключилъ князь Долгорукій изъясне-

ніемъ, что имъ поручено говорить и о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, и что они просятъ, чтобы Его Величество уважалъ думнымъ своимъ людямъ быть съ ними въ отвѣтъ.

Король, пожелавъ союзнымъ государямъ успѣха надъ невѣрными, сказалъ, что онъ велитъ выслушать пословъ своему министру. Послы были допущены къ королевской рукѣ, поднесли отъ себя дары, и, ударивъ челомъ, вышли. Дары были такіе же, какіе поднесены имъ Французскому королю. Во время аудіенціи король стоялъ и каждый разъ, когда въ рѣчахъ слышалъ имена Государей, «тѣмъ словамъ шляпу снималъ.» При немъ стояли первый его министръ, Констабель, и восемь человекъ ближнихъ людей. Въ той же палатѣ, въ углу, находились золоченныя рѣшетки, за которыми была королева, «съ открытымъ лицомъ,» и съ нею нѣсколько «женскаго возраста персонъ.» По окончаніи посольства, король сказалъ посламъ «видѣть очи» супруги своей и матери. Ихъ повели сперва къ царствующей королевы, которая приняла ихъ, стоя подъ балдахиномъ на рундукъ: она спрашивала о здоровьѣ Великихъ Государей и благовѣрныхъ Царицъ и Царевенъ, и услышавъ, что они здоровы, зѣло увеселилась. Затѣмъ послы были и у ея руки и поднесли дары. При королевѣ стояли, по правую сторону, семь вдовъ (дамъ) и нѣсколько дѣвицъ, а по лѣвую шесть человекъ ближнихъ людей, которые прежде стояли у короля; за ними нѣсколько королевинныхъ чиновныхъ людей. Потомъ, послы были у вдовствующей королевы, на особомъ дворѣ. И здѣсь принимали ихъ съ такою же церемонією.

На слѣдующее утро пріѣхалъ къ посламъ комисаръ Фляндріи сказать, что поданной ими грамматы перевести не кому: они вручили ему Латинскій переводъ. Кондукторъ ихъ увѣдомилъ, что король ука-

заль имъ быть въ отвѣтъ, по обыкновенію Шпанскаго государства, у перваго своего министра, конта Деропеса (de Lopez), но они сказали, чтобы Его Величество позволилъ имъ, прежде отвѣта, видѣть свои очи, потому что они должны благодарить его за столько милостей, оказанныхъ имъ съ прїезда въ Мадридъ, а потомъ «указалъ бы имъ быть въ отвѣтъ на своемъ королевскомъ дворѣ, — а у министраде въ дому быть имъ не возможно.» Кондукторъ замѣтилъ, что, по обыкновенію Шпанскаго государства, послы всѣхъ государей ведутъ переговоры у королевскаго министра, но что онъ объ этомъ донесетъ Его Величеству. На другой день онъ воротился къ нимъ съ благополучною вѣстію: Его Величество, желая съ Ихъ Царскимъ Величествомъ быть въ братской дружбѣ и любви, и чтобы не возбуждать лишнихъ споровъ, приказалъ своему министру оставить обыкновеніе Шпанскаго государства, и, черезъ обычай, отправиться къ нимъ самому, изъ уваженія къ великимъ посламъ. Въ самомъ дѣлѣ, того же числа прїѣхалъ къ нимъ министръ, донъ Криспинъ Гонзале Ботелія. Послѣ взаимныхъ учтивостей началась первая конференція, въ которую послы объявили только о заключеніи союза противъ невѣрныхъ, и о томъ, что Ихъ Царскія Величества желаютъ быть со Шпанскимъ королемъ въ братской дружбѣ и пересылкахъ паче прежняго. Министръ сказалъ, что онъ донесетъ о томъ государю.

Шестаго декабря была вторая конференція. Министръ ихъ удостовѣрилъ, что король *злыо* радъ союзу христіанскихъ государей на невѣрныхъ, и желаетъ имъ помощи Божіей; что онъ босурманскимъ народамъ всегдашній недругъ, и никогда съ невѣрными, особенно съ Турками, мира не имѣетъ. Послы вручили ему Латинскій переводъ заключеннаго съ Польшею договора, и присовокупили, что Государи

ихъ просить, чтобы и Его Величество приступилъ къ союзу. Онъ отвѣчалъ, что государь его давно желаетъ этого, и съ тѣмъ отправилъ въ Вѣну посла, который живетъ тамъ уже шестой годъ, — «но отповѣди еще нѣтъ, — знатно для того, что императоръ отписывается о томъ съ своими союзниками.» На изъявленное ими удивленіе, что Шпанскій посолъ въ Вѣнѣ въ столь долгое время ничего не сдѣлалъ, министръ далъ уразумѣть, что причиною этому несогласіе союзниковъ императора, «а паче Венецкой Посполитой Рѣчи.» Но онъ сказалъ, чтобы Русскіе послы не сомнѣвались въ приступленіи его государя къ союзу, — «понеже Его Королевское Величество съ императоромъ единовѣренъ и единокровенъ, и каковъ-де тотъ союзъ Цесарскому Величеству, таковъ и Его Королевскому Величеству, годенъ.» Съ этими словами онъ ихъ оставилъ.

На третьей конференціи, бывшей 9 декабря, министръ объявилъ, что государь его, желая быть съ Ихъ Царскимъ Величествомъ въ крѣпчайшей братской дружбѣ и любви и въ соединеніи противъ непріятелей Креста Господня, пошлетъ къ императору посла своего, арцуха Колонскаго, для скорѣйшаго окончанія дѣла о союзѣ, и о послѣдствіяхъ извѣстить Русскихъ Государей черезъ обсылки. Хотя Его Величество и не вступилъ въ явный союзъ съ императоромъ, но никогда ни какого «разнства» съ нимъ не имѣетъ, безпрестанно вспомошествоуетъ ему деньгами и войскомъ, и сверхъ-того «многія королевскія галеры съ ратными людьми ежегодно бываютъ въ Средиземномъ Морѣ, и всегда у нихъ съ Турками бой:» этимъ и дѣлается помощь христіанскому союзу, потому что развлекаются Турецкія силы; но впередъ Его Величество еще усугубить свое тѣжаніе. Послы сказали, что ежели Его Величеству нельзя, за нѣкоторыми трудностями, приступить теперь къ союзу, то по-

крайней-мѣрѣ изволилъ бы прислать на вспоможеніе Ихъ Царскому Величеству «ефимочной казны миліона два или три», или сколько угодно будетъ. Министръ обѣщаль доложить о томъ государю.

На четвертой конференціи онъ объявилъ посламъ, что денежнаго вспоможенія нынче нельзя сдѣлать, оттого что казна Его Величества послана цесарю на такой же конецъ, и издержана на строеніе галеръ, которыя непрестанно сражаются съ Турками, — «и отъ того-де королевской ефимочной казнѣ великое есть оскуденіе.» Послы, удостовѣряя, что Русскіе Государи желаютъ денежнаго вспоможенія черезъ заплату (займообразно), домогались его крѣпко, пространными разсужденіями и всякими доводами, но получили въ отвѣтъ, что хотя король могъ бы ссудить ихъ деньгами и безъ возврата, нынче однако жъ «за великими расходами того учинить ни какими мѣры невозможно.» Министръ, прекративъ дальнѣйшій разговоръ объ этомъ предметѣ, сказалъ, что Его Величество весьма желаетъ, чтобы подданные Русскіе и Шпанскіе производили между собою торговлю. На вопросъ пословъ, имѣть ли отъ своего государя повелѣніе заключить съ ними торговый договоръ, онъ отвѣчалъ, что нѣтъ; что это требуетъ времени, и что прежде всего ему нужно имѣть подлинную вѣдомость, какія пошлины Испанскіе подданные должны платить съ своихъ товаровъ въ Россіи. Послы обѣщали доставить ему вѣдомость, и, повторивъ прежнее предложеніе о союзѣ и денежномъ пособіи, просили, чтобы король, ежели ему не угодно будетъ перемѣнить своего намѣренія, приказаль бы ихъ отпустить.

Пятнадцатаго декабря пріѣхаль къ нимъ комисаръ Фляндріи, Николай. Король, сказалъ онъ остался при прежнемъ своемъ намѣреніи, но, жалуя ихъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, указаль строить на своемъ королевскомъ дворѣ, нарочно для нихъ, новую комс-

дію. Послы отвѣчали, что они готовы быть въ комедіи. Между разговорами комисарь сказалъ, что Королевское-де Величество зѣло прославляетъ превысочество разума Русскихъ Государей въ томъ, что премудро-разсмотрительнымъ своимъ разсужденіемъ изволили нынче привести въ дѣйствіе дѣло, такъ давно желаемое и столь полезное обществу христіанскому, каково союзъ христіанскихъ государей; что оно во всей Европѣ почитается за великій и дражайшій клейнодъ ихъ царской короны; что всюду уже сдѣлалось зѣло высокославнымъ, и что поэтому всѣ признають, что «государство Русское въ настоящее время нѣкоторыми изрядными способами ограждается.» Король же-лаетъ-де вѣдать о лѣтѣхъ Ихъ Царскаго Величества.

Послы отвѣчали: «Помощію въ Тройцѣ славимаго Бога, по премудрому и разсмотрительному Ихъ Царскаго Величества старанію, чинъ управленія Русскаго государства происходитъ зѣло изрядными способами. Несмотря на толки разныхъ народовъ, обрѣтающихся при дворѣ Ихъ Царскаго Величества, самая истина и настоящее дѣло являетъ, что тѣ государства, которыя въ силахъ своихъ упадаютъ, всегда ищутъ уклоняться отъ войны и желаютъ себѣ покоя,— а пресвѣтлая корона Ихъ Царскаго Величества сіяетъ ясно, и благоподражательно, доброхотно, подвинула рати свои противъ враговъ Креста Святаго, Турскаго салтана и всегдашняго его помощника, хана Крымскаго. Русскіе Государя дѣлають это не изъ принужденія какого, но изъ благоподражательнаго своего намѣренія и по просьбѣ христіанскихъ государей, для свободы многочисленныхъ народовъ, издавна загнанныхъ и всегда стенающихъ подъ игомъ босурманскимъ. Это обстоятельство явно показываетъ превысокоразумное и доброопасное, милостивное, разсмотрительное ихъ Государское управленіе, отъ котораго Россія содержится въ крѣпости

*

силъ своихъ. А лѣта Великихъ Государей, Богомъ соблюдаемаго ихъ возраста, — Царю и Великому Князю Иоанну Алексѣевичу лѣтъ двадцать, Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу шестнадцать. Дородствомъ, изобиліемъ разума, изрядствомъ лицъ, милосердымъ правомъ и всѣми благими и хвалы достойными гонностями всемогущій Богъ украсилъ ихъ преизобильно. Ко всѣмъ народамъ, подданнымъ своимъ и чужеземнымъ, они милосерды; чести даруютъ по своему государскому разсмотрѣнію, и въ милостяхъ своихъ содержатъ каждого по заслугамъ. Многія Богомъ поручимыя государства и земли истинно блаженствуютъ подъ ихъ доброоопаснымъ разумомъ. Съ ними соцарствуетъ сестра ихъ, Великая Государыня, благовѣрная Царевна и Великая Княжна, Софія Алексѣевна, — всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержицы.

Послы и министръ сообщили взаимно другъ другу тарифы Россійскіе и Испанскіе. Потомъ они были въ комедіи, и сидѣли на устроенныхъ для нихъ мѣстахъ, покрытыхъ золотыми коврами. Наконецъ имъ объявлено, что король назначилъ быть на отпускъ 28 числа. Послы просили, чтобы король приказалъ въ отвѣтной своей грамматѣ именованія и титулы Ихъ Царскаго Величества написать по достоинству, какъ они, Великіе Государя, сами себя описуютъ. На другой день кондукторъ привезъ имъ списокъ съ грамматы, который найденъ послами въ исправности.

На отпускной аудіенціи, они благодарили короля за оказанную имъ въ государствѣ милость. Онъ, взявъ лежавшую подлѣ него на столѣ граммату и снявъ шляпу, сказалъ, что посылаетъ съ ними, къ любительнымъ своимъ братьямъ и Великимъ государямъ, свою любительную граммату, и просить ихъ, чтобы они, возвратясь въ Москву, и увидѣвъ Ихъ Царское Величество, отъ него имъ поклонились и на превысокихъ

престолѣхъ ихъ поздравили. Король отдалъ грамоту первому послу, и, пожелавъ имъ благополучнаго пути, простился съ ними.

Согласно желанію короля, они были также на отпускъ у его супруги и матери, которыя приказали кланяться Царицамъ и Царевнамъ.

Возвратясь къ себѣ, послы тотчасъ велѣли переводчику прочесть и перевести адресъ на конвертѣ грамоты, и нашли все въ исправности. На другой день, кондукторъ спросилъ ихъ, какою дорогою пойдутъ они изъ Мадрида до границы. Послы изъявили желаніе вхатъ на Шпанскій городъ Белбуя (Bilbao). Кондукторъ сказалъ, что Его Величеству желательно, чтобы они, по дорогѣ, заѣхали въ монастырь Св. Лаврентія, именуемый Скуярь (Escorial), гдѣ погребаются Шпанскіе короли, — «а тамъ-де строеніе дивное, и видѣнія достойное, и обыкновенно-де всѣ чужестранные послы, по указу королевскому, въ тотъ монастырь вѣздыть.» Тридцать перваго декабря, королевскій комнатный дворянинъ (каммеръ-юнкеръ), привезъ посламъ жалованье, по запанѣ; такой же даръ получили они и отъ вдовствующей королевы, а на слѣдующее утро явился прежній дорожный приставъ, съ *литерами*. Подъ рухлядь присланы были лошади. Посольство выѣхало того же числа, въ каретахъ. За городъ провожалъ ихъ кондукторъ.

Въ бытность пословъ въ Мадридъ пріѣзжалъ къ нимъ, для почести (съ визитомъ), цесарскій полномочный посолъ, контъ Комесъ. Послы между рѣчей сказали ему, что вѣсть носится въ Мадридѣ, «черезъ куранты», (газеты), будто Турскій салтанъ уступилъ королю Французскому нѣкоторыя мѣста въ Египтѣ для того, чтобы онъ помогъ ему въ нынѣшнемъ его упадкѣ; что король Французскій хочетъ начать войну съ цесаремъ, и что цесарь ищетъ примириться съ салтаномъ. Посолъ сказалъ имъ, что онъ и самъ знаетъ

это «через куранты,» только увѣряетъ ихъ, что у его государя нѣтъ намѣренія мириться съ салтаномъ; что нынѣшняго лѣта салтанъ просилъ его о мирѣ, и для этого присылалъ нарочное посольство, но оно не было допущено до Вѣны; что Голландскіе Штаты предлагали ему посредничество свое въ мирѣ, но имъ сказано, что цесарь между собою и салтаномъ не требуетъ инаго посредника, кромѣ своего генералисимуса, арцуха Лотаринскаго, «со уготованными къ тому рати». Сверхъ-того, были у нихъ — Испанскій дворовый министръ, Констабель, а по-Русски — бояринъ и конюшій, который пріѣзжалъ съ позволенія своего государя, и посольскій министръ донъ Мануель Деливеръ. Всѣмъ имъ послы отдали визитъ, и ѣздили въ королевскихъ каретахъ. Въ Мадридѣ, по королевскому указу, принесено посламъ въ разное время корму на тридцать дней 4650 ефимковъ. Послы доносили обо всемъ въ Москву черезъ почту.

Въ монастырь Скуяръ послы пріѣхали 2 января 1688 года: тамъ показывали имъ «всякое строеніе и сокровища». Оттуда отправились они въ города Баліюліи и Бургусъ, черезъ Витторію. За милю отъ Белбуя, тамошній губернаторъ выслалъ встрѣтить ихъ начальныхъ людей, которые отъ его имени спрашивали ихъ о здоровьѣ. Прибывъ въ Белбуй 18 января, они остановились въ приготовленномъ для нихъ домѣ, гдѣ ихъ довольствовали кормомъ шесть дней, — послѣ чего жили они уже на свой счетъ. Тридцатаго января наняли они корабль до Амстердама у Голландскаго торговаго человѣка, Петра Рейнера, за семь сотъ ефимковъ, оставили Белбуй 2 февраля, и прибыли въ Амстердамъ 26-го.

Д. ЯЗЫКОВЪ.

=

ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

=

Германская Философія вскружаетъ многія головы, подверженныя круженію отъ всего темнаго и непонятнаго. Мы часто позволяли себѣ отзываться объ ней съ большимъ неуваженіемъ. Нѣкоторые изъ ея приверженцевъ, изучавшихъ ее дѣйствительно или только знакомыхъ съ ней по-наслышкѣ, обращали намъ въ упрекъ наши съ ней вольности. Пора поставить всю публику въ возможность быть судьей въ этомъ дѣлѣ.

Германская Философія еще недавно сыпала звонкими обѣщаніями, старалась поселить самыя лестныя надежды и ожиданія. Сбылись ли эти надежды? Вотъ вопросъ, который простое изложеніе ея рѣшитъ лучше всякаго умствования.

Умозрительная, трансцендентальная Философія, которую Германцы называютъ типомъ своего ума, выраженіемъ ихъ бытія, формою ихъ личности; Философія, которой обладаніе, по словамъ ихъ, ставитъ ихъ выше всѣхъ народовъ, не имѣющихъ Германской и слѣдственно ни какой Философіи; Философія, проникающая вселенную, созерцающая непостижимое, не знающая границъ ни сомнѣній, не начинающая ни откуда, не предполагающая и не производящая ничего; Философія, богатая напыщенными обѣщаніями и безконечными введеніями, эта Философія — просто порча языковъ и порча умовъ, — Философія существенно схоластическая и пустословная.

Что за Германская Философія? Могутъ ли всѣ эти маленькія философическія княжества, вѣчно враждующія между собою, составлять одно, благоустроенное умственное государство? Есть ли во всѣхъ этихъ систе-

махъ какая-нибудь общая основная идея? Судя по отношеніямъ, въ какихъ находятся теперь Нѣмецкія философическія державы, должно полагать, что пѣтъ ни какой общей точки, которая могла бы привести ихъ не только къ возстановленію мира, но даже къ взаимному уразумѣнію, къ опредѣленію единственнаго возможнаго способа когда-нибудь сойтися. Прямая и открытая полемика системъ, прежде столь плодоносная и блестящая, теперь почти совсѣмъ прекратилась: только изрѣдка, и то непрямо, нападаетъ одна система на другую, дѣйствуя не столько логикой, сколько бранью.

Гегелисты величаютъ всѣхъ ученія своихъ противниковъ общимъ именемъ *невѣдгнїя*: они притворяются непризнающими важности, способа и источника дѣлаемыхъ ими возраженій, и объявляютъ невѣждами, умственно-слѣпыми всѣхъ тѣхъ, кто дерзаетъ не слѣдовать ихъ заповѣдямъ. Противники ихъ, въ томъ числѣ самъ Шеллингъ, обвиняютъ ихъ взаимно въ *шарлатанствѣ*, тогда какъ въ свое время тѣ же Шеллигисты такъ точно унижали другихъ, обличавшихъ пустоту и ничтожность ихъ ученія. Но какъ ни старалась каждая изъ многихъ системъ сдѣлаться исключительною, какими ни превозносились всѣ онѣ успѣхами, сколько ни придавали важности существующимъ между ними различіямъ, а всѣ, отъ Кантовой до Гегелевой, лѣвятся на одной и той же гипотезѣ, на одномъ и томъ же предположеніи, произвольномъ и невѣроятномъ. Произволъ есть единственная общая точка между ними, — произволъ, или лучше, анархія ума: всѣ онѣ хотятъ создавать истину, а не познавать ее, хотятъ замѣнить дѣйствительность идеями, олицетворить или, лучше, обоготворить свои отвлеченія, отречься отъ ихъ источника и выдавать ихъ за вдохновенія, за какія-то непосредственно и только имъ лично дарованныя просвѣтлѣнія души.

Германскіе философы опирають свои выводы на фактъ, — но на фактъ мечтательномъ, на чистой гипотезѣ, на *постулатѣ*, то есть, обстоятельстве неизвѣстномъ, которое надобно еще извѣдать и повѣрить, прежде чѣмъ станешь выводить изъ него слѣдствія. И эта гипотеза, составляющая основное условіе всѣхъ ихъ системъ или, лучше, всю ихъ Философію, не что иное, какъ психологическое заблужденіе! Они придаютъ душѣ дѣятельную, творческую, ясновидящую способность, которою, не сообщаясь съ вѣншимъ міромъ, не оплодотворяясь его наблюденіемъ, не обогащаясь данными и опытностью, она выводитъ сама изъ себя соотвѣтственныя вещамъ идеи, по гармоніи, представленной между ея свойствами и дѣйствительнымъ бытіемъ. Вообразимость дѣла для нихъ уже несомнѣнная истина, которую они не познаютъ, а сами *построиваютъ*. Коль скоро вы въ состояніи что-нибудь задумать мыслию, то, по ихъ системамъ, это что-нибудь должно существовать въ созданной природѣ, и существовать точно такъ, какъ вы его задумали и поняли. Разумъ, *die Vernunft*, разумъ внутренній, дѣйствующій самъ въ себя безъ помощи вѣшняго міра, и противопологаемый ими понятію, смыслу, *der Verstand*, есть у нихъ отдѣльная, волшебная способность ума, проникающая въ сущность вещей и постигающая безусловно-подлинное, *абсолютное*: этотъ-то разумъ и есть само безусловно-подлинное, онъ или его непосредственное, добровольное откровеніе, объемлющее все что есть и что быть должно, и объемлющее все въ безусловномъ единствѣ вещей, внѣ пространства и времени, внѣ всякихъ предѣловъ и сомнѣній. Онъ-то и есть подлинное бытіе чловѣка, подлинное бытіе вещей, центръ совокупленія того и другаго, бытія, который не наблюдаетъ факты, но опережаетъ ихъ, определяетъ заранѣе, пророчествуетъ ихъ съ безпогрѣшительностію, которой истины принадлежать къ

высшему и несомнѣнному порядку истинъ. Движеніе этого разума внутри васъ или, яснѣе, чтеніе вами того, что заранѣе въ него вписано, и тонкое толкованіе его непреложныхъ оракуловъ, — вотъ высшее *умозрѣніе*, *spectatio*, единственный способъ философствовать на Нѣмецкую ногу, котораго прекрасный плодъ Философія умозрительная, — Философія *per excellentiam*. То, что мы называемъ Философіею, или просто знаемъ, — чтобъ не спорить о словахъ, — это отнюдь не знаніе, потому что мы знаемъ вещи только порознь и не думаемъ постигать безусловное единство и тайну, совокупающую ихъ разнообразіе; принимая «стройное разногласіе міра» за всеобщій фактъ и за условіе всякаго познанія, мы отнюдь не пытаемся объяснить его, — и слѣдственно что жъ мы за философы?

Какая безпредѣльная посылка, какое удобное предположеніе, этотъ чудесный разумъ! Говорятъ, онъ — фактъ. Это игра словъ! Назвать ипотезу невзначай фактомъ была первая уловка этой Философіи, которая вся состоитъ изъ уловокъ. Фактъ есть вещь, доказанная осязательнымъ опытомъ, свидѣтельствомъ чувствъ, — а кто видѣлъ, кто поймалъ рукою это свойство разума? гдѣ ему физическія и неоспоримыя доказательства? Предположеніе такого разума въ чловѣкѣ оспаривается и въ самой Германіи и внѣ ея, не только здравымъ смысломъ, но и записными философами. Кантъ, Якоби, Рейнгольдъ, Бардили, Фрисъ, Кругъ, Гербартъ, его оспаривали: къ несчастію, они возражали только противъ объема, который другимъ умозрителямъ вздумалось давать этому предположенію, и оттого не могли остановить успѣховъ произвольнаго ученія. Огромность ипотезы ослѣпила умствующую толпу, восторжествовала надъ сомнѣніемъ, и наконецъ превратилась въ убѣжденіе: теперь всѣ Германскіе философы согласны въ томъ, что мож-

но *создавать предметную истину*, то есть, чистымъ умозрѣніемъ опредѣлять сущность предметовъ, и безъ участія чувствъ отгадывать, какъ что должно быть въ природѣ; и только тѣ изъ нихъ, которые придерживаются ближе къ Канту, нѣсколько ограничиваютъ это иллюминатское начало; какъ далѣе увидимъ.

Это предположеніе Германскихъ философовъ черезчуръ смѣло, — и тѣмъ болѣе, что каждый можетъ повѣрить его основательность и испытать дѣло на себѣ; но въ Философіи, какъ и во всемъ другомъ, стѣдтъ выдумать что-нибудь очень странное и обѣщать какъ-можно больше, чтобъ изумить, возбудить вниманіе, и вы безопасны на счетъ успѣха. Конечно, успѣхъ этотъ не проченъ, какъ то доказываютъ частыя превращенія самой Германской Философіи, которая должна была безпрестанно увеличивать свои обѣщанія, чтобъ приостановить усиленіе равнодушія и отвращенія къ ней публики: но все же онъ успѣхъ, а для толпы успѣхъ — доказательство!

Мы сказали, что каждый можетъ повѣрить на себѣ опытомъ основательность начальнаго ихъ предположенія. Этого-то они и не хотятъ. Повѣрки и опыта они страшатся пуще смерти. Они доказываютъ, что повѣрять этого не должно и не возможно. Надъ кѣмъ хотите вы производить опытъ? Надъ лицомъ? Лица нѣтъ въ природѣ, — есть только общій человекъ, Я, котораго они единственные представители: слѣдственно вы должны вѣрить тому, что они говорятъ вамъ, а не повѣрять ихъ слова опытомъ. И дѣйствительно, познавая все черезъ непосредственное откровеніе разума, приписывая одному умозрѣнію способность производить истинное знаніе, надобно было запрягать куда-нибудь опытъ, то есть, свидѣтельство чувствъ. О томъ, что они противъ него выдумывали, какъ на него клеветали, какими средствами старались погубить его, можно было бы написать тѣму

книгъ безъ всякой пользы. Но здѣсь-то коренное противорѣчіе Германской Философіи и зародышъ собственнаго ея истребленія. Опытъ ей ужасно надоѣдаетъ, — и какъ бы она хотѣла сжить его съ рукъ, чтобъ потомъ распорядиться на просторъ! Вотъ отчего такъ часто повторяютъ въ Германіи, что смыслъ и разумъ портятъ Философію, или, какъ говорилъ одинъ Гегелистъ въ началѣ своего курса, «что истинная Философія начинается уничтоженіемъ смысла.» Одаривъ свой вымышленный разумъ безпредѣльнымъ могуществомъ — творить, или говоря ихъ языкомъ, *построивать* дѣйствительность, они уже тѣмъ самымъ уничтожали опытный источникъ познанія, и такимъ только образомъ сохранили единство цвѣта своимъ системамъ, хотя единство это — мнимое, и въ Германской Философіи нельзя сдѣлать шагу, не наткнувшись на предположеніе двоякаго источника познаній. Чтобъ уничтожить его еще лучше, они выдумали противоположность разума смыслу, идеи понятію, умозрѣнію, или безусловно-подлиннаго созерцанія, зрѣнію посредствомъ чувствъ и опыта, и, вслѣдствіе того, раздѣленіе Психологіи, Логики, Физики на умозрительную, или высшую, и на опытную, или низшую, — двоякость; противорѣчащая сама себѣ, невообразимая, уничтожающая всякую Философію, то есть, знаніе, тѣмъ именно, что заставляетъ допускать два рода знанія, первой и второй степени.

По мнѣнію этихъ господъ, того или другаго вывода нельзя признать истиннымъ потому, что онъ основанъ исключительно на соображеніяхъ смысла: смыслъ говорить одно, а идея другое. Разумъ, напримѣръ, опредѣляетъ возмездіе, единственную справедливую мѣрою казни, — носъ за носъ; барана за барана, — а опытъ доказываетъ, — что подобная казнь не всегда достаточна къ удержанію отъ преступленій и что поэтому не должно ограничиваться однимъ возмездіемъ.

Такъ что жъ это за разумъ и что за смыслъ, когда они противорѣчатъ одинъ другому? Слѣдственно смыслъ умнѣ разума?

Германскіе философы довольно трудились надъ тѣмъ, чтобъ согласить несогласное. Кантъ первый совершенно противоположилъ разумъ смыслу, но онъ установилъ между ними взаимныя соотношенія, опредѣливъ каждому его кругъ. Онъ приписывалъ разуму способность «творить» истину и «непосредственное знаніе» только въ предѣлахъ нравственности, а познаніе внѣшняго міра предоставлялъ опыту. Но можно ли дѣйствительно отдѣлить то, что есть, отъ того что быть должно? Самъ Кантъ доказалъ лучше всѣхъ избыточность такого раздѣленія въ сочиненіяхъ о нравственности и о правѣ естественномъ, гдѣ казуистика уничтожаетъ законы, объявленные именемъ разума, и, приложеніе опредѣляетъ мѣру права, такъ, что гдѣ разумъ, сперва принятый за безусловное начало, становится чѣмъ-то второстепеннымъ и условнымъ, и наконецъ совсѣмъ запутывается. Для устраненія этого противорѣчія, преемники его, Фихте, Шеллингъ и Гегель, вздумали утверждать, что опытъ подчиненъ чистому умозравнію, природа идеѣ, смыслъ разуму, и что истинное знаніе, знаніе подлиннаго бытія вещей, пріобрѣтается не иначе, какъ непосредственнымъ внушеніемъ разума. Легко утверждать, что все знаешь посредствомъ чистаго умозравнія, но не возможно скрыть, что положенія, выдаваемыя за выводы à priori, суть просто результаты прежнихъ отвлеченій, понятій предварительно почерпнутыхъ въ опытъ. Кто говоритъ, что есть знаніе выше опытнаго, тотъ уничтожаетъ послѣднее, какъ-бы ни старался онъ прикрыть это разногласіе уловочнымъ изложеніемъ своихъ догматовъ.

Германскіе философы въ странномъ положеніи: они не могутъ отвергать опыта рѣшительно, потому что

это было бы нелѣпо, и не могутъ допустить его въ какомъ-нибудь самостоятельномъ значеніи, чтобы не разрушить своихъ сверхопытныхъ, заоблачныхъ системъ. Что жъ они дѣлаютъ? Опять поднимаются на уловки обыкновенно морочать словами — конечное, бесконечное, абсолютное, безусловно-подлинная дѣйствительность, проявленіе, идеи, понятія, — ворочанія одной и той же задачи, отнюдь не ведущія къ ея рѣшенію! Обогащеніе той отвлеченности, которую называютъ они разумомъ или другими равнозначительными именами, — вотъ *deus ex machina*, фокусничій снурокъ Германской Философіи. Божество это рѣшаетъ всѣ задачи, уничтожаетъ всѣ сомнѣнія. Принявъ за основной фактъ, что они одарены ясновидѣніемъ, проникающимъ вселенную, или тождественнымъ дѣйствительности, они смѣшали простое мнѣніе съ истиною, вообразимость съ дѣйствительностью, и не могутъ ни убѣждать, ни убѣждаться: одно средство — вѣрить! Нынѣшній Германскій философъ не тотъ старый, добродушный, аккуратный Нѣмецъ, который вездѣ ссылается на факты, сознается въ своей ограниченности, толкуетъ о тайныхъ свойствахъ вещей, выражается предположительно, чистосердечно различаетъ вѣдомое отъ невѣдомаго, допускаетъ случаи, гдѣ данныя еще недостаточно изслѣдованы для вывода достовѣрнаго заключенія, и отнюдь не считаетъ себя въ правѣ смѣшивать возможное съ дѣйствительнымъ, вѣроятное съ несомнѣннымъ: нѣтъ, нынѣшній философъ прямой посредникъ между міромъ видимыхъ явленій и другимъ міромъ пресущественнымъ, пророкъ, не только знающій невѣдомое, но и въ томъ, что всѣмъ извѣстно, открывающій особенныя стороны, исключительно ему доступныя. Вотъ обыкновенное его умствование: Какъ бы ни былъ обширенъ опытъ, никогда не можетъ онъ овладѣть истиною конечною и безусловною, потому что онъ только переходитъ отъ од-

ного состоянія вещи къ другому, отъ условія къ условію; онъ только расширяетъ кругъ, въ которомъ самъ затворенъ, но предѣлы все остаются: оттого крайнія условія, имъ достигаемыя, всегда оказываются случайными, тѣнными, неоправдываемыми разумомъ, и случайность эта переходитъ во всю отрасли его знанія, такъ, что если безусловно-подлинное не проявится въ непосредственномъ, идеальномъ откровеніи, то нѣтъ и знанія безусловно-подлиннаго, необходимаго и несомнѣннаго, то есть, нѣтъ и Философіи. Поэтому должно или отречься отъ Философіи или допустить возможность первичныхъ откровеній со стороны разума, которыя выше всѣхъ выводовъ анализа, которыя самостоятельны, самоопредѣлительны и въ точности соотвѣтственны внѣшнему бытію, какъ конечное его дополненіе, какъ идеальная сторона вещи физической, слѣдствіе безусловнаго тождества вещи, находящейся въ природѣ, и ея идеи, заранѣе заключенной въ нашемъ разумѣ, и предустановленнаго между ними согласія. Вотъ дилемма, которою философы страшатъ тѣхъ, кто осмѣливается не довѣрять имъ; вотъ аргументъ *ad hominem*, на которомъ основывается Германская Философія, называемся поэтому не Философіею разбора истины, а Философіею въ-рванія. Съ чего же вы взяли, что человѣкъ одаренъ средствами познавать безусловно-подлинное, конечное и несомнѣнное, — что они должны находится въ немъ не здѣсь, такъ тамъ, — и что познаніе этого безусловнаго и несомнѣннаго для него такъ необходимо, что ужъ лучше вратъ объ немъ наобумъ (умозрительно), закрывъ глаза и уши, нежели оставить его въ покоѣ? Неужели такъ страшно сознаться въ томъ, что доказываютъ и наблюденіе человеческой природы, и наша Исторія, и даже сама Германская Философія, — въ томъ, что всякое знаніе условно, и что основаніемъ

достоверности можетъ-быть не что иное, какъ самый общій выводъ изъ самаго общаго наведенія опыта; что природа постоянна; что при одинакихъ условіяхъ, на одинаковой степени развитія, происходитъ одно и тоже дѣйствіе, является одинъ и тотъ же феноменъ; что слѣдственно природа разумна, и что должно изучать ее для пріобрѣтенія достоверныхъ свѣдѣній, должно ее слушаться для того, чтобъ управлять ею? Доводу — познаніе безусловно-подлиннаго необходимо, и слѣдственно возможно, — легко дать противный оборотъ, и сказать — познаніе безусловно-подлиннаго невозможно, и слѣдственно не есть необходимо; и съ тою еще выгодой, что въ последнемъ случаѣ выводъ основывается на дознанномъ фактѣ, а въ первомъ на произвольномъ предположеніи. Но всего лучше опровергать подобныя притязанія требованіемъ, чтобъ они оправдывались на дѣлѣ и въ своихъ слѣдствіяхъ.

Если Германскіе философы дѣйствительно озарены горнимъ свѣтомъ, пусть они докажутъ это, истолковавъ намъ въ самомъ дѣлѣ тайную связь вселенной и прояснивъ мракъ множества второстепенныхъ вопросовъ, которые утомляютъ доселѣ самыя ревностныя изслѣдованія? Вотъ скала, о которую всегда сокрушается ихъ Философія, и гдѣ ни какія уловки не въ силахъ прикрыть ея немощи, которая давно замѣтна людямъ здравомыслящимъ, и которая заставитъ наконецъ молчать многообъщающихъ философовъ.

Кантъ, низложитель схоластики, самъ Кантъ былъ главнымъ виновникомъ этого трансцендентальнаго, заоблачнаго ученія. Въ основаніе своей системы положилъ онъ слѣдующую мысль: единственный источникъ познанія вышшняго міра есть опытъ, а выводить сущность вещей изъ идей челоуѣка значитъ предаваться пустымъ и бесплоднымъ умствованіямъ: вещи познаваемы только какъ явленія, а не сами по себѣ,

не въ безусловно-подлинной ихъ дѣйствительности, которая навсегда останется неизвѣстною. И такъ Кантъ установилъ ученіе, совершенно противоположное тому, какое проповѣдуетъ позднѣйшая философія. Но способъ изложенія его системы отнюдь не благопріятствовалъ изгнанію стараго догматизма, который возобновился тотчасъ послѣ него: точками отшельствія Кантъ попрежнему принималъ отвлеченности, — главный недостатокъ Философіи всѣхъ вѣковъ; онъ не спросилъ себя, имѣлъ ли бы онъ тѣ идеи, которыя называетъ врожденными, если бъ у него не было чувствъ, источника опыта, и вмѣсто того, чтобъ опровергать схоластику методою опыта, онъ защищалъ опытъ схоластически. Сверхъ-того, онъ допускалъ въ душѣ извѣстныя первобытныя формы знанія, то есть, рамы, въ которыхъ распредѣлялись отношенія познаваемыхъ предметовъ, и наконецъ довершалъ несогласимость своего ученія вымысломъ особеннаго практическаго разума, который, въ противоположность теоретическому, опредѣляетъ у него человѣческіе поступки помощію собственнаго ясновидѣнія, и въ познаніи того, что быть должно, не слѣдуетъ общему логическому способу. Отъ разума, созданнаго Кантомъ, до разума, *построивающаго* вселенную, одинъ шагъ. Въ этой философіи крылся зародышъ двухъ ученій: одно истинное, постепенное, ограничивавшееся только возможнымъ знаніемъ; другое мечтательное, исполненное предположеній, богатое пустыми перспективами, — и оно-то восторжествовало съ помощію Фихте. Онъ первый провозгласилъ это мнимое умственное, или безусловное созерцаніе всеобщимъ и единственнымъ источникомъ знанія. У него не идеи отраженія дѣйствительности, а напротивъ дѣйствительность — оттискъ идей; знаніе не зависитъ отъ свойства предметовъ, а *полагаетъ*, то есть, производитъ ихъ изъ себя какъ собственное дополненіе. Слово *полагать*

есть философскій камень Германскаго любомудрія: прибавляя къ нему разные предлоги, вы получите удивительные глаголы, которыми все объясняется — то есть, *предполагается*. Безусловное лице, Я, полагаетъ міръ виѣшній, не-Я, какъ свой антитезъ, и связываетъ его съ собою безусловнымъ синтезомъ. Это очень ясно: это значить, что умъ производитъ природу, и что только онъ одинъ имѣетъ истинное бытіе, а все прочее существуетъ для него и по его милости; для познанія истины стоитъ лишь углубиться въ это Я и выслушать его откровенія.

Это слишкомъ идеальное направленіе системы Фихте, уничтожившей предметную дѣйствительность, возбуждало противодѣйствіе Шеллинговой философіи. Шеллингъ наследовалъ отъ своего предшественника предположеніе самобытнаго ясновидѣнія разума, которое называли тогда умозрѣніемъ, и вся разница между Фихте и Шеллингомъ въ употребленія этого волшебнаго жезла.

Шеллингъ придавалъ вещамъ такую же дѣйствительность, какъ и идеямъ, и соединилъ ихъ предположеніемъ безусловнаго тождества: вещь и идея одно и то же; это — одно существо, только оно проявляется въ двухъ различныхъ формахъ. «Безусловное, какъ всюду тождественное начало дѣятельности, для проявленія себя должно перейти въ дѣятельности противоположныя; но разъединеніе это не есть дѣйствительное: что само въ себѣ тождественно, то въ сущности не разъединяется, а должно быть только формное, то есть, происходящее оттого, что безусловное отражается въ самомъ себѣ и дѣлается собственнымъ противоположеніемъ.». И вотъ по чему быкъ и идея быка одно и то же! Это безусловное тождество всего сущаго и всего мыслимаго *объясняетъ* ли или только показываетъ непроницаемую тайну? Выводъ ли это горняго ясновидѣнія, или только самое общее выраженіе са-

мой обширной отвлеченности? По рѣшенію этихъ вопросовъ должно судить, настоящее ли открытіе сдѣлала Шеллингова философія или только открытіе пустыхъ словъ.

Называйте идею и предметъ тождественными, — мы согласны: только не говорите, чтобъ между ими не могло быть и безусловной разности; не скрывайте подъ этимъ уловочнаго старшинства идей, которыми вы уничтожаете дѣйствительность вмѣсто того, чтобъ познавать ее. Называйте общую связь вселенной безусловнымъ тождествомъ, а феномены формами его проявленія, — Богъ съ вами: только не увѣряйте насъ, что этими отвлеченностями объяснили вы первую причину или послѣднія условія всего сущаго: блаженной памяти Метафизика толковала ихъ не хуже нашего своими *substantia* и *modi*.

Ученіе Шеллинга преимущественно занималось внѣшнимъ міромъ, и оттого получило названіе Философіи Естественной. Но это самое приложеніе его къ природѣ ускорило упадокъ школы въ общемъ мнѣніи, потому что сближеніемъ съ дѣйствительностью всего легче было повѣрить ея догматы. Умозрительная Физика Шеллингистовъ хотѣла объяснить явленія природы во всѣхъ ихъ отношеніяхъ, и доказать всемірный организмъ въ его цѣлости помощію одного умозрѣнія; но растерявшись въ отвлеченностяхъ, въ аллегорическихъ образахъ и самыхъ странныхъ сравненіяхъ, она скоро превратилась въ формализмъ неподвижный и безжизненный, гдѣ силы природы, числа и математическіе знаки олицетворяются и распредѣляются по особенной табелло рангахъ. Такъ на примѣръ электричество представляетъ собою смыслъ, кровь соотвѣтствуетъ водѣ, инстинктъ свѣту, черепъ алмазу, а что золото и серебро — мужчина и женщина, которые *тяготятся* другъ къ другу, объ этомъ нечего и говорить. «Вещество проявляется въ

воду, какъ безразличное, въ свѣтъ, какъ идеальное, въ алмазъ, какъ существенное.» Все объяснено, — и дѣло кончено.

Система Шеллинга далеко распространяла тождество идей съ предметами и единство безусловно-подлиннаго съ его проявленіями, однако жъ органъ знанія все еще служилъ какъ-бы мостомъ, соединяющимъ два эти міра, которые поэтому представлялись порознь. Здѣсь говорили еще объ умозрѣніи и познаніи безусловно-подлиннаго; безусловно-подлинное было еще предметомъ, который слѣдовало постигнуть. Путь къ нему указанъ былъ такимъ образомъ, что каждый могъ протестовать, если не находилъ въ своемъ Я обещаннаго ясновидѣнія, если напрасно измучился, стараясь вдолбить себѣ въ голову возможность, чтобъ изъ $a=a$, изъ этого пусто-порожняго тождества и вѣчнаго покоя, могло возникнуть безконечное разнообразіе дѣйствительности. Для устраненія этого неудобства надлежало еще разъ перегнать эфирную тождественность, надлежало совершенно уничтожить различіе между знаніемъ и предметомъ, и такъ совокупить безусловно-подлинное съ идеею, чтобъ отнюдь не къ чему было привязаться. Это предпринялъ Гегель. Онъ хочетъ рѣшительно устранить всякое психологическое изслѣдованіе о возможности безусловнаго знанія, и говорить, что недоумѣвающимъ этой возможности должно отвѣчать «такимъ же недоумѣіемъ къ ихъ недоумѣію.» Возможность безусловнаго всевѣдѣнія принимаетъ онъ за фактъ, неподлежащій сомнѣнію и не требующій доказательствъ, а такъ какъ оно не совмѣстно съ умомъ, стѣсненнымъ необходимыми условіями, то по мнѣнію его должно забыть объ этихъ условіяхъ, не говорить ни объ умѣ, ни объ его предѣлахъ, и тогда все пойдетъ какъ нельзя лучше: только надо имѣть довѣріе.

Кантъ основалъ систему свою на критикѣ умственныхъ способностей, чтобъ разрушить царство произвола въ Философіи и уничтожить грезы старой Метафизики. Гегель, въ самомъ началѣ своего ученія, провозглашаетъ невозможность такого философствованія, для того, чтобъ опять вызвать привидѣнія, изгнанныя Кантомъ. Гегель утверждаетъ, что онъ усовершенствовалъ систему формъ Шеллинга. По его мнѣнію, Шеллингъ далъ Философіи безусловное ея содержаніе, но, поставивъ философствующій умъ внѣ рѣшаемымъ имъ вопросамъ, онъ не успѣлъ соединить знанія съ предметами. Форма, избрѣтенная Гегелемъ, форма *per excellentiam*, форма, которая вмѣстѣ и содержаніе, есть умозрѣніе, движимое собственною діалектикой, — способъ, по которому знаніе приходитъ само собою безъ посредничества ума, изгнаннаго изъ этого самодвига; способъ, не начинающій съ чего-нибудь, предполагающій сперва ничто и разрѣшающійся ничтожествомъ.

Философія Гегеля даже и по языку приближается къ старой Схоластикѣ. Онъ возобновилъ старую ссору номиналистовъ съ реалистами. По его мнѣнію, понятія—предметны, и составляютъ истинную сущность вещей: онъ не хочетъ видѣть въ нихъ общностей, въ которыя сведены вещи и явленія для того, чтобъ ихъ легче было помнить, и которыя воплощаются въ языкъ, гдѣ каждое слово означаетъ бездну отношеній и предметовъ, принимаемыхъ черезъ отвлеченіе за тождественныя, хотя въ дѣйствительности они отнюдь не одни и тѣ же; онъ смѣшиваетъ облегчительное для насъ употребленіе понятій съ самыми вещами, утаиваетъ ихъ происхожденіе, приписываетъ имъ безусловно-подлинную дѣйствительность, и, поставивъ списокъ выше образца, уничтожаетъ дѣйствительное въ его частностяхъ, отвергаетъ различіе лицъ; онъ увѣчитъ природу, втѣсняя ее

въ рамы блѣдныхъ и тощихъ отвлеченій, и превращаетъ естественный порядокъ, исправляя предметъ по его умственному образу вмѣсто того, чтобъ исправлять образъ по предмету.

Но послушаемъ самого Гегеля. «Кто утверждаетъ дѣйствительность лица, тотъ говорить совсѣмъ не то, что самъ думаетъ..... Онъ хочетъ сказать, — *этотъ* листъ бумаги, на которомъ я писалъ, — не говорить того, что хочетъ сказать. Если бѣ онъ дѣйствительно хотѣлъ говорить о томъ листѣ бумаги, который у него въ мысляхъ, то это было бѣ не возможно потому что чувственное *это* невыразимо даромъ слова, исключительно принадлежащимъ сознанию, которое само въ себѣ безусловно. Пока успѣють опредѣлить *этотъ* листъ, онъ сгвнѣтъ: тѣ, кто началъ бы его описаніе, не могли бѣ кончить, и должны были бѣ передать эту обязанность другимъ, которые спохватились бѣ наконецъ, что говорятъ о томъ, что уже не существуетъ..... Поэтому когда дѣло идетъ и объ особенномъ предметѣ, о лицѣ, мы начинаемъ его только общностями, и то, что называемъ мы невыразимымъ, конечно неистинно и неразумно.» Слѣдственно нѣтъ ни Петра ни Ивана, — а только есть Петро-Иванъ, общее и безсмѣнное Я.

Вотъ вамъ образчикъ этой діалектики, которая столько жѣ отличается странностью языка, сколько ложностию умствованій! Замѣтьте, она не говоритъ, что особенная дѣйствительность, то есть предметъ, лице, не можетъ отдѣльно отъ цѣлаго рода своего вѣститься въ понятія, со всѣми своими свойствами, что мы понимаемъ предметъ, лице, только относя ихъ къ цѣлому роду, къ какой-нибудь общности, и что слѣдственно понятія — только не полныя опредѣленія вещей, а хочетъ доказать, что такъ какъ особенное, то есть, лице, невыразимо въ общностяхъ, то оно и не дѣйствительно.

Все это старыя толки о сущностяхъ и существенностяхъ, объ *essentia*, *substantia*, *entitas*, *hypostasis*, *accidentia*, *modi*, выражающихъ только произвольныя раздробленія единства природы. Кто жъ не знаетъ, что несущественнымъ, случайнымъ называемъ мы что-нибудь только въ отношеніи къ общимъ понятіямъ, по которымъ распредѣляемъ вещи и явленія, а не потому, чтобъ мы въ самомъ дѣлѣ отрицали существенность? Кто скажетъ серіозно — этого нельзя точно выразить общими понятіями, слѣдственно это не существуетъ?

Гегель неоднократно возставалъ противъ привычки останавливаться на отвлеченностяхъ и раздѣлять ихъ неодолимыми преградами, а никто больше его не впадалъ въ это заблужденіе. Если бъ онъ сказалъ: Вотъ опытъ описанія явленій, разсматриваемыхъ съ общей точки зрѣнія, — вотъ рама для дѣйствительности, — онъ назвалъ бы свое ученіе настоящимъ его именемъ; но тогда бы никто не обратилъ на него вниманія, потому что каждый увидѣлъ бы, что это самое произвольное, самое пустое, самое ничтожное распредѣленіе; каждый могъ бы убѣдиться, какъ мало проку въ раздробленіи дѣйствительности на разныя степени бытія и принятіи за безусловную истину отвлеченія отъ всѣхъ измѣненій, оттѣнковъ и переходовъ, которымъ напередъ отказано въ истинной дѣйствительности. Но Гегель не объясняется такъ чистосердечно: онъ увѣряетъ, что изъ *любомудрія* сдѣлалъ онъ настоящую *мудрость*; онъ скрылъ пошлости своего ученія подъ стереотипными выраженіями, жеманными, притязательными и необыкновенными; онъ столько разъ твердилъ о превосходствѣ своего знанія передъ всѣми другими, что успѣлъ навязать кой-кому утомительный формализмъ своихъ отвлеченій. *Форма* всегда была гибельна для Филосо-

Фии, а въ Германской она до-сей-поры господствуетъ во всей силѣ.

Но быть-можетъ, мы утомили читателей этимъ краткимъ изложениемъ общностей. Вы спросите — что жъ произвели Германскіе философы? Какой положительный выводъ этого умственного созерцанія и выспренной мудрости? Нельзя ли примѣнить къ нимъ изреченія Евангельскаго — Отъ плодъ ихъ познаете ихъ? Положительность бываетъ только тамъ, гдѣ знаніе нераздѣльно съ жизнью, гдѣ наука не составляетъ причины; а для Германіи, при всѣхъ ея успѣхахъ и просвѣщеніи, еще не наступило это время. Запертые въ своихъ университетахъ, отчужденные отъ общественной жизни, не имѣющіе случая узнать челоуѣка на опытъ, философы смотрятъ тамъ на него сквозь закопченное стекло оконъ своихъ аудиторій, видятъ его неясно, воображаютъ объ немъ небывалое, и, переходя изъ одной мечты въ другую, выпадаютъ наконецъ въ дикія умозаключенія, изъ которыхъ дѣлаютъ они ремесло, родъ прибыльной тайны. Впрочемъ, если бъ даже не было бездны печатныхъ доказательствъ, само собою ясно, что Германская Философія, ставъ выше природы, и такимъ образомъ предавшись произвольности, не можетъ имѣть ни какихъ положительныхъ результатовъ, и готова объяснять все, какъ вамъ угодно. Она предсказывала будущую исторію челоуѣчества до скончанія вѣковъ, и описывала вамъ подробно преставленіе свѣта; она объясняла, что челоуѣкъ одаренъ свободной волею, и что свобода эта — невольна, fatalitas; она доказывала не-шутя, что вселенная тождество, двойственность, тройственность, что все на свѣтъ тройнично; что внутренность земли населена, и что слѣдуетъ посылать туда колоніи; что Пруссія есть отпущеніе грѣховъ; что удивленіе Виктора Гюгò къ Наполеону есть приложеніе Любви къ Исторіи, и прочая. Эти

выводы принадлежать разнымъ любомудрамъ, но всѣ отличаются одною и тою же произвольностью и нелѣпностью умствованія. Нѣтъ предмета, котораго бы нельзя было рѣшить утвердительно и отрицательно помощію этой Философіи.

Главное заблужденіе Германской Философіи состоитъ въ томъ, что она хочетъ творить истину, а не открывать ее. И творя истину, она силится вывести изъ внезапнаго, первобытнаго ясновидѣнія тѣ свѣдѣнія, которыя очевидно суть слѣдствія предварительнаго опыта. И оттого содержаніе системъ ея не всегда бываетъ ложно: умозрители какъ ниграютъ словами, а знаніе поневоль черпаютъ тамъ же, гдѣ и другіе, и превращая видъ вопросовъ, только напрасно затрудняютъ ихъ рѣшеніе. Такимъ образомъ, школа философвъ - натуралистовъ, между множествомъ тщетныхъ усилій, произвела и кое-что хорошее, потому что умозрители должны были сами дѣлать наблюденія и пользоваться наблюденіями другихъ. Однако жъ если что и сдѣлано ими хорошаго, такъ не по ихъ системъ, а наперекоръ ей; не *потому*, что они были умозрительными философами, а *несмотря на то*, что были ими; не потому, чтобъ ихъ ученіе управляло природою, но потому, что природа нерѣдко вынуждала ихъ забывать его. Напротивъ, въ нравственныхъ наукахъ, которыя держатся еще на общихъ началахъ, увѣковѣченныхъ преданіемъ, Германская Философія, съ своими предположительными отвлеченостями, не могла пріобрѣсти ни малѣйшаго успѣха, потому что здѣсь необходимо, сбросивъ цѣпи формъ, подвергать строгому изслѣдованію догматы, выдаваемые за безусловныя, и руководствоваться способомъ самымъ чистымъ и безпристрастнымъ, который очерняется только въ постоянномъ наблюденіи челоувѣческой природы и исторіи развитія народовъ: безъ этой неослабной повѣрки правилъ съ жизнію, нико-

гда не будет толку въ нравоученіи. Съ увѣренностію, раждаемою тщательнымъ соображеніемъ и изученіемъ предмета, осмѣливаемся мы утверждать, что нѣтъ ничего противорѣчиваго и бесплоднаго громады систематическихъ книгъ, изданныхъ въ Германіи подъ фирмою этой Философіи по части нравственности и права, — заисключеніемъ Шлейермахеровой «Критики» всѣхъ системъ нравоученія и творенія Гуго о философіи права положительнаго, въ которой однако жъ только способъ заслуживаетъ безоговорочное одобреніе, а многія заключенія, выведенныя авторомъ въ притиводѣйствіе догматизму его предшественниковъ и противниковъ, болѣе рѣзки нежели истинны.

Мы сказали, что Германская Философія, не имѣя собственно принадлежащихъ ей результатовъ, способна оправдать все, что хотите, подъ прикрытіемъ общепримѣнимыхъ, стереотипныхъ выраженій. Однако жъ не легко себя представить, какому насилію, какому искаженію подвергаетъ она то, что возьмется втѣснить въ свои рамы. Гегелева школа особенно отличается по этой части. Для примѣра беру изъ его сочиненій первую страницу, какая попадетъ. Вотъ какъ объясняетъ онъ, что при вступленіи дѣвушки въ болѣе независимое состояніе замужества ослабляются узы, связывающія ее съ родителями: «Дѣвушка не можетъ достигнуть *бытія для себя*, къ которому она способна, не пожертвовавъ отношеніями къ родителямъ:» слѣдственно въ родителяхъ не видитъ она *положительнымъ образомъ* своего *бытія-для-себя!* Далѣе Гегель говоритъ, будто различіе между цѣломудріемъ женщины и мужчины состоитъ въ томъ, «что добродѣтельная женщина желаетъ не *сего* мужа, не *сихъ* дѣтей, а мужа и дѣтей вообще; что цѣломудріе нечисто, если въ желаніи есть склонность къ определенному лицу (это потому, что въ природѣ нѣтъ лицъ); что порядочная женщина не ищетъ познать себя

въ другомъ семь Я; » между-тѣмъ какъ мужчина, «обладая, въ званіи гражданина, способностію къ *всеобщности*, и притомъ съ яснымъ сознаниемъ, покушаетъ право страсти и въ то же время сохраняетъ свою независимость. » Напоследокъ, поговоривъ объ отношеніяхъ между сестрою и братомъ, Гегель дканчиваетъ слѣдующими словами: « Потеря брата незамѣнима для сестры, и потому долгъ ея въ отношеніи къ нему есть самый важный и высреннѣйшій изъ всѣхъ долговъ. » Странное ученіе! Безъ-сомнѣнія, скажутъ, что отрывки эти могутъ быть понятны только въ цѣлой системѣ: читайте жъ цѣлую систему, и вы убѣдитесь, что бредни не перестаютъ быть бреднями, оттого что ихъ сцѣпляютъ многогромкимъ именемъ системы; читайте безъ предубѣжденія, безъ рабской вѣры къ авторитетамъ, и вы увидите, что мы назвали эти умствованія точно ихъ именемъ. Стоитъ лишь вспомнить о Схоластикѣ ереднихъ вѣковъ, для убѣжденія себя въ томъ, что есть родъ Философіи, начинающійся тамъ, гдѣ оканчивается здравый разсудокъ.

Съ начала нынѣшняго столѣтія, или лучше, съ появленія Фихте, который систематически поставилъ Философію внѣ всѣхъ законовъ и повѣрокъ, часто рождались сомнѣнія насчетъ добросовѣстности учителей. Дѣйствительно, умствованія и выводы ихъ иногда такъ странны, такъ очевидно уловочны, такъ чужды всего человѣческаго, что имѣешь почти полное право подозрѣвать ихъ честность. Но довольно знать развитіе и ходъ этой Философіи, чтобъ устранить всѣ подобныя подозрѣнія. Она просто восторженное заблужденіе, — и только. Безпрерывно твердя себѣ о мнимой необходимости знанія высшаго разряда, безпрерывно думая о томъ, что они называютъ *противорѣчіемъ* во всѣхъ другихъ взглядахъ на отношенія чловѣка къ природѣ; преслѣдуя льстивую надежду уничтожить условія, которымъ подлежатъ всѣ наши

познанія; сначала укрѣпляя въ себѣ колеблющуюся вѣру авторитетомъ предшественниковъ, а вконцѣ превосходя ихъ самихъ въ смѣлости и самоубѣжденіи, Германскіе философы естественно доходятъ до того, что заблужденіе становится неподвижною идеей. Здѣсь конечно есть и примѣсь тщеславія, но она не исключаетъ вѣры въ стремленіе къ возмечтанной цѣли.

Нѣтъ ни какой возможности, чтобъ одинъ человекъ началъ и успѣлъ довершить такое ученіе, какъ Гегелево: оно — слѣдствіе многихъ прежнихъ усилій. Высокопарная мечта, укрѣпляясь преданіемъ, росла и распространялась постепенно. Кантъ первый намѣкнулъ о пророчествующемъ разумѣ: это послужило зародышемъ. Фихте и Шеллингъ развернули и прославили его идею. Однако жъ у Фихте и Шеллинга это знаніе безусловно-подлиннаго, это всемогущее умозрѣніе, не совсѣмъ еще теряло характеръ ипотезы. Гегель уже объявилъ его несомнѣннымъ фактомъ, изъ котораго выводится рѣшеніе всѣхъ возможныхъ вопросовъ, и такимъ-то образомъ довершилъ онъ переходъ Философіи въ не-Философію, который предсказывали въ Германіи уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Но Гегель и сгубилъ Германскую Философію, показавъ систематически, что безусловность въ знаніи ведетъ прямо къ уничтоженію всякаго знанія.

Но какъ ни глубоко впиалась неподвижная идея въ философствующія головы, какъ ни сильно самоубѣжденіе умозрителей, какъ ни тверда вѣра ихъ въ свою безпогрѣшительность, а то, что не имѣетъ основанія, рано или поздно должно вдругъ запататься. Вотъ отчего большая часть ихъ оканчиваютъ философское поприще религіознымъ мистицизмомъ.

Въ самой Германіи для большинства учащихся, которые, изъ уваженія къ старому обычаю, должны

знать хоть что-нибудь о Философіи, ученіе, развитое Фихте и его преемниками, остается совершенной тайною. Смѣшно и жалко видѣть толпы людей, которые каждый день, тѣсясь около своего профессора, слушаютъ со всевозможнымъ вниманіемъ и не только не разумвють его системы, но даже и не догадываются, о чемъ рѣчь. Они ходятъ на лекціи, перечитываютъ свои тетради, и душа ихъ не согревается ни малѣйшимъ побужденіемъ. Эта Философія отнюдь не страсть ихъ, хотя они и поклоняются ей какъ Буряты своему кумиру. Чтобы понимать, что такое говоритъ она въ наше время, необходимо изучить напередъ Канта, и потомъ пройти внизъ всю лѣстницу великихъ мечтателей. Всегда, и очень справедливо, обвиняли ее въ неясности; но въ ней еще болѣе надутости и притязанія, — а то, что называютъ темнотою, составляетъ коренной грѣхъ, можно сказать, жизненное ея начало, — и есть замѣчаніе, справедливое до пошлости, что удивленіе, доходящее до безумія, всего лучше поддерживается таинственностью, сквозь которую всегда просвѣчиваетъ что-то сверхчеловѣческое и вышепренее. Оттого тѣ, кто не имѣетъ терпѣнія пройти весь предуготовительный путь къ уразумѣнію этой тайны, считаютъ достигшихъ обладанія ею существами высшаго разряда, тогда какъ эти, ознакомившись съ приемами учителя, совершенно забываютъ, что большая разница понимать систему и понимать истину.

Можно привести нѣсколько любопытныхъ фактовъ, показывающихъ, что значить — понимать Германскую Философію. Бенекке, такъ основательно опровергавшій ея ученія и такъ сильно защищавшій необходимость замѣнить произвольный догматизмъ строгою, самоповѣряющеюся системою, рассказываетъ, что профессоръ его, Бернгарди, который былъ въ самыхъ

короткихъ связяхъ съ Фихте по дружбѣ и по Философіи, чистосердечно признавался, что никогда не могъ понять его умозрѣній. Самъ Фихте обвинялъ въ этомъ извѣстнаго философа Рейнгольда, а Гегель говорилъ, что его могъ постигнуть одинъ только чело-вѣкъ, — да и тотъ не постигъ! Причину отгадать нетрудно: всѣ эти господа только обходятъ задачу, а не рѣшаютъ ее; и потому, если вы и поймете, что они хотѣли сказать, все-таки не вразумитесь, какъ можно устранить этимъ отъ задачи тѣ трудности, противъ которыхъ они вооружились. Они оправдываются тѣмъ, что будто Философія не способна къ образу изложенія болѣе обще-доступному. Это справедливо въ отношеніи къ подобному ученію: если разорвать искусственную ткань словъ и вывести его на свѣжую воду, останутся однѣ пошлыя общности и вопросы, все-еще ожидающіе рѣшенія. Тогда каждый увидитъ то, что теперь видятъ немногіе послѣ долгихъ, утомительныхъ изслѣдованій, а именно, что Философія эта движется безъ конца и безъ цѣли въ кругу, которымъ сама очертилась, и изъ котораго не можетъ выйти, потому что онъ ея собственная выдумка, а не вещь, опредѣленная для чело-вѣка природою. Она разделяетъ общую судьбу всѣхъ ученій, опирающихся на авторитеты, а не на здравый смыслъ и живое убѣжденіе. Множество этихъ авторитетовъ сгубитъ ихъ всѣ, если который-нибудь скоро не превзойдетъ прочихъ новостью, необычайностью и объемомъ своихъ общаній.

Проричать въ наше время — ремесло жалкое: исторія Германской Философіи служитъ тому доказательствомъ. Ей предрекали скорое паденіе, когда она только успѣла начать свои проричательныя сумасбродства. До-сихъ-поръ она все-еще держалась; но теперь рѣшительно упала въ цѣлой Германіи: жи-

ненныя силы ее оставили, и нѣтъ ни одного представителя, который бы могъ поддержать ее важностью своего имени. Тяжелое сопротивленіе равнодушія, котораго дѣйствіе всего страшнѣе, довершитъ уничтоженіе того, что только потрясли дѣятельныя нападенія.

Германцы наконецъ утомились этимъ множествомъ бесполезныхъ измѣнній мечтъ; общая воспріимчивость притуплена тщетными ожиданіями и обманутыми надеждами. Партіи болѣе и болѣе склоняются къ бездѣйствію; рѣзкая полемика приверженцевъ и противниковъ прекратилась, потому что высказали другъ другу все, что было можно: остается теперь молчать и разойтись. Какая разница между тѣмъ, что видимъ нынче, и тѣмъ, что было въ началѣ столѣтія, когда воспаряло ученіе Шеллинга! Тогда все было живо и дѣятельно, — теперь все дряхло, все при смерти: никто не думаетъ творить, а только какъ-бы подогрѣть старыя бредни. Другія науки болѣе и болѣе освобождаются отъ ига формализма, и разобщеніе, уединеніе Философіи становится день-о-дня замѣтнѣе.

Политическія науки совершенно ее бросили. Естественное право Канта имѣло вліяніе на положительное законодательство, и даже Фихтево ученіе, при всей его сумасбродности, проскользало въ политическія разсужденія; но опытъ Гегеля остался безъ всякихъ слѣдствій, несмотря на усердныя старанія учениковъ его. Вообще Философія права съ нѣкотораго времени такъ мало уважается въ Германіи, что лучше правовѣдцы готовы были бы даже не упоминать объ ней, если бъ стародавнее преданіе не утверждало за нею мѣста въ энциклопедіи политическихъ знаній. Въ естественныхъ наукахъ та же участь постигла многочисленную школу Шеллинга, которая пережила са-

ма себя, такъ какъ глава ея пережилъ свою систему. Умозрѣніе принуждено было уступить наблюденію природы. Не больно ли видѣть, что тогда какъ въ самой Германіи Физика сбросила съ себя иго Шеллингизма и Окенизма, у насъ начинаютъ появляться книги, которыя хотять привить эту безтолковщину здравому смыслу Русскаго юношества? Еще недавно видѣли мы одно такое сочиненіе, изданное въ Москвѣ, — и видѣли «безусловныя» похвалы, воздаваемыя ему въ нѣкоторыхъ журналахъ, гдѣ его привѣтствовали какъ новый успѣхъ естественнаго знанія въ нашемъ отечествѣ: а это былъ шагъ назадъ! Что касается до новѣйшей и послѣдней системы, именно системы Гегелевой, то она отличается еще тѣмъ, что ее ненавидѣли въ Германіи, и очень немногіе ей слѣдовали. Гегелеву систему можно назвать, не выходя изъ предѣловъ истины, «ученіемъ философской *partii*.» Мы отнюдь не хотимъ подтверждать этимъ названіемъ распространеннаго въ ученomъ свѣтѣ подозрѣнія касательно не-философическихъ причинъ, будто-бы побудившихъ къ ней Гегеля, но въ этой школѣ господствуетъ такой духъ секты, такая пошлость, исключительность, нетерпимость, которые вовсе несовмѣстны съ наукою сильною и благородною, созданною для увлеченія умовъ въ свою пользу, а не для того, чтобы раздражать ихъ. Гегель былъ послѣдній; но онъ, преимущественно передъ всѣми, займетъ первое мѣсто послѣ Омы Аквинскаго и Денса Скотта.

Германскую Философію называли нерѣдко върованіемъ, и говорили, что въ организациі Нѣмцевъ есть что-то особенное, какая-то чудесная способность предчувствованія, требующая прорицательной Философіи. Доказательствомъ этому полагали то, что въ Нѣмецкомъ языкѣ есть слово *Gemuth*, котораго нѣтъ въ другихъ языкахъ, — слово выражающее соединенное дѣй-

ствіе ума и сердца. Но должно признаться, что если Германцы дѣйствительно ощущаютъ потребность въ Философіи, выражающей собою вѣрованіе, то ея философы худо выполнили свое призваніе, и система ихъ явилась противною своей цѣли и источнику. Отъ Философіи, или точнѣе, отъ подставной науки, которая возникаетъ изъ такого расположенія души, слѣдовало бы въ такомъ случаѣ ожидать смиренія и умильщающаго чувства. Правда, Якоби пролилъ на свое ученіе истинное благочестіе, но то было явленіе кратковременное, преходящее, и виновника его причислили ко второму разряду философовъ. Послѣ него все измѣнилось: мистицизмъ изъ теософическаго перешелъ въ схоластическій. Не угодно ли поискать назидательности и смиренія у Гегеля?

Если вѣрить Г-жѣ Сталь, то Германская Философія, основанная на чистомъ оптическомъ обманѣ, согрѣта какимъ-то особеннымъ жаромъ, такъ, что если она и не ведетъ къ истинѣ яснымъ и самоповѣряющимся способомъ, по-крайней-мѣрѣ вливаетъ въ душу порывы поэзіи. Это справедливо лишь въ нѣкоторой степени. Кромѣ Рейнгольда, Якоби и Кёппена, которые совершенно отдѣляются отъ главныхъ системъ новѣйшей Философіи, этотъ жаръ находится только у Фихте въ книгѣ «Опредназначеніи чловѣка,» въ «Рѣчахъ къ Германскому народу», и особенно въ школѣ Шеллинга, когда она еще процвѣтала: но зато сколько тутъ пошлыхъ разглагольствій! Въ поэтическомъ чувствѣ, не разръшающемся личными созданіями, единственною прочною формою поэзіи, — отъ выспрежняго до пошлаго, отъ огненной рѣчи до напыщеннаго разглагольствія, отъ учительскаго образца до ученической каррикулы переходъ очень близокъ, и переходъ этотъ давно уже совершился. Поэтическая ихъ манера сочинила сама изъ себя пародію, и послѣ

усовершенія, приданнаго этому любомудрію Гегелемъ, отъ нея остался самый сухой и безжизненный костякъ, какой только можно себя представить. Можно сказать даже, что умозрительныя ученія изсушили въ народъ источникъ чистой поэзіи: все, что Германія произвела великаго въ этомъ родѣ, процвѣло еще до ихъ укорененія; но съ тѣхъ поръ, какъ умозрительная Философія начала въ ней свирѣйствовать, богатая нива ея Словесности производитъ одни только сорныя травы и безвкусныя плоды. Да и тѣ, кто нынче мерцаютъ тамъ нѣкоторымъ блескомъ генія, отъявленные враги и насмѣшники Германской Философіи.

Эта Философія, несмотря на свое полувѣковое существованіе, пребывала почти вовсе разобщенною съ чужими краями. Нѣмцы толкуютъ это въ благопріятную для себя сторону: они говорятъ и думаютъ, что внутреннее превосходство и выпренность ихъ Философіи требуютъ умовъ, отлично устроенныхъ, умовъ Нѣмецкихъ, и особаго, народнаго предрасположенія. Мнѣніе это такъ часто повторялось въ различныхъ видахъ, что сдѣлалось наконецъ афоризмомъ. Такимъ образомъ, самое то обстоятельство, которое долженствовало оподозрѣть безпогрѣшительность ихъ взглядовъ, послужило имъ къ удаленію всѣхъ сомнѣній!

Мы предложимъ теперь нѣсколько образчиковъ этой Философіи для сравненія съ тѣмъ, что выше объ ней говорили: ихъ будетъ достаточно для объясненія ея способа, а здѣсь все дѣло въ способѣ, въ приѣмѣ, въ ловкѣ. Начнемъ хоть съ Г. Окена, одного изъ знаменитѣйшихъ Шеллингистовъ, и возьмемъ страничку изъ его теоріи родотворенія, написанной лѣтъ за тридцать, когда умозрительная Физика была еще въ

большомъ уваженіи. Должно замѣтить, что авторъ только философствуя говорить такъ сумасбродно: по другимъ статьямъ онъ человекъ очень умный и ученый.

« + 0 -, настоящая Пифагоровская тройственность, = не $3 = 1 + 1 + 1$, которое есть только сторона конечнаго. + 0 - свободно отъ конечнаго представляющаго въ видѣ $n + 3 + 2 + 1 - 1 - 2 - 3 - n$, какъ безконечное повтореніе конечнаго, и однако жъ въ этомъ + 0 - всѣ числа *положены* (gesetzt) отъ вѣчности, потому что всѣ отъ него произошли, хотя въ немъ нѣтъ ни одного + 1, ни одного - 2, которые должны были уничтожиться для того, чтобы имъ можно было возвратиться въ вѣчность..... Что находите вы въ 0? Видите вы въ немъ 1 или 2, одинъ - 1, или одинъ - 4, черту или кругъ? Нѣтъ, нигдѣ; вы видите это отдѣльное и земное только тогда, когда смотрите внѣ 0, внѣ тождества. Высрѣннѣйшее не оскверняется такими вещами..... Какъ данный кругъ есть являющаяся молнія идеи круга, такъ идея круга есть молнія нуля..... 0, какъ чистый 0, отвлеченный отъ + и -, не имѣетъ сказуемаго; онъ не что-нибудь, и не ничтожество, не положительный, и не отрицательный, не одинъ, и не многіе, неимѣющій формы, и не безформный; нельзя приписывать ему ни бытія ни небытія; онъ не есть, но онъ и не не есть; онъ не конеченъ, но и не безконеченъ; онъ несказанный, невыразимый, безусловный безъ всякой опредѣленности.»

Вотъ отрывокъ изъ сочиненія другаго естественнаго философа, писавшаго спустя лѣтъ двадцать, и, честью увѣряемъ, не для шутки, - иначе мы не стали бъ и выписывать. Заглавіе книги его, - «Природа, человекъ и разумъ,» - а имя автора - Кейперъ. Теперь послушайте:

« На сѣверь, близъ Гренландіи, обптаетъ китъ въ самомъ мозгу земли. Между рыбами онъ представляетъ то, что есть философическаго въ челоуѣкѣ: оттого и живетъ онъ только тамъ, гдѣ голова земли погребена въ водахъ неприсступныхъ. Раждая живыхъ дѣтенышей, онъ являетъ образъ философа, который самъ изъ себя раждаетъ знаміе всего сущаго. Вся Европа занимается китоловнымъ промысломъ, кромѣ Германіи, потому что Германія сама одарена философическими способностями, которыя въ себѣ развиваетъ, и не имѣетъ надобности въ китахъ. Китъ служитъ упругою подпорою, — читатель припомнитъ женскіе корсеты: то же самое для наукъ — размышленія философа. Изверженіе воды ноздрями конечно знаменуетъ смѣлое и выпреннее освобожденіе мысли: разсѣкая воздухъ, оно доказываетъ въ себѣ сродство съ полетомъ птицъ. Китовый жиръ проливаетъ свѣтъ подобно умозрѣніямъ философа. » Продолжая въ этомъ тонѣ, Кейперъ находитъ, что семга въ морѣ соотвѣтствуетъ литературнымъ журналамъ на сушѣ, а сельди газетамъ. После этого, признайтесь сами, приложеніе ясновидящаго разума къ естественнымъ наукамъ не есть ли величайшій подвигъ въка? Китъ — умозрительный морской философъ, Библіотека для Чтенія — семга, а Сѣверная Пчела — селедка!

Любимая тема Гегеля, этого великаго жреца уловокъ, увертокъ и придирокъ, состоитъ въ томъ, что разныя точки и степенни развитія вселенной сами въ себѣ не имѣютъ истинной дѣйствительности: это ничего не объясняетъ и только служитъ поводомъ къ бесполезному словопрепію. Если бъ мы не боялись истощить терпѣніе нашихъ читателей, то выписали бъ безконечное и безтолковое умствованіе этого философа объ идеѣ, выражаемой Нѣмецкимъ словомъ *jetzt*, «теперь», которое употребляетъ онъ въ видѣ существи-

тельнаго. Но вотъ по-крайней-мѣрѣ способъ его въ приложеніи.

«Каждый долженъ говорить правду. Къ этой обязанности, высказанной безусловно, сперва должно присовокупить условіе — *если правда ему известна*; послѣ чего правило приметъ слѣдующій видъ: *каждый долженъ говорить правду по собственному убѣжденію и сознанію.* Здравый разумъ, эта нравственная совѣсть, знающая непосредственно, что благо и справедливо; скажетъ намъ, что условіе совокуплено съ общимъ выраженіемъ такъ точно, какъ онъ понималъ это правило, но разумъ тѣмъ самымъ допускаетъ, что, высказывая правило, онъ его уже нарушилъ. Въ самомъ дѣлѣ, разумъ изложилъ его такъ — *Каждый долженъ говорить правду*, а хотѣлъ сказать — *Каждый долженъ говорить правду по своему сознанію*: слѣдственно онъ высказалъ не то, что думалъ, а говорить не то, что думаешь, значитъ говорить неправду. Исправленная лживость или неловкость объяснится слѣдующимъ образомъ: *Каждый долженъ говорить правду по своему сознанію*; но этимъ она измѣняетъ въ нѣчто частное и случайное то, что въ своемъ началѣ разумъ хотѣлъ выразить какъ общегодное и конечное въ самомъ себѣ: зависитъ отъ случаев, знаю ли я правду, говоря ее, или нѣтъ, и правило предписываетъ не больше ни меньше, какъ говорить правду и ложь безъ разбору, смотря по тому, какъ случится мнѣ знать и понимать ихъ. Эта случайность содержанія имѣетъ свою всеобщность только въ формѣ изложенія, выражающей правило; но какъ правило нравственное, оно общаетъ всеобщее и неуклонное содержаніе и само себѣ противорѣчитъ случайностью. Если наконецъ измѣнить правило такъ, чтобъ оно требовало вмѣстѣ и знанія истины, то это будетъ уже новое правило, совершенно противорѣчащее то-

му, съ котораго мы начали. По положенію, здравый разумъ долженствовалъ непосредственно обладать способностью говорить правду, а теперь требуется, чтобы онъ зналъ ее, и слѣдственно допускается, что она не извѣстна ему непосредственно.» (Гегель, «Феноменологія духа», стран. 316). Этотъ отрывокъ — вся Германская Философія въ маломъ видѣ. То, что мы объ ней говорили, является здѣсь въ такомъ свѣтъ, что, для полнаго убѣжденія, стоитъ лишь сравнить эту страницу съ предъидущими.

Тутъ, Гегель сначала устанавливаетъ законодательный разумъ, и, выставивъ за безусловное его начало отвлеченность, заключенную въ формулу, шумитъ и сердится, потому что формула оказывается нелъпою. Мы остановимъ вниманіе не на странности исключенія, которое авторъ дѣлаетъ изъ своего правила на случай незнанія истины, — она слишкомъ очевидна; но на неисправимой ложности основнаго и общаго направленія его системы, на безуміи воображать себѣ, будто естество предмета дѣйствительно признаетъ форму его положеній и опредѣленій, правилъ и исключеній, будто поступки и формула, ихъ выражающая, дѣйствительно тождественны, и будто можно смѣшивать порядокъ учебной книги съ организаціею живой природы. Здѣсь должно было изслѣдовать свойства поступковъ въ ихъ совокупности, а не формулу, которая метитъ только на одну изъ множества стихій, составляющихъ нравственные поступки въ ихъ дѣйствительности, и потому отнюдь не можетъ вести къ рѣшенію многосложнаго вопроса. Наконецъ, необходимо придать общей наукѣ по-крайней-мѣрѣ здравомысліе жизни, ибо нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на свѣтъ было бы еще хуже, если бѣ люди такъ же пользовались этими правилами въ своихъ поступкахъ, какъ Германскіе философы при построеніи своихъ си-

стемъ. Впрочемъ не должно выпускать здѣсь изъ виду и насмѣшливаго умствованія, которымъ Гегель заставилъ разумъ сбиться съ толку и противорѣчить самому себѣ въ своемъ выраженіи. Самъ онъ и вся его школа чрезвычайно любятъ эти насмѣшки, которыя составляютъ часть ихъ діалектики.

Чтобъ показать, какъ способенъ къ усовершенію этотъ пріемъ выставлать отвлеченности и потомъ тереть ихъ одну объ другую подъ предлогомъ діалектики, мы окончимъ выпискою умозрѣнія одного изъ первыхъ Гегелистовъ. Книга его расхвалена до небесъ въ журналъ, управляемомъ этой школою. Заглавіе такъ же странно, какъ и самое сочиненіе: «Листки изъ области настольныхъ и вспомогательныхъ актовъ одного правовѣдца, изданные К. Ф. Гёшелемъ.» Вотъ что гласятъ намъ листки Г. Гёшеля:

«Такъ какъ коллегія, товарищество, общество, состоитъ изъ многихъ особъ, то одно лице не можетъ дать начала коллегіи, но послѣдняя можетъ поддерживать общность въ качествѣ наследника особъ, которыхъ она представитель. Но такъ какъ коллегія состоитъ не только изъ многихъ лицъ, но и изъ связи ихъ, или соединенія, то, для единства *многихъ*, недостаточно *двухъ*: два — отвлеченная противоположность *одного*, и потому необходимы *трое* по-крайней-мѣрѣ, чтобъ двое по-очередно соединялись въ третьемъ. *Tres faciunt collegium*, — трое составляютъ коллегію. Однако жъ древнѣйшій изъ союзовъ, бракъ, состоитъ, какъ мы видимъ собственными глазами, только изъ *двухъ* особъ. Здѣсь очевидно не достаетъ *третьяго* для тѣснаго и полного соединенія (!). Юридическое правило, о которомъ мы говорили, — *tres faciunt collegium*, казалось бы поэтому совершенно произвольнымъ и опровергаемымъ на опытъ. Но,

быть-можетъ, бракъ не есть общество, университетъ, *corpus, universitas*? И въ самомъ дѣлѣ, не должно забывать, что бракъ достигаетъ окончательнаго довершенія въ своей цѣли въ потомствѣ, какъ семейство: слѣдственно и бракъ доказываетъ, что по-крайней-мѣрѣ *трое* необходимы для полнаго соединенія. Можно даже сказать, что третьяго *не недостаетъ ни въ какомъ бракѣ*: во-первыхъ, двое тутъ становятся однимъ; во-вторыхъ, третій въ этомъ союзѣ, какъ восходящій, есть родители, какъ нисходящій, — дитя. Поэтому и бракъ есть правильная, состоящая изъ трехъ, *коллегія*.» Пусть Гегелисты восхищаются, сколько угодно, а по-Русски это называется — чепуха!

Германская Философія надѣлала много вреда; она сбила съ толку не одну умную голову и запутала всѣ науки: пора ей въ отставку, — и, по милости, освободите отъ ней Русскихъ, которые всегда славилась своимъ здравымъ смысломъ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПОНЯТИЯ О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

=

Мы навлекли на себя частые неурожаи и голодные годы единственно истощеніемъ плодородія нашей почвы, а истощили его единственно незнапіемъ того, какъ управлять почвою. То, что случилось теперь у насъ съ нашей почвой, случилось еще прежде у другихъ народовъ съ почвами ихъ отечествъ. Сосѣди наши исправили это несчастіе искусствомъ и наукой, и по ея совѣтамъ не только возвратили почвамъ своимъ плодородіе, но еще возвысили его до неслыханной прежде степени. Пора и намъ прибѣгнуть къ наукѣ, къ искусству, если не хотимъ, чтобы наша родная земля, нѣкогда столь кроткая и щедрая, за тяжкіе труды наши дарила насъ все чаще и чаще неурожаями и голодомъ. Всему есть мѣра, — даже и благодѣтельности природы: приходитъ наконецъ время, что и сама природа, въ гнѣвъ своею за неумѣніе обходиться съ нею, прекращаетъ свои милости и становится жестокою.

Искусство, по какой бы то ни было части, не что иное какъ точныя, вѣрныя свѣдѣнія о дѣлѣ и его правилахъ, и неуклонное исполненіе на опытѣ тѣхъ же правилъ, открытыхъ просвѣщенными народами, установленныхъ вѣками, выведенныхъ изъ размысленій и опытовъ по законамъ ума и природы. Эти правила незыблемы и постоянны. Они не происходятъ изъ мутныхъ источниковъ предубѣжденія и споровъ, волнующихъ недоумѣніями и противорѣчіями, не основываются на ложныхъ умствованіяхъ и невѣрныхъ догадкахъ, но суть отпечатки истинъ неопровержимыхъ, плоды ясныхъ и пра-

вильныхъ наведеній наблюдательности. Они повѣряются и утверждаются безпрестанно опытомъ вѣковъ и здоровымъ смысломъ человѣка. Они не зависятъ ни отъ мѣстнаго положенія, ни отъ климата, ни отъ обычаевъ и узаконеній народныхъ. Они могутъ быть исполняемы всегда, у всѣхъ народовъ, могутъ облекаться во всѣ разнообразныя виды, быть приводимы въ дѣйствіе при всѣхъ обстоятельствахъ. Правила эти, составляя по данной части полную систему истинъ и ихъ доказательствъ, приводятъ изучившаго ихъ къ тому, что именуется просвѣщеннымъ знаніемъ дѣла. Это знаніе — источникъ всякаго успѣха и усовершенствованій, первое основаніе постоянно возрастающаго изобилія и благосостоянія народнаго. Просвѣщенный ремесленникъ или торговецъ, напитанный правилами своего ремесла, съ увѣренностью принимается за производство, дѣйствуетъ не заблуждаясь, поддерживаетъ и совершенствуетъ искусство, котораго процвѣтаніе всегда неразлучно со славою и благодѣяніемъ его отечества. Просвѣщенный земледѣлецъ принимаетъ общія правила земледѣлія, основанныя на законахъ ума и природы, ко времени, мѣсту, силамъ, свойству земли и обстоятельствамъ своего народа; не разрушая кореннаго быта, онъ все улучшаетъ, исправляетъ, наводитъ на путь успѣховъ и усовершенствованія. Чѣмъ точнѣе дѣлаетъ онъ свои примѣненія, чѣмъ удачнѣе приспособляетъ къ дѣлу, тѣмъ важнѣйшихъ достигаетъ успѣховъ, тѣмъ обильнѣйшими вознаграждается выгодами.

Правила какого-либо дѣла, расположенныя въ связи и порядкѣ, собранныя въ одно цѣлое, имѣющее свои части, начало, средину и конецъ, называются *теоріей*, или умственнѣйшимъ знаніемъ истинъ и доказательствъ. Въ отношеніи къ изучающему теорію, она именуется *наукою*. Цѣль всякой науки, быть стѣпльникомъ въ пространной, безвѣстной, темной для начинающихъ области всякаго дѣла, озарить для нихъ путь, ведущій къ успѣху, славы и изобилію; быть нитію для выхода изъ лабиринта недоумѣній и сбивчивости, предостеречь отъ преткновеній и отъ обремененія себя и другихъ напраснымъ трудомъ падъ тою вещію, которая давно уже открыта, извѣдана и описана. Для достиженія этой

цель наука принимает на себя вид *наставлений* или *руководствъ*, которыя излагаютъ ея положенія.

Наставлений, или Руководствъ, можетъ быть два рода: *ученыя* для просвѣщающагося юношества въ учебныхъ заведеніяхъ, и *народныя*, для людей зрѣлаго возраста, уже дѣйствующихъ на поприщѣ свѣта, но или не имѣвшихъ въ юности случая изучить предметъ своего дѣлопроизводства, или не слѣдовавшихъ, по обстоятельствамъ жизни, за успѣхами общаго образованія и усовершенствованій. Различіе обоего рода Руководствъ то, что ученое изображаетъ предметъ во всей подробности, со всеми отбѣтками и умозрѣніями, языкомъ ученымъ и принятою въ науки номенклатурою, а народное есть составъ вѣрныхъ очерковъ, основныхъ линій, правилъ точныхъ, и главныхъ, основныхъ истинъ, выраженныхъ языкомъ общепотребительнымъ, народнымъ, резко, ясно, понятно для всякаго въ тѣснѣйшей связи и порядкѣ. Руководства этого рода, предназначенныя для массъ, суть первую потребностью всякаго предпріятія на поприщѣ улучшеній, и внутреннее ихъ достоинство — лучшее мѣрило того, до какой степени совершенства возвысилась въ народѣ данная отрасль промышленности.

Какія народныя Руководства по части сельскаго хозяйства служатъ понынѣ факеломъ нашимъ земледѣльцамъ? Деревенское Зеркало? Общепародная Книга! Крестьянинъ-Скотоводъ!....

Предметы сельскаго хозяйства изложены въ нихъ безъ всякой связи и послѣдовательности, и помѣщены, особливо въ Деревенскомъ Зеркалѣ, отрывками, между повѣстями для нравоученія, пословицами, простонародными поговорками, плоскими стихами, и даже насмѣшками надъ именами и прозваніями народными. Такъ въ Деревенскомъ Зеркалѣ, вмѣстѣ съ наставленіями о паханіи, посѣвахъ, уваживаніи и домоводствѣ помѣщены сказки — о Честонѣ Малоумѣ дурномъ помѣщикѣ, сластолюбцѣ; объ управителѣ бѣдномъ офицерѣ Правдиннѣ, который «въ семилѣтнюю съ Прусаками войну довольно пошталался и посмотрѣлся въ Помераніи, Браденбургіи и Шлезіи по деревнямъ и мѣстечкамъ тамошняго земледѣлія, скотоводства и хозяйства, за ранами вышелъ въ отставку, и былъ опредѣленъ въ нѣкоторый городъ вое-

*

водскимъ товарищемъ, гдѣ воевода Кривдухинъ, хотя не стоялъ лыка, да селяне ставили его за велико, потому что онъ на воеводствѣ одинъ оралъ, какъ чортъ въ своемъ болотѣ.» Это ли наставленіе въ сельскомъ хозяйствѣ? Сочинитель начинаетъ разсказъ о Правдипинѣ стихами:

Хоти и бѣднѣ ты, но буди только честенъ,
 Правдивъ, нечестенъ;
 Безъ добродѣтели богатство не краса,
 Безъ совѣсти во злѣ вѣтъ радости часа.

Далѣе «Повѣсть о разумномъ овцеводствѣ,» начинающаяся стихотвореніемъ:

Какую пользу вамъ дасть овца, баранъ,
 Суконый носите изъ шерсти ихъ ватавъ,
 Чулки, со шляпою, коты и рукавицы,
 А жевки съ дочерьми цвѣтныя передницы;
 Изъ кожъ шьютъ шубы всѣ, спасаясь отъ хлада,
 Отъ овцеводства намъ великая награда.

Статья о картофелѣ:

Картофели здоровы, вкусны,
 И въ пищу ни кому не гнусны;
 Всѣхъ лучше бѣлые пригодны для людей,
 А красноватые коровамъ, для свиней.

Между наставленіями о пивовареніи, земляномъ строеніи, о пользѣ садовъ и овощей включены сказки о Антипѣ Кочарыгинѣ, суровомъ отцѣ и мужѣ; разсказы о Феклушиномъ красильномъ мастерствѣ, о Малапьиномъ квасѣ, о Валдайской Молодкѣ, подчивающей Велеслава Честановича деревенскимъ кофеемъ и чаемъ; тутъ же о Необходимой падобности скота, и какъ его въ нужныхъ случаяхъ содержать и ему помогать; о Сельской мыловарнѣ, и прочая; даже «О томъ, что выходитъ изъ того, когда деревенскія дѣвушки знакомятъ съ барячами.» Все это, конечно, очень полезно при случаѣ, но оно не спасетъ отъ неурожаевъ.

Всякой легко постигнуть, что въ памяти читателя отъ подобныхъ наставленій не остается другаго, кромѣ хаотической смѣси мыслей о правоученіи, земледѣліи, скотоводствѣ, сельской технологіи,—мыслей запутанныхъ и затемняющихъ истинныя понятія о самомъ дѣлѣ,—мыслей, ни сколько не содѣйствующихъ ни успѣхамъ народнаго образованія, ни усовершенію какого-либо производства. И вотъ откуда

почерпаемъ мы понятія о важнѣйшихъ предметахъ нашихъ занятій и о средствахъ умноженія доходовъ! По этимъ наставленіямъ мы не только не получили ясной идеи о лучшихъ способахъ удобрять нашу почву, но еще докончили разорять ее, вводя въ разныя отрасли хозяйства безпорядокъ, господствующій въ самомъ ученіи. Въ нынѣшнемъ состояніи нашего сельскаго хозяйства, первѣйшая необходимость — снабженіе его хорошими систематическими руководствами, сообразными съ настоящимъ положеніемъ этой науки въ Европѣ и искусно примѣненными въ своихъ правилахъ къ обстоятельствамъ современной Россіи.

Въ Германіи, не только по сельскому хозяйству, но и по всемъ другимъ частямъ промышленности, давно существуютъ катехизисы, заключающіе въ себѣ существенныя правила описываемаго предмета, безъ всякой примѣси сказокъ и повѣстей. Во Франціи и Англии находится множеество ручныхъ книжекъ о ремеслахъ и искусствахъ всякаго рода. Есть ручныя книжки не только для земледѣльцевъ, торговцевъ, художниковъ, но для всѣхъ почти ремесленниковъ, для кузнецовъ, слесарей, сапожниковъ, переплетчиковъ, прачекъ, и прочая. Города и села наполнены ими. Грамотные люди на досугъ читаютъ въ нихъ точныя и систематическія наставленія, и на нихъ-то основывается то общее стремленіе къ усовершенствованіямъ и промышленной дѣятельности, которое ведетъ къ изобилію и богатству.

Польза народныхъ Руководствъ очевидна. Они умножаютъ массу просвѣщенія, доставляютъ государству большее число искусныхъ ремесленниковъ, торговцевъ и земледѣльцевъ. Даже просвѣщенному высшаго сословія челоѵку, принимающемуся за производство какой-нибудь промышленности, всегда полезно и нужно имѣть передъ глазами кратко и ясно изложенныя правила его предмета; челоѵку низшаго сословія не только нужно, но и спасительно пріобрѣтать основныя свѣдѣнія въ ремеслѣ своемъ, отъ котораго зависятъ его пропитаніе, счастье семейства и всей жизни.

Руководства по сельскому хозяйству должны быть составлены, для насъ, съ особеннымъ искусствомъ и съ лучшимъ взглядомъ на предметъ, нежели какъ доселѣ водится въ книжномъ свѣтѣ. По мнѣнію моему, сельскому хозяйству

доселъ не достаетъ ясной и полной идеи его объема, вѣрнаго и безошибочнаго опредѣленія. Область его по учебнымъ книгамъ и по руководствамъ весьма неполна, неправильно распределена и обезображена темными и сбивчивыми понятіями. Многіе Русскіе и даже иностранные писатели о сельскомъ хозяйствѣ, не только въ прошедшемъ столѣтіи, но и въ настоящемъ, понимали подъ его именемъ домоводство и домоустройство. Русскіе называли всю область домостроительствомъ, подъ которымъ разумѣли не сельскую архитектуру, но именно сельское хозяйство съ сельскими ремеслами, скотоводствомъ и домоводствомъ, отдѣляя впрочемъ его отъ земледѣлія. Уставъ С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества говорить, что оно основано для поощренія «земледѣлія и домостроительства.» Иныя полагали, что агрокультура (земледѣліе, земледѣльство), и агрономія (полеводство) суть все сельское хозяйство. Думали такъ же, что экономія, или бережливость, и домоустройство, или домашній порядокъ, приготовленіе запасовъ для дома, пищи и одежды, сбереженіе, скопленіе, скупничество, составляютъ истинное сельское хозяйство, хотя сельское хозяйство, въ рукахъ скупца, нѣредко погибало и разрушалось. Многіе наконецъ полагали, — и это едва ли досихъ-поръ не господствующее мнѣніе, — что отпечатокъ полноты и совершенства сельскаго хозяйства есть плодоперемѣнное полеводство, то есть, когда на поляхъ пахотныхъ производится травосѣяніе и посѣвы корнеплодныхъ овощей. Но еще очень далеко будетъ отстоять отъ совершенства сельское хозяйство, еще вовсе нельзя назвать его превосходнымъ, хотя бы оно и завело у себя плодоперемѣнность, если въ этомъ хозяйствѣ дурное скотоводство и невѣжественный присмотръ за животными; если въ немъ пренебрежено луговоеводство, лѣсоводство; если его сельскія ремесла въ младенчествѣ, не развиты, не совершенствуются и не занимаютъ рукъ въ зимнее, свободное отъ земледѣлія время; если въ его домоводствѣ беспорядокъ, и во всемъ неустройство и безотчетныя дѣйствія, — въ работахъ, запасахъ, счетоводствѣ, и т. п.

Нѣкогда стыдились называть помѣщика хорошимъ скотоводомъ, какъ-будто порядочному человѣку предосудительно

имѣть надлежащія свѣдѣнія въ такой важной отрасли его хозяйства. Самое наставленіе о разведеніи, содержаніи и леченіи скота издаю было на Русскомъ языкѣ не иначе, какъ подъ названіемъ «Крестьянинъ - Скотоводъ.» Сельскія ремесла почитались за совершенно отдѣльный предметъ отъ сельскаго хозяйства. Въ знаменитомъ твореніи Теэра о Сельскомъ Хозяйствѣ почти ничего не сказано о необходимыхъ составныхъ частяхъ полнаго хозяйства, — сельской архитектурѣ, механикѣ, технологіи. О капиталахъ сельскаго хозяйства, о сбытѣ произведеній, о запасности общественной, денежной, хлѣбной и полевой, въ прежнихъ сочиненіяхъ, кромѣ Теэрова, едвали и упоминалось, какъ о необходимой части предмета.

Даже современные писатели думаютъ, что наука Сельскаго Хозяйства не что другое, какъ одна изъ частей естествознанія; что для приобрѣтенія познаній и искусства въ сельскомъ хозяйствѣ нужно изучать Химію, Физику, Естественную Исторію, Земледѣіе, преимущественно полеводство, и только. Изученіе скотоводства, сельскихъ ремеслъ, домоводства; управленіе домою, работами, крестьянами, не поставляются за необходимое и неразлучное съ образованіемъ хорошаго хозяина и управителя. На этихъ неполныхъ понятіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ основаны были и земледѣльческія школы, и хозяйственныя образцовыя заведенія, которыя слѣдственно доставляютъ изучающимъ только одностороннія и невѣрныя свѣдѣнія о дѣлѣ. Что значитъ образцовая ферма безъ скотоводства, безъ лѣсоводства, безъ сельскихъ ремеслъ и полнаго домоводства? Это еще не сельское хозяйство, а обломокъ сельскаго хозяйства, игрушка прихоти, а не урокъ помѣщику. Улучшая одну часть, между тѣмъ какъ четыре или пять остальныхъ остаются въ небреженіи, онъ скорѣе разорится, нежели умножить свои доходы. Надобно, чтобы вся многосложная машина шла заодно и стройно, и только совокупный результатъ ея дѣйствія рѣшаетъ вопросъ о прибыли или убыткѣ.

Теэръ, въ превосходномъ по многимъ отношеніямъ твореніи своемъ, «Основанія раціональнаго Сельскаго Хозяйства», указываетъ на нѣкоторыя важныя отрасли, забытыя прежними писателями, именно, на капиталы и достоинство

помѣстья, и на управленіе работами. Но онъ имѣетъ еще неясную и неполную идею о сельскомъ хозяйствѣ, которое, по его мнѣнію, состоитъ только изъ земледѣлія и скотоводства. Онъ отдвѣляетъ сельское хозяйство по-старинѣ отъ экономіи. Подъ сельскимъ хозяйствомъ разумѣетъ онъ промышленность, доставляющую доходъ отъ растительныхъ и животныхъ веществъ. Но развѣ сельскія ремесла не доставляютъ дохода? Тверскій помѣщикъ, отменно благоразумный сельскій хозяинъ, И. И. В^{***}, получаетъ значительный доходъ, равняющійся едвали не половинѣ полевого дохода его усадьбы, отъ мастерской своей, въ которой дѣлаются машины молотильныя и вѣяльныя, и другія земледѣльческія орудія. Многіе сельскіе хозяева получаютъ хорошій доходъ отъ псаленъ, угольного, дегтярнаго, плотническаго дѣла, и т. д. Развѣ это не отрасли сельскаго хозяйства? Самое искусство располагать усадьбу, садъ, строить домъ, скотный дворъ, сыродѣльню, ригу, анбаръ, и прочая, развѣ не содѣйствуетъ сбереженію и прибавленію доходовъ отъ земледѣлія и скотоводства?

Подъ экономіею Теэръ понимаетъ частію то, что мы называемъ одного изъ отраслей сельскаго хозяйства, домоводствомъ. Къ экономіи относитъ онъ устройство, распредѣленіе и употребленіе силъ людей и животныхъ, и счетоводство. Это нѣсколько похоже на дѣло. Но какъ же въ этотъ разрядъ включать чистыя отрасли полеводства и скотоводства, именно, отношеніе навозовъ къ кормамъ, раздѣленіе полей и сѣвообороты? Неоспоримо, что такая сбивчивость понятій вредитъ наукѣ и усовершенствованію дѣла.

Сельское хозяйство имѣетъ свои производящія силы или капиталы, и ихъ отрасли. Предложимъ полный его очеркъ.

Сельское хозяйство основывается на двухъ производительныхъ капиталахъ, — отъ природы, и отъ труда.

Капиталь отъ природы содержитъ въ себѣ источники произведеній естественныя; капиталъ отъ труда раздѣляется на умственный, искусственный и механическій.

Соединеніе тѣхъ и другихъ образуетъ промышленность сельскаго хозяйства.

Вѣтви ея:

I. Земледѣліе	{ Землеизготовление Полеводство Луговоедство. Львоводство. Огородничество. Садоводство.	{ очищеніе земли. осушеніе. огороженіе. землеудобреніе. землепашество. посѣвы, сѣвообороты.
III. Сельскія ремесла.	{ Сельское домостроительство, архитектура. Сельскія рукодѣлія, технология. Сельскія ремесла, механика.	{ расположеніе усадебъ, садовъ и проч. сельскія строенія: дома, избы, скотные дворы, риги и проч. приготовленіе льна, пеньки, масла, сыра и проч. ткачество, пряденье, крашенье, бѣленье. плотничество. кузнечное дѣло. машинное: земледѣльческихъ орудій, телегъ, сбруи и проч. Дѣтярное, угольное, кирпичное.

Вотъ изъ какого множества отдѣльныхъ частей состоитъ машина сельскаго хозяйства! Всѣ эти колеса должны вращаться вмѣстѣ и пособлять другъ другу въ безпрерывномъ движеніи.

Умѣнье дѣйствовать всеми этими отраслями неразлучно съ процвѣтаніемъ хозяйства, съ постоянными его успѣхами и съ изобиліемъ произведеній. Незнаніе и неискусство въ какой-либо изъ первоначальныхъ, главныхъ отраслей, даже невни-

маніе, всегда отзываются недостатками, несовершенством и ущербом хозяйства.

Изъ очерка, изображающаго полный его объемъ, видно, что наука Сельскаго Хозяйства почерпаетъ правила свои не только въ области наукъ естественныхъ и математическихъ, но бросаетъ корни въ науки политическія и умозрительныя, сближающія природу и человечество, чтобы извлечь изъ нихъ истины глубокия, основныя, необходимыя и для приобритенія наибольшаго количества произведеній, и для управленія себѣ подобными, распоряженія ихъ трудами и собственностью, сохраненія ихъ жизни и здоровья. Для этого нужны, кромѣ наукъ еще добродѣтели, нравственное влеченіе къ добру и искреннее желаніе устроить счастье трудящихся, предупредить ихъ нужды, сберечь ихъ здоровье и бодрость духа.

Наука Сельскаго Хозяйства дотрогивается до всѣхъ стижій души человѣческой, ума, воли, чувствительности и творческой силы, которая и въ этой области можетъ проявляться съ обычною возвышенностью небснаго своего начала, во всемъ блескѣ и славѣ, доступной для человѣка, — именно благоденствіемъ земледѣльцевъ, богатствомъ, вкусомъ и красотою сель и деревень. По достоинству своихъ умственныхъ соображеній, Сельское Хозяйство неоспоримо занимаетъ почетное мѣсто въ мірѣ идеальномъ, среди наукъ, а по праву пользы общественныхъ, по вліянію на жребій человечества, оно помѣщается въ числѣ трехъ основныхъ силъ народнаго благоденствія, между двумя другими основными силами, ремесленною и торговою. И эти три силы связаны между собою тѣснѣйшими узами: онѣ находятся во взаимной зависимости, и совокупно изливаютъ дѣйствіе свое на цвѣтущее состояніе государствъ. При равномъ усовершенствованіи, онѣ упрочиваютъ могущество, независимость, богатство и славу народовъ.

Неисчислимую пользу отечеству принесло бы то общество любителей сельскаго хозяйства, которое, между прочими занятіями, постановило бы цѣлю трудовъ своихъ — составленіе отдѣльныхъ, дешевыхъ, народныхъ книжекъ, или Руководствъ, для народнаго чтенія, о каждой изъ сорока вѣтвей, означенныхъ въ очеркѣ, который мы предложили.

Тогда, как журналы сообщали бы намъ свѣдѣнія о современныхъ сельскихъ трудахъ и открытіяхъ людей просвѣщенныхъ у насъ и у другихъ народовъ, указывая путь къ шествию наряду съ вкусомъ и наукою, эти народныя наставленія служили бы постояннымъ и обильнымъ запасомъ хорошихъ правилъ производства для всехъ возрастовъ Русскаго земледѣльческаго класса. Но въ этомъ предпріятіи одно изъ важнѣйшихъ условій — ясность и вѣрность опредѣленій: иначе, вмѣсто пользы, сочиненія этого рода только усугубятъ тѣ недоразумѣнія, въ которыя уже ввергли Русскую земледѣльческую публику несообразныя названія вещей проповѣдуемыхъ нашими отечественными учителями. Мы коснемся здѣсь только одного изъ подобныхъ названій. Что значить «Плодоперемѣнное сельское хозяйство» или «Плодоперемѣнное земледѣліе», о которомъ толкуютъ намъ непрерывно и совѣтуютъ заводить вмѣсто трехпольнаго? Что такое разумѣютъ подъ именемъ хозяйства трехпольнаго? Къ чему жъ наконецъ должны мы, земледѣльцы, отнести рѣшительно слово «плодоперемѣнный», — къ земледѣлію, одной изъ главныхъ отраслей сельскаго хозяйства, или къ самому сельскому хозяйству?

Ни къ тому, ни къ другому. Въдъ представленный нами очеркъ всехъ частей промышленности сельскаго хозяйства показываетъ, что она состоитъ изъ четырехъ главныхъ отраслей, подраздѣляемыхъ на многочисленныя вѣтви, именно изъ земледѣлія, животноводства, сельскихъ ремеслъ и домоводства. Такъ, если называть, въ подражаніе Нѣмецкому Fruchtwechselwirthschaft, цѣлую промышленность сельскаго хозяйства плодоперемѣнною, выйдетъ, что и каждая изъ ея отраслей должна быть плодоперемѣнна. Но плодоперемѣнное животноводство, плодоперемѣнныя ремесла, домоводство — явная несообразность! Что жъ, одному ли земледѣлію служить этотъ эпитетъ? Французы подошли ближе къ истинѣ, однако жъ и они несправедливо называютъ земледѣліе плодоперемѣннымъ, culture alterne. Земледѣліе, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ — полеводство, земледѣльство (labourage) и обмѣненіе полей пахотныхъ, да сверхъ того земледѣльство, луговоеводство, лѣсоводство, садоводство и огородничество. Можно ли пещись, по правиламъ плодope-

ремьности о земледготовленіи, луговодствѣ, лѣсоводствѣ, садоводствѣ? Также явная несообразность! Изъ всего земледѣлія, плодоперемьными могутъ быть только двѣ его вѣтви,—полеводство и огородничество. На поляхъ пахотныхъ и на грядахъ властны мы высѣвать попеременно различныя растенія и смѣнять другъ друга въ извѣстномъ, систематическомъ порядкѣ. Идея плодоперемьности заключается именно въ перемѣнѣ очереди посѣва разнородныхъ произрастеній на одной и той же землѣ. Отъ этой перемьны земля отдыхаетъ, не гуляя, и не лишается своего плодородія столь быстро, какъ отъ непрерывнаго посѣва однихъ и тѣхъ же зерновыхъ или однородныхъ растеній, или отъ такъ называемаго трехпольнаго хозяйства, которое тоже смѣшно и сбивчиво именуется трехпольнымъ. Въ плодоперемьной системѣ сѣвооборотъ очень часто ограничивается тремя полями, и наоборотъ, въ нашемъ обыкновенномъ полеводствѣ, которому исключительно приписываютъ имя трехпольнаго, нерѣдко бываетъ четыре, пять и шесть полей. Объяснимъ это.

Если послѣ злаковъ (колосовыхъ хлѣбовъ) будутъ слѣдовать незлаки, а корнеплодныя растенія, — картофель, морковь и другія, или кормовыя, — горошекъ, трилистникъ (клеверъ), полевая тарига, — или широколиственныя, — гречиха, капуста, и прочая, — или стручковыя, какъ горохъ, конскій бобъ; а говоря о полномъ сѣвооборотѣ, если между колосовыми хлѣбами помѣстятся кормовыя растенія, потому корнеплодныя, за ними опять колосовыя, за ними широколиственныя, какія-нибудь красильныя, лекарственныя и т. п., смѣняя другъ друга ежегодно, тогда совершается правило плодоперемьности, будь оно на грядахъ или на поляхъ пахотныхъ. Такое полеводство и огородничество называется плодоперемьнымъ. Эта система не зависитъ ни отъ числа грядъ и полей, ни отъ ихъ обширности, ни отъ глубины растительнаго слоя. Она требуетъ искусной, умной, благотворной для прозябенія очереди въ посѣвѣ разнородныхъ произрастеній. Характеръ и сущность плодоперемьненія исчезаетъ немедленно, какъ скоро за злаками (колосовыми хлѣбами) послѣдуютъ злаки, за травами травы, за масляными масляныя растенія, за корнеплодными корнеплод-

ныя и хозяйство превращается въ наше обыкновенное полеводство, которое всего приличнѣе назвать *зерновымъ*, такъ какъ оно на пахотныхъ поляхъ производитъ однѣ зерновыя растенія. Сельское хозяйство можетъ имѣть пять, шесть, десять и болѣе полей, заставляемыхъ разными растеніями, злаками, кормовыми травами, корнеплодными овощами, но безъ плодочередной очереди поспѣвовъ. Такое полеводство будетъ многопольное, но не плодочередное; оно нерѣдко представляетъ смѣсь обѣихъ системъ, и иногда удачную. Словомъ, отъ числа полей не зависить ни плодочередность, ни зерновое хлѣбопашество.

Законъ плодочередности, одно изъ прекраснѣйшихъ и важнѣйшихъ открытій ума человеческого выведенъ изъ основнаго закона природы, — безпрестаннаго измѣненія и возобновленія формъ всеобщей жизни вселенной. Минувшее бываетъ одинъ разъ, и никогда снова не возникаетъ. То же самое животное, дерство, растеніе, окончивъ періодъ свой, никогда снова не возрождаются изъ своего праха, на которомъ тотчасъ воздвигается и цвѣтеть бытъ другихъ созданій. Сущность всеобщей жизни — безконечное круговращательное движеніе, чтобъ давать слѣдующимъ новымъ существамъ участокъ бытія и дѣйствія. Ни какое изъ этихъ существъ не питается собственнымъ своимъ веществомъ: все что живетъ, звѣри и растенія, пожираетъ другія живущія тѣла, но всегда различныя порождою отъ своего, и въ этомъ грабительствѣ чужаго бытія обнаруживаетъ еще прихоти и вкусы, предпочитая для своей пищи одни роды добычи другимъ. По прекраснымъ наблюденіямъ Декадолья, растенія испускаютъ изъ себя изверженія такъ же какъ и животныя: почва насыщается ими въ теченіе лѣта, и растеніе той же породы не можетъ на другой годъ жить успѣшно на остаткахъ существъ своего племени, ни усвоивать себѣ изринутыя ими частицы; тогда какъ существа совершенно другой растительной породы готовы съ жадностью вбирать ихъ въ себя. Нынче всякій просвѣщенный землѣделецъ знаетъ, что посѣянный одинакій хлѣбъ по хлѣбу родится худъ, — рожь по ржи, пшеница по пшеницѣ, — развѣ только при помощи ежегоднаго обильнаго удобренія. Всемъ извѣстно также, что злаки имѣютъ каждый своихъ

особых спутниковъ и товарищей между сорными травами. Травы, родящіяся съ овсами, сурьпица, полевая тарница и другія, не рожь, съ которою любятъ родиться горошки, клонецъ, метла, костерь. Наконецъ замѣчено, что самые злаки, какъ-будто въдаютъ свою очередь, любить или отвращаются произрастать одинъ послѣ другихъ. Нарушеніе этой очереди, предписанной самою природою, навлекаетъ всегда неурожай. Такъ послѣ шпеницы и ржи хорошо рожь, овесъ; но пшеница, рожь, послѣ овса и ячменя навѣрное не удадутся. Равнымъ образомъ, послѣ картофеля, конскихъ бобовъ, любятъ родиться ячмень и овесъ, но не любятъ расти рожь. Напротивъ того послѣ гречиши рожь родится превосходно, а послѣ трилистника не столь хорошо. Всякое озимое послѣ гороха родится худо, но если послѣ гороха посѣется яровое и потомъ озимое, то озимое родится лучше, нежели прямо послѣ гороха. Самое трехпольное полеводство не совсѣмъ уклоняется отъ всеобщаго закона природы, измѣненія. Въ немъ послѣ одной породы колосоваго хлѣба поступаетъ на ту же землю колосовой же хлѣбъ, но другой породы; первостепенный колосовой хлѣбъ помѣщается послѣ второстепеннаго не произвольно, но по необходимости. Наконецъ послѣ злаковъ всегда бываетъ перелогъ, или паръ, на которомъ растутъ совершенно иныя породы растений, именно травы, а не злаки. Прѣжнее хозяйство добродушно полагало, что земля подъ этими травами отдыхаетъ; нынѣшнее напротивъ удостовѣрилось, что она такъ же работаетъ подъ ними, какъ и подъ хлѣбами озимымъ и яровымъ, а только посѣвъ злаковъ послѣ сорныхъ травъ пара не соответствуетъ естественной и самой удобной очереди растений. Такъ, плодотворность существуетъ и въ обыкновенномъ трехпольномъ полеводствѣ: оно дурно, невѣжественно, вредно, изнурительно, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ, и это обстоятельство доказываетъ еще яснѣе несообразность названій, нынѣ употребляемыхъ въ наукѣ Сельскаго Хозяйства, и хаосъ, который производятъ они въ основныхъ понятіяхъ о дѣлѣ.

Трехпольное хозяйство, какъ мы уже сказали, правильнѣе должно именовать зерновымъ полеводствомъ, принявъ названіе отъ свойствъ и сущности этого производства, доставляю-

щего только зерновые хлеба, а не отъ наружнаго вида полей и формы посѣвовъ. Форма можетъ измѣняться до безконечности, а сущность постоянно остается одна и та же. Такъ на почвѣ песчаной, требующей сжатія, по причинѣ излишней своей рыхлости, Старицкій помѣщикъ Д. Я. Ртищевъ, весьма искусный и прозорливый сельскій хозяинъ, давно учредилъ въ селѣ своемъ Глуховѣ, двѣнадцати-польное полеводство, но зерновое же: онъ имѣеть, какъ и всѣ трехпольные полеводцы, нѣсколько полей озимыхъ, нѣсколько яровыхъ и два паровыхъ, безъ травостянiя и посѣва въ поляхъ корнеплодныхъ овощей. Два паровыя поля, на второмъ изъ которыхъ скотъ пасется цѣлое лѣто и даже ночью, весьма полезны при его песчаной почвѣ тѣмъ, что земля послѣ двугодовалаго пара становится плотнѣе, утаптываемая стадами; дѣлается плодороднѣе, зарастаетъ гуще сорными травами, — жаль, что не кормовыми: впрочемъ эти травы на песчаной почвѣ не столь вредны, какъ на глинистой; онѣ весьма скоро перепрѣваютъ послѣ взмета, не затрудняютъ паханiя, и нѣкоторымъ образомъ служатъ подсобнымъ зеленымъ удобренiемъ почвѣ.

Въ этомъ примѣрѣ форма полеводства измѣнилась, но сущность осталась та же, именно осталось то же направление полеводства къ добыванiю только колосовыхъ, зерновыхъ хлебовъ.

Многіе думаютъ по нынѣшней неопредѣленности идей и названiй въ наукѣ Сельскаго Хозяйства, что число полей рѣшается все въ земледѣлiи; что отъ измѣненiя числа ихъ измѣняется и сущность полеводства. Если кто имѣеть четыре, пять, шесть, и такъ далѣе полей, тому ужъ кажется, будто онъ производитъ не зерновое полеводство, а плодоперемѣнное. Онъ ошибается. Иные опять думаютъ, что четырехпольное есть верхъ совершенства всѣхъ полеводствъ. Совершеннѣйшее полеводство то, которое наилучше приспособлено къ той отрасли мѣстнаго сельскаго хозяйства, которая доставляетъ высшій доходъ безъ изнуренiя плодородiя почвы. Если введены овцеводство, коневодство, иди посѣвъ масляныхъ, корнеплодныхъ и красильныхъ растенiй, и отъ нихъ есть хорошій доходъ, то къ нимъ имѣнно должно быть принаровлено и полеводство: оно на столько полей и должно дѣлиться, сколько потребно для успѣшнаго

дѣлопроизводства и улучшения воздѣлываемой отрасли. Знаменитый сельскій хозяинъ въ Швейцаріи Феленбергъ имѣлъ только два поля, и получалъ высокій доходъ: одно поле уваживалось и заставлялось корнеплодными овощами и огородными, другое послѣ того пшеницей, и такъ далѣе, ежегодно. Столько-то умѣлъ онъ углубить и удобрить растительный слой своего поля, что оно не нуждалось въ отдыхѣ ни отъ пара, ни отъ многообразнаго плодоперемѣненія. По уверенію одного просвѣщеннаго сельскаго хозяина въ Старицкомъ уездѣ, князя И. С. М^{***}, нѣкогда графъ Брюсъ, на дачѣ подъ Петербургомъ, имѣлъ также два поля, одно овощное, другое съ пшеницей, для которыхъ извлекалъ онъ удобреніе изъ столицы. Двухпольное полеводство есть по крайней-мѣрѣ верховъ совершенства; а судя по нашей номенклатурѣ, оно должно бы казаться еще скуднѣе нашего трехпольнаго, которое впередъ мы всегда будемъ называть *зерновымъ*.

Скажутъ, можетъ-быть, иные, — зачѣмъ заноситься далеко, изыскивать, добиваться до утопченныхъ различій, до точныхъ опредѣленій и безспорной терминологіи? Пахать землю, разводить животныхъ, отдыхать послѣ трудовъ и наслаждаться ихъ плодами, можно и безъ вѣрныхъ названій. Согласенъ. Но вспомнимъ, въ какія заблужденія нередко увлекали людей односторонность и трудъ эмпирическій, наглядный, несоединенный съ ясными и опредѣлительными идеями? О какіе ничтожные камни недоразумѣній сокрушались самыя похвальныя и настойчивыя усилія мужей благонамѣреннѣйшихъ, единственно отъ того, что они не имѣли случая заранѣе составить себѣ точныхъ и методическихъ понятій о дѣлѣ? Тѣмъ строже и осторожнѣе должно поступать, когда наука, еще неизвѣстная народу, вводится въ его отечество, гдѣ ей суждено бороться со старинными привычками и предубѣжденіями, съ непонятливостью враговъ всего новаго и съ опрометчивою пылкостью любителей всего мало извѣстнаго. Темная и запутанная идея всегда отразится запутаннымъ и нелѣпымъ дѣломъ. И наоборотъ, дѣло безъ идеи ясной, трудъ наудачу безъ цѣли и плана, необходимо превратится въ хаосъ смѣшанныхъ дѣйствій, иногда вѣрныхъ по предчувствію, но тѣмъ не менѣе ошибочныхъ, отъ которыхъ страдаютъ семейства и цѣлыя поколѣнія народовъ.

Д. ШЕЛЕХОВЪ.

О КОЗЬЕМЪ ПУХЪ.

Хочу сказать нѣсколько словъ о козьемъ пухѣ,—объ этомъ загадочномъ и достойномъ замѣчанія произведеніи природы, которое, по мѣсту жительства моего и по дружбѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ владѣльцевъ здѣшняго края, сдѣлалось мнѣ достаточно извѣстнымъ, чтобы говорить не наобумъ, а основываясь на неоспоримыхъ данныхъ, на многолѣтнихъ опытахъ. Загадочнымъ назвалъ я произведеніе это потому, что объ немъ много бредили и бредятъ понынѣ: говорили, писали, печатали такія вещи, которымъ здѣсь, на мѣстѣ, смѣется всякій казакъ и мѣщанинъ, мѣняя у Киргизовъ или собирая съ домашнихъ козь зимнюю ихъ оболочку. Но и казакъ и мѣщанинъ или безграмотны, или имъ не дограмоты. Сто лѣтъ сидимъ мы около Оренбурга, собираемъ и продаемъ козій пухъ,—дѣло идетъ своимъ чередомъ,—сотни людей наживаются выгоднымъ ремесломъ этимъ,—а земляки наши, сосѣднихъ губерній, говорятъ о козьемъ пухѣ, какъ о золотыхъ перьяхъ райской птицы, глаголемой *сиринь*; и заморскихъ земель Нѣмцы гнутъ, какъ говорится, чуху не околесную, докапываются, доискиваются учеными изысканіями, — а ларчикъ просто отпирается!

Драгоценность, незамѣняемость козьяго пуху известны почти всякому и не подлежатъ сомнѣнію: изъ него только можно выдѣлывать восточныя шали, изъ него только Русскіе платки или шаля, не уступающіе первымъ. И такъ, важнѣе всего вопросъ,—нельзя ли расплодить и размножить въ Европѣ животное, дающее запасы на эту неподражаемую ткань, и напередъ всего, разумвется, у насъ, въ Россіи? Но для этого должно изслѣдовать предварительно, что такое этотъ козій пухъ, и какое именно животное даетъ его.

Самое обыкновенное и наиболее распространеннѣе состоятъ въ томъ, что козій пухъ идетъ отъ особой породы козь,—какой-то Тибетской или Капширской, и что, слѣдовательно, должно стараться вывезти и расплодить у себя эту породу.

Тибетъ дѣйствительно богатъ козьимъ, тончайшимъ пухомъ,—богаче всѣхъ извѣстныхъ странъ, а по сосѣдству, въ

Кашмиръ дѣлаются лучшія восточныя шали. И такъ, мнѣніе это казалось бы, не безъ основанія.

Между множествомъ статей и сочиненій, выпедшихъ за границу объ этомъ предметѣ, должно упомянуть о небольшой книжицѣ, изданной въ 1824 году Фрейдберггомъ*. Онъ говоритъ, вкратцѣ, слѣдующее. Не подлежитъ сомнѣнію, что животныя и растенія могутъ быть переносимы съ мѣста на мѣсто и приурочиваемы къ странамъ, имъ доселѣ не свойственнымъ. Первый, но неудачный опытъ переселенія Тибетскихъ козь, ради пуха ихъ, въ Европу, сдѣланъ Англичанами; но козы не перенесли тропическаго климата Бенгалія и моря. Французы Жоберъ и Тернодъ произвели это съ успѣхомъ, избравъ путь не черезъ Остъ-Индію, а черезъ Россію, гдѣ климатъ болѣе свойственъ животнымъ этимъ; но ученые и неученые заспорили, — Тибетскія ли это козы, которыхъ вывезъ Жоберъ, или Кашмирскія, или Татарскія? Между-тѣмъ, попытки Жобера увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ, говоритъ сочинитель: часть козь дала пухъ, ни чѣмъ неуступающій Тибетскому; козы еще размножились, и вотъ ихъ описаніе: длинныя вислчія уши; нѣсколько поднятый хвостъ; прямые рога; туловище болѣе обыкновеннаго; шерсть чрезвычайно бѣла, но иногда бываетъ и сѣрая; козленокъ растетъ скорѣе обыкновеннаго, и легко дѣлается ручнымъ. И простыя козы даютъ пухъ, продолжаетъ Г. Фрейдбергъ: но пухъ меньшей доброты, а происшедшія отъ смѣшенія простыхъ козь съ Тибетскими даютъ пухъ совершенно одинаковый съ послѣдними. Доставка козьего пуху черезъ Россію обходится весьма дорого: и такъ, надобно обзавестись своими Тибетскими козами. Порода эта водится въ Тибетъ, на высокіхъ, снѣжныхъ горахъ, на холоду; кормится бѣднымъ лакомъ твердой почвы. Тибетскія козы бываютъ разныхъ цвѣтовъ, — и вотъ ихъ примѣты: уши то стоячія, то повислыя; рога прямые; а какъ уже доказано, что козы Тибета могутъ водиться и у насъ въ Европѣ, и именно во Франціи, то и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что

* Ueber die Ziege von Thibet, aus deren Wolle die kostbaren Kaschmir-Schawl's verfertigt werden, dann auch über die Versuche, Möglichkeit und Art, diese Thiere in Europa und vorzüglich in Oestreich einheimisch zu machen, von H. M. Freudberg, Brünn, 1824.

мы можем и должны,—говорить сочинитель, — въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться, въ отношеніи тканей дорогихъ шалей, опасными соперниками Кашмирцевъ. Затѣмъ, слѣдуетъ еще глава о болѣзняхъ Тибетскихъ козъ, объявленіе о томъ, что императоръ Австрійскій выписалъ и получилъ нѣсколько такихъ животныхъ, а Швейцарецъ Вольваръ продаетъ ихъ по сту и сту пятидесяти гульденовъ за голову, — и вотъ, въ сокращеніи, все, что написалъ Г. Фрейдбергъ, прибавивъ къ этому еще изображеніе Тибетской козы, ни сколько не похожей на описаніе его: на изображеніи этомъ хвостикъ повислый; уши длиннѣйшія, ослиныя, стоячія; на шеѣ сережки; а рога прямые, длинныя, и, — чего споконъ-вѣку не видать и не слышать было на козлахъ и козахъ,—витые, какъ у баснословнаго единорога. Сочинитель безпрестанно самъ себя противорѣчитъ,—какъ видно даже изъ приведенныхъ словъ его,—говорить, по наслышкѣ, наугадъ, о такой вещи, о которой онъ ни какого точнаго, яснаго понятія не имѣетъ. Впрочемъ, чего пенять на одного, за грѣхи и заблужденія цѣлаго поколѣнія? Никто, и даже сами Гг. Жоберъ и Терно не знали настоящаго положенія дѣла: иначе они не стали бы вводить себя попустому въ издержки, которыя имъ выписныя ихъ козы едва-ли вознаградили, если не способствовала этому уже одна слава о Тибетскихъ козахъ у Терно, и потому продажа большей части ихъ съ молотка.

Дѣло въ томъ: Тибетскихъ козъ, правда, и мы здѣсь не выдывали; но онѣ, какъ единогласно утверждаютъ приходящіе сюда Азіатцы, ни чѣмъ не отличаются отъ козъ здѣшнихъ,—чему вполне повѣрять должно, сравнивая пухъ тамошнихъ и здѣшнихъ козъ: нѣтъ ни малѣйшей разности. Здѣшнія же козы во всемъ почти подобны обыкновеннымъ Русскимъ, домашнимъ козамъ: все, что допустить можно, такъ это то, что здѣшнія козы составляютъ ни видъ, ни родъ, а развѣ небольшое отродіе, какъ Донская, Киргизская или горская лошадь суть отродіе общей породы конской. Рога у козъ здѣшнихъ имѣютъ обыкновенно нѣсколько меньшую кривизну и взаимно ихъ сближающій погибъ; перепосѣ болѣе впалое чѣмъ прямое, нижняя губа немного отвѣслая, шерсть немного гуще, длиннѣе обыкновенна-

го,—и вотъ отъ чего туловище можетъ казаться великимъ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что это та же общеизвѣстная, дворовая коза, которая, въ здѣшней холодной полось, провоя строгую зиму въ бурной степи на подножномъ корму, покрывается на зиму всемогуществомъ благодѣтельной матери природы,—тонкимъ, густымъ и теплымъ подшерсткомъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ *козьяго пуху*. Впрочемъ, всѣ примѣты, кромѣ длинной, густой шерсти и пуху, случайны, не существенны и иногда даже едва замѣтны. Но въ Малороссіи, особенно въ степныхъ мѣстахъ, козы даютъ небольшое количество мягкаго какъ лебяжій пухъ подшерстка, но не въ такомъ количествѣ, а можетъ быть и не того качества, какъ здѣшнія, хотя послѣднее еще и не рѣшено.

Изъ этого надобно вывести непосредственно такое заключеніе: вмѣсто того, чтобы отправлять отсель, со значительными издержками, козъ въ отдаленныя страны, полезнѣе было бы присылать сколько можно болѣе козъ, хоть бы и Французскихъ подданныхъ, сюда: здѣсь слѣдующее поколѣніе ихъ уподобится уже во всемъ кореннымъ здѣшнимъ козамъ и одвнется пухомъ, тогда какъ вывезенныя отсель козы теряютъ его вскорѣ сами,—а о потомкахъ ихъ и говорить печего,—и, утративъ однажды пухъ свой, вполне уподобляются новымъ соотечественникамъ своимъ. Такъ верблюды, въ Киргизскихъ степяхъ, покрываются на зиму пухомъ, котораго напримѣръ на верблюдахъ Крымскихъ почти вовсе не бываетъ. Такъ Русской, Испанской или любаго инаго отродія, баранъ, завезенный на здѣшнія степи, въ короткое время получаетъ курдюкъ, то есть, огромный наростъ сала и толстую, никуда негодную шерсть, подъ которою появляется также тонкой и густой подшерстокъ, который называть должно *овецинымъ пухомъ*; и тотъ же баранъ терлетъ опять то и другое, будучи вывезенъ на другую почву и подъ другое небо. Сказанное подтверждено здѣсь многолѣтнимъ опытомъ; но, когда угодно, могу привести и письменныя доказательства. Г. Нефедьевъ, въ «Свѣдѣніяхъ о Волжскихъ Калмыкахъ», говоритъ между прочимъ: «Одинъ изъ Астраханскихъ жителей, занимающійся скотоводствомъ, написалъ-было сюда овецъ изъ внутреннихъ губерній, для

«того, чтобы имѣть отъ нихъ хорошую шерсть; но овцы эти въ одно лѣто потеряли достоинство шерсти, и, что удивительнѣе, сверхъ обыкновенныхъ хвостовъ, получили «курдюки.»

Дѣло, кажется, подтверждается и на Востокъ. Этого рода козъ, подь свойственной имъ полоскою Тибета, держать во множествѣ; а въ соседнемъ Кашмирѣ, котораго мѣстоположеніе и почва вѣроятно не соответствуютъ извѣстнымъ условіямъ, козъ для пуху не разводятъ, хотя Кашмиръ, собственно есть родина и колыбель лучшихъ Восточныхъ шалей, и Кашмирцы даже особымъ откупомъ приобрѣли исключительное право покупки козьяго пуху у жителей Тибета. Впрочемъ, извѣстно и то, хотъ бы напримѣръ изъ путешествія Ильфинстона, что Кашемирцы пользуются козьимъ пухомъ не изъ одного Тибета, но также изъ такъ называемой не-зависимой Татаріи, попросту изъ Бухарскихъ владѣній, съ которыми граничитъ степь Кайсаковъ нашихъ. Тамъ, высокое гористое положеніе, а здѣсь открытыя, холодныя степи, имѣютъ одинаковое вліяніе на вещественное преобразование шерстопроизводныхъ органовъ животнаго.

Между-тѣмъ, неизлишне будетъ объяснить и обстоятельство относительно упоминаемаго господиномъ сочинителемъ вышеприведенной книжицы спора о породѣ вывезенныхъ Гг. Жоберъ и Тернѣ во Францію козъ.

Сочинитель говоритъ ясно, что Французы эти вывели козъ Тибетскихъ черезъ сѣверную Персію, Кавказъ и черезъ Россію. Въ номерѣ 79 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, 1823, было сказано, что Жоберъ и Тернѣ получили козъ своихъ прямо изъ Персіи. Это опять дѣло другое, — но какъ сейчасъ увидимъ, не менѣе того несправедливо. Далѣе въ газетѣ этой говорится: Еще въ 1814 году привезъ Г. Шарль Боденъ нѣсколько Тибетскаго козьяго пуху, моремъ изъ Калькуты; сравнилъ его съ козьимъ пухомъ, получаемымъ во Франціи черезъ Россію, и нашелъ, что это было совершенно одно и то же. Козій пухъ, доставляемый за границу черезъ Россію, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ Французовъ, идетъ изъ сѣверной Персіи и Средней Азіи: основываясь на этихъ слухахъ, Г. Тернѣ, извѣстный фабрикантъ-художникъ, рѣшился выписать Персидскихъ козъ, и поручилъ

дѣло бывшему Французскому агенту въ Персіи, Г. Жоберу знавшему обычаи и языки Восточныхъ народовъ. Г. Жоберъ, прибылъ въ Россію, на Кавказъ, весьма много обязанъ тогдашнему Начальнику того края, генералу Ермолову, за разныя пособія его, собралъ за Кавказомъ, какъ говоритъ газета, несмотря на большія затрудненія, до шести сотъ козь, изъ которыхъ пять сотъ сорокъ благополучно достигли береговъ Волги. Въ 1829 году, козы эти прибыли на двухъ судахъ въ Тулонъ и Марсель, отколъ развезены въ разныя мѣста Франціи, гдѣ они удачно расплодились.

Здѣсь, прежде всего, замѣтитъ должно, что козій пухъ, идущій черезъ Россію за границу, вывозится не изъ Персіи, а собственно изъ Россіи, именно съ Оренбургской Линіи; а самая малая часть его также изъ Астраханской губерніи, отъ Киргизовъ Букеевскихъ и Волжскихъ Калмыковъ. Кроме того, говорятъ, *небольшое количество* его вычесывается и за Кавказомъ,—гдѣ именно, не знаю. На Линіи, и болѣе всего въ Уральскѣ и въ Оренбургѣ, можно вымѣнивать у Киргизовъ ежегодно до десяти тысячъ пудовъ не очищеннаго отъ шерсти пуха; въ этомъ видѣ товаръ идетъ на Нижегородскую ярмарку, оттолъ въ Ростовъ (Ярославскій), гдѣбх:уь отдѣляютъ, очищаютъ, посылаютъ въ Москву и продаютъ Французамъ,—а они везутъ его, сухимъ путемъ, черезъ Лембергъ, во Францію.

Надобно знать еще и то, какимъ образомъ пухъ здѣсь собирается. Одѣвшаяся на зиму теплою и мягкою шубою коза, весною разоблачается: въ жаркое лѣто тулупъ не находка. Тогда дикари при-Линейные собираютъ отваливающуюся клочьями шерсть или сдираютъ ее руками, и несутъ на мѣнныя дворы. Иногда, и это водится особенно въ Уральскѣ, получаютъ они отъ купцовъ нашихъ задатки напередъ, и доставляютъ, по уговору, товаръ прямо къ нимъ. Впрочемъ, никто здѣсь козь, собственно для пуху, не держитъ, а въ глубинѣ степи пухъ этотъ продается вмѣстѣ съ шерстью, безъ всякаго употребленія, если не понадобится Киргизкамъ свалить изъ нея кошму. Козы содержатся здѣсь только вмѣстѣ съ овцами, и служатъ имъ на каждомъ шагу жожаками: коза бойчье и смѣлѣе овцы, и идетъ, куда ее гонять; овцы же одиѣ, первѣдко, сбившись въ кучу, становятся какъ вко-

панья, и нейдугъ съ мвста. Пудъ такой шерсти даетъ до 25 фунтовъ пуху; за очистку платять до 50 рублей за пудъ; двѣ-трети цѣлаго количества обыкновенно состоятъ изъ бѣлой шерсти, остальная треть изъ сѣрой или сивой. Бабы разбирають для очистки шерсть по домамъ, и легко очищаютъ по фунту на день. Съ 1812 года по 1824, въ двѣнадцать лѣтъ, цѣна на козій пухъ здѣсь поднялась - было съ 16 до 48 рублей за пудъ; очищенный пухъ въ Москвѣ платился уже отъ 170 до 220 рублей за пудъ, а тамъ, по причинѣ застоя въ торговлѣ, вдругъ понизилась цѣна почти до половины. Причина этому кажется еще вотъ какая: начали было подмѣшивать козьего пуху въ тонкорунную овечью шерсть, для прикрасы, но оказалось, что сукно, получая, правда, лучший видъ и лоскъ, теряетъ въ прочности; поэтому, мало-по-малу потребленіе пуха опять уменьшилось. Въ послѣднія десять лѣтъ, цѣны опять немного поднялись, и нынче платять за пудъ суроваго, неочищеннаго пуху 35 рублей. Очищеннаго здѣсь въ продажѣ не бываетъ.

Еще одно обстоятельство для насъ непонятно: въ упомянутой газетной статейкѣ сказано, что двѣсти сорокъ козь, изъ числа добытыхъ Г. Жоберомъ за Кавказомъ, были чистой породы, а триста состояли изъ помѣси. Это что такое? Какая чистая порода, и какаѣ помѣси? Развѣ козы были не тамошнія, а привозныя? Все это трудно понять. И объ этой газетной статейкѣ, кажется лѣзя молвить не грѣша, что сочинитель не былъ достаточно знакомъ съ предметомъ, — за что впрочемъ также пенять нельзя: никто, повидимому, не зналъ настоящаго положенія дѣла. Мы расскажем по своему.

Въ 1831 году прибылъ сюда, въ Оренбургъ, одинъ изъ комисіонеровъ Г. Тернд, и слѣдовательно сотрудникъ Г. Жобера, и рассказывалъ нижеслѣдующее: Г. Тернд добылъ, съ чрезвычными издержками, изъ Кальпуты, настоящаго Тибетскаго козьего пуху, а въ 1814 году, при занятіи союзными войсками Парижа, узналъ отъ Русскихъ офицеровъ, что тотъ же пухъ имется и въ Россіи. Въ слѣдствіе этого, обратился онъ къ комисіонеру своему въ Москву, и получилъ отъ него за сходнѣйшую, но все еще довольно высокую цѣну, нѣсколько козьего пуху, подъ названіемъ Ти-

бетскаго. На слѣдующій годъ узналъ онъ, Г. Терно, отъ вступившихъ вторично въ Парижъ Русскихъ, что пухъ этотъ есть произведеніе юговосточной Россіи; но върныхъ свѣдѣній получить не могъ, и рѣшился искать пути къ Тибетскимъ козамъ черезъ Кавказъ: погрѣшность простительная, если мы разсудимъ, какое понятіе Французы обыкновенно имѣють о нашемъ отечествѣ и о Географіи. И такъ, онъ отправилъ комисіонера своего, Г. Жобера, бывшаго съ Наполеономъ въ Египтѣ, на Кавказъ. Г. Жоберъ благополучно достигъ Грузіи, нашелъ гостепріимство, ласковый пріемъ,—но козьяго пуху не нашелъ. Здѣсь онъ узналъ однако жъ, случайно, гдѣ его искать должно; отправился въ Сарепту, и купилъ тамъ у Калмыковъ, а болѣе у Букеевскихъ Киргизовъ, тысячу триста козъ; пригналъ ихъ поздною осенью въ Таганрогъ, не нашелъ тамъ судна, принужденъ былъ гнать ихъ далѣе по словамъ Г. Фрѣнила,—такъ, кажется, звали Оренбургскаго комисіонера Г. Терно,—въ Крымъ, и наконецъ, зимою, нагрузилъ и отправилъ, оставшихся отъ тысячи трехъ сотъ, шесть сотъ козъ во Францію. Около двухъ сотъ погибло еще моремъ; сотни четыре прибыли на-мѣсто.

Вотъ разсказъ Г. Фрѣнила! И такъ, пѣть ни какого сомнѣнія, что вывезенныя Г. Терно козы, гораздо примѣчнѣе могли бы быть названы Русскими степными козами, или если угодно, Калмыцкими и Киргизскими, — но только во всякомъ случаѣ не Тибетскими, ни же Персидскими; равно какъ и зверь или животное Г. Фрѣйдберга, съ витушками на головѣ, ни къ селу, ни къ городу, названъ «козою Тибета.»

Слава о Французскихъ платкахъ, затмѣвающихъ красоту Восточныхъ, смолкла; козы распроданы въ разныя руки, и нѣтъ, кажется, ни какого сомнѣнія въ томъ, что опытъ Г. Терно, приносящій ему впрочемъ много чести, былъ удаченъ, относительно къ благополучной доставкѣ, не Тибетскихъ, а степныхъ Русскихъ козъ во Францію; но не удовлетворилъ надеждъ просвѣщеннаго промышленника вразсужденіи выгодъ торговыхъ: то есть, что козы наши, мало-по-малу, во всемъ уподобились козамъ Франціи, и утратили, подъ умѣренною полосою, драгоцѣнный подшерстокъ свой.

Очевидецъ разсказывалъ намъ, что на Парижской выставкѣ были платки Г. Теридъ, и подлѣ нихъ стояла живая бѣлая коза, которую провозглашали Тибетскою, чесали тутъ же на выставкѣ, и показывали съ ловкостью, свойственною этому народу, вычесанные гребнемъ клочечки пуху. Вся проделка эта доказываетъ, что пуху въ козѣ осталось уже весьма не много, и что все дѣло вертѣлось тутъ только около того, чтобы удивить Французскій народъ Тибетскимъ пухомъ. Когда чесать козу гребнемъ, то каждая дастъ вамъ немного пуху; но это не можетъ составить предмета промышленности.

Въ самой вещи, бросимъ взглядъ на всю шубо- и шерсто-носную природу. Законъ одинъ: полуденные, четвероногіе обитатели земли нашей носятъ шерсть грубую, черствую, въ которой вы не найдете тонкой оси, и подлѣ которой вовсе нѣтъ пуху; чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ длиннѣе, пушистѣе мѣха, мягче, гуще и богаче пухомъ. Тотъ же самый звѣрокъ бываетъ годенъ и негоденъ на прихотливое употребленіе наше, смотря потому, гдѣ онъ водится: бѣлка въ Германіи та же что бѣлка въ Россіи,—въ этомъ согласны всѣ естествоиспытатели,—но какое сравненіе, зимняя шубка той или другой! Можетъ-быть нѣкоторые изъ читателей помнятъ пару живыхъ соболей, которыхъ возли по Россіи, вмѣстѣ съ другими звѣрами: они даже и зимою не походили на соболей; рѣдкая шерсть покрывала звѣрка, а пуху почти вовсе подлѣ ней не было; хозяинъ, указывая на нихъ, самъ обращалъ на это вниманіе зрителей, и объяснялъ дѣло весьма просто, тѣмъ, что они прогуливались уже нѣсколько лѣтъ по полуденной Европѣ, и что сидятъ и нынче всегда въ теплѣ. Незамыслили здѣсь замѣтить еще и относительную разность между климатами запада и востока: это почти тоже, что югъ и сѣверъ. Параллель Оренбурга пролегаетъ черезъ всю средину Пруссіи,—но великая разность въ климатахъ, тамъ и здѣсь!

И такъ, покончимъ и порѣшимъ дѣло вотъ чѣмъ: нѣтъ пользы, и нѣтъ нужды выписывать, плодить и разводить пуховыхъ козъ на мѣстахъ, гдѣ сама природа отказываетъ имъ въ этой драгоценной одеждѣ; онѣ переродятся всегда, и въ самое скорое время; одно только можно посоветовать

хозяевамъ, пытающимся извлечь отъ козъ пуху: должно помнить, что въ Тибетъ вода перьдко покрывается въ июль мьслащъ ледяною корою, почти на полдюйма толщины, и что въ Оренбургскихъ степяхъ всю зиму дуютъ жестокие бураны, при 20 и 30 градусяхъ морозу, — и следовательно, должно держать козу во всю-зиму не на конюшнѣ, и вообще не подь кровлей, а на воздухъ, на холодъ и на вѣтру; выгонять ее круглый годъ; пасти, буде можно, не въ кустахъ, не въ лугахъ, а по сухимъ возвышенностямъ. Тогда она дастъ вѣроятно пуху нѣсколько болѣе обыкновеннаго. Это имѣетъ еще и ту выгоду, что козы, ропяя весною шерсть и пухъ въ большихъ лоскутахъ, не цвпляются за кустарники и не теряютъ шерсти даромъ. Чѣмъ, при такихъ обстоятельствахъ, прилагаютъ менше искусственной заботы и попеченія объ этомъ животномъ, тѣмъ отношенія его будутъ ближе къ козамъ Тибета, степей Киргизскихъ и Астраханскихъ.

Но важнѣе и полезнѣе всего было бы обратить болѣе вниманія на торговлю этою статьею, — козьимъ пухомъ, — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сама тороватая и своеправная природа его производить въ изобиліи. Доставка, въ сравненія съ цѣною, богатаго издѣлія не можетъ быть значительною. Не нужно возить пухъ этотъ сухимъ путемъ, черезъ всю Европу: его можно доставлять, по Волгѣ, въ Питеръ, и грузить на суда. Должно сознаться, что Французы и Англичане извлекли бы болѣе нашего пользы, если бы у нихъ подь боку росло и родилось то же что у насъ. Здѣсь, въ Оренбургѣ, торговля вообще идетъ какими-то чудными и непонятными путями, и трудно добиться правды и толку. На само обращаютъ довольно вниманія: это безъ большихъ хлопотъ даетъ обыкновенно, на худой конецъ, сто на сто; тутъ мѣняють у Киргизовъ барановъ на табакъ да на муку, приправленную золяцей, песочкомъ и известкою, — а кубовая краска и хлопчатая бумага, шелкъ и всѣ богатства Восточной Индіи, для насъ досель недосыгаемы. Караваны возятъ къ намъ, правда, немного бумаги, но все же не могла она досель вытѣснить или замѣнить Англійской. Болѣе всего возятъ кошмы, армяки, выбойку и готовые халаты, — толстые, простые халаты, въ которые одѣваются жители Оренбургской Линіи отъ Звѣриноголовской до самаго Гурьева,

на протяженіи почти двухъ тысячъ верстъ. Неужли и своихъ, домашнихъ, нельзя бы одѣть въ халаты своего издѣлія?

Впрочемъ еще слово: едва-ли когда выдѣлка драгоценныхъ платковъ или шалей, такихъ, какіе дѣлаются въ Кашмирѣ и какіе дѣлаются у Г-жи Колокольцовой, можетъ обратиться у насъ въ общую вѣтвь промышленности. Кажется, это несбыточно. Одинъ Кашмирецъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ провѣзжалъ черезъ Оренбургъ, отправляясь обратно изъ Петербурга домой, рассказывалъ здѣсь вотъ что: «Я, говорилъ онъ, работалъ дома двадцать лѣтъ драгоценныя шали, сидѣлъ день и ночь, утратилъ здоровье за работой, но часто бывалъ голоденъ; мы все тамъ работаемъ тысячныя шали почти за одинъ только хлѣбъ насущный, — болѣе никто работнику не дастъ. Теперь, я побылъ нѣсколько лѣтъ въ столицѣ вашей, и благословляю судьбу свою: штопаньемъ и починкою старыхъ шалей составилъ я себѣ независимое состояніе, и ѣду домой. У насъ это вещь неслышанная: доколѣ работаешь, сытъ будешь, а болѣе ничего.»

Разберемъ слова Кашмирца. Вы знаете, что порядочная шаль работается по нѣскольку лѣтъ сряду; что за нею сидятъ три или четыре работника или работницы. Положите каждому малую плату, ту же что и доброму фабричнику, ткачу, — рублей сорокъ въ мѣсяцъ, включая туда и содержаніе, и все. Положите трехъ работниковъ на два только года, — и выходитъ, что шаль, не включая матеріаловъ, станетъ вамъ подъ 3,000 рублей. А спросите, такъ услышите еще, что, въ два или даже три года, хорошей шали нельзя сдѣлать; что работнику надобно заплатить больше; что пухъ, краски, машины — дороги. Судите жъ теперь, можно ли работать шали? Другое дѣло помѣщику нашему, который и безъ того кормитъ дворню шести колѣнъ съ предками и потомками: то есть, у кого работники не наемные. А иначе, кажется, шали наши наведутъ съ дешеваго на дорогое. Остается, или дѣлать только десяти-тысячныя шали, или замѣнить, по-Англійски, людей рычагами да колесами: тогда, если выдѣлка черезъ это не потерпитъ, тогда можетъ-быть пойдетъ дѣло на ладъ. Знаю, что бу-

дуть спорить со мною, скажутъ—не надо намъ рычаговъ, у насъ еще рукъ довольно; но я, въ отвѣтъ, подведу итогъ въ три, четыре тысячи рублей, и вы должны сознаться, что работа не окупается. *Докторъ Даль.*

=

ОПИСАНІЕ

ПРЕВОСХОДИМО УСТРОЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА СЪ ЗЕРНОВЫМЪ ТРЕХПОЛНЫМЪ ПОЛЕВОДСТВОМЪ ВЪ СЕЛѢ ЛАТЫШИНѢ,

Кому не извѣстно село Латышино, княгини Софін Сергѣевны Мещерской, въ Старицкомъ уѣздѣ и въ сосѣднихъ, Тверскомъ, Волоколамскомъ, Зубцовскомъ, по своимъ богатымъ и промышленнымъ крестьянамъ, по своей красивой крестьянской обстройкѣ, по великолѣпной двухъ-этажной церкви, видимой за нѣсколько десятковъ верстъ; по еженедѣльнымъ торгамъ, на которые привозятся во множествѣ разныя произведенія сельскихъ ремеслъ и вообще сельскаго хозяйства, по обширнымъ помѣщичьимъ садамъ, доставляющимъ отъ трехъ до четырехъ и болѣе тысячъ годоваго дохода; по тучнымъ огородамъ, нанимаемымъ отъ 300 до 400 рублей за десятину, по огромному винокуренному и сахарному заводамъ и сыродѣлю, доставляющему сыръ, лучшій въ Россіи по добротѣ, неуступающій Швейцарскому? Кого изъ посѣщающихъ это помѣстье не обворожали любезныя качества, образованный умъ и гостепріимство его владѣльцевъ, не восхитили попеченія ихъ о своихъ подвѣстныхъ?

Но для любителя сельскаго хозяйства село Латышино замѣчательно еще своимъ отличнымъ устройствомъ. Смыслъ можно сказать, что оно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ тѣхъ превосходныхъ Русскихъ помѣстій, гдѣ умъ, предусмотрительность и человеколюбіе соединились для того, чтобы возстановить благосостояніе крестьянъ, обогатить ихъ, сдѣлать бѣдныя деревушки богатыми и красивыми посадами, облегчить и соразмѣрить трудъ, водворить во всемъ строгую отчетность и извлечь высокіе доходы, какіе только позволяетъ обычное зерновое трехпольное по-

леводство. Достоинства и события, рѣдко встрѣчающіяся вмѣстѣ! Иногда хозяйствуютъ умно, распоряжаются отчетно, получаютъ большіе доходы съ помѣстья, но истощаютъ его, жертвуютъ его будущностью, лишаютъ его внутренней цѣнности, или истребленіемъ основныхъ капиталовъ, — лѣсовъ и новн, или разореніемъ и обѣдненіемъ крестьянъ, разведеніемъ Англійскихъ садовъ, великолѣпными ненужными постройками, множествомъ поборовъ и подводъ. Тогда имѣніе почитаютъ мертвою машиною, простымъ орудіемъ доходовъ и удовольствій, а не цѣлю трудовъ умственныхъ и сердечныхъ услажденій. Бываетъ, что съ имѣнія возрастаютъ доходы, наружность усадьбы украшается, а угоды и достатки крестьянъ уменьшаются.

Въ селѣ Латышинѣ, напротивъ, все обдуманно, и производится только то, что содѣйствуетъ изобилію помѣщика и неразлучно съ благосостояніемъ крестьянъ; не потворствуется лѣности и нерадвнію, и не упускается изъ виду сбереженіе капиталовъ хозяйства движимыхъ и недвижимыхъ. Кто не удивится въ самомъ дѣлѣ, что въ господской усадьбѣ Латышинѣ при двухъ тысячахъ душахъ есть пространные плодовые сады, а нѣтъ Англійскаго сада съ дорогими затѣями? есть великолѣпный храмъ Божій, а нѣтъ вышнихъ барскихъ чертоговъ съ принадлежностями роскоши и тщеславія? Польза, умеренность и благоразуміе на каждомъ шагу берутъ верхъ надъ прихотью. Такія правила домоводства выше всякихъ похвалъ, и достойны только подражанія.

Помѣстье, какъ мы уже сказали, состоитъ изъ двухъ тысячъ душъ. Въ немъ находится шестнадцать тысячъ десятинъ земли въ одномъ мѣстѣ. Оно лежитъ по дорогѣ изъ Старицы въ Волоколамскъ, на границѣ обояхъ уѣздовъ. По обширности своей это — истинное княжество чужихъ земель. Кромѣ дворовыхъ, которыхъ считается до пяти сотъ душъ обоюго пола, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ впоследствии, — всего восемь сотъ крестьянскихъ тяголъ. За исключеніемъ должностныхъ, — старостъ, выборныхъ и уволенныхъ отъ работъ, ежедневно выходятъ на господскую работу, полагая брать на брата, триста пятьдесятъ чело-вѣкъ мужскаго и столькоже женскаго пола, и, когда по-

требуется, съ такимъ же числомъ рабочихъ лошадей. Огромная масса силъ человеческихъ и животныхъ! Любопытно разсмотрѣть, какъ дѣйствуютъ и распоряжаются ею. Но прежде чѣмъ о настоящемъ, скажемъ о бывшемъ.

Въ старые годы, въ одномъ селѣ Латышинѣ заведена была господская запашка. Тягловые крестьяне изъ всѣхъ деревень, которыхъ было болѣе десяти близкихъ и отдаленныхъ, собирались на барскую работу, полевую и домашнюю, только въ одну господскую усадьбу, въ селѣ. Отъ этого возникали безчисленные неудобства. Поля пахатныя и луга распростирались на необозримое пространство, и при всемъ томъ не находилось удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества по числу тяголъ; полевая работа, — землешество, уборка сѣна, вывозка навоза, уборка и возка сноповъ въ господскія гумна при селѣ, замедлялись чрезвычайно, и составляли самый тягостный трудъ, смѣшанный и малоуспѣшный. Много времени пропадало въ проѣздахъ крестьянъ изъ деревень на работу въ село, и изъ села на отдаленныя поля и луга. Съ другой стороны хозяйственныя постройки, — скотные дворы, саран, риги, размножались, расширялись, приходили въ упадокъ, и разваливались преждевременно отъ своей огромности, сжатія и тѣсноты въ усадьбѣ. Онѣ не могли, несмотря на свою огромность, вмѣщать достаточно, и сберегать надлежащимъ образомъ, многочисленнаго скота и сельскихъ произведеній. Присмотръ за работами не могъ быть точенъ и вѣренъ по многолюдству и обширности ихъ сцены. Обширное хозяйство, собранное, сосредоточенное въ одно мѣсто, подавляло всякія усилія хозяина въ поддержаніи постройки и обезопасеніи отъ несчастныхъ случаевъ, пожара и падежа скотскаго; оно даже не могло продовольствовать рабочихъ крестьянскихъ лошадей, дать ночлега и убѣжища отъ непогодъ самимъ крестьянамъ съ младенцами. Страдало все, — человекъ, животные, порядокъ; все давилось, разламывалось, ветшало отъ огромности.

Правда, были строгія взысканія за упущеніе работъ господскихъ, но ни какого вниманія къ собственному крестьянскому хозяйству. Поселянинъ продавалъ изъ своего хлѣба, скота, что вздумалось, велъ свое хозяйство, какъ умѣ-

лось, дѣлился хоть бы за пустую ссору женскую. Нынѣшній помѣщикъ нашель, по вступленіи въ наследство, что во всемъ имѣніи было только семь сотъ крестьянскихъ лошадей; крестьянскія поля опустылы, худо обдѣланныя, бесплодныя; самихъ крестьянъ въ лачугахъ, въ жалкой бѣдности во всѣхъ отношеніяхъ, дерзкихъ, лѣнливыхъ дома, предприимчивыхъ на дурныя помыслы, по незнанію и неизмѣнню промысловъ полезныхъ.

Послѣдовали благотворныя преобразованія. Во-первыхъ, общее сельское хозяйство въ селѣ Латышинѣ раздѣлилось на шестнадцать усадебъ, оставшихся само между ними первенствующимъ по обширности и образцовому дѣлопроизводству и всему вообще порядку. Новыя усадьбы заняли мѣста, ближайшія къ деревнямъ, самыя выгодныя для полеводства. Напрасныя переѣзды крестьянъ прекратились. Время употреблено съ расчетомъ на господскія и собственныя крестьянскія работы. Бывало, если взломалась соха, колесо, то крестьянинъ изъ дальней деревни отпускался съ работы, не докончивъ ея: теперь онъ проходитъ нѣсколько десятковъ сажень до дому, и возвращается на работу съ исправленнымъ или перемѣненнымъ орудіемъ.

Въ прежніе, давніе годы, одинъ дѣятельный Латышинскій управитель, Грекъ Ч... основывалъ главные способы урожая на распашкѣ нови, истребленіи лѣсовъ и сгонѣ крестьянъ на нѣсколько дней въ отдаленныя мѣста для подъемки и расчистки. Лѣса выводились немилосердно; оставалось очень мало строеваго лѣсу, и вовсе не было дровяныхъ заказниковъ; по хлѣбъ рождался въ Латышинскомъ хозяйствѣ весьма изобильно. Теперь составилось двѣ тысячи десятинъ заказнику, образовались прелестныя рощи, изъ которыхъ уже извлекаютъ съ благоразумною бережливостью дрова, жерзди и другія потребности для хозяйства. Теперь распредѣленіе трудовъ усовершенствовалось; подъемки нови остановлены, потому что ихъ не стало; и хотя нынѣ мѣста отлежались и могли бы содѣйствовать изобилію жатвъ даровыми урожаями, по характеръ Латышинскаго хозяйства состоитъ въ истинномъ благоволеніи къ человечеству, пощады и облегченіи, даже на счетъ избытковъ господскихъ,— и это средство отринуто владѣльцами. Впрочемъ выгодный

и рассчитанный труд не обремененіе. Сельскій хозяинъ долженъ дѣйствовать всѣми средствами своего помѣстья съ благоразуміемъ и не пренебрегать избытками изъ мнимаго опасенія. Дѣйствительно, урожанъ хлѣба Латышинскаго полеводства понизились противъ прежнихъ лѣтъ, сколько отъ неизбѣжныхъ послѣдствій и недостатковъ зерноваго полеводства, столько и отъ прекращенія подъемки новы, представляющей уже даровой подстилки на скотные дворы. Однако жъ въ этомъ случаѣ настоящее терпѣть для пользы въ будущемъ: основные капиталы помѣстья сберегаются.

Наконецъ обращено неусыпное и отеческое вниманіе на быть, жизнь и хозяйство самыхъ крестьянъ. Приведены въ извѣстность — и это дѣлается ежегодно — крестьянская постройка, число животныхъ, количество запашки и сѣнокосовъ. Малоземельнымъ деревнямъ прибавлено земли полевой и луговой. Въ каждой деревнѣ приставлены опекуны изъ порядочныхъ и совѣстныхъ поселянъ для надзора за неимущими и обидѣвшими. Безъ позволенія опекуновъ и донесенія конторъ никто не можетъ сбывать ни хлѣба, ни животныхъ. Поправившіеся, сдѣлавшіеся исправными, выходятъ изъ опеки. Куплено въ разныя времена безлошаднымъ тягловымъ крестьянамъ до пяти сотъ лошадей на господскій счетъ. Это умилительное благодѣяніе извѣстно только въ Россіи: мужики обыкновенно говорятъ при такомъ случаѣ, съ разительною простотою: «Приставилъ ты, батюшка, намъ голову къ плечамъ,» — что, въ лучшемъ слогѣ, значитъ — врзалъ въ сердца неизгладимую къ себѣ благодарность и любовь. Строго взыскивается, чтобъ здоровые и способные къ работѣ крестьяне не оставались, по окончаніи работъ земледѣльческихъ осенью, зимой и въ началѣ весны, дома въ бездѣйствіи, а ходили бѣ во время роспусковъ на посторонніе промыслы. Возвращающіеся изъ промысловъ должны дать отчетъ опекунамъ, а тѣ доносить конторѣ о заработкахъ и ихъ употребленіи. Хлѣбъ семенной и яровый былъ и есть святынею, до которой поселянинъ ни на какія потребности не можетъ касаться. Деревенскіе общественные запасы ежегодно умножаются, и даже въ прошлый неурожайный годъ на крестьянъ вышло господскаго подсобнаго хлѣба, на все имѣніе, не болѣе трехъ

соть четвертей. Эти общія благодѣянія, эта предусмотрительность оживили деревни. Не слышано, чтобъ изъ Латышинской отчины ходили по міру. Бѣдные стекаются, напротивъ, туда за подаваніемъ. Вотъ гдѣ истинно великое народное преимущество Русскаго сельскаго хозяйства! Оно состоитъ не только въ драгоценной возможности вести трудолюбивый классъ народа къ добру, къ успѣху, къ благосостоянію, быть отцемъ и наслаждаться признательностью честнаго, но и въ готовности огромнаго большинства нашихъ помѣщиковъ пользоваться этою возможностью. Сравненіе числа благотворительныхъ владѣльцевъ въ чужихъ земляхъ и въ Россіи даетъ нашему народу неоспоримое превосходство передъ иностранцами. Да не коснется рука мечтательнаго, безусловнаго подражанія иностранному этому кореннаго въ Русскомъ хозяйствѣ, патріархальнаго быта! Онъ не препятствуетъ ни какимъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, а между-тѣмъ доставляетъ намъ средство къ раскрытію одной изъ благороднѣйшихъ чертъ народной нравственности. Иностранное хозяйство имѣетъ свои преимущества, наше имѣетъ свои: дѣло въ томъ, чтобъ умно соединить ихъ и другія, и, не разрушая своего хорошаго, усилить его всею хорошимъ соседнихъ земель, и создать по этой части истинно полезное для помѣщика и для крестьянина, истинно образованное и истинно Русское.

Сверхъ-того, въ Латышинѣ открыты крестьянамъ домашніе промыслы. Возка дровъ на заводъ винокуренный и сахарный производится за деньги; возка поставнаго вина также; за работу на заводъ платятъ крестьянину 10 рублей въ мѣсяцъ; на отвозъ даже господскаго хлѣба въ городъ Торжокъ на продажу дается денежное вспоможеніе. Рѣшительно, Латышинскіе крестьяне уплачиваютъ казенныя подати изъ платы за работу на господина или домашнимъ промысломъ. Благоразумная, не только великодушная, мѣра домоводства!

Вотъ дѣлопроизводство:

Работы раздѣляются на поголовныя и подальныя, или брать на брата. Къ поголовнымъ принадлежатъ пашня и посѣвъ, сѣнокосъ, жатые и уборка хлѣба, вывозка навозу. Къ подальнымъ молотба, постройки и все прочее.

Во всѣхъ шестнадцати сельцахъ и семнадцати сельъ Латышинѣ находится пашни господской пятьсотъ пятьдесятъ десятинъ въ первомъ полѣ и въ двухъ другихъ по столько же, — десятинъ хозяйственныхъ въ сорокъ сажень ширины и восьмидесятъ дянъ, а тяголъ задѣльныхъ семьсотъ. Следовательно, достается крестьянину обрабатывать господской пашни съ небольшимъ три-четверти десятины на тягло: трудъ самый легкій и умѣренный. Обыкновенно полагается, въ домосковныхъ губерніяхъ, не тягостнымъ для крестьянина обрабатывать на господина по одной хозяйственной десятинѣ въ одномъ полѣ и въ двухъ другихъ по столько жъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ Латышина положено на тягло обрабатывать по одной десятинѣ съ четвертью въ полѣ и въ двухъ по столькожъ но зато тягла не процвѣтають. Въ южныхъ и степныхъ губерніяхъ тягло обрабатываетъ на господина по двѣ и по три десятины въ полѣ и въ двухъ по столько жъ. Нельзя имѣть достаточнаго понятія о трудахъ степныхъ крестьянъ, не видавъ своими глазами. Правда, въ тѣхъ краяхъ весна наступаетъ гораздо ранѣе, яровые посѣвы начинаются въ апрѣль, и гораздо продолжительнѣе осень.

Способъ Латышинскаго полеводства — обыкновенный зерновой, трехпольный. Рогатаго скота содержится до двухъ тысячъ головъ, большаго и малаго, и до пятидесяти рабочихъ лошадей. Удобряется отъ трехъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ восьмидесяти десятинъ въ полѣ: слѣдственно, далеко за половину пара, именно отъ ста до ста восьмидесяти болѣе: признакъ неоспоримый обильнаго удобрения. Считается хорошимъ удобрениемъ въ зерновомъ полеводствѣ, если удобряють половину пара. Но тутъ должно спросить, — какимъ количествомъ навоза удобряется десятина? Въ Латышинскомъ хозяйствѣ она обходится отъ ста двадцатипяти до ста тридцати возовъ на десятину въ двадцать пудовъ июльскаго навоза, — слѣдовательно, малозрѣлаго: удобрение — средствомъ хорошее, способное производить временно хорошія жатвы ржи, рѣже самъ-пять, весьма рѣдко самъ-шесть, а вообще самъ-третій и самъ-четверть. Скота всеобщее приходится на всякую удобряемую десятину по пяти головъ крупныхъ и мелкихъ: это, конечно, недостаточно, если вспомнимъ, что существуетъ винокуренный заводъ

въ шестьдесятъ тысячъ ведръ вина. Болѣе скота содержать, и при пособіи барды, не возможно, по недостатку корма. Сѣна съ естественныхъ луговъ накашивается до восьмидесяти тысячъ пудовъ, а въ 1834 году собрано не болѣе сорока тысячъ: ужасный недостатокъ, особливо при неурожаѣ яроваго хлѣба, отъ котораго соломы едва ли получено на половину. Въ нынѣшнюю зиму всякій сельскій хозяинъ задумывается чѣмъ прокормить скоть, потому яровой соломы и купить не возможно.

Если давать на каждую скотину вокругъ по восьми фунтовъ сѣна въ сутки, то сорокъ тысячъ пудовъ достанетъ на двѣ тысячи головъ только на три мѣсяца съ третью. Въ урожайные на сѣно годы, когда собирается до восьмидесяти тысячъ пудовъ, достанетъ его почти на семь мѣсяцевъ или только въ-обрѣзъ. Запаснаго сѣна составиться въ значительномъ количествѣ не можетъ. По-неволѣ должно выпускать скоть въ концѣ апрѣля, а гнать на дворъ въ началѣ октября. Но не давая сѣна, нельзя производить сыродѣлія, которое доставляетъ хозяйству, за исключеніемъ платы мастерамъ Швейцарцамъ, почти четвертую часть дохода съ хозяйства.

Общее положеніе работъ:

1. На каждую десятину, вспахать землю, становится три сохи; заборонить, шесть боронъ, а при двоеніи четыре бороны. Высѣвается на десятину ржи и ячменя по двѣ четверти, а овса по четыре.

Такимъ образомъ пятьсотъ пятьдесятъ десятинъ семью стами тяголъ вспахиваются въ двое съ половиною сутокъ. Трудъ легкій и кроткій. Пашня двоится подъ рожь и овесъ, а подъ жито (ячмень) троеится. Обработка обыкновенная, но недостаточная ни для надлежащей рыхлости земли, и тѣмъ менѣе для истребленія сорныхъ травъ.

2. Всѣ луга сѣнокосные раздѣлены на хозяйственные десятины. На двѣ десятины, скосить траву, становится пять человекъ взрослыхъ. Гребется сѣно сгономъ, бабами. Самое умное распоряженіе. Авторъ этой статьи убѣдился въ его превосходствѣ, самъ ему подражая. Сгономъ косить только трата времени: половинны не скосятъ того, что скашивается тѣми же косцами въ-раздѣль.

3. Недавно принятъ способъ косить рожь, сваливая кошеную на стоячую, для скорѣйшей уборки: способъ самый убыточный. Становятся на десятину три косца, и четыре бабы для вязанья въ снопы. Можно навѣрное сказать, что смена полнаго посява ржи пропадаютъ, высынаясь отъ сильнаго удара косяю. Объ этомъ сказано будетъ послѣ. Для косьбы яроваго становятся на десятину три косца, и для уборки три бабы: жать рожь прежде ставили отъ десяти до двѣнадцати жней на десятину.

4. Скирды сѣнные и со всякимъ хлѣбомъ всегда ставятся въ поле. Молотьба всегда оканчивается къ ноябрю или въ половинѣ ноября. Складка скирдъ превосходная; никогда не бываетъ ни какого залива. Бока скирды обкашиваются такъ, что скоту нѣтъ возможности вытеребить жатву; способъ весьма обдуманнй и предохранительный. Недавно потерпѣло величайшій убытокъ одно отличпо хорошее хозяйство въ Зубцовскомъ уездѣ отъ пожара: загорѣлся сѣнной сарай; огонь достигъ до гумна, и весь хлѣбъ, ржаной и яровой, сжеженный съ полей въ одно мѣсто, превратился въ пепель.

5. Скотъ продовольствуется слѣдующимъ образомъ: кромѣ барды съ винокуреннаго завода, дается на каждую крупную скотину восемь фунтовъ сѣна и три снопа молочныхъ яровыхъ, а на малую шесть фунтовъ сѣна и два снопа. До сыродѣлія скотники обязаны были выставать вокругъ съ каждой дойной коровы въ теченіе года по тридцати фунтовъ топленнаго масла. На девяносто штукъ скота полагается скотниковъ два и три женщины, дворовыхъ. Слѣдовательно, для хожденія за двумя тысячами скота употребляется до ста десяти скотниковъ и скотницъ взрослыхъ. Сосчитавъ ихъ семейства, также мастеровыхъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, мѣдниковъ, слесарей, кучеровъ, господскую прислугу съ ихъ семействами, не удивившись, что въ Латышинскомъ помѣстьѣ дворни до пяти сотъ душъ обоего пола, большихъ и малыхъ. Въ Россіи, въ каждомъ хозяйствѣ необходимо имѣть мастеровыхъ. Не женить ихъ то же, что поощрять развратъ. Въ чужихъ краяхъ, по многолюдному народонаселенію, вездѣ найдешь мастеровыхъ, въ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ: всякая почи-

ка тотчас сдѣлается. У насъ, куда бѣжать за столаромъ, портнымъ и прочими? Вотъ существенная разниа между нашимъ и иностраннымъ хозяйствами, поставленными даже по одинаковой системѣ, и вотъ происхождение въ Россіи огромной дворни. Сельскія ремесла у насъ необходимы въ каждомъ помѣстьѣ, а это дѣлаетъ хозяйство гораздо сложнѣйшимъ.

6. Расходъ на дворовыхъ слѣдующій: кромѣ грядъ въ огородахъ дается ежемѣсячно на мужа съ женою три пуда муки, харчевыхъ по 50 копѣекъ на человека въ мѣсяцъ, крупъ по полутора гарнца, а по одному гарнцу скотникамъ; на малыхъ дѣтей отъ семи лѣтъ по 30 фунтовъ муки, а до семи по 15 фунтовъ. Сверхъ того, свютъ ленъ по четверкъ на человека, а другіе получаютъ холстину на три рубли. Офиціанты, лакеи и мастеровые, кромѣ того, получаютъ одежду и жалованье, смотря по достоинству.

7. Молотьба производится ручная. На двѣсти сноповъ молотить становятся одинъ мужикъ и три женщины, съ лошадыю для возки сноповъ въ поля. На овны и риги (каменные) садится на первые до четырехъ оотъ сноповъ, на послѣднія до тысячи.

8. Въ каждомъ сельцѣ есть птицеводство. Дано однажды навсегда три гусыни, отъ которыхъ должно доставлять ежегодно 9 молодыхъ, кромѣ племенныхъ; 5 утокъ, съ нихъ 15 молодыхъ; 3 индѣйки, съ нихъ 9 молодыхъ; 10 куриць, съ каждой 50 яицъ и по 10 цыплятъ. На гусей и куръ, кромѣ огуменнаго корма, отпускается по два четверика овса, а на утокъ, индѣекъ, по два четверика жита, или ячменя на весну. Поборовъ съ крестьянъ ни какихъ не производится.

Несмотря на столь отличный, образцовый распорядокъ и устройство Латышинскаго хозяйства, урожай хлѣба въ два послѣдніе года, 1833 и 1834, были весьма неблагопріятные. Въ 1833 году рожь обошлась невступно самъ-третій, а овесъ самъ-другъ съ половиною; рожь въ 1834 году не много болѣе самъ-третій, а овесъ едва-ли придется самъ-другъ. Дохода получается съ имѣнія, съ винокурѣннымъ заводомъ, отъ 100,000 до 120,000 рублей.

Соломы, для подстилки и умноженія удобрения, не покупается. Можно было бы счесть это за важную погрешность, если бы была возможность купить достаточное количество соломы на столь охромное хозяйство. А это вынуждает по-необходимости имѣть особыя запашки нови или осушать болота, для пріобрѣтенія большаго количества соломы или сѣна, точно такъ, какъ сдѣлано сыномъ Латышинскаго помѣщика, княземъ В. И. Мещерскимъ, который совершилъ важное хозяйственное предпріятіе: пожертвовавъ нѣсколькими тысячами рублей, онъ осушилъ огромное болото, съ котораго получаетъ столько же сѣна, сколько въ Латышинскомъ хозяйствѣ, при такомъ же количествѣ винокурения и при меньшей вдвое запашкѣ. Рожь у него обоплась самъ-шесть. Честь, хвала и деньги молодому, дѣятельному, разсудительному сельскому хозяину!

Исчислимъ доходъ, полученный отъ прекраснаго зерноваго полеводства Латышинскимъ хозяйствомъ въ 1833 году и сравнимъ его съ доходомъ одного имѣнія, гдѣ производится пятипольное плодоперемѣнное полеводство.

Въ Латышинскомъ хозяйствѣ, пятьсотъ пятьдесятъ десятинъ въ полѣ съ рожью и столько же съ яровымъ. Яровой пшеницы высѣвается немного: следовательно урожай яроваго поля изобразимъ овсомъ. Высѣвается на десятину по двѣ четверти ржи, а овса по четыре четверти.

Рожь. Высыяно на 550 десятинахъ 1,100 четвертей. Въ 1833 году уродилась, въ Латышнѣ, рожь невступно самъ-третій, положимъ самъ-третій: всего намолочено ржи 3,300 четвертей. За исключеніемъ сѣмянъ осталось ржи 2,200 четвертей. Продать можно было въ 1833 осенью и 1834 зимою и весною легко по 26 рублей за четверть. Всего уродилось ржи на 57,200 рублей.

Овесъ. На 550 десятинъ высѣяно овса 2,200 четвертей. Въ 1833 году уродился овесъ самъ-другъ съ половиною. Всего намолочено овса 5,500 четвертей. За исключеніемъ сѣмянъ остается овса 3,500 четвертей. Овесъ можно было продать по 9 рублей за четверть. Всего уродилось овса на 29,760 рублей.

Итого, въ обонхъ поляхъ, зерновое полеводство доставило хлѣба на сумму 86,900 рублей.

Раздѣливъ мысленно поля пахатныя Латышинскаго хозяйства вмѣсто трехъ на пять полей, займемъ ихъ тѣми произрастеніями, которыя сѣются въ имѣніи Ф^{***}, гдѣ производится плодoperемѣнное полеводство.

Когда въ Латышинскомъ хозяйствѣ находится 550 десятинъ въ полѣ, то въ трехъ поляхъ будетъ десятинъ 1650. Раздѣливъ на 5, выдетъ по 330 десятинъ въ каждомъ полѣ. Очевидно, что эти 330 десятинъ получили бы превосходное удобрѣніе, котораго достаетъ теперь въ Латышинскомъ хозяйствѣ на 330, а иногда на 380 десятинъ. Следовательно, подъ рожь цѣлое поле было бы хорошо удобрено; никогда не оставалось бы ни одной десятины безъ удобрѣнія, — чего при зерновомъ полеводствѣ сдѣлать не возможно.

Въ имѣніи Ф^{***} сѣвооборотъ слѣдующій:

Поле первое. По навозу, вывезенному осенью, запаханному и заборнованному тогда же, высѣвается раячая гречиха, по снятіи которой въ концѣ іюля, высѣвается рожь.

Поле второе. Рожь съ половиною поля трилистника (клевера) по озими.

Поле третье. Овощное и травяное. Подъ трилистникомъ полполя, подъ картофелемъ полполя. Въ этомъ же полѣ высѣвается ленъ, горохъ, но въ самомъ маломъ количествѣ.

Поле четвертое. Яровое. По картофелю ячень, по трилистнику овесъ.

Поле пятое. Поздняя гречиха.

Въ этомъ Ф^{***}скомъ плодoperемѣнномъ полеводствѣ высѣвается на десятину ржи по 1 четверти 6 мѣръ; овса по 4 $\frac{1}{2}$, четверти; ячменю по 2 четверти; гречихи по 1 $\frac{1}{2}$, четверти; картофелю по 7 четвериковъ. Урожай въ 1853 году былъ тамъ слѣдующій: рожь обошлаь самъ-шесть, ячень самъ-пять; овесъ самъ-другъ съ половиною; картофель самъ-семь съ половиною; гречиха самъ-пять съ третью; трилистеннаго сѣна съ десятины получено въ одинъ покосъ 175 пудовъ.

И такъ, по высѣву и урожаю этого полеводства, въ Латышинскомъ хозяйствѣ должно было бы высѣяться хлѣба, овощи, травы, и быть снято слѣдующее:

Первое поле. Ранняя гречиха. Высыву было бы 495 четвертей, а урожаю 2,540 четвертей. За исключеніем сѣмянъ осталось бы гречихи 2045 четвертей. Въ имѣніи Ф*** сдѣлана круподерка. Греча продавалась крупною. Изъ четверти выходило крупы, исключая подсывъ гречихи, 3½ четверика. И такъ вышло бы крупъ почти 895 четверти. Продавалась крупа по 24 рубля за четверть, и следовательно можно было бы продать ея на сумму 21,480 рублей.

Второе поле. Рожь. Высыву было бы 577½ четвертей, а урожаю 3,465 четвертей. За исключеніем сѣмянъ осталось бы ржи 2,907½ четвертей, — на сумму, по прежней цѣнѣ 26 рублей за четверть, всего 75,595 рублей.

Третье поле. а.) Овощь. Картофель занялъ бы 165 десятинъ. Высывалось бы до 1,155 четвертей, а родилось бы 8,662 четверти. Известно, что изъ четверти картофеля выгоняется два ведра вина: следовательно, за исключеніем сѣмянъ, изъ 8,662 четвертей выкуралось бы вина 15,404 ведра. Отъ казны за ведро дается по-малой-мѣрѣ по 3 рубля 15 копѣекъ. Вышло бы картофельнаго вина на сумму 48,522 рубля. б.) *Подъ трилистникомъ* было бы 165 десятинъ. Сѣна получено было бы 28,875 пудовъ. Полагая дешевою цѣною по 25 копѣекъ за пудъ (а при сырости обшелся бы втрое выгоднѣе), получено было бы за сѣно 7,218 рублей.

Четвертое поле. Яровое. а) Овесъ: на 165 десятинахъ, высывалось бы 742 четверти, а уродилось 1,855 четвертей. За исключеніем сѣмянъ осталось бы 1,113 четвертей, на сумму, полагая по 9 рублей 10,017 рублей. б.) *Ячмень:* на 165 десятинъ высывалось бы 330 четвертей, а уродилось 1,650 четвертей. За исключеніем сѣмянъ осталось бы 1320 четвертей, по 16 рублей за четверть, на сумму 21,120 рублей.

Пятое поле. Поздняя гречиха доставила бы то же, что и ранняя, именно крупъ на 21,480 рублей.

Всего отъ пяти-польнаго плодоперемѣннаго полеводства Латышинское хозяйство вмѣсто 86,960 получило бы 205,432 рубля, кромѣ сырости и винокуреннаго завода.

Благомыслящіе сельскіе хозяева легко разсудятъ, что взятый въ примѣръ урожай плодоперемѣннаго полеводства, вовсе не преувеличенъ. Въ лучшіе годы всѣ произведенія родятся лучше, но основываясь и на урожаѣ 1833 года

для всякаго очевидно, стоитъ ли трудиться, и есть ли изъ чего хлопотать, чтобы зерновое полеводство преобразовать въ плодоперемѣнное. Ей ей, — и мы клянемся на основаніи личного опыта, — это преобразование — трудъ легкій, малостоящій, совершающійся непременно въ три года. Мы сами готовы помогать всякому, советомъ и руками, въ устройствѣ безубыточнаго перехода отъ зерноваго (трехпольнаго) къ плодоперемѣнному, лишь бы хозяинъ обступилъ, какой сѣвооборотъ приличнѣе принять ему по свойствамъ почвы и мѣстнымъ обстоятельствамъ!

Д. ШЕЛЕХОВЪ.

=

СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ВКУСНѢЙШАГО И ОТЛИЧНѢЙШАГО КОФЕ.

Каммергеръ бывшаго Французскаго двора, графъ С^{***}, рвительный любитель и отличный знатокъ кофе, посвятившій цѣлую жизнь свою изысканіямъ наилучшаго средства приготовить этотъ душистый напитокъ, сообщилъ наконецъ ко всеобщему свѣдѣнію плоды многолѣтнихъ и многотрудныхъ опытовъ, напечатавъ въ *Journal des Connaissances Usuelles* цѣлое, огромное разсужденіе о лучшемъ способѣ варить и пить кофе. Признаемся, намъ бы никогда не пришли въ голову всѣ описанныя имъ подробности: но, видно, дѣло мастера боится. Впрочемъ, должно благодарить графа за глубокомысленное его разсужденіе: безъ него, быть-можетъ, еще долго не представился бы намъ такой счастливый случай услужить нашимъ страстнымъ охотникамъ до кофе, а особливо страстнымъ охотницамъ, которыхъ, слава Богу, у насъ много, не считая кухарокъ. Должно съ горестью признаться, что наша кофеварная Литература чрезвычайно бѣдна, еще бѣднѣе сахароварной, которая уже имѣетъ свой журналъ: мы не знаемъ ни одного Русскаго творенія, въ которомъ бы изложена была хоть вкратцѣ теорія, умозрительная и опытная, приготовленія этого чернаго нектару. Что жъ изъ этого выходитъ? Петербургскія и Московскія кухарки только портятъ кофе! При столь общемъ употребленіи это-

го напитка, вкуснѣйшій и здоровѣйшій способъ пригото-
влять его — отнюдь не такая маловажная вещь, какъ кажется. Кофе и кофейникъ заслуживаютъ полное вниманіе про-
свѣщеннаго и наблюдательнаго вѣка!

По-настоящему, не имѣя основательныхъ практическихъ познаній во всѣхъ тонкостяхъ приготовленія кофе, никогда не владѣвъ кофейникомъ, мы бы должны были, изъ одного опасенія упустить что-нибудь существенно важное въ этомъ искусствѣ, сообщить описаніе графа С^{***} цѣликомъ, какъ оно вышло изъ подъ плодовитаго пера его. Но, ужаснувшись огромнаго труда, а пуще, опасаясь утомить терпѣніе читателя, мы сообщаемъ только извлеченіе изъ этой ученой диссертациі, и дозволимъ себѣ даже умолчать похвалы, которыми сочинителю угодно было превознести произведеніе счастливой Аравіи: онъ и безъ того твердо запечатлѣны на органахъ вкуса каждаго читателя. Замѣтимъ только, что кофе дѣйствительно во многихъ случаяхъ очень полезенъ: онъ слегка возбуждаетъ дѣятельность мозга, освѣжаетъ мысли и способствуетъ пищеваренію.

Выборъ кофе. изъ употребительнѣйшихъ сортовъ кофе наиболѣе цѣнится Мокскій, потомъ Бурбонскій и Марти-
никскій, и наконецъ, Гайтскій и Бразильскій. Но при выбо-
рѣ этого произведенія надобно смотрѣть не столько на мѣ-
стороженіе его, сколько на качество, то есть, чтобъ онъ
былъ свѣжъ и неподмоченъ, что легко узнается по виду и
запаху зеренъ. Лучшій Мокскій кофе, будучи подмоченъ,
не стоитъ самаго простаго Гайтскаго или Бразильскаго, до-
ставленнаго безъ порчи.

Жареніе. Жарить кофе надобно какъ-можно ровнѣе и
осторожнѣе, чтобъ ни одно зерно не пригорѣло: поэтому
лучше его немного не дожарить, чѣмъ пережечь. Сочини-
тель совѣтуетъ употреблять для этого жаровню съ меха-
низмомъ изъ зубчатыхъ колесъ, сообщающимъ ей довольно
быстрое движеніе, независимо отъ движенія рукъ. Хорошо
и въ пору поджаренный кофе терять отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ своего
вѣсу или, говоря другими словами; на столько же прибыва-
етъ въ объемъ. Изжаривъ, должно его непременно тот-
часъ же простудить, рассыпавъ на мраморной плитѣ, для
того, чтобы холодъ, охвативъ зерна, скорѣе вогналъ въ нихъ

выступившее наружу пахучее масло. Такъ какъ это масло очень летуче и притомъ составляетъ главное достоинство напитка, то его должно по-возможности сохранять: вотъ причина, по которой надобно также кофе жарить незадолго до употребленія. Подмоченный кофе должно поджаривать больше.

Превращеніе въ порошокъ. Крупно ли, мелко ли смолоть кофе, это совершенно все равно, — вкусъ напитка отъ того ни сколько не изменяется; только очевидно, что мелкій порошокъ спорѣе, но за то онъ не скоро отстаивается. И такъ бережливому предоставляется молоть его мельче, а нетерпѣливому, крупнѣе. Восточные толкутъ кофе въ тончайшую муку.

Настаиваніе. Это самый спорный вопросъ, надъ которымъ бились уже не только хозяйки и гастрономы, но даже и ученые. Графъ С*** разрѣшаетъ его очень просто; главный результатъ всѣхъ его сужденій состоитъ въ томъ, что количество и качество кофейнаго настоя до тѣхъ поръ не совмѣстятся, пока прихоти не перестанутъ враждовать съ бережливостью. Принявъ за основаніе, что самый душистый и слѣдовательно лучший напитокъ получается единственно изъ наиболѣе растворимыхъ и летучихъ, особливо при повышенной температурѣ, частицъ кофейнаго порошка, которыхъ въ немъ очень не много, графъ С*** выводитъ заключеніе, что вообще крѣпкій настой, добытый изъ небольшого количества кофе, хорошъ быть не можетъ. Обыкновенный способъ приготовленія кофе посредствомъ кипяченія на огнѣ, по той же причинѣ онъ вовсе отвергаетъ какъ никуда годный, и хотя отдаетъ передъ нимъ преимущество мѣшечному кофе, добытому посредствомъ горячей воды, однако жъ и этотъ способъ считаетъ неудовлетворительнымъ для утонченнаго вкуса лакомокъ. Въ замѣнъ этихъ способовъ онъ совѣтуетъ настаивать кофе холодною водою, полагая, что она можетъ поглащать однѣ только самыя растворимыя и душистыя частицы кофе, которыя, сверхъ того, при обыкновенной температурѣ и улѣтъ не могутъ, и потому необходимо останутся въ настоѣ. Для холоднаго настаиванія кофе сочинитель предлагаетъ два новые прибора собственнаго изобрѣтенія:

1. Мѣшечный кофейникъ съ крѣпкою и плотно навинчен-

ною на него крышкою, въ которую вставлена длинная въ нѣсколько футовъ вышиною трубка. *Употребленіе.* Положивъ въ мѣшечекъ потребное количество молотаго кофе и навинтивъ крышку, наполни трубку водою; черезъ нѣсколько времени получится въ нижней части кофейника превосходный кофейный настой, прожатый сквозь мѣшокъ силою давленія водянаго столба въ нѣсколько футовъ вышиною.

2. Простая стеклянная трубка въ 6 футовъ длиною и отъ 8 до 12 дюймовъ толщиною. *Употребленіе.* Обвязавъ одинъ конецъ этой трубки частымъ полотномъ или батистомъ, всыпъ въ нее сколько нужно мелко измолотаго кофе, утряхни его тамъ и, дополнивъ трубку водою, повѣсь ее надъ сосудомъ, въ который долженъ стекать настой.

Въ обоихъ случаяхъ, не пожалѣвъ кофе, можно получить столь крѣпкій настой, что ежели его разбавить наполовину кипяткомъ, то выдетъ еще очень и даже слишкомъ крѣпкій кофе, съ которымъ далеко не можетъ сравниться никакой, приготовленный иначе.

Такимъ же точно образомъ можно добывать родъ кофейной эссенціи для путешественниковъ, столь крѣпкой, что одна часть ея, разбавленная тремя частями кипятка, даетъ превосходный кофе. Хранить эту эссенцію совѣтуетъ графъ С^{***} въ закупоренныхъ и засмоленныхъ баночкахъ, въ которыхъ обыкновенно продается о-де-колонь.

Желающіе знать прочія, выпущенныя нами подробности, какъ то, сколько чашекъ молотаго кофе выходитъ изъ сыраго или жаренаго, сколько нужно наливать воды на известное количество кофе, во сколько градусовъ крѣпости выходитъ настой при известныхъ обстоятельствахъ, и т. д., даже сколько зеренъ считается въ фунтѣ кофе, могутъ читать объ нихъ въ подлинникъ. *Н. Филипповъ.*

СОСТАВЪ АРГЕНТИНА, ИЛИ НОВАГО СЕРЕБРА, НАЗЫВАЕМАГО ТАКЖЕ КИТАЙСКИМЪ.

Лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ появились въ Европѣ разныя издѣлія изъ совершенно новаго металличе-

скаго сплава, очень похожаго на серебро, а еще болѣе на известный сплавъ Китайскаго происхожденія, Пакъ-фонъ, которому давно уже Европейцы завидовали, но тщетно старались подражать. Европейскій сплавъ открытъ въ Германіи Г. Фрайкомъ, и называется аргентиномъ, или новымъ серебромъ, Neusilber: онъ состоитъ изъ мѣди, никкеля и цинка. Изъ него дѣлаются ложки, разная домашняя посуда, подсвѣчники и другія вещи, не только видомъ, но даже и прочностью немного уступающія настоящимъ серебрянымъ, по крайней-мѣрѣ когда сплавъ сдѣланъ надлежащимъ образомъ. Въ последнее время появились и здѣсь въ Петербургѣ красивые самовары, ложки и другія вещи изъ аргентина, но металлъ ихъ уступаетъ видностью тому, который дѣлають за границею, особенно въ Берлинѣ. Поэтому мы опишемъ настоящій составъ его. Замѣтимъ только, что, по свидѣтельству Гуфеланда, хорошо составленный аргентинъ лучше другихъ металловъ для сосудовъ, въ которые вливаются горячіе напитки или яствы: онъ распускается въ водѣ даже менѣе обыкновеннаго серебра и не сообщаетъ ей ни какого вкуса. Для оставленія этого сплава надобно предварительно очистить хорошенько такъ называемый купферъ-никкель, содержащій, какъ известно, кромѣ никкеля, немного кобальта, мѣди, желѣзо и въ особенности значительное количество мышьяку, отъ котораго его непременно должно освободить. Хотя употребляемый въ Германіи способъ очищенія никкеля и содержится еще въ тайнѣ, однако жъ, очень вѣроятно, что онъ очищается отъ мышьяку посредствомъ продолжительнаго накаливанія и плавленія, нѣсколько разъ повторяемыхъ. Изъ Германіи получается очищенный никкель въ двухъ видахъ, — въ зернахъ и въ большихъ, черноватыхъ, губчатыхъ массахъ, не имѣющихъ вовсе металлическаго блеска. Оба эти вида выдаются за совершенно очищенный отъ мышьяку никкель, однако жъ они содержатъ еще небольшое количество этого металла, и потому не худо было бы озаботиться отысканіемъ вѣрнѣшаго средства къ совершенному его отдѣленію. Аргентинъ составляется въ разныхъ пропорціяхъ; но чѣмъ онъ больше содержитъ никкеля, тѣмъ бываетъ тверже и похоже на серебро. Въ Англіи готовятъ его изъ 1 ча-

сти никкеля, $2\frac{3}{4}$ мѣди и $\frac{3}{4}$ цинка, или изъ 1 же части никкеля, 2 мѣди и $\frac{1}{2}$ цинка. Хотя обрабатываніе послѣдняго сплава труднѣе по причинѣ большой его твердости; но, какъ онъ менѣе чернѣетъ и ржавѣетъ, то и предпочитается прочимъ. Должно еще замѣтить, что аргентинъ бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ чище металлы, входящіе въ составъ его; увѣряютъ также, будто-бы малѣйшая примѣсь свинцу къ цинку много вредитъ ковкости самаго сплава.

Очистивъ и превративъ въ порошокъ металлы, входящіе въ составъ аргентина, должно никкель смѣшать въ надлежащей пропорціи съ цинкомъ, всыпать смѣсь въ плавильный горшокъ и сверху положить потребное количество мѣди; потомъ, закрывъ хорошенько тигель и утврдивъ на выдолбленномъ кирпичномъ кружкѣ, поставить въ горнъ, и, обсыпавъ со всѣхъ сторонъ угольями, накаливать. Такъ какъ въ губчатомъ никкелѣ всегда содержатся еще нѣкоторыя постороннія части, способныя стекловаться, то лишь только металлъ расплавится, на поверхности его образуется жидкая накалина, которую должно тщательно отдѣлать, а расплавленную массу хорошенько размѣшивать желѣзною палочкою, чтобы сплавокъ сдѣлался какъ-можно однороднѣе. Потомъ вылить его въ желѣзные отполированные внутри формы, толщиной въ палецъ. Чтобы полученные такимъ образомъ слитки аргентина удобнѣе было ковать и вытягивать въ листы, ихъ дѣлаютъ около девяти линій толщиной, дюйма въ четыре шириною и до девяти дюймовъ длиною. Такіе слитки вѣсятъ около шести фунтовъ. Если сплавокъ сдѣланъ удачно, то изломъ его долженъ быть плотенъ и мелкозернистъ, безъ всякихъ раковинъ: иначе, въ работѣ окажутся въ немъ трещины и множество плѣнокъ. При ковкѣ и вытягиваніи аргентина надобно его нѣсколько разъ накаливать, особливо сначала, чтобы холодною ковкою не сдѣлать его слишкомъ твердымъ и хрупкимъ.

Во Франціи Г. Богардтъ измѣнилъ нѣсколько способъ добыванія аргентина. Онъ беретъ на 32 части мѣди 11 частей никкеля въ зернахъ, плавить оба металла въ закрытомъ тиглѣ, и тщательно размѣшавъ этотъ двойной спла-

вокъ желѣзною мѣшалкою, чтобы сдѣлать смѣсь какъ-можно однороднѣе, выливаетъ въ воду, и такимъ образомъ получаетъ его въ видѣ зеренъ. Потомъ, высушивъ эти зерна, кладетъ ихъ снова въ тигель и, накаливъ до красна, прибавляетъ къ нимъ 8 частей цинка; покрываетъ все смѣсью изъ толченаго стекла съ небольшимъ количествомъ виннаго камня; усиливаетъ жаръ, и когда смѣсь совершенно расплавится, спимаетъ съ нее жидкую окалку, а самый сплавокъ выливаетъ въ формы. Полученный этимъ способомъ аргентинъ очень похожъ на серебро, и имѣетъ большую ковкость и тягучесть, такъ, что его можно тянуть въ самую тонкую проволоку.

Аргентинныя вещи полируются сначала пемзою, потомъ мелкимъ углемъ, и наконецъ стальнымъ гладиломъ съ подливкою мыльной воды или пива; когда же гладило начнетъ тускнеть, то его снова полируютъ, крѣпко натирая замшею, посыпанною оловяннымъ окисломъ. Углубленія, въ которыхъ нельзя полировать пемзою, шлифуютъ растворомъ серебра или олова, разбавленнымъ водою.

Для спайки аргентина обыкновенно употребляется сплавъ его съ оловомъ или, лучше, съ серебромъ: причѣмъ надобно обращать все вниманіе на степень жара, который долженъ быть очень умеренный. *Н. Филиповъ.*

=

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ГАСИТЬ ЗАГОРѢВШУЮСЯ ВЪ ТРУБѢ САЖУ.

Лишь только замѣчено будетъ, что сажа въ трубѣ загорѣлась, надобно тотчасъ покрыть трубу мокрою рогожею, войлокомъ или сукномъ, сколько возможно плотнѣе; а въ печь, отъ которой произошла вспышка, бросить нѣсколько горстей толченой сѣры, и ту же минуту закрыть дверцы или заслонку и сверху завѣсить ихъ мокрою тряпкою. Вслѣдъ за этимъ огонь какъ въ печкѣ, такъ и въ трубѣ погаснетъ, ибо отъ горѣнія сѣры немедленно образуется большое количество газа сѣрноватой кислоты, которымъ наполнится вся печь и труба; а какъ этотъ газъ вовсе не

поддерживает горвнiя тѣлъ, то пожаръ и прекращается. Если по какимъ-либо причинамъ нельзя было бы закрыть трубу, какъ сказано выше, то и въ такомъ даже случаѣ свра, брошенная въ печь, потушить огонь въ трубу, только не такъ скоро, и притомъ ее надобно употребить гораздо болѣе, нежели при покрытой трубѣ. Должно замѣтить, что послѣ, когда сажа въ трубу такимъ образомъ погашена, отнюдь не должно открывать печь прежде, чѣмъ она совершенно остынетъ и весь удушливый газъ выдетъ изъ нее въ трубу: иначе этотъ газъ можетъ, распространяясь по комнатамъ, причинить большой вредъ живущимъ въ нихъ. *Н. Ф.*

=

ВАНИЛЬНЫЙ СЫРОПЪ.

Возьми лучшей ванили 2 унцiи; сахару рафинаду въ мелкомъ порошокѣ 17 унцiй и чистой воды 9 унцiй. Изрѣзавъ ваниль какъ можно мельче, положи въ мраморную или стеклянную ступку и стирай, съ небольшимъ количествомъ безцветной фруктовой водки, сахару и воды до тѣхъ поръ, пока получится совершенно однородное тѣсто. Истеревъ, положи смѣсь въ стеклянный шаръ вмѣстѣ съ остальнымъ сахаромъ и показаннымъ количествомъ воды, выпустивъ туда же одинъ личный бѣлокъ; потомъ, обвязавъ горлышко шара пергаментомъ и проколовъ въ немъ булавкою маленькое отверстiе, поставъ шаръ въ сосудъ съ водою и кипяти ее въ продолженiе 18—20 часовъ, или положи шаръ дней на 12 на солнце или въ испарительную печь (не протыкая пергамент), и время отъ времени взбалтывай находящуюся въ немъ жидкость. По прошествiи этого времени сахаръ распустится, и получится однородная, душистая жидкость, которую храни для употребленiя въ хорошо закупоренныхъ склянкахъ, обернувъ ихъ черною бумагою. Этотъ сыропъ употребляется для подслащиванiя и сообщенiя запаха битымъ сливкамъ, мороженому и ликерамъ. *Н. Ф.*

=

V.

КРИТИКА.

=

Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826—1829 годахъ, флота капитаномъ Федоромъ Литке. Отдѣленіе историческое. Части I и II. Санктпетербургъ, 1834—1836.

Появленіе Европейской книги въ нашей Литературѣ есть такое событіе, которое, подобно кометамъ, стоитъ того, чтобы всѣ объ немъ заговорили: будь мы нѣсколько болѣе суевѣрны, мы бы готовы были спросить — что такое предзнаменуетъ книга, лежащая теперь передъ нами? Дай Богъ, чтобы она предзнаменовала урожайное лѣто!

Сочиненіе капитана Литке принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя читаются съ удовольствіемъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, — а на Русскомъ языкѣ, и Русскими, съ сугубымъ удовольствіемъ. Это — едва ли не первое въ нашей литературѣ Путешествіе, которое важности ученаго наблюденія умѣло придать полную занимательность и одушевленіе настоящаго «Путешествія». Авторъ съ большей разборчивостью устранилъ техническія подробности въ другіе отдѣлы книги, и сперва излагаетъ исторію странствованія и наблюденій экспедиціи, надъ которою онъ начальствовалъ. Это живая, разнообразная и любопытная повѣсть о приключеніяхъ на пути вокругъ свѣта, движущаяся панорама видовъ, народовъ и нравовъ, разговоръ очевидца внимательнаго и просвѣщеннаго, который знаетъ, какъ надобно рассказывать образованнымъ слушателямъ, — не повторять того, что должно быть всѣмъ извѣстно, и между-тѣмъ не пропускаетъ ни одной черты, разительно отбѣняющей описываемые

предметы; словомъ, который знаетъ, въ чемъ дѣло, и притомъ всегда готовъ, для удовольствія читателей, мысленно пускающихся съ нимъ въ дальнія стороны, дать своимъ очеркамъ особенную выпуклость кстати сдѣланнымъ сближеніемъ, или живописно освѣтить ихъ блестящимъ замѣчаніемъ.

Шлюпъ Сенявинъ, выстроенный нарочно для этой экспедиціи, отправился изъ Кронштада въ концѣ августа 1826 года. Кромѣ начальника экспедиціи, *Ө. П. Литке*, и еще семи офицеровъ, на шлюпъ были *Г. докторъ Мертенсъ*, въ званіи естествоиспытателя, *Г. адъютантъ-профессоръ Постельсъ*, въ званіи минера-лога и рисовальщика, и Прусской службы отставной капитанъ, баронъ *Китлицъ*, дѣятельно помогавшій имъ обонимъ. Сенявину назначено было идти въ колоніи Россійско-Американской Компаніи, вмѣстѣ съ другимъ шлюпомъ, *Моллеръ*, и, отдѣлившись отъ него тамъ, заняться въ лѣтніе мѣсяцы описаніемъ Земли Чукчей и Коряковъ, полуострова Камчатки, береговъ Охотскаго моря и Шантарскихъ Острововъ, а зимою, въ тропическихъ странахъ, осмотрѣть на пути къ югу то мѣсто, гдѣ на новѣйшихъ Англійскихъ картахъ нанесены съ Японской карты острова *Бонинъ-Сима*, и потомъ изслѣдовать *Каролинскій Архипелагъ* во всеи его пространствѣ.

Вѣтры не благоприятствовали экспедиціи до такой степени, что только черезъ полгода по выступленіи ея въ море достигла она южной оконечности Америки, увидѣла *Мысь Горнъ*, и потомъ въ девятнадцать дней обогнула *Огненную Землю*.

«Погода во все это время продолжалась сырая и холодная; туманъ, мелкій дождь, снѣгъ, градъ смѣнялись между собою; горизонтъ очищался весьма рѣдко, а солнце показывалось сквозь мракъ на одно только мгновеніе; термометръ *Реомюровъ* стоялъ обыкновенно между 2° и 4° тепла. Со всемъ тѣмъ положеніе наше было весьма сносно; мы ни

въ чемъ не пуждался; продолжительныхъ бурь не имѣли вовсе, а топившаяся съ утра до вечера въ жилой палубѣ печь сохраняла людей и отъ холода и отъ сырости. Я забывъ болѣе другихъ, ибо въ каютѣ моей термометръ не поднимался выше 3° и 6°. Въ Петербургѣ при такой температурѣ въ комнатахъ казалось бы невозможнымъ жить; по мнѣ не препятствовала она даже продолжать всеневныхъ работъ моихъ. Давно замѣчено, что такія вещи, которыхъ въ обыкновенной городской жизни опасаются какъ производящихъ болѣзни, въ морскихъ путешествіяхъ переносятся и легче и безъ всякихъ вредныхъ для здоровья слѣдствій. Напримѣръ сквозной вѣтеръ: сколько катарровъ, ревматизмовъ приписываются сквозному вѣтру! Мы живемъ вѣкъ на этомъ нечестномъ вѣтрѣ, не подозревая и существованія его, или лучше сказать, мы не знаемъ иного вѣтра кромѣ сквознаго, и все-таки не удостоиваемъ его права гражданства между 32-ми другими. Приписываютъ это соленымъ частицамъ содержащимъ въ морскомъ воздухѣ, равномерной температурѣ его днемъ и ночью, и многимъ другимъ вещамъ: не оспаривая вліянія всѣхъ этихъ причинъ, думаю я однако же, что не менѣе всѣхъ ихъ дѣйствуетъ и то, что мы себя,—волей или неволей,—не нѣжимъ, и притомъ ведемъ жизнь правильную и умѣренную.

«Весьма свѣжіе западные вѣтры, съ огромнѣйшею зыбью, быстро несли насъ къ северу; наконецъ 27 февраля въ широтѣ 45¹/₂°, достигли мы предѣловъ прибрежнаго муссона. Погода съ каждымъ часомъ становилась теплѣе, море покойнѣе, небо яснѣе, все означало вступленіе наше въ климатъ благословенный. Мы правили прямо къ Губѣ Зачатія (Сопсерсіон). Третьяго марта разстояніе наше до ближайшаго берега по счисленію было только восемь миль, но густой туманъ скрывалъ его. Ночью туманъ разсѣлся, а разсвѣтъ явилъ намъ зрѣлище неописаннаго величія и прелести: зубчатая, съ острыми пиками цѣпь Андвовъ рѣзко окраевалась на небесной лазури, первыми лучами солнца озаренной! Не буду умножать числа тѣхъ, которые терлись въ тщетныхъ усиліяхъ передать другимъ чувства свои при первомъ видѣ подобныхъ картинъ природы. Онѣ неизяснимы, подобно великолѣпнѣю самаго зрѣлища. Переливы цвѣтовъ, постепен-

ное освященіе облаковъ и неба съ возвышеніемъ солнца, неподражаемо прелестны. Къ сожалѣнію, зрѣлище, какъ все въ высокой степени изящное въ природѣ, было непродолжительно: съ увеличеніемъ массы свѣта въ атмосферѣ огромный испоминъ, казалось, погружался въ бездну, а взшедшее солнце сгладило и слѣды его.»

Этотъ быстрый переходъ отъ туманной и холодной сырости полярнаго климата къ умѣреннымъ широтамъ за-Американскихъ водъ внушаетъ автору замѣчаніе, котораго справедливость съ удовольствіемъ подтвердить воображеніе всякаго, переплывавшаго моря.

«Мореходцы часто говорятъ весьма различно о странахъ, ими посѣщаемыхъ. Одну и ту же землю одинъ описываетъ плодородною, другой безплодною, одинъ богатою, другой бѣдною. Это зависитъ сколько отъ обстоятельствъ, въ какихъ мореходецъ пристаетъ къ какой либо землѣ, — обстоятельствъ, которыя бываютъ чрезвычайно различны, столько и отъ того, что переходы ихъ изъ страны въ страну, изъ климата въ климатъ, бываютъ чрезвычайно быстры: переплывая океанъ, раздѣляющій два свѣта, дѣлаетъ онъ, такъ сказать, скачокъ изъ одного въ другой; онъ какъ-будто засыпаетъ въ одномъ и просыпается въ другомъ; ни что не наполняетъ пустоты между ими. Онъ усматриваетъ новую страну тогда, какъ впечатлѣнія оставленныя прежнею сохраняются еще во всей свѣжести; и большій или меньшій контрастъ между обими необходимо имѣетъ вліяніе на заключеніе, которое онъ дѣлаетъ о каждой. Такимъ образомъ мореплаватели, приходившіе въ Губу Зачатія отъ сѣвера, гдѣ зрѣніе утомляется смотря на безпредѣльную черту безплоднаго, песчанаго берега, какъ-будто сотвореннаго природою не для жительства чловѣка, но единственно въ защитѣ отъ устремляющейся на него водной бездны, находили берега Губы Зачатія смѣющимися, богатыми; напротивъ того, намъ, въ воображеніи которыхъ угрюмые берега острововъ Фалкландскихъ и свирѣпство Южнаго Океана не могли еще изгладить впечатлѣній оставленныхъ прелестною, богатою, роскошною природою Бразиліи, показались берега эти довольно бѣдными.»

Не только въ этомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ морскія путешествія производятъ надъ странникомъ, приближающимся къ отдаленнымъ землямъ, впечатлѣнія, болѣе похожія на дѣйствіе игры свѣта, нежели присутствія дѣйствительности. Удаленіе всего, кромѣ безпредметнаго пространства, пока человекъ въ морѣ, дѣлаетъ для него время, проводимое среди водъ и облаковъ, какъ-бы изъятіемъ изъ порядка жизни: это родъ снობодрствованія на яву; бытіе его кажется прерваннымъ; онъ находится въ пустотѣ, отдѣляющей прошедшее отъ будущности, и оставленной настоящимъ, которое улетѣло. Внезапное появленіе незнаемыхъ береговъ, новой природы, новыхъ народовъ и нравовъ, вдругъ отбрасываетъ его, сквозь всю эту пустоту, къ тому, что онъ оставилъ въ землѣ, откуда выѣхалъ; предстоящіе предметы, наполняя зрѣніе, сильно сталкиваются въ умѣ его съ представленіями прошедшаго, и это минута одного изъ любопытнѣйшихъ душевныхъ явленій. Счастливы тотъ, въ чьей головѣ столкновеніе это высвѣтитъ яркую искру свѣта: въ большей части головъ оно производитъ темноту и мгновенное замѣшательство, во время котораго ускользаетъ изъ нихъ первый, настоящій взглядъ на предметы, — и съ тѣхъ поръ эти головы ничего уже не видятъ, или видятъ все ложно, въ странѣ, гдѣ очутились.

Изъ Губы Зачатія, Сенявинъ отправился вслѣдъ за товарищемъ въ Вальпарайзо, но засталъ его уже опять вступающимъ подъ паруса. Здѣсь обратили на себя вниманіе автора quebradas, или горныя разсѣлины, узкія долины, въ которыхъ помѣщается большая часть Вальпарайзскихъ жителей. Надо имѣть особенную привычку, чтобъ взбираться на эти утесистыя крутизны по узкимъ и извилистымъ тропинкамъ, которыя заступаютъ здѣсь мѣсто улицъ. Отсюда путешественники наши ѣздили въ плодоносную Кильот-

скую Долину, справедливо называемую садомъ Чили: на обратномъ пути они заблудились, и только ночью достигли предмѣстiя Вальпарайзо, Альмендрала.

«Съ воображенiемъ, наполненнымъ сытными ужиномъ и мягкими постелями, ѣхали мы тихо по улицамъ Альмендрала, какъ вдругъ останавливаетъ насъ ночной стражъ, и велитъ спѣшиться. Не постигая причины такого притязанiя, отговариваемся мы, протестуемъ, но все тщетно; обязанные повиноваться, тащимъ мы, въ недоумѣнiи, усталыхъ клячь своихъ за собою до большой площади, гдѣ намъ все объясняется. Быль великiй четвергъ; отъ этого дня до страстной субботы не позволено здѣсь, подъ великимъ штрафомъ, ни верхомъ ѣздить, ни пѣть, ни играть на инструментахъ, ни даже ходить въ шляпѣ. Всякое дѣло, всякая работа, всякое увеселенiе строго въ эти дни запрещается. Пригорокъ посреди города, на которомъ стоитъ театръ, обращается на это время въ Голгоѳу. Посреди огороженнаго щитами пространства, возвышается крестъ съ изображенiемъ Спасителя; предъ нимъ множество цѣтвъ и свѣчей; по обѣ стороны женскiя фигуры на коленныхъ, изображающiя свидѣтельница страстей нашего Спасителя. Передъ этимъ мѣстомъ набожныя души приходили смывать грѣхъ свой, — я замѣтилъ только грѣшницъ, но не одного грѣшника; большая часть изъ нихъ были, конечно твердо увѣрены въ полученiи благодати, ибо на пути шутили, смѣялись, и только приближаясь къ этому, мѣсту принимали видъ смиренный, преклонили колѣна на нѣсколько минутъ, — потомъ продолжали путь съ прежними шутками и смѣхомъ. Въ это время появились въ продажѣ, какъ у насъ, окрашенные яйца, изъ обсахареннаго тѣста сдѣланные святые, которыхъ вамъ называютъ поименно; и между ими странныя фигуры подбочившияся и въ шутовскихъ шапкахъ, которыхъ называли *Russianos*. Кажется, что въ Демонологiи Чилианъ занимаемъ мы мѣсто чародѣевъ или чернокожишниковъ. Г-жа Грагамъ слышала отъ одной старушки о множествѣ чудесъ совершенныхъ мѣстными святыми противу замысловъ еретиковъ, и въ особенности *Russianos*. Мы съ трудомъ попали въ ту же ночь на шлюпъ, потому что даже и лодкамъ не позволено отплавать отъ берега. Но тутъ ожидалъ

меня еще неприятный сюрпризъ, именно, что и вся пригтовленная для насъ провизія подпала всеобщему запрещенію, и не можетъ быть къ намъ доставлена никакъ прежде субботы вечера. Мы потеряли такимъ образомъ еще два дни, но пособить этому не было ни какой возможности.

«Изготовивши совершенно шлюпъ къ морю, отправилъ я въ субботу по утру всѣ гребныя суда на берегъ, чтобы тотчасъ по снятіи всеобщаго ареста начать перевозку припасовъ. Около полудня пушечныя выстрѣлы съ крѣпости возвестили наконецъ о вождельной минутѣ; фейерверки зажглись со всѣхъ сторонъ; мертвая тишина смѣнилась безпримѣрнымъ движеніемъ. Домъ всякаго православнаго обращается въ это время въ эшафотъ или висѣлицу, на которыхъ предатель Іуда подвергается заслуженной казни въ тысячи видахъ. Здѣсь виситъ онъ вверхъ ногами, тутъ побивается каменьями; тотъ рубить ему голову, другой его разстрѣливаетъ. Море не отстаеетъ отъ суши: суда стоявшія дотолъ съ отопленными реями и полуспущенными флагами (обыкновенный знакъ траура на корабляхъ) мгновенно разсвѣщаются; на одномъ Іуду купаютъ съ бугшприта, на другомъ сожигаютъ, заставляя извергать пламя изъ всѣхъ отверстій, и прочая.»

Разсказъ автора живо напоминаетъ намъ набожныя этого рода казни, происходящія въ Испаніи, гдѣ въ великую пятницу народъ, подъ предводительствомъ монаховъ, торжественно выводитъ чучело Іуды за городъ, и въшааетъ его съ ярлыкомъ на груди, на которомъ бываютъ прописаны разныя его преступленія. Нѣкоторыя изъ этихъ надписей весьма любопытны и забавны. Іуда, повѣшенный въ 1825 году въ Толедѣ, былъ украшенъ огромнымъ ярлыкомъ слѣдующаго содержания: «Казнецъ онъ, воръ Іуда, по приговору славнаго «города Толеды, за то, что онъ предалъ Спасителя; «за то, что онъ занимался чернокипжіемъ; за то, что «онъ жилъ въ дружбѣ съ чортомъ, и прочая, и прочая,— «у *perchè era el capo de los albanniles y de los liberales*,— и «за то, что онъ былъ глава франмасоновъ и либераловъ.»

Капитанъ Литке сообщаетъ много любопытнаго о политическомъ состояніи Чили, и заключаетъ обзоръ этого края характеристическими чертами туземныхъ нравовъ.

«Въ пребываніе наше въ Альмендралъ, пользовались мы въ свободныя отъ работъ минуты тихими лунными ночами, которыхъ прелесть въ Чили превосходить всякое описаніе, и, въ прогулки эти, мѣшались въ толпы веселящагося народа. Незвирая на страстную недѣлю, *Пульперіи* были всегда наполнены: на всякомъ шагу музыка, пѣнье и пляски. Первая состоитъ обыкновенно изъ трехъ инструментовъ: арфы грубой работы, на которой почти всегда играетъ дама; гитары, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенныхъ, на которой однако жъ играютъ какъ на нашихъ балабайкахъ; и барабана, на которомъ бьютъ ладонями въ тактъ: мѣсто его заступаетъ иногда резонансъ той же самой арфы, иногда лукошко, и все, что издастъ глухой звукъ; иногда къ этимъ инструментамъ присоединяется гремящая, — жестяной цилиндръ, наполненный камешками или горохомъ, которымъ весьма искусно производятъ трещащій звукъ. Все вмѣстѣ составляетъ весьма педурной эффектъ. Оркестръ этотъ сопровождается всегда вокальною музыкою; всѣ четыре виртуоза изъ всей силы поютъ ту же пѣсню, — жепщины обыкновенно фистулою. Мы слышали одну и ту же мелодію всегда и вездѣ; она весьма пріятна, имѣетъ постоянную и точную трехчетвертную такту, которой музыканты никогда не теряютъ. Плясуны (обыкновенно одна только пара; мнѣ никогда не случилось видѣть болѣе) становятся другъ противъ друга; дама, закинувъ свой шерстяной платокъ на плечо, Чилено въ шляпѣ, съ сигаркой въ зубахъ. Нѣсколько минутъ продолжается прелюдія на инструментахъ. Вмѣстѣ съ вокальною музыкою начинается пляска, обыкновенно тѣмъ, что дама топнетъ прямою ногой и скачкомъ въ лѣво повертывается кругомъ; потомъ танцоры то сходятся, то расходятся, а въ полустрофахъ обращаются другъ около друга; пѣ дамы походить на Русское; движенія ея такъ же граціозны, какъ въ Русской пляскѣ; кавалеръ или очень скоро барабанитъ ногами, или дѣлаетъ пѣ подобное казацкому. Дама обыкновенно имѣетъ въ правой

рукъ платокъ, которымъ плавно помахииваетъ; кавалеръ или подбочается или держитъ руки въ карманъ. Съ окончаніемъ куплета плясуны останавливаются; слѣдуетъ за этимъ прелюдія, потомъ пѣніе, и начало пляски попрежнему. Одна и таже пара двааетъ ту же фигуру разъ десять и болѣе. Иногда они вмѣстѣ сходятъ со сцены, иногда смѣняются по одиначкѣ; но сцена рѣдко остается незанятою. Пристрастіе ихъ къ этой пляскѣ необыкновенно: они смотрятъ на нее по цѣлымъ часамъ, не сходя съ мѣста.

«Трудно вообразить себѣ что-нибудь *выразительныя* пляски Чилинъ, которые однако же умѣютъ соединить съ ней нѣкоторую систематическую пристойность: только-что пляска кончилась, и плясунъ и плясунья принимаютъ на себя прежній степенный видъ.»

Изъ Вальпорайзо, Сенявинъ отправился прямо въ Ново-Архангельскъ. Замѣчанія автора объ этой небольшой, но важной крѣпости и о колоніяхъ Россійско-Американской Компаніи вообще составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ главъ книги. Видъ благоустроеннаго городка въ этой живописно-дикой и безмолвной пустыни производить самое пріятное впечатлѣніе. Въ Ново-Архангельскѣ, кромѣ укрѣпленія и церкви, есть большой домъ для главнаго правителя колоній, окруженный полисадомъ, съ башнею и батгареею, на которыхъ поставлено тридцать два орудія; есть арсеналъ, казармы для служителей, дома для помѣщенія чиновниковъ, больница съ аптекою, бани, магазины, лавки, училище на тридцать мальчиковъ; наконецъ адмиралтейство, мастерскія и гавань съ молою. Число жителей, Русскихъ, Креоловъ и Алеутовъ, простирается до восьми сотъ человекъ. Погода здѣсь обыкновенно сырая, пасмурная, *осенняя*, но вообще довольно теплая. Въ январѣ термометръ рѣдко опускается ниже 10 градусовъ холода; въ февралѣ цвѣтеть ужъ малина, и въ маѣ обыкновенно созрѣваетъ; однако жъ случается, что и въ апрѣлѣ бываетъ 4 градуса мороза.

Недостатокъ подножнаго корма и всегдашняя сырость, которая губитъ скошеную траву, препятствуетъ разведенію рогатаго скота. Содержаніе восьми или десяти головъ стоитъ здѣсь тысячу рублей въ годъ и болѣе, такъ что мясная пища въ большую рѣдкость, и кромѣ начальника колоній всѣ ѣдятъ одну рыбу; только въ большіе праздники выдаютъ служителямъ по полуфунту мяса на cadaго.

«Содержаніе домашнихъ птицъ также стоитъ дорого; и сверхъ-того разведенію ихъ есть еще и другое препятствіе, — множество и необыкновенная хищность воропъ, хватающихъ не только цыплятъ, но и большихъ куръ, только-что они покажутся на волю. Ихъ стрѣляютъ безпрестанно, но это ни числа ихъ, ни смѣлости, не уменьшаетъ. Свиньямъ приносятъ онѣ только частный ущербъ: гоняясь за ними, отклесываютъ имъ хвосты, отъ чего въ Ново-Архангельскѣ всѣ свиньи безхвостыя. Но разоряя хозяйства, эти хищницы приносятъ и некоторую пользу: все выброшенное на улицу вмѣстѣ ими разносится и очищается, что и доставило имъ прованіе *Ново-Архангельской полиціи*.»

Не эта ли склонность ихъ благочинію ведала Колошамъ поводъ къ обогащенію ворона? Известно, что туземцы Северо-западной Америки называются въ нашихъ колоніяхъ общимъ именемъ Колошъ, или Колошъ. Наружность всѣхъ этихъ народовъ, какъ и сходство ихъ въ образъ жизни и обрядахъ, дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ, что они принадлежатъ къ одному и тому же племени. Авторъ сообщаетъ объ нихъ много чрезвычайно любопытныхъ подробностей, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь главныя черты.

«Всѣ воспитаніе Колоша съ самаго рожденія направлено къ тому, чтобы окрѣпить тѣло его противу всякихъ страданій. Съ пакинутымъ на одно плечо шерстянымъ одѣяломъ не замѣчаетъ онъ, кажется, ни вѣтра, ни дождя, ни холода; еслижъ озлѣпнетъ, то раздвѣается до-пага, и садится на нѣсколько минутъ въ воду. Случалось встрѣчать Колошъ зимою, въ лѣсу, спящихъ около огня и не подозревающихъ,

что одинъ бокъ ихъ чуть не жарится, между - тѣмъ какъ другой покрытъ инеемъ. Въ битвѣ они смѣлы, презираютъ смерть, не показывая однако жъ того равнодушія къ жизни какъ Камчадалы, Алеуты и жители Кадьяка, которые прежде при всякомъ маловажнѣйшемъ поводѣ, или даже просто отъ скуки, готовы были повѣситься или утопиться. Самоубійство между ими совсемъ неизвѣстно; нѣтъ примѣра, чтобы даже невольникъ лишилъ себя жизни.

«Колоши характера флегматическаго и въ домашнемъ быту лѣнливы. Между-тѣмъ какъ жены ихъ отправляютъ все домашнія работы, готовятъ упрощенную рыбу, носятъ дрова, воду, кору древесную, и прочая. Колошъ, если для снисканія пищи не обязанъ итти на охоту или рыбную ловлю, предпочитаетъ лежать весь день въ своемъ шалангѣ, или на пескѣ на берегу моря, или сидѣть на корточкахъ сложа руки и завернувшись въ одвяло.

«Одна отличительная черта характера Колошъ есть тщеславіе. Показать Колошу презрѣніе, значитъ сдѣлать его себѣ врагомъ; напротивъ нѣкоторое вниманіе, маленькія угожденія его самолюбію, суть вѣрнѣйшія средства снискать его дружбу. Сотня ружей не могла бы порадовать ихъ столько, какъ подаренные таіонамъ Русскіе мундиры. Они въ нихъ важничаютъ самымъ комическимъ образомъ; при торжественныхъ случаяхъ облакаются однако жъ въ національное свое одвяніе, изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ (ровдугъ), которое и красивѣе и къ лицу ихъ болѣе идетъ, нежели куцые наши мундиры. Въ такомъ нарядѣ явились они, на примѣръ, на праздникъ, который я имъ далъ на Сенявинѣ, предъ отправленіемъ нашимъ въ море. Таіоны съ ихъ женами были приглашены въ каюту, остальные угашиваемы на верху, что съ помощію толмача предварительно уже было устроено такъ, чтобы не оскорбить ничего самолюбія. Грогъ и каша изъ сорочинскаго пшена съ патокою составляли обыкновенное угощеніе. Двумъ или тремъ главнымъ даны были тарелки въ предположеніи, что другіе довольнѣе будутъ расположиться вмѣстѣ около миски; но они едва этимъ не обидѣлись и ни одинъ не принимался за лакомство, какого выше они не знаютъ, покуда не были розданы всемъ полныя приборы. Послѣ этого бесѣ-

довали мы о обоюдной пользѣ сохранять взаимное дружество, и т. п. Жены ихъ одарены были пронизками, ленточками, зеркальцами, также съ соблюденіемъ строгаго этикета. Шумная и дикая пляска заключила праздникъ.»

Одну изъ достопримѣчательностей того края составляетъ пловучій, или выкидной лѣсъ, который при тамошнемъ недостаткѣ въ этой необходимой потребности ловится жителями съ величайшимъ тщаніемъ. Англійскій капитанъ, Бичи, бывшій здѣсь незадолго до этой экспедиціи, замѣтилъ въ числѣ плавающихъ деревъ только ель и березу, и изъ этого обстоятельства вывелъ заключеніе, что пловучій лѣсъ идетъ сюда не съ юга, а выносятся рѣками изъ внутренности Америки. Но это предположеніе отнюдь не объясняетъ появленія камфорныхъ, кипарисныхъ и другихъ душистыхъ деревъ, выкидываемыхъ по берегамъ Акуна, Саннаха и Уналашки, какъ удостоверяетъ капитанъ Литке.

Въ Сентябрь 1827 года экспедиція прибыла въ Петропавловскій Портъ, и изготовивъ судно къ зимней кампаніи, отправилась на югъ къ острову Юалану, восточнѣйшему въ Каролинскомъ Архипелагѣ, гдѣ капитанъ Литке предположилъ производить опыты надъ маятникомъ, пользуясь удобствами безопасной пристани Кокиль. Французскій капитанъ, Дюперрѣ, бывшій здѣсь въ 1824 году на суднѣ своего имени, первый ознакомилъ Европейцевъ съ островомъ Юаланомъ. Необыкновенная кротость и дикая любезность здѣшнихъ жителей произвели въ нашихъ путешественникахъ самое пріятное впечатлѣніе.

«На берегу видно было нѣсколько домовъ и во многихъ мѣстахъ дымъ; но къ удивленію нашему во все утро не показывалась ни одна лодка; наконецъ около полдня увидѣли одну, шедшую съ восточной стороны острова. Въ ней было четыре человѣка, изъ коихъ двое пожилыхъ сидѣли по срединѣ, на нѣкотораго рода платформѣ, и не гребли. Они безостановочно пристали къ шлюпу, произнося без-

престанно протяжнымъ голосомъ — Уэ...! и по первому приглашенію одинъ изъ старшихъ, а потомъ одинъ за другимъ и остальные, безъ обиняковъ вошли на судно. Начались предлинныя рассказы, изъ которыхъ мы очень ясно поняли только то, что они приглашали насъ на берегъ, гдѣ можно спать, гдѣ много кокосовъ и женщинъ, изъясняя последнее весьма не двусмысленнымъ образомъ. Гости наши весьма непринужденно сѣли въ кружокъ на палубу, разговаривали, смѣялись, часто вытягивая свое—Уэ! По непринужденному обращенію ихъ сейчасъ было видно, что судно наше уже не первое, ими посѣщенное. Больше всего удивленіе ихъ возбуждалъ цвѣтъ нашего тѣла; они часто сравнивали его со своимъ, и показывали, что ихъ тѣло чернеетъ отъ солнца. Они можетъ-быть долго бы у насъ пробыли, еслибъ лодка ихъ не оторвалась. Это прекратило бесѣду; и они отправились, повидимому довольные новымъ знакомствомъ. Мы видѣли какъ они встрѣтились съ другою лодкою, съ той же стороны къ намъ уѣхавшею. На этой, кромѣ двухъ гребцовъ, былъ одинъ только, и также пожилой, человекъ, который, приставъ къ борту, съ большею горячностію, скоро, много и громко говорилъ, повторяя часто слово *Юрось* (означающее, какъ мы послѣ узнали, начальника), показывая на островъ и на уѣхавшую лодку. Немногіе промежутки его патетической рѣчи наполнялись забавнымъ — Уэ! Промѣнявъ съ полдюжины кокосовыхъ орѣховъ на нѣсколько пуговицъ, оставилъ онъ насъ, не переставая говорить и не принимая приглашеній нашихъ взойти на судно. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала третья лодка съ двумя людьми, которые, получивъ бусъ и пуговицъ за орѣхи, черезъ нѣсколько минутъ отправились домой.

«Ночь была тихая и дождливая. Поутру (24) увидѣвъ, что теченіе отнесло насъ миль на двѣнадцать отъ берега, въ какомъ разстояніи безвѣтріе заставило насъ пробыть весь день, и потому гостей не ожидали; однако жъ въ четвертомъ часу пріѣхали къ намъ три лодки. На одной изъ нихъ былъ молодой человекъ, на котораго все указывали, говоря — *Юрось*. Посѣтители вошли на судно, не показывая ни какого безпокойства, кромѣ молодаго юрося, называвшагося *Не-на*, который или держался за меня, или требовалъ, чтобы

я былъ возмъ него. Подарки принимали они съ обыкновеннымъ — Уэ.....! не обнаруживая однако жъ безмърной радости, часто замъчаемой въ дикаряхъ. Въ свитъ *Нены* былъ одинъ молодой человекъ *Оа*, отличавшійся необыкновенною смышленностью; онъ съ первой минуты сталъ применяться къ нашимъ обычаямъ, не хотъль иначе сидъть какъ на стулъ, плевать иначе какъ въ песочницу, и даже, кашлянувъ разъ на палубъ, хотъль для того бъжать внизъ, и т. п. Непринужденная, однако жъ ни сколько не шумная веселость этихъ людей была чрезвычайно привлекательна; довѣренность, съ которою они мъшались между нами, доказывала чистоту и ихъ памъреній; новые предметы натурально привлекали ихъ вниманіе; они показывали необыкновенное въ дикихъ здравомысліе: каждой вещи старались узнать употребленіе; фортепiano имъ понравилось, но не промзвело ни какихъ кривляній, напротивъ того, *Оа* тотчасъ подвинулъ стулъ, и сталъ аккомпонировать игравшему; потомъ подпаль сукно и старался узнать, какъ инструментъ сделанъ. Кузница гдъ въ то самое время производилась работа, причинила нъсколько длинныхъ — Уэ.....! *Оа* тотчасъ понялъ, что дълаютъ ножъ, и спросилъ, не для него ли. Всъ вели себя съ удивительною пристойностію; не было ни колючебья, ни докучливости, и (на этотъ разъ) ни малъйшаго слъда, почти между всъми племенами Южнаго Моря, общаго порока воровства. Словомъ, они весьма выгодно отличались отъ всъхъ народовъ этой части свъта, изъ описаній памъ извъстныхъ; даже отъ Радакцевъ. *Нена* отличался передъ всъми большею пристойностію и нъкоторою важностію обращенія; но также и особенною трусostí. Онъ иначе не ходилъ по судну какъ держась за меня; провести его мимо кузницы стонло мнъ не малаго труда; внезапный звонъ колокольчика привелъ его въ содроганіе, однако жъ послъ онъ имъ забавлялся. Онъ пожелалъ узнать, что за вещь зрительная труба, и я поставя ее на фокусъ, хотъль ему показать въ нее его жилище; однако жъ одно приготовленіе его перепугало: онъ едва ръшился въ нее взглянуть, и просилъ, чтобы я ее скорый подожилъ въ сторону; кажется, что онъ зрительную трубу принялъ за ружье или что-нибудь подобное.»

Когда капитанъ Литке дѣлалъ свои наблюденія, его окружала толпа островитянъ: они то слѣдовали глазами за каждымъ его движеніемъ, то болтали и смѣялись, но ни одинъ не отваживался переступить за черту, нарочно обведенную около палатки. Увидѣвъ что-нибудь, возбуждавшее ихъ удивленіе, они часто вскрикивали: *Le sacre comment!* Это странное междоуміе осталось почти единственнымъ памятникомъ пребыванія здѣсь капитана Дюперрѣ, котораго они не помнили даже и имени.

«Однимъ изъ постояннѣйшихъ почитателей нашихъ на берегу, былъ добрый нашъ сосѣдъ *Каки*, который регулярно каждаго утра приносилъ намъ печеныхъ хлѣбнаго дерева плодовъ и, кажется, не въ ожиданіи возмездія. Однажды привезъ онъ съ собой сына, мальчика лѣтъ четырехъ, который, сидя на спинѣ его верхомъ, боялся меня копецно болѣе, нежели у насъ мальчикъ того-же возраста боится трубочника для арапа. Когда я къ нему приблизился, то онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, визжалъ изъ всей мочи. Страненъ или страшенъ бываетъ всегда цвѣтъ кожи противоположный нашему. Какой-то черный царь сказалъ про посла одного изъ Европейскихъ королей: «Правда, что онъ имѣетъ сходство съ человекомъ, но былъ какъ чортъ.» Цвѣтъ тѣла Англійскаго путешественника Денгама былъ до такой степени противенъ женщинамъ одного города внутри Африки, что одинъ взглядъ на него причинялъ имъ припадки тошноты.

«Мы, съ своей стороны, могли подумать, что дамы Юланскія убѣгаютъ насъ, опасаясь такихъ же припадковъ. Совершенное ихъ отсутствіе насъ изумляло. Онѣ не только не показывались къ намъ, но и въ ближайшихъ селеніяхъ нигдѣ не встрѣчались, такъ, что можно было подумать, что всѣ онѣ усланы куда-нибудь внутрь острова, хотя это не согласовалось ни съ довѣренностію жителей къ намъ, ни съ пантомимами первыхъ почитателей.....»

«Разсады старшинъ по чинамъ въ палаткѣ, велѣлъ я внести съ торжествомъ сокровища, назначенныя имъ за отысканіе украденныхъ у насъ вещей, на каждаго по топору, рубашкѣ съ запонкою, и зеркалу, чтобы они скорѣе могли

имѣть удовольствіе видѣть великолѣпное свое убранство. Они были въ восхищеніи, и *Сине*, въ восторгѣ, снялъ съ себя и на меня надвѣлъ ожерелье свое изъ сухой травы, которое однакоже такъ сильно терло опаленную солнцемъ шею мою, что я не могъ продержатъ его на себѣ ни минуты. Послѣ нѣсколькихъ словъ объявили они желаніе ѣхать на шлюпъ, чтобы показать *Сигуръ*, который у насъ еще не былъ, юрся *Николая* (портретъ Государя Императора). Возвратясь оттуда застали они насъ за обѣдомъ, въ которомъ не отказались взять участія. За столомъ *Сине* вздумалось помѣняться именами съ Г. Ратмановымъ, — первый примѣръ съ нами этого общаго въ Южномъ Морѣ обыкновенія. Тотчасъ и другіе того же захотѣли, и на мою долю пришелся пріятель мой *Нена*. Онъ вышелъ изъ палатки, и объявилъ толпѣ, что онъ отнынѣ юрся *Лишке*, а что *Нена* сидитъ въ палаткѣ; народъ изъявилъ свое одобреніе длиннымъ—Уэ!.....»

Оставивъ Юаланъ, капитанъ Литке тщетно старался отыскать Островъ Мусграва, Св. Августина и два другіе островка, означенные на картахъ Арро-Смита въ широтѣ 5° и долготѣ 199°, какъ вдругъ около того мѣста, гдѣ пересѣкаются пути Томсона, Дюперрѣ и нѣсколькихъ другихъ мореплавателей, и гдѣ поэтому нельзя было ожидать ни какого новаго открытія, путешественники увидѣли передъ собою землю, которой значительная высота поразила ихъ тѣмъ болѣе, что весь почти Каролинскій Архипелагъ состоитъ изъ низменныхъ коралловыхъ группъ и рифовъ. Нашъ мореплаватель скромно приписываетъ эту неожиданную находку слѣпой удачѣ, говоря, что отнюдь не должно смѣшивать случайнаго открытія съ отысканіемъ, основаннымъ на расчетахъ и соображеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ, разсуждаетъ онъ весьма сприведливо, Колумбъ отыскалъ Острова Маркиза Мевдозы, Новые Гебриды и многіе другіе; но важнѣйшее егообрѣтеніе — Сандвичевы Острова, принадлежатъ къ числу нечаянныхъ открытій.

«Густыя кокосовыя рощи и дымъ во многихъ мѣстахъ свидѣтельствовали о населеніи острова. Вскорѣ стали показываться изъ-за сѣверной оконечности, одна за другою, лодки подъ парусами, которыхъ наконецъ набралось около насъ до сорока, различныхъ величинъ; большія содержали по четырнадцать человекъ, меньшія по два. Они издали начинали уже пѣть изо всѣхъ силъ, плясать, дѣлать разные движенія головой и руками. Къ борту приставали они охотно, на судно же взойти на силу могъ я упросить только одного, приманивъ его ножомъ. Лица дикія, съ выраженіемъ недовѣрчивости, большіе налитые кровью глаза, возня и неутомимость этихъ островитянъ, сдѣлали весьма неприятное впечатлѣніе на насъ, забывшихъ еще кроткаго, пристойнаго обращенія друзей нашихъ на Юаланъ, отъ которыхъ они отличались столько же языкомъ, какъ и наружнымъ видомъ. Пробывъ въ шумной толпѣ этой до полудня, наполнили мы паруса и легли вдоль южнаго берега острова къ западу. Мало-по-малу всѣ лодки отъ насъ отстали. Одинъ только островитянинъ, державшійся на борту судна, не хотѣлъ насъ оставить, невзирая на усилія наши объяснить ему, что мы отъ его лодки удаляемся. Причина такой непостижимой нѣжности скоро объяснилась: выждавъ, какъ я, съ безпечностію, къ которой пріучили насъ добрые Юаланцы, подошелъ къ нему близко, уцѣпился онъ за секстантъ, которымъ я готовился дѣлать наблюденія, и съ зверскимъ остервененіемъ силится его у меня вырвать. Дерзость его была такъ неожиданна, что стоявшіе возлѣ меня матросы не вдругъ спохватились мнѣ помочь, и я, изрѣзавъ только руки о край инструмента, могъ его спасти отъ дикаря, который, послѣ неудачи, нырнулъ въ воду какъ тюлень, и поплылъ къ своимъ лодкамъ.»

Какъ ни лестно для Русскаго ученаго мореплавателя открытіе высокихъ земель тамъ, гдѣ всѣ другіе моряки встрѣчали только коралловые архипелаги, или ничего не встрѣчали, но должно согласиться, что Г. Литке открылъ для Географіи весьма неучтывыхъ людей. Они даже не пустили его на берегъ, взбѣсившись за то, что онъ открылъ ихъ, и бухту, въ

которой шлюпъ Сенявинъ тщетно старался бросить якорь, Г. Литке принужденъ былъ назвать «Портомъ Дурнаго Пріема.» Лейтенантъ Завалишинъ, посланный для отысканія якорнаго мѣста, едва-было не сдѣлался жертвою ихъ свирѣпости, не говоря уже о томъ, что дерзкой привязчивостью отнимали они всякую возможность заниматься описными работами.

Главный островъ, который туземцы именовали Пыйнипетомъ, одинъ принадлежитъ къ разряду земель высокихъ: онъ окруженъ съ сѣверной и южной стороны двумя группами низменныхъ островковъ, и вмѣстѣ съ ними получилъ отъ экспедиціи общее названіе — «Островъ Сенявина». Они лежатъ подъ 7° сѣверной широты и 202° западной долготы отъ Гринвича. Пыйнипетъ имѣетъ семьдесятъ пять верстъ въ окружности, и высочайшій пунктъ его восвышается почти на 430 сажень надъ водою. Этой горѣ капитанъ Литке далъ названіе «Монте-Санто», въ память мѣста побѣды, одержанной надъ Турками знаменитымъ адмираломъ, придавшимъ имя свое шлюпу. Авторъ полагаетъ, что на немъ около двухъ тысячъ жителей, — населенность для тѣхъ краевъ весьма значительная. Они вообще высоки ростомъ, лице у нихъ широкое, носъ сплюснутый, губы толстыя, глаза на выкатѣ съ выраженіемъ злѣвства и недовѣрія; ихъ веселье близко къ буйству и цеистовству; всѣ движенія показываютъ ловкость и отвагу: словомъ, это совершенная противоположность смиренныхъ Юаланцевъ. Замѣчательно, что путешественники нашли здѣсь собаку, — животное, которое почитали неизвѣстнымъ въ Каролинскомъ Архипелагѣ: она была чрезвычайно дика, и хотя впоследствии привыкла къ экипажу, однако жъ для всѣхъ другихъ сохранила хитрую злость своихъ прежнихъ хозяевъ.

Открытые молодцы однимъ своимъ именемъ наводятъ ужасъ на островитянъ ближайшихъ группъ, гдѣ

боятся ихъ какъ Римлянъ и удивляются имъ какъ Финикянамъ. Они, въ самомъ дѣлѣ, превосходятъ со-
сѣдей своихъ и воинскою смѣлостью, и ремесленнымъ
геніемъ: туземцы Лугунорской группы возни-
мили высокое понятіе о храбрости Русскихъ, видя, что они
побывавъ у Пыйнипетцевъ, смесли свои головы; каж-
дая вещица, — дротики, пращи, и т. п., купленная пу-
тешественниками у этихъ странныхъ и необыкновен-
ныхъ людей, приводила Лугунорцевъ въ удивленіе,
и они даже были увѣрены, что и мебель краснаго де-
рева, восхищавшая ихъ своей полировкой, и другіе
предметы Европейскаго искусства, видѣнные ими на
шлюпѣ, сдѣланы непременно на Пыйнипетъ. Они раз-
сказывали автору, что въ обрѣтенной имъ группѣ
есть одинъ островъ, котораго жители рѣшительные
людоѣды, и добрый его дикій пріятель, Эбунгъ, очень
живописно объяснялъ ему знаками, какъ эти хищни-
ки рѣжутъ и ѣдятъ человѣка, изъясняя съ своей
стороны величайшее отвращеніе къ этой отрасли
гастрономіи. «Воинственные или, лучше сказать, буй-
ные Пыйнипетцы, замѣчаетъ Г. Литке, играютъ ме-
жду этимъ и незадорнымъ народомъ такую же роль,
какъ жители Фиджи на архипелагѣ Острововъ Дру-
жескихъ.» Движимый чувствомъ благородной крото-
сти и почитая человѣка даже въ каннибалѣ, онъ не
захотѣлъ проливать ихъ крови, чтобы купить себѣ ея
цѣною удовольствіе погулять безопасно по ихъ него-
степримному берегу, и позволилъ только пугать ихъ,
въ крайности, холостыми зарядами. Такое поведе-
ніе приноситъ величайшую честь и личному харак-
теру Г. Литке, и имени Русскому. Мореплаватели дру-
гихъ народовъ конечно не были бы такъ человѣколю-
бивы, хотя и благоволятъ называть насъ иногда «вар-
варами.»

Такъ какъ ужъ зашла рѣчь о Фиджи и Дружескихъ
Островахъ, о людоедахъ и человѣколюбцахъ, томы поз-

*

волимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе на недогадливость отличнаго моряка нашего: надобно было, хоть въ шутку, предложить Пыйнипетцамъ, завести съ ними торгъ сандалнымъ деревомъ на томъ же основаніи, на какомъ командиры кораблей Высокопочтенной Остъ-Индской Компаніи вѣдутъ его съ туземцами Дружескихъ Острововъ, — и они бѣ мигомъ стали лучшими его друзьями! Вы не знаете, добродушные Русскіе читатели, — вѣрно не знаете того, какъ торгуютъ сандаломъ? Вы и не догадываетесь, чего стоитъ каждый кусокъ этого красиваго и дорогаго дерева, изъ котораго сдѣланы смычки вашихъ скрипокъ и чудныя готическія игрушки, украшающія столики нѣжныхъ супругъ и любовницъ вашихъ. Каждый кусокъ этого дерева купленъ на весь человѣческаго мяса!... О, это такъ любобитно, такъ человѣколюбиво, такъ образованно, что мы въ состояніи оставить на время занимательное путешествіе Русскаго шлюпа, и рассказать вамъ кой-какія тайны всемірной торговли и образованаго просвѣщенія.

Остъ-Индской службы капитанъ, Диллонъ, — тотъ самый, который открылъ слѣдъ судьбы Лаперуза, и котораго открытіемъ воспользовался Французскій капитанъ Дюрвилль, составившій себѣ съ тѣхъ поръ громкое имя, — не обинуясь рассказываетъ въ своемъ Путешествіи *, что самъ онъ, Диллонъ, участвовалъ многократно въ этихъ ужасныхъ экспедиціяхъ на Дружескіе Острова для мѣны битыхъ людей на сандалное дерево. Компанія посылаетъ туда большія судна, вооруженныя по образцу военныхъ кораблей, и политика ея съ анкарями состоитъ въ томъ, чтобы задобрять ихъ себѣ,

* Narrative and successful result of a voyage in the South Seas, performed by order of the Government of British India to ascertain the actual fate of La Pérouse's expedition, etc., by the Chev. Captain Dillon, London, 1830.

помогая имъ въ междоусобныхъ войнахъ одного острова съ другимъ и поощряя ихъ усердіе къ взаимному истребленію и каннибализму. Одинъ залпъ Англійскою картечью устилаетъ весь берегъ трупами враговъ того поколѣнія, съ которымъ судно заключило оборонительный и наступательный трактатъ, и, за эту услугу, получаетъ оно отъ своихъ союзниковъ грузъ сандалу, но столько-то колоды за каждое непріятельское тѣло. Въ 1809 году, говоритъ Диллонъ, бывшій тогда младшимъ лейтенантомъ на суднѣ *The Hunter* подъ начальствомъ капитана Робсона, Англичае взяли нѣсколькихъ живыхъ плѣнниковъ, и сдали ихъ своимъ пріятелямъ: эти несчастные были тотчасъ разрѣзаны, сжарены въ печахъ, и съѣдены торжественно; а въ другой разъ, въ 1813, торжество это происходило даже при глазахъ — самого капитана Робсона!

Но этотъ общій очеркъ еще не даетъ точнаго понятія о существѣ сандалной торговли: надобно взять описание одного какого-нибудь случая.

Въ одномъ набѣгѣ дикарей острова Вплиръ на соседній островъ, капитанъ Робсонъ съ цѣлымъ своимъ экипажемъ, — Г. Диллонъ былъ тутъ же, — присоединился къ нимъ на нѣсколькихъ вооруженныхъ лодкахъ. Они взяли съ собой одинъ фальковецъ. Благодаря умнымъ мѣрамъ Англійскаго начальника, туземцы, принадлежавшіе къ враждебному поколѣнію, были безпощадно избиты, посадки и плантаціи ихъ разрушены въ одно мгновеніе, и тѣла ихъ, сложенные въ лодкахъ Остъ-Индской Компаніи, отправлены на парусахъ союзникамъ на пожраніе, разумѣется, послѣ надлежащаго ихъ изготовленія, которое Г. Диллонъ самъ свидѣтельствовалъ, *oculis fidelibus*. Онъ сохранилъ даже рецептъ этого стряпанія, и ручается въ его вѣрности. «Тѣла были положены въ рядъ на травѣ, и взрѣзаны жрецами: сперва отсѣкли ноги,

разбивая каждую на три части, по суставамъ; потомъ genitalia; далѣе руки, также разбивая каждую по частямъ; наконецъ головы. Затѣмъ связали каждый сортъ членовъ особо, чтобы вышли лучки (блюда) стопъ, голеней, кистей, и т. д.; завернули каждый пучекъ въ пальмовый листъ, и сжарили съ таро (мѣстнымъ картофелемъ) въ хлѣбной печкѣ.»

Несмотря на столь знаменитую услугу, оказанную Вилеарскимъ туземцамъ, капитанъ Робсонъ, который, по словамъ Диллона, «сто разъ набивалъ ихъ жемудки плотью враговъ ихъ,» былъ обманутъ неблагодарными! Они не доставили ему полного, по условію, груза сандалу, отговариваясь тѣмъ, что будто-бы лѣса ихъ уже истреблены. Эта несостоятельность людоедовъ подала поводъ къ нападенію на ихъ лодки, въ которомъ Англичане убили одного человѣка. Островитяне отплатили своимъ мясникамъ по-людоедски. Часть экипажа, въ томъ числѣ и Г. Диллонъ, отправились на берегъ рубить сандалъ насильственно: они попали на засаду, и Вилірцы почти всѣхъ ихъ передушили. Въ живыхъ остались только Диллонъ и пять человѣкъ команды, спасшіеся на неприступный утесъ, который къ счастію былъ такъ высокъ, что дротики и пращи дикарей туда не долетали. Здѣсь они защищались пальбою изъ ружьевъ. Командовалъ Г. Диллонъ, потому что старшій лейтенантъ былъ убитъ.

«Равнина, окружавшая скалу, говорить онъ, была покрыта вооруженными дикарями, которые собрались со всего берега, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, — всѣ, кто только былъ въ засадѣ. Она теперь представляла отвратительное зрѣлище. Приготовляли огни, и топили печи для труповъ нашихъ злополучныхъ товарищей, которыхъ, равно какъ Боускихъ старшинъ и ихъ убитыхъ людей, принесли слѣдующимъ образомъ. Двое Вилірцевъ взяли по палкѣ на плеча, и перекинули черезъ нихъ тѣла своихъ жертвъ, такъ, что съ одной стороны металась ноги, съ другой головы.

Они торжественно притащили ихъ къ приготовленнымъ печамъ, и посадили, а прочіе дикари начали пѣть и плясать, и пробивали пулами сидящія трупы, разряжая въ нихъ наши ружья, — потому что оружіе убитыхъ было все въ ихъ рукахъ. Только совершился этотъ обрядъ, жрецы начали взрывать и разсѣкать несчастныхъ. Мясо ихъ тотчасъ клали въ печи для приготовленія пира побѣдителямъ, а насъ между-тѣмъ тщательно стерегли со всѣхъ сторонъ, кромѣ обращенной къ густому лѣсу, который тянулся по берегамъ рѣки. Чарльзъ Севеджъ предлагалъ Мертину Бушарту бѣжать въ ту сторону, и, достигнувъ берега, пуститься вплавъ къ кораблю. Я не позволялъ этого, угрожая застрѣлить перваго, кто тронется съ утеса, и на этотъ разъ угроза моя подѣйствовала. Между-тѣмъ ярость дикихъ поукрылась, и они стали внимательно выслушивать наши увѣщанія. Я напомнилъ имъ, что восьмеро ихъ плѣнныхъ содержатся еще на корабль, что въ числѣ ихъ есть *Нембитей*, или великій жрецъ, братъ Вилирскаго верховнаго жреца, и что если они умертвятъ насъ, эти плѣнные будутъ повѣшены; если же отпустить меня съ пятерыми товарищами, мы сейчасъ освободимъ ихъ одноплеменниковъ. Верховный жрецъ, котораго они считаютъ за божество, спросилъ меня, правду ли я говорю, и точно ли живы братъ его и семеро другихъ. Я увѣрялъ его, что живы, и предлагалъ послать отъ себя человека къ капитану, чтобы ихъ отпустили, если онъ самъ проводить посланнаго сквозь толпу до самой лодки: жрецъ тотчасъ на это согласился. Такъ какъ Томасъ Дефни былъ раненъ и безоруженъ, я уговорилъ его итти съ жрецомъ. Онъ долженъ былъ извѣстить капитана Робсона о нашемъ ужасномъ положеніи, и настоятельно просить его отъ меня, чтобы освободили съ корабля половину плѣнныхъ и показали имъ большой ящикъ стального товара, китовыхъ зубовъ, и прочаго, съ увѣреніемъ, что отпустить все это вмѣстѣ съ четырьмя остальными плѣнными, какъ сторо мы будемъ на палубѣ.

«Человѣкъ отправился, и я не терялъ его изъ виду, пока онъ взошелъ на палубу. Между-тѣмъ непріязненные дѣйствія на-время прекратились, и спокойствіе могло бѣ не быть нарушено, если бы неосторожность Чарльза Севеджа

не подала къ тому такого повода, противъ котораго людоды никакъ не могли устоять. Многіе старшины влѣзали на утесъ и приближались къ намъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ съ изъявленіями пріязни и обѣтомъ совершенной безопасности, если мы спустимся къ нимъ. Я не соглашался на эти предложенія, и не позволялъ идти людямъ, пока Севеджъ, который жилъ на этихъ островахъ болѣе пяти лѣтъ и бѣгло говорилъ по-туземному, не присталъ ко мнѣ, отпустить его къ старшинамъ, не сомнѣваясь, что они сдержатъ слово, и надѣясь выговорить всемъ намъ миръ и свободу. Онъ упрашивалъ меня до того, что я наконецъ согласился, но сказалъ ему, что какъ онъ дѣлаетъ это противъ моей воли, то долженъ оставить ружье и снарядъ. Онъ исполнилъ, и отошелъ саженъ на сто отъ утеса туда, гдѣ сидѣлъ Бонесеръ, начальникъ поколѣнія, окруженный старшинами, которые очень обрадовались гостю, потому что замыслили убить его и съѣсть. Однако жъ они поговорили съ нимъ нѣсколько времени, и потомъ закричали мнѣ по-своему: «Сойди къ намъ, Питеръ, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ: видишь, мы вѣдь ничего не сдѣлали Чарльзу!» Я отвѣчалъ, что не сойду, пока не привезутъ пльинныхъ. Во время этихъ переговоровъ, Китаецъ нашъ, Луисъ, спустился украдкою съ неизвѣстной мнѣ стороны утеса, чтобы отдаться подъ покровительство одного старшины, котораго онъ коротко зналъ и которому оказалъ въ прежнія войны важную услугу. Островитяне, видя, что не могутъ завлечь меня въ свои сѣти, вдругъ подняли страшный визгъ: въ ту же минуту схватили они Севеджа за ноги, и шестеро держали его головою въ водѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ весь затекъ кровью, — отъ этого мясо бываетъ нѣжнѣе, — а къ Луису подкрался пресильный дикарь, и огромной дубиною раздробилъ ему верхнюю часть черепа. Чуть-ли еще не заживо изрубили этихъ несчастныхъ въ куски, и положили въ приготовленные печи.

«На насъ троихъ яростно напали со всѣхъ сторонъ людоды; но мы держали ихъ въ страхъ нашими ружьями, хотя старшины и подстрекали своихъ стащить насъ, обѣщая величайшія почести тому, кто убьетъ меня, и часто спрашивая у людей, чего болтается у нихъ трехъ бѣлыхъ, когда

умерщвлено ихъ столько въ одинъ день. Они подлвзали къ намъ очень близко. Изъ четырехъ ружей два всегда были у насъ наготовѣ. Вильсонъ, какъ плохой стрѣлокъ, только заряжалъ, а мы съ Бушартомъ отпаливались. Бушартъ былъ народинъ застрѣльщикомъ, и мѣтилъ мастерски: онъ положилъ двадцать семь каннибаловъ двадцатью восьмью выстрѣлами, промахнувшись одинъ только разъ: я тоже нѣсколькихъ убилъ и ранилъ. Видя, что имъ не одолѣть насъ безъ большой потери, они отступили, грозя мщеніемъ.

«Наши товарищи между-тѣмъ изжарились; ихъ выпули изъ печей, и роздали жаднымъ толпамъ, которыя тотчасъ начали пожирать ихъ. Они часто звали меня внизъ, убвждаая, чтобъ я далъ убить себя до сумерекъ, потому что, въ противномъ случаѣ, имъ придется жарить меня ночью, — что весьма пеловко и непріятно. Старшины заранее разбирали меня по суставамъ, и, поднимая вверхъ наше оружіе, хвалились числомъ убитыхъ ими бвлыхъ.»

Рвшительность и отвага Диллова наконецъ исторгла ихъ изъ этого отчаяннаго положенія. Ему удалось схватить одного жреца, котораго онъ потащилъ съ собою къ морю сквозь всю непріятельскую толпу, и тѣмъ защитилъ себя и своихъ товарищей отъ ея нападений *.

Г. Литке нигдѣ не имѣлъ дѣла съ людодѣдами, — а они почти необходимы для полной занимательности «Путешествія вокругъ свѣта». Это, быть-можетъ, недостатокъ въ его книгѣ, на которой *строгая* критика, умбющая открывать только недостатки, непременно ему укажетъ. Авторъ даже опровергаетъ показаніе сво-

* Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что это самое приключеніе почтенныхъ искателей сандала и было поводомъ открытія слѣда Лаперуза. Поссорившись такъ жестоко съ самыми любезными жителями Дружескихъ Острововъ, капитанъ Робсонъ принужденъ былъ отправиться для покупки сандалнаго дерева на островъ Туконію, и Г. Дилловъ нашелъ тутъ разныя Европейскія вещи съ Французскими гербами, перешедшія сюда съ сосѣдняго острова Маликолю, гдѣ, какъ теперь не подлежитъ сомнѣнію, погибла Лаперузова экспедиція.

его Лугунорскаго пріятеля, Эбунга, будто въ открытой экспедиціею группъ есть одинъ островъ, населенный этими господами.

Разставшись съ своимъ открытіемъ, экспедиція отправилась къ Острову Мортлока, и оттуда къ Лугунорской группъ, о которой мы уже говорили. Низменные острова, состоящіе изъ слоя растительной земли, разостланнаго въ уровень съ моремъ на частыхъ и сплетенныхъ вершинахъ коралловаго лѣса, покрыты пышнымъ прозябѣніемъ, и какъ-бы зыблющіяся вмѣстѣ съ окружающими волнами, являютъ одно изъ удивительнѣйшихъ зрѣлищъ въ природѣ: съ само-го dna океана наименѣе совершенная жизнь органическая, жизнь животно-растительная, возстала въ образъ могучихъ великановъ, чтобы, на спинахъ ихъ, жизнь болѣе совершенная, чистая растительная и чистая животная, могла построить себѣ роскошные чертоги, и принять въ нихъ прилично последнее и превосходнѣйшее ея произведеніе, человѣка!

«Необыкновенно сильно первое впечатлѣніе, производимое выходящимъ, такъ сказать, изъ воды, садомъ кокосовыхъ пальмъ, признанныхъ идеаломъ стройной и величественной формы, и великолѣпныхъ хлѣбныхъ деревьевъ, благодѣтельныхъ какъ наши cerealia. Вы теряетесь въ удивленіи, съ какою мудростью природа умѣла снабдить человѣка въ двухъ растеніяхъ не только пищею и питьемъ, но и всеми нужными матеріалами для домовъ, лодокъ, тканей, домашней утвари и прочаго, и въ нихъ же доставить ему защиту отъ вертикальныхъ лучей солнца, и вмѣстѣ прохладу, и свободный воздухъ. Но вы скоро приходите въ состояніе той очарованной царевны, которая осуждена была всю жизнь прогуливаться по волшебному саду: единообразіе васъ утомляетъ. Куда ни обернетесь, какъ ни пройдете островъ, вдоль или поперекъ, все одно; нѣтъ камешка отличнаго, по которому можно бы замѣтить свою дорогу; нѣтъ ни права, ни лѣва; вершины пальмъ плавно и какъ-бы въ тактъ колеблемыя всегда съ одной стороны дуящимъ вѣтромъ; однозвучный

шумъ моря, вѣчно о тотъ же берегъ разбивающагося, — усыпляютъ васъ какъ колыбельная пѣсня. Такъ же единообразна и скучна должна быть и жизнь обитателей низменныхъ острововъ. Обитатели странъ околополюсныхъ живутъ конечно веселѣе. Полугодовая ночь, смѣняющая день столь же продолжительный, забота о пропитаніи, по временамъ голодовка, разнообразятъ, хотя и не всегда пріятнымъ образомъ, жизнь ихъ: здѣсь нѣтъ и этого прибѣжища.»

Окончивъ обзоръніе Каролинскаго Архипелага, экспедиція въ началѣ апрѣля пустилась отыскивать острова Бонинъ-Сима, и скоро увидѣла передъ собой четыре группы, которыхъ положеніе однако жъ ни мало не соответствовало означенному на Англійскихъ картахъ именемъ Бонинъ-Сима. Путешественники нашли здѣсь двухъ Англичанъ Виттрина и Петерсена, съ разбившагося въ 1826 году китобойнаго судна. Виттринъ сказалъ имъ, что эти острова уже описаны капитаномъ Бичи, опередившимъ нашъ шлюпъ нѣсколькими мѣсяцами, и взяты имъ во владѣніе Его Британскаго Величества. Бѣдные эти китоловы оставались тутъ съ частию спасеннаго груза, въ надеждѣ, что прійдетъ другое судно того же хозяина. Соскучивъ продолжительнымъ одиночествомъ среди самой богатой природы и подъ благословеннымъ небомъ, они убѣдительно просили капитана Литке взять ихъ съ собою, и это желаніе, разумѣется, было исполнено. Когда наши путешественники отправились съ Виттриномъ на берегъ, чтобъ взглянуть на жилище новаго Робинсона и его товарища, на нихъ напала цѣлая рать — не островитянь, а свиней, — но почти такъ же дерзкая и докучливая, какъ эскадра Пыйнипетцевъ.

«Свиньи, размножившіяся отъ двухъ огромныхъ животныхъ, спасшихся вмѣстѣ съ ними, не только обезпечивали ихъ на счетъ пропитанія, но служили имъ настоящими собесѣдниками, вопреки общепринятому мнѣнію, будто животное это неспособно имѣть привязанности къ человеку.

Петерсенъ приучилъ къ себѣ одного поросенка совершенно какъ постельную собачку; онъ съ нимъ спалъ, и даже иногда плясалъ. Свиньи ходили обыкновенно по волю; но на знакомый имъ свистъ сбѣгались со всѣхъ концовъ острова къ дому.»

Пользуясь наступленіемъ весны, экспедиція отправилась для описи береговъ Камчатки, Земли Чукчей и Коряковъ и прилежащихъ къ ней острововъ. Здѣсь капитанъ Литке имѣлъ случай повторить измѣрение Ключевской или Камчатской Сопки, сдѣланное докторомъ Эрманомъ, который нашелъ высоту ея въ 16,532 фута: вычисленія Г. Литке дали только десятью футами болѣе. Эта исполинская гора бываетъ ясно видна изъ Верхне-Камчатска въ разстояніи трехъ сотъ верстъ по прямой линіи. По берегамъ Карагинскаго Острова путешественники видѣли цѣлыя стада медвѣдей, а въ Губѣ Св. Лаврентія встрѣтились они съ настоящими хозяевами этого края.

«Едва успѣли мы остановиться, какъ увидѣли идущихъ къ намъ съ разныхъ сторонъ изъ прибрежныхъ селеній Чукчей. *Тарова, Тарова* (здорово), издали уже раздавалось. Повторяя это слово, гладили они себя по головѣ противу волосъ. Станный жестъ этотъ переняли они у Русскихъ, которые кланяясь, откидываютъ всегда для обнаженія головы капишоны кухлянокъ, въ которыхъ всѣ въ томъ краѣ ходятъ. Чукчи дѣлаютъ то же рукой; когда и ничего на головѣ нѣтъ. Они пристали къ борту безъ околичностей, и взошли на судно безбоязненно. Complimentамъ не было конца, и одинъ изъ гостей, нашедъ меня вѣроятно не довольно учтивымъ хозяиномъ, что встрѣчаю гостей съ открытой головой, очень вѣжливо снялъ съ меня шапку, и, кланяясь, повторялъ — *Тарова*. Нѣсколько папушъ табаку, розданныя на всю компанію, и нѣсколько иголокъ для особъ прекраснаго пола, скоро сдружили обѣ стороны. Это однако жъ не мѣшало имъ просить сверхъ того *прдишки* (такъ называютъ въ Сибири нюхательный табакъ), который они съ жадностью въ себя втягивали.

«Имѣя двухъ переводчиковъ, надѣялся я собрать, въ предстоявшихъ намъ частыхъ сношеніяхъ съ столь мало еще извѣстными Азіятскими племенами, довольно занимательныхъ объ нихъ свѣдѣній; но, къ сожалѣнію, съ самой первой минуты убѣдился, что они кромѣ того, когда нужно что-нибудь вымнать или купить, почти вовсе бесполезны. Добрые, но крайне ограниченные, старики эти, прослуживъ во весь свой долгій вѣкъ толмачами на ярмаркахъ и у окружныхъ комиссаровъ, не только не приобрѣли привычки толковать съ *инородцами* о чемъ-нибудь другомъ, но, что для насъ было хуже всего, не оставили навыка, вкоренившася со временъ Павлуцкаго, видѣть въ нихъ все еще *немирныхъ*, и неосторожною своею осторожностью нередко разстраивали бесѣду. Я не могъ отучить ихъ *муштровать* Чукочъ, — чему вѣроятно научены они комиссарами на ярмаркахъ: только Чукча сдѣлается немного фамиліаренъ, чего я всегда искалъ, — онъ его останавливать, чтобы передъ командиромъ не забывался; покажется ли ему, что Чукча чемъ-нибудь обезпокоился, — онъ его успокоивать, гладить, приговаривая, *мѣченки* (хорошо, добро), и т. д., и Чукча, ни о чемъ не думавшій, точно получить подозрѣніе. Я не говорю уже о плохомъ знаніи языковъ и природной безтолковости обоихъ. Иногда самый простой вопросъ, въ двухъ словахъ состоящій, переводили они по нѣсколькимъ минутъ, и, какъ по глазамъ слушающихъ замѣтно было, переводили такъ, что никто ихъ не понималъ.»

Это случается иногда и въ Европѣ, — и не только съ толмачами, но съ переводчиками книгъ и съ драгоманами. Вотъ описаніе сперва четы крещеныхъ Чукчей, въ Губѣ Преображенія, потомъ бесѣды съ ихъ соплеменниками въ одной изъ бухтъ Губы Ночень.

«Мняхъ въ шести отъ Губы Преображенія мы зашли, и тотчасъ увидѣли двѣ байдары, оттуда къ намъ гребущія. Въ одной изъ нихъ отличались уже издали двѣ фигуры въ парадѣ вовсе не Чукочкомъ. Мужчина въ зеленомъ полушубкѣ и фуражкѣ, и женщина въ синей китайчатой камлейкѣ и съ платкомъ на головѣ. Догадка, что это *крещеные* оказалась справедливою, когда байдары пристали къ борту. Послѣ нѣсколькихъ *таровъ* и крестныхъ покло-

новъ, Чукча взошелъ на шлюпъ, и, нашедъ въ переводчикъ стараго знакомаго, съ которымъ видывался на Ижигинской ярмаркѣ, былъ тотчасъ какъ дома. Супруга его также изъявила желаніе взойти на судно, но съ условіемъ, чтобы для большей безопасности завязали за нее веревку. Спратавъ сложенные косы подъ платокъ, воображала она уже имѣть право жеманствовать.

«Видя, что гость нашъ крестится при всякомъ случаѣ, натурально было спросить о христіанскомъ его имени, — но это каменъ преткновенія для всѣхъ этого рода христіанъ: онъ не зналъ своего имени. Однако жъ, чтобы мы не вздумали усомниться въ его обращеніи, онъ показалъ намъ книжечку, тщательно спрятанную въ деревянномъ футлярѣ, и полученную имъ въ Колымѣ. Мы нашли въ ней молитву Господню, Символъ вѣры и X Заповѣдей на Русскомъ языкѣ съ Чукоцкимъ переводомъ. Въ надписи руки Колымскаго священника Трифанова прочли мы, что она подарена при крещеніи Чукчѣ, *Василію Трифанову*. — «Василій, Василій!» вскричалъ нашъ гость, вспомнивъ свое имя, которое однако жъ до отправленія надо было повторить ему еще нѣсколько разъ. На вопросъ нашъ, знаетъ ли онъ, что въ этой книгѣ написано, онъ отвѣчалъ откровенно, что не знаетъ. — Какая жъ тебѣ польза имѣть книгу? — И этого Чукча не зналъ: ему дали книгу, не спрашивая, хочетъ ли онъ имѣть ее, и потому онъ думалъ, что это такъ должно.

«Бесѣда наша продолжалась недолго, какъ гость далъ намъ доказательство, убѣдительнѣйшее почти чѣмъ та книга, частыхъ своихъ сношеній съ просвѣщенными: онъ попросилъ водки, — чего до того времени не дѣлалъ еще ни одинъ изъ множества Чукочь, насъ посѣщавшихъ. Ему дали грогу: онъ не хотѣлъ пить его иначе какъ въ байдарѣ, утверждая, что, выпивъ, опьянѣетъ такъ, что не въ состояніи будетъ держаться на ногахъ. Отправляясь, общалъ онъ намъ выслать оленя, котораго мы однако жъ не видали.»

«Втораго числа провела у насъ день большая компанія Оседалыхъ и Оленныхъ Чукочь. Между послѣдними былъ одинъ крещеный, котораго уже издали можно было распознать по какому-го балахону изъ толстаго синяго сукна и синему шерстяному колпаку. За поясомъ былъ у него колоколь-

чикъ, съ Русскою надписью. Любопытствуя знать, какія понятія имѣютъ о христіанствѣ эти неофиты, склонилъ я къ этому рѣчь въ бесѣдѣ нашей. Чукча разсказалъ, что онъ крещенъ на Колымѣ; что воспріемникомъ его былъ *Комичаръ* (коммисаръ); что его учили молитвъ, — въ доказательство чего сталъ креститься. Я сдѣлалъ ему съ самымъ добрымъ намѣреніемъ еще нѣсколько вопросовъ, какъ вдругъ мой Чукча, измѣняясь въ лицѣ, вскочилъ, бросился опрометью къ байдарѣ своей, вынесъ красную лисицу, сталъ передо мною класть земные поклоны, потомъ обнялъ меня нѣсколько разъ очень неплѣжно, и, швырнувъ мнѣ лисицу въ лице, сѣлъ на свое мѣсто, какъ-будто дѣло сдѣлавъ. Не трудно было теперь догадаться о причинѣ смущенія бѣднаго Чукчи..... Смѣясь, сказалъ я ему, что я не попъ; что до вѣры его мнѣ ни какого дѣла нѣтъ, и что я распрашивалъ его изъ одного любопытства, и прошу его взять лисицу обратно. Онъ успокоился; подарка своего не хотѣлъ взять обратно, но съ радостью принялъ котель, топоръ, и другія вещи, стоявшія вдвое или втрое противу лисицы.

«Покушенія узнать что-нибудь объ ихъ собственной вѣрѣ оставались обыкновенно безъ всякаго успѣха: такія отвлеченности далеко превосходили понятія нашего переводчика; и я думаю гости наши столь же мало остались бы удовлетворенными, если бъ хотѣли извѣдать черезъ него нашу. Если въ Колымѣ переводчики не толковѣе, то не удивительно, что обращенные Чукчи ни какого не имѣютъ понятія о новой своей вѣрѣ.

«Я спросилъ единовѣрца нашего, сколько у него женъ: «Конечно одна!» отвѣчалъ онъ: «христіане больше имѣть не могутъ.» А когда дошло дѣло до подарковъ, то онъ попросилъ прибавки для другой жены (одна была съ нимъ), оставшейся дома. Ему замѣтили тихонько, что онъ проговорился, забывъ, что онъ крещеный. Надъ этимъ промахомъ онъ также усердно смѣялся, какъ и мы. Водку не только онъ, но и всѣ другіе пили какъ православные.»

Замѣчанія автора объ этомъ интересномъ народѣ исполнены самыхъ любопытныхъ подробностей. Разговоры съ Чукчами и ихъ образъ жизни, игръ и плясокъ изображены превосходно.

Мы оставимъ автора въ унылыхъ окрестностяхъ Берингова Пролива, и непременно возвратимся съ нимъ еще разъ въ Южное Море, какъ скоро выйдутъ слѣдующія части этого прекраснаго сочиненія. Общій результатъ четырехъ-лѣтняго плаванія экспедиціи столь же блистателенъ, какъ и его подробности. Астрономическое опредѣленіе, съ описаніемъ, берега Камчатки, Острововъ Карагинскихъ, дотолъ вовсе неизвѣстныхъ, Острова Св. Матвѣя и берега Земли Чукчей, двадцати шести группъ Каролинскаго Архипелага и множества другихъ мѣстъ на земномъ шарѣ; открытіе двѣнадцати новыхъ острововъ, великолѣпный атласъ, содержащій въ себѣ болѣе пятидесяти картъ; драгоценные опыты съ магнитною стрѣлкою, о которыхъ говорили мы уже въ прошломъ году (Магнитность Земаго Шара, Б. для Ч., № 2); весьма важныя наблюденія надъ маятникомъ и надъ часовыми колебаніями барометра, огромныя богатства по части Зоологій, Ботаники, Геогнозін и Этнографіи и портфель, состоящій изъ 1250 отличныхъ рисунковъ, суть плоды предпріятія, столь же лестнаго для Русскаго мореплаванія, сколько полезнаго для науки и совершеннаго со славою для всѣхъ, въ немъ участвовавшихъ.

=

Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго бол. Санктпетербургъ, 1834. Довъ части.

Мы всегда съ удовольствіемъ читаемъ Русскія Записки, даже и въ такомъ случаѣ, когда автору угодно скрыть свое имя, хотя свидѣтельство, безъ имени свидѣтеля, терять всю свою важность, — а Записки суть показанія наочныхъ свидѣтелей, которыя отбираетъ Исторія, для рѣшенія дѣла въ свое время. Какъ показанія, онѣ даже не подлежатъ суду современной исторической критики, потому что приговоръ ея былъ бы преждевременный, пока еще не отобраны всѣ показанія, допросы очевидцевъ не кончены, слѣдствіе не заключено, и извѣты не представлены въ полной ихъ совокупности на сличеніе ихъ между собою. До того времени, — а это время еще далеко, — разбирать основательность частныхъ показаній, значилобъ спорить, а не судить. Записки должны быть принимаемы современниками описываемаго событія только какъ матеріалъ для употребленія ихъ потомствомъ, и, по принятіи, вносимы въ общій архивъ Исторіи. До внесенія въ архивъ, позволяется современникамъ прочитатъ ихъ изъ любопытства, и оно одно въ правѣ дать объ нихъ предварительное мнѣніе. Передъ судомъ любопытства, Записки нашего безыменнаго автора конечно не проиграютъ дѣла: онѣ любопытны. За всѣмъ тѣмъ, современная историческая критика можетъ быть очень полезна ихъ содержанію, если не разборомъ, по-крайней мѣрѣ добрымъ совѣтомъ, который она даже обязана дать тѣмъ, отъ кого отбираетъ показанія для Исторіи. Она можетъ сказать нашимъ сочинителямъ Записокъ, что они вообще пишутъ ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Нашъ безыменный авторъ тоже по большей части ограничивается стратегическими дѣйствіями. Нельзя не пожалѣть о томъ, что книга его такъ скудна тѣми подробностями, которыя

собственно составляют существо и цѣну частныхъ Записокъ. Общія тактическія обозрѣнія, при новѣйшемъ устройствѣ военно-ученой части, сохраняются гораздо вѣрнѣе въ планахъ и официальныхъ донесеніяхъ, нежели въ памяти какого бы то ни было очевидца, тогда какъ бездна частныхъ, мелочныхъ случаевъ, характеризующихъ событія, лица, народъ и эпоху, должны умереть вмѣстѣ съ ихъ свидѣтелями. Движенія войскъ, соблюденіе или нарушеніе стратегическихъ правилъ и число убитыхъ, мы узнаемъ изъ актовъ и ученыхъ военныхъ твореній; въ этомъ отношеніи вы не скажите намъ ничего новаго: давайте намъ мелочи, — всѣ мелочи, какія только вы видѣли или слышали. Мелочь есть первое, настоящее начало великаго въ Исторіи. Всѣ перевороты начались съ какого-нибудь пустаго слова, малозначущаго поступка или особенной черты характера и нравовъ лицъ, замѣшанныхъ въ происшествіе, и самый переворотъ есть только послѣдняя, окончательная форма различныхъ превращеній одной извѣстной мелочи, вокругъ которой постепенно лѣпились другія, увеличивая объемъ ея собою подобно катящемуся снѣговому шару, доколѣ она не выросла огромнымъ, изумительнымъ событіемъ. Цѣль Записокъ — обнаруживать пружины и обстоятельства именно этого рода. Не стыдитесь описывать мелочи: вселенная состоитъ изъ атомовъ.

Записки, лежащія передъ нами, начинаются Тарутинскимъ сраженіемъ; но въ концѣ первой части сочинитель приложилъ краткій обзоръ начальнаго періода отечественной войны, — что придаетъ начертанной имъ картинѣ видъ нѣкоторой цѣлости. Изложеніе его, несмотря на извѣстныя неисправности языка и слога, всегда ясно и понятно даже и для непосвященныхъ въ таинства военной науки. Бывъ, какъ самъ онъ говоритъ, участникомъ описываемыхъ имъ проис-

шестий, онъ передаетъ многіе любопытные случаи съ большою живостью и естественностью; онъ обнаруживаетъ самостоятельность въ сужденіяхъ, несмотря на короткое знакомство съ иностранными источниками, и, какъ бы то ни было, старается быть безпристрастнымъ, — а больше этого никто не въ правъ ожидать отъ автора спрятавшагося за завѣсомъ безыменности, отрекающагося отъ всѣхъ притязаній на строгую точность и пишущаго о дѣйствіяхъ армій безъ плановъ, безъ ландкартъ, безъ всякихъ приуготовительныхъ матерьяловъ, по собственному его признанію — на память. Тутъ-то и былъ случай писать не о движеніяхъ массъ, а о движеніяхъ лицъ, о важныхъ мелочахъ!

Отступленіе Французовъ отъ Малоярославца къ Смоленску, и потомъ бѣгство ихъ къ предѣламъ имперіи внушило сочинителю Записокъ много прекрасныхъ страницъ. Въ то время, какъ адмиралъ Чичаговъ ждалъ непріятельской арміи на Нижней Березинѣ, куда вниманіе его обращено было демонстраціями Наполеона, Французы поспѣшно изготавлялись къ переправѣ выше Борисова у деревни Студянки. За неимѣніемъ понтоновъ, рѣшились они строить мосты на козлахъ, и бревна разломанныхъ крестьянскихъ избъ употреблены были въ дѣло. Разсказъ автора изобилуетъ въ этомъ мѣстѣ многими живописными подробностями, въ родѣ тѣхъ, какими и должна отличаться повѣсть очевидца.

«Вечеромъ прибылъ въ Студянку самъ Наполеонъ, и остановился на квартирѣ маршала Удино, въ крестьянской избѣ. Всѣ ожидали со стороны Русскихъ сильнаго сопротивленія, ибо въ эту ночь видно было на правомъ берегу, на холмѣ, множество огней, показывающихъ, что тутъ стоитъ сильный корпусъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь стоялъ генералъ Чаплицъ со всею дивизіею. Этотъ генералъ, давно уже примѣчая скопленіе непріятельскихъ войскъ у Студянки и необыкновенное

движеніе на лѣвомъ берегу, немедленно послалъ о томъ уведомить Чичагова, написавъ ему наскоро карандашомъ, что нѣтъ ни какого сомнѣнія, что непріятель непременно намѣренъ переправиться въ этомъ мѣстѣ, и строить уже мосты; но Чичаговъ, обманутый демонстраціями непріятели ниже Борисова, подвинулъ всю свою армію внизъ Березины, и находился тогда за тридцать верстъ, въ мѣстечкѣ Хабацевичахъ, ожидая тамъ Наполеона.

«Утверждаютъ, что онъ предпринялъ ложное это движеніе по полученіи депешей отъ князя Кутузова, который писалъ къ нему изъ Копыси, что, по доставленнымъ ему извѣстіямъ, Наполеонъ повернулъ къ Нижней Березинѣ, и намѣренъ тамъ переправиться, а потомъ чрезъ Игумень идти къ Минску.

«Чичаговъ, получивъ донесеніе Чаплица, вмѣсто того, чтобы по-крайней-мѣрѣ самому прибыть на его позицію противу Студянки, и собственными глазами удостовѣриться въ истинѣ, остался въ несчастномъ своемъ заблужденіи, утверждая, что движеніе къ Студянкѣ не что иное, какъ демонстрація непріятели, чтобъ отвлечь его вниманіе; и, несмотря на убѣжденія своихъ генераловъ, послалъ Чаплицу непремѣнное повелѣніе—со всею дивизіею немедленно идти къ Борисовскому мостовому укрѣпленію, оставя для наблюденія однихъ казаковъ.

«Въ слѣдствіе такого повелѣнія, Чаплицъ принужденъ былъ въ ту же ночь покинуть свою позицію; но оставилъ въ ней одинъ егерскій и одинъ гусарскій полкъ, оба неполные, съ шестью или осмью орудіями, что весьма было недостаточно для сопротивленія непріятельской переправы.

«Четырнадцатаго числа, рано поутру, Французы выстроили до сорока орудій на возвышеніи при деревнѣ Студянкѣ, и открыли сильный огонь по противоположному берегу; Русская артиллерія отвѣчала на него весьма слабо, и командующій ею офицеръ, видя, что нѣкоторыя его орудія сбиты уже съ лафетовъ, чтобы сохранить остальные, отступилъ въ лѣсъ. Егери и гусары, претерпѣвъ большой уронъ, принуждены были слѣдовать за артиллеріею. Между-тѣмъ Французская легкая кавалерія пустилась въ плавь, а за нею

двѣ роты отборныхъ вольтижеровъ переправились на правый берегъ, на двухъ плотяхъ, и отогнали казаковъ.

«Наполеонъ, смотрѣвшій на переправу съ высоты, при деревнѣ Студянкѣ, весьма былъ удивленъ, что Русскіе почти не дѣлають ни какого сопротивленія, и вскорѣ, къ великой своей радости, удостовѣрился, что Чичаговъ обмануть лживыми его движеніями въ Борисовъ и ниже этого города. Онъ тотчасъ велѣлъ прекратить огонь своей артиллеріи, чтобы сильнымъ громомъ не возбудить вниманія Чичагова, и лишь только посланныя имъ войска утвердились на противномъ берегу, его саперы начали ставить въ воду козлы. На томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка глубже, утверждены были на якоряхъ два оставшіяся понтонныя судна, принадлежащія Двинской арміи; вся остальная часть моста построена была на козлахъ.

«При этомъ случаѣ непріятельскіе саперы дѣйствовали отлично, и пріобрѣтенная ими слава будетъ столь же незабвенна, какъ и переправа Березинская. Въ сильный морозъ, не имѣя крепкихъ напитковъ, необходимыхъ въ такомъ случаѣ, они неустрашимо погружались въ воду по грудь для утверждения козловъ, и, ободряемыя присутствіемъ Наполеона, презирали смерть, для спасенія войска. Мюратъ, Удино, и генералы Жомини, Эбле и Лористонъ, примѣромъ своимъ поощряли рабочихъ. Когда первый мостъ былъ окончанъ, весь корпусъ маршала Удино съ артиллеріею перешелъ на правый берегъ, и, привѣтствуя Наполеона восклицаніями — Да здравствуетъ императоръ!, въ глазахъ его съ жаромъ устремился на Русскихъ. Но Французы встрѣтили достойныхъ себя противниковъ. Два Русскихъ полка, одинъ егерскій, другой гусарскій, съ нѣсколькими орудіями, устояли противу первыхъ атакъ Удино, и съ такою твердостью защищали въ лѣсу Зембинскую дорогу, что дали время Чаплицу воротиться, и при наступленіи почти притти къ нимъ на подкрѣпленіе.

«На другой день, 15 числа, непріятель съ великимъ трудомъ навелъ еще одинъ мостъ; но онъ два раза обрушивался, и переправа на время остановилась. Наполеонъ терпѣніе: ему казалось, что работы производятся слишкомъ медленно. Въ этотъ день одна слабая дивизія генерала Чаплица, подкрѣпленная авангардомъ Фонтъ-дерь-Палена, сража-

лась противъ всего корпуса Удино, храбро защищая Зембинскую дорогу; но къ вечеру превосходныя и ежеминутно возрастающія силы непріятеля, который имѣлъ уже до половины своей арміи на правомъ берегу, принудили наконецъ Чаплица отступить къ Стахову.

«Между-тѣмъ Чичаговъ, получившій 14 числа вторичное донесеніе Чаплица о переправѣ Франдузовъ, и съ другой стороны извѣщенный генераломъ Оруркомъ, посланнымъ изъ деревни Ухолоды на лѣвый берегъ для обозрѣнія внизъ по Березинѣ, что тамъ ни гдѣ не видно было непріятеля, увидѣлъ наконецъ свое заблужденіе, и, конечно, могъ бы еще поправить свою ошибку: 15 ноября онъ возвратился вверхъ Березины. Но, прибывъ къ мостовому укрѣпленію, онъ остановился, вмѣсто того, чтобы пройти еще двѣнадцать верстъ и ударить на переправившуюся часть непріятельской арміи,—что составило бы съ небольшимъ тридцать верстъ перехода отъ мѣстечка Хабацевичъ. И такъ, во весь этотъ день онъ остался въ бездѣйствіи, бывъ снова обманутъ демонстраціею непріятеля въ Борисовъ. Удино, овладѣвъ Зембинскою дорогою, послалъ туда кавалерійскій отрядъ, который выгналъ изъ мѣстечка казаковъ. Виленская дорога, единственный путь къ спасенію непріятеля, была для него открыта.

«Но въ то время, какъ на правомъ берегу Березины Чичаговъ оставался въ бездѣйствіи, и одинъ его авангардъ, подъ начальствомъ Чаплица и Палена, сражался противъ половины Французской арміи, совершенная побѣда въначала наше оружіе на лѣвомъ берегу: графъ Витгенштейнъ сильно тѣснилъ маршала Виктора на походъ его къ Студянкѣ. Этотъ корпусъ прикрывалъ отступление и переправу непріятельской арміи. Дивизія генерала Партуно, составлявшая арьергардъ, оставалась еще въ Борисовъ. Кажется, что Наполеонъ, оставивъ эти войска, долѣе хотѣлъ продержатъ Чичагова противъ этого города. Наконецъ Партуно выступилъ также по направленію къ Студянкѣ; но, подходя къ деревнѣ Старый Борисовъ, встрѣтилъ обозы и отступающія толпы отсталыхъ. Здѣсь онъ узналъ, что онъ отрѣзанъ Витгенштейномъ, котораго выстрѣлы слышны были уже въ близкомъ разстояніи. Тогда Партуно хотѣлъ-было воротиться въ Бори-

совъ, но съ другой стороны узналъ онъ, что Платовъ и Ермоловъ вошли уже въ городъ и находятся въ тылу. Окруженному со всѣхъ сторонъ, ему не оставалось другаго средства, какъ пробиться силою оружія сквозь полки Витгенштейна; но жаркія нападенія этого генерала привели въ разстройство, а потомъ разсылали его колонны. Онъ снова ихъ собралъ, и съ упорствомъ продолжалъ сраженіе; наконецъ, совершенно разбитый, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, бросившись съ нѣсколькими баталіонами по Веселовской дорогѣ, пролегающей по самому берегу, но и тутъ встрѣтилъ Русскихъ. Наконецъ, вся непріятельская дивизія и полки кавалеріи положили оружіе. Самъ дивизионный генералъ Партуно и бригадные Делетръ, Камюзъ, Бламонъ и Беліаръ со всѣми штабъ и оберъ-офицерами, со всѣми знаменами и артиллеріею и съ 8,000 человекъ рядовыхъ въ самомъ лучшемъ устройствѣ, сдались военнопленными.

«Потеря, понесенная маршаломъ Викторомъ, тѣмъ болѣе важна была для непріятеля, что войска этого корпуса, менѣе потерпѣвшія въ походѣ, составляли лучшую часть Французской арміи. Послѣ этого успѣха, намъ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ только совокупными, одновременными нападеніями тѣснить непріятеля на обѣихъ берегахъ.

«Поутру, 16 числа, корпусъ Платова и отрядъ Ермолова перешли въ Борисовъ на правый берегъ по понтонамъ, и, построясь въ колонны на высотѣ при деревнѣ Стаховъ, составили резервъ Дунайской арміи, и поступили подъ начальство Чичагова, который наконецъ рѣшился дѣйствовать. Графъ Витгенштейнъ, съ своей стороны, оставивъ въ Старомъ Борисовѣ корпусъ генерала Штенгеля, двинулся къ Студянкѣ, атаковалъ непріятеля, овладѣлъ высотой при деревнѣ, и, поставивъ на ней до шестидесяти орудій, приготовился къ рѣшительному нападенію на корпусъ Виктора, стѣсненный между Студянкою и мостами. Непріятель, починивъ мосты ночью, на 16 число продолжалъ переправу. Поутру Польскій легіонъ Вислы, подъ начальствомъ генерала Клапареда, соединился съ Неемъ, который послѣ Удино (послѣдній былъ раненъ) командовалъ всѣми войсками въ Стаховскомъ лѣсу. Позади Нея, на открытой полянкѣ, противъ того мѣста, гдѣ дорога круто поворачиваетъ въ Вильну, выстроилась гвар-

дія въ колонны къ атакѣ, подъ предводительствомъ самого Наполеона, Лефевра и маршала Мортъе, герцога Тревизскаго. Всѣ эти войска должны были дѣйствовать противъ Чичагова и заслонить Виленскую дорогу, по которой, по переправѣ артиллеріи, должны были проходить корпусы Даву и Евгенія, составлявшіе уже одну шумную бегущую толпу, которая не въ состояніи была сражаться. Одна дивизія Польскихъ войскъ (Жирара) обратно перешла на лѣвый берегъ для подкрѣвленія маршала Виктора, что произвело еще болѣе замѣшательства на мосту.

«Кровопрлитный бой закипѣлъ въ одно время на обоихъ берегахъ. Съ самаго утра поднялась мятель съ свѣрнымъ вѣтромъ; сильная вьюга засыпала намъ глаза инеемъ и снѣгомъ; въ нѣсколькихъ шагахъ ничего нельзя было примѣтить; виднѣи былъ одинъ блескъ выстрѣловъ. Громъ пушекъ повторился въ лѣсу, гдѣ высокія сосны, разбитыя ядрами, съ трескомъ валились на землю. Ней, съ кирасирами Думерка, ударилъ прямо по дорогѣ и захватилъ 700 нашихъ стрѣлковъ. Чаплицъ, съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка, опрокинулъ его кирасиръ, и сраженіе продолжалось съ переменнымъ успѣхомъ. Но ужаснѣйшее зрѣлище открылось на мостахъ Березинскихъ и на лѣвомъ берегу. Тамъ стѣсненныя колонны Виктора, подверженныя убійственному огню нашей артиллеріи, громившей съ Студянской высоты, храбро отражали нападеніе Виттенштейна, которому также много вредила непріятельскія батареи праваго берега. Эти батареи, состоявшія изъ гвардейской артиллеріи, были управляемы самимъ Наполеономъ. Онъ сошелъ съ лошади, и самъ нѣсколько разъ наводилъ пушки. Нѣсколько разъ наша пѣхота опрокидывала Французовъ къ самымъ мостамъ, но пораженная слѣва продольными выстрѣлами ихъ артиллеріи, поставленной на правомъ берегу, отбиваема была назадъ: тогда непріятельская кавалерія, подъ начальствомъ генерала Фурнье, бросилась на нее съ отчаяніемъ. Но наша артиллерія не переставала громить по мостамъ и по густымъ, стѣсненнымъ колоннамъ непріятельскимъ. Здѣсь ни одинъ выстрѣлъ не былъ пущенъ даромъ; каждое ядро поражало людей, лошадей, срывало пушку или опрокидывало повозку. Одинъ мостъ, поврежденный

ядрами, съ шумомъ обрушился подъ тяжестью войскъ и артиллеріи: въ одно мгновеніе люди, лошади, пушки, фургоны поглощены были рвкою. Тогда все, что оставалось на лѣвомъ берегу, въ отчаяніи бросилось на остальной мостъ. Здѣсь пѣхота, кавалерія и артиллерія, все было перемѣшано: исчезло всякое повиновеніе, каждый торопился добраться до противоположнаго берега, прикладами сбивали одинъ другаго въ воду, и сильный открывалъ себѣ дорогу по гудамъ тѣль. Здѣсь множество раненыхъ раздавлено подъ колесами артиллеріи; зарядные ящики, взорванные гранатами, съ трескомъ летѣли на воздухъ; артиллерійскія лошади, съ опрокинутыми передками, и вьючныя, вырвавшіяся изъ рукъ, ржали, бѣгали взадъ и впередъ, и, не находя нигдѣ прохода, спирались гудами непроницаемыми; другія, столкнутыя съ моста, сжатыя льдинами, неслись по теченію рѣки.

« Потерявъ надежду пробиться по мосту сквозь ужасную тѣсноту, многіе непріятельскіе солдаты и офицеры начали было переходить по огромнымъ льдинамъ, которыя сперлись между мостами, но они все погибли. Въ это время на лѣвомъ берегу между Студяпкою и мостами, все мѣсто, на пространствѣ квадратной полуверсты, было уставлено обозами, пушками, покрыто убитыми, ранеными, умирающими. Въ этой толпѣ видны были и женщины, сдѣлавшія за армією изъ Москвы; страшный ихъ вопль и отчаяніе придавало еще болѣе ужаса зрѣлищу.

« До наступленія ночи ядра безпрестанно сыпались съ одного берега на другой. Когда начало смеркаться, непріятельскій аріергардъ сталъ отступать по мосту. Здѣсь войска Виктора должны были очищать себѣ дорогу, сдѣлавъ родъ траншеи изъ мертвыхъ тѣль и лошадей, кучами наваленныхъ по краямъ моста.

« Такъ кончилась кровопролитнѣйшая битва 16 ноября. Невозможно исчислить ужасной потери непріятели. Лучшія его войска, корпусы Виктора, Удино и легіонъ Вислы, почти истреблены. Французы потеряли многихъ своихъ генераловъ; въ числѣ тяжело раненыхъ были маршалъ Удино и генералы Легранъ и Заюнчекъ: послѣднему ядромъ оторвало ногу. Надобно признаться, что Французы сражались

сь отчаянною неустрашимостью; особенно Польской легионъ Вислы, подъ начальствомъ Клапареда и Хлопицкаго, являть чудеса храбрости.

«Съ приближеніемъ ночи, Французы отступили къ Занвкамъ, небольшой деревушкѣ, находящейся въ лѣсу на самомъ поворотѣ проселочной дороги, ведущей чрезъ Зембинъ въ Вильну, по Ганпскимъ болотамъ, гдѣ на пространствѣ двухъ верстъ построена деревянная гать. По сторонамъ дороги простираются обширные непроходимые лѣса, растущіе по кочкамъ и болотамъ. Наполеонъ остановился ночевать въ этой деревушкѣ, около которой расположилась его гвардія кареемъ. Мы подвинулись впередъ по лѣсу, и также остановились неподалеку отъ передовыхъ огней неприятельскихъ, и обѣ арміи ночевали въ виду одна другой».

Отъ этой страшной картины истребленія и ужасовъ войны, совокупленныхъ на самомъ тѣсномъ пространствѣ, поспѣшимъ къ отраднѣмъ подвигамъ челоуѣколюбія, которыми знаменовался каждый шагъ великодушнаго побѣдителя. Прибытіе Императора Александра въ Вильну, вскорѣ по изгнаніи оттуда враговъ, было вѣстникомъ избавленія для множества несчастныхъ страдальцевъ:

«Тринадцать тысячъ раненыхъ и больныхъ неприятелей собраны были въ огромныхъ монастыряхъ Базиліановъ, Бернардиновъ, Доминиканъ, Кармелитовъ и монаховъ Св. Казимира; мирныя эти обители превращены были въ госпитали или, лучше сказать, въ обширныя кладбища. Здѣсь въ темныхъ коридорахъ, на крыльцахъ, на дворахъ, навалены были костры умершихъ и умирающихъ; заразительный воздухъ разсѣвалъ губительныя сѣмена язвы. Съ прибытіемъ Александра все перемѣнилось; не устарила его смрадная эта могила: мы видѣли его нѣсколько разъ среди несчастныхъ жертвъ войны; онъ присутствовалъ при перевязкѣ ранъ, при раздачѣ пищи; утѣшалъ ихъ, говоря имъ объ ихъ отечествѣ, подавая имъ надежду возвратиться на родину, по возможности, многихъ перемѣстилъ въ дома и госпитали,

и опредѣлили для надзора за ними генерала графа Сенъ-При, который вмѣлъ объ нихъ попеченіе наравнѣ съ нашими большими. Съ того времени исчезло мрачное предубѣжденіе этихъ храбрыхъ и несчастныхъ воиновъ о мнимой неминуемой смерти. Многіе одолжены своимъ спасеніемъ Александру. Шумъ побѣдъ, слава завоеваній проходить; но память добродѣтелей, украшающихъ человечество, отличающихъ христіанина и философа, безсмертна.»

Окончивъ описаніе войны 1812 года, авторъ, вслѣдъ за множествомъ другихъ писателей, старается «опровергнуть неосновательныя рѣчи, выдуманная завистію и врагами нашего оружія, — что холодъ былъ причиною нашихъ успѣховъ.» Пора бы, кажется, считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ. Если мы и допустимъ холодъ въ вѣрные свои союзники, то все онъ не отговорка для нашихъ противниковъ или по-крайней-мѣрѣ для славнаго ихъ предводителя. Русскій морозъ могъ бы служить оправданіемъ неудачному нашествію въ такомъ лишь случаѣ, когда бъ былъ для нихъ тайною, но мы никогда не скрывали того отъ непріятеля, что у насъ очень холодно: не только морозъ нашъ былъ извѣстенъ всему свѣту въ настоящей его трескучести, но и съ явнымъ ея преувеличеніемъ. Кому изъ насъ не случалось смѣяться передъ видами Петербурга и Москвы, въ которыхъ иностранный художникъ пресеріозно изображалъ вѣду на собакахъ и оленяхъ за обыкновенную нашу упряжь? Мы даже видали Французскую учебную книгу, въ которой, для большаго назиданія учащихся, Русская повозка представлена съ доброй печью назади!

Гораздо важнѣйшимъ кажется намъ изслѣдованіе автора о мнимомъ нравственномъ превосходствѣ Французовъ, такъ рѣшительно утверждаемомъ за ними даже наименѣе пристрастными ихъ писателями. Конечно, доводы сочинителя Записокъ не обратятъ на путь истинный этого хвастливаго племени,

но если они подкрѣпляютъ чувство народной гордости въ нашихъ молодыхъ читателейъ, если они пособятъ распространенію истины, то нельзя не отдать имъ должной справедливости.

Вторая часть Записокъ посвящена первой половинѣ похода 1813 года, съ которымъ еще такъ недавно ознакомило насъ другое сочиненіе, и несмотря на то она читается съ большимъ удовольствіемъ. Подробности Люценскаго сраженія со всеми его переходами и колебаніями представлены весьма живо, ясно и удовлетворительно; но все это общія, давно извѣстныя, всеми видѣнныя вещи. Пишите то, что вы одни видѣли! Не менѣе удачно описаніе Кульмскаго боя, которымъ, къ сожалѣнію, авторъ оканчиваетъ свою любопытную книгу, даже не обѣщая продолженія.

=

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. *Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ, сочиненіе Н. К. (Писана весною 1834 года). Санктпетербургъ, 1835.*

Роксолана, *драма въ пяти актахъ въ стихахъ, сочиненіе Н. К. (Писана лѣтомъ 1834 года). Санктпетербургъ, 1835.*

Воображеніе Г-на Н. К. работаетъ неутомимо: весною прошлаго года оно еще блуждало въ кровавомъ мракѣ Междоцарствія, возсоздавало колоссальную фигуру Ляпунова, лице весьма замѣчательное въ началъ XVII столѣтія, а лѣтомъ было уже въ Константинополь, ласкало жирные подбородки одалисокъ, и курило трубку съ великимъ евнухомъ серая, отдавъ визитъ великому муфтію и великому визирю. Это путешествіе по двумъ мірамъ, совершенно отдѣльнымъ, совершенно разнороднымъ, выполнено воображеніемъ Г-на Н. К. въ нѣсколько мѣсяцевъ, и плоды этого путешествія передъ нами, — въ красивой оберткѣ, — на красивой бумагѣ, — очень красивыми буквами.

Одинъ изъ этихъ плодовъ, и самый милый, — восточная драма. Не знаемъ, нужно ли непременно, для сочиненія восточной драмы, имѣть ясное понятіе о Востоку, объ его нравахъ, обычаяхъ, законодательствѣ, вѣрѣ, исторіи, или не нужно; но если нужно, такъ до этого достигается только тремя путями. Первое средство узнать Востокъ — путешествовать по нему довольно долго: путешествіе доставляетъ болѣе или менѣе точный обзоръ наружныхъ формъ его, — что уже очень важно. Второе средство — читать его книги на собственныхъ его языкахъ: тогда проникаете вы во внутренность его понятій, логики, духа, страстей, характера и образа дѣйствованія, хотя и не можете ясно представить себѣ его наружности. Третье, послѣднее и лучшее средство — путешествовать и читать его книги: тутъ вы видите и лицевую и изнанковую его сторону, Востокъ вещественный и Востокъ нравственный. Чтеніе «Роксоланы» заставляетъ насъ думать, что ея авторъ не употреблялъ ни одного изъ этихъ трехъ и единственныхъ способовъ познанія страны, людей и нравовъ, изъ которыхъ хотѣлъ онъ построить драму. Какой путь избралъ онъ къ тому, чтобы познакомиться съ своимъ предметомъ, мы этого не знаемъ; но должно признаться, что избранный имъ путь завелъ его совершенно въ противную сторону. Почти нѣтъ сомнѣнія, что поэту, предпринимающему восточную драму, надобно хоть нѣсколько быть ориенталистомъ, — ориенталистомъ посредствомъ путешествій или ориенталистомъ посредствомъ изученія восточной литературы, — чтобы въ нашемъ вѣкѣ, ученомъ и стремящемся къ подлинности въ поэзіи, создать и выполнить что-нибудь похожее на дѣло. Оттого никто въ Европѣ, кромѣ сочинителей оперъ и водевилей, и не пускается нынче въ подобныя предпріятія, какъ въ часть поэзіи самую

трудную, многосложную и опасную, гдѣ каждое слово должно быть эрудиція, каждое обстоятельство—изысканіе. Писатель, который, никогда не видавъ Востока и не будучи знакомъ съ его литературой, выводитъ на сцену восточныя лица и нравы, добровольно поставяетъ себя въ такое же положеніе, въ какомъ бы находился тотъ, кто бы изъ Русскихъ избралъ для своей комедіи или трагедіи мѣстомъ дѣйствія Парижъ, и вздумалъ представить дѣйствующихъ и говорящихъ тамъ Французовъ, тогда какъ самъ не зналъ бы ни Парижа, ни Французскаго языка, не обращался бѣ съ Французами и не читалъ бы ни одной Французской книги: очевидно, что въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи его повѣсти, была бы невѣрность, ошибка или несообразность. Сравненіе это еще весьма выгодно, потому что Парижъ сколько-нибудь похожъ на Петербургъ, и Русскіе сами не очень далеко отстали отъ Французовъ въ нравахъ, образѣ жизни и понятіяхъ, тогда какъ Петербургъ и Константинополь, Турки и Европейцы — огромныя, непримиримыя противоположности. Что жъ въ такомъ случаѣ остается дѣлать тому, кто непременно хочетъ написать восточную драму, не приготовившись къ ней твердо и основательно? По мнѣнію нашему, всего лучше писать ее такъ, какъ Вольтеръ писалъ Альзиру и Могомета, то есть, взять одиѣ только восточныя имена для своихъ героевъ, а самихъ героевъ заставить говорить чисто Европейскимъ языкомъ и дѣйствовать по-нашему, не заботясь о восточности. Переменяя только имена лицъ, драма будетъ то Турецкою, то Китайскою, то Англійскою, то Индѣйскою, то Французскою, будетъ безъ всякой народности, но по-крайней-мѣрѣ вы тогда знаете, что это просто фантазія, въ которой не должно искать ничего истиннаго, ничего естественнаго, и будете судить объ ней по тому же правилу. Но когда писатель станетъ под-

мѣшкать въ свои стихи иноязычныя слова и обороты, — Турецкіе, или по-крайней-мѣрѣ не наши; придавать лицамъ странные для насъ пріемы, измѣнять принятыя названія вещей, дѣлать выноски, объяснять свои выраженія, то есть, учить читателя; когда онъ подымается на эрудицію, обнаруживаетъ притязаніе на подлинность поэзіи, на вѣрность рисунка и колорита картины, — тутъ ужъ совсѣмъ другое дѣло! Тутъ вы видите притязаніе на что-то нешуточное, и въ правѣ потребовать отчета въ исполненіи. Какъ скоро авторъ берется насъ учить, представлять виды, изображающіе подлинную натуру, мы можемъ попросить его, чтобы онъ училъ насъ дѣльно и не вводилъ видами своими въ заблужденія.

Должно сожалѣть, что авторъ «Роксоланы» избралъ этотъ послѣдній способъ писать восточную драму: то, что онъ выдаетъ въ ней за настоящее Турецкое, не имѣетъ и тѣни сходства съ Турецкимъ, ни съ мусульманскимъ, ни съ восточнымъ. Востокъ, Турки, ихъ вѣра, ихъ исторія, понятія, обычаи, нравы, законы, этикетъ, — все опрокинуто въ ней вверхъ-дномъ, все изломано, изувѣчено самымъ немилосердымъ образомъ, который доходитъ иногда до степени высочайшей комики. Это каррикатура, не картина, Турокъ. Мы не станемъ даже разсматривать этой части «Роксоланы», потому что намъ бы пришлось только переходить отъ упрека къ упреку, и число ихъ далеко превзошло бы число стиховъ драмы. Сколько ошибокъ и промаховъ можно иногда сдѣлать въ одномъ словѣ, стараясь быть ученѣе обыкновенныхъ поэтовъ, доказательствомъ тому послужить, для примѣра, первая строка книги и первое къ ней примѣчаніе.

Первая строка: «Солиманъ II, султанъ Истамболскій.» Первое примѣчаніе: «Истамболъ — названіе Ца-

ряграда, происшедшее отъ Греческихъ словъ *исъ тмиъ полинь*, что означаетъ *въ городъ*, или *въ городъ*: Турки, не зная Греческаго языка, приняли это за самое названіе Константинополя.» 1. Что за лице — султанъ Истамболскій? Къ какой исторіи или націи принадлежитъ этотъ потышный титуль? Турки его не знаютъ; Европейцы то же. Это все равно, какъ если бы вы, говоря о государяхъ Французскомъ или Англійскомъ, сказали — король Парижскій или король Лондонскій. Зачѣмъ не назвать просто, какъ принято называть его, — султаномъ Турецкимъ? Но авторъ, съ первой строки, хотѣлъ повидимому придать словамъ своимъ цвѣтъ сильно восточный: въ такомъ случаѣ слѣдовало сказать не — султанъ Истамболскій — а *султанъ Оттоманскій*, правильнѣе *падишахъ Оттоманскій*, или еще правильнѣе *падишахъ Османскій*, потому что только братья и сыновья царствующаго государя называются въ Турціи *султанами*, а самъ онъ — *падишахъ*. 2. Если авторъ имѣлъ въ предметъ означить тѣмъ Солимана, царствовавшаго въ Константинополѣ, для различія его отъ Турецкихъ султановъ, которыхъ столицы были по другимъ городамъ, то надобно было назвать его не Солиманомъ II, а Солиманомъ I: такъ дѣйствительно зовутъ его въ Исторіи, когда Оттоманскими «императорами» считаютъ однихъ Константинопольскихъ султановъ. 3. Принимая слово султанъ въ значеніи царствующаго лица и ставя *султана Истамболскаго* въ противоположности *султану Амасійскому*, авторъ сдѣлалъ еще важнѣйшую погрѣшность: Амасійскаго султана быть не можетъ, потому что Мустафа не царствовалъ въ Амасіи, но былъ только правителемъ, генераль-губернаторомъ. 4. Не Турки назвали Константинополь Истамболомъ, отъ незнанія Греческаго языка, но сами Греки: слово *Стамболъ* было уже извѣстно въ XII вѣкѣ, гораздо прежде появленія тамъ

Турокъ; оно употреблялось и во время Крестовыхъ походовъ, и встрѣчается даже у Вильгельма Тирскаго (Guillaume de Tyr). Не одно это собственное имя замѣнили Греки подобнымъ составомъ предлога и члена со словомъ: названіе острова *Ко* превратилось въ ихъ устахъ въ *Станго*, то есть, *исъ танъ Ко*, и Аѣины именовались *Сатина*, то есть, *исъ Атина*. *Истамболъ* у Турокъ, то же что у Грековъ *Стамболы*, то есть, собственно та часть Царяграда, въ которой лежитъ *Сераль*, безъ предмѣстій *Эйюба*, *Галаты*, *Перы*, *Топханы*, *Скутари* и *Фанара*, а весь Константинополь съ предмѣстьями и но-Турецки называется Константинополь, *Костантиніе*. Всѣ Русскіе знаютъ слово *Стамбуль*: но авторъ пожелалъ блеснуть другимъ, ученѣйшимъ словомъ, сказать *Истамболъ* вмѣсто обще известнаго *Стамбуль*, — и купилъ это удовольствіе кучею всякаго рода ошибокъ! Стоило ли для этого подвергаться такой опасности?

Упомянуть ли о томъ, какъ Турки нашего автора клянутся *концами свѣтъ*, *очами пророка*, *яркой синевой неба*, — какъ они благодарятъ пророка, просятъ прощенія у пророка, ругаютъ пророка, почитаютъ умъ за *гнилый тростникъ пророка*, и называютъ себя *поклонниками пророка*, — и еще *Великаго Пророка*, забывъ, что ни въ ихъ языкъ, ни въ ихъ вѣрѣ, нѣтъ такого выраженія, что такъ изъясняются только водевильные мусульмане, и что пророка должно имъ чествовать по-настоящему Магометомъ-Избраннымъ, Последнимъ пророкомъ, Государемъ посланниковъ, Украшеніемъ обоихъ міровъ, и т. д.? На счетъ своего *Аллы*, то есть, Аллаха, и Алкорана, который позволяютъ себѣ даже называть *ужаснымъ* и, что всего хуже, «книгою пророка», они произносятъ такія святотатственные рѣчи, что поистинѣ страшно ихъ слушать. Мы готовы биться объ закладъ, что Солиманъ Г-на Н. К. никогда не видалъ мусульманъ! Онъ говоритъ о семи

именах *Аллы*, тогда какъ у *Аллы*, круглымъ счетомъ, наличныхъ именъ девяносто девять; онъ толкуетъ о *законахъ улемовъ* и *законахъ пророка*, то есть, одинъ Великій Пророкъ вѣсть объ чемъ; онъ приказываетъ своему двору кричать — «Великъ пророкъ, великъ его намѣстникъ!», и всѣ, даже не улыбнувшись, кричатъ *тихо* — «Великъ пророкъ, великъ его намѣстникъ!»; онъ насчиталъ *сто калифатовъ*, хотя калифатъ — одинъ и нераздѣльный, одинъ для цѣлой вселенной; великій муфтій входитъ къ нему въ гаремъ, чиновники и рабы глядятъ ему въ глаза, султаны вмѣсто четырехъ имѣютъ по семи женъ, султаниши тѣдятъ верхомъ на верблюдахъ, — словомъ на каждомъ шагу происходитъ у нихъ такой содомъ, такая ересь, такой подлинно Турецкій безпорядокъ, что если бъ все это было правда хоть вполонину, «Истамболская» имперія развалилась бы еще до окончанія драмы.

Что, если бъ мы еще сказали, что Солиманъ Г-на Н. К. добродушно почитаетъ Карла V, Германскаго императора, за единственнаго и законнаго наследника Магомета и за духовнаго главу всѣхъ мусульманъ? Это показалось бы невѣроятнымъ всякому, кто только имѣетъ первоначальныя свѣдѣнiя въ исторiи Востока. А онъ дѣйствительно его почитаетъ! Онъ называетъ Карла калифомъ, его имперiю *калифатомъ*, — *Германскимъ* калифатомъ! Что бы ему вспомнить, что отецъ его, Селимъ I, купилъ *калифатъ*, то есть, «званiе законнаго наследника и намѣстника пророка на землѣ», у Мохаммеда XII, послѣдняго калифа династiи Аббасидовъ Египетскихъ, исключительно для себя и для своихъ потомковъ? Добро бы еще имперiю Карла V величалъ онъ калифатомъ; но онъ что-то толкуетъ и объ Алжирскомъ калифатѣ, пожалованномъ славному пирату Барбароссѣ? Барбаросса калифъ!... Да онъ еще и султанъ. И замѣьте, что Турки, которые ни слова не знаютъ по-Италiянски, называютъ

его въ драмѣ не иначе какъ *Barba-gossa*, — а Барбаросу-то звали они по-своему Хайръ-эддиномъ! Послѣ этого, и самъ авторъ, мы увѣрены, откажется отъ всей восточной части своей «Роксоланы.» Его драма имѣеть разныя достоинства, но не съ этой стороны. Мы отнюдь не уклонимся отъ истины, когда скажемъ, что восточность «Роксоланы» и восточность извѣстнаго водевила Скриба, «Медвѣдь и Паша», обѣ одинаковой доброты, и что послѣдняя даже замысловатѣе.

Отъ восточной части перейдемъ къ исторической. Въ этомъ отношеніи мы всегда предоставляемъ обширное поле воображенію драматическаго поэта, и если полагаемъ предѣлы вольностямъ, то не ближе тѣхъ точекъ, съ которыхъ начинается уже полное низверженіе главнаго факта, превращеніе бѣлаго въ черное и вопіющая небывальщина. Украшать историческое событіе вымысломъ, но украшать въ его же духѣ, вещь очень позволительная.

Прежде всего должно опредѣлить съ точностью эпоху, въ которую происходитъ дѣйствіе. Это не трудно. Солиманъ, въ началѣ драмы, угрожаетъ Германскому императору десятимъ походомъ и готовится къ третьей войнѣ съ Персіею, которую онъ обѣщаетъ покорить еще до рамазана: слѣдственно это было въ 1553 году. Солиманъ въ мѣсяцъ рамазанъ того года (960 гиджры) дѣйствительно двинулся къ Персидской границѣ. Въ томъ же году онъ и казнилъ сына своего Мустафу, и такъ какъ драма оканчивается погибелію Мустафы, то все ея дѣйствіе заключено въ предѣлахъ одного 1553 года. Солиману было тогда отъ роду шестьдесятъ три года; сыновьямъ его, Мустафѣ тридцать два, Селиму почти тридцать лѣтъ, Баязету двадцать восемь. Матери Мустафы, которую авторъ называетъ Хризулою, было бы тогда лѣтъ подъ пятьдесятъ, Роксоланъ по-крайней-мѣрѣ столько же: положимъ сорокъ пять, — это не составляетъ ни какой

*

разницы, потому что на Востокъ женщины и въ тридцать лѣтъ уже покрыты морщинами, уже совершенныя старухи. Дѣло въ томъ, что, въ ту минуту, когда авторъ подымаетъ занавѣсъ, объ эти красавицы были дряхлыя Турецкія бабы, въ полномъ значеніи слова.

О Роксоланѣ столько написано басней, повѣстей, оперъ, что напрасно было бы повторять принятыя объ ней повѣрія, тѣмъ болѣе, что и нашъ авторъ ихъ повторяетъ. Роксолана, собственно *Рехшанѣ*, была большая интригантка: посредствомъ своего ума и увлекательнаго краснорѣчія она очень долго сохраняла вліяніе надъ поступками Солимана, который уважалъ ее, даже переставъ любить. Нѣтъ сомнѣнія, что Солиманъ, по воспоминаніямъ прежней страсти къ своей устарѣвшей фавориткѣ, любилъ сына ея, Селима, болѣе прочихъ дѣтей, и старался доставить ему престолъ; но Роксолана не имѣла участія въ катастрофѣ, которою исполнились общія ея и султана желанія. Дѣло происходило слишкомъ далеко отъ нея, и причины его были независимы отъ ея воли. До того времени, Оттоманскіе государи имѣли обыкновеніе назначать сыновей своихъ правителями разныхъ провинцій. Старшіе сыновья Солимана, Мурадъ, Абдаллахъ и Мехеммедъ, умерли въ прежніе годы: въ живыхъ оставались только Мустафа, Селимъ, Баязеть и Джигангиръ. Мустафа правилъ Амасіей, Баязеть Коніей, Джигангиръ Алеппомъ, Селимъ жилъ большею частію при отцѣ, въ Константинополь. Мустафа и Джигангиръ, ревнуя къ предпочтенію, которое отецъ оказывалъ Селиму, давно и неоднократно составляли заговоры на престолъ и жизнь родителя. Приски ихъ были очень хорошо извѣстны Солиману, но онъ не хотѣлъ того обнаруживать, и во второй Персидскій походъ, въ 1547 году, на пути черезъ Малую Азію, позволилъ имъ явиться, допустилъ ихъ къ своей рукѣ и отправилъ съ честію. Мустафа однако жъ,

человѣкъ злобнаго и коварнаго нрава, не оставлялъ своихъ козней. Въ 1552 году отецъ получилъ изъ Азіи донесеніе объ его замыслахъ, и приказалъ тѣсно стеречь его во дворецъ, въ Амасіи. Мустафа навѣрное бы остался въ этомъ заключеніи до кончины родителя и по его смерти вступилъ на престолъ, если бъ неожиданный случай не призвалъ Солимана въ Малую Азію. Шахъ Персидскій, Исмаиль-Сефи, вдругъ вторгнулся въ Турецкіе предѣлы, взявъ нѣсколько крепостей и разбилъ наголову Солиманова полководца въ той сторонѣ. Султанъ тотчасъ отправилъ туда войско подъ начальствомъ верховнаго визиря Мехеммед-Паши, котораго авторъ драмы называетъ *Рустеномъ*, и въ рамазанъ того же года самъ соединился съ нимъ неподалеку отъ Амасіи. Но здѣсь ожидала его чаша семейныхъ огорченій: онъ получилъ несомнѣныя доказательства измѣны своего сына и тому, что внезапное вторженіе Персіянъ было слѣдствіемъ согласія Мустафы съ врагами отечества. Солиманъ приказалъ задушить его въ томъ же дворцѣ, гдѣ онъ былъ запертъ (авторъ драмы умерщвляетъ его, для большаго эффекта, кишжалами, въ Константинополѣ). Почти въ то же время скончался въ другомъ мѣстѣ братъ и сообщникъ его, Джигангиръ, какъ полагаютъ, отъ яда. Со смертію Мустафы, Селимъ былъ старшій сынъ въ родѣ и законный наследникъ престола. Вотъ самая простая и самая достовѣрная перечень всего событія.

Поэтъ, приписывая, по обыкновенію, смерть Мустафы непосредственной интригѣ Роксоланы, долженъ былъ выдумать для этого полную перепетію: онъ, конечно, властенъ былъ предположить все, что угодно, лишь бы предположенія, — поводы дѣйствій и пружины повѣсти, — соответствовали лицамъ и мѣсту. Къ сожалѣнію, почти всѣ его пружины ложны, а приводимые имъ

поводы происшествій такъ невѣроятны, ознаменованы такимъ чисто-комическимъ ничтожествомъ, что скорѣе годились бы въ оперу-буффу, нежели въ ученую драму, написанную прекрасными стихами съ выносками. Замолчимъ о внутреннемъ достоинствѣ хитростей, приписанныхъ Роксоланѣ: но возможно ли допустить, помня, что есть на свѣтѣ Исторія и что она сколько-нибудь известна слушателямъ драмы, — возможно ли допустить, чтобы Мустафа пріѣзжалъ въ Константинополь хвастать передъ отцемъ и передъ ними, что онъ побѣдитель Персіянъ, что «угасъ расколъ Персидскій, шахъ принялъ Турецкія книги и имамовъ(?), самъ шахъ сдѣлался данникомъ Солимана, — и вотъ вамъ хартія, подписи, клятвы», — тогда какъ всѣ мы, знаемъ, — да кто жъ изъ слушателей не знаетъ исторіи Солимана II? — что, въ то самое время, Турецкія войска разбиты впрахъ, что Солиманъ бѣжить самъ со всеми своими силами на отраженіе торжествующаго врага, и что онъ, хвастунъ Мустафа, сидитъ запертый въ Амасіи? Авторъ не взвѣсилъ всей исторической важности словъ — Персидскій расколъ угасъ, шахъ подчинился суннитскому ученію, — или какъ драма говоритъ забавно, «принялъ наши книги и нашихъ имамовъ»: да это былъбы одинъ изъ величайшихъ переворотовъ во всемірной Исторіи! Еслибы это случилось до 1553 года, большаѣполовина Европы была бы сегодня Турціею. Къ счастью, этого никогда не бывало, ни до 1553 года, ни послѣ. Австрія и Германія спасены единственно неудачами Солимана противъ Персіянъ и продолжительною войною, которая послѣдовала за вторженіемъ ихъ въ Турецкую имперію. Воображеніе измѣнило здѣсь поэту столько же, сколько въ другихъ мѣстахъ Восточная начитанность. Мы увѣрены, что можно было придумать что-нибудь посообразнѣе, для того, чтобы сдѣлать Мустафу интереснымъ.

На остальное мы охотно набрасываемъ покровъ молчанія.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, читатели наши безъсомнѣнія не ожидаютъ отъ насъ ни какой похвалы новой драмѣ Г-на Н. К., и были бы крайне удивлены, когда бъ мы имъ признались не-шутя, что она занимательна. Да, — она занимательна. Несмотря на ложный цвѣтъ мѣстности, нарушеніе всѣхъ вѣроятностей, искаженіе историческихъ характеровъ, безпрестанные всякаго рода промахи, драма Г-на Н. К. *занимательна*. Этотъ эпитетъ въ точности выражаетъ ея достоинство. Стоитъ только окунуть голову въ Лету, забыть то, что вы знаете о предметѣ, повѣрить на-минуту, что все это должно быть списано съ природы, все могло такъ быть въ Турціи, — и вы невольно будете увлечены интересомъ повѣсти, странности примете за красоты, и разчувствуетесь тамъ, гдѣ, до этой необходимой операціи, вы бы непременно смѣялись. Авторъ можетъ превосходно оправдаться отъ всѣхъ нашихъ замѣчаній, сказавъ, что онъ писалъ свою поэму для тѣхъ, которые не имѣютъ ни какого понятія о Востокѣ и мусульманахъ.

Забудемъ же Востокъ, и станемъ разсматривать драму Г-на Н. К. только съ тѣхъ сторонъ, которыя доступны огромному большинству публики, не вдающейся въ бусурманство, то есть, разсматривать относительно къ созданію повѣсти, обрисовкѣ характеровъ и драматическому искусству. Каждый признаетъ, что Критика не можетъ дѣйствовать снисходительнѣе и благороднѣе, какъ ставя взятое подъ разборъ сочиненіе въ самомъ выгодномъ для него оборонительномъ положеніи. Передаемъ поэму другимъ глазамъ. Чтобы не разрушать очарованія судей при чтеніи приводимыхъ отрывковъ, не будемъ даже ничего въ нихъ почеркивать, хоть бы что и нашлось враждебнаго восточности.

Въ разборахъ твореній вымысла мы не любимъ упрекать сочинителей въ недостаткахъ и не привыкли подмѣчать погрѣшности, выкупаемыя другими достоинствами. Первымъ и прекраснѣйшимъ преимуществомъ критика мы почитаемъ данную ему возможность открывать красоты и передавать ихъ уваженію современниковъ. И такъ какъ рѣчь зашла о красотахъ, то кстати дать сперва читателямъ понятіе о красотахъ одалиски Роксоланы, которая такъ полюбилась султану Солиману. Роксолана, въ самомъ дѣлѣ очень мила, какъ то видно изъ словъ хора невольницъ :

« На востокъ солнце блещетъ ;
 На закатъ мѣсяцъ спитъ ;
 Въ синевѣ звезда трепещетъ ;
 Море золотомъ горитъ .

Но предъ яркими очами
 Чернокудрой красоты ,
 Солнце съ ясными лучами
 Ты темнѣ темноты .

Предъ жемчужной близкою
 Нѣжно-пламенныхъ ланитъ ,
 За серебрянной фатою
 Мѣсяцъ, какъ мертвецъ, глядитъ .

Подними покровъ небрежной
 Въ пору утренняго сна , —
 Чтѣ, предъ грудью бѣлоснѣжной,
 Сребропѣнная волна ?!

Поцѣлуемъ сонъ ливневый
 Отжени отъ красоты , —
 И заблещетъ взоръ стыдливый
 Ярче утренней звезды.... »

Эти стихи прекрасны. Не удивительно, что престолихъ прелестяхъ одалиска очаровала Истамболскаго султана. Здѣсь конечно есть маленькій анахронизмъ: Роксолана была такъ хороша за двадцать пять лѣтъ до эпохи, въ которую невольницы заплѣли ей

хоромъ; но въ отношеніи къ дамамъ такіе анахронизмы не считаются. Роксолана еще одалиска, раба: ей мало быть любимой; она хочетъ сдѣлаться султаншей. Какимъ образомъ она можетъ быть одалискою, то есть, горничною, будучи матерію двухъ узаконенныхъ сыновей отъ султана, того мы никакъ не постигаемъ, а что она не раба, въ томъ никто и сомнѣваться не станетъ, прочитавши «Гражданское Право Мусульманъ», Охсона: съ той минуты какъ невольница родила сына или дочь отъ своего господина, она, говорятъ, уже свободна, на правѣ «вольнотпущенницы по завѣщанію.» Да и съ чего Роксоланъ пришло въ голову быть султаншею? Вѣдь она, слава Аллаху, уже тридцать лѣтъ полная султанша, именно съ той поры, какъ подарила султана первымъ ребенкомъ! За такой подарокъ каждая невольница пользовалась, по праву, этимъ титуломъ и всеми сопряженными съ нимъ преимуществами. Но Роксолана не хочетъ и знать объ этомъ, и рѣшилась непремѣнно сдѣлаться сызнова султаншею. Для этого она поднялась на хитрость, — вздумала строить мечеть: Солиманъ позволяетъ ей строить мечеть. По справкѣ оказывается, что одалиска, раба, не можетъ строить мечети, и что въ этомъ виноваты Великій Пророкъ и его Алкоранъ. Впрочемъ, въ Турціи на все есть крючекъ. Роксолана построитъ мечеть, потому что Солиманъ даетъ ей свободу. Тутъ новая исторія: Роксолана не можетъ оставаться въ гаремѣ; она свободна и не должна жить съ невольницами, —

Такъ пророкъ велеть!

Этотъ пророкъ большой капризникъ! Ну, кажется, что бы ему за дѣло, гдѣ бы ни жила «свободная жена», la femme émancipée! Онъ явно мѣшается не въ свое дѣло, и, по его милости, Солиманъ при-

нужденъ отпустить изъ гарема Роксолану. Султану досадно, но дѣлать нечего :

Законъ всеиленъ!

Роксолана «сгубить душу свою», если останется жить въ домѣ отца своихъ дѣтей, получивъ свободу!..... Мы, признаться, спрашивали Великаго Пророка, правда ли это, что онъ написалъ такой смѣшной законъ: онъ отрекся, — говоритъ, что это сущая клевета на него; онъ клянется всеми концами свѣта, что ничего подобнаго не писалъ въ Алкоранъ, который, впрочемъ какъ онъ увѣряетъ, писанъ не имъ, а Аллахомъ. Великій Пророкъ ручается честнымъ словомъ, что пребываніе освобожденной Роксоланы подъ кровлею отца ея дѣтей ни сколько не лишитъ ее магометанскаго рая, и только удивлялся тому, зачѣмъ мудрый Солиманъ, для удержанія свободной жены въ своемъ домѣ, не далъ ей какой-нибудь должности въ гаремѣ, напримѣръ надзирательницы за своимъ платьемъ, начальницы женскихъ рукодѣлій или казначейши? Но законъ всеиленъ, хотя и не извѣстно, откуда онъ взялся и гдѣ существуетъ.

Мы ужъ сказали, что въ Турціи на все есть крючекъ. Муфти подвелъ законы, и нашелъ вѣрное средство оставить Роксолану въ домѣ Солимана: отпустить одну изъ прежнихъ султаншей, добрую, но устарѣвшую Хризулу, и вступить въ бракъ съ Роксоланой, хотя это и противно обычаемъ султанскаго гарема, — то есть, хотя это искони такъ водится въ гаремѣ. Странно, что Солиманъ самъ, — а надобно знать, что этотъ Солиманъ былъ большой законникъ и называется въ Исторіи «Солиманомъ Законодателемъ», — не зналъ этого закона и не догадался столь простаго и удобнаго средства! Хризула отпущена, Роксолана на ея мѣстѣ; цѣль послѣдней достигнута, — она произведена въ султанши; но и этого ей

мало: ей надобно удержать мѣсто за собою и престолъ Истамболскій за дѣтьми.

У Хризулы сынъ — Мустафа, наслѣдникъ Солимана. Ему Истамболъ, ему гаремъ, ему сладость власти, упоеніе богатства. Если онъ наслѣдуетъ отцу, дѣтямъ Роксоланы — веревка, незавидное наслѣдство. Но Роксолана хитра; она съумѣетъ погубить Мустафу, какъ погубила мать его.

Хризула, отверженная и изгнанная изъ гарема, ѣдетъ на корабль къ сыну въ Амасію. Этотъ корабль какимъ-то образомъ увидѣли изъ Амасіи, хотя Амасія шестьдесятъ верстъ отъ моря и отдѣлена отъ него горами. Едва корабль показался, какъ Хризула уже въ Амасіи, и рассказываетъ свое несчастіе. Добрый сынъ рѣшается вымолить у отца, у суроваго, несправедливаго Солимана, прощеніе матери. Мустафа ѣдетъ къ отцу, въ Константинополь. Жизнь его въ опасности, но для спасенія матери онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтъ. Добрый Мустафа! Зачѣмъ же Исторія называетъ его злобнымъ и коварнымъ?

Между-тѣмъ и Роксолана не дремлетъ: она привлекаетъ на свою сторону великаго визиря, обѣщая ему дочь свою, Каяну. Пока Мустафа ѣдетъ къ отцу, а Роксолана съ визиремъ улаживаютъ свадьбу, сыновья ея, Баязетъ и Селимъ, «пьянствуютъ» на сценѣ. Они могли бы дѣлать это въ актерской, безъ большой потери для зрителей, но теперь такая мода въ драмахъ. *Incipit mors!* говоритъ «Лукреція Борджія.»

Третій актъ начинается на дворѣ сералла. Тутъ является новое лице, самое важное, самое замѣчательное, самое дѣятельное. Это немного поздно, но лучше поздно чѣмъ цинкогда. Ибрагимъ, кызларъ-ага, и Юсуфъ, черный евнухъ, разговариваютъ у самыхъ воротъ гарема. Они разговариваютъ такими прекрасными стихами, что мы выпишемъ разговоръ ихъ съ удовольствіемъ:

«ЮСУФЪ. Ты спишь, Ага? ИБР. Не сплю, а на яву

Сны радостные вижу. Наши львы
Подобно мигъ, съ отверзтыми очами,
Проводятъ ночи, сторожа добычу.
Садись, Юсуфъ! Мнѣ легче съ человѣкомъ
Переносить зной желчи раскаленной.
Душа не сносить больше горькой тайны,
А изъ груди въ сосудъ души не выльешь!

ЮСУФЪ. Объ чемъ же, Ибрагимъ, тоска такая?

Въ блистательной темницѣ Солимана
Отвыкли мы отъ радости и горя...

ИБР. Отъ радости? Давно ль ты помнишь радость?

Отъ раннихъ лѣтъ тиранство челоуѣка
Насъ выключило изъ числа людей.

Глупцы, зачѣмъ не вырвете вы сердца
Для безопасности невольницъ вашихъ

И вашей жизни?... ЮСУФЪ. Ты весьма печаленъ.

ИБРАГИМЪ. Печаленъ?.. нѣтъ, я бѣшенъ. Ты забылъ

Горящій воздухъ Нубинъ далекой
И грудь зеркальную святаго Нила....

Ты безъ отечества, Юсуфъ! Ты помнишь

Привѣтный взоръ отца, иль поцѣлуй

Любимой матери... Нѣтъ, ты не помнишь;

Ты безъ родителей, Юсуфъ! А я.....

Въ пятнадцать лѣтъ я обнялъ жизнь съ любовью.

Съ надеждой счастья, съ жаждой славныхъ дѣлъ;

Меня любилъ отецъ, любила мать;

Довольно ли, чтобъ чувствовать несчастья?

А ихъ не мало въ памяти моей....

Я помню, какъ влекли къ Султану мать!

Какъ мой отецъ великій, Аль-Гокаръ,

Двухъ евнуховъ разсѣкъ крылатой саблей.

Юсуфъ, я помню, очень много помню;

Я радъ, что помню; я могу забыть,

Но не забуду. Сердце у меня

Заковано злобою и местию!

Хорошъ сундукъ — и прежде разобьютъ

Его булатную оковку; прежде

Мой глупый черепъ обратится въ прахъ

Для гадинъ и червей гнилой могилы,
Чѣмъ это сердце мщенье позабудеть!

ЮСУФЪ. Жизнь дорога, почтенный Ибрагимъ!

ИБРАГИМЪ. Жизнь! Развѣ мы живемъ? За нашу жизнь

Благодарить мы только смертью можемъ.
Жизнь дорога? Жизнь пса — псу дорога!
Жизнь чловѣка — чловѣку; такъ-ли?
Но развѣняй ихъ жизни, — и твоя
Подъшепчетъ до разбитой сткланки!

ЮСУФЪ. Но что же Солиманъ такого сдѣлалъ?

ИБРАГИМЪ. Не хочешь-ли ты быть кизляръ-агой,

Узнать, донести и принести снурокъ,
Послать нѣмага..... Погоди, Юсуфъ!
Я скоро самъ мое оставлю мѣсто,
И на снурокъ не нужно лишпихъ денегъ.

ЮСУФЪ. Обидно, Ибрагимъ! ИБРАГИМЪ. Юсуфъ, обида

Слѣпой фазанъ. Онъ бьетъ свою жену,
Когда ему придетъ охота драться.
Прости, Юсуфъ! Уже пятнадцать лѣтъ
Съ тобой мы дружны; ссориться не время.
Но помни, что вопросъ о горькой тайнѣ
Мнѣ кажется пасмѣшкой Солимана
Надъ воплемъ матери моей..... Юсуфъ!
Ахъ, какъ она рыдала!!.. Аль-Гокаръ
Изъ Нубин пошелъ походомъ въ море
И бѣлую невольницу досталъ,
И полюбилъ ее, и полюбила
Его невольница: пятнадцать лѣтъ,
Война ли, миръ, въ Египтѣ-ли, въ Сеннаръ,
Вездѣ вдвоемъ..... Приходитъ Солиманъ;
Въ Каирѣ нѣтъ ему сопротивленья.
Одинъ отецъ не положилъ меча.
Не для Египта глупаго сражаясь,
Онъ поражалъ Османовъ—для себя;
Онъ обнажалъ ихъ трупы, ихъ развѣзды
Захватывалъ..... Единный Аль-Гокаръ
Надъ силой Солимана посмѣвался!

(съ радостнымъ хохотомъ)

То былъ отецъ мой! Только мутный Нилъ

Усердно Аль-Гокару помогалъ ;
 Какъ вѣрный мулъ , онъ трупы разносилъ
 По нивамъ безконечнаго Египта !
 И бѣшенный смирился Солиманъ
 Предъ Аль-Гокаромъ ! Солиманъ всецѣльный
 Предъ Аль-Гокаромъ !! *(съ тѣмъ же смѣхомъ)*
 То отецъ мой былъ !

Мужъ Эдвы, матери моей!!... А Эдва,
 Что вечеръ то въ челнокъ, и къ Аль-Гокару
 Со мной плыветь ; сама весломъ послушнымъ
 Искусно управляетъ. Онъ—обниметь
 Ее, меня ; въ челнокъ добычу дня
 Проворно сложить,—и прости до завтра !
 Смирился Солиманъ коварнымъ сердцемъ,
 И говорить:—«Прощаю Аль-Гокара !
 «Пускай придетъ; клянуся Аль-Кораномъ,
 «Онъ будетъ не вредимъ!»—Святая клятва!
 Повѣрилъ Аль-Гокаръ, пришелъ въ Каиръ
 Со мной и Эдой: грозный Солиманъ,
 Коварнымъ сердцемъ въ злобѣ утопая,
 Задумалъ мстить, и отомстилъ ужасно.
 Схватили Эду, отвели къ Султану,
 Она съ нимъ раздѣлила ложе, утромъ
 Я былъ уже безъ матери, Юсуфъ !
 Нилъ поглотилъ мѣшокъ съ несчастной Эдой !

ЮСУФЪ *(вскочивъ)*. Что жъ Аль-Гокаръ?

ИБРАГИМЪ. Что Аль-Гокаръ? Молчалъ,

Какъ я теперь молчу, но въ депъ джирида,
 Когда Султанъ смотрѣлъ на игры спаговъ,
 Онъ въ ихъ толпу вмѣшался не замѣтно
 И, улучшивъ удобное мгновенье,
 На Солимана бросился.... Увы!
 Рядъ грозныхъ копій встрѣтилъ Аль-Гокара;
 Онъ палъ, и я остался безъ отца !

ЮСУФЪ. Ужасно, Ибрагимъ! **ИБРАГИМЪ**. Еще не все!

Ужасный Солиманъ мстилъ мертвецу!
 Сынъ Аль-Гокара, другъ твой, Ибрагимъ,
 Захваченъ непреклонными рабами,
 Сталъ рабъ..... Юсуфъ, ты это понимаешь !

(продолжительное молчаніе.)

Что, другъ Юсуфъ, не весель мой разсказъ?
 Дай срокъ! Я повторю предъ Солиманомъ
 Страдальческую повѣсть Аль-Гокара;
 Я жизни у него не отниму;
 Пускай живетъ; ярмо другихъ несчастій
 Я наложу на плечи Солимана!
 Еще не горе смерть; иную жизнь
 Отдать не за одну, а за три смерти....
 Такую жизнь ему приготавливаю....
 Въ гаремъ шорохъ. Обойди, Юсуфъ!
 Прислушайся, не спятъ ли наши стражи,
 Не бодрствуютъ ли жены Солимана?
 Сходи, Юсуфъ! ЮС. Ты чутокъ, Ибрагимъ.
 Что до меня, я ничего не слышу.

ИБР. О, я привыкъ. Ужъ слишкомъ будетъ годъ,
 Какъ я, что ночь, безъ сна на этомъ мѣствъ
 Блаженства домъ собою затворяю.
 Я тѣломъ здѣсь, а слухомъ напряженнымъ
 Перехожу рядъ комнатъ безконечный
 И слышу шопотъ дальней одалиски,
 Что просить у раба ночной прохлады;
 Я различаю ропотъ волнъ Босфора
 Отъ соннаго жужжанья мухи; знаю,
 Которая раба томится жаждой,
 Которая въ бессонницѣ реветъ.
 Повѣрь, я слышу, какъ огонь горитъ
 И слухомъ чувствую восходъ денницы.
 Чу!.... Ничего! То море, или вѣтеръ,
 Какой-нибудь звѣздою пробужденный,
 Опять на нѣжномъ миртѣ засыпаеть.
 Ты обойди однако же гаремъ!
 Теперь я и себѣ не доверяю.—(Юсуфъ уходитъ).
 Ночь, не бѣги! Мнѣ сладокъ воздухъ твой;
 Твой мракъ и на лицѣ моемъ и въ сердцѣ;
 Но у тебя такая пропасть звѣздъ,
 А у меня—одна звѣзда; какъ уголь,
 Красна; безъ блеска, но съ лицомъ палящимъ!
 Звѣзда кровавой мести, далеко ли

До пристани? когда попутный вѣтръ
 Дыханьемъ ядовитымъ (?) вздуетъ парусъ?
 Другіе жить хотятъ, я умереть;
 Я смерть ношу съ собою въ талисманъ,
 Блаженства гроба вижу, осязаю,
 Но не могу обнять моей могилы,
 А ангеламъ Пророка рассказать
 И добрыхъ и худыхъ моихъ дѣяній
 Простую повѣсть—Эдва, Аль-Гокаръ.
 Тяжелыя неспосной жизни цѣпи
 Вы приковали къ міру Ибрагима, —
 И онъ живетъ для мести! *(вынимаетъ талисманъ)*

Другъ прекрасный,
 Безчувственно лежитъ въ твоихъ объятьяхъ
 Перль дорогой убійственной отравы!
(выпускаетъ на руку кусочки яду.)

Вотъ онъ зерно забвенія и счастья!
 Одно мгновенье—кончены страданья!
 Къ устамъ, въ уста,—и этотъ гнусный гадъ,
 Колочками и иглами обросшій,
 Что жизнью глупый умъ зоветъ,—задушенъ,
 Избитъ, растерзанъ, выброшенъ изъ трупа!!
 И это смерть, и этого бояться!!...
 Зерно моей надежды, будетъ время
 И ты осуществишь мои желанья.
 На грудь, на грудь, спокойнѣй дышетъ сердце,
 Когда я знаю, что при мнѣ мой ангель...

(прячетъ талисманъ)
 Шумъ! Изъ сераля! Ночь еще темна!
 Юсуфъ теперь далеко. Гдѣ кинжалы,
 Стальные, неподкупные друзья.
 Непостижимо! Идутъ!... Нѣтъ!..... Одинъ
 Идетъ! Сюда?! Что вижу? Это Рустень!...»

Рустень, великій визирь, пришелъ за совѣтомъ къ кызларь-агъ Ибрагиму: онъ женится на Каянъ, но не любитъ Роксоланы, потому что ему когда-то покровительствовалъ Мустафа, сынъ Хризулы. Кызларь-ага Ибрагимъ совѣтуетъ великому визирю за-

быть благодарность и дѣйствовать въ пользу любимой султанши. Солиманъ, передъ которымъ успѣли уже оклеветать сына, вдругъ получаетъ извѣстіе объ его прибытіи. Свиданіе отца съ сыномъ доставило автору одну изъ лучшихъ сценъ :

«СОЛИ. Войди, войди!... На судъ!.. На грозный судъ!.....

Мятежный рабъ, куда, предъ наши очи!...

МУСТАФА (*упавъ ницъ*). Отецъ...

СОЛИМАНЪ. Молчи! Нѣтъ у тебя отца!

Отецъ твой умеръ; Солиманъ живеть,

Живеть на казнь невольникамъ мятежнымъ!

ИБРАГИМЪ (*тихо Султану*). Не время ли?

СОЛИМАНЪ. Нѣтъ, Ибрагимъ, позволю

Нагъшиться его предсмертнымъ часомъ!

Другимъ пашамъ—спурокъ, и я спокоюсь;

Я не могу презрѣнной крови видѣть;

Но въ немъ кровь Солимана, кровь Хризулы;

Чистѣйшій огонь Великаго Пророка

И смрадная вода болотной ямы....

Съ прѣздомъ поздравляю, Мустафа!

Встань Пади-Шахъ! Тебѣ ль лежать во прахъ?

Вотъ дверь къ престолу, вотъ къ Дивану дверь,

Вотъ дверь въ гаремъ! На гордомъ кораблѣ

Ты думалъ ли, что есть другія двери

Въ рай Магомета? Янычаръ-Ага

Пошелъ туда съ мѣшкомъ въ пятнадцать тысячъ,

Что ты ему прислалъ! На небесахъ

Дешевле жить, чѣмъ въ этомъ глупомъ свѣтѣ:

Персидскимъ златомъ и Персидскимъ миромъ

Тамъ Смириской винной ягоды не купишь!

Ты мой, ты мой! На всѣхъ дворахъ Серая

Ни одного не встрѣтишь Янычара!

Я сяду, отдохну! А ты помучься;

Подумай, если хочешь, о Хризулѣ,

О Персіи и о Персидскомъ мирѣ!

Помучься, другъ! Я мучился довольно. (*сидя*)

Смотри! Рабы!.. Обнажены кинжалы!

Смотри, твой другъ съ кинжалами; смотри,

Князь-Ага съ кинжалами!.... (со смѣхомъ)

Ты страшень?

Ты волаъ, а мы охотники.... Молчишь?...

Коверъ ему подайте для молитвы;

Онъ съ нами говорить не хочетъ! Тише!

Священный часъ! Мы замолчимъ на время...

МУСТАФА (спокойно)

Ангель смерти, кончайъ путь!

Жизнь моя тебѣ известна;

Не тревожь меня въ могилѣ!

Слава дѣлъ моихъ шумишь.

Заглуши ее, мой ангель,

Чистой славой Солimana!

Отъ Востока до Заката,

По лицу земли широкой,

Бунчуками Солimana

Ограничь его Державу!

Ангель смерти, предъ Пророкомъ

Разкажи мои грѣхи!

Я забылъ, но ты припомнишь:

Въ чемъ, въ теченіи краткой жизни,

Я завѣтъ его нарушилъ.

Съ чистой совѣстью в сердце,ъ,

Я безтрепетно иду

Отъ того принять кончину,

Отъ кого я припаялъ жизнь.

Султанъ, твой сынъ невиненъ...

ИБРАГИМЪ (тихо Султану) Не пора ли?

(Солimanъ, безмолвный, недвижными очами задумчиво глядитъ на Мустафу)

МУСТАФА. Прощенья не прошу. Одинъ преступникъ

Прощенья просить. Не прошу пощады!

Султанъ! Отцемъ тебя не называю,

Ты запретилъ, отъ Мустафы отрекся:

За что? Не знаю. Тотъ еще невиненъ,

Кто своего не знаетъ преступленья.

Но можетъ-быть неволью я нарушилъ

Желанія твои. Суди меня!

Позволь мнѣ оправдаться, если хочешь;

Когда не хочешь,—я въ твоихъ рукахъ.
 Но не спиши еще ненужной казнью;
 Еще уснешь... Я одинъ пришелъ,
 И даже мой корабль назадъ отправилъ,
 Чтобъ клеветъ не дать напрасной пищи.
 Я здѣсь одинъ; не сыномъ Солимана,
 А какъ Османскій вождь, какъ твой паша!
 Отдавъ тебѣ отчетъ въ дѣлахъ Востока,
 Изъ рукъ твоихъ я самъ возьму шпурокъ!
 Я безъ оружія. Вели повѣрять
 Мои слова.

(Солиманъ, молча, какъ-бы неволью, даетъ знакъ рукою. Капы-ага обыскиваетъ Мустафу).

Теперь ты безопасенъ!

Какъ древній Солиманъ, какъ побѣдитель
 Могучей Венгрии, Морейской черни,
 Великодушнаго Родоса,—слушай!»

Тутъ Мустафа начинаетъ говорить о своихъ торжествахъ надъ Персіянами, но мы не можемъ повторять его словъ, которымъ и отецъ его конечно бы не повѣрилъ, если бъ зналъ исторію своего царствованія. Но здѣсь онъ повѣрилъ, спросивъ только—«Повѣрять ли?», и они примирились. Это примиреніе однако жъ было не продолжительно: на улицахъ, народъ провозглашалъ Мустафу султаномъ, и погибель Мустафы опять рѣшена. Онъ прибѣгаетъ къ послѣдному средству,—видѣться съ Роксоланой и увѣрить ее, что онъ готовъ охранять ее, ея дѣтей и ихъ права на престолъ. Свиданіе назначено въ саду. Мустафа приходитъ въ садъ.

«РОКС. Кто здѣсь?.. МУСТАФА. Что мнѣ дѣлать?

Опасно ввѣрить имя незнакомкѣ....

Но, безъ сомнѣнія, мой вѣрный Рустенъ,

Въ согласіи съ могучимъ Ибрагимомъ —

Предупредилъ другую встрѣчу... РОК. Кто здѣсь?

МУСТАФА. Когда ты Роксолана, мать Селима

И Баязета,—я тебѣ скажу,

Кто я.... РОК. (*привстаетъ*) Сынъ Солимана, Мустафа!

Ты угадалъ и я тебя узнала...
 Я слышала, —ты громко упрекаешь
 Меня за мать свою. Мы помиримся.
 Садись! Скажи зачѣмъ хотѣлъ ты видѣть
 Ту женщину, которую Султанъ
 И отъ пророка и отъ бога прятеть?...

(Луна проглядываетъ)

МУСТАФА (*сидя*). Я слышалъ, Роксолана, ты меня
 Не любишь, и тревожнаго Султана
 Смущаешь подозрѣнiемъ напраснымъ
 Противъ меня; я слышалъ, ты желаешь
 Кровавыми путями довести
 Къ дѣтубiйству гордаго Султана.....
 И все изъ страха, будто Мустафа
 Твоихъ дѣтей приговорилъ къ убiйству....

(Луна болѣе и болѣе освобождается отъ облаковъ).

РОКСОЛАНА. Другъ, не вини такъ скоро Роксолану.

О, юный сынъ сѣдаго Солимана,
 Ты молодъ; любишь мать свою Хризулу;
 Такъ ты враговъ ея любить не можешь!.....
 А я ей врагъ, непримиримый врагъ!
 Она мнѣ не простить своей обиды,
 А я себя обидѣть не позволяю....
 Родитель твой неостороженъ, храбръ;
 Нѣтъ челоуѣка съ постояннымъ счастьемъ;
 Онъ умеръ,—ты Калифъ, твоя Хризула
 Валидѣ-Султанша... Чѣмъ-же буду я,
 Чѣмъ дѣти—все богатство Роксоланы?
 Меня, какъ раковину безъ жемчужинъ,
 Въ Эски-Серай запрячетъ твой ага;
 А сыновей задушать, или утопятъ!...

МУСТАФА. Не знаешь ты меня, не удивляюсь!

Не быстро ходятъ добрыя дѣла;
 А я искалъ такъ суетно по свѣту
 Прославиться сердечной добротой.
 Я не глуръ, не мягкосердый франкъ,
 Но и не звѣрь искатель свѣжей крови;
 Я жизнь люблю: такъ могъ ли я подумать,
 Что для другихъ она не столь любезна?!..

Но ты мнѣ не повѣришь Роксолана!

РОКСОЛАНА (*отвернувъ на него глаза, задумчиво*)

Тебѣ не вѣрить?... Богу твоему

Я меньше вѣрю; на очахъ твоихъ

Я доброту читаю съ умилениемъ.....

(*Какъ-бы невольно приподымаясь съ жаромъ*)

О, если бь можно предузнать судьбу;

Повѣрить неиспытанному счастью;

Остановиться на гнилой доскѣ,

И не идти впередъ на дикій островъ,

Гдѣ можетъ-быть палачъ насъ ожидаетъ!...

МУС. Что это значить? РОК. (*нѣжно*). Добрый Мустафа....

Я не стара еще; въ кипучемъ сердцѣ

Я слышу пустоту и жажду новой

Какой-то упойтельной отрады....

Но ты не будешь столь великодушень.

МУС. Объ чемъ ты говоришь?... РОК. Мы, какъ враги,

Сошлись вести переговоры о мирѣ....

Зачѣмъ такъ поздно! Можетъ-быть теперь

Мы оба въ чистомъ счастьи обитали бь,

Ты смотришь небожь, дышишь добротой;

А я о безопасности дѣтей

Мятежнымъ сердцемъ бурно трепетала....

МУСТАФА. Клянусь тебѣ..... РОК. (*нѣжно и нѣжно*)

Теперь не нужны клятвы;

Вѣдь ты мнѣ также сынъ по Солиману:

Дай руку, другъ? Ты видишь, я дрожу;

Я радуюсь моей судьбѣ грядущей;

Увѣрена, что Мустафа оцѣнитъ,

Когда не красоту, то нравъ и сердце...

Теперь вдвойнѣ Хризулу ненавижу.

Завистливо глаза мои глядятъ

На перлъ безцѣнный... Опъ не мой! Хризулы!..

Быть матерью твоей—ей слишкомъ мало;

Она своей враждою ядовитой

Насъ раздѣлила на другомъ пути..... (*Страстно*)

Другъ! болте ни слова о союзѣ,

О мирѣ нашемъ болѣе ни слова!

Я не хочу ни клятвъ, ни увѣреній;

Я предаю тебя простой рабой!
 Оставь меня по смерти Салимана,
 Невольницей, что бъ поливать цветы,
 Помосты мыть въ Кюскахъ, или Султаншамъ
 Носить шербель..... Но только близъ тебя!

(Закрывъ глаза плачетъ)

МУСТАФА. О Роксолана, дилія Пророка!

На этомъ сердцѣ много было ранъ,
 Но рвчъ твоя прошла по нихъ цѣлбно.
 И эти раны обратились въ перлы....
 «Краса,—писалъ одинъ поэтъ Персидскій,—
 «Не сносить крови, безобразной влаги;
 «Краса всегда къ прекрасному стремится»—

РОКСОЛАНА. (*грустно*) Краса моя увяла. Салиманъ,

Какъ солнце на закатъ, не согреветъ,
 Не оживитъ цвѣтка, что жаждетъ утра;
 А женщина—цвѣтокъ неодиодневный,
 И съ каждымъ утромъ можетъ оживиться.
 Другъ, ты любилъ когда нибудь?..... **МУСТ.** Любилъ.

РОКС. Что, это чувство сладостно, роскошно?

Вѣдь я не испытала, я не знаю,
 Такъ не дивись вопросу моему.....

МУСТАФА. Несчастная! Съ такую красотой!

РОКСОЛАНА. Что наша красота? Хозяйство мужа...

Мы птицы Индіи далекой; въ клеткѣ
 Насъ приучаютъ уважать неволю;
 Велятъ любить,—мы любимъ; не велятъ,—
 Мы жизнь, какъ нитку медленно прядемъ,
 Не ожидая лучшей перемѣны.
 Нѣтъ, и для насъ въ блаженствѣ и восторгахъ
 Должны быть части! Гордый человекъ
 Ихъ отнялъ для себя..... Но сердце помнитъ
 Объ лучшихъ наслажденьяхъ и отрадѣ.
 Вотъ, близъ тебя оно сильнѣй трепещетъ!
 На скатъ лѣтъ, когда на жизнь мою
 Уже глядитъ задумчивая осень,
 Въ душѣ моей очнулся дивный призракъ
 Святаго неиспытаннаго чувства.....

МУСТАФА. Такъ, правду говорилъ почтенный Рустень:

Не можетъ быть, чтобъ въ перлъ женъ и дѣвъ
 Чувствительность не обитала.... РОКСОЛ. Нѣтъ!
 Я женщина съ поверхностнымъ умомъ,
 Съ безвѣрнымъ сердцемъ для любви и страсти;
 Но Солиманъ не могъ насытить чувства.
 Я никогда Султана не любила.....
 Прости мнѣ откровенность! Сердцу больно;
 Оно одно притворствоватъ не можетъ...
 (Съ выраженіемъ высочайшей страсти)
 Ахъ! Мустафа, не смѣйся надо мной,
 Что я врага такъ скоро полюбила!
 Что сыну ненавистной мнѣ Хризулы
 Такъ простодушно сердце обожгла....
 Не презирай сердечнаго движенія!
 Вѣдь женщина—цвѣтокъ: Султанъ и нищій
 Его отнестъ въ свою теплицу могутъ;
 А онъ всегда румяную головку
 Ведетъ за солнцемъ; влѣпѣтъ и молчитъ;
 А солнце на него и не посмотритъ....
 Дай руку, Мустафа! Ты слышишь: слово
 Внутри меня; оно неизъяснимо,
 И только сердце можетъ догадаться
 Объ томъ, что думаетъ другое сердце.
 Ты слышишь шорохъ, стража садъ обходитъ.
 Пойдемъ въ кіоскъ; скорѣе, ради неба,
 Ты можешь погубить себя..... Пойдемъ!.....»

Но они не укрылись въ кіоскъ отъ Солимана, кото-
 раго привелъ великій визирь на мѣсто свиданія. Кин-
 жалы рабовъ султана въ груди Мустафы; бѣдная жер-
 тва серальскихъ интригъ лежитъ безъ жизни у ногъ
 раздраженнаго отца. У султана есть другіе дѣти, есть
 Селимъ, есть Баязетъ: имъ отдастъ онъ Истамболъ.

Но тутъ является Ибрагимъ и объявляетъ, что, —
 «У Солимана

Нѣтъ болѣе дѣтей!.... СОЛИ. А черный дьяволъ!
 ИБРАГИМЪ. А бѣлый зверь! Ты утолялъ ли жажду

Невиной, чистой кровью Мустафы?

СОЛИМАНЪ. Подайте цѣпи! для него кончину
Выдумывать я соберу диванъ....

ИБРАГИМЪ. Напрасно, Солиманъ! Въ груди широкой,
Я слышу, разгарается отравя;
Она ужъ здѣсь; я обнялъ смерть мою
Какъ мать послѣ долгаго прощанья....
Вотъ въ этотъ часъ я истинно живу!
Твой вѣрный Рустень, муфти, Роксолана,
Смотри, съ какимъ невыразимымъ страхомъ
Ждутъ, что скажу я. Слушай, Солиманъ.
Твой сынъ невиненъ!

СОЛИМАНЪ. (съ ужасомъ) Что! Мой сынъ невиненъ?

ИБРАГИМЪ. Невиненъ, да! По волѣ Роксоланы,
Подкупленъ муфти, Рустень обольщенъ,
Уговорили Мустафу итти
Въ гаремъ, чтобъ объясниться съ Роксоланой,
Увѣрить въ безопасности дѣтей,
Дать клятву, что по смерти Солимана,
Селимъ и Баязетъ и Роксолана
Не будутъ преданы на судъ Хризулы.
Я подкупилъ рабовъ отъ Роксоланы,
Чтобъ прокричали Мустафу Султаномъ.
Мы дружно шли на гибель Мустафы,
Твоимъ умомъ искусно управляли.
Ты обнажалъ свой ножъ по нашей волѣ.....

СОЛИМАНЪ. Окончишь ли?! ИБР. Постой; еще не все!
Ты помнишь-ли Кавръ и Алъ-Гокара?
Какъ степь великъ, могущъ какъ вътръ пустыни,
Онъ палъ невинно отъ руки твоей!
Ты помнишь клятву?! Сгонъ прекрасной Эдвы!
Ты помнишь, какъ широкій Нилъ стопалъ,
Когда мѣшокъ съ несчастной Эдвой обнялъ!
Ты помнишь ли ребенка Ибрагима?.....
Вотъ онъ..... Смотри: вотъ онъ съ ужасной местью!
Ты у меня родителей похитилъ,
А я тебя лишилъ твоихъ дѣтей.....

СОЛИМАНЪ. Песъ смрадный! ИБР. (падал на колѣни)
Ахъ, еще одно мгновенье!

Отрава разливается..... О, если бь,
 Успѣлъ я все сказать.... Да, Солиманъ!
 Ты безъ дѣтей! Селимъ и Баязеть
 Весь Истамболъ противъ тебя воздвигли!
 Я нанялъ между Янычаръ надежныхъ
 По десяти убійць..... Ты слышишь крики?
 Еще одно мгновенье,—ихъ не станеть!..

(шатаясь приподымается)

Великій Алъ-Гокаръ, младая Эдва,
 Я васъ отмстилъ! Торжественно отмстилъ!
 Что Солиманъ, красна моя отплата?
 Ты смерть имъ подарилъ, холодный извергъ, —
 Я жизнь тебѣ дарю! Живи! живи!
 Но безъ дѣтей, какъ кипарисъ надгробный,
 И ядовитый вѣтеръ огорченій
 Медлительно источить Солимана.....
 Желаю долгодѣтія..... Прости!.... (умираетъ)

РОКСОЛАНА. (бросаясь то къ визирю, то къ муфти)

Что онъ сказалъ? Гдѣ дѣти Роксоланы? —

СОЛИМАНЪ. (схвативъ ее за руку)

Стой! Я незнаю, что начать. Рабы!

Сюда съ ножами.....

РОКСОЛАНА (вырываясь). Гдѣ Селимъ? Пустите!

Гдѣ Баязеть? СОЛ. Въ крови лежать ихъ трупы,
 Какъ эта жертва хитрости твоей!

РОКС. Спасай ихъ, Рустень! СОЛ. Рустена въ оковы!

РОКС. Спасай ихъ, муфти..... СОЛ. На мечеть Ахмета!

На правый минареть, на копіе!.....

(Рустена и муфти уводятъ)

РАБЪ (входитъ). Весь Истамболъ въ тревогѣ. Янычары

Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ на Атмейданъ

Селимъ съ одними, Баязеть съ другими!

РОКС. Они еще живутъ?! СОЛ. Пускай ихъ рѣжутъ!

Они не нужны мнѣ. РОКС. Калифъ Востока!

Последнія Султановъ древнихъ вѣтви!

СОЛИМАНЪ. Змѣя! Я проклинаю ихъ! Довольно!

Бѣгите и скажите Янычарамъ:

Кто принесетъ мнѣ головы Селима

И Баззета, тотъ получить все,
 Чего ни пожелаешь..... РОКС. Тигръ несътый!
 Я разорву тебя.... СОЛ. Молчи, гессина!
 Я распилю тебя пилой живую,
 Кровь выпущу иголками, и ядомъ
 Вею тереть безчисленные язвы....

РОКСОЛАНА. Безчеловѣчный! *(падаетъ безъ чувствъ)*.

(Молчаніе)

СОЛ. Все кругомъ молчать!

Все это трупы Мустафы..... О горе!
 Сынь! горькій плодъ блаженства моего!
 Моей судьбы алмазное кольцо!
 Я самъ его съ цѣпи безумно сорвалъ...

(упавъ на трупъ сына)

Дай руку, другъ! Союзъ нашъ будетъ кровью!
 Безъ слезъ я затоплю слезами мѣръ....
 Земля застонетъ! Другъ, ты улыбнулся?
 Ты просыпаешься?

(Заря занимается. За сценой слышны голоса муззимоъ)

«Великъ Алла!»

«Великъ Алла! Нѣтъ бога, кромѣ бога,
 «А Магометъ пророкъ его....»

СОЛИМАНЪ. Ты слышишь?

Къ молитвъ призывають муззины,
 Смотри, заря... Мой сынь! Пора вставать,
 Пора итти въ мечеть, молиться богу....

РОКСОЛАНА *(выходя изъ безпамятства)* Гдѣ я?

СОЛИМАНЪ. Онъ спитъ безмолвенъ, недвижимъ!

РОКСОЛАНА. *(встаетъ)* Гдѣ мой Селимъ, гдѣ Баззеты?...

СОЛИ. *(встаетъ и схвативъ ее за руку)* Ни съ мѣста!....

Ахъ, память!!.. Онъ убитъ! Вотъ Роксолана!

Капы-ага! Подай огня...

ВТОРОЙ РАБЪ *(входитъ)*. Калифъ,

На площади дерутся!

СОЛИ. *(схвативъ факель и таща за руку Роксолану)*

Все зажгу, —

И въ это пламя брошу Роксолану.»

Таковъ ходъ «Роксоланы». Въ приведенныхъ нами отрывкахъ multa nitent, — блещитъ многое, — очень

многое. Во всѣхъ этихъ смятеніяхъ, бунтахъ, конечно нѣтъ ничего историческаго, такъ же какъ въ образѣ, которымъ погибаетъ Мустафа; но мы отнюдь не ставимъ ихъ въ упрекъ поэту. Это невѣрные вымыслы, вещи довольно въ духѣ Турецкаго правительства, и ни сколько не похожи на непростительно поправленіе Исторіи въ странномъ рапортѣ Мустафы отцу о погашеніи Шитскаго раскола, принятія Персіянами другой вѣры и обращеніи Шаха Исмаила въ данники Солимана, — непростительно тѣмъ болѣе, что оно даже не было нужно для интереса драмы, и что всякое другое оправданіе такъ же удобно могло примирить отца съ сыномъ на нѣсколько минутъ и безъ пользы. Но занимательность повѣсти поддерживается часто прелестными стихами и сценами, искусно веденными, къ которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежала бъ и та, гдѣ слабый, презрѣнный рабъ уничтожаетъ всемогущаго, всеильнаго султана, если бъ она была возможна въ Турціи, и когда бъ ея идея могла еще быть новою послѣ Виктора Гюгò.

Авторъ хотѣлъ повидимому показать въ этой драмѣ всю силу страстей, все могущество твердой воли и непреклонной рѣшимости. Въ такомъ случаѣ, онъ едва-ли не напрасно перенесъ дѣйствіе на Востокъ. Тамъ легче, нежели гдѣ-нибудь, могутъ случаться подобныя исторіи; тамъ онѣ обыкновенны, и потому не требуютъ большаго напряженія ни страстей, ни твердости, ни воли. Что бысдѣлалъ Ибрагимъ въ Европѣ? Пусть объ этомъ подумаетъ поэтъ, и онъ самъ сознается, что выборъ мѣста дѣйствія въ Турціи, кромѣ другихъ своихъ неудобствъ, сильно воспрепятствовалъ достиженію предположенной имъ цели. Мы укажемъ на небольшую повѣсть, «Песчинку», въ которой эта идея развита и полнѣе и богаче.

Около страсти мщенія, сосредоточенной въ лицѣ новаго Бюгъ-Жаргала, скопца Ибрагима, толпятся

тысяча другихъ страстей. Драма кипитъ ими: это настоящій самоваръ страстей. Солиманъ, Роксолана, Мустафа, Рустенъ, Селимъ, Баязеть, Хризула — не люди, а отвлеченныя олицетворенія страстей: имъ надобно было бы придать форму человѣческую. Посмотрите пристально на Солимана: будто онъ чело-вѣкъ! Онъ вѣшаетъ безъ нужды, и иногда даже на мечетяхъ, сажаетъ въ мѣшки и бросаетъ въ море безъ причины. Неужели авторъ полагаетъ, что въ Турціи и казнятъ и убиваютъ безъ всякой надобности? Въ Солиманъ Г-на Н. К., надутомъ театральномъ хвастунъ, безтолковомъ мучитель, лицъ грубомъ и бранчивомъ, никто не узнаетъ Солимана историческаго, — того остроумнаго, образованнаго, мудраго, строгаго но справедливаго Солимана, котораго современники признавали однимъ изъ величайшихъ монарховъ своего вѣка, и котораго потомство почитаетъ за генія. Конечно онъ иногда былъ жестокъ въ своей справедливости, но здѣсь страсть къ крови увеличена въ немъ до невѣроятности. Для него, убить чело-вѣка то же, что выпить стаканъ воды, — хотя и стакана воды нельзя выпить безъ законныхъ къ тому побужденій.

Въ драмахъ Г-на Н. К. обыкновенно нѣтъ любви: онъ не любитъ этой пружины. Въ «Роксоланъ» однако же онъ принесъ дань роскошной страсти. Любовь показывается на минуту, на одну секунду: это яркая вспышка, которая могла произвести великолѣпный драматическій пожаръ. Роксолана утопала въ наслажденіяхъ, но не знала любви; только при свиданіи съ Мустафой, она начинаетъ знакомиться съ этимъ новымъ, прелестнымъ для нея чувствомъ. Она собиралась быть второю Федрою, — но къ чему привелъ ее поэтъ? Къ такому поступку, котораго мы даже не смѣемъ назвать настоящимъ его именемъ. Въ сценѣ свиданія, авторъ только успѣлъ немного облагоро-

дять, нравственно возвысить Роксолану, — и тутъ же умышленно унижаетъ, порочить, срамить свое созданіе, безъ всякой необходимости для общаго хода повѣсти.

Избави насъ Богъ быть строгими критиками: строгость ни къ чему не ведетъ въ Литературѣ, но потворство бываетъ часто гробомъ для таланта, который требуетъ еще развитія, обработки и повидимому ощущаетъ большой недостатокъ въ силѣ соображенія и искусствѣ дать своей мысли форму правильную и благоустроенную. Журналь, въ которомъ мы пишемъ, былъ первымъ воспріемникомъ поэтической извѣстности Г-на Н. К., и поэтому имѣетъ нѣсколько права не скрывать отъ него истины, когда новые литературные подвиги молодаго поэта не оправдываютъ тѣхъ высреннихъ надеждъ, какія тотъ самый журналъ подалъ объ немъ отечественной публикѣ.

Еще одно замѣчаніе, хотя намъ очень непріятно упрекать. «Роксолана» наполнена длиннотами: онѣ растягиваютъ и охлаждають общее движеніе дѣйствія. Въ первомъ актѣ, полководцы, на цѣлыхъ восьми страницахъ разговариваютъ о войнѣ, объ опустошеніи Сициліи, о мирѣ съ «псомъ Францискомъ», о Стригоніи, объ Альбѣ. Къ чему эти рассказы? Въ началѣ втораго акта толки о Персіи и посѣщеніе молеельщиковъ, принадлежатъ также къ тѣмъ большимъ пятнамъ скуки, которыя такъ часто появляются на страницахъ Г-на Н. К. и кажутся ему разнообразіемъ. Драма выиграетъ много жизненной силы, если отсѣчь эти мертвыя вѣтви. Нѣкоторыя изъ подобныхъ отступленій и вставокъ даже довольно неприличны: вспомните сцену карль и сцену въ саду, когда пьяный Селимъ не узнаетъ матери, принимая ее за....!... Тутъ ужъ слишкомъ много цинизма. Мы не Греки и не Римляне, и никогда не бросимъ вѣнка поэту, который выведетъ передъ насъ такого *Турку*, какъ Селимъ, и поставитъ его

въ такое положеніе! Какъ мы то же и не Италіянцы, то насъ не стоитъ подбивать и *soncetti*, особенно такими, какіе встрѣчаются въ «Роксоланъ». Покойникъ Барбаросса, — потому что Барбаросса, который столько отличается въ этой драмѣ, умеръ въ 1546, за семь лѣтъ до эпохи, въ которую авторъ заставляетъ его дѣйствовать, — покойникъ Барбаросса говоритъ Солиману о своихъ морскихъ побѣдахъ, а султанъ отвѣчаетъ покойнику:

«Благодарю за воду, Барбаросса,
Но я желамъ бы крови.....»

Въ другомъ мѣстѣ рвченнѣй султанъ изъясняетъ:

*Не отвѣтай, ага,
«А голова твоя въ отвѣтъ будетъ.»*

На слѣдующей страницѣ онъ опять даритъ слушателей фразу, которой позавидывалъ бы и Расинъ въ Ахиллесъ:

«Я вижу пожирающее пламя
И медленно горю и не сгорю!!»

Что за языкъ! И это говоритъ старецъ, властелинъ, Солиманъ! Турки сказали бѣ ему на это, что онъ «естъ грязь». Самъ авторъ, кажется, ослѣбѣлъ, слыша подобныя слова изъ устъ умнаго Солимана, и оттого поставилъ подлѣ нихъ два восклицательные знака—!!

Мы слышали, по поводу «Роксоланы», мнѣнія, которыя утверждали, что Восточные предметы не способны къ Европейской драмѣ. Онѣ отчасти справедливы; но мы думаемъ, что талантъ, великій и сильный, вспомошествоваемый основательнымъ познаніемъ Востока, въ состояніи побѣдить всѣ трудности и открыть въ немъ большія, совсѣмъ новыя драматическія средства. Величайшая трудность состоитъ въ томъ, что у мусульманъ мужчины и женщины никогда не сходятся вмѣстѣ.

Мы должны сказать что-нибудь о «Князѣ Михайлѣ

Васильевичъ Скопинъ-Шуйскомъ.» Здѣсь одинъ только характеръ, одно лице, — Ляпуновъ, который составляетъ сцену въ самый тотъ моментъ, когда начинается историческая жизнь его. Всѣ лучшіе стихи и всѣ длинныя монологи достались на долю Ляпунова, съ явною обидою для хозяина драмы, князя Михаила Васильевича. Измѣнники зовутъ Ляпунова на разбой.

«БОЛОТНИКОВЪ. Опять задумался, Прокopfъ Петровичъ!

Смотри, свѣтло! Пора намъ въ путь-дорогу.
 Вонъ сквозь деревъ проглядываютъ кровли
 Богатаго села; ударимъ дружно,
 Боярскій домъ поднимемъ на копье,
 Разбудимъ красныхъ двушекъ пожаромъ;
 Поищемъ въ сундукахъ сребра и злата;
 Кто съ нами, тотъ живетъ, а кто не съ нами,
 Тотъ умеръ; похоронимъ по колодцамъ,
 Иль въ рвчкѣ, если рвчка есть..... Пойдемъ,
 Потышимся... ЛЯП. Я весь дрожу отъ злости,
 Рука за мечъ хватается..... Разбойникъ,
 Ты вроешь ли въ Бога, окаленный?!
 На то ли ты поставленъ воеводой,
 Чтобъ мать свою терзать, какъ волкъ волчицу,
 Да и у волка въ этомъ будетъ совѣсть!
 А у тебя... Прости, мой край родимый!
 Я не причастенъ бвшенству злодѣвъ!
 Я мечъ несу за правду и за Церковь,
 За честь твою, святая мать моя!
 И да изсохнетъ эта длань, да очи
 Слѣпотствуютъ до одинокой смерти,
 Когда коснусь чужаго достоянья,
 Или смущу спокойство мирныхъ братій!

БОЛОТН. Эхъ братъ, Прокopfъ, съ тобой намъ не поладить!

Ты все песешь какую-то любовь;
 Все проповѣдь поповскую читаешь.
 Ты знать ведешь не лютую войну,
 А бранную потыху: потышайся!
 Посмотримъ, какъ сведешь концы: а мы
 Попрежнему займемся нашимъ дѣломъ;

Погрѣмся у сельскихъ пепелищъ
Красавицей, рублемъ, виномъ или пивомъ....

ЛЯПУНОВЪ. Неужели послалъ тебя Дмитрій
За этимъ на святую Русь?!.. **БОЛОТ.** Дмитрій?
Да что мнѣ онъ? отецъ или мать.... **ЛЯП.** О Боже!
Такъ ты не за него сражался.... **БОЛОТН.** Нѣтъ!
ЛЯП. И не за Церковь? **БОЛ.** Нѣтъ. **ЛЯП.** Такъ за кого же?
БОЛОТНИКОВЪ. Самъ за себя! Я мщу твоей Руси

Да, Русскіе! меня нечистымъ Туркамъ
Вы продали... Мужикъ, какъ-будто нехристь;
И выкупа бояринъ пожалѣлъ,
И обо мнѣ не справился бояринъ.
«Пусть пропадаетъ; у меня ихъ много,»
Сказалъ князь Телятевскій, — и аминь!
А я, невольникъ подлыхъ бусурмановъ,
Въ одеждѣ смрадной, на работѣ смрадной,
Гнилъ, какъ болотный червь въ прудѣ изсохшемъ,—
А Русь меня спасти не приходила.
Кто сжался надъ участію Ивана,
Кто выкупилъ меня изъ злой неволи?
Не Русскіе, а Фряжскіе купцы.
Не на Руси я сталъ умнѣй и лучше,
Не на Руси я началъ понимать
Что значить пламень брани и пировъ
И сладость молодецкой добычи!
И я пришелъ на Русь искать пировъ
И брани и добычи молодецкой:
Давай ихъ Русь, не то ножомъ я вырву....

ЛЯПУНОВЪ. Не вырвешь, окаянный! Самъ Дмитрій
Велитъ сковать злодѣя своего;
Ты царству вреденъ, вреденъ и ему...

БОЛОТНИКОВЪ. Какъ-бы не такъ? Дмитрія мы знаемъ,
Вѣдь онъ изъ нашихъ... **ЛЯП.** Объяснись, Иванъ!

БОЛОТН. Ты знаешь-ли, что въ Польшѣ значить наша?—
Жидъ, нехристь. **ЛЯП.** Ну! **БОЛ.** Ну, твой Дмитрій—
нехристь!

ЛЯПУНОВЪ (*выхвативъ мечъ*).

Вотъ мечъ, Иванъ! Ты шутишь, или нѣтъ?

БОЛОТН. Нѣтъ, не шучу; а ты простякъ, и вправду

Подумалъ, что возсталъ Святый Димитрій?
 Эхъ, братъ, Прокопъ, ты хоть и умный малый,
 А расчитать того не могъ, что если
 Кого убьютъ, такъ тотъ ужъ не воскреснетъ!
 Нѣтъ, твой Димитрій хуже насъ съ тобой:
 Ты дворянинъ, я хоть мужикъ, да Русскій;
 А твой Димитрій — просто жидъ. Я самъ
 Съ нимъ жилъ въ Венеціи; я самъ
 Съ нимъ за одно червонцы промышлялъ;
 Было намъ жудко; мы бѣжали вмѣстѣ
 И вмѣстѣ къ вамъ пожаловали въ гости.
 И что тебѣ, Димитрій или нѣтъ?

Ведь деньги твѣ же, та же власть и прибыль.....

ЛЯПУНОВЪ. Молчи, молчи! Свершилось. Я измѣнникъ!!

СУНБУЛОВЪ. Прокопъ Петровичъ, что съ тобою сталося?

БОЛОТ. Съ ума сошелъ! ЛЯП. Да я ума лишился!

О, если бъ мнѣ и памяти лишиться!

Ахъ, какъ я жилъ, какъ я нечистъ и грѣшенъ!

А совѣсть, бѣдная, она ужасна!

Русь успокоилась на Царскомъ лонѣ,

Затихла буря, солнце просіяло,

И, какъ младенецъ въ колыбели, тихо

Заснула Русь отдохновеньемъ сладкимъ,

И Царь Царей пріветный взоръ послалъ

На землю Имъ любимую, и снова

На всей Руси—Господня благодать!...

Я, окаянный грѣшникъ, грѣшной думой,

Отъ дьявола наставленный, задумалъ, —

И на родной землѣ война родная!

Я братій свель и братій погубилъ!

Невинныхъ я повергъ подъ анаѳему,

И новобрачныхъ овдовѣть заставилъ!

Намъ патріархъ писалъ о самозванцѣ,

И мать Царица плакалась народу,

И самъ Димитрій изъ земнаго праха

Пришелъ въ Москву, нетлѣнный и прекрасный,

Свидѣтельствовать правду чудесами,

А я, какъ-будто бы не христіанинъ,

Воздвигся за жиду!! И прагославныхъ

Повель врагу Христову поклониться,
 За нехристя страдать и умереть!!
 Зачѣмъ меня не упредила совѣсть,
 Зачѣмъ болѣзнь меня не одолевала?!
 Я измѣнилъ, простите, христіане,
 Простите грѣшнику прощеньемъ братскимъ:
 Господь и вамъ долги отпустить ваши!

(ставъ на колѣни)

Богохраняемая, святая Русь!
 Умилосердись надъ несчастнымъ сыномъ,
 Забуди, что я существовалъ на свѣтѣ,
 Прости мнѣ, Русь! прости Святая Матерь,
 Во прахъ предъ тобой великій грѣшникъ!
 О Царство Русское, вотъ твой измѣнникъ!
 О люди Русскіе, я васъ смутилъ,
 Я васъ облилъ грѣхомъ смертельнымъ..... Стыдно!
 Я не могу глядѣть вамъ прямо въ очи!

РЯЗАНЦЫ (*толпой окружая Ляпунова*)

Прокѣпъ Петровичъ!—Ахъ, Прокѣпъ Петровичъ,
 Мы также грѣшны. — Также измѣнили....
 Мы избрали тебя, Прокѣпъ Петровичъ,
 Рязанскимъ воеводой. — Мы тебя
 Поставили въ отвѣтственность. — Прости насъ,
 Прости насъ, батюшка, Прокѣпъ Петровичъ!...

ЛЯПУНОВЪ. Сюда! Ко мнѣ! Падите на колѣни!

Со мной просите милости Господней,
 Вы все невинные меня!... Молитесь!
 Быть-можетъ Богъ смягчится. Ахъ, быть-можетъ,
 Онъ и меня помируетъ за васъ!

РЯЗАНЦЫ. Прости, намъ Господи, Царю нашъ, Боже!

ЛЯПУНОВЪ. А я не смѣю призывать Тебя!

Смутивъ твою любимую державу,
 Обливъ отечество родною кровью,
 Молиться, грѣшный, не могу. Да будетъ
 Твоя святая воля!... СУНБУЛ. Что, Иванъ,
 И на твоей щекѣ слеза повисла!

БОЛОТНИКОВЪ. (*отирал слезу*)

Вотъ выдумалъ. (*про себя*) Проклятая слеза!
 Охъ, это память о счастлибомъ дѣтствѣ,

И я былъ Русскимъ; сердцу тяжело.
Теперь не то: и вправду я разбойникъ;
Недѣля назадъ. (*громко*) Проклятая слеза!

РЖЕВСКИЙ. Болотниковъ, лови твою слезу!

Она дороже камней самоцветовъ.

То исповѣдь невольная твоя!

ЛЯПУНОВЪ. (*подходя къ Ржевскому*)

Иванъ, прости меня! Я такъ обидѣлъ,

Такъ оскорбилъ честнаго человека!

Будь Русскимъ такъ, какъ должно Русскимъ быть:

Какъ плѣнникъ, гордъ и добръ, когда свободенъ.

РЖЕВСКИЙ. Я гордъ и добръ во всякомъ состояннн.

Я не измѣнникъ. ЛЛП. Не напоминай

И не коря. Ахъ, ты еще въ веревкахъ,

Ты плѣнникомъ измѣнниковъ нечистыхъ?

(съ поспѣшностію распутывая веревки)

Скорѣй, скорѣй! Пусть этотъ страанный видъ,

Не представляетъ грозной укоризны.

Скорѣй! скорѣй! И Богъ не разорвалъ

Позорныхъ узъ. О Ржевскій, ты свободенъ!

Кровь на рукѣ? Позволь поцѣловать

Святую рану доблести и чести....

БОЛОТНИКОВЪ. Врагъ побери Прокопа Ляпунова!

Слова его пожами сердце рѣжутъ....

ЛЯПУНОВЪ. Теперь иди, и объяви народу

Что я несу земное покаянне.

Иванъ, замолви за меня словечко!

Толпа тебѣ повѣритъ. Расскажи ей,

Какъ я люблю народъ нашъ православный,

И матушку Москву и Русь родную.

Ты Расскажи, какъ я съ тобой прощался,

Какъ твердо шелъ на плаху умереть,

Какъ умеръ..... Пусть помянутъ Ляпунова

Въ молитвахъ безъ укора и презрѣнья!

РЖЕВСКИЙ. Ты сомнѣвался ли когда нибудь

Въ Господней милости, Прокопъ Петровичъ?

ЛЯПУНОВЪ. Нѣтъ, никогда! **РЖЕВ.** Не упадай же духомъ

И въ Царской милости не сомнѣвайся.

ЛЯПУНОВЪ. О, Ржевскій, цѣть! Я не простой измѣнникъ!

Царь можетъ пожалѣть монахъ Рязанцевъ,
Царь долженъ ихъ помиловать, но я —
Ужасный памятникъ его державства!
И если только плахой обойдется
Я обниму и плаху, словно милость.

РЖЕВСКИЙ. Безъ милости, Царь быть царемъ не можетъ.

ЛЯПУНОВЪ. О добрый другъ, я не хочу надежды :

Не утѣшай меня напрасно, Ржевскій!

Наставь, повѣдай лучше, что мнѣ дѣлать.

РЖЕВСКИЙ. Скорѣй нести повинную къ Царю!

ЛЯПУНОВЪ. *(послѣ минутнаго молчанія)*

Василій, для спокойствія отчины

Смиреніе мое границъ не знаетъ.

Несу и эту жертву пользы общей! *(снимая кафтанъ)*

Долой кафтанъ! Обрызганъ братней кровью,

Ты, какъ яро, на плечахъ Ляпунова.....

(снявъ мечъ и держа его въ рукахъ)

Прости, мой мечъ! мой удалой товарищъ!

Ты и въ грѣхъ былъ другомъ безкорыстнымъ,

Ты, какъ жена, со мной былъ неразлученъ,

Какъ рабъ, участвовалъ въ моихъ злодѣйствахъ.

Но Богъ велѣлъ, — разорваны всѣ узы,

Мы никогда не свидимся. Прости!

Прости мой братъ! Очисться, если можешь,

И стань за Русь и за святую Церковь!

Но не въ моихъ рукахъ! Прости, мой милый,

Сердечный другъ! *(цѣлуетъ и бросаетъ его.)*

(Снявъ шлемъ) Прости, мой шлемъ тяжелый!

Ты подавлялъ движенія разсудка,

Я расстаюсь съ тобой безъ сожалѣнья. *(Снимая обувь)*

И нагъ и босъ!..... Меня увидать люди,

И съ памятью преступной примирятся!

(взявъ веревку)

И вотъ на что мѣняю воеводство,

И гордый санъ, и власть, и серебро!

Никтъ непобѣжденный, самъ собою,

Иду на плаху, будто-бы на пирь!

(надѣвъ на шею веревку)

Теперь на смерть! Простите, христіане!

Молитесь обо мнѣ въ молитвахъ вашихъ,
И зломъ не поминайте!... РЯЗАНЦЫ. Всѣ съ тобой
Повинную несемъ, Прокопъ Петровичъ!
Пусть Царь казнить за наши преступленья,
Небесное искушимъ за земное!

БОЛОТНИКОВЪ. Прокопъ Петровичъ, погоди маленько!

ЛЯП. Прощай, разбойникъ! **БОЛ.** Нѣтъ, Прокопъ Петровичъ,

И я иду! Заныло больно сердце,

Охъ, эта Русь досадная!... Какъ долго

Я не хотѣлъ быть Русскимъ! Не въ терпѣжь!

Кто въ силахъ разлюбить родную матеръ?

Нѣтъ, Ляпуновъ, равна измѣна наша:

Такъ на одной и той же ляжемъ плахъ!

ЛЯПУН. Скорѣй на смерть! Мечъ съ насъ измѣну снять

И наши трупы Русь, какъ мать, обниметь!!»

Въ этой сценѣ много эффекта и хорошихъ стиховъ. Какъ мы не созданы строгими критиками, то не укажемъ даже на анахронизмы, накопленные въ четырнадцатомъ выходѣ втораго акта, гдѣ авторъ подражаетъ неподражаемому Грибовдову. («Неподражаемый» значить — тотъ которому и подражать не должно.) Грибовдову удалась выходка противъ иностраннаго платья: онъ выкупилъ ея неумѣстность огромною суммою остроутъ и ѣдкости. Послѣдователямъ его ученія противъ мнимаго Французскаго платья, которое собственно есть платье коренное Германское, а пынче платьѣ всей образованной Европы, должно замѣтить только то, что наша старинная мужская одежда, обыкновенно называемая «Русскимъ платьемъ», заимствована предками нашими отъ Татаръ Золотой Орды. Кафтанъ, ферязи, азямы, платье не-Русское, такъ же какъ фракъ, сюртукъ и шинель. Но фракъ гораздо болѣе Русскій, нежели кафтанъ: ежели мы потомки Руссовъ, Скандинавовъ и Германцевъ, — то фракъ, происходя въ прямой линіи отъ Германской и Норманской куртки, имѣеть неоспоримое право быть и нашимъ народнымъ платьемъ. Немножко архео-

логи не мѣшаетъ и при разсужденіи о портномъ дѣлѣ, и самый ложный патріотизмъ, по мнѣнію нашему, тотъ, который цѣпляется за полы фрака, тѣмъ болѣе, что онъ происходитъ, какъ намъ кажется, единственно отъ излишней склонности къ восточной нѣгѣ, къ *кейфу*. Нѣтъ сомнѣнія, что гораздо удобнѣе нѣжиться въ Монгольскомъ кафтанѣ, чѣмъ въ Европейскомъ фракѣ, въ жилетѣ, манишкѣ, панталонахъ и съ галстухомъ на шеѣ. Что касается до «дѣвы», то какъ скоро съ ней встрѣтимся, и если она хороша собою, мы непремѣнно поцѣлуемъ у ней ручку *по-Нѣмецки*, — несмотря на четырнадцатый выходъ втораго акта.

На театрѣ пятый актъ чрезвычайно хорошъ. Сцена раскаянія Екатерины Шуйской выжимаетъ сладкія слезы изъ множества прелестныхъ глазъ, которыхъ бы вѣрно не имѣли удовольствія видѣть ни поэтъ ни мы, если бъ Ляпуновъ былъ директоромъ театровъ, — и это доказываетъ, что въ нынѣшней нашей образованности есть случаи, гдѣ фаты и покрывала были бы совсѣмъ неумѣстны. Родственное сходство этой сцены съ знаменитою сценою Франца Моора въ Шиллеровыхъ «Разбойникахъ», ни мало не повредило ея занимательности. Екатерина Шуйская, по зависти, по честолюбію, «извела» Скопина, и мучится раскаяніемъ:

«ЕКА'Г. (одна) Вотъ адъ! Онъ здѣсь! Не за предѣломъ гроба,
 Онъ въ сердцѣ глубоко! Здѣсь адскій пламень,
 Которымъ угрожаетъ намъ Писанье!!
 Здѣсь тма кромѣшная!.. О чаша, чаша!
 Не ты ль моя могила? Въ полумракѣ,
 Какъ памятникъ надгробный, ты стоишь!
 Увы, безсиленъ голосъ покаянья!
 Злодѣйство насъ отъ Неба отдаляетъ;
 Невинность думаетъ о страшномъ адѣ,
 Но съ состраданіемъ къ чужимъ мученыямъ;
 А грѣшница объ Небѣ помышляетъ,

Но безъ надежды, безъ успокоенья!
И смерть ея торжественно страшна!
Душа ея въ огонь облечена,
И, сожигая тѣло, улетаетъ,
Чтобы самой горѣть певсцѣлимо
До страшнаго, послѣднаго Суда!

(Шумъ извнѣ усиливается)

Ахъ, какъ шумять! О няня, гдѣ ты, няня!
Ты мышкаешь умышленно, старуха;
Ты догадалась о моемъ грѣхѣ,
И втайнѣ прокляла Екатерину!...

(Входятъ Анастасія и дѣвушки съ пальцами и огнями).

Нѣтъ, вотъ она! Сюда, сюда скорѣе
Бѣгите дѣвушки! Какъ всѣ печальны,
Какъ блѣдны! Нѣтъ, то не живые люди....

АНАСТАСЬЯ. Не правда ли, мы скоро собрались?

ЕКАТ. Да, скоро... **АНА.** Гдѣ прикажешь помѣститься?

ЕКАТ. Ахъ, это вы, подруженьки?.... Садитесь!

Меня томить бессонница, хвораю;
Одной мнѣ скучно, вмѣстѣ веселѣе.
Присядемъ, красныя, шитьемъ займемся;
Авось повеселю.... **АНАСТ.** Мы потѣшимъ
Тебя голубушку. Ну, что? Садитесь!

Уставили на барыню глаза

И смотреть, какъ шальныя.... **ЕКАТ.** Смотрять,
смотреть!

Поддай мнѣ душегрѣю, Анастасья!

Озябла!.... **АНАСТАСЬЯ.** Слава Богу, ночь тепла!

ЕКАТЕРИНА. Да есть другой морозъ. Садитесь! Няня,
Садись и ты.

(Дѣвушки выдвигаютъ скамьи на середину; становятся пальцы; садятся. Екатерина, безъ дѣла, въ серединѣ. Дѣвушки начинаютъ шить, поглядывая на Екатерину)

АНАСТ. Я рада ночь сидѣть,

Не жмуря глазъ; да только ты засни!

ЕКАТ. Нѣтъ, няня, рано! **АНАСТ.** Что ты, мать моя!

Да этакъ ты и съ роду не дожидлась!

Ужъ скоро запоетъ пѣтухъ. **ЕКАТ.** Стѣснитесь!

Поближе, дѣвушки! Не опасайтесь!

Все кончено! Я не страшна ужь боль! *(плачетъ)*

АНАСТАСЬЯ. Да этакъ ты здоровіе измучишь!

Не плачь, мое дитя! Объ чемъ кручина?

ЕКАТЕРИНА. Ахъ, Анастасья, поцѣлуй меня,

Какъ ты меня когда-то цѣловала!

Быть-можетъ я о многомъ позабуду,

О чемъ невольно помню..... О подруги,

Воображайте, что меня здѣсь нѣтъ,

И ясныхъ глазъ ко мнѣ не обращайтесь!

(закрывъ глаза, погружается въ раздумье)

АНАСТАСЬЯ. Запойте пѣсню, красныя! Быть-можетъ

Ее уходитъ сонъ подъ вашу пѣсню.

ДѢВУШКИ. А что запѣть?..... Ты начинай! — Не ладно

На сердцѣ у меня — Ты начинай,

Авось и мы подтянемъ. АНАСТАСЬЯ. Начинайте!

ДѢВУШКИ. *(поютъ)* Не соловушко на вѣткѣ качается,

И не жаворонокъ въ синевѣ чернѣется,

Нѣтъ, то дятель стучитъ по дуплу порожнему,

Созываетъ звѣря хищнаго на чужое гнѣздышко.

АНАСТАСЬЯ. *(тихо дѣвушкамъ)*

Смотрите, призадумалась. Потише!

Авось ее сонъ сладкій одолѣветъ.....

ДѢВУШКИ. *(продолжая пѣть)*

Ой ты дятель, дятель, и злой и завистливый!

Самъ ты безъ гнѣздышка по бѣлу свѣту маешься:

Такъ тебѣ чужое очи колетъ гнѣздышко... —

ЕКАТЕРИНА. Довольно! О довольно! Въ простотѣ

Природы явственнѣе наша злоба.

Миръ полонъ зла. Не много добрыхъ зеренъ;

И тѣ плодотворить умѣютъ землю,

А сердце женское для нихъ бесплодно!

Молчать! Въ устахъ ни слово не шелохнетъ!

Онѣ хотятъ мое подслушать сердце

И подсмотреть, что дѣлается въ немъ.

Невинныя! боюсь на васъ взглянуть.

Мнѣ стыдно будетъ встрѣтить ваши взоры....

Подруженьки, веселюю запойте!

ДѢВУШКА. Да что жъ она смотреть на насъ не хочетъ!

АНАСТАСЬЯ. Не ваше дѣло! Шейте, припѣвайте,
А на княгиню печего звать.

ДѢВУШКИ. (*поютъ*) Какъ у нашего у ближняго сосѣда
Дѣвушка-звѣздочка проживала, —
У него жена подруженька, молодешенька,
Словно солнце ясное, красовалася;
И любилъ ее сосѣдъ, и миловалъ
Ненаглядную, какъ куколку;
И засѣла дѣвѣ на сердце
Дума тайная, дума черная:
Дай и мнѣ хозяйкой сдѣлаться,
Извести хозяйку прежнюю.....

ЕКАТЕРИНА. (*вскочивъ*)

Молчите! Кто васъ пѣснь научилъ?

(На улицѣ подымается большой шумъ. Дѣвушки встають)

Ахъ, няня, погляди, что это значить!

Такой порой, такой ужасный шумъ!

АНАСТАСЬЯ. (*протирая глаза*)

Я было придремнула, мать моя!

Постой, я сбѣгаю и разузнаю. (*уходитъ*)

(Шумъ болѣе и болѣе усиливается. Екатерина, хватая дѣвушекъ
за руки, произноситъ):

ЕКАТЕРИНА. Тѣснѣй! Дружнѣй! Кругомъ меня, кругомъ!

Сестрицы, ближе, ближе, ближе, ближе!

Ударьте пѣснь, чтобъ ничего не слышать!..

ГОЛОСА *за сценой*. Давайте намъ убійцу Михаила!

Давайте чародѣйку Катерину!!

ЕКАТЕРИНА. Онъ не смолчалъ! Онъ все открылъ народу!

О, заглушите пѣсню громовой,

Веселой, свадебной пль погребальной!!

Мнѣ все одно..... Подруженьки, кричите!

ДѢВУШКИ. (*протяжно поютъ*) ЕКАТЕРИНА. (*сжавъ руки и
поднявъ очи къ небу*)

Во заглошемъ пль, подь Царю мой, Боже, милостивый
Боже!

плакучей ивою, Будь милосердъ и къ грѣш-
ницѣ несчастной;

Безъ могилы гробъ стоялъ, Спаси меня отъ ярости на-
родной;

гробъ стоялъ незапер- Не выдай на съѣденье псамъ
голоднымъ.

	Минуеть буря, — въ мона-
	стырь пойду!
	Отдамъ мои богатства въ
<i>тый;</i>	пользу нищихъ;
	Во всѣхъ соборахъ отслу-
	жу молебень;
Мертвца въ немъ не было,	Жизнь поведу затворницей;
	не постъ,
	А тяжкій голодь, жажду, на-
	ложу
тотъ мертвецъ погуливалъ	На тѣло грѣшное Екатерины;
	Сама себя ужасно истязую,
	Но только казнь земную от-
	ложу!
Но полю заглохшему, подъ	Дай мнѣ покаяться, по-край-
	ней-мѣрь,
	И бышенству народному не
плакучей ивою.....	не выдай!!...»

Удачный выборъ музыки изъ народныхъ мотивовъ много содѣйствуетъ при представленіи успѣху этой сцены, которая едва-ли не лучшая во всей драмѣ. Въ концѣ, Ляпуновъ приходитъ къ Екатеринѣ, и заставляетъ ее выпить ядь. У Шиллера, Карлъ Мооръ является передъ Францомъ какъ ангелъ казни; но Карлъ знаетъ Франца, — онъ былъ связанъ съ братомъ цѣлымъ рядомъ бѣдствій, — а Ляпуновъ никогда не видывалъ Екатерины, и не имѣетъ ни какого права мстить ей: его мщеніе — простое убійство, въ которомъ уже нѣтъ Шиллеровскаго драматическаго интереса. Ляпуновъ, въ пятомъ актѣ, принадлежитъ къ числу людей, которые въ Италіи называются *Bravi*.

Лордъ Байронъ всегда говаривалъ, что драма, писанная для сцены, не должна имѣть болѣе полторы тысячи стиховъ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОИЩА.

=

ФЕВРАЛЬ, 1835.

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Роксолана, *Драма въ пяти актахъ въ стихахъ, сочиненіе Н. К. (Писано лѣтомъ 1835 года). Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8., стр. 178.*

Новая драма автора фантазій «Торквато Тассо» имѣла на здѣшней сценѣ замѣчательный успѣхъ. Сочинитель выступилъ на новое поприще: оставивъ Русское XVII столѣтіе, которое требуетъ со стороны отечественнаго поэта особеннаго изученія, чтобъ воскреснуть подъ перомъ его въ подлинномъ своемъ поэтическомъ видѣ, онъ искалъ вдохновеній на Востокъ, столь богатомъ поэзіей, столь сильно дѣйствующемъ на воображеніе. Конечно, тому, кто пишетъ картину Востока, не худо изучить и Востокъ: Байронъ твердо изучалъ его; онъ заставлялъ его говорить и думать языкомъ и понятіями восточными; онъ расцвѣчивалъ мысль свою подлинными его красками; оттого онъ и Байронъ, — но это бездѣлица: велика бѣда, если молодой поэтъ, для скорости дѣла, создастъ себѣ на первый случай свой собственный Востокъ! Съ бусурманами, не стоитъ того, чтобъ много церемониться: лишь бы написанная на нихъ драма была драма. О бусурманахъ, въ отношеніи ихъ къ нашей западной поэзіи, можно сказать многое. Когда мы иногда объ нихъ думаемъ по случаю Турецкаго табаку, то намъ кажется, что для сочиненія восточной драмы въ XIX вѣкѣ, который постигаетъ цѣну подлинности во всякой поэзіи, потребно весьма рѣдкое соединеніе свѣдѣній, тонкаго вкуса и необыкновенно гибкаго и филинаго таланта: это, по мнѣнію нашему, самое трудное поэтическое предпріятіе. Въ Алкоранѣ есть

удивительная поэзія, и поэзія подлинная, совершенно восточная, совершенно мусульманская: Байронъ между прочимъ читалъ и Алкоранъ; оттого онъ и Байронъ. На свѣтъ, не говоря ужъ о двухъ восточныхъ поэзіяхъ, западно-восточной и восточно-восточной, есть даже двѣ мусульманскія вѣры, вовсе не похожія другъ на друга: одна ко всему примъшиваетъ пророка, и говорить безпрестанно — Великій Пророкъ! Другая очень рѣдко говоритъ о пророкѣ, не приписываетъ ему ни какой власти въ дѣлахъ человѣческихъ, относитъ все просьбы свои къ Богу, безусловно подчиняется его предопредѣленію, и никогда не восклицаетъ — Великій Пророкъ! Мы полагаемъ, что та, которая никогда не восклицаетъ — Великій Пророкъ! и говорить объ немъ наименѣе, должна быть православная мусульманская вѣра. Мы такъ полагаемъ, хотя мы не ориенталисты. Другая, которая много восклицаетъ о великомъ пророкѣ, и которую съ такимъ фанатизмомъ исповѣдуютъ водевильные и оперные мусульмане, имѣетъ тоже свои достоинства: она очень забавна, и хорошо идетъ подъ музыку. Этотъ Великій Пророкъ — большой чудакъ, и смѣшить людей какъ-нельзя лучше! Но которая изъ двухъ вѣръ, мусульманская водевильная или мусульманская восточная, болѣе прилична высшей драматической поэзіи, восточной драмѣ, объ этомъ надо спросить у какого-нибудь муллы. Но все это замѣчанія общія, постороннія, безъ примѣненія къ «Роксоланѣ», драмѣ очень интересной, въ которой есть много подлинныхъ Турецкихъ словъ и еще болѣе хорошихъ Русскихъ іамбовъ. Дѣло въ томъ, что мы обѣщали поговорить о «Скопинѣ Шуйскомъ» и объ ней вмѣстѣ, и исполнили обѣщаніе. Теперь замѣтимъ только, что «Роксолана» писана не въ 1835, а въ 1834 году: эту очевидную опечатку заглавнаго листа исправилъ самъ авторъ.

Робертъ-Дьяволъ, Опера въ пяти дѣйствіяхъ. Слова Скриба и Деллинья. Музыка Мейербергера. СПб.-бургъ, въ тип. Гизце, 1835, въ-8, стр. 72.

Заемныя жены, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перелатанный съ Французскаго (les femmes d'emprunt). СПб.-бургъ, въ тип. Шульца и Бенце, 1834, въ-8, стр. 66.

Мы, въ самомъ дѣлѣ, живемъ въ заемномъ вѣкѣ: занимаемъ деньги (чаще всего) у старыхъ пріятелей, занимаемъ статьи у старыхъ писателей, занимаемъ обычнаго Бога вѣсть у кого, — по все занимаемъ. Самъ авторъ водевилля занимаетъ, хотя и говоритъ, что онъ передвываетъ.

Аполлонъ Игнатьевичъ занимаетъ тоже, — жену. Для этого рода займовъ еще нигдѣ нѣтъ государственнаго банка, — вѣроятно оттого, что многіе изъ соперничества стали бѣ отдавать въ долгъ своихъ женъ безъ обратнаго взноса и безъ процентовъ, и подорвали бѣ заведеніе; но Аполлонъ Игнатьевичъ находится въ такомъ положеніи, что ему непременно надобно занять жену, для поправленія своихъ обстоятельствъ: иначе онъ банкротъ. Аполлонъ Игнатьевичъ Ивановъ обманывалъ богатаго дядю: просилъ у него денегъ на свадьбу, — дядя прислалъ, съ радости, что племянникъ хочетъ остепениться; просилъ на женнины наряды, — дядя прислалъ, съ радости, что племянникъ старается жить въ ладу съ женою. Теперь дядя ѣдетъ въ Петербургъ, посмотрѣть на жену дорогаго племянника, на ея наряды, на ихъ хозяйство и домашнее счастье.

Тутъ Аполлонъ Игнатьевичъ струсилъ, потому что онъ никогда и не думалъ жениться. *Въ слѣдствіе сего*, какъ весьма изящно говорятъ у насъ въ романахъ, — въ слѣдствіе сего, онъ обращается къ шведѣ Настинкѣ, и поетъ ей:

« Въ наша вѣкъ всеобщаго займа,
Мы платимъ долгъ одной натурѣ.
И хоть занять нельзя ума,
А есть займы въ Литературѣ.
Всякъ нынче въ авторы полъзъ;
Но если разберемъ мы строго:
Заемныхъ множество писъ,
А занимательныхъ не много.

Заемъ для всѣхъ необходимъ:
Жена супруга обожаетъ,
А занимается другимъ —
И мужъ другую занимаетъ....
И такъ прошу заняться мною;
Прикиньтесь въ меня влюбленною:
Заемной будьте мнѣ женою,
За немнѣишь законною!»

Настинька соглашается быть заемною женою; но надобно еще дѣтей: вѣдь Ивановъ два раза выпрашивалъ у дяди денегъ на крестины. Нашли и сына въ займы. Дядя прѣзжаетъ, невѣстка Настинька ему очень нравится, но смѣлъ ужь слишкомъ скоро выростъ; онъ росъ не по годамъ, а по часамъ. Аполлонъ Игнатьевичъ увѣряетъ дядю, что въ столицѣ не то, что въ провинціи:

«О! здѣсь особенный народъ;
 Во всемъ успѣхи, улучшенье,
 Двумя столѣтiami впередъ
 Шагнулo наше просвѣщенье.
 Нашъ Петербургъ не Кострома;
 Что вамъ хитро, то намъ бездѣлки:
 Таланты, дѣти и дома
 У васъ въ столицѣ скороспѣлки!»

Все идетъ прекрасно, какъ вдругъ является Огнивкинъ, женихъ Настиньки. Онъ не намѣренъ пускать невѣсту въ оборотъ, и поднимаетъ тревогу. Племянникъ въ отчаяніи. По счастью, дядя отыскиваетъ прежнюю пріятельницу, Вильгельмину, и женится на ней, — потому, что въ водевилѣ надобно же кому-нибудь жениться! На томъ же основаніи онъ и прощаетъ племянника.

Но еще бѣ этотъ водевилъ имѣлъ большой успѣхъ.

Вотуръ или Хозяинъ за печатью. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ Французскаго Павломъ Хотяинцовымъ. Сп.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ 8. стр. 63.

Скупость не глупость, — говоритъ пословица: тоже думаетъ, но не говоритъ, Бонифацій. Вотуръ табачный фабрикантъ, владѣлецъ дома, въ которомъ живетъ артистъ Викторъ съ сестрою Эмилиєю. Викторъ не платитъ за квартиру, по праву водевильныхъ артистовъ и людей съ истиннымъ талантомъ. Вотуръ влюбленъ въ Эмилию, однако жъ не хочетъ, чтобъ она жила даромъ въ его домѣ. Онъ требуетъ денегъ, жалуется въ полицію. Викторъ идетъ продавать свои творческія произведенія. Въ его отсутствіе, Вотуръ налетаетъ на голубку Эмилию и начинаетъ напѣвать ей о своей

страсти. Возвращается Викторъ; Вотуръ прячется въ шкафъ. На его бѣду, приходитъ полиція и опечатываетъ все вещи, принадлежащія артисту Виктору. Шкафъ запечатанъ. О Великій Пророкъ, Вотуръ за печатью! Но сбылось заглавіе водевиля. Въ эту роковую минуту, все пристають къ хозяину съ требованіями; онъ соглашается ждать уплаты отъ Виктора, отказаться отъ Эмилиі, и прочая, и прочая. Все довольны, кромѣ читателя.

Г. Хотяинцовъ смѣется надъ скупыми, а самъ скупъ на гладкіе стихи и на острые куплеты!

Три повѣсти. Н. Павлова. *Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ 12., стр. 412.*

Три случая изъ домашней жизни, — рассказанные живо и мило.

Первая повѣсть, «Именины,» кажется намъ не совсѣмъ правдоподобною. Впрочемъ, быть можетъ!.....

Но какъ бы то ни было, а эти отличія, оказываемыя крѣпостному гению, и фамилярности, которыя дозволяютъ ему по бесѣдамъ, такъ невѣроятны, что это должна быть повѣсть, а правда.

Въ повѣсти, «Аукціонъ» молодой Франтъ встрѣчаетъ княгиню, — разумется, красавицу, какъ и должно быть въ повѣсти. Княгиня и красавица любила когда-то Франта; теперь его забыла, — на весьма законномъ основаніи, — потому что за него, въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, летаютъ цѣлые рои страстныхъ обожателей. Франтъ рѣшился отмстить ей, прикинулся влюбленнымъ, повидался съ нею наединѣ, и когда головка княгини опускалась на его плечо, когда ея рука лежала въ его рукѣ, когда..... Онъ быстро всталъ, засмѣялся, и вышелъ. И только? — Да; только. — Что же изъ этого и въ этомъ? — Ничего, конецъ повѣсти.

Г. Павловъ, судя по его сочиненію, человекъ очень образованный, очень хорошо знаетъ по-Французски, и мы не постигаемъ, какъ ему вздумалось увѣрять своихъ читателей, что Notre-Dame-de-Paris, заглавіе известнаго романа Виктора Гюгю, значитъ по-Русски — «Церковь Богоматери въ Пари-»

жъ.» Мы позволимъ себѣ его поправить: *Notre-Dame-de-Paris* значить—«Церковь Парижской Богоматери», а церковь не въ Парижѣ. Это то же самое, какъ у насъ говорится—Церковь Казанской Богоматери, Церковь Иверской Богоматери, и т. п. Церкви *de Notre-Dame-de-Paris* находятся и въ Парижѣ.

Третья повѣсть, «Ятаганъ», несравненно длиннѣе и складнѣе двухъ первыхъ. Если бѣ она не была такъ хороша, мы бы тотчасъ пересказали ей содержаніе: но она должна быть читана, и мы не хотимъ уменьшать ея занимательности преждевременнымъ открытіемъ интриги. Это долгъ чести со стороны критики, въ отношеніи къ порядочнымъ повѣстямъ.

Мы съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣтились въ книгѣ Г. Павлова съ образованнымъ, благоспитаннымъ Русскимъ языкомъ: мы его встрѣчаемъ такъ рѣдко!... Въ его языкѣ нѣтъ тѣхъ грубыхъ поговорокъ и оборотовъ въ распахку, которые многими принимаются за бойкость, тѣхъ басистыхъ фразъ, отъ которыхъ несетъ лукомъ на всю комнату. Онъ говоритъ изящно и благородно, избираетъ слова и учитъ свои выраженія приемамъ свѣтской ловкости. Это языкъ изящной бестыды. Г. Павловъ имѣетъ даже слогъ: въ его фразѣ есть художество; она хорошо развѣвается, обдѣлана, гладка, жива, разнообразна, часто даже замысловата. Мы приведемъ небольшой отрывокъ изъ третьей повѣсти, который отнюдь не разстроитъ ея интереса для читателей цѣлаго сочиненія.

• Въ усадьбѣ князя водили разсѣданныхъ лошадей, когда его дочь, въ верховомъ платьѣ, въ мужской шляпѣ и съ хлыстикомъ, подошла проворно къ стекляннымъ дверямъ, откуда отлогій скатъ, уставленнымъ по сторонамъ лиловыми и бѣлыми левкоями, спускался въ широкую, длинную аллею изъ столѣтнихъ, столбовыхъ деревьевъ, аристократически мрачную и богато опрятную. Въ самомъ концѣ ея, гдѣ былъ выходъ изъ сада, стоялъ корнетъ съ адъютантомъ: тотъ, какъ — будто имѣлъ намѣреніе не сходить съ мѣста; тотъ, какъ-будто колебался въ нерѣшимости остаться или уйти. Княжна выдернула изъ-за пояса корнетъ и стала смѣрять украдкой съ такимъ любопытствомъ, что, казалось, ей очень хотѣлось замѣнить чувствомъ зрѣнія ограниченность другаго чувства и подслушать глазами далекой разговоръ. Отъ прѣмьтвю оживился. Спокойствіе, требуемое отъ образованной осадки, не-

рушилось у оранжерей во всѣхъ частяхъ : кто трепалъ анисъ-банты, малъ фуражку, кто пожималъ плечами и махалъ рукою, ... однако, еще немого, и они разошлись бы довольно смирно. Корнетъ отступилъ уже шага три, адъютантъ почти совсѣмъ отвернулся, но только взглянулъ назадъ, кивнулъ головой.... и вмгъ корнетъ остановился; сдѣлалъ знакъ на домъ и на аллею, надвинулъ фуражку.... адъютантъ къ нему ... и оба вмгъ исчезли изъ сада.

«Лорнетъ закачался на золотой цѣпи, княжна потупилась. Обвила хлыстикъ около руки съ большимъ тщаніемъ, оторвала развяжно нѣсколько листковъ у прекрасной штамповоѣ розы и медленно пошла къ фортепіанамъ; оглянулась на аллею, оглянулась еще разъ, задумчиво пролетѣла пальцами по клавишамъ и, съ небрежностью мужчины, кинулась на диванъ. Шляпа упала съ нея и она приняла одно изъ этихъ неправильныхъ, искусственныхъ положеній, которыя не терпятъ свидѣтелей, таятъ въ непорочности дѣвичьяго уединенія. Это былъ отдыхъ отъ неволи, быть противъ привычекъ воспитанія; это были обременительныя размышленія, Итальянская лѣнь или заманчивая мечта! О чемъ думала княжна?... О чемъ думаютъ княжны наединѣ?... Голосъ отца засталъ ее въ живописномъ забытій, и она опомнилась, и вдругъ изъ прелестной, романтической женщины превратилась опять въ прелестную, классическую княжну.»

..... Тутъ князь сталъ проповѣдывать дочери тяжелую науку свѣта; а какъ проповѣди, совѣты и всякаго рода правоученія бывають длинны, когда читаются людьми слабыми (краткость создана силой!), то онъ распространился объ этомъ предметѣ, обвинилъ корнета за молодость, а дочь за опрометчивость въ обращеніи, и вообще остался върѣнъ назначенію всѣхъ правоучителей и судей, которые умѣютъ осудить, да не умѣютъ уберечь никого отъ слабости или преступленія. Однакоже, подъ конецъ, началъ смягчать жестокость упрековъ выраженіями: другъ мой, милая; потому что княжна сильно растрогалась. Приученная по смерти матери къ безусловнымъ похваламъ, къ безусловному исполненію своихъ прихотей, она прослезилась, слушая отца и ломая хлыстикъ. Трудно рѣшить, досада ли навлекла эти слезы, или приготовленные въ душѣ для другаго чувства, онѣ заблестали на густыхъ рѣсницахъ при первомъ удобномъ случаѣ. Женщины плачутъ обо всемъ, когда имъ хочется плакать о чемъ-нибудь.»

Г. Павловъ будетъ писать хорошо. Но мы должны сказать ему тутъ же неприятную истину: въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ никакой идеи. Что онѣ доказываютъ? Ничего! И ничего потому, что все это частные случаи, обстоятельства исключительныя, изытія изъ общей, повсемѣстной жизни,

которыя прилагаются только къ тѣмъ, кто въ нихъ находился. Надобно, чтобы повѣсть выражала какую-нибудь прикладную идею, ведущую къ полезному умозаключенію и примѣняющуюся ко всякому лицу. Кроме общей идеи, въ повѣсти могли бѣ еще быть мысли. На мысли не споткнулся въ нихъ.

Были и небылицы. Казака Владиміра Луганскаго. *Русскія сказки. I. Царевна Милоньга. II. Коровушка-Буренушка, III. Жидъ и Цыганъ. СП. бургъ., въ тип. Греча, 1835, въ 8., Книжка вторая, стр. IV и 194.*

Г. Казакъ Луганскій создалъ себѣ особый родъ Словесности, — ежели только это Словесность, — и одинъ производитъ его съ успѣхомъ, несмотря на соперничество другихъ сказочниковъ, которыхъ разбудилъ онъ своей славой, — и число которыхъ, увы, намъ однимъ извѣстно! Двѣ первыя сказки этого собранія кажутся намъ длинны и черезчуръ подурманыены народностью. Третья позабавитъ очень многихъ остроумною исторіею бородатаго жида и вороватаго цыгана, двухъ типовъ, мастерски отдѣланныхъ. Печали жида и плутни цыгана рассказаны, мило, умно и весьма забавно.

Арабески. *Разныя сочиненія И. Гоголя. СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 287 — 276.*

Великіе писатели имѣютъ свою особенную логику и свой тонъ обращенія къ публикѣ, которыхъ намъ, людямъ обыкновеннымъ, употреблять не приказано, подѣ карою безсмыслія. Если бѣ, напримѣръ, мы, люди обыкновенные, написали такое предисловіе къ своей книгѣ, — всѣ померли бѣ со смѣху:

«Собраніе это составляютъ піэсы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моей жизни. Я не писалъ ихъ по заказу. Они высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели безъ-сомнѣнія найдутъ много молодого. Признаюсь, нѣкоторыхъ піэсъ я бы можетъ-быть не допущалъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ

«прежде, когда я был более строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но вместо того, чтобы строго судить свое прошлое, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятиямъ настоящимъ. Истреблять прежде написанное нами, кажется также несправедливо, какъ позабывать минувшіе дни своей юности. Притомъ если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не вправе скрывать его отъ читателя, и за двѣ, три верныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго.»

Только Гёте и только Г. Гоголь могутъ говорить съ публикою такимъ образомъ. Они знаютъ, что публика приметъ съ благоговѣніемъ, все что они ей ни кинуть, и что каждая ихъ строка, хоть бы въ ней, вместо пользы, толку и красоты, было одно только молодое, драгоценно для ней и для ея потомства. Они проникнуты тою истиной, что всякой лоскутокъ бумаги, который освятили они перомъ своимъ, когда еще учились писать, есть собственность цѣлаго рода человеческого, и что истреблять его — значить нарушать права умственнаго міра: на этомъ лоскуткѣ, говорятъ они, могутъ находиться еще никѣмъ несказанныя истины и великія мысли, которыя мы нечаянно уронили! Гёте не сказалъ этого, изъ скромности; Г. Гоголь не счелъ нужнымъ церемониться съ потомствомъ, — и очень хорошо сдѣлалъ. Гёте предоставилъ своимъ наследникамъ и обожателямъ подобрать все лоскутки его молодости и издать ихъ по его смерти; Г. Гоголь, не полагаясь на разборчивость наследниковъ и обожателей, начинаетъ свое литературное поприще тѣмъ, что самъ издаетъ свои «посмертныя сочиненія». Мы, кажется, въ первый разъ встрѣчаемъ въ нашей словесности имя этого великаго писателя? Нужды нѣтъ. Онъ уже долженъ быть великъ, когда самъ говоритъ, что еще въ прошломъ году быть-можетъ онъ не издалъ бы такихъ бездьялицъ, но въ нынѣшнемъ уже не смѣетъ быть строгимъ къ старымъ трудамъ своимъ, и считаетъ себя не въ правѣ скрывать ихъ отъ читателя.

Послѣ подобнаго предисловія, не знаешь, какъ и говорить о книгѣ. Мы думаемъ однако жъ, что молодой авторъ избралъ

себя ложный путь: кто на первой своей страницѣ отъивается къ читателямъ такъ диктаторскя, тотъ заслуживаетъ, чтобы ему откровенно показали мѣсто его въ умственной мѣрѣ. Самопадвянность тѣмъ особенно не выгодна, что терять право на снисхожденіе. Признаться, мы никогда не были большіе охотники до посмертныхъ сочиненій, но подобныхъ этимъ никогда еще не видали. Это ужъ полная мистификація науки, художества, смысла и Русскаго языка! Авторъ пишетъ обо всемъ въ свѣтъ: онъ рдавтъ объ Исторіи, Географіи, музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, Пушкинѣ; описываетъ извѣстныя мѣста, которыхъ другіе не описываютъ, и предлагаетъ переписки собачекъ. Это значить, что авторъ все знаетъ. Книга его составлена изъ разнородныхъ статей, которыя можно раздѣлять на важныя и неважныя, то есть, на ученныя и шуточные. Сперва объ ученыхъ. Все, что бы мы здѣсь ни сказали, не въ состояніи дать подлежащаго понятія объ уродливости сужденій и слога, о тяжкихъ грѣхахъ противъ вкуса, логики и простыхъ, обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ; о напыщенности фразъ, внутренней пустотѣ мысли и дисгармоніи языка, какими отличаются эти «пѣсы, высказывшіяся отъ души въ разныя эпохи жизни и не по заказу». Читаешь, и глазамъ своимъ не вѣришь! Мы должны для образца привести хоть нѣсколько отрывковъ, взятыхъ на выдержку изъ ученыхъ пѣсѣй автора, передъ которыми стоимъ въ совершенномъ остолебеніи.

«Теперь разсмотрите, между какими колоссальными событіями заключается время Среднихъ Вѣковъ! Великая Имперія, повелѣвавшая міромъ, двенадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь Древній Міръ съ подузымическимъ образомъ мыслей, безвкусными Писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностію разврата. Это ихъ начало. Оканчиваются Средніе Вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ: всеобщимъ взрывомъ поднимающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ деспотически ихъ облившія. Власть Папы подрывается и падаетъ, власть невѣжества подрывается, сокровища и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются Монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, расширенными взмахомъ несущіяся по вол-

накъ необъятнаго Океана мимо Средиземнаго моря; въ рукахъ у Европейцевъ вместо безсильнаго оружія — огонь; печатные листы разлетаются по всемъ концамъ міра; и все это результаты Среднихъ Вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы сильнѣе произвесть всеобщій взрывъ. Умъ человека, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши все свои усилія, всего себя. И отъ того-то, можете-быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV; вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются Средніе Вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изозуривающихъ его украшеній, возвышенныя, исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столбы и стѣны, оканчивающіеся мелькающимъ въ облакахъ шпиремъ.»

Надобно же имѣть странное понятіе о познаніяхъ и слухъ Русскихъ читателей 1835 года, чтобъ такъ писать объ Исторіи, и такъ писать по-Русски! Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей прижалъ, изволите видѣть, такъ сильно умъ человѣческой, задвинутый крѣпкою толщею, что этотъ несчастный умъ, собравъ все свои усилія, вспыхнулъ такъ ужасно, что съ отчаянія открылъ порохъ, печать и Америку! Это сравненіе среднихъ вѣковъ съ готическимъ храмомъ неподражаемо. Но, если судить по этимъ «пересѣкаемымъ одинъ другимъ» сводамъ и по этимъ «порывамъ столбовъ, летящихъ къ небу», то авторъ, кажется, никогда не видалъ готическаго храма? Тутъ что-то есть большая «куча изозузурованпаго»! А онъ чрезвычайно любитъ готическую архитектуру! «Изъ милости, изъ состраданія, молитъ онъ насъ, не ломайте, не коверкайте ее!» Это обращеніе къ намъ, Русскимъ, чтобы мы не ломали готическую архитектуру, которой никогда у насъ не было, очень трогательно, и доказываетъ, что авторъ читалъ съ большою пользою романъ Виктора Гюгò. Но вообще средніе вѣка и готическіе зданія — любимыя куклы воображенія нашего писателя. Онъ бы все перестроилъ на манеръ готическаго. Онъ такъ и сыплетъ цвѣтными окнами, шпирями и «пересѣкаемыми одинъ другимъ» сводами — и по этой части надобно послушать его въ пьесѣ объ Архитектурѣ, — особенно гдѣ говорится о куполахъ древнихъ Аѳинянь! Тутъ

есть вещи, о которых история искусства не знает и понятия. У него страсть къ куполамъ.

«Куполь, говорить онъ, это прелестнѣйшее созданіе вкуса, *сладострастный, воздушно-выжухлый, который..... отдыхаетъ на масть зданія бѣлою, облачною своею поверхностью. Я люблю куполь, тотъ прекрасный куполь, который возродилъ вкусъ Грековъ (τῆ ἑστῆ? che cosa è questa?) въ вѣкъ..... наслажденій и эгоизма,.... въ вѣкъ Антологіи легкой, душистой, дышащей сладострастіемъ, лѣнью и роскошію.»*

Тутъ ужъ надобно привести Сѣнника, чтобъ онъ растолковалъ вамъ этотъ логотрифическій хаосъ. Такъ писаны сплошь всѣ серьезныя пьесы: въ нихъ вкусъ и логика изнаны (извините! начитавшись великаго писателя, мы тоже проговорили въ дурномъ тонѣ) — вкусъ и логика попрыганы почти на каждой страницѣ. Вообще было бы гораздо лучше, когда бъ статьи этого рода высказывались не изъ души, а изъ предварительной науки. Но ученость по видимому не далась великому писателю. Что касается до языка и слога, то читатели могли уже составить себѣ понятіе объ этомъ изъ приведенныхъ отрывковъ, гдѣ замѣтно что-то болѣе чѣмъ молодое. Мы можемъ взять еще нѣсколько мѣстъ, не касаясь даже Египта *повитаго* іероглифами, *помавающаго тонкими пальцами, жмущими своихъ равнинъ, понижающаго ниже* свои пирамиды, и тысячи другихъ вещей въ томъ же родѣ.

«Уже жизнь его (художника) коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все дышащее *порывомъ* сжимается въ челоуѣкъ, когда могущественный смычекъ слабѣе доходить до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ *двѣтвенныхъ* силъ въ огонь и пламя, но все *отгорпѣвшія* чувства становятся доступные звуку золота, *вслушиваются* внимательнѣе въ его заманчивую музыку, и, мало по малу, нечувствительно, позволяютъ ей совершенно усыпить себя (стр. 137). — Этотъ художникъ.... отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, и съ пламенною силою труженика погрязъ въ немъ *всю душою своею* (стр. 138). — «Вся его картина была мгновеніе, но то мгновеніе, въ которое *вся жизнь челоуѣческая* — есть одно приготовленіе (?! стр. 140). — «Въ досадъ онъ *принялъ прочь* изъ своей комнаты всѣ труды снов, *означенные блѣдностью поверхностной моды* (стр. 142).» — «Наконецъ въ душѣ его возродилось самое *адское* намзрѣніе, какое когда либо пи-

такъ человекъ, и съ божественною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно привнесль въ свою комнату, и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, надрывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая (?) ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія. (стр. 144).» — «Безчисленныя собранія имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотыя мѣшки. И люди.... были лишены тѣхъ свѣтлыхъ прекрасныхъ произведеній, въ которыхъ великое искусство (живопись) приподняло покровъ съ неба и показало человеку часть исполненнаго звуковъ и священныя тайны его же внутренняго міра (!!!!). На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякой зрѣнке отчаявался отъ приобщенію художественнаго созданія. Казалось какъ-будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него (у быча, или у міра?) всю гармонию (стр. 145).»

все идетъ о живописи.

Дѣло все идетъ о живописи.

Мы списали всѣ эти красоты со страницъ, слѣдующихъ непосредственно одна за другою, чтобы показать, что это не изыатія, а общій характеръ слога, и оправдать судъ нашъ о неслышанной странности произведенія, которое явилось въ свѣтъ съ такою надменностью, подъ затѣйливымъ названіемъ «Арабесковъ». Быть-можетъ это арабески, — но это не литература. Немногія выписки достаточно показали степень ясности и обработанности мысли, предводительствовавшей сочиненію статей, относящихся къ предметамъ наукъ и художествъ. Что касается до еще несказанныхъ истинъ и до вѣрныхъ мыслей, о которыхъ говорится въ предисловіи, то желательно, чтобы ужъ авторъ самъ потрудился избрать ихъ, и напечаталъ бы ихъ особымъ собраніемъ: мы бы тогда по крайней-мѣрѣ узнали, что такое называетъ новыми истинами и вѣрными мыслями. Такъ мы ихъ не отыщемъ.

Но оставимъ эти несчастныя статьи. Мы бы даже не стали оцѣнивать ихъ по достоинству, если бъ въ той самой книгѣ не примѣтили слѣдовъ таланта, который со-временемъ можетъ образоваться и сдѣлаться очень пріятнымъ въ нашей Словесности. Когда перо автора встрѣчаетъ предметы смѣшные, фигуры карикатурныя, оно является исполненнымъ силы и жизни. Карикатура — преимущество и недостатокъ его дарованія. Недостатокъ, — когда онъ жаждетъ

говорить как знатокъ о предметахъ важныхъ, потому что тогда статья его выходитъ настоящія карикатуры то на бѣдную Исторію, то на архитектуру, музыку, живопись или скульптуру. Преимущество, — когда захочетъ онъ быть безъ притязаній, и занимается веселыми вещами. Нѣкоторыя изъ страницъ его въ шуточномъ родѣ непритворно смѣшны, и развеселятъ самого угрюмаго человека. Очень забавна исторія одного Немецкаго носа, свисавшаго отъ неминуемой гибели поручикомъ Пироговымъ. «Ключки изъ записокъ сумасшедшаго» отличаются теми же достоинствами, и были бы еще лучше, если бь соединялись какою-нибудь идеей. Мѣсто не позволяетъ намъ ничего привести изъ этой статьи, о которой намъ пріятно отзываться съ похвалою. Читая эти страницы, очень не многочисленныя, но писанныя слогомъ пріятнымъ, чистымъ и живымъ, искренно сожалѣешь, что авторъ «Арабесковъ» обманываетъ себя до того, что хочетъ провозглашать какія-то новыя истины по части наукъ и художествъ, блистать какимъ-то юнымъ слогомъ, быть высокопарнымъ и заставлятъ безпристрастно читателя смѣяться надъ недоккостью своихъ начинаній, тогда какъ по роду своего дарованія онъ могъ бы смѣшнить его и писать хорѣшія сказки.

Ангарскіе пороги, *Сибирская быль. Сочиненіе Н. Ш. Ш.-буръ, въ тип. Вингеберга, 1835, въ 12., стр. IV и 267.*

Г-нъ Н. Ш. покорилъ себѣ царство царя Кучума, и господствуетъ въ немъ бумажно и печатно. Мы знаемъ уже двѣ его повѣсти, въ которыхъ старался онъ представить картины живописной, романической и до-сихъ-поръ оригинальной Сибири. Теперь присоединяется къ нимъ третья повѣсть, носящая въ себѣ всѣ достоинства двухъ прежнихъ. Недостатковъ мы не считали ни въ прежнихъ его повѣстяхъ, ни въ этой: мы не любимъ недостатковъ, и мало занимаемся ими.

Достоинствъ въ повѣстяхъ Г-на Н. Ш. много, — по крайней-мѣрѣ два. Во-первыхъ, достоинство географическое: повѣсть его начинается обыкновенно съ селенія, въ которомъ сама

она случилась; потомъ переходить къ уездному городу и къ цѣлому уѣзду, отсюда къ своему главному городу и ко всей своей области или губерніи; описывать горы, рѣки, рѣчки, произведенія всѣхъ трехъ царствъ природы; доставляетъ всѣ свѣдѣнія, какихъ только читатель можетъ желать отъ повѣсти. Во-вторыхъ, достоинство этнографическое: повѣсть описываетъ жителей, которые ее съиграли, — описываетъ ихъ съ возможными подробностями, внутренно и наружно, и особенно любитъ рассказывать про нихъ зѣринные промыслы, про нихъ дѣла и обыкновенія.

Сдѣлавъ все удобное географіи и этнографіи Сибири, уступивъ имъ лучшія свои страницы, повѣсть пробирается потомъ, какъ можетъ, сквозь описанія мѣстъ и жителей, рвется, заплутывается, рассказываетъ вещи самыя неестественныя, чтобъ только выйти изъ этно-географической чащи, дѣлается неправдоподобною какъ быль, и, несмотря на всѣ усилія, не попадаетъ къ надлежащему концу. Это участь всѣхъ географическихъ повѣстей, писанныхъ притомъ географическимъ слогомъ!

Въ «Ангарскихъ Порогахъ» есть однако жъ десятокъ довольно забавныхъ страницъ, — очерки соперничества военной и гражданской властей въ маленькой крѣпости.

Осужденный. Повѣсть. Сочинялъ, по Московскому преданію, А. Крыловъ, Москва, въ тип. Степанова 1835, въ-12. Четыре части; стр. 160—150—199—243.

На бѣду критики и читателей въ Москвѣ пишутся и издаются романы въ четырехъ частяхъ. Легко набрать запутанныхъ происшествій, убійствъ и преступленій на нѣсколько сотъ страницъ: но не легко ли прочесть ихъ? «Осужденный» принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя пишутся какъ-нибудь, читаются какъ-нибудь, и похваляются въ журналахъ какъ-нибудь, — что еще хуже порядочнаго — «Разругали!»

Новое не любо не слушай, а лгать немѣшай, или *Любопытные стрѣлки изъ жизни Мины Миньча Евстра-*

тенкова. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-16., стр. 32. № I.

Неужели это, въ самомъ дѣлѣ, № I? Такъ будетъ еще и второй? Нѣтъ, вы шутите, Мина Минычъ! Быть не можетъ! Вы только попустому насъ страшаете вторымъ номеромъ. Отецъ родной, Мина Минычъ, ну довольно перваго!

Рѣчь почетнаго попечителя Смоленской Губернской гимназій, камеръ-юнкера, Князя А. А. Голицына, къ благородному дворянству Смоленской губерніи, Москва; въ тип. Университетской, 1835, въ-листъ, стр. 6

Рѣчь о положительномъ знаніи, произнесенная въ торжественномъ собраніи Ярославскаго Демидовскаго Лицея, 15 января, 1835 года, профессоромъ физики, химіи и технологии, Василиемъ Смирновымъ. Москва, въ тип. Университета, 1835, въ-листъ, стр. 36.

О истинной мудрости. Твореніе, служащее продолженіемъ книги О подражаніи Господу нашему Иисусу Христу, выбранное изъ другихъ сочиненій автора оной книги, съ новымъ расположеніемъ главъ и книгъ. Переводъ съ Французскаго, исправленный по Латинскому подлиннику. Москва. Въ тип. Института Лазаревыхъ. 1834, въ-8, стр. 319.

Встрѣчая на каждомъ шагѣ въ современной Литературѣ произведенія кровавыя, часто вредныя, и нерѣдко совсѣмъ безполезныя, пріятно и утѣшительно приняться за переводъ книги, которой цѣль достойна всякой похвалы. По своей схоластической формѣ и по суровости изложенія, она привлечетъ вниманіе малаго числа читателей, но она достойна полного успѣха. Въ наше время, серьезныя книги читаются рѣдко и съ трудомъ; мы любимъ пробывать книги, — а переводъ «О истинной мудрости» требуетъ чтенія и внимательнаго и неразвлеченнаго. Къ сожалѣнію, переводчикъ не старался дать своей работѣ форму изящную: слогъ его тяжелъ, языкъ мѣстами неправиленъ, и это можетъ отбить отъ книги и послѣднихъ читателей.

Сказаніе о побовщѣ Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго съ нечестивымъ Царемъ Мамаемъ и съ безчисленными Татари на Дону, на рѣкѣ Непрядвѣ, на полѣ Куликовѣ, 1380 года 8 сентября. Сочиненіе XV столѣтія. Издавъ Николай Головинъ. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-8, стр. 32.

Г. Головинъ имѣлъ прекрасное намѣреніе, быть полезнымъ историческимъ наукамъ, и заслуживаетъ за это благодарность: но отъ чего па свѣтъ все дѣлается на выворотъ? Передъ романами, передъ стихотворными поэмками, передъ прозаическими повѣстями, всегда находимъ длинное предисловіе, въ которомъ авторъ или издатель съ подробностью излагаетъ цѣль и средства изданія; а при ученыхъ изданіяхъ, передъ историческимъ памятникомъ — ни полслова, хотя тутъ-то предисловіе и нужно: безъ него почти не знаешь, что дѣлать съ книгою.

Г. Головинъ издавъ книгу безъ предисловія быть можетъ потому, что ему предисловія надоели: но это еще не законная причина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ Снегиревъ издавъ «Сказаніе о побовщѣ»; теперь Г. Головинъ дѣлаетъ тоже, и не говоритъ за чѣмъ. Нашелъ ли онъ новый списокъ? Или изданіе профессора Снегирева не исправно? На эти вопросы долженъ отвѣчать самъ, читатель. При изданіи историческихъ памятниковъ должно непременно, списокъ, служившій текстомъ, рассмотреть, оцѣнить критически, оцѣнить по достоинству, утвердить подлинность его историческими доказательствами и объяснить примѣчаніями, въ которыхъ бы читатель могъ найти разрѣшенія своихъ недоумѣній. Безъ этихъ необходимыхъ условий, изданіе памятника не можетъ служить пособіемъ для историка и не приноситъ ни какой прямой пользы.

О рожденіи Петра Великаго. Преданіе. Съ присокупленіемъ стиховъ на единодерзавіи и кончину сего Монарха, сочиненныхъ на Латинскомъ языкѣ Бургардомъ Адамомъ Селліемъ, и переведенныхъ на Славянскій при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, съ поднесеніемъ оныхъ сей Государынь Московскимъ архіепископомъ Амвросіемъ и бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ Гавриилъ

домъ Кремененкивъ. *СП.-бургъ, въ тѣл. Винггера, 1835, въ-8., стр. 47.*

Эту брошюрку, по словамъ автора, вѣроятно будетъ читать «когда вѣтеръ бушуетъ, матель свѣщеть, сидя передъ огонькомъ съ друзьями.» Мы непременно испытаемъ съ собою чтенія, рекомендуемый авторомъ, и будемъ читать его книжку въ первую матель, какая случится. Въ матель она должна быть очень любопытна; въ хорошую погоду — не такъ. Въ этомъ «Преданіи» есть тма дуль, коврижекъ, сахарныхъ леденцовъ, конфектъ, смоквъ, финиковъ и разныхъ другихъ сластей. Это — цѣлый Милютинный Рядъ, выстроенный въ Исторіи. Но мы не совсѣмъ хорошо поняли, въ какомъ отношеніи состоятъ эти дули и славы съ заглавіемъ книги?

Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, *отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго бол. СП.-бургъ, въ тѣл. Винггера, 1834, въ-8. Дѣлъ части, стр. 158—103.*

Мы жаловались въ прошломъ мѣсяцѣ, что участвовавшіе въ безсмертной войнѣ, не рассказываютъ объ ней того, что знаютъ, — а вотъ и у насъ наступаетъ эпоха записокъ. Мы принимаемся тоже за нашу старую славу и стараемся высказать ее въ голой истинѣ, въ настоящемъ ея блескѣ. Два тома записокъ, плотной печати! Тѣмъ лучше. Сочинитель не сказываетъ своего имени. Это не по формѣ. Въ запискахъ имя автора — дѣло весьма важное. Но какъ бы то ни было, описанія его занимательны и живы; кажется, видѣшь передъ собою всю мѣстность дѣйствія, все движенія массы. Нѣкоторыя мѣста отдѣланы съ особеннымъ искусствомъ. Мы возвратимся къ этой любопытной книгѣ.

Руководство къ Исторіи политической системы Европейскихъ Государствъ и колоній ихъ, *отъ образованія оной, по открытіи обихъ Индій, до возстановленія оной, чрезъ низверженіе престола Французской Имперіи, и до освобожденія Америки. Сочиненіе Г. Герена. Переводъ съ четвертаго изданія. СП.-бургъ, въ тѣл. Гинце, 1834, въ-8. Часть III. стр. 377.*

Это послѣдняя, давно ожидаемая часть знаменитаго творенія. Хотя переводъ не вездѣ можетъ удовлетворить раз-

борчивому вкусу, однакожь переводчикъ тѣмъ не менѣ заслуживаетъ общую признательность за перенесеніе въ нашу литературу книги, которой отсутствіе было очень ощутительно. Переводчикъ, по совету знатоковъ и любителей исторіи, рѣшился составить примѣчанія къ «Руководству Герера.» Эти примѣчанія будутъ служить объясненіемъ разныхъ терминовъ изъ политическихъ наукъ, и содержать факты, касающіеся внутреннихъ перемѣнъ въ государствахъ. Къ нимъ приложатся историческій словарь и хронологическія таблицы. Все это составитъ четвертый томъ, необходимый для употребленія Геренова руководства у насъ на Русь. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ четвертый томъ будетъ очень полезенъ..

Аналитическій обзоръ главныхъ соображеній Военнаго Искусства, въ отношеніяхъ оныхъ съ политикою государства. Сочинено Барономъ Жомини, генераломъ отъ инфантеріи и генераль-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Сп.-бургъ, въ тип. В. Д. Военныхъ Поселеній, 1833, въ 8., стр. 17 и 322.

Хотя на заглавномъ листѣ выставленъ 1833 годъ, но книга принадлежитъ къ нынѣшнему, потому что вышла только въ прошломъ мѣсяцѣ.

Первое сочиненіе барона Жомини, «О Большихъ военныхъ дѣйствіяхъ», писанное имъ въ молодости, подверглось строгой критикѣ за недостатокъ методы; ученый авторъ рѣшился исправить его изданіемъ «Аналитическаго Обзора.» Первое сочиненіе, по волѣ Государя Императора, было переведено для употребленія учебнымъ пособіемъ въ военныхъ заведеніяхъ. Теперь и второе издано по-Русски съ тою же цѣлію. Твореніе это давно уже пользуется въ Европѣ заслуженною славою; надъ переводомъ, сколько намъ извѣстно, трудился Г. Языковъ и выполнилъ его съ успѣхомъ.

Практическое руководство къ произведенію изъ глинъ разнаго рода сооруженій, служащихъ для охраненія береговъ отъ вреднаго дѣйствія струи и для улучшенія ложбины рѣкъ, въ пользу судоходства. Составилъ Францъ Зеге, Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Эдиній инженеръ-полковникъ и членъ Ком-

мисіи Разсматриванія Проектовъ и Смытъ. СП.-бургъ, въ тип. Г. У. Путьей Сообщенія, 1834, въ-8., стр. VI—237.

Авторъ руководствовался сочиненіями Эйтельвейна, Вибекинга, Шемерла и барона Пехмана, дополняя ихъ собственными своими наблюденіями и примѣняя ихъ къ нашимъ отечественнымъ потребностямъ. Долголѣтняя служба и безпрестанныя занятія сочинителя по описываемой части, суть лучшія поручительства въ достоинствѣ книги, составленной съ ученымъ тщаніемъ, и которой польза вполнѣ будетъ оцѣнена на самой практикѣ.

Руководство къ перспективѣ Г. Лавита, профессора Парижскаго Атеней (бывшаго Лицея). Переводъ съ Французскаго Елисаветы Клевещкой. СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1834, въ-8. Томъ I, стр. 354.

Переводъ прекраснаго и полезнаго сочиненія Лавита напоминаетъ намъ о важномъ недостаткѣ въ нашей литературѣ живописи: у насъ досель не было учебнаго пособия, годнаго къ изученію перспективы. Перспективѣ учились долгимъ, скучнымъ навыкомъ, и никто не думалъ о облегченіи труда юношества. Дама рѣшилась услужить молодымъ живописцамъ, и перевела хорошее руководство. Г-жа Клевещкая издала его съ прекрасно гравированными рисунками, и съ той изящностью, которая тотчасъ свидѣтельствуешь о прикосновеніи бѣлой, прелестной и пахучей ручки. Если бѣ я былъ молодой живописецъ, я бы велѣлъ переплести это «Руководство» великолѣпно, въ красный сафьянъ, съ готическими изузосо — изозу...зо — изузоровающими (тѣу, какое слово!) украшеніями; просилъ бы любезную мою благодѣтельницу позволить обогатить его своей миниатюрой, и всегда бы имъ руководствовался. О, если бѣ я былъ молодой живописецъ!....

Наставленіе о разведеніи Испанскихъ овецъ, и надлежащемъ смотрѣніи за ними. Сочиненіе Д. Ф. Шмальца. Переведено съ Нѣмецкаго языка на Россійскій и по полному замѣчаніямъ и прибавленіямъ для пользы экономо-гозевей, занимающихся въ Россіи овцеводствомъ, съ

описаніем ежемѣсячныхъ замѣтъ и распоряженій, К. Бергштрессеромъ. СПб.-бургъ, въ тип. Деп. Высшей Торговли, 1834, въ 8., стр. IX и 261.

Сочиненіе Шмальца пользуется отличною репутаціею въ чужихъ краяхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ заслужить такую же. «Россійскій языкъ» перевода Г. Бергштрессера не совсѣмъ Русскій, но этотъ бездѣльный недостатокъ, котораго Испанскія овцы вѣрно и не замѣтятъ, вполне искупается для нихъ хозяевъ вѣрностью перевода и любопытными примѣчаніями переводчика.

Записки перваго Комитета Сахароваровъ, составленнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Прибавленіе къ Земледѣльческому Журналу. Москва, въ тип. Университетской, 1834 въ 8., стр. 125.

Московское общество Сельскаго Хозяйства признало полезнымъ учредить особый комитетъ изъ Гг. сахароваровъ и издавать его труды, въ видѣ прибавленія къ Земледѣльческому Журналу. Поводомъ къ учрежденію особаго комитета было полезное изобрѣтеніе Г. Давыдова по части свекло-сахарнаго производства, указавшее на многія улучшенія въ этой важной и прибыльной вѣтви отечественной промышленности. Занимающіеся выдѣлкою сахара обратятъ, безъ сомнѣнія, все свое вниманіе на способъ, изобрѣтенный Г. Давыдовымъ. Вотъ какъ описываетъ его выгоды самъ изобрѣтатель:

«Паровой способъ производства доставляетъ несомнительно важнѣйшія выгоды; но онъ принадлежитъ болѣе мануфактурамъ, нежели сельскому домоводству. Напротивъ того новый способъ, обезпечивая заведеніямъ большія выгоды, представляетъ также возможность каждому хозяину, безъ усиленныхъ издержекъ и безъ предварительныхъ свѣдѣній, производить сахаръ въ значительномъ количествѣ. Смыю увѣрить, что съ сего времени сія промышленность, представляющая капиталъ 600 милліоновъ рублей, или ежегодный расходъ простирающійся до 30 милліоновъ, можетъ почитаться вѣрнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ любезнѣйшему нашему Отечеству, — дать новую цѣнность имѣніямъ, и доставить болѣе части помѣщикамъ неизвѣстныя еще доходныя средства.»

Новый способъ, котораго описаніе надобно читать въ самихъ «Запискахъ», въ холодной вымочкѣ истертой мезги свекловицы.

Общество поднесло Д. А. Давыдову благодарственный адресъ и золотую медаль — «За неутомимые труды и патриотическія пожертвованія, употребленныя имъ для достиженія важнаго открытія въ свеклосахарномъ производствѣ».

Краткій обзоръ нѣкоторыхъ частей Гимнастики и Калистики для дѣвицъ. Г. М. де Паули. *СП.-бургъ, въ тип. Видергольма, 1834, въ-8., стр. 48.*

Знаете ли, сударыни, какая миленькая вещь — Калистинія? Это ни лента, ни фермуаръ, ни шарфъ, — вѣчто еще милѣе ленты, фермуара и шарфа, — вещь чрезвычайно любопытная. Она приноситъ здоровье, даетъ прекрасный розовый румянецъ, сообщаетъ гибкость талии, и прогоняетъ капризы. Очень весело! Познакомьтесь, сударыни, съ Калистиніею. Правда, она наука; но милая, не строгая наука, или правильнѣе, искусство; она не мѣшаетъ ни прогуливаться въ каретахъ, ни танцовать; она даже проситъ ѣздить верхомъ вмѣстѣ съ нею. Очень весело! Одно только въ ней несносно: она нападаетъ на корсеты. Но куда ей совладѣть съ ними! Корсеты всегда останутся побѣдителями.

Опытъ дѣленія нѣкоторыхъ угловъ на три, пять и семь равныхъ частей. Сочиненіе Теофилакта Малиновскаго. *СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 12.*

Памятная Книжка на 1835 годъ. *Въ-16., стр. 290.*

Хотя здѣсь не означено ни города, ни типографіи, однако жъ извѣстно, что эта книжка ежегодно издается здѣсь въ Петербургѣ отъ Главнаго Штаба, и печатается въ его типографіи. Ея наружность изящная и красивая. Ея содержаніе — коротенькій мѣсяцословъ, означеніе чиновъ Двора и главныхъ Мѣстъ и Управленій, росписи храмовымъ праздникамъ, гвардейскимъ полкамъ, извѣстія о приходахъ и отправленіи почтъ въ Петербургъ, формы одежды военныхъ въ праздники и на парадахъ, адреса министровъ, министерствъ, посланниковъ и другихъ важныхъ лицъ, и прочая. Для пріѣзжающихъ изъ провинцій, эта книжечка — сущій кладъ.

МАРТЪ, 1835.

НОВЫЯ КНИГИ.

=

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ. *СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-8., стр. 79.*

Уже вторыя стихотворенія попадаютъ намъ подъ этимъ таинственнымъ заглавіемъ. Судя по ихъ эпитафю, они должны принадлежать тому же автору, котораго одно «Собраніе Стихотвореній» съ удовольствіемъ отмѣтили мы въ пятой книжкѣ Б. для Ч. Новое собраніе заключаетъ въ себѣ четырнадцать пьесъ, не длинныхъ и премилыхъ. Всѣ онѣ исполнены трогательныхъ семейныхъ воспоминаній, дышатъ чувствомъ и нѣжною тоскою. Многія изъ нихъ прелестны. Для удовольствія нашихъ читателей, — потому что и новое собраніе, кажется, не предназначено къ продажѣ, — мы желали бъ выписать здѣсь большую часть этихъ стихотвореній, но должны ограничиться двумя или тремя кратчайшими. Къ числу кратчайшихъ принадлежитъ одно подъ заглавіемъ «Сиротка».

«Сиротка, поздною порой,
Чего здѣсь ищешь ты?
Ужъ солнце скрылось за горой:
Иди домой,
До темноты.

Сиротка, голову склоня,
Мнѣ молвила въ отвѣтъ:
«Привычна мрачность для меня!
Средь бѣлыя дни
Мнѣ темень свѣтъ.

Какъ разъяренною грозой,
Какъ мракомъ тучь,
Задержать, будто пленной,
Моей тоской,
Мнѣ солнца лучь.

И дома мнѣ отрады нѣтъ:
 Такъ пусто тамъ!
 Увы, такъ пусть мнѣ целый свѣтъ!
 И слезки не найду въ отвѣтъ —
 Моемъ слезамъ.»

— Зачѣмъ отрады не ищешь ты
 Средь дня твоимъ бѣдамъ?
 Полна природа красоты,
 И солнце свѣтитъ съ высоты,
 Какъ радость, намъ. —

«Нѣтъ, тягостенъ мнѣ солнца свѣтъ,
 И радость дня;
 Убить тоской мой жизни цвѣтъ.
 Но имъ, какъ-будто дѣла нѣтъ
 Ужъ до меня.»

А ночь, какъ жизнь моя, мрачна:
 Мнѣ сродно съ ней;
 Какъ сердцу свѣтитъ старина,
 Звѣздами свѣтитъ такъ она
 Тоскъ моей.

Луна сводъ неба серебрить
 Сквозь темныхъ тучъ:
 Не солнцемъ пламеннымъ горить, —
 Но какъ надежда говорить
 Ея мнѣ лучъ.»

«Плавающая вѣтка» выражаетъ также мысль тонкую и
 плѣнительную:

«Что ты, вѣтка бѣдная,
 Ты куда плывешь?
 Берегись, — сердитое
 Море, — пропадешь!
 Ужъ тебѣ не справиться
 Съ бурною волной,
 Какъ сироткѣ горькому
 Съ хитростью людской.
 Одолеть лютая,
 Какъ ты ни трудись;
 Далеко умчить тебя, —
 Вѣтка, берегись!»

«Для чего беречься мнѣ?»

Вѣтки былъ отвѣтъ.

«Я уже изсохшая,

Во мнѣ жизни нѣтъ.

Отъ роднаго дерева

Вѣтеръ оторвалъ:

Пусть теперь везеть меня,

Куда хочеть, валъ.

Я и не противлюся:

Мнѣ чего искать?

Ужъ съ роднымъ мнѣ деревомъ —

Не сростаясь опять!»

Мы рѣшилися продолжать выписки. Вотъ еще нѣсколь-
ко строфъ изъ «Рыбака»:

«Волна шумить, волна бушуетъ,

И съ пѣною о берегъ бьетъ;

На берегу сидитъ, тоскуеть

Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

Грозой челнокъ его разбило.

Напрасны были всѣ труды;

Погибъ, но бывое вѣтрило

Еще мелькаетъ изъ воды:

То погрузится, то всплываетъ,

Какъ-бы прощаясь съ рыбакомъ!....

Такъ пламень жизни догораеть,

Съ весной, въ страдалецъ молодомъ.

—О мой челнокъ, прости! пропало

Съ тобою то, что льстило мнѣ.

Съ какой отвагой я, бывало,

Съ тобой носился по волнѣ!

Какъ ты летѣлъ рулю послушный,

Какъ быстро волны разскакаль!

Съ какою рѣзвостью воздушной

Твой вымпелъ подъ небомъ игралъ!

Мы навсегда съ тобой разстались.

Съ весны, бывало, до зимы,

Веселой пѣсней оглашались

Моей прибрежные холмы.

И я умолкъ. Прости, надеждъ

И пѣснямъ я, — прости, сказаць.

А море то же как и прежде!
Передо мной призывный валъ. —

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

— Завестъ могу челнокъ я новый,
Вѣтрило новое достать,
И вопреки судьбъ суровой
Пуститься по морю опять;
Но будетъ ужъ не то вѣтрило,
Не тотъ челнокъ, и съ ними мнѣ
Не будетъ ужъ, какъ прежде было,
Отрадно плавать по волнѣ. —

О, если въ юности мятежной
Измѣнять счастье и любовь,
Ужъ никогда къ нимъ вѣрой прежней
Не озарится сердце вновь!
Быть-можетъ счастье пожалуетъ,
Опять отдастъ, что отнято,
И новая любовь повѣсть,—
Но будетъ все уже не то!... »

«Гробъ младенца» и «Розы» наисрерывъ прослѣтся въ гости къ нашимъ читателямъ. Обращеніе поэта къ матери, плачущей надъ гробомъ малютки, убраннымъ цвѣтами, глубоко проникаетъ въ душу. Мы предпочтемъ «Розы», потому что онѣ не столь грустны.

• Какъ хороши, какъ свѣжи были розы,
Въ моемъ саду, какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я длеялъ младость
Монхъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ;
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ мѣрѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная какъ ангелъ красоты:
Вѣтка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
 На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжѣе :
 Какъ хорошо, какъ мило сплетались
 Съ душистою волной каштановыхъ кудрей !

И за одно онѣ цвѣли съ дѣвницей.
 Среди подругъ, средь плясокъ и пировъ,
 Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей ;
 Вокругъ ея вились и радость и любовь.

Въ ея очахъ веселье, жизни пламень ;
 Ей счастье долгое сулило, казалось, рокъ.
 И гдѣ жъ она?... Въ погостѣ блѣдный камень,
 На камнѣ — розъ моихъ завянувшій вѣнокъ.»

«Вечеръ» одна изъ лучшихъ пьесъ и не слишкомъ длинна, но уже само мѣсто не позволяетъ намъ грабительствовать далѣе въ безыменномъ собраніи. Заключимъ выпискою нѣсколькихъ прелестныхъ стиховъ изъ статьи — *Una fra tante*:

«Есть много звездъ на небѣ ясно, —
 И любо намъ смотреть на прелесть ихъ,
 Но въ хороводѣ ихъ прекрасномъ,
 Одна звезда свѣтлѣе всѣхъ другихъ, —
 И къ той звездѣ нашъ взоръ всегда стремится,
 И первую ее всегда находятъ онѣ:
 Къ другимъ уже онѣ послѣ обратятся,
 Но къ ней опять невольно привлечены.
 Есть и въ душѣ, есть много думъ прекрасныхъ, —
 О, много думъ! — заветныхъ и родныхъ, —
 И горькихъ думъ, — и думъ веселыхъ, ясныхъ, —
 Но дума есть одна заветнѣе другихъ :
 И съ думой той живемъ мы неразлучно,
 И въ часъ унынія, и въ утѣшенъ часъ;
 Съ ней радость веселѣй, не такъ и горе скучно,
 И въ думѣ той вселенная для насъ!»

Только послѣдніе стихи пьесы объясняютъ, что это за дума, которая заветнѣе и лучше всѣхъ другихъ думъ у автора. Это — «жизни и радостей подруга молодая».

Борисъ Годуновъ. *Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ*. М. Лобанова. СПб.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-8., стр. 110.

Разговоръ дѣйствующихъ лицъ ведется въ этомъ трагическомъ произведеніи съ необыкновеннымъ искусствомъ.

МАРІЯ.

Государь, какъ долго
Ты насъ лишалъ присутствія твоего.

КСЕНІЯ.

Родитель милый, ты мой утѣшитель!
Безвѣстная тоска мнѣ въ грудь зашла;
Съ твоимъ приходомъ легче стало сердцу.
Но.... не привнесъ ты радости обычной,
Не веселья ты. О; что жъ тебя тревожить?

ГОДУНОВЪ.

(молчитъ).

КСЕНІЯ.

Не отвѣчаешь ты на голосъ мой!
Какое жъ бѣдствіе?... Какое жъ горе?

ГОДУНОВЪ.

(молчитъ).

КСЕНІЯ.

О если бъ я могла тебя споконть,
И радость возвратить!

ГОДУНОВЪ. (говоритъ).

Не возвратимъ покой,

И радость мнѣ невозвратима.

МЫ.

(молчимъ).

Лагарпъ сказалъ-бы — *Voilà un dialogue bien couré!* Мы
уже никогда не возвратимся къ этому сочиненію.

Маякъ, трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Е.
Гувальда. Переводъ Александра Носкова. Москва, въ тип.
Семена, 1835, въ-8., стр. 99.

До выхода «Маяка», у насъ было плохихъ трагедій 119,
со включеніемъ и той, которой мы никакъ не назовемъ по за-
главію. Теперь ихъ ровно 120. «Маякъ», какъ созданіе,
плаксивъ, сантименталенъ, невѣроятенъ. «Маякъ», какъ пе-
реводъ.... Г. Александръ Носковъ прекрасно сдѣлалъ, что
такъ перевелъ его: какова трагедія, таковъ и переводъ.
Плохія трагедіи должно всегда переводить какъ-можно хуже:
это — коренное правило искусства хорошихъ переводовъ.
Мы не приведемъ ничего изъ «Маяка», — потому что не-
льзя жъ приводить такихъ стиховъ, какъ напримѣръ слѣ-
дующіе!

«Тише, псь! не разбудите!
 Тише море ты волнуйся,
 Тише добрый встерь дуй!
 Видите ль? она со мною,
 Но еще не пробудилась;
 Сномъ глубокимъ, крѣпкимъ спить.
 Спи, мой другъ! она устала;
 Да и рано ей вставать!
 Странно! кажется, давно ужъ
 Какъ ее я не видалъ...
 Какъ блѣдна ты, другъ мой милый!
 Да и волосы густые
 Будто смочены слезами!
 Что съ тобою приключилось?
 Или только сновидѣнье
 Твой нарушило покой?
 Чтобъ ни видѣла теперь ты,
 Но ужъ вѣрно не худое;
 Какъ младенецъ ты чиста
 Непорочною душою.
 Развѣ пѣсню ей не спѣть ли?
 Нѣтъ, пойду, нарву цвѣтотъ,
 И ея украшу ложе,
 Чтобъ пріятнѣй ей спалось.
 Добрый встерь будь при ней,
 Стереги мою Матильду!»

Стихотворенія Михаила Меркли. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-8., стр. 108.

Г. Михаилъ Меркли, судя по этимъ стихотвореніямъ, долженъ быть самый несчастливый человекъ въ мірѣ. Онъ несчастливъ въ любви, несчастливъ въ пріятеляхъ, несчастливъ въ стихахъ,—во всемъ несчастливъ. Сперва Г. Михаилъ Меркли плачетъ, — плачетъ горькими слезами.... Потомъ ругается:

«Тѣснится глупая толпа,
 Шумятъ безсмысленные люди!
 Какъ камень холода въ груди,
 Въ ихъ сердцахъ мракъ и пустота!»

Онъ такъ бранить всѣхъ людей, которые имѣютъ еще идеалы. Г. Михаилъ Меркли совершенно разочарованъ на счетъ людей.

1. Арфа златострунная, или Пьсенникъ, заключающій въ себѣ пьсни простонародныя, баллады историческія, казацкія, разбойничьи, старинныя, свадебныя, хороводныя, новыя романы и пьсни. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 120 и V II.

2. Избранный пьсенникъ, содержащій въ себѣ собраніе отборныхъ употребительныхъ всякаго рода пьсенъ. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-16., стр. 122 и V.

Какая смѣсь авторовъ, время и роды поэзіи! Тутъ Пушкинъ, тамъ Языковъ, здѣсь Мерзляковъ, а возмъ пять впрямъ, — и такія вырши, что ихъ не вдругъ напишетъ самый злой пинта. Текстъ обезображенъ перемѣнами и вставками. Но все это идетъ, «сходитъ», покупается, продается, — припѣваючи. Эти пьсенники — одна изъ тысячи одной бѣды нашей Словесности! И только тѣмъ спосице другихъ нашихъ литературныхъ бѣдъ, что, купивъ себѣ такую бѣду, ее можно пропѣть всю съ начала до конца.

Насъкы Украинскы Казкы, Запорозця Иська Матырынкы. Москва, въ тип. Университетской, року 1835, въ-16., стр. XX и 47.

Длинная Малороссійская поэма, — съ предлиннымъ Малороссійскимъ предисловіемъ!

На все е, певно, Божа воля!

Миргородъ. Повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Н. Гоголя. Сп.-бурезъ, въ тип. Д. Вильшей Торговли, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 224 — 215.

Вотъ это совсѣмъ другое дѣло! Тутъ нѣтъ ни Всеобщей Исторіи, ни Изящныхъ Художествъ, — есть только сказки, и Г. П. Гоголь, у котораго мы уже въ прошломъ мѣсяцѣ замѣтили особенное дарованіе рассказывать шуточные исторіи, является повѣствователемъ занимательнымъ, умнымъ, оригинальнымъ. Малороссійская новелла — настоящая его сфера. Эти два тома читаются легко и пріятно.

Въ «Миргородѣ» четыре повѣсти. Лучшая изъ нихъ — Та-
«рась Бульба». Въ ней очень живо нарисована картина Запо-
рожской Сѣчи и Казацкаго удалства. Изображеніе материн-
ской любви замѣчательно по вѣрности и простотѣ красокъ:

«При видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ Бульбѣ вдругъ
вспыхнулъ весь вояскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать
на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упря-
мая воля.

« Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему сыну,
котораго называлъ Товкачемъ, потому, что тотъ дѣйствительно похожъ
былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ рав-
нодушно шелъ по неприятельскимъ рядамъ, разшищая (?) свою саблей,
какъ-будто-бы мѣсилъ тѣсто, (или) какъ кулачный боецъ, прочищающій
себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобъ остаться ему въ
хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ
этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія въ-
которымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшени-
цею и подать себѣ ковы, котораго онъ обыкновенно называлъ Чортомъ.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что
Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постели. Мы
будемъ спать на дворѣ.

«Ночь еще только-что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано.
Онъ развалился на ковръ, накрылся барвнымъ тулупомъ, потому что
вечной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ
укрыться потепле, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ
послѣдовалъ весь дворъ. Все, что имъ лежало въ разныхъ его (?) углахъ,
захрапѣло и зашумѣло: прежде всего заснулъ сторожъ, потому что больше
всѣхъ напился для прѣзда паничей. Одна бѣдная мать не спала. Она
привахла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ.
Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно ослокоченные куд-
ри, и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми
чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе, и не могла наглядѣться.
Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелеяла
ихъ, — и только на одинъ мигъ видѣть ихъ передъ собою! «Сыны мои,
милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ! хоть бы недѣлку мнѣ по-
глядѣть на васъ!» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, шем-
нившихъ ея когда то прекрасное лице. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка,
какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовію,
только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже
суровый прельститель ея покидалъ ее для сабин, для товарищей, для
бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два три дня, и потомъ нѣсколь-
ко лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда

они жила вѣсть, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побой; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ соборіи безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка вилась надъ дѣтми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нее, берутъ для того, чтобы (сѣ) не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ, можетъ-быть при первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которые расклюетъ хищная подорожная птица, и за каждыи кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови, она отдала бы все. Рыдала, глядя на она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: «Ахъ-либо Бульба, проснувшись, отсрочить денька на два отъѣздъ! Можетъ-быть онъ задумалъ отъ того такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.

«Мѣсяцъ съ вышними пеба давно уже оларилъ весь дворъ, наполненный снами, густую кучу вербъ и выскій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоконтъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ, и не думала о снѣ. Уже кони, зачула разсвѣтъ, все полегли на траву и перестали ѣсть; верхнія листья вербъ начали лепетать и мало-по-малу лепечущая струя спустилась пониже до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена, и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ-можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ. Бульба вдругъ проснулся и ископился. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ Стара? (такъ онъ обыкновенно вазывалъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великой лежить!

«Бѣдная старушка, лишняя послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между-тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ, и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Барсуки вдругъ преобразились: на нихъ явились вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянныя красныя съ серебряными подковами, шаровары шпривую въ Черное Море, съ тысячу складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицеплены были длинныя ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чекашныя Турецкія пистолеты были здвинуты за поясъ; сабля бря-

кала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшіе, казались, похорошѣли и поблѣзли: молодые черные усы теперь какъ то ярче отстѣпали бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! ничего мѣшать! произнесъ наконецъ Бульба. Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ пристѣсть.

«Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! сказала Бульба. Моли Бога, чтобы они воевами храбро, защищали бы всегда честь *рыцарскую*, чтобы стояли всегда за Вѣру Христову, а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтъ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ. —

Мать, слѣбая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла ихъ, рыдала, на шею. — Пусть хранитъ васъ.... Божья Матерь!.... не забывайте, сынки, мать пашу..... — Далѣе она не могла продолжать.

— Ну пойдѣмъ, дѣти! сказалъ Бульба. — У крыльца стояли осѣдланые кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати пудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ. Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилпнула къ сѣдлу его, и съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казика взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она со всею легкостью дикой козы, несообразною ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь, и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помышанною безчувственною горячіюстію. Ее опять увели.»

Такія же страницы, въ которыхъ проглядываетъ неподдѣльное чувство, встрѣчаются и во второй повѣсти, «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Во второй части, ихъ нѣтъ. Тамъ авторъ помѣстилъ старую свою повѣсть, «О томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанную въ Новосельѣ, и еще другую, «Вій», взятую изъ народнаго преданія. О первой изъ нихъ мы всегда были того мнѣнія, что она очень грязна. Въ «Вій» нѣтъ ни конца, ни начала, ни идеи, — нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ. Тотъ, кто списы-

васть народное преданіе для повѣсти, долженъ еще придать ему смыслъ: тогда только оно сдѣлается произведеніемъ изящнымъ. Вѣроятно, что у Малороссіянъ, Вій есть какой-нибудь мифъ, но значеніе этого мифа не разгадано въ повѣсти.

Три повѣсти. *Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-12., стр. 318.*

Мы прочитали эти 318 страницъ, — но, право, ничего изъ нихъ не помнимъ! Помнитесь, что онъ печатаны довольно мелкимъ шрифтомъ..... Перейдемъ къ Наталіи.

Наталія. *Сочиненіе госпожи ***. Изданіе Сальванди. Перевелъ съ Французскаго Александръ Шубяковъ. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 396.*

«Наталію» долго приписывали самому Сальванди. Но обыкновенная легкость слога, непрерывный анализъ самыхъ скрытныхъ женскихъ ощущеній, чувствительность особеннаго рода и чисто женская, — все показываетъ, что этотъ романъ вылился изъ подъ пера женщины, несчастной въ любви, еще несчастнѣйшей въ супружествѣ. Сочинительница не скрывается съ тѣмъ, что она женщина: она изобличаетъ полъ свой почти на каждой страницѣ милою, розовою, непринужденною бодливостью, къ которой мужчины не способны, несмотря на то, что между мужчинами есть много настоящихъ бабъ. Даже и тогда, когда дѣло идетъ о какой-нибудь рѣшительной минутѣ для Наталіи, сочинительница не забываетъ описать ея прическу, платье, шарфъ и перчатки. Мужчина, въ рѣшительную минуту, все это бы измѣлъ, перепортилъ, сорвалъ бы съ Наталіи и кинулъ въ сторону. Если Сальванди и поправлялъ романъ, то въ этомъ отношеніи ужъ вѣрно онъ ничего не поправилъ.

Въ прошломъ году, читали мы въ Петербургскихъ журналахъ отрывки изъ «Наталіи», переведенные дамою, и читали съ удовольствіемъ, потому что переводъ былъ такъ же легко и мило написанъ, какъ и подлинникъ. Г. Шубяковъ не подражалъ ея любезному примѣру: онъ счелъ любезнѣйшимъ привести «Наталію» приказнымъ слогомъ, а посему, въ таковомъ его переводѣ, сія «Наталія» кажется со всемъ

не похожею на оное прелестное созданіе, и въ слѣдствіе сего можетъ надѣяться на успѣхъ только между повѣтчиками.

1. Повѣсти для дѣтей отъ пяти до десяти лѣтъ. *Сочиненіе Г-жи Генневиль. Переводъ съ Французскаго. Съ картинками. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-16., стр. 102.*

2. Собраніе правоучительныхъ повѣстей. *Сочиненіе Беркелля, Кампе, Гизо и Г-жи Зонпагъ. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Пономарева, 1835 въ-16., стр. 29.*

Сочиненія двухъ извѣстныхъ писателей и двухъ извѣстныхъ писательницъ умѣщены на двадцати девяти страницахъ въ шестнадцатую долю листа! Это сдѣлано съ большимъ умѣніемъ. Для краткости, почти вездѣ выпущенъ смыслъ.

Кадетскіе вивуаки. *Театральное представленіе, въ одномъ дѣйствіе. Сочиненіе Б. Федорова. СП.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи. 1835, въ-16. стр. 49.*

Страсть къ должностямъ. *Комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе Скриба. Перевелъ съ Французскаго Василій Горскій. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-8, стр. 85.*

Скрибъ ловко пользуется всеми Парижскими обстоятельствами, литературными, политическими, общественными; всѣ сплетни выводитъ на сцену, всѣ глупости перелагаетъ въ куплеты, и водевилы его живутъ славно, не долго, — не долѣе сплетней и глупостей, служившихъ имъ основаніемъ и источникомъ, — но живутъ. Страсть провинціального дворянства къ почестямъ и мѣстамъ при прежнемъ Французскомъ правительствѣ поддала ему идею написать маленькую комедію съ куплетами, въ которой притязанія тогдашнихъ роляистовъ выставлены въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ. Парижане поняли шутку, смѣялись вмѣстѣ съ водевилемъ надъ страстью ихъ къ должностямъ, и, съ переменною обстоятельствомъ, забыли объ нихъ, о шуткѣ и о водевилѣ. Но Г. Горскій не

забылъ ничего этого: онъ переводить теперь оставленный обстоятельствомъ водевилъ Скриба. Въ этомъ его власть! Переводъ не хорошъ, а куплеты — увы.

1. Тетрадь Русской Грамматики для Русскихъ, составленная по порученію начальства и напечатанная по Высочайшему соизволенію. СП-бургъ, 1835, въ-8., стр. 174.

2. Краткая Руская Грамматика съ уроками для практическихъ упражненій, изданная А. Ивановымъ. СП-бургъ, въ тип. Бенкена и Лышкина, 1834 въ-8., стр. 105.

3. Уроки для практическихъ упражненій въ Русской Грамматикѣ. СП-бургъ, въ тип. Бенкена и Лышкина, 1834, въ-8., стр. 42.

При первой изъ этихъ книгъ напечатано нѣсколько страницъ похвалъ отъ разныхъ ученыхъ и педагоговъ. Если бы случилась невозможность достать Грамматики Греча, то мы бы стали учить по второй.

Г. Половцевъ утверждаетъ, что въ словахъ бытіе, знакомые, родина, — по два ударенія!

Русско-Французскій Словарь, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію; или Этимологическій Лексиконъ Русскаго языка, удостоенный Императорскою Академіею Наукъ полной преміи Демидова. Составленный Филиппомъ Рейфомъ, сочинителемъ «Русской Грамматики для иностранцевъ» и переводчикомъ «Пространной Русской Грамматики Н. И. Греча.» Томъ первый. А—О. СП-бургъ, 1835, въ тип. Греча, въ-8., стр. XVI, LIX и 648.

Г. Рейфъ даритъ нашъ отечественный языкъ самымъ нужнымъ и самымъ полезнымъ пособіемъ. При составленіи его требовалось столько постояннаго труда, столько терпѣнія, столько мелочныхъ справокъ и соображеній, что на произведеніе Г. Рейфа можно смотрѣть какъ на вещь удивительную.

По одному первому тому нельзя еще судить о общемъ достоинствѣ «Этимологическаго Лексикона», ни говорить

объ его помноть. Но изъ перваго тома уже видно, что Г. Рейсѣ долго занимался предметомъ; что ему известны труды его предшественниковъ, Русскихъ этимологовъ; что онъ перебралъ много книгъ, выписывалъ и занималъ изъ нихъ все, что казалось ему нужнымъ для лексикона. Какъ компиляція, книга его превосходна; но едва-ли подвинетъ она Русскую этимологию впередъ: мы опасаемся даже, чтобы она не запутала ея еще хуже. Самая слабая сторона этого огромнаго и мучительнаго труда—оближеніе Русскихъ словъ съ иностранннми. Языкъ Славянскій безъ всякаго сомнѣнія одинъ изъ коренныхъ, туземныхъ языковъ Европы: Русскій только одна изъ формъ этого языка. Чтобы отыскать источники Славянскихъ и Русскихъ словъ, авторъ призвалъ въ помощь всѣ языки, — и такіе даже, которые не имѣютъ ни малѣйшей этимологической связи съ Европейскими, на примѣръ Турецкій, Еврейскій и Арабскій. Въ эту погрѣшность впадаютъ всѣ корнесловы, которые ищутъ сходныхъ звуковъ по словарямъ, не изучивъ напередъ большаго числа языковъ западныхъ и восточныхъ и не проникнувшись ихъ духомъ. Правда, что всѣ языки составились изъ смѣси множества древнѣйшихъ языковъ, принадлежащихъ разнороднымъ поколѣніямъ, которыя вошли въ составъ нынѣшнихъ народовъ; но само собою разумвется, что въ этой смѣси должны находиться только слова изъ языковъ тѣхъ племенъ, которыя когда-нибудь были въ соприкосновенности между собою, и которыхъ поколѣнія могли переходить изъ одного народа въ другой. Поэтому, историческія вѣроятности должны быть первымъ основаніемъ всякаго этимологическаго производства. Ни какія историческія данныя не заставляютъ насъ думать, чтобы первобытныя Европейскія племена были когда-нибудь въ связи, войнѣ или сообщеніи, съ первобытными Патагонцами: слѣдственно, если какое-нибудь слово составлено изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ въ языкахъ Европейскихъ и въ языкахъ Американскихъ Индѣйцевъ, это простой случай, а не признакъ родства или тождественности. Можно ли предположить, чтобы Арабскія поколѣнія древняго міра нѣкогда проникали въ самый центръ древней Европы и сливались съ первобытнымъ ея населеніемъ? Конечно, нельзя. И такъ, по одному этому соображенію, не зная да-

же того, сколько духъ Арабскихъ, или Семитическихъ, языковъ противенъ духу Европейскихъ, осторожный этимологъ исключить языки Арабскаго корня, Еврейскій, Арабскій, Сирийскій, Халдейскій и Финикійскій, изъ числа источниковъ всякаго Европейскаго языка. Этимологъ прежде всего долженъ предложить себѣ вопросъ — какия были коренныя племена средней и южной Европы, и какия Азіятскія поколѣнія могли присоединиться къ нимъ при образованіи новѣйшихъ народовъ? Коренныя племена были — Греко-Латинское, Германское, Славянское и Гальское. Слѣдственно, и коренныя Европейскія языки должны быть смѣсь, густая, плотная, химическая, словъ Греко-Латинскихъ, Германскихъ, Славянскихъ и Гальскихъ. Которому изъ языковъ четырехъ племенъ первоначально принадлежало такое-то слово, этого рѣшить невозможно: довольно того, что оно находится въ трехъ или во всѣхъ четырехъ этихъ языкахъ, — и слѣдовательно оно коренное Европейское слово, оно слово общаго Европейскаго языка, Греко-Латинско-Славяно-Германскаго, обогащеннаго еще значительною примѣсью языка Гальскаго, который, по своимъ особеннымъ формамъ, не весь вошелъ въ это однородное лексикографическое семейство. Основаніе (*fond*) cadaго новѣйшаго собственно Европейскаго языка состоитъ, поэтому, изъ словъ общихъ, равномерно принадлежащихъ всѣмъ тремъ племенамъ, всѣмъ тремъ первоначальнымъ языкамъ, Греко-Латинскому, Германскому и Славянскому, и въ известной степени четвертому, Гальскому. Вся слова этого основанія должны находиться, въ первобытномъ смыслѣ или подъ разными видоизмѣненіями, въ нарѣчіяхъ языковъ по-крайней-мѣрѣ этихъ трехъ первыхъ племенъ, если не всѣхъ четырехъ. Такъ, слово *око* сохранило первобытный смыслъ и почти одинаковую форму во всѣхъ нарѣчіяхъ Греко-Латинскихъ, Германскихъ и Славянскихъ; такъ слово *путь*, *pes*, *pus*, *podos* (*нога*), въ Германскихъ языкахъ удерживаетъ еще общій первобытный смыслъ, *fuss*, *foot*, *футь*, а въ Славянскихъ означаетъ уже другой предметъ, *путь*, дорогу, связанный логически съ первобытнымъ смысломъ слова.

Послѣ общаго основанія (*fond*) четырехъ Европейскихъ языковъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на большіе приливы къ

нимъ языковъ иноплеменныхъ, древніе и позднѣйшіе. Приливы древніе относятся равномерно къ цѣлой массѣ четырехъ языковъ; приливы позднѣйшіе только къ языкамъ родившимся отъ этихъ четырехъ. Съ кѣмъ общее Европейское племя было въ тѣсномъ соприкосновеніи въ первое время образованія народовъ? Съ поколѣніями Перскаго колѣна. Греки граничили съ ними въ Азій, и разныя Персскія поколѣнія переходили въ Европу, жили на западномъ берегу Чернаго Моря, постоянно втекали большими массами въ туземное Европейское племя. Персскими поколѣніями называемъ мы народы, говорившіе языками старымъ Персскимъ, Паресскимъ, Пеглійскимъ, Курдскимъ, Иранскимъ, и прочая, къ которымъ принадлежитъ и Санскритскій, отброшенный временемъ далеко на востокъ. Оттого находите вы такое множество словъ и формъ Персскихъ въ языкахъ Греко-Латинскомъ, Германскомъ и Славянскомъ, несмотря на существенную разность духа Персскихъ языковъ съ духомъ Европейскихъ. И доказательство тому, что это только приливъ, а не слѣдствіе общаго корня, имѣете вы въ примѣчательномъ обстоятельстве, что Персскія формы и наибольшее, и сохранились довольно чисто, въ одномъ Греческомъ языкѣ, какъ соседственномъ; что не одинъ и тѣ же Персскія формы и слова встрѣчаются во всѣхъ трехъ Европейскихъ языкахъ, а разныя; что такая-то форма или такой-то рядъ словъ Персскихъ есть въ одномъ изъ трехъ языковъ, а въ другихъ двухъ его нѣтъ, или есть въ двухъ, а нѣтъ въ третьемъ; что наконецъ эти слова и формы принадлежать не къ одному какому языку Перскаго корня, но къ разнымъ: одинъ изъ нихъ походятся въ Санскритскомъ, другія въ Пеглійскомъ, третія наконецъ въ Курдскомъ и повѣйшемъ Персидскомъ. Что жъ это доказываетъ? Очевидно то, что языки Перскаго корня вливались въ главные Европейскіе разновременно, съ разныхъ сторонъ, изъ различныхъ источниковъ и не одинаково въ каждый языкъ. Слѣдственно, разбирая этимологически какой-нибудь Европейскій языкъ, напримеръ Славянскій, должно сперва смотрѣть, нѣтъ ли даннаго Перскаго слова въ языкахъ Греко-Латинскихъ, Германскихъ и Гальскихъ, не пришло оно въ Славянскій черезъ одинъ изъ этихъ языковъ, и потомъ уже, когда ока-

жется, что его въ нихъ нѣтъ, что оно пришло къ нему прямо и сохранило въ немъ свою Персскую форму, обращаться къ Персидскому и Санскритскому.

Послѣ этихъ двухъ фазъ коренныхъ языковъ, наступаетъ третья, — образованіе одного изъ языковъ производныхъ, напримѣръ Русскаго изъ Славянскаго. Вы берете Русскій языкъ. Прежде всего должны вы разыскать, въ какихъ мѣстахъ онъ образовался, какіе получилъ позднѣйшіе приливы на собственную свою долю, и откуда. Здѣсь уже руководствуетъ васъ Исторія. Русскій языкъ образовался среди и на развалинахъ языковъ Финскихъ: слѣдственно въ немъ таится болѣе или менѣе значительный приливъ финнизма, и въ произношеніи и словахъ. Финскіе языки чрезвычайно разнообразны, но связаны между собою, такъ же какъ Европейскіе, общимъ духомъ, формами и основаніемъ: къ породѣ этихъ языковъ принадлежатъ не только тѣ, которые обыкновенно называются ихъ именемъ, Чухонскій, Лапландскій, Венгерскій, Самоѣдскій, Вогульскій и такъ далѣе, но и самый Турецкій, даже Монгольскій и Маньджурскій. Это все одна, разродившаяся семья: ее можно назвать семьею «сѣверныхъ языковъ», и она распространилась по сѣверу отъ океана до океана, подобно тому какъ семья «южныхъ языковъ», Греко-Латинскаго, Германскаго, Славянскаго и Гальскаго, заняла подъ нею низшую полосу отъ Малой Азіи до Британскихъ Острововъ. Финскіе языки влиялись очень давно въ Европейскіе съ сѣвера, подобно тому какъ Персскіе съ востока, хотя и не такъ сильно: вы находите слѣды ихъ не только въ Германскомъ, Славянскомъ, но и въ Греческомъ; однако жъ самый значительный приливъ ихъ извергся позже на Русскій языкъ, въ которомъ можно насчитать до тысячи словъ этого корня, кромѣ общаго дѣйствія на раствореніе слоговъ гласными. Напримѣръ *дорога*, синонимъ слова *путь*, и слѣдственно слово позднѣйшаго прилива, потому что *путь* есть коренное слово Европейскихъ языковъ, — это слово *дорога*, какъ большая часть словъ оканчивающихся на *га*, происходитъ изъ языковъ Финскихъ; оно одинаково вошло изъ нихъ въ Греческій, какъ въ Русскій и Польскій; оно существуетъ даже въ Маньджурскомъ (*доро*,

безъ окончанія *га*), который ужъ навѣрное не заимствовалъ его изъ Греческаго. Напримеръ *лапти*, которыя Г. Рейфъ производитъ отъ *лапа*, хотя у челоуѣка нѣтъ лапъ и обувь эта надѣвается на ноги, а не на лапы, то есть, руки: они и по-Манджурски *лаптѣ*; напримеръ *Волга*, которая, говорятъ, происходитъ отъ *влиги*: а *волга* въ разныхъ Финскихъ нарѣчiяхъ значитъ *святой*, и *Волга рѣка* выходитъ — «святая рѣка», и т. д. Сколько соображенiй нужно при этимологическомъ разборѣ языка! Сходство звуковъ тутъ недостаточно. Сходство звуковъ ведетъ только къ такимъ ошибкамъ, въ какiя впалъ нашъ авторъ, усматривая напримеръ тождественность начала между *вѣрою* и Турецкою *податью*, — между словами Европейскимъ *вѣра*, то есть, правда, Оттоманскимъ *вирѣ*, дань, дача, подать, и Персидскимъ *баверь*, которое даже и буквами на нихъ не похоже, не говоря уже объ его происхожденiи *вѣра* просто — слово Гоеское и Англо-Саксонское *воеге*, *вѣр е*, обѣтъ, союзъ, проявляющееся въ Нѣмецкомъ подъ формою *wahg*, въ Латинскомъ подъ формою *vegè*, *vegus*. Мы могли бъ привести тысячу такихъ примѣровъ изъ лексикона, который разсматриваемъ.

Послѣ этого перваго прилива, Русскiй языкъ испыталъ еще два другiе изъ родственныхъ ему языковъ. Онъ получилъ сперва огромную массу словъ, формъ и значенiй, изъ языка Церковно-Славянскаго, образованнаго подъ влiянiемъ другихъ обстоятельствъ; потомъ такую же массу изъ Польскаго.

Сверхъ приливовъ, должно еще отличить примѣси. Въ Русскiй языкъ вошли во-первыхъ ряды словъ Нормандскихъ, вторыхъ, словъ Греческихъ съ извѣстнымъ числомъ Еврейскихъ, произносимыхъ по-Гречески. Назовемъ первую изъ этихъ примѣсей Нормандскою, вторую Византiйскою. Третью примѣсь можно наименовать Татарскою: она ввела въ нашъ языкъ ряды словъ Турецкихъ, Монгольскихъ, Персидскихъ и Арабскихъ, произносимыхъ по-Татарски. Четвертая примѣсь, западная, начинается со временъ преобразованiй, предпринятыхъ Петромъ Великимъ, и включаетъ въ себя ряды словъ Голландскихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Английскихъ, Французскихъ и Италiянскихъ. Наконецъ послѣдняя примѣсь состоитъ изъ новыхъ значенiй, сообщенныхъ старымъ Русскимъ словамъ, или изъ Рус-

скихъ словъ, вновь образованныхъ, подъ вліяніемъ литературъ Латинской, Французской и Нѣмецкой, и эту примѣсь можно отличить именованъ — литературной: напримѣръ *изящный, кислородъ, знаменитость* и тысячи подобныхъ.

Ловить удачу изъ всѣхъ возможныхъ языковъ слова болѣе или менѣе сходствующія звуками съ словами давняго языка не значить еще разбирать этотъ языкъ этимологически. Правда, что по-сю-пору всѣ такъ дѣлали, но надобно жъ когда-нибудь оставить колею, старую и ложную, и начать дѣлать правильно, систематически, основывая изысканія свои на разсудительной теоріи образованія языковъ. Г. Рейфъ, къ сожалѣнію, не предписалъ себѣ ни какой системы, и занимался простою ловлею словъ. Сближеніе словъ Русскаго языка съ болѣе или менѣе похожими на нихъ словами разныхъ иностранныхъ языковъ должно было стоить ему немовѣрнаго труда, и между-тѣмъ этотъ трудъ не представляеть ни какой пользы, потому что три-четверти этихъ сближеній существенно ложны, ошибочны, обманчивы. Такъ напримѣръ слова Татарской примѣси *армякъ* онъ производитъ отъ Арменіи, *бирючь* отъ *братъ*, и прочая; слова литературной примѣси *банникъ* (артилерійскій) отъ *бани*, *зубный* (уголовный), выраженіе взятое изъ Германской юриспруденціи, *huba*, отъ *зубить*, и прочая; слово Польскаго прилива *уваженіе* отъ *впсз* (въсь), и прочая. Конечно, въ Польскомъ языкѣ *уваженіе* происходитъ отъ *вага*, но въ Русскомъ оно происходитъ отъ него не можетъ, потому что Русскій языкъ принялъ изъ Польскаго слово *вага* совсѣмъ въ другомъ значеніи; да притомъ и самое слово *впсз* не что иное, какъ особенная форма слова *вага*, *wage*, *voese*. *Гибнуть*, слово принадлежащее къ основанію (*fond*) Европейскихъ языковъ, происходитъ у него отъ ново-Персидскаго *гумъ*, утраченный, состоящей налице, и отъ Арабскаго *айбъ*, порокъ, а *зибель* отъ *гибнуть*, тогда какъ *зибель* есть настоящій корень глагола *гибнуть* и чистое Германское слово *übel*, безъ всякой связи съ Персидскимъ *гумъ* и съ Арабскимъ *айбъ*. *Бавить*, *fab*, *fabulari*, поставлено подъ корнемъ *быть*. *Пчела*, *вчела*, *пчела*, *арех*, *рех*, *ресchia*, *рессия*, *ресциола*, *аричула*, *аричелла*, выведена отъ глагола *бучать*, какъ бы *бчела*, *бчело*, *бучаю*.

Мы не можем следовать повсюду за словопроизводством автора: корни его во многих случаях неустойчивы и перемешаны одни съ другими, а почти все его сближенія съ Восточными словами такъ же произвольны, какъ напримеръ слѣдующее: при словѣ *князь*, вы находите Татарское *хань*, Германское *koenig* и Англійское *knight*, — какъ будто *хань* имѣетъ что-нибудь общаго со словомъ *koenig* или *koenig* со словомъ *knight*!

Мы предложимъ соображенію автора мысли наши о системѣ, которой надлежало бы слѣдовать при этимологическомъ разборѣ Русскаго языка.

I. Нужно напередъ опредѣлить тѣ ряды корней, которые составляютъ основаніе (*fond*) Русскаго языка, какъ одного изъ Славянскихъ, и общи языкамъ Славянскому, Германскому, Греко-Латинскому, и отчасти Гальскому. Многіе слова Перскаго и древне-Финскаго приливовъ перешли въ Славянскій языкъ черезъ языки Греко-Латинскій и Германскій: слѣственно и эти слова должны быть присоединены къ основанію. Изъ развитія корней этого отдѣленія возникаютъ главныя и самыя богатая семейства словъ: это собственный языкъ. Здѣсь заключается вся его плодородная сила. Корни всѣхъ слѣдующихъ отдѣленій даютъ мало производныхъ словъ, или не даютъ ни какихъ.

II. Опредѣлить потомъ рѣченія Перскаго и древне-Финскаго приливовъ, вошедшія въ составъ Славянскаго языка отдѣльно, и не находящіяся ни въ Германскомъ, ни въ Греко-Латинскомъ.

III. Опредѣлить отдѣльно корни и слова трехъ позднѣйшихъ приливовъ, относящихся лично къ Рускому языку: а) ново-Финскаго, б) Церковно-Славянскаго и в) Польскаго.

IV. Опредѣлить еще ряды словъ, принадлежащихъ примѣсь: а) Нордманской; б) Византійской; в) Татарской, съ раздѣленіемъ ея на порядки словъ Монгольскій, Китайскій, Турецкій, Персидскій и Арабскій; д) западной, и е) литературной.

V. Каждую изъ этихъ одиннадцати составныхъ частей языка, какъ-го, основаніе, два древнѣе прилива, три повѣйшіе, и пять примѣсей, съ раздѣленіемъ каждой на порядки словъ по языкамъ, изъ которыхъ они перешли въ Русскій, означить особыми

знаками; вездѣ отмѣчать, къ какому отдѣленію и порядку принадлежитъ корень или слово, — чѣмъ опредѣлятся, такъ сказать, лѣта его возраста, — и при отыскиваніи его въ иностранныхъ источникахъ строго держаться предѣловъ отдѣленій, не блуждая наудачу въ положенныхъ заранѣе чертъ словопроизводства и не охотясь въ Индіи, Аравіи, Персіи около Байкала за словомъ, которое можно поймать въ Европѣ.

Такииъ только образомъ этимологія можетъ озарить новымъ свѣтомъ внутреннее зданіе языка и сдѣлать его яснымъ для каждаго. Дѣйствовать иначе — значитъ лишь увеличивать хаосъ. Мы очень хорошо знаемъ, что для выполнения этого плана потребности необъятныя лингвистическія познанія, надобно создать критическую исторію каждаго слова, изслѣдовать его похождения во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, употребить на то цѣлую жизнь человѣческую: поэтому мы и не упрекаемъ автора, что онъ предписалъ его себѣ и не старался привести въ дѣйствіе. Мы говоримъ только, что весьма желательно, чтобы Русскій языкъ былъ разобранъ такимъ образомъ, и что всякій другой трудъ этимологическій, не основанный на этихъ началахъ, бесполезенъ для языка, — ежели только не вреденъ.

До-сихъ-поръ, не знаю почему, рассматривали мы «Лексиконъ» Г. Рейфа какъ книгу Русскую и назначенную для Русскихъ. Только теперь мы примѣчаемъ, что она совсѣмъ не Русская. Авторъ объясняетъ корни и производныя слова по-Французски: слѣдственно онъ предназначаетъ трудъ свой иностранцамъ, изучающимъ Русскій языкъ. Въ этомъ отношеніи, «Лексиконъ» Г. Рейфа вполне соответствуетъ своей цѣли, — даже превосходитъ ее, потому что, для иностранцевъ, сближенія Русскихъ корней съ Восточными словами были совершенно излишни, и составляютъ истинную роскошь корнесловія. Какая надобность Французу узнавать изъ Русскаго словаря, что *амулетъ* происходитъ отъ Арабскаго *хамаль* (авторъ хотѣлъ сказать *хамале*), когда онъ видитъ, что это слово сдѣлано прямо изъ Французскаго *amulette*? Вѣдь не Русскіе взяли его отъ Аравитянъ, а Французы? Но иностранецъ, желающій основательно изучить наше слово, не можетъ найти для себя сочиненія, которое бы такъ широко раскрывало передъ нимъ родослов-

ную Русских рѣченій и такъ глубоко вводило его въ недра языка. Этотъ этимологическій словарь, какъ учебное пособіе для иностранцевъ, заслуживаетъ величайшую похвалу, и того, что не могло бѣ быть одобрено въ словарь для Русскихъ, почти не должно почитать погрѣшностью въ книгѣ, имѣющей цѣлію знакомить иноземца съ слововѣдніемъ чуждаго для нихъ языка и выкупающей частныя недостатки огромною массою пользы въ цѣломъ.

Если бѣ это была Русская книга, мы бы еще пожаловались автору на отсутствіе въ этимологическомъ лексиконѣ множества нашихъ архаизмовъ, или обветшалыхъ рѣченій, живущихъ въ нашихъ летописяхъ, преданіяхъ и пословицахъ. Такъ напримѣръ подъ корнемъ *вистѣть* мы не находимъ слова *виски*, названія одного изъ орудій пытки, оставшагося въ пословицѣ — «За виски, да и въ тиски»; подъ статью *вѣнчать* вѣтъ глагола *привѣнчать*, то есть, водить дѣтей, прижитыхъ до брака, около наоя, чтобъ сдѣлать ихъ законными, и прочая. Но Г. Рейфъ не разбираетъ языка исторически: онъ беретъ его въ настоящемъ его положеніи, и притомъ тѣ, кто будетъ учиться Русскому языку по его словарю, вероятно не станутъ читать нашихъ летописей, ни углубляться въ смыслъ нашихъ старинныхъ пословицъ. Намъ остается только отдать полную справедливость трудолюбію, терпѣнію и похвальнымъ усиліямъ автора, и совѣтовать иностранцамъ, изучающимъ нашъ языкъ, прибѣгнуть къ его книгѣ, какъ лучшему и доселѣ единственному у насъ пособію къ приблизительному познанію теоріи развитія Русскихъ рѣченій отъ своихъ началъ, или корней.

Царствованіе Царя Θεодора Алексѣевича и *Исторія перваго Стрѣлецкаго бунта. Сп.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ 8. Дѣль части, стр. VII и 122 — 162.*

Покойный В. Н. Берхъ собиралъ матеріалы прилежно и тщательно, и вносилъ ихъ въ свои сочиненія вѣрно, безъ прибавокъ: въ этомъ главное достоинство всехъ его литературныхъ трудовъ. Конечно, онъ не смотрѣлъ на матеріалы глазами критика: онъ не сличалъ и не разбиралъ ихъ, не отдвѣлялъ важныхъ событій отъ мелкихъ происшествій, переносилъ въ книгу все отыскавныя имъ свѣдѣ-

нія, и въ историческихъ его сочиненіяхъ не должно искать общей идеи, ни другой послѣдовательности кромѣ летописной, хронологической. Но, при настоящемъ положеніи нашей Исторіи, можно почестъ уже большою услугою и такія приношенія на ея пользу: они пригодятся со временемъ прагматическому историку.

Въ книгѣ, которая теперь передъ нами, лучше всего написана исторія перваго стрелецкаго бунта: тутъ матеріалы полны, вѣрны, изложеніе ясно и завлекательно, эпоха хорошо понята и духъ ея удачно схваченъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о царствованіи Царя Θεодора Алексѣевича: изложеніе показалось намъ сбивчивымъ, событія описанными безъ критическаго взгляда, и важныя извѣстія часто затемняются подробностями, ни мало не служащими къ объясненію духа эпохи и хода происшествій. Это — просто собраніе нѣсколькихъ разрозненныхъ фактовъ, которое не можетъ дать яснаго понятія о томъ, что сдѣлано въ шестилѣтнее правленіе Царя Θεодора.

Несмотря на несовершенство этого труда, мы не можемъ не принести дани должнаго почтенія памяти В. Н. Берга: Русская историческая литература потеряла въ немъ трудолюбиваго, совѣтливаго и, какъ бы то ни было, полезнаго изыскателя.

Записки Буривна, и прочая. Переводъ покойнаго де-Шан-лета. Части шестая и седьмая.

C. C. SĀLUSTII CATILINARIA et JUGURTHINA VELLA. Москва, въ тип. Семена, 1835 въ-12., стр. 166.

Этимъ новымъ и очень красивымъ изданіемъ мы повидимому обязаны Г. Ширяеву. Оно состоитъ изъ одного текста, безъ примѣчаній.

О началѣ, успѣхахъ, особенныхъ предметахъ и важности Политической Экономіи, сочиненіе И. Р. Мак-Коллоха, профессора Лондонскаго Университета. Перевелъ съ Англійскаго Д. Гиппиусъ. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-8., стр. 121.

Полный курсъ Политической Экономіи Мекъ-Коллока переводится. Желая дать объ немъ предварительное понятіе, переводчикъ издалъ рѣчь Г. Мекъ-Коллока, служащую введеніемъ. Тщательный переводъ этой рѣчи предвѣщаетъ публикѣ весьма хорошей переводъ самаго курса, который всѣми занимающимися у насъ Политическою Экономіею будетъ принятъ съ благодарностью, особенно если Г. Гиппиусъ объяснитъ теорію автора нужными примѣчаніями относительно къ Россіи.

Записки Ученаго Комитета главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества. *Часть XI. Сп.-бургъ, 1834, въ тип. Морской, въ 8., стр. 362.*

Сочиненіе это, предназначенное для морскихъ офицеровъ, состоитъ изъ статей, относящихся къ технической части мореплаванія, Астрономіи и Физикѣ, и изъ краткихъ біографій примѣчательнѣйшихъ лицъ по флоту. Нѣкоторые физическіе и астрономическіе вопросы, разсматриваемые въ этомъ XI томѣ «Записокъ Ученаго Комитета главнаго морскаго штаба», были уже предметомъ разсужденій въ нашемъ журналѣ, въ теченіе минувшаго года. Въ числѣ другихъ любопытныхъ свѣдѣній замѣчательно извѣстіе о пароходѣ, пробованномъ еще въ 1543 году. Обстоятельство не подлежить сомнѣнію, потому что его описаніе до-сихъ-поръ сохранилось въ журналахъ Каталонскаго архива и въ журналѣ Испанскаго военнаго управленія, за 1543 годъ.

«Въ 1543 году капитанъ Бласко де Гарай, представилъ императору Карлу V, изобрѣтенную имъ Гараемъ машину, посредствомъ которой безъ парусовъ и весель можно приводить въ движеніе большія суда. Этому изобрѣтенію многіе не вѣрили, и старались препятствовать произведенію опытовъ; но по повелѣнію императора Карла V сдѣланъ опытъ въ Барцелонѣ 17 іюля 1553 года. Изобрѣтатель не издалъ описанія машины, однако зрители видѣли, что она дѣйствовала посредствомъ кипѣнія великаго количества воды; что паръ отъ кипѣющей воды приводилъ въ движеніе колеса служація вмѣсто весель. Опытъ произведенъ надъ судномъ Тройцею въ 200 тоновъ, подъ начальствомъ капитана Скарса, въ присутствіи императора и сына его, бывшаго потомъ короля Испанскаго Филиппа II; въ свидѣтели призваны Генрихъ Толедскій, губернаторъ Кардовы, вице-канцлеръ Галла, казначей Ро-

ваго и многие знатные люди Кастильянцы и Каталонцы. Императоръ, его сынъ, и всѣ зрители были весьма довольны машиною; но казначей Роваго сказалъ, что она доставляетъ судну не болѣе двухъ миль хода въ три часа, и что котель подвергаетъ ее непрестанной опасности отъ разрыва. Другіе свидѣтели утверждали напротивъ, что ходъ судна былъ весьма спокойный и по одной милѣ въ часъ.

«Послѣ этого опыта капитанъ Гарай вытащилъ машину на берегъ, все, что было сдѣлано изъ металла, взялъ себѣ, а всѣ деревянные части оставилъ въ арсеналѣ Барцелонскомъ.»

Мы можемъ еще прибавить что въ Испаніи, въ Эскуріальской Библіотекѣ, хранятся двѣ старинныя Арабскія рукописи, въ которыхъ упоминается, что порохъ, полученный отъ Индѣйцевъ, былъ употребленъ Аравитянами при осадѣ Мекки въ 601 году нашей эры. Слѣдственно Европейцы не выдумали пороху!

Записки изданы великолѣпно, съ превосходными рисунками.

1. Таблицы Логарифмовъ *Вестфала*. Изданныя съ пополненіемъ другихъ таблицъ Гидрографическимъ Депо главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества. СП.-бургъ, въ тип. Морской, 1834, въ-4, стр. XIX и 123.

2. Морской мѣсяцесловъ на 1835 годъ. Изданный при Гидрографическомъ Депо главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества. СП.-бургъ, въ тип. Морской, 1835 въ-8, стр. 440.

Астрономическій взглядъ, посвященный дѣтямъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-4., стр. 36.

«Взглядъ, посвященный дѣтямъ», представляетъ нѣмъ довольно хорошо нарисованныя изображенія земнаго шара и небесной системы. При помощи учителя, онъ можетъ быть употребленъ съ несомнѣнною пользою.

Сѣти для составленія географическихъ картъ всѣхъ пяти частей свѣта и Европейскихъ государствъ, изданныя А. Ломачевскимъ. СП.-бургъ, въ лит. Гемилльнъ, 1835.

Географіи учились мы некогда пазусть, долго, скучно, большею частію безуспѣшно. Несносная метода отбивала

учениковъ отъ науки, что принудило обратиться къ другому способу и заставить преемниковъ нашихъ на училищныхъ скамьяхъ упражняться въ рисованіи географическихъ картъ. При этой новой методѣ, учащійся легко удерживаетъ въ памяти форму и подробное раздѣленіе земель и государствъ, точки ихъ сопрякосновенія, теченіе рѣкъ и положеніе городовъ.

При всемъ превосходствѣ новой методы передъ старою, нельзя не сознаться, что она требуетъ довольно значительнаго времени для приготовленія ученикомъ градусной сѣти. Экономія времени, въ воспитаніи — важное дѣло: надо спѣшить жить на свѣтъ. Г. Ломачевскій, чувствуя вполне эту аксіому, рѣшился облегчить географическіе труды недосужнаго юношества изданіемъ для него сѣтей, которыя предлагаются совсемъ готовыя, такъ, что ученику стѣить только взять листъ и рисовать на немъ карту. За это облегченіе ученики поблагодарятъ Г. Ломачевского, потому что теперь гораздо скорѣе пойдутъ кататься на конькахъ.

Сѣти изданы очень исправно. Но если ужъ облегчать, такъ слѣдовало ихъ принаровнить къ какому-нибудь извѣстному атласу, чтобы ученикъ не затруднялся даже въ размѣрахъ при означеніи разстояній между географическими предметами. Это было бы еще удобнѣе.

QUELQUES MOTS SUR LES ENTERREMENTS PRÉMATURÉS, et sur les précautions à prendre sur-le-champ relativement aux noyés et aux asphyxiés, par le docteur L. C. Simon, conseiller d'état, etc. St-Petersbourg, chez Kray, 1835, 8 vo., pp. 21.

Докторъ Симонъ, который издалъ въ прошломъ году одну очень полезную брошюру (Б. для Ч., книжка III, Лит. Лѣтопись), напечаталъ нынче другую, тоже на Французскомъ языкѣ и о весьма важномъ предметѣ, — преждевременныхъ погребеніяхъ, утопленникахъ и обмершихъ. Замѣчанія и спасительные советы Г. Симона потеряли бы половину своей пользы, если бы мы не успѣли передать ихъ, нашимъ многочисленнымъ читателямъ, на отечественномъ языкѣ.

Говоря о смертныхъ домахъ въ Германіи (Б.д. Ч., книжка VI,

Смѣсь), мы уже имѣли случай коснуться предмета новаго сочиненія Г. Симона. Примѣры наружной смерти и утайки жизни тѣлами, уже совершенно охладѣлыми, такъ часты, что ни какія предосторожности не излишни для того, чтобы не зарыть въ землю еще живаго человека. Не далѣе какъ въ прошломъ мѣсяцѣ газеты сообщали случай одного ребенка во Франціи, котораго сочли за умершаго и вынесли по вечеру въ церковь: на другой день нашли его сидящимъ въ гробу, и онъ игралъ цвѣтами, которыми нѣжная мать украсила его посмертный домикъ!

«Слѣдующіе признаки, говоритъ докторъ Симонъ, считаются обыкновенно доказательствомъ смерти: прекращеніе бѣіей жилъ и сердца, прекращеніе дыханія, совершенная недвижность, охлажденіе, окоченѣніе или еще вялость во всемъ тѣлѣ, отвислость нижней губы, невозможность кровопусканія и совершенная мутность глазъ.

«Всѣ эти признаки могутъ существовать, а возвращеніе къ физической жизни все таки будетъ возможно.

«Только признаки начинающагося гніенія доказываютъ невозможность такого возврата. Они заключаются въ особенномъ смертномъ запахѣ, въ томъ, что начинаетъ лупиться кожаца, и наконецъ въ томъ, что на животѣ показываются зеленоватыя пятна.

«Всѣ тѣла, погребаемыя безъ этихъ трехъ признаковъ, подвергаются ужасной опасности быть схороненными заживо.

«Есть случаи, и даже болѣзни, которые приводятъ человека въ такое состояніе, что его считаютъ мертвымъ, хотя онъ дѣйствительно живъ. Къ этому разряду принадлежатъ нѣкоторые нервныя болѣзни, раны въ голову, апоплексія, удушеніе, обмороки женщины подверженныя истерикъ, которые бывають иногда очень продолжительны, разнаго рода обмороки, кровотеченія, слабость, и прочая.

«Сколько было примѣровъ, что люди, которыхъ въ припадкѣ этихъ болѣзней считали мертвыми, приводились въ чувство и жили потомъ очень долго. Я самъ видѣлъ за семнадцать лѣтъ подобный случай съ двухлѣтнимъ ребенкомъ, который живъ и здоровъ по-сю-пору. Много спорили о томъ, можетъ ли ожить погребенное тѣло: къ несчастію, опытъ доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ, что это очень возможно. И почему жъ бы не возродиться физической жизни въ самомъ гробѣ? Совершенное спокойствіе и тишина; отсутствіе всего, что сильно раздражаетъ и что могло бы погасить послѣднюю слабую искру жизни; даже испаренія земли, ровная температура могилы,—все это именно такія обстоятельства, которыя способны сильно содѣйствовать къ превращенію въ пламя слабой искры бытія. Малое количество воздуха остающагося въ гробѣ, конечно не дозволитъ этому воскресенію быть

продолжительным, но отнюдь не сильно помешать ему. Не страшно ли подумать, что воскресшій может пробить хоть нѣсколько мнуть въ этомъ мучительномъ положеніи?

«Для упрежденія подобныхъ ужасовъ должно брать какія-нибудь мѣры. Древніе народы чрезвычайно объ этомъ заботились. Египтяне бальзамировали покойниковъ и такимъ образомъ могли удостовѣряться въ ихъ смерти. Римляне отсѣкали имъ палець передъ сожженіемъ. Другіе народы долго мыли и терли ихъ благовоніями. Но какъ у насъ толькомоютъ мертвыхъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что ихъ хоронятъ иногда съ остаткомъ жизни. Никогда не слѣдовало бы погребать до появленія трехъ признаковъ гніевія, о которыхъ мы упоминали выше и которые должны быть засвидѣтельствованы врачомъ. Но какъ можетъ случиться, что болезнь, отъ которой больного полагаютъ умершимъ, прилипчива, и что по этому опасно держать тѣло въ домѣ долгое время, особенно у бѣдныхъ людей, живущихъ тѣсно, то надлежало бы имѣть въ каждой части города хоть небольшой домъ, куда по-крайней-мѣрѣ немощіе могли бы переносить своихъ покойниковъ, которыхъ выпускали бы для погребенія не прежде какъ по засвидѣтельствованіи смерти ихъ тѣмъ, на кого будетъ возложена эта обязанность.

«Лучшее средство къ возбужденію слабой искры жизни состоитъ въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, которыми мнимоумершій долженъ быть окруженъ въ этомъ домѣ. Необходимо, чтобъ тутъ же жилъ надежный человекъ, и чтобъ каждому покойнику вложили въ руки тонкую веревочку, привязанную другимъ концемъ къ колокольчику, который долженъ висѣть въ комнатѣ караульнаго: тогда при малѣйшемъ движеніи покойника, тотчасъ можно будетъ подать ему нужную помощь.

«Первый въ Европѣ смертный домъ дивно уже учрежденъ въ Веймарѣ; Франкфуртскій-на-Майнѣ устроенъ позже, но онъ обширнѣе и вполне соответствуетъ предполагаемой цѣли.»

Исторію и понятіе объ устройствѣ смертныхъ домовъ читатели наши найдутъ въ шестой книжкѣ Б. для Ч. Авторъ приводитъ нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ мнимой смерти изъ Гуфеландова сочиненія о летаргическихъ снахъ.

Одинъ молодой человекъ влюбился въ дочь богатаго Парижскаго гражданина и былъ любимъ взаимно. Отецъ этой дѣвушки заставилъ ее выйти за другаго. Вскорѣ послѣ свадьбы молодая сдѣлалась больна, и умерла. Ее похоронили черезъ сутки послѣ смерти. Прежній другъ не могъ вытерпѣть, чтобъ не взглянуть на нее въ послѣдній разъ: онъ подкупилъ могильщика, и тотъ согласился от-

рыть ее въ ту же ночь. Молодой человекъ грозитъ ему смертію, если онъ не будетъ молчать; схватываетъ тѣло, уноситъ его въ ближній домъ, кладетъ къ огню, третъ теплыми салфетками и старается всеми средствами возвратить къ жизни свою любезную. Черезъ нѣсколько часовъ онъ увидѣлъ, къ неизъяснмому счастью, легкіе признаки оживленія: она стала вздыхать, и наконецъ пришла въ себя совершенно. Какъ скоро она оправилась, любовники, соединенные смертію, уехали въ Англію, и только черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшились возвратиться. Въ привѣзжей не хотѣли узнать мнимой покойницы, но новый мужъ нашелъ способъ доказать, что это дѣйствительно та, которую похоронили, и требовалъ возврата ея приданого. Завелась тяжба самая удивительная. Первый мужъ утверждалъ, что она еще принадлежитъ ему по праву, а второй опирался на томъ, что она умерла для перваго брака, и что, если бы не его старанія и труды, никакъ бы не возвратилась къ жизни. Однако жъ судьи склонялись повидимому въ пользу перваго мужа, что заставило супруговъ снова отправиться въ Англію, не дождавъ рѣшенія тяжбы. Бумаги по этому замѣчательному дѣлу существуютъ еще въ журналахъ судебныхъ мѣстъ.

Леди Россель, жена Англійскаго полковника, была также оживлена любовію и заботливостію своего мужа. Онъ не хотѣлъ разстаться съ ея тѣломъ, пока оно не станетъ гнить. Семь дней лежала она въ смертномъ усыпленіи, и наконецъ ожила, когда колоколъ ближней церкви возвѣщалъ уже ея похороны.

Еще удивительнѣйшій примѣръ летаргическаго сна представляетъ смерть жены одного Тюбингенскаго профессора. Эта женщина, страдавшая истерікой, была въ шестомъ мѣсяцѣ своей беременности, и такъ сильно чего-то испугалась, что съ нею сдѣлались страшныя судороги и черезъ четыре часа она умерла. Два знаменитые врача, Гг. Ламаріусъ и Маухардъ, вмѣстѣ съ тремя другими докторами, полагали смерть ея несомнѣнною. Движеніе вовсе прекратилось; не было ни малѣйшаго признака бѣшенія жилъ, ни дыханія: все, что ни дѣлали для приведенія ея въ чувство, осталось тщетнымъ.

Послѣ пятичасовыхъ напрасныхъ усилій, врачи хотѣли уже оставить больную, рѣшительно объявивъ ее умершею, когда одному изъ нихъ пришла мысль сунуть у ней съ ногъ нарывный пластырь, приложенный наканунѣ, и наблюдать въ то самое время черты ея лица. Разрѣзывая кожу на одномъ пальцѣ, замѣтили легкое движеніе на устахъ, и рѣшились снова употребить всѣ известные способы для приведенія больной въ чувство. Испытывали горячее желѣзо, острыя орудія, и вскорѣ не осталось на тѣлѣ ея живаго мѣста отъ обжогъ и ранъ; но ничто не дѣйствовало, — она была мертва совершенно. Однакожъ все не рѣшались хоронить ее по причинѣ замѣченнаго движенія; и шесть сутокъ оставалась она въ этомъ смертномъ состояніи, но наконецъ отворила глаза и ожила безъ всякаго сознанія о томъ, что происходило во время сна ея. Повѣвъ немного, она родила мертваго ребенка, и вскорѣ совершенно выздоровѣла.

Авторъ говоритъ потомъ объ утопленникахъ и обмершихъ, и для оживленія ихъ предлагаетъ слѣдующія правила:

1. Не должно пускать кровь утопшему, когда члены его окоченѣли отъ холода, а лице блѣдно и сипевато. Если онъ красенъ, легкое кровопусканіе можетъ иногда оказать пользу. 2. Никогда не должно качать или трясти утопленника: это вѣрное средство къ уничтоженію послѣдняго остатка жизни. 3. Известно, что для оживленія утопленниковъ и обмершихъ вдуваютъ имъ обыкновенно воздухъ въ легкія, и дѣлаютъ это ртомъ изо всей силы. Въмѣсто испорченнаго воздуха, которымъ мы дышимъ, гораздо лучше вдувать чистый посредствомъ мѣха, но слегка и осторожно, чтобы сильнымъ его дѣйствіемъ не перервать легкіхъ и вмѣсто оживленія не причинить смерти: каждый младенецъ, рожденный обмершимъ, непременно погибнетъ отъ неосторожнаго вдуванія, а отъ легкаго вѣроятнo оживетъ.

Съ нѣкотораго времени весьма успѣшно употребляютъ слабое пожиманіе боковъ и брюшныхъ полостей, вытѣсняющее испорченный воздухъ, который могъ остаться въ легкихъ. Послѣ сжатія, бока и брюшныя полости по собственной упругости приходятъ въ прежнее положеніе, при-

чемъ грудь расширяется и выдыхаетъ воздухъ, а это весьма полезно для утопленниковъ, обмершихъ и мнимо-мертво-рожденныхъ.

Если позволяютъ обстоятельства, утопленникамъ и обмершимъ хорошо давать нѣсколько капель чаю или теплаго вина и обертывать ихъ въ грѣтую фланель.

Уставъ и особыя положенія *Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-8., стр. 35.*

Учрежденіе Высочайше утвержденного Общества для освѣщенія Санктпетербурга газомъ. *СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-4, стр. 15.*

Наконецъ Петербургъ будетъ освѣщенъ газомъ! Обществу предоставлено право теперь же освѣтить газомъ ту часть города, которая находится по правую сторону Фонтанки, между Невскимъ и Вознесенскимъ проспектамъ. Газометры устроиваются внѣ города, для безопасности. Ежели Петербургскимъ жителямъ придется по праву этотъ способъ освѣщенія, общество распространить его и на прочія части столицы. На предпріятіе собранъ уже капиталъ въ полтора милліона рублей.

Продолженіе къ книгѣ — Полный Кухмистеръ и Кондитеръ, или *Русскій Гастрономъ, собранный и составленный изъ собственныхъ опытовъ и наблюдений издателемъ Русскаго опытнаго повара и прибавленія къ оному, Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-12, стр. 86.*

Это дополненіе къ «Полному Кухмистру, или Русскому Гастроному» было необходимо, и если бѣ Г. Степановъ не поспѣшилъ его изданіемъ, семейства тѣхъ, кто уже объѣдается блюдами, стряпанными по первой книгѣ почтеннаго автора, нашлись бы въ величайшемъ затрудненіи. Какимъ-то дивнымъ случаемъ Г. Степановъ забылъ сказать тамъ, вслѣдъ за своимъ званымъ обѣдомъ, о похоронномъ обѣдѣ!

Этот пропускъ пополненъ имъ теперь особою брошюрою. Глава о похоронахъ составляетъ естественное и полезное дополненіе къ блюдамъ его «Русскаго Гастронома», и весьма кстати помѣщена непосредственно за его свадебнымъ обѣдомъ.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—Мы получили прискорбное извѣстіе, что А. Марлинскій былъ долгое время боленъ, и что здоровье его еще не возстановилось. Одно это обстоятельство досель лишаетъ нашихъ читателей удовольствія наслаждаться въ Б. для Ч. трудами этого блистательнаго писателя. Мы надѣемся однако жъ скоро получить отъ него нѣсколько статей.

—«Дѣтскій Журналъ», который предприняли издавать въ Петербургѣ Гг. книгопродавцы Беллизаръ и Дюфуръ, существуетъ уже слишкомъ два года. Зная и всю пользу и необходимость у насъ подобнаго изданія, мы всегда принимали большое участіе въ успѣхахъ «Дѣтскаго Журнала» и съ искреннемъ сожалѣніемъ увидѣли въ началѣ нынѣшняго года, что онъ колеблется и грозитъ прекращеніемъ. Несмотря на всѣ старанія издателей поддержать его, признать къ потребностямъ Русскаго юношества, и усовершенствовать, коренной недостатокъ въ первоначальномъ устройствѣ редакціи всегда препятствовалъ полному его развитію и процвѣтанію, и долженъ былъ наконецъ остановить его выходъ. Теперь мы узнаемъ съ величайшимъ удовольствіемъ, что счастливая перемена издателей сохранить для Русской малолѣтней публики это важное пособіе къ его воспитанію, и что оно поступаетъ въ распоряженіе одного изъ отличнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, А. Н. Очкина, котораго перо отличается двумя большими преимуществами, — прекраснымъ слогомъ и примѣрною исправностью. Г. Очкинъ приобрѣлъ собственностью «Дѣтскій Журналъ», основанный Гг. Беллизаромъ и Дюфуромъ, и употребить все свое дарованіе къ тому, чтобъ сдѣлать его занимательнымъ, разнообразнымъ, приспособленнымъ къ цели и вполне полезнымъ. Мы спѣшимъ препоручить это предпріятіе вниманію всѣхъ

родителей, которые желают доставить приятное и образованное занятіе своему потомству. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княжна Марія Михайловна, Которой журналъ этотъ посвященъ, благоволила принять его подъ Свое покровительство. Чрезвычайно умеренная цѣна дѣлаетъ его доступнымъ всемъ сословіямъ. Мы видали уже двѣ книжки, изданныя Г. Очкинымъ: онѣ наполнены прекрасными статьями.

— Въ Англіи, книгопродавцы часто издаютъ собранія лучшихъ романовъ, своихъ и иностранныхъ, подъ названіемъ *Standart novels and romances*. Собранія эти имѣютъ то преимущество, что доставляютъ читателямъ выборъ отличныхъ и новыхъ твореній за весьма дешевую цѣну: подписавшійся на одно такое собраніе обезпеченъ на цѣлый годъ въ томъ, что ему не продадутъ глупой книги въ-три-дорога, не заставятъ его читать скучнаго романа и ежемѣсячно снабдятъ достаточною пропорціею приятнаго чтенія. Во Франціи также издавались собранія романовъ, подъ именемъ *Bibliothèques de romans*. Г. книгопродавецъ Ротганъ, въ Петербургѣ, объявлялъ недавно подобное собраніе по-Русски, — «Библиотека Романовъ и Историческихъ Записокъ, оригинальныхъ и переводныхъ, на 1835 годъ. «Библиотека» Г. Ротгана будетъ состоять изъ двадцати четырехъ до тридцати толстыхъ томовъ, и подписная цѣна сорокъ рублей: это очень не дорого. Въ первыхъ томахъ будутъ заключаться — «Браво» Купера, — «Евгенія Грандѣ» Бальзака, — «Елена» миссъ Эджвортъ, — «Томасъ Морусъ» Г-на де Краонъ (де Кранъ?), — «Записки доктора», Гаррисоновы, и прочая. Этотъ выборъ кажется намъ удачнымъ, и вообще предпріятіе Г. Ротгана заслуживаетъ поощренія со стороны любителей и любительницъ романовъ и записокъ.

— Въ послѣднихъ числахъ прошлаго мѣсяца вышла новая трагедія Барона Розена — «Петръ Басмановъ». Мы только успѣли взглянуть на нее при заключеніи этой книжки журнала.

VII.

Q M P Q B.

КОРОЛЕВСКИЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. *Открытія Г. Меллони.* Нынче всѣмъ извѣстно, что свѣтъ — тѣло не простое; лучъ свѣта состоитъ изъ семи цвѣтныхъ лучей, называемыхъ цвѣтами призмы или радужными, и совокупленіе ихъ образуетъ нашъ обыкновенный бѣлый свѣтъ. Не всѣ прозрачныя тѣла пропускаютъ эти семь лучей свѣта вмѣстѣ: некоторые даютъ проходъ только извѣстному ихъ числу, иные останавливаютъ цѣлыхъ шесть лучей и пропускаютъ какой-нибудь одинъ. Прозрачныя тѣла вообще одни доступны только краснымъ, другія желтымъ, третьи голубымъ лучамъ, и такъ далѣе. На этомъ основана теорія цвѣтовъ. Такъ, напримеръ, стекло бываетъ краснымъ или желтымъ, смотря по свойству его пропускать только красныя или желтыя лучи. То же самое разумется о поверхностяхъ тѣлъ непрозрачныхъ, не пропускающихъ, а отражающихъ свѣтовую матерію: онѣ бываютъ того цвѣта, какой цвѣтной лучъ исключительно отъ нихъ отражается, между-тѣмъ какъ остальные шесть лучей изсякаютъ или гибнутъ. Что сказано здѣсь о прозрачныхъ тѣлахъ относительно къ свѣту, то Г. Меллони открылъ въ нихъ вразсужденіи лучей теплоты. Этотъ искусный и ученый физикъ доказалъ весьма тонкимъ и остроумнымъ способомъ, что не всѣ даже прозрачныя тѣла одинаково пропускаютъ лучи теплоты, или лучистый теплотворъ, одного и того же источника. Свойство пропускать всѣ теплотворныя лучи не всегда соразмѣрно съ прозрачностью; оно зависитъ отъ сущности вещества, подвергаемаго опыту. Есть тѣла, пропускающія свѣтъ и останавливающія лучи теплотвора, тогда какъ другія останавливаютъ лучи свѣтовые и пропускаютъ теплотворныя.

И такъ, лучистый теплотворъ можно почитать состоящимъ изъ разныхъ теплотворныхъ лучей, которые частію останавливаются, частію пропускаются прозрачными тѣлами.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Королевскаго Института въ Лондонѣ Г. Фаредѣ читалъ разсужденіе объ этихъ любопытныхъ открытіяхъ Г. Меллонни. Давно было извѣстно, говорить знаменитый электро-химикъ, что солнечные лучи, проходя сквозь стекло, и, какъ замѣтили потомъ Парри и Франклинъ, сквозь ледъ, не нагреваютъ пластинокъ, но теряютъ только часть своей теплоты. Гершель и Бранде сдѣлали нѣсколько важныхъ наблюденій о теплопроводности различныхъ тѣлъ, но за недостаткомъ тѣхъ инструментовъ, которые могъ употребить Г. Меллонни, успѣхъ ихъ вообще былъ невеликъ. Единственный извѣстный прежде снарядъ для измѣренія съ нѣкоторой точностью различныхъ степеней тепла былъ дифференціальный термометръ, но Г. Меллонни, Италіанскій физикъ, живущій въ Парижѣ, умѣлъ приспособить къ этой цѣли инструментъ, устроенный по началу электрометра: онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ висмутовыхъ и сюрмяныхъ кружковъ, и по приближеніи къ которому-нибудь концу его малѣйшаго количества теплоты производитъ видимое уклоненіе магнитной стрѣлки подобно электрометру. Инструментъ этотъ даетъ способъ дѣлать опыты, казавшіеся дотолъ невозможными. Г. Меллонни измѣрилъ имъ разныя степени теплопроводности великаго множества веществъ. Онъ нашелъ, что лучъ теплоты, пропущенный сквозь стекло, даетъ только 50 на сто на теплоуказатель, а пропущенный сквозь каменную соль, тотъ же лучъ даетъ 92. Г. Фаредѣ повторялъ эти опыты, пропускалъ лучъ обыкновенной лампы, и удостоверился, что стекло, флинтглассъ, истребляетъ 50 процентовъ тепла, а каменная соль только 8, и что толщина тѣлъ не причиняетъ здѣсь большой разницы: стекло употреблялъ онъ очень тонкое, а каменную соль около дюйма толщиною. Онъ также показываетъ, что теплопроводность шестеро сильнѣе въ каменной соли, чѣмъ въ квасцахъ одинаковой толщины, хотя прозрачность и сила преломленія почти равностепенны въ обоихъ. Одно изъ самыхъ важныхъ и примѣчательныхъ обстоятельствъ этого открытія состоитъ въ томъ, что теплота низшаго источника едва ли не дѣйствительнѣе теплоты высшаго, то есть, что каменная соль почти равно пропущаема для тепла всѣхъ степеней: теплота руки столь

же мало ослабѣваетъ, проходя сквозь данную толщину соли, какъ и всякій другой родъ высокой, сильной теплоты. Онъ пытался пропускать теплотворный лучъ изъ раскаленнаго желѣза, изъ ламповаго пламени, изъ горячей воды, — и результатъ былъ все тотъ же; изъ 100 долей падающаго луча 92 всегда проходило. Есть поэтому значительная разность между свѣтопрозрачностью и теплопрозрачностью тѣлъ, и каменная соль оказалась на опытѣ единственнымъ веществомъ, совершенно пронизаемымъ для теплотвора, потому что все другія испытанныя тѣла останавливали лучи его болѣе или менѣе. Г. Меллонн, основываясь на этихъ наблюденіяхъ, утверждаетъ, что теплота и свѣтъ — двѣ вещи, совершенно различныя, но по мнѣнію Г. Фаредѣ, приводимыя имъ доказательства недостаточны. И прежде было извѣстно, что теплотворные лучи лишены цвѣта лучей свѣтовыхъ: поэтому каждый пойметъ, какъ трудно должно быть точное опредѣленіе свойствъ и дѣйствій лучей невидимыхъ сравнительно съ тѣми, которые доступны и для глаза. Многіе факты дѣлають между-тѣмъ весьма вѣроятнымъ, что и эти видимыя, цвѣтные лучи, и эти безцвѣтные и незримыя, суть истеченія одного и того же дѣятеля, то есть, что теплота быть-можетъ не что иное, какъ свѣтъ безцвѣтный для нашего глаза, который устроенъ для ощущенія только семи особенныхъ лучей его и не пропускаетъ другихъ. Ничто не даетъ намъ права думать, чтобы нашъ глазъ ощущалъ *всѣ* разноцвѣтные линіи, изъ сліянія которыхъ состоитъ лучъ благо свѣта; онѣ могутъ быть гораздо многочисленнѣе семи и вовсе понятнаго для насъ цвѣтнаго вида; есть глаза, которые не пропускають даже семи видимыхъ цвѣтныхъ лучей, а большая часть земныхъ прозрачныхъ тѣлъ пропускають только одинъ изъ семи вполне, остальные же или онѣ останавливають или пропускають очень несовершенно, отъ чего и происходятъ отливы ихъ цвѣта. То же самое очень возможно и вразсужденіи лучей свѣта незримыхъ, или безцвѣтныхъ, дѣйствующихъ своей совокупностью на чувства наши въ образѣ теплоты: смотря по особенному строенію своихъ частицъ, прозрачное тѣло властно избирать себѣ во множествѣ этихъ лучей только тѣ, которые сквозь него проходятъ болѣе или менѣе свободно, и останавливать

другіе, такъ же какъ оно избираетъ и между видимыми цвѣтными лучами, тоже одаренными теплотою, и довольно разнообразною при ощущеніи. Г. Меллони находилъ, что есть большія разности въ количествѣ теплотворныхъ лучей, пропускаемыхъ цвѣтными стеклами, и Г. Фаредѣ сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ опытовъ по этой части. Онъ говорилъ въ засѣданіи Института, что лупы и призмы каменной соли производятъ вразсужденіи тепла тѣ же самыя дѣйствія, какія оптический инструментъ производитъ надъ свѣтовыми лучами, и что все свѣтопрозрачныя тѣла только отчасти или несовсѣмъ теплопрозрачны.

ГАЛЛЕЕВА КОМЕТА. Въ ожиданіи появленія знаменитой и слишкомъ рѣдкой гостьи, любопытно слушать рассказы тѣхъ, которые состоятъ съ ней въ сношеніяхъ и ведутъ счеты ея дѣла. Известный Французскій астрономъ, Г. Понтекуланъ, о разысканіяхъ котораго въ этомъ отношеніи мы уже говорили по случаю книги Г-жи Сомервилль, напечаталъ теперь о Галлеевой кометѣ небольшое сочиненіе: мы должны привести изъ него нѣсколько подробностей.

«Изъ всехъ известныхъ намъ кометъ, замѣчательнѣйшая по важности ея въ исторіи Астрономіи — безспорно Галлеева, появляющаяся черезъ промежутки времени отъ 75 до 76 лѣтъ. Прѣжнія явленія этой кометы были ознаменованы необычайными обстоятельствами, но въ послѣдствіи она постепенно утрачивала свои ужасы: объемъ ея уменьшился, свѣтъ ослабѣлъ и въ послѣдній возвратъ ея, въ 1759 году, она казалась обыкновенною кометою. Долго была она единственною, которой періодическое возвращеніе было намъ известно. Съ недавнихъ поръ планетная система наша обогатилась двумя новыми феноменами этого рода, именно открытіемъ кометъ Энковой и Бѣловой, изъ которыхъ первая употребляетъ на обтеченіе своего пути 5 года и 5 мѣсяца, а вторая 6 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; но хотя онѣ доставляютъ астрономамъ и геометрамъ предметы для замѣчательныхъ изслѣдованій, однако жъ по кратковременности ихъ періода, по ограниченности пространства, въ которомъ заключено ихъ движеніе, по маловажности замѣчательствъ, которымъ они подвергаются и которыя весьма слабо измѣняютъ элементы ихъ орбитъ, — по всему этому, онѣ для

насъ не иное что, какъ двѣ новыя планеты. Онѣ не переходятъ, подобно другимъ кометамъ, за извѣстные намъ предѣлы нашей системы; приблизившись къ солнцу, онѣ не удаляются отъ него на разстоянія, подавляющія воображеніе; словомъ, въ нихъ нѣтъ того величія и неправильности, которыя невольно привязываютъ насъ ко всему, что какъ-будто выходитъ изъ обыкновеннаго порядка природы. Комета Ольберсова, бывшая въ 1815 году, возвратится только черезъ 1888 лѣтъ: ждать ее долго, и Богъ знаетъ, кто повѣритъ наши объ ней расчеты. Такъ, одна комета 1759 года имѣетъ преимущество быть для насъ совсѣмъ особеннымъ явленіемъ въ системѣ міра, и выставить въ самомъ блестящемъ свѣтѣ могущество вычисленій, которыя слѣдуютъ за нею въ неизмѣримыхъ пространствахъ, и опредѣляютъ наконецъ съ точностію неравное продолженіе ея періодовъ, несмотря на сильныя и многочисленныя замѣшательства въ движеніи этого тѣла.

«По всѣмъ вѣроятностямъ, около половины поября нынѣшняго года пройдетъ она черезъ ближайшую къ солнцу точку своей орбиты. Хотя надежность употребляемыхъ нами выкладокъ дозволяетъ надѣяться, что на этотъ разъ настоящее время прохожденія будетъ разниться отъ предполагаемаго не болѣе какъ нѣсколькими днями, однако жъ нельзя увѣрять въ этомъ положительно. Дѣйствительно, множество количествъ, которыя должно пренебрегать въ вычисленіи, поправки, которыя могутъ еще подлежать числовыя величины планетныхъ толщъ, и особенно Урановой, такъ мало намъ извѣстной; сопротивленіе весьма рѣдкаго посредства (medium), уже очевидно дѣйствующаго на ходъ Бѣловой кометы, и повидимому уменьшающаго большую ось кометныхъ орбитъ, а слѣдственно и время ихъ оборота, — всѣ эти обстоятельства могутъ какъ нарочно обмануть наши ожиданія и замедлить или ускорить срокъ возвращенія кометы, къ перигелію или ближайшему разстоянію ея отъ солнца.

«Она будетъ видна во всей Европѣ съ конца августа или начала сентября, то есть, мѣсяца за два до прохожденія чрезъ перигелій. Положеніе кометы будетъ весьма благо-

пріятствовать явленію ея въ полномъ блескѣ: она пройдетъ черезъ зенитъ Парижа 3 октября. Ее можно будетъ видѣть простымъ глазомъ и какъ звезду первой величины, но свѣтъ ея будетъ тусклѣе планетнаго, заслоненный блѣдною облачностью, которою она должна быть окружена. Къ исходу ноября комета исчезнетъ въ солнечныхъ лучахъ и выйдеть изъ нихъ къ концу декабря. Быть-можетъ, она будетъ видна еще нѣсколько дней, но какъ разстояніе ея отъ солнца должно увеличиваться весьма быстро, то мы скоро потеряемъ ее изъ виду.

«Таковы будутъ физическіе признаки кометы 1759 года въ нынѣшній ея возвратъ, если только испареніе не уменьшило съ того времени толщи вещества, изъ котораго она состоитъ, какъ уже замѣчено въ другихъ кометахъ. Поэтому, въ 1855 году не должно ожидать появленія одного изъ тѣхъ *horribilis aspectu, horrendæ magnitudinis, страшныхъ видомъ, ужасной величины свѣтилъ*, которыя пугали народъ въ вѣкъ невѣжества.

»Физическіе признаки кометъ разнообразны до безконечности. Многія не имѣютъ примѣтныхъ хвостовъ; у другихъ видали ихъ по нѣскольку: комета 1744 года была о шести ясно видимыхъ хвостахъ. Очертаніе, длина и ширина кометныхъ хвостовъ, не подлежатъ, какъ и число ихъ, постояннымъ правиламъ. Есть кометы, которыхъ твердое и темное ядро отражаетъ блестящій свѣтъ, подобный планетному; есть кометы и безъ примѣтнаго ядра, которыя во всемъ своемъ пространствѣ сіяютъ одинакимъ свѣтомъ, и которыя безъ-сомнѣнія не что иное, — какъ скопища паровъ. Видали кометы, которыхъ блескъ спорилъ съ солнечнымъ, другія потемняли луну, третьи были свѣтлѣе Сиріуса, самой лучезарной изъ звездъ, и рядомъ съ этими свѣтилами ежедневно являются такія тускляя, что почти исчезаютъ предъ малѣйшимъ свѣтомъ въ пространствѣ, или полъ телескопа.»

Тогда какъ по вычисленію Г. Понтекулана, Галлеева комета станетъ быть видна въ Европѣ не прежде исхода августа или начала сентября, знаменитый астрономъ Ольберсъ, у котораго есть своя собственная комета, предсказываетъ

совсѣмъ другое. Онъ прислалъ въ Лондонское Астрономическое Общество разсужденіе, въ которомъ старается показать, что комета, говоря журнальнымъ слогомъ, ожидаемая съ такимъ нетерпѣніемъ, можетъ быть видна и въ мартѣ, до соединенія ея съ солнцемъ. Вѣроятность эту основываетъ онъ преимущественно на томъ обстоятельстве, что другія кометы, особенно комета 1811 года, были видны въ большихъ разстояніяхъ отъ солнца и отъ земли сравнительно съ тѣми, въ какихъ будетъ находиться Галлеова весною 1835 года. Докторъ Ольберсъ не полагаетъ ее такой величины, чтобъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, она могла быть видна столь же ясно, какъ блестящая комета 1811 года; однако жъ прежніе наблюдатели описываютъ ее довольно значительною. Сверхъ-того, она будетъ освѣщена солнцемъ сильнѣе, чѣмъ была комета 1811 года въ августѣ 1812, когда Г. Висневскій наблюдалъ ее окончателно, употребляя къ тому телескопы гораздо слабѣе тѣхъ, какіе имѣемъ мы нынче. Опираясь на значительномъ блескѣ Галлеевой кометы въ 1682 году, докторъ Ольберсъ, разумется, предполагаетъ, что съ той поры не потеряла она ни какой чувствительной убыли въ своей толщѣ. Многіе астрономы вѣрятъ, что вещество кометъ постепенно разсѣвается; но доселѣ не имѣемъ мы данныхъ для вывода подобнаго заключенія о Галлеевой кометѣ. Въ 1607 и 1759 годахъ казалась она блѣдною и тусклою, а въ 1682 году была весьма блестяща; и тусклость ея въ 1607 и 1759 годахъ можно объяснить тогдашнимъ положеніемъ кометы между солнцемъ и землею, не прибѣгая къ перемѣнѣ толщи. Еще одно важное замѣчаніе: комета Энке была видна въ гораздо большемъ разстояніи отъ земли и отъ солнца до прохожденія ея чрезъ перигелій, чѣмъ послѣ. Если то же будетъ и съ Галлеевою, то вѣроятность увидѣть ее нынѣшнюю весну еще болѣе усилится.

ВЛИЯНІЕ ОТПРАВЛЕНІЙ УМСТВЕННЫХЪ НА ТѢЛЕСНЫЯ.

Матерьялисты, вышедши изъ анатомическихъ школъ съ умами, наполненными двѣмъ строеніемъ человеческого тѣла, объясняютъ все организаціей, и говорятъ, что мысль такое же отпрямленіе мозга, какъ пищевареніе — желудка,

или, словами графа Дестюттъ-Траси, что «мыслесцепленіе просто механическая и химическая связь органическихъ движеній.» Ихъ противники, по примѣру Беркелея, впадаютъ въ другую крайность, и распространяютъ спиритуализмъ даже на явленія совершенно вещественнаго начала. И здѣсь, какъ вездѣ, истина гдѣ-нибудь находится въ серединѣ. Присутствіе въ человѣкѣ двухъ жизней, животной и духовной, которыхъ дѣйствія чрезвычайно перепутаны и сплетены другъ съ другомъ, очевидно для каждаго безпристрастнаго наблюдателя: по мнѣнію нашему, вопросъ нынче состоитъ въ томъ, — которое именно дѣйствіе принадлежитъ тому или другому началу? Философія, вмѣсто восторженныхъ мечтаній объ отвлеченномъ Я, лучше бы сдѣлала, если бъ соединилась съ Физиологіей и Естественной Исторіей, и занялась при ихъ пособіи опытнымъ изслѣдованіемъ, въ цѣлой цѣпи животнаго царства, этой важной задачи одушевленнаго бытія. Г. Дюфуръ въ своемъ новомъ «Опытѣ изученія человѣка относительно къ животной и умственной его жизни», старается опредѣлить выводами изъ многочисленныхъ фактовъ явленія, принадлежація каждой изъ двухъ сторонъ, и потомъ изслѣдовать сущность ихъ несходства и связи. Мы не говоримъ, чтобы изысканія его были вообще удовлетворительны, но онъ представляетъ весьма оригинальныя и любопытныя доказательства различія между духовною и животною жизнію, основываясь преимущественно на способности человека повѣлывать посредствомъ ума и воли самыми пламенными желаніями и самыми крайними нуждами тѣла: онъ приводитъ нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи.

«Въ арміи знавалъ я одного молодого солдата, хилаго сложеніемъ, который, несмотря на частыя наказанія, упорно притворялся подверженнымъ паучей болѣзни. Чтобы преодолѣть его упрямство, рѣшились мы въ первый припадокъ капать ему сургучъ на голое тѣло: плутъ, помощію одной воли, вытерпѣлъ муку, продолжавшуюся нѣсколько минутъ, безъ малѣйшаго признака чувствительности. Но когда ему пригрозили еще жесточайшимъ наказаніемъ, онъ сознался въ обманѣ.

«Другой солдатъ, въ пятнадцатомъ конномъ полку, такъ

искусно разыгрывалъ глухаго, что ни какія испытанія не могли заставить его измѣнить себя. Полковникъ, надѣясь подстеречь его, спрятался однажды въ конюшню, гдѣ онъ съ нѣсколькими товарищами задавалъ лошадямъ сѣно; вдругъ когда этого никто не ожидалъ, полковникъ сдѣлалъ два пистолѣтные выстрѣла, которые всѣхъ перепугали, кромѣ глухаго: видя, что солдатъ и не дрогнулъ, онъ рѣшился уволить его въ отставку. На другой годъ полковникъ узналъ этого человѣка въ Фонтенебло, и къ великому удивленію пашель, что онъ превосходно слышитъ. Полковникъ не могъ надивиться, когда уволенный сталъ просить прощенья въ томъ, что такъ славно обманулъ прежняго своего начальника.

« Недавно одинъ молодой человѣкъ, чтобъ выдать себя за законнаго наследника одного богатаго имѣнія, представлялся глухонѣмымъ. Постоянно сохранивъ видъ дурака и всегда на-сторожъ отъ хитростей, онъ уничтожалъ всѣ уловки, которыми хотѣли обличить его. Дѣйствительно, одною силою воли, онъ совершенно подавилъ чувствительность своихъ слуховыхъ нервовъ: даже во время сна, когда вдругъ выстрѣливали надъ самымъ его ухомъ, оставался онъ безчувственнымъ какъ камень. Онъ конечно успѣлъ бы въ обманъ, если бъ не измѣнили ему другія, постороннія обстоятельства. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ дѣйствія воли совершенно различны отъ явленій физической жизни, и что даже смѣшно было бы относить ихъ къ одному и тому же началу. »

Другое доказательство, на которое сильно опирается Г. Дюфуръ, состоитъ въ томъ, что есть много случаевъ, гдѣ человѣкъ при смерти, — страдающій напимѣръ аневризмою начальственной вены, — сохраняетъ умственные способности во всей силѣ единственно помощію твердости духа.

« Я былъ очевидцемъ смерти одного старика, который за нѣсколько минутъ передъ кончиною убѣдилъ всѣхъ присутствовавшихъ точною, силою и вѣрностью своихъ разсужденій, что, хотя видимое и осязуемое выраженіе мысли

не можетъ обойтись безъ дѣйствія нѣкоторыхъ органовъ; однако жъ начало, творящее мысль, не можетъ быть то же самое, которымъ поддерживаются эти органы.»

Книга Г. Дьюэра заслуживаетъ вниманіе. Философія тогда только сдѣлается наукою истинно полезною, когда рѣшится быть наукою опытною, и станетъ собирать факты.

ДОЛИНА ПЕЩЕРЪ НА ОСТРОВЪ СВ. МИХАИЛА. Капитанъ Борнъ, посѣтившій въ прошломъ году эту прославленную долину, сообщаетъ объ ней примѣчательныя подробности въ сочиненіи своемъ — *Description of Azores, 1855*, — «Описаніе Азорскихъ Острововъ». Въ «Долинѣ Пещеръ» кромѣ множества ручейковъ и ключей, бьющихся изъ земли во всѣ стороны, есть три большія вмѣстителя горячей воды, которая кипитъ безпрестанно и съ ужасною силою, иногда при отголоскѣ страшныхъ выстрѣловъ и другихъ родовъ шума подъ землею. Большой изъ этихъ водоемовъ имѣетъ около пяти аршинъ въ поперечникъ. Температура воды бываетъ въ немъ отъ 22 до 80 градусовъ, тогда какъ вокругъ она не болѣе 17°. Другой водоемъ, или котель, не такъ великъ, но почти одинаковаго свойства.

«Саженьхъ въ пяти къ сѣверу отъ большаго котла есть третій, называемый Педра Ботилля, въ неизменномъ пещерномъ положеніи: вода кипитъ въ немъ очень сильно, какъ въ настоящемъ котлѣ, и также съ подземнымъ шумомъ. Онъ извергаетъ множество мыловатаго ила, котораго цѣлительность въ накожныхъ болѣзняхъ и нарывахъ доказана удивительными примѣрами. Но любопытнѣйшее явленіе, которымъ знаменита Педра Ботилля, или Скала-Бутылка, состоитъ въ томъ, что если громко закричать въ отверстіе этого котла, кипяткомъ начнетъ бить далеко за предѣлы ключа, на разстояніе, соразмѣрное силѣ голоса. Признаюсь, рассказамъ объ этомъ я не слишкомъ вѣрилъ, но представьте мое удивленіе, когда крикъ нашего общества убѣдилъ меня въ ихъ справедливости, а бывший съ нами Бразилецъ увѣрялъ насъ, что ему случалось видѣть, въ отвѣтъ на голосъ, изверженіе сердитой воды съ огнемъ и дымомъ. Извольте, господа франки, объяснить это явленіе!»

Вблизи есть много другихъ цѣлительныхъ ключей. Нѣ-

которые изъ нихъ холодныя и содержатъ селитрянную свръхную и угольную кислоту съ желѣзомъ, квасцами и магниною. Одинъ сильно упитанъ углекислымъ газомъ, чрезвычайно приятенъ на вкусъ, способствуетъ пищеваренію и производитъ почти тотчасъ же аппетитъ. Какъ жаль, что такое мѣсто остается въ совершенной неизвѣстности и почти безъ всякой пользы для свѣта?

ВОДЧЕСТВО МУХОЛОВОВЪ. Природа ни въ чемъ такъ не удивительна, какъ въ средствахъ, которыми замѣняетъ она разумъ въ безразумныхъ тваряхъ. Наблюденіе изъ кабинета обыкновенно слѣпо въ этомъ случаѣ, или слишкомъ гордо для того, чтобъ отдать справедливость механизму мысли въ существахъ ниже человѣка. Надо было быть такому энтузіасту къ природѣ, какъ Г. Одиобонъ, чтобъ сдружиться всею душою съ мелкимъ, воздушнымъ ея хозяйствомъ, проникнуть въ самыя тайныя его подробности и согрѣть его тѣми же чувствованіями, какими человѣкъ облагораживаетъ въ глазахъ своихъ кругъ собственныхъ дѣйствій. Зато его наблюденія открываютъ на каждомъ шагѣ новый рядъ идей, и теплыя, одушевленные его рассказы переносятъ васъ въ семейную жизнь пернатыхъ, съ которыми вы готовы раздѣлять, подобно ему, и домашніе ихъ хлопоты, и житейскія соображенія.

«На тополь, который почти касался моего окна, говорить онъ, замѣтилъ я гнѣздо мухолововъ. Никогда не видалъ я его такъ низко и до-сихъ-поръ не имѣлъ случая подсмотреть такъ хорошо образъ жизни этой маленькой породы. Гнѣздо было почти такого же вида, какъ и другія, которыя удавалось мнѣ сбивать пулями съ вершинъ высокихъ деревьевъ; но оно не было повѣшено на вѣточкахъ, потому, что птички видно не опасались здѣсь змѣи, а прикрѣплено было къ самому стволу. Птички строили егѣ дѣтей восемь, работая больше по утрамъ и ввечеру. До выбора мѣста этого мѣста, я часто видалъ, какъ онѣ осматривали дерево и щебетали вмѣстѣ, какъ-будто поздравляя другъ друга съ находкою такого удобнаго и безопаснаго пристанища. Однажды утромъ я подсмотрѣлъ ихъ обнѣхъ за работою; онѣ ужъ прикрѣпили нѣсколько тоненькихъ

травиннокъ къ сучечкамъ и къ корвѣ ствола и расположили ихъ въ кружокъ, лучеобразно. Потомъ продолжали онѣ работу до тѣхъ поръ, пока на этихъ лучахъ; служившихъ основою, выткали другими травинками родъ нѣжной ткани въ видѣ открытаго мѣшечка. Къ концу втораго дня, нанесли онѣ частицъ шершеныхъ гнѣздъ и пшеничной шелухи, и натыкали ихъ въ дырочки между рядами травиннокъ своей ткани, которую подбали еще для прочности шелковистыми волокнами растеній. На третій день, птичекъ не было: я думалъ, что кошка унесла ихъ, подкравшись съ кровли, и отчаявался увидѣться съ ними опять. Однако жъ на слѣдующее утро голось ихъ разбудилъ мое вниманіе, прежде чѣмъ я всталъ съ постели: онѣ опять прилежно трудились. Матерьялы, теперь ими употребляемые, состояли преимущественно изъ чрезвычайно тонкихъ травиннокъ, которыми онѣ устилали внутренность гнѣзда. Малютки улетали и черезъ часъ возвращались вмѣстѣ съ носею травы: по-этому я полагалъ, что онѣ отправляются за ней куда-нибудь далеко. Я вышелъ на улицу, чтобъ посмотреть, въ которую сторону онѣ пустятся, и слѣдовалъ за ними, пока онѣ порхали къ рѣкѣ съ дерева на дерево. Тутъ онѣ остановились и какъ-будто выжидали меня съ нетерпѣніемъ: когда я немного отошелъ, онѣ полетѣли далѣе, на большой лугъ, гдѣ стоялъ стогъ сѣна. Онѣ опустились на него, и въ нѣсколько минутъ выбрали по травинкѣ. Возвратясь тѣмъ же путемъ, онѣ такъ медленно порхали съ дерева на дерево, что терпѣніе мое подверглось жестокому испытанію. Еще цѣлые два дня летали онѣ за той же травкою, для выстилки своего дома. Въ седьмой я видѣлъ одну самку за работою: она употребляла шерсть и конскій волосъ. Во весь почти слѣдующій день обвѣ птички только и дѣлали, что сглаживали внутренность. Онѣ входили въ гнѣздо, топтали, садились, повертывались, и обминали свою обшивку разъ посту въ часъ. Самецъ пересталъ чиркать: онъ и его подруга были, кажется, въ большихъ хлопотахъ. Они чего-то боялись; можетъ подозрѣвали меня въ злонамѣренности; улетали и возвращались такъ часто, что этотъ урокъ въ гнѣздостроеніи наконецъ утомилъ меня нешутя. Но опасенія ихъ разсыпались со-временемъ.

«Въ теченіе пяти сутокъ положено было столько же личекъ, — маленькихъ, узкой продолговатой формы, бѣлыхъ, съ рѣдкими красновато-черными крапинками на широкомъ концѣ ихъ. Птички сидѣли на нихъ поочередно, хотя и безъ срока, и въ двѣнадцатый день вылупились птенцы. Я замѣтилъ, что самецъ приносилъ самкѣ мошекъ, а она жевала и размачивала ихъ въ своемъ носикѣ и потомъ клала въ клювъ малюткамъ съ такой заботливостью и нежностью, что я не могъ на нее налюбоваться. Для чрезъ три или четыре началъ кормить ихъ и самецъ, и каждый разъ, какъ я подходилъ къ нимъ, мнѣ казалось, что они подросли.

«Въ пятнадцатый день, около осьми часовъ утра, птенцы всѣ вышли на край гнѣздышка и клевали по обыкновенію. Они пробыли тутъ цѣлый день, и только передъ захожденіемъ солнца удалились во внутренность своего домика: старыя птицы часто садились на вѣткѣ немного повыше ихъ, и съ родительскою гордостью смотрѣли на свое потомство. Въ шестнадцатый день по выходѣ ихъ изъ скорлупы, они взмахнули крылышками, и съ удивительной ловкостью и силой стали порхать по вѣткамъ. На слѣдующій день они клевали кормъ на томъ же деревѣ и сидѣли тѣсно вядѣ на маленькомъ сучкѣ, а отецъ съ матерью надъ ними. На другое утро они перелетѣли черезъ улицу и потомъ пустились въ плодовой садъ, на нѣсколько сотъ сажень отъ моего дома. Самъ Гюберъ не подсматривалъ за своими пчелами такъ внимательно, какъ я за этими милыми и смѣтливими птичками, но наконецъ я поневолѣ отсталъ отъ нихъ и признаюсь — съ крайнимъ сожалѣніемъ.»

НОЧЛЕГЪ ЛАСТОЧЕКЪ ВЪ АМЕРИКѢ «Извѣстно, что ласточки улетаютъ отъ насъ на зиму въ жаркія страны Африки. Можно судить по слѣдующему случаю, замѣченному въ Америкѣ о томъ, какъ онѣ проводятъ время безъ гнѣздъ и безъ отдѣльныхъ хозяйствъ въ своемъ Африканскомъ изгнаніи. «Въ Лунсвилѣ, говоритъ тотъ же авторъ, сказывали мнѣ, что неподалеку отъ города есть дерево, замѣчательное по множеству ласточекъ, нищихъ въ немъ пристанища. Я пошелъ туда, и увидѣлъ дикую смоковни-

цу, почти безъ вѣтвей, до десяти сажень вышиною, и болѣе сажени въ поперечникъ у корня. Сажень въ семи отъ земли, гдѣ дерево имѣло еще слишкомъ два аршина поперечника, торчалъ сукъ сломленной, пустой вѣтви. Сюда-то входили ласточки. Осмотрѣвъ дерево, я нашелъ, что оно крѣпко, но внутри пусто почти до корней. То было въ іюль мѣсяцъ. Ласточки вились надъ Джефферсвилемъ, Луисвилемъ и окрестными лѣсами, но близъ дерева не было ни одной. Я пошелъ домой и скоро воротился пѣшкомъ. Солнце садилось за Серебряными Холмами; вечеръ былъ прекрасный; тысячи ласточекъ летали надо мною, и по три, по четыре, вдругъ впархивали въ отверстіе, какъ пчелы въ улей. Я прислонился головою къ дереву и слушалъ, какъ страшно онѣ шумѣли, усаживаясь по мѣстамъ, до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ стемнило: тутъ я удалился, хотя и зналъ, что еще многимъ оставалось войти въ дупло. Нельзя было и подумать перечестъ ихъ; онѣ врывались цѣлыми стаями. Только я успѣлъ воротиться въ Луисвилъ, сильная гроза прошла надъ городомъ и заставила меня заключить, что ласточки отъ нея и торопились укрыться.

«Я всталъ такъ рано, что поспѣлъ туда до разсвѣта, и опять прислонился головою къ дереву. Все было тихо. Я простоялъ въ этомъ положеніи минутъ двадцать, какъ вдругъ показалось мнѣ, что дерево потряслось и на меня валится. Я невольно отскочилъ, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что оно преспокойно стоитъ на мѣстѣ: только ласточки льются изъ него черной, непрерывной струею. Я бросился къ дуплу и съ изумленіемъ внималъ происходившему внутри шуму, который сравнится только съ гуломъ огромной мельницы, приводимой въ дѣйствіе быстрымъ потокомъ. Было еще такъ темно, что я едва могъ разглядѣть часы, но думаю, что ласточки вылетали по крайней-мѣрѣ полчаса непрерывно. Послѣ этого въ дуплѣ не было ни малѣйшаго шума, и быстро разлетѣлись онѣ во всѣ стороны.

«Тотчасъ же вздумалъ я осмотрѣть внутренность дупла, и для этого пригласилъ съ собою товарища. Мы пришли съ крѣпкимъ крюкомъ и канатомъ, и послѣ многихъ неу-

дичныхъ покушеній удалось мнѣ взобраться на дерево и свѣсть на сукъ; но я ничего не увидѣлъ въ отверстіе и ничего не дошупался палкою, хотя она была сажени въ двѣ длины. Наконецъ я слѣзь утомленный и обманутый въ ожиданіяхъ.

« На другой день я нанялъ челоѵька, который прорубилъ мнѣ отверстіе внизу дерева. Черепъ былъ не толще шести вершковъ, и топоръ скоро обнаружилъ толщу слипшихся и полусогнившихъ перьевъ, насѣкомыхъ и нечистотъ, которую я также велѣлъ продолбить на сажень. Для этого потребовалось довольно времени. Я зналъ изъ опыта, что если птицы замѣтятъ отверстіе, онѣ совсѣмъ покинутъ дерево, и тщательно прикрылъ свою работу. Ласточки слетѣлись въ этотъ вечеръ по прежнему и я не трогалъ ихъ нѣсколько дней. Наконецъ, взявъ потаенный фонарь, пришли мы съ товарищемъ часу въ девятомъ и рѣшились осмотрѣть внутренность дупла. Открыли отверстіе: я первый вскарабкался въ толщу перьевъ, товарищъ за мною. Типина была совершенная. Осторожно и исподволь навелъ я свѣтъ на высшую часть дупла и увидѣлъ, что вся поверхность его унизана тысячами ласточекъ. Онѣ спали, уцѣпившись за стѣну, и плотно прижавшись другъ къ другу, но я не замѣтилъ, чтобы которая изъ нихъ сидѣла на другой. Довольный этимъ зрѣлищемъ, я затворилъ фонарь. Мы поймали и перебили какъ можно тише съ сотню ласточекъ, наполнили ими карманы и пазухи и вышли на свѣжій воздухъ. »

МЕДВѢЖЬЕ ЧАДОЛЮВІЕ. United Service Journal, «Журналъ морской и сухопутной службы», издаваемый въ Лондонѣ, напечаталъ воспоминанія одного офицера объ известной экспедиціи къ сѣверному полюсу, отправившейся подъ начальствомъ капитана Парри, въ 1824 году. Мы удовольствуемся выпиской любопытнѣйшихъ мѣстъ изъ этихъ немножко запоздалыхъ воспоминаній.

«Первый предметъ, приковавшій мое вниманіе за предѣломъ Атлантическаго Океана, была ледяная гора, которая показалась мнѣ сначала обыкновенною безплодною горою. Но черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ чудесныя башне-

образныя формы этой огромной толщи, и къ вечеру блѣдность западнаго небосклона извѣстила насъ о прибытіи въ царство льдовъ.

«Мы бросили якорь въ маленькой пристани у берега Гренландіи, гдѣ находится Датская колонія. Вдали разбросано было нѣсколько жалкихъ хижинъ. Губернаторъ этой колоніи, природный Датчанинъ, повелѣваетъ сотнею Эскимосовъ. Другое примѣчательное лице Гренландіи — какой-то Питеръ, фактотумъ колоніи, или попросту человекъ на всѣ руки: онъ и плотникъ, и лопманъ, и переводчикъ, и даже — пасторъ!

«Зимую случилось намъ видѣть трогательный примѣръ медвѣжьяго чадолюбія. Съ полмили отъ нашихъ кораблей показалась однажды медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Наши Эскимосскія собаки погнались за нею. Когда она увидѣла, что берегомъ ей не уйти, то бросилась по льду ко входу въ пристань, гдѣ море еще не совсѣмъ замерзло. Собаки бѣжали скорѣе медвѣжата, и потому matka нарочно немного отставала, оспаривая у преслѣдователей каждый шагъ, и прикрывая отступленіе своихъ дѣтенышей. Наконецъ они кинулись въ воду, но старуха прехитро удерживала враговъ до тѣхъ поръ, пока медвѣжата были вѣтъ всякой опасности. Тогда только пустилась она въ воду и поплыла за ними. Но скорѣе пришлось ей бороться съ непріателемъ другаго рода. Одна изъ нашихъ лодокъ шла ей на встрѣчу. Увидѣвъ ее, бѣдная matka перепугалась до смерти. Она забыла о собственной опасности, погружалась нѣсколько разъ въ воду, и старалась толкать впередъ своихъ дѣтенышей. Когда оба они были ранены выстрѣлами, она опять ныряла до тѣхъ поръ, пока они успѣлись къ ней на спину. Наконецъ всѣ трое были убиты изъ нашей лодки.»

ЛѢСНЫЕ ПОЖАРЫ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Жители Европы съ трудомъ могутъ постигнуть ужасное впечатлѣніе, приводимое въ Америкѣ кликомъ—Forest on fire! «Лѣсъ горить!» Это — нашествіе военныхъ силъ природы на звѣрей и на человека. Картины этихъ страшныхъ сценъ опустошенія, помѣщенные въ двухъ новѣйшихъ частяхъ сочиненій — Исторіи Американскихъ Колоній, Г. Монтгомери

Мертина, — Біографіи Птиць, Г. Одюбона, — о которыхъ уже говорили мы въ предъидущей книжкѣ, заставляютъ насъ дать понятіе о дѣйствіи огня на поверхности Нового Свѣта.

Должно представить себѣ цѣлыя государства лѣсовъ дѣственныхъ, въ которыхъ тысячелѣтнее, сильное, богатое прозябаніе, нерѣдко сплетенное, или лучше сказать, слитое въ плотныя зеленныя массы, вдругъ поражается смертію на огромныхъ пространствахъ. Тучи особеннаго рода насѣкомыхъ, прилетающія изъ неизвѣстныхъ гнѣздалищъ, въ одно лѣто пожираютъ всѣ лѣстья, такъ, что остаются только остовы исполинскихъ деревьевъ; другія насѣкомыя подтачиваютъ и съѣдаютъ корни, и первая буря опрокидываетъ на землю цѣлыя лѣсныя области. Эти великія развалины растительнаго царства, высушенныя солнцемъ, доставляютъ первый и превосходный матеріалъ пожарамъ, которыхъ огненные волны скоро разливаются во всѣ стороны. Между-тѣмъ, въ лѣсахъ паходятся селенія и усадьбы; хижины ловцевъ разсыяны по всему ихъ протяженію; стада быковъ и коней пасутся на полянахъ, чащи населены тиграми, ягуарами, медвѣдями, оленями, дикими индѣйками, множествомъ всякаго рода звѣрей, личины и пресмыкающихся. При первомъ появленіи пожара, отголоски охотничьихъ рожковъ раздаются съ разныхъ сторонъ, зеленые своды гремятъ гибельною вѣстью, и все это разнородное населеніе, бросивъ дома, логовища, вертецы, норы, вѣтви, бѣжитъ, летитъ, скачетъ или ползетъ въ степи и открытыя мѣста, погружается въ озера, и ищетъ спасенія отъ грозной стихіи, которая быстро преслѣдуетъ бѣгущихъ, заставляя ихъ иногда пробираться сквозь ея огненные валы и гибнуть въ вихрь пламени, дыму, стоновъ и треска.

Г. Мертинъ описываетъ пожаръ, случившійся въ 1825 году Майрамини, одной изъ Ново-Брауншвейгскихъ колоній.

«Шестаго октября огонь очевидно приближался къ Ньюкастлю; по временамъ пламя клочьями прорывалось изъ чащи лѣса. Многіе слышали трескъ валящихся деревьевъ и вѣтвей, и какой-то рокоть, подобный отдаленному грому, раздавался отъ времени до времени, точно какъ залпы артил-

лерии. Седьмого октября жаръ усилился, и сталъ такъ тяжкъ, что многіе чувствовали отъ него разслабленіе. Около двѣнадцати часовъ блѣдный туманъ съ легкимъ багрянымъ отливомъ поднялся изъ лѣсу и остановился надъ нимъ неподвижно.»

«Туча эта уступила мѣсто другой, черной, которая одѣла все небо саваномъ дыма и стояла въ одномъ положеніи до трехъ часовъ,—отчего жаръ сдѣлался мучителенъ до нестерпимости. Не было ни малѣйшаго дуновенія; атмосфера слишкомъ сгустилась; всѣми овладѣла тягость неодолимая, и страшное безмолвіе царствовало вездѣ кромѣ лѣсовъ, которые шипѣли, трещали, гремѣли и валялись съ ужасными и безпрестанными взрывами. Въ это время вся окрестность казалась уже объятою огненнымъ поясомъ, который постепенно стягивался и ничего не щадилъ на пути своемъ.

«Громъ за громомъ возвѣщали объ истребительныхъ успѣхахъ пламени, и каждый разъ наводили новый ужасъ. Съ алчною быстротою разливался огонь по чащамъ, ничего не обходя имъ мимо, и восемь или девять сотъ верстъ испепеленной почвы означили грозный слѣдъ его.

«Чтобъ вознѣмѣть хотя слабое понятіе о бѣдствіи, котораго ни какое перо описать не сильно, должно вообразить себѣ большую и быструю рѣку съ многочисленными селеніями по обонимъ берегамъ, верстъ на полтора ста пространства, и въ числѣ ихъ четыре цвѣтушіе города. Всѣ эти города и селенія состояли изъ деревянныхъ домовъ, сараевъ, амбаровъ и житницъ; всѣ эти житницы, сараи и амбары наполнены были хлѣбомъ, крѣпкими напитками, порохомъ и множествомъ другихъ горючихъ веществъ. Обработанная или заселенная часть берега образовала длинную полосу, не болѣе версты шириною, стѣсненную между рѣкой и почти безконечными лѣсами, которые отъ самага предѣла этой полосы простирались во всѣ стороны, и покрывали болѣе двадцати шести тысячъ квадратныхъ верстъ своими непроходимыми чащами. Необыкновенные жары продолжительнаго лѣта превратили ихъ почти въ труть. Теперь вообразите все это въ нѣсколько часовъ объятое пламенемъ, и безчисленное множество дикихъ и домашнихъ животныхъ, даже тысячи людей, которые напрасно ищутъ спасенія.»

«Ньюкастль, бывшій еще наканунѣ цветущимъ, веселымъ, торговымъ городкомъ, превратился въ кучу дымящихся головень; Догласъ-тоунъ подвергся той же участи. Изъ двухъ сотъ шестидесяти домовъ и амбаровъ, составлявшихъ первый, уцѣлѣло не болѣе двѣнадцати, а изъ семи десяти, заключавшихся въ последнемъ, только шесть. Разсвѣянные толпы голодныхъ, полунагихъ, изувѣченныхъ и безпріютныхъ созданій бродили по пепелищу: кто оплакивалъ потерю всего имущества, кто дѣтей, кто друзей, кто сродниковъ. Нѣкоторые трупы валялись съ обнаженными внутренностями, другіе съ обгорѣвшимъ тѣломъ и черными, дымящимися костями; тамъ одно безглавое туловище и оконечности, здѣсь цѣлый человѣкъ, но превращенный въ золу: задохшіеся въ дыму посинѣли и отекали; многіе лежали въ страшномъ, последнемъ содроганіи муки. Быстръ и насильственъ былъ переходъ ихъ отъ жизни къ смерти, и какъ печально, какъ мрачно ихъ кладбище! Тысячи дикихъ звѣрей погибли въ лѣсахъ, и изъ гніющихъ тѣлъ ихъ поднялась туча заразительныхъ испареній и нависла надъ остатками селъ и городовъ, гдѣ валялись еще домашнія животныя. Мириады рыбъ, отравленныхъ щелочью золы, которую нанесло въ рѣку, лежали мертвыя или чуть дыша вдоль низменнаго берега: безчисленное множество птицъ и пресмыкающихся раздѣляли общую участь.»

Болѣе пятисотъ человѣкъ погибло въ этомъ бѣдствіи. Въ Майрамичи стояло полтораста большихъ судовъ; нѣкоторыя изъ нихъ сгорѣли вплоть до воды, другія только частію.

ІЕРУСАЛИМЪ ВЪ 1831 ГОДУ. Мы уже извѣстили о выходѣ въ свѣтъ пятаго тома «Восточной Переписки», *Correspondance d'Orient*, Гг. Мишлѣ и Пужулѣ: въ этомъ занимательномъ путешествіи находится очеркъ нынѣшняго Іерусалима.

«Іерусалимъ не обманываетъ взора: онъ не прекрасенъ ни издали, ни вблизи; отнимите немногіе памятники, немногія башни, и вамъ представится видъ самый скучный. Эта огромная куча каменныхъ домовъ, которыхъ плоскія крыши оканчиваются маленькими куполами, темнодікій цвѣтъ этихъ однообразныхъ громадъ, печальное ихъ выра-

женіе, каменистая и бесплодная почва, окружающая городскія стѣны, въ которыхъ кажется только и есть, что гробницы, надъ головою пустынное небо, гдѣ часто ни одна птица не пролетитъ на обширномъ пространствѣ,—все вмѣстѣ составляетъ такую картину, на которой грусть и одиночество рисуются въ самыхъ мрачныхъ оттенкахъ. Войдете въ Иерусалимъ, — какаѣ ягла! Узкія, темныя улицы; развалины огромныхъ базаровъ, въ которыхъ мѣстами встречается Еврейскій, Греческій или Армянскій купецъ; табачныя лавочки, содержимыя мусульманами; обвалившіяся гостиницы, гдѣ завязкій Аравитянинъ спитъ на полу возле своего коня; цѣлыя части города совсѣмъ пустыя; обрушенные дома, пустыри поросшіе травою или заваленные нечистотами и щебнемъ; ялущъ и малорослыя пальмы, выходящія изъ расщелинъ; на улицѣ бѣлый или красный халатъ мусульманина, и за нимъ темная спанча райи или покрывала женщинъ, которыя спѣшатъ какъ бѣглянки, — вотъ внутренность Иерусалима! Нѣтъ ни веселья, ни шума, ни движенія: точно обширная тюрьма, гдѣ дни такъ же безмолвны, какъ ночи ужасны,—или лучше необозримый монастырь, въ которомъ всѣ живущіе безпрестанно на молитвѣ.

«Части Иерусалима похожи на отдельные города, различныя вѣрою и обычаями. Дѣтямъ Исраиля, получившимъ въ удѣлъ самыя пегодныя мѣста во всѣхъ городахъ востока, не привольнѣе и въ столицѣ Саломоновой. Вокругъ *Харатъ-эль-Будъ*, или Жидовской улицы, простирается большой пустырь, который можно было бы назвать стокомъ нечистотъ со всего Иерусалима: тутъ цѣлыя кучи лошадиныхъ, ослиныхъ и собачьихъ труповъ и костей, смѣшанныхъ съ черепками битой посуды, и вонючія испаренія поднимаются отсюда безпрестанно. Иноземецъ, проезжая этимъ полемъ истребленія, невольно спрашиваетъ, — за какое преступленіе заточенъ народъ въ подобное обиталище? Должно прибавить, что тутъ же вельно жить и прокаженнымъ, которыхъ часто видалъ я сидящихъ въ тѣни на жесткой циновкѣ или на голой землѣ передъ большою каменною хижинкой, служащею имъ убѣжищемъ: жалость никогда не облегчаетъ ихъ страданій; имъ даютъ скудную пищу, чтобъ только не уморить голодомъ, и, предоставляли ихъ сгнѣдаю-

щей болѣзни, всѣ бѣгутъ отъ несчастныхъ..... Когда властителямъ вздумается сдѣлать произвольный сборъ, они всегда начинаютъ съ Евреевъ; угнетенія надаютъ на нихъ съ особеннымъ деспотизмомъ, потому что у этого бѣднаго племени нѣтъ ни царя, ни правителя, ни какой власти, чтобъ защитить его: Иерусалимскіе Жидаы отданы на произволь самовластиа безъ помощи и безъ надежды.»

Несмотря на бѣдствія, которымъ они здѣсь подвержены, первая забота каждаго Жида провести остатокъ дней въ Иерусалимѣ, сложить кости въ землѣ праотцевъ. Они стремятся туда изъ Россіи, изъ Польши, изъ Австріи, Германіи, Франціи, — отовсюду. Въ Яфѣ Г. Пужолъ повстрѣчался съ такими пилигримами.

«Туда прибылъ Сардинскій корабль съ двадцатью Жидовками изъ Смирны: младшей изъ нихъ было больше семьдесяти двухъ лѣтъ; одной до ста двадцати, а сто лѣтъ и многимъ. Эти почтенные остатки Исраиля намѣревались купить дорогою цѣною мѣстечко въ долинѣ Иосафатской. Я видѣлъ также нѣсколькихъ Жидовъ изъ Алжира, пріѣхавшихъ съ Французскими видами: они находились подъ покровительствомъ Французскаго консула въ ожиданіи случая отправиться въ Иерусалимъ.

«Иерусалимскіе мусульмане составляютъ отдельную въѣвъ многочисленной семьи и магометанской: паша обходится съ ними весьма осторожно и снисходительно, и дѣлаетъ имъ уступки, равно какъ степнымъ племенамъ. Въ послѣдователяхъ Корана фанатизмъ всегда соразмѣренъ святости ихъ мѣстопребыванія: въ Иерусалимѣ, въ Дамаскѣ, Меккѣ, Мединѣ, больше нетерпимости, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ государства. Завоеваніе Алжира, такъ сильно подѣйствовавшее на всѣ народы востока, произвело могущественное впечатлѣніе въ Иерусалимѣ: мусульмане оказываютъ теперь меньше прежняго непріязни и насилій въ сношеніяхъ съ христіанами, и если еще поносятъ и проклинаютъ гауровъ, то во-крайней-мѣрѣ шепотомъ, изподтишка. Однако жъ католику, греку или Армянину, нельзя безъ осторожности пускаться одному въ *Харать-эль-Мослеминъ*, или часть города, населенную «правовѣрными»: для христіанъ это чужой край, которымъ проходить всегда опасно, — темъ

ный, непріязненный городъ, полный свѣей и тайныхъ мщеній. Здѣсь царствуетъ пустынное безмолвіе, и встрѣчные похожи на блуждающія тѣни.»

Вліяніе католиковъ примѣтно упадаетъ; деньги изъ Европы идутъ тихо, и западныя правительства не принимаютъ участія въ поддержкѣ своихъ монастырей. Греки многочисленнѣе и важнѣе католиковъ, которые прежде нѣмѣли здѣсь рѣшительный перевѣсъ: они главные купцы и фабриканты, и въ послѣдніе годы стали даже заниматься литературою. Но взаимная ненависть между ими и католиками ни мало не ослабѣла. Армяне теперь быстро богатеютъ, и слѣдственно становятся сильнѣе: авторъ почти готовъ думать, что они скоро завладѣютъ всею Турецкою имперіей. Они подобно Оттоманамъ отличаются упорствомъ; ничто не отвратитъ ихъ отъ предполагаемой цѣли, а эта хитрая настойчивость всегда почти вѣнчается успѣхомъ. Послѣднее отдѣленіе жителей Іерусалима составляютъ Арабскіе католики: ихъ около восьми сотъ человекъ.

ПЫШНОСТЬ РЕНДЖИТЬ-СИНА. Мы сообщили въ прошломъ году мнѣніе покойнаго Жакмона объ этомъ знаменитомъ властелинѣ Лагора и Кашмира. Поступокъ его съ Кабульскимъ ханомъ, искавшимъ у него убѣжища, и средства, употребленныя Ренджитъ-Синомъ, чтобъ исторгнуть у несчастнаго изгнанника извѣстный яхонтъ *Куги-нуръ*, или «Гора блеска», были недавно предметомъ особой статьи этого отдѣленія. Поручикъ Борнсъ, съ путешествіемъ котораго мы уже познакомили нашихъ читателей, при вторичномъ проѣздѣ своемъ чрезъ Лагоръ по дорогѣ въ Бузару, тоже былъ принятъ магараджею, или великимъ царемъ, Ренджитъ-Синомъ, и принятъ чрезвычайно милостиво: онъ даже удостоился видѣть его спальню.

«На концѣ комнаты, говоритъ Г. Борнсъ, стояла походная кровать, заслуживающая описанія. Весь станъ ея, столбики и ножки были покрыты золотомъ, а мѣсто балдахина занималъ валяжный листъ того же металла. Она стояла на золотыхъ подножіяхъ, которыя возвышались на четверть отъ полу. Занавѣсы были изъ Кашмирскихъ шалей. Подлѣ нея стоялъ круглый золотой стулъ. Подъ стая къ

этими украшеніями видѣли мы въ одной изъ верхнихъ комнатъ дворца другія. Свѣчи стояли здѣсь въ большихъ золотыхъ подсвѣчникахъ. Вся комнатка была богато вызолочена, и сторона, выходящая на дворъ, заставлена желтымъ, шелковымъ экраномъ. Здѣсь мы наслаждались обществомъ царственнаго хозяина, который самъ подливалъ намъ вина и ободрялъ насъ пить собственнымъ примѣромъ.»

Но пышность этого предприимчиваго Сейка въ Лагорѣ ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ великолѣпнѣмъ, какимъ, послѣ посольства поручика Борнса, блеснулъ онъ въ лагерь на берегахъ Сетледжа передъ Остъ-Индскимъ генераль-губернаторомъ, лордомъ Вильямомъ Бентинкомъ, пріѣхавшимъ къ нему въ гости. Множество слоновъ въ богатыхъ гудъ и длинные ряды конницы, пѣхоты и артиллеріи, въ желтыхъ шелковыхъ мундирахъ, образовали самое блистательное зрѣлище. Мы должны представить выписку изъ разсказа очевидца, который посмотрѣлся здѣсь на рѣдкости, превосходящія всѣ чудеса Тысячи Одной Ночи.

«Палатки были раскинуты на возвышеніи, саженяхъ въ сорока отъ рѣки, и всѣ окрестныя поля превращены искусствомъ Лагорскихъ садовниковъ въ зеленыя лужайки, на которыхъ высѣяли пшеницею фигуры слоновъ, лошадей, оленей, птицъ, и прочая. Садъ этотъ былъ великолѣпно освѣщенъ и убранъ искусственными цвѣтами, деревьями, золотыми кипарисами, и такъ далѣе. Но внутренность павильона сіяла такимъ богатствомъ и великолѣпнѣмъ, которыя затмѣваютъ описаніе чертоговъ Гарунъ - Аль - Рашида, или Саломона во всей славѣ его. Полъ устланъ былъ золотой парчею, а въ чудесномъ павильонѣ стояли три круглыя сѣдалища, или трона, окованные золотомъ, удивительной отдымки. Средній назначенъ былъ для магараджи, а боковые для генераль-губернатора и леди Бентинкъ. За тронами стояло золотое ложе, осыпанное брилліантами, изумрудами, рубинами и другими камнями. Свѣчи горѣли въ золотыхъ кандебрахъ. Осмотрѣвъ этотъ *chef-d'œuvre* восточнаго вкуса и великолѣпія, общество сѣло въ сквозной аркадѣ, и первостепенныя особы помѣстились подъ балдахиномъ, котораго богатство поистинѣ неизобразимо. Онъ состоялъ изъ множества драгоценныхъ камней, алмазовъ,

жемчугу, рубиновъ, изумрудовъ, натканныхъ разными узорами такъ густо, что не видно было, на чемъ они укрѣплены.

«Вскортъ явился полкъ амазонокъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и предводительствуемыхъ главною начальницей и тогдашнею любимцею Ренджитъ-Сина, которая отличалась кармазинною одеждою и бѣлымъ перомъ на чалмѣ. Три подручныя начальницы также были съ бѣлыми перьями. Когда онѣ проплясали передъ гостями, магараджа велѣлъ одной изъ нихъ спѣть пѣсню Гюли; передъ его высочествомъ поставили на скамьѣ сутокъ съ круглыми серебряными кубками, наполненными золотой и серебряной пылью, и вмѣстѣ съ пѣснію началась потѣха. Плясунья и магараджа усердно принялись перебрасываться золотымъ вескомъ. Не было пощады ни генераль-губернатору, ни леди Бентинкъ, скоро битва сдѣлалась общою и прекратилась только опорожненіемъ серебряныхъ кубковъ, такъ, что все почтенное общество было осыпано съ ногъ до головы блестящей пылью. Магараджа потерпѣлъ пуше всѣхъ: когда онъ сражался съ амазанкою, плутовка влѣпила ему цѣлую горсть въ здоровый глазъ, такъ, что онъ не могъ протереть его весь вечеръ, и, изъ криваго, чуть было не сдѣлался слѣпымъ.»

ВРЕМЕНСКІЙ ГОРОДСКОЙ ПОГРЕБЪ. Въ блаженныя и живописныя времена, когда вся Европа пила, когда радость, литература и слава расхаживали по землѣ съ бутылкой въ рукѣ, когда городскія думы, сидя на бочкахъ и потряхивая мѣшкомъ золота, играли роль Ваиха - Покорителя съ величавостью владѣтельныхъ особъ и разгульнымъ радушіемъ зажиточнаго мѣщанства, — многіе города, состоявшіе въ связи съ Ганзою и обязанные заниматься политикою, учредили подъ своими ратушами погреба съ превосходными винами, чтобъ обстоятельнѣе разсуждать о дѣлахъ и придать себѣ видъ болѣе величественный.

Духъ времени сидѣлъ тогда въ бутылкѣ, какъ теперь сидитъ въ журналѣ. Войны XVIII столѣтія, которыя стоили Европѣ столько крови и столько стараго вина, по-несчастію встребали бѣольшую часть этихъ погребовъ, превратившихъ

ся въ теченіи вѣковъ въ святилища безцѣнной влаги и со- ставлявшихъ предметъ гордости для тогдашнихъ обществъ. Однако погреба городскихъ думъ Кракова и Бремена пережили со славою все перевороты, все опасности пьющихъ вѣковъ, и пользовались знаменитостью еще въ началѣ текущаго столѣтія, славясь первый своими Венгерскими, второй Рейнскими винами. Важность, съ которою эти города приступали къ своимъ заветнымъ бочкамъ, можетъ показаться нынче карикатурною: бутылка вина вынималась изъ погреба не иначе, какъ по приговору и письменному опредѣленію думы, и подвиги славныхъ мужей того времени часто награждались боченкомъ стараго токаю или рейнвейну, замѣнявшимъ для героя гражданскій вѣнецъ. Одинъ изъ принцевъ Зигенъ-Нассаускихъ, за весьма важную услугу, оказанную Кракову, получалъ отъ этого города бочку столѣтняго Венгерскаго, о которой потомъ его наследники вели процессъ съ думою. Нынче этотъ погребъ, кажется, не существуетъ: по-крайней-мѣрѣ не вѣроятно, чтобъ онъ вынесъ послѣдній ударъ судьбы — нашествіе Французовъ. Когда Москва горѣла, Краковскія бочки должны были изсуметься.

Винный погребъ подъ ратушею города Бремена — древнѣйшій въ цѣлой Германіи, и можетъ еще дать понятіе о старинныхъ этого рода учрежденіяхъ. Въ одномъ изъ его отдѣленій, называемомъ die Rose, «Розою», отъ бронзовыхъ барельефныхъ розъ, служащихъ ему украшеніемъ и вывѣскою, хранится знаменитый розенвейнъ, которому теперь двѣсти одиннадцать лѣтъ. Въ 1624 году поставили туда шесть большихъ бочекъ вина Іоганнисбергскаго и столько же Гохгеймскаго. Въ прилежащей части погреба сберегаются тѣ же вина, которыя хотя нѣсколькими годами и моложе, однако жъ не менѣе драгоценны: они содержатся въ двѣнадцати большихъ бочкахъ, изъ которыхъ каждая называется именемъ одного апостола. Вино Іуды, несмотря на позорность этого имени, предпочитается всемъ другимъ. Въ прочихъ отдѣленіяхъ погреба хранятся разныя вина позднѣйшихъ годовъ. Вынувъ изъ бочки нѣсколько бутылокъ розенвейну, произведенную въ ней пустоту тотчасъ наполняютъ старѣйшимъ виномъ изъ этихъ двѣнадцати бо-

чекъ, а убыль въ послѣднемъ замѣняется такимъ же количествомъ изъ младшей бочки, и такъ далѣе, переходя по порядку отъ первой до послѣдней, которой цѣлость возобновляется уже лучшимъ виномъ изъ другихъ источниковъ. Бочка Данаидъ никогда не наполнялась, а здѣшнія никогда не перестаютъ быть полными: вотъ въ чемъ собственно состоитъ разница между мифологіею Грековъ и мудростію Бременской думы!

Каждая бутылка розенвейну обходится городу около одиннадцати милліоновъ рублей. Это покажется невѣроятнымъ; но легко повѣрить цѣну вычисленіемъ, которое въ концѣ прошлаго года сдѣлалъ одинъ «Нѣмецъ аккуратный». Бочка рейнвейну, содержащая пять оксофтовъ, въ двѣсти четыре бутылки каждый, стояла въ 1624 году тысячу двѣсти рублей, на нынѣшнія деньги. Расчитавъ содержаніе погреба, подати, пропенты и проценты на проценты, найдете, что оксофтъ стоитъ теперь 2,222,628,960 рублей, и слѣдственно каждая бутылка 10,895,240 рублей, — каждая рюмка, или восьмая часть бутылки, 1,361,904 рубля, — и наконецъ каждая капля, полагая тысячу капель въ рюмкѣ, около 1,362 рублей. Вино въ двѣнадцати бочкахъ хранящееся и особенно розовое не продается никому, кромѣ гражданъ Бремена или тѣхъ, кто имѣетъ право на это званіе. Однимъ бургомистрамъ дозволено вынимать по нѣскольку бутылокъ для ихъ собственнаго употребленія или для отсылки въ подарокъ государямъ и владѣтельнымъ князьямъ. Въ случаѣ тяжелой болѣзни, Бременскій гражданинъ можетъ, для спасенія жизни, получить бутылку розенвейну за двадцать рублей, но не иначе, какъ представивъ при прошеніи свидѣтельство врача и на основаніи опредѣленія, записаннаго въ журналѣ городской думы. Бѣднякъ можетъ получить бутылку и даромъ, но съ соблюденіемъ тѣхъ же законныхъ формъ. Гражданинъ въ правѣ просить бутылку еще въ такомъ случаѣ, когда у него обѣдаетъ какой-нибудь знаменитый гость, котораго имя славно въ Германіи или въ цѣлой Европѣ.

Городъ Бременъ посылалъ иногда бутылку розенвейну Гёте въ день его рожденія.

Во время Французскаго владычества, императорскіе генералы бросались съ неслыханнымъ ожесточеніемъ на этотъ драгоценный напитокъ : оттого Бременцы и утверждаютъ, что они одни заплатили Французамъ больше контрибуціи, чѣмъ всѣ Германскіе города вмѣствъ.

ПРИМѢРЪ СУПРУЖЕСКАГО САМООТВЕРЖЕНІЯ. Мы колебались, по уваженію извѣстности именъ собственныхъ, сообщить въ прошломъ мѣсяцѣ одно изъ примѣчательнѣйшихъ нравственныхъ событій; но Англійскіе журналы не были такъ скромны, и предали его свѣдѣнію всей Европы. Теперь оно уже не частная тайна; однако жъ мы считаемъ себя въ правѣ разсказать его болѣе потому только, что оно относится къ судьбѣ одного знаменитаго литератора. Для весьма многихъ, напрасно станемъ мы умалчивать его имя, коль скоро скажемъ, что дѣло идетъ объ ученомъ хранителѣ Берлинской Королевской Библіотеки, издатель Пакувиева *Dulogestes*, авторъ сочиненія *Bilder des Orients*, и поэтъ, доказавшемъ свое дарованіе въ Нѣмецкомъ переводѣ «Греческихъ пѣсней»; за всѣмъ тѣмъ, мы не назовемъ фамили.

Докторъ Г. С^{***}, женился въ Берлинѣ лѣтъ за пять на прекрасной и любезной дѣвицѣ В^{***}. Они жили какъ нельзя счастливѣе, но не имѣли дѣтей. Поэтому все свое время, все вниманіе посвящала она мужу: его успѣхи, слава, счастье, постоянно занимали ея мысли. Лѣтомъ 1833 года предприняли они путешествіе въ Россію, были въ Петербургъ, и воротились въ Берлинъ восхищенные тѣмъ, что видѣли, полные энтузіазма и новыхъ литературныхъ предположеній. Вскорѣ потомъ мужъ занемогъ. Болѣзнь его была особеннаго рода, и врачи опасались, чтобъ онъ наконецъ не поведился въ умѣ. Осенью прошлаго года посѣтили они вмѣствъ Риссингенскія воды, но онъ не получилъ отъ нихъ пользы. Болѣзнь его задержала ихъ на возвратномъ пути въ Ганноверъ; и только-что пріѣхали они въ Берлинъ, онъ отказался отъ должности хранителя при Королевской Библіотекѣ, чтобъ безтревожно наслаждаться спокойствіемъ домашней жизни и по-возможности поправить свое здоровье. Одинъ его знакомецъ часто говорилъ о красивыхъ окрестностяхъ Іены, и они рѣшились провести будущее лѣто въ

этомъ городѣ. Ей особенно этого хотѣлось. Въ приготовленіяхъ, въ разговорахъ о переездѣ текло время, и случилось, что 29 прошлаго декабря докторъ отправлялся въ публичный концертъ. Онъ сказалъ, что не останется слушать симфонію Бетгоvena, опасаясь, что она слишкомъ сильно подѣйствуетъ на его слабые нервы. Нѣжная супруга усильно совѣтовала ему остаться, и онъ послушался, — былъ очень доволенъ музыкой, и пріѣхалъ домой съ новыми предначертаніями къ будущему лѣту. Но вошедъ въ комнаты, онъ засталъ всѣхъ въ крайнемъ смятеніи. Во время его отсутствія, жена надѣла бѣлое платье, принарядилась съ особеннымъ тщаніемъ, пошла въ свою комнату и поразила себя книжаломъ въ сердце такъ рѣшительно и мѣтко, что умерла въ ту же минуту. Служанка, услышавъ ея паденіе и нашедъ обѣ двери запертыми, бросилась за хозяиномъ дома. Вломилась въ комнату, и увидѣли ее мертвою. Тутъ пришелъ несчастный мужъ. На столѣ лежало письмо, написанное твердою рукою на листѣ простой бумаги:

«Несчастіе того какъ теперъ, ты никогда не будешь, «милый другъ мой; ты можешь сдѣлаться счастливѣе при «предстоящей тебѣ печали. Горестъ бываетъ иногда чуд- «нымъ благомъ; ты это на себя увидишь. Мы оба страда- «ли одною скорбію: тебѣ извѣстно, сколько страдала я тай- «нѣ о твоемъ положеніи; никогда ты не упрекнулъ меня, — «ты любилъ, любилъ! Тебѣ будетъ лучше, гораздо лучше. «Отчего? Я это чувствую; но словъ нѣтъ сказать, что чув- «ствую. Послѣ мы соединимся свободнѣе, безъ оковъ. Но «ты долженъ выжить свое время на землѣ. Исполни же «свое предназначеніе и дѣйствуй. Поклонись отъ меня всѣмъ, «кого я любила, и кто любилъ меня взаимно. До свиданія въ вѣчности, твоя
Шарлотта.»

«P. S. Не обнаруживай слабости, будь твердъ, мужественъ, рѣшителенъ.»

Вотъ краткія подробности самоубійства, быть-можетъ, необычайнѣйшаго въ мірѣ. Эта необыкновенная душа съ дивною точностью проникла свойство болѣзни любимаго супруга; она чувствовала и знала, что одна *глубокая печаль* могла дать иное направленіе его мыслямъ и спасти его отъ вели-

чайнаго несчастія, какое только человекъ можетъ испытать въ жизни, — сумасшествія, и добровольно пожертвовала собою для его спасенія. Но что, можетъ-быть, еще удивительнѣй, — съ этой минуты онъ выздоровѣлъ! Врачи говорятъ, что ни какое лекарство не властно было произвести и половины того дѣйствія. Онъ чувствуетъ себя крѣпкимъ, и способнымъ выполнить послѣднюю ея волю и осуществить тѣ обширныя предположенія, о которыхъ онъ всегда думалъ. Онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стиховъ къ друзьямъ ея, гдѣ объясняетъ ея побужденія, ея поступокъ и то дѣйствіе, какое произвели они въ немъ самомъ.

Мы не станемъ дѣлать ни какихъ замѣчаній, и предаемъ это великодушное заблужденіе сердца благороднаго и чувствительнаго размышленію нашихъ читателей.

ЧУДЕСА И ДИВЫ. *Отличная ясновидящая.* «Въ Вирьё, мѣстечкѣ Изерскаго департамента, говорить газета *Courrier de l'Isère*, есть теперь тринадцатилѣтняя дѣвушка, хорошенькая собою, но подверженная необычайнаго рода каталепсін. Родители ея земледѣльцы. Осми лѣтъ была она лунатикомъ, и тогда день и ночь глаза были у ней закрыты, иногда завязаны; но это не мѣшало ей ходить по сосѣдямъ и отыскивать въ домахъ ихъ самыя скрытыя мѣста и наилучше спрятанныя вещи.

Перваго января 1854 года она занемогла и должна была слечь въ постелю. Съ этихъ поръ стала она жертвою страшныхъ припадковъ каталепсін, и въ продолженіе ихъ удостовѣрились, что она ничего не слышитъ, и отвѣчаетъ, съ затворенными глазами, только въ такомъ случаѣ, когда вопрошающій направить голосъ къ концамъ ея пальцевъ. После припадка впадала она въ такое изнеможеніе, что, судя по совершенной безчувственности больной, можно было бы считать ее мертвою.

«Во время припадка каждый посторонній могъ получить отъ нея ясныя, точныя и вѣрныя отвѣты на все, что бы ни спросилъ. Если кто желалъ узнать о пріятель или родственникѣ, который давно былъ въ отсутствіи, она отвѣчала положительно и безъ замѣшательства. Нѣкоторые взду-

мали предлагать ей вопросы объ адѣ, раѣ, тайнахъ, покражахъ, другіе о политикѣ,—она не говорила ни слова.

«Въ нормальномъ состояніи больная читаетъ какъ нельзя лучше печатное, но писаннаго не разбираетъ. Въ припадкѣ же давали ей разныя рукописи, и къ удивленію зрителей она читала ихъ совершенно хорошо, води по строкамъ концами пальцевъ.

«Духовные и другіе свѣдущіе люди говорили съ ней по-Латыни: она не отвѣчала на этомъ языкѣ, но просила перевести сказанное, и когда ее, по обыкновенію, обманывали, она замѣчала это переводчикамъ до тѣхъ поръ, пока они скажутъ то, что должно. Часто спрашивали у ней значеніе многихъ Греческихъ словъ, и никогда не замедлила она отвѣтомъ.

«Отвѣты этого ребенка такъ необыкновенны, что она приобрѣла ими славу, которую, разумется, преувеличивали до безконечности: изъ всѣхъ окрестностей собираются къ ней толпы любопытныхъ, кто, чтобы ее видѣть, кто, чтобы посоветоваться съ нею, и всѣ удаляются въ изумленіи отъ чудесныхъ дѣйствій ея болѣзни.

«Въ концѣ прошлаго года многіе врачи изъ Вьенны, Туръ-дю-Пена, Эшелли и Шаубера прѣзжали для наблюденія этого страннаго недуга. Ни одинъ не предписалъ способа леченія. Г. Пажѣ, Туръ-дю-Пенскій подпрефектъ, часто посѣщавъ больную и, сказывають, составилъ описаніе ея болѣзни, которое хочетъ предложить на разсмотрѣніе Парижскимъ врачамъ.

«Но съ 1 января припадки почти прекратились, а если и бывають, то весьма рѣдко и въ слабой степени.» Это ужъ всегда такъ случается, какъ скоро многіе стануть разглядывать, чудо особенно магнитическое чудо! Нѣтъ ничего легче какъ сглазить ясновидящихъ.

2. Музыкальные старики. Уже всѣмъ наскучили музыкальныя дѣти: во-первыхъ это старая штука, а во-вторыхъ энтузіасты къ дѣтямъ вдругъ дѣлаются знатоками въ музыкѣ и пишутъ статьи о концертахъ. Это — большое неудобство! Въ избѣжаніе всего этого, теперь выдумали музыкальныхъ стариковъ, и въ Парижѣ появилась баба, которая,

составляя отвѣсъ славы Эйгорновъ, должна перетянуть ее на свою сторону по-крайней-мѣрѣ столько, чтобы она пришла въ равновѣсіе, отъ чего и люди зрѣлаго возраста будутъ пользоваться ею понемногу. Одинъ Парижскій журналъ описываетъ музыкальную способность, внезапно обнаружившуюся въ шестидесятилѣтней старухѣ, которая съ молодыхъ лѣтъ содержалась въ домѣ сумасшедшихъ, Salpêtrière. Туда жъ поступила недавно молодая актриса съ одного изъ второстепенныхъ Парижскихъ театровъ; она вообразила себя на сценѣ, пѣла, тапцовала, декламировала. Однажды старушка вслушалась въ ея пѣніе, начала бить мѣру съ удивительной точностью и казалась чрезвычайно довольна. Съ тѣхъ поръ, услышавъ разъ какую-нибудь музыку, она удерживала ее въ памяти и могла потомъ пропѣть безъ ошибки, хотя и не знала словъ, — а что еще удивительнѣе, она тотчасъ затверживала и повторяла даже тѣ напѣвы, которые только-что успѣли при ней импровизировать. Когда ей сыиграли что на фортепіано, она была въ совершенномъ восторгѣ, и замѣчала лучшія мѣста съ разборчивостью отличнаго музыканта. Потомъ вдругъ съѣла, и сама стала играть на фортепіано: въ нѣсколько недѣль она достигла до необыкновеннаго совершенства исполненія, и теперь не уступаетъ Гюммелю. Голосъ ея развился такъ, что его сравниваютъ съ прелестнымъ голосомъ Г-жи Гризи. Ежели въ Парижскомъ домѣ сумасшедшихъ вздумаютъ устроить театръ, — вотъ и примадонна! Сказываютъ, что голова этой женщины поставила въ тупикъ всѣхъ френологовъ: на ней нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ музыкальнаго желвака.

3. *Подземная рѣка.* Другая Французская газета рассказываетъ, что неподалеку отъ праваго берега рѣки, протекающей черезъ деревню Селонжѣ, близъ Дижона, открыта подземная рѣка. Этою находкой обязаны рабочимъ, которые вынимали тутъ известнякъ: они удостовѣрились, что направленіе его параллельно съ новооткрытымъ русломъ, надъ которымъ онъ образуетъ родъ свода. Рѣка въ саженъ глубиною, течетъ быстро, способна къ судоходству и вода въ ней чиста и пріятна вкусомъ.

4. *Морской змѣй.* Каждые два три четыре года возбоявляется въ Американскихъ газетахъ исторія о морскихъ

звѣяхъ въ четверть версты длиною: натуралисты обонхъ полушарій взволнуются, напишутъ нѣсколько статей, поспорятъ, и забудутъ. Нынче опять журналы Новаго Свѣта страшатъ ихъ ужаснымъ чудовищемъ, котораго не хотятъ они принять въ Естественную Исторію, и въ этотъ разъ дѣло пошло не на шутку. Вотъ что рассказываетъ объ немъ «Бостонскій Вечерній Журналь»:

«Вчера около трехъ часовъ по полудни экипажъ и пассажиры Портсмутскаго почтоваго судна, шедшаго подъ начальствомъ капитана Гудрича, ясно видѣли морскаго змѣя мильхъ въ восемь отъ Неполя (Naraul). Изъ тридцати свидѣтелей, заслуживающихъ всякаго довѣрія, ни одинъ не сомнѣвается въ его дѣйствительности. Сначала показался онъ саженьхъ въ шестидесяти отъ судна, и голова его, величиною съ бочку, возвышалась надъ поверхностью воды аршина на два. Его какъ-будто испугалъ шумъ судна и восклицанія бывшихъ на немъ людей: онъ спряталъ голову подъ воду, и поплылъ далѣе такъ быстро, что сдѣлалъ бы узловъ пятнадцать или двадцать въ часъ. Длина его простирается повидимому до пятнадцати сажень.»

Пусть же теперь натуралисты опровергаютъ тридцати свидѣтелей, заслуживающихъ всякаго довѣрія. На это потребуются по-крайней-мѣрѣ шестьдесятъ статей. Журналы могутъ жить этимъ два года! Здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ Американскомъ днвѣ.

4. *Паровыл повозки съ деревяннымъ прикащикомъ.* Во мпогихъ мѣстахъ Америки и Англии, давно уже ходятъ на парахъ почтовые кареты. Въ Массачуссетъ есть паровой дилижансъ для ѣзды по обыкновеннымъ дорогамъ, и опытъ доказалъ его удобство. Теперь еще устраиваютъ его такимъ образомъ, чтобъ онъ самъ упаковывалъ и распаковывалъ вещи и товары, самъ ихъ вѣсилъ, и самъ велъ счетъ числу взятыхъ пассажировъ и тюковъ. Посредствомъ очень замысловатаго механизма, указатели будутъ обозначать все это на градусникахъ, помѣщенныхъ въ ящикъ кареты, отъ котораго ключъ находится у директора конторы дилижансовъ. Кондукторъ и кучеръ тутъ ужъ не могутъ сплутовать ни на одипъ волосъ: ящикъ все знаетъ, — сколько было вещей, сѣдоковъ, тюковъ, и какъ долго оставались они въ экипажѣ.

Содержатели наемныхъ каретъ, фазтоповъ и дрожекъ въ Петербургъ и Москвѣ, узнавъ объ этой чудесной выдумкѣ, вѣроятно отправятъ посольство въ Америку. Мы видимъ здѣсь обоюдную выгоду: хозяева непременно выиграютъ, а съдокамъ гораздо пріятнѣе будетъ торговаться съ ящичкомъ въ дрожакахъ, чѣмъ съ извозчикомъ.

5. *Домовой.* Читатели наши, конечно не забыли умнаго разсказа В. А. Ушакова о «Громъ Божиємъ.» Въ одномъ славномъ городѣ есть нѣчто, весьма похожее на описанный имъ случай, — и это отнюдь не повѣсть. Въ этомъ славномъ городѣ есть домъ, каменный, очень красивой наружности, котораго бель-этажъ стоялъ пустымъ восемь лѣтъ. Никто не хотѣлъ нанять въ немъ квартиры, потому что всѣ сосѣди знали и говорили, что въ немъ *нечисто*. Въ концѣ прошедшаго года, одинъ молодой человекъ, собираясь жениться, искалъ новой квартиры, примѣтилъ этотъ домъ, нашелъ покои прекрасными, и рѣшился нанять ихъ, несмотря на косвенныя предостереженія самого хозяина, который отдавалъ ихъ неохотно, показывая видъ, какъ-будто не хочетъ его обманывать. Должно знать, что кромѣ домового, — домовой каждую ночь расхаживалъ громкими шагами по всѣмъ покоямъ бель-этажа, — общая молва гласила, что когда ни войдешь одинъ въ первую гостиную, всегда увидишь сѣдинкаго старичка въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ, который сидитъ тамъ на диванѣ и читаетъ *книжку*. Этотъ старичекъ, по словамъ преданія, нѣкогда жилъ въ этихъ покояхъ, и тутъ умеръ. Совѣстливый хозяинъ, которому все это было очень хорошо извѣстно, не могъ безъ ужаса подумать, что незнакомый господинъ подвергается опасности имѣть дѣло съ мертвецами. Но молодой человекъ, который не вѣрилъ такимъ пустякамъ, не испугался его намѣковъ: онъ нанялъ покои, отдалъ ихъ съ отличнымъ вкусомъ, переехалъ, и неустрашимо женился на повосельѣ. Въ первую ночь, когда всѣ ушли спать, когда юная пара осталась только втроемъ, — онъ, она да оно, (оно — было счастье), — вдругъ изъ сосѣдней комнаты явственно послышались шаги существа, обутого — въ ботфорты, по-крайней-мѣрѣ! Супругъ вскакиваетъ съ постели

я съ ночникомъ въ рукѣ бѣжить въ ту комнату: здѣсь все пусто, — шаги слышны въ слѣдующей комнатѣ, — онъ идетъ далѣе, — тоже пусто, по стукъ шаговъ раздается за нимъ, въ комнатѣ, изъ которой онъ вышелъ. Можно себя представить, какъ долженъ быть пріятель подобный гость въ первую ночь брака, даже самымъ несуетливымъ супругамъ. Неподдѣльная ходьба по смежнымъ комнатамъ убедила бъ хоть кого въ присутствіи чужаго человека, и явственность ея была иногда такъ рѣшительна, что они невольно порывались съ постели. На другой день супругъ взялъ чрезвычайныя мѣры. Къ вечеру, весь домъ былъ тщательно осмотрѣнъ, всѣ двери заперты и людямъ дано приказаніе быть въ готовности по первому зову. Приходитъ ночь, и опять та жъ потѣха: тяжелые шаги не даютъ покоя и утихаютъ только на то время, пока въ комнатѣ есть живая душа, удаляясь впередъ по мѣрѣ приближенія и отражаясь позади, когда двинешься въ ту сторону. Какъ ни наблюдалъ молодой жилецъ за таинственнымъ посѣтителемъ въ ботфортахъ, и какія ни придумывалъ средства, чтобъ поймать его, никакъ не могъ онъ открыть причины даже правдоподобной этого страннаго и безпокойнаго явленія. Ходьба слышится не всякую ночь, — а старика, вздоръ! они никогда не видали: по-крайней-мѣрѣ въ ихъ время онъ не приходилъ читать книжку въ гостиной, — но когда она слышится, то, несмотря на философію мужа, не дастъ спать супругѣ, которая боится если не домового, такъ вора. Молодые жильцы, которыхъ первые дни благополучія были смущены столь страннымъ образомъ, принуждены были отказать хозяину, и ищутъ другой квартиры. «Я зналъ, что вы недолго будете здѣсь жить, отвѣчалъ хозяинъ. Вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ эта бѣда ведется въ домѣ, а въ послѣдніе восемь годовъ никто даже не являлся нанять. Вы одни были такъ смѣлы.»

Нѣтъ сомнѣнія, что это — явленіе акустическое, простое дѣйствіе эха, которое иногда бываетъ очень своеобразно и загадочно. Гдѣ-нибудь ходитъ часовой или сторожъ котораго шаги отражаются въ покояхъ, и эхо его шаговъ можетъ происходить даже изъ отдаленнаго мѣста, но состоящаго съ этимъ этажемъ въ акустическомъ соотношеніи. Хо-

занивъ рѣшился весною сломать несчастный домъ, который приносить ему столько неудобствъ, и выстроить на мѣсто его новый. Напрасно! Легко быть можетъ, что то же явленіе повторится и въ новомъ домѣ.

САМОСГАРАНІЕ ДЕРЕВА. Въ предпоследней книжкѣ Б. А. Ч. привели мы нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ самосгаранія человѣческаго тѣла: это рѣдкое явленіе повидимому происходитъ иногда и въ существахъ растительнаго царства. «Ланкастерскій Журналъ» рассказываетъ примѣчательный случай о самосгараніи дерева. Одинъ изъ тамошнихъ жителей, Г. Стемеръ подарилъ другому брусочекъ дерева, повидимому кедра, найденный при продолженіи чугунной дороги въ Гель на тридцати футахъ глубины. Этотъ брусочекъ, вѣсившій не болѣе двухъ унцій, былъ расколотъ на двое и положенъ на некрашенную еловую полку. После того, случайно замѣтили, что одинъ изъ брусочковъ воспламенился, и огонь пошелъ отъ него такъ быстро, что въ нѣсколько минутъ вся полка была объята пламенемъ. Осмотрѣвъ ее, нашли, что часть одного брусочка превратилась въ золу темнокраснаго цвѣта, и по всемъ признакамъ должно было полагать, что горѣніе началось не извнѣ, и даже не съ той стороны, которая была въ соприкосновеніи съ полкою, а въ самой серединѣ дерева. Полка была на сажень отъ полу и въ такомъ мѣстѣ, куда не могла попасть искра ни отъ свѣчи, ни отъ лампы, и огонь очевидно сообщился брусочку не снаружи. Можно предполагать что подобные феномены бывають иногда и причиною пожаровъ, обыкновенно приписываемыхъ тайнымъ злоумышленникамъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦУЖЕНОКЪ. Леди Влессингтонъ издала романъ: это—важное событіе въ романическомъ мірѣ. Мы спѣшимъ тотчасъ же удалить изъ него отрывокъ: любопытство не терпитъ отсрочки. Въ одномъ мѣстѣ, эта умная писательница представляетъ очеркъ общаго характера Француженокъ: онъ можетъ служить превосходнымъ комментариемъ повѣсти Г. Бальзака, помѣщенной въ этой книжкѣ.

«Manière и esprit, — вотъ двѣ вещи, которыя добиваются всѣ Француженки. Первая, по ихъ понятіямъ, состоитъ въ развязности, то есть, совершенномъ отсутствіи робости: въ пріемахъ и движеніяхъ, и умѣньи сохранять aplombъ во всѣхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, въ какія бы ни поставилъ ихъ случай. Онѣ должны знать роль каждаго характера, который вздумается имъ олицетворить, потому что Француженка всегда разыгрываетъ: жизнь ея — комедія или трагедія, смотря по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ Француженка готова на то и на другое. Не то, чтобъ она не могла чувствовать или не чувствовала какъ всѣ другія женщины, но съ дѣтства приучаютъ ее относить всѣ свои поступки и рѣчи къ дѣйствию, которое произведутъ они на другихъ: «что скажутъ,» всегда у нихъ въ памяти; слыть милою въ горести и хорошаго тона въ счастіи для нихъ такъ же существенно, какъ быть прилично одѣтою въ томъ и другомъ случаѣ, и право гораздо важнѣе самой печали или радости. Для Француженки мало быть доброй женою и матерью, — ихъ конечно сотни во всѣхъ сословіяхъ, — она должна разыграть эту роль такъ, чтобъ произвести эффектъ театральнй. Домашняя добродѣтель и раждаемое ею счастье для нихъ безвкусны и недостаточны; здѣсь требуютъ рукоплесканій, и оттого каждая женщина — актриса. Ея гостиная — театръ, гдѣ она играетъ главную роль, а для блестящаго исполненія остроуміе, esprit, вещь необходимая. Все ея стараніе о томъ, чтобъ приобрести и высказать эту живительную потребность Французовъ: для того погружается она въ Метафизику, хватаетъ вершки Политической Экономіи, пробѣгаетъ всѣ новыя сочиненія, и что еще затруднительнѣе, выслушиваетъ иногда вялыя рѣчи членовъ обѣихъ палатъ и диссертации ученыхъ, которые бываютъ у ней на вечерахъ. За эту послѣднюю жертву вознаграждаетъ она сама себя удовольствіемъ высказывать свои мнѣнія о запутаннѣйшихъ узлахъ политики и отвлеченныхъ наукахъ такъ же самонадѣянно, какъ и о послѣдней модѣ. У ней всегда запасъ известной болтовни и полу-забавныхъ, полу-серіозныхъ пересудовъ, которые слывуть за остроту и приобретаютъ ей лестное отличіе «умной женщины». Каждая Француженка манерна еще ребенкомъ, а съ лѣтами этотъ навыкъ

тѣкъ укрѣпляется, что цельза его искоренить. Кто не обладает этимъ достоинствомъ, та не ловка, безъ воспитанія, *gauche et mal élevée*.

«Разъ мы слышали, какъ одна Французская дама отдавала предпочтеніе искусственной розѣ моднаго цветочника Натъе передъ естественною, которую только что срезали. Она говорила, что нѣтъ ни какого сравненія; что роза Натъе гораздо красивѣе, лепестки ея нѣжнѣе, цвѣтъ мягче: «*Enfin*, прибавила она, произведеніе Натъе подходитъ ближе къ моему идеалу розы!» Эта оцѣнка искусственнаго цвѣтка можетъ служить образчикомъ мнѣнія всѣхъ Француженокъ объ естественной красотѣ и пріятности въ сравненіи съ приобретенными, и благовоспитанная Англичанка, которая не захочетъ блистать умомъ въ гостиныхъ, непременно прослыветъ у нихъ глупою, целовкою и скучною.»

ПЕРВЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПАРОВЫХЪ МАШИИЪ. *Письмо Машиньки Делормъ къ Сень-Марсу.* Кто была Машинька Делормъ, кто былъ Сень-Марсъ,—это такъ извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ, что мы бы ихъ обидѣли, тѣсая подобныя вещи. Но, быть-можетъ, не столько же хорошо, кто первый изобрѣлъ паровыя машины. Французы, которымъ досадно, что другіе прежде ихъ выдумали пароходы, утѣшаютъ себя тѣмъ, что открытіе могущества паровъ у нихъ украдено Англичанами. Въ прошломъ году, при разборѣ сочиненія Г. Пузыны, «Суевтрія и Предразсудки», мы уже упомянули, что извѣстный Гербертъ, бывший потомъ папою подъ именемъ Сильвестра II, зналъ еще въ X вѣкѣ расширительное свойство паровъ и устроилъ по этому началу машину для двганія органическихъ мѣховъ. Слѣдственно могущество паровъ очень давно извѣстно, и было поочередно открываемо всѣми, кто только заключалъ ихъ въ сосуды. Еще до Фультона, каждая Русская кухарка знала, что паръ подымаетъ крышку самовара. Но Французское тщеславіе силится сдѣлать изъ этого простаго наблюденія преимущество народной славы, и безпрестанно открываетъ доказательства въ подтвержденіе того, что Французы первые свели знакомство съ парами. Теперь оно открыло гдѣ-то письмо, которое Парижскіе журналы перепечатаваютъ

съ восторгомъ, и которое въ самомъ дѣлѣ очень любопытно, хотя и не докажетъ того, чтобы они когда-нибудь изобрѣли пароходы.

«Парижъ, Февраля 1641. Дражайшій Эфѳи! Вы забываете жену въ Нарбоннѣ и предаетесь веселіямъ Двора и удовольствію мѣшать кардиналу, а я между-тѣмъ, по желанію вашему, принимаю въ Парижѣ Англійскаго лорда, маркиза Ворстера, и вожу его, или лучше опъ меня водить, отъ рѣдкостей къ рѣдкостямъ, выбирая всегда самыя скучныя и серіозныя, говоря очень мало, слушая съ величайшимъ вниманіемъ и уставляя на тѣхъ, кого спрашиваетъ, большіе голубые глаза свои, которые какъ-будто проникаютъ въ глубину мысли. Впрочемъ, онъ никогда не доволсъ нашими объясненіями, и отнюдь не смотритъ на вещи съ той стороны, съ которой ихъ показываютъ. Такъ, напримѣръ, когда мы были съ нимъ въ Бисетръ, ему вздумалось утверждать, что онъ открылъ гениальнаго человѣка въ одномъ сумасшедшемъ. И если бъ этотъ сумасшедшій не бѣсялся, я право думаю, что вашъ маркизъ выпросилъ бы его съ собою въ Лондонъ, чтобы слушать его бредни съ утра до ночи. Когда мы проходили дворомъ, и я, ни жива ни мертва отъ страха, жалась къ своему товарищу, отвратительное лицо показалось за толстою рѣшеткою, и кричало намъ сильнымъ голосомъ: — Я не сумасшедшій, я сдѣлалъ открытіе, долженствующее обогатить тотъ край, который приведетъ его въ исполненіе. — А что это за открытіе? спросила я того, кто показывалъ намъ заведеніе. — Ахъ! отъчалъ онъ, пожимая плечами: вещь самая простая, и вы вѣрно никогда не отгадаете, — употребленіе пара горячей воды.

«Я разкохоталась. — Человѣкъ этотъ, продолжалъ смотритель, прозывается Саломономъ де-Ко (de Caus). За четыре года пріѣхалъ онъ изъ Нормандіи представить королю записку о чудесныхъ дѣйствіяхъ, которыя можно провѣстивать его открытіемъ. Послушать сго, такъ чего не сдѣлаешь парами: онъ заставитъ ими ходить кареты! Кардиналъ отослалъ дурака, даже и не выслушавъ.

«Саломонъ де-Ко не унывалъ; онъ всюду слѣдовалъ за кардиналомъ и надобъль ему до такой степени своимъ бред-

пмя, что тотъ велѣлъ запереть его въ Бисетръ. Здѣсь онъ теперь три года съ половиною, и не перестаетъ кричать каждому посетителю, что онъ не сумасшедшій и что сдѣлалъ удивительное открытіе. Онъ даже сочинилъ объ этомъ вотъ какую книгу. Милордъ Ворстеръ, давно погруженный въ задумчивость, попросилъ книгу, прочиталъ нѣсколько страницъ и сказалъ: — Этотъ человекъ не сумасшедшій, и у насъ его бы не заперли, а осыпали бы золотомъ. Проводите меня къ нему; мнѣ хочется его спросить. — Маркизь пошелъ, но вскорѣ воротился печальный и задумчивый.

«Теперь онъ точно сумасшедшій, сказалъ онъ мнѣ: горе и заточеніе навсегда лишили его разсудка; вы свели его съ ума, но съ нимъ бросили вы въ эту темницу величайшій гений своего времени». — Послѣ этого мы отправились, и съ тѣхъ поръ у него только и рѣчей, что о Саломонѣ Ко. Прощайте, милый и вѣрнопопдаанный мой Генрихъ! Вернитесь поскорѣе и не будьте тамъ счастливы до такой степени, что бы у васъ не осталось непожко любви и для меня.»

КОЛИЧЕСТВО ВОДЫ, ПРОЛИВАЕМОЕ НЕВОЮ ВЪ МОРЕ.
 Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Географическаго Общества въ Лондонѣ, полковникъ Джексонъ читалъ разсужденіе «О замерзаніи Невы.» Онъ разсуждалъ между прочимъ и о количествѣ водъ, изливаемыхъ ею въ Балтійское Море. Нева единственный истокъ Ладожскаго Озера, величайшаго въ Европѣ и соединяющаго въ себѣ воды четырехъ гидравлическихъ системъ, именно, своей собственной, Онежской, Ильменьской и Сайминской. Въ странѣ, покрытой льдомъ около пяти мѣсяцевъ въ году, количество испареній не можетъ быть значительно, и оттого водонзліаніе Невы, особенно зимою, весьма велико. Средняя ширина ея 1,500 футовъ; глубина фарватера 50; теченіе идетъ больше двухъ узловъ въ часъ, и по весьма точнымъ исчисленіямъ, сдѣланнымъ по повелѣнію правительства, когда занимались проектомъ обнесенія Петербурга валомъ для защиты отъ наводненій, она изливаетъ до 116,000 кубическихъ футовъ, или 340 сажень воды въ секунду. Если положить на человека одинъ кубическій футъ воды въ день, то все народо-

населеніе Петербурга потребляетъ въ сутки только то количество воды, которое Нѣва проливаетъ въ устье свое въ три секунды времени. Слѣдственно въ сутки выходитъ изъ нея 29,376,000 кубическихъ сажень воды, а въ $4\frac{1}{4}$ сутокъ кубическая верста; въ годъ, 86 такихъ верстъ воды. Поверхность Ладожскаго Озера содержитъ около 25,000 квадратныхъ верстъ: считая глубину его 50 сажень, объемъ воды можно полагать въ немъ до 2,500 кубическихъ верстъ. Поэтому потребно не болѣе сорока лѣтъ для того, чтобъ цѣлое озеро перешло въ море Невую. Съ построеніемъ Петербурга, уже три Ладоги вылились въ Балтійское Море; теперь выливается четвертая.

О ТОМЪ, КАКЪ Г. ГУСТАВЪ ПЛАНШЪ ОТДѢЛАЛЪ Г. ВИКТОРА ГЮГО. Г. Густавъ Планшъ по временамъ чело-вѣкъ очень умный, — это всѣмъ извѣстно. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала *Revue des deux mondes*, Г. Густавъ Планшъ разсуждаетъ довольно пространно о нравственности въ поэзіи. Высшимъ закономъ нравственности составляетъ онъ совокупное и стройное развитіе всѣхъ духовныхъ способностей чело-вѣка. Поэзія, какъ развитіе одной изъ нихъ, то есть, воображенія, принадлежитъ, по мнѣнію автора, къ числу нашихъ нравственныхъ обязанностей; но собственная, независимая цѣль ея — изобрѣтеніе и выраженіе красоты. Красота не что иное, какъ порядокъ въ движеніи. Это опредѣленіе такъ же неопредѣлительно, какъ и вся прочія; но авторъ находитъ основу его во всѣхъ произведеніяхъ искусства, единогласно признанныхъ изящными. Затѣмъ говоритъ онъ о красотѣ объективной, гдѣ преобладаетъ внѣшность формъ, и предпочитаетъ ей идеальную, гдѣ господствуетъ мысль художника. Это приводитъ автора къ разсмотрѣнію школы Виктора Гюго, которую называетъ онъ «эпическимъ реализмомъ» и новѣйшею представительницей объективной красоты.

«Этой школѣ, говоритъ онъ, не до политики, не до страстей, игравшихъ ея историческими героями; прежде всего должно знать, какой гербъ стоялъ на воротахъ замка, какая надпись была на знамени, какая диврея увлеченнаго барона. Вотъ все, чего ея романъ требуетъ отъ Исторіи, а съ-

пление эпизодовъ — вещь пустая и вовсе излишняя. Странная, неожиданная послѣдовательность несвязныхъ сценъ гораздо сподручнѣе смѣшной хвастливости этой надутой эпопеи. Занимательность, неослабная занимательность — это слишкомъ трудно; другое дѣло — забавлять читателя, и долпа безропотно приѣмлетъ разсказъ въ тысячу страницъ, блестящій какъ шумный праздникъ, но какъ праздникъ же безъ завтра и безъ воспоманія.

«На театрѣ, красота объективная, разумѣется, всегда въ барышѣ; но машинистъ и костюмёръ здѣсь въ половинѣ. Передъ толпою зрителей, которыхъ побужденія ему знакомы, нашъ поэтъ, пустившійся въ живописную поэзію, не станетъ терять времени на очертаніе характеровъ, на искусную завязку дѣйствія. Нѣтъ, онъ избересть кратчайшій путь. Онъ возьметъ въ минувшемъ первое имя, которое ему попадетъ. Долгой нерѣшимости тутъ быть не можетъ, потому что онъ не привязываетъ ни какой особенной цѣны къ достопамятнымъ событіямъ того или другаго вѣка. Въ случаѣ нужды, онъ готовъ надѣяться безстыднымъ непотребствомъ такую женщину, которая славилась дотолъ одной чистотою своей пламенной набожности. Изъ хитраго политика, торгующаго ложью и играющаго съ неумолимымъ искусствомъ престолами Европы, онъ охотно сдѣлаетъ искаателя приключеній, соблазнителя дѣвицъ. Изъ прелестницы, оскверненной всѣми ужасами своего ремесла, онъ переплавитъ возраждающуюся дѣвственность, стыдливость могучую и высокую. Въ лакеѣ, обреченномъ смѣху и бубенчикамъ, посѣдѣвшемъ въ наглости и презрѣніи, онъ захочетъ воскресить мстѣщее чадолюбіе Виргинія. Ничего не пожалѣетъ онъ для исполненія своей прихоти. Въ уста Мессалины готовъ онъ вложить выраженіе божественной, чистѣйшей изъ страстей, — любви материнской. Собственныя имена, не имѣющія для него ни какого смысла, служатъ только указаніемъ, какого времени должны быть костюмы актеровъ и декорационныя принадлежности.

«Запасшись забрами и кольчугами, жемчугомъ и бархатомъ, стрѣльчатыми сводами и дугами, онъ ужъ очень подвинулъ свое дѣло. Такъ какъ главное для него не въ мысляхъ,

а въ зрѣлищѣ, то безразсудно было бы съ его стороны стараться объ естественности въ разговорѣ и правдоподобіи въ обстановкѣ. Если какое-нибудь дѣйствующее лице ему нѣшаетъ, онъ гонитъ его со сцепы, не объясняя куда и зачѣмъ. Если понадобится ему *hors-sein d'ensemble*, — но первому его знаку, послушныя кулисы иззергаютъ толпу придворныхъ въ золотѣ или шайку бѣшеныхъ заговорщиковъ. Не спрашивайте его объ ихъ намѣреніяхъ, о пружинахъ, которыя приводятъ ихъ въ дѣйствіе, о заблужденіяхъ, которыми они увлечены. Ему нѣтъ дѣла до этихъ мелочей, Была бы у него королева, разбойникъ да палачъ, — на этихъ трехъ лицахъ натягиваетъ онъ свою драму, какъ геометръ проводить окружность черезъ три данныя точки. Въ драмѣ этой нѣтъ ни смѣха, ни слезъ, ни умиленности, ни чувства: это зрѣлище для толпы, и толпа ему рукоплещетъ.»

Все это весьма справедливо. Но должно замѣтить, что Г. Густавъ Планшъ, который такъ хлопочетъ о нравственности въ поэзіи, когда дѣло идетъ о сочиненіяхъ Гюгю, очень недавно превозносилъ похвалами въ томъ самомъ журналѣ послѣдній романъ Г-жи Дюдеванъ, или Жоржа Занда, — Jacques. Г. Густавъ Планшъ однако жъ слыветъ однимъ изъ лучшихъ критиковъ во Франціи! Теперь очередь — разсмотрѣть вопросъ о нравственности въ критикѣ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Elle est folle, Она помѣшалась, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Мелевила.

Честный и добрый дворянинъ, лордъ Гарлеъ живетъ въ самой уединенной части одного изъ Англійскихъ граствъ и скрывается отъ всѣхъ взоровъ подъ вымышленнымъ именемъ. Молодая жена, молоденькая племянница и вѣрный слугитель составляютъ весь домъ Гарлеа. Вдругъ Лондонскій врачъ, докторъ Юллакъ, получаетъ письмо отъ лорда, который проситъ его пріѣхать какъ можно поскорѣе, потому что дѣло идетъ о жизни или смерти леди Гарлеа. Докторъ пріѣзжаетъ, его принимаютъ съ распростертыми объятіями; онъ спрашиваетъ, и лордъ говоритъ ему, что жена его лишилась разсудка и что одинъ только онъ, докторъ Юллакъ, въ состояніи ее вылечить. Но вы можете во-

образить удивленіе бѣднаго доктора, когда онъ замѣчаетъ, что не леди Гарлейгъ лишилась разсудка, а что помѣшанъ мужъ ея, самъ лордъ Гарлей, который сейчасъ только говорилъ такъ умно и разсудительно. Да; лордъ Гарлей сумасшедшій. Любовь и ревность лишили его разсудка. Онъ былъ страстно влюбленъ въ жену свою, и не могъ снести мысли, что она ему невѣрна. Между-тѣмъ одинъ молодой человекъ преслѣдовалъ ее днемъ и ночью; въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Англій, онъ нигдѣ не терялъ слѣдовъ леди Гарлей; тѣнь этого молодаго человека не оставала отъ супруговъ. Наконецъ, лордъ Гарлей, выведенный изъ терпѣнія, рѣшается избавиться отъ него во что бы то ни стало; оскорбляетъ его, вызываетъ на дуэль, но тотъ не хочетъ драться; Гарлей убиваетъ его, и бросаетъ въ море. Съ этого убійства началось помѣшательство лорда Гарлея.

Подробности этого романа являются не вдругъ, но медленно, одна за другой, проходя сквозь всѣ мечты, всѣ облака, всѣ перемены ума и помѣшательства въ головѣ бѣднаго лорда; и то возбуждаютъ въ васъ смѣхъ, то измѣчаютъ у васъ слезы. Эта драма собственно не что иное, какъ новое изученіе помѣшательства, изученіе полное и превосходное. Несчастный Гарлей попеременно, то самый разсудительный, то самый безумный изъ людей; онъ говоритъ умно, шутитъ мило, потомъ вдругъ воспаляется страстно, потомъ плачетъ, потомъ приходитъ въ бѣшенство. Докторъ, безпрерывно наблюдая за своимъ больнымъ, видитъ, что помѣшательство его неизлечимо и что одно только обстоятельство можетъ придать силу этой разслабленной головѣ. Но какъ возвратитъ Гарлею миръ души и спокойствіе сердца? Какъ доказать ему невиновность жены его и его собственную? Къ счастью, молодой человекъ, убитый Гарлейомъ, не умеръ; этотъ молодой человекъ влюбленъ не въ леди Гарлей, а въ племянницу ея Нелли. Тогда все объясняется; Гарлей видитъ, что онъ напрасно терзался совѣстію и напрасно подозрѣвалъ жену свою въ невѣрности. Выздоровѣвъ, онъ соединяетъ молодаго человека, котораго убилъ, съ любезною его Нелли, и все семейство лорда съ ума слодитъ отъ радости; но это сумасшествіе не опасно.

2. *Dolly, Долли, или Сердце женщины*, драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Люрье и Рауля.

Миссъ Долли, юная и нѣжная Шотландка, избавляетъ отъ смерти молодаго Французскаго капитана, Шарля Фонтне: это было во время войны за претендента, послѣдняго изъ Стуртовъ. Миссъ Долли не только спасла жизнь Шарлю Фонтне, но еще вышла за него замужъ. А неблагодарный ухажь во Францію и тамъ забылъ все, и благодѣяніе и благодѣтельницу. Этого мало: онъ женился на другой женѣ, племянницѣ герцога, министра Людовика XV: чтобы никого не компрометировать, мелодрама не сказываетъ, кто этотъ герцогъ.

Между-тѣмъ печальная Долли не знаетъ, что стало съ Шарлемъ Фонтне, неблагодарнымъ, которому она спасла жизнь и за котораго вышла замужъ. Долли покидаетъ свои родныя горы, и ѣдетъ въ Парижъ искать своего любезнаго. Въ Парижѣ она попадаетъ прямо въ домъ новой, второй жены своего мужа. Но Шарль Фонтне перемѣнилъ имя и называется теперь графомъ Арманомъ Гравиньи. Всякому извѣстно, что жениться на двухъ живыхъ женахъ, ни въ Англии, ни во Франціи нельзя. Положеніе графа довольно затруднительно. Какъ онъ изъ него выпутается? Вы уже угадали это, потому что у васъ, вѣрно, доброе сердце. Долли жертвуетъ собою. Сначала она хотѣла отомстить за себя: но можно ли мстить человѣку, котораго любишь? Великодушная Долли разрываетъ документъ, доказывающій, что она законная супруга Шарля Фонтне. Въ этой драмѣ на распѣвѣ, есть маленькія, невинныя слезы. Она имѣла успѣхъ, и надобно сказать, заслуженный.

3. *Les Pages de Bassompierre, Пажы Бассомпьерра*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Этьенна, Араго, Деверже и Варена.

Волокита Бассомпьерръ въ арміи, и съ нимъ два пажа, два прекрасныхъ пажа. Одинъ изъ этихъ пажей милая дама, за то другой изъ этихъ пажей прелестная дѣвушка. Король Людовикъ XIII, видя такихъ прекрасныхъ пажей, проситъ Бассомпьерра уступить ему обоихъ, или по-крайней-мѣрѣ одного. Но ни тотъ ни другой не хотятъ быть у него въ

услуженіи; они ссорятся, и дѣло доходить до того, что они выхватываютъ шпаги и начинаютъ драку не на шутку. А въ то время дуэли были запрещены подь опасеніемъ смертной казни, и притомъ запрещены кардиналомъ Ришелье, который то же шутить не любилъ. И молодымъ пашимъ дуэлистамъ не одобровать бы, если бы они были не такіе бѣленькіе, если бы у нихъ не было такихъ миленькихъ, кругленькихъ пожекъ, такихъ нѣжныхъ сердецъ, такихъ блестящихъ глазъ. Явно, что эти пажы не подходятъ подь общій законъ о дуэляхъ, хотя они и дрались. Такъ думаетъ и самъ король. Онъ прощаетъ обвихъ дамъ съ тѣмъ, чтобы Бассомпьерръ уволилъ ихъ изъ пажей, и чтобы благородная дама вышла за самаго маршала, а дѣвушка за перваго своего любезнаго, который, какъ нарочно, тутъ же въ арміи. Вотъ почти вся пьеса, не важная, но довольно милая и остроумная.

4: *La Tour de Ganges, Башня Ганжесская, или Севеннская война*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, Гг. Орнуа и Вильфранша.

Рѣчь идетъ о войнѣ Французскихъ католиковъ съ Французскими кальвинистами. Въ бѣдной хижинѣ въ Севеннахъ скрывается графиня Отфюръ, дочь покойнаго великопомощнаго и ясновельможнаго господина графа Отфора, кальвиниста, который былъ комендантомъ Ганжесской башни. Г-жа Отфюръ и единственная дочь ея, Матильда, одѣты крестьянками. Дѣвицу Матильду обольщаетъ одинъ знатный католикъ. Являются драгуны, чтобы взять ихъ подь стражу; мать умираетъ съ испуга; драгуны похищаютъ только дочь и зажигаютъ хижину. Хижина горитъ — первая картина.

Во второмъ дѣйствіи новыи. католическій комендантъ Ганжесской башни поджидаетъ кальвинистовъ; но при наступленіи почи ложится спать и кальвинисты благополучно проходятъ мимо. Вдругъ раздается громъ и молнія, зажигаетъ лѣсъ. Занимательность пьесы возрастаетъ: въ первомъ дѣйствіи горѣла одна только хижина, во второмъ горитъ цѣлый лѣсъ. Что-то будетъ горѣть въ третьемъ?

Въ третьемъ дѣйствіи ничто не горитъ. Правда, что тутъ дерутся и рѣжутся; но это все не то. Въ первомъ

дѣйствию горѣла хижина, во второмъ горѣлъ лѣсъ; неужели трудно было сжечь какой-нибудь городъ, или по-крайней-мѣрѣ хоть деревушку. Удивительное неуваженіе къ публикѣ! Мудрено ли послѣ этого, что она не уважаетъ Гг. водевиллистовъ и мелодраматистовъ? Нѣтъ пожара, слѣдственно интрига не развивается, интересъ не поддерживается, тѣмъ болѣе что и въ четвертой картинѣ нѣтъ пожара, а только вѣшаютъ дюжины двѣ кальвинистовъ: тутъ не пахнетъ ни сѣрою, ни смолистымъ деревомъ, а безъ этого что за драма!

Наконецъ въ пятомъ актѣ, зритель, утомленный бездѣйствіемъ авторовъ, отдыхаетъ. Во-первыхъ тутъ собственно лично является палачъ, и пытается молодого кальвиниста, который въ чемъ-то не признается; тѣло *испытаннаго* проносятъ по сценѣ на простыняхъ или на носилкахъ, на чемъ-то этакомъ. Дѣвица Матильда, которая въ четвертомъ дѣйствиіи, во ожиданіи казни, заперлась съ позволенія коменданта въ склепѣ своихъ предковъ въ Ганжесской башнѣ, выпускаетъ кальвинистовъ; начинается всеобщее сраженіе, которое заключается, къ удовольствію публики, всеобщимъ пожаромъ и окончательнымъ опущеніемъ занавѣса.

5. *Au clair de lune, При лунномъ свѣтѣ*, водевилъ въ трехъ дѣйствияхъ.

Признаться сказать, луннаго свѣта тутъ нѣтъ; за то есть гризетка, дѣвица Флора, у которой лице —

.....Какъ полная луна,

Возсвѣвшая надъ океаномъ, и проч

Эта гризетка преслѣдуетъ какого-то Г. Блондò; этотъ Г. Блондò дуракъ, а пріятель его, Г. Ремонъ, умница; а въ концѣ пьесы Г. Ремонъ женится на Г-жѣ Флорѣ. Что дѣлать! дуракамъ счастье, говоритъ пословица. А сочинители этого водевиля, видно, умные люди: имъ не посчастливилось. Въ водевилѣ ихъ нѣтъ ни луннаго свѣта, ни здраваго смысла.

6. *Les deux Nourrices, Дѣвѣ кормилицы*, водевилъ.

Кормилица живетъ у какого-то господина; ей тепло, и сытно, и спокойно; да притомъ еще за нею приволакивается аптекарь. Да одна бѣда: мужа къ ней не пускаютъ. Та-

кимъ образомъ кормилица остается безъ мужа, мужъ безъ кормилицы, и оба скучаютъ. Наконецъ мужъ вздумалъ шарадиться кормилицей и пришелъ наниматься. Аптекарь, которому мужъ кормилицы позволилъ взять себя за подбородокъ (онъ въ тотъ день брился), советуеъ взять новую кормилицу и отпустить старую. Тутъ все открывается. Во всей этой глупости въ сотню куллетовъ, нѣтъ ни словечка остроумнаго или даже забавнаго.

7. *Le fils de Triboulet, Сынъ Трибуле*, водевиль Гг. братьевъ Коньяръ.

Этотъ Трибуле совсѣмъ не такъ остроуменъ, какъ его почтенный батюшка. Видя, что Францискъ I задумался, молодой Трибуле тотчасъ догадывается, какъ развеселить его: приводитъ къ нему молоденькую крестьянку, въ которую король тотчасъ и влюбляется; а эта крестьянка не кто иная, какъ герцогиня Этампъ, съ которою король было поссорился. Такимъ образомъ Трибуле поддѣлъ, Франциска, а Гг. Коньяры публику.

8. *Le bal des Variétés, Балъ въ Театръ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Какой-то молодой провинціалъ попадаетъ прямо изъ дилжанса въ маскарадъ въ театрѣ Variétés, въ толпу пучки-нелей, Пьерро и Арлекиновъ, и его мистифируютъ самымъ забавнымъ образомъ. Это тоже масляничный водевиль, но по-крайней-мѣрѣ тутъ отъ души хохочешь.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Величайшій обжора въ свѣтъ — Время. Съ неслыханною алчностью и поспѣшностью пожираетъ оно жизни, красоты, умы, славы, и человекъ напрасно силится облекать лучшіе свои подвиги въ мраморъ и мѣдь, чтобъ оно не могло сварить ихъ: оно оставитъ подвигъ, по выгрызетъ изъ него имя и высосетъ всю известность. Бездыханные и оглодаанные подвиги торчатъ или валяются тогда на землѣ, и никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Это трупы славы, которыя были красны, шумны и блестящи. Греки изобразили Время въ лицѣ Сатурна, который пожираетъ родныхъ чадъ своихъ еще младен-

цами, и это самая остроумная изъ всѣхъ ихъ острогъ. Куда двались всѣ эти красивыя и рѣзвыя дѣти нашего Времени, всѣ эти славы, роємъ высыпавшія на свѣтъ въ послѣдніе годы изъ чрева Французской Словесности, старой, парумяненной Цибеллы, которая хотѣла прикинуться юною и завела развратную жизнь, чтобъ всѣ сочли ее за полную огня и силы? Гдѣ онѣ? Ихъ пожрало то самое Время, родной ихъ отецъ, который глотаетъ наши литературныя славы какъ пиллюли. Съ нѣкоторой поры, это его любимая пища, всегдашнее непремѣнное блюдо, какъ супъ и говядина въ нашемъ обѣдѣ. Оно къ ней пристрастилось. Каждый день надобно бросить ему хорошую, свѣжую и вкусную книгу, иногда двѣ и три. Оно сперва любитъся ими, ворочаетъ съ гастрономическимъ наслажденіемъ, расхваливаетъ ихъ сочность, читательность, пользу для тѣла и души, отличную вкусность, называетъ ихъ объядньемъ, приглашаетъ всѣхъ отвѣдывать и восхищаться, и, составивъ ему громкую славу, само ихъ выкушиваетъ на здоровье. Выкушавъ, оно объ нихъ и забыло. Давайте новыхъ: вчерашнія были не такъ-то хороши, вялы, приторны, дрянъ, — вотъ эти, сегодняшнія, гораздо вкуснѣе! Одна и та же исторія повторяется каждая сутки, а мы, добрые люди, отъ души вѣримъ всему, что Время говоритъ сегодня, не помня, что оно говорило такимъ же образомъ вчера и третьяго дни. Есть книги, которыхъ оно не ѣстъ, расхваливъ доброту ихъ сорта: оно тогда откладываетъ ихъ въ сторону, и хранитъ для большаго праздника, когда у него будутъ дорогіе гости, — певѣжество, потопецъ, великіе перевороты. Тутъ они выкупаютъ ихъ за общимъ столомъ, и еще пожалѣютъ, что люди не надѣлали такихъ побольше.

Но никогда еще Времени не было на свѣтѣ такъ худо, какъ теперь. Оно съело свой прошлогодній запасъ славы, и всю зиму голодно какъ собака. Французская Словесность, на которую оно особенно надѣялось, которая вскормила и разлакомила его въ послѣдніе годы, — Французская Словесность ничего ему не доставляетъ! Мишель Ремонъ бросилъ ему романчикъ, *Le Secret*; Г. Балзакъ хочетъ бросить новые два тома своихъ *Etudes Philosophiques*. Бѣд-

ное Время! Оно ворочаетъ Ремоновъ романъ, и морщится, молча. Но оно съ нетерпѣніемъ ожидаетъ двухъ томовъ философіи Г. Бальзака: оно обязываетъ расквалить ихъ, и съѣсть тутъ же съ большимъ аппетитомъ.

Все это супъ и говядина! Изъ всего этого, что ни говорите, Время ничего не откладываетъ на праздникъ.

— Новые два тома «Философическихъ Опытовъ Г. Бальзака» будутъ носить заглавіе — *Avantures administratives*. Мосье Бальзакъ! гдѣ вы покупаете вашу философію? Она настоящая Парижская; такой не растетъ въ другихъ обществахъ и въ другихъ головахъ. Онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь открылъ забытый погребъ съ философіей, и изъ него каждый годъ вынимаетъ по нѣскольку бочекъ философическихъ взглядовъ на людей. Читая сочиненія этого писателя такъ, какъ читаются подобнаго рода сочиненія, большею частию не примѣчаешь ихъ нравственнаго безобразія, за блескомъ сценъ чисто повѣствовательныхъ и ловко подсмотрѣнными подробностями предметовъ; но надобно поработать надъ которыми-нибудь изъ нихъ, надобно запясться имъ внимательно съ цѣлію доставить хорошее чтеніе своей публикѣ, взвѣсивъ каждое выраженіе, стараясь передать настоящей смыслъ каждаго обстоятельства, чтобъ увидѣть, какая бездна нечистоты и ложности лежитъ на днѣ мысли этого забавнаго философа. Очищеніе ея не легче очистки конюшень царя Авгія. Мы узнали это на опытѣ, трудясь надъ его «Старикомъ Горіо», который однако принадлежитъ уже къ эпохѣ лучшаго поведенія философіи Г. Бальзака. Онъ былъ бы очень пріятный романистъ, если бъ, по-счастію, не вообразилъ себѣ, что онъ философъ и что онъ знаетъ всего человѣка, тогда какъ онъ знаетъ только его спальню.

— Сочиненіе, о которомъ говорили мы въ прошломъ году, — *Feuilles détachées, tirées des papiers d'un homme d'état* — достигло уже девятаго тома. Его приписываютъ одному Нѣмецкому дипломату, очень извѣстному въ политическомъ свѣтѣ, и оно заключаетъ въ себѣ многіе важные акты.

— «Переписка генерала Дюмуріе», извлеченная изъ длинныхъ бумагъ, печатается. Герцогиня Абрантесъ съѣла.

Т. IX. — Отд. VII.

4 1/4

ла второе издание своихъ «Записокъ». Г. Кошуа издалъ свой *Annuaire chronologique* за 1834 годъ. Въ оставшихся по смерти Элизы Мёркёръ бумагахъ нашли много прекрасныхъ стихотвореній, которыя скоро будутъ напечатаны. Последнее отдѣленіе извѣстнаго историческаго творенія Г. Капфига уже вышло изъ печати.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Англійскіе писатели ничего не пишутъ, — то есть, пишутъ политическія брошюры. Литературные журналы никогда не были такъ пусты, какъ въ послѣдніе три или четыре мѣсяца. Дамы однѣ поддерживаютъ книжную торговлю. Благодаря изящному перу прекрасныхъ писательницъ, она еще продаетъ книги.

— Вышли стихотворенія леди Эмелины Стюартъ Вортия, *The Village Churchyard* и другія поэмы, — произведеніе восторженной души и поэтическаго чувства, богатое высокими мыслями, по вмѣстѣ и падуыми выраженіями. Леди Эмелина большая охотница до фантастическихъ эпитетовъ,

— Графиня Блессингтонъ, прославившаяся своими умными «Бесѣдами съ лордомъ Байрономъ», выдала романъ *The Two friends*, изъ котораго заимствовали мы характеристику Француженокъ. Правда, что излишняя недовѣрчивость къ самой себѣ иногда напрасно удерживала перо сочинительницы, и что немножко болѣе живости не повредило бы нѣкоторымъ изъ ея дѣйствующихъ лицъ, но нельзя не отдать справедливой похвалы истиннѣ очерковъ, безпритязательной, милой непринужденности, съ которою запутывается и распутывается узелъ романа, и основательности и остроты замѣчаній, поражаемыхъ самымъ разговоромъ и отнюдь его не перебивающихъ. Это повѣсть характеровъ и приключеній: сцена переходитъ изъ Лондона въ Парижъ, изъ Парижа въ Италію, и вездѣ полна дѣйствующихъ лицъ, но безъ давки. Занимательность сосредоточена на двухъ герояхъ, Десбро и Арлингтонъ, и, разумется, на столькихъ же героиняхъ. Одна изъ нихъ, Цецилія де-Бетюпъ, дочь Французскаго графа, женившася на Англичанинѣ, воспитывалась въ Англій у богатой родственницы и только по смерти ея переехала въ Парижъ. Чтобъ довершить воспитаніе, старый графъ почелъ необходимымъ взять къ ней

опытную *dame de compagnie*. Мы выпишемъ для нашихъ читателей первое появленіе этой почтенной дамы: Французскія компаньонки, — вѣдь это необходимость!

«Послѣ завтрака доложили о прибытіи мадамъ де-ла-Рю, и когда Цецилія взглянула на свою будущую дуэнну, она едва могла удержаться отъ улыбки.

«Мадамъ де-ла-Рю была женщина въ лѣтахъ, или, лучше сказать, безъ лѣтъ, потому что самому свѣдущему по этой части невозможно было узнать навѣрное, за сорокъ ли ей или за шестьдесятъ, такъ умѣла она пританяться подъ кучкою бѣлилъ, румянъ и поддѣльныхъ локоновъ. Морщины и складки, которыми время изобразило лице ея, были заровнены краснобѣлымъ тестомъ, такъ толсто нальпленнымъ, что лице больше походило на маску паяца, чѣмъ на подражаніе природѣ. Брови ея тянулись прямо самой черной полосой, и придавали какую-то любезную свирѣпость ея моргающимъ сѣрымъ глазамъ, а шелковыя вороныя бублики нависли многочисленными трубами надъ лбомъ ея, котораго поверхность уподоблялась пемзѣ. Только-что она отворила свой маленькой ротикъ, онъ раздирался до ушей, и колебаніе вставныхъ зубовъ, которыми былъ унизанъ, напоминало деревянныхъ трясучекъ на пружинахъ. Она была высока ростомъ и худоцева; одѣта по послѣдней модѣ, и видъ ея представлялъ странное смѣшеніе веселой живости, облагороженнаго подобострастія и сознающаго себя превосходства.

«Она вшатнулась въ комнату съ тѣмъ невыразимымъ движеніемъ невинной дурочки и проворной кокетки, которое исключительно принадлежитъ Парижанкамъ; просила *mille pardons* Богъ-знаетъ въ чемъ, и объявила, что *monsieur le comte* и *mademoiselle de Béthune* слишкомъ добры и снисходительны, *mille fois trop bons*, только потому, что графъ предложилъ ей стулъ, а Цецилія приняла ее въжливо.

«Мадамъ де-ла-Рю была въ безпрестанномъ движеніи: то покусывала свои сухія губки, съ явной опасностью для вставныхъ зубовъ, то поправляла локоны или платье и по-

перемѣнно старалась казаться вкрадчивою, живою или чувствительной, смотря по обороту графовыхъ рѣчей.

«Она объясняла, что осмѣлилась взять съ собою двухъ своихъ любимцевъ, съ которыми не можетъ перенести разлуки, — маленькую собачку, Бижѹ, и попугая, Кокѹ: оба они, продолжала нежная мадамъ де-ла-Рю, спать со мною, ils partagent ma couche, — и при этомъ она какъ-будто покраснѣла и потупила глазки: они такъ къ ней привязаны, что не платить имъ за то страстную любовью, была бъ самая черная неблагодарность, — порокъ неизвѣстный сердцамъ благородныхъ Французѹвъ, аих sœurs franais bien-es. Если бъ ей, какъ Римлянкѹ Корнелин, пришлось показать свои драгоценности, она представила бъ Бижѹ и Кокѹ, такъ какъ на дѣтей своихъ, — и тутъ вставные зубы оскланились по самыя замочки отъ гримасы, которою мадамъ де-ла-Рю наградила себя за классическую ссылку.»

— Подъ названіемъ «Паптики», Г. Вильямъ Говиттъ, издалъ примѣчательное сочиненіе, въ которомъ съ патриархальнымъ простодушіемъ и необыкновенной роскошью воображенія воскрешаетъ онъ преданія самой глубокой древности и переноситъ читателя въ обѣтованную землю, къ Аммонитамъ, въ Тиръ и въ Сидонъ.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

HISTOIRE DE LA RÉFORME, de la Ligue et du règne de Henri IV, par M. Capesfigue. 2 vol., dernière ivraison.

SOUVENIRS DE LA FIN DU XVIIIe SIÈCLE et du commencement du dix-neuvième, ou Mémoires de M. le baron Desgenettes. 3 vol.

QUINZE ANNÉES D'UN PROSCRIT, par le général Guillaume de Vaudoncourt. 4 vol.

ITINÉRAIRE DE PARIS EN ESPAGNE, par M. Vaysse de Villiers. 1 vol.

JOASINE ou la Fille du prêtre, roman posthume, par Victor Ducange. 1 vol.

EL ATALAYA ou une ambassade à Madrid, par Don Antonio de la Bigue'a. 1 vol.

- REN-MARC'S, roman historique breton, par *Ernest Meunier*. 4 vol.
 LE BON VIEUX TEMPS, par *Paul L. Jacob*, bibliophile. 2 vol.
 LA SEMAINE DE PAQUES, roman, par *Ferdinand Dugué*. 1 vol.
 HISTOIRE D'UN SUICIDE, par *Félix Davin*. 2 vol.

Английскія.

- THE HISTORY OF GREECE. By *T. Keightley*.
 NAUTICAL AND HYDRAULIC EXPERIMENTS, etc. By Col. *Marc Beaufoy*.
 1 vol.
 THE ARCHITECTURAL DIRECTOR. By *John Billington*. 1 vol.
 TRANSACTIONS of the Society for the Encouragement of Arts, vol 4.
 Part I.
 REPORT FROM THE SELECT COMMITTEE of the House of Commons, on
 steam navigation to India, etc. 1 vol.
-
- THE MANUSCRIPTS OF ERDELY, a romance. By *George Stephens*. 4 vol.
 THE VILLAGE CHURCHYARD and other poems. By lady *Emmeline Stuart
 Wortley*. 1 vol.
 THE TWO FRIENDS, a novel. By the countess of *Blessington*. 3 vol.
 FANTICA, or Traditions of the most ancient times. By *William Howitt*.
 2 vol.

М О Д Ы.

Парижъ. Февраль.

Балы у насъ прекратились: слѣдственно мы не станемъ говорить о томъ, какъ Парижскія дамы одѣваются на балъ. Въ вечернія собранія являются онѣ большею частію, вмѣсто беретовъ, въ бархатныхъ Испанскихъ шляпкахъ съ крапеными перьями, или въ легкихъ турбанахъ à la juive. Носятъ много чепчиковъ à joug и изъ блондоваго кружева съ цвѣточною гирляндю и съ длинными концами, или бородами.

— Шелковые чулки нынче чрезвычайно богаты: углы въ нихъ блондовые.

— Перчатки обшиваются рюшемъ изъ ленты или гирляндюю изъ мелкихъ цвѣтовъ.

— На прически нѣтъ правила. Каждая причесывается какъ ей угодно, или какъ угодно ея парикмахеру. Самыя модныя головныя уборы— à la Berthe, точно такія же, какъ на
 Т. IX. — Отд. VII. 81/8

портретахъ королевы Берты; à l'anglaise, à la Sévigné, à l'antique, и прочая. Парижскіе парикмахеры раздѣлились на двѣ волосяныя секты, — матеріалистовъ и спиритуалистовъ. Парикмахеры-матеріалисты дѣлають уборки чистыя, прочныя, тяжелыя, придерживаясь фасона, принятаго извѣстною массою головъ. Напротивъ, парикмахеры спиритуалисты слѣдуютъ минутному вдохновенію; какъ всѣ великіе артисты, они видятъ въ прическѣ произведеніе творческой силы души, и на каждой головѣ создаютъ новую идею, новую поэтическую фантазію, соответственно чертамъ лица, объему тѣла, лѣтамъ и характеру особы, согласуя цвѣтъ лентъ съ драмою глазъ, румянца и блѣдности, букетъ съ эффектомъ цѣлаго. Гелію въ Петербургѣ принадлежитъ къ школѣ парикмахеровъ-спиритуалистовъ.

— Въ концертахъ и театрахъ видно много шторныхъ атласовъ, въ которыхъ грунтъ всегда свѣтлѣе узора. Бѣлая атласная шляпка съ розами—самая благородная для утреннихъ собраній.

— Для прогулки пѣшкомъ, самая употребительнѣйшая матерія—атласъ съ такими же узорами, какъ на кисеяхъ. Свѣтло-зеленыя матеріи съ узорами темно-зеленаго цвѣта, или наоборотъ, суть самыя модныя.

— Для прогулки, въ открытомъ экипажѣ, обще-припавшій цвѣтъ капотовъ — палевый или свѣтло-желтый; перья или цвѣты должны быть того же отлива.

— Шляпки Изабеллины дѣлаются изъ чернаго бархата съ тульей нѣсколько на-бекрень и съ бѣлымъ перомъ, приколотымъ прямо.

— Передники, самыя новыя, бываютъ атласныя одного какого-нибудь цвѣта, съ печатною вокругъ гирляндю, которой узоръ повторяется и на карманахъ.

Мужскія моды. Щеголи являются въ собранія въ черныхъ чулкахъ изъ шелковой тюли съ вышитымъ угломъ: шитье это бываетъ всегда оранжеваго цвѣта. Другіе употребляютъ обыкновенныя черныя чулки, но также съ однимъ оранжевымъ угломъ на каждой ногѣ.

КОРОЛЕВСКОЕ АЗИАТСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ЛОНДОНѢ.

Новыишія извѣстія о Бирманахъ. Капитанъ Ло сообщаетъ новыя и любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ Бирмановъ, населяющихъ область, которая присоединена въ послѣднюю войну къ владѣніямъ Англійской Остъ-Индской Компаніи.

Жители этой области чрезвычайно любятъ богатые и пышныя платья, и въ этомъ отношеніи отнюдь не похожи на Гиндусовъ и Сіамцевъ, для которыхъ всякая верхняя одежда лишнее бремя. Они охотники до галантерейныхъ вещей, но издѣлія ихъ въ этомъ родѣ уступаютъ даже всемъ восточнымъ. Женщины пользуются большою личною свободою, и не заковываютъ себя въ такія тяжелыя ожерелья, запястья и налодыжники, какъ Индѣйскія дамы: любимая одежда ихъ — шелковая, по тонкія бумажныя ткани и кисей также въ большомъ употребленіи. Онѣ никогда не моютъ своихъ шелковыхъ платьевъ, и носятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они распадутся въ лепестки. Низшія сословія носятъ Керійское сукно, которое рѣдко бываетъ болѣе футы въ ширину. Въ дождливое время мужчины ходятъ въ огромныхъ шляпахъ: нѣкоторыя изъ нихъ до четырехъ съ половиною футовъ въ поперечникъ; впрочемъ онѣ очень легки и требуютъ особенной ловкости въ сильный вѣтеръ. Высшіе чиновники носятъ золоченыя или лакированныя кожаныя шапки. Всѣ сословія ходятъ въ туфляхъ, и скидаютъ ихъ у порога каждаго порядочнаго дома.

Теннассеримскіе Бирманы татуируютъ тѣло подобно Бирманамъ Авскимъ и Лаоскимъ, а Сіамцы считаютъ это варварствомъ, вѣроятно потому, что таковъ народный обычай ихъ старинныхъ и закоренѣлыхъ непріятелей. Татуировка руки почитается признакомъ вступленія въ зрѣлый возрастъ: операція довольно болѣзненна, и дѣлается черезъ накальваніе узоровъ золотой иглою; красильными веществами для этого служатъ киповаръ и сажа, накопченая жженемъ кунжутнаго масла подъ старымъ горшкомъ, въ который жрецъ собираетъ себѣ ежедневное пропитаніе. Когда напечатлѣваются чары, «дѣлающія человека неуязвимымъ», дѣло происходитъ въ кумирницѣ.

Низшія сословія, хотя подъ жесточайшимъ притѣсненіемъ, однако жъ храбры, гостепріимны и искренны въ обхожденіи. Здѣсь нѣтъ той притворной скромности, которая отличаетъ менѣе добродѣтельныхъ Индустанокъ. Бирманскія дѣти вообще почтительны и привязаны къ своимъ родителямъ. Они странно здороваются: вмѣсто цѣлованія, касаются носомъ къ щекѣ и привѣтствуютъ васъ сильнымъ понюхомъ. Капитанъ Ло полагаетъ, что это удивительное обыкновеніе, найденное между всеми Индо-Китайскими народами, — Малайцами, Китайцами и островитянами Индѣйскаго Архипелага, наводитъ на отдаленную связь племенъ, казущихся теперь весьма различными. Это слишкомъ учено. Мы предложимъ другое, простѣйшее толкованіе. Въ целомъ животномъ царствѣ, между животными склонными къ обществу, замѣчается странный инстинктъ привѣтствія черезъ особеннаго рода прикосновеніе, котораго два главные вида, — поцѣлуй и обнюхиваніе. Обезьяны рѣшительно цѣлуются, какъ люди; многія птицы тоже. Сабаки и нѣкоторые другіе четвероногіе и пернатые изъясляютъ дружескія чувства носомъ, то есть, *отпльдываютъ* милой особы обоняніемъ, какъ цѣлующіеся *отпльдываютъ* другъ друга вкусомъ, устами. Следственно ни поцѣлуй ни понюхъ не суть человѣческія учрежденія или произвольныя выдумки: они слѣдствіе необдѣлимаго животнаго инстинкта. Въ различныхъ поколѣніяхъ чловѣка этотъ инстинктъ съ самаго начала проявился различнымъ образомъ, — въ однихъ онъ продолжилъ себѣ путь черезъ носъ, въ другихъ черезъ уста, — и слѣдственно въ обнюхиванія, составляющемъ племенную черту жителей той части свѣта, нѣтъ ничего удивительнаго, ни археологическаго.

Браки Бирмановъ не что иное, какъ гражданскіе договоры, и обряды ихъ весьма просты: при этомъ случаѣ, какъ и при всякой важной сдѣлкѣ, дается пирь. Разводы дозволяются безъ всякаго затрудненія.

Бирманы и Пегуанцы обыкновенно сожигаютъ усопшихъ, но тѣла всѣхъ умирающихъ до пятнадцатилѣтняго возраста, предаются погребенію. Если женщина умретъ въ родахъ, трупъ ея сожигаютъ на берегу рѣки: оттого, когда живыя ссорятся онѣ, часто кричатъ другъ другу — «Чтобъ тебѣ сгорѣть на берегу рѣки!» Тѣло великаго жреца, умер-

шаго въ Мартабанъ, вскорѣ по взятіи его въ плѣнь, сожжено было съ необычайной торжественностью: отъ гроба протянули на значительное разстояніе проволоку и пустили по ней ракету, которая зажгла костеръ. При совершеніи этого обряда употреблено было столько простаго и горнаго масла, что мшистая земля горѣла еще съ недѣлю послѣ.

Шахматы, шашки и особеннаго рода мячъ, составляютъ главныя забавы этого народа. Мячъ дѣлается изъ ивы, и швырается людьми, которые стоятъ въ кругу отъ шести до семи аршинъ въ поперечникъ. Борьба и кулачный бой являются на всѣхъ большихъ праздникахъ, но съ такими ограниченіями во времени, что бойцы рѣдко успѣваютъ пострадать. Бирманцы такъ же пристрастны къ закладамъ, какъ Китайцы. Они спускаютъ пѣтуховъ, вооруженныхъ искусственными носами, и, — что вѣроятно удивитъ читателей, — держать еще рыбу для драки. Эта воинственная рыба принадлежитъ къ породѣ, называемой Сіамцами *плекетъ*; она мелка и водится только въ прѣсной водѣ: ее держать въ кувшинахъ, каждую рыбку особо, и когда договорятся объ условіяхъ, то противныя стороны пускаютъ въ водоемъ по бойцу, и рыбы дерутся съ величайшимъ ожесточеніемъ. Хозяева рыбъ и зрители этихъ сраженій держать большіе заклады. Иногда спускаютъ на драку буйволовъ, выводя ихъ попарно, въ кругу, образуемомъ толпою. Ими управляютъ люди, сидя на нихъ верхомъ, и ловко соскакивая, когда рога животнаго угрожаютъ опаснымъ нападеніемъ съ боку. Рѣдкій буйволъ продолжаетъ бой послѣ втораго или третьяго круга: обыкновенно прорывается онъ сквозь толпу зрителей, и тутъ многимъ отъ него достается.

Въ одинъ изъ своихъ праздниковъ Бирманцы прыщутъ водою на прохожихъ, и женщины особенно любятъ эту забаву, которую капитанъ Ло называетъ «холоднымъ путемъ сообщеній съ избранными счастливыми.»

Бирманскіе властители охотники до выказной пышности: право носить зонтики составляетъ общезвѣстное отличіе должностнаго человѣка. Бѣлые шелковые зонтики употребляетъ только король, и въ торжественномъ шествіи обы-

кновенно имѣеть ихъ до семи: одинъ изъ нихъ гораздо болѣе прочихъ и называется «государственный сими-кру-сный зонтикъ». Другая принадлежность царской пышности — огромный барабанъ: запрещено употреблять кому бы то ни было, кромѣ еѣ, барабаны этого размѣра, подъ опасеніемъ ответственности, какъ за государственную измѣну. Барабаны подобно зонтикамъ строго соразмѣрены съ степенями званій, не говоря уже о мнѣшествахъ другихъ паружныхъ отличій.

Капитанъ Ло издастъ вскорѣ подробное описаніе государствъ Бирманскаго и Сіамскаго.

НОВОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ. Нѣмецкій журналъ Morgenblatt сообщаетъ объ этомъ феноменѣ замѣчанія одного Англійскаго пастора, которыхъ мы не должны пропустить. Г. Фишеръ, жившій нѣсколько лѣтъ въ глубокомъ сѣверѣ, гдѣ это прекрасное явленіе такъ обыкновенно, выводитъ изъ сравненія своихъ тщательныхъ наблюденій съ описаніями многихъ мореплавателей и путешественниковъ, что сѣверное сіяніе является преимущественно на краю замерзающаго моря или вообще тамъ, гдѣ испаренія большихъ водныхъ массъ быстро замерзаютъ. При подобныхъ обстоятельствахъ замѣчается оно тотчасъ, и тогда освѣщаетъ верхніе края темныхъ облаковъ, образовавшихся водою и испареніемъ: и этотъ особенный видъ сѣвернаго сіянія очень хорошо извѣстенъ посѣтителемъ сѣверныхъ морей. Г. Фишеръ, основываясь на этомъ, думаетъ, что сѣверное сіяніе точно явленіе электрическое. Быстрымъ сгущеніемъ паровъ въ моментъ замерзанія нарушается электрическое равновѣсіе ближайшихъ воздушныхъ массъ, и сѣверное сіяніе есть не что иное какъ процессъ, которымъ возстановляется это равновѣсіе. Въ умѣренныхъ климатахъ не случается такого явленія потому, что тамъ нѣтъ внезапнаго замерзанія водныхъ испареній въ огромныхъ массахъ: природа возстановляетъ здѣсь электрическое равновѣсіе посредствомъ грома и молніи. И такъ сѣверное сіяніе по справедливости можно было бы назвать замѣною грозы для большихъ сѣверныхъ широтъ, гдѣ ея вовсе не бываетъ.

НЕВѢСНОЕ ЯВЛЕНІЕ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ. Г. Серебренниковъ сообщаетъ намъ описаніе любопытнаго, хотя не рѣдкаго, луннаго сіянія, видѣннаго въ Ярославлѣ. Всю ночь съ 1 на 2 января, при ясной погодѣ и морозѣ въ 16 градусовъ, луна свѣтила очень ярко. Утромъ, въ исходѣ шестаго, когда она склонялась къ западу, показались отъ нея во всѣ четыре стороны довольно длинныя, свѣтложелтые столбы: они образовали совершенно правильный крестъ, котораго луна занимала середину; ширина этихъ свѣтистыхъ столбовъ была равна ея діаметру. Нижний столбъ спускался къ горизонту раструбомъ, а верхній и боковые, одинаковой съ нимъ длины, оканчивались въ воздухъ. Крестъ обведенъ былъ большимъ радужнымъ кругомъ, рисовавшимся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ оконечностей столбовъ. Сверху и снизу черта этого круга была тонка, но по бокамъ она представляла двѣ очень широкія радуги: вдвое шире противъ видимой площади луны, и края ихъ, обращенные къ свѣтилу, были яркаго краснаго цвѣта; далѣе слѣдовали полосы фіолетовая, голубая, зеленая, свѣтлозеленая, и наконецъ бѣлая, какъ полированное серебро. Образомъ собою кругъ, радуги эти постепенно суживались къ верхней и къ нижней точкамъ его обода, у видимаго горизонта и у зенита, гдѣ соединяла ихъ тонкая, но довольно замѣтная, бѣлая дуга, такъ что крестъ былъ въ серединѣ разноцвѣтнаго колеса, усѣченнаго горизонтомъ. Въ точкѣ соединенія столбовъ, луна сіяла изжелта бѣлымъ свѣтомъ, но такъ ярко, что безъ труда можно было читать самую мелкую печать. Вообще все это явленіе было прекрасно и величественно. Въ половинѣ седмаго, столбы и кругъ начали блѣднѣть и исчезать, и минувъ пять кроме луны ничего не было видно. Послѣ они опять явились на прежнемъ мѣстѣ, и пропали совершенно въ осьмомъ часу, когда ужъ разсвѣтало.

ТЕМПЕРАТУРА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЖИВОТНОЙ РАСТИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Мы привыкли полагать необходимымъ условіемъ органическаго быта болѣе или менѣе умѣренную температуру, но на термометрѣ природы «тепло» и «холодъ» написаны для жизни въ такомъ разстояніи другъ отъ друга,

Т. IX. — Отд. VII. 7

что ужасаютъ воображеніе. Тридцать пять градусовъ тепла и тридцать пять градусовъ мороза, — вотъ дѣйствительныя крайности, за которыя мы перейти не можемъ. Посмотримъ теперь, какъ далеко простирается терпѣливость тѣла другихъ органическихъ существъ относительно къ теплу и холоду.

Въ Африкѣ, особенно близъ Египетскихъ пирамидъ, зной такъ нестерпимъ и песокъ такъ сильно раскаляется, что по видимому нѣтъ возможности существовать на немъ ни растенію, ни животному; однако жъ Гасельквистъ нашелъ здѣсь и то и другое, именно, ожинную растороншу, мелкую породу ящерицъ и бездну мурашколовокъ. Шейхеръ и Палласъ наблюдали растенія и животныхъ въ сѣверныхъ восточникахъ. Форскаль въ Аравіи, Барро на мысѣ Доброй Надежды и Гукръ въ Исландіи, находили разныя породы нитчанокъ и лучицъ, растущія въ кипящихъ ключахъ. Замѣчательнѣйшее извѣстіе о растительности при весьма высокой температурѣ находимъ у Стантона, въ описаніи Маккартнеева посольства въ Китай. Сочинитель говоритъ, что на островѣ Амстердамъ видѣли они ключъ, котораго плъ былъ горячѣе кипятка, и однако жъ производилъ родъ марханціи. *Turbo thermalis*, улитка, родомъ изъ Адриатическаго моря, встрѣчается въ теплыхъ ключахъ Абано при сто-двадцати градусной температурѣ. Когда теперь вспомнимъ, что многія животныя никогда не оставляютъ полюсовъ, и хорошо переносятъ холодъ въ 60 градусовъ, то найдемъ, что органическая жизнь растянута и распредѣлена на огромномъ масштабѣ теплоты, котораго одинъ конецъ погруженъ въ вѣчный морозъ, а другой высокое кипѣніе.

НОВѢЙШІЯ МУМІИ, ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ И ДЕРЕВЯННЫЯ.

Шестаго марта прошлаго года профессоръ Франкина балъзамировалъ мертвое тѣло въ Палермскомъ анатомическомъ театрѣ. Четырнадцатаго мая, слѣдственно слишкомъ черезъ два мѣсяца, новую мумію разсматривали въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человекъ. Черты усопшаго ни сколько не перемѣнились; тѣло было совершенно гибко и сохраняло обыкновенный смертный цвѣтъ, не издавая не малѣйшаго зловонія. Внутренности, которыхъ, по способу Франкины не нужно вынимать, также хорошо сохранились, особенно легкія, найденныя въ совершенной свѣжести. Кажется, что

Г. профессоръ намѣренъ танъ испытанныя имъ средства. Славный Ларре, главный хирургъ Французской арміи, употреблялъ для этого ртутный сублиматъ, недавно приложенный Кайпомъ (Куап) къ предохраненію отъ порчи строеваго лѣса. Тѣло опускалось въ растворъ сублимата, поддерживаемый на одинаковой степени крѣпости мѣшечками съ тѣмъ же сублиматомъ. « Я самъ видѣлъ, говоритъ докторъ Нюрнбергеръ, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, что тѣло, набальзамированное такимъ образомъ послѣ Эйлаускаго сраженія, провезено было черезъ Бранденбургію въ совершенной сохранности; но внутренности и глаза были вынуты.» Стало-быть, профессоръ Франклина открылъ иной способъ. Но изъ всего этого важнѣйшее дѣло—бальзамированіе древнихъ труповъ помощію ртутнаго сублимата: ежели посредствомъ этого вѣщества можно предохранить строеваго бревна отъ гніенія, то открытіе Г. Каена было бы огромнымъ благодѣяніемъ для нашихъ климатовъ.

НОВОГОЛАНДСКІЯ ДИКІЯ СОБАКИ. Динги, или туземныя собаки, пишетъ одинъ Англійскій путешественникъ изъ Ново-Южнаго Вельса, настоящіе волки этого края. Онѣ живутъ въ ущеліяхъ скалъ и бывають такъ велики и сильны, что причиняють въ стадахъ поселенцевъ страшныя опустошенія. Эти животныя очень умны и живучи. Часто ходять на нихъ съ цѣлыми стадами Европейскихъ собакъ: при одномъ изъ этихъ случаевъ охотники напали на динго съ палками, и думали, что закологли его до смерти; но, отошедъ немного, они увидѣли, къ крайнему своему удивленію, что динго всталъ на ноги, отряхнулся, и убѣжалъ въ чащу лѣса. Другаго динго, котораго также считали убитымъ, принесли домой, и хотѣли снять съ него шкуру. При началѣ этой операціи, къ которой приступили съ головы, искривилась морда животнаго. Охотникъ приписалъ это раздражительности мышцъ, и удалился на минуту поточить ножавъ, но когда хотѣлъ онъ снова приступить къ дѣлу, то увидѣлъ, что динго сидитъ на заднихъ лапахъ: онъ принужденъ былъ добить полубодраннаго звѣря. Динги, какъ и всѣ дикія собаки, не умють лаять, а только воють и визжать. Лай—способность пріобрѣтенная,—собачья риторика, — признакъ образованно-

ети: это какъ-бы усиліе говорить, къ которому вызывастъ собакъ обхожденіе съ человѣкомъ и желаніе подражать ему.

ПРЕИМУЩЕСТВА СЛѢПОТЫ ПЕРЕДЪ ГЛУХОТОЮ. Г.

Гольманъ, о которомъ мы говорили въ осьмой книжкѣ Б. для Ч., издалъ второй томъ своего «Путешествія вокругъ свѣта». Мы приведемъ изъ этого тома два любопытнѣйшія мѣста, — объ умственныхъ способностяхъ одной породы обезьянъ и о шивншемъ состояніи Мадагаскара, но прежде обратимся къ обстоятельству, лично до него касающемуся. Известно, что Г. Гольманъ слѣпъ. Въ окрестностяхъ города Мыса-Доброй-Надежды, Cape Town, онъ долженъ былъ ночевать у одного мытника.

«Двое его сыновей отъ первой жены, одинъ восемнадцати, другой шестнадцати лѣтъ, были оба совершенно глухи и немы, но занимались земледѣліемъ наравнѣ со всеми другими. Я спросилъ отца ихъ, что почитаетъ онъ злѣйшимъ несчастіемъ, — потерю зрѣнія или лишеніе органовъ слуха и речи: онъ отвѣчалъ съ явной увѣренностью — Конечно слѣпоту! Я и самъ былъ точно такого мнѣнія, пока не утратилъ глазъ своихъ. Но если бы теперь предоставили мнѣ выборъ бѣдствія, я взялъ бы себѣ то, которымъ угодно было постыжить меня Провидѣнію. Мнѣ кажется, что я могъ бы оправдать мысль свою слѣдующими доводами: Я все еще наслаждаюсь обществомъ, и способенъ участвовать въ каждомъ обыкновенномъ занятіи жизни, кромѣ чтенія и одинокой прогулки въ незнакомомъ мѣстѣ, такъ же легко и съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и до постигнутого меня несчастія. Могутъ подумать, что я очень много теряю, не будучи въ состояніи наблюдать лица тѣхъ, съ кѣмъ говорю; но это для меня отнюдь не такъ важно, какъ полагаютъ, потому что звукъ голоса, выраженіе и моя собственная голова пополняютъ недостатокъ. Величайшее вознагражденіе, какое получаемъ мы за наши бѣдствія, состоитъ во всеобщемъ участіи, а люди особенно оказываютъ его къ слѣпымъ, воображая, что они всѣхъ несчастнѣе: слѣпцы примѣчаютъ это, и я увѣренъ, что вотъ основаніе того радушія и той постоянной веселости въ бесѣдѣ, которою они особенно отличаются. Совсѣмъ другое дѣло — глухіе, не пото-

му, чтобъ свѣтъ пренебрегалъ ихъ съ умысломъ, но потому, что съ ними трудно объясниться, не сосредоточивая общаго вниманія, а этого одного достаточно для удержанія многихъ. Но кромѣ того самая необходимость чрезмѣрно возвышать голосъ бываетъ физически отяготительна, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должно прибѣгать къ особенному роду объясненія, рѣдкій обладаетъ этимъ искусствомъ въ такой степени, чтобъ употреблять его съ надлежащей быстротою. Оттого глухихъ избегаютъ поневолю, а они привыкаютъ смотрѣть на общество съ завистью: веселые кажутся имъ насмѣшниками, угрюмые порицателями, и всѣ безъ исключенія какъ-бы чуждыми. Легкое размышленіе могло бы убѣдить ихъ, что одинъ человѣкъ никогда не останавливается надолго вниманія цѣлой толпы или цѣлаго круга; но напрасно вести переговоры съ чувствами, до такой степени укоренившимися отъ обстоятельствъ, и разсуждать съ подозрѣніемъ, порожденнымъ общею невнимательностью. Такимъ образомъ слишкомъ часто глухіе предоставляются своему мрачному раздумью нравъ: духъ портится, пріемы становятся грубы наотрѣзъ, и очень не мудрено, если ожесточается въ нихъ и самое сердце.»

УМСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ОБЕЗЬЯНЪ. 1. Павіаны.

Г. Гольманъ сообщаетъ люпыбытныя, почти невѣроятныя вещи объ умѣ павіановъ.

Должно замѣтить, что эти обезьяны рѣдко встрѣчаются менѣе чѣмъ сотнею разомъ. Онѣ переходятъ съ мѣста на мѣсто въ порядкѣ, подобномъ военному, то есть, съ соблюденіемъ повидному неизмѣннхъ правилъ подчиненности. Когда онѣ разбрѣдутся за пищею, у нихъ всегда стоятъ часовые, и, только завидя человѣка, кричатъ весьма яственно—*Ez!* Это невольно напоминаетъ Свифтовыхъ Yahoo каждому, кто читалъ Гулливеровыя путешествія.

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Г. Гольманъ, что у этихъ тварей есть законы, которыми управляется ихъ общество, и по которымъ наказываются у нихъ преступленія. Мнѣніе это подтверждается случаемъ, которому одинъ мой знакомый и жена его были сами очевидцами. За нѣсколько мѣсяцевъ до того происшествія, о которомъ я буду говорить, этотъ

господинъ просилъ одного садовника достать ему самаго большаго павіана; но такъ какъ трудно было поймать такого гиганта, то желаніе его оставалось неисполненнымъ. Разъ, вдутъ они съ женою верхомъ къ тому самому садовнику, какъ вдругъ съ одного холма раздались пронзительные крики, и они увидѣли двѣ стаи павіановъ, выстроенныя въ порядкѣ и саженьхъ въ тридцати одна отъ другой. Между ними, посерединѣ, стояло одно изъ самыхъ крупныхъ животныхъ этой породы и, какъ осужденный, ожидало своей казни: съ каждой стороны выходило чередою по одному павіану, которые, поколотивъ преступника, уступали мѣсто другимъ, слѣдовавшимъ въ томъ же порядкѣ. Побой всякой разъ извлекали у виновнаго отвратительные вопли, но казнь все продолжалась съ неизмѣнной важностью, такъ, что мои знакомые должны были ухватить не дождавшись конца, и протолковали всю дорогу, что за преступленіе могла совершить бѣдная обезьяна. Вскорѣ оказалось весьма правдоподобнымъ, что вина ея состояла въ олошпомъ исправленіи караула. Садовникъ вышелъ на встрѣчу съ вѣстію, что онъ досталъ наконецъ павіана, но не могъ успѣть въ томъ шпаче, какъ застрѣлявъ его.»

Знакомый Г. Гольмана остался въ полной увѣренности, что зрѣлище казни было въ непосредственной связи съ подвигомъ садовника. Этотъ же знакомый сказывалъ автору, что у него была самка павіана, или павіанша, которая очень любила играть съ дѣтьми, но была чрезвычайно шаловлива и при первой возможности била фарфоръ, стекла и все, что ей ни попадалось.

«Однажды проказы ея грозили самымъ трагическимъ заключеніемъ и привели въ величайшій ужасъ весь домъ. Вотъ какъ было дѣло: по случаю починокъ на кровль, къ самому ея верху приставлена была длинная лѣстница, и по ней-то вздумалось госпожѣ павіанъ предпринять прогулку, но не одной, а самъ-другъ. Выдавъ удобный случай съ той удивительной смышленостью, которая такъ близка къ уму, и которая дѣлаетъ этихъ тварей такой печальной сатирою на челоуѣчество, она воспользовалась отсутствіемъ кормилицы, подкралась къ колыбели, гдѣ спалъ девяти-мѣсячный ребенокъ, взяла его бережно на руки и улепетнула на вершину

кровли: тутъ только кто-то увидѣлъ ее со двора и поднялъ тревогу. Боясь испугать обезьяну, чтобъ она не бросила ребенка, никто не зналъ, что начать; напоследокъ черный невольникъ рѣшился на опасное предпріятіе, и пошелъ за нею. Чувства родителей предоставлялись воображенію каждаго. Кто отецъ и кто мать, тѣ могутъ составить себѣ понятіе, съ какимъ трепетнымъ, болзненнымъ вниманіемъ слѣдили они каждое движеніе вѣрнаго слуги. Къ счастью, и можно сказать, къ удивленію, павіанка не тронулась съ мѣста, и преспокойно передала дитя на руки его избавителю. Повидимому, она для того унесла ребенка, чтобъ имѣть удовольствіе покормить его на-просторѣ: по-крайней-мѣрѣ она набила себѣ корму полную пасть, и старалась потомъ напихать его въ ротъ ребенку, такъ, что, если бъ этого скоро не увидѣли, она задушила бы маленькаго страдальца изъ одной изъжности. Проказнику тогда же отдали одному Англичанину, который и увезъ ее съ собою.»

2. Орангъ-утанги. Послуचाю этого описанія смышленности и чувствительности павіановъ, мы приведемъ изъ другихъ источниковъ нѣсколько новѣйшихъ наблюденій надъ умомъ орангъ-утанговъ. Докторъ Абель, бывшій спутникомъ одного орангъ-утанга на Англійскомъ военномъ кораблѣ отъ Борнео до Лондона, описалъ въ журналахъ любопытные нравы своего долгорукаго пріятели.

«По прибытіи нашемъ въ Яву, говоритъ докторъ, орангъ-утанга пустили на берегъ и дали ему совершенную свободу до послѣднихъ двухъ дней передъ помѣщеніемъ его на корабль Цезарь. Пока обезьяна была на свободѣ, она ни разу не пыталась убѣжать, считая себя лицомъ, принадлежащимъ къ экипажу и насъ своими товарищами; но пришла въ бѣшенство, когда ее посадили въ большую бамбуковую клетку, сдѣланную нарочно для ея перевоза. Какъ скоро она замѣтила свою неволю, тотчасъ ухватилась лапами за клеточныя стойки, трясла ихъ изо всей мочи, и старалась изломать; но увидѣвъ, что не можетъ одолѣть ихъ разомъ, начала пытатъ каждую по очереди, выбрала одну потоньше, успѣла ее переломить, и ушла. Скоро ее опять поймали, и привязали на цѣпи къ канату: она умѣла отвязать цѣпь и явилась на палубѣ, таща се за собою; по

какъ цѣпь мѣшала ей ходить, то обезьяна обмотала ее два раза около себя и конецъ закинула себя черезъ плечо. Замѣтивъ потомъ, что онъ не держится на плечѣ, она взяла его въ ротъ.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ овладѣть бѣглецомъ, его пустили гулять по кораблю на свободѣ: скоро сдружился онъ съ матросами и превзошелъ ихъ въ проворствѣ. Они часто гонялись за нимъ по снастямъ, и въ этихъ играхъ доставляли ему бездну случаевъ выказывать свою ловкость. Обыкновенно онъ ускользалъ отъ тѣхъ, кто гнался за нимъ, потому что бѣгалъ гораздо скорѣе; но увидѣвъ, что его настигаютъ, онъ хватался за веревку и избѣгалъ преслѣдованій, качаясь на ней очень быстро. Иногда нарочно трясли снасти, но онъ всегда удерживался силою своихъ мышцъ. Въ веселый часъ, онъ останавливался на минуту подъ самыми руками своихъ преслѣдователей, и потрепавъ одного изъ нихъ, пускался опять со всѣхъ ногъ.

«Пока мы были въ Яву, онъ жилъ на берегу, на огромномъ тамариндѣ, росшемъ неподалеку отъ моря. Вечеромъ онъ дѣлалъ себѣ постель на этомъ деревѣ, сплетая его вѣтви и покрывая ихъ листьями. Днемъ онъ лежалъ на груди съ высунутой головою, чтобъ видѣть все, что дѣлалось внизу. Какъ скоро замѣчалъ кого-нибудь съ плодами, онъ тотчасъ слѣзалъ съ дерева для полученія своей доли. Онъ всегда отправлялся къ себѣ на дерево при захожденіи солнца, а покушавъ плотно, и ранѣе; вставалъ съ зарею, и шелъ прямо къ тѣмъ, которые его обыкновенно кормили.

«На кораблѣ, пока былъ на глазахъ у экипажа, онъ по видимому немного занимался маленькими обезьянами другихъ породъ, бывшими тоже на палубѣ, и однажды явно покусился бросить въ море кѣтку, въ которой ихъ было цѣлая три, за то, что имъ дали чего-то, а ему нѣтъ. Но хотя онъ мало имѣлъ съ ними сношеній, однако жъ былъ къ нимъ не такъ равнодушенъ, какъ казался. Разъ онъ сталъ играть съ обезьянкой между парусовъ и канатовъ: лежа на парусѣ: онъ переважно смотрѣлъ на ея прыжки, между-тѣмъ какъ она скакала у него надъ головою; наконецъ схватилъ ее за хвостъ и хотѣлъ завернуть въ парусъ, какъ дѣтя въ пеленку; но обезьянкѣ не нравился этотъ

пльвигъ, — она безпрестанно у него вырывалась, и снова начинала свою пльску. Однако жъ онъ обходился съ ними не такъ, какъ съ равными, и не позволялъ имъ надъ собой шутить: съ людьми другое дѣло, — онъ считалъ ихъ почти орангъ-утангами, по-крайней-мѣрѣ существами, столь же благородными какъ онъ самъ. При всемъ томъ обезьянки очень любили его сообщество, и являлись къ нему всякой разъ, какъ ихъ выпускали. Впрочемъ дружба ихъ не успѣлась отъ времени: она была точно такова же въ первый день, какъ и подъ конецъ путешествія.

«Орангъ-утангъ былъ вообще очень кротокъ, но когда его дразнили, выходилъ изъ себя отъ гнѣва, — раздвѣвалъ ротъ, оскаливалъ зубы и кусалъ всѣ вещи, которыя были поближе. Раза два или три мы думали, что онъ хочетъ убить себя съ отчаянія. Когда ему отказывали въ апельсинѣ, онъ испускалъ пронзительные крики, и яростно бросался въ снасти; но послѣ приходилъ опять, и снова старался его выпросить. Если ему и тутъ отказывали, онъ катался по палубѣ какъ разсерженный ребенокъ, и наполнялъ воздухъ криками; потомъ вдругъ вскакивалъ, и прятался на другомъ концѣ судна. Въ первый разъ, когда это случилось, онъ чуть не бросился въ море отъ огорченія.

«Это животное не дѣлаетъ такихъ ужимокъ какъ другія обезьяны, и не имѣетъ, подобно имъ, склонности къ безпрестаннымъ продвѣлкамъ. Нашъ орангъ-утангъ былъ обыкновенно смиренъ, степененъ и даже задумчивъ. Когда онъ бывалъ въ первый разъ съ незнакомыми, то озирался безокойно и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ пригорюнявшись; если жъ они ему слишкомъ надоедали своей пытливостью, онъ укрывался въ первое убѣжище, какое ему попадалось. Кротость его оказывалась въ терпѣніи, съ которымъ обыкновенно спосилъ онъ обиды: только слишкомъ жестокія оскорбленія могли его озлобить; онъ всегда избѣгалъ тѣхъ, кто его мучилъ, и напротивъ былъ чрезвычайно привязанъ къ тѣмъ, кто былъ съ нимъ хорошъ, садился возлѣ нихъ и придвигался какъ-можно ближе, иногда съ нѣжностью прикладывалъ руку ихъ къ своимъ губамъ. Рулевой, котораго онъ особенно любилъ за то, что тотъ уступалъ ему половину своей порціи, выучилъ его ѣсть лож-

кою. Любопытно было видѣть, съ какой смѣшиною важно-стью пилъ онъ кофе. Званіе безпристрастнаго историка налагаетъ на меня обязанность сказать въ осужденіе моему герою, что, несмотря на чувства признательности къ рулевому, онъ часто воровалъ у него водку.

«Послѣ рулевого, я всѣхъ больше пользовался его дружбою: онъ слѣдовалъ за мною въ уединенныя мѣста корабля, куда я уходилъ читать. Удостоверившись напередъ, что въ карманахъ у меня нѣтъ ничего съѣстнаго, онъ растягивался у моихъ ногъ, смыкалъ глаза, и временемъ растворялъ ихъ, чтобъ посмотрѣть, что я дѣлаю.

«Въ Явѣ, первымъ его удовольствіемъ было прыгать по деревьямъ съ сука на сукъ и взбираться на кровли домовъ, а на корабль вѣшать руками за канаты и играть съ дѣтьми. Онъ затрогивалъ дѣтей, когда они проходили мимо его, и потомъ убѣгалъ отъ нихъ прыжками, но отъ времени до времени нарочно имъ поддавался. Тутъ дѣйствовалъ онъ и руками, и ногами, и зубами. По присѣмамъ его въ этихъ шуточныхъ борьбахъ, можно полагать, что, при настоящей дракѣ, онъ старается пржде повалить своего противника, потомъ удерживаетъ его руками и ногами, и наконецъ впускаетъ въ него зубы. Во время плаванія онъ обыкновенно спалъ на парусѣ большой мачты, и часто его вставлялъ на себя вмѣсто одеяла. Оправляя свою постель, онъ тщательно старался устранить все, что могло сдѣлать поверхность ея неровною. Иногда, чтобъ подразнить его, я ложился на нее прежде его, и онъ гналъ меня, сильно потрясая парусъ; но если было довольно мѣста для двухъ, то покорялся необходимости и тихонько ложился подлѣ меня. Если всѣ паруса были подняты, онъ старался промыслить себѣ другое одеяло, воровалъ бѣлье, повѣшенное матросами для просушки и таскалъ даже одеяла съ коекъ.

«На высотѣ мыса Добрая Надежды онъ сильно терпѣлъ отъ холода, особенно утромъ, сходя съ мачты. Бѣднякъ, привыкши къ знойной температурѣ Восточнаго Архипелага, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, прибѣгалъ къ своимъ друзьямъ, бросался въ ихъ объятія, и крѣпко сжималъ ихъ руками

чтобы согрѣться около нихъ. Если кто хотѣлъ у него вырваться, онъ испускалъ жалобные вопли.

«Въ Явѣ, обыкновенною его пищею были плоды, особенно мангостаны, которые онъ любилъ до чрезвычайности. Онъ былъ также большой охотникъ до яицъ, которыхъ жадно высасывалъ и часто ходилъ въ курятникъ добывать самъ. На корабль онъ не имѣлъ однообразной пищи, и тѣмъ все, особенно сырую говядину: онъ очень любилъ хлѣбъ, однако жъ предпочиталъ плоды, если только могъ достать ихъ. Въ Явѣ пилъ онъ только воду, но на корабль питье его было такъ же разнообразно, какъ и пища. Онъ охотнѣе пилъ чай и кофе, но не брезгалъ и виномъ: однажды онъ явно обнаружилъ склонность къ крѣпкимъ напиткамъ, укравъ у капитана бутылку рому. Въ Лондонѣ онъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ напиткамъ пиво и молоко.

«Въ попыткахъ его удовлетворять своему обжорству, имѣли мы случай замѣтить всю его природную смышленность. Онъ сердился, если ему не давали тотчасъ, чего онъ хотѣлъ, и преслѣдовалъ насъ съ одного конца судна на другой, чтобъ получить желаемое. Я рѣдко выходилъ на палубу безъ какихъ-нибудь лакомствъ или плодовъ въ карманахъ, и нарочно старался укрывать ихъ отъ его бдительнаго взора: иногда я взбирался на вершину гротъ-мачты, но онъ всегда меня останавливалъ или предупреждалъ. Онъ крѣпко прижималъ меня къ мачтѣ обѣими ногами и одной рукою, а другою обиралъ мои карманы. Часто всбѣгалъ онъ очень высоко, и потомъ вдругъ спускался на меня по веревкѣ. Если, угадывая его намѣреніе я хотѣлъ сойти внизъ, онъ бросался за мною и ловилъ меня въ вантахъ. Иногда я привязывалъ на веревку апельсинъ и спускалъ къ нему съ гротъ-мачты, и, только-что онъ хотѣлъ его схватить, я отдергивалъ. После нѣсколькихъ попытокъ, схватить его прямо онъ перемѣнилъ планъ нападенія: притворялся, будто уже не думаетъ о моемъ апельсинѣ, медленно всходилъ по снастямъ, но потомъ вдругъ бросался на веревку, поддерживавшую его лакомство: если я успѣвалъ предупредить его движеніе и во-время отергивалъ апельсинъ, онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи, визжалъ, кидался на меня

и жалъ до тѣхъ поръ, пока волею или неволею я уступалъ ему предметъ его желаній.

«Два раза случилось мнѣ видѣть его въ большомъ испугѣ. Однажды, у Острова Вознесенія, принесли на корабль восемь черепахъ: онъ такъ ихъ перепугался, что тотчасъ умчалъ на спасеніе выше обыкновеннаго и оттуда разсматривалъ черепахъ, оставленныхъ на палубѣ: длинныя его губы оттянулись и образовали родъ собачьей морды, и необыкновенный стопъ, подобный хрюканью свиньи и карканью вороны, вырывался у него изъ груди. Черезъ нѣсколько времени онъ рѣшился спуститься, но все еще боязливо поглядывалъ на черепахъ, и держался отъ нихъ въ нѣсколькихъ сажняхъ. Вторичную тревогу причинилъ ему видъ купающихся въ морѣ: онъ видно испугался ихъ паготы».

Вотъ другой недавній примѣръ образованнаго орангъ-утанга, который былъ изъ породы *simiae satyres*. Онъ былъ воспитанъ у Г. Форстера, въ Батавіи. Г. Бланшаръ, начальникъ судна Октавія, завтракалъ въ этомъ домѣ съ хозяиномъ, когда услышалъ, что дверь сзади отворилась, и почувствовалъ, что кто-то треплетъ его по плечу. Онъ очень удивился, увидѣвъ за собою черное и косматое двуногое, которое обходилось съ нимъ такъ безоколично. Джорджъ, — нима косматаго гостя, — съѣлъ по приглашенію своего господина за столъ, откушалъ съ ними весьма чинно, а послѣ кофе его выслали. Г. Бланшаръ взялся отвезти его въ Бостонъ. На кораблѣ орангъ-утангъ содержалъ свою каюту въ чистотѣ и порядкѣ. Каждый день выкидывалъ онъ остатки своей пищи; часто мылъ полы, и для этого самъ ходилъ за водою и за тряпками: онъ и его платье отличался тою же опрятностью; онъ умывалъ себѣ лице и руки совершенно какъ человекъ, и обнаруживалъ рѣшительную склонность къ щегольству. При всей кротости и послушаніи онъ очень любилъ играть и шалить. Но иногда, вопреки обыкновенному его смиренію, позволялъ онъ себѣ дерзости, заставлявшія капитана употреблять строгія мѣры. Послѣ наказанія, онъ обыкновенно ложился въ постель, и кричалъ какъ дитя, которое проситъ прощенія. Недраный рясъ, иногда мѣшаемый съ патокою, составлялъ обыкновенную его пищу: онъ впрочемъ ѣлъ все, что ему давали, но осо-

бенно любилъ кофе, чай и плоды. Онъ постоянно украшалъ своимъ присутвіемъ обѣды капитана, и при этомъ обыкновенно выпивалъ нѣсколько рюмокъ вина. Къ общему сожалѣнію всѣхъ его друзей, онъ умеръ на второй день по прибытіи своемъ въ Бостонъ.

3. *Послѣдняя война между Англіею и обезьянами.* Наконецъ должны мы сообщить нѣсколько извѣстій о послѣдней войнѣ между Англіею и оранго-утангами. Въ лѣсахъ, окружающихъ городъ Мысъ-Доброй-Надежды, живетъ цѣлый народъ этихъ косматыхъ философовъ. Дружба между ними и правительствомъ Мыса продолжалась постоянно до 1822 года, когда послѣдовалъ разрывъ, припудившій Англичанъ рвуться на военные дѣла. Обезьяны начали посѣщать Англіійскія казармы, лежащія за городомъ, и, пользуясь отсутствіемъ солдатъ, уходившихъ по утрамъ на ученіе, красть у нихъ бѣлье и одѣяла. Несмотря на всѣ предосторожности, воровства продолжались съ удивительною ловкостью. Оранго-утанги мало-по-малу дошли до такой дерзости, что стали расхаживать стадомъ около казармъ. Особенно замѣтенъ былъ между ними одинъ старый орангъ-утангъ съ сѣдою головою и необычайной величины, котораго солдаты прозвали *дядя Морфи*: онъ, казалось, командовалъ цѣлымъ отрядомъ, былъ чрезвычайно остороженъ и проворенъ, и они подозрѣвали, что онъ долженъ быть главный воръ своего народа. Они стерегли его, и дѣйствительно поймали, когда онъ, проникнувъ окномъ во второй этажъ казармы, тащилъ одѣяло съ кровати одного ихъ товарища. Чтобъ дать ему и его друзьямъ уразумѣть противозаконность такого поступка, они вывели его въ поле, и, въ виду орангъ-утанговъ, блуждавшихъ по опушкѣ лѣса, беспощадно отодрали его палками. Спустя нѣсколько дней, обезьяны, мстя за обиду своего предводителя, вторглись въ-расплохъ цѣлымъ стадомъ въ казармы, и, пока солдаты схватились за тесаки и ружья, онѣ ограбили ихъ кровати и унесли множество вещей, съ которыми умчали въ поле. Тутъ начался шумъ и визгъ: орангъ-утанги, какъ-бы виздѣвку надъ Англичанами, завертывались въ одѣяла, рвали ихъ по частямъ, повязывали себѣ ими шею или накидывали ихъ на плеча подобно женскимъ платкамъ, и такъ расхаживали въ полѣ, чванясь вслѣдствіе своей победы. Дядя Мурфи надѣлъ на себѣ красный сер-

жантскій мундиръ, который удалось ему похитить, и подождать въ немъ шаговъ на тысячу къ казармамъ. Видя невозможность оборониться обыкновенными мѣрами, губернаторъ Мыса объявилъ формальную войну обезьянамъ: поручикъ съ отрядомъ тридцати человекъ пѣхоты посланы были въ лѣсъ противъ нихъ. Они убивъ нѣсколько косматыхъ враговъ, и, преслѣдуя другихъ, приведены были къ большой пещерѣ, гдѣ находилась крѣпость и главная квартира неприятеля. Входъ въ пещеру былъ заваленъ колодами и вѣтвями, сквозь которыя посыпался на нихъ градъ камней. Предстояло брать пещеру штурмомъ, но какъ командиръ не былъ увѣренъ въ успѣхъ и опасался невзглядимаго срама для Англійскаго оружія, если бъ войско Его Королевскаго Величества было разбито обезьянами, то онъ предпочелъ отступить въ городъ. Съ тѣхъ поръ приказано стрѣлять по орангъ-утангамъ, которые появляются близъ казармы.

МАДАГАСКАРСКІЕ ОЧЕРКИ. Усилія полудикаго великаго человека водворить просвѣщеніе въ своемъ отечествѣ долго обращали вниманіе на Мадагаскаръ; но со смерти Радамы, который скончался, не совершивъ начатаго предпріятія, этотъ обширный и плодоносный островъ мало былъ посѣщаемъ путешественниками. Читатели конечно любопытны знать положеніе, въ какомъ теперь находится посланная туда Европейцами образованность. Англійскій военный корабль *Jaseur*, на которомъ находился и Г. Гольманъ, посѣтилъ въ 1828 году Портъ-Дофенъ, лежащій въ части острова, управляемой особымъ королемъ. На другой день по прибытіи ихъ туда, явился на корабль два Мадекасскіе адъютанта съ письмомъ отъ короля къ капитану, писанномъ по-Англійски. Эта грамота стоитъ быть перепечатанною. Замѣтимъ, что Мадагаскарскіе *малые*, о которыхъ въ ней упоминается, суть молодые туземцы, которыхъ каждый корабль Капской эскадры имѣетъ, по предписанію адмиралтейства, въ числѣ сверхкомплетныхъ служителей, для обученія ихъ морской службѣ и Англійской образованности.

«Капитану Англійскаго военнаго корабля — здравствуй, «вашъ другъ, и всѣ офицеры, и Мадагаскарскіе малые, и по-

«сылаемъ бычка, пару гусей и двѣнадцать куръ, и лицъ, «и банановъ, да извольте взять съ собою двухъ Мадагаскарскихъ малыхъ для перевода, когда поедешь къ намъ на берегъ, и музыку, потому что мы давно не слышали музыки.

«Рамаланулуна»

Мундвры этихъ адъютантовъ могутъ дать нѣкоторое понятие о пышности Мадагаскарскаго двора.

«На одномъ былъ голубой камзолъ, бѣлые шаравары, бѣлые чулки и голубая шапка съ краснымъ козырькомъ и съ бантомъ на маковкѣ. На другомъ свѣтлооливковый камзолъ, шаравары, чулки и непарные башмаки, которые, подобно многимъ супругамъ, хоть и были вмѣстѣ, однако жъ глядѣли врознь. Одинъ былъ сляшкомъ великъ, другой слишкомъ малъ, — и какъ адъютантъ угоразживался ходить въ нихъ, право, непостижимо! Однако жъ онъ действительно ходилъ: проводивъ насъ на берегъ, онъ дошелся до дворца благоволично, то есть, не потерявъ ни одного. Но кажется, что этотъ подвигъ совершился не безъ боли и затрудненія, и адъютантъ былъ очень радъ облегчить свои ноги: по-крайней-мѣрѣ на возвратномъ пути къ лодкѣ, куда онъ изъ вѣжливости провожалъ насъ, мы замѣтили, что башмаки свои оставилъ онъ дома, и шель въ однихъ бѣлыхъ чулкахъ, которые были у него спущены и обнажали черноту его ногъ, торчавшихъ какъ головы изъ короткихъ бѣлыхъ шараваровъ. За каждымъ изъ адъютантовъ слуга несъ шпагу: одна была съ мѣдною рукоятю, другая съ перламутровой, и обѣ въ мѣдныхъ ножнахъ. Двое служителей завернулись въ бѣлые плаща, какъ въ плащи, но на лодочникахъ не было ничего, кромѣ повлозокъ по поясу.»

Король Рамаланулуна-человѣкъ лѣтъ тридцати пяти теперь, очень дюжій, темноволосый и смуглолицый. Одежда его состояла изъ алаго камзола, почти неносеннаго, съ парюю очень хорошихъ золотыхъ эполетъ, изъ бѣлой рубашки и бѣлыхъ шараваръ, голубаго жилета, чернаго галстуха и сапоговъ съ разрывомъ посерединѣ. Но, кажется, ему было неловко въ этомъ парадномъ одѣяніи, которое очевидно сшито было не по немъ. Онъ осыпалъ капитана увѣреніями въ благорасположеніи своемъ къ Англичанамъ, и объявлялъ,

что употребляет всевозможные усилия прекратить торговлю невольниками в своих владениях: в доказательство он рассказывает, что недавно еще истреблено имъ Французское судно, производившее эту торговлю, и освобождены съ него тридцать четыре человека купленных уже островами. Онъ пользуется в этой части острова неограниченною властью, объявивъ себя независимымъ отъ королевскаго дома, царствующаго в Тананаривъ, столицу покойнаго Радамы. Военная его сила простирается до тысячи человекъ. Туземцы очень нуждаются в платьи, особенно в мундирахъ, треугольных шляпахъ, и сверхъ того в мыль, котораго они всего больше добывались, и которое, кажется, всего для нихъ необходимо, потому что весьма многие страдаютъ кожными болезнями, происходящими преимущественно отъ неопрятности. Все они жевали табакъ, и такіе до него охотники, что когда подчивали ихъ изъ табакерки, они брали щепоть и клали прямо в ротъ. Можно себя представить, какова страсть знатнѣйшихъ между ними къ треугольнымъ шляпамъ, когда они предлагали одному Англійскому офицеру двадцать взрослыхъ быковъ и пять телятъ за ту, которую на немъ видели. Слѣдственно, образованность подвигается.

«Въ одеждѣ обоехъ половъ еще нѣтъ ни какого различія: почти все носятъ однѣ только подвязи по поясищѣ, и если есть какая-нибудь разница в прическѣ, то и ограничивается тѣмъ, что женщины плетутъ косы мельче нежели мужчины. У солдатъ есть, кажется, форменная прическа: затылки и маковки острижены очень плотно, а напередѣ оставленъ большой хохолъ, расчесываемый съ большимъ стараніемъ. Что касается до невинности, то, и въ этомъ не болѣе различія между полами; по-крайней-мѣрѣ до вступленія въ бракъ и мужчины, и женщины почитаются совершенно свободными.»

«Отсюда корабль Jaseur отправился въ Бембтонскій Заливъ, гдѣ живетъ губернаторъ королевы Мадагаскара, вступившей на престолъ послѣ кончины Радамы. Здѣсь и народъ и все учрежденія значительно опередили Портъ-Дофенскихъ въ образованности. Вообще островъ Мадагаскаръ плодоносенъ даже въ самыхъ возвышеннѣхъ частяхъ сво-

ихъ; но по лѣности жителей худо обрабатывается: главное дѣлаютъ здѣсь однѣ женщины. Внутреннія области, особенно Ова, наилучше воздѣланы, и поэтому обильнѣе продовольствіемъ. Столица Танариво—версть на четыреста отъ морскаго берега, и лежитъ на вершинѣ хребта горъ, простирающагося почти отъ сѣвера къ югу посреднѣ острова.

«Порядокъ наследованія Овайскаго престола опредѣленъ закономъ, подобнымъ Малайскому: сыновья царствующаго короля исключены въ пользу его племянниковъ по женскому колѣну, то есть, старшій сынъ старшей королевской сестры всегда законный наследникъ. Обыкновеніе это происходитъ, кажется, отъ господствующаго здѣсь разврата, который подвергаетъ подозрѣнію честь самой королевы и налагаетъ клеймо незаконности даже на царское потомство. Здѣсь думаютъ, что наследственная чистота крови вѣрнѣе сохраняется въ женской нежели въ мужской линіи, потому что король непременно долженъ быть настоящимъ сыномъ своей матери, а дочери ея настоящими его сестрами: если онъ съ ними и разныхъ отцевъ, то все-таки онъ царской крови по матери.

«Женское цѣломудріе не почитается въ Овъ за добродѣтель, и королевскій домъ пользуется правомъ неограниченнаго сластолюбія. Королева по смерти мужа беретъ себѣ другаго, третьяго, и перемѣняетъ ихъ такъ часто, какъ ей вздумается, если только они не изъ царствующаго дома. Этотъ обычай держится еще въ Овъ, несмотря на многія улучшенія, введенныя съ недавняго времени Англичанами.

«Законъ дозволяетъ королю имѣть двѣнадцать женъ, и, въ случаѣ некомплекта, этикетъ требуетъ полагать, что онъ всѣ налице. Изъ числа ихъ, семь или восемь выбраны имъ самимъ: остальные достаются ему послѣ предѣвственника, и только считаются его женами. Эти титулярныя супруги бываютъ иногда очень стары и драхлы.

«Сверхъ-того, король можетъ имѣть столько любимицъ, сколько захочетъ; но ихъ содержать взаперти, и дѣти ихъ никогда не признаются законными. Богатые заводятъ отъ трехъ до шести женъ, смотря по состоянію и знатности. Случается, что сынъ одного брата женится на двухъ, трехъ

дочеряхъ другаго. Низшія сословія также имѣють по столько женъ, сколько могутъ содержать.»

Радама, о которомъ уже говорили мы во второй книгѣ Б. для Ч. (Путешествія Тейеремена и Беннета), былъ просвѣщеннѣйшій изъ всехъ прежнихъ государей острова. Онъ бросилъ многіе предрасудки своихъ подданныхъ, ревностно желалъ учиться, весьма быстро постигалъ, въ чемъ главное, и всегда былъ готовъ къ рѣшительному выполнению того, что могло принести пользу его отечеству. Передъ другомъ своимъ, Англичаниномъ Гасти, отлагалъ онъ иногда королевское достоинство, оплакивалъ заблужденія варварства, и изъявлялъ самое пламенное желаніе къ ихъ искорененію; однако жъ всегда бралъ мѣры съ осторожностью, чтобъ не оскорбить чувства своихъ подданныхъ. При всемъ томъ, онъ не могъ совершенно освободиться отъ прежнихъ привычекъ. Онъ много спалъ, жадно ѣлъ, и забавлялся криками женщинъ и скачками мужчинъ, которые плясали подъ звукъ бубенъ, ударяемыхъ рукою и сопровождаемыхъ брячаньемъ раковинъ.

Такъ трудно разстаться съ варварствомъ и съ закоренными привычками ранней жизни. За все любили его подданные, кромѣ уничтоженія торгова невольниками: и что мудренаго, если этотъ шагъ казался величайшимъ неразуміемъ даже его министрамъ и совѣтникамъ. Они, какъ самъ онъ говорилъ, смотрѣли на одни барыши, тогда какъ онъ жаждалъ славы. Удивительное вліяніе Г. Гасти перемогло весь государственный совѣтъ, несмотря на то, что договоръ о невольникахъ не слишкомъ былъ выгоденъ для Радамы: назначенное ему ежегодное вознагражденіе, кажется, отнюдь не покрывало произшедшей оттого убыли въ доходахъ.

«Онъ обыкновенно принималъ совѣтниковъ каждое утро въ семь часовъ, и совѣщанія ихъ продолжались отъ полубы часа до двухъ часовъ, такъ, что вѣроятно они были чрезвычайно единодушны въ рѣшеніяхъ, или одна воля его была закономъ. У Г. Гасти есть одно замѣчаніе, которое заставляетъ думать, что приговоры ихъ были часто очень строги. «Бѣда тому, говоритъ онъ, кто не можетъ заплатить пени, положенной за сдѣланное имъ преступленіе.»

«Въ Тананариво, самому мелочному дѣлу есть назначенное время, опредѣляемое мнѣніемъ королевскихъ совѣтниковъ. Однажды, съ разрѣшенія его величества, Г. Гасти послалъ въ королевскіе анбары просить рису. Радама велѣлъ извинить себя передъ нимъ въ невозможности удовлетворить требованію его до слѣдующаго утра, «потому что нынче тяжелый день для отпуска съѣстныхъ припасовъ.» Если бѣ этотъ необыкновенный человекъ прожилъ нѣсколько лѣтъ долѣе, природная его склонность къ усовершенствію безъ-сомнѣнія принесла бы самыя полезныя плоды. Онъ не термѣлъ ни одного случая къ приумноженію своихъ познаній и примѣненію своего образа мыслей къ Европейскому, и со временемъ конечно рѣшился бѣ сбросить цѣпи народныхъ предразсудковъ и отмѣнить многіе пелъпыя обычаи. Овайскій народъ не имѣетъ понятія о религіи; отъ этого суевѣрія его исполнены варварства, и, кажется, только свѣтъ Евангелія, распространяемый примѣромъ любимаго государя, силенъ вывести этихъ островитянъ изъ мрака, которыми окружены они со всѣхъ сторонъ.»

Радама, какъ извѣстно, умеръ въ 1828 году, около того времени, какъ корабль *Jaseug* былъ въ Портъ-Дофенъ. Ему наследовала любимая жена его Рававолана, бывшая также въ числѣ женъ его отца. Государственный доходъ Мадагаскара состоитъ изъ десятины со всѣхъ произведеній земли, не исключая и самонамѣвшихъ. Въ столицѣ есть что-то похожее на торговлю, но народъ вообще погруженъ еще въ самое грубое варварство.

«Низшія сословія всѣ въ грязи и едва только не наги. Хижины ихъ представляютъ картину самой крайней бѣдности, особенно внутри королевства: здѣсь они лучше обрабатываютъ землю, но неопрятность ихъ еще поразительнѣе. Это такіа флегматическія созданія, которыя равнодушно смотрятъ на всякое бѣдствіе и знаютъ одну только главную потребность, — вѣду. Они никогда не доходятъ до бѣшенства и не стараются тотчасъ отмстить за обиду, но долго помнятъ каждую бездѣлицу, и какъ-будто съ злобнымъ удовольствіемъ слушаютъ рассказы о несчастіяхъ, даже если потерпѣвшіе ихъ вовсе имъ не известны. Ка-

жется, въ нихъ болѣе господствуетъ страхъ, нежели привязанность, особенно къ властителямъ. Истребленіе хижины и всего имущества переносятъ они съ каменнымъ спокойствіемъ, и если сгоритъ, у нихъ жилище, они принимаютъ за постройку новаго съ такимъ же равнодушіемъ, какъ за обѣдъ. Они кротки и развязны въ приѣмахъ, почти тельны къ высшимъ, и безпечно предаются веселью, не смотря ни на какія жизненные тревоги. Въ поступкахъ и рѣшеніяхъ неодолимо они медленны, и тщетно всякое усиліе вдохнуть въ нихъ сколько-нибудь жару: они внимаютъ съ неистощимымъ терпѣніемъ всемъ вашимъ доказательствамъ, и потомъ насмѣшливо улыбаются или просто отойдутъ съ безмолвнымъ равнодушіемъ.

«Овайцы, убивъ быка, ѣдятъ всѣ части его безъ исключенія и предпочитаютъ тѣ, которыя покрыты толстой кожей. Они варятъ сарапинское пшено невымытое, и оставляютъ часть его въ горшкѣ, который держать на огнѣ до тѣхъ поръ, пока она сгоритъ: на это льютъ они воду и, потомъ пьютъ ее горячую въ видѣ напитка. Листья служатъ имъ вмѣсто блюдъ, тарелокъ и ложекъ. Они ѣдятъ съ большою алчностью, и пустой желудокъ—единое душевное несчастье Мадагаскарцевъ, которые однако жъ отличаются крѣпкимъ и здоровымъ тѣломъ. Между противоположною нравственностью половъ они не полагаютъ ни какого различія: мужчины и женщины спятъ у нихъ вмѣстѣ безъ всякаго неудобства. Женщины ихъ вообще сильнѣе мужчинъ, и самыя красивыя принадлежатъ исключительно богатымъ, потому что, не имѣя ни какихъ понятій о религій и нравственности, они не заботятся о женскомъ целомудрїи, и смазливыя дочери бываютъ для самихъ родителей предметомъ прибыльныхъ спекуляцій. Чувственность—главная черта ихъ характера, и между-тѣмъ страсти любви и ревности имъ вовсе неизвѣстны. Женскій полъ находится въ совершенномъ рабствѣ, и обреченъ самымъ тяжкимъ работамъ.»

Краснорѣчіе этихъ островитянъ дивнымъ образомъ неудобопонятно для иностранца, потому что голосъ ихъ никогда не измѣняетъ тона ни въ хладнокровномъ разсказѣ, ни въ одушевленіи страстью. Земская собственность разграничена

небольшими кольями, вбитыми въ землю, съ пучкомъ соломы на верхнемъ концѣ. Кладбище семейства находится подлѣ его дома. Болѣзнь господина—случай весьма опасный для служителей, по причинѣ господствующихъ суевѣрій о порчѣ колдовствомъ и принятаго способа производить свѣдѣствіе помощію ядовитыхъ напитковъ. Читатели наши припомнятъ здѣсь статью седьмой книжки Б. для Ч., «Македасское средство открывать истину»: варварское это обыкновеніе состоитъ въ томъ, что обвиненный, съѣвъ довольно большое количество варенаго рису, глотаетъ не жуя три кусочка птичьей кожи; тогда даютъ ему выпить *тангинь*, истертую въ порошокъ косточку ядовитаго плода того же имени, который въ маломъ приемѣ дѣйствуетъ какъ рвотное, но въ большомъ причиняетъ смерть; наконецъ заставляютъ его пить горячую рисовую воду, и тутъ наступаетъ рвота: если всѣ три кусочка кожи извергнуты, онъ оправданъ; въ противномъ случаѣ вина его доказана.

«Однажды заболѣла сестра Радамы, и возмѣнили подозрѣніе, что она испорчена которой-нибудь изъ ея прислужницъ. Четыре дѣвушки были тотчасъ отведены въ тюрьму: потомъ заставили ихъ выпить тангинь, но только одна изъ нихъ оправдала себя, извергнувъ всѣ три кусочка птичьей кожи. Радама, вѣрный наследственному суевѣрію своего народа, опредѣлялъ смертную казнь тремъ остальнымъ, несмотря на предстательство его матери, которая очень любила одну изъ нихъ, собственную ея служанку. Несчастныхъ жертвъ поставили на утесъ, и, обрѣзавъ имъ сперва пальцы, потомъ руки, ноги, носы и уши, столкнули въ пропасть. Молодымъ дикарямъ позволено было забавляться, швыряя въ нихъ камнями. Сыновья и племянники короля смотрѣли на эту потѣху, и никто изъ присутствующихъ не обнаружилъ признака человѣческихъ чувствованій, хотя одна изъ дѣвушекъ была прекрасная собою. Оправданная прислужница получила щедрое награжденіе.»

ПОТОМКИ МАКЕДОНЦАНЪ ВЪ ИНДІИ. Поручикъ Берисъ, въ путешествіи изъ Индіи въ Бухару, говоря объ извѣстномъ племени *Сіагъ-пушей*, или Черно-платяпыхъ, упоминаетъ, что они признаютъ себя потомками древнихъ

Македонягъ, приведенныхъ въ Индію Александромъ Великимъ. Въ Бомбейскомъ журналѣ, издаваемомъ Королевскимъ Азіатскимъ Обществомъ, напечатаны теперь объ нихъ подробности, собранныя однимъ муфтіемъ, который путешествовалъ недавно въ этомъ краѣ. Туземцы, которыхъ называетъ онъ «обладателями красоты и прелестей», не могли падивиться его лошади: животное это врядъ ли извѣстно въ странѣ Сіягъ-пушей. Они одѣваются въ козлиныя кожи и распускаютъ волосы по плечамъ; пьютъ вино, какъ воду, и никогда несалятся наземь, а только на стулья. Что касается до ихъ вѣры, то они обожаютъ «Великое божество» подъ видомъ кумировъ, каменныхъ или деревянныхъ, которыхъ называютъ *Берунъ* или *Мага дивъ*. Мы сдѣлаемъ здѣсь одно любопытное сближеніе. Азіатское начало древнихъ языческихъ вѣръ, господствовавшихъ въ Европѣ, не подлежитъ сомнѣнію: поэтому, не должно казаться страннымъ, если въ словѣ *берунъ* мы узнаемъ имя главнаго бога Славянъ, *Перунъ*; но читателямъ нашимъ едва-ли извѣстно, что наше слово *дивъ*, *диво*, собственно означаетъ тѣхъ зловредныхъ геніевъ страшнаго вида и огромной величины, обитающихъ въ пустыняхъ, о которыхъ читали они въ Тысячѣ Одной Ночи. «Геній» есть названіе этихъ духовъ, взятое изъ языковъ Арабскаго колѣна, въ которыхъ оно произносится *геннъ*, *даженнъ* и *джиннъ*; «дивъ» — названіе Персское, общее всѣмъ языкамъ Персидскаго корня, къ которому принадлежитъ и языкъ Санскритскій, и которыхъ часть влилась изъ Азіи въ Европейскіе языки. *Theos*, *deus*, *divus*, *дивъ*, и наше Русское *диво* суть одно и то же слово, и первоначально означало духа, огромнаго и страшнаго, живущаго въ пустыхъ мѣстахъ. «*Мага дивъ*» Сіягъ-пушей, поэтому, не что иное, какъ «Великое диво», то есть, великій геній. Сіягъ-пуши въ ушахъ носятъ по желѣзному кольцу, и снурокъ, украшенный раковинами вокругъ шеи. Они никогда не вступаютъ въ бракъ съ родными подобно Гиндусамъ, и свадебные обряды ихъ очень странны. Они приносятъ женъ своихъ безъ покрывала на плечахъ, пляшутъ, бѣгаютъ и скачутъ по улицамъ, сопровождаемые толпами мужчинъ и женщинъ, которые бьютъ въ барабаны, играютъ на флейтахъ и ужасно шумятъ. У нихъ есть общественный домъ, куда они посылаютъ бѣ-

ременныхъ женщинъ передъ родами, и держать ихъ тамъ сорокъ дней. Ни одинъ мужчина не можетъ не только войти въ комнату, но и пройти мимо этого дома. Кажется, этотъ обычай есть и у нѣкоторыхъ Жидовъ. Погребеніе Сіагъ-Пушей происходитъ съ великимъ торжествомъ. Тѣло провожаютъ обыкновенно молодые люди съ пѣніемъ, скачками, пляскою и барабаннымъ боемъ; другіе несутъ его на плечахъ въ большомъ ящикѣ, какъ у магометанъ, поднимаютъ на вершину высокой горы, и ставятъ на солнцѣ; тутъ приносятъ въ жертву корову, даютъ пиръ провожаемымъ, и потомъ возвращаются домой безъ всякаго плача. Черезъ шестьдесятъ дней, когда тѣло испортится и расклевается птицами, женщины изъ семьи покойника идутъ все вмѣстѣ на гору, подбираютъ кости, и, обмывъ ихъ въ ручьѣ, приносятъ домой, садятся вокругъ нихъ и плачутъ нѣсколько времени; послѣ чего входятъ мужчины и уносятъ ихъ къ большой пещерѣ, вырытой подъ землею бросаютъ въ нее, и, обращаясь къ костямъ, произносятъ—«Вотъ для васъ небо!» Журналъ Азіятскаго Общества полагаетъ, что, судя по оружію Сіагъ-пушей, дѣйствительно память Македонскаго войска еще сохраняется въ этомъ поколѣніи. Они сражаются копьями и хорошо стрѣляютъ изъ лука; на поясъ носятъ мечи, и щиты за спиною. Они бьются съ чрезвычайной жестокостью, скрипя зубами и рыкая какъ львы. Побѣдители украшаются, вмѣсто лавровъ, вѣнками изъ листьевъ шелковичника. Но должно замѣтить, что у племенъ той части Азіи страсть производить себя отъ народовъ классической древности: Афганцы не сомнѣваются въ томъ, что они потомки Евреевъ; Сіагъ-пуши хотятъ быть Македонцами.

ДРЕВНИЙ СИДОНЪ. Въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. упомянули мы о «Пантикѣ», историческомъ романѣ Г. Вильяма Говитта, но историческомъ не понашему: авторъ бросился за четыре тысячи лѣтъ назадъ, въ Финикію, —эту Англію прежняго міра, — и старается возсоздать Тиръ, Сидонъ, все, что только есть готическаго и мрачнаго въ самой классической древности. Онъ описываетъ эти города съ такою подробностью, какъ-будто они были Тула или Эдинбургъ. Не

угодно ли взглянуть на блестящую картину нѣкогда богатаго и шумнаго Сидона, нынѣшней бѣдной Сайды, — картину, которая не уступитъ ни одному изъ тысячъ изображеній столицъ новѣйшихъ.

«Городъ поднимался къ востоку уступъ на уступъ, покрывая обширное пространство отлогихъ холмовъ; и чѣмъ выше росъ онъ, тѣмъ огромнѣе и великолѣпнѣе представлялись его чертоги, сады и капища. Внизу, густая и безконечная громада домовъ обвѣщала населеніе, многочисленное какъ саранча въ пустынь. Длинные ряды базаровъ и лавокъ тянулись изъ улицы въ улицу; въ нихъ красовались издѣлія и драгоценности всѣхъ народовъ, а надъ ними безчисленное множество ремесленниковъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, занимались каждый своимъ дѣломъ. Тамъ леталъ челнокъ, здѣсь стучалъ молотъ; слышатся визгъ пыли, скрипъ колесъ, звонъ колокола. На кровляхъ сидѣли женщины подъ легкими полотняными навѣсами, и, вышивая въ пальцахъ золотомъ, дѣйствовали блестящими иглами съ немовѣрной быстротою. Печи и кузнечные горны обливали своимъ жаркимъ дыханіемъ путешественниковъ, когда они проходили мимо. Тѣсныя улицы кишѣли самымъ разнороднымъ людомъ, и гулъ отъ говора и шаркотни сапдаліями не умолкалъ ни на минуту.

«Когда мы приближались къ набережной, огромные погребя и амбары пожирала и извергала тяжелыя кипы и бочки, подъемаемыя людьми исполинской силы и роста въ сравненіи съ прочими: самая набережная поразила насъ нѣмымъ удивленіемъ. Вдали на западъ разстилалось могучее море, и пѣнистыя волны колыхались въ солнечномъ сіяніи какъ-бы только для того, чтобы нести сюда богатства со всего міра. Они видѣли станъ входящихъ и выходящихъ кораблей; безчисленное множество мелкихъ судовъ швыряло между ними, авдоль высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ пристани тянулись будто соединенные флоты всѣхъ народовъ. Безконечный лѣсъ мачтъ простирался докуда было видно, и суда разныхъ родовъ и величинъ стояли передъ глазами: у нѣмыкъ носовая часть украшена была съ дикою пышностью грубыми изображеніями боговъ или священныхъ животныхъ, а бока и корма испещрены краснымъ, голубымъ и чер-

нымъ, съ золотыми узорами. Нѣкоторыя, съ распущенными по вѣтру флагами, воздымали ряды весель какъ крылья и, одѣтыя Египетскими коврами, будто красныя птицы, хотѣли летѣть на небо; другія тяжелыя, грузныя и черныя, уподоблялись рабамъ океана, обреченнымъ влачиться отъ берега къ берегу съ тяжкими ношами. Здѣсь видѣли мы, какъ высаживались на берегъ наемныя войска изъ черныхъ Эѳіоповъ, которымъ Сидонцы поручаютъ защиту города, и тѣхъ уродливыхъ Нубійскихъ пигмеевъ, которые на стѣнахъ его исправляютъ должность стражковъ. Тамъ важно сидѣли кунцы и корабельщики, надзирая съ довольнымъ видомъ за работами людей своихъ; даже, дюжіе, черные, лоснящіеся Африканцы, въ бѣлыхъ передникахъ и съ серьгами въ ушахъ неподвижно грѣлись на солнцѣ, и какъ-будто не могли насытиться возраставшими ихъ лучами. Безпрестанно раздавались клики. Мы съ большимъ трудомъ проходили между грудями товаровъ, — и чего тутъ не было? Кедровыя ящики, всѣ опутанные веревками, съ драгоценными шелками Востока, сосуды съ винами, грузы туземной пшеницы, отправляемой въ чужіе края; мирра, сабуръ, вяза корицы и другія драгоценныя пряности Индіи; золото, мѣдь и дерево разнаго рода для искусныхъ туземныхъ художниковъ; лошади, рогатый скотъ и бѣлющія овцы; обезьяны и павлины, райскія и другія птицы, слоновыя кости въ большихъ ворохахъ и чудесныя издѣлія Сидонцевъ и Тирянъ; ножи и мечи, оружія и латы, безчисленное множество домашней утвари и бездвушекъ, которыхъ жаждетъ роскошь и прехотливое удовольствіе. Все это попадалось намъ на каждомъ шагу, и сверхъ-того тутъ было такое сборище людей, какого мы никогда не видывали. Каждый народъ имѣетъ здѣсь своихъ представителей: Арамейцы, Мессопотамцы, Сиріане и Ассирійцы, Эдаманты, Филлестимляне, Египтяне, племена Таршিশа и жители острововъ Хиттискихъ. Это сбродъ бесконечно разнообразныхъ одеждъ, лицъ и пріемовъ, — всѣ вокрѣн и всѣ цвѣта подсолнечной. Одни — черныя какъ смоль, съ свѣтлыми, бѣгающими глазами; другіе — желтыя; наконецъ жители запада, которые гораздо бывае и притомъ такъ благородны видомъ, что оба

странника не могли смотреть на нихъ безъ удивленія.» Таковъ, полагають Г. Говиттъ, былъ Сидонъ.

ТОРГОВЛЯ МОКСКИМЪ КОФЕЕМЪ. Мока теперь главный рынокъ почти всего восточнаго берега Аравіи, и Американцы производятъ тамъ самую прибыльную торговлю. Когда Г. Веггорнъ, у котораго мы заимствуемъ эти извѣстія, былъ въ Мокъ, тамъ грузились три Американскіе корабля кофе, камедями и кожею. Корабли эти назначены были въ Марсель, Ливорно и Генуу, все три въ Средиземное Море; изъ Америки пришли они съ балластомъ, доллерами и порохоми, который доставляетъ здѣсь наиболѣе прибыли. Со времени отплытія ихъ оттуда до тѣхъ поръ, пока привезутъ они Мокскій грузъ свой въ Европу, эти суда пройдутъ около пятидесяти тысячъ верстъ, употребивъ на то тринадцать мѣсяцевъ; но если удастся Англичанамъ устроить пароходство въ Черномъ Морѣ и согласить пашу Египетскаго на свободный пропускъ товаровъ черезъ его владѣнія, тогда они будутъ дѣлать тотъ же самый оборотъ въ три недѣли. Съ этой надеждою можно поздравить всехъ истинныхъ любителей Мокскаго кофе, и кажется, что она ихъ не обманетъ.

ИСТОРИЯ СИТЦЕВЪ И КИСЕИ. Все женщины, замужнія, дѣвицы и вдовы, должны общими силами защищать отъ нападений Виговъ и поддерживать на министерствѣ нынѣшняго перваго министра въ Англіи, сирѣ Роберта Пилля, изъ благодарности къ его отцу, истинному благодѣтелю прекраснаго пола. Чтобы растолковать имъ поводы этого долга, мы должны кинуться въ хлопчатую бумагу.

Исторія этой фабрикаціи въ Англіи не имѣетъ себѣ подобія въ летописяхъ міра. Въ началѣ царствованія предположняго короля, Георга III, она занимала только сорокъ тысячъ человекъ, и цѣна ежегодныхъ издѣлій простиралась до пятнадцати милліоновъ рублей; теперь она занимаетъ не менѣе полутора милліона душъ, и цѣна издѣлій превосходитъ въ годъ семьсотъ семьдесятъ пять милліоновъ. Трудно составить себѣ понятіе о объемѣ такой фабрикаціи, но слѣдующія вычисленія быть-можетъ пособятъ объяснить всю ея обширность. Исчислено, что если бы всю бумажную пряжу,

въ годъ выдѣлываемую въ Англію, обратить въ одну нить, эту нитью можно было бы обмотать шаръ земной двѣсти три тысячи семьсотъ семьдесятъ пять разъ: ея достало бы на пятьдесятъ одинъ разъ отъ земли до солнца и на восемь съ половиною разъ около всей земной орбиты. Ситцы и кисеи, вывозимыя въ теченіе года за границу, опоясали бы одиннадцать разъ окружность земли по экватору; они составляютъ половину всего вывоза Великобританіи, занимаютъ одиннадцатую часть всего ея населенія, и снабжаютъ почти всѣ народы въ мірѣ какою-нибудь частію ихъ одежды. Доходъ купцевъ и фабрикантовъ отъ одной этой вѣтви промышленности равняется двумъ третямъ всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Индія была повидимому древнѣйшимъ мѣстопробываніемъ бумажной фабрикаціи, которая перешла потомъ въ Персію и Египеть. Въ Америкѣ, гдѣ Колумбъ нашелъ туземцевъ одѣтыми въ бумажныя ткани, эта отрасль промышленности была вѣроятно доморощеннымъ изобрѣтеніемъ. Во времена Грековъ и Римлянъ, Индѣйскіе ситцы и кисеи мало привозились въ Европу, между-тѣмъ какъ употребленіе шелка быстро распространилось. Послѣ того Арабы переселились въ Испанію и хлопчатникъ, и искусство употреблять его въ дѣло: первый по-сю-пору растетъ дикій въ древнемъ королевствѣ Валенціи, и безъ всякой пользы. Изъ Испаніи эта фабрикація перешла во Фландрію, а оттуда, въ концѣ шестнадцатаго вѣка, къ Англичанамъ, умѣвшимъ такъ успѣшно воспользоваться уроками Фламандскихъ протестантовъ, которые искали у нихъ убѣжища отъ притѣсненій Филиппа II. Въ 1701 году привезено было въ Англію около двухъ милліоновъ, а въ 1764 году безъ малаго четыре милліона фунтовъ хлопчатой бумаги. Вывезено бумажныхъ издѣлій въ 1701 году на 583,000 рублей, а въ 1764 году на 5 милліоновъ. Въ 1833 году привозъ хлопчатой бумаги простирался до 305,726,195 фунтовъ, а объявленная цѣна вывоза бумажныхъ издѣлій до 462,160,000 рублей. Такое распространеніе покажется еще удивительнѣе въ сравненіи съ успѣхомъ Англійскихъ шерстяныхъ фабрикъ, справедливо пользующихся всемірною славою. Цѣнность вывоза шерстяныхъ издѣлій въ первую половину минувшаго столѣтія про-

стиралась среднимъ числомъ до 50,000,000 рублей ежегодно, а въ 1833 году она возрасла до 163,500,000 рублей: слѣдственно когда шерстяное производство только устроилось, хлопчатобумажное въ теченіе того же времени болѣе нежели ускорилось. Этимъ удивительнымъ распространеніемъ обязана Англія прекраснымъ изобрѣтеніямъ, которыми воспользовались все, кромѣ самихъ изобрѣтателей. Въ борьбѣ съ предрассудками, съ невѣжествомъ, съ близорукимъ своекорыстіемъ, сошли они преждевременно въ могилу, а открытія, исторгнутыя у нихъ завистью, доставили несметныя богатства людямъ, которыхъ все заслуги состояли въ капиталѣ и въ хитрости.

Первымъ изобрѣтеніемъ по этой части былъ летучій челнокъ, fly-shuttle, придуманный въ 1738 году Джономъ Ке (Kay). Сынъ его, Робертъ, усовершенствовалъ это открытіе, доставивъ ткачу способъ дѣйствовать тремя челноками вдругъ, и дѣлать набивныя ткани съ такимъ же удобствомъ, какъ гладкія. Оба Ке не только не воспользовались своими открытіями, но должны были спастись бѣгствомъ въ Парижъ отъ опасности, которою угрожали имъ преслѣдованія раздраженныхъ соперниковъ.

Около того же времени Джонъ Вайетъ (Wyatt) изобрѣлъ прядильный валь, введенный въ употребленіе дѣдомъ нынѣшняго перваго министра, сирѣ Роберта Пила, котораго отецъ, скончавшійся недавно, первый завелъ мануфактуру ситцевъ въ колоссальномъ видѣ. Отецъ сирѣ Роберта, знаменитѣйшій бумажный фабрикантъ въ свое время, щедро поощрялъ изобрѣтателей прядильныхъ машинъ, которыя онъ тотчасъ вводилъ у себя въ употребленіе. Ему-то обязана женская половина Европы теми прекрасными тканями, въ которыя она теперь одѣвается такъ прелестно и за столь дешевую цѣну. Наши дамы, платя за аршинъ по два и по три рубля, съ трудомъ повѣряютъ тому, что *ярдъ* (мѣра побольше аршина) отличнаго ситцу продается въ Англіи по сороку копѣекъ. Можно еще торговаться. Но воротимся къ исторіи. Вайетъ придумалъ, кажется, и чесальный цилиндръ; но обоими этими открытіями воспользовался Ря-

чардъ Эркрайтъ, а первый изобрѣтатель по недостатку въ деньгахъ долженъ былъ оставить свое предпріятіе. Эркрайтъ, узнавъ нѣкоторыя подробности его прядильной машины, постигъ, ея выгоды и посвятилъ все свои способы приведенію ея въ дѣйствіе въ новомъ, усовершенствованномъ видѣ. Когда онъ устраивалъ ее въ Ноттингамѣ, явился туда нѣкто Гергривзъ съ другою машиною, которая обогатила потомъ многихъ; но самъ онъ жилъ и умеръ въ бѣдности. Эркрайтъ, съ помощію нѣсколькихъ капиталистовъ, умѣлъ выдержать первоначальныя затрудненія, и хотя впоследствии лишенъ былъ по суду своихъ привилегій, однако жъ получилъ званіе сира и умеръ богатѣйшимъ человекомъ, не давъ ни копѣйки тѣмъ, чьими открытіями такъ удачно воспользовался. Кромптовъ придумалъ соединить механизмъ Гергривза съ Эркрайтовымъ, и усовершенствовалъ свое изобрѣтеніе въ 1779 году. Онъ не взялъ привилегіи, и въ то время, какъ другіе фабриканты наживали его машиною огромныя капиталы, оставался почти въ совершенной неизвѣстности, пока въ 1812 году парламентъ не опредѣлилъ ему 125,000 рублей въ одновременное вознагражденіе.

Со времени Эркрайта, механическіе ткацкіе станы размножились съ удивительной быстротою, и число ихъ простирается теперь до пятидесяти тысячъ, кромѣ тѣхъ, которые дѣйствуютъ на шерстяныхъ фабрикахъ. Съ помощію этихъ становъ и паровыхъ машинъ, одинъ человекъ, даже не взрослый, выдѣлываетъ теперь столько пряжи, сколько за пятьдесятъ лѣтъ едва-ли успѣвали дѣлать двѣсти работниковъ, и при всемъ томъ число рабочихъ не уменьшилось, а напротивъ отъ сорока тысячъ возрасло до-полутора миліона! Плата за работу теперь вчетверо выше тогдашней, и однако жъ въ Англии есть разрядъ людей, которые вопіютъ на машины, какъ на бѣдствіе народное.

Многіе говорятъ, что работа на фабрикахъ чрезвычайно вредитъ здоровью, и что высокая плата покупается здѣсь цѣною силъ и самой жизни. Коммисія, наряженная для изслѣдованія «того важнаго предмета, допрашивала 837 прядильщиковъ, бывшихъ среднимъ числомъ по 22³/₄ года на фабрикахъ: изъ нихъ 74 на сто объявили себя здоро-

выми, $20\frac{1}{2}$ на сто совершенно здоровыми и $5\frac{1}{2}$ на сто посредственными. Изъ женъ ихъ $96\frac{3}{4}$ на сто оставались въ живыхъ, а $3\frac{1}{4}$ на сто померли; время ихъ супружества равнялось кругомъ $11\frac{5}{4}$ годамъ, а дѣтей прижито ими кругомъ же по $3\frac{3}{4}$. Уродцевъ оказалось по одному на 214. Конечно, мануфактурная работа не такъ безвредна для дѣтей какъ земледѣльческая, однако жъ замѣчательный опытъ, сдѣланный комиссіею, доказываетъ, что разница здѣсь не такъ велика, какъ можно было бѣ ожидать. Собрали нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ девяти до семнадцати лѣтъ съ фабрикъ и съ воли по-ровну, распредѣлили ихъ по годамъ, свѣсили, вымѣрили и нашли, что въ мальчикахъ, работавшихъ на фабрикахъ, было 75,175 фунтовъ и 55,282 дюйма, а въ мальчикахъ, неработавшихъ на фабрикахъ, 78,680 фунтовъ и 55,563 дюйма; въ дѣвочкахъ, работавшихъ на фабрикахъ, 74,439 фунтовъ и 54,951 дюймъ, въ дѣвочкахъ, неработавшихъ на фабрикахъ, 75,049 фунтовъ и 54,479 дюймовъ.

Что касается до нравственности, то комиссія нашла ее на фабрикахъ въ удовлетворительнѣйшемъ состояніи нежели въ рабочихъ сословіяхъ вообще, и сверхъ того замѣтила въ ней постепенное улучшеніе.

Въ Англии вышла теперь «Исторія хлопчатобумажной фабрикаціи», сочиненная Г. Бенсомъ, и подробности, здѣсь изложенныя, взяты изъ нея.

ОТОМЪ, КАКЪ ЛЮБЯТЪ ЖЕНЩИНЫ. Англійскіе журналы сообщаютъ примѣчательный примѣръ силы воли въ молодой влюбленной дѣвушкѣ. На одномъ кораблѣ, стоявшемъ въ Лондонѣ, недавно открылось случайнымъ образомъ, что дѣвушка, переодѣтая мальчикомъ, исправляла довольно долго матрозскую службу. На корабль пріѣхалъ портовой чиновникъ въ то самое время, когда одинъ старый матросъ безжалостно билъ мнимаго юнгу. Чиновникъ выговорилъ старику за его жестокость, и потомъ сказалъ прибיתому: — А ты, братъ, раскричался какъ баба! — «Баба? взревѣлъ старый матросъ: да она и есть баба, и коли не перестанетъ дурачиться, такъ у меня всѣ объ этомъ узнаютъ.» — Чиновникъ тотчасъ изслѣдовалъ сіе дѣло, и удостовѣрился въ справедливости словъ матроса. Дѣвушка была родомъ изъ Ирландіи, гдѣ отецъ ея занимался нѣсколько лѣтъ маклерскими

дѣлами. Она познакомилась съ однимъ корабельщикомъ, который полюбилъ ее и былъ любимъ взаимно. Черезъ нѣсколько времени ему пришлось отправиться въ Америку, и такъ какъ она долго не получала отъ него извѣстiя, то рѣшилась ѣхать къ нему сама. По прибытiи въ Америку, она узнала, что возлюбленный ея умеръ. Тутъ, въ память утраченнаго друга, рѣшилась она сама вступить въ морскую службу; достала себѣ матросское платье, и будучи смуглаго лица, тѣмъ скорѣе могла успѣть въ своемъ обманѣ. Ее считали за мальчика, и помѣстили поваромъ на корабль Бельфасть, отправлявшiйся въ Средиземное Море. Уже два года была она въ *дѣйствительной* службѣ, когда настоящiй полкъ ея обнаружился описаннымъ случаемъ. Лордъ меръ города Лондона, узнавъ объ этомъ происшествiи, не хотѣлъ долже оставлять дѣвушку въ такомъ неестественномъ положенiи, и велѣлъ позвать ее къ себѣ. Она явилась въ сопровожденiи своего капитана и многихъ другихъ господъ, принимавшихъ въ ней участiе. Изъ словъ капитана оказалось, что незадолго до прибытiя корабля въ Лондонъ узналъ онъ, что кухмистеръ его—кухарка, дѣвица, и дочь порядочныхъ родителей, по имени Анна Торнтонъ. Его навели на это нѣкоторые изъ его людей, которые, видя, что мнимый поваръ не хочетъ пить грогу, никакъ не могли отдать себѣ отчета въ его породѣ, и стали подозрѣвать его въ томъ, что онъ не настоящiй мужчина. Капитанъ началъ ее спрашивать, и переодѣтая открыла ему свою участь. Лордъ меръ спросилъ ее, правда ли, что капитанъ и его люди часто обходились съ нею очень дурно. Она отвѣчала, что капитанъ всегда былъ къ ней милостивъ и приказывалъ жаловаться ему въ случаѣ обиды со стороны матросовъ: во время плаванiя она неразъ терпѣла отъ нихъ побои, за то что въ бурю не могла работать съ потребной силою; но никогда не говорила о томъ капитану, рѣшившись переносить безропотно сколько сможетъ. Капитанъ хвалилъ усердiе къ службѣ и скромное поведенiе этого семнадцатилѣтняго матроса, и лордъ меръ принялъ бѣдную Анну Торнтонъ подъ свое высокое покровительство.

Въ повѣстяхъ Бокаччио есть примѣръ обратный,—мужчина, изъ любви, сдѣлался кухаркою. Читатели наши вспом-

нять прекрасное стихотвореніе А. С. Пушкина, «Домикъ въ Коломвѣ».

ФРАНЦУЗЫ, ИТАЛЬЯНЦЫ, АНГЛИЧАНЕ И СЪВЕРО-АМЕРИКАНЦЫ. Какъ ни измѣнились Французы въ послѣднее время, разсуждаетъ New Monthly Magazine, но они все еще сохраняютъ отъенокъ прежней вѣжливости, и безспорно отличаются имъ передъ прочими тремя народами. Французъ вѣжливѣе, любезнѣй, веселѣе Англичанина, но только когда онъ въ обществѣ, и когда не хвастаетъ своей Франціей, своимъ «великимъ народомъ», потому что въ ту минуту нѣтъ такой наглости, которой бы не сказалъ онъ вамъ съ видомъ удивительнаго добродушія. Французъ — рѣшительный хвастунъ, но все-таки онъ вѣжливѣе другихъ. Дайте ему супу, салату и существо, съ которымъ бы онъ могъ болтать до-сыта, вы удовлетворили весь его потребности на цѣлый день. Французъ любитъ выказать свои чувства, Англичанинъ старается ихъ скрывать. Французъ не забываетъ даже въ минуту смерти, какъ явиться ему въ глазахъ свѣта. Сколько рѣчей подготовлялось во время терроризма, чтобы, при случаѣ, торжественно произнести ихъ съ гильотины! Недавно еще одинъ Парижскій парикмахеръ рѣшился на самоубійство только потому, что разсчитавъ, какъ самъ онъ пойдетъ, въ вѣроятности, онъ увидѣлъ невозможность когда-нибудь достигнуть той высоты, на которую вознесся Бонапарте. Читатели вспомнить газетныя извѣстія о дѣвочкѣ, которая училась писать, чтобы уведомить родныхъ о странной причинѣ, побудившей ее къ самоубійству: она боялась, что ее не будутъ довольно любить. Какъ видѣнъ здѣсь театральнй характеръ народа!

И не оттого ли Французы такіе охотники до театра? Каждый изъ нихъ живетъ только въ толпѣ, а одинъ — не существуетъ. Скажите ему, что весь свѣтъ, — *tout le monde*, то есть, сто человекъ, — собрался дѣлать то или другое, онъ готовъ на все, что вамъ угодно. Нѣтъ такой крайности, худой ли или доброй, въ которую бы онъ не вдался. Зато при наступленіи истинной опасности, тотчасъ слышится гибельное *sauve qui peut*, — спасайся кто можетъ, — и Французы теряютъ не только мужество, но даже память. Взгляните на Фран-

иуэскій экипажъ во время кораблекрушенія: какой панической страхъ, какая неподчиненность, какое слѣпое ожесточеніе, торопливость, суматоха, отчаяніе! Сравните это съ холоднымъ присутствіемъ дуза Англійскаго матроса.

Но отчего же Англичанинъ, Джонъ Буллъ, такой медвѣдь? Отчего ворчитъ онъ дома и на улицѣ? за обѣдомъ и за чаемъ? въ дождь и въ хорошую погоду? Отчего не доволенъ онъ въ дымящаровой атмосферѣ Лондона точно такъ же, какъ подъ прекраснымъ небомъ, предъ живописнымъ мѣстоположеніемъ Кампаньи Феличе? Джонъ Буллъ или дѣйствительно печется о плоти и удобствахъ жизни больше всѣхъ другихъ народовъ, или въ немъ есть природная склонность вездѣ выказывать свое себялюбіе.

Въ густой туманъ, въ дождливую погоду, въ сильной вѣтеръ, Англичанинъ развѣ по необходимости выйдетъ изъ дому: оттого всѣ его занятія и удовольствія носятъ настоящей комнатный отпечатокъ. Французы и Итальянцы народъ уличный; они воздушны, и принадлежатъ вольному воздуху. Для Итальянца такъ же необходимо солнечное сіяніе, какъ вода для рыбы: иначе вся природа его должна принять другой характеръ, — онъ будетъ ужъ не тотъ. Разумѣется, и здѣсь есть исключенія. Тотъ же самый народъ, у котораго девизомъ — «Поедимъ и попьемъ сегодня, а завтра на ушокой!», произвелъ Данте и Галилея, Тасса и Буонаротти.

Когда сочинитель этой статьи былъ во Флоренціи, одна молодая дѣвушка увидѣла его развѣ задумчивымъ, и тотчасъ спросила, что съ нимъ. — Я кой-объ-чемъ думалъ, отвѣчалъ онъ. — Думали! Заступница Божія Матерь! да о чемъ вамъ думать? Вы молодой человекъ неженатый, бездѣтный, — такъ какія жъ думы?

Это впрямь по-Итальянски: кромѣ жены и дѣтей, которыхъ иногда еще немножко озабочиваютъ, Итальянецъ не знаетъ ничего такого, что бы помѣшало сидѣть на солнцѣ и наслаждаться пріятнымъ бездѣйствіемъ, *il dolce far niente*.

Англичанинъ и Французъ оба горды, Итальянецъ ни сколько, за исключеніемъ однако жъ Римлянина, котораго — *Sono Romano io!*, — я Римлянинъ!, — звучитъ такъ же великолѣпно, какъ — *Je suis Français moi!*, — и *Do you know, sir, I am an*

Englishman? — Знаете ли, сударь, что я Англичанинъ? Однако жъ гордость Римлянъ отлична отъ другихъ гордостей. Французъ и Англичанинъ столько же превозносятся тѣмъ, что они теперь, сколько тѣмъ, что были прежде: напротивъ того, Римлянинъ гордится только минувшимъ.

Что касается до Парижской възливости въ собственномъ смыслѣ, то ея выражается не столько истинная любезность, сколько привычка Парижанина всегда воображать себя, что его городъ — средоточіе образованности и изящнаго вкуса. Несмотря на то, что нынѣшній Парижъ заимствуетъ все главнѣйшее у Англичанъ, Парижанинъ убѣжденъ, что все создается въ его городѣ.

Удивительно, до какой степени старые люди во Франціи привязаны къ забавамъ и удовольствіямъ своей юности. Въ Парижъ услышите вы очень часто, что сѣдые какъ лунъ старики такъ же усердно толкують о театральныхъ происшествіяхъ, какъ семнадцати-лѣтніе мальчики: даже смѣшно видѣть, когда эти дряхлые господа, у которыхъ смерть за плечами, разсуждаютъ съ самымъ живымъ участіемъ о прическѣ мамзель Марсъ и объ изгибахъ прелестной ножки Тальони.

Что для Итальянца *far niente*, что для Француза *faire claquer son fouet*, — пускать пыль въ глаза, — то для Англичанина его *comfort*. Другіе народы и не знаютъ хорошенько, что такое этотъ *comfort*. Это не просто удовольствие, а именно то сладостное ощущеніе, которое рождается устраненіемъ всякаго неудобства, всякой тягости, всякаго беспокойства. Огонь въ холодную погоду — *comfortable*, сухое платье въ замѣнъ вымокшаго подъ дождемъ — *comfortable*, солнце послѣ пасмурности то же *comfortable*, словомъ, область *комфорта* почти вся принадлежитъ ненастному климату: одинъ онъ влечетъ за собой тѣ неудобства, которыхъ отсутствіе означается этимъ выраженіемъ. Климатъ въ соединеніи съ родомъ пищи объясняетъ и склонность къ крепкимъ напиткамъ, отличающую Англичанъ отъ Французовъ и Итальянцевъ.

Изъ дѣтей Италіи всѣхъ скромнѣе, кротче и любезнѣе — Флорентинцы. Възливость Парижанина заключается по большей части въ ничего незначущихъ учтивостяхъ, но у Флорентинца — это выраженіе нѣжнаго, глубокаго чувства. Рим-

лане самые угрюмые и недовѣрчивые изъ всѣхъ Итальянцевъ. Въ жителяхъ обвѣхъ Сицилій представляются удивительныя крайности: тогда какъ многіе изъ нихъ пизки до подлости, другіе дерзки и наглы какъ-нельзя больше. Разнощикъ, у котораго покупаете вы апельсины, тащить у васъ кошелекъ изъ кармана, и если вы поймали его надѣлъ, онъ насмѣется вамъ въ глаза, какъ-будто ничего не было. Скажите неотвязному чичероне, что онъ вамъ не нуженъ, и онъ преслѣдуетъ васъ цѣлый день; грозите ему палкой, какъ угодно, и онъ ни за что отъ васъ не отстанетъ; войдите въ лавку, онъ за вами; остановитесь съ знакомыми дамами, онъ тутъ же въ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ; нынче вы велѣли вытолкать его изъ дверей, завтра онъ опять поджидаетъ васъ у самаго выхода. Но ничто не сравнитъ ясъ наглостью Неаполитанскихъ извозчиковъ, которые, предлагая вамъ карету, привѣтствуютъ бичемъ прямо въ лице. Иностранцу, небывавшему въ Неаполь, опасно показаться на главную ихъ биржу, Largo del Castello: удары и оглушительные крики *A carroz, a carroz!* посылаются на него со всѣхъ сторонъ.

Если теперь обратимся къ Американцамъ, то найдемъ, что тщеславіе составлять отличительную черту ихъ характера. Оно-то, вопреки народной гордости, принуждаетъ ихъ заботиться о мнѣніи Европы почти съ дѣтскимъ малодушіемъ. Ни одинъ народъ не чувствуетъ такой потребности знать все, что объ немъ говорятъ и думаютъ другіе, ни одинъ народъ не принимаетъ такъ близко къ сердцу отзывъ иностраннаго журнала или путешественника какъ гордые Американцы. Но объ нихъ мы столько ужъ говорили!

ОДНО ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ САМОУБИЙСТВЪ ВО ФРАНЦИИ.
Всѣ газеты и журналы твердятъ, что Французы убиваютъ себя непрерывно: по какъ они себя убиваютъ? Надобно знать пріемъ! Въ пріемъ все дѣло. Онъ—характерическій, истинно Французскій. Одинъ Англійскій путешественникъ рассказываетъ въ *Blackwood's Magazine* случай, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Нѣкто Альфонсъ Ипполитъ, выдававшій себя за сына маршала Сульта, явился въ департаментъ Сены-и-Марны и надвѣлалъ страшную тревогу въ сердцахъ областныхъ краса-

вище. Въ послѣдніе полвѣка не завѣжало къ нимъ ни одного такого франта, скрипача и танцора. Прибавьте къ этимъ прелестямъ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ настоящаго дохода, да нѣсколько милліоновъ будущаго, съ герцогскимъ титуломъ на придачу, и вы достигните, какимъ образомъ Ипполитъ увлекъ за собою всѣхъ матерей и всѣхъ дочерей департамента. Не успѣлъ онъ пребыть нѣсколько недѣль въ Фонтенебло, какъ явилось здѣсь другое чудо: красота, которая путешествовала, со свитою, для воздуха, была поражена прелестью города, и рѣшилась въ немъ остановиться. То была наследница Мексиканскаго маркиза: у нея въ помѣстьяхъ золотые и серебряные рудники, лѣса и озера, города и замки. Она явилась на балъ у мера: всѣ были очарованы, а Альфонсъ Ипполитъ пропалъ совершенно. Любовь взяла его приступомъ, и онъ сгоритъ въ собственномъ огнѣ, если не получитъ дозволенія пасть къ ногамъ очаровательнѣйшей изъ всѣхъ маркизъ въ подсолнечной. Наконецъ онъ получилъ его, и всѣ рѣшили, что маршалскій сынокъ и маркизская дочка—самая блестящая чета, какая когда-либо облекалась въ цѣпи гименя. Но несчастіе нѣжной страсти вошло въ пословицу. Наканунѣ самой свадьбы выходить изъ дилижанса человекъ, распрашиваетъ о жителствѣ жениха, и отправляется къ нему съ жандармомъ. Толпа, собравшаяся передъ домомъ, съ любопытствомъ ожидаетъ, чѣмъ это кончится,—и каково же было всеобщее изумленіе, когда увидѣли, что жандармъ тащитъ Г. Альфонса Ипполита въ городскую тюрьму! Извѣстіе объ этомъ повергло весь невѣстинъ домъ въ уныніе. Но нѣтъ, она не стерпитъ этого оскорбленія! Какъ выхватить у ней изъ-подъ рукъ милаго человекъ! Въ негодованіи на мѣстное начальство, попустившее такому преступному нарушенію всѣхъ приличій, маркиза приказываетъ заложить лошадей, и хочетъ скакать въ Парижъ, чтобы принести королю личную жалобу. Удивленіе возрастаетъ: негодующая красавица задержана хозяиномъ трактира въ то самое время, когда она садилась въ свой экипажъ! Все еще болѣе взволновалось, когда узнали, что задержка «учинена вслѣдствіе безыменнаго письма», въ которомъ совѣговали трактирщику остеречься при расчетѣ съ этой барыней. Скоро потомъ возвратился и век-

сель ея на одного Парижскаго банкира, съ мудренными при-мѣчаніями на оборотъ. Барыня удостовѣрляла, что вексель вѣренъ какъ королевская казна, но трактирщикъ не поколебался ни угрозами, ни вздохами, ни слезами. Альфонсъ Ипполитъ и маркиза распутались съ полнціею почти въ одно время, первый черезъ полюбовную сдѣлку съ пріѣзжимъ въ дилижансѣ портнымъ мастеромъ, послѣдняя черезъ содѣйствіе одного префекта, знаменитаго утонченностью своихъ вкусовъ. Развязка теперь созрѣла. Вышло, что Альфонсъ-танцовщикъ Портъ-Сенмартенскаго театра. По закрытіи представленій, онъ вздумалъ путешествовать и собирать деньги всеми средствами, какія внушить ему бродяжный гений Терпсихоры: онъ игралъ на билліардѣ, давалъ танцовальныя уроки, и вступалъ въ бракъ со вдовами богатыхъ провинціаловъ. Маркиза была того же покроя,—смазливая оперная фигурантка: понаживившись въ Бордо, она ѣхала искать мѣста въ Парижѣ. Маршальскій сынъ и миллионщикъ стоялъ того, чтобъ остановиться на недѣлю въ скучной атмосферѣ древняго города Фонтенебло. Дочь Мексиканскаго лорда, владѣтеля Кавалькавы и пятидесяти другихъ помѣстьевъ, добыла экипажъ изъ Парижа, вылупилась изъ своей куколки какъ бабочка, и влюбилась безъ всякаго отлагательства.

Но вопреки театральнымъ обычаямъ, фарсъ кончился трагедіей. Любовники получили теперь свободу для выполненія взаимныхъ обѣтовъ; они избавились отъ стѣснительныхъ приличій высокаго званія, и пошли блуждать по полянамъ львовъ, непреслѣдуемые глазами завистливаго соперничества. Однажды вечеромъ, ни одинъ изъ нихъ не воротился на ночлегъ. Хозяева ихъ квартиръ принимали чрезвычайное участіе въ этой потерѣ, тѣмъ болѣе, что обомъ почти ничего не заплачено было по счетамъ. Эксъ-маркиза поѣхала-было немножко освѣжиться. У ней въ комнатѣ нашли всего имущества пустой сундукъ и письмо, въ которомъ она объявляла, что рѣшается прекратить существованіе, сдѣлавшееся для нея нестерпимымъ, благодаря злобѣ людей. Подобная рукопись найдена на туалетѣ любовника и съ такимъ же недостаткомъ въ подвижности. Тотчасъ принялись за поиски, и черезъ два дня получено извѣстіе, что любовники кончи-

ли жизнь по-Французски, à-la-française. Ихъ нашли мертвыми: у каждаго было по пистолету, и руки ихъ были связаны бантами изъ розовыхъ лентъ. Подлѣ нихъ лежало открытое письмо, въ которомъ они просили быть скоротечными въ одну могилу, прощали свѣтъ за жестокое гоненіе, за преслѣдованіе ихъ до самой смерти, и торжественно объявляли, что, умирая въ присутствіи другъ друга, они умерли, какъ заповѣдывалъ Вольтеръ и какъ Руссо желалъ бы умереть съ своей Юліей. Весь Фонтенебло сошелся смотреть на эту картину, поплакать и въ заключеніе потанцевать. Несчастныхъ любовниковъ торжественно похоронили, и мѣсто, гдѣ кончили они жизнь свою, осталось священнымъ въ память злополучной страсти. Со всего околотка везуть сюда провѣзжихъ, чтобъ только показать имъ эту достопримечательность.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Со времени войны между классиками и романтиками, число художниковъ, а слѣдственно и произведеній умножалось все въ возрастающей прогрессіи, и нынѣшній годъ выставлено 2,535 работъ. Но изъ этихъ тысячъ, по собственному сознанію Французскихъ критиковъ, нѣтъ ни одного, который бы изумлялъ или приводилъ въ восхищеніе.

Колоссальные размѣры Геркулеса, отдающаго Диомеда на съѣденіе собственнымъ конямъ его, и имя барона Гро, который написалъ эту картину, возбуждаютъ вниманіе публики. Выборъ предмета, который всегда былъ страненъ и кажется еще страннѣе при нынѣшнемъ взглядѣ на Греческую мифологію, нравится немногимъ; но «знаменитый» живописецъ хотѣлъ дать почувствовать молодымъ товарищамъ необходимость изученія наготы. Въ фигурахъ Геркулеса и Диомеда есть дѣйствительно такія части, — между прочимъ ладвен, голени и ноги, — которыя отдѣланы съ большимъ искусствомъ. Г. Гро выставилъ еще картину, «Ацисъ и Галатея».

Замѣчательны, говорятъ, двѣ картины средней величины Горація Вернета: одна—«Взятіе Боны», въ Африкѣ, другая—«Ревека», напоющая Авраамова служителя. Въ обихъ

узнають умную, пріятную и опытную кисть этого художника. Французскій солдатъ, со знаменемъ въ рукахъ, поднимаемый на стѣну города самими мусульманами, защитниками Боны, — сцена военно-комическая, которую никто не могъ воспользоваться лучше Г. Вернета. Ревекка и слуга, которому она подаетъ пить, составляютъ группу тѣмъ болѣе оригинальную, что живописецъ вѣроятно видѣлъ въ Африкѣ подобныя сцены, доставившія ему способъ изобразить предметъ въ новомъ видѣ. Прозабеніе, даль и небо довольно рѣзки и холодны относительно къ мѣстности.

Въ нынѣшній годъ является съ особеннымъ блескомъ одна гравировка: эстампъ сдѣланный Г. Ришомомъ съ картины Энгра, «Георихъ IV, играющій съ своими дѣтьми», лучше всей выставки.

Г. А. Шефферъ, старшій, представилъ встрѣчу Данте и Виргилія съ тѣнями Франческа Римини и Пауло. Этотъ предметъ, столько разъ писанный и не освященный ни одною знаменитою картоною, сопряженъ съ неудобствомъ всѣхъ тѣхъ сценъ, которыя были превосходно изображены великими поэтами, и которыя по этому самому представляются каждому читателю въ иномъ и обыкновенно противоположномъ видѣ. При всемъ томъ, группа тѣней утверждаютъ критики, очень хороша, и колоритъ хотя и проникнуть той блѣдностью, которой требуетъ родъ жизни, ихъ одушевляющей, однако не лишень силы. Эта группа — напередѣ, а нѣсколько глубже видны Виргилій и Данте, созерцающіе съ задумчивымъ вниманіемъ двухъ любовниковъ, которыхъ и смерть не разлучила.

Г. Г. Шефферъ, братъ предъидущаго, написалъ «Шествіе на казнь Іоанны д'Аркъ», когда измѣнившій ей священникъ проситъ у ней прощенія. Юная героиня выслушиваетъ признаніе монаха спокойно и презрительно, а другою священникъ, сопровождающій ее въ страшной колымагѣ, кажется въ смятеніи отъ того, что открываетъ кающійся. Картина эта очень малаго размѣра, но отличается нѣжностью и отчетливостью въ рисунокъ, въ колоритъ и въ сочиненіи.

Г. Штейбенъ, нашъ соотечественникъ, нѣкогда воспитанникъ Петербургской Академіи Художествъ, выставилъ

картину «утовъ въ пять», «Наполеонъ», пробивающійся на конѣ въ средину резервнаго баталіона при Ватерло», и останавливаемый своими генералами и солдатами на краю погвбелн. По блвдному и зловѣщему лицу его, по проннцательному, хотя и мрачному взгляду, можно угадать, что сраженіе рѣшительно проиграно. На выставкѣ есть еще нѣсколько прекрасныхъ женскихъ портретовъ того же художника.

Г. Гранѣ явился съ крошечной картинкою, гдѣ Савонарола принимаетъ на колѣнахъ увѣщанія кардинала, готовясь итти по приговору суда на вислицу и на сожженіе.

Г. Делакура, известный своими—Хіосскимъ Истребленіемъ, Сарданополомъ, Алжирскими Женщинами, Карломъ Пытымъ въ Эскуріалѣ, написалъ три картины, изъ которыхъ одна, «Шильонской узникъ», заслуживаетъ большія похвалы. Это маленькое сочиненіе состоитъ изъ двухъ фигуръ: Шильонскій узникъ, скованный по поясу, порывается съ распостертыми руками къ младшему брату, котораго онъ видитъ умирающимъ и которому не въ силахъ помочь. Если бъ эта картина, говоритъ одинъ Парижскій критикъ, выдавалась за предуготовительный очеркъ, можно было бы похвалить тѣлодвиженіе прикованной фигуры и однако жъ посоветовать живописцу, чтобъ онъ умѣрилъ то, что въ немъ преувеличено: голова и руки могли бы быть естественнѣе и тѣмъ самымъ усилить занимательность цѣлаго.

Толпа тѣснится около «Смерти герцога Гвиза», писанной Г. Павломъ Деларошемъ. Картина эта назначена въ дополненіе къ двумъ прежнимъ,—«Ришелье и Сень-Маркъ» и «Болѣзнь кардинала Мазарина»: подобно имъ, она продолговатой формы и довольно широка. Гвизъ только-что погвбъ; онъ на полу, и голова его немного приподнята ногою кровати, а опрокинутые стулья и взбитый коверъ свидѣтельствуютъ объ ожесточеніи, съ которымъ жертва сопротивлялась убійцамъ. Влѣво люди, совершившіе ударъ, влагаютъ свои шпаги, оправляются, и вмѣстѣ посматриваютъ, точно ли умеръ герцогъ Гвизъ, а Генрихъ III пріотворилъ дверь, и глядитъ украдкою и боязливо, погвбъ ли врагъ его, или еще нѣтъ. Это картина анекдотная, гдѣ живопись правовъ такъ же важна, какъ и замое дѣйствіе. Г. Деларошъ отличается въ этомъ родѣ.

Если остатокъ ужаса, внушаемаго королю и храбрецамъ его еще неохладѣвшимъ трупомъ герцога Лотарингскаго, кажется немного смѣшнымъ, зато положеніе бездыханнаго тѣла и блѣдное, но грозное, лице его возвращаетъ душу зрителя къ трагическимъ ощущеніямъ.

Г. Лудвигъ Роберъ выставилъ только двѣ маленькія картины: «Двухъ дѣвушекъ», изъ окрестностей Неаполя, и «Двухъ Швейцарокъ», ласкающихъ козленка. Обѣ эти бездѣлки, говорятъ, прелестны.

Братъ его, Аврелій Роберъ, написалъ внутренній видъ крестильни Св. Марка въ Венеціи, гдѣ совершается таинство. Эта картина выполнена съ рѣдкимъ искусствомъ, и по словамъ нѣкоторыхъ Французскихъ журналовъ, какъ говорится, «превосходитъ все, что ни сдѣлано въ этомъ родѣ».

Въ двухъ огромныхъ картинахъ, Г. Гюденъ старался изобразить морскую зыбь, передъ Гавромъ, и ярость волнъ, ударяющихъ въ фрегатъ Сирень, въ Алжирскомъ заливѣ. Произведенія, выставленныя Г. Гюденомъ, замѣчательны совершенствомъ подробностей, но неудовлетворительны въ цѣломъ.

Есть еще «Видъ Понтинскихъ Болотъ» того же художника: этотъ видъ производитъ болѣе эффекта именно потому, — что природа здѣсь не предана такому мученію.

Г. Буассаръ написалъ довольно удачно эпизодъ отступления отъ Москвы, то есть, нѣсколько Французскихъ солдатъ, умирающихъ въ снѣгу.

Г. Изабѣ, отецъ, удовольствовался выставкою нѣсколькихъ хорошихъ портретовъ, писанныхъ водяными красками. Г-жа Мирбель явилась тоже съ четырьмя миниатюрными портретами, — короля Лудвига-Филиппа, который, говорятъ, очень похожъ, королевы Бельгійской, какой-то молодой дамы и какого-то молодого иностранца. Всѣ четыре удостоиваются большихъ похвалъ въ отношеніи колорита и выраженія головъ.

Всѣ лучшіе Французскіе ваятели заняты публичными работами, и на выставкѣ нѣтъ почти ни какихъ замѣчательныхъ произведеній скульптуры. Отзываются съ похвалою о гипсовой модели Г. Шапоньера, представляющей Давида, послѣ победы его надъ Голиафомъ. Г-ну Птито пришло въ

голову изваать группу нищихъ Калабрійцевъ: онъ долженъ быть совершенный антиподъ древнихъ художниковъ, когда рѣшился употребить скульптуру для выраженія отвратительныхъ формъ тела и лохмотьевъ. Это можетъ притти въ голову только «юной» школѣ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ Chatterton, *Чаттертонъ*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Альфреда де-Виньи.

Графъ Альфредъ де-Виньи, знаменитый писатель новой школы и у котораго есть болѣе истиннаго чувства и основательнаго ума, нежели у кого, нибудь изъ его сверстниковъ, хотѣлъ написать Французскаго Вертера. Для правдивости, довольно было и Нѣмецкаго.

Есть люди, для которыхъ вопросъ о самоубійствѣ еще темень, по-крайней-мѣрѣ очень мудренъ, и которые до сихъ-поръ спрашиваютъ себя — неужто оно противно природѣ? неужли добровольное лишеніе себя жизни не есть дѣло естественное? правда скорпіоны въ несчастіи убиваютъ себя собственнымъ хвостомъ. Стоитъ только рѣшить, принадлежитъ ли человекъ къ породѣ скорпіоновъ или нѣтъ, то ли назначеніе его въ чинѣ вселенной, что скорпіона, и тогда объяснится само собою, имѣеть ли онъ, по законамъ природы, право подражать скорпіону или не имѣеть. Человекъ тѣмъ именно отличается отъ всѣхъ другихъ животныхъ, что инстинктъ самоохраненія развитъ въ немъ въ высочайшей степени, и что природа надѣлила его, человека, почти неограниченными и, во всякомъ случаѣ, непримѣрными въ созданіи средствами къ выполнению этого инстинкта, — рукою съ пятью превосходными пальцами, желудкомъ и зубами, способными къ весьма разнородной пищѣ, волшебнымъ даромъ слова, умомъ и изобрѣтательностью. Все это орудія самоохраненія, — и орудія удивительно могущественныя, которыхъ сочетаніе доставляетъ намъ неясчисляемые способы выполненія этого, господствующаго въ насъ, инстинкта. Что такое самоубійство, если не нарушеніе инстинкта самоохраненія, если не его развращеніе, если не забвеніе средствъ, дарованныхъ намъ при-

родою къ поддержанію жизни, если не насильственная ломка ея чудесныхъ орудій, если не низведеніе человека къ степени безталаннаго и злаго скорпіона, — или, пожалуй, обезьяны, потому что обезьяны тоже рѣшаются иногда на этотъ подвигъ? Извѣстный стихъ прославленнаго трагика:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre, la mort est un devoir —

этотъ стихъ, которому столько удивлялись, который такъ часто повторяютъ, просто напыщенная нелѣпость, которая годится только въ трагедію, а не въ благоустроенную голову, и въ пошлой его пародіи —

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
On déchire sa chemise, on en fait un mouchoir, —

заключается гораздо болѣе истины и здравой философіи, хотя сочинитель пародіи и думалъ быть философомъ, а только хотѣлъ сказать глупость, для того, чтобъ разсмѣшить толпу. Дѣйствительно, когда вамъ кажется, что уже нѣтъ ни какого средства къ удовлетворенію вашихъ прихотей, вы можете еще изорвать вашу рубаху и сдѣлать изъ нея носовой платокъ, — и слѣдственно не предстоить причины лишать себя жизни! Прибѣгите къ изобрѣтательности! Она спасетъ васъ изъ всякой бѣды. Не подавляйте ея гордостью: гордость — источникъ всѣхъ заблужденій, начало развращенія всѣхъ коренныхъ инстинктовъ человечества, на познаніи которыхъ основывается вся наука естественной нравственности. Когда Гёте сомнѣвался въ дѣйствительности инстинкта самоохраненія въ человекѣ, онъ былъ въ заблужденіи, происшедшемъ отъ развращенія въ немъ этого инстинкта гордостью общественнаго человека, — и такое развращеніе весьма удивительно въ Гёте, жившемъ среди народа религіознаго и одаренномъ отлично устроенною головою. Когда писатель новой Французской школы видитъ въ самоубійствѣ дѣло согласное съ природою, онъ находится только во тмѣ хаоса, въ который нынче погружены всѣ нравственныя понятія его литературныхъ соотечественниковъ, и это отнюдь не удивительно. Во Франціи теперь почти всѣ главныя инстинкты человечества пришли въ развроще-

ние, и тамъ рѣшительно сомнѣваются въ то, что даже единоженство было настоящимъ инстинктомъ нашего рода. Въ этомъ последнемъ отношеніи философы ювой школы, конечно, не дошли еще до той степени попраиія инстинкта, на какой находился Магометъ, который дерзнулъ даже отмѣнить его письменнымъ закономъ, но многіе изъ нихъ уже не далеко отъ этого. Стоитъ только взглянуть на восточныя гаремы, чтобы возымѣть понятіе, какъ иногда люди могутъ развратить одинъ изъ сильнѣйшихъ своихъ инстинктовъ, и потомъ не только не примѣчать развращенія, но еще находить для него очень логическое оправданіе. Не менѣе того остается несомнѣннымъ, что и само-охраненіе и единоженство — два великіе закона нашей природы, мы читаемъ ихъ уже съ помощію Естественной Исторіи и Физиологій, а relegія освѣщая ихъ, взводитъ на степень не сомнѣнныхъ нравственныхъ истинъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о предметѣ, перейдемъ къ Французскому Вертеру, въ которомъ, безъ сомнѣнія, много поэзіи, но очень мало толку. Прежде чѣмъ приступимъ къ содержанію драмы, предложимъ нѣсколько подробностей о дѣйствительной жизни Чаттертона, Англійскаго поэта XVIII вѣка: это тѣмъ необходимѣе, что авторъ, избравъ историческаго героя, представляетъ его совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ Исторія, и быть-можетъ безъ умысла возвеличиваетъ непростительную, преступную слабость.

Чаттертонъ, сынъ школьнаго сторожа, воспитывается въ этой школѣ изъ состраданія. До одиннадцатилѣтнаго возраста онъ смѣшитъ своей тупостью и учителей, и товарищей; но тутъ сочиняетъ сатиру, которой всѣ дивятся, потому что она его, — этого глупаго ребенка. Черезъ нѣсколько времени его исключаютъ изъ школы не за то, что онъ написалъ сатиру, а за то, что всѣмъ надобно своимъ гордымъ и безпокойнымъ правомъ.

Воротившись къ матери, онъ находитъ нѣсколько старыхъ рукописей двѣнадцатаго вѣка, и тотчасъ смѣкаетъ, что стоитъ лишь взглянуть и постараться для успешнаго

подражанія слогу того времени. Дѣйствительно, онъ принимается за дѣло такъ умно и прилежно, что сочиняетъ подъ именемъ монаха Роли (Rowley) два или три стихотворенія, обманувшія самыхъ просвѣщенныхъ любителей. Чаттертонъ думаетъ и дерзаетъ биться объ закладъ, что самъ Гораций Вальполь не догадается о подлогѣ. Вальполь узнаетъ поддѣлку, и не отвѣчаетъ автору. Чаттертонъ пишетъ къ нему письмо, исполненное угрозъ и ругательствъ.

Вмѣсто того, чтобъ просто объявить себя сочинителемъ Эллы и Годвина, Чаттертонъ, обманутый въ надеждѣ, сердится и принимается осмѣивать вельможъ, отказывающихъ ему въ покровительствѣ. Онъ пишетъ памфлеты для двора и для министерства: ихъ никто не читаетъ. Онъ переходитъ къ оппозиціи. Лордъ Бекфордъ, меръ города Лондона, возстаетъ противъ министерства: Чаттертонъ пишетъ для лорда Бекфорда; но этимъ отступничествомъ онъ спискиваетъ только презрѣніе обѣихъ сторонъ. Онъ самъ постарался объяснить намъ въ письмѣ къ сестрѣ своей, отчего министерскія памфлеты прибыльнѣе оппозиціонныхъ. «Лорды, говоритъ онъ, такъ бѣдны заслугами, что не жалѣютъ денегъ панегиристамъ: напечатайте похвальное слово на свой счетъ и вѣрно получите вознагражденіе. Пишучи для оппозиціи, вы можете-быть успѣете сдѣлаться народнымъ, но тутъ не перепадетъ вамъ ни шиллинга.»

Вотъ что писалъ Чаттертонъ къ сестрѣ, — а говорятъ, что вѣкъ его не умѣлъ цѣнить этого человѣка! Соскучившись полемикой, на которой онъ выручалъ такъ мало, онъ хочетъ поступить хирургомъ на военный корабль. Для этого ему нуженъ аттестатъ: онъ обращается къ Г. Баррету, подъ чьимъ руководствомъ занимался не болѣе полугода первыми началами Хирургіи. По весьма постижимому внушенію совѣсти, Г. Барретъ отказывается быть за него поручкою. Гордость не позволяетъ Чаттертону припяться снова за работу и выжидать лучшихъ дней въ трудахъ безвѣстныхъ, но выгодныхъ; онъ съ самаго начала поставилъ себя въ такое положеніе, что не могъ прибѣгнуть безъ стыда ни къ министерству, ни къ оппозиціи. Чаттертонъ

рѣшается умереть. Онъ былъ не безъ куска хлѣба, принимая выгодное для себя участіе въ большей части періодическихъ изданій. Исторія, Критика, Филологія, были передъ нимъ открыты, и обывали ему жизнь, если не блистательную, по-крайней-мѣрѣ спокойную; онъ могъ увѣнчаться лавромъ поэта, но открыто, безъ дѣтскихъ хитростей, безъ смѣшнаго фокусничества. Стоило ему издать подъ своимъ именемъ то, что приписывалъ онъ Ролію и Вильяму Кениджу, и облекать мысль свою въ прозрачную пелену современной рѣчи, не прибѣгая къ чарамъ старословія, избитымъ еще до него.

Спѣсь и гнѣвъ отдаляли его отъ тѣхъ, кто могъ пособить ему. Онъ не находилъ счастья—себѣ по плечу. Самоубійство казалось ему единственнымъ, достойнымъ его отпущеніемъ, — и онъ проглотилъ растворъ мышьяку. Въ донесеніи слѣдственнаго пристава было сказано, что онъ нашелъ у него въ карманѣ скляпочку опиума, а въ бумагахъ расчесть того, что онъ выручилъ по случаю смерти лорда-мера. Сначала Чаттертонъ опредѣляетъ примѣрно продажную цѣну брошюры, сочиненной подъ покровительствомъ лорда Бекфорда. Брошюра эта осталась неизданною. Элегія на смерть его продавалась довольно хорошо, и Чаттертонъ, сравнивая предполагаемую прибыль отъ брошюры съ прибылью отъ элегіи, подводитъ въ итогъ три фунта стерлинговъ чистаго барыша, и замѣчаетъ: «Радуюсь смерти лорда Бекфорда за три фунта стерлинговъ.»

Гдѣ жъ въ этой біографіи элементы драматической поэмы? Неоспоримое достоинство Эллы, Годвина и баллады Состраданіе, не имѣютъ ничего общаго съ театальной занимательностью. Тутъ нуженъ человекъ, а не поэтъ: гений Чаттертона, если бъ и въ самомъ дѣлѣ его не оценили по заслугамъ, не былъ бы пружиною трогательности. А что жъ еще въ этомъ человекѣ? Любовь къ отечеству? Да онъ продавалъ перо тому, кто больше дастъ. Любовь къ женщинѣ? Но кромѣ кратковременной и довольно холодной переписки съ Марією Ромли, переписки, которую началъ онъ по совѣту сестры своей, во всей жизни Чаттертона нѣтъ ни малѣйшаго слѣда настоящей страсти. Миссъ Ромли какъ-то вспадала ему на умъ: годовная любовь, и боль-

ше ничего. Вся жизнь его сосредоточивается въ одномъ словѣ — гордость. Если создавать изъ него драму, такъ гордость должна быть основою зданія.

Не возможно начертать программу трагедіи въ нѣсколькихъ строкахъ, но думаемъ, что Шиллеръ или Шекспиръ, рѣшившись вывести на сцену Чаттертона, показали бы намъ путь, какимъ дошелъ онъ отъ гордости до самоубійства, истощивъ и семейныя радости, и козни памфлетчика. Любить, окружать себя благими надеждами, неутомимо продолжать земное странствіе, не гоняться за фортунною въ мужественномъ исполненіи долга или попирая священные начала нравственности и даже самоуваженія, играть именовъ и мыслию въ ожиданіи мѣста, пенсія, — таковъ былъ бы спорный вопросъ между сердцемъ и головою, вопросъ, долженствовавшій рѣшиться самоубійствомъ.

Г. де-Винья смотрѣлъ на Чаттертона въ духъ возгласовъ юной литературной школы, и представилъ его цѣлѣузнающимъ гениемъ, борющимся съ нищетою, — какъ обыкновенно представляютъ его Англійскіе журналы, когда имъ понадобятся въ статью высокопарная фраза и два восклицательныя знака. Вотъ очеркъ драмы.

Дѣйствующихъ лицъ только три: поэтъ, молодая женщина и мудрецъ. Сказать вамъ, что они такое, вы напередъ узнаете, что они будутъ дѣлать. Чаттертону восемнадцать лѣтъ; онъ бѣденъ, считаетъ себя худо цѣннымъ, обвиняетъ свѣтъ въ несправедливости, и, не дѣлая ни шагу на встрѣчу славы, которая сама идетъ къ нему, онъ кочеваетъ въ нищету и уединеніи. Ночи проводитъ онъ въ ученыхъ трудахъ, а дни въ проклятіяхъ. Онъ говоритъ себѣ съ самоугодливимъ киченіемъ: — Въ этомъ шумномъ стадѣ, которое зовутъ Великобританіей, нѣтъ ни одного мѣста, меня достойнаго; сладкозвучный голосъ мой не достигаетъ ихъ грубаго слуха; ихъ безпечныя головы не принимаютъ моихъ божественныхъ мыслей; парламентскія ссоры, охота и пѣтушья бой истощаютъ все страсти этихъ благородныхъ гражданъ: ужели мнѣ вымалывать денегъ и рукоплесканій у этой наглой толпы? Имъ преклонять передо мною колѣно, имъ плести мнѣ вѣзки! Пусть идутъ ко мнѣ, — а спую имъ. Пусть тѣснятся вокругъ меня, а

разскажу имъ чудеса вѣковъ минувшихъ. Я изображу нигъ страданія и подвиги предковъ. Я оживотворю прахъ Гастингса дыханіемъ моего генія. Я возвращу Норманнамъ и Саксонамъ, давно уснувшимъ во мракъ могилы, ихъ ржавое оружіе. И побѣдитель и побѣжденный возстанутъ на зовъ мой, и возобновятъ свои битвы. Но что же никто нейдетъ? Ужели мнѣ жить одному съ моимъ геніемъ? Зачѣмъ это вдохновеніе въ моемъ сердцѣ и эти гимны на устахъ? Что значить эта жестокая насмѣшка? Судьба не поставила ли меня такъ высоко только для того, чтобъ удалить отъ меня всякое сочувствіе?... Я грезилъ о славѣ, и вотъ она ускользаетъ. Я грезилъ о любви, чтобъ утѣшить себя за невѣжественную неблагодарность: но какая женщина приметъ безвѣстное мое имя? У меня теперь одинъ долгъ, — самоубійство.

Китти Бель, предавшаяся вся двумъ своимъ дѣтямъ, забываетъ съ ними непреклонную строгость мужа, его грубыя, наглыя слова: свѣтлорусато локона, который она ежедневно осыпаетъ поцѣлуями, достаточно для ея радости, для ея покорства судьбѣ. Она не подозреваетъ восторговъ любви; страсти извѣстны ей только по печальнымъ разсказамъ. Слѣдуя съ давнихъ поръ строгимъ внушеніямъ Христіанской Вѣры, она знаетъ, что добродѣтель состоитъ не только въ борьбѣ съ опасностью, но и въ томъ, чтобъ избѣгать ея. Итти по краю пропасти и не падать — искусство славное, но преступное. Религія предписываетъ осторожность прежде мужества. Должно принимать бой, но не начинать его. Всѣ эти слишкомъ обыкновенные уроки, которыми часто не знаютъ цѣны, напечатлѣны въ сердцѣ Китти неизгладимыми чертами. Вѣра и дѣти наполняютъ весь днѣ ея: заключившись безъ стованій и слезъ въ предвидѣнный кругъ своихъ обязанностей, она не ропщетъ на тягость бремени. Каждый вечеръ засыпаетъ она съ благой надеждою итти и завтра тѣмъ же путемъ. Спокойная и гордая въ своей непорочности, она не думаетъ укрываться отъ бури. Она слышитъ только голосъ ангеловъ, а шумъ у ногъ ея для нея какъ-будто не существуетъ.

Если встрѣтится ей горькое несчастіе, она не подавитъ великодушнаго состраданія. Она не удержитъ слезъ, на-

полняющихъ глаза ея. Она будетъ важна, она предастся душою, но безъ угрызеній и безъ страха, потому что состраданіе въ числѣ христіанскихъ обязанностей. Если мужъ станетъ спрашивать у ней о добрѣ, ею сдѣланномъ, она будетъ молчать не столько отъ смущенія, сколько отъ скромности. Она не хочетъ открыть пожертвованія, чтобъ не осквернить его; она не хочетъ лгать, но требуетъ срока подумать, чтобъ избавить отъ стыда того, кто обязанъ ей спасеніемъ. А какъ скоро она замѣчаетъ, что въ сердцѣ у нея любовь, она не прощаетъ себѣ преступнаго желанія и прибѣгаетъ къ Богу, чтобы очиститься отъ слабости.

Между Чаттертономъ и Китти является человекъ, умудренный опытомъ и годами. Принадлежа по своимъ правиламъ къ сектѣ квакеровъ, докторъ снисходителенъ даже къ тѣмъ скорбямъ, которыхъ онъ не раздѣляетъ. Онъ не подвергался власти страстей, но онъ знаетъ ихъ, какъ матросъ знаетъ свои парусы. Встрѣчая съ стойческимъ спокойствіемъ бѣдствія, постигающія только его, докторъ не подражаетъ себялюбивой мудрости стариковъ, издержанныхъ удовольствіемъ. Онъ не навязываетъ никому своего равнодушія. Онъ простираетъ руку колеблющимся, онъ улыбается исполненнымъ надеждъ; но упрекнулъ бы себя въ злобной зависти, если бъ вздумалъ открыть глаза, молодежи своихъ собственныхъ. Онъ уважаетъ заблужденія другихъ возрастовъ. Онъ не хочетъ ускорять зрѣлость понятій, которыя не имѣли времени развернуться. Уроки свои посвящаетъ онъ какъ плодоносное зерно въ душахъ, которыя заранее зовутъ къ себѣ, но прозябаніе и богатую жатву предоставляетъ волѣ Промысла.

Въ первомъ актѣ Китти и Чаттертонъ являются вмѣстѣ. Одно слово, — имѣй они случай сказать его, — объяснило бы ихъ другъ другу. Поэтъ ввѣрилъ бы свое горе, чистая и нѣжная мать утѣшила бы его безъ укора совѣсти. Библия, которую нашла она у дѣтей своихъ, которая принадлежитъ Чаттертону, и которую она хочетъ возвратитъ ему,

явно свидетельствует о сочувствіи ея къ несчастію. Но докторъ становится между ими и, удерживаетъ взаимное признаніе, которое могло погубить ихъ. Онъ уводитъ Чаттертона; и съ этихъ поръ можно предвидѣть безъ особеннаго дара, что дѣйствія въ драмѣ не будутъ. Характеры не могутъ одупевиться, не изменивъ своей природы. Объясненіе Китти съ мужемъ щекотливо, мило, простодушно, трогательно, но ни сколько не подвигаетъ впередъ драмы.

Во второмъ актѣ посѣщеніе, сдѣланное Чаттертону лордомъ Тольботомъ, прежнимъ его соученикомъ, вдругъ какъ-будто зажигаетъ борьбу между поэтомъ и Китти. Юная мать, уже близкая къ роли любовницы, боится, нѣтъ ли тутъ обмана. Она думала, что любитъ въ Чаттертонѣ оставленнаго всѣми бѣдняка. Веселые и роскошные друзья, которые къ нему ѣздить, — жестокая насмѣшка надъ ея легковеріемъ. Но самая досада проливаетъ новый свѣтъ на настоящее положеніе ея сердца. Какое было бы ей дѣло, бѣденъ или богатъ поэтъ, если бы она чувствовала къ нему одну дружбу? Не надлежало ли бы ей радоваться вмѣсто того, чтобъ сожалѣть? Не любовь ли только жаждетъ утѣшать одна, безъ всякой посторонней помощи? Не любовь ли готова желать нищеты, чтобъ только увеличить самоотверженіе? Здѣсь опять является докторъ, и налагаетъ молчаніе на страсть, которой хотѣлось себя высказать. Онъ удерживаетъ на неосторожныхъ устахъ робкое признаніе, которое изъ нихъ вырывалось, и которое сдѣлало бы ангела женщиной. Тогда какъ Китти, забывая свою строгую стыдливость, хочетъ раскрыть душу передъ престарѣлымъ другомъ, онъ, вмѣсто того, чтобъ пособить ея застенчивости, читаетъ правоученія, а время летитъ и повелительный голосъ мужа останавливаетъ потокъ, готовый излиться.

Между-тѣмъ Чаттертонъ въ бѣшенствѣ. Въ отвѣтъ на письмо его, лордъ-меръ предлагаетъ ему сто фунтовъ стерлинговъ жалованья и мѣсто—перваго камердинера! Здѣсь, то есть, въ третьемъ актѣ, есть двѣ сцены, которымъ нельзя не отдать заслуженной похвалы. Докторъ предчувствуетъ последнее рѣшеніе Чаттертона, и идетъ къ нему

въ комнату. Искусно поворачиваетъ онъ книжалъ въ отчаянномъ сердцѣ, которое хочетъ исцѣлить : онъ разширяетъ рану, чтобъ лучше узнать ее. Онъ возвращаетъ его къ жизни путемъ гордости, и показываетъ ему невѣрную славу, вѣнчающую его соперниковъ. Онъ излагаетъ его стыдомъ; на-мигъ онъ считаетъ себя побѣдителемъ. Онъ уже радуется ; но это средство ускользаетъ изъ рукъ его. Остается послѣднее,— любовь Китти. При этой вѣсти несчастный оживаетъ , но гордость не даетъ ему провидѣть благополучія. У него нѣтъ мочи надѣяться.

Напрасно сама Китти рѣшилась на признаніе. Смѣлая изъ самоотверженія, чтобъ утѣшить и удержать его, она истощаетъ все рѣчи, о которыхъ за часъ передъ тѣмъ стыдилась подумать. Тщетно раздираетъ она завѣсу, покрывавшую ея ангельскіе глаза : она не можетъ спасти несчастнаго. Онъ выпиваетъ опиумъ, и спѣшитъ умереть подале отъ нея. Она поднимаетъ склянку, которую онъ выронилъ ; мужъ зоветъ ее, — она умираетъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой драмы. Герой ея — безумецъ, который говоритъ съ самаго начала — Я убью себя! — и убиваетъ, не выдержавъ ни одной сильной борьбы съ самоубійствомъ, когда съ нимъ стоитъ лишь схватиться, чтобъ побѣдить его. Но смерть для Чаттертона прихоть, точка помѣшательства, а не необходимость. Можно постигнуть самоубійство на сценѣ, когда влечетъ къ нему неодолимая судьба ; когда рядъ необъяснимыхъ обстоятельствъ выпуждаетъ сына доносить на отца, ссылатъ его на каторгу или итти туда самому. Въ такой крайности сынъ можетъ вселять участіе, и самоубійство, какъ ни противно оно нравственности, здѣсь менѣе удивительно. Но молодой человѣкъ въ восемнадцать лѣтъ, котораго любить прелестная женщина, съ которымъ пріятель, и добрый квакеръ, и знатный господинъ, и который только и знаетъ, что стелать, жаловаться и обвинять другихъ вмѣсто самого себя, — какъ можетъ онъ трогать или вселять участіе?

Напрасно садится онъ на постель, и жалуется на ростовщика, который завтра же посадитъ его въ тюрьму, если не получитъ своихъ денегъ ; на книгопродавца, который

ему не заплатить, если онъ не будетъ ничего дѣлать; на тумашъ, который слишкомъ часто посвящаетъ его комнату, и на вдохновеніе, которое посвящаетъ его слишкомъ рѣдко. Здравый смыслъ говорить ему: Чудакъ! да ты работай! вдохновеніе прійдетъ къ тебѣ, книгопродавецъ на колѣнахъ поднесетъ по гиневъ за полустыпіе, ростовщикъ поклонится въ поясъ, когда не ниже, и года черезъ два ты будешь такъ счастливъ, что сможешь пособить такому жъ бѣдняку, какъ самъ былъ прежде.

Драма графа Альфреда де-Виньи не имѣетъ большого успѣха на Парижскихъ театрахъ. Она и не годится для театра. При чтеніи она представляетъ много поэтическихъ красоть, несмотря на свои драматическіе недостатки и общую ложность направленія.

2. *La Juive, Жидовка*, опера въ пяти дѣйствіяхъ, слова Г. Скриба, музыка Г. Галеви.

Большая опера, написанная Французскимъ композиторомъ, — происшествіе необыкновенное. И говорятъ, что эта музыка прекрасна, что она выдержитъ соперничество съ Робертомъ Дьяволомъ. Это говоримъ не мы, а сказалъ Г. Жаненъ. Но начнемъ съ поэмы.

Дѣйствіе происходитъ во время Констанцскаго Собора, время ужасное. Казнь Іоанна Гусса еще свѣжа; орудія пытки еще окровавлены; дверь узкой темницы, въ которой сидѣлъ онъ, еще не заколочена. Г. Скрибъ перенесъ дѣйствіе своей оперы на мѣсто Констанцскаго Собора ввродячи потому, что въ декорации ему нужно было большое озеро.

Жидовку зовутъ Рахелью; отца ея Элеazarомъ. Увомянутый Г. Элеazarъ немножко походить на Шекспирова жидъ. Шиллока, — этого страннаго и энергическаго первообразъ жидъ въ негодованіи. Элеazarъ тоже охотно бы съѣлъ фунтъ христіанскаго мяса съ жиромъ и кровью. Онъ жилъ въ Римѣ, былъ богатъ, и слѣдственно уважаемъ, сколько жидъ могъ быть въ то время уважаемъ; но кардиналъ Броньи выгналъ его изъ Рима. Элеazarъ переселился въ Констанць. Тутъ онъ работаетъ золотыя и серебряныя вещи, и даетъ деньги взаймы за жидовскіе проценты, на

основаніи правъ и преимуществъ жидовской націи. Между-тѣмъ Рахель растетъ въ домѣ Элеазара и становится красавицей. Дѣйствіе начинается въ какой-то христіанскій праздникъ.

Элеазаръ сидитъ въ своей открытой лавкѣ и, несмотря на городской праздникъ, работаетъ. Чернь толпится у его дома, выламываетъ двери, выталкиваетъ жида и дочь его на улицу, и имъ пришлось бы плохо, если бъ не вступился за нихъ какой-то таинственный незнакомецъ. Однимъ мановеніемъ руки удаляетъ онъ солдатъ, которые уже готовы были повинноваться ярости черни, и Элеазаръ и Рахель спасены. Вдругъ, изъ конца въ конецъ города, тянется, растетъ, приближается великолѣпное шествіе: войны въ блестящихъ латахъ, кони въ сіяющихъ сбруяхъ, знамена развѣвающіяся въ воздухѣ, весь средній вѣкъ, покрытый желѣзомъ, серебромъ и золотомъ; народъ вокругъ кардиналовъ; кардиналы въ красныхъ мантияхъ и красныхъ шляпахъ; посредникъ несутъ пышный балдахинъ, а подъ нимъ идетъ кардиналъ Бронья, будущій третій папа. Да знаете ли, что такое вся эта толпа, весь этотъ дивный блескъ? Это императоръ Сигизмундъ вступаетъ въ городъ. Вотъ и первое дѣйствіе!

Во второмъ, вы въ домѣ жида Элеазара. Элеазаръ все по-прежнему бѣснуется противъ христіанъ; Рахель все по-прежнему добра и мила. Рахель любитъ молодого жидка, Самуила, и любима имъ. Этотъ жидокъ Самуиль, разумеется, тотъ самый незнакомецъ, котораго вы видѣли въ первомъ дѣйствіи, который однимъ мановеніемъ руки останавливаетъ яростную чернь и полновластно повелеваетъ войнами не хуже самого военноподначальника. Этотъ добрый молодой человекъ нанялся въ работники, въ подмастерья, къ золотыхъ дѣлъ мастеру Элеазару. Онъ такъ добръ, этотъ молодой человекъ, такъ милъ, такъ задумчивъ, такой жиденокъ, что Рахель тотчасъ отдала ему свое сердце, и они любятъ другъ друга, и они счастливы другъ съ другомъ до крайности, — словно любовники комической оперы. Въ эту самую ночь Самуиль

назначилъ Рахели свиданіе; но вдругъ Элеазаръ возвращается. Старый жидъ догадался, что между его дочерью и подмастерьемъ есть что-нибудь недоброе: догадался, правда немножко поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Вы можете видѣть отсюда, какъ онъ сердился на театрѣ въ Парижѣ по этому случаю. Но Самуиль, вѣроятно, чтобы успокоить его, объявляетъ ему, что онъ не жидъ, а христіанинъ. Тутъ Элеазаръ сердится пуще прежняго, и хватается свой кипжалъ; но Рахель вырываетъ у него это почти смертельное оружіе. Старикъ растрогивается: онъ хоть и жидъ, а добрый отецъ. Онъ не только прощаетъ Самуила, но и отдаетъ ему руку своей дочери, забывъ, что это будетъ не правдоподобно. Рахель въ восхищеніи; но вы можете также вообразить ея положеніе, когда Самуиль отказывается отъ руки, которую отдаетъ ему жидъ Элеазаръ, и протягиваетъ Рахель. Какое ужасное отчаяніе для бѣднаго отца! Рахель плачетъ, Элеазаръ рветъ на себѣ волосы, Самуиль убѣгаетъ чтобы не слышать крика и не видѣть слезъ.

Въ третьемъ дѣйствіи является принцесса Евдоксія. Она хорошая женщина, добрая мать, добрая жена, очень любить своего мужа, принца Леопольда. Этотъ принцъ Леопольдъ, по милости Г. Скриба герой, *побѣдитель Гусситовъ*, неутомимый воинъ, неутомимый волокита. Онъ ухаживаетъ за всѣми женщинами на свѣтѣ: всѣ женщины для него хороши, даже собственная жена, Евдоксія. Но никто противъ судьбы. Этотъ юный воинъ, истребитель еретиковъ, *побѣдитель Гусситовъ*, попался въ любовныя силки. Хотя вы и далеко не такъ хитры какъ Г. Скрибъ, но конечно догадываетесь, что гонитель раскола принцъ Леопольдъ и оболъститель жидовокъ Самуиль, одно и то же лице. Любя истину мы не можемъ скрыть этого. Да! христіанинъ и жидъ, принцъ и подмастерье, смѣшиваются въ этомъ молодомъ чловѣкѣ; ногою подавляетъ онъ расколъ, а руку протягиваетъ нехристъ жидовочкѣ; предаетъ Іоанна Гусса сожженію и принимаетъ Рахель къ своему сердцу. Вотъ непостоянство сердца чловѣческаго! Что же скажетъ принцесса Евдоксія, когда узнаетъ, какія вещи позволяетъ себѣ *побѣдитель Гусситовъ*!

Евдоксія ждетъ своего супруга. Она приготовила пиршество, чтобы достойно принять побѣдителя Гусситовъ; она даже заказала золотыхъ дѣлъ мастеру Элеазару медальонъ для своего супруга. Вдругъ конюшій докладываетъ принцессѣ, что какая-то дѣвушка желаетъ ее видѣть. Принцесса говорить — Зови! Дѣвушка входитъ. Эта дѣвушка Рахель. Она слѣдовала за Леопольдомъ до этого дворца; знаетъ, что онъ туда вошелъ и оттуда не выходилъ. Рахель проситъ позволенія служить принцессѣ: она хочетъ быть ея рабою. Вотъ что значить любовь въ жидовкѣ! Принцесса соглашается. Вотъ каковы жены!

Сцена перемѣняется. Вы видите великолѣпныя палатки; подъ ними столы, покрытые серебромъ и золотомъ. Весь Констанцскій Соборъ приглашенъ на праздникъ. Празднество начипается. Рыцари во всеоружіи и на коняхъ подаютъ блюда и служатъ официантами. Гости пьютъ и поютъ, — кардиналы какъ и другіе. Г. Скрибъ непостыдился выводить на сцену, и еще въ такомъ видѣ, первыхъ сановниковъ своей церкви? Г. Скрибъ сдѣлался сумасброднымъ какъ самый неистовый романтикъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ академикомъ! Но этого еще мало. Вдругъ, изъ огромнаго Савойскаго пирога выскакиваетъ толпа прелестныхъ женщинъ, которыя тащуютъ такъ, что могли бы вскружить голову самому свирѣпому инквизитору. Эти милыя дѣвушки принимаютъ самыя граціозныя положенія среднихъ вѣковъ. Ай, Г. Скрибъ! Но балетъ прелестенъ.

Пляска кончается, танцовщицы снова уходятъ въ Савойскій пирогъ. Гости, уставъ сидѣть, встаютъ и хоромъ поютъ — «Пить!» Невольницы приносятъ вино; въ числѣ ихъ и Рахель. Она тоже держитъ въ рукъ золотой сосудъ съ Констанцскимъ виномъ, — и вдругъ въ принца Леопольда узнаетъ она своего Самуила! Леопольдъ тоже узнаетъ ее, когда она наливаетъ ему вино. Оба блѣднѣютъ. Но она, видя,

что любовникъ ея и христіанинъ, и сверхъ-того женатъ, обличаетъ его предъ Соборомъ. — Онъ жилъ въ связи съ жидовкою! говоритъ она. Эта жидовка я! Онъ заслужилъ смертную казнь! Мы оба должны умереть! — Гости отвѣчаютъ на это хоромъ: — «Смерть! смерть обонимъ!»

Въ четвертомъ дѣйствіи Г. Скрибъ щедро надвываетъ музыканта стихами для дуэтовъ, тріо, квартетовъ и хоромъ. Между-тѣмъ, Рахель сидитъ въ темницѣ, — не въ той темницѣ, досмертной могилѣ, въ которой томился Іоаннъ Гуссъ, но въ великолѣпной залѣ со сводами, украшенной со всею роскошью среднихъ вѣковъ. Въ этой залѣ происходитъ самое удивительное, самое неслышанное, самое невѣроятное зрѣлище: кардиналъ стоитъ на колѣнахъ передъ жидомъ и умоляетъ его признаться, куда дѣваль онъ дочь его. Но правду сказать, не мудрено, если кардиналъ, который ищетъ своей дочери, самъ не знаетъ что говорить и что дѣлаетъ.

Элеазаръ, Рахель и принцъ Леопольдъ, все трое подъ судомъ; но Рахель, добрая, великодушная и снисходительная до конца, объявляетъ Собору, что она солгала, что она ложно обвинила побѣдителя Гусситовъ въ преступленіи. Соборъ вноситъ это признаніе въ протоколъ, и приговариваетъ къ смертной казни только Рахель и отца ея, а принцъ Леопольдъ исчезаетъ: съ третьяго дѣйствія мы уже нигдѣ его не видиме.

Наконецъ начинается пятое дѣйствіе. Оно превосходить въ великолѣпіи даже первое. Вы видите все Констанцское озеро, весь народъ, всѣхъ солдатъ, всѣхъ монаховъ, женщинъ, аббатовъ, кардиналовъ, и посреди ихъ огромный чанъ съ кипячею водою. Это зрѣлище ужасно! Этотъ чанъ производитъ чрезвычайный эффектъ. Рахель сама бросается въ кипятокъ, и неумолимый Элеазаръ говоритъ кардиналу Броньи — «Вотъ твоя дочь!»

Ужасная развязка! Г. Скрибъ рѣшительно съ ума сошелъ!

Эта опера поставлена въ Парижѣ съ неслышаннымъ доселѣ великолѣпьемъ. Разные журналы утверждаютъ, что пышность декораціи и богатство костюмовъ, волшебство переменъ, превосходить все, что только видали въ этомъ родѣ во Франціи; что никогда опера не была болѣе оперою, и что чудеса Тысячи Одной Ночи ничто въ сравненіи съ чудесами «Жидовки.»

Что касается до музыки, то Г. Жаненъ утверждаетъ, что это музыка великая, ученая, удивительная, великолѣпная; — что это твореніе человѣка, который ничѣмъ не жертвуетъ толпѣ, — прямо, съ важностію идетъ къ своей цѣли, и никого не списываетъ. Г. Жаненъ признается, что въ этихъ пяти дѣйствіяхъ есть музыкальныя длинноты, что речитативъ иногда впадаетъ въ пѣніе; но онъ говоритъ, что эти легкіе недостатки выкупаются множествомъ перво-классныхъ красотъ. Религіозные хоры превосходны; квартетъ перваго дѣйствія начинается фразою восхитительною; въ моленіи Рахели мелодія оригинальная и прелестная; тріо проклятія исполнено жара и силы. Вообще Г. Жаненъ говоритъ о Г. Галеви съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ-будто о Г. Шатобрианѣ, и въ двухъ длинныхъ статьяхъ расхваливаетъ все это, и сверхъ-того хоръ пьяницъ въ первомъ дѣйствіи, въ пятомъ звѣрскую радость черни, дуэль между Рахелью и принцессою, между кардиналомъ и Элеазаромъ, финалы, и прочая, и прочая.

3. *La Marquise*, *Маркиза*, опера въ одномъ дѣйствіи, слова Г. Севтъ-Жоржа, музыка Г. Адама.

Есть на свѣтѣ странное существо, которое днемъ называется Г. Георгіемъ Зандомъ, а по закатѣ солнца Г-жею Дюдеванъ. Это странное существо написало однажды повѣсть «Маркиза». Немножко алой краски растертой на дощечкѣ изъ слоновой кости, кой-гдѣ розы и лиліи, свѣтъ на груди, перлы въ ротикѣ, пудра на волосахъ, небольшое, нѣжненькое тѣлице, погребенное, или лучше сказать потопленное въ волнахъ атласа и газа; отблескъ, легкій звукъ, эхо, погасшій вздохъ, мерзость въ цвѣтахъ, цвѣтки въ грязи, —

вотъ вся эта повесть. Г. Жаненъ гдѣ-то говоритъ, что это chef-d'oeuvre, самое изящное произведеніе. Вы сейчасъ увидите, каково это изящное произведеніе. Изъ нея сдѣлали маленькую оперу.

На портретъ кисти Ванло изображена нимфа-ловительница, въ атласномъ корсетѣ тигроваго цвѣта, съ лукомъ красного дерева за плечами, съ жемчужнымъ полулуніемъ на головѣ. Она велика, стройна, смугла и Испанка, — настоящая Испанка. Нимфа на портретѣ, маркиза въ своей гостиной, — это все та же героиня повѣсти госпожи Георгіи Занда. Маркиза не очень умная женщина; прекрасный взглядъ ея нѣсколько суровъ, въ правильномъ лицѣ ея недостаетъ прелести, — все это отъ того, говоритъ Г-жа Зандъ, что «любовь еще не протѣзжала этимъ путемъ», а если и протѣзжала, то видно очень скоро и не останавливаясь на станціи. Поэтому маркиза еще несовершенная женщина. Какъ женщина созданія Г-жи Зандъ, она несчастлива. Первое несчастье маркизы, что она шестнадцати лѣтъ вышла за пожилаго человѣка; второе, что двадцати лѣтъ она попала въ руки глупаго любовника. Пожилой мужъ былъ ей скученъ, глупый любовникъ былъ жалокъ, — и она всю жизнь чувствовала къ мужчинамъ или отвращеніе или презрѣніе. Это все та же философія Г-жи Дюдсванъ, почерпнутая изъ Г. Бальзака и ею усовершенствованная. Однимъ словомъ, маркиза Р^{***} не любила въ жизнь свою ничего, или лучше сказать, никого, исключая одного только актера.

Но какого актера? Маркиза Р^{***}, знатная дама, любить какого-то Леліо, жалкаго комедіанта, наперсника, который по назначенію режиссера, читаетъ на распѣвъ стихи Корнеля. Правда, что этотъ Леліо человѣкъ страстный на сценѣ: онъ понимаетъ что говоритъ, и говоритъ какъ понимаетъ. Иногда великъ, иногда пылокъ, точно какъ самъ Корнель. Маркиза видѣла его въ роли Сиды, и влюбилась въ него; но влюбилась не на шутку, — всѣмъ сердцемъ, всей душою; влюбилась до сумашествія, и любила его цѣлыхъ пять лѣтъ, не говоря о томъ никому ни слова, ни даже самому Леліо.

Леліо игралъ два раза въ недѣлю, и два раза въ недѣлю маркиза вѣдила въ театрѣ. Каждый ударъ молотка, бывшаго урочный часъ, раздавался въ сердце маркизы. Бѣдняжка тотчасъ сбрасывала дорогія свои убранства, бѣлыя свои перья, пестрыя свои юбки, длинныя свои фижмы, кружевные свои рукава, великолѣпныя свои платья со шлейфами, — и маркиза дѣлалась аббатомъ, маленькимъ, смуглымъ аббатомъ, искателемъ приключеній, — и въ этомъ костюмѣ отправлялась въ театрѣ, чтобы смотрѣть спокойно, безъ помѣшательства, всѣми глазами, всѣмъ сердцемъ на актера Леліо. Благодаря этому несчастному актеру, маркиза почувствовала, что у нея есть сердце и нашла ему употребленіе. Она пріѣзжала въ театрѣ, и, сидя въ темномъ уголкѣ, плакала, восхищалась, трепетала, какъ никто въ свѣтѣ! Неужли это не изящное? Да это даже очень замысловато.

Между-тѣмъ певѣжественный партеръ не постигалъ Леліо. Иногда онъ сносилъ этого Леліо терпѣливо, иногда его освистывалъ. Освистанный Леліо уважалъ себя еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь: это случается со всякимъ освистаннымъ актеромъ и поэтомъ. И въ глазахъ маркизы не было ничего выше, ничего прекраснѣе, ничего величественнѣе, — освистаннаго Леліо.

Однажды Леліо былъ такъ освистанъ, такъ великъ, что маркиза послѣдовала за нимъ съ театра въ гостиницу или харчевню, въ которой онъ всякій вечеръ отдыхалъ отъ своего величія.

Когда онъ вошелъ въ гостиницу, всякой сказалъ ему — Здравствуй Леліо! Театральный машинистъ пріятельски кивнулъ ему головою, и за-панебратъ подаль руку. Этотъ самый машинистъ говорилъ камердинеру актера Барона — «Мое глубочайшее почтеніе, Г. Лафлёръ.» Простакъ Леліо со всѣми поздоровался, спросилъ водки, и усердно принялся за нее. Онъ былъ такъ великъ въ этотъ вечеръ! Передѣтый аббатъ услышавъ, что Леліо спросилъ водки, велѣлъ подать себѣ глинтвейну, по сочувствію.

Бѣдная маркиза! что стало съ нею, когда она вблизи

взглянула на Делію! Онъ ли это? онъ ли, ея идеаль, ея мечта, тянетъ воюющую водку? Онъ ли, ея тайная любовь, онъ ли то пламя, которое пять лѣтъ теплилось въ сердцѣ ея подъ пепломъ? Делію! Увы, Делію — мужикъ, съ лицомъ желтымъ, истасканнымъ, изношеннымъ, покрытымъ морщинами, тридцати-пяти лѣтній старикъ! Глаза его потухли, физиономія безъ выраженія, безъ страсти, голосъ густой и неприятный, веселость его груба, походка неловка, платье истерто, бѣлье запачкано: герой исчезъ, прекрасный идеаль уничтоженъ, душа скрылась, — осталась одна оболочка, одинъ трупъ, одинъ комедіантъ.

Бѣдная маркиза была убита. Она почувствовала въ себѣ сильное отвращеніе къ своему идеалу. Смущеніе ея было такъ велико, что она вышла изъ гостинницы, не заплативъ за глинтвейнъ, который еще дымился. Слуга вида, что аббатъ уходитъ не заплативъ, привелъ его довольно неучтиво назадъ: аббатъ заплатилъ за глинтвейнъ, но не выпилъ его; аббату казалось, что Делію смотритъ на него съ насмѣшкой и презрѣніемъ.

Между-тѣмъ эта страсть, такъ легко погашенная въ сердцѣ маркизы, какъ вы задуваете пламя пупша, также легко и снова загорѣлось. Нѣсколько дней она боялась ѣздить въ театръ; но потомъ опять поехала. Мужчина былъ ей гадокъ; но актера она попрежнему обожала. И въ этотъ разъ она была уже не въ платьѣ аббата, а во всеѣхъ блескѣхъ и величіи маркизы. Теперь уже она поразила комедіанта, — поразила своимъ взглядомъ, своей красотой, своей чувствительностію; слезы ея падали на Делію, — горячія, жгучія, — и падали изъ ложки маркизы на ягру Делію. Теперь уже Делію страдалъ въ свою очередь; Делію въ свою очередь за нею послѣдовалъ, — она въ каретѣ, онъ пышкомъ, — онъ въ толпѣ, она выше толпы, — онъ восхищался ею безмолвно, она играла важно и строго роль маркизы. И эта драма продолжалась другія пять лѣтъ. — Во Франціи, это нынче называютъ *естественностью* и *правдоподобіемъ*.

Надобно однакожь, чтобы эти двѣ страсти наконецъ встрѣтились, хотъ бѣ для того, чтобы въ первый разъ въ жизни поздороваться, и въ послѣдній проститься.

Въ концѣ этихъ пяти лѣтъ актеръ былъ побужденъ первый, — онъ первый просилъ помилованія. Онъ со слезами умолялъ маркизу. Маркиза согласилась помиловать: она прѣехала въ скромный домикъ, уступленный навремя актеру однимъ знатымъ господиномъ. На свиданіе явился не Леліо-мужчина, но Леліо-актеръ. Это онъ, точно онъ: онъ молодъ, прекрасенъ, знатенъ; онъ игралъ въ тотъ вечеръ Донъ - Жуана, и былъ въ костюмѣ Донъ-Жуана. Маркиза узнаетъ въ немъ того, кого видѣла она на театрѣ. А онъ, скромный, робкій, почтительный, молча ея восхищается. Онъ любитъ ее, не говоря ни слова. Онъ такъ счастливъ тѣмъ, что ее видитъ, что слышитъ ея голосъ!.... Ну, вотъ и все! У маркизы не нашлось ни одного поцѣлуя для своего великаго Сиды, для своего прекраснаго Донъ-Жуана; но она всего его изучала, начиная съ Английской фрезки, до бантовъ изъ красныхъ лентъ на плечахъ; отъ вишневой его мантии до тока, украшеннаго бѣлыми перьями, — потому что въ актерѣ маркиза Р*** видѣла только актера, а не мужчину, который не составлялъ для ней ничего важнаго. Я уже говорилъ вамъ, что, благодаря своему мужу и первому любовнику, маркиза гнушалась мужчинами не меньше самой Г-жи Дюдеванъ.

Вотъ повесть! Ужъ подлинно дамская повесть! Это-то повесть Г. Жаненъ называетъ самымъ изящнымъ произведеніемъ. Изъ нея сдѣлали комическую оперу. Г. Адамъ написалъ на это музыку легенькую, хорошенькую, безъ претензій, но съ нѣсколькими оригинальными идеями. Пьеса начинается двумя большими аріями, безъ которыхъ она очень могла бы обойтись. Романсъ, квартетъ, два дуэта, — вотъ и вся эта партія, написанная только для четырехъ актеровъ.

4. *La Nonne sanglante*, *Кровавая монахиня*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Гг. Анисѣ Буржуа и Мальяпа.

Это мелодрама, не болѣе того! Безпрерывные театральные эффекты, сцены безъ связи, безъ чувства, но изумительныя, разнообразныя, богатыя декораціи: Римскія катакомбы, балъ, развалины, спальня, пожаръ, великолѣпіе.

Гг. Буржуа и Мальянъ заимствовали одно только заглавіе изъ страннаго романа Льюиса (Lewis), которымъ онъ прославился и навлекъ на себя несчастія, и о которомъ лордъ Байронъ судить слишкомъ строго въ своихъ запискахъ. «Монаха» конечно нельзя назвать хорошимъ твореніемъ, если смотрѣть на одну только его нравственную сторону; но Байронъ напрасно говорить, будто онъ возмущается правилами ложными, противными общественному порядку, и своимъ ужаснымъ цинизмомъ. Чтеніе тѣхъ самыхъ записокъ, въ которыхъ лордъ Байронъ такъ строго судить о «Монахѣ», несравненно опаснѣе. Онъ могутъ внушить дурныя мысли молодому человѣку, потому что даже и не молодому человѣку онъ внушаютъ мысли печальныя.

Вотъ «Кровавая Монахиня», изобрѣтенная Гг. Буржуа и Мальяпомъ.

Въ первомъ дѣйствіи тѣма, глубокая тѣма, зги божьей не видно: вы въ Римскихъ катакомбахъ. Г. Вальдорфъ, подкупивъ проводника, осматриваетъ катакомбы съ дѣвницею Марією Руденсъ. Онъ привелъ ее туда для удовлетворенія не любопытства но мщенія. Вальдорфъ думаетъ, что Марія ему изменила, и хочетъ наказать ее ужаснѣйшею казнію. Проводникъ удаляется, оставивъ Марію факелъ, а Вальдорфу нитку, которая бы помогла ему выйти изъ этого лабиринта. Оставшись одинъ съ Марією, Вальдорфъ упрекаетъ ее въ невѣрности, показываетъ ей оба письма, которыя ее обвиняютъ, и Марія тщетно клянется, что она невинна. Вальдорфъ беретъ нитку, которая должна вывести его на свѣтъ, и предаетъ любовницу свою всему ужасу мрака. Факелъ потухаетъ; послѣднія вспышки его жгутъ руки несчастной Маріи; бѣдняжка роняетъ его, и остается въ совершенной темнотѣ. Она тщетно умоляетъ эхо своими криками; она гибнетъ съ голода и холода, какъ вдругъ является проводникъ, который надъ нею сжалился. Марія спасена.

Первое дѣйствіе кончилось, — съ тѣхъ поръ прошло четыре года, — ты въ какомъ-то бѣдномъ трактирѣ въ Германия: толпа цыганъ ѣсть, пѣть, поеть и хочеть повѣсить како-го-то бѣдняка, однако жъ не вѣшаетъ, потому что цыганка беретъ его въ мужья. Является Кальостро. Кальостро ищетъ тутъ Г. Вальдорфа, къ судьбѣ котораго онъ привязанъ какимъ-то неизвѣстнымъ чувствомъ. При одномъ пожарѣ въ Вэйгъ, онъ спасъ Вальдорфа отъ пламени; въ Лавфельдскомъ сраженіи онъ охранилъ Вальдорфа отъ непріятельскаго оружія. Онъ вездѣ за нимъ слѣдуетъ, наблюдаетъ за малѣйшими его поступками. Кальостро знаетъ, что Вальдорфъ влюбленъ въ Матильду, что онъ съ опасностью жизни хочеть увезти ее изъ монастыря Араускаго, гдѣ она на другой день должна принять покрывало, по волѣ безчеловѣчнаго отца своего. Кальостро, который очень друженъ съ начальницею этого монастыря, доставляетъ Вальдорфу средства проникнуть туда, даетъ ему маску, книжалъ и пароль, и Вальдорфъ отправляется въ монастырь Араусскій.

Но кто же начальница этого монастыря? Марія, которую мы видѣли въ катакомбахъ. Кто эта молоденькая дѣвушка, которая стоитъ передъ нею на колѣняхъ и умоляетъ не принимать завтра ея обѣга, потому что она любитъ Конрада Вальдорфа? Матильда. Вся страсть Маріи снова воспламеняется; она ни за что въ свѣтъ не выпуститъ соперницу свою изъ монастыря. Сѣрватая задняя стѣна исчезаетъ, и вы видите множество юныхъ дѣвушекъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, которыя сидятъ и пируютъ: онѣ встають и приглашаютъ Матильду принять участіе въ ихъ увеселеніяхъ.

Посреди пирующихъ является черная маска. Она идетъ прямо къ начальницѣ монастыря, которая высылаетъ всѣхъ своихъ монахинь. Вы догадываетесь, что этотъ замаскированный не кто другой какъ Вальдорфъ. Сначала онъ требуетъ, чтобы начальница возвратила ему его Матильду. Но они узнають другъ друга. «Хорошо! говоритъ Марія: я позову Матильду, она придетъ; ты увидишь ее, но я подавлю эту пружину; лѣстница исчезнетъ; Матильда упадетъ въ бездонную пропасть и навсегда для тебя погибнетъ.

Она и зоветъ Матильду. Матильда приходитъ, Марія хочетъ пожать пружину, но Вальдорфъ поражаетъ ее книжалою, и убѣгаетъ изъ среды устрешенныхъ монахинь.

Въ третьемъ дѣйствіи есть балъ. Вотъ какъ вы попадаете на этотъ балъ. Послѣ смерти начальницы, монастырь сгорѣлъ, и Матильда по неволѣ его оставила. Между-тѣмъ отецъ ея умеръ, и она можетъ свободно располагать рукою и сердцемъ, какъ говорилось въ старинныхъ романахъ. Сердце она давно уже отдала Вальдорфу, а теперь отдаетъ ему и руку. Брачная корзинка стоитъ на столѣ, и все готово къ церемоніи. Вальдорфъ былъ бы совершенно счастливъ, если бъ только совѣсть не мучила его за то, что онъ два раза умертвилъ одну и ту же женщину!

А эта женщина не умерла. Вальдорфъ прохаживается одинъ на сценѣ при звукахъ отдаленнаго оркестра, и вдругъ передъ нимъ является женщина въ черномъ домино, рассказываетъ ему всю жизнь его, укоряетъ во всѣхъ его преступленіяхъ; потомъ показываетъ ему окровавленную грудь, свою и убѣгаетъ. Вальдорфъ падаетъ въ кресла; онъ почти въ обморокъ, когда приходитъ его невѣста и когда надобно подписать свадебный договоръ. Вальдорфъ ободряется и беретъ перо; но въ зеркалѣ отражается привидѣніе, и Вальдорфъ снова падаетъ въ кресла. Стыдясь самъ себя, смѣшной роли, которую поневолѣ играетъ, слабости, въ которой никому не можетъ признаться, онъ видитъ одного молодого франта, который надъ нимъ смѣется: Вальдорфъ бросается къ нему, оскорбляетъ его, и назначаетъ ему свиданіе на другой день въ три часа утра, въ развалинахъ Араускаго монастыря. Кальостро, увидите, будетъ его секундантомъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи скалы, развалины, ночь настоящая, или нечто ей подобное, — съ луною, съ звездами, — какъ только театральное подражаніе можетъ представить это великолѣпное зрѣлище. Цыгане лежатъ въ этихъ развалинахъ, — потому во-первыхъ, что когда спишь на чистомъ воздухѣ, то за ночь нечего не платишь, — во-вторыхъ потому, что они поджидаютъ тутъ Вальдорфа, и хотятъ убить

его. Дѣло въ томъ, что Вальдорфъ сынъ полицейскаго, который неумолимо ихъ преслѣдовалъ.

Но Кальостро предупредилъ Вальдорфа, и Марія спасаетъ его, давъ большую сумму за его выкупъ. Вальдорфъ не дерется также и съ молодымъ человѣкомъ, который оскорбилъ его, потому что тотъ приходитъ на поединокъ, умирая уже отъ яда, подлитаго ему въ питье невидимую рукою: то была рука Кровавой Монахини. Вальдорфъ возвращается домой, чтобы жениться на своей Матильдѣ.

Но въ пятомъ дѣйствіи, онъ входитъ въ спальню, и тутъ опять встрѣчаетъ Кровавую Монахиню: разными случаями, чуть-чуть не фокусъ-покусами выходитъ, что Вальдорфъ убиваетъ Матильду. Потомъ Марія, заставивъ его сдѣлать это новое преступленіе, предлагаетъ ему бѣжать съ нею; но онъ хочетъ лучше умереть, и великолѣпный пожаръ пожираетъ и героевъ пьесы и самую пьесу.

5. *Fich-Tong-Kang*, *Фишъ-тонъ-канъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. Соважа и Деморье.

Надобно произносить—*Fiche ton camp*, а это значитъ по Французски: убирайся прочь! Въ этомъ забавномъ водевилѣ, который очень походитъ на пародію Китайскаго Сироты, множество двусмысленностей, остротъ, шутокъ; но ихъ разбирать не возможно.

6. *Le Bal aux avant-postes*, *Балъ на аванпостахъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

Унтеръ-офицеры, деревня, граница, бургомистръ, который даетъ балъ. Французскіе унтеръ-офицеры собираются на балъ къ бургомистру; пьютъ его вино, танцуютъ съ его дочерью. Вдругъ раздаются пушечные выстрѣлы, и всѣ бросаются къ оружію. Французы прямо съ бала бѣгутъ на сраженіе, и дерутся съ Прусаками. О чудо! Прусаки разбиты, Французы остаются побѣдителями, и водевилъ оканчивается!

7. *Les Gants jaunes* *Желтыя перчатки*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. Баяра.

Одинъ актеръ хотѣлъ создать роль танцора, и для него

написали этотъ водевилъ съ ролею танцора. Этотъ танцоръ Г. Анатолю. Онъ дебютировалъ на оперномъ театрѣ, но публика приняла его плохо: она не-глядя смотрѣла на его скачки, хладнокровно видѣла его самыя граціозныя положенія. И бѣдный Анатолю съ горя сдѣлался танцевальщикомъ, развѣзаетъ по домамъ, учить маленькихъ дѣвочекъ прыгать подъ ладъ своей скрипки. Однажды Анатолю отправляется давать уроки, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ его комнату молодая женщина, запыхавшаяся, блѣдная, испуганная, съ растрепанными волосами. Эта бѣдняжка, преследуемая мужемъ своимъ, Г-мъ Реми, прячется въ спальню Г. Анатоля. Г. Реми, отставной драгунской капитанъ, нашелъ на софѣ у жены своей пару желтыхъ перчатокъ, и онъ непременно хочетъ знать, чьи это перчатки. Вотъ отчего взбѣшенный Г. Реми такъ нецеремонно посѣщаетъ сосѣда своего, Г. Анатоля. Анатолю, трепеща отъ страха, привѣриваетъ желтыя перчатки. Къ счастью, рука у него слишкомъ широка. Между-тѣмъ Анатолю очень не спокоенъ. Старый капитанъ шутить не любитъ, жена его очень мила, Анатолю трусить, Анатолю влюбленъ: онъ переходитъ отъ страха къ надеждѣ, отъ надежды къ страху, и избавляется отъ бѣды прыжками. Пьеса только для того и написана, чтобы Парижскій актеръ Арналь могъ потанцовать.

8. *Etre aimé ou mourir! Любовь или смерть!* Водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. Скриба.

Надобно не знать Г. Скриба, чтобы допустить, что въ его водевилѣ кто-нибудь умретъ, застрѣлится, повѣсится, утонетъ, удушится въ угарѣ или отравитъ себя ядомъ, изъ любви. Самые крайніе порывы отчаянія его любовниковъ ведутъ только къ тому, что любовникъ исполнитъ и будетъ румянее прежняго.

Совишня встрѣчаетъ Клотильду на теплыхъ водахъ, въ Баньерв. Совишня влюбленъ въ Клотильду до безпамятства: онъ бросится въ рѣку, если она не станетъ любить его. — Вы не любите меня, сударыня? — Нѣтъ! — Такъ моя участь рѣшена! Смерть! смерть! Прощайте! — Онъ пропалъ: только на берегу рѣки нашли его шляпу. Добрая Клотильда плачетъ о своей жестокости; она терзаетъ себя

упреками, она жалветъ объ немъ отъ всей души, она безпрестанно видитъ блѣдную тѣнь несчастнаго любовника, которая преслѣдуетъ ее днемъ и ночью.

Возвѣщаясь въ Парижъ, она вдругъ встрѣчается съ Совиньи, который живъ и здоровъ, потолстѣлъ, получилъ прекрасный румянецъ въ лицѣ, и даже нажилъ себѣ порядочное брюхо. Онъ опять приходитъ къ Матильдѣ. — Вы меня не любите, сударыня?—Нѣтъ!—Такъ моя участь же рѣшена! Смерть! Я тотчасъ убью себя, вотъ при вашихъ же глазахъ.— Отчаянный любовникъ приходитъ въ неистовство, хочетъ умертвить себя ножомъ, ножичкомъ, ножницами, хочетъ броситься въ окно, испытываетъ на себѣ разные образы самоубійства, и не подвергается смерти ни отъ одного изъ нихъ. Наконецъ онъ кричитъ, что застрѣлится. Матильда такъ мало пугается его отчаянія и рѣшимости, что сама даетъ ему ключикъ къ ящику, въ которомъ спрятаны пистолеты. Это ляднокровіе совершенно разстраиваетъ его поддѣльное отчаяніе: онъ стоитъ въ остоленіи, — ворочаетъ пистолеты, смотритъ въ дуло, пробуетъ замки, и нѣсколько не думаетъ заряжать смертоносное оружіе. Сцена эта превосходна. Водевиль исполненъ ума и веселости.

9. *Фаринелли*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Сень-Жоржа, Форжа и Лёвена.

Карлъ Броски, прозванный Фаринелли, бродитъ по улицамъ Мадрита, поетъ Италіянскія аріи и играетъ на гитарѣ. Однажды случилось ему запѣть подъ окнами короля Фердинанда VI. Его схватили, и хотѣли отвести въ тюрьму, но король, пораженный прелестію его голоса, велѣлъ привести его къ себѣ. Король хочетъ пропѣть съ нимъ дуо изъ «Осады Гренады». Скоро Фаринелли дѣлается его любимцемъ, другомъ, совѣтникомъ, министромъ, примиряетъ его съ королевою, и за этотъ подвигъ получаетъ богатства и всѣ Испанскіе ордена. Водевиль не дуракъ; въ немъ много остроты, но сочинители забыли, что Фаринелли былъ евнухъ и не способенъ къ роли, которую они заставляютъ его играть въ Испанской Исторіи. *

10. Richelieu, ou la Journée des Dupes, *Ришелье*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Г. Н. Лемерсіе.

Наполеонъ запретилъ представленіе этой комедіи въ 1804 году: никто не понималъ причины столь самовластнаго поступка съ остроумнымъ авторомъ «Пословиць», которыя читаются съ такимъ удовольствіемъ. Теперь Г. Лемерсіе далъ разыграть свою комедію на театрѣ, и всѣ отгадали, почему она запрещена была Наполеономъ. Потому, что очень плоха.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. При совершенномъ упадкѣ литературныхъ журналовъ въ томъ краѣ, — потому что три главнѣйшіе, *Revue de Paris*, *Revue de deux mondes* и *France littéraire*, простыя повременныя собранія статей, безъ всякаго плана, а не журналы; при совершенномъ отсутствіи періодической критики, — потому что даже Г. Граніе-де-Кассаньякъ пересталъ писать свои разборы, что впрочемъ можно было предвидѣть по рѣзкости его сужденій, — нѣтъ ни какой возможности сказать что-нибудь достовернаго о ходѣ Французской Словесности. Во Франціи теперь одинъ только родъ критики, въ которой упражняются всѣ перья: это критика драматическая. Прочія произведенія Словесности едва удостоиваются простыхъ пріятельскихъ рекомендацій въ нѣсколькихъ строкахъ, или случайнаго разбора въ какой-нибудь газетѣ спустя полгода и годъ послѣ ихъ появленія. Той же участи подвержены Путешествія, Исторія, Философія и Политическая Экономія. Это жалкое состояніе литературной журналистики состоитъ въ тѣсной связи и съ равнодушіемъ нынѣшней Французской публики къ журналамъ, съ раздѣломъ пишущаго сословія на множество партій, и съ недостаткомъ талантовъ, способныхъ предпринять и выполнить что-нибудь важнаго, обширнаго, систематическаго. Безъ заграничнаго любопытства, Французскіе литературные журналы не свели бь расхода съ приходомъ: мы, иностранцы, нашу забавною страстью ко всемъ Парижскимъ вздорамъ, мы одни поддерживаемъ эти ничтожныя изданія, съ жадностью перечитывая то, чего Французы не хотятъ читать. Наши Французолобцы, — тѣ, которые не могутъ постичь ничего удивительнаго Французскаго жур-

нала,—часто упоминаютъ о тысячахъ, чуть-ли не о милліонахъ подписчиковъ на *Revue de Paris* и *Revue de deux mondes*, и сравниваютъ блестящія успѣхи этихъ изданій съ тихимъ и скромнымъ бытомъ нашихъ Русскихъ журналовъ: мы можемъ доложить имъ съ достовѣрностью, что эти тысячи подписчиковъ существуютъ только въ ихъ воображеніи, и что многіе изъ нашихъ новременныхъ изданій гораздо счастливѣе Парижскихъ въ этомъ отношеніи. Напримѣръ «Библиотека для Чтенія», которая считаетъ ровно столько же подписчиковъ сколько и знаменитый Англійскій журналъ *Quarterly Review*, имѣетъ ихъ вдвое болѣе противъ *Revue de Paris* и *Revue de deux mondes*. Мы знаемъ навѣрное отъ одного изъ первыхъ Парижскихъ книгопродавцевъ, что *Revue de deux mondes* съ величайшимъ трудомъ уплачиваетъ своей подпискою издержки годоваго изданія, и что *Revue de Paris* постоянно каждый годъ въ убытокъ, съ начала своего существованія и донынѣ, — чѣмъ и объясняются безпрестанныя продажи этого журнала съ молотка и внутреннее ничтожество обоихъ. Оба они поддерживаются одними повѣстями, которыя въ Англійи составляютъ область второстепенныхъ журналовъ, называемыхъ «Магазинами». Теперь принялись они, по примѣру «Магизиновъ», печатать цѣлые романы: такъ *Revue de Paris* недавно тиснулъ въ нѣсколькихъ статьяхъ Балъзакова «Старика Горіо», который уже вышелъ и особо, въ двухъ частяхъ; такъ послѣдняя книжка *Revue de deux mondes* заключаетъ въ себѣ первую часть новаго романа Г-жи Дюдеванъ (Георгія Занда), «Андрей», который объявленъ былъ къ выходу въ видѣ отдельной книги. Мы читали эту первую часть: она совершенно благопристойна, и, какъ вся произведенія этой писательницы, которой мы признаемъ гораздо болѣе таланта нежели кому-либо изъ современныхъ Французскихъ романистовъ, представляетъ много прелестныхъ страницъ; но по-сю-пору интересъ повѣсти очень слабъ: мы замѣтили нѣсколько длиннотъ.

— Г. Бартеlemi перевелъ Эпиду стихами. Герцогиня Абраптеъ издала два тома «Современныхъ исторій». Г. Фредерикъ Суліе написалъ новый романъ, подъ заглавіемъ «Графъ Тулузскій». Такъ какъ изъ Французскихъ журналовъ нельзя ничего узнать ни объ ихъ содержаніи, ни до-

стоинствѣ, и какъ эти сочиненія известны намъ только по названіямъ, то мы должны отослать читателей къ списку новыхъ Французскихъ книгъ, гдѣ они найдутъ и заглавія другихъ новыхъ романовъ.

— О драмѣ графа Альфреда-де-Виньи, «Чаттертонъ», мы уже говорили подробно въ статьѣ «Французскій театр въ Парижѣ»: здѣсь прибавимъ только, что несмотря на свои недостатки и ложныя стороны, она заключаетъ въ себѣ много частныхъ красотъ, и сверхъ-того знаменуетъ эпоху въ новѣйшей Французской драматургіи: она можетъ сдѣлаться назидательнымъ примѣромъ. Въ ней нѣтъ ни разбосѣ, ни кроватей, ни кровосмѣшеній. Она совершенно выходитъ, и своимъ содержаніемъ и тономъ, изъ области этой Литературы семи смертныхъ грѣховъ, которую собственно зовутъ юной, или, пожалуй, *новой*: мы не станемъ спорить объ имени.

— Нельзя не упомянуть объ одномъ важномъ обстоятельстве: Парижская публика бросилась вся на Англійскую Словесность: всѣ читаютъ или учатся по-Англійски; книги на этомъ языкѣ должны непременно находиться на столѣ умной и образованной хозяйки, и страсть къ нимъ доходитъ до того, что Французскіе книгопродавцы начали уже сами издавать Англійскихъ классиковъ и перепечатывать Лондонскіе романы.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы послѣдній разъ говорили объ этой Словесности, Г. Генри Чорли написалъ «Очерки приморскаго города», *Sketches of a sea-port town*. Заглавіе это служитъ рамою для очень милыхъ романтическихъ повѣстей, которыя авторъ прививаетъ къ своимъ очеркамъ, и которыя всегда имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ приморскому городу. Но занимательность ихъ зависитъ наиболее отъ производимаго ими убѣжденія, что это не чистый вымыселъ, а дѣйствительность, на которую вы смотрите въ стекла, слегка отъѣненные цвѣтами воображенія. Авторъ часто говоритъ въ первомъ лицѣ, однако жъ никогда не становится между зрителемъ и сценою, и рѣдко останавливаетъ читателя собственными прозаическими разсужденіями, а предоставляетъ говорить и дѣйствовать своимъ актерамъ. Лучшія и продолжительнѣйшія повѣсти «Миссіонеръ и актриса» и «Купецъ по случаю.»

— Миссъ Пардо (Pardoe), известная сочинительница «Португальскихъ очерковъ и преданій», издала вдругъ двѣ повѣсти, *The Mardens*, и *the Daventrys*. Первая взята изъ новейшей жизни, но занимательность ея основывается болѣе на сильной страсти и испытаніяхъ, нежели на изображеніи тѣхъ вѣчныхъ отъысковъ, которые составляютъ сумму будишнаго существованія. *The Daventrys* гораздо старѣе: содержаніе этой повѣсти относится къ живописнымъ днямъ крестовыхъ походовъ и къ тому времени, когда бѣдные жиды были предметомъ жестокихъ и несправедливыхъ гоненій. Здѣсь повѣствованіе миссъ Пардо впадаетъ можетъ-быть въ слишкомъ изученную древность; но во многихъ мѣстахъ разсказъ ея краснорѣчивъ, исполненъ поэзіи и чрезвычайно увлекателенъ. Основаніе то, что человекъ, побуждаемый давно скоплавшимся мщеніемъ ищетъ погубить благородное семейство, стараясь навлечь на него подозрѣніе въ ереси. Повѣсть оканчивается картиннами ужасными, но, къ несчастію, еще уступающими дѣйствительности: въ Йоркѣ осаждаютъ цѣлое поселеніе несчастныхъ жидовъ и сожигаютъ ихъ вмѣстѣ съ башнею, въ которой они искали спасенія. Миссъ Пардо прекрасно изобразила отца, который, чтобъ избавить дочь отъ мучительной смерти и поруганія, убиваетъ ее собственными руками.

— Недавно Англійскіе журналы съ прискорбіемъ извѣщали о кончинѣ Вашингтона Ирвинга, а теперь, не говоря ничего о томъ, живъ ли онъ или дѣйствительно умеръ, восхищаются новымъ его сочиненіемъ, которое вышло въ одно время въ Нью-Йоркѣ и въ Лондонѣ подъ заглавіемъ «Поездка въ низменныя степи», *A Tour on the prairies*. Это плодъ послѣдняго его путешествія, о которомъ упомянули въ статьѣ о немъ, помѣщенной въ отдѣленіи Иностранной Словесности. Въ слѣдующей книжкѣ Библиотеки постараемся мы ознакомить нашихъ читателей съ новымъ произведеніемъ знаменитаго Американца.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Германская Словесность представляетъ теперь ту же картину, какую представляла наша лѣтъ за десять, то есть, рядъ альманаховъ, поглощающихъ все, что хоть сколько-нибудь похоже на дорва-

ніе. Больше полутора вѣка протекло съ тѣхъ поръ, какъ предприимчивый издатель «Хромого Вѣстника», der Hin-kende Bote, вздумалъ придать разнообразіе своему календарю, съ показаніемъ дней святыхъ и предсказаніями о погодѣ, прибавленіемъ нѣсколькихъ анекдотовъ, правилъ для сохраненія здоровья и мудрыхъ изреченій всякаго рода, равно примѣнимыхъ къ медицинѣ, нравственности, разговору и поваренному искусству. Эта странная смѣсь была украшена или обезображена картинкою, выгравированной на деревѣ. Вскорѣ прибавленіе это распространилось и улучшилось: отъ времени до времени стали въ немъ являться шарады и загадки; анекдоты разставались въ повѣсти; правоученія въ разборы страсти; врачевныя правила превратились въ стихи, а козьяственное и пророчественное отдѣленіе становились все меньше и меньше, пока наконецъ совсѣмъ исчезли. Тутъ и деревяныя гравюры уступили мѣсто вырѣзаннымъ на мѣди, маленькія книжки начали щеголять въ шелку и въ золотѣ: словомъ, альманахи лучше писались, лучше печатались, лучше украшались, и вошли постепенно въ такую же милость у высшихъ сословій, въ какой были прежде у простаго народа, который долго считалъ ихъ необходимою принадлежностью праздника Рождества Христова. Наконецъ едва-ли была какая-нибудь знаменитость въ Германской литературѣ, начиная со страстнаго и мечтательнаго Шиллера до глубокомысленнаго Канта, съ безмятежнаго, пріятнаго, образованнаго Гёте до дикаго, фантастическаго Жанъ-Поля, которая бы не представляла иногда публикѣ своихъ произведеній въ этой общелюбимой формѣ, и раздѣленіе труда дошло здѣсь до такой степени, что есть особыя альманахи для дамъ, для мужчинъ, для философовъ, для антикваріевъ, для историковъ, для протестантовъ, для католиковъ, — и вѣроятно для жидовъ, для Турокъ, для исавръныхъ и для еретиковъ.

И такъ, желая говорить о Словесности въ Германіи, необходимо начать съ альманаховъ. Но переходя, отъ исторій, къ достоинству Нѣмецкихъ альманаховъ на 1835 годъ, мы, кажется, должны будемъ примѣнить къ нимъ слова печальнаго хора, который поютъ Итальянскіе земледѣльцы подъ стѣнами Рима — Roma, Roma, non è com'era prima! Нѣмецкіе аль-

манахи не то, что были прежде! Старое поколѣтіе все почти вымерло, и подросло новое, которое далеко отстаетъ отъ перваго. Сколько смертей даже на нашей нестарой памяти! Шульце, чья «Волшебная Роза» первая украсила «Урацію» на 1817 годъ, Максъ фонъ-Шейхендорфъ и Вильгельмъ фонъ-Шульцъ, — все погасли на зарѣ жизни, когда поэтическія дарованія ихъ начинали развиваться самымъ блестящимъ образомъ; Ветцель, чья «Орлеанскую Дѣву» можно читать съ удовольствіемъ, даже послѣ Шиллеровой; Фридрихъ Шлегель, котораго имя слишкомъ извѣстно всей Европѣ; Апель, чья повѣсть о Фрейшюцъ прославилась омерой Вебера; Фанъ-деръ-Вельде, чьи очерки Германской жизни среднихъ вѣковъ такъ истинны и остроумны, — все они перестали украшать альманахи своимъ воображеніемъ или ученостью, своимъ умъемъ трогать или ужасать. Кюндунъ Гофманъ кончалъ въ болѣзни и страданіи разсвѣтную, даже распутную жизнь, украшенную проблесками истиннаго генія и чувства; непостоянный и вѣчно-забавный, хоть и пошлый Коцебу палъ подъ измѣнническимъ кинжаломъ Занда; Германская Сафо, Луиза Брахманъ, жертва обманутаго чувства въ зрѣломъ сорока-лѣтнемъ возрастѣ, нашла смерть въ волнахъ Саалы; Клейстъ, одинъ изъ тѣхъ даровитыхъ мечтателей, которые, подобно его «Князю Гомбергскому», бродятъ по свѣту въ снобѣтніи, сократилъ путь свой самоубійствомъ; бѣдный жидъ, Даниэль Лессманъ, одинъ изъ лучшихъ позднѣйшихъ альманашиковъ, повѣсилъ себя вмѣсто ары на ивѣ; одаренный способностями, тщеславный и раздражительный Адольфусъ Мюльнеръ также не существуетъ; Августъ Лафонтенъ заключилъ длинный списокъ трудовъ своихъ, составляющихъ цѣлую бібліотеку, и наконецъ послѣдній и величайшій изъ всѣхъ, могучій Гёте, сошелъ въ могилу, обремененный годами и почестями.

Вотъ упразднившіяся мѣста, которыя не скоро будутъ заняты. Уландъ, хоть можетъ-быть и первый изъ преемниковъ Александра, однако наследуетъ только часть той обширной державы, которою Гёте владѣлъ нераздѣльно: только простотою и чувствомъ своей лирики сблизается онъ съ великимъ предшественникомъ. Въ Шефферовыхъ перера-

ботанных подражаниях Жанъ-Полю слышится одинъ слабый отголосокъ густыхъ звуковъ подлинника; Блумстагенъ жалкая замѣна Фанъ-дёръ-Вельде и даже Фейтъ-Вебера; у Апеля и Гоффмана, въ сверхестественномъ родѣ, вовсе нѣтъ преемниковъ, и самъ Тикъ, который продолжаетъ еще снабжать «Уранию» и «Вѣнокъ Повѣстей», Novelletten-Kranz, вдается часто въ такіе фантастическіе опыты надъ терпѣніемъ публики, что со всѣмъ уваженіемъ къ его великому таланту нельзя не видѣть въ нихъ скучнаго ребячества.

Повѣсть его, «Старая книга», Das alte Buch, которою начинается «Уранія» нынѣшняго года, принадлежитъ къ числу тѣхъ фантазмагорій, въ которыхъ мѣшается онъ волшебныя грезы съ сатирическою выставкою недостатковъ нынѣшняго вкуса. Первая часть повѣсти написана въ настоящемъ Тиковомъ духѣ: исполненная обыкновенной его задумчивой мечтательности и романтизма, она блуждаетъ среди чудесъ очарованнаго края съ Оберономъ и Титаніей, между-тѣмъ какъ послѣдняя—чистая діатриба на испорченность нынѣшнихъ временъ и особенно на литературную школу во Франціи. Такое разногласіе въ частяхъ приводитъ každого читателя въ недоумѣніе и возбуждаетъ непріятное чувство обманутой надежды. Это превратное употребленіе его дара еще виднѣе въ «Вѣнкѣ Повѣстей», который весь занятъ «Пугаломъ», разсказомъ въ пяти дѣйствіяхъ, самую странную и непонятную сатирую, какую могъ написать человекъ гениальный. Даже Пантагрюзово странствіе въ Фонарную Землю имѣетъ цѣль и значеніе въ сравненіи съ подвигами кожанаго человека, прежняго пугала и героя этой пьесы. Остальныя повѣсти въ «Урании» хороши. «Приключенія на дорогѣ чрезъ Абруцци», автора Сципіона Чикалы, отличаются такою свѣжестью и силою, что вѣрно списаны съ природы. Хотя разсказъ долженъ терять отъ того, что это только отрывокъ, однако живость описаній увлечаетъ читателя до конца съ возрастающей силою. «Алхимикъ», барона Штейнберга, довольно любимого въ Германіи писателя повѣстей, рѣзкій очеркъ бѣдственной жизни адепта, но, къ несчастію, онъ напоминаетъ Сенъ-Леона, и сравненіе не совсѣмъ выгодно для Г. Штейнберга.

«Незабудокъ», Vergis mein-uicht, такая пропасть, что итъ ни какой возможности ихъ упомянуть. Одна издана на нынѣшній годъ самымъ неутомимымъ *повѣстникомъ* своего времени, Шпиндлеромъ. Когда онъ умретъ, должно сгоронить его въ собраніи собственныхъ произведеній и написать на гробъ—*Si quaeris monumentum circum spice!* «Если ищешь памятника, осмотри!» Дарованіе Шпиндлера, хоть на него и большой расходъ, далеко отъ первостепеннаго: кромѣ изобретенія и быстроты въ разсказъ, у него итъ ни одного качества, необходимаго великому художнику. Въ его обильныхъ и разнородныхъ матеріалахъ итъ ни вкуса, ни чувства, ни расположенія; сочиненія его отличаются непростительнымъ равнодушіемъ картинъ къ безнравственности и омерзительности, которыя онъ часто выставляетъ. Что подумать о разборчивости и нравственномъ чувствѣ чловѣка, который въ наше время пускается описывать болванъ во вкусъ Фракусторіуса, и, чтобъ убить одну изъ героинь своихъ, прибѣгаетъ къ помощи *schirbus uleri*? Въ «Незабудкѣ» итъ ничего подобнаго, но зато итъ и той драматической суматохи, съ которою встрѣчаемся иногда въ его «Незаконнорожденномъ», въ «Жидѣ», въ «Иезуитѣ» и въ «Инвалидѣ». Здѣсь помѣщены «Разказы въ приливъ и отливъ», рядъ короткихъ Бретанскихъ преданій, разсказываемыхъ около рыболоваго огня близъ укрѣпленнаго острова Сенъ-Мишеля. Мрачныя впечатлѣнія этого мѣста, съ его туманами, бурями и песками, переданы такъ искусно и поэтически, какъ мы не ожидали бы отъ Шпиндлера.

Альманахи «Веста» и «Припопненіе жепщиянамъ», *Huldigung der Frauen*, издаются въ Вѣпѣ, и что касается до красивой наружности, то первый отличается ею почти пере съ всеми Нѣмецкими альманахами, хотя далеко отстаеъ отъ изящности и великолѣпія Англійскихъ, которые первоначально были только подражаніе выходящимъ въ Германіи. Главнымъ украшеніемъ «Весты» въ нынѣшнемъ году является рядъ элегическихъ и лирическихъ стихотвореній Грильпарцера, автора «Сафы» и перваго изъ всѣхъ живыхъ драматистовъ Германіи. За ними слѣдуетъ длинная, запутанная и ужасно незанимательная повѣсть — «Бабушка», сочиненіе Видлибанда Алексиса, котораго настоящее имя—

Геррингъ. Мы ожидали отъ него чего-нибудь получше, припоминая, какъ онъ искусно надулъ Германскую публику, выпустивъ своего «Валладмора» на Лейпцигской ярмонкѣ за ожидаемое тогда, новое произведеніе Вальтеръ-Скотта. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать ничего хорошаго и о прочихъ статьяхъ въ этомъ альманахѣ.

«Приношеніе женщинамъ» никогда не занимало почетнаго мѣста среди своихъ товарищей ни по наружности, ни по внутреннему достоинству, хотя въ прошломъ году была въ немъ превосходная повѣсть Крузе *Der Geisterbanner*, «Изгонятель духовъ». Этотъ альманахъ слишкомъ щедръ на поэзію, и нынѣшній годъ повѣсти его скучнѣе обыкновеннаго.

«Пенелопа» ступеню выше. Картинки, представляющія сцены Итальянской жизни по рисункамъ Линдау, хороши, особенно «Любовь и ревность», гдѣ изображенъ несчастный съ пожемъ въ рукѣ и съ такимъ взоромъ, въ которомъ сосредоточены всѣ адскія страсти. Литературное его содержаніе составляютъ повѣсти — «Аврелій Геро», и «Разведенные», да еще «Генуэзскій виртуозъ». Первая, сочиненіе Вильгельма фонъ-Лудемана, просто пошлость; вторая, Леопольда Шеффера, странна, дика, но не безъ чувства и увлекательности. Многіе изъ нашихъ читателей припомнятъ Гёгевъ знаменитый романъ, «Родства по выбору», *Die Wahlverwandschaften*, гдѣ баронъ, соскучивъ женою, соединяется съ племянницей ея, Оттиліею, а оставленная баронесса улаживаетъ дѣло съ капитаномъ, его пріятелемъ. Здѣсь такая же домашняя драма: мужъ разводится съ женою, чтобъ жениться на сестрѣ ея, и потомъ возвращается — à ses premières amours. «Генуэзскій виртуозъ» не кто иной какъ денежникъ Паганини, котораго Нѣмцы нарядили въ платье сентименталиста, и заставили играть первую скрипку въ оперѣ, исполненной любви и душегубства.

«Корнелія» нынѣшній годъ въ крайней бѣдности. Литературная часть ея еще хуже картинокъ, которыя очень дурно перетиснуты съ Англійскихъ.

«Карманная книжка любви и дружбы», *Taschenbuch der Liebe und Freundschaft*, отличается нынѣшній годъ двумя

хорошими повѣстями «Противузаконная тайна» и «Волшебный ключъ», объ Лейпцигскаго профессора Л. Крузе, чловѣка съ необыкновеннымъ искусствомъ и изобрѣтательностью. Въ умѣньи составить запутанную и таинственную завязку, изложить рассказъ, основанный на скрытомъ, постепенно обличающемся преступленіи, или изобразить вліяніе невѣдомой судьбы, или наконецъ возбудить суетвѣрное любопытство помощію сверхъестественнаго, — Крузе не имѣетъ теперь равнаго себѣ въ Германіи. Матеріалы его часто стары, но онъ употребляетъ ихъ съ такимъ искусствомъ и новостью, связь происшествій запутывается у него такъ постепенно, естественно и повидимому неразрѣшимо, а потомъ распутывается такъ ловко и правдоподобно, что нѣкоторыя повѣсти его изъ Criminal-Geschichten могутъ служить образцами въ этомъ родѣ. Такъ какъ цѣль Библіотеки для Чтенія знакомить Русскихъ читателей съ тѣмъ, что происходитъ нынѣ въ Европейскомъ литературномъ мѣрѣ и съ трудами современныхъ талантовъ, и какъ мы еще не давали ни одной Нѣмецкой повѣсти, хотя дали уже одну повѣсть Г. Бальзака вопреки собственному вкусу и только потому, что нельзя жѣ забыть о существованіи Г. Бальзака, то въ слѣдующей книжкѣ помѣстимъ мы «Волшебный ключъ», Г. Крузе, сочиненіе весьма занимательное и по которому можно будетъ составить себѣ понятіе объ его дарованіи, а теперь обратимся къ другимъ, не-альманачнымъ, явленіямъ Германской литературы.

— Недавно вышли въ свѣтъ «Мелкія сочиненія (Aufsätze) изъ бумагъ покойника,» которыхъ не должно смѣшивать съ извѣстными сочиненіями князя Пюклеръ-Мускау. Кстати! мы забыли извѣстить, что князь Пюклеръ-Мускау издалъ еще три части своихъ Tutti frutti, — и забыли потому, что не нашли въ нихъ ничего годнаго для нашихъ читателей: по духу и изложенію эти три части совершенно соответствуютъ двумъ предшествующимъ. Въ третьемъ томѣ помѣщено продолженіе «Записокъ безпокойнаго» и начало повѣсти—«Восемь весеннихъ и лѣтнихъ дней изъ жизни Мишлнга»; въ четвертомъ продолженіе этой повѣсти, а пятый весь занятъ политикой и записками безпокойнаго, которыя начинаютъ надѣдать самымъ усерднымъ читателямъ. Что касается до по-

ввести, то это третий и самый блѣдный оттискъ Гётовой Миньоны, — первый, какъ известно, сдѣланъ былъ Вальтеръ-Скоттомъ и названъ имъ Фенеллою, а второй Г. Викторомъ Гюгд, который нарекъ его Эсмемальдою. Возвращаясь къ «Мелкимъ сочиненіямъ изъ бумагъ покойника», мы должны прибавить, что они изда ны Баденскимъ государственнымъ министромъ, барономъ фонъ-Гаке, и показываютъ въ авторѣ человека, знающаго жизнь съ различныхъ ея сторонъ и шикавшаго въ действительныя побужденія людей въ современномъ обществѣ. Книга его богата глубокими и толстыми замѣчаніями, хотя и не совсѣмъ свободна отъ пошлостей и риторическихъ замашекъ.

— Стихотворецъ Фридрихъ Рюкеръ, давно уже помѣщавшій въ альманахахъ свои лирическія сочиненія, издалъ ихъ отдѣльнымъ собраніемъ. Рюкеръ по справедливости можетъ стать подлѣ Уланда: глубина и ясность мысли, высокое нравственное достоинство, начитанность, нѣжное чувство и неистощимая роскошь воображенія даютъ ему на это полное право.

— Другое, полное изданіе стихотвореній издано Юстиномъ Кернеромъ. Лучшую часть этого собранія составляютъ также лирическія сочиненія, въ которыхъ замѣтна однако жъ слишкомъ мрачная меланхолія. Другая часть, подлѣ названіемъ «Стихотвореній въ прозѣ,» содержитъ извѣстный разсказъ Reiseschatten, написанный авторомъ, — весьма удачно, — въ защиту поэзіи, и полусказочную повѣсть Die Heimathlosen, «Безродные».

— Въ числѣ стихотворныхъ знаменитостей Германія нельзя не упомянуть о Николаѣ Ленау, который напечаталъ второе, умноженное изданіе своихъ сочиненій, — явное доказательство, что они раскупаются, хотя Г. Ленау поэтъ не перваго разряда.

— Въ концѣ прошлаго года вышелъ четвертый томъ «Демокрита, или бумагъ, оставшихся по смерти смѣшливаго философа». Многіе изъ нашихъ читателей вѣроятно помнятъ, какого шуму надѣлало въ журналахъ появленіе первыхъ частей этого сочиненія, въ которомъ философское глубокомыслие, сатирическая ѣдкость и неподдѣльный юморъ идутъ

согласно объ-руку. Въ четвертомъ томѣ авторъ, подтверждая примѣрами, очень остроумно доказываетъ предметную самостоятельность смѣшного, и перебираетъ все страсти по-одиначкѣ. Множество анекдотовъ, исторій и характеристическихъ чертъ, придаетъ этой части его сочиненія ту же увлекательность, какою отличаются первыя.

—Болѣе серіозный, но менѣе занимательный и конечно менѣе полезный, философическій опытъ сдѣланъ докторомъ Фишеромъ, который хочетъ привести діалектическую Философію Гегеля къ Шеллинговой идеѣ все-тождественности. Для этого написалъ онъ «Основанія Метафизики,» гдѣ находимъ опять блаженной памяти Космологію и въ ней, разумѣется, ученіе о началѣ міра, и такъ далѣе.

—Въ числѣ новѣйшихъ ученыхъ произведеній, мы должны упомянуть о новомъ сочиненіи извѣстнаго астронома Литтрова, директора императорской обсерваторіи въ Вѣнѣ, подъ заглавіемъ «Чудеса неба, или общепонятное изложеніе системы міра». Мы будемъ и впередъ давать статьи о Словесности въ Германіи, потому что многіе изъ нашихъ читателей жаловались, что мы забываемъ Нѣмецкую Литературу. О новыхъ романахъ — въ будущемъ мѣсяцѣ.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

PHILOSOPHIE des révélations, adressée à M. le professeur Lerminier, par *A. Chaho*. 1 vol.

PHILOSOPHIE du budget, par M. *Edelestand du Ménil*. 1 vol.

HISTOIRE de Napoléon, par *J. Ch. Bailleul*. 1 vol.

ARCHIVES CURIEUSES de l'histoire de France, de Louis XI à Louis XVIII, collection des pièces rares, publiée d'après les textes de la Bibliothèque Royale, par MM. *Cimber* et *Danjou*. 3 séries, chacune de 12 vol.

MÉMOIRES et correspondance inédits du général Dumouriez, publiés sur les manuscrits authentiques. 2 vol.

MÉMOIRES AUTHENTIQUES d'une sage-femme, par *Mme Alexandrine Jullemier*, sage-femme à la faculté de Paris. 2 vol.

VOYAGE dans le pays Basque et au Bains de Biaritz, par *Prosper Delagarde*. 4 vol.

COLLECTION DE VOYAGES MODERNES dans les cinq parties du monde, donnant l'histoire de tout les peuples, leurs mœurs, coutumes, industrie, etc., ainsi que les productions du sol qu'ils habitent. 20 vol., 80 à 100 portraits. Par souscription.

VOYAGE PITTORESQUE dans les deux Amériques, publié sous la direction de M. Alcide d'Orbigny, résumé général de tous les voyages, exécutés dans la Nouveau-Monde, par les rédacteurs du *Voyage Pittoresque autour du monde*. 1 vol.

ESSAI SUR L'HISTOIRE NATURELLE de la Normandie, par *C. G. Chesne*. 1 vol.

FLORE FRANÇAISE, par *A. Mutcl*. 1 vol.

TRAITÉ DE GÉOLOGIE, exposé des connaissances actuelles sur la constitution physique et minérale du globe terrestre, par *A. Burat*. 5 vol.

THÉORIE ANALYTIQUE du système du monde, par *Gustave de Pontécoulant*. Tome III.

EDUCATION MATERNELLE, simples leçons d'une mère à ses enfans, par *Mme Amable Tastu*. 2 vol.

LA MAGDELEINE, poème évangélique. 2 vol.

LES AMOURS DES PLANTES, poème, accompagné de nombreuses notes sur la botanique et sur la physiologie végétale. 4 vol.

CHATTERTON, drame, par le comte *Alfred de Vigny*. 1 vol.

LE LIBÉRÉ, tableau dramatique, par M. de la *Ville de Mirmont*. 4 vol.

THÉÂTRE EUROPÉEN. Nouvelle collection des chef-d'œuvres des théâtres allemand, anglais, danois, espagnol, français, hollandais, italien, polonais, portugais, russe et suédois, avec des notices et notes biographiques, par MM. le baron de *Barante*, *Charles*, *Cohen*, *Defauconpret*, *Gozlan*, *Guizot*, *Janin*, *Lebrun*, *Loève-Weimars*, *Saint Marc-Girardin*, *Marmier*, *Mérimée*, *Merville*, prince *Mestschersky*, *Nisard*, *Nodier*, *Pichot*, comte de *Rémusat*, comte de *St.-Aulaire*, comte de *Saint-Priest*, *Villemain*, la duchesse *d'Abrantès*, etc. etc., Collection composée de plus de deux cents pièces traduites.

LE LIVRE des cent-et-un, tomes XIV et XV et dernier.

HISTOIRES CONTEMPORAINES, par la duchesse *d'Abrantès*. 2 vol.

BRIGHTON, souvenirs d'un voyage en Angleterre, par M. le comte *Delagarde*. 1 vol.

LUCIEN SPALMA, roman, par M. *Jules A. David*. 2 vol.

LE COMTE DE TOULOUSE, roman, par *Frédéric Soulié*. 2 vol.

ANSELME, roman, par *Philippe Buzoni*. 2 vol.

LES CRÉOLES, ou la vie aux Antilles, roman, par *Levilloux*. 2 vol.

LA GRANDE-PRÉRIURE DE MALTE, roman, par M. de la Madelaine. 2 vol.

UN HOMME SANS CŒUR, roman, par M. Hypolyte Bonnelier, auteur du Maréchal de Raiz. 2 vol.

Англійскія.

ROLLS AND RECORDS of the court, held before the King's Justiciars or Justices, from the sixth year of Richard I., edited by Sir Francis Palgrave. 2 vol.

SCOTTISH BIOGRAPHICAL DICTIONARY. By Robert Chambers. 2 vol.

THE HISTORY of Gujarat, translated, from the Persian of Ali Mohammed Khan, by J. Bird. 1 vol, Oriental Committee.

ANNALS of the Emperors of Japan, translated under the superintendence of M. J. Titsingh. A new edition revised and corrected by M. J. Klaproth. 1 vol.

TOPOGRAPHY of Thebes, and general view of Egypt. By J. G. Wilkinson 1 vol.

A TOUR THROUGH NORTH AMERICA. By Patric Skirreff, farmer. 1 vol.

A GLIMPSE as the monumental architecture and sculpture of Great-Britain from the earliest period. By Matthew Holbecke Bloxam. 1 vol.

HISTORY of the cotton manufacture in Great Britain. By E. Baines. 1 vol.

A TREATISE on mechanics applied to the arts. Ay the rev. H. Mosely. 1 vol.

SELECT SPECIMENS of the theatre of the Hindus. Bx Horace Hayman Wilson. 2 vol.

A TOUR on the prairies. By the author of the Sketch-book. (Washington Irving.) 1 vol.

SKETCHES of a Sea-porttown. By Henry F. Chorley. 3 vol.

SCENES and stories. By a clergyman in debt. 3 vol.

THE MARDENS and Daventrys, a novel. By Miss Pardoe. 3 vol.

THE DOWN EASTERS, a novel. By J. Neal. 2 vol.

Нѣмецкія.

DIE WISSENSCHAFT DER METAPHYSIK in Grundriss, v. Dr. C. Ph. Fischer. Stuttgart.

PHILOSOPHIE DER GESCHICHTE, oder über die Tradition. 2 Bd. Münster.

DYMOCRITOS, oder hinterlassene Papiere eines lachenden Philosophen.

Vom Vf. der Briefe eines in Deutschland reisenden Deutschen. 5 Bd.

Stuttgart.

T. IX. — Огд. VII.

12 1/4

VOYAGE dans le pays Basque et au Bains de Biaritz, par *Prosper Delagarde*. 1 vol.

COLLECTION DE VOYAGES MODERNES dans les cinq parties du monde, donnant l'histoire de tout les peuples, leurs mœurs, coutumes, industrie, etc., ainsi que les productions du sol qu'ils habitent. 20 vol., 80 à 100 portraits. Par souscription.

VOYAGE PITTORESQUE dans les deux Amériques, publié sous la direction de M. Alcide d'Orbigny, résumé général de tous les voyages, exécutés dans la Nouveau-Monde, par les rédacteurs du Voyage Pittoresque autour du monde. 1 vol.

ESSAI SUR L'HISTOIRE NATURELLE de la Normandie, par *C.G. Chesnon*. 1 vol.

FLORE FRANÇAISE, par *A. Mutel*. 1 vol.

TRAITÉ DE GÉOGNOSIE, exposé des connaissances actuelles sur la constitution physique et minérale du globe terrestre, par *A. Bural*. 3 vol.

THÉORIE ANALYTIQUE du système du monde, par *Gustave de Pontécoulant*. Tome III.

EDUCATION MATERNELLE, simples leçons d'une mère à ses enfans, par *Mme Amable Tastu*. 2 vol.

LA MAGDELEINE, poème évangélique. 2 vol.

LES AMOURS DES PLANTES, poème, accompagné de nombreuses notes sur la botanique et sur la physiologie végétale. 1 vol.

CHATTERTON, drame, par le comte *Alfred de Vigny*. 1 vol.

LE LIBÉRÉ, tableau dramatique, par *M. de la Ville de Mirmont*. 1 vol.

THÉÂTRE EUROPÉEN. Nouvelle collection des chef-d'œuvres des théâtres allemand, anglais, danois, espagnol, français, hollandais, italien, polonais, portugais, russe et suédois, avec des notices et notes biographiques, par MM. le baron de *Barante*, *Charles, Cohen, Desfaunpret, Gozlan, Guizot, Janin, Lebrun, Loève-Weimars, Saint Marc-Girardin, Marmier, Mérimée, Méville, prince Mestschersky, Nisard, Nodier, Pichot, comte de Rémusat, comte de St.-Aulaire, comte de Saint-Priest, Villemain*, la duchesse d'*Abrantès*, etc. etc., Collection composée de plus de deux cents pièces traduites.

LE LIVRE des cent-et-un, tomes XIV et XV et dernier.

HISTOIRES CONTEMPORAINES, par la duchesse d'*Abrantès*. 2 vol.

BRIGHTON, souvenirs d'un voyage en Angleterre, par *M. le comte Delagarde*. 1 vol.

LUCIEN SPALMA, roman, par *M. Jules A. David*. 2 vol.

LE COMTE DE TOULOUSE, roman, par *Frédéric Soulié*. 2 vol.

ANSELME, roman, par *Philippe Buzoni*. 2 vol.

LES CRÉOLES, ou la vie aux Antilles, roman, par *Levilloux*. 2 vol.

LA GRANDE-PRÉRIURE DE MALTE, roman, par M. de la Madelaine. 2 vol.

UN HOMME SANS CŒUR, roman, par M. Hippolyte Bonnalier, auteur du Maréchal de Raiz. 2 vol.

Англійскія.

ROLLS AND RECORDS of the court, held before the King's Justiciars or Justices, from the sixth year of Richard I., edited by Sir Francis Palgrave. 2 vol. •

SCOTTISH BIOGRAPHICAL DICTIONARY. By Robert Chambers. 2 vol.

THE HISTORY of Gujarat, translated, from the Persian of Ali Mohammed Khan, by J. Bird. 1 vol, Oriental Committee.

ANNALS of the Emperors of Japan, translated under the superintendence of M. J. Titsingh. A new edition revised and corrected by M. J. Klaproth. 1 vol.

TOPOGRAPHY of Thebes, and general view of Egypt. By J. G. Wilkinson 1 vol.

A TOUR THROUGH NORTH AMERICA. By Patric Shirreff, farmer. 1 vol.

A GLIMPSE at the monumental architecture and sculpture of Great-Britain from the earliest period. By Matthew Holbeche Bloxam. 1 vol.

HISTORY of the cotton manufacture in Great Britain. By E. Baines. 1 vol.

A TREATISE on mechanics applied to the arts. By the rev. H. Mosely. 1 vol.

SELECT SPECIMENS of the theatre of the Hindus. By Horace Hayman Wilson. 2 vol.

A TOUR on the prairies. By the author of the Sketch-book. (Washington Irving.) 1 vol.

SKETCHES of a Sea-porttown. By Henry F. Chorley. 3 vol.

SCENES and stories. By a clergyman in debt. 3 vol.

THE MARDENS and Daventrys, a novel. By Miss Pardoe. 3 vol.

THE DOWN EASTERS, a novel. By J. Neal. 2 vol.

Нѣмецкія.

DIE WISSENSCHAFT DER METAPHYSIK in Grundrissen, v. Dr. C. Ph. Fischer. Stuttgart.

PHILOSOPHIE DER GESCHICHTE, oder über die Tradition. 2 Bd. Münster.

DYMOCRITOS, oder hinterlassene Papiere eines lachenden Philosophen.

Vom Vf. der Briefe eines in Deutschland reisenden Deutschen. 5 Bd. Stuttgart.

T. IX. — ОУД. VII.

12 1/4

- ÜBER SCHWÄRMEREI, historisch-philosophische Betrachtungen, von *J. H. v. Wessenberg*. Heilbronn.
- FICHTE'S nachgelassene Werke. Wissenschaftslehre und das System der Rechtslehre. Herausgegeben vom *J. H. Fichte*. 2 Bd. Bonn.
- RELIGIONSPHILOSOPHIE in ihrer Uebereinstimmung mit Vernunft, Geschichte und Offenbarung, von *A. L. Ehlert*. Leipzig.
- DIE PHILOSOPHISCHE UNSTERBLICHKEITSLAHRE, von *Andr. Neubig*. Nürnberg.
- DIE LEHRE VOM SCHÖNEN, oder Aesthetik, theor. und pract. erläuterte v. *H. v. Keyserlingk*. Leipzig.
- LEBEN UND WERK des dänischen Bildhauer's Bertel Thorwaldsen, von *J. M. Thiele*. 2 Bd., 80 Kupf. Leipzig.
- DIE BERÜHMTESTEN STAATSMÄNNER und Diplomaten unserer Zeit. Politische Characterskizzen, von Dr. *A. Diesmann*. 2 Bd. Leipzig.
- DER DREIZEHENTE MÄRZ, oder die wichtigsten Thatsachen der Revolution von 1809, von Oberst *Gustafson*. St. Gallen.
- GESCHICHTE des alten Griechenlands, von *Glo. Plass*. 3 Bd. Leipzig.
- GESCHICHTE der letzten funfzig Jahre. Von *C. E. Ludwig*. 4 Bd. Altona.
- HERZOG GEORG von Braunschweig und Lüneburg. Beiträge zur Geschichte des dreissigjährigen Kriegs, von Graf *von der Decken*. 4 Bd. Hannover.
- REISESCENEN von America, von Dr. *Adrian*. Frankfurt a. M.
- UNGLÜCKLICHE Seereisen in ihren furchtbarsten Gestalt, von Dr. *Cailbout*. 2 Bd. Stuttgart.
- DER KANTON ZÜRICH, hist., geogr. und statisch dargestellt, von *Gerold Meyer* von *Knonau*. St. Gallen.
- GESCHICHTE der militairischen Ereignisse in Belgien, in 1830 — 1832, von H. Freih. *von Reizenstein*. 2 Bd. Berlin.
- ARTILLERISCHES Taschenbuch, von *W. Meinecke*. Magdeburg.
- GRUNDZÜGE der Militair-Chemie, von Dr. *M. Meyer*. Berlin.
- DIE WUNDER des Himmels, oder gemeinschaftliche Darstellung des Weltsystems, von *J. J. Littrow*. 3 Bd. Stuttgart.
- DARSTELLUNG der populären Astronomie, von *M. A. Stern*. Berlin.
- GEOMETRIE für Gewerbschulen, von *F. F. Goebel*. Karlsruhe.
- HÄBRÄISCHE ANTHOLOGIE, mit Commentar und Lexidion, v. *M. Hölemann*. Leipzig.
- RABBINISCHE ANTHOLOGIE, aus den Quellen entnommen, v. *R. J. Fürstenthal*. Breslau.
- JURISTISCHE Abhandlungen, vorzüglich den Zustand deutscher Gesetzgebung und Rechtspflege betreffend, von *H. J. Siegen*. Göttingen.
- BIBLIOTHEK gewählter Strafrechtsfälle, herausgegeben von *Ropp*. 2 Bd. Darmstadt.

- CORPUS JURIS CANONICI**, von mehr. Gelehrten übersetzt und herausgeg.
von Dr. *Alexandre Lang*. Erster Bd. Nürnberg.
- DEUTSCHE STAATS- UND RECHTSGESCHICHTE**, compendiarisch dargestellt,
von Dr. *Heinr. Zaepfl*. Heidelberg.
- DIE ENTWENDUNG** nach Quellen des gemeinen Rechts, von Dr. *C. F. Dollman*. Kempten.
- SYSTEMATISCHE Darstellung** aller bis jetzt bekannten homöopathischen
Arzneien in ihren reinen Wirkungen auf den gesunden menschlichen
Körper, von Dr. *E. F. Rückert*. 2 Bd. Leipzig.
- KURZE (!) ÜBERSICHT** der Wirkungen homöopathischer Arzneien auf den
menschl. Körper, mit Hinweisung auf deren Anwendung, von Dr. *E. F. Rückert*. Leipzig.
- COMMENTARIO MEDICA de remediis nonnullis, homoepath. dictis, quæ in
sano corpore symptomatibus quibusdam morborum similes sunt.** Auct.
G. Harnisch. Gotingæ.
- EIN AUF HOMÖOPATISCHE Heilversuche begründetes Urtheil** über Ho-
möopathie, für Aerzte und Nichtärzte, von Dr. *I. Lilienhain*. Glogau.
- DER WEG ZUM GRABE DER HOMÖOPATHIE**, kritisch beleuchtet und allen
Freunden der Wahrheit gewidmet, von einem practischen Arzte.
Dresden.
- DIE CHOLERA** mit dem besten Erfolg bekämpft durch die homöopathi-
sche Curart. Nach Auszügen aus den Schriften von Habnemann,
Schmidt, Siegel, Foster, Quin, Schubert, Roth, dargestellt von einem
Freunde des öffentl. Wohls. Bremen.
- LEHRE** von der gesammten Zahnoperation, nach den besten Quellen
darg. v. *C. J. Linderer*. Berlin.
- AUSZÜGE** aus den Protocollen der Gesellschaft für Natur- u. Heilkunde.
1833 Jahr. Dresden.
- DIE KRANKHEITSFAMILIE PYRA.** Schleimhaut Exantheme, beschrieben von
Dr. *Eisemann*. 2 Bd. Erlangen.
- ANWEISUNG** zum heilsamen Wassergebrauch für Menschen und Vieh,
von den drei Stiftern des hydropathischen Vereins, *Oertel, Kolb* und
Birchmayer. Nürnberg.
- HEIL- UND VERHALTUNGSREGELN** bei jenen Krankheiten, die sich Jünglinge
und Männer durch geheime Vergehungen und Auszweiflungen in
der Liebe zugezogen haben, von Dr. *A. F. Fischer*. Leipzig.
- HEIL- UND VERHALTUNGSREGELN** bei jenen Krankheiten, welche Mädchen
und Frauen in der physischen Liebe zu befallen pflegen, von Dr. *A. F. Fischer*. Leipzig.
-
- MERICARTO.** Bruchstück eines bisher unbekanntes deutschen Gedichts aus
dem XI Jahrhundert. Herausgegeben von *Hoffmann von Fallersleben*.
Prag.

- GESAMMELTE Gedichte, von *Friedr. Rückert*. Erlangen.
 C. SPINDLER'S sämtliche Werke, 30 und 31 Band. Stuttgart.
 DRAMATURGISCHE Berichte, von *Friedrich Ludwig Schmidt*. Hamburg.
 AUFSÄTZE aus den Papieren eines Verstorbenen, herausgeg. von *Carl*
Freih. von Hacks. Stuttgart.
 HISTORISCHE Erzählungen, von *Charlotte v. Glümer*, geb. Spahr. 1
 Gerhard von Avennes. 2. Liebensteins Quelle. Aarau.
 DER GELECHTETE bei Morgarten und Conrad von Felseck. Zwei Erzäh-
 lungen, von *Fidelio*. Eisenberg.
 DICHTER und ihr Geselle, Nouvelle, von *J. Freih. von Eichendorff*.
 Berlin.
 TUTTI FRUTTI. Aus den Papieren eines Verstorbenen. 3—5 Bd. Stuttgart.
 FRAUENGRÖSSE, oder Blödsinnige, von *Bohemus*. (G. Opiz). 2 Bd.
 Stuttgart.

М О Д Ы.

Парижъ. Мартъ.

Въ модахъ, какъ и въ литературѣ, ровно ничего нѣтъ новаго. Вся Парижскіе щеголихи хорошаго тона стали очень небожны, съ половины великаго поста, и одѣваются пенна-че какъ въ черное платье. Даже въ театрѣ являются онѣ въ черныхъ вырѣзныхъ платьяхъ. Только женщины, съ которыхъ неслѣдуетъ брать примѣра-вкуса, наражались это время пестро и пернато.

Какъ великой постъ еще кончился и Лоншанское гулянье еще не наступало, то и нѣтъ никакихъ весеннихъ модъ. Только теперъ начали развѣшивать въ окнахъ магазинововъ матеріи для весеннихъ платьевъ, но вкусъ еще не рѣшилъ, которыя изъ нихъ будутъ господствующія.

Модные журналы чрезвычайно сухи и бѣдны. Разсмотрѣвъ множество картинокъ, мы нашли только два платья, заслуживающія вниманія. Приложенная картинка изображаетъ оба эти костюма, которые въ самомъ дѣлѣ прелестны и свѣжи какъ самая весна.

=

FEB 11 1941

